Брянцевъ

ИСТОРІЯ
ЛИТОВСКАГО
ГОСУДАРСТВА

ИСТОРІЯ ЛИТОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

с

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

сочиненіе

П. Дм. Брянцева.



ВИЛЬНА.
Типографія А. Г. Сыркина, Большая улица, собств. домъ, № 88.

1889.

Дозволено цензурою. Рига. 26-го іюля 1888 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.



Состоя сряду нѣсколько лѣтъ преподавателемъ исторіи въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Сѣверо-западнаго края, авторъ этой книги не разъ видѣлъ, съ какимъ вниманіемъ ученики слушаютъ объясненія тѣхъ отдѣловъ русской исторіи, гдѣ касается Литвы и ея отношеній къ Польшѣ и Россіи. Особенной же напряженности, замѣчалъ онъ, вниманіе учениковъ достигало тогда, когда авторъ излагалъ введеніе уніи въ западно-русскихъ областяхъ, а также преслѣдованія православныхъ и казацкія возстанія на защиту православія и русской народности. А по окончаніи уроковъ тысячи разъ приходилось ему выслушивать отъ воспитанниковъ одну и ту же просьбу: „будьте такъ добры порекомендуйте намъ какое-нибудь сочиненіе, въ которомъ бы подробно и систематически излагались событія, относящіяся къ исторіи Литовскаго государства"; другими словами: они просили автора указать имъ полную и подробную исторію Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ [1]). Но авторъ, къ глубокому сожалѣнію, не могъ этого сдѣлать по той простой причинѣ, что подобной исторіи на русскомъ языкѣ не существуетъ [2]). Правда, ав-

---

[1]) Къ этому еще нужно прибавить, что не только ученики, но нерѣдко даже взрослые, люди солидные, служащіе, обращались къ составителю сей книги съ тою же самою просьбою.

[2]) На польскомъ языкѣ, собственно говоря, тоже нѣтъ подобной исторіи. Правда, на этомъ языкѣ есть три сочиненія, относящихся къ сему предмету, именно: Нарбута „Исторія литовскаго народа", девять томовъ. Вильна. 1835—1841 г.; Ярошевича—„Очеркъ Литвы", три

торъ указывалъ имъ на сочиненія: М. О. Кояловича, В. Г. Васильевскаго, В. Б. Антоновича, И. Д. Бѣляева, Д. Иловайскаго, Боричевскаго, Дашкевича, Смирнова, Киркора, Кукольника, Костомарова, Чистовича, преосвященнаго Макарія, Петрова, Малышевскаго и на другія, въ которыхъ болѣе или менѣе подробно излагаются тѣ или другія событія, относящіяся къ исторіи Литовскаго государства [1]).

тома. Вильна. 1844—1845 г.; Крашевскаго „Литва", 2 т. 1847—1850 г.; но эти сочиненія хороши были въ свое время, лѣтъ сорокъ тому назадъ, а теперь сильно устарѣли, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время очень много открыто и издано новыхъ источниковъ, вслѣдствіе чего взглядъ на большую часть событій, относящихся къ исторіи Литовскаго государства, расширился, а на нѣкоторыя изъ нихъ и совершенно измѣнился.

Изъ отдѣльныхъ же монографій, относящихся къ исторіи Литовскаго государства и написанныхъ на польскомъ языкѣ, много есть хорошихъ, и какъ на самыя лучшія изъ нихъ укажемъ на монографіи Стадницкаго. Монографіи этого ученаго отличаются безпристрастностью, правдивостью и обстоятельнымъ знакомствомъ съ русскими источниками. Вотъ эти монографіи: „Сыновья Гедимина". Львовъ. 1867 г.; „Братья Владислава-Ягеллы". Львовъ. 1870 г.; „Ольгердъ и Кейстутъ". Львовъ. 1881 г. и др.

Примѣчаніе. Года два или три тому назадъ вышла въ Львовѣ небольшая книжка „Исторія Литвы", которая написана какою-то Констанціею Скирмунтъ. Но книжка эта отличается въ высшей степени тенденціознымъ характеромъ; такъ, напримѣръ, Скирмунтъ пишетъ, что Полоцкъ, Витебскъ и другіе города искони принадлежали Литвѣ (а слѣдовательно, впослѣдствіи, и Польшѣ) и только силою отняты русскими. Польская газета „Край", говоря объ этой книжкѣ въ 38 номерѣ за 1886 г., должна была сознаться, что Скирмунтъ многіе факты изложила неправильно, но при этомъ скромно прибавила, что авторша, вѣроятно, не имѣла подъ руками русскихъ лѣтописей. А между тѣмъ, какъ намъ извѣстно, книжка эта въ одной Вильнѣ разошлась въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ; даже русскіе покупали ее.

[1]) Сочиненія вышеозначенныхъ авторовъ, рекомендованныя составителемъ этой книги, слѣдующія: „Лекціи по западно-русской исторіи".

Но въ то же время составитель сей книги въ душѣ сознавалъ, что ученики не могутъ всѣми ими воспользоваться, потому что большая часть сочиненій вышеозначенныхъ авторовъ составляютъ библіографическую рѣдкость, вслѣдствіе малаго числа экземпляровъ, выпущенныхъ въ свѣтъ; а также онъ сознавалъ, что если бы воспитанники какимъ-нибудь образомъ и пріобрѣли рекомендованныя имъ сочиненія по исторіи Литовскаго государства, то и тогда они не могли бы вполнѣ удовлетвориться ими, потому что сочиненія эти касаются только отдѣльныхъ событій литовской исторіи, а не составляютъ полной системы ея, какъ того, видимо, ученики желаютъ; притомъ сочиненія вышеозначенныхъ авторовъ имѣли цѣль ученую, а не популярное изложеніе событій.

Въ виду всего этого, авторъ сей книги рѣшился самъ написать исторію Литовскаго государства; тѣмъ болѣе онъ считалъ это возможнымъ для себя, что предметъ этотъ достаточно ему знакомъ, такъ какъ онъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ слушалъ въ Кіевскомъ университетѣ лекціи, спеціально по сему предмету излагаемыя глубокимъ знатокомъ исторіи Литовскаго государства и уважаемымъ всѣми студентами проф. Вл. Б. Антоновичемъ.

1884 г. М. О. Кояловича; „Исторія города Вильны", Васильевскаго (см. Памятн. русск. старины въ западныхъ губ. Батюшкова за 1871 г.); „Очеркъ исторіи вел. Литовскаго княжества до смерти Ольгерда". 1878 г. В. Б. Антоновича; „Очеркъ Сѣверо-западнаго края". 1868 г. И. Д. Бѣляева; „Исторія Россіи", ч. II. 1880 г. и ч. III. 1884 г. Д. Иловайскаго; „Православіе и русская народность въ Литвѣ". 1851 г. Боричевскаго; „Замѣтки по исторіи Литовско-русскаго государства". 1885 г. Дашкевича; „Ягайло—Яковъ—Владиславъ". 1868 г. Смирнова; „Витовтъ", Киркора (см. Черты изъ жизни и исторіи литовскаго народа. 1854 г.); „Очеркъ исторіи Литвы". 1864 г. Кукольника; „Богданъ Хмельницкій". 1867 г. Костомарова; „Исторія западно-русской церкви". 1884 г. Чистовича; „Исторія церкви", т. V, IX, X. Преосвященнаго Макарія; „Орденъ базиліанъ" Петрова, „Люблинская унія", Малышевскаго (см. Памятн. русск. старины въ западныхъ губерніяхъ Батюшкова за 1885 г.).

Авторъ занимался этимъ сочиненіемъ семь лѣтъ. Онъ пересмотрѣлъ множество источниковъ и пособій какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на иностранныхъ; выбралъ изъ нихъ только самыя главныя и существенныя событія и соединилъ ихъ въ одну общую картину исторіи Литовскаго государства. При этомъ авторъ не цитировалъ въ своей исторіи всѣхъ источниковъ и пособій, которыми онъ пользовался, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, потому что писалъ не диссертацію на ученую степень, а просто популярную книгу для всѣхъ интересующихся исторіею бывшаго Литовскаго государства, громадное большинство жителей котораго состояло изъ православно-русскаго населенія.

Въ заключеніе авторъ сей книги не лишнимъ находимъ сказать, что въ его трудѣ читатели, пожалуй, встрѣтятъ недостатки, напримѣръ, что въ его сочиненіи мало обращено вниманія на внутреннюю сторону Литовскаго государства; или что нѣкоторые отдѣлы во внѣшнемъ отношеніи не вполнѣ обработаны; или, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ матеріалъ расположенъ не такъ, какъ слѣдовало бы, и т. д. Но эти недостатки, и подобные имъ, произошли не отъ невниманія и недосмотра автора, а отъ причины, отъ него не зависящей: послѣдніе два года авторъ сей исторіи часто болѣлъ.

Но если Богъ пошлетъ здоровье автору, то въ непродолжительномъ времени онъ надѣется напечатать „Очеркъ Литвы“ для народа и сельскихъ школъ Сѣверо-западнаго края въ болѣе популярномъ изложеніи, чѣмъ эта книга, а также нѣсколько отдѣльныхъ брошюръ, относящихся къ Литвѣ и юго-западной Россіи. Въ популярныхъ книжкахъ, относящихся къ исторіи Литвы и юго-западной Россіи, ощущается большая потребность въ Сѣверо-западномъ краѣ, въ чемъ авторъ глубоко убѣдился, наблюдая за населеніемъ сего края и прислушиваясь къ его разговорамъ.

П. Дм. Брянцевъ.

1888 года, 1-го іюля,
г. Смоленскъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . III—VI.

Введеніе. . . . . 1—7.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

Легендарный.

Географическое распредѣленіе литовскихъ племенъ. Происхожденіе литовцевъ. Древнія извѣстія о литовцахъ у иностранныхъ писателей . . . . 7—18.

Религія древнихъ литовцевъ. Философско-религіозное воззрѣніе древнихъ литовцевъ на міръ вообще и человѣка въ частности. Миѳологія древнихъ литовцевъ. Литовскіе боги и богини. Культъ животныхъ. Ромове. Литовскіе жрецы и жрицы . . . . 18—28.

Религіозные обряды древнихъ литовцевъ. Жертвоприношеніе. Присяга. Погребальные и свадебные обряды . . . . 28—35.

Миѳическія преданія древнихъ литовцевъ. Миѳъ о солнцѣ. Миѳъ о потопѣ. Миѳъ о богинѣ Лаймѣ. Миѳъ о богинѣ Курминѣ. Миѳъ о богинѣ морской Юратѣ. Миѳъ о болотной царицѣ. Легенда о молодомъ человѣкѣ и Лаймѣ . . . . 35—39.

Легендарные герои древнихъ литовцевъ. Витолъ. Алцисъ. Гелонъ. Ишментасъ. Медзіойма. Брутень и Вайдевутъ. Преданіе о Немонѣ. Преданіе о Полемонѣ. Преданіе о потомкахъ Полемона. Преданіе о происхожденіи самогитовъ. Легенда о плотникѣ . . . . 39—51.

Семейная и гражданская жизнь древнихъ литовцевъ. Наружность и характеръ древнихъ литовцевъ. Жилище. Пища. Гостепріимство. Одежда. Земледѣліе. Охота. Пчеловодство и скотоводство. Ремесла. Торговля. Празднества. Счисленіе времени. Языкъ и письмена древнихъ литовцевъ. Пѣсни. Города и управленіе. Законы. Военное дѣло . . . . 51—73.

Сношеніе древнихъ литовцевъ съ норманнами, русскими, поляками и нѣмцами. Сношеніе древнихъ литовцевъ съ норманнами. Сношеніе съ русскими. Сношеніе съ поляками. Сношеніе съ нѣмцами. Ливонскій орденъ. Тевтонскій орденъ . . . . 73—90.

Стран.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

Историческія времена.

Миндовгъ. Характеръ Миндовга. Его политика. Отношеніе Миндовга къ рыцарямъ. Крещеніе Миндовга. Отношенія къ галицко-волынскимъ князьямъ. Возвращеніе Миндовга къ язычеству и борьба его съ рыцарями. Смерть Миндовга. Смуты въ Литвѣ . . . . 90—99.

Преемники Миндовга: Тронятъ, Войшелкъ, Шварнъ Даніиловичъ и Тройденъ . . . . 99—102.

Вступленіе на престолъ Литовскаго княжества новой династіи изъ Жмуди. Лютауръ. Витень. Гедиминъ. Борьба Гедимина съ тевтоно-ливонскими рыцарями. Союзъ его съ рижскимъ архіепископомъ и магистратомъ г. Риги. Отношенія Гедимина къ русскимъ удѣльнымъ князьямъ. Историческое значеніе велико-русской или московской народности. Столкновеніе Гедимина съ Іоанномъ Калитою за Псковъ и Новгородъ. Новая борьба Гедимина съ рыцарями. Смерть Гедимина. Внутренняя дѣятельность Гедимина. Постройка крѣпостей. Постройка замковъ. Постройка городовъ. Отношеніе Гедимина къ христіанамъ вообще и къ православнымъ въ частности. 102—133.

Событія въ Литовскомъ государствѣ послѣ Гедимина, до вступленія на великокняжескій столъ Ольгерда. Раздѣлъ Литовскаго государства Гедиминомъ между сыновьями. Отношенія сыновей Гедимина между собою послѣ смерти отца. Борьба Монвида съ рыцарями Тевтоно-Ливонскаго ордена. Захватъ Ольгердомъ и Кейстутомъ Вильны . . . 133—137.

Ольгердъ, великій литовскій князь. Провозглашеніе Ольгерда великимъ литовскимъ княземъ. Договоръ съ братьями. Походъ въ Ливонію. Характеръ Ольгерда и политика этого князя. Дѣла псковскія. Дѣла новгородскія. Присоединеніе къ Литвѣ Чернигово-сѣверскихъ земель. Дѣла смоленскія. Присоединеніе къ Литвѣ Ольгердомъ Подолія и Кіева. Борьба Ольгерда и его братьевъ—Кейстута и Любарта—съ польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ за галицко-волынское наслѣдство. Борьба Ольгерда съ московскимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ. Тверское княжество. Борьба Ольгерда и Кейстута съ крестоносцами. Кейстутъ какъ главный борецъ и защитникъ западныхъ границъ Литовскаго государства при Ольгердѣ. Православіе Ольгерда. Постройка православныхъ церквей Ольгердомъ и его двумя женами—Маріею и Уліаніею. Распространеніе православія въ Вильнѣ. Первые православные мученики въ Вильнѣ. Католичество въ Вильнѣ. Католическіе мученики . . . . 137—179.

Ягайло. Борьба Ягайлы съ Кейстутомъ и Витовтомъ . . . . 179—187.

Краткій очеркъ исторіи Польши. Племена, вошедшія въ составъ Польскаго государства. Баснословныя времена

Стран.

Польши. Историческія времена Польши. Мечиславъ I. Болеславъ Храбрый. Мечиславъ II. Казиміръ I. Болеславъ II Отважный. Владиславъ Германъ. Болеславъ Кривоустый. Владиславъ II князь Краковскій. Болеславъ III Кудрявый. Мечиславъ III Старый. Казиміръ Справедливый. Лешко Бѣлый. Болеславъ Стыдливый. Лешко Черный. Владиславъ Локотокъ. Казиміръ Великій. Людовикъ Венгерскій. Ядвига . . . . 187—204.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

Соединеніе Литовскаго государства съ Польскимъ—въ 1386 г. Женитьба Ягайлы на Ядвигѣ и вступленіе его на польскій престолъ. Крещеніе Литвы въ католичество. Присоединеніе Галиціи къ Польшѣ. Борьба Ягайлы съ Андреемъ Полоцкимъ. . . . . 204—213.

Скиргайло, великій литовскій князь. Борьба Ягайлы съ Витовтомъ. . . . . 213—216.

Витовтъ, великій литовскій князь. Усмиреніе Витовтомъ литовскихъ удѣльныхъ князей и упроченіе имъ самодержавія. Присоединеніе Смоленска. Борьба Витовта съ нѣмецкими рыцарями. Борьба Тахтомыша съ Тамерланомъ. Бѣгство Тамерлана къ Витовту. Дружба его съ литовскимъ княземъ и тайный договоръ между ними. Переговоры о мирѣ Витовта съ рыцарями. Дневникъ Кибурта. Миръ Витовта съ рыцарями. Смерть Ядвиги. Признаніе новгородцами зависимости отъ Витовта. Битва на Ворсклѣ и ея слѣдствія для Витовта. Дѣла смоленскія. Дѣла новгородскія. Походы Витовта на Москву. Борьба Витовта съ рыцарями послѣ пораженія его на Ворсклѣ. Гринвальдская битва. Городельскій сеймъ. Крещеніе Жмуди. Отдѣленіе литовско-русской православной церкви отъ московской митрополіи и попытка ввести въ ней унію. Послѣднія дѣла Витовта. Война съ Псковомъ и Новгородомъ. Дѣла рязанскія. Попытка Витовта отдѣлить Литовское государство отъ Польши. Съѣздъ въ Луцкѣ. Смерть Витовта . . . . 216—261.

Свидригайло, великій литовскій князь. Нападеніе поляковъ на Подолію и Волынь. Борьба Свидригайлы съ поляками и ихъ сторонникомъ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ . 261—268.

Сигизмундъ Кейстутовичъ, великій литовскій князь. Борьба Сигизмунда съ Свидригайлою. Отношенія Сигизмунда къ литовско-русскимъ князьямъ и боярамъ. Смерть Сигизмунда . . . . 268—276.

Казиміръ Ягелловичъ, великій литовскій князь. Мятежъ въ Жмуди и Смоленскѣ . . . . 276—283.

Казиміръ Ягелловичъ, король польскій и великій князь литовскій. Споры литовцевъ съ поляками о политической уніи Литвы съ Польшею и о присоединеніи къ сей послѣдней Волыни и Подолія. Сеймы по поводу этихъ двухъ

Стран.

вопросовъ. Сеймъ въ Петроковѣ. Сеймъ въ Люблинѣ. Съѣздъ литовцевъ въ Новогрудкѣ. Кончина Свидригайлы. Сеймъ въ Серадзѣ. Сеймъ въ Парчевѣ и Петраковѣ. Волненія литовско-русскихъ вельможъ по поводу послѣдняго съѣзда поляковъ. Новые споры литовцевъ съ поляками за Волынь и Подоліе. Православныя братства. Уничтоженіе Кіевской области какъ удѣльнаго княжества. Новый заговоръ противъ Казимира. Отъѣздъ литовско-русскихъ бояръ въ Московское государство . 283—293.

Начало наступательныхъ движеній Москвы на Литву.

Отношеніе Казимира Ягелловича къ московскому князю Василію Темному. Вступленіе на московскій престолъ Іоанна Васильевича III и его отношеніе къ литовскому князю Казимиру Ягелловичу . . . . 293—300.

Александръ Казимировичъ, великій князь литовскій. Отношеніе московскаго князя къ Литвѣ. Женитьба Александра Казимировича на дочери Іоанна Васильевича III. Борьба Александра Казимировича съ Іоанномъ Васильевичемъ . . . . 300—308.

Александръ Казимировичъ, король польскій и великій князь литовскій. Положеніе Литовскаго государства въ послѣдніе два года жизни Александра Казимировича. Глинскій. Смерть короля . . . . 308—315.

Сигизмундъ I или Старый. Первая борьба Сигизмунда Стараго съ московскимъ княземъ. Возмущеніе Глинскаго. Вторая борьба Сигизмунда съ московскимъ княземъ. Взятіе русскими Смоленска. Положеніе православія и русской народности въ Литовскомъ государствѣ при Сигизмундѣ I. Статутъ Литовскій. Смерть Сигизмунда . 315—333.

Сигизмундъ II Августъ. Паденіе Ливонскаго ордена. Борьба Сигизмунда-Августа съ московскимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ . . . . 333—342.

Люблинская унія. Мѣры, предпринимаемыя поляками въ періодъ отъ 1386 г. до 1569 г. для подготовленія Литовскаго государства къ окончательному соединенію съ Польшею. Люблинскій сеймъ. Распространеніе реформаціонныхъ ученій въ Литовскомъ государствѣ. Ученія Лютера, Кальвина, Соціана и Гусса. Прибытіе іезуитовъ въ Литву . . . . 342—375.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

1572—1596 г.

Генрихъ Валуа, первый свободно-избранный правитель въ Польско-Литовскомъ государствѣ или такъ называемой Рѣчи Посполитой . . . . 375—380.

Стран.

Стефанъ Баторій. Избраніе его на престолъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ. Отношеніе Баторія къ іезуитамъ. Преобразованіе виленской іезуитской коллегіи въ академію. Характеръ воспитательной дѣятельности іезуитовъ. Борьба Баторія съ Іоанномъ Грознымъ. Положеніе православныхъ въ Рѣчи Посполитой при Стефанѣ Баторіи. Административное устройство, данное Баторіемъ малороссійскому казачеству. Происхожденіе казачества. Запорожье. Учрежденіе главнаго трибунала. Смерть Баторія . . . . 380—396.

Сигизмундъ III. Церковная унія въ Литовскомъ государствѣ. Причины, подготовившія унію. Ополяченіе литовско-русскаго дворянства. Безпорядки въ православной церкви Литовскаго государства. Западно-русскія православныя братства. Рѣшительныя дѣйствія іезуитовъ въ дѣлѣ уніи. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій и его академія. Составленіе акта на унію. Поѣздка Кирилла Терлецкаго и Ипатія Поцѣя въ Римъ съ этимъ актомъ. Дѣйствія Острожскаго. Прибытія Терлецкаго и Поцѣя въ Римъ. Брестскіе соборы: православный и уніатскій. Арестъ протосанкелла Никифора и судъ надъ нимъ. Полимическая литература . . . 396—428.

Преслѣдованіе православныхъ. Первые уніатскіе митрополиты и ихъ отношенія къ православнымъ. Базиліанскій орденъ и его цѣль. Переходъ православныхъ дворянъ въ католичество. Положеніе простого православнаго населенія, особенно крестьянскаго, въ областяхъ бывшаго Литовскаго государства послѣ введенія уніи. Полоцкій уніатскій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ. Возстаніе казаковъ на защиту православія и русской народности. Просвѣщеніе въ русскихъ областяхъ Литовскаго государства, какъ сила, выступившая на защиту православія. Петръ Могила. Отношеніе Сигизмунда III и поляковъ при немъ къ Московскому государству. . 428—470.

Владиславъ IV. Казацкія возстанія . . . . 470—477.

Богданъ Хмельницкій. Смерть Владислава IV. Отношенія его Московскому государству. Борьба поляковъ съ Хмельницкимъ послѣ смерти Владислава IV предъ избраніемъ Яна-Казимира . . . . 477—486.

Янъ-Казимиръ. Борьба Яна-Казимира съ Хмельницкимъ. Борьба за Малороссію. . . . . 486—497.

Михаилъ Вишневецкій. Избраніе его и его царствованіе . . . 497—500.

Янъ Собѣсскій. Положеніе православныхъ въ Рѣчи Посполитой при Янѣ Собѣсскомъ. Шумлянскій. Буйство польской шляхты при Янѣ Собѣсскомъ и управленіи православною церковью Шумлянскимъ. Послѣднія дѣйствія Шумлянскаго. Ссора между литовскимъ гетманомъ Казимиромъ Сапѣгою и виленскимъ епископомъ Бржестовскимъ . . . . 500—519.

Августъ II. Борьба между знатными литовскими фамиліями: Сапѣгами, Огинскими и Вишневецкими. Союзъ Авгу-

Стран.

ста II съ русскимъ царемъ Петромъ I и датскимъ королемъ Христіаномъ V противъ шведскаго короля Карла XII. Продолженіе борьбы Сапѣги съ Огинскимъ и новыми друзьями сего послѣдняго Вишневецкими. Измѣна Сапѣги своему отечеству. Вторженіе Карла XII въ предѣлы Рѣчи Посполитой и борьба его съ Августомъ II. Положеніе православныхъ въ Рѣчи Посполитой при Августѣ II. Замостскій соборъ. Послѣдніе годы царствованія Августа II. Генеральная конфедерація 1732 г. и ея постановленія. Смерть Августа II. Общій взглядъ на состояніе Рѣчи Посполитой послѣ его смерти. . . 519—544.

Августъ III. Положеніе православныхъ въ Рѣчи Посполитой при Августѣ III. Георгій Кониссkій. Положеніе уніатовъ въ Рѣчи Посполитой въ половинѣ XVIII в. Преслѣдованіе уніатовъ. . . . . 544—554.

Станиславъ Понятовскій. Вопросъ о диссидентахъ. Преслѣдованіе православныхъ въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Малороссіи. Конфедерація въ Барѣ. Преслѣдованіе русскими войсками конфедератовъ. Первый раздѣлъ Польши. Положеніе областей, отошедшихъ къ Россіи по первому раздѣлу. Состояніе Польши послѣ перваго раздѣла. Второй и третій раздѣлы Польши . . . . 554—585.

ПЯТЫЙ ПЕРІОДЪ.

Событія, случившіяся въ областяхъ бывшаго Литовскаго государства со времени подчиненія ихъ власти русскихъ Императоровъ.

Павелъ I. Отношенія его къ полякамъ и іезуитамъ . . . . 585—586.

Александръ I. Адамъ Чарторыйскій и Ѳаддѣй Чацкій. Ихъ дѣятельность. Борьба поляковъ съ русскими въ союзѣ ихъ съ Наполеономъ I. Бѣгство ихъ изъ Россіи. Занятіе русскими войсками Варшавскаго герцогства. Тайныя общества въ Царствѣ Польскомъ. Тайныя общества въ Литвѣ. Общество Шубравцевъ. Общество Филоматовъ. Общество Лучезарныхъ. Общество Филаретовъ. Участіе профессоровъ Виленскаго университета въ тайныхъ обществахъ. Раскрытіе тайныхъ обществъ и судъ надъ ихъ членами. . . . . 586—611.

Николай I. Возстаніе поляковъ. Борьба съ русскими . . . . 611—621.

Іосифъ Сѣмашко. Возсоединеніе уніатовъ . . . . 621—632.

Александръ II. Польскій мятежъ. . . . . 632—637.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Усмиреніе польскаго мятежа. 637—660.

ИСТОРІЯ ЛИТОВСКАГО ГОСУДАРСТВА СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Подъ именемъ Литовскаго государства нужно разумѣть совокупность всѣхъ тѣхъ областей, которыя входили въ составъ владѣній послѣдняго великаго литовскаго князя Витовта [1]) и заключали въ себѣ слѣдующія нынѣшнія губерніи Россійской имперіи: Витебскую, Псковскую, Ковенскую, Гродненскую, Виленскую, Минскую, Смоленскую, Могилевскую, Черниговскую, Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Херсонскую и части губерній: Сувалкской, Тверской, Калужской, Орловской, Тульской, Екатеринославской, Курской и Полтавской.

Первоначальное ядро Литовскаго государства образовалось въ XIII ст. Явилось оно на русской территоріи, именно: въ такъ называемой въ древности „Черная Русь", гдѣ теперь находятся города Гродненской и Минской губерній: Новогрудокъ [2]), Слонимъ и Волковыскъ. А затѣмъ уже оно, благодаря даровитости князей, стало быстро расширять предѣлы свои во всѣ стороны, но особенно на юго-востокъ,

[1]) Витовта мы называемъ послѣднимъ великимъ литовскимъ княземъ на томъ основаніи, что послѣ его смерти Литовское государство уже не имѣло у себя самостоятельнаго и независимаго князя; притомъ послѣ его смерти государство это не только не расширяется, но, напротивъ, все болѣе и болѣе сокращается въ своихъ предѣлахъ.

[2]) Новогрудокъ—это первая столица, какъ исторически извѣстно, Литовскаго государства. Городъ этотъ основанъ въ 1044 г. русскимъ кіевскимъ княземъ Ярославомъ I, сыномъ Владимира Святого. См. Ипатіевскую лѣтопись.

Примѣчаніе. Въ древности Новогрудокъ назывался „Новгородокъ."

т. е. на счетъ русской территоріи. Сему послѣднему много помогли два слѣдующихъ обстоятельства: раздробленность Русскаго государства на мелкіе удѣлы и татарское иго.

Въ началѣ XV ст. Литовское государство достигло крайнихъ предѣловъ своего территоріальнаго развитія. Къ этому времени князья его уже владѣли многими удѣльными русскими княжествами, а именно: Полоцкимъ, Витебскимъ, Минскимъ, Смоленскимъ, Черниговскимъ, Кіевскимъ, Волынскимъ, Галицкимъ и другими; такъ что при Витовтѣ, этомъ послѣднемъ литовскомъ князѣ, девять десятыхъ частей всей территоріи Литовскаго государства составляли русскія земли и только одну десятую—собственно литовскія; въ такомъ же отношеніи касательно численности находилось и народонаселеніе сего государства.

Вслѣдствіе завоеванія литовскими князьями такого громаднаго количества русскихъ земель произошло то, что какъ сами литовскіе князья, такъ и народъ ихъ племени подчинились цивилизаціи покореннаго ими народа русскаго: и князья, и народъ литовскій приняли (если не всѣ, то большая часть, особенно первыхъ) отъ своей покоренной народности нравы, обычаи, гражданское и военное устройство, религію, языкъ и письменность. Въ началѣ XIV ст. обрусеніе литовской народности настолько было велико, что иностранные писатели не могутъ отличить литовцевъ отъ русскихъ и постоянно смѣшиваютъ ихъ [1]); и сами литовскіе великіе князья уже въ первой четверти XIV ст. сочли нужнымъ къ своему прежнему титулу „литовскіе князья“ присоединить новый титулъ и „русскіе“. Такъ, великій литовскій князь Витень и братъ его Гедиминъ въ оффиціальныхъ документахъ именовали себя „князьями литовскими и русскими“.

Между тѣмъ, какъ литовскіе князья стремились расширить предѣлы своего государства на счетъ мелкихъ удѣльныхъ русскихъ княжествъ и въ то же время впитать въ себя плоды ихъ цивилизаціи, на восточной окраинѣ русской территоріи появилась новая русская вѣтвь,

---

[1]) Такъ, напримѣръ, писатель Прусско-ливонскаго ордена Петръ Дюсбургскій въ своей хроникѣ два раза говоритъ (подъ 1296 и 1305 г.) о единоборствѣ нѣмецкихъ рыцарей съ литовскими и оба раза обозначаетъ, что эти послѣдніе были русскіе, т. е. онъ называетъ ихъ и русскими и литовцами.

Примѣчаніе. Этотъ же Петръ Дюсбургскій въ своей хроникѣ говоритъ, что русскіе постоянно находились въ войскѣ литовцевъ и отличались прекраснымъ вооруженіемъ и военными пріемами, подобно всѣмъ западнымъ рыцарямъ.

такъ называемая великорусская, или московская [1]). Въ концѣ XIII ст. политическимъ центромъ этой вѣтви сдѣлался небольшой городокъ Москва. Московскіе князья, подобно литовскимъ, отличались умомъ и энергіею; подобно же литовскимъ князьямъ они также стремились расширить предѣлы своего маленькаго государства и именно на счетъ мелкихъ русскихъ удѣльныхъ княжествъ. Но на этомъ пути, какъ и слѣдовало ожидать, московскіе князья встрѣтили соперниковъ въ лицѣ литовскихъ князей. Произошло столкновеніе. Столкновеніе это началось при великомъ литовскомъ князѣ Гедиминѣ и московскомъ Іоаннѣ Калитѣ и затѣмъ продолжалось при всѣхъ остальныхъ литовскихъ князьяхъ. Но въ этомъ столкновеніи или, лучше сказать, въ этой борьбѣ литовскихъ князей съ московскими перевѣсъ былъ почти всегда на сторонѣ первыхъ, потому что русскія мелкія княжества (изъ-за которыхъ собственно и была борьба) во время этой борьбы болѣе тянули къ Литвѣ, чѣмъ къ Москвѣ; притомъ русскіе мелкіе князья считали великихъ литовскихъ князей болѣе сильными и крѣпкими, и видѣли въ нихъ потомковъ (хотя неправильно) Владимира Святого, исповѣдующихъ одинаковую религію и держащихъ одинаковые нравы, обычаи и, наконецъ, говорящихъ на одномъ съ ними языкѣ русскомъ.

Такъ продолжалось дѣло до 1386 г., т. е. до соединенія Литвы съ Польшею при Ягайлѣ или, лучше сказать, до смерти Витовта. Съ этого же времени оно измѣнилось: правда, борьба между Литвою и Москвою, по прежнему, продолжалась, но только теперь уже не Литва, какъ прежде было, одерживаетъ верхъ надъ Москвою, а наоборотъ, Москва надъ Литвою,—и это очень понятно: такъ какъ Литва соединилась съ Польшею, то послѣ смерти Витовта она стала употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы уничтожить это соединеніе: по сему поводу начались съѣзды, споры, внутреннія волненія и разнаго рода неурядицы; а между тѣмъ все это настолько парализовало ея силы, что она, даже при помощи Польши, не въ состояніи была отразить нападенія Москвы, которая, продолжая расширять свои предѣлы на счетъ мелкихъ удѣльныхъ княжествъ, стала изъявлять претензіи и на тѣ изъ нихъ, которыя уже давно составляли собственность Литвы. Подобная грустная картина для Литовскаго государства продолжалась болѣе чѣмъ полтораста лѣтъ или, лучше сказать, до 1569 года.

---

[1]) О московской, или великорусской вѣтви см. ниже.

Въ 1569 г. Литовское государство, благодаря почти двухъ-сотълѣтней подготовкѣ со стороны Польши, окончательно соединилось съ этою послѣднею. Съ сего времени Литовское государство уже совершенно теряетъ свою самостоятельность и политическую независимость. Съ 1569 г. Литва и Польша получаютъ одно общее названіе „Рѣчь Посполитая" (Rzecz Pospolita, республика). Фактъ этотъ совершился въ г. Люблинѣ на общемъ съѣздѣ, а потому и самое соединеніе извѣстно въ исторіи подъ именемъ „Люблинской уніи".

Но такъ какъ въ Литовскомъ государствѣ громадное большинство населенія было православное, то польскіе паны, по наущенію своего латинскаго духовенства и іезуитовъ, для прочности Люблинской уніи задумали обратить православныхъ въ католичество; приступили къ дѣлу; православные подверглись преслѣдованію; застонали; но на защиту ихъ явились московскіе государи; опять началась борьба Москвы съ своимъ западнымъ сосѣдомъ, но только не съ Литвою, а съ Польшею, которой Литва передала всѣ свои политическія задачи и традиціи. При этомъ и самый характеръ борьбы измѣняется: до 1569 г. онъ имѣлъ оттѣнокъ политическій, а теперь религіозный. Но и теперь, какъ и тогда, Москва одерживаетъ рѣшительный перевѣсъ и Рѣчь Посполитая, вслѣдствіе ударовъ, наносимыхъ Москвою, а также порчи нравовъ высшаго сословія и внутренняго разложенія, окончательно умираетъ политическою смертію: въ концѣ XVIII ст. она раздѣляется между тремя сосѣдними государствами: Россіею, Пруссіею и Австріею, причемъ первой достается почти все бывшее Литовское государство, а чрезъ четверть столѣтія, по вѣнскому конгрессу, и большая часть Польши.

Съ этого времени, какъ для Польши, такъ и для Литвы настаетъ новая эра, и нужно сказать, весьма благопріятная для нихъ, особенно же для первой: благодаря великодушію русскаго Императора Александра Благословеннаго, въ 1815 г. Польшѣ дана была полная автономія и превосходное внутреннее устройство; ей указанъ былъ путь, „идя которымъ, она, говоритъ нѣмецкій историкъ Смитъ, скоро забыла бы двѣсти лѣтъ своей анархіи и не замедлила бы стать на ряду съ образованнѣйшими государствами Европы". Но, къ сожалѣнію, Польша не пошла этимъ путемъ: вслѣдствіе отдѣленія отъ нея въ административномъ отношеніи областей бывшаго Литовскаго государства и стремленія русскаго правительства окончательно слить ихъ съ Имперіею, Польша

два раза начинаетъ борьбу съ Россіею и оба раза, какъ и слѣдовало ожидать, вполнѣ неудачно. Но главное: чрезъ это она лишилась дарованныхъ ей привилегій, а вслѣдствіе эмиграціи и выселеній потеряла многихъ своихъ даровитыхъ членовъ и положила начало къ сокращенію своей національности [1]).

Мы представили краткій очеркъ исторіи Литовскаго государства, съ цѣлію показать, въ какомъ порядкѣ она изложена будетъ нами въ нашемъ сочиненіи.

Исторію эту мы дѣлимъ на слѣдующіе пять періодовъ:

I-й періодъ. Онъ продолжается отъ перваго появленія литовцевъ на историческомъ поприщѣ до первой попытки ихъ образовать на русской территоріи самостоятельное государство, т. е. до половины XIII ст., или до Миндовга. Этотъ періодъ мы называемъ легендарнымъ, потому что событія въ этомъ періодѣ относительно литовцевъ, изложенныя въ лѣтописяхъ и хроникахъ русскихъ, польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ писателей, хотя и имѣютъ въ основѣ своей факты несомнѣнно историческіе, но слишкомъ опоэтизированы фантазіей, а потому заслуживаютъ только вниманія, а не полной несомнѣнности.

II-й періодъ. Историческія времена Литовскаго государства. Этотъ періодъ продолжается отъ Миндовга до соединенія Литвы съ Польшею въ 1386 г. или, лучше сказать, до смерти Витовта. Періодъ этотъ представляетъ съ одной стороны полное развитіе силъ и энергіи литовцевъ, а съ другой неудержимое стремленіе на юго-востокъ къ покоренію Руси (собиранію) и въ то же время сліянію съ покоренною русскою народностью.

III-й періодъ. Отъ смерти Витовта до Люблинской уніи, бывшей въ 1569 г. Въ этомъ періодѣ представляется съ одной стороны усиленное стремленіе Литовскаго государства снова отдѣлиться отъ Польши, а съ другой — потеря имъ восточныхъ областей вслѣдствіе напора Москвы.

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ шестидесятыхъ годахъ въ Россіи было поляковъ болѣе 7 мил., а теперь всего 6-ть.

Примѣчаніе. Поляковъ на всемъ земномъ шарѣ считается около 11 мил. 300 т., такъ: въ Россіи 6 м., въ Австріи 3 м., въ Пруссіи 2 мил. 230 т., въ Америкѣ 70 т.

IV-й періодъ. Отъ Люблинской уніи до конца XVIII ст., или раздѣловъ Польши. Въ этомъ періодѣ мы видимъ, съ одной стороны, энергическое стремленіе польскихъ пановъ къ уничтоженію православно-русской народности въ Литовскомъ государствѣ, а съ другой—упадокъ, анархію и разложеніе самой Польши, чѣмъ старается воспользоваться Москва, чтобы нанести ей послѣдніе удары, а затѣмъ политическая смерть Польши.

V-й періодъ. Этотъ періодъ начинается отъ раздѣловъ Польши и продолжается до настоящаго времени. Въ этомъ періодѣ также замѣчаются два главныхъ явленія: съ одной стороны желаніе русскаго правительства осуществить то древнее стремленіе литовскаго народа, которое обнаружилось въ немъ еще во времена его независимости, именно: сліяніе съ русскою народностью, а съ другой стороны, стремленіе поляковъ помѣшать этому желанію русскаго правительства, а отсюда снова борьба, но борьба неравная и только ведущая къ гибели польской національности.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ

Легендарный.

Географическое распредѣленіе литовскихъ племенъ. Происхожденіе литовцевъ [1]). Тысячу лѣтъ тому назадъ литовцы жили тамъ, гдѣ и теперь живутъ, т. е. въ областяхъ рѣкъ Нѣмана, З. Двины и Вислы [2]). Но только они тогда занимали большее пространство, чѣмъ въ настоящее время, да и числомъ ихъ теперь менѣе, чѣмъ десять вѣковъ тому назадъ: страшныя и губительныя войны, моровыя повѣтрія, порабощенія сосѣдей истребили ихъ больше, чѣмъ на половину. Изъ восьми племенъ, на которыя тогда дѣлились литовцы, едва уцѣлѣли три: собственно литовцы, жмудь и латыши [3]).

Въ X ст. литовцы дѣлились на слѣдующія восемь племенъ:

I. Собственно литовцы. Племя это было самое многочисленное. Заселяло оно земли, лежащія по среднему теченію Нѣмана, а также по бассейну его притока Виліи, т. е. нынѣшнюю губернію Виленскую и сѣверныя части губерній Гродненской и Августовской.

---

[1]) О географическомъ распредѣленіи литовскихъ племенъ, а также и о происхожденіи литовцевъ, на русскомъ языкѣ см. сочиненіе проф. В. Б. Антоновича „Очеркъ исторіи В. К. Литовскаго". Кіевъ, 1878 года. Иловайскаго: „Исторія Россіи" ч. 2, М. 1880 г. Киркора и Кукольника: „Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа." Вильна, 1854 г. Проф. А. Ѳ. Гильфердинга: „Литва и Жмудь" въ собраніи его сочиненій т. II. А для нагляднаго обозрѣнія страны, занимаемой литовскими племенами, см. „Истор. атласъ проф. Е. Замысловскаго. 1887 г. На польскомъ: Нарбута: „Исторія литовскаго народа"; Ярошевича: „Очеркъ Литвы"; Крашевскаго: „Литва"; Балинскаго: „Исторія Вильны." На нѣмецкомъ: Фогта „Исторія Пруссіи".

[2]) За исключеніемъ голяди См. ниже.

[3]) Въ настоящее время всѣхъ литовцевъ, присоединяя сюда и латышей, около 2,900,000. Изъ нихъ: собственно литовцевъ и жмудинъ будетъ около 1,900,000, а латышей около 1,000,000. Въ Россіи собственно литовцы живутъ въ губерніяхъ: Виленской (въ уѣздахъ: Виленскомъ, Трокскомъ, Свѣнцянскомъ и отчасти въ Лидскомъ и Ошмянскомъ) и Сувалкской (въ уѣздахъ: Маріампольскомъ и Кальварійскомъ); жмудины живутъ преимущественно въ западной части Ковенской губерніи до р. Невяжи. Латыши—въ губерніяхъ: Лифляндской, Курляндской и отчасти въ Ковенской и Витебской. Всѣхъ литовцевъ въ Россіи живетъ около 2,700,000 человѣкъ. Остальные, въ количествѣ 200,000, живутъ въ Пруссіи, въ округахъ: Мемельскомъ и Гейдепругскомъ.

II. **Жмудь.** Племя это жило по правому берегу нижняго теченія р. Нѣмана до моря, а также на бассейнѣ и притокѣ Дубиссы, и на верхнемъ теченіи Виндавы, т. е. въ нынѣшней Ковенской губерніи. Собственно литва и жмудь тѣсно были связаны между собою, языкъ ихъ такъ сходенъ между собою, какъ русскій съ бѣлорусскимъ. Оба эти народа составляли ядро Литовскаго государства.

III. **Ятвяги.** Жили по нижнему теченію Западнаго Буга и въ Бѣловѣжской пущѣ, т. е. въ западной части Гродненской губерніи, Сѣдлецкой и средней части Августовской. Такъ какъ племя это на югѣ врѣзывалось въ русскія земли, то оно раньше всѣхъ другихъ литовскихъ племенъ пришло въ столкновеніе съ русскими князьями. Въ началѣ XIII ст. ятвяги, какъ это видно изъ Ипатіевской лѣтописи, должны были выдержать сильный напоръ галицко-русскихъ князей. Отличаясь необыкновенною храбростью и стойкостью народнаго характера, они выдержали эту неравную борьбу и затѣмъ вошли въ составъ Литовскаго государства. Но чрезъ два столѣтія послѣ этого ятвяги исчезаютъ вслѣдствіе натиска поляковъ, желавшихъ сдѣлать ихъ католиками и ополячить [1]).

IV. **Пруссы.** Обитали между нижнимъ теченіемъ Нѣмана и Вислы вдоль морского берега. Съ начала второй четверти XIII ст. они вступили въ ожесточенную борьбу за свою самостоятельность съ орденомъ крестоносцевъ и были ими покорены. Впрочемъ, въ теченіе всего XIII вѣка они, при столкновеніяхъ крестоносцевъ съ литовцами, отъ времени до времени производятъ возстанія, съ цѣлію возвратить себѣ утраченную свободу и тѣмъ доставляютъ значительную поддержку литовскимъ князьямъ въ борьбѣ ихъ съ крестоносцами. Племя это ранѣе другихъ литовскихъ племенъ развело своеобразные признаки первобытной народной культуры. У него собственно получили значительное развитіе народные литовскіе миѳы, сложились эпическія сказанія (о Брутенѣ и Вайдевутѣ), выработалось и установилось жреческое сословіе, составлявшее въ продолженіе долгаго времени единственную объединительную связь (за исключеніемъ общихъ законовъ) между всѣми колѣнами и народами литовскаго племени. Среди этого народа въ первый разъ открыто святилище литовцевъ „Ромове“ и при немъ найденъ главный жрецъ „Криве-Кривейто“.

V. **Земгола.** Племя это жило по лѣвому берегу З. Двины, т. е. въ нынѣшней Курляндской губерніи и западной части Витебской. Оно цѣ-

---

[1]) Въ настоящее время на востокѣ отъ Гродны, въ окрестностяхъ м. Скиделя живетъ населеніе православнаго исповѣданія, говоритъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, но съ литовскимъ произношеніемъ. Оно отличается отъ другихъ бѣлорусцевъ смуглымъ цвѣтомъ лица, черными волосами и нѣкоторыми особенностями нравовъ. Очень можетъ быть, что это потомки ятвяговъ.

лое столѣтіе энергически боролось за свою свободу съ нѣмцами, пока не погибло подъ ихъ ударами. Въ концѣ XIII ст. среди земголы явилась попытка образовать прочное государство и на время народъ этотъ соединился подъ властью даровитаго предводителя Немейте, который нѣсколько разъ наносилъ пораженія ордену и старался защитить свои границы постройкою крѣпостей. Правда, усилія эти ни къ чему не привели лично для земголы, но за то они удержали на нѣкоторое время натискъ нѣмцевъ на остальныя литовскія племена, и этимъ помогли образоваться Литовскому государству.

VI. Корсь или куроны. Племя это занимало полуостровъ, образуемый Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ, т. е. оно жило въ нынѣшней Курляндской губерніи. Племя это покорили нѣмцы еще въ концѣ XIII ст. [1]).

VII. Лѣтголы. Племя это извѣстно подъ именемъ латышей. Въ древности оно жило по правому берегу нижняго теченія З. Двины, окружало Рижскій заливъ и упиралось въ финское племя чудь, т. е. занимало западную территорію нынѣшней Лифляндской губерніи. Впослѣдствіи нѣмецкіе крестоносцы, истребивши корсь, на ея мѣсто переселили часть лѣтголы.

VIII. Голядь. Народъ этотъ жилъ совершенно отдѣльно отъ остальныхъ литовскихъ племенъ. Онъ занималъ область, лежащую между рѣками Протвою и Угрою (притоками Оки), или нынѣшніе уѣзды Калужской губерніи, именно: Боровскій, Малоярославскій, Медынскій, Тарускій и Калужскій. Племя это составляло какъ бы островокъ среди двухъ славянскихъ племенъ—кривичей и родимичей. Какъ оно попало туда—неизвѣстно.

Но теперь вотъ вопросъ: откуда произошли литовцы и какъ попали въ вышеозначенныя области? До шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія вопросъ этотъ считался очень важнымъ и сильно занималъ всѣхъ ученыхъ, интересовавшихся исторіею Литвы. Мы знаемъ, что нѣтъ ни одного народа въ мірѣ историческомъ, о происхожденіи котораго не было бы составлено разнаго рода сказокъ и басенъ, а равнымъ образомъ предположеній и догадокъ. Литовскому же народу едва ли не посчастливилось въ этомъ отношеніи предъ всѣми другими народами: откуда только его не производили и къ какому только народу не приноравливали, и какихъ басенъ и сказокъ не писали о немъ!

Мы не будемъ перечислять всѣхъ тѣхъ басенъ и сказокъ, а равнымъ образомъ предположеній и догадокъ, занесенныхъ писателями въ

---

[1]) Въ настоящее время ученые склоняются къ тому, что куроны есть племя финское, а не литовское. См. сочиненіе Трусмана: „Введеніе христіанства въ Лифляндіи“. Спб. 1884 г.

свои хроники, лѣтописи и исторіи о происхожденіи литовцевъ: сообщимъ только болѣе главныя изъ нихъ. Производили литовцевъ:

I. Отъ евреевъ. Мнѣніе это основывали на случайныхъ и совершенно произвольныхъ сближеніяхъ библейскихъ сказаній о еврейскомъ народѣ съ обычаями и характеромъ литовцевъ. Такъ, кенигсбергскій пасторъ Іоаннъ Функе въ сочиненіи „Комментаріи къ хронологіямъ“ утверждаетъ, что литовцы происходятъ отъ той части еврейскаго народа, которая была отведена въ плѣнъ Салманассаромъ, не объясняя, какимъ образомъ евреи эти очутились на берегахъ Балтійскаго моря. Какъ единственное доказательство Функе приводитъ только тотъ признакъ, что пруссы приносили богамъ своимъ въ жертву козла и что такой же обычай существовалъ и у евреевъ.

Другой нѣмецкій писатель Северинъ Зубель въ своемъ сочиненіи „О происхожденіи Янторя“ утверждаетъ, что литовцы произошли отъ евреевъ, изгнанныхъ изъ Іерусалима римскимъ императоромъ Титомъ. Какъ на главное доказательство въ пользу своего мнѣнія, онъ указываетъ на постоянство характера литовцевъ и на упорство, съ которымъ они держались язычества и отказывались отъ св. крещенія.

II. Отъ грековъ. Такъ, писатель XVI вѣка Іодокъ Вилихій (по происхожденію литовецъ, изъ Пруссіи) говоритъ, что литовцы произошли отъ грековъ. Въ доказательство своего мнѣнія онъ производитъ существованіе заповѣдныхъ рощей у литовцевъ и у грековъ, приношеніе въ жертву богамъ козла, существовавшее у литовцевъ и напоминавшее греческій культъ Діонисія и, наконецъ, обращаясь къ языку литовцевъ, онъ говоритъ: „языкъ литовцевъ вовсе не варварскій, но испорченный греческій, подобно тому, какъ языкъ французскій и испанскій произошли отъ порчи латинскаго,—я самъ убѣдился въ этомъ на дѣлѣ, говоривши по-гречески съ пруссаками“.

III. Отъ остатковъ арміи Александра Македонскаго, разсѣявшейся послѣ его смерти. Такъ, писатель XIII в. Гобелинъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій разсказываетъ, что отрядъ македонскаго войска, оставленный Александромъ Великимъ въ Кавказскихъ горахъ для охраненія границъ его государства, узнавъ о его смерти и опасаясь вражды туземцевъ, рѣшился возвратиться въ отечество моремъ. Для этой цѣли македоняне снарядили 300 кораблей и поплыли вдоль береговъ Каспійскаго моря. Гобелинъ полагалъ, что это заливъ Сѣвернаго океана; послѣ долгаго странствованія, большинство кораблей погибло отъ бури и уцѣлѣло изъ нихъ только 54, изъ числа которыхъ 18 пристали къ берегамъ Пруссіи, 12—къ острову Ругіи и 24—къ устью Эльбы. Высадившіеся въ этихъ мѣстахъ македоняне и были родоначальниками литовцевъ [1]).

[1]) *Примѣчаніе.* О происхожденіи литовцевъ отъ остатковъ арміи Александра Македонскаго говоритъ и аббатъ Стаденскій въ своемъ сочиненіи о началѣ Саксоніи. Стаденскі писатель XIII вѣка.

IV. Отъ римлянъ. Мнѣнія этого, начиная съ XV ст. и почти до XIX, держалась многочисленная группа польскихъ и литовскихъ ученыхъ. Особенно настойчиво проводили мысль о происхожденіи литовцевъ отъ римлянъ литовскіе ученые. Они хотѣли этимъ облагородить свою народность и дать возможность дворянскимъ литовскимъ родамъ перещеголять древностью польскую шляхту, гордившуюся предъ ними старинными гербами и древностью родовъ своихъ. Первый высказалъ отчетливо мнѣніе о происхожденіи литовцевъ отъ римлянъ краковскій каноникъ Іоаннъ Длугошъ [1]). Въ своемъ обширномъ компилятивномъ трудѣ „Исторія Польши" Длугошъ говоритъ, что литовцы—это есть колонія римскихъ гражданъ, бѣжавшихъ къ берегамъ Балтійскаго моря во время междоусобной войны Юлія Цезаря съ Помпеемъ. Для этого онъ приводитъ два доказательства: а) близкое сходство религіи литовцевъ съ религіею римлянъ; б) тождество названія священнаго мѣста литовцевъ „Ромове" съ главнымъ городомъ Римской имперіи „Римъ" [2]).

Вслѣдъ за Длугошемъ почти всѣ историки польско-литовскіе XVI, XVII и XVIII ст. повторяютъ его мнѣніе о римскомъ происхожденіи литовцевъ, стараясь подкрѣпить его новыми доказательствами и установить мельчайшія подробности перехода римлянъ на берега Балтійскаго моря и Нѣмана. Они находятъ аналогію литовцевъ и римлянъ: въ обычаѣ сожиганія мертвыхъ, бывшемъ у обоихъ народовъ; въ томъ, что громъ былъ аттрибутомъ главнаго римскаго божества Юпитера и главнаго божества литовцевъ Перкуна; въ почитаніи литовцами змѣй, сходномъ съ почитаніемъ у римлянъ бога Эскулапа, котораго изображали въ видѣ змѣи; въ существованіи у обоихъ народовъ священныхъ и заповѣдныхъ рощей, неугасимаго огня у литовцевъ и римлянъ огня богини Весты и т. п. Писатели эти не могутъ только согласиться на счетъ времени переселенія римлянъ изъ Италіи въ Литву: одни говорятъ, что это переселеніе совершилось во времена Марія и Суллы, другіе—Помпея, третьи—Нерона, четвертые—Атиллы и т. д.

---

[1]) Родился въ 1435 году, умеръ въ 1480 году. Онъ былъ воспитателемъ дѣтей польскаго короля Казимира IV и нѣкоторое время жилъ въ Вильнѣ.

[2]) Слово „Ромове" происходитъ не отъ латинскаго слова „Roma", а отъ литовскаго „Romota" и означаетъ: *срощенный*, т. е. священный дубъ, состоящій изъ трехъ срощенныхъ стволовъ. См. ниже „Ромове".

Примѣчаніе. Длугошъ въ своемъ сочиненіи высказываетъ еще другое предположеніе о происхожденіи литовцевъ, именно: царь виоинцевъ Прузіасъ, побѣжденный римлянами, бѣжалъ изъ своей земли и поселился, вѣроятно, какъ говоритъ Длугошъ, на берегахъ Балтійскаго моря, назвавъ свое новое отечество по своему имени—Пруссіею.

V. Наконецъ, производили литовцевъ: **отъ скиѳовъ, сорматовъ, даковъ, аллановъ, готовъ, кельтовъ и другихъ народовъ** [1]). Но все это оказалось невѣрнымъ.

Ближе къ истинѣ въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ о происхожденіи литовцевъ подошли: Шафарикъ, Михелонъ, Гартknохъ, Сестренцевичъ-Богушъ, Чацкій и Нарбутъ.

Шафарикъ (знаменитый чешскій ученый, род. 1795 г., умеръ 1861 г.) въ своемъ сочиненіи „Старожитности славянскія" о происхожденіи литовцевъ говоритъ, что въ глубокой древности народъ „леты" вышелъ изъ Азіи и долгое время жилъ въ Европѣ вмѣстѣ съ греками. Отъ грековъ леты заимствовали многія миѳологическія преданія, которыми украсили свои первоначальныя восточныя религіозныя вѣрованія. Отдѣлившись же отъ грековъ, леты перешли на р. Рейнъ въ Галлію, а отсюда они передвинулись на сѣверо-востокъ и заняли земли между поселеніями сѣверныхъ германцевъ и ляховъ (поляковъ). Вотъ эти-то „леты", по мнѣнію Шафарика, и были предки нынѣшнихъ литовцевъ.

---

[1]) I. *Скиѳы и сорматы.* Народъ этотъ происходилъ отъ аріевъ (объ аріяхъ см. ниже примѣчаніе) и былъ родственъ мидійцамъ. Греческій историкъ Геродотъ, жившій въ концѣ V ст. до Р. Хр., зналъ ихъ и писалъ о нихъ. Нѣкоторое время они поочередно (сначала скиѳы, а потомъ сорматы) занимали югъ Россіи.

II. *Даки*—въ III в. по Р. Хр. жили въ нынѣшней Румыніи. Какого они племени—еще до сихъ поръ съ точностью не опредѣлено. Впослѣдствіи они смѣшались съ римскими переселенцами, и изъ этого смѣшенія произошли теперешніе румыны.

III. *Готы*—германскаго племени. Въ IV в. по Р. Хр. жили недалеко отъ Днѣпра. Они дѣлились на вестъ-готовъ и остъ-готовъ. Первые во время движенія гунновъ (народъ финскаго племени; остатки ихъ, какъ кажется, калмыки въ Астраханской губерніи) пришли на Балканскій полуостровъ, а потомъ на Аппенинскій и наконецъ на Перенейскій, гдѣ основали свое государство. Вторые же, т. е. остъ-готы, въ концѣ V ст. овладѣли было Италіею, но потомъ погибли въ борьбѣ съ греками и лангобардами (нѣмецкаго племени).

IV. *Алланы*—германскаго племени. Въ концѣ IV ст. по Р. Хр. жили на Перенейскомъ полуостровѣ; тамъ ихъ въ V ст. истребили вэстъ-готы.

V. *Кельты.* Народъ арійскаго племени (см. ниже примѣчаніе) и раньше другихъ индо-европейскихъ народовъ пришелъ въ Европу. За нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Хр. они населяли нынѣшнюю Францію, Англію, Ирландію, Сѣверную Италію и другія страны. Дѣлились на двѣ вѣтви: гальскую и кимрскую. За 300 лѣтъ до Р. Хр. они разрушили Римъ. Остатки ихъ теперь живутъ въ Ирландіи, Шотландіи и во Франціи (въ Бретанѣ и Провансѣ). Нравы и языкъ ихъ теперь все болѣе и болѣе уступаютъ нравамъ и языку господствующихъ народовъ. Прежде басковъ (жителей Сѣв. Испаніи) причисляли къ кельтамъ, но теперь оказалось, что народъ этотъ или финскаго племени, или семетическаго.

Ученые: Михелонъ, Гарткнохъ, Богушъ, Чацкій и Нарбутъ [1]), желая найти предковъ литовцевъ, прежде всего обратили вниманіе на языкъ этого загадочнаго, по ихъ мнѣнію, народа. Изучая языкъ литовцевъ, означенные ученые нашли: а) что въ немъ находятся названія такихъ предметовъ, какихъ литовцы, живя въ областяхъ рѣкъ Нѣмана, Вислы и З. Двины, не могли создать (лютисъ—левъ, купранугарисъ—верблюдъ, безовіани—обезьяна, аузасъ—золото и т. п.); б) нашли, что языкъ литовцевъ въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ склоненій, спряженій и удареній сходенъ съ правилами латинскихъ и греческихъ грамматикъ; в) нашли, наконецъ, что миѳологія литовцевъ не только сходна съ миѳологіею латинскою и греческою, но даже и индусскою.

Изъ всего этого ученые заключили, что колыбель литовскаго народа нужно искать не въ Европѣ, а въ Азіи: оттуда народъ этотъ, стали думать вышеозначенные ученые, произошелъ и тамъ были его предки. Разъ задавшись такимъ предположеніемъ, Богушъ, Чацкій, Нарбутъ и другіе начали подробно разсматривать историческія событія древнихъ временъ и старательно слѣдить за выселеніемъ народовъ изъ Азіи. Результатомъ этихъ трудовъ было слѣдующее. Въ до-историческія времена въ Азіи жили два племени: будины и гелоны; оба они индійскаго происхожденія. Изъ Азіи сначала вышли гелоны и поселились между Дунаемъ и Донцомъ, а затѣмъ тронулись и будины. Послѣдніе шли чрезъ Кавказъ отъ р. Аракса. На Дону эти два народа встрѣтились и смѣшались. Отъ смѣси-то этой и произошли предки нынѣшнихъ литовцевъ.

Но еще болѣе приблизились къ истинѣ, если только не окончательно рѣшили вопросъ о происхожденіи литовцевъ, два ученыхъ: нѣмецкій (изъ Австріи) Шлейхеръ и русскій Гильфердингъ (извѣстный славянофилъ, умеръ недавно).

Шлейхеръ въ 1852 году отправился къ литовцамъ, пробылъ тамъ два года, изучилъ ихъ языкъ, а также нравы и обычаи; написалъ литовскую грамматику и хрестоматію и затѣмъ, въ одномъ изъ сочиненій своихъ, прямо заявилъ, что литовцы, подобно всѣмъ индо-европейскимъ народамъ: кельтамъ, грекамъ, римлянамъ, германцамъ и славянамъ, произошли отъ аріевъ. Въ глубокой древности литовцы, по мнѣнію

---

[1]) Михелонъ—писатель начала XVIII ст. Онъ написалъ сочиненіе „О правахъ литовцевъ, татаръ и русскихъ" (см. „Вѣстн. З. Россіи" за 1864 г).

Сестренцевичъ-Богушъ былъ католич. митрополитомъ въ западно-русскихъ областяхъ; умеръ въ концѣ XVIII ст.

Чацкій—знаменитый польскій ученый, умеръ въ 1813 году. Въ началѣ этого столѣтія онъ былъ ректоромъ Кременецкаго лицея.

Нарбутъ: 1784—1864 г. Онъ былъ инженеръ русской службы; въ 1809 г., во время похода русскихъ войскъ въ Финляндію, получилъ контузію и вышелъ въ отставку. Онъ написалъ исторію Литвы въ девяти томахъ.

Шлейхера, вышли изъ Азіи вмѣстѣ съ германцами и славянами. Эта индо-европейская вѣтвь, по выходѣ изъ Азіи, распалась на три части: сначала отдѣлились отъ славянъ германцы, а потомъ и литовцы.

Русскій ученый А. Ѳ. Гильфердингъ, соглашаясь съ основательными изслѣдованіями Шлейхера о происхожденіи литовцевъ отъ аріевъ и выходѣ ихъ въ Европу вмѣстѣ съ славянами и германцами, прибавилъ, что языкъ современныхъ литовцевъ ближе всѣхъ индо-европейскихъ языковъ стоитъ къ первобытному пастушескому языку арійскому, отъ котораго произошли всѣ языки индо-европейскихъ народовъ; ближе даже, чѣмъ языкъ греческій, на которомъ за 1000 лѣтъ до Р. Хр. написана иліада Гомера. Вотъ подлинныя слова Гильфердинга: „благодаря сравнительной лингвистикѣ и миѳологіи, говоритъ русскій ученый, мы теперь проникаемъ въ древнюю азіатскую родину нашу, гдѣ предки грековъ, албанцевъ, италійцевъ, кельтовъ, нѣмцевъ, литовцевъ, славянъ составляли одинъ народъ съ предками индусовъ и персовъ; мы возстановляемъ древній общій языкъ, древній пастушескій, но уже не совсѣмъ чуждый земледѣлія; бытъ этого арійскаго народа, когда онъ еще совмѣщалъ въ себѣ многочисленныя семьи, которыя, разселившись въ Европѣ и части Азіи, стали во главѣ человѣчества, и все болѣе и болѣе овладѣваютъ пространствомъ земного шара. А между всѣми арійскими племенами Европы племя литовское оказывается, судя по языку, наиболѣе близкимъ къ своему первоначальному, до-историческому типу. Нынѣшняя рѣчь литовскаго крестьянина во многомъ болѣе первообразна, чѣмъ языкъ древнѣйшаго памятника Европы, чѣмъ языкъ Гомера. Она значительно оскудѣла, но менѣе всѣхъ измѣнилась въ коренныхъ звукахъ и формахъ: это обломокъ старины до-исторической между поколѣніями молодыхъ языковъ, подобно тому, какъ среди тѣхъ же литовскихъ лѣсовъ уцѣлѣлъ въ зубрѣ единственный представитель до-историческаго царства европейскихъ животныхъ.“

Наконецъ, современные ученые, ученые, такъ сказать, нашихъ дней, продолжая филологическія изслѣдованія надъ литовскимъ языкомъ, нашли, что языкъ этотъ не только ближе всѣхъ индо-европейскихъ языковъ къ языку арійскому, но старѣе всѣхъ ихъ и при этомъ заключаетъ въ себѣ такія особенности своего прародителя (арійскаго языка), какихъ не имѣетъ, по своей молодости, ни одинъ изъ индо-европейскихъ языковъ. А если такъ, то значитъ литовцы раньше всѣхъ индо-европейскихъ народовъ отдѣлились отъ аріевъ и прежде всѣхъ пришли изъ Азіи (если только Азія дѣйствительно есть родина аріевъ) въ Европу, т. е. сначала пришли въ Европу литовцы, а потомъ уже кельты, греки, римляне, германцы и славяне [1]).

---

[1]) См. сочиненіе о Россіи Реклю, т. I, стр. 129. 1883 г. Спб. Вирховъ „О народахъ Европы“ и Койля „О предкахъ Европы“.

Итакъ, литовцы произошли отъ аріевъ, въ Европу явились раньше всѣхъ индо-европейскихъ народовъ и языкъ ихъ ближе всѣхъ стоитъ къ арійскому языку. Это послѣднее слово науки о происхожденіи литовцевъ [1]).

Послѣ этого естественно слѣдуетъ вопросъ: за сколько лѣтъ до Р. Хр. литовцы вышли изъ Азіи и подъ какимъ именемъ явились въ Европу. Отвѣтить на этотъ вопросъ мы, конечно, не можемъ. Скажемъ одно только, что это было очень давно, болѣе чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ до Р. Хр.

По выходѣ изъ Азіи литовцы, какъ нужно полагать, скоро заняли ту мѣстность, гдѣ теперь живутъ и гдѣ ихъ застала исторія: иначе они затерялись и погибли бы во время переселенія другихъ народовъ, потому что всякая другая мѣстность въ Европѣ представляла открытую дорогу для движенія племенъ.

Можетъ быть литовцы не добровольно заняли эту суровую мѣстность, а были оттиснуты туда боковымъ движеніемъ другихъ народовъ. Но какъ бы то ни было, только литовцы съ незапамятныхъ временъ поселились въ областяхъ рѣкъ Нѣмана, Вислы и З. Двины. А разъ попавъ

---

[1]) *Примѣчаніе I-е.* Къ сѣверо-западной оконечности горъ Гималлайскихъ примыкаютъ исполинскія горныя цѣпи Балоръ-тагъ. Эти горныя цѣпи соединеніемъ своимъ образуютъ горную равнину Памиръ, или „Террасу міра“ (отсюда беретъ свое начало р. Аму-Дарья). За три тысячи лѣтъ до Р. Хр. на этой террасѣ жилъ пастушескій народъ, который называлъ себя „аріями“ (отличными). Отъ этого пастушескаго народа произошли слѣдующіе народы: литовцы, кельты, греки, римляне, германцы и славяне, или такъ называемые индоевропейскіе, а также и древніе: мидяне, персы и зендскіе народы, т. е. бактріяне, сугдіане, гедрузіане и другіе, и, наконецъ, отъ аріевъ произошли и нынѣшніе индусы (жители Индостанскаго полуострова). Послѣдніе, т. е. индусы, изъ всѣхъ арійскихъ народовъ самый замѣчательный народъ по своей древней литературѣ и по тому языку, на которомъ она написана. Отдѣлившись отъ аріевъ, они сначала поселились на р. Индѣ, а потомъ перебрались на р. Гангъ, гдѣ и остановились. Тутъ индусы основали многія государства и достигли высокой степени своего умственнаго развитія. На берегахъ Ганга народъ этотъ говорилъ, такъ называемымъ, санкритскимъ языкомъ. Языкъ этотъ отличался изобразительностью, полнотою, благозвучіемъ; его склоненія, спряженія выработаны богаче и разнообразнѣе греческаго; а его правила благозвучія, словообразованія и словосочетанія доказываютъ такое грамматическое искусство, которое приводитъ въ изумленіе. Этотъ языкъ пересталъ быть народнымъ и умеръ еще за 300 слишкомъ лѣтъ до Р. Хр. Но памятникомъ его остались священныя книги индусовъ „Веды“

въ эту страну, литовцы и не сочли нужнымъ оставлять ее: она давала имъ обильную пищу въ дичи, рыбѣ и спасала отъ вторженія сосѣдей.

Занявъ страну, удаленную отъ большой дороги народныхъ движеній, страну, защищенную дремучими лѣсами, непроходимыми болотами, могучими рѣками, литовцы спокойно смотрѣли на переселеніе народовъ, спокойно пропускали ихъ около себя и не принимали никакого участія въ тѣхъ страшныхъ кровавыхъ драмахъ, которыя такъ часто разыгрывались среди Европы во время всеобщихъ народныхъ движеній отъ столкновенія племенъ!

Проживши тысячи двѣ лѣтъ, а можетъ быть и болѣе, въ тиши и спокойствіи, литовцы такъ привыкли къ своей уединенной и замкнутой жизни, что когда уже кончились народныя движенія и въ сосѣдствѣ съ ними образовались государства, они все-таки не хотѣли выйти изъ своего, разъ принятаго, положенія. И этимъ, какъ намъ кажется, объясняется то, что литовцы до XI ст. почти никому неизвѣстны или, по крайней мѣрѣ, весьма мало.

Древнія извѣстія о литовцахъ у иностранныхъ писателей. До начала XI ст. у иностранныхъ писателей о древнихъ литовцахъ мы на-

---

(ихъ четыре) и книга законодательствъ „Ману". Книги эти написаны за 1000 лѣтъ до Р. Хр., а нѣкоторыя части ихъ даже еще раньше. И вотъ европейскіе ученые, благодаря этимъ книгамъ и санкритскому языку, на которомъ онѣ написаны, возстановили тотъ первобытный языкъ, на которомъ говорили аріи, когда жили на возвышенностяхъ „Памиръ". Изъ него то они увидѣли, что самые древніе народы, отдѣлившіеся отъ аріевъ, есть индусы и литовцы, а потомъ уже слѣдуютъ кельты, греки, римляне и другіе. Такимъ образомъ, оказывается, что литовцы родные братья, такъ сказать, индусамъ по происхожденію. И дѣйствительно такъ. Въ то же время видно, что современный литовскій языкъ очень близокъ къ санкритскому. Нѣкоторые изъ ученыхъ составляли фразы на санкритскомъ языкѣ, предлагали ихъ нынѣшнимъ литовскимъ крестьянамъ, живущимъ на р. Нѣманѣ, и тѣ понимали.

Примѣчаніе II-е. Въ настоящее время есть ученые, которые говорятъ, что родина индо-европейскихъ народовъ не Азія, а Европа. Одни изъ нихъ указываютъ на Германію, какъ на родину индо-европейскихъ народовъ, другіе на Кавказъ, третьи на среднее теченіе Волги и т. д. А есть даже и такіе, которые полагаютъ, что родина индо-европейскихъ народовъ есть Гродненская губернія, именно Пинскія болота. См. сочиненіе нѣмецкаго ученаго Пёше „Антропологическія изслѣдованія объ арійцахъ." 1878 г., а также Журн. Минист. Нар. Просв. за 1886 г., августъ, статья О. П. Кеппена „Матеріалы къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индо-европейскаго и фино-угорскаго племени".

ходимъ весьма мало извѣстій. Притомъ эти извѣстія отличаются еще неточностью и неясностью. Вотъ эти извѣстія:

I. Географъ II ст. по Р. Хр. Птоломей, перечисляя народы, населявшіе Сарматію (т. е. восточную часть Европы), между прочимъ, сообщаетъ, что по берегу Балтійскаго моря жили два народа: голинды и судены. Въ этихъ двухъ народахъ ученые видятъ литовцевъ, принадлежащихъ къ племени пруссовъ. Мнѣніе свое они основываютъ на сообщеніи Петра Дюсбурга [1]), который говоритъ, что голиндами и сиденами назывались два прусско-литовскихъ племени.

II. Писатель VI вѣка Іорнандъ въ сочиненіи своемъ „Исторія Готовъ" говоритъ, что когда готы переходили изъ Финляндіи къ берегамъ Вислы, то при устьѣ этой рѣки покорили народъ „видирваровъ". А въ этихъ „видирварахъ" ученые видятъ одно изъ литовскихъ племенъ, именно, пруссовъ.

III. Во время великаго переселенія народовъ ученые видятъ литовцевъ въ лицѣ геруловъ. Мнѣніе о тождествѣ обоихъ народовъ основано на слѣдующихъ доказательствахъ: а) герулы въ V ст. жили на берегахъ Балтійскаго моря, гдѣ впослѣдствіи нашли литовское племя; б) обычаи геруловъ, описанные средневѣковыми писателями, представляютъ большую аналогію съ обычаями литовцевъ: такъ, у обоихъ народовъ мертвыхъ сожигали на кострѣ, приносили человѣческія жертвы и т. д.; в) самое имя геруловъ есть литовское слово—„герулисъ", обитатель лѣсной страны; г) но самое убѣдительное доказательство представляетъ найденная въ XV стол. на герульскомъ языкѣ молитва Господня „Отче нашъ", послѣ изслѣдованія которой оказалось, что она написана на литовскомъ языкѣ.

IV. Норвежскій путешественникъ Вульфстанъ, жившій въ концѣ IX ст., въ своемъ сочиненіи „Путешествіе норвежца Вульфстана" говоритъ, что восточные берега Балтійскаго моря, гдѣ протекаетъ Висла, заселены эстами, т. е. народомъ восточнымъ; то же самое повторяется и въ сочиненіи „Описаніе Германіи", приписываемомъ англійскому королю Альфреду Великому (умеръ 901 г.). Ученые также видятъ въ этихъ эстахъ литовцевъ (тоже пруссовъ) [2]).

Вотъ и всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя мы находимъ у писателей, жившихъ до XI ст.

---

[1]) Дюсбургъ—священникъ Прусскаго или Тевтонскаго ордена. Онъ написалъ о своемъ орденѣ хронику. Довелъ ее до 1326 г. Умеръ около первой половины XIV ст.

[2]) Въ двухъ вышеозначенныхъ памятникахъ упоминаемые эсты (пруссы) ясно отличаются отъ славянъ (венедовъ), жившихъ въ сосѣдствѣ съ ними.

Только съ XI ст. эти отрывочныя и неясныя извѣстія о литовскомъ племени замѣняются свидѣтельствами, болѣе подробными, указывающими на близкое знакомство писателей съ этимъ племенемъ. Подробностями этими мы, прежде всего, обязаны двумъ миссіонерамъ, проповѣдывавшимъ христіанство въ Пруссіи въ первой четверти XI столѣтія, св. Войтѣху и св. Бруну [1]), а затѣмъ русскому лѣтописцу Нестору.

Религія древнихъ литовцевъ [2]).

Происхожденіе религіи древнихъ литовцевъ и сходство ея съ религіями: зендовъ, индусовъ и грековъ.

Благодаря своему уединенному положенію и весьма долгому пребыванію въ этомъ положеніи, литовцы дольше всѣхъ индо-европейскихъ народовъ сохранили свою первобытную цивилизацію и широко развили и обработали свою религію.

Какъ потомки древнихъ арійцевъ, литовцы, подобно всѣмъ индоевропейскимъ народамъ (кельтамъ, грекамъ, римлянамъ, германцамъ и славянамъ), вынесли свои основныя религіозныя вѣрованія изъ Азіи. Но такъ какъ они, по выходѣ изъ Азіи, впослѣдствіи, заняли страну, покрытую могучими рѣками, дремучими лѣсами, а также огромными озерами и бездонными болотами, то со временемъ къ своимъ прежнимъ религіознымъ вѣрованіямъ арійскимъ прибавили новыя вѣрованія соотвѣтственно этой окружающей природѣ. Сюда относятся: поклоненіе богу

---

[1]) Объ этомъ см. ниже.

[2]) О религіи древнихъ литовцевъ на русскомъ языкѣ см. сочиненія: Трусмана—„Введеніе христіанства въ Лифляндіи“. Спб. 1884 г.; Боричевскаго—„Свѣдѣнія о древней Литвѣ“. Жур. Мин. Нар. Просв. за 1844 г., ч. XLII.; Иловайскаго—„Исторія Россіи“, ч. II. М. 1880 г.; Кояловича—„Лекціи по исторіи зап. Россіи“. Спб. 1884 г.; Киркора и Кукольника—„Черты изъ исторіи и жизни древнихъ литовцевъ“. Вильна. 1854 г. На польскомъ языкѣ: Нарбута—„Исторія литовскаго народа“, т. I. Вильна, 1835 г.; Ярошевича—„Очеркъ Литвы“, т. I; Крашевскаго—„Литва“, т. I; Балинскаго—„Исторія Вильны“, т. I. На нѣмецкомъ: Фогта—„Исторія Пруссіи“.

Примѣчаніе I. Изъ древнихъ писателей о литовской религіи говорятъ: Дюсбургъ, писатель XIV ст.; Длугошъ, писатель XV ст.; Лука Давидъ, Матвѣй Стрыйковскій, Лазицкій, Симонъ Грюнау и Іоаннъ Милетій (послѣдніе два изъ Пруссіи), писатели XVI ст. и др.

Примѣчаніе II. Такъ какъ хроники и изслѣдователи XII, XIII и XIV ст. весьма мало говорятъ о древней религіи литовцевъ, то многіе ученые отвергаютъ тѣ подробности о ней, которыя сообщаютъ писатели XV, XVI и XVII ст.; вообще, эта группа ученыхъ не придаетъ древней религіи литовцевъ того значенія, какое придаютъ ей лѣтописцы и писатели XV, XVI и XVII столѣтій. См. сочиненіе Трусмана т. II.

зайцевъ и богу медвѣдей, обожаніе оленей, змѣй (ужей собственно), лягушекъ, ящерицъ, дуба и вообще всѣхъ старыхъ деревьевъ. Но не смотря на эти прибавки, литовцы, благодаря долгой и уединенной жизни въ странѣ, по своимъ физическимъ условіямъ мало доступной для сосѣдей, сохранили религіозныя вѣрованія своихъ предковъ аріевъ въ болѣе чистомъ и первобытномъ видѣ, чѣмъ остальные индо-европейскіе народы. Литовцы, имѣя общій корень, по своему происхожденію, съ кельтами, греками, римлянами, германцами и славянами, въ своихъ философско-религіозныхъ воззрѣніяхъ на міръ вообще и человѣка въ частности и въ миѳологическихъ преданіяхъ сохранили много общагс съ подобными воззрѣніями и миѳологическими преданіями означенныхъ народовъ.

Философско-религіозныя воззрѣнія древнихъ литовцевъ на міръ вообще и человѣка въ частности. По понятіямъ древнихъ литовцевъ, міръ существуетъ искони. Онъ есть воплощеніе самого божества. Въ каждомъ предметѣ міра видимаго, въ каждомъ явленіи физической природы, грозномъ или благодѣтельномъ, литовцы видѣли присутствіе божества. Проявленіе этого божества въ мірѣ, по понятію литовцевъ, обнаруживается подъ видомъ двухъ началъ: добраго и злого. Оба эти начала ведутъ между собою вѣчную борьбу, конецъ которой—торжество перваго начала или добраго [1]). Доброе, прекрасное и благородное проистекаетъ отъ добраго начала; злое, нечестивое и вредное—отъ злого начала. Истина и законъ у литовцевъ означало одно и то же. Законъ существуетъ искони, онъ есть олицетворенная истина. Законъ нельзя было создать, а только отыскать. Обычай былъ уважаемъ какъ память минувшаго; отъ этого даже порокъ, подъ видомъ обычая, былъ терпимъ. Подобно древнимъ грекамъ, литовцы вѣрили въ предопредѣленіе или судьбу. Судьбѣ этой, говорили литовцы, подчинены не только люди, но даже и боги.

Самый грѣхъ человѣка литовцы считали не слѣдствіемъ злой воли сего послѣдняго, за который онъ долженъ былъ бы отвѣчать, а результатомъ предопредѣленія: „кто согрѣшилъ, тотъ не могъ не согрѣшить", говорили литовцы [2]).

Силы души почитались у литовцевъ—разумъ, память, воображеніе, вниманіе, остроуміе (послѣднее подчинялось разуму). Способности и наклонности получались съ рожденіемъ, въ противномъ случаѣ не было

---

[1]) Воззрѣнія эти совершенно сходны съ воззрѣніями индусовъ и зендовъ. Индусы представляли міръ воплощеніемъ Брамы. Зенды признавали въ мірѣ борьбу двухъ началъ: добраго—подъ именемъ бога Ормузды и злого — подъ именемъ бога Аримана.

[2]) *Примѣчаніе.* Но не смотря на это, они, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, все-таки ожидали наказанія въ загробной жизни за порочную жизнь и награды за добродѣтельную.

возможности получить ихъ ни трудомъ, ни усиліемъ, ни опытомъ жизни. Таковы въ общихъ чертахъ философско-религіозныя воззрѣнія литовцевъ на міръ вообще и человѣка въ частности. Они, очевидно, много имѣютъ сходнаго, съ одной стороны, съ воззрѣніями зендовъ и индусовъ, а съ другой—съ воззрѣніями индо-европейскихъ народовъ.

Миѳологія древнихъ литовцевъ.

Литовцы, подобно древнимъ грекамъ, имѣли у себя боговъ, полубоговъ, богинь, нимфъ и героевъ. Литовскіе боги, полубоги, богини и нимфы (не говоря уже о герояхъ), подобно греческимъ, имѣли, такъ сказать, житейскую дѣятельность (если не всѣ, то многіе изъ нихъ), т. е. о многихъ изъ нихъ составлены были литовцами болѣе или менѣе пространные миѳы, въ которыхъ изображается та или другая дѣятельность бога, богини или нимфы.

Подобно всѣмъ арійскимъ народамъ, литовцы обожали силы природы: солнце, луну, звѣзды, огонь, воду, громъ, молнію и т. д. Солнцу поклонялись они подъ именемъ вѣчнаго огня, горѣвшаго предъ нѣкоторыми идолами, а другимъ силамъ природы—подъ видомъ нѣкоторыхъ животныхъ и разныхъ гадовъ, а также и людей въ истуканныхъ изображеніяхъ.

Главные литовскіе боги.

Промжимасъ (Прокоримосъ). Онъ управляетъ судьбою людей на землѣ и судьбою боговъ на небѣ. Обитаетъ въ небесномъ пространствѣ, окруженномъ садами.

Оккапирмасъ (Оккасъ). Это самый высшій богъ: создатель вселенной. Онъ называется предвѣчнымъ. Около 25 декабря ему совершалось празднество. Въ народѣ этотъ богъ не пользовался популярностью; многіе литовцы даже и не знали его.

Перкунъ. Богъ этотъ былъ самый популярный и уважаемый литовцами. Это единственный богъ, имя котораго повторяется во всѣхъ спискахъ литовскихъ боговъ. Изображали его въ видѣ человѣка среднихъ лѣтъ, съ крѣпкими мускулами и съ поднятой рукой вверхъ, въ которой былъ кремень; голова его увѣнчана была ореоломъ изъ пламени или лучей свѣта; борода всклокочена, цвѣта огненнаго. Ему посвященъ былъ одинъ день въ недѣлю—пятница. Жрецы каждый день приносили ему жертвы. Главный литовскій первосвященникъ Криве-Кривейто имѣлъ его изображеніе на своемъ парадномъ платьѣ.

Потримпосъ. Изображался въ видѣ цвѣтущаго юноши (а иногда въ видѣ ужа, свившагося спиралью съ человѣческою головою); предъ его изображеніемъ стоялъ сосудъ съ водою, въ которомъ плавалъ свя-

щенный ужъ. Въ жертву этому божеству приносили: плоды, молоко, воскъ и благовонія; изъ человѣческихъ же жертвъ—исключительно дѣтей. Ему приписывалось господство надъ водами и управленіе плодородіемъ. Потримпосъ также покровительствовалъ мореходцамъ и внушалъ храбрость на войнѣ. Божество это было воплощеніемъ влаги, плодородія и юношеской силы.

Поклюсъ (Пекло). Его изображали въ видѣ сѣдобородаго, блѣднаго и тощаго старика съ повязкою на головѣ изъ бѣлаго полотна. Онъ почитался распорядителемъ смерти, властелиномъ преисподней и распредѣлителемъ участи въ загробной жизни; онъ посылалъ на землю повальныя болѣзни. Въ случаѣ, если, послѣ похоронъ покойника, родственники не принесли жертвы Поклюсу, то, по установившемуся вѣрованію, онъ являлся въ домъ и наводилъ на всѣхъ ужасъ; умилостивить его можно было принесеніемъ въ жертву или кого-нибудь изъ домашнихъ лицъ, или кровью вайделота, которую тотъ въ небольшомъ количествѣ долженъ былъ выпустить на домашній очагъ изъ собственной руки. Поклюсъ составлялъ олицетвореніе всѣхъ силъ, вредныхъ для человѣка: холода, бури, разрушенія, старости и смерти.

Поклюсу приносили въ жертву головы убитыхъ людей и животныхъ. Передъ нимъ всегда лежало три черепа: человѣка, коня и быка.

Три послѣднихъ бога, т. е. Перкунъ, Потримпосъ и Поклюсъ составляли какъ бы литовскую священную тройцу. Въ главномъ литовскомъ святилищѣ „Ромове“ они всегда стояли вмѣстѣ: Перкунъ въ срединѣ, Потримпосъ—справа, а Поклюсъ—слѣва.

Кавасъ—богъ войны. Его изображеніе находилось на военныхъ знаменахъ. Вороной конь и черный пѣтухъ—символы сего бога [1]). Ему посвященъ былъ мѣсяцъ мартъ. Литовцы Кавасу молились, когда отправлялись на войну.

Земеникасъ, или Курко. Одинъ изъ популярныхъ литовскихъ боговъ. Онъ считался богомъ плодородія и домоводства. Въ честь его при капищахъ содержали ужей и кормили молокомъ. Въ жертву ему приносили начатки плодовъ, рыбъ и звѣрей. Его главное капище было въ Пруссіи въ Гейлигенбейнѣ, гдѣ передъ нимъ горѣлъ неугасимый огонь. Молитвы къ Курко писались на военныхъ хоругвяхъ.

Рагутисъ. Богъ веселья и пьянства. Въ честь его устрояли пиры. Главное капище въ XIV ст. находилось въ Вильнѣ, гдѣ теперь Пятницкая православная церковь.

Кауки—это были маленькіе второстепенные божества. Они, по вѣрованію литовцевъ, всегда ютились въ домахъ, если хозяева были для

---

[1]) Въ Ревелѣ, въ церкви св. Олая, было, а можетъ быть и теперь есть, знамя, отнятое рыцарями у литовцевъ, съ бронзовымъ пѣтухомъ.

нихъ хорошли, что выражалось принесеніемъ имъ въ жертву бѣленькаго плащика, который закапывался хозяйкою въ землю около дома. Кауки своимъ почитателямъ обыкновенно приносили въ даръ разные предметы и клали ихъ въ сѣняхъ. Въ жертву имъ приносили свиныя кишки, начиненныя мукою, смѣшанною съ кровью. Клали ихъ ночью на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ плащикъ.

Литовскія богини.

Перкунателе—жена Перкуна. Она управляла теченіемъ солнца. Вечеромъ, когда то́, запыленное отъ дневного путешествія прахомъ земли, возвращалось домой, Перкунателе погружала его въ морскую купальню и, вымывши утромъ, снова выпускала яснымъ.

Литовцы молились ей, чтобы упросила Перкуна пощадить ихъ поля отъ града, бури и проливныхъ дождей.

Праурима. Одна изъ популярнѣйшихъ литовскихъ богинь. Символомъ ея былъ огонь, а потому онъ вѣчно пылалъ въ ея капищѣ, при которомъ всегда проживали вайделотки для поддержанія этого огня.

Ладо. Литовцы представляли ее дѣвушкою чудной красоты: съ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами. Она олицетворяла красоту и нѣжность.

Въ честь ея устроялись увеселенія между 25-мъ маемъ и 25-мъ іюнемъ.

Мильда—литовская Венера. Ей молились влюбленные, такъ какъ она считалась покровительницею ихъ и олицетворяла любовь. Главное капище ея, говорятъ, было въ саду Гедимина, около нынѣшней Замковой горы.

Лайма. Считалась покровительницею беременныхъ женщинъ и новорожденныхъ дѣтей.

Лѣтва—богиня свободы. Ей посвященъ былъ котъ.

Веллона—богиня вѣчности и будущей жизни. Главное капище ея, говорятъ, было на правомъ берегу Нѣмана, близъ Юрбурга, гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣла деревня Веллона.

Курмина—богиня плодородія и земледѣлія.

Каралуна—богиня свѣта. Литовцы представляли ее прекрасною черноокою дѣвицею, голова которой увѣнчана солнцемъ, а плечи покрыты плащемъ, усѣяннымъ звѣздами и застегнутымъ на груди мѣсяцемъ. Когда шелъ дождь при свѣтѣ солнца, то литовцы обыкновенно говорили, что Каралуна плачетъ.

Къ богинямъ высшаго разряда литовцы относили и богинь, такъ называемыхъ „Парки.“ Въ ихъ рукахъ была жизнь людей.

Всѣхъ Паркъ было семь:

1) **Верпѣя**. Когда рождался человѣкъ, то Верпѣя начинала прясть нить его жизни, на концѣ которой находилась звѣзда.

2) **Метантѣя** наматывала эти нитки.

3) **Аудѣтоя** ткала полотно изъ этихъ нитокъ.

4) **Гадютая** пѣснями и разсказами старалась усыпить своихъ сестеръ, чтобы удобнѣе испортить работу.

Поэтому постигали разныя несчастія и бѣдствія того, чья ткань жизни попадалась въ ея руки.

5) **Саргѣтая** вела съ Гадютаю безпрестанную борьбу, чтобы препятствовать ей дѣлать зло.

6) **Нукиритая** пересѣкала ткань жизни, и звѣзда, прикрѣпленная къ нити этой ткани, срывалась и гасла въ воздухѣ, а человѣкъ, къ которому относилась эта ткань, умираетъ на землѣ.

7) **Ишкалѣтоя**, послѣдняя Парка. Она брала отрѣзанную ткань, мыла ее и шила рубашку умершему, которую тотъ носилъ въ загробной жизни.

Этимъ богинямъ были посвящены камни на берегахъ рѣкъ. Каждый житель имѣлъ свой отдѣльный камень, на которомъ приносилъ имъ дары. По вѣрованію литовцевъ, Парки каждую лунную ночь собирались на берегу рѣки, садились на камни и тамъ начинали свою работу.

Культъ животныхъ и растеній. Литовцы, подобно всѣмъ языческимъ народамъ, обожали звѣрей, пресмыкающихся, гадовъ и неодушевленные предметы, отличающіеся древностью или громадностью своею. Такъ, они обожали, какъ мы уже замѣтили раньше, медвѣдей, зайцевъ, оленей, ужей [1]), жабъ, старыя деревья, особенно дубовыя и разбитыя громомъ. У нихъ были священныя и заповѣдныя рощи, которыя подъ смертною казнію запрещено было рубить, и даже преступники, скрывшіеся въ этихъ рощахъ, оставались неприкосновенны. Были также и священныя горы, на которыхъ литовцы воздвигали капища и жертвенники.

Ромове. Это было главное святилище литовцевъ, при которомъ находился великій первосвященникъ Криве-Кривейто (судья-судей). Сюда въ торжественныхъ случаяхъ стекались жители всѣхъ областей, занимаемыхъ литовскими племенами. Святилище это, или Ромове, какъ его литовцы называли, устроялось такимъ образомъ: сначала жрецы отыскивали обширную равнину, которая бы примыкала къ соединенію

---

[1]) Многія семейства держали у себя ручныхъ ужей и кормили ихъ молокомъ, какъ священныхъ животныхъ.

двухъ рѣкъ и покрыта была дубовою рощею; затѣмъ выбирали дубъ самыхъ огромныхъ размѣровъ, и притомъ имѣющій три ствола вмѣстѣ срощенныхъ [1]); потомъ дубъ этотъ окружался каменною стѣною съ однимъ входомъ; далѣе, подъ дубомъ ставили три истукана: Перкуна, Потримпоса и Поклюса, а передъ ними воздвигался алтарь съ углубленіемъ, въ которое жрецы накладывали дубовыя дрова и возжигали огонь отъ искры, добытой изъ кремня, находившагося въ рукѣ Перкуна. Огонь этотъ день и ночь горѣлъ и составлялъ постоянную жертву Перкуну [2]). Наконецъ, за дубомъ устроялась пещера, куда помѣщали священныхъ гадовъ: змѣй, ужей и лягушекъ. Таково было устройство „Ромове".

Въ первый разъ „Ромове" исторически дѣлается извѣстнымъ въ началѣ XI стол. Открыто оно въ Пруссіи, въ области Натангіи, между устьями рѣкъ Вислы и Прегеля. Открылъ его польскій король Болеславъ Храбрый. Этотъ король въ 1010 г., желая наказать литовское племя пруссовъ за убійство миссіонеровъ, вошелъ съ войскомъ въ ихъ страну, проникъ до самого святилища „Ромове", разорилъ его до основанія и убилъ самого первосвященника, или Криве-Кривейто. Послѣ этого литовскіе жрецы перенесли „Ромове" къ устью р. Дубиссы (притокъ Нѣмана), а потомъ въ городъ Керновъ и, наконецъ, въ Вильну. Тутъ оно существовало до крещенія литовцевъ Ягайлой въ 1387 г.

Тамъ, гдѣ въ настоящее время въ Вильнѣ находится костелъ св. Станислава (католическій каѳедральный соборъ), пятьсотъ лѣтъ тому назадъ было послѣднее пребываніе главнаго литовскаго святилища „Ромове". Здѣсь на долинѣ, покрытой дубовою рощею и носившей названіе „Долины Свенторога", построенъ былъ и храмъ; по извѣстію нѣкоторыхъ писателей, онъ имѣлъ въ длину 150 арш., въ ширину 100, въ вышину 15. Храмъ былъ безъ крыши и безъ пола, съ однимъ входомъ съ западной стороны. Не далеко отъ входа къ храму примыкала башня, которая оканчивалась небольшою площадкою; оттуда Криве-Кривейто возвѣщалъ народу волю Перкуна [3]). На восточной сторонѣ храма (противоположной входу), примы-

---

[1]) Дубъ, состоящій изъ трехъ срощенныхъ стволовъ, считался у литовцевъ самымъ священнымъ; отъ этого произошло, какъ мы уже замѣтили выше, и самое названіе „Ромове".

[2]) Польскій писатель Длугошъ огонь, горѣвшій предъ Перкуномъ, почему-то называетъ „Зничемъ"; но мы не называемъ его этимъ именемъ на томъ основаніи, что есть цѣлая группа ученыхъ, которые утверждаютъ, что словомъ „Зничъ" назывался не священный огонь, горѣвшій предъ Перкуномъ, а одинъ изъ главныхъ литовскихъ жрецовъ, т. е. „Зничемъ" назывался одинъ изъ Криве-Кривейтовъ.

[3]) Говорятъ, что башня эта находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь колокольня, принадлежащая костелу св. Станислава.

кая къ стѣнѣ, стояла часовня, внутри которой хранились дорогія вещи, употребляемыя при богослуженіяхъ. Подъ часовнею устроена была пещера, въ которой помѣщались священныя животныя: лягушки, змѣи и другіе гады. Надъ часовнею сооружена была обширная галлерея; въ галлереѣ помѣщался жертвенникъ, а на жертвенникѣ устроено углубленіе, въ которомъ день и ночь пылалъ священный огонь. Позади жертвенника и пылающаго огня въ каменной нишѣ стоялъ истуканъ бога Перкуна, привезенный изъ Палангена.

Литовскіе жрецы.

Изъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ едва ли кто выработалъ у себя (за исключеніемъ развѣ кельтовъ) такую стройную, крѣпкую и могучую въ народѣ жреческую іерархію, какую выработали литовцы въ древности [1]). Литовскіе жрецы не составляли замкнутой касты (какъ и вообще въ Литвѣ не было кастъ),—это было сословіе, въ которое могъ всякій поступить, если пожелаетъ Криве-Кривейто.

Высшія жреческія должности получали лица, выбранныя жрецами изъ своей среды, и утверждались Криве-Кривейто, а низшія—переходили по наслѣдству. Литовскіе жрецы, смотря по дѣятельности, имъ присвоенной, дѣлились на многіе классы такъ: жрецы „криве" были охранителями священныхъ предметовъ; „кривуле"—судьями; „вайделоты"—учителями народа и докторами; „лингуссоны" и „тилиссоны"—погребали умершихъ; „брутаники" (литовскіе барды)—пѣли и т. д. Каждый классъ жрецовъ имѣлъ особую одежду, или какой-нибудь отличительный знакъ. Во главѣ этой стройной іерархіи стоялъ великій первосвященникъ, Криве-Кривейто (судья-судей).

Криве-Кривейто. Онъ постоянно находился при „Ромове"; его окружала коллегія старѣйшихъ жрецовъ, называемыхъ криве. Уваженіе и вліяніе, которыми пользовался Криве-Кривейто, были весьма значительны. Петръ Дюсбургъ слѣдующими словами опредѣляетъ значеніе этого первосвященника: „Въ Ромове живетъ лицо, называемое Криве-Кривейто, котораго жрецы почитаютъ, какъ своего папу; ибо подобно тому, какъ папа управляетъ всѣми вѣрными въ христіанской церкви, такъ и его приказанію или мановенію повинуются не только пруссаки, но и литвины, и народы, живущіе въ Ливоніи. Авторитетъ его такъ великъ, что не только онъ самъ или членъ его семейства, но и всякій посланный съ его жезломъ, или другимъ знакомъ, являясь въ предѣлы какого-нибудь округа невѣрныхъ, встрѣчаетъ величайшее почтеніе со стороны старшинъ и простого народа".

---

[1]) Если только сообщенія писателей XV и XVI ст. справедливы.

По мнѣнію литовцевъ, Криве-Кривейто состоялъ въ непосредственномъ сношеніи съ Перкуномъ, а потому каждое слово этого первосвященника было непреложною истиною. Кромѣ первенствующей роли въ богослуженіи, онъ пользовался значеніемъ верховнаго судьи и главнаго совѣтника во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Особа его обставлена была глубокою таинственностью: народу онъ показывался рѣдко, и тотъ, кому доводилось видѣть первосвященника, считалъ себя особенно покровительствующимъ богами. Символомъ его власти была палка, состоящая изъ трехъ загнутыхъ концовъ. Писатели XV в. говорятъ, если эту палку проносили гдѣ-нибудь по деревнѣ, то народъ падалъ передъ нею на землю.

Криве-Кривейто содержался на счетъ народа; одежду онъ имѣлъ обыкновенную, но съ тою только разницею отъ прочихъ, что бѣлымъ тонкимъ полотнянымъ поясомъ обвивался 49 разъ. Во время жертвоприношеній надѣвалъ остроконечную шапку съ золотымъ шаромъ, усыпаннымъ дорогими камнями; на правое плечо клалъ перевязь съ изображеніемъ Перкуна.

Криве-Кривейто избирался на всю жизнь вайделотами; онъ по большей части въ старости приносилъ себя въ очистительную жертву богамъ за весь народъ. Преданіе называетъ имена 20-ти первосвященниковъ, добровольно умершихъ на кострѣ.

Учрежденіе Криве-Кривейто было очень древнее: писатель XVI в. Симонъ Грюнау, если вѣрить ему, въ своей хроникѣ представилъ списокъ до 50 лицъ первосвященническаго званія въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: Брутенъ, Буденъ, Марко, Телейно, Яйгелло, Монгайло, Ливойлесъ (убитъ Болеславомъ Храбрымъ), Бейтоноръ, Аллепсъ, бывшій до 1265 г. Этотъ Криве-Кривейто, видя, что рыцари одолѣваютъ литовцевъ, собралъ народъ и сказалъ, что побѣды рыцарей удостовѣряютъ его, что христіанскій богъ сильнѣе боговъ литовскихъ и совѣтовалъ принять христіанство; народъ, возмущенный жрецами, хотѣлъ его убить; но онъ, благодаря друзьямъ своимъ, бѣжалъ къ рыцарямъ и тамъ принялъ христіанство. Изъ преемниковъ Аллепса замѣчателенъ былъ Лиздейко, который, какъ говоритъ преданіе, найденъ былъ ребенкомъ въ орлиномъ гнѣздѣ около Вильны, гдѣ теперь Верки (имѣніе Витгинштейна). Онъ, по словамъ того же преданія, посовѣтовалъ Гедимину построить г. Вильну. Послѣдній Криве-Кривейто былъ Гинтовтъ, который пережилъ крещеніе Ягайломъ литовцевъ и разрушеніе „Ромове“. Онъ умеръ при Витовтѣ въ 1413 году.

Эвартъ-криве. Занималъ первое мѣсто послѣ Криве-Кривейто. О дѣятельности его ничего не извѣстно.

Криве. Это была цѣлая группа жрецовъ. Жрецы этой категоріи завѣдывали священными мѣстами и начальствовали низшими жрецами. Они избирались вайделотами, а Криве-Кривейто жаловалъ ихъ палками съ двумя кривулями; опоясывались по одеждѣ 7 разъ бѣлымъ поясомъ.

Кривуле—судьи народа въ дѣлахъ неважныхъ. Символомъ ихъ власти была палка съ однимъ загнутымъ концомъ; палку эту они тоже получали изъ рукъ главнаго первосвященника.

По порученію Криве-Кривейто, а иногда и жрецовъ криве, кривуле составляли народныя собранія; при этомъ они, по словамъ писателей, употребляли слѣдующій способъ: отдавали свою палку ближайшему жителю, тотъ передавалъ сосѣду и такъ далѣе; палка обходила извѣстный кругъ домовъ и снова возвращалась къ жрецу, и ни одинъ человѣкъ не смѣлъ оставаться дома: всѣ спѣшили узнать волю боговъ.

Вайделоты. Группа этихъ жрецовъ болѣе всѣхъ извѣстна въ древней литовской исторіи. Дѣятельность ихъ была разнообразна: они приносили жертвы, наставляли народъ, лѣчили больныхъ и т. п. Одежду носили длинную, отороченную бѣлою полотняною тесьмою, застягивающуюся тремя пуговицами, которыя прикрѣплены были къ двумъ бѣлымъ шнуркамъ; поясъ имѣли бѣлый, полотняный, съ металлическою пряжкою. Низъ платья ихъ обшитъ былъ клочками волосъ животныхъ. При совершеніи жертвоприношеній надѣвали на голову вѣнокъ изъ листьевъ священныхъ дубовъ. Если заболѣвалъ человѣкъ, тотчасъ посылали за вайделотомъ, который, придя въ домъ больного, обыкновенно говорилъ, что если богамъ угодно, чтобы больной умеръ, то будетъ наслаждаться блаженствомъ; затѣмъ читалъ молитвы; если же болѣзнь затягивалась на долго, то страждущій, по совѣту жреца, обязывался сдѣлать какой-либо обѣтъ, исполненіе котораго отлагалось до выздоровленія, но если и это не помогало, то вайделотъ употреблялъ послѣднее средство: приносилъ золу съ главнаго жертвенника „Ромове“ и съ разными обрядами отгонялъ болѣзнь.

Виршайтосы. Такъ назывались собственно сельскіе старшины. Они въ отсутствіе вайделотовъ, по приглашенію народа, нерѣдко совершали жертвоприношенія и читали молитвы, причемъ, подобно вайделотамъ, клали на голову дубовые вѣнки и опоясывались бѣлымъ поясомъ.

Лингуссоны и тилиссоны. Обязанность этихъ жрецовъ состояла въ совершеніи погребенія умершихъ.

Швальгоны. Жрецы этой категоріи совершали браки и рѣшали дѣла, возникшія по поводу подозрѣнія новобрачной въ потерѣ дѣвственности.

Брутаники—литовскіе барды, воспѣвавшіе героевъ, павшихъ въ битвѣ и возбуждавшіе воиновъ въ сраженіяхъ. Пѣсни свои они сопровождали игрою на цитрѣ и лютнѣ.

Поминикосъ—жрецы бога Рагутиса.

Кромѣ вышеозначенныхъ категорій литовскихъ жрецовъ, была еще многочисленная группа, такъ называемыхъ, жрецовъ предсказателей; группа эта дѣлилась, смотря по предметамъ, на которыхъ гадали, на пять или на шесть классовъ; тѣ, которые предсказывали будущее по крику птицъ, назывались зельники; а тѣ, которые это дѣлали по дыму и горѣнію свѣчъ,—жвакопами; по пѣнѣ пива—рависами и т. д.

Литовскія жрицы.

Литовскія жрицы по своей спеціальности дѣлились на три класса:

Вайделотки. Сюда поступали дѣвицы высшихъ сословій, принявшихъ на себя обѣтъ дѣвственности.

Вайделотки предназначались на служеніе въ капища богини Прауримы. Все дѣло ихъ состояло въ поддержаніи неугасимаго огня, который горѣлъ предъ идоломъ этой богини. Если вайделотка нарушала обѣтъ дѣвства, то ее подвергали одному изъ слѣдующихъ трехъ наказаній: или нагую вѣшали на высокомъ деревѣ, или живую закапывали въ землю, или, наконецъ, зашивали провинившуюся въ кожаный мѣшокъ съ камнями, кошкой, собакой и змѣей, везли къ Нѣману на двухъ черныхъ коровахъ и погружали въ воду. А если по небрежности вайделотки потухалъ огонь, то ее сожигали, а огонь добывали изъ кремня, находившагося въ рукѣ Перкуна, и жрецы, приползши на колѣняхъ къ алтарю, разводили священный огонь.

Рагутины—жрицы богини Рагутины. Эти жрицы извѣстны дурною нравственностью.

Бурты—пѣвицы и ворожеи.

Религіозные обряды древнихъ литовцевъ.

Жертвоприношенія. Литовцы приносили жертвы богамъ, или съ цѣлію очищенія совѣсти отъ грѣховъ, или умилостивленія боговъ, или изъявленія благодарности имъ. Смотря по торжественности случая и по зажиточности хозяина, различнымъ божествамъ приносились въ жертву различные предметы: лошади (особенно бѣлыя), быки, свиньи, гуси, куры, медъ, рыба, плоды (особенно первые) и т. д. Любимою жертвою боговъ считался козелъ. Онъ приносился въ каждомъ селеніи въ концѣ года и составлялъ очистительную жертву за грѣхи. Иновѣрцы и преступники не допускались, подъ страхомъ смертной казни, присутствовать при жертвоприношеніяхъ, равно какъ и при другихъ религіозныхъ обрядахъ. Но не смотря на это, нѣкоторымъ христіанскимъ писателямъ, благодаря знанію литовскаго языка и обычаевъ страны, приходилось бывать при тѣхъ или другихъ религіозныхъ обрядахъ литовцевъ и затѣмъ описать ихъ въ своихъ хроникахъ. Такъ, между

прочимъ, доминиканскій монахъ Симонъ Грюнау въ 1520 г. присутствовалъ при совершеніи козлиной, или очистительной жертвы, и подробно описалъ это торжество въ своей лѣтописи. Однажды онъ, отправляясь гулять, незамѣтнымъ образомъ попалъ въ одно селеніе, гдѣ шло приготовленіе къ совершенію очистительной жертвы; такъ какъ Грюнау хорошо зналъ литовскій языкъ и обычаи страны, то безпрепятственно былъ допущенъ къ участію въ обрядѣ. Торжество началось проповѣдью вайделота, излагавшаго правила жизни; затѣмъ привели козла, жрецъ положилъ на него руки и сталъ читать молитвы, а окружавшій народъ каяться въ грѣхахъ; потомъ вайделотъ убилъ жертву и кровью ея окропилъ присутствующихъ. Послѣ этого всѣ участвовавшіе въ торжествѣ поочередно подходили къ жрецу и тотъ каждаго изъ нихъ бралъ за волосы и потряхивалъ изъ стороны въ сторону, какъ бы вытряхивая грѣхи, а потомъ всѣ бросились на самого вайделота и, въ свою очередь, стали трепать его за волосы; жрецъ кричалъ что есть силы; „по вѣрованію литовцевъ, говоритъ Грюнау, чѣмъ громче будетъ кричать вайделотъ, тѣмъ полнѣе боги отпустятъ грѣхи всѣмъ участвующимъ при жертвоприношеніи". Въ заключеніе устроенъ былъ роскошный пиръ.

Человѣческія жертвы въ древней Литвѣ были въ большомъ ходу. Онѣ считались чуть ли не угоднѣе богамъ, чѣмъ козлиныя. Жертвы этого рода всегда совершались при громадномъ стеченіи народа и торжественной обстановкѣ. Дѣлились онѣ на добровольныя и насильственныя. Добровольныя жертвы имѣли значеніе очистительное, и на нее обрекали себя по большей части больные и увѣчные или глубокіе старики, въ этомъ смыслѣ сожигали себя престарѣлые Криве-Кривейты и родители приносили въ жертву Потримпосу больныхъ дѣтей. Насильственныя жертвы приносились изъ военно-плѣнныхъ: обыкновенно, послѣ удачнаго похода, въ жертву богамъ отдавали на руки первосвященнику треть всей добычи и торжественно сожигали, въ знакъ благодарности, знатнѣйшихъ плѣнныхъ. Въ лѣтописи прусскаго хрониста Петра Дюсбурга есть нѣсколько свидѣтельствъ о существованіи этого обычая; такъ, подъ 1261 г. онъ передаетъ слѣдующее извѣстіе: въ этомъ году прусское племя одержало значительную побѣду надъ крестоносцами; взяли многихъ въ плѣнъ и рѣшились одного изъ нихъ принести богамъ въ благодарственную жертву; съ этою цѣлію между плѣнными бросили жребій, который упалъ на богатаго и благороднаго гражданина магдебургскаго Гирцгальса; но тотъ обратился съ просьбою о спасеніи къ одному изъ прусскихъ старшинъ—Генриху Монте, которому Гирцгальсъ сдѣлалъ много добра, когда самъ Монте былъ въ Магдебургѣ въ качествѣ плѣннаго; по ходатайству этого старшины, Гирцгальса дѣйствительно освободили отъ принесенія въ жертву; поэтому приступили снова къ жребію, и жребій снова упалъ на Гирц-

гальса; но и на этотъ разъ Монте выручилъ рыцаря; бросили жребій въ третій разъ, и жребій въ третій разъ палъ на Гирцгальса. Послѣ этого Гирцгальсъ уже больше не сталъ просить помилованія: пошелъ добровольно на костеръ, гдѣ и сожженъ былъ во всемъ вооруженіи.

Присяга. Древніе литовцы для подтвержденія своихъ словъ, подобно всѣмъ народамъ, употребляли присягу, которая у нихъ выражалась слѣдующимъ образомъ: клявшійся обыкновенно клалъ свою правую руку на голову тому, кому клялся, а лѣвою касался священнаго дуба и при этомъ произносилъ слова: „Клянусь Перкуномъ"! или „Пусть меня пожретъ земля"! или, наконецъ, „Пусть я почернѣю какъ уголь, разсыплюсь какъ прахъ земной и отвердѣю какъ камень"! Во время клятвы часто клали на голову клявшагося кусокъ земли. По свидѣтельству нѣмецкихъ хроникъ, прусскіе литовцы при произношеніи клятвы клали правую руку на затылокъ или на горло, а лѣвою касались священнаго дуба. Такого рода клятва у литовцевъ считалась важнѣе, даже послѣ введенія христіанства, чѣмъ клятва предъ евангеліемъ. Въ XIII и XIV ст. въ Литвѣ во время разбирательства дѣла въ судѣ свидѣтели, люди достойные вѣроятія, клали предъ судьею шапку и говорили: „Какъ я кладу предъ тобою мою шапку, такъ готовъ положить и голову въ удостовѣреніе правоты моего свидѣтельства".

Погребальные обряды. Всѣ литовскіе племена безъ исключенія вѣрили въ безсмертіе души и, не смотря, повидимому, на невмѣняемость грѣха [1]), ожидали въ загробной жизни или награды, или наказанія. Награда ожидаетъ того, говорили литовцы, кто безъ ропота покорятся судьбѣ, наказаніе того—кто дерзаетъ противиться ей. Грѣхъ могъ быть искупленъ, по мнѣнію литовцевъ, принесеніемъ въ жертву самого себя или предмета дорогого сердцу. Самымъ страшнымъ наказаніемъ почиталось осужденіе души человѣка на ничтожество [2]). Въ противномъ случаѣ человѣкъ улеталъ на небо или оставался невидимо на землѣ, не переставая быть вѣчнымъ [3]).

---

[1]) См. филисофско-религіозныя воззрѣнія литовцевъ на міръ вообще и человѣка въ частности.

[2]) Подробности послѣдняго вѣрованія не извѣстны; равнымъ образомъ, неизвѣстно, откуда литовцы заимствовали его? Правда, у древнихъ индусовъ подобное вѣрованіе было, но только оно, какъ извѣстно, выработано у нихъ Буддою (сыномъ одного индійскаго царя) только за 500 лѣтъ до Р. Хр., когда литовцевъ уже не было въ Азіи; притомъ, по ученію Будды, осужденіе души человѣка послѣ его смерти на вѣчное ничтожество (погасаніе въ Нерванѣ, пустотѣ, какъ говоритъ Будда) составляетъ не наказаніе, а блаженство.

[3]) Краковскій епископъ Викентій Кадлубекъ (умеръ 1223 г.) въ своей исторіи Польши говоритъ, что литовцы вѣровали въ переселеніе—однихъ душъ въ тѣла еще нерожденныхъ дѣтей, а другихъ—въ тѣла животныхъ.

Самый распространенный обрядъ погребенія литовцевъ состоялъ въ сожженіи трупа покойника. Для этой цѣли, обыкновенно, устраивали костеръ, на которомъ, по словамъ Дюсбурга, Длугоша и лѣтописи, такъ называемой Быховца, вмѣстѣ съ умершимъ сожигали всѣ тѣ вещи и предметы, которые онъ любилъ въ жизни или которыми занимался въ ней. Такъ, съ воиномъ сожигали: боевого коня, саблю, пику, лукъ, стрѣлы, щитъ и вообще всѣ тѣ оружія и воинскіе доспѣхи, которые покойный употреблялъ при жизни. Но кромѣ этого съ покойникомъ иногда сожигали его жену и нѣкоторыхъ прислугъ. По словамъ тѣхъ же писателей, сожиганіе съ покойникомъ употребляемыхъ имъ при жизни предметовъ, а также и любимыхъ лицъ совершалось въ виду того, что онъ современемъ воскреснетъ и вступитъ въ то общественное и семейное положеніе, которое занималъ въ настоящей жизни.

Сожиганіе трупа умершаго совершалось на третій день. При этомъ обрядѣ всегда присутствовали жрецы-тилуссоны. Они выносили покойника изъ дома, пѣли на пути до костра молитвы, а около костра говорили поученія, въ которыхъ прославляли дѣла умершаго.

Послѣ сожженія тѣла покойника, прахъ его собирали въ горшки или гробы и закапывали въ землю, насыпая на немъ курганъ, или ставили у дороги; около сосуда съ прахомъ клали подарки: пищу, питье, деньги и т. п. Сосуды эти и понынѣ находятъ при раскопкахъ всѣхъ старыхъ литовскихъ кургановъ. На 6, 9 и 40 день послѣ смерти покойника устраивали поминки. Во время такихъ угощеній всѣ сидѣли молча и ѣли, не употребляя ножей. При началѣ каждаго кушанья жрецъ читалъ молитву, бралъ рукою часть пищи и бросалъ подъ столъ, то же дѣлалъ и съ напитками, думая, что душа умершаго пользуется брошеннымъ. Если же что нечаянно упадало со стола, то не подымали упавшаго, а оставляли для душъ, не имѣвшихъ на этомъ свѣтѣ ни родственниковъ, ни друзей, которые бы могли ихъ пригласить на пирушку. По окончаніи обѣда жрецъ, какъ главное лицо на пиршествѣ, вставалъ изъ-за стола и, заметая избу, произносилъ: „души, вы ѣли и пили, теперь удалитесь“! Послѣ этого начиналась новая пирушка, которая продолжалась далеко за полночь и оканчивалась поголовнымъ пьянствомъ.

Литовцы вѣровали въ день судный, который, по ихъ понятію, будетъ въ загробной жизни. Мѣстомъ суда, какъ это видно изъ лѣтописи Быховца, будетъ высокая гора, на которую возсядетъ самъ Богъ и призоветъ къ себѣ всѣхъ умершихъ для отчета въ проведенной ими жизни на землѣ. Подойдя къ горѣ, умершіе должны будутъ карабкаться на нее и при этомъ кто изъ нихъ скорѣе вползетъ на гору, тотъ и раньше попадетъ въ блаженную страну, назначенную для праведныхъ. На этомъ основаніи литовцы съ покойниками всегда сожигали когти барса и когти медвѣдя.

Въ заключеніе погребальныхъ обрядовъ мы должны сказать, что не всѣ литовцы сожигали своихъ покойниковъ: бѣдные большую часть зарывали ихъ въ землю. Но по вѣрованію литовцевъ, лица, похороненныя по послѣднему обряду, не наслаждались блаженствомъ въ загробной жизни: ихъ на томъ свѣтѣ, говорили литовцы, точатъ черви, жалятъ пчелы, мучатъ разные гады и т. п., тогда какъ покойники, сожженные на кострѣ, пребываютъ въ сладкомъ снѣ, какъ въ колыбелькѣ.

Свадебные обряды. Древніе литовцы смотрѣли на бракъ, какъ на обрядъ религіозный, а потому и бракъ у нихъ никогда не совершался безъ участія жреца и возношенія молитвы къ богамъ.

По древнему обычаю, у литовцевъ было одноженство. Впрочемъ, не запрещалось имѣть и нѣсколько женъ, особенно у литовцевъ прусскихъ [1]). Но первая жена была госпожею въ домѣ, совѣтницею мужа и распорядительницею всего хозяйства, а взятыя послѣ, преимущественно изъ плѣнницъ и купленныя у бѣдныхъ, считались невольницами, не допускались къ столу, исполняли всѣ тяжелыя работы и какъ имущество подлежали раздѣлу между наслѣдниками [2]). Князья, свято хранившіе древніе обычаи страны и не желая служить соблазномъ для своего народа, всегда имѣли по одной женѣ.

Бракъ совершался по большей части по любви, а не по принужденію; въ этомъ отношеніи литовцы выше стояли многихъ народовъ того времени. Если же родители по какимъ-либо причинамъ не соглашались на бракъ, то дѣти сами его устраивали и родители, по обычаю страны, не имѣли права расторгать его. Нерѣдко случалось, что женихъ увозилъ невѣсту и родители тоже не имѣли права мстить жениху, если только тотъ дѣйствительно вступалъ съ нею въ законный бракъ, въ противномъ случаѣ месть дозволялась въ широкихъ размѣрахъ: мстили не только виновнику похищенія, но и всѣмъ его родственникамъ.

Изъ степеней родства только 1-я и 2-я степени не дозволяли вступать въ бракъ, и даже пасынки имѣли право жениться на мачихахъ. Если же умирала жена и оставляла мужа бездѣтнымъ или, наоборотъ, умиралъ мужъ и оставлялъ жену бездѣтною, то оставшіеся въ живыхъ обязаны были вступить въ новое супружество для продолженія рода. Если жена при жизни мужа нарушала супружескую вѣрность, то ее сжигали на кострѣ, также поступали и съ мужьями.

---

[1]) На этомъ основаніи Петръ Дюсбургъ и Длугошъ говорятъ, что въ Литвѣ существовало многоженство.

[2]) Жены, взятыя послѣ первой, были ничто иное, какъ рабыни. Бракъ съ ними, какъ кажется, совершался безъ участія жреца и молитвы къ богамъ.

Какъ сватовство совершалось у древнихъ литовцевъ, мы не знаемъ Знаемъ только то, что невѣста, послѣ сговора, постоянно сидѣла дома и занималась домашнею работою, то же самое и женихъ дѣлалъ; они даже рѣдко видѣлись между собою.

Наканунѣ брака подруги невѣсты съ вечера собирались къ ней въ домъ, садились за столъ и начинали пѣть заунывныя пѣсни, въ которыхъ, обыкновенно, оплакивали близкую потерю дѣвичества, а затѣмъ обращались ко всѣмъ животнымъ и вещамъ въ домѣ съ вопросами: кто послѣ за ними будетъ ухаживать? въ заключеніе обращали вопросъ къ домашнему очагу: кто будетъ его поддерживать, чтобы отецъ и мать могли при немъ согрѣвать свои одряхлѣвшіе члены?

Около полуночи, когда уже всѣ обычныя пѣсни бываютъ пропѣты, невѣста вмѣстѣ съ подругами выходила изъ родительскаго дома, садилась въ приготовленныя повозки и ѣхала къ жениху. На рубежѣ селенія жениха, ее встрѣчалъ посланный, держа въ одной рукѣ горящую головню, а въ другой—кубокъ пива. Онъ останавливалъ поѣздъ, подходилъ къ той повозкѣ, гдѣ сидѣла невѣста, обходилъ ее кругомъ три раза и говорилъ: „не плачь, вотъ священный огонь, какъ ты его берегла дома, такъ будешь беречь и у насъ“! Потомъ давалъ невѣстѣ напиться пива, садился на коня и мчался обратно къ жениху. Въѣхавши на дворъ, посланный спрыгивалъ съ сѣдла, опромѣтью вбѣгалъ въ комнату и однимъ прыжкомъ вскакивалъ на поставленный посрединѣ комнаты табуретъ, причемъ родные жениха замѣчали: если онъ исполнялъ это дѣло ловко, т. е. вскакивалъ удачно на табуретъ, то за это получалъ полотенце, которымъ покрытъ былъ табуретъ, въ противномъ случаѣ его били и выбрасывали за дверь, какъ дурного вѣстника. Между тѣмъ пріѣзжала невѣста, вводили ее въ комнату, сажали на стулъ и совершали постриги. А какъ этотъ обрядъ происходилъ—неизвѣстно: лѣтописцы не описали его. Вѣроятно, какъ нѣкоторые думаютъ, онъ совершался такъ, какъ теперь совершается у литовцевъ на Жмуди, потому что обряды въ низшемъ классѣ народа, какъ справедливо замѣчаетъ Боричевскій [1]), переходя изъ поколѣнія къ поколѣнію, очень долго остаются безъ измѣненія. Нынѣшніе постриги въ простомъ литовскомъ народѣ совершаются слѣдующимъ образомъ: по окончаніи свадебнаго обряда новобрачную сажаютъ на квашню, опрокинутую вверхъ дномъ; окружаютъ ее подруги и начинаютъ пѣть пѣсни, въ которыхъ оплакивается переходъ изъ дѣвической свободы въ состояніе подчиненности мужу, трудовъ и заботъ; затѣмъ снимаютъ съ головы вѣнокъ изъ руты и расчесываютъ волосы; посаженная мать беретъ локонъ волосъ надъ лѣвымъ ухомъ, продѣваетъ его въ кольцо, а посаженный отецъ поджигаетъ восковою свѣчею; то же самое дѣлается надъ правымъ

[1]) Извѣстный изслѣдователь по древней литовской исторіи.

ухомъ, спереди и на затылкѣ; потомъ родная мать, или хозяйка дома, ставитъ на колѣни новобрачной тарелку съ кускомъ хлѣба и кубкомъ пива, посаженные отецъ и мать, а за ними и всѣ гости, обходятъ вокругъ новобрачной, мужчины бросаютъ въ кубокъ по монетѣ, а женщины покрываютъ ее кускомъ бѣлаго полотна на рубаху безъ рукавовъ; послѣ этого новобрачная встаетъ съ квашни, обноситъ кругомъ ея тарелку съ кускомъ хлѣба и пивомъ, потомъ хлѣбъ кладетъ на столъ, а пиво выливаетъ на порогъ. Такъ въ настоящее время совершаются постриги у литовскаго простонародья, такъ, вѣроятно, они совершались и въ древности [1]).

По окончаніи постригъ наступало самое время брака: выходилъ на средину комнаты жрецъ-швальгонъ, бралъ чару пива и давалъ ее пить жениху и невѣстѣ; потомъ сажалъ жениха за столъ, а невѣсту три раза обводилъ вокругъ огня; затѣмъ бралъ священную воду и окроплялъ ею невѣсту, а также жениха и брачное ложе; послѣ этого онъ завязывалъ невѣстѣ глаза, губы намазывалъ медомъ и говорилъ краткое наставленіе, что любопытство и болтливость—несноснѣйшіе пороки въ женѣ, а потому она должна на все смотрѣть закрытыми глазами, что до нея не касается, и говорить рѣчи сладкія, какъ медъ. Съ завязанными глазами швальгонъ провожалъ невѣсту чрезъ всѣ двери дома и поминутно осыпалъ ее макомъ и мелкими зернами, приговаривая: „наши боги благословятъ тебя всѣмъ, если ты будешь хранить вѣру, въ которой скончались твои предки, и если за хозяйствомъ будешь смотрѣть заботливо“. По возвращеніи въ комнату жрецъ снова бралъ чару съ пивомъ, давалъ пить жениху и невѣстѣ, а затѣмъ чару бросалъ имъ подъ ноги, которую тѣ растаптывали на мелкія части, а швальгонъ произносилъ: „такова жертва преступной любви! пусть же любовь постоянная, истинная, вѣрная и взаимная будетъ вашимъ удѣломъ“. Всѣ

[1]) Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ вмѣсто постригъ, какъ описано выше, снимаютъ только рутяной вѣнокъ съ головы новобрачной, а дружки распускаютъ косы. При этомъ дѣвицы, находившіяся тутъ, поютъ отъ лица родной матери:

Дочка моя,
Милая моя!
Иди въ рутяной садокъ,
Тамъ себѣ нарвешь,
Тамъ себѣ сплетешь
Вѣночекъ изъ зеленой руты.
Вѣночекъ мой,
Зеленый мой!
Нѣтъ ужъ тебя на головѣ.
Снимутъ вѣночекъ,
Надѣнутъ шапочку
Бремя для головки,
Горесть для сердца,
На всякія заботы;
Вѣночекъ мой,
Зеленый мой,
Легокъ на головѣ,
Веселіе въ сердцѣ,
Нѣтъ никакихъ заботъ.

Упоминаемая здѣсь рута—желтый цвѣтокъ, любимый въ Литвѣ, эмблема невинности.

присутствующіе повторяли эти слова. Наконецъ, жрецъ читалъ послѣднюю молитву, размѣнивалъ кольца новобрачныхъ и свадебный обрядъ кончался; начинался пиръ.

Предъ отходомъ ко сну у новобрачной обрѣзывали волосы и надѣвали на голову обглей, или завой (родъ чепчика). На другой день новобрачныхъ кормили куропатками, самыми плодовитыми птицами, чтобы у нихъ было какъ можно болѣе дѣтей, особенно сыновей [1]).

Миѳическія преданія древнихъ литовцевъ [2]).

Подобно древнимъ грекамъ, и древніе литовцы имѣли у себя преданія какъ о дѣятельности боговъ и полубоговъ, такъ и о дѣятельности героевъ. Правда, преданія литовцевъ далеко уступаютъ преданіямъ грековъ и по своему количеству, и по своему богатству фантазіи; но, тѣмъ не менѣе, и у литовцевъ ихъ достаточно числомъ и литовскія преданія обнаруживаютъ немалую силу творческой фантазіи. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Миѳъ о солнцѣ. Солнце въ древней литовской миѳологіи представлялось подъ именемъ богини-красавицы, которая каждое утро въ колесницѣ, запряженной тремя конями: серебрянымъ, золотымъ и алмазнымъ, проѣзжаетъ надъ землею [3]). Дворецъ солнца находится на

---

[1]) При рожденіи сына у древнихъ литовцевъ, какъ сообщаютъ нѣкоторые писатели, существовалъ слѣдующій замѣчательный обычай: въ первую лунную ночь, послѣ рожденія ребенка, мать выходила въ поле, вырывала изъ земли корень полынной травы, который, принеся домой, клала между двумя сѣрыми камнями и выжимала изъ него сокъ; затѣмъ сокъ этотъ смѣшивала съ коровьимъ молокомъ и давала пить мальчику, чтобы укрѣпить его силы для борьбы съ невзгодами жизни. Обычай этотъ существуетъ до настоящаго времени а Жмуди. Онъ напоминаетъ древнюю индусскую жертву „Сома“.

Примѣчаніе. „*Сома*“—былъ медосладкій напитокъ, который древними индусами въ качествѣ жертвы приносился богу Индрѣ (Индра былъ самымъ главнымъ богомъ индусовъ, когда они еще жили на р. Индѣ, т. е. скоро послѣ отдѣленія отъ аріевъ). Богъ Индра, по вѣрованію древнихъ индусовъ, пилъ „Сома“ съ цѣлію получить больше силы для борьбы съ злыми духами.

Напитокъ „Сома“ приготовлялся слѣдующимъ образомъ: индусскіе жрецы въ одну лунную ночь съ жезлами въ рукахъ и золотыми кольцами на пальцахъ, при пѣніи священныхъ гимновъ, шли въ горы и тамъ собирали какое-то горное растеніе; отрѣзывали корни, очищали листья, клали стебель между двумя камнями и растирали его; затѣмъ массу эту терли на золотомъ ситѣ и опускали въ золотой сосудъ, куда вливали молоко отъ семи коровъ, трижды подоенныхъ. Послѣ этого ставили сосудъ въ теплое мѣсто, чтобы произошло броженіе. Чрезъ нѣсколько дней напитокъ былъ готовъ.

[2]) См. вышеозначенныя сочиненія.

[3]) У зендовъ былъ похожій миѳъ: народъ этотъ обожалъ солнце подъ именемъ бога „Митры“, который жилъ на востокѣ и выѣзжалъ оттуда въ блестя-

востокѣ. Двѣ звѣзды—Аушринне и Вакаринне (денница и вечерница)—принадлежали къ придворному штату солнца и были прислужницами его: онѣ раскладываютъ ему огонь, подаютъ воду и стелютъ постель.

Солнце, по словамъ миѳа, въ древности было женою мѣсяца, но когда невѣрный супругъ сталъ ухаживать за румяной денницей, то Перкунъ, не терпя вообще скандаловъ на небѣ, схватилъ мечъ и разсѣкъ его на части.

Миѳъ о потопѣ. Промжимасъ (богъ судьбы) очень любилъ людей и постоянно заботился о нихъ, но вдругъ узнаетъ, что между ними воцарилось зло: стали происходить разбои и разнаго рода злодѣйства; тогда онъ рѣшился наказать ихъ, особенно злыхъ исполиновъ, которые постоянно подбивали людей на зло; онъ послалъ на землю двухъ ангеловъ: Ванду и Вейю, т. е. воду и вѣтеръ, которые въ продолженіе 40 дней затопили всю землю и истребили все живущее на ней; осталась только небольшая горсть людей и животныхъ, которые тѣснились на одной высокой скалѣ и отъ страха не знали что дѣлать. Промжимасу жалко стало ихъ; онъ, щелкая орѣхи, бросилъ имъ съ неба скорлупу; тѣ вскочили въ нее и долгое время носились по бушующимъ волнамъ, пока спала вода; затѣмъ они остановились въ мѣстности, гдѣ теперь живутъ литовцы, размножились и разбѣжались парами по всему свѣту, а тутъ осталась только одна пара, да и та дряхлая, отъ которой нельзя было ожидать потомства; но богъ сжалился надъ нею и посовѣтовалъ ей скакать чрезъ кости земли, т. е. камни. Мужчина перескочилъ девять разъ—явилось девять юношей, женщина перескочила девять разъ—явилось девять дѣвицъ. Отъ нихъ, заключаетъ миѳъ, и произошли девять литовскихъ племенъ [1]).

Миѳъ о богинѣ Лаймѣ. Лайма въ литовской миѳологіи причислена была къ разряду высшихъ боговъ. Она обитала на небѣ въ дворцѣ, окруженномъ великолѣпнымъ садомъ. Эта богиня часто любила выходить на балконъ своего дворца и сидѣть въ золотомъ креслѣ. Однажды она, послѣ сытнаго обѣда, расположилась на своемъ обычномъ мѣстѣ и отъ нечего дѣлать стала смотрѣть на землю,—и вдругъ увидѣла тамъ молодого, стройнаго и прекраснаго юношу, который такъ ей понравился, что она воспылала къ нему любовью и немедленно сошла на землю. Результатомъ этого путешествія богини къ смертному было рожденіе сына, котораго она назвала Мейтусомъ и скрыла его въ потаен-

---

щей колесницѣ, запряженной 4-мя бѣлыми конями. Его индусы считали богомъ правды. Ему посвящены были бѣлые кони и именемъ его клялись цари. Въ честь этого бога предъ войскомъ возили пустую колесницу, запряженную 6-ю бѣлыми конями.

[1]) Подобный миѳъ существуетъ въ греческой миѳологіи о Девкаліонѣ и Пиррѣ.

номъ мѣстѣ. Но о поступкѣ ея узналъ Оккопирмосъ (предвѣчный) и, пылая гнѣвомъ, что богиня вступила въ преступную связь съ смертнымъ, наказалъ и сына, и мать: перваго онъ, схвативши за ноги, забросилъ въ самое отдаленное небесное созвѣздіе, а у второй отрѣзалъ сосцы и, искрошивъ ихъ на мелкія части, разсѣялъ по землѣ.

Миѳъ о богинѣ Курминѣ. На берегу рѣки Росси, въ роскошныхъ золотыхъ палатахъ, жила царица Курмина, у которой была дочь Нейола, дѣвица рѣдкой красоты. Нейола страстно любила цвѣты и каждое утро выходила на берегъ рѣки собирать ихъ. Однажды она, подойдя къ Росси, увидѣла посреди ея прелестную розу; дѣвушка, недолго думая, сбросила обувь и отправилась за цвѣткомъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ вода была мелка. Но едва она дотронулась до него, какъ подъ ея ногами раскрылась земля и богъ ада Поклусъ, схвативши ее, утащилъ въ подземное царство, гдѣ вступилъ съ нею въ бракъ.

Между тѣмъ Курмини, не видя долго дочери, сама отправилась на берегъ за нею, но тамъ нашла одну только обувь: мать догадалась, что дочь похищена какимъ-нибудь владѣтельнымъ княземъ окрестныхъ странъ и отправилась отыскивать. Долго богиня путешествовала: обходила сотни городовъ и тысячи селеній, а дочери все-таки не нашла, на зато она научилась отъ людей, какъ обработывать поля и сѣять хлѣбъ, и эти свои познанія, возвратившись на родину, сообщила подданнымъ. Но когда тѣ стали истреблять лѣса подъ пашни, то нашли въ одномъ болотѣ камень, на которомъ рукою бога Промжимаса написана была неизмѣнная судьба Нейолы; прочитавъ надпись, Курмини обратилась къ Поклусу и просила его отпустить дочь на свиданіе; Поклусъ отпустилъ: Нейола вышла къ матери съ своими дѣтьми, про вела съ нею нѣсколько лѣтъ, а потомъ снова удалилась въ подземное царство [1]).

О богинѣ морской Юратѣ. Въ самой глубинѣ Балтійскаго моря въ древности стоялъ великолѣпный дворецъ изъ чистаго янтаря. Въ этомъ дворцѣ жила богиня Юрата, которая питалась особаго рода рыбою. Но вдругъ она узнаетъ, что эту самую рыбу стали люди ловить. По этому поводу морская владычица изъ своихъ придворныхъ составила совѣтъ; на совѣтѣ положено было: заманивать рыбаковъ на морское дно и тутъ предавать ихъ смерти. Но не прошло и года послѣ этого постановленія, какъ сама Юрата влюбилась въ одного рыбака и устроила съ нимъ постоянное свиданіе на берегу моря. Но это недолго продолжалось: скоро узналъ Перкунъ, что богиня соединяется любовью съ смертнымъ; поразилъ рыбака и разбилъ громомъ въ дребезги ян-

---

[1]) Миѳъ этотъ почти совершенно сходенъ съ греческимъ миѳомъ о Прозерпинѣ и Церерѣ.

тарный дворецъ Юраты, а самой ей опредѣлилъ такое наказаніе: предъ трупомъ своего возлюбленнаго, прикованная на днѣ моря, должна вѣчно оплакивать свое паденіе, и часто, заключаетъ миѳъ, балтійскіе пловцы слышатъ подводные стоны богини, а вода выноситъ обломки янтарнаго чертога бывшей повелительницы моря.

О болотной царицѣ. Болото въ литовской миѳологіи представляется жилищемъ злыхъ духовъ. Духи эти живутъ на самомъ днѣ, въ неизмѣримыхъ и мрачныхъ пропастяхъ. Въ одной легендѣ разсказывается слѣдующее: въ глубокой древности одна литовская царица долго жила на одной скалѣ, а потомъ сошла въ болотную бездну, гдѣ поселилась въ трюмѣ воздушнаго корабля. Но ей скоро наскучило жить въ пропасти: она по временамъ стала выходить изъ бездны, гулять по лугамъ и разговаривать съ жителями окрестныхъ селеній. Но тѣ не взлюбили ее за ея безобразный видъ и порѣшили призвать чернокнижника, чтобы тотъ своими заклинаніями выгналъ царицу изъ ея жилища. Узнала объ этомъ царица, явилась къ жителямъ и объявила имъ, что если она переселится отъ нихъ, то всѣ окрестные луга покроются водою, потому что главное отверстіе, ведущее въ бездну, теперь закрыто лошадиною головою и придерживается ея рукою.

О **молодомъ человѣкѣ и Лаймѣ.** Въ одинъ домъ каждую ночь стала являться Лайма и душить живущаго въ немъ молодого человѣка. Что только онъ ни дѣлалъ, чтобы избавиться отъ богини, но ничто не помогало. Наконецъ обратился къ одному знахарю за совѣтомъ и предложилъ ему большую сумму денегъ; тотъ принялъ подарокъ и далъ такое наставленіе: въ глухую полночь подъ пятницу отправиться въ самую чащу лѣса, срубить дубокъ, сдѣлать изъ него деревянный гвоздь и заткнуть имъ ту дыру въ стѣнѣ, въ которую Лайма влѣзала. Молодой человѣкъ въ точности исполнилъ наставленіе: сходилъ подъ пятницу въ чащу лѣса, вырубилъ дубокъ, сдѣлалъ гвоздь и сталъ дожидаться появленія Лаймы; на слѣдующую ночь та явилась; онъ всталъ съ постели, подбѣжалъ къ дырѣ и заткнулъ отверстіе. Въ продолженіе цѣлой ночи молодой человѣкъ слышалъ, какъ въ его спальнѣ, въ углу, гдѣ была дыра, что-то возилось и царапало, будто кошка. На слѣдующее утро, когда проснулся, онъ увидѣлъ предъ собою дѣвицу рѣдкой красоты, полюбилъ ее и вступилъ съ нею въ бракъ.

Нѣсколько лѣтъ молодой человѣкъ прожилъ съ своею женою и имѣлъ отъ нея много прекрасныхъ дѣтей. Жена была тиха, кротка и послушна, но только имѣла одну странность: ни одного дѣла сама не могла начать и кончить его; надобно чтобы кто-нибудь началъ его—она будетъ работать, а кончить долженъ другой. Долго мужъ хлопоталъ, чтобы уничтожить эту странность, но напрасно: „оноткни дыру, говорила жена, можетъ быть тогда я съумѣю начать и кончить дѣло“?

И наконецъ, дѣйствительно, упросила его сдѣлать это; но Лайма на слѣдующую ночь ушла отъ мужа. Послѣ того она, прибавляетъ легенда, каждый четвергъ, вечеромъ, приносила своимъ дѣткамъ по бѣленькой рубашкѣ, а сама никогда не показывалась.

Легендарные герои древнихъ литовцевъ.

Въ исторіи древнихъ литовцевъ, такъ же, какъ и въ исторіи древнихъ грековъ, существовалъ героическій періодъ, въ которомъ совершали свою дѣятельность миѳическія лица. Какъ въ исторіи древнихъ грековъ лица, поражавшія вниманіе народа необыкновенными подвигами или научившія соотечественниковъ какому-нибудь полезному занятію, признаваемы были за существа сверхъестественныя, которымъ потомство оказывало особую почесть, такъ было и въ исторіи древнихъ литовцевъ. Поэтому какъ тамъ, такъ и здѣсь мы находимъ полубоговъ и героевъ древности. Къ числу лицъ такого рода въ древней литовской исторіи принадлежатъ: Витолъ, Алцисъ, Гелонъ, Ишментасъ, Медзіойма, Брутень и Вайдевутъ, Немонъ и Полимонъ.

Витолъ. Человѣкъ этотъ одаренъ былъ необыкновенною силою и великою мудростью. Какъ волшебникъ, онъ повелѣвалъ духами и зналъ прошедшее, настоящее и будущее. Передъ нимъ дрожали цари и какъ милости искали его дружбы и принимали совѣты, подобно совѣтамъ боговъ.

Витолъ не любилъ ни съ кѣмъ водить дружбы; у него одинъ былъ другъ—это его конь, котораго звали Іоджъ (черный). Какъ страшная буря богатырь носился на своемъ конѣ отъ края неба до края земли: ни звѣрь, ни птица, ни быстрые вѣтры не могли его обогнать. Голова этого коня служила ему иногда убѣжищемъ: онъ однимъ ухомъ влѣзалъ въ нее, отдыхалъ въ черепѣ коня, а другимъ выходилъ. Но скоро Витолъ лишился своего друга: былъ однажды богатырь приглашенъ на пиръ къ одному царю и тамъ случилось это несчастіе: боги, опасаясь, чтобы отъ Іоджа не произошла такая же чудная и прекрасная порода лошадей, какъ онъ самъ, покрыли его высокою каменною горою, отчего Іоджъ и погибъ. Витолъ въ ужасъ пришелъ отъ сего несчастія; считая виновникомъ царя, которымъ приглашенъ былъ на пиръ, богатырь хотѣлъ было убить его, но тотъ, будучи самъ волшебникомъ, отклонилъ своими чарами грозившую гибель. Послѣ этого Витолъ и царь помирились и сдѣлались друзьями.

Алцисъ. Подобно Витолу, Алцисъ отличался необыкновенною силою, сверхъ того боги еще наградили его исполинскимъ ростомъ, но зато онъ уступалъ Витолу въ мудрости. Богатырь этотъ постоянно путешествовалъ отъ одного царства до другого. Въ своей жизни онъ со-

вершилъ тысячи великихъ подвиговъ. Любилъ бѣдныхъ и добрыхъ людей, которымъ постоянно оказывалъ покровительство.

Самый замѣчательный подвигъ Алциса тотъ, что онъ убилъ страшнаго дракона Дидолиса, который проживалъ въ Литвѣ подъ одною горою въ мрачной пещерѣ, гдѣ стерегъ сокровища. Потомъ онъ влюбился въ дочь одного царя, вступилъ съ нею въ бракъ и подарилъ ей тѣ сокровища, которыя достались ему послѣ Дидолиса. Жена Алциса отличалась необыкновенною красотою, а также исполинскою силою: схватывала быка за рога и какъ пухъ перебрасывала его черезъ голову. Но при всемъ томъ она была далеко слабѣе мужа. Мужъ сильно любилъ ее и постоянно съ нею путешествовалъ. Когда она отъ дальняго пути уставала, то Алцисъ сажалъ ее на свое плечо и такъ продолжалъ странствованіе. При переходѣ чрезъ большія рѣки вода доходила Алцису только до колѣнъ [1]).

Гелонъ. Литовскія легенды разсказываютъ, что въ глубокой древности на литовцевъ часто нападали съ сѣвера людоѣды. Они страшно разоряли и опустошали страну, захватывали въ плѣнъ людей, уводили къ берегамъ сѣвернаго моря и тамъ пожирали ихъ, а изъ костей складывали огромныя пирамиды въ честь своихъ боговъ. И долго, говоритъ одна легенда, не было человѣка, который бы избавилъ литовцевъ отъ этихъ страшныхъ людей! Но вотъ нашелся богатырь, по имени Гелонъ, сынъ иглы (еловый лѣсъ), который избавилъ литовцевъ отъ этого бѣдствія. Онъ напалъ на людоѣдовъ, когда тѣ пришли въ Литву за обычною добычею, и истребилъ совершенно. Потомъ Гелонъ жилъ въ приморской странѣ, гдѣ онъ, какъ и его потомки, пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ.

Когда, говоритъ та же легенда, скандинавы овладѣли Жмудью, то потомки Гелона всѣ погибли въ битвахъ съ ними. Изъ нихъ остался одинъ только кунигасъ (князь) Иминусъ, котораго еще младенцемъ отвезли къ дреговичамъ, народу союзному потомкамъ Гелона. Иминусъ жилъ въ городѣ Игменѣ. Одинъ изъ потомковъ его Глапимонъ Дормундовичъ въ XII в. снова переселился въ Литву. Сынъ его Сутинкъ имѣлъ владѣнія въ Жмуди, сынъ же Сутинка Лютауръ, заключаетъ легенда, былъ отцомъ Гедимина [2]).

---

[1]) Въ лицѣ Алциса нѣкоторые ученые видятъ дикихъ народовъ, нападающихъ на Литву въ глубокой древности. Въ женитьбѣ же Алциса въ Литвѣ признаютъ водвореніе этихъ народовъ въ ней и сліяніе ихъ съ литовцами.

Изображеніе Алциса, переходящаго чрезъ рѣку съ женою на плечѣ, находилось на древней литовской печати, которую Гедиминъ установилъ для г. Вильны.

[2]) Говорятъ, что сказаніе о происхожденіи Гедимина отъ Гелона выдумано для ягеллоновъ, съ цѣлію возвысить ихъ родъ, производя его отъ великаго человѣка. Но въ этомъ сказаніи доля справедливости все-таки есть: Гедиминъ дѣйствительно былъ сынъ Лютаура.

Ишментасъ. Преданіе говоритъ, что это былъ великій мудрецъ, который научилъ литовцевъ многимъ полезнымъ занятіямъ, а главное: принесъ съ неба, куда однажды проникъ по волѣ Перкуна, для своихъ соотечественниковъ нѣкоторые законы. Законы эти были хороши и литовцы до тѣхъ поръ были счастливы, пока слѣдовали этимъ законамъ, а какъ только перестали исполнять ихъ, такъ счастіе немедленно покинуло литовцевъ.

Какіе это законы, которые Ишментасъ далъ литовцамъ, мы не знаемъ. Но изрѣченія этого мудреца остались извѣстны, по крайней мѣрѣ ихъ приписываютъ ему. Вотъ эти изрѣченія:

— Дурное сѣмя восходитъ и безъ посѣва, а доброе, хотя бы и посѣянное, не всегда приноситъ плодъ.

— Пиво безъ хмѣля, масло безъ соли, лошадь безъ хвоста, женщина безъ добродѣтели—ничего не стоятъ.

— Распутство—одно только бездѣтно.

— Хвали день вечеромъ, женщину по смерти, мечъ испытавъ, а свою невѣсту послѣ свадьбы.

— Не вѣрь женщинамъ, потому что имѣютъ сердца слабыя, а языкъ лживый, готовый всегда произнести клятвопреступные обѣты.

— Дружба между прекрасными, но злыми женщинами то же, что знаки, видимые въ облакахъ.

— Дурака и труса могутъ любить одни только дурныя женщины.

— Мудрость, мужество и добродѣтель составляютъ основаніе земного и небеснаго блаженства [1]).

Медзіойма. Это была литовская богатырша. Дѣвица исполинскаго росту и силы необыкновенной. Она имѣла мужское лицо: боги одарили ее бородою и усами. Одѣвалась въ звѣриную шкуру. Всю жизнь бродила по дремучимъ лѣсамъ и болотамъ, истребляя звѣрей стрѣлами изъ лука. Ее считали богинею охоты. Мѣстопребываніемъ ея была гора Медзіокальная, въ Жмуди, около мѣстечка Крожъ, Ковенской губерніи, Россіенскаго уѣзда.

Брутень и Вайдевутъ. Изъ всѣхъ преданій литовскаго народа самымъ замѣчательнымъ считается преданіе о Брутенѣ и братѣ его Вайдевутѣ. Преданіе это въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ принимаемо было за неоспоримый фактъ и древніе литовскіе писатели помѣщали его въ своихъ хроникахъ наряду съ фактами несомнѣнно историческими. Теперь уже не вѣрятъ подвигамъ Брутеня и Вайдевута и сына второго—Литво; сомнѣваются даже въ существованіи этихъ лицъ и дѣла

---

[1]) Замѣчательно, что подобнаго рода изрѣченія находятся въ древнемъ скандинавскомъ сборникѣ миѳическихъ и эпическихъ пѣсенъ, записанныхъ въ XII в. священникомъ Семундомъ Вѣщимъ. Сборникъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ „Старой Ведды“.

ихъ приписываютъ цѣлымъ народамъ и результатамъ вѣковыхъ ихъ усилій и переворотовъ. Но, во всякомъ случаѣ, преданіе это очень любопытное: оно указываетъ на прибытіе въ Литву какихъ-то дружинниковъ, которые сошлись съ литовцами и положили начало гражданской и религіозной жизни литовцевъ. Очень можетъ быть, что эти дружинники были скандинавы, какъ говоритъ само преданіе. Вотъ это преданіе.

Въ VI ст. послѣ Р. Хр. предки литовцевъ занимали страну на югъ отъ Балтійскаго моря, между рѣками Вислою и Нѣманомъ. Страна эта называлась Ульмигеріей. Находясь въ сосѣдствѣ съ однимъ изъ польскихъ княжествъ — мазовецкимъ, ульмигеры (литовцы впослѣдствіи, ульмигеры назывались еще аутохтонами, какъ говоритъ преданіе) часто терпѣли нападенія отъ мазовщанъ и, наконецъ, даже были покорены ими. Ульмигеры платили своимъ побѣдителямъ постыдную дань, состоящую изъ нѣкотораго числа юношей. Платили они эту дань безъ ропота, даже считали за честь, что иноземный государь забиралъ у нихъ самыхъ красивыхъ молодыхъ людей и уводилъ ихъ къ себѣ. Но вотъ въ это самое время прибыли въ Ульмигерію скандинавскіе дружинники, они поселились между туземцами, построили крѣпости и впослѣдствіи слились съ предками литовцевъ. Эти новые пришельцы, водворившись въ странѣ литовскихъ предковъ ульмигеровъ (аутохтоновъ тоже), иначе взглянули на дань, платимую туземцами мазовецкому князю. Они скоро постарались уяснить жителямъ Ульмигеріи, что платимая ими дань мазовецкому государю составляетъ не честь, а безчестіе, отъ котораго нужно освободиться. Между скандинавскими дружинниками особенно два брата — Брутень и Вайдевутъ — сильно настаивали на уничтоженіе постыдной дани мазовецкому государю. Они созвали на общій совѣтъ старѣйшинъ и знатнѣйшихъ людей этой страны. Предъ открытіемъ собранія Вайдевутъ произнесъ рѣчь къ народу: „Если бы вы, говорилъ Вайдевутъ, не были бы глупѣе вашихъ пчелъ, то между вами не было бы никакого безпорядка. Вы знаете, что пчелы имѣютъ короля, приказаніямъ котораго повинуются безпрекословно; онъ рѣшаетъ ихъ споры и каждой изъ нихъ опредѣляетъ приличную работу; непослушныхъ, праздношобцевъ, лѣнивыхъ и безполезныхъ выгоняетъ изъ ульевъ и наказываетъ. Вы, которые видите это каждый день, послѣдуйте ихъ примѣру! Выберите себѣ короля, пусть онъ разбираетъ ваши споры, не допускаетъ до убійства, наказываетъ за воровство, защищаетъ невинныхъ; пусть будетъ одинъ и тотъ же для всѣхъ безъ исключенія! пусть въ рукахъ его будутъ законы, судъ и верховная власть"! Рѣчь Вайдевута понравилась всѣмъ; ульмигеры порѣшили выбрать себѣ короля и начальника надъ скандинавскою дружиною. Сначала выборъ палъ на Брутеня; но такъ какъ тотъ посвятилъ себя на служеніе богамъ, то отказался, а по его совѣту выбранъ былъ братъ его Вайдевутъ, человѣкъ одаренный великимъ умомъ и необыкновенными качествами. Вай-

девутъ, будучи избранъ королемъ и вождемъ ульмигеровъ и скандинавскихъ дружинниковъ, призналъ вмѣстѣ съ народомъ брата своего Брутеня равносильнымъ начальникомъ и опредѣлилъ навсегда, чтобы ничего не предпринимать безъ воли и совѣта брата, во всемъ повиноваться его велѣніямъ и быть ему покорнымъ, какъ старшему и представителю боговъ. Какъ объявителю воли боговъ, Брутеню данъ титулъ „Криве-Кривейто“, т. е. судья—судей. Послѣ этого Вайдевутъ и Брутень постановили, чтобы ихъ народъ не былъ никому подвластенъ, никому не платилъ дани и не давалъ даровъ, и былъ бы подчиненъ только однимъ богамъ. Вайдевутъ построилъ укрѣпленный городъ Найто, или Нойнино, находившійся между открытымъ моремъ и фришгафомъ.

Между тѣмъ скандинавы, имѣя болѣе свѣдѣній въ военномъ искусствѣ, вскорѣ взяли верхъ надъ ульмигерами, начали ихъ презирать, преслѣдовать и тѣснить ихъ свободу. Начались раздоры и междоусобія. Ульмигеры взбунтовались, напали на притѣснителей и сожгли нѣсколько ихъ городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ. Вайдевутъ хотѣлъ было успокоить народъ, но не могъ этого сдѣлать; тогда онъ обратился къ Криве-Кривейту, который созвалъ его въ Балгу и тамъ успокоилъ. На будущее время, для предупрежденія подобныхъ волненій, сдѣланы были слѣдующія постановленія: „никто никого презирать не имѣетъ права и принуждать противъ воли къ работѣ. Если кто будетъ нуждаться въ помощи другого, то долженъ пріобрѣсти эту помощь дружески, подаркомъ, просьбою или инымъ какимъ кроткимъ средствомъ. Благороднымъ будетъ почитаться только тотъ, кто отличится благородными дѣйствіями, опередитъ другихъ борзыми конями и пріобрѣтетъ славу на войнѣ; иначе одни только имена и прозванія будутъ различать ульмигеровъ отъ скандинавовъ.“

Успокоивъ такимъ образомъ взволнованный народъ, Криве-Кривейто въ томъ же мѣстѣ, въ Балгѣ, и тогда же далъ ему законы, которые должны были пересоздать домашнюю жизнь ульмигеровъ, ихъ нравы и обычаи. Самое важнѣйшее изъ постановленій Брутеня состояло въ утвержденіи одной религіи во всемъ народѣ, а потому опредѣлено: чтобы никто безъ вѣдома Криве-Кривейто не поклонялся другимъ богамъ и чтобы изъ чужихъ земель никто не приносилъ въ Литву чужихъ боговъ. Затѣмъ заповѣдано было народу поклоняться только тремъ богамъ: Перкуну, Антримпосу и Поклусу. Именемъ этихъ боговъ предоставлена власть Криве-Кривейту и его преемникамъ объявлять волю боговъ и посвящать жрецовъ. Тогда же положено было считать приказанія Криве-Кривейта равносильными приказаніямъ божескимъ. „Кто все это исполнитъ, сазалъ въ заключеніе Брутень, тотъ можетъ надѣяться на полученіе въ будущей жизни богатой награды, а кто не исполнитъ—будетъ преданъ мученіямъ и несчастіямъ. Всѣ сосѣдніе народы, поклоняющіеся съ ульмигерами однимъ и тѣмъ же богамъ, должны быть

любимы и почитаемы. Другіе же, презирающіе литовскихъ боговъ и оскорбляющіе ихъ, должны быть преслѣдуемы огнемъ и мечемъ".

По обнародованіи законовъ и распущеніи народа, Брутень и Вайдевутъ составили совѣтъ, какъ посредствомъ религіознаго страха сохранить единство и согласіе народа, и порѣшили основать „Ромове". Брутень нашелъ на прекрасномъ лугу огромный, толстый и развѣсистый дубъ, который, какъ говоритъ преданіе, былъ вѣчно покрытъ зелеными листьями. Сюда онъ снова собралъ народъ и объявилъ, что боги выбрали это мѣсто для своего пребыванія между народомъ. Показаны были народу три истукана, привезенные изъ Скандинавіи. Народъ, никогда не видавшій идоловъ, пришелъ въ удивленіе и страхъ. По приказанію Брутеня онъ поставилъ эти истуканы въ трехъ нишахъ, выдолбленныхъ въ дубѣ. Послѣ этого Брутень объявилъ народу волю боговъ, чтобы новые пришельцы (т. е. скандинавы) и старые жители жили между собою въ согласіи и обходились другъ съ другомъ братски. Онъ представилъ имъ, какъ слѣдствіе братскаго согласія, побѣды надъ непріятелемъ, богатую добычу и славу; а въ противномъ случаѣ—порабощеніе сосѣдями, голодъ и моровыя повѣтрія, наконецъ страшныя муки въ загробной жизни. Потомъ приказалъ народу остаться на цѣлую ночь около священнаго дуба, чтобы на другое утро объявить ему волю боговъ, которая передана будетъ ему, какъ главному первосвященнику.

Ночью, говоритъ преданіе, небо заволокло черными тучами, поднялась страшная буря и громовые удары одинъ за другимъ разражались надъ этою долиною; видя все это, народъ пришелъ въ ужасъ и трепеталъ. Утромъ небо прояснилось и солнце взошло во всемъ блескѣ. Брутень, явясь къ народу, сказалъ: „вы слышали, какъ въ эту ночь наши боги громовымъ голосомъ Перкуна разговаривали со мною. Они приказали мнѣ объявить вамъ, чтобы вы признавали ихъ пребываніе и приносили имъ жертвы здѣсь, на этомъ мѣстѣ, около сего священнаго дуба. Но при этомъ боги желаютъ, чтобы избранные жрецы приносили имъ предлагаемыя вами жертвы. Эта страна, которую намъ дали боги, будетъ съ этихъ поръ называться моимъ именемъ, т. е. страною Брутеновъ (отсюда Прутеновъ, а впослѣдствіи Пруссовъ), дабы, такимъ образомъ, новые пришельцы вполнѣ слились съ старыми обитателями, изгладилась въ народѣ всякая разница и споры навсегда прекратились бы; наконецъ, заключилъ свою рѣчь Брутень, чтобы это селеніе называлось Рикайта, или Ромове".

Между тѣмъ, какъ все это происходило въ странѣ ульмигеровъ, мазовецкій князь, не получая нѣсколько лѣтъ своей дани и безпокоясь заведеніемъ новыхъ порядковъ въ землѣ пруссовъ (такъ она теперь называлась отъ имени Брутеня—Прутена, или Прусса), отправилъ къ нимъ посольство напомнить о дани. Но получивши отказъ, собралъ сильное войско и вышелъ противъ брутеновъ или пруссовъ. Вайдевутъ,

съ своей стороны, собралъ войско и тоже вышелъ противъ мазовщанъ. Битва произошла кровопролитная и кончилась пораженіемъ Вайдевута. Послѣ этого мазовецкій князь вошелъ во внутрь страны, страшно опустошилъ ее и при этомъ захватилъ многихъ молодыхъ юношей, которыхъ и увелъ къ себѣ въ Мазовію.

Спустя нѣкоторое время юноши, взятые мазовецкимъ княземъ, бѣжали обратно въ свое отечество, въ землю пруссовъ. Тутъ они научили своихъ земляковъ военному искусству, которое сами хорошо усвоили отъ мазовщанъ. Поэтому пруссы рѣшились еще разъ помѣряться силами съ мазовщанами. На этотъ разъ походъ былъ удачный: Вайдевутъ разбилъ на голову мазовецкаго князя и страшно опустошилъ Мазовію. Мазовецкій князь убитъ былъ во время этой войны.

По возвращеніи побѣдителей въ отечество, Криве-Кривейто созвалъ народъ къ священному дубу въ „Ромове“ и тутъ, принесши жертву богамъ, постановилъ: чтобы каждая добыча, пріобрѣтенная на войнѣ, раздѣлялась на четыре части. Одна изъ нихъ должна отдаваться богамъ покровителямъ, другая—Криве-Кривейту и жрецамъ, молящимъ боговъ о дарованіи побѣды, третья—воинамъ, принимавшимъ участіе въ войнѣ, и четвертая тѣмъ изъ жителей, которые оставались въ отечествѣ и защищали границы сего послѣдняго.

Послѣдняя побѣда пруссовъ высоко поставила Вайдевута и его народъ въ глазахъ сосѣдей: многіе изъ нихъ стали заискивать расположеніе жителей страны пруссовъ; между прочимъ, и сынъ убитаго мазовецкаго князя—Мазошъ, заступившій мѣсто отца, прислалъ своихъ пословъ къ Брутеню и Вайдевуту, прося ихъ заключить съ нимъ вѣчный миръ и въ то же время принести жертву прусскимъ богамъ; и то, и другое онъ получилъ. При принесеніи жертвы, которая состояла изъ коня, сожженнаго на кострѣ, Мазошъ далъ торжественную клятву вѣчно чтить боговъ прусскихъ. Съ тѣхъ поръ началась неразрывная дружба между мазовщанами и жителями страны пруссовъ.

Послѣ вышеописаннаго событія, внутри страны пруссовъ возникли новыя волненія. Волненія эти произвели дѣти Вайдевута, которыхъ было 12-ть. Они стали спорить между собою о верховной власти въ случаѣ смерти отца и дяди. Дѣйствительно, Брутень и Вайдевутъ были уже стары, первому было 132 года, а второму 116 лѣтъ. Чтобы успокоить волненіе и помирить дѣтей, Брутень и Вайдевутъ созвали старѣйшинъ страны и народъ къ священному дубу въ „Ромове“; тутъ они отъ имени боговъ раздѣлили всю страну пруссовъ на 12 частей, въ каждой части назначили правителемъ одного изъ сыновей Вайдевута; при этомъ повелѣли жителямъ каждой части быть послушными и вѣрными тому изъ сыновей Вайдевута, которому назначена эта часть. Затѣмъ Криве-Кривейто отдѣлилъ старшаго сына Вайдевута (по нѣкоторымъ младшаго) Литво, поставилъ его предъ народомъ и священнымъ

дубомъ и приказалъ дать клятву въ вѣчномъ повиновенiи первосвященнику и богамъ пока живъ. Литво возложилъ правую руку на голову Брутеня, а лѣвою прикоснулся къ священному дубу и произнесъ торжественную клятву Криве-Кривейту. Литво получилъ страну отъ рѣкъ Бойко и Нѣмо (т. е. Буга и Нѣмана) до лѣсовъ темныхъ (тансамо), неизвѣстно гдѣ находившихся. Литво царствовалъ въ этой странѣ очень долго; въ ней онъ построилъ въ честь своего сына замокъ Гарто. Владѣнiя Литво впослѣдствiи стали называться именемъ его—Литвою. Другiе сыновья Вайдевута, получивши въ свою власть извѣстныя части страны пруссовъ, дали имъ названiя по своимъ именамъ, такъ: Само далъ названiе Самогитiи, Судъ—Судовiи, Нодро—Нодровiи, Голиндо—Голиндiи и т. д.

По раздѣленiи страны пруссовъ на 12 частей Брутень и Вайдевутъ недолго жили: они добровольно принесли себя въ жертву богамъ, т. е. сожгли себя на кострѣ, сложеннымъ предъ священнымъ дубомъ въ „Ромове". Преданiе это находится у Стрыйковскаго [1]).

Преданiе о Немонѣ. Въ глубокой древности нѣкто Немонъ, во главѣ какого-то народа, выплылъ изъ Балтiйскаго моря въ устье Нѣмана, а отсюда поплылъ вверхъ по Нѣману. Достигши устья р. Дубиссы, пловцы узнали, что здѣсь существуетъ оракулъ и въ восторгѣ отъ этого воскликнули: „Шеродомъ" (здѣсь нашли). Это восклицанiе было причиною названiя того мѣста „Шеродзе". Отъ устья Дубиссы путешественники повернули вверхъ по этой рѣкѣ. Проплывши немного, они вышли на берегъ отдохнуть и при этомъ сказали: „чекишкомъ знокъ" (воткнемъ знакъ), а это подало поводъ къ названiю мѣста ихъ отдохновенiя „Чекишки". Послѣ отдыха спутники поплыли выше по рѣкѣ и, подплывши къ неизмѣримымъ пустынямъ и встрѣтивши препятствiя къ дальнѣйшему путешествiю, сказали: „Эй ирагаласъ" (нѣтъ конца). Но когда Немонъ и его спутники достигли наконецъ до того мѣста, гдѣ надѣялись осуществить предположенную цѣль, то отъ радости запѣли: „Бетъ ира галасъ"! (конецъ путешествiю), отъ чего получило названiе выстроенное тамъ селенiе—„Бетыгола" [2]). Далѣе преданiе говоритъ, что таинственные путешественники остановились въ этой странѣ и основали поселенiя свои и были родоначальниками многихъ литовскихъ кунигасовъ. Впослѣдствiи, прибавляетъ преданiе, потомки

---

[1]) Матвѣй Стрыйковскiй по происхожденiю литвинъ; родился 1547, ум. 1580 г.; онъ написалъ польско-литовскую хронику.

[2]) Мѣстечки: Шеродзе, Чекишки, Эйрагола и Бетыгола теперь существуютъ въ Ковенской губернiи по р. Дубиссѣ. Только мѣстечко Шеродзе теперь называется Среднишки. Въ концѣ XIII ст. въ Эйраголѣ былъ деревянный замокъ, принадлежавшiй владѣльцу его Лютоверу. Лютоверъ послѣ Тройдена былъ литовскимъ княземъ, а по смерти его сыновья его: Витень сначала, а потомъ Гедиминъ.

Немона воздавали ему божескія почести и въ честь его выстроили храмъ въ Немонойцахъ.

Преданіе о Палемонѣ. Въ царствованіе первыхъ римскихъ императоровъ, какой-то римскій гражданинъ, по имени Палемонъ (Балмундъ тоже), съ 500 всадниками, чрезъ Балтійское море и нижнее теченіе р. Нѣмана, попалъ къ устью Дубиссы и здѣсь построилъ первую въ Литвѣ крѣпость Бессены. Отсюда пришельцы распространили свое владычество въ Литвѣ на сѣверъ, югъ и востокъ. Довспрунгъ, товарищъ Палемона, завладѣлъ берегами Свѣнты (Святой) и построилъ городъ Вилкомиръ. Въ короткое время эти пришельцы овладѣли почти всею Литвою. Но по завоеваніи ея Палемонъ и его спутники начали вести тихую и скромную жизнь и пріучать литовцевъ ко всему полезному. Въ то же время эти пришельцы приняли языкъ, вѣру и нравы своихъ побѣжденныхъ и потомъ окончательно слились съ ними [1]).

Изъ приведенныхъ двухъ преданій прежде всего нужно заключить, что Немонъ и Палемонъ одно и то же лицо, тѣмъ болѣе это справедливо, что путь ихъ обоихъ вполнѣ сходенъ; а потомъ—что это лицо было не римскаго происхожденія или другой какой народности, а происхожденія скандинавскаго. Самое имя Немонъ, или Палемонъ (все равно) скандинавское. Дальнѣйшіе потомки, которыхъ приводятъ лѣтописцы, этого скандинавскаго выходца имѣютъ имена чисто скандинавскія (если не всѣ, то большая часть). Очень можетъ быть, что лицо, названное Немономъ, или Палемономъ, не существовало на свѣтѣ и что самый путь его есть продуктъ фантазіи лѣтописцевъ, но что тотъ фактъ, что въ эту страну, т. е. Литву, и притомъ черезъ Нѣманъ, прежде всѣхъ попали скандинавскіе выходцы, нужно признать дѣйствительнымъ.

Преданіе о потомкахъ Палемона. Палемонъ (продолжаетъ преданіе литовцевъ, записанное лѣтописцами) по смерти своей оставилъ по себѣ трехъ сыновей: Боркуса, Куноса и Сперу. Первый основалъ, какъ говоритъ преданіе, городъ Юрбургъ на р. Юрѣ, второй—Ковну, а третій—г. Сперы. По смерти Боркуса и Сперы, остался одинъ Куносъ, присоединивъ владѣнія братьевъ къ своимъ владѣніямъ. Куносъ, какъ говоритъ преданіе, былъ убитъ въ войнѣ съ Ярославомъ І-мъ, русскимъ княземъ, въ 1040 г. Послѣ Куноса осталось два сына: Кернъ и Гимбутъ. Первый былъ княземъ въ собственной Литвѣ, а второй въ Самогитіи. Кернъ основалъ г. Кернъ (Керновъ, въ 35 верст. отъ Вильны), который былъ его столицею. Въ 1058 г. оба брата напали на русскій городъ Брацлавъ и овладѣли имъ. Послѣ смерти братьевъ владѣнія ихъ переходятъ

---

[1]) Всѣ писатели до нашего столѣтія вполнѣ вѣрили этому преданію, но при этомъ одни изъ нихъ полагали, что Палемонъ прибылъ въ Литву за 50 л. до Р. Хр., а другіе 50 л. послѣ Р. Христова и т. д.

къ Монтвиллу Гимбутовичу [1]), а затѣмъ къ сыновьямъ его—Эрдвиллу и Выконту. Въ 1207 г. Эрдвиллъ, по сказанію Стрыйковскаго, перенесъ свою столицу въ Новгородокъ [2]) и покорилъ русскіе города: Брестъ-Литовскъ, Гродну и Дрогичинъ (Подляхію). За Эрдвилломъ слѣдуетъ сынъ его Менгайло, который покоряетъ Полоцкъ, Пинскъ и Туровъ– русскіе города. По смерти Менгайлы обладателемъ Литвы дѣлается Скирмунтъ, затѣмъ—трое сыновей его; изъ нихъ двое погибаютъ въ битвѣ съ татарами около Мозыря, а третій—Тронатъ, дѣлается обладателемъ Литвы; подъ старость онъ передаетъ ее сыну своему Альгимунду. Послѣ Альгимунда извѣстенъ Рингольдъ. Это былъ воинственный князь, соединившій, если вѣрить преданію, подъ свою власть всѣ мелкія литовскія княжества, которыхъ въ это время было уже много. Онъ побѣдилъ и русскихъ князей за то, что тѣ не хотѣли признать за нимъ титулъ великаго литовскаго князя. Послѣ смерти Рингольда, литовскій столъ занялъ сынъ его Миндовгъ. Съ Миндовга собственно начинаются историческія времена Литвы [3]).

Кромѣ вышеприведенныхъ нами литовскихъ миѳологическихъ и легендарныхъ преданій, сохранился еще цѣлый циклъ подобныхъ преданій, но только въ позднѣйшей передѣлкѣ, подъ вліяніемъ христіанства и другихъ обстоятельствъ, сложившихся для литовцевъ. Но, тѣмъ не менѣе, первоначальная миѳологическая основа ихъ и здѣсь видна. Это, очевидно, обломки поэтическихъ сказаній глубокой старины съ позднѣйшими прибавками. Нѣкоторыя изъ нихъ до настоящаго времени существуютъ въ устахъ народа и ждутъ къ себѣ русскаго Макферсона. Для примѣра мы приводимъ два изъ нихъ.

Преданіе о происхожденіи самогитовъ. Богъ, говоритъ одна легенда, сотворилъ людей чистыми и добрыми. Но они скоро забыли Его, Творца своего, и сдѣлались въ высшей степени порочными, о чемъ Ему и донесено было ангелами. Но Богъ не вполнѣ повѣрилъ доносу: Онъ рѣшился самъ сойти съ неба и убѣдиться въ справедли-

[1]) Нѣкоторые говорятъ, что Литва перешла сначала не къ Монтвиллу, а къ зятю его Зивибунду, который женатъ былъ на дочери Керна—Поятѣ. Сперу, Керна и Пояту впослѣдствіи литовцы обоготворяли.

[2]) Въ нынѣшній Новогрудокъ, Минск. губерніи.

[3]) *Примѣчаніе.* О потомкахъ Палемона и ихъ борьбѣ съ русскими князьями излагается въ лѣтописи такъ называемой Быховца, но все это тамъ такъ спутано и хронологически невѣрно, что ученые вплоть до Миндовга всѣ сіи извѣстія относятъ къ легендарнымъ сказаніямъ. Несомнѣнно только то, что въ началѣ XIII ст. дѣйствительно произошло общее движеніе литовскихъ кунигасовъ къ захвату русской территоріи, съ цѣлію образовать болѣе или менѣе прочное княжество.

вости его. Съ этою цѣлію, одѣвшись въ рубище, вмѣстѣ съ ангеломъ Михаиломъ, предпринялъ путешествіе.

Богъ, по словамъ легенды, долго странствовалъ по землѣ. Онъ заходилъ къ князьямъ, боярамъ, поселянамъ и лично убѣдился, что доносъ былъ дѣйствительно справедливъ. Поэтому опредѣлилъ уничтожить всѣхъ людей, за исключеніемъ тѣхъ, которые имѣютъ у себя хоть каплю добра.

Не задолго до наступленія сего опредѣленія Богъ приказалъ ангелу Цвѣстикцу построить между небомъ и землею хрустальный дворецъ и собрать въ него все необходимое для существованія людей. Когда это исполнено было, то во дворецъ введена была дѣвица, которая названа была „дѣвственницею" и тутъ ей поручены были на воспитаніе два младенца: мальчикъ и дѣвочка, дѣти поселянъ.

Послѣ этого Богъ повелѣлъ двумъ ангеламъ: Огнедоку и Огневицу построить на самой высокой горѣ въ свѣтѣ золотой дворецъ и помѣстить въ немъ нѣсколькихъ добрыхъ людей, а также по парѣ всѣхъ породъ животныхъ. Затѣмъ Онъ чрезъ ангела Авкстица и разныхъ геніевъ разрушителей навелъ на землю сѣру, смолу и огонь, такъ что она быстро обратилась въ груду пепла.

Когда это исполнилось, Богъ повелѣлъ раскрыться золотому дворцу и выйти людямъ. Но тѣ, взглянувши на землю, ужаснулись и не знали, что дѣлать. Видя ихъ замѣшательство, Богъ порѣшилъ привести землю въ прежнее состояніе. Съ этою цѣлію Онъ покрылъ ее водою, дабы обмыть отъ пожарища. А чтобы люди золотого дворца не потонули, Богъ бросилъ имъ орѣховую скорлупу, въ которую тѣ сѣли и понеслись по волнамъ къ хрустальному дворцу, гдѣ жили мальчикъ и дѣвочка. Эти послѣдніе въ сіе время были уже взрослые, состояли между собою въ бракѣ и имѣли дочь. Увидавши подплывшихъ людей, они вошли въ скорлупу и присоединились къ нимъ, а дочь свою оставили въ хрустальномъ дворцѣ на попеченіе „дѣвственницы".

Между тѣмъ, вода спала, земля обсохла, покрылась травою и украсилась цвѣтами. Люди, бывшіе въ скорлупѣ, достигли одной прелестной долины, высадились на нее и поселились тутъ. Отъ этихъ-то, чудно спасенныхъ людей, произошли всѣ народы, живущіе теперь на землѣ.

Такимъ образомъ, въ хрустальномъ дворцѣ осталась только дѣвочка, которой Богъ далъ имя „Земегита", отъ слова „земе"—земля, такъ какъ она произошла отъ людей, жившихъ на землѣ.

Когда „Земегита", или, какъ ее стали называть впослѣдствіи, „Самогита" выросла, то Богъ повелѣлъ ей сочетаться бракомъ съ ангеломъ Перкуномъ. Но она скоро измѣнила мужу: въ отсутствіе его Самогита вступила въ тайную связь съ двумя ангелами: Свѣстикцемъ и Авкстицемъ. За это Богъ наказалъ ее тѣмъ, что повелѣлъ выдать

замужъ за простого земледѣльца и помѣстить съ мужемъ въ томъ золотомъ дворцѣ, который предъ истребленіемъ всего существующаго на землѣ построенъ былъ ангеломъ на высокой горѣ.

Въ своемъ заключеніи Самогита прожила съ новымъ мужемъ нѣсколько лѣтъ; у нихъ родилось много дѣтей, которыя, переженившись между собою, произвели многочисленный народъ, названный „земегитами", или „самогитами", по имени своей прародительницы.

По прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, самогиты до того размножились, что во дворцѣ не хватило имъ мѣста, вслѣдствіе чего Богъ вывелъ ихъ оттуда и поселилъ въ мѣстности, орошаемой Нѣманомъ и З. Двиною.

Легенда о плотникѣ. Въ глубокой древности, говоритъ легенда, жилъ одинъ благочестивый плотникъ. Скучно ему сдѣлалось сидѣть дома безъ дѣла, взялъ онъ топоръ, пилу, скрипку и отправился странствовать по свѣту. Недалеко отъ литовской границы онъ встрѣтился съ Перкуномъ, богомъ грома и молніи, а потомъ съ вѣтромъ, который въ легендѣ называется дьяволомъ. Всѣ трое подружились между собою, вошли въ литовскія владѣнія и стали путешествовать по нимъ, занимаясь осушеніемъ болотъ, истребленіемъ дикихъ звѣрей и вообще приведеніемъ страны въ порядокъ. Потомъ они недалеко отъ р. Нѣмана построили себѣ домъ, развели огородъ, насадили хозяйственныхъ продуктовъ и стали жить. Но вотъ изъ ихъ огорода стали пропадать продукты: проснутся утромъ, глянутъ—то рѣпы нѣтъ, то капусты, то фасоли. Что дѣлать? Порѣшили по очереди караулить вора. Первый пошелъ дьяволъ (вѣтеръ), но онъ не поймалъ вора, напротивъ—еще воръ такъ его поколотилъ, что тотъ едва живой ввалился въ хату. Та же исторія повторилась и съ Перкуномъ. Наконецъ пошелъ плотникъ караулить огородъ; онъ взялъ съ собою скрипку, сѣлъ подъ дерево и сталъ играть заунывныя пѣсни. Настала полночь, явился воръ, онъ шелъ прямо на плотника, причемъ катилъ предъ собою маленькую желѣзную телѣжку, по которой хлопая бичемъ, кричалъ: „пичь, пачь! желѣзная телѣжка, проволочная плеть". Плотникъ не испугался, онъ заигралъ усерднѣе; подошелъ воръ, сѣлъ съ нимъ и сталъ слушать музыку: оказалось, что это богиня Лайма (покровительница женщинъ). Ей такъ понравилась игра на скрипкѣ, что стала просить плотника выучить ее этому искусству. Плотникъ согласился было, но потомъ замѣтилъ, что у Лаймы очень толсты пальцы, нужно было ихъ немного обтесать и для этой цѣли велѣлъ ей вложить руки въ разсчепленное дерево, которое лежало по близости; Лайма послушалась, но плотникъ такъ притиснулъ ихъ, что у бѣдной богини изъ пальцевъ выступила кровь, а самъ въ то же время отсчиталъ ей нѣсколько тяжеловѣсныхъ ударовъ по спинѣ тѣмъ самымъ проволочнымъ бичемъ, которымъ она била его товарищей. Только по сильной просьбѣ плотникъ освободилъ

Лайму. Она скрылась, но съ такою поспѣшностью, что забыла свою желѣзную телѣжку и проволочную плеть. Съ тѣхъ поръ уже никто не кралъ плодовъ и трое товарищей жили спокойно, обрабатывая огородъ. Такъ прошло еще нѣсколько лѣтъ. Но, наконецъ, имъ самимъ наскучило вмѣстѣ жить и они на совѣтѣ рѣшили: пусть тотъ изъ нихъ будетъ владѣть домомъ и всѣмъ хозяйствомъ, кто окажется менѣе трусливымъ, а чтобы узнать это—согласились, что каждый по очереди будетъ пугать двухъ другихъ и при этомъ, кто не испугается, а напротивъ, еще другимъ надѣлаетъ болѣе страха, тотъ получитъ все, а остальные уйдутъ. Первый началъ пугать дьяволъ (вѣтеръ). Онъ навелъ на домъ такую страшную бурю, что стѣны задрожали: Перкунъ съ испуга выскочилъ въ окно, а плотникъ остался спокоенъ: онъ развернулъ молитвенникъ и буря его не коснулась. На другую ночь пугалъ Перкунъ: въ самую полночь нашла туча, заблистала молнія, загремѣлъ громъ и удары сыпались одинъ за другимъ съ такою силою, что земля дрожала, небо колебалось; дьяволъ не усидѣлъ въ комнатѣ: выпрыгнулъ въ окно, а плотникъ и теперь остался покоенъ: потому что занимался молитвенникомъ. Настала очередь плотнику пугать товарищей. Плотникъ вышелъ на огородъ и, какъ только стемнѣло, сталъ катать вокругъ дома желѣзную телѣжку, которую оставила Лайма, и хлопать по ней бичемъ, приговаривая: „пичь, пачь! желѣзная телѣжка, проволочная плеть“. Перкунъ и дьяволъ какъ услышали эти слова и подумали, что Лайма идетъ ихъ колотить: бросились изъ комнаты и убѣжали навсегда изъ этой мѣстности. Такимъ образомъ, плотникъ одинъ сталъ обладателемъ всего имущества [1]).

Семейная и гражданская жизнь древнихъ литовцевъ [2]).

Наружность и характеръ литовцевъ. Древніе литовцы по типу своему ближе всего подходили къ германской народности. По большей части они были высокаго роста, хорошо сложены; цвѣтъ лица имѣли бѣлый, голубые глаза, свѣтлорусые волосы; гибкіе, стройные и проворные. Какъ теперь, такъ и тогда литовскія женщины отличались кротостью, нѣжностью, свѣжестью лица, трогательнымъ выраженіемъ глазъ и между ними были настоящія красавицы. По внутреннимъ качествамъ ли-

[1]) Въ этой легендѣ, говоритъ Костомаровъ, видно древнее сознаніе побѣды человѣческаго ума надъ силами природы. Плотникъ здѣсь можетъ быть—странствующая свѣтоносная божественная сила, водворяющая образованность въ Литвѣ. Участіе же Перкуна и Лаймы показываетъ основу ея древнюю, а молитвенникъ у плотника—на прибавку въ эпоху христіанскую.

[2]) Объ этомъ см. сочиненія, поименованныя нами въ подстрочномъ примѣчаніи при изложеніи религіи литовцевъ.

товцы отличались меланхолическимъ настроеніемъ, тонкимъ и наблюдательнымъ умомъ, съ оттѣнкомъ насмѣшливости, богатымъ воображеніемъ, поэтическимъ чувствомъ и любовью къ природѣ, а также необыкновенною деликатностью, цѣломудріемъ, добродушіемъ, простотою, доходящею до наивности, гостепріимствомъ, храбростью и преданностью къ родинѣ. Но литовцы, обладая такимъ богатымъ запасомъ внутреннихъ силъ, мало воспользовались ими: литовцамъ не доставало увѣренности въ своихъ силахъ, какъ полякамъ политическаго ума и такта; у нихъ не было сознанія личнаго достоинства, а также достаточной энергіи проявить этотъ огромный запасъ своихъ внутреннихъ силъ, а если и проявили его, какъ это было въ началѣ своей исторіи, то не надолго: до конца не довели и скоро оборвали; такъ: едва только они въ XIV ст. успѣли сложиться въ политическое тѣло, какъ стали искать опоры въ Польшѣ и подчиняться ея вліянію, государству болѣе слабому и матеріально, и духовно. Подъ давленіемъ чужой культуры, литовцы скоро потеряли послѣднюю энергію и замерли, укладываясь въ бытовыя и общественныя формы чуждой національности.

Жилища. По свидѣтельству писателей XV и XVI ст., литовскія жилища всегда отличались простотою, безыскуственностью, но прочностью. Жилища ихъ имѣли туземное названіе „нумаи“. Для постройки ихъ литовцы всегда выбирали открытое мѣсто и при томъ орашаемое или рѣкою, или озеромъ. Матеріаломъ для „нумаевъ“ служилъ еловый лѣсъ. При постройкѣ литовцы наблюдали, чтобы первыя бревна, которыя служили основаніемъ дома, опирались на дубовые столбы; этого требовала какъ самая прочность постройки, такъ и какое-то религіозное повѣрье. Крышу „нумаевъ“ покрывали корою и ельникомъ, а нерѣдко и соломою. Длина „нумаевъ“ была неодинакова, но нѣкоторые изъ нихъ простирались до 15-ти саженъ. Внутренность „нумая“ у зажиточныхъ дѣлилась на двѣ части: одна часть предназначалась для людей, а другая—для скота, куда онъ вводился на ночь, чтобы сохранить отъ дикихъ звѣрей, которыхъ въ Литвѣ было безчисленное множество. У менѣе же состоятельныхъ литовцевъ „нумаи“ устраивались изъ одного помѣщенія. Посрединѣ такого „нумая“ всегда выкапывалась яма, около аршина въ глубину и около трехъ въ поперечникѣ. Края этой ямы обыкновенно обдѣлывались камнями, чтобы не осыпалась. Въ самомъ центрѣ ямы дѣлалось новое углубленіе для очага, въ которомъ постоянно горѣлъ огонь. Зимою въ подобныхъ „нумаяхъ“ не только помѣщались люди, но и животныя.

Каменные дома вошли въ употребленіе въ позднѣйшее время, когда литовцы познакомились съ рыцарями.

Бани были во всеобщемъ употребленіи.

Пища. Какъ покушать, такъ и попить древніе литовцы очень любили. Въ пищу они употребляли: рыбу, дичь, а больше всего свиное

сало и конину. Любимыми ихъ блюдами были: свиныя кишки, начиненныя мясомъ съ саломъ и вареное мясо, обложенное тестомъ и поджаренное въ салѣ. Овощей литовцы мало употребляли: по большей части они приправляли ими кушанья.

Изъ древнихъ литовскихъ напитковъ намъ извѣстны: а) молоко, смѣшанное съ теплою кровью животныхъ, отъ которой оно получало броженіе и крѣпость. Этотъ напитокъ по большей части пили во время жертвоприношеній; б) алюсъ; напитокъ этотъ дѣлался изъ меда и похожъ былъ на наше пиво; в) паскайлесъ—тоже дѣлался изъ меда, но имѣлъ одуряющее свойство. Всѣ напитки, какъ и кушанья, у литовцевъ приправлялись пахучими травами. Пили литовцы напитки изъ турьихъ и бычачьихъ роговъ. Такого рода сосуды литовцы употребляли съ цѣлію, чтобы никакое очарованіе и колдовство не могли пристать къ пьющему. У богатыхъ людей рога эти украшались серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями и передавались изъ рода въ родъ какъ святыня. Металлическіе сосуды для питья дѣлались тоже на подобіе роговъ. Пили въ Литвѣ и мужчины, и женщины, и взрослые, и дѣти до опьяненія.

Гостепріимство. Древніе литовцы отличались необыкновеннымъ радушіемъ ко всѣмъ, потому что гостепріимство въ Литвѣ считалось священнымъ дѣломъ. Гость считался лицомъ неприкосновеннымъ и его никто не смѣлъ обидѣть, въ противномъ случаѣ страшная отвѣтственность падала на лицо хозяина, въ домѣ котораго гость былъ обиженъ, и чтобы сложить съ себя эту отвѣтственность, хозяинъ обязывался отомстить обидчику.

Когда гость входилъ въ домъ, то хозяйка немедленно приносила кувшинъ воды, снимала у гостя обувь и по обычаю страны мыла ноги. А хозяинъ между тѣмъ накрывалъ столъ и ставилъ напитки. Затѣмъ начиналось угощеніе и при этомъ больше всего налегалось на напитки: не напоить гостя и самимъ не напиться до-пьяна въ Литвѣ считалось неприличнымъ.

Если гость, въ первый разъ вошедшій въ домъ, могъ назвать хозяина по имени, то считался вѣстникомъ счастья.

Одежда. Въ древней Литвѣ мужская одежда отличалась однообразіемъ и простотою, а женская—наоборотъ: разнообразіемъ, богатствомъ и прибавимъ еще: безвкусіемъ.

Мужчины носили рубаху, разрѣзанную спереди; сверху лѣтомъ надѣвали короткій обтянутый кафтанъ съ немногими фалдами, застягивавшійся множествомъ пуговицъ, а зимою тулупы. Голову въ холодное время покрывали мѣховыми и войлочными шапками, а въ теплое—соломенными [1]). На ноги, обыкновенно, надѣвали обувь изъ кожи, въ родѣ башмаковъ, и лапти.

---

[1]) Князья послѣднихъ временъ надѣвали на головы остроконечныя шапки, на подобіе сахарной головы.

Женщины носили разноцвѣтныя холстяныя платья, причемъ убирали ихъ маленькими колокольчиками, бубенчиками и разнаго рода побрякушками. Мода требовала какъ можно больше надѣвать на себя разноцвѣтнаго и разноформеннаго платья. Дѣвицы носили на рукахъ кольца и браслеты, а на шеѣ цѣпочки и ожерелья. Волосы дѣвицы украшали цвѣтами и лентами [1]). Замужнія женщины всегда покрывали голову завоемъ (чепцомъ).

Земледѣліе. Земледѣліемъ литовцы занимались съ глубокой древности. Они старались запастись какъ можно болѣе хлѣбомъ какъ для себя лично, такъ и для стороннихъ, не имѣющихъ возможности собственными силами сдѣлать этого. На этомъ основаніи лѣтописецъ прусскаго ордена говоритъ, что у литовцевъ не было нищихъ: бѣдный свободно заходилъ въ домъ каждаго и ѣлъ у него столько, сколько нужно, и вдобавокъ еще получалъ на дорогу.

Занятія земледѣліемъ литовцы считали дѣломъ священнымъ: у нихъ было много боговъ, которые считались покровителями этой отрасли хозяйства. Самые лемеши (наконечники сохъ, которыми вздираютъ землю) для сохъ всегда дѣлали не иначе, какъ изъ священныхъ дубовъ. Землю литовцы обрабатывали хорошо, а потому урожаи у нихъ были всегда превосходные. Изъ продуктовъ земледѣлія чаще всего упоминаются: ленъ, рѣпа, рожь и хмѣль. Пахали землю сохами, о плугахъ не имѣли понятія. Въ сохи впрягали лошадей и быковъ.

Охота, пчеловодство и скотоводство. Охота составляла важную отрасль промышленности, особенно цѣнною дичью считались: лоси, медвѣди и туры. О развитіи охоты свидѣтельствуютъ многочисленныя названія породъ охотничьихъ собакъ и птицъ, вошедшія впослѣдствіи въ Литовскій Статутъ. Пчеловодство было также развито въ значительной степени: медъ составлялъ любимый и древнѣйшій напитокъ литовцевъ; пчелы разводились въ лѣсахъ, въ такъ называемыхъ бортяхъ. Скотоводство тоже было недурно Всѣ роды домашняго скота были въ хозяйствѣ каждаго литовца; но, по народнымъ предразсудкамъ, извѣстные дома и даже цѣлыя селенія и провинціи не держали у себя скота извѣстной масти, потому что злые духи, не любя той масти, душили скотину.

Ремесла. Ремесла у литовцевъ стояли на низкой степени развитія: они ограничивались только выдѣлкою предметовъ первой необходимости и производили ихъ въ каждомъ семействѣ. Женщины ткали полотно; мужчины отдѣлывали кожи и доставляли необходимыя земледѣльческія орудія. Издѣлія болѣе сложныя встрѣчаются рѣдко; упоминаются только

---

[1]) Въ древней Литвѣ дѣвицѣ поставлялось еще въ обязанность: вечеромъ выходить на улицу съ огнемъ, „чтобы невинность, какъ говорили литовцы, не омрачалась и тѣнью подозрѣнія“.

музыкальные инструменты: трубы деревянныя и роговыя, бубны, лира (на которой играли вайделоты-пѣвцы, называемые брутаники). Также между литовцами были рѣзчики, дѣлавшіе статуи боговъ, и каменщики, о существованіи которыхъ свидѣтельствуютъ развалины языческихъ капищъ. Стекляныя слезницы (сосуды, куда собирали слезы плакальщицъ по умершемъ), находимыя въ древнихъ курганахъ, наводятъ на мысль, что литовцамъ знакома была выдѣлка стекла.

Торговля. Торговыя сношенія литовцевъ съ иноземцами велись съ глубокой древности; на берега Пруссіи пріѣзжали издревле инородные купцы за покупкою янтаря. Съ XII ст. торговля стала оживляться вслѣдствіе развитія промышленности въ сосѣднихъ нѣмецкихъ, шведскихъ, датскихъ и русскихъ городахъ. Изъ сочиненія каноника латинской церкви Адама Бременскаго, умершаго въ 1076 г., мы видимъ, что древніе литовцы имѣли собственные корабли, на которыхъ они привозили свои товары въ шведскій портовый городъ Бирки.

Предметы торговли составляли: пушный товаръ, янтарь, медъ, воскъ, хлѣбъ и сушеная рыба; на нихъ вымѣнивали соль, сукно, металлы, оружіе, стекла, уборы и т. п. Впослѣдствіи очень часто товары сплавливались и по Припети, и по Днѣпру на югъ въ Турцію, и Крымъ, откуда получали деньги и металлическія вещи. Въ литовскихъ курганахъ и теперь находятъ римскія деньги и разныя металлическія украшенія восточной работы, которыя, очевидно, могли попасть въ Литву не иначе, какъ путемъ торговли.

Иностранный купецъ почитался въ Литвѣ лицомъ священнымъ и неприкосновеннымъ, какъ гость въ домѣ. Грабежъ и воровство считались между этимъ народомъ за величайшее преступленіе, а потому преступленія этого рода у него были чрезвычайно рѣдки. Въ Статутѣ литовскомъ пойманнаго вора дозволялось мучить сколько угодно. Въ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ литовцы ворами не представляются, представляются въ нихъ одни только иностранцы.

Празднества. Свѣдѣнія о языческихъ празднествахъ древнихъ литовцевъ по большей части сохранились у писателей XV и XVI ст., когда язычество почти уже исчезло. Празднествъ у древнихъ литовцевъ было очень много, но мы упомянемъ только о главныхъ:

I. Праздникъ весны. Онъ совершался въ концѣ апрѣля. Въ каждомъ селеніи и въ каждомъ мѣстечкѣ жители на общія деньги устраивали пиръ, предъ началомъ котораго жрецъ, обращаясь къ богамъ, произносилъ слѣдующую молитву: „Боги наши! мы благодаримъ васъ за прогнаніе зимы и за приходъ весны; просимъ васъ: подайте намъ хорошій урожай и истребите сорныя травы“! Затѣмъ онъ бралъ зубами чашу съ пивомъ; пиво выпивалъ, а чашу перебрасывалъ чрезъ голову; это самое потомъ и всѣ присутствовавшіе по очереди повторяли. Послѣ этого цѣлый день кутили и устраивали хороводы.

II. Праздникъ зимняго поворота солнца. Его, какъ говорятъ, праздновали 24-го іюня. Наканунѣ этого дня жители всѣхъ мѣстечекъ и селеній, украсивши свои головы вѣнками изъ всевозможной зелени, выходили въ луга и лѣсныя дубравы, зажигали костры и устраивали хороводы и пѣли пѣсни.

III. Зажинки. Когда наступало время жатвы, хозяинъ каждаго дома выходилъ въ поле, нажиналъ одинъ снопъ, приносилъ его домой и устраивалъ пиръ для всѣхъ членовъ семейства.

IV. Дожинки. Праздникъ этотъ совершался болѣе торжественнымъ образомъ, чѣмъ другіе. По окончаніи уборки хлѣба съ полей въ каждомъ селеніи и въ каждой деревнѣ жители собирались въ одинъ домъ, гдѣ по срединѣ двора разводился огонь, приготовляли тѣсто для лепешекъ и приводили козла. Вайделотъ садился на возвышеніе и оттуда произносилъ рѣчь, въ которой восхвалялъ боговъ и богатырей; затѣмъ подходилъ къ козлу, клалъ не него руки и читалъ молитву, по окончаніи которой убивалъ животное и кровью окроплялъ присутствующихъ. Мясо жрецъ передавалъ женщинамъ для пира, который начинался съ вечера и продолжался всю ночь.

V. Уборки. Этотъ праздникъ совершался по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ въ концѣ октября. Въ назначенный день жители деревень, собравшись въ одну просторную хату, приносили сюда всѣхъ домашнихъ животныхъ по парѣ: самцовъ въ жертву богамъ, а самокъ въ жертву богинямъ. Потомъ приходилъ жрецъ, читалъ молитву богамъ и вмѣстѣ съ народомъ начиналъ бить палками принесенныхъ животныхъ, чтобы умертвить, не проливъ крови. Послѣ этого начинался пиръ, причемъ жрецъ отъ каждаго кушанья бралъ по частичкѣ и бросалъ въ сторону—въ жертву богу Земеникасу, или Курко.

VI. Праздникъ недѣльный. Онъ совершался каждую пятницу, какъ у христіанъ воскресенье, въ честь Перкуна.

VII. Праздникъ Ильги. Праздникъ этотъ установленъ былъ тоже въ честь Перкуна. Онъ продолжался двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ жители ходили въ гости по очереди одинъ къ другому и устраивали танцы и пляски.

VIII. Праздникъ въ честь льна. Онъ совершался молодежью. Въ концѣ ноября въ извѣстный день молодые люди обоего пола въ каждомъ селеніи собирались въ одинъ домъ, гдѣ по срединѣ комнаты ставили стулъ, на который съ вѣнкомъ на головѣ всходила самая красивая дѣвушка и становилась на него одною только ногою; при этомъ она лѣвою рукою поднимала къ верху ленту палеваго цвѣта и просила боговъ объ урожаѣ такого длиннаго льна, какъ она высока. Затѣмъ ей подавали чашу съ пивомъ, которую дѣвушка брала правою рукою; небольшую часть напитка отпивала, остальную—выплескивала на лѣвую сторону, а пустую чашу бросала въ правую сторону. Потомъ дѣвушкѣ

насыпали въ фартукъ нѣсколько маленькихъ лепешечекъ, которыя та должна была подбросить такъ, чтобы онѣ всѣ разлетѣлись въ разныя стороны. Лепешечки, упавшія направо, обыкновенно съѣдались, а налѣво—закапывались глубоко въ землю подземнымъ богамъ. Вся суть этого обряда состояла въ томъ, чтобы дѣвушкѣ какъ можно болѣе простоять на одной ногѣ; при этомъ замѣчали: если она опрется о стулъ другою ногою, то урожай льна будетъ плохой, а если же, потерявъ равновѣсіе, соскочитъ со стула, или—того хуже—упадетъ, то на будущій годъ совсѣмъ льна не будетъ.

Счисленіе времени. Лѣтоисчисленіе древніе литовцы вели отъ какого-нибудь замѣчательнаго событія, случившагося въ странѣ: повальной болѣзни, пожара священной рощи, упорной войны и т. п. Годъ начинался съ апрѣля; онъ состоялъ изъ 13 лунныхъ мѣсяцевъ; мѣсяцъ—изъ 4-хъ недѣль; недѣля—изъ 7 сутокъ [1]); сутки—изъ 24 часовъ.

Языкъ литовцевъ. Языкъ литовскій, какъ мы уже говорили выше, принадлежитъ къ семейству арійскихъ языковъ и между ними самый древнѣйшій и самый близкій къ санкритскому. Онъ отличается плавностью, благозвучностью и пріятностью.

Письменность древнихъ литовцевъ. Дюсбургъ говоритъ, что литовцы не имѣли понятія о письменности и очень удивлялись возможности передавать знаками свои мысли отсутствующимъ. Но это не вполнѣ вѣрно: у литовцевъ были зачатки алфавита въ видѣ насѣчекъ или рунъ. Мнѣніе это основано главнымъ образомъ на хроникѣ прусскаго доминиканскаго монаха Симона Грюнау, который срисовалъ надпись изъ одного литовскаго знамени. Нѣмецкіе филологи: Тунманнъ и Гриммъ утверждаютъ, что надпись эта написана рунами и означаетъ молитву къ богу Земеникасу, или Курку. Но, во всякомъ случаѣ, письменность эта не получила дальнѣйшаго развитія и съ XIII ст. вытѣснена письменами сосѣднихъ народовъ; такъ, тѣ литовскія племена, которыя были покорены Тевтоно-Ливонскимъ орденомъ (прусскіе литовцы), стали употреблять нѣмецкую письменность, а тѣ литовскія племена, которыя вошли въ составъ Литовскаго государства (собственно литовцы, жмудь и ятвяги), стали употреблять русскую письменность. Письменность на литовскомъ языкѣ появилась только въ XVI ст., такъ прусскіе литовцы стали писать на родномъ языкѣ только съ конца первой половины XVI ст.; въ 1547 г. или около этого, лютеранскій миссіонеръ Мартинъ Мосвидій первый написалъ литовскій алфавитъ и затѣмъ перевелъ на прусско-литовскій языкъ катихизисъ своего исповѣданія; литовскія же племена, составлявшія Литовское государство, начали писать на своемъ языкѣ только съ конца второй половины

---

[1]) Недѣля начиналась съ пятницы, которая, какъ мы уже замѣтили выше, была посвящена Перкуну.

XVI ст.; въ 1595 г. или около этого, ксендзъ Николай Даукша изъ Бетиголы (Ковенской губ.) первый составилъ для жмудинъ литовскій алфавитъ и перевелъ съ польскаго языка на языкъ сего племени тоже катихизисъ своего исповѣданія. Вслѣдствіе такого позднго появленія литературныхъ памятниковъ на литовскомъ языкѣ, намъ хорошо неизвѣстенъ и древній литовскій языкъ, языкъ XII, XIII, XIV и даже XV ст.; о немъ мы знаемъ только изъ отрывковъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, сохранившихся въ русскихъ лѣтописяхъ и прусскихъ хроникахъ.

Литовскія народныя пѣсни [1]). По свидѣтельству лѣтописцевъ, литовцы чрезвычайно любили пѣть. По словамъ ихъ, народъ этотъ сопровождалъ пѣснями всѣ случаи жизни и радостные, и горестные, и торжественные. Древніе изслѣдователи говорятъ, что у нихъ были пѣсни героическія, историческія и бытовыя. Но, къ сожалѣнію, пѣсни двухъ первыхъ родовъ до насъ не дошли [2]); до насъ дошли только бытовыя пѣсни (Дайносъ), да и этотъ родъ пѣсенъ нельзя отнести къ слишкомъ глубокой древности. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ и до настоящаго времени существуютъ въ устахъ простого народа. Но, тѣмъ не менѣе, многія изъ этихъ пѣсенъ заключаютъ въ себѣ слѣды глубокой древности и указываютъ на міросозерцаніе литовцевъ языческой эпохи. Пѣсни литовскія, конечно, пріурочить нельзя къ какой-нибудь одной эпохѣ, онѣ, вѣроятно, составлялись въ разныя эпохи. Всѣ литовскія пѣсни, извѣстныя доселѣ, отличаются глубокою нѣжностью, меланхолическимъ настроеніемъ и любовью къ природѣ. Въ литовскихъ пѣсняхъ нельзя найти ни сильныхъ порывовъ страсти, ни сильныхъ душевныхъ волненій. Литовская поэзія не находитъ прелести ни въ преступленіяхъ и злодѣяніяхъ и не тѣшитъ воображенія ничѣмъ соблазнительнымъ и развращеннымъ. Литвинъ въ своихъ пѣсняхъ черезчуръ не увлекается радостными событіями и особенно не предается отчаянію и неутѣшной скорби при тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ въ своихъ пѣсняхъ тихъ, спокоенъ, мягокъ, дѣтски наивенъ и простодушенъ, остороженъ, деликатенъ и въ высшей степени скроменъ и цѣломудренъ. Однимъ словомъ, „литовская поэзія дышетъ, какъ вѣрно замѣтилъ Г. Костомаровъ, уютной непроѣздной деревней и по своему внутреннему міру напоминаетъ весенній вечеръ, когда при ясной зорѣ, въ душистомъ

---

[1]) О литовскихъ пѣсняхъ см. Киркора и Кукольника „Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа“. Монографія Костомарова т. III; статью: „Литовская народная поэзія“. Сборникъ Юшкевича: „Литовскія народныя пѣсни“. Спб. 1867 г.

[2]) Литовскій писатель XVI ст. Стрыйковскій говоритъ, что такого рода пѣсни существовали въ честь Поюты, дочери Лездейки, Домвонда и Гурда Гинвилловича, защитника Ковны отъ крестоносцевъ.

воздухѣ, среди младенческой, чуть только воскресшей изъ-подъ снѣга природы, чувствуется разомъ и упоеніе молодой жизни, и легкая грусть".

Пѣніемъ въ древней Литвѣ занимались дѣвицы, странствующіе нищіе, гадатели и, наконецъ, жрецы. Пѣніе почасту сопровождалось аккомпаниментомъ на какомъ-нибудь инструментѣ. Изъ музыкальныхъ инструментовъ были извѣстны: разнаго рода свирѣли, дудочки изъ тростника и пера; на охотѣ употреблялись рога, а на войнѣ трубы; изъ инструментовъ съ струнами въ большомъ употребленіи былъ родъ арфы (канклисъ).

Литовцы, какъ большіе любители природы, въ своихъ пѣсняхъ почти на каждомъ шагу выводили на сцену предметы природы царства растительнаго и животнаго, которые имѣли то или другое символическое значеніе. Ничто не имѣетъ въ народныхъ литовскихъ пѣсняхъ такого символическаго значенія, какъ желтые цвѣты руты, которые такъ же, какъ и у славянскихъ народовъ есть символъ дѣвственности и ни одна дѣвическая пѣсня не обходилась безъ руты. Дѣвица цвѣтетъ своимъ дѣвствомъ, бережетъ свое дѣвство—это выражается образомъ, что дѣвица ходитъ въ рутяномъ огородѣ и поливаетъ руту; цвѣтеніе руты символизируетъ разцвѣтъ дѣвической красоты. Бросить рутяной вѣнокъ въ воду—значитъ прекращеніе дѣвства. Вмѣстѣ съ рутою нерѣдко упоминается и лилія, которая также символизируетъ красоту и цѣломудріе; но лилія служитъ для выраженія и любовнаго чувства, чѣмъ никогда не бываетъ рута; благосклонность дѣвицы въ пѣсняхъ молодецъ сравниваетъ съ лиліею, но никогда съ рутою. Лилія и роза въ пѣсняхъ означаютъ дѣвицу, а піонъ—молодца; эти цвѣты въ пѣсняхъ символизируютъ любовную чету. Зеленый цвѣтокъ майоранъ, часто употребляемый въ литовскихъ пѣсняхъ, всегда означаетъ символъ дружелюбія, гостепріимства, учтивости, точно какъ василекъ въ Малороссіи. Знакомство дѣвицы съ чувствомъ любви выражается въ пѣсняхъ собираніемъ майорана или покупкою его. Подарокъ дѣвицею жениху букета изъ цвѣтовъ майорана означаетъ ея согласіе на бракъ [1]).

Изъ деревьевъ и кустарниковъ литовская поэзія какъ древняя, такъ и новая, любитъ розовый кустъ, дубъ, кленъ, липу и березу. О розовомъ кустѣ сохранилось нѣсколько пѣсенъ—ясно, что это обломки какихъ-то миѳологическихъ разсказовъ; о липѣ, дубѣ и другихъ осталось тоже много пѣсенъ. Изъ всѣхъ деревьевъ дубъ чаще всего упоминается, но это и понятно: дубъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ литовцевъ былъ самымъ священнымъ деревомъ.

Въ литовскихъ пѣсняхъ нерѣдко можно встрѣтить выраженіе о превращеніи души молодца въ цвѣтокъ или души отца въ дубъ. Изъ

---

[1]) См. въ историческихъ монографіяхъ Костомарова въ III т. статью „Литовская народная поэзія".

этого можно заключить, какъ и заключаютъ нѣкоторые, о вѣрованiи древнихъ литовцевъ въ переселенiе душъ послѣ смерти въ другiя тѣла.

Изъ царства животнаго въ литовскихъ пѣсняхъ больше всего упоминаются птицы, а именно: кукушка, предвозвѣстница правды и будущаго, голубь, соловей, ласточка, зябликъ и другiя.

Вотъ для образца нѣсколько литовскихъ древнихъ пѣсенъ, взятыхъ нами изъ сочиненiя Киркора и Кукольника—„Черты изъ исторiи и жизни литовскаго народа":

I.

Мѣсяцъ женился на солнцѣ,
То была первая весна.
Солнце встало очень рано,
Мѣсяцъ, устыдясь, сокрылся.
Мѣсяцъ блуждалъ одинъ
И влюбился въ Денницу,
И разсердился Перкунъ
И разсѣкъ его мечемъ.
— Зачѣмъ ты оставилъ солнце?
Зачѣмъ влюбился въ Денницу?
Зачѣмъ таскаешься одинъ по ночамъ?

II.

Денница приготовляла свадьбу (пиръ).
Перкунъ въѣхалъ черезъ ворота
И разбилъ зеленый дубъ.
— Кровью, что брызнула изъ дуба,
Замаралось мое платье
И запятнался вѣнокъ.
Плакала дочь солнца,
Три года листья собирала
Изсохшiе листья.
— Гдѣ я, любезная мать,
Платье вымою?
Гдѣ выполощу эту кровь?
— Иди, моя милая дочка,
Къ тому озеру,
Въ которое втекаютъ девять ручьевъ.
— Гдѣ я, любезная мать,
Высушу мое платье?
Гдѣ его развѣшаю на вѣтрѣ?
— О, милая дочь моя,
Въ саду, въ садикѣ,
Гдѣ растетъ девять розъ.

— Когда я, любезная мать,
Надѣну свое платье?
Когда будетъ чисто?
— О, дочь милая!
Въ тотъ день, когда на небѣ
Засвѣтитъ девять солнцъ [1]).

III.

Лайма зоветъ, Лайма кричитъ
И бѣжитъ босикомъ по берегу.
Я взобралась на гору,
Увидѣла трехъ рыбаковъ,
Трехъ на морѣ пловцовъ.
— Не видали-ль вы брата
На высокомъ морѣ?
— О дѣвица, о лилія.
Братъ твой утонулъ,
Лежитъ въ морѣ на днѣ,
Пескомъ омываетъ ему лицо,
Волна играетъ съ его волосами.
— О рыбаки, о друзья!
Не вытащите-ли вы мнѣ брата
Изъ глубокаго моря?
— Что намъ дашь, если вытащимъ?
— Одному шелковый поясъ,
Другому золотое колечко,
Третьему мнѣ нечего дать,
Буду служить у него,
У молодого кормчаго.
Кормчій хорошій человѣкъ,
Умѣетъ править судномъ
По вѣтру и противъ вѣтра.

IV.

Милое солнышко, божеская дочка!
Гдѣ ты такъ долго бывало?
Гдѣ такъ долго замѣшкалось?
Куда отъ насъ удалилось?

---

[1]) Число девять — священное въ численности литовско-языческой, какъ и въ скандинавской. По замѣчанію нѣкоторыхъ ученыхъ, святость числа 9 происходила отъ числа трехъ, которое у извѣстныхъ народовъ земного шара имѣетъ святое и символическое значеніе. Девять есть три раза три, слѣдовательно, трижды святое, трисвятое.

За морями, за горами
Я стерегло дѣтей-сиротъ,
Грѣло бѣдныхъ пастушковъ.
Милое солнышко, божеская дочка!
Кто тебѣ утромъ раскладываетъ огонекъ?
Кто тебѣ покрываетъ
Твое ложе утромъ?
Денница и Вечерница,
Денница раскладываетъ огонь,
Вечерница стелетъ ложе,
Я имѣю много дѣтей
И большія богатства.

V.

Земля мать, земля родительница цвѣтовъ!
Гдѣ мнѣ посадить розовую вѣтку?
— Здѣсь на высокомъ холмѣ,
Надъ пристанью, надъ моремъ.
Земля мать, земля родительница цвѣтовъ!
Гдѣ найду я отца и мать?
— Оставленное бѣдное дитя!
Иди на высокій холмъ.
Надъ пристанью, надъ моремъ
Тамъ выросло изъ розовой вѣтки
Высокое розовое деревцо,
Съ вѣтвями подъ самыя облака.
Я взобралась высоко
По розовымъ вѣтвямъ,
Тамъ встрѣтила я милаго юношу
На божескомъ коникѣ.
— Ахъ юноша! милый витязь!
Не видѣлъ ли ты моихъ: отца и мать?
— О дѣвица, милая дѣвица!
Сойди внизъ, въ бездну!
Тамъ твой отецъ и мать
Празднуютъ свадьбу сестры.
Сошла я въ бездну.
Добрый день! ясный день, отецъ мой!
Добрый день, ясный день, матушка!
Зачѣмъ вы меня маленькую
Посреди чужихъ оставили?
Я стала взрослою дѣвицею,
А теперь нашла люльку,
Въ которой играла, будучи ребенкомъ.

VI.

Пой сестрица!
Почему не поешь?
Почему на руки
Оперлась, грустя?
— Какъ же мнѣ пѣть,
Какъ мнѣ быть веселой?
Въ садикѣ бѣда:
Садикъ разоренъ,
Рута истоптана,
Розы вырваны,
Лиліи разсыпаны,
Роса отряхнута.
— Не вѣтеръ ли подулъ съ полуночи?
Не рѣка ли вышла изъ береговъ?
Не Перкунъ ли загремѣлъ?
Не молнію ли сбросилъ?
— Вѣтеръ не вѣялъ съ полуночи,
Ни рѣка не выходила изъ береговъ,
Ни Перкунъ не гремѣлъ,
Ни молнія не спадала.
Бородатые люди,
Люди отъ моря
Вышли на берегъ,
Садикъ разорили,
Руту истоптали,
Розу общипали,
Лилію разсыпали
И росу отряхнули.
И я—я сама
Съ трудомъ укрылась
Подъ вѣтвями,
Подъ темнымъ вѣночкомъ.

VII.

Надъ моремъ, надъ пристанью
Возносится бѣлая гора;
На горѣ, на холмѣ
Стоитъ зеленый дубъ.
Я бѣдный туда поплылъ,
Обнялъ его руками,
О любезный мой дубъ!
Не превратился ли ты въ отца моего,

А зеленыя твои вѣтви
Не превратились ли въ бѣлыя руки?
А зеленые твои листья—
Въ дружескія слова?
Ахъ! я бѣдный отошелъ оттуда,
Плача горькими слезами,
Потому что дубъ не превратился
Въ любезнаго отца,
Ни зеленые листья—
Въ дружескія слова.

VIII.

Летѣлъ каунисъ (амуръ литовскій) изъ далека,
Гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто;
Сказалъ мнѣ миленькій карликъ,
Что тамъ воюетъ мой милый,
Пріѣдетъ на сивомъ конѣ
Съ богатою добычею?
О, возвратись мой милый божекъ!
Возьми его на крылья свои!
Принеси мнѣ его здороваго,
Я не хочу дорогихъ камней,
Довольно мнѣ его объятій.

IX.

Садила зеленую руту,
Поливала своими слезами,
Заборъ былъ для нея оградой
Затѣмъ, чтобы сповилась вѣнками.
Ты будешь для меня украшеньемъ.
Рости, веселая, на грядѣ,
Напейся моими слезами и пóтомъ,
Пока не пріѣдетъ мой милый!
Пусть не вредятъ тебѣ злые вѣтры,
Пусть дождь тебя не клонитъ къ землѣ,
Пусть прохлаждаетъ тебя Пуцисъ съ Пуцятами (Зифиръ).
Милые друзья цвѣтовъ.

X.

Изъ-подъ клена ключъ течетъ
Прозрачной воды.
Дочери солнца рано
Шли умыть въ немъ лица.

Подъ кленъ къ источнику
Шла я умыть лицо,
Упало въ воду мое колечко.
Пришли божіе сыны
Съ шелковою сѣтью.
Добыли мнѣ дорогое кольцо
Изъ глубокаго источника.
Пріѣхалъ юноша
На гнѣдомъ конькѣ,
А гнѣдой конекъ имѣлъ
Подковки золотыя.
— Сойди, сойди дѣвица!
Подойди, милая дѣвушка!
Я скажу тебѣ словечко,
Подумаемъ думку,
Что глубже воды?
Милѣе молодости?
— Не пойду, юноша,
Мать будетъ бранить,
Будетъ бранить сѣдая,
Когда поздно возвращусь.

XI.

Вѣтеръ ли завылъ?
Лѣса ли зашумѣли?
Лиліи ли поколебались?
— Не вѣтеръ вылъ,
Не лѣсъ шумѣлъ,
Не лиліи колебались,
Сестра плакала—
Милая дѣвица!
Вѣнокъ ея колебался.
Не плачь сестрица,
Милая дѣвица!
Завтра хуже заплачешь,
Когда обрѣжутъ волосы
Шелковой косы—
Достояніе твое;
Когда скинутъ перстень
Съ бѣлой ручки твоей—
Украшеніе твое.

XII.

— Для чего обратился взоръ твой,
Любезный юноша,

На дѣвицу сироту?
Когда я не имѣю,
Ни отца, ни матери,
Ни родныхъ нигдѣ.
Ростетъ въ лѣсу зеленый дубъ;
Но то не мой отецъ.
О, если бы онъ былъ мой отецъ!
— Вѣтви—его руки,
Листья—слова!
— Тише, не плачь, дѣвица!
Милая лилія,
О грустныхъ дняхъ твоихъ!
Умѣешь ли прясть
Въ пяльцахъ ткать?
На зеленомъ лугу сѣно гресть?
— Умѣю хорошо прясть,
Въ пяльцахъ ткать,
На зеленомъ лугу сѣно гресть.

XIII.

Что за чудо, большое чудо!
Я сѣяла руту,—цвѣтутъ розы.
Плети дѣвица, плети вѣночекъ,
Вѣнокъ изъ зеленой руты.
Иди дѣвица къ водѣ,
Поднялся сѣверный вѣтеръ,
Сорвалъ мнѣ вѣнокъ съ головы
Занесъ на высокое море.
Трое юношей на зеленомъ лугу,
Сѣно косили на зеленомъ лугу.
— Кто изъ васъ хочетъ быть моимъ милымъ?
Кто поплыветъ за моимъ вѣнкомъ?
— Я буду твоимъ милымъ,
За вѣнкомъ поплыву
На высокое море.
Вѣнокъ приплылъ къ берегу,
Юноша погибъ въ глубинѣ.
Вѣночекъ лежалъ на рукахъ,
Юноша на доскахъ.

XIV.

Летѣлъ черный воронъ
И несъ бѣлую руку,

А на ней золотое кольцо.
Спрашиваю тебя, милая птица,
Гдѣ ты, черный воронъ,
Досталъ бѣлую руку?
Гдѣ—золотое кольцо?
Я былъ на большой войнѣ:
Тамъ бились большою битвой,
Тамъ сплетались лѣса мечей,
Тамъ вырыли стрѣлы ямы,
Тамъ кровь текла рѣками,
Тамъ лежалъ не одинъ сынъ,
Плакалъ не одинъ отецъ.
О, горе, это мое кольцо!
Уже мой юноша не возвратится,
Пусть льются мои слезы!

XV.

Я бѣдная дѣвица,
Оставленная сирота,
Привыкла переносить
Горькую бѣдность.
О, если бы я имѣла
Родную мать!
Покровительницу!
Давно уже спитъ она
На высокомъ холмѣ
Въ своей могилѣ.
А на ней дрожитъ, блеститъ,
Ясно какъ серебро—
Роса въ листьяхъ руты.

XVI.

Течетъ въ источникѣ
Чистая вода,
Надъ источникомъ,
Надъ водою.
О чемъ груститъ дѣвица?
— Какъ мнѣ не грустить?
Какъ мнѣ не жаловаться?
Я не имѣла
Ничего отъ того,
Кого ношу въ сердцѣ!
По среди безсонной ночи

Я сказала словцо:
Навсегда!
И никогда—
Съ нимъ не разстанусь,
Я желала бы лучше,
Чтобъ съ душею тѣло
Разсталось—
Чѣмъ я съ нимъ,
Съ моимъ любезнымъ юношей.

XVII.

Миленькая Летува,
Дорогая свобода,
Ты скрылась въ пространствѣ небесъ.
Гдѣ-жъ тебя искать?
Развѣ только на лонѣ смерти?
Пусть смотритъ, куда хочетъ, несчастный!
Взгляни на востокъ,
Взгляни на западъ:
Бѣдность, принужденіе, притѣсненіе,
Потъ отъ трудовъ, кровь отъ ударовъ
Залили пространную землю.
Миленькая Летува,
Дорогая свобода,
Сойди съ неба—сжалься!

XVIII.

Кто хочетъ жить среди горя,
Проливать горькія слезы,—
Пусть идетъ и сдѣлается
Женою барщинника.
Пойдетъ на барщину
Въ красный дворъ,
Гдѣ и въ слезахъ
Поставятъ за жернова.
Возвратится съ барщины
Назадъ изъ двора,
Неся милыя слова
И горькія слезы.
Которая не хочетъ въ горѣ
Проливать горькихъ слезъ—
Пусть будетъ невѣстою,
Женою лѣсничаго.

Онъ пойдетъ въ зеленый лѣсъ,
Въ березовую рощу;
Оставитъ ее сладко спящею,
Покрытою периной.
Онъ возвратится изъ лѣсу,
Изъ зеленой рощи,
Принесетъ дичь
И милое словечко.

Послѣднія двѣ пѣсни относятся къ XVII столѣтію, когда литовскіе и западно-русскіе крестьяне попали подъ власть польскихъ помѣщиковъ и жидовъ-арендаторовъ. Положеніе крестьянъ въ Литовскомъ государствѣ съ этого времени сдѣлалось самымъ безвыходнымъ и самымъ безотраднымъ; особенно тяжело было положеніе крестьянъ православныхъ подъ владычествомъ пана-католика; если кто изъ православныхъ крестьянъ хотѣлъ хоть сколько-нибудь облегчить свою участь, то долженъ былъ перейти или въ католичество, или въ унію, другого исхода не было; да и то, впрочемъ, облегченіе, по перемѣнѣ вѣры, было временное. Но о всемъ этомъ мы подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Города и управленіе у древнихъ литовцевъ. По единогласному свидѣтельству древнихъ писателей русскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ, литовцы до половины XIII ст. не имѣли у себя городовъ. Русскіе лѣтописцы, сообщая о походахъ русскихъ князей на литовскія племена въ X, XI и XII ст., ни слова не говорятъ о литовскихъ городахъ. Польскій хронистъ Мартинъ Галлъ [1]), передавая свѣдѣнія въ своей хроникѣ подъ 1110 г. о походѣ польскаго короля Болеслава III на одно изъ литовскихъ племенъ, именно пруссовъ, говоритъ слѣдующее: „Болеславъ вошелъ въ землю пруссовъ по льду замерзшихъ озеръ и болотъ, представлявшихъ единственный путь въ ихъ страну; но, переправившись чрезъ озера и болота и достигнувъ населенной страны, онъ не могъ остановиться на одномъ мѣстѣ; онъ не могъ занять ни замковъ, ни городовъ, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ, ибо страна защищена только естественнымъ мѣстоположеніемъ своимъ, составляя острова среди озеръ и болотъ; вся земля распредѣлена тамъ по жребію въ потомственное пользованіе жителямъ-земледѣльцамъ. Итакъ, воинственный Болеславъ, пройдя въ разныхъ направленіяхъ по странѣ этого варварскаго народа, собралъ огромную добычу, увелъ въ рабство безчисленное множество мужчинъ и женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, рабовъ и рабынь, сжегъ многія села и постройки, и безъ боя съ добычею возвратился домой въ Польшу“. Почти то же самое говорятъ и другіе писатели о другихъ литовскихъ племенахъ, т. е., что они не имѣли городовъ

[1]) Жилъ въ XII столѣтіи.

и жили среди озеръ и болотъ. Вмѣсто городовъ литовцы имѣли села и деревни и нѣкоторыя укрѣпленныя мѣстности, куда скрывались въ случаѣ нападенія непріятелей. Правда, на нѣкоторыхъ окраинахъ литовской территоріи въ XII ст. упоминаются города, но они построены русскими, таковы: Гродна, Новогрудокъ и другіе. Собственно же литовскіе города упоминаются не ранѣе второй половины XIII ст. или первой половины XIV ст., таковы: Керновъ, Эйраголы, Гольшаны, Вильна, Троки и Лида.

Какъ до половины XIII ст. мы не находимъ въ Литвѣ городовъ, такъ до половины XIII ст. мы не находимъ тамъ и монархической власти, которой бы подчинялась сколько-нибудь значительная часть литовскаго племени. Послѣдняго рода фактъ тоже подтверждается единогласнымъ свидѣтельствомъ и русскихъ, и польскихъ, и нѣмецкихъ писателей. Если въ лѣтописяхъ, при столкновеніи сосѣдей съ литовцами, упоминается о князьяхъ ихъ (кунигасахъ, какъ ихъ обыкновенно называли), то это были не болѣе и не менѣе, какъ правители отдѣльныхъ сельскихъ общинъ, въ родѣ нашихъ волостныхъ старшинъ. Однимъ словомъ, до половины XIII ст. ни одно изъ литовскихъ племенъ, даже часть ихъ, не составило изъ себя болѣе или менѣе крѣпкаго и сильнаго политическаго организма: всѣ они жили въ разсыпную и дробились на мелкія и слабыя политическія единицы; двѣ, три деревни, в много четыре или пять, взятыхъ вмѣстѣ, представляли отдѣльный и самостоятельный центръ, съ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ своимъ кунигасомъ. Если жители этихъ маленькихъ политическихъ центровъ и сплачивались когда, то только для отраженія или нападенія на общаго врага, т. е. на время, и потомъ снова разсыпались, какъ бѣда миновалась [1]).

Но не смотря на раздробленность политическую, литовцы крѣпко связаны были своимъ, общимъ всѣмъ племенамъ, религіознымъ культомъ. Послѣдній проявился у нихъ также и многими видимыми признаками народнаго единства, именно: центральнымъ для всѣхъ племенъ литов-

---

[1]) Въ лѣтописи, такъ называемой „Ипатьевской" подъ 1248 г. говорится о войнѣ ятвяговъ съ галицко-волынскими князьями и прибавляется, что въ этой войнѣ убито ятвяжскихъ князей 40.

Примѣчаніе. Правда, въ лѣтописи, такъ называемой „Быховца" говорится о цѣлыхъ десяткахъ литовскихъ кунигасовъ XII и XIII ст. и всѣ они, повидимому, очень сильные, потому что наносятъ пораженія сосѣдямъ (русскимъ); но такъ какъ сообщенія объ этихъ кунигасахъ и ихъ дѣятельности въ лѣтописи Быховца спутаны, сбиты и одни другимъ противорѣчатъ, то ученые и относятъ ихъ къ области легендарныхъ сказаній, заслуживающихъ только вниманія, но несомнѣнно-исторической истины.

скихъ святилищемъ „Ромове"; общимъ сословіемъ жрецовъ и общимъ почитаніемъ и безусловнымъ повиновеніемъ ихъ главному первосвященнику Криве-Кривейту. Справедливо говоритъ проф. В. Б. Антоновичъ, что если бы литовцевъ не тревожили извнѣ и дали бы имъ возможность развиваться самимъ себѣ, то у нихъ образовалось бы теократическое государство. Но этого не случилось, и не случилось потому только, что напоръ сосѣдей заставилъ ихъ сплотиться въ болѣе сильный и крѣпкій политическій центръ. Явленіе это обнаружилось въ литовскомъ племени во второй половинѣ XIII ст., и то не на собственной чистой литовской территоріи, а на чужой, русской. Но объ этомъ послѣ.

Законы. Къ числу объединяющихъ признаковъ, раздробленныхъ литовскихъ племенъ на безчисленное множество маленькихъ самостоятельныхъ политическихъ единицъ, относятся ихъ общіе древніе законы. Законовъ этихъ было немного. Вотъ они:

I. Никакихъ боговъ, кромѣ отечественныхъ, не принимать безъ позволенія и повелѣнія Криве-Кривейта.

II. Богамъ угодно, чтобы Криве-Кривейто былъ верховнымъ правителемъ и толкователемъ ихъ воли, а вайделотамъ оказывалось уваженіе.

III. Боговъ должно чтить и имъ покоряться: ибо по ихъ милости имѣемъ землю, на которой живемъ и которая насъ питаетъ, а послѣ дадутъ еще обильнѣйшія земли.

IV. Сосѣдей, чтущихъ нашихъ боговъ, должно считать друзьями, а противящихся нашимъ богамъ никогда не принимать въ дружбу и вести съ ними войну.

V. Каждый можетъ имѣть трехъ женъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы первая была изъ нашего поколѣнія, остальныя могутъ быть изъ рода туземцевъ или пришельцевъ.

VI. У кого будутъ болѣзненныя жены, дѣти, братья, сестры, челядь или самъ будетъ удрученъ болѣзнію, тому позволительно и похвально себя сжечь, или страждущее лицо, потому что слуги нашихъ боговъ должны смѣяться, а не стенать.

VII. Кто въ здравомъ разсудкѣ захочетъ себя, свое дитя или коголибо изъ челяди сжечь въ жертву богамъ, тому не запрещать, потому что чрезъ огонь люди освящаются и становятся достойными жить и веселиться съ богами.

VIII. Кто нарушилъ супружескую вѣрность—мужъ или жена—того по уличеніи сжечь въ отдаленіи отъ лица боговъ, прахъ разсѣять по дорогамъ, а потомство лишается права поступать въ вайделоты.

IX. Если жена не слушается мужа, то онъ воленъ ее сжечь, а сестры ея покроются стыдомъ за то, что не учили ее покорности богамъ и мужу.

X. Кто грубо оскорбитъ женщину, того она можетъ сжечь, потому что онъ наслаждался ея смущеніемъ.

XI. Кто обидитъ честную дѣвицу, тотъ долженъ жениться на ней; если же онъ женатъ, то его затравить собаками, потому что онъ обидѣлъ состояніе боговъ, которые или женаты,или остались въ дѣвствѣ.

XII. Кто убьетъ человѣка, того отдать родственникамъ убитаго, и въ ихъ волѣ убить его, или оставить живого.

XIII. Кто украдетъ, того въ первый разъ высѣчь, во второй—отколотить палками, а въ третій—отдать на растерзаніе собакамъ въ отдаленіи отъ лица боговъ.

XIV. Тотъ признается благороднымъ, кто умѣетъ ловко ѣздить на своихъ лошадяхъ.

XV. Никто не можетъ принуждать къ работѣ другого, для этого нуженъ взаимный договоръ.

XVI. У кого умретъ жена, тотъ долженъ немедленно пріискать себѣ другую, потому что неприлично долго тужить по женѣ.

XVII. Если умретъ мужъ, оставивъ жену бездѣтную, то она можетъ выйти замужъ, не согрѣшая предъ богами, но можетъ поступить и въ вайделотки [1]).

Всѣ эти законы были не писаны, а передавались народомъ изъ устъ въ уста по преданію. Писатели XV и XVI ст. говорятъ, что эти законы даны литовцамъ Брутенемъ и Вайдевутомъ. Они же передаютъ также, что жена сына Вайдевута Варла, по имени Ерма, прибавила еще нѣсколько законовъ, именно: если жена нарушитъ супружескую вѣрность, то привязать ей на шею четыре камня и водить ее изъ селенія въ селеніе, пока криве не сниметъ съ ней этого грѣха; если жена оскорбитъ мужа, то подвергнуть ее тѣлесному наказанію розгами или палками; если жена ударитъ мужа, то отрѣзать ей носъ.

Вообще, въ древней Литвѣ всѣ преступленія наказывались строго, особенно же за убійство; но если убійца убѣгалъ въ мѣста, посвященныя богамъ, то былъ свободенъ отъ наказанія.

Военное дѣло. Древніе литовцы, поселившись въ странѣ, по своимъ физическимъ условіямъ мало доступной для нападенія сосѣдей, первоначально совсѣмъ не вели войны и питали къ ней отвращеніе, какъ это видно изъ сохранившихся древнихъ пѣсенъ. Но съ теченіемъ времени привыкли къ ней, полюбили ее и стали считать военныя занятія благороднымъ дѣломъ.

---

[1]) См. журналъ Минист. Народн. Просв. за 1844 г., т. XLII, статью Боричевскаго „Свѣдѣнія о древней Литвѣ“.

Войско литовцевъ дѣлилось на конницу и пѣхоту. Вооруженіе его состояло: изъ стрѣлъ, кривыхъ сабель, пикъ, бердышей, стальныхъ молотковъ и т. п.; огнестрѣльныя оружія стали входить въ употребленіе со временъ Витовта. Во время битвы литовцы всегда обнаруживали необыкновенное мужество и стойкость. Для огражденія страны отъ вторженія непріятеля любили укрѣплять свои границы крѣпкими замками, въ которые помѣщали сильные гарнизоны. При осадѣ крѣпостей употребляли стѣнобитныя машины.

По словамъ Чацкаго, у древнихъ литовцевъ собирали войско посредствомъ слѣдующаго оригинальнаго способа: князь рѣзалъ козу, въ кровь ея погружалъ стрѣлу и затѣмъ вмѣстѣ съ обгорѣвшимъ кускомъ дерева посылалъ отъ дома до дома; это было знакомъ, чтобы всѣ собирались въ походъ и являлись къ князю, въ противномъ случаѣ будутъ наказаны огнемъ и смертію. Выступая противъ непріятеля, литовцы имѣли обыкновеніе гадать: если изъ-за границы, наблюдали они, летѣли въ Литву орелъ, бѣлый голубь, воронъ, журавль, драхва, то предвѣщали побѣду; если же встрѣчались имъ на пути олень, волкъ, рысь, больной человѣкъ, то предвѣщали неудачу. Въ войскѣ всегда имѣлось нѣсколько хоругвь съ изображеніемъ пѣтуха или надписи богу Курку.

Сношеніе древнихъ литовцевъ съ норманнами, русскими, поляками и нѣмцами въ легендарный періодъ ихъ исторіи.

Много вѣковъ прошло, какъ нужно полагать, замкнутой и уединенной жизни древнихъ литовцевъ со временъ поселенія ихъ въ областяхъ З. Двины и Нѣмана до перваго знакомства съ иноземными народами. Но кто первый изъ сосѣдей проникъ къ нимъ въ эту глушь? Какой иноземный народъ первый вошелъ въ сношеніе съ древними литовцами въ до-историческій періодъ ихъ жизни? Ни хроники нѣмецкія, ни русскія лѣтописи, ни польскіе писатели ранняго періода не даютъ намъ положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Но намъ даютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ народныя преданія древнихъ литовцевъ. Правда, народныя преданія по большей части представляютъ такіе разсказы, которые не соотвѣтствуютъ ни фактамъ дѣйствительной жизни, ни логическимъ выводамъ мысли. Но, тѣмъ не менѣе, какъ бы ни были народныя преданія обезображены фантазіею, основаніе ихъ всегда составляетъ фактъ несомнѣнно историческій. Чѣмъ фантастичнѣе и неправдоподобнѣе представляется народное преданіе, тѣмъ оно менѣе въ своихъ частностяхъ заслуживаетъ признанія несомнѣнности и тѣмъ болѣе основаніе его лежитъ въ сѣдой древности; но чѣмъ менѣе народное преданіе обезображено фантазіею и чѣмъ естественнѣе подходитъ къ дѣйствительности, даже въ своихъ частностяхъ, то тѣмъ болѣе оно заслуживаетъ

довѣрія и тѣмъ ближе стоитъ къ историческому времени. Литовскія народныя преданія, изъ которыхъ мы можемъ узнать о томъ народѣ, съ которымъ литовцы раньше всѣхъ познакомились, и относятся именно ко второй категоріи народныхъ преданій, т. е. такихъ преданій, которыя мало обезображены народною фантазіею и ближе стоятъ къ историческому времени. Эти преданія—о Брутенѣ и Вайдевутѣ, о Гелонѣ и Немонѣ (Полемонѣ). Изъ этихъ преданій мы видимъ, что первые проникли чрезъ глухія дебри къ литовцамъ и завели съ ними сношенія норманны.

Сношеніе литовцевъ съ норманнами. Въ VII ст. нашей эры полуостровъ Скандинавіи населенъ былъ норманнами, народомъ германскаго племени. Съ конца VIII ст. и начала IX народъ этотъ сталъ группами выселяться изъ родной страны. Ученые находятъ три причины этому выселенію:

I. **Окружающая природа**. Скандинавскій полуостровъ, какъ извѣстно, представляетъ изъ себя страну мрачную, угрюмую и въ высшей степени холодную. Климатъ и теперь суровый, а за 1000 лѣтъ до нашего времени былъ еще суровѣе и непривѣтливѣе. Почва каменистая и безплодная: полей, необходимыхъ для земледѣлія, и пастбищъ для скотоводства тогда совершенно не было, а потому норманны, терпя на негостепріимной и скудной землѣ холодъ и голодъ, принуждены были массами покидать родную почву и искать лучшей доли въ сосѣднихъ странахъ.

II. **Религія**. Языческая религія древнихъ норманновъ проникнута была въ высшей степени воинственнымъ духомъ и запечатлѣна характеромъ трагической доблести и страданій [1]). Поэтому норманны, воспитанные на ней, неудержимо стремились изъ своего отечества въ далекія страны на битвы и подвиги ратные.

III. **Общественное устройство скандинавовъ въ VIII и IX ст.** Въ древности Скандинавія раздѣлена была на мелкія владѣнія, изъ коихъ каждое имѣло своего конунга (князя, литовскаго кунигаса). По смерти конунга достоинство его обыкновенно переходило къ старшему

---

[1]) *Примѣчаніе.* Суть языческой религіи древнихъ норманновъ состояла въ слѣдующемъ: главный богъ у норманновъ былъ Одинъ, который вмѣстѣ съ 12-ю бѣлокурыми азами (полубогами, помощники Одина) создалъ міръ видимый. Сначала, говорятъ скандинавскія саги (эпическія произведенія), былъ золотой вѣкъ; но дочери гигантовъ, жителей мрака и тьмы (холоднаго сѣвера), нарушили тишину и спокойствіе,—и вотъ началась упорная борьба съ гигантами. На первыхъ порахъ вели ее Одинъ и азы, а затѣмъ стали продолжать герои. Во время битвъ надъ сражающимися летаютъ богини „Валькиріи“: онѣ подбираютъ тѣла убитыхъ героевъ и уносятъ ихъ въ чертоги Одина, гдѣ трупы эти снова оживали и герои начинали вести борьбу между собою; борьба обыкновенно про-

сыну; младшіе же получали извѣстный участокъ земли и, будучи, по большей части, недовольны имъ, собирали отважную дружину, пускались въ открытое море и съ военными пѣснями плыли, куда глаза глядятъ.

Когда пріѣзжали къ чужому берегу, то по теченію рѣкъ плыли во внутренность страны и тамъ съ яростію кидались на города и селенія, грабили, жгли и увозили, что могли. А возвратившись на родину, обыкновенно разсказывали землякамъ про свои подвиги. Эти разсказы воспламеняли мужество у другихъ, и тѣ съ наступленіемъ весны пускались въ открытое море для набѣговъ, подобно предшественникамъ.

Въ IX ст. объ этихъ удалыхъ дружинникахъ уже знала вся Европа. Особенно сильно страдали отъ норманскихъ пиратовъ прибрежныя страны западной Европы. Когда ихъ суда показывались на рѣкахъ и ихъ военный рогъ раздавался на берегу, то всѣ жители немедленно оставляли свои жилища и стремглавъ бѣжали въ города, монастыри, лѣса, пещеры и т п. Ужасъ отъ этихъ дружинниковъ такъ великъ былъ въ западной Европѣ, что составлена была особая молитва, которую читали въ церквахъ „объ избавленіи отъ набѣговъ норманновъ".

Но въ концѣ IX и началѣ X ст. воинственный пылъ скандинавскихъ выходцевъ сталъ остывать; въ это время они не только уменьшили свои разбои и грабежи, но стали осѣдать въ покоренныхъ странахъ, основывать новыя владѣнія и даже сливаться съ покоренными народами; такъ было въ Англіи, Франціи и Италіи, такъ было и въ Россіи. Осѣданіе норманскихъ пиратовъ и основаніе ими поселеній въ чужихъ краяхъ какъ разъ совпадаетъ съ общественнымъ и религіознымъ переворотомъ въ самой Скандинавіи.

Въ концѣ IX и началѣ X ст. въ Скандинавіи мы видимъ два великихъ явленія: а) мелкія владѣнія, на которыя тогда разбитъ былъ Скандинавскій полуостровъ, теряютъ свою самостоятельность и слагаются въ большія государства; б) языческой религіи скандинавовъ наносится ударъ отъ христіанства: сначала Ансгарій, монахъ корвейскаго мона-

---

исходитъ днемъ, а ночью всѣ ожившіе герои мирятся и кутятъ въ залахъ высшаго бога. Конецъ борьбы, по словамъ скандинавскихъ сагъ, страшно трагическій: въ послѣднее время этой борьбы примутъ участіе въ ней и боги, и люди; „тогда, говоритъ одна сага, разорвутся всѣ связи мірозданія, холодъ и огонь вышлютъ враждебныхъ демоновъ; возстанутъ всѣ силы природы и въ послѣдней отчаянной борьбѣ погибнетъ отъ огня весь міръ, погибнутъ люди и погибнутъ самые боги вмѣстѣ съ Одиномъ". Но, въ заключеніе, прибавляетъ сага, изъ волнъ морскихъ явится новый міръ, въ которомъ не будетъ зла и страданій, и будетъ миръ и счастіе. Управлять міромъ этимъ будетъ одинъ изъ высочайшихъ азовъ—кроткій „Бальдеръ".

стыря на Везерѣ [1]), а за нимъ его ученикъ Горза—распространяютъ и утверждаютъ христіанство среди скандинавскихъ народовъ. Послѣдніе два переворота въ Скандинавіи—политическій и религіозный—усилили эмиграцію норманновъ въ чужія страны: они цѣлыми тысячами стали выселяться не только въ европейскія государства, но даже въ отдаленный сѣверъ: на острова Фаререкіе, на островъ Исландію и полуостровъ Гренландію, унося съ собою и политическія традиціи, и языческую религію. Но только теперь скандинавы удаляются изъ своей страны въ означенныя мѣстности не какъ пираты, съ цѣлію грабежа и разбоя, на время только—а потомъ снова вернуться на родину—нѣтъ, теперь они удаляются изъ родины навсегда и являются въ чужія земли, какъ мирные пришельцы, селятся тамъ и сливаются съ туземцами.

Изъ этого краткаго очерка древней Скандинавіи мы видимъ, что выселеніе норманновъ изъ Скандинавіи въ чужія страны по своимъ цѣлямъ и по своему характеру распадается на два періода: первый періодъ выселенія норманновъ (отъ половины VIII до половины IX ст.) можно назвать пиратскимъ, разбойническимъ; второй же (отъ конца IX до начала XI ст.)—періодомъ мирнаго и спокойнаго выселенія.

Но если норманны въ первый и во второй періодъ своего выселенія являлись въ Англію, Францію, Италію и даже на отдаленный сѣверъ, куда теперь, при усовершенствованіи способовъ мореплаванія, не безопасно плыть, то неужели они могли оставить страну литовцевъ безъ вниманія, страну, которая лежала у нихъ, такъ сказать, предъ глазами? Само собою разумѣется, что нѣтъ (хотя и не имѣемъ ясныхъ указаній въ лѣтописяхъ); въ первый періодъ своихъ выселеній норманны, очевидно, являлись въ литовскія владѣнія, какъ и во всѣ другія, набѣгами, съ цѣлію грабежа и разбоя, а во второй—какъ мирные поселенцы: селились въ нихъ, принимали нравы и языкъ туземцевъ и сливались съ этими послѣдними. Къ первому періоду, очевидно, относится преданіе литовцевъ о Гелонѣ. Это народное преданіе говоритъ о нападеніи на литовцевъ съ сѣвера и востока какихъ-то людоѣдовъ, которые все жгли, разоряли и опустошали. Кто же были эти людоѣды? Какой народъ отъ моря могъ попасть къ литовцамъ? Очевидно норманны. Названіе нападающаго народа на литовскія земли „людоѣдами", конечно, нельзя считать за фактъ несомнѣнно истинный; такимъ названіемъ норманновъ литовцы окрестили, такъ сказать, по ихъ жестокому обращенію съ плѣнными. Давно ли, напримѣръ, западная Европа перестала считать людоѣдами русскій народъ (москалей)? Очень можетъ быть, и теперь еще есть уголокъ въ Италіи или Испаніи, жители котораго, благодаря католическому духовенству, до сего

---

[1]) Ансгарій умеръ въ 865 г.

времени считаютъ русскихъ „схизматиковъ“ одноглазыми людоѣдами. Если теперь еще возможно обозвать, да не только обозвать, а придать неповинному народу эпитетъ „людоѣдовъ“, то тѣмъ болѣе это возможно было во времена варварскія, когда сами нападающіе подавали къ тому много поводовъ.

Ко второму періоду, т. е. періоду политическаго и религіознаго переворота въ Скандинавіи и мирнаго выселенія норманновъ, относятся преданія о Брутенѣ и Вайдевутѣ и о Нѣмонѣ. Что преданія эти прямо указываютъ на переселеніе въ Литовскую землю жителей Скандинавіи, то это ясно видно, во-первыхъ, изъ того, что первое преданіе прямо называетъ Брутеня и Вайдевута скандинавскими выходцами; во-вторыхъ, изъ того, что путь Немона, черезъ который онъ проникъ въ Литву, именно таковъ, по которому и могли только прибыть скандинавы; въ-третьихъ, изъ того, что самыя имена Брутеня, Вайдевута и Немона—скандинавскія, и, въ-четвертыхъ, наконецъ, изъ того, что изъ мѣстечка Эйроголы, основаннаго, по преданію, скандинавомъ Немономъ, вышелъ Лютауръ, родоначальникъ жмудской или Гедиминовой династіи, многіе потомки котораго носили скандинавскія имена.

Итакъ, изъ литовскихъ народныхъ преданій мы видимъ, что скандинавы сначала являлись въ Литву какъ разбойники и грабители, а потомъ какъ мирные поселенцы [1]).

Но вотъ вопросъ: что норманны, поселившись между литовцами, внесли скандинавскаго въ политическую и религіозную жизнь литовскаго народа? Что касается перемѣнъ политическаго строя литовцевъ, произведенныхъ скандинавами, мы рѣшительно ничего не можемъ сказать; но относительно перемѣнъ въ религіи литовцевъ, произведенныхъ скандинавами, можемъ кое-что сказать. Изъ литовскаго народнаго преданія о Брутенѣ и Вайдевутѣ мы видимъ, во-1-хъ, что Брутень и Вайдевутъ въ странѣ ульмигеровъ (литовцевъ, жившихъ, какъ говорили выше, между Нѣманомъ и Вислою) заповѣдуютъ литовцамъ поклоняться тремъ богамъ: Перкуну, Поклусу и Потримпосу; во-2-хъ, что они привозятъ истукановъ изъ Скандинавіи, и, въ-3-хъ, что они устанавливаютъ правила избранія „Криве-Кривейто“. А все это показываетъ, что пришельцы-скандинавы (пусть будутъ Брутень и Вайдевутъ имена вымышленныя, что очень можетъ быть) были реформато-

---

[1]) Древнѣйшія скандинавскія саги также даютъ нѣкоторое основаніе предположить, что норманны первые проникли къ литовцамъ и завели съ ними сношеніе. Изъ поэтическихъ преданій древнихъ жителей Скандинавіи видно, что въ VIII ст. въ Швеціи былъ замѣчательный конунгъ Иваръ Видфаме, который съ дружиною своей завоевалъ южные берега Балтійскаго моря; внукъ его Горальдъ Златозубый покорилъ восточные берега Балтійскаго моря, а сынъ Горальда Сингуръ Ринги очень дружилъ съ куронами и эстами, которые часто помогали ему въ битвахъ.

рами религіи древнихъ литовцевъ. Они, вѣроятно, прибыли въ Литву изъ Скандинавіи въ то время, когда на родинѣ ихъ христіанство стало распространяться. Эти пришельцы принадлежали къ той части норманновъ, которые, спасая свою религію языческую, бѣжали изъ Скандинавіи въ разныя страны. По прибытіи къ литовцамъ скандинавы, конечно, не могли предложить имъ своихъ боговъ: Одина и азовъ, иначе бы они вооружили литовцевъ противъ себя. Скандинавы, какъ умные люди, хорошо воспользовались уже готовыми литовскими божествами, чтобы именемъ ихъ повелѣвать литовцами; а для большаго страха скандинавы, очень можетъ быть, принесли изъ своей родины и истукановъ.

Справедливость преданія о Брутенѣ и Вайдевутѣ, указывающаго на скандинавовъ, какъ на реформаторовъ литовской религіи, видно изъ того, во-1-хъ, что „Ромове" сдѣлалось исторически извѣстнымъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ указываетъ это преданіе, т. е. въ Пруссіи; во-2-хъ, что избраніе „Криве-Кривейто" совершенно было похоже, какъ говорятъ, на избраніе первосвященника въ Скандинавіи, г. Упсалѣ.

Такимъ образомъ, изъ всего вышесказаннаго можно вывести слѣдующее заключеніе: a) первые пришли въ литовскія дебри скандинавы; b) сначала скандинавы являлись сюда какъ разбойники и грабители, а потомъ мирные поселенцы; c) скандинавы второй категоріи были реформаторами древней литовской религіи, и d) наконецъ, они были, какъ и потомство ихъ, предводителями литовскихъ дружинъ, а впослѣдствіи и великими князьями Литовскаго государства.

Сношенія русскихъ съ литовцами. Вслѣдъ за скандинавами вступили въ сношеніе съ литовцами и русскіе. Сношенія эти прежде всего начались вслѣдствіе частыхъ поѣздокъ русскихъ, когда они были еще язычниками, къ литовцамъ на поклоненіе ихъ кумирамъ. Такъ, Адамъ Бременскій, писатель XI в. (онъ былъ каноникомъ латинской церкви, умеръ 1076 г.), въ своей хроникѣ, между прочимъ, сообщаетъ, что русскіе, будучи еще язычниками, дружно жили съ литовцами и часто ѣздили „въ Жмудь и Коронію на поклоненіе ихъ кумирамъ". Почти то же самое мы находимъ и въ Іакимовской лѣтописи: „храмы и жрецы земголы, говорится въ ней, находятся въ глубокомъ уваженіи у русскихъ славянъ". Затѣмъ сношенія эти еще болѣе усилились по поводу торговли, производимой новгородцами и полочанами въ Литвѣ. По свидѣтельству извѣстнаго литовскаго историка Нарбута, торговля эта совершалась еще въ до-историческія времена въ Литвѣ, т. е. въ X, XI и XII ст. Наконецъ, сношенія русскихъ съ литовцами окончательно упрочились, когда русскіе начали заводить свои поселенія на литовской территоріи.

Начало русскихъ поселеній въ Литвѣ относится къ глубокой древности. Профессоръ Московскаго университета Бѣляевъ въ своемъ сочи-

неніи „Очерки исторіи Сѣверо-западнаго края“ говоритъ, что еще до призванія сѣверными славянами варяго-русскихъ князей изъ Новгорода, Полоцка и Смоленска начала распространяться колонизація по всему Литовскому краю, придерживаясь теченія рѣкъ, по которымъ, какъ по дорогамъ, устроеннымъ самою природою, новгородцы, полочане и кривичи проникли въ глубь непроходимыхъ лѣсовъ литовскихъ пущъ [1]).

Въ XI и XII ст. развитіе русскихъ поселеній въ Литвѣ получило особую силу, благодаря содѣйствію кіевскихъ великихъ князей. Такъ, Ярославъ I, по словамъ польскаго историка Длугоша и литовскаго Нарбута, завоевавши юго-восточную часть литовской территоріи, основалъ на ней нѣсколько военныхъ поселеній, подчинилъ ихъ особому намѣстнику и далъ ему часть своего войска для храненія порядка.

---

[1]) Доказательство этому профессоръ Бѣляевъ видитъ:

I. Въ томъ, что внутри Литвы находится много рѣкъ, мѣстечекъ и урочищъ, которыя носятъ названія славянскія, таковы: а) рѣки: Вилія (по-литовски Нерисъ, или Нергисъ), Невѣжа, Дубисса, Русь, Россъ (притоки Нѣмана), Святая (притокъ Виліи), З. Двина, Дисна (притокъ З. Двины) и Наревъ, или Наровъ (притокъ З. Буга); б) мѣстечки: Смоленскъ, Кривичи, Крево (Виленской губ.) и Тверь (мѣстечко Гродненской губ.); в) урочища: Смолянки и Смолевичи (Виленской губ.), Смоленица (Гродненской губ.).

II. Въ томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ одинаковыя названія въ землѣ новгородской, псковской и въ сѣверномъ приднѣпровьѣ или въ странѣ кривичей; такъ: З. Двина, протекающая по литовской территоріи, имѣетъ соотвѣтствующую рѣку въ землѣ новгородской—Сѣв. Двину; литовскій Наревъ, или древняя Нарова, соотвѣтствуетъ Нарову въ полоцкой землѣ; Дисна, притокъ З. Двины—Диснѣ, притоку Днѣпра; названія—Смоленскъ, Смолянки, Смолевичи и Смоленица одноименны главному городу кривичей—Смоленску. Тверь въ Литвѣ—Твери въ новгородской землѣ (теперешнему губернскому городу).

Два вышеозначенныхъ доказательства, на которыя опирается проф. Бѣляевъ, весьма серьезны: они дѣйствительно какъ нельзя болѣе подтверждаютъ мнѣніе его относительно колонизаціи русскими славянами Литвы. Въ самомъ дѣлѣ, какой славянскій народъ проникъ въ дебри литовскія и далъ названія вышеозначеннымъ рѣкамъ, мѣстечкамъ и урочищамъ? Отвѣтъ на это, очевидно, можетъ быть только одинъ: русскіе-славяне, т. е. славяне, вошедшіе въ составъ русскаго государства. Это подтверждается: а) тѣмъ, что русскіе-славяне ближе всѣхъ находились къ литовцамъ; б) тѣмъ, что по отношенію къ литовцамъ они занимали такое положеніе, которое невольно заставляло русскихъ славянъ совершать путешествія въ глубь Литвы и, наконецъ, в) тѣмъ, что о мирномъ сношеніи съ литовцами какого-нибудь другого славянскаго народа, принадлежащаго иному государству (Польскому, напримѣръ), ни слова не говорится ни въ русскихъ лѣтописяхъ, ни въ иностранныхъ хроникахъ. Затѣмъ: чѣмъ объяснить эту одноименность названій? Очевидно, только тѣмъ, что здѣсь имѣли свои поселенія новгородцы, полочане и кривичи. На колоніи послѣднихъ въ Литвѣ особенно указываетъ названіе двухъ мѣстечекъ: Криво и Кривичи. Названіе же двухъ притоковъ Нѣмана—Русь и Россъ—ясно свидѣтельствуетъ, что въ этой мѣстности жили тѣ славяне, которые уже вошли въ составъ Русскаго государства и приняли названіе „русскихъ“.

Изъ литовской лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Быховца, видно, что русскихъ поселеній въ XII ст. особенно много было въ мѣстности, лежащей между Виліею и Припетью, такъ что составитель ея называетъ эту мѣстность русскою.

Во второй половинѣ XII ст., а еще болѣе въ XIII ст. связь литовцевъ съ русскими уже настолько сильна была, что многіе русскіе князья, становясь во главѣ ихъ ратей, защищали ихъ интересы противъ нѣмцевъ, какъ свои собственные. Въ то же время литовскіе города и села были переполнены русскими. Русскій языкъ сдѣлался господствующимъ среди высшаго сословія литовской народности. А по свидѣтельству польскихъ и литовскихъ историковъ: Ярошевича, Стебельскаго, іезуита Кояловича и Нарбута, съ конца XII ст. литовскіе князья одинъ за другимъ стали принимать православіе. Такъ, принялъ православіе удѣльный литовскій князь Гинвилъ Мингайловичъ вмѣстѣ съ именемъ Юрія (родился въ 1123, ум. 1199 г.); затѣмъ: Борисъ Гинвиловичъ (родился въ 1146, ум. 1206 г.), Рогвольдъ Борисовичъ, Глѣбъ Рогвольдовичъ и дочь послѣдняго Параскевія, признанная святою даже въ Римѣ (умерла въ 1235 г.) и т. д. [1]).

Въ XIV ст., когда въ Литвѣ вступила на престолъ Гедиминовская династія, дружественныя отношенія литовцевъ съ русскими и вліяніе послѣднихъ на первыхъ достигли своего апогея; но объ этомъ будетъ сказано послѣ.

Такая тѣсная связь литовской народности съ русскою и культурное вліяніе послѣдней на первую было слѣдствіемъ глубокаго природнаго гуманнаго чувства, присущаго русской націи. Русскіе, какъ это доказали сотни историческихъ фактовъ, пріобрѣтши вліяніе на какой-нибудь народъ, никогда не имѣли въ виду порабощенія его, и, подобно западнымъ католическимъ народамъ, никогда не прибѣгали къ огню и мечу, если только онъ самъ, по какимъ-либо причинамъ, не прибѣгалъ къ этому средству. Даже завоевавши какой-нибудь народъ, если этого требовала политическая необходимость, русскіе никогда не трогали его внутренней жизни, не насиловали свободы совѣсти и не прибѣгали къ мѣрамъ террорическимъ, съ цѣлію обрусить. Такъ было и при сношеніи русскихъ съ литовцами въ легендарный періодъ исторіи послѣднихъ. „Русскіе привлекали симпатіи литовцевъ безкорыстіемъ, доброжелательствомъ, чистосердечіемъ и откровенностью“, говоритъ

---

[1]) Если кто желаетъ познакомиться по-подробнѣе съ тѣмъ, какіе литовскіе князья въ древнія времена были православными, то мы рекомендуемъ прочитать статью: „Перечень литовскихъ князей, исповѣдывавшихъ православную вѣру, а равно и древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій“, помѣщенную въ „Сборникѣ статей, разъясняющихъ польское дѣло“, Шолковича, т. II, 1887 г. Вильна.

одинъ западный ученый, занимавшійся изслѣдованіемъ вліянія сосѣднихъ народовъ на литовцевъ въ древній періодъ ихъ исторіи [1]).

Сношенія поляковъ съ литовцами. Послѣ скандинавовъ и русскихъ въ сношенія съ литовцами вступили и поляки. Начало сношеній поляковъ съ литовцами положено было королемъ Болеславомъ Храбрымъ по поводу мученической кончины въ землѣ литовскаго племени пруссовъ одного изъ католическихъ миссіонеровъ св. Войтѣха. Св. Войтѣхъ (по-нѣмецки Адальбутъ) около 1002 г., оставивши должность пражскаго епископа, задумалъ отправиться къ пруссамъ проповѣдывать христіанство. Польскій король Болеславъ Храбрый снабдилъ его суднòмъ и вооруженнымъ конвоемъ. Св. Войтѣхъ, выйдя изъ Данцига, повернулъ на востокъ, вдоль береговъ Пруссіи, и чрезъ нѣсколько дней высадился на территорію этого литовскаго племени. Здѣсь епископъ отослалъ обратно польскій конвой и въ сопровожденіи только двухъ монаховъ углубился во внутрь страны. Первые туземцы, попавшіеся ему на встрѣчу, опросили миссіонера о причинѣ его прихода, на что Войтѣхъ отвѣчалъ: „я пришелъ къ вамъ въ качествѣ проповѣдника истинной вѣры, чрезъ которую получается вѣчное спасеніе: вы должны оставить ваши истуканы и узнать истиннаго Творца вашего, истиннаго Господа, которому слѣдуетъ вѣрить и поклонятся". Туземцы на слова св. Войтѣха съ гнѣвомъ закричали: „мы имѣемъ общую вѣру и общіе обычаи съ жителями всей страны, у входа въ которую живемъ. Вы же, иноземцы, исповѣдуете вѣру чуждую намъ; до истеченія сутокъ удалитесь изъ нашей земли, иначе подвергнетесь опасности смерти". Миссіонеры должны были отправиться ночью въ дальнѣйшій путь; на разсвѣтѣ они расположились отдохнуть въ одной рощѣ; но эта роща оказалась заповѣдною; туземцы сочли эту невольную ошибку за святотатство, окружили спящихъ и, подъ руководствомъ жреца, убили св. Войтѣха въ качествѣ очистительной жертвы богамъ.

Когда узналъ объ этомъ Болеславъ Храбрый, то немедленно послалъ пословъ къ прусскому племени, съ просьбою отдать тѣло св. Войтѣха. Литовцы согласились, но съ условіемъ, чтобы король заплатилъ

---

[1]) И это, какъ намъ кажется, вполнѣ справедливо; если же мы находимъ извѣстія въ русскихъ лѣтописяхъ и иностранныхъ хроникахъ о походахъ русскихъ удѣльныхъ князей на литовцевъ, то это нисколько не опровергаетъ высказаннаго взгляда на отношенія русскихъ къ литовцамъ, потому что подобные факты составляютъ весьма естественное явленіе между сосѣдями; въ настоящее время мы даже видимъ, что нерѣдко происходятъ военныя столкновенія между народами одного племени и при томъ весьма дружественными.

О древнемъ сношеніи русскихъ съ литовцами есть довольно хорошая статья въ Сборникѣ Шолковича за 1885 г., т. I, которая озаглавлена такъ: „Чѣмъ объяснить быстрое обрусеніе Литвы въ XIII ст."?

имъ за него столько серебра, сколько вѣситъ тѣло мученика. Болеславъ исполнилъ требованіе ихъ и получилъ просимое.

Отправка Болеславомъ Храбрымъ въ Пруссію пословъ своихъ съ просьбою возвратить тѣло св. Войтѣха считается первымъ сношеніемъ поляковъ съ литовцами. Но въ то же время сношеніе это считается и единственнымъ, которое носитъ на себѣ мирный характеръ въ продолженіе первыхъ трехъ столѣтій, т. е. XI, XII и XIII, потому что вслѣдъ за этимъ сношеніемъ начинаются страшно опустошительные походы польскихъ королей на литовцевъ. Первый такого рода походъ совершенъ былъ на литовцевъ тѣмъ же Болеславомъ Храбрымъ по поводу мученической кончины въ Пруссіи другого католическаго миссіонера св. Бруна.

Св. Брунъ былъ архіепископъ саксонскій. Сгорая желаніемъ, подобно Войтѣху, сдѣлаться миссіонеромъ, онъ съ дозволенія великаго кіевскаго князя Владимира предпринялъ путешествіе къ печенѣгамъ для проповѣдыванія христіанства. Архіепископъ пробылъ тамъ пять мѣсяцевъ и крестилъ до 30 человѣкъ. Въ началѣ 1009 г. св. Брунъ былъ приглашенъ Болеславомъ Храбрымъ въ Краковъ. Оттуда онъ отправился на новую миссію, въ Пруссію. Въ сопровожденіи 18 духовныхъ лицъ, св. Брунъ странствовалъ нѣкоторое время по прусской землѣ, проповѣдуя христіанство. Наконецъ ему случилось попасть къ одному изъ мѣстныхъ начальниковъ, по имени Нетимору; выслушавъ рѣчь миссіонера, Нетиморъ сказалъ: „у насъ есть свои боги, которыхъ мы почитаемъ, а потому чужимъ вѣрить не хотимъ“. Св. Брунъ, раздраженный этими словами, схватилъ стоявшаго тутъ одного литовскаго идола и бросилъ его въ огонь. Тогда прусскій начальникъ Нетиморъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами: „если огонь долженъ составлять испытаніе истинности вѣры, то бросьте на костеръ этого иностранца; если онъ сгоритъ, то будемъ знать, что проповѣдь его лжива, если же останется живъ, то мы всѣ немедленно увѣруемъ словамъ его“. Товарищъ и жизнеописатель св. Бруна, монахъ Випертъ, прибавляетъ, что архіепископъ находился въ пламени все время, пока его спутники пропѣли 7 псалмовъ и сошелъ съ костра невредимымъ. Чудо это побудило Нетимора и 30 лицъ, окружавшихъ его, принять христіанство. Но вслѣдъ за тѣмъ, прибавляетъ Випертъ, сосѣдній прусскій начальникъ, озлобленный ихъ обращеніемъ, напалъ на Нетимора и казнилъ смертію св. Бруна вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ его сподвижниковъ.

Получивши извѣстіе о мученической кончинѣ второго католическаго миссіонера, Болеславъ Храбрый рѣшился наказать прусское племя за ихъ поступки. Въ глубокую осень 1010 г. польскій король съ огромнымъ войскомъ вторгнулся въ страну означеннаго племени. Онъ съ огнемъ и мечемъ вдоль и поперекъ прошелъ ее; самое святилище ли-

товцевъ „Ромове" разорилъ и идоловъ перебилъ. Въ заключеніе Болеславъ захватилъ огромное число плѣнныхъ и вернулся съ ними обратно домой.

Послѣ разоренія Болеславомъ Храбрымъ Пруссіи, сношенія поляковъ съ литовцами прекращаются ровно на сто лѣтъ. Возобновляются они при Болеславѣ III, или Кривоустомъ. Подобно Болеславу I, и Болеславъ III также совершилъ опустошительный походъ на прусское племя. Онъ, какъ уже говорено выше, въ 1110 г. разрушилъ много литовскихъ селъ и деревень, собралъ огромную добычу и вывелъ оттуда безчисленное множество плѣнныхъ.

Съ Болеслава III Кривоустаго о военныхъ походахъ поляковъ на литовцевъ все чаще и чаще упоминается въ источникахъ. Такъ, по словамъ краковскаго епископа Викентія Кадлубка, въ 1146 г. Болеславъ Кудрявый ходилъ на пруссовъ, а въ 1191 г. Казимиръ Справедливый—на ятвяговъ.

Мирныя сношенія поляковъ съ литовцами начинаются только съ первой половины XIV ст., когда на польскомъ престолѣ сидѣлъ Владиславъ Локотокъ, а на литовскомъ—Гедиминъ.

Сношенія нѣмцевъ съ литовскими племенами [1]). Нынѣшній Эсто-латышскій край въ VIII и IX столѣтіяхъ населенъ былъ литовско-финскими племенами; такъ, въ Эстляндской губерніи жили эсты или чудь, народъ финскаго племени; въ Лифляндской губерніи или такъ называемой въ древности Ливоніи жили ливы, народъ тоже финскаго племени [2]); въ Курляндской губерніи жили: лѣтголы, земголы и корсь или куроны, народы, какъ мы уже знаемъ, литовскаго племени.

---

[1]) Объ этомъ см. соч. на русскомъ языкѣ: Трусмана—„Введеніе христіанства въ Лифляндіи"; Чешихина—„Исторію Ливоніи"; Иловайскаго—„Исторію Россіи", ч. II-я; хронику Генриха Латыша и хронику Германа Вартберга (обѣ эти хроники переведены на русскій языкъ,—см. „Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края"—Чешихина, т. I и II). На нѣмецкомъ языкѣ: Фогта—„Исторію Пруссіи"; такъ называемую „Риѳмованную" хронику, а также „Сборникъ актовъ" доктора Бунге.

Примѣчаніе. Генрихъ Латышъ былъ любимый ученикъ второго ливонскаго епископа Альберта, который въ 1208 г. и рукоположилъ его въ санъ священника для латышей. Лѣтопись его обнимаетъ событія Ливоніи отъ 1184 г. по 1227 г.

Германъ Вартбергъ былъ священникомъ Ливонскаго ордена, современникомъ Ольгерда; исполнялъ разныя дипломатическія порученія. Хроника его начинается отъ прибытія купцовъ въ Ливонію и кончается 1378 г.

Такъ называемая „Риѳмованная лѣтопись" (написана стихами) неизвѣстно кѣмъ составлена. Она начинается отъ конца XII ст. и кончается концомъ XIII столѣтія.

[2]) Д. Иловайскій считаетъ ливовъ за смѣсь финскаго племени съ литовскимъ.

Изъ русскихъ лѣтописей и нѣмецкихъ хроникъ мы видимъ, что первые изъ сосѣдей проникли сюда и внесли свою цивилизацію русскіе. Въ X и XI ст. они брали дань съ лѣтголы, земголы и ливовъ и построили здѣсь нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстечекъ и, между прочимъ, городъ Юрьевъ (Дерптъ); въ XII же столѣтіи уже вся Ливонія и земли, лежащія по нижнему теченію З. Двины, гдѣ жили лѣтголы и земголы, находились въ зависимости отъ полоцкихъ князей, которые посылали туда своихъ миссіонеровъ для распространенія православія.

За русскими въ Эсто-латышскій край проникли нѣмцы. Въ началѣ XII ст. на Балтійскомъ морѣ, на о. Готландѣ бременскіе и гамбургскіе купцы завели торговлю съ новгородскими купцами. Въ концѣ же этого столѣтія нѣмецкіе купцы познакомились съ Ливоніею и основали въ ней свои дворы для склада товаровъ. Бременскій архіепископъ Гортвигъ, узнавши отъ купцовъ, что въ Ливоніи и сосѣднихъ съ нею странахъ живутъ язычники, около 1185 г. послалъ туда августинскаго монаха Мейнгарда для обращенія туземцевъ въ католичество.

Мейнгардъ, прибывши въ Ливонію, поселился въ мѣстечкѣ Искулѣ (въ 35 верстахъ отъ З. Двины на сѣверъ). Но такъ какъ Ливонія въ это время зависѣла отъ русскаго полоцкаго князя Владимира [1]), то Мейнгардъ прежде всего постарался войти въ дружественныя сношенія съ симъ послѣднимъ, а потомъ вкрался въ такое довѣріе русскаго князя, что тотъ позволилъ ему крестить ливовъ и другихъ сосѣднихъ народовъ. Дѣло пошло очень быстро: въ продолженіе двухъ лѣтъ Мейнгардъ крестилъ многихъ язычниковъ и построилъ четыре костела. Но затѣмъ, боясь, чтобы русскій князь изъ зависти, вслѣдствіе удачнаго успѣха его проповѣди, не измѣнилъ бы къ нему своего дружескаго

---

[1]) Полоцкое княжество лежало по среднему теченію З. Двины. Оно завоевано было Владиміромъ Святымъ у Рогвольда, на дочери котораго, Рогнѣдѣ, онъ женился. Предъ смертію Владиміръ отдалъ это княжество своему сыну отъ Рогнѣды Изяславу. Замѣчателенъ былъ внукъ Изяслава Всеславъ. Лѣтописецъ говоритъ, что онъ родился отъ волхвованія. У него на головѣ была язвина (рана), а потому онъ носилъ какую-то таинственную повязку, отчего былъ немилостивъ и кровожаденъ. „Слово о полку Игоревѣ" представляетъ его какимъ-то чародѣемъ. Послѣ Всеслава княжили одинъ за другимъ сыновья его: Романъ, Давидъ и Рогвольдъ (такъ говорятъ русскіе историки, польскіе историки къ этому времени относятъ другихъ лицъ въ качествѣ князей полоцкихъ). Сынъ Владимира Мономаха Мстиславъ I изгналъ полоцкихъ князей въ Грецію. Послѣ нихъ, какіе князья были въ Полоцкѣ, трудно сказать. Знаемъ, что въ 1151 г. тамъ сидѣлъ какой-то Рогвольдъ Борисовичъ. Въ концѣ XII и началѣ XIII ст. въ Полоцкѣ былъ княземъ Владиміръ. Но какого онъ рода— неизвѣстно. Знаемъ, что отъ него зависѣли нѣкоторыя литовско-финскія племена, жившія по нижнему теченію З. Двины. Вообще, исторія Полоцка очень темна. Литовскія лѣтописи говорятъ, что въ XII ст. въ Полоцкѣ сидѣли литовскіе князья, а русскія говорятъ, что отъ полоцкихъ князей произошли литовскіе.

расположенія и не напалъ бы на него врасплохъ, построилъ двѣ крѣпости. 25 сентября 1188 г. Мейнгардъ сдѣланъ былъ папою епископомъ.

Но миссіонерскіе труды Мейнгарда не долго сопровождались успѣхомъ: когда онъ потребовалъ отъ ливонцевъ подчиненія бременскому архіепископу и десятины на церковь, то дѣло миссіи пошло хуже, а потомъ и совсѣмъ пріостановилось. Ливонцы и слышать не хотѣли ни о томъ, ни о другомъ, т. е. ни о подчиненіи бременскому архіепископу, ни о десятинѣ на церковь. Они ясно поняли, что миссіонеры имѣютъ въ виду не столько спасеніе ихъ душъ, сколько завладѣніе ихъ территоріею и порабощеніемъ ихъ самихъ. Сначала начался среди туземцевъ глухой ропотъ, а потомъ и открытое возстаніе. Мейнгардъ, чтобы усмирить своихъ новообращенныхъ въ католичество духовныхъ чадъ и привести ихъ къ повиновенію, прибѣгъ, какъ къ самому радикальному средству, употребляемому, обыкновенно, въ подобнаго рода случаяхъ католическими проповѣдниками Слова Божія, огню и мечу. Это еще больше раздражило ливонцевъ. Тѣ, которые крестились, стали бросаться въ волны З. Двины, желая этимъ самымъ смыть крещеніе или же найти покой и безопасность на днѣ рѣки отъ преслѣдованія нѣмецкихъ миссіонеровъ. Мейнгардъ донесъ о всемъ папѣ и просилъ помощи. Папа объявилъ крестовый походъ (это было какъ разъ въ эпоху крестовыхъ походовъ) противъ ливонцевъ и полное отпущеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, кто приметъ участіе въ походѣ. Мейнгардъ не дождался помощи—онъ умеръ въ 1196 г. На его мѣсто съ крестоносцами явился въ Ливонію другой монахъ изъ Бремена Бертольдъ, но онъ скоро былъ убитъ въ битвѣ съ туземцами. Страшно отомстили крестоносцы за смерть своего апостола: тысячи ливонцевъ поплатились за это жизнію; огнемъ истреблены были многія поселенія и самыя пожарища политы кровью туземцевъ. Ливонцы, раньше принявшіе крещеніе и оставшіеся въ живыхъ, въ ужасъ пришли и, не видя другого исхода, приняли католическихъ священниковъ и согласились на всѣ условія крестоносцевъ. Но какъ только тѣ ушли, ливонцы снова начали отступать отъ крещенія и снова погружаться въ волны Двины.

Въ 1200 г. изъ Бремена въ Ливонію присланъ былъ новый епископъ, по имени Альбертъ, человѣкъ умный, ловкій, хитрый и въ высшей степени энергичный. Онъ прибылъ къ устью Двины съ огромнымъ войскомъ крестоносцевъ. Но и его ливонцы приняли такъ же, какъ и Бертольда. Завязалась кровавая борьба, борьба на жизнь и смерть. И очень можетъ быть, борьба эта кончилась бы на самыхъ первыхъ порахъ весьма печально для проповѣдниковъ католичества, если бы хитрый Альбертъ не употребилъ одного вѣроломнаго поступка. Дѣло было вотъ въ чемъ: Альбертъ, по прибытіи въ Ливонію, засѣлъ съ крестоносцами въ крѣпости Гольмѣ, но тутъ его окружили со всѣхъ сторонъ ливонцы; миссіонерамъ приходилось одно изъ двухъ—или умереть съ голоду, или

же сдаться живыми въ руки туземцевъ и быть ими перебитыми. Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ ловкій Альбертъ обратился къ осаждающимъ съ предложеніемъ мира и съ изъявленіемъ намѣренія удовлетворить всѣмъ требованіямъ ливонцевъ. Ливонцы приняли предложеніе. Для окончательныхъ переговоровъ Альбертъ пригласилъ всѣхъ старшинъ въ крѣпость; тѣ, не подозрѣвая ничего худого, довѣрчиво вошли въ нее; но тутъ Альбертъ приказалъ всѣхъ ихъ арестовать и при этомъ объявилъ, что если они не снимутъ осады, то будутъ или умерщвлены, или же отосланы плѣнниками въ Германію. Старшины, страшась за жизнь свою, дали слово снять осаду крѣпости, какъ только будутъ выпущены на свободу, и не предпринимать ничего противъ миссіонеровъ. Но Альбертъ не повѣрилъ словамъ старшинъ: для обезпеченія договора онъ потребовалъ отъ нихъ, въ качествѣ заложниковъ, ихъ собственныхъ дѣтей. Дѣти, въ количествѣ 30 мальчиковъ, были представлены Альберту и миръ былъ заключенъ согласно желанію епископа. По выходѣ изъ крѣпости Альбертъ всѣхъ этихъ 30 мальчиковъ отправилъ въ Германію; тамъ они были крещены и воспитаны въ духѣ христіанскомъ. Впослѣдствіи эти мальчики возвратились въ Ливонію и были хорошими помощниками Альберту въ дѣлѣ распространенія католичества.

Годъ спустя послѣ прибытія въ Ливонію Альбертъ построилъ городъ Ригу и въ немъ соборъ св. Маріи.

Основаніе Ливонскаго ордена, или ордена Меченосцевъ. Между тѣмъ ливонцы, не смотря на обѣщаніе, данное Альберту, ничего худого не дѣлать ему, постоянно нападали на епископа и его спутниковъ и такимъ образомъ мѣшали имъ распространять католичество и захватывать земли туземцевъ. Тогда Альбертъ для защиты отъ язычниковъ порѣшилъ имѣть подъ руками постоянное войско; для этой цѣли онъ вызвалъ изъ Германіи нѣсколько сотъ новыхъ крестоносцевъ и въ 1202 г. образовалъ изъ нихъ орденъ, который получилъ названіе Ливонскаго, или Меченосцевъ. Цѣль этого ордена: всю жизнь мечемъ водворять католичество между литовско-финскими языческими племенами, а потому на гербѣ рыцарей сего ордена былъ изображенъ на бѣломъ фонѣ крестъ, опирающійся на мечъ.

1203 г. папа Иннокентій III своею буллою утвердилъ этотъ орденъ и подчинилъ его епископу.

Послѣ основанія Ливонскаго ордена дѣла миссіонеровъ пошли впередъ быстрыми шагами: сначала покорены были и обращены въ католичество ливы, а затѣмъ лѣтголы (латыши) и часть земголы.

Во время этихъ завоеваній ливы и лѣтголы часто обращались за помощью къ русскимъ князьямъ; но тѣ, вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ въ собственныхъ земляхъ, не могли имъ помочь. Правда, есть извѣстіе, что полоцкій князь Владиміръ, по просьбѣ ливовъ, пошелъ

было противъ нѣмцевъ, но, по словамъ Генриха Латыша, не имѣя хорошаго вооруженія, ничего не сдѣлалъ. Другой русскій князь, именно братъ Мстислава Удалого, по имени тоже Владимиръ, сидѣвшій въ Псковѣ, по просьбѣ ливовъ и лѣтголовъ, также ходилъ на нѣмцевъ, но тоже безуспѣшно; впослѣдствіи, какъ сообщаютъ хроники, онъ сошелся съ епископомъ Альбертомъ и выдалъ свою дочь за его брата Дидриха [1]).

Покоривши лѣтголу и ливовъ, Альбертъ и рыцари обратились противъ эстовъ, но тутъ имъ пришлось встрѣтиться съ народомъ болѣе крѣпкимъ и сильнымъ, а потому между крестоносцами и эстами произошла отчаянная борьба, во время которой проповѣдники евангельскаго ученія въ жестокостяхъ превзошли самихъ себя: они, какъ и въ Ливоніи, десятками сожигали селенія эстовъ и тысячами вырѣзывали жителей, не щадя ни пола, ни возраста. Но и эсты не оставались въ долгу и отплачивали миссіонерамъ тою же монетою: по словамъ источниковъ, они, захвативъ въ плѣнъ нѣмцевъ, сожигали ихъ живыми на кострахъ, мучили, калѣчили, четвертовали, сдирали кожу, вѣшали, топили и т. п. [2]). Словомъ, борьба началась на жизнь и смерть. Но съ теченіемъ времени эсты стали ослабѣвать, тогда какъ противники постоянно усиливались вслѣдствіе все большаго и большаго наплыва изъ западной Европы новыхъ партій крестоносцевъ. Поэтому эсты, подобно ливамъ и латышамъ, стали просить помощи у русскихъ. Въ 1216 г., или около этого, на защиту ихъ выступилъ было тотъ же князь Владимиръ полоцкій, который выступалъ на защиту ливовъ и латышей, но, къ несчастію, во время похода скончался. Въ 1218 г. подали эстамъ помощь новгородцы: въ продолженіе двухъ лѣтъ они наносили рыцарямъ такія чувствительныя пораженія, что тѣ сначала отступили, а затѣмъ и совсѣмъ покинули Эстонію.

Ливонскій орденъ, ослабленный успѣхами новгородцевъ, обратился за помощью къ датскому королю Вальдимару II. Въ 1219 г. датское войско высадилось въ Эстоніи; за этимъ послѣдовалъ рядъ побѣдъ надъ эстами и завоеваній ихъ поселеній. Но тутъ рыцари ордена поссорились съ датскими крестоносцами за завоеванныя эстонскія области: датчане вмѣсто того, чтобы покоряемыя земли уступать рижскому епископу Альберту и ливонскимъ рыцарямъ, какъ было поставлено въ условіи, когда рыцари приглашали къ себѣ датчанъ, стали брать себѣ ихъ. Дѣло дошло до папы. Папа рѣшилъ такъ: кто первый окреститъ какое-нибудь эстонское

---

[1]) *Примѣчаніе.* Въ это время два литовскихъ князя: Вячко и Всеволодъ, тѣснимые крестоносцами, сожгли свои города и ушли въ Россію, и такихъ примѣровъ много было.

[2]) Расказываютъ, что эсты, поймавши миссіонера, прежде нежели предать его мученію, предварительно вырѣзывали у него на спинѣ огромной величины крестъ.

селеніе, тотъ и будетъ владѣть имъ, т. е. если первые датчане окрестятъ, то они будутъ владѣть, а если рыцари, то рыцари будутъ владѣть. Отсюда произошли въ высшей степени комичные эпизоды. Датчане и рыцари пустились въ перегонку захватывать и крестить селенія эстовъ. Ради скорости и тѣ, и другіе нерѣдко, прибѣгши въ какую-нибудь деревню, сгоняли жителей къ рѣкѣ или пруду и разомъ крестили человѣкъ полтораста или двѣсти, обозначивши новокрещенныхъ однимъ именемъ. Но въ этой конкурренціи датчане при всемъ своемъ стараніи по большей части проигривали, т. е. они меньше успѣвали захватить и крестить селеній: у нихъ меньше было священниковъ, чѣмъ у рыцарей. Тогда датчане, чтобы не отстать отъ рыцарей и не дать имъ возможности захватить всѣ селенія эстовъ, стали посылать церковныхъ служителей съ святою водою, которые, окропивши ею одну деревню и помѣтивши ее собственнымъ знакомъ (что они принадлежатъ датчанамъ), неслись къ другой и т. д. Очень часто случалось, что датчане и католическіе священники рижскаго епископа и рыцарей сталкивались въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и тогда начиналась ругань, которая скоро потомъ переходила въ потасовку и дѣло обыкновенно оканчивалось довольно увѣсистыми оплеухами и кровавыми зуботычинами.

Въ 1224 году нѣмцы овладѣли русскимъ городомъ въ Эстоніи Юрьевымъ (Дерптомъ); но русскіе не могли возвратить его, а равнымъ образомъ защитить эстовъ, опять по той же причинѣ, по какой не защитили ливовъ и лѣтголу: внутренніе раздоры и татарское иго мѣшали этому.

Послѣднимъ дѣломъ рыцарей при жизни Альберта было окончательное покореніе двухъ литовскихъ племенъ—земголы и корсь, или куроны. Въ 1230 году Альбертъ скончался и похороненъ былъ въ рижскомъ соборѣ св. Маріи.

Со смертію рижскаго епископа Альберта дѣла ливонскихъ рыцарей пошли всѣ хуже и хуже. Причиною тому было нападеніе на нихъ сосѣдей. Съ одной стороны на нихъ стали нападать русскіе, а съ другой литовцы, да и датчане надѣлали имъ не мало хлопотъ. Чтобы поправить свои дѣла, Орденъ меченосцевъ обратился за помощью къ другому ордену—Тевтонскому.

Тевтонскій орденъ. Этотъ орденъ основанъ былъ въ Палестинѣ во время крестовыхъ походовъ. Онъ составился изъ нѣмецкихъ рыцарей. Цѣль его въ Палестинѣ была та, чтобы ухаживать за больными христіанами и сражаться съ невѣрными. Но когда Іерусалимъ снова попалъ въ руки невѣрныхъ. то тевтонскіе рыцари вернулись въ Европу, гдѣ у нихъ были общественныя владѣнія. Сначала они прибыли въ Италію и тутъ остановились на время. Сюда-то въ первый разъ и прислали меченосцы своихъ пословъ съ предложеніемъ тевтонамъ союза, чтобы общими силами дѣйствовать и противъ русскихъ, и противъ литовцевъ; но со-

глашеніе не состоялось. Спустя немного времени, мазовецкій князь Конрадъ, будучи страшно стѣсненъ литовскимъ племенемъ пруссами, также обратился съ просьбою къ тевтонамъ, предлагая имъ переселиться въ его владѣнія и защищать отъ пруссовъ, за что обѣщался подарить имъ огромныя имѣнія въ Польшѣ. Тевтоны на предложеніе Конрада согласились и въ 1231 году поселились въ Мазовіи.

Между тѣмъ, меченосцы все болѣе и болѣе терпѣли нападенія отъ русскихъ и литовцевъ. Въ одной битвѣ съ пруссами ливонскіе рыцари такое потерпѣли пораженіе [1]), что лишились лучшихъ товарищей, а въ числѣ ихъ и самого магистра ордена. Послѣднее событіе снова заставило ихъ вступить въ переговоры съ тевтонами. На этотъ разъ переговоры кончились успѣшно, такъ какъ меченосцы согласились на всѣ условія, поставленныя тевтонами. Въ 1337 году папа Григорій IX утвердилъ это соединеніе. Съ этого времени два ордена стали дѣйствовать за одно. Первый магистръ соединеннаго ордена былъ Германъ Балкъ. Съ этого же времени орденъересталъ подчиняться рижскому епископу.

Сначала дѣла соединеннаго ордена пошли было хорошо, но потомъ, вслѣдствіе сильнаго напора тѣхъ же сосѣдей и внутреннихъ волненій, начали все болѣе и болѣе ухудшаться и самъ орденъ сталъ слабѣть и разлагаться. Первый нанесъ имъ страшное пораженіе въ 1241 году русскій князь Александръ Невскій. За этимъ пораженіемъ въ завоеванныхъ рыцарями земляхъ поднялось волненіе. Вслѣдствіе жестокости и разнаго рода поборовъ со стороны соединеннаго ордена подняли бунтъ земголы и куроны. Они убили католическаго епископа и перебили всѣхъ ксендзовъ и начали съ рыцарями борьбу на жизнь и смерть. Чтобы успѣшно вести эту борьбу, возставшіе соединились съ Миндовгомъ.

Но такъ какъ съ Миндовга собственно начинаются историческія времена въ Литвѣ, то мы теперь и приступимъ къ изложенію историческихъ временъ въ этомъ государствѣ.

---

[1]) Саульская катастрофа. Подробности см. въ исторіи Ливоніи Чешихина т. I, стр. 283.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ВРЕМЕНА.

Миндовгъ [1]).

При изложеніи легендарнаго періода исторіи Литовскаго государства мы говорили, что литовцы до половины XIII столѣтія не составляли болѣе или менѣе крѣпкаго политическаго организма: всѣ они жили вразсыпную и дробились на мелкія и слабыя политическія единицы. При такой раздробленности литовцы объединялись: а) единствомъ религіознаго культа, видимымъ признакомъ котораго были—общее всѣмъ литовскимъ племенамъ священное мѣсто „Гомове“ и общее сословіе жрецовъ, во главѣ которыхъ стоялъ равно всѣми литовцами почитаемый и уважаемый ихъ главный первосвященникъ „Криве-Кривейто“ (судья судей); б) единствомъ законовъ. Тамъ же замѣчено было нами, что литовцы, развиваясь постепенно, безъ сильнаго давленія извнѣ, образовали бы изъ себя теократическое государство подъ верховною властію первосвященника. Но этого не случилось: напоръ сосѣдей—поляковъ и особенно нѣмцевъ—заставилъ литовскія племена, отбросивши политическую власть „Кривейты“, сгруппироваться въ крѣпкій политическій организмъ подъ верховною властію болѣе сильнаго и энергическаго свѣтскаго князя. Таковымъ первымъ, исторически извѣстнымъ княземъ, былъ

---

[1]) О началѣ историческихъ временъ въ Литовскомъ государствѣ и о первыхъ князьяхъ сего государства на русскомъ языкѣ см. сочиненія: Проф. В. Б. Антоновича „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго до половины XIV столѣтія“. 1878 г. Кіевъ. Профессора Бѣляева „Очеркъ исторіи Сѣверо-западнаго края“. 1867 г. М. Его же „Разсказы изъ русской исторіи“, книга 4-я. М. 1872 г. Проф. Кояловича „Лекціи по исторіи Западной Россіи.“ 1883 г. Спб. Иловайскаго „Исторія Россіи“, т. I и II. Проф. Василевскаго „Исторія Вильны“, помѣщенная въ памятникахъ Западной Россіи, изданныхъ Батюшковымъ, т. V. Проф. Дашкевича „Замѣтки по исторіи Литовскаго государства“. Кіевъ. 1885 г. Чешихина „Исторія Ливоніи“, т. I и II. Рига. 1884 г. На польскомъ языкѣ: Нарбута „Исторія литовскаго народа“. Ярошевича „Очеркъ Литвы“. Крашевскаго „Литва“ и „Исторія Вильны“. На нѣмецкомъ языкѣ: Фогта „Исторія Пруссіи“. О внутреннемъ состояніи Литовскаго государства см. сочиненіе Бестужева-Рюмина „Русская исторія“, т. II, гл. VIII. Владимирскаго-Буданова “Нѣмецкое право“. Леонтовича „Русская Правда и Литовскій Статутъ“. 1865 г. Тумасова „Дворянство въ западной Россіи“. 1868 года.

Миндовгъ. Но въ то самое время, когда литовцы стали группироваться въ сильный политическій организмъ, большая часть племенъ ихъ была покорена сосѣдями, только три изъ нихъ остались свободными: собственно литовцы, жмудь и ятвяги, которые и вошли въ составъ Литовскаго государства.

Полной и подробной исторіи княженія Миндовга нѣтъ возможности составить, такъ какъ въ лѣтописныхъ сказаніяхъ и хроникахъ мало говорится объ немъ; есть только небольшіе отрывки, да и тѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перепутаны. Но, тѣмъ не менѣе, существованіе этого князя и его дѣянія, хотя въ отрывкахъ занесенныя въ лѣтописи и хроники, не подлежатъ сомнѣнію. Есть преданіе (говорено было выше), что отецъ его былъ Рынгольдъ Альгимундовичъ, владѣтель города Кернова въ собственной Литвѣ. Изъ того же преданія видно, что ему принадлежалъ, вслѣдствіе побѣды надъ русскими князьями, русскій городъ, построенный Ярославомъ I, Новгородокъ. Исторія именно и застаетъ Миндовга литовскимъ княземъ въ Новгородкѣ. Но кромѣ Новгородка и Кернова, какъ волостей отцовскихъ, Миндовгу принадлежали еще и слѣдующіе города: Гродна, Волковыскъ, Слонимъ и Здитовъ,—та именно мѣстность, которая извѣстна въ лѣтописяхъ подъ именемъ Черной Руси. Изъ Черной Руси и начало собственно распространяться Литовское государство во всѣ стороны и преимущественно на юго-востокъ. Но такъ какъ всѣ города Черной Руси принадлежали русскимъ князьямъ съ давнихъ поръ, то ясно, что зародышъ Литовскаго государства начался на русской территоріи, съ преобладаніемъ русскаго населенія и русскаго вліянія.

Характеръ Миндовга; его политика; отношенія его къ нѣмецкимъ рыцарямъ; крещеніе Миндовга; отношенія его къ галицко-волынскимъ князьямъ. Разсматривая по лѣтописнымъ сказаніямъ дѣятельность Миндовга, мы видимъ, что этотъ человѣкъ былъ съ необыкновенной силой воли и характера. Онъ всю жизнь свою съ неутомимой энергіей и настойчивостью стремился къ созданію прочнаго и сильнаго Литовскаго государства. Правда, при достиженіи этой цѣли онъ не разбиралъ средствъ: жестокость, хитрость и разнаго рода злодѣйства были законны въ его глазахъ; тамъ, гдѣ нельзя было взять открытою силою, Миндовгъ сыпалъ золото, употреблялъ обманъ, ложь и убійство. Но только такого рода поступками онъ могъ и удержаться въ Черной Руси и образовать довольно сильное государство. Дѣйствуй Миндовгъ иначе— никогда бы ему не достигнуть своей цѣли среди тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ былъ поставленъ.

Въ первый разъ объ этомъ литовскомъ князѣ говорится въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1235 г., когда Даніилъ Галицкій искалъ у него союза противъ мазовецкаго князя Конрада. Уже изъ этого сообщенія

лѣтописи видно, что Миндовгъ въ 1235 г. былъ достаточно силенъ, если такой князь, какъ Даніилъ Галицкій, искалъ его союза.

Затѣмъ авторъ Риѳмованной хроники и другіе источники передаютъ, что въ 1242 г. Миндовгъ, во главѣ возставшихъ куроновъ и земголовъ, дѣлалъ нападенія на пограничныя крѣпости тевтоно-ливонскихъ рыцарей; такъ, между прочимъ, первый хронистъ передаетъ, что литовскій князь во главѣ 30-ти-тысячнаго войска напалъ на пограничную крѣпость Амботену, но былъ отбитъ съ большимъ урономъ и потомъ отъ стыда, прибавляетъ тотъ-же авторъ, пять недѣль никому не показывался [1]).

Съ 1250 г. лѣтописи по порядку и подробно говорятъ о дѣятельности Миндовга для достиженія предположенной имъ цѣли—образовать сильное Литовское государство. Послѣдуемъ и мы лѣтописному порядку.

Въ 1250 г. Миндовгъ, какъ говорится въ Ипатьевской лѣтописи, отправилъ своего дядю Выконта и двухъ племянниковъ—Тевтивила и Едивила къ Смоленску, сказавши при этомъ: „кто что завоюетъ, тотъ то и держитъ у себя". Но это только было хитростью со стороны Миндовга: какъ только тѣ отправились къ Смоленской области, то Миндовгъ послалъ имъ въ тылъ войско, чтобы на дорогѣ убить своихъ родственниковъ и завладѣть ихъ волостями и богатствомъ. Дядя и племянники Миндовга во-время узнали объ этомъ и бѣжали съ дороги къ русскимъ галицко-волынскимъ князьямъ—Даніилу и Васильку Романовичамъ [2]), съ которыми состоялъ въ родствѣ: за Даніиломъ была

---

[1]) Авторъ Риѳмованной хроники передаетъ много и другихъ подробностей о Миндовгѣ.

[2]) Галицкое княжество образовалось изъ Червонной Руси, отнятой Владиміромъ Св. въ 981 г. у поляковъ. Основателемъ Галицкаго княжества собственно считается праправнукъ Ярослава Мудраго—Владимирко Володаревичъ. Послѣ смерти сына Владимирка Ярослава Осмомысла, Галицкое княжество занялъ Романъ Мстиславичъ, правнукъ Изяслава II (внука Мономаха). Даніилъ и Василько были сыновья Романа Мстиславича; первый послѣ отца занялъ Галицкое княжество, а второй—Волынское. При Даніилѣ Романовичѣ Галицкое княжество достигло самаго цвѣтущаго состоянія и могущества. При немъ въ составъ Галицкаго княжества входили слѣдующіе города: Холмъ, Галичъ, Перемышль, Червень, Львовъ, Бельзъ, Звенигородъ, Ярославль и др. Къ Галицкому княжеству въ это время принадлежала также и часть Подолія, подъ именемъ „Понизья" (по теченію ю. Буга и Днѣстра) съ городами: Бакутою (главный городъ), Микулиномъ, Калюсомъ, Кугельминомъ, Каменцомъ и др. Особенность Галицкой Руси была та, что тамъ имѣли огромное значеніе бояре. Они часто вооружались противъ своихъ князей.

Волынское княжество состояло изъ земель собственно волынскихъ (лежащихъ между З. Бугомъ и Горынью) и Подляхіи. Первый князь его былъ Олегъ Святославичъ, сынъ Святослава Храбраго. По раздѣлу Ярослава I здѣсь сидѣлъ сынъ его Игорь. Съ 1117 г. Волынь переходитъ въ потомство Мономаха. Съ 1172 г. по 1205 г. Волынь и Галицію занимаетъ Романъ Мстиславичъ. Послѣ

замужемъ сестра Тевтивила и Едивила (Даніилъ женатъ былъ вторымъ бракомъ). Миндовгъ, узнавши объ этомъ, послалъ пословъ къ галицко-волынскимъ князьямъ съ просьбою не вступаться за бѣглецовъ. Но Романовичи не обратили вниманія на просьбу литовскаго князя какъ потому, что бѣглецы были имъ родственники, такъ и потому, что Даніилъ Романовичъ, братъ Василька, давно хотѣлъ увеличить свои владѣнія на счетъ Черной Руси и только искалъ случая для войны съ Миндовгомъ. И вотъ случай представился, галицкій князь не хотѣлъ упустить его и сталъ готовиться къ походу на Литву. Чтобы имѣть большій успѣхъ въ предполагаемой борьбѣ съ литовскимъ княземъ, Даніилъ Романовичъ предложилъ союзъ противъ него полякамъ; тѣ сначала согласились было, но потомъ раздумали и не пошли. Послѣ этого галицкій князь съ тѣмъ же предложеніемъ обратился чрезъ Выконта (дядю Миндовга) къ Ливонскому ордену. Ливонскій орденъ согласился, о чемъ чрезъ особаго посла далъ знать Даніилу Романовичу; но при этомъ орденъ прибавилъ: „мы только ради тебя (т. е. Даніила Романовича) помирились съ Выконтомъ, а то онъ намъ много зла надѣлалъ". Даніилъ Галицкій и въ самой Литвѣ нашелъ себѣ союзниковъ; союзники эти были: жмудь и ятвяги. Послѣднихъ привлекъ къ союзу съ Даніиломъ Галицкимъ противъ Миндовга тотъ же Выконтъ, который былъ посланъ къ Ливонскому ордену; Выконтъ привлекъ ихъ къ союзу посредствомъ серебра и разныхъ подарковъ.

Такимъ образомъ, противъ Миндовга поднялась грозная сила, состоявшая изъ галицко-волынскихъ князей, Ливонскаго ордена, жмуди и ятвяговъ.

Первымъ противъ Миндовга началъ дѣйствовать Даніилъ Романовичъ. Онъ послалъ брата своего Василька на Волковыскъ, сына на Слонимъ, а самъ пошелъ на Здитовъ. Но этотъ походъ Даніила окончился только разореніемъ означенныхъ городовъ и грабежемъ ихъ окрестностей, такъ какъ рыцари Ливонскаго ордена, не смотря на обѣщаніе, медлили выступленіемъ противъ Миндовга. Чтобы понудить рыцарей скорѣе идти противъ литовскаго князя, отправленъ былъ къ нимъ новый посолъ, Тевтивилъ. Тевтивилъ, пришедши въ Ливонскій орденъ, принялъ тамъ католичество, съ цѣлію побудить рыцарей къ немедленному выступленію противъ дяди. И дѣйствительно, это такъ подѣйствовало на рыцарей, что тѣ спѣшно стали готовиться къ походу на Литву. Даніилъ Романовичъ, получивши объ этомъ извѣстіе, съ своей

его смерти, какъ мы уже сказали, Волынь занялъ сынъ его младшій—Василько. Въ собственно-волынскихъ земляхъ находились слѣдующіе города: Владимиръ, Луцкъ, Дорогобужъ (на Горыни), Кременецъ, Рогачевъ, Изяславль (тоже на Горыни), Острогъ, Черторыйскъ (на Стырѣ) и др. Въ Подляхіи: Берестье (нынѣшній Брестъ-Литовскъ), Мельникъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ, Кобринъ и другіе.

стороны, сталъ готовиться къ новому походу на литовскаго князя. Въ то же самое время внутри Литвы подняли возстаніе жмудь и ятвяги, тѣ самые, которые получили отъ Выконта серебро и подарки.

Миндовгу приходилось плохо: онъ видѣлъ, что старанію его образовать сильное Литовское княжество, повидимому, приходилъ конецъ. Другой бы князь, менѣе даровитый, на мѣстѣ Миндовга упалъ бы духомъ, растерялся бы и, бросивши начатое дѣло, бѣжалъ бы куда-нибудь; но ничего подобнаго Миндовгъ не сдѣлалъ. Благодаря своему уму, хитрости и ловкости, онъ выпутался изъ этихъ обстоятельствъ. Правда, ему при этомъ пришлось пожертвовать частію своей территоріи и поторговать собственною совѣстью, но все это не принесло ему большого вреда въ дѣлѣ образованія Литовскаго княжества, а между тѣмъ Миндовгъ этимъ спасъ начатое имъ дѣло.

Когда Миндовгъ узналъ, что Ливонскій орденъ, благодаря усиліямъ Тевтивила, окончательно рѣшился выступить противъ него, то послалъ тайнаго посла къ магистру Ливонскаго ордена Андрею фонъ Штукланду съ большими подарками и съ слѣдующими словами: „если убьешь или выгонишь Тевтивила, то больше получишь". Магистръ принялъ подарки и велѣлъ объявить литовскому князю, что онъ давно питаетъ къ нему любовь, но не можетъ помочь до тѣхъ поръ, пока тотъ не приметъ христіанства. Миндовгъ просилъ личнаго свиданія съ магистромъ. Свиданіе состоялось, и дѣло о крещеніи Миндовга также было улажено за роскошнымъ столомъ. Миндовгъ крестился въ Новгородкѣ. Объ этомъ событіи донесено было папѣ Иннокентію IV и тотъ пришелъ въ восторгъ: немедленно принялъ новокрещеннаго князя подъ покровительство св. Петра и затѣмъ послалъ рыцарямъ приказаніе, чтобы тѣ болѣе не оскорбляли Миндовга и не захватывали его земель, такъ какъ литовскій князь съ этого времени находится подъ особою опекою его святѣйшества.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1253 г. кульмскій епископъ, по приказанію Иннокентія IV, короновалъ Миндовга и его жену Марѳу королевскимъ вѣнцомъ и утвердилъ въ Литвѣ особую соборную церковь съ епископомъ во главѣ.

Такимъ-то способомъ литовскій князь устранилъ опасность, грозившую со стороны Ливонскаго ордена. Но насколько искренно было принятіе Миндовгомъ католичества,—увидимъ скоро.

Уладивши дѣло съ однимъ врагомъ, Миндовгъ порѣшилъ поладить и съ другимъ, т. е. съ галицкимъ княземъ Даніиломъ Романовичемъ. А галицкій князь въ то время, когда шли переговоры Миндовга съ рыцарями о крещеніи, успѣлъ совершить второй походъ на Литву, причемъ разорилъ большую часть владѣній Миндовга и захватилъ Гродну. Послѣ захвата Гродны, Даніилъ Романовичъ сталъ угрожать и самой

столицѣ Литовскаго княжества—Новгородку. Но въ это время Миндовгъ и поспѣшилъ уладить дѣло съ галицкимъ княземъ.

У Миндовга былъ сынъ Войшелкъ, который жилъ съ нимъ въ Новгородкѣ и за отсутствіемъ его часто управлялъ государствомъ. Этотъ молодой человѣкъ, по словамъ источниковъ, отличался страшною кровожадностью: „каждый день", говоритъ лѣтописецъ, „Войшелкъ убивалъ по три и по четыре человѣка, а если въ какой день не убивалъ кого, то былъ печаленъ и смутенъ". Вотъ этотъ-то кровожадный дикарь, какимъ его представляетъ лѣтописецъ, и былъ главнымъ посредникомъ при заключеніи мира Миндовга съ Даніиломъ Романовичемъ.

Будучи отправленъ отцомъ въ качествѣ посла въ Холмъ (столицу Даніила) для заключенія мира съ галицкимъ княземъ, Войшелкъ прожилъ тамъ довольно долго и за это время такъ измѣнился, что трудно было его узнать: изъ кровожаднаго дикаря онъ сдѣлался кроткимъ, тихимъ и милостивымъ. Въ столицѣ Даніила сынъ Миндовга, подпавши русскому вліянію, полюбилъ все русское, усвоилъ его себѣ и, въ заключеніе, принялъ крещеніе по греко-россійскому обряду (т. е. принялъ православіе) отъ игумена Полонинскаго монастыря. Очень можетъ быть, что этотъ самый игуменъ и былъ причиною измѣненія характера Войшелка и принятія имъ православія. Объ этомъ игуменѣ лѣтопись замѣчаетъ: „человѣкъ святъ, такого человѣка не было прежде и не будетъ послѣ".

„Войшелкъ" какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Антоновичъ, „принялъ новую вѣру не какъ политическую необходимость, подобно отцу, но по глубокому убѣжденію, съ пылкою страстностью натуры, не на время только, а навсегда". Съ принятіемъ христіанства Войшелкъ принялъ и монашество и порѣшилъ отправиться на Аѳонъ, чтобы поступить тамъ въ монастырь и молиться о грѣхахъ своихъ. Но до Аѳона онъ не доѣхалъ: изъ Болгаріи, вслѣдствіе смутъ на Балканскомъ полуостровѣ, вернулся и поселился въ монастырѣ, построенномъ имъ самимъ на Нѣманѣ.

Условія мира, заключеннаго Даніиломъ Романовичемъ съ Миндовгомъ, были слѣдующія: а) старшему сыну Даніила Роману Миндовгъ уступаетъ на вассальныхъ правахъ всю Черную Русь; б) миръ скрѣпляется бракомъ дочери Миндовга съ младшимъ сыномъ Даніила Шварномъ, и в) самъ лично Миндовгъ переходитъ жить въ г. Керновъ.

По заключеніи мира съ галицкимъ княземъ у Миндовга изъ враговъ остались только ятвяги и жмудь, но и тѣ, не видя поддержки ни со стороны ордена, ни со стороны галицко-волынскихъ князей, смирились.

Такого рода способами Миндовгъ выпутался изъ своихъ трудныхъ обстоятельствъ. Правда, Миндовгъ уступкою Черной Руси Роману Даніиловичу, повидимому, нанесъ территоріальный ущербъ своему княжеству, но если вникнуть хорошенько въ событія того времени, то ока-

жется не вполнѣ вѣрнымъ такое заключеніе. Черная Русь, будучи уступлена старшему сыну Даніила Галицкаго только на вассальныхъ правахъ, юридически и фактически все-таки находилась въ рукахъ Миндовга. На правахъ сюзерена литовскій князь могъ все сдѣлать съ Романомъ Даніиловичемъ, какъ съ своимъ ленникомъ. Бояться же Миндовгу, чтобы Даніилъ Романовичъ впослѣдствіи не захватилъ бы Черной Руси и не присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ, не было никакого основанія: по своему географическому положенію Черная Русь лежала далеко отъ Галиціи, притомъ между Черною Русью и Галиціей жили ятвяги и пинскіе князья, которые всѣ были враждебны галицкому князю. Напротивъ, въ уступкѣ Миндовгомъ Черной Руси сыну Даніила нѣкоторые ученые видятъ не вредъ для Миндовга, а огромную пользу, именно: уступивши Роману Даніиловичу Черную Русь (и притомъ номинально только), литовскій князь этимъ самымъ пріобрѣлъ себѣ сильныхъ союзниковъ, какими были галицко-волынскіе князья-братья. А заручившись такого рода союзниками, Миндовгъ, во-первыхъ, имѣлъ болѣе возможности достигнуть своей главной цѣли, т. е. объединить остальныя литовскія племена и образовать сильное и крѣпкое Литовское государство, а во-вторыхъ, сильнѣе и рѣшительнѣе дѣйствовать противъ своихъ главныхъ враговъ-нѣмецкихъ рыцарей.

Возвращеніе Миндовга къ язычеству; борьба его съ рыцарями. Въ то время, когда Войшелкъ заключалъ миръ съ русскими князьями, Миндовгъ продолжалъ дружить съ ливонскими рыцарями. Дружба эта съ орденомъ продолжалась ровно 10 лѣтъ, съ 1251 г. по 1261 г. За это время соединенный орденъ успѣлъ выманить у литовскаго князя нѣсколько грамотъ на ятвяжскія и жмудскія земли и даже уговорить его дать имъ письменное обязательство въ томъ, что всѣ литовскія владѣнія, если Миндовгъ умретъ бездѣтнымъ, перейдутъ по наслѣдству къ Тевтоно-Ливонскому ордену. Но все то, что дѣлалъ Миндовгъ по просьбѣ рыцарей, была ложь и фальшь. Миндовгъ ждалъ только случая, чтобы разорвать свою связь съ орденомъ. Случай этотъ наконецъ представился. Орденъ, получивши отъ Миндовга часть литовской территоріи, сталъ насильно обращать жителей ея—жмудинъ и ятвяговъ—въ католичество, а земли отдавать ксендзамъ. Кромѣ того, рыцари обложили страшно тяжелыми податями жмудинъ и ятвяговъ какъ въ свою пользу, такъ и въ пользу церкви, а съ непокорными и ослушниками своей воли начали поступать такъ же, какъ съ ливонцами и эстами, т. е. стали жечь и разорять жилища литовцевъ, а самихъ ихъ предавать мучительнымъ казнямъ. Такого рода поступки рыцарей съ жмудинами и ятвягами озлобили этихъ послѣднихъ и вызвали возстаніе ихъ на защиту своихъ человѣческихъ правъ. Возстаніе началось въ 1260 году: жмуть и ятвяги первые вторглись во владѣнія Тевтоно-Ливонскаго ордена и страшно опустошили эти послѣднія. Соединенный орденъ, узнавши объ

этомъ, выступилъ противъ возставшихъ съ большимъ войскомъ, но на рѣкѣ Дурбѣ (въ Курляндіи) потерпѣлъ совершенное пораженіе отъ литовцевъ. Побѣдители отпраздновали свою побѣду надъ рыцарями тѣмъ, что нѣсколько десятковъ нѣмцевъ изжарили на кострѣ въ честь своихъ боговъ.

Послѣдствія Дурбинскаго пораженія были самыя печальныя для Тевтоно-Ливонскаго ордена: оно послужило сигналомъ къ возстанію куроновъ и пруссовъ; два послѣдніе народа, узнавши о Дурбинскомъ пораженіи, бросили христіанство, перебили ксендзовъ, разрушили костелы и затѣмъ, выбравши предводителемъ какого-то Глишгани, начали страшно опустошать владѣнія ордена, а также Мазовію и Куявію [1]).

Съ возстаніемъ пруссовъ въ одно время и чуть-ли не въ одинъ день вспыхнуло возстаніе по всей Литвѣ: началось всеобщее истребленіе и разореніе всего того, что хоть сколько нибудь носило на себѣ слѣды христіанства и вліянія рыцарей. Вотъ этотъ-то моментъ Миндовгъ и счелъ самымъ удобнымъ, чтобы разорвать связь съ рыцарями. Онъ отрекся отъ христіанства, котораго внутренно никогда не признавалъ; объ этомъ лѣтописецъ говоритъ такъ: „крещеніе его было льстиво, потому что втайнѣ онъ приносилъ жертвы своимъ богамъ и сожигалъ мертвыхъ; если же выходилъ на охоту и при этомъ заяцъ перебѣжитъ дорогу, то уже ни за что не входилъ въ лѣсъ, тамъ и вѣтки не позволялъ сломать“. Потомъ Миндовгъ объявилъ себя врагомъ ордена и сталъ во главѣ всеобщаго движенія противъ рыцарей.

Для борьбы съ рыцарями Миндовгъ организовалъ два войска. Одно, подъ его личнымъ предводительствомъ, отправилось въ Пруссію, къ владѣніямъ Тевтонскаго ордена, а другое, неизвѣстно подъ чьимъ предводительствомъ, двинулось въ Мазовію и Куявію, жители которыхъ считались друзьями рыцарей и помогали имъ, какъ мы сейчасъ замѣтили въ выноскѣ, угнетать литовцевъ. Тевтонскіе рыцари, съ своей стороны, выступили съ огромнымъ войскомъ. Но Миндовгъ, получивши вѣрныя свѣдѣнія отъ лазутчиковъ о движеніи рыцарей, удачными переходами зашелъ въ тылъ рыцарскому войску. Страшная сѣча завязалась около нѣмецкихъ возовъ; два раза она возобновлялась и кончилась совершеннымъ пораженіемъ крестоносцевъ. Между тѣмъ, другая рать Миндовга, почти въ это же время, опустошила Мазовію и Куявію; при этомъ въ одной изъ битвъ былъ убитъ мазовецкій князь Земовитъ [2]), а сынъ его Конрадъ взятъ былъ въ плѣнъ.

---

[1]) Мазовія и Куявія подверглись опустошенію потому, что жители этихъ областей всегда помогали рыцарямъ въ покореніи куроновъ и пруссовъ и ихъ порабощеніи.

[2]) Сынъ извѣстнаго Конрада, дружившаго съ тевтонскими рыцарями и умершаго въ 1247 г.

Оба войска Миндовга, возвратившись на родину, принесли съ собою огромныя богатства и привели громадное множество плѣнныхъ. Послѣднихъ такъ было много, что въ Литвѣ ихъ продавали по гривнѣ. „Русскіе и литовцы, говоритъ одинъ лѣтописецъ, плѣнныхъ поляковъ и нѣмцевъ, послѣ этой битвы, мѣняли между собою на коровъ, лошадей, какъ скотину". Такъ разсчитался литовскій князь съ тевтонскими рыцарями за ихъ десятилѣтнюю опеку надъ собою.

Возстаніе жмудинъ, ятвяговъ, пруссовъ и другихъ литовскихъ племенъ противъ рыцарей, какъ впослѣдствіи оказалось, подготовлено было Миндовгомъ.

Смерть Миндовга; смуты въ Литвѣ. Побѣда, одержанная Миндовгомъ, сдѣлала его слишкомъ гордымъ и заносчивымъ. По словамъ Ипатьевской лѣтописи, Миндовгъ съ этого времени сталъ жестоко обращаться съ своими подданными и особенно съ родственниками. У одного изъ нихъ, именно Довмонта, князя ольшанскаго, онъ отнялъ даже жену. А это послѣднее обстоятельство послужило ближайшею причиною гибели Миндовга. Объ этомъ разсказываютъ въ источникахъ такъ: въ 1262 г. умерла у Миндовга жена; чтобы похоронить и поплакать надъ нею Миндовгъ пригласилъ къ себѣ сестру покойницы, бывшую замужемъ за Довмонтомъ. Но когда та пріѣхала, то Миндовгъ силою задержалъ ее у себя и женился на ней, мотивируя свой поступокъ тѣмъ, что другая жена, если бы онъ женился, какъ чужая, обижала бы его маленькихъ дѣтей. Довмонтъ, узнавши объ этомъ, страшно оскорбился и рѣшился отомстить. Но такъ какъ открытою силою онъ этого не могъ сдѣлать, то составилъ противъ Миндовга заговоръ. Въ число заговорщиковъ Довмонтъ привлекъ многихъ родственниковъ Миндовга и между прочимъ племянника его Тронята, князя жмудскаго. Заговорщики ждали только удобнаго случая, чтобы покончить съ Миндовгомъ. Случай скоро представился: Миндовгъ, не подозрѣвая заговора, послалъ всѣ свои войска за Днѣпръ на князя брянскаго Романа Михайловича, съ которымъ у него были старые счеты. Съ этими войсками отправленъ былъ и Довмонтъ. Зная хорошо, что теперь Миндовгъ одинъ въ Кернонѣ и что защищать его будетъ некому, ольшанскій князь счелъ это время самымъ удобнымъ для приведенія въ исполненіе своего заговора. На дорогѣ онъ заявилъ войску, что не можетъ идти далѣе, такъ какъ, по его словамъ, волхвы предвѣщаютъ ему гибель отъ сего похода. Возвратившись назадъ, Довмонтъ вмѣстѣ съ другими заговорщиками незамѣтнымъ образомъ вошелъ въ домъ князя и тутъ ночью, когда Миндовгъ спалъ, изрубилъ его на части, а вмѣстѣ съ нимъ и двухъ его сыновей.

Такъ трагически кончилъ жизнь свою первый основатель Литовскаго государства Миндовгъ.

Послѣ гибели Миндовга въ Литовскомъ государствѣ настаетъ смутный періодъ, характеристикою котораго служитъ убійство одного претендента на литовскій престолъ другимъ претендентомъ на то же мѣсто. Въ усобицѣ этой современные ученые, между прочимъ, видятъ борьбу въ Литвѣ двухъ партій: православно-русской и литовско-языческой, или національной. Періодъ этотъ продолжается почти всю вторую половину XIII стол., пока на престолъ Миндовга вступилъ Лютауръ изъ Жмуди, отецъ Витеня и Гедимина, и кончился онъ торжествомъ первой партіи, т. е. православно-русской.

Тронятъ.

Когда убитъ былъ Миндовгъ, то мѣсто его занялъ Тронятъ, представитель литовско-языческой, или національной партіи. Но скоро соперникомъ ему явился родной братъ его Тевтивилъ, князь полоцкій, давно уже принявшій православіе и обрусѣвшійся, очевидно сторонникъ православно-русской партіи. Между двумя братьями началась борьба по поводу дѣлежа имущества Миндовга. Борьба эта кончилась убійствомъ Тевтивила. Но, впрочемъ, и самъ Тронятъ скоро подвергся той же участи: чрезъ годъ съ небольшимъ его убили, по словамъ лѣтописи, четыре Миндоговыхъ конюха (вѣроятно сторонниковъ русско-православной партіи), когда онъ шелъ въ баню.

Войшелкъ.

Послѣ Тронята выступаетъ на сцену сынъ Миндовга Войшелкъ, который также былъ сторонникомъ православно-русской партіи внутри Литвы.

Войшелкъ, по принятіи православія и по возвращеніи изъ Болгаріи, поселился, какъ мы уже говорили выше, на Нѣманѣ въ собственномъ монастырѣ. Тутъ онъ жилъ до гибели отца, а потомъ, боясь, чтобы и его не постигла та же участь, сбросилъ монашескую рясу и бѣжалъ въ Пинскъ къ тамошнему князю [1]). Въ Пинскѣ Войшелкъ оставался до тѣхъ поръ, пока не былъ убитъ Тронятъ. А затѣмъ, опираясь на войско пинскаго князя, онъ овладѣлъ Новгородкомъ и тамъ

---

[1]) Пинскъ въ первый разъ упоминается въ лѣтописи подъ 1098 г. Въ это время онъ находился въ зависимости отъ волынскаго князя. Въ половинѣ XII ст. Пинскъ переходитъ во владѣнія Мономаховичей. Дальнѣйшая судьба этого города очень темна. Во время татарскаго нашествія онъ былъ сожженъ Батыемъ.

Съ Пинскомъ тѣсно связанъ Туровъ. Его судьба одинакова съ Пинскомъ.

Примѣчаніе. Войшелкъ бѣжалъ къ пинскому князю, потому что пинскій князь былъ другъ покойному Миндовгу.

объявилъ себя великимъ литовскимъ княземъ. Послѣ этого Войшелкъ, по словамъ Ипатьевской лѣтописи, отправился противъ враговъ покойнаго отца своего. Въ короткое время онъ побралъ всѣ ихъ города и села, а самихъ большею частію перебилъ. Оставшіеся въ живыхъ бѣжали изъ своего отечества въ сосѣднія земли, въ числѣ послѣднихъ, между прочимъ, былъ и главный убійца Миндовга Довмонтъ, князь ольшанскій. Онъ бѣжалъ въ Псковъ, принялъ тамъ православіе и 35 лѣтъ управлялъ Псковомъ [1]).

Шварнъ Даніиловичъ.

Утвердившись окончательно въ Литовскомъ государствѣ, Войшелкъ, для упроченія въ немъ русскаго вліянія, рѣшился слить свое государство съ русскими княжествами: Галицкимъ и Волынскимъ. Съ этою цѣлію онъ призналъ себя сыномъ Василька Романовича (брата Даніила Галицкаго), а себѣ усыновилъ Шварна Даніиловича, которому отдалъ и все Литовское государство.

Распорядившись, такимъ образомъ, на счетъ судьбы своего государства, Войшелкъ удалился въ угорскій Даніиловъ монастырь. Живя тамъ, онъ говорилъ: „вотъ здѣсь, подлѣ меня, сынъ мой Шварнъ, а тамъ господинъ мой отецъ князь Василько, буду ими утѣшаться". Но ему недолго пришлось утѣшаться: въ 1268 г. умеръ Шварнъ Даніиловичъ бездѣтнымъ; мѣсто его, по просьбѣ литовцевъ, снова занялъ самъ Войшелкъ. А это, между прочимъ, вызвало неудовольствіе въ Львѣ Даніиловичѣ, братѣ покойнаго Шварна, которому хотѣлось быть наслѣдникомъ сего послѣдняго. Войшелкъ и Левъ Даніиловичъ уже стали было готовиться къ борьбѣ, какъ въ это дѣло вмѣшался Василько Романовичъ: желая помирить ихъ, онъ пригласилъ Войшелка и Льва пріѣхать во Владиміръ на Волыни. Но тамъ они, живя въ Михайловскомъ монастырѣ, послѣ одной изъ попоекъ, по словамъ Ипатьевской лѣтописи, сначала зассорились, а потомъ задрались и наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что Левъ убилъ Войшелка.

---

[1]) Псковъ, какъ извѣстно, былъ родиною св. Ольги и состоялъ пригородкомъ Новгорода. Изъ князей его замѣчательны были: Владиміръ Мстиславовичъ, братъ Мстислава Удалого и Довмонтъ, главный убійца Миндовга. Послѣдній управлялъ Псковомъ, какъ мы уже замѣтили сейчасъ, 35 лѣтъ. Время его правленія Псковомъ считается героическимъ. Онъ, защищая православно-русскіе интересы псковитянъ, постоянно бился то съ нѣмцами, то съ литовцами, и всегда оставался побѣдителемъ. За любовь къ православію, священникамъ, вдовамъ, сиротамъ и нищимъ лѣтописецъ сравниваетъ его съ Владиміромъ Мономахомъ. Послѣ Довмонта управлялъ Псковомъ сынъ его Давидъ. Но, впрочемъ, Давидъ большею частію жилъ въ Литвѣ и служилъ сначала Витеню, а потомъ его брату Гедимину. У послѣдняго онъ былъ первымъ лицомъ въ государствѣ и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ.

Тройденъ Ромунтовичъ.

1270—1282 г.

Въ началѣ XIII стол. въ Литвѣ образовалось удѣльное княжество Ольшанское, княземъ котораго во второй половинѣ того же столѣтія былъ нѣкто Ромунтъ (по другимъ Альгемунтъ). У этого Ромунта было пять сыновей: Наримунтъ, Гольшъ, Довмонтъ, Гедро и Тройденъ. Преданіе говоритъ, что послѣ смерти Войшелка великій литовскій маршалъ Монвитъ вручилъ Наримунту мечъ и начальническій жезлъ, знаки великокняжескаго литовскаго достоинства и такимъ образомъ объявилъ его великимъ литовскимъ княземъ.

Получивши это достоинство, Наримунтъ надѣлилъ своихъ троихъ старшихъ братьевъ удѣлами изъ собственнаго государства, а для меньшаго, Тройдена, отнялъ у поляковъ Подлѣсье [1]).

По словамъ того же преданія, Наримунту приписывается установленіе литовскаго герба: скачущаго всадника на конѣ, вмѣсто центавра бывшаго, т. е. получеловѣка, полуконя.

Но насколько справедливо вышеозначенное преданіе относительно Наримунта—мы не знаемъ. Вѣрно только то, что у ольшанскаго князя дѣйствительно было пять сыновей и что четверо изъ нихъ: Наримунтъ, Гольша, Довмонтъ и Гедро были даже православными [2]). Одинъ только, самый младшій, Тройденъ, остался до конца жизни язычникомъ и былъ въ Литвѣ представителемъ національной партіи.

Относительно Тройдена также исторически извѣстно, что онъ, спустя два года послѣ смерти Войшелка, именно въ 1271 г., былъ провозглашенъ національно-языческою партіею великимъ литовскимъ княземъ и затѣмъ управлялъ симъ государствомъ около двѣнадцати лѣтъ [3]).

Вслѣдствіе торжества національно-языческой партіи, между прочимъ, произошло то, что Литовское государство, потерявши опору въ русской народности, стало слабѣть и разлагаться. Въ это время отъ него отдѣлились русскія княжества: Полоцко-Витебское и, какъ кажется,

---

[1]) Ту часть ятвяжской земли, которую въ 1258 г. захватилъ Болеславъ Стыдливый.

[2]) Наримунтъ въ православіи назывался Серпутій, Гольша—Лѣсій, Гедро—Свилькій и Довмонтъ—Елисей.

[3]) Стрыйковскій говоритъ, что послѣ Войшелка великимъ литовскимъ княземъ избранъ былъ 90-лѣтній жмудскій князь Свенторогъ, а затѣмъ поочередно княжили: сынъ его Гермунтъ, внукъ Гилингъ, другой внукъ Трабусъ, правнукъ Ромунтъ (сынъ Гилинга) и наконецъ Тройденъ; но, какъ извѣстно, Стрыйковскому не во всемъ можно довѣрять: въ его сочиненіи много фантазіи, что замѣтилъ уже Карамзинъ.

Пинское и Туровское [1]). Въ Полоцкѣ, отъ котораго зависѣлъ и Витебскъ, избранъ былъ княземъ Эрденъ, одинъ изъ литовскихъ удѣльныхъ князей, вѣроятно принадлежавшій въ своемъ отечествѣ къ партіи русской и бѣжавшій оттуда вслѣдствіе торжества партіи языческой.

Получивши великокняжеское достоинство, Тройденъ поселился въ г. Керновѣ. Все княженіе его прошло въ борьбѣ то съ князьями волынско-галицкими, то съ поляками и нѣмцами. Сначала онъ хорошо жилъ съ галицкимъ княземъ Львомъ Даніиловичемъ: отдалъ даже на воспитаніе ему своего сына Ромунта (въ православіи Лавра), только все не ладилъ съ волынскимъ княземъ—Владимиромъ Васильковичемъ. Но, наконецъ, поссорился и съ Львомъ Даніиловичемъ за пограничныя литовскія владѣнія. Въ 1274 г. Тройденъ въ первый день Пасхи напалъ на городъ Дрогичинъ, ограбилъ его и перерѣзалъ многихъ жителей. Левъ Даніиловичъ въ отмщеніе за это нѣсколько разъ наводилъ на Литву татаръ. Война продолжалась три года. Кончилась окончательнымъ миромъ Тройдена съ галицкимъ княземъ, а затѣмъ и съ волынскимъ.

По заключеніи мира съ галицко-волынскими князьями Тройденъ началъ упорную и жестокую борьбу съ поляками и нѣмцами за притѣсненіе пруссовъ. Литовскій князь страшно опустошилъ владѣнія и тѣхъ, и другихъ, а потому и заслужилъ у нихъ названіе жестокаго тиранна и мучителя, но на самомъ дѣлѣ это была только месть за единоплеменный народъ. Въ 1282 г. Тройденъ былъ убитъ заговорщиками, очень можетъ быть, что изъ партіи русской, желавшей возвести на литовскій престолъ своего кандидата, какъ болѣе популярнаго въ Литвѣ. Къ этому убѣжденію приводитъ насъ то, что со смертію Тройдена въ Литовскомъ государствѣ вліяніе русское дѣлается рѣшительнымъ [2]).

Вступленіе на престолъ Литовскаго княжества новой династіи, изъ Жмуди.

По смерти Тройдена въ Литовскомъ государствѣ является новая династія Жмудская, или, какъ обыкновенно называютъ ее, Гедиминова. Во время этой династіи Литовское государство, благодаря своимъ даровитымъ представителямъ, достигло самаго высокаго могущества. Граница этого молодого государства уже при третьемъ князѣ этой династіи, Гедиминѣ, настолько врѣзывалась въ глубь русской территоріи,

[1]) Когда эти княжества попали въ зависимость отъ Литвы—неизвѣстно.

[2]) Послѣ Тройдена остался сынъ Ромунтъ; онъ не задолго до смерти отца принялъ православіе съ именемъ Лавра, а затѣмъ поступилъ въ монашество, построилъ себѣ монастырь и скончался въ немъ игуменомъ.

что на востокѣ касалась Днѣпра, на югѣ упиралась въ Южный Бугъ, а на сѣверѣ проходила по Западной Двинѣ [1]).

Вслѣдствіе такого огромнаго захвата русскихъ земель произошло то, что при Гедиминѣ двѣ трети жителей, составлявшихъ Литовское государство, принадлежали къ православно-русской народности. При слѣдующихъ же трехъ преемникахъ Гедимина: Ольгердѣ, Ягайлѣ и Витовтѣ, вслѣдствіе новаго захвата русской территоріи, православное населеніе въ Литовскомъ государствѣ увеличилось до болѣе значительныхъ размѣровъ: можно сказать что въ это время было $^9/_{10}$-хъ частей русскаго населенія изъ всего числа жителей, входившихъ въ составъ Литовскаго государства, и только $^1/_{10}$-я часть --собственно литовцевъ.

При такомъ численномъ перевѣсѣ русскаго населенія надъ литовскимъ и при томъ превосходствѣ цивилизаціи русской народности надъ первобытною цивилизаціею литовскою, вліяніе русскихъ въ собственной Литвѣ было огромное. Вліяніе это, какъ видно изъ лѣтописей и хроникъ русскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ, а равнымъ образомъ и оставшихся документовъ, при Жмудской династіи, проникало всѣ слои общества. Вліяніе это прежде всего обозначилось распространеніемъ православія въ собственной Литвѣ. Православіе уже съ XII ст., какъ мы видѣли, начало проникать въ Литву, но съ XIV ст., т. е. со времени вступленія на литовскій престолъ Жмудской, или Гедиминовой династіи, оно пошло такими быстрыми шагами, что почти всѣ члены княжескихъ родовъ были православными. При Гедиминѣ и Ольгердѣ, третьемъ и четвертомъ князѣ Жмудской династіи, богослуженіе по обряду православной церкви открыто совершалось не только въ православныхъ храмахъ столицы, но даже въ самомъ дворцѣ князей. Принималъ ли простой народъ православіе во времена первыхъ четырехъ князей Жмудской династіи, мы не знаемъ, но что касается вельможъ княжескихъ и вообще высшаго литовскаго сословія, то несомнѣнно, что они принимали: свидѣтельствомъ тому служатъ мощи свв. мучениковъ, находящіяся въ г. Вильнѣ. Вторымъ видимымъ признакомъ могучаго вліянія русской народности на литовцевъ было употребленіе русскаго языка въ Литовскомъ государствѣ какъ князьями, такъ и вельможами. Объ этомъ сохранилось множество свидѣтельствъ и въ русскихъ лѣтописяхъ, и въ нѣмецкихъ хроникахъ, и въ польскихъ источникахъ [2]). Но вотъ вопросъ: говорилъ ли простой литовскій народъ по-русски при князьяхъ Жмудской династіи, или Гедиминовой? По всей вѣроятности—говорилъ, и если не бóльшая часть, то многіе; по крайней мѣрѣ есть на это доказательства въ источникахъ: такъ, при

---

[1]) На западѣ оставалась та же граница, что была и при прежней династіи.

[2]) См. сочиненіе Барбашева „Витовтъ и его политика", стр. 3.

литовскомъ князѣ Витовтѣ умеръ католическій епископъ г. Вильны Василло; по смерти его осталось завѣщаніе; въ этомъ завѣщаніи, писанномъ по-латыни, Василло, между прочимъ, привелъ много фразъ изъ русскаго языка и при этомъ оговорился, что „это не мои слова, а простонародья литовскаго".

Но литовскіе князья Жмудской династіи и высшее сословіе этого времени (а по всей вѣроятности были примѣры изъ средняго и низшаго сословій) не только употребляли русскій языкъ въ разговорной рѣчи, но и писали на немъ. Доказательствомъ этого служитъ много документовъ, сохранившихся съ XIV ст. [1]). Затѣмъ русское вліяніе при Жмудской династіи обнаружилось въ законодательствѣ литовскомъ, въ нравахъ, обычаяхъ и т. п. Но съ особенною силою оно отразилось въ характерѣ военнаго дѣла. Изъ сочиненій польскаго писателя Длугоша и нѣмецкаго Дюсборга мы видимъ, что, благодаря вліянію русскому, при Витенѣ и Гедиминѣ характеръ военнаго дѣла въ Литвѣ

---

[1]) Первый сохранившійся документъ на русскомъ языкѣ былъ написанъ въ 1347 г. Документъ этотъ (подлинникъ хранится въ главномъ архивѣ Царства Польскаго въ Варшавѣ) составляетъ договорную грамоту между сыновьями Гедимина и польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ. Второй документъ относится къ 1375 г.; онъ написанъ Александромъ Каріотовичемъ, внукомъ Гедимина; подлинникъ его хранится въ архивѣ графа Ал. Пршедзецкаго. Третій документъ относится къ 1377 г.; этотъ документъ написанъ женою Ольгерда Юліаніею къ причту виленскаго Пречистенскаго православнаго собора. Отъ Витовта осталось много грамотъ на русскомъ языкѣ и, между прочимъ, грамота, данная въ 1387 г. трокскому православному монастырю.

Кромѣ указанныхъ грамотъ остались еще цѣлыя сотни подобныхъ имъ. Очень можетъ быть, что были грамоты и болѣе ранняго періода, но онѣ уничтожены польскими патріотами и католическими фанатиками. Послѣ Люблинской уніи и появленія въ Литвѣ іезуитовъ, польскіе патріоты и отцы іезуиты приняли на себя трудъ повсемѣстной ревизіи и очистки библіотекъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, и все, что было не согласно съ католичествомъ и польскимъ патріотизмомъ, истреблено было безпощадно, не только частнымъ образомъ, но даже оффиціально, публично. Огромныя кучи книгъ и рукописей сожигаемы были торжественно на городскихъ площадяхъ руками палачей. Всѣ народные памятники, письма, сочиненія, пѣсни, въ которыхъ видна была русская старина въ Литвѣ, обращаемы были въ пепелъ. Іезуиты Голинскій и Скарга болѣе всѣхъ потрудились на этомъ поприщѣ; а затѣмъ подражали имъ многія духовныя лица. Изъ нихъ особенно извѣстны: епископъ Валеріанъ Протосевичъ, Георгій Радзивиллъ и другой Радзивиллъ, по прозванію Сиротка, особенно послѣдній: этотъ истратилъ большія суммы денегъ на покупку письменныхъ памятниковъ и книгъ русскихъ. Изъ костельныхъ архивовъ, такимъ образомъ, выбрано было все, что ясно говорило о коренныхъ русскихъ началахъ и православіи въ Литвѣ. И такое истребленіе настойчиво продолжалось почти до XIX стол. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ польскій историкъ Ярошевичъ (т. III, стр. 107—108).

Ярошевичъ одинъ изъ честныхъ и добросовѣстныхъ польскихъ историковъ.

совершенно измѣнился: безпорядочныя древнелитовскія ополченія смѣнились болѣе стройными и многочисленными толпами, которыя не ограничиваются прежними набѣгами и грабежемъ, а совершаютъ болѣе продолжительные и отдаленные походы на поляковъ и крестоносцевъ; осаждаютъ и берутъ города, причемъ дѣйствуютъ стѣнобитными машинами и устраиваютъ правильные лагери. Съ этого времени литовскіе князья уже не полагаются, какъ прежде было, на одну естественную защиту своей земли, т. е. на болота и озера, а ограждаютъ свои границы рядомъ новыхъ замковъ и вновь укрѣпленныхъ городовъ; причемъ, по примѣру русскому, мѣстные жители обязываются выставлять очередныхъ людей для содержанія гарнизоновъ. Значительную часть войска всегда составляли русскіе полки, которыхъ вооруженіе и устройство, по свидѣтельству Дюсбурга, были отличныя и рѣшительно не уступающія вооруженію и устройству западныхъ рыцарей. По свидѣтельству того же писателя, между русскими, входившими въ составъ литовскихъ войскъ, были лица, которыя по военной выправкѣ и храбрости не уступали западнымъ рыцарямъ, съ которыми они часто вступали въ единоборство и одолѣвали ихъ. Во главѣ литовскихъ войскъ въ качествѣ вождей нерѣдко стояли русскіе удѣльные князья, признававшіе надъ собою власть литовскихъ государей.

Къ числу признаковъ усиленія и вліянія православно-русской народности въ великомъ княжествѣ Литовскомъ мы можемъ отнести и еще слѣдующихъ два обстоятельства: во-первыхъ, что среди сподвижниковъ Витеня и Гедимина единственная выдающаяся личность, занимавшая видное мѣсто на ряду съ самыми князьями, былъ русскій князь Давидъ Довмонтовичъ изъ Пскова [1]). По словамъ литовскихъ лѣтописей, Давидъ отличался необыкновенною энергіею, предпріимчивостью и знаніемъ военнаго дѣла. Давидъ пользовался въ Литвѣ высокими почестями и окруженъ былъ со стороны Гедимина всевозможнымъ почетомъ; Гедиминъ даже породнилъ его съ собою, выдавъ за него одну изъ своихъ дочерей; во-вторыхъ, что исполненіе дипломатическихъ обязанностей поручалось русскимъ; такъ, мы знаемъ изъ сохранившихся документовъ, что при Гедиминѣ какой-то Александръ съ товарищами своими „русскими" былъ посылаемъ въ качествѣ посла къ рижскому архіепископу.

Вліяніе русской народности на литовцевъ при Витенѣ и Гедиминѣ обозначалось и въ самомъ титулѣ, принятомъ этими князьями. Въ грамотахъ къ иностраннымъ государямъ Гедиминъ титуловался такъ: „Царь литовскій и русскій", иногда такъ: „Царь литовскій и множества русскихъ".

---

[1]) Это былъ сынъ того Довмонта, который убилъ Миндовга и затѣмъ бѣжалъ въ Псковъ.

Наконецъ, русское вліяніе при Витенѣ и Гедиминѣ выразилось и въ названіи управляемаго ими Литовскаго государства: до нихъ Литовское государство называлось княжествомъ Литовскимъ и Жмудскимъ, а съ ихъ времени оно стало называться великимъ княжествомъ Литовскимъ, Жмудскимъ и Русскимъ [1]).

Лютауръ.

Это былъ первый литовскій князь, положившій начало въ Литовскомъ государствѣ новой династіи. Родомъ онъ былъ изъ жмудскаго мѣстечка Эйроголы, по происхожденію изъ рода Колюмновъ. Взятый ко двору Тройдена, жившаго въ это время въ г. Керновѣ, Лютауръ исполнялъ разныя придворныя должности (коморника и маршала) и былъ любимцемъ Тройдена. По смерти этого послѣдняго Лютауръ русскою партіею, помимо сыновей Тройдена, былъ избранъ литовскимъ княземъ. Но когда именно, т. е. въ какомъ году онъ избранъ былъ литовскимъ княземъ, изъ лѣтописей неизвѣстно, равнымъ образомъ въ источникахъ ни слова не говорится и о походахъ его [2]). Вѣроятно онъ княжилъ не много. Умеръ около 1295 года.

Витень.

1295–1316 г.

Витень—второй князь въ Литовскомъ государствѣ изъ Жмудской династіи. Онъ получилъ воспитаніе при дворѣ Тройдена и, очевидно, подъ сильнымъ вліяніемъ русской партіи, а потому мы видимъ, что въ его княженіе существуетъ необыкновенно тѣсная связь и дружба русскихъ съ литовцами. Ни одинъ походъ, ни одна битва Витеня съ сосѣдями не обходилась безъ участія русскихъ. Самымъ приближеннымъ человѣкомъ и самымъ довѣреннымъ лицомъ при Витенѣ былъ русскій князь, упомянутый нами выше Давидъ Довмонтовичъ изъ Пскова.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ актахъ княжество это называется „Литовскимъ государствомъ", а потому и мы для оглавленія нашей исторіи приняли послѣднее названіе.

[2]) Извѣстно только, что при немъ сынъ его Витень въ 1293 г. напалъ на куявскаго польскаго удѣльнаго князя (Куявія была на Вислѣ, гдѣ теперь Кульмъ, прусскій городъ) Казимира и его союзниковъ прусскихъ крестоносцевъ и поразилъ ихъ въ битвѣ у Троянова. Самъ Казимиръ былъ убитъ, а съ нимъ и 1800 рыцарей. Въ отмщеніе за это рыцари въ 1294 г., подъ начальствомъ рагницкаго комтура Людовика фонъ Либенцеля, напали при устьѣ р. Дубиссы на Ромове и разрушили его. Криве-Кривейто съ коллегіею жрецовъ бѣжалъ сначала въ г. Керновъ, а потомъ въ Вильну и на долинѣ Свенторога основалъ новое „Ромове".

Вступивши на престолъ Литовскаго государства, Витень большую часть своего княженія провелъ въ борьбѣ съ поляками и прусско-ливонскими рыцарями. Съ поляками Витень велъ войну за союзъ ихъ съ рыцарями. По словамъ Длугоша, Витень три раза нападалъ на польскія владѣнія и страшно опустошалъ ихъ: въ первый разъ онъ напалъ въ 1296 г. на землю липчичицкую, во второй въ 1306 г.—на калишскую и въ третій въ 1307 г.—на сѣродзскую. Но самая упорная и продолжительная борьба литовскаго князя была съ прусско-ливонскими рыцарями.

Ливонскій орденъ, какъ основанный рижскимъ архіепископомъ, въ началѣ своего существованія былъ въ зависимости отъ сего послѣдняго, но потомъ, когда соединился съ Тевтонскимъ, сдѣлался самостоятельнымъ. Въ концѣ XIII ст. рыцари задумали было подчинить своей власти г. Ригу, но встрѣтили протестъ со стороны архіепископа и магистрата, потому что городъ былъ въ зависимости отъ нихъ. Тогда рыцари порѣшили достигнуть своей цѣли силою оружія и вслѣдствіе этого началась упорная борьба рыцарей съ архіепископомъ и магистратомъ г. Риги. Но такъ какъ послѣдніе собственными силами не въ состояніи были одолѣть первыхъ, то пригласили на помощь литовскаго князя Витеня.

Весною 1298 г. Витень съ многочисленнымъ войскомъ явился на правой сторонѣ З. Двины во владѣніяхъ Тевтоно-Ливонскаго ордена. Рижане и архіепископская дружина немедленно соединились съ нимъ и повели его на орденскую крѣпость Каркусъ [1]). Крѣпость эта, снабженная многочисленнымъ гарнизономъ, была разрушена литовцами до основанія. Послѣ этого войско Витеня разсыпалось по всей окрестной странѣ и страшно ее опустошило, причемъ погибло множество духовныхъ лицъ и костеловъ. Обремененный богатою добычею, Витень предпринялъ обратный походъ, но на р. Трейдерѣ его встрѣтилъ мигистръ ордена Бруно съ сильнымъ войскомъ. Битва произошла 1-го іюня. Сначала рыцари имѣли успѣхъ: умертвили 800 литовскихъ ратниковъ и освободили изъ плѣна болѣе 3000 христіанъ, и Витень сталъ было отступать, но потомъ остановился, устроился и снова повелъ войско въ битву; на этотъ разъ орденское войско было разбито на голову: магистръ Бруно, 22 орденскихъ рыцаря и 1500 простыхъ воиновъ были убиты, а остальные разсѣяны.

На слѣдующій годъ война Витеня съ рыцарями возобновилась, но только на этотъ разъ она кончилась неудачно для литовскаго князя. 29 іюня 1299 г. около крѣпости Неймюля онъ потерпѣлъ страшное

---

[1]) Крѣпость эта находилась въ 60 верстахъ отъ уѣзднаго города Лифляндской губерніи Филлина.

пораженіе: болѣе 4000 литовскихъ ратниковъ было убито и столько же потонуло въ ближайшей рѣкѣ. Послѣдняя побѣда рыцарей была причиною того, что Витень отказался помогать рижскому архіепископу и магистрату и заключилъ миръ съ рыцарями.

Но миръ между литовскимъ княземъ и рыцарями недолго продолжался: черезъ два года борьба опять возобновилась. Она произошла вслѣдствіе того, что прусскіе рыцари, вспомоществуемые войсками мелкихъ польскихъ князей, стали стремиться къ тому, чтобы подъ видомъ крещенія овладѣть языческою Жмудью и жителей ея обратить въ рабство. Эта новая борьба продолжалась до самой смерти Витеня. Она началась взаимнымъ опустошеніемъ владѣній, а потомъ перешла въ правильную войну съ осадою крѣпостей и взятіемъ городовъ. Самая ожесточенная война литовскаго князя съ прусскими крестоносцами падаетъ на 1313 и 1314 гг. Въ 1313 г. Витень, воспользовавшись походомъ прусскихъ крестоносцевъ въ Померанію, послалъ брата своего Гедимина опустошить и разорить рыцарскія пограничныя владѣнія, какъ опорные пункты противъ Литвы. Гедиминъ выполнилъ эту задачу блестящимъ образомъ: онъ въ отсутствіе рыцарей разорилъ и ограбилъ нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ, захватилъ огромное число плѣнныхъ и вернулся съ богатою добычею. Рыцари, возвратившись изъ Помераніи, въ свою очередь, ворвались въ литовскія земли, захватили въ нихъ два города и въ пылу ожесточенія поступили съ ничѣмъ неповинными жителями этихъ городовъ совершенно не по рыцарски: они всѣхъ ихъ перебили, не щадя ни пола, ни возраста, даже младенцевъ не пощадили: однихъ убили, а другихъ сожгли на кострѣ. Такой варварскій поступокъ не остался безъ наказанія: тотъ же Гедиминъ снова напалъ на владѣнія ордена и обозначилъ свой путь пепломъ и кровью; онъ проникъ въ самую глубь орденскихъ владѣній, и дошелъ до Браунсберга. Послѣдній набѣгъ литовцевъ сильно встревожилъ рыцарей. Они порѣшили нанести ударъ Литовскому государству въ самое сердце. Въ 1314 году крестоносцы выступили противъ литовцевъ съ огромнымъ войскомъ и притомъ двумя путями: сухимъ и по Нѣману водою. Позади пройденнаго пути рыцари устраивали склады боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, а для охраны тыла оставляли значительную стражу. Разоряя и опустошая все встрѣчавшееся на пути, они дошли до Новгородка, который немедленно взяли, жителей перебили, а дома сожгли; затѣмъ приступили къ осадѣ замка. Противъ крестоносцевъ Витень отправилъ любимца своего Давида Довмонтовича. Давидъ сначала постарался уничтожить оставленные рыцарями на пути къ Новгородку боевые и съѣстные склады, а потомъ незамѣтнымъ образомъ зайти въ тылъ нѣмцамъ и тутъ захватить весь обозъ ихъ и перебить при немъ прислугу и стражу. Крестоносцы, не ожидая сего нападенія, перепугались и, бросивши осаду замка, стали отступать. Правда, отступленіе рыцарей началось въ строй-

номъ порядкѣ, какъ подобаетъ дисциплинированному и хорошо организованному войску, но это продолжалось только до перваго пункта, гдѣ сложены были ихъ боевые и съѣстные припасы: а когда они, преслѣдуемые Давидомъ, дошли до него, и когда увидѣли, что тутъ все уничтожено, то такъ перепугались, что побросали свое оружіе, потеряли строй и въ безпорядкѣ, вразсыпную, обратились въ бѣгство. Пробѣгая въ сутки до десяти миль, рыцари Тевтонскаго ордена все-таки не добрались до своего отечества: среди дремучихъ лѣсовъ и топкихъ болотъ всѣ до одного погибли отъ голода и истощенія. Это было послѣднее событіе при жизни Витеня: въ 1316 г. онъ былъ убитъ громомъ.

Гедиминъ.

1316—1341 г.

Послѣ смерти Витеня на литовскій престолъ вступилъ братъ его Гедиминъ. Онъ управлялъ государствомъ 25 лѣтъ. При немъ оно окрѣпло, упрочилось и значительно расширилось въ территоріальномъ отношеніи. Поэтому всѣ историки считаютъ Гедимина собственно основателемъ Литовскаго государства и относятъ его къ числу замѣчательныхъ государей своего времени [1]).

Борьба Гедимина съ тевтоно-ливонскими рыцарями. Союзъ его съ рижскимъ архіепископомъ и магистратомъ г. Риги. Враждебныя дѣйствія Гедимина съ тевтоно-ливонскими рыцарями начались съ 1320 г. Въ этомъ году прусскіе крестоносцы, подъ начальствомъ магистра Генриха Пляцке, вступили въ Жмудь и стали опустошать ее. Гедиминъ, узнавши объ этомъ, собралъ огромное войско и двинулся на нихъ. Враги встрѣтились на р. Жеймолѣ. Произошла кровопролитная битва, которая кончилась совершеннымъ пораженіемъ рыцарей.

На слѣдующій годъ неугомонный Пляцке снова предпринялъ походъ въ Жмудь. Онъ проникъ далеко въ глубь литовской территоріи и осадилъ сильную крѣпость Мѣдники, но и этотъ походъ его окон-

---

[1]) Расширеніе Литовскаго государства при Гедиминѣ произошло вслѣдствіе присоединенія новыхъ русскихъ областей. Но при этомъ нужно замѣтить, что присоединеніе русскихъ областей совершилось не силою оружія, а дипломатическими переговорами и вступленіемъ въ родственныя связи, посредствомъ браковъ съ наслѣдниками сихъ областей. Вообще нужно сказать, что Гедиминъ обладалъ замѣчательнымъ политическимъ талантомъ. По выбору средствъ для расширенія своего государства и обезпеченія его отъ нападеній со стороны сильныхъ пограничныхъ правителей Гедиминъ похожъ на германскаго императора Максимиліана I (1493—1519 г.), о царствованіи котораго составилась поговорка: „Пусть другіе воюютъ, а ты, Максимиліанъ, будь счастливъ посредствомъ браковъ“. Правда, Гедиминъ велъ борьбу съ сосѣдями, но онъ велъ ее только съ мелкими, а съ крупными—никогда.

чился полною неудачею: литовскій князь, зайдя магистру въ тылъ, нарубилъ деревьевъ, завалилъ ими пройденный рыцарями путь, чтобы затруднить имъ отступленіе, и затѣмъ, обойдя фланговымъ движеніемъ войско крестоносцевъ, напалъ на него съ фронта. Завязалась страшная битва; одолѣваемые русско-литовскими войсками, рыцари начали было отступать и какъ разъ попали въ мѣста, заваленныя срубленными деревьями; страхъ напалъ на нихъ: въ испугѣ рыцари побросали оружіе и обратились въ бѣгство; Гедиминъ погнался за ними и всѣхъ истребилъ. Въ числѣ убитыхъ оказался и самъ магистръ Генрихъ Пляцке, а товарищъ его, первое лицо послѣ магистра, Герардъ Роде, попался въ плѣнъ и былъ сожженъ на кострѣ въ честь литовскихъ боговъ.

Мѣднинское пораженіе было великимъ скандаломъ для всего Тевтонскаго ордена; нужно было отомстить Гедимину. Рыцари стали готовиться; два года они созывали охотниковъ съ разныхъ сторонъ западной Европы и приготовляли припасы [1]). Но привести въ исполненіе своей мести имъ скоро не пришлось: обстоятельства такъ сложились, что орденъ долженъ былъ прекратить на нѣкоторое время свои враждебныя дѣйствія противъ литовскаго князя.

Какія же это обстоятельства?

При изложеніи княженія Витеня мы говорили, что рижскій архіепископъ и магистратъ вели борьбу съ прусскими рыцарями за г. Ригу. Тогда же мы видѣли, что сторону первыхъ принялъ литовскій князь Витень. Но это, какъ мы тоже видѣли, никакой пользы не принесло имъ: разбитый на голову около крѣпости Неймюля, Витень отказался отъ союза съ архіепископомъ и магистратомъ и заключилъ миръ съ рыцарями.

Теперь архіепископъ и магистратъ г. Риги предоставлены были собственнымъ силамъ. Но собственными силами они не могли вести борьбы съ рыцарями, войска которыхъ все болѣе и болѣе увеличивались вслѣдствіе прибытія къ нимъ новыхъ подкрѣпленій изъ западной Европы. Тогда архіепископъ и магистратъ задумали повести дѣло инымъ путемъ: они, не вступая въ открытую борьбу съ рыцарями, стали посылать на нихъ жалобы папѣ, который жилъ въ это время въ южной

---

[1]) Одинъ лѣтописецъ передаетъ, что Гедиминъ, во время этихъ приготовленій рыцарей, воспользовавшись разъ оплошностію ихъ, напалъ на Ливонію и страшно опустошилъ Дерптскую область, причемъ однихъ плѣнныхъ увелъ болѣе 5000 человѣкъ. Правда, рыцари послали было отъ себя, какъ сообщаетъ тотъ же лѣтописецъ, небольшой отрядъ въ Жмудь, чтобы отомстить литовскому князю за его послѣднее нападеніе; но отрядъ этотъ вернулся ни съ чѣмъ: былъ такой сильный морозъ, говоритъ лѣтописецъ, что всѣ рыцари чуть было не перемерзли.

Франціи, въ Авиньонѣ [1]). Въ этихъ жалобахъ архіепископъ и магистратъ, между прочимъ, выставляли папѣ на видъ корыстолюбіе, алчность и разбойническіе набѣги рыцарей на литовцевъ, отъ чего, по ихъ мнѣнію, эти послѣдніе не только не принимаютъ христіанства, но даже отступаютъ отъ него и тѣ изъ нихъ, которые уже раньше приняли было эту религію. Рыцари, узнавши объ этомъ, съ своей стороны, стали посылать папѣ одинъ за другимъ доносы, въ которыхъ обвиняли архіепископа и магистратъ Риги въ томъ, что они вступаютъ въ дружбу съ литовцами, заключаютъ съ ними союзы, интригуютъ противъ нихъ, рыцарей, и вообще ведутъ себя такъ, что литовцы сдѣлались гораздо упорнѣе въ своемъ язычествѣ, чѣмъ прежде и никакъ не хотятъ принимать христіанства.

Получая такія противорѣчивыя жалобы, папа не зналъ, кому вѣрить и вслѣдствіе этого не принималъ серьезныхъ мѣръ для прекращенія ссоры. Такъ дѣло тянулось до 1321 года. Въ этомъ же году онъ взялся за него энергически и, благодаря крупнымъ рыцарскимъ подаркамъ, принялъ сторону Тевтонскаго ордена: архіепископъ и магистратъ были признаны виновными и сильно сконфужены. Что было дѣлать послѣднимъ? Какъ склонить папу на свою сторону? Послѣ долгихъ разсужденій рѣшено было: послать пословъ къ Гедимину и вступить съ нимъ въ самый тѣсный союзъ, а затѣмъ добыть у него документы, которыми бы архіепископъ и магистратъ г. Риги могли убѣдить папу и весь христіанскій Западъ въ томъ, что упорство литовцевъ при обращеніи ихъ въ христіанство происходитъ не отъ нихъ, архіепископа и магистрата, а отъ предосудительныхъ поступковъ самихъ рыцарей.

Въ 1322 г. посольство это съ грамотою прибыло въ Вильну къ Гедимину [2]). Князь принялъ его очень ласково и согласился на предложеніе архіепископа и магистрата вступить съ ними въ дружественный союзъ. Затѣмъ рижскіе послы приступили къ выполненію самой главной и самой трудной цѣли своего прибытія въ Вильну, именно: пріобрѣтенія вышеозначенныхъ документовъ. Послѣ долгихъ хлопотъ имъ удалось достигнуть и послѣдняго. Но при этомъ послы совершили ловкую и хитрую мистификацію. Подробности этого дѣла весьма любопытны: Гедиминъ, вступивши на литовскій престолъ, часто выражалъ желаніе пригла-

---

[1]) Сначала жалобы свои они посылали въ Римъ; въ Авиньонъ стали посылать съ 1308 г., когда папа Климентъ V, по желанію французскаго короля Филиппа Красиваго, перенесъ туда свою столицу.

[2]) Начиная съ этого года, сохранилось нѣсколько грамотъ, писанныхъ архіепископомъ и магистратомъ г. Риги къ Гедимину. Изъ содержанія одной изъ нихъ, относящейся къ 1323 г., между прочимъ, видно, что Гедиминъ былъ братъ Витеня, а не сынъ, какъ прежде думали.

сить въ свое государство заграничныхъ ремесленниковъ и колонистовъ для насажденія въ немъ зачатковъ западной культуры. О желаніи Гедимина знали въ Ригѣ. Поэтому рижскіе послы, когда прибыли въ Вильну и заключили дружественный союзъ съ литовскимъ княземъ, уговорили Гедимина написать грамоту къ прибалтійскимъ нѣмецкимъ торговымъ городамъ Любику, Штетину и др. съ просьбою о присылкѣ ремесленниковъ и колонистовъ; а затѣмъ убѣдили его написать еще три грамоты: одну въ Авиньонъ къ папѣ и двѣ другихъ къ монахамъ двухъ католическихъ орденовъ—Францисканскаго и Доминиканскаго [1]). Но такъ какъ Гедиминъ ни слова не зналъ по-латыни, а между прочимъ вышеозначенныя грамоты слѣдовало написать на этомъ языкѣ, какъ дипломатическомъ того времени, то онъ пригласилъ къ себѣ во дворецъ жившихъ въ Вильнѣ двухъ францисканскихъ монаховъ: Бертольда и Генриха и просилъ ихъ составить эти грамоты, а тѣ, по наущенію рижскихъ пословъ, помѣстили въ послѣднихъ трехъ грамотахъ не то, что говорилъ князь, а то, что желалъ архіепископъ и магистратъ. Такъ, въ грамотѣ къ папѣ, вмѣсто почтительныхъ выраженій, употребленныхъ Гедиминомъ по отношенію къ главѣ католической церкви, Бертольдъ и Генрихъ написали, что будто бы литовскій князь соглашается принять христіанскую вѣру и что если онъ до сего времени не сдѣлалъ этого, то виноваты въ томъ тевтоно-ливонскіе рыцари, которые перехватывали его пословъ, отправляемыхъ въ Авиньонъ. Въ грамотахъ же къ монахамъ двухъ католическихъ орденовъ—Францисканскаго и Доминиканскаго—вмѣсто изъявленія княземъ обѣщанія покровительствовать каждому изъ братій сихъ орденовъ въ случаѣ прибытія ихъ въ Литовское государство [2]), Бертольдъ и Генрихъ написали, чтобы оттуда присланы были миссіонеры, знающіе литовскій языкъ, для распространенія латинства и что для присланныхъ будутъ основаны монастыри и костелы. Въ то же время въ грамотахъ къ двумъ вышеозначеннымъ орденамъ прибавлено было, что Гедиминъ потому собственно обращается къ нимъ, монахамъ францисканскаго и доминиканскаго монастырей, что не желаетъ имѣть никакого дѣла съ алчными и жестокими рыцарями Тевтоно-Ливонскаго ордена. Послѣ этого вышеозначенныя четыре грамоты были подписаны Гедиминомъ, скрѣплены печатями и чрезъ особаго княжескаго посла отправлены къ архіепископу и магистру для дальнѣйшей отсылки [3]).

---

[1]) Вѣроятно рижскіе послы, убѣждая Гедимина написать послѣднихъ три грамоты, выставили какіе-нибудь торговые мотивы.

[2]) Кажется, они объ этомъ раньше просили Гедимина чрезъ особыхъ пословъ.

[3]) Въ этихъ грамотахъ въ первый разъ упоминается о Вильнѣ и притомъ какъ уже о столичномъ городѣ Литовскаго государства.

Такова была мистификація, устроенная нѣмецкими послами по наущенію архіепископа и магистрата и такимъ образомъ достигнута желанная цѣль касательно пріобрѣтенія необходимыхъ документовъ, чтобы одолѣть тевтоно-ливонскихъ рыцарей.

Очень можетъ быть, что обманъ скоро открылся бы, если-бы посолъ Гедимина благополучно прибылъ въ Ригу. Могло бы случиться, что эти грамоты прочиталъ бы кто-нибудь, не состоящій въ стачкѣ съ архіепископомъ и магистратомъ и объяснилъ бы послу ихъ подложность. Но въ томъ и дѣло, что посолъ не попалъ въ Ригу: онъ на дорогѣ гдѣ-то пропалъ безъ вѣсти, а грамоты, между прочимъ, кѣмъ-то переданы были кому слѣдуетъ.

Рижскій архіепископъ и магистратъ, получивши вышеозначенныя грамоты, отослали ихъ на Западъ по назначенію. Папѣ грамота доставлена была какимъ-то рижскимъ монахомъ, причемъ имъ заявлено было, что литовскій посолъ, везшій ее, на дорогѣ былъ схваченъ рыцарями и брошенъ въ тюрьму.

Грамоты эти произвели сильное впечатлѣніе на западѣ Европы. Папа немедленно извѣстилъ французскаго короля о радостномъ событіи для христіанства—о предстоящемъ крещеніи литовскаго народа. Затѣмъ сейчасъ же приказано было, посредствомъ особой буллы, всѣмъ духовнымъ лицамъ Ливоніи вступить въ тѣсный союзъ съ Гедиминомъ и заключить съ нимъ вѣчную дружбу. То же самое другою буллою повелѣвалось сдѣлать и рыцарямъ Тевтоно-Ливонскаго ордена. Послѣдніе, получивши папскую буллу и узнавши изъ ней о желаніи Гедимина креститься, не подозрѣвая, конечно, мистификаціи въ этомъ дѣлѣ, страшно перепугались: рыцари увидѣли, что многолѣтній споръ ихъ съ архіепископомъ и магистратомъ за Ригу теперь уже кончится не въ ихъ пользу; они потеряли голову, не знали что дѣлать и за что ухватиться; начали бросаться то въ одну сторону, то въ другую; но въ концѣ концовъ все-таки должны были исполнить требованіе папы, т. е. вступить въ тѣсный союзъ съ литовскимъ княземъ и заключить съ нимъ вѣчную дружбу.

Вотъ тѣ обстоятельства, которыя заставили рыцарей, какъ мы уже говорили выше, отложить свое мщеніе Гедимину за знаменитое мѣднинское пораженіе.

Между тѣмъ, какъ происходило заключеніе дружественнаго союза ливонскаго духовенства и рыцарей съ Гедиминомъ, на Западѣ отъ имени литовскаго князя въ 1323 году появились еще двѣ грамоты, вѣроятно сфабрикованныя кѣмъ-нибудь также по распоряженію рижскаго архіепископа и магистрата, потому что Гедиминъ ихъ не писалъ. Въ одной изъ этихъ двухъ грамотъ изложены были отъ лица Гедимина всѣ обиды и оскорбленія, которыя нанесены были ему отъ рыцарей, а въ другой заключались увѣренія въ томъ, что будто бы литовскій

князь уже давно увѣровалъ во Св. Троицу и въ видимое главенство папы. Послѣднія двѣ грамоты побудили св. отца поторопиться отправкою посольства въ Литовское государство для крещенія князя и народа. Въ составъ этого посольства, между прочимъ, вошли: Варѳоломей, епископъ алетскій, и Бернардъ, аббатъ бенедиктинскаго монастыря св. Теофрида въ Пюо. 1324 г. 22 сентября легаты прибыли въ Ригу. Отсюда они отправили пословъ къ литовскому князю съ извѣщеніемъ его о своемъ прибытіи, а равнымъ образомъ и съ просьбою назначить время и мѣсто для приведенія въ католичество какъ его самого, такъ и его подданныхъ.

3-го ноября рижское посольство прибыло изъ Риги въ Вильну и въ торжественной аудіенціи спросило Гедимина: пребываетъ ли онъ твердымъ въ своемъ намѣреніи принять святое крещеніе, какъ писалъ о томъ папѣ? Гедиминъ пораженъ былъ этимъ вопросомъ, а потому, въ свою очередь, спросилъ пословъ: извѣстно ли имъ содержаніе грамоты, посланной папѣ отъ его имени, и когда получилъ утвердительный отвѣтъ, то велѣлъ немедленно прочитать ее. Обманъ обнаружился. Гедиминъ вышелъ изъ себя и съ сердцемъ началъ громко говорить: „Я ничего подобнаго писать не приказывалъ. Если же братъ Бертольдъ отъ себя написалъ, то пусть отвѣтственность за эту ложь на его голову падетъ. Если бы я когда-либо дѣйствительно имѣлъ намѣреніе креститься, то обратился бы за этимъ къ дьяволу, а не къ вамъ. Я дѣйствительно говорилъ, какъ написано въ грамотѣ, что буду почитать папу какъ отца, но я сказалъ это потому, что папа старше меня; всѣхъ стариковъ: и папу, и рижскаго архіепископа, и другихъ я почитаю какъ отцовъ; сверстниковъ своихъ люблю какъ братьевъ; тѣхъ же, кто моложе меня, я готовъ любить какъ сыновей. Я говорилъ дѣйствительно, что дозволю христіанамъ молиться по обычаю ихъ вѣры: русскимъ по ихъ обычаю, а полякамъ по своему; самъ же буду молиться по нашему обычаю. Всѣ мы вѣдь почитаемъ одного Бога".

Послѣ такого отвѣта послы 24 ноября оставили Вильну и поспѣшили въ Ригу, гдѣ передали слова Гедимина [1]). Папскіе легаты, потерпѣвъ полную неудачу въ своей миссіи, покинули Ливонію и вернулись обратно во Францію [2]). Но, тѣмъ не менѣе, союзъ, заключенный

[1]) Отчетъ объ этомъ посольствѣ къ Гедимину, составленный тѣмъ же монахомъ, который доставилъ папѣ грамоту литовскаго князя, сохранился и дошелъ до насъ. Изъ него, между прочимъ, видно, что Гедиминъ тогда же чрезъ своего тіуна дѣлалъ строгій розыскъ о виновникѣ этой мистификаціи.

[2]) Нѣкоторые ученые допускаютъ, что грамоты, писанныя къ папѣ отъ Гедимина, не искажены, а написаны такъ, какъ диктовалъ литовскій князь, и вообще не усматриваютъ особой мистификаціи въ этомъ дѣлѣ со стороны рижскаго архіепископа и рижскаго городского магистрата, но мы при изложеніи сего событія придерживаемся мнѣнія проф. В. Б. Антоновича, который на это дѣло иначе смотритъ, и, какъ кажется, вѣрнѣе.

ливонскимъ духовенствомъ съ Гедиминомъ въ 1323 г., остался дѣйствительнымъ. Только рыцари не хотѣли признать его, такъ какъ литовскій князь, какъ говорили они, не принялъ христіанства. Поэтому крестоносцы послѣ удаленія папскихъ легатовъ изъ Ливоніи немедленно возобновили свои военныя дѣйствія противъ Гедимина: они теперь съ особеннымъ рвеніемъ стали грабить и разорять владѣнія литовцевъ, перехватывать людей и пословъ князя, посылаемыхъ въ Ригу, одного даже повѣсили. За эти поступки рижскій архіепископъ отлучилъ Тевтоно-Ливонскій орденъ отъ церкви, а рыцари со злости напали на Ригу, и въ Ливоніи снова началась междоусобная война. Но архіепископъ и магистратъ города, опираясь на силы Гедимина, съ успѣхомъ отражали нападенія крестоносцевъ.

Въ то же время самъ литовскій князь, чтобы вѣрнѣе имѣть успѣхъ въ борьбѣ съ Тевтоно-Ливонскимъ орденомъ, вступилъ въ родственную связь съ королемъ польскимъ Владиславомъ Локоткомъ. Въ 1325 г. Гедиминъ выдалъ свою дочь Альдону (въ крещеніи Анну) за его сына Казимира, наслѣдника польскаго престола. Въ качествѣ приданаго за дочерью Гедиминъ возвратилъ 20,000 плѣнныхъ поляковъ.

Слѣдствіемъ этого родственнаго союза была борьба поляковъ и литовцевъ съ рыцарями, которая продолжалась съ небольшими промежутками почти шесть лѣтъ. Въ 1331 г. борьба эта кончилась страшною битвою подъ Пловцами. Тутъ рыцари потерпѣли рѣшительное пораженіе. Послѣ этой битвы Тевтоно-Ливонскій орденъ долго не могъ оправиться. Онъ волею или неволею долженъ былъ помириться съ литовскимъ великимъ княземъ; по крайней мѣрѣ, въ теченіе 10 лѣтъ мы не видимъ борьбы его съ Гедиминомъ. Что же касается до исхода борьбы ордена съ архіепископомъ и г. Ригою, то съ ними онъ помирился предъ Пловцкою битвой. Въ 1330 г. ливонскій магистръ Эбергардъ фонъ Мунгеймъ призналъ полную независимость Риги, обязался не строить, какъ прежде было, въ чертѣ города Риги укрѣпленій и далъ слово возстановить на свой счетъ всѣ городскіе заводы и постройки, разрушенные рыцарями [1]).

Отношеніе Гедимина къ русскимъ удѣльнымъ князьямъ [2]). По отношенію къ русскимъ удѣльнымъ князьямъ умный литовскій государь держался совершенно иной политики, чѣмъ къ тевтоно-ливон-

---

[1]) Рыцари помирились съ архіепископомъ и магистратомъ города Риги съ тою цѣлію, что бы имѣть болѣе возможности ввести борьбу съ Гедиминомъ и поляками; но и тамъ, дѣло кончилось для нихъ плохо: они, какъ мы сейчасъ видѣли, были разбиты на голову подъ Пловцами.

[2]) Объ отношеніи литовскаго князя къ московскимъ на русскомъ языкѣ есть сочиненіе Карпова 1866 г. „Исторія борьбы Московскаго государства съ Литовскимъ“.

скимъ рыцарямъ. Съ рыцарями Гедиминъ или самъ лично велъ борьбу, или поручалъ ее своему знаменитому зятю Давиду Довмонтовичу; съ русскими же князьями Гедиминъ почти никогда не ссорился и старался избѣгать столкновеній. Разъ только мы и видимъ, что Гедиминъ вступилъ въ борьбу въ самомъ началѣ своего княженія съ галицко-волынскими князьями: съ Андреемъ и Львомъ Юрьевичами, правнуками Даніила Романовича; но къ этому понудила его не жажда завоеванія, а желаніе оградить предѣлы своего государства отъ вторженія галицко-волынскихъ князей, такъ какъ галицко-волынскіе князья, состоя въ союзѣ съ прусскими крестоносцами, первые напали на владѣнія литовскаго князя. Но, какъ видно изъ лѣтописей, нападеніе кончилось для галицко-волынскихъ князей очень плохо: Андрей и Левъ Юрьевичи должны были уступить Гедимину Подляхію съ городами: Берестьемъ, Дрогичиномъ, Мельникомъ, Бѣльскомъ и др. [1]). Правда, у литовскаго хрониста Стрыйковскаго есть еще разсказъ о борьбѣ Гедимина съ русскими князьями, именно: подъ 1321 г. у него весьма подробно разсказано о походѣ литовскаго князя на Волынь и кіевскую землю и происшедшей затѣмъ битвѣ на р. Ирпенѣ, гдѣ будто бы русскіе князья потерпѣли рѣшительное пораженіе, послѣ чего Волынь и Кіевъ присоединены были къ Литовскому княжеству. На основаніи этого разсказа, помѣщеннаго въ хроникѣ Стрыйковскаго, всѣ историки новѣйшаго времени признали Гедимина однимъ изъ воинственныхъ князей литовскихъ и самый разсказъ внесли въ свои историческія сочиненія, какъ фактъ несомнѣнно историческій, но, какъ теперь оказывается, Гедиминъ никакого похода не дѣлалъ на Волынь и землю кіевскую, и самая битва на р. Ирпенѣ есть плодъ фантазіи Стрыйковскаго [2]).

Дѣйствительно, Волынь въ послѣдній годъ княженія Гедимина отошла къ Литвѣ, но только не тѣмъ путемъ, какимъ представлено у Стрыйковскаго. Она присоединена была чрезъ женитьбу сына Гедимина Любарта на дочери послѣдняго волынскаго князя Льва Юрьевича— Бушѣ [3]). Что же касается Кіева, то онъ присоединенъ былъ къ Литовскому государству только при сынѣ Гедимина Ольгердѣ, послѣ того,

---

[1]) Нѣкоторые ученые относятъ этотъ походъ Гедимина къ 1316 г. и при этомъ говорятъ, что въ сіе время былъ галицко-волынскимъ княземъ Юрій Львовичъ, внукъ Даніила Романовича, который и погибъ въ одной битвѣ съ литовскимъ княземъ.

[2]) Профессоръ кіевскаго университета Вл. Б. Антоновичъ въ своей докторской диссертаціи: „Очеркъ исторіи вел. Литовскаго княжества“ основательно изслѣдовалъ и доказалъ несправедливость лѣтописныхъ сказаній о завоеваніи Гедиминомъ Волыни и Кіева въ 1321 г. Правда, ему возразилъ въ своихъ „Замѣткахъ по исторіи Литовскаго государства“ проф. Дашкевичъ, но мы придерживаемся мнѣнія проф. Антоновича.

[3]) Такъ ее называетъ Нарбутъ; но такого женскаго имени въ православной церкви нѣтъ, а дочь Льва Юрьевича, какъ извѣстно, была православная; по

какъ Ольгердъ на р. Синія Воды (Синюхѣ, притокѣ Южнаго Буга) въ 1362 г. нанесъ рѣшительное пораженіе тремъ подольскимъ татарскимъ темникамъ, отъ которыхъ зависѣлъ Кіевъ.

Такимъ же мирнымъ путемъ, какъ Волынь, присоединены были Гедиминомъ къ Литовскому государству еще слѣдующія русскія удѣльныя княжества:

I. Витебское княжество. Сынъ Гедимина Ольгердъ въ 1318 г. женился на единственной наслѣдницѣ послѣдняго витебскаго князя Ярослава Васильевича, по смерти котораго онъ получилъ въ наслѣдство его княжество.

II. Княжество Полоцкое. Эта область раздѣлена была на двѣ части: одна часть ея съ городомъ Полоцкомъ уже при Витенѣ была присоединена къ Литвѣ, а другая около 1323 г. Послѣдній князь этой второй части Полоцкой области Василій добровольно отдался во власть Гедимина, былъ его другомъ и очень часто исполнялъ дипломатическія порученія литовскаго князя.

III. Княжества: Пинское, Туровское и Минское также мирнымъ путемъ были присоединены къ Литовскому государству Гедиминомъ. Правда, въ источникахъ объ этомъ ясно не говорится, но ни слова не говорится и о походѣ его на эти княжества; а между прочимъ, мы видимъ, что въ концѣ княженія Гедимина области эти уже принадлежали Литовскому государству.

Такимъ образомъ, при Гедиминѣ русскія удѣльныя княжества, вошедшія въ составъ Литовскаго государства, пріобрѣтены были мирнымъ путемъ, исключая только Подляхіи, отнятой Гедиминомъ у галицко-волынскихъ князей, но эта область была не чисто русская, она состояла изъ покоренной южной части ятвяжской земли.

Упрочивши свою власть надъ вышеозначенными русскими удѣлами, Гедиминъ задумалъ подчинить своему вліянію еще двѣ русскихъ области, именно: Псковскую и Новгородскую. Но этому намѣренію его помѣшалъ московскій князь Іоаннъ Даніиловичъ Калита.

всей вѣроятности, имя Буша есть сокращенное имя „Лукерія“. Лукерія у простого русскаго народа называется Луша, а иногда и Буша.

Примѣчаніе. Романъ +1205.
Даніилъ +1264.
Левъ +1301.
Юрій I +1316. кн. галицко-волынскій.

Андрей +1324. кн. галицкій.	Левъ +1324. кн. волынскій.
Юрій II +1335. Марія ж. мазовецкаго кн. Тройдена.	Буша (Лукерія, Луша) жена Любарта.

Болеславъ Тройденовичъ +1340—5; былъ женатъ на дочери Гедимина.

Историческое значеніе великорусской народности или московской. Столкновеніе Гедимина съ Іоанномъ Калитою за Псковъ и Новгородъ. Въ настоящее время народъ русскій, по нѣкоторымъ особенностямъ въ языкѣ, характерѣ, нравахъ и обычаяхъ и отчасти типу, дѣлится на три части: бѣлоруссовъ, малороссовъ и великоруссовъ, или вѣтвь московскую. Бѣлорусскій народъ въ древности составляли славянскія племена: кривичи, древляне и дреговичи. Малорусскій же: поляне, сѣверяне и родимичи. Великорусскій, или московскій: смѣсь славянскихъ племенъ съ финскими—весью, мерею, муромою, мещерею и др. Смѣсь эта, давшая начало великорусской, или московской вѣтви, составилась еще въ до-историческія времена Русскаго государства.

Первоначальное образованіе Русскаго государства, какъ извѣстно, произошло изъ соединенія первыхъ двухъ вѣтвей русской народности, т. е. бѣлоруссовъ и малороссовъ. Но Русское государство, образовавшись изъ этихъ двухъ вѣтвей, не могло явиться стройнымъ, крѣпкимъ и могучимъ политическимъ организмомъ съ абсолютною монархическою властью, грозною для внѣшнихъ враговъ; почему?

Бѣлоруссы и малороссы, какъ извѣстно, страстные любители личной свободы, доходящей до произвола [1]). Свобода эта прежде всего проявляется въ семейномъ быту бѣлоруссовъ и малороссовъ: каждый членъ семейства до тѣхъ поръ только и повинуется старшему члену семьи, или хозяину: отцу, брату, дядѣ и т. п., пока бываетъ малъ, но какъ только дѣлается взрослымъ, такъ сейчасъ требуетъ раздѣла и, получивши его, становится самостоятельнымъ и независимымъ лицомъ. Если кто долго жилъ въ Бѣлоруссіи и Малороссіи, тотъ не могъ не видѣть, что вышеозначенныя явленія въ сихъ областяхъ постоянно повторяются: тамъ, какъ только малые члены семьи—сыновья, племянники или другіе родственники, находившіеся подъ опекою—подростутъ и сдѣлаются совершеннолѣтними, сейчасъ требуютъ отдѣльныхъ хатъ и надѣла земли; въ противномъ случаѣ начинаютъ ссору и старшій членъ семьи волею или неволею уступаетъ имъ, и семья раздробляется.

Такъ было и въ древнія времена Русскаго государства: изъ источниковъ мы знаемъ, что и тогда семья постоянно раздроблялась.

---

[1]) Къ сожалѣнію, свойство это есть общая принадлежность всѣхъ славянскихъ племенъ (за исключеніемъ великоруссовъ, „москалей"), что потомъ и было одною изъ главныхъ причинъ политической гибели всѣхъ ихъ.

Примѣчаніе. Свойство это у славянскихъ племенъ въ древности выразилось въ народныхъ собраніяхъ, или такъ называемыхъ „вѣчахъ", не имѣющихъ никакихъ юридическихъ формъ, а потому по большей части буйныхъ и безтолковыхъ. Въ XVI и XVII ст. оно проявилось со всею силою въ казацкихъ общинахъ.

Затѣмъ духъ этой свободы перешелъ и въ города. Изъ исторіи мы видимъ, что въ древней Руси, въ первые два-три вѣка существованія ея, города развивались самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Если существовала связь между ними, то не болѣе какъ федеративная. Наконецъ, это врожденное стремленіе къ независимости и неподчиненности высшему авторитету перешло и на удѣльныя княжества, изъ которыхъ состояла древняя Русь. Съ развитіемъ Рюриковой династіи каждый членъ ея требовалъ непремѣнно отдѣльнаго и самостоятельнаго княжества, хотя бы изъ одного городка состоящаго; въ противномъ же случаѣ онъ поднималъ крамолу. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему мы видимъ въ древнемъ Русскомъ государствѣ множество самостоятельныхъ удѣльныхъ княжествъ. Но, очевидно, что такой государственный строй въ русской землѣ неминуемо долженъ былъ сію послѣднюю привести къ гибели: стоило бы только напасть на Россію какому-нибудь стороннему, внѣшнему, но болѣе стройному и крѣпкому политическому организму, и существованію ея былъ бы конецъ. И дѣйствительно, подобнаго рода исходъ для древней удѣльно-вѣчевой Руси уже предвидѣлся, когда на нее стала напирать Литва съ своими даровитыми представителями. Въ самомъ дѣлѣ: не прошло 70-ти лѣтъ со временъ образованія Литовскаго государства, какъ оно уже въ лицѣ Гедимина владѣло чуть-ли не половиною тѣхъ областей, которыя составляли древнюю удѣльно-вѣчевую Русь! Поэтому ясно, что если бы Литовское государство продолжало расширяться на счетъ русской территоріи съ такою быстротою, съ какою оно до сихъ поръ расширялось, „то скоро пришлось бы, по справедливому замѣчанію одного историка, справлять тризну по государству Владимира Святого, какъ по покойнику“.

Но этого, къ счастію, не случилось: на спасеніе гибнувшаго государства Владимира Святого выступила третья вѣтвь русской народности, именно: великорусская, или московская—„москаль выступилъ“.

По своему характеру и особенно политическому идеалу эта вѣтвь совершенно противоположна первымъ двумъ вѣтвямъ, т. е. бѣлорусской и малорусской. Какъ бѣлорусскій и малорусскій народъ, подобно всѣмъ славянскимъ народамъ, отличался непостоянствомъ, нетвердостью въ убѣжденіяхъ и политическою нетактичностью [1]), такъ, наоборотъ, великорусскій народъ отличался и отличается постоянствомъ, твердостью въ убѣжденіяхъ и политическимъ тактомъ; какъ бѣлоруссы и малороссы дѣйствовали по большей части подъ вліяніемъ минуты, страсти, безъ системы, урывками, такъ, наоборотъ, великорусскій народъ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ систематически, по разсчету и холодному уму. Какъ

[1]) Въ настоящее время характеръ и складъ мыслей бѣлоруссовъ и малороссовъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, много измѣнились.

бѣлорусскій и малорусскій народъ, подобно всѣмъ славянамъ, видѣлъ политическій идеалъ въ свободѣ, независимости, въ неподчиненіи сколько-нибудь выдающемуся авторитету, въ децентрализаціи,—такъ, наоборотъ, великорусскій народъ видѣлъ и теперь видитъ свой политическій идеалъ въ подчиненіи одинъ другому, въ централизаціи и признаніи высшаго авторитета, высшей абсолютной монархической власти, которую онъ признаетъ священною и неприкосновенною. Безъ абсолютной монархической власти великорусскій народъ не мыслилъ и теперь не мыслитъ и не можетъ мыслить никакой политической формы, никакого политическаго организма: „Государь—батько, а земля—матка"; „Народъ—тѣло, а царь—голова"; „Безъ царя земля вдова"; „Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ царя земля не правится"; „Не человѣкъ даетъ законъ царю, а царь человѣку", говорятъ древнія русскія пословицы. Эти пословицы и въ настоящее время среди великорусскаго народа въ большомъ ходу.

Если кто долго жилъ въ глубокой Россіи, среди великорусскаго, или московскаго народа и присматривался къ быту его, тотъ не могъ не видѣть, что и теперь тамъ только въ крайнихъ случаяхъ семья раздробляется; по большей же части дѣти, племянники, внуки, братья—всѣ живутъ вмѣстѣ и безусловно подчиняются старшему члену семейства: отцу, брату, дядѣ, словомъ тому, кто старше лѣтами. Оттого не рѣдкость встрѣтить въ великорусскихъ селеніяхъ семейства, состоящія изъ 15, 20 и 25 человѣкъ [1]). Сторонній человѣкъ, проживш͏ій въ великорусскихъ губерніяхъ хоть годъ, также не могъ не замѣтить, какая преданность существуетъ тамъ въ народѣ къ правительству, съ какимъ благоговѣніемъ онъ произноситъ имя Царя. Для русскаго московскаго народа царь—земной богъ.

Съ успѣхомъ великорусской централизаціи политическія формы и идея московскаго народа въ настоящее время все болѣе и болѣе принимаютъ національный характеръ и заглушаютъ традиціи бѣлоруссовъ и малороссовъ.

---

[1]) Намъ извѣстно было въ одной деревнѣ Московской губерніи семейство, состоявшее изъ 110-ти-лѣтняго отца, 8 сыновей (старшему было около 90 лѣтъ), 19 внуковъ (старшій имѣлъ болѣе 50 лѣтъ) и множества правнуковъ. Жили въ 7 домахъ, но всѣми заправлялъ старикъ. На зиму онъ обыкновенно отправлялъ человѣкъ 10 въ Петербургъ и Москву на заработки; деньги присылались ему, а онъ пряталъ ихъ въ желѣзный сундукъ, стоявшій за печкой. Въ той же губерніи мы знали еще одну деревню, состоявшую изъ 20 родственныхъ домовъ, управляемыхъ 90-лѣтнимъ старикомъ. Недавно жители этой деревни купили у сосѣдняго помѣщика имѣніе съ трехъ-этажнымъ каменнымъ домомъ за 18 тысячъ. Въ этомъ домѣ они всѣ поселились; старикъ занялъ бывшій барскій кабинетъ.

Въ своихъ общинахъ и различныхъ товариществахъ или артеляхъ великорусскій человѣкъ (или москаль, какъ обыкновенно говорятъ на Западѣ) такой же поборникъ началъ равноправности, какъ и другіе славяне, можетъ быть даже и болѣе; но въ отношеніи политическаго устройства онъ являлся и теперь является фанатическимъ послѣдователемъ монархической власти. Въ ней только видѣлъ онъ и теперь видитъ крѣпость, силу и могущество.

Одинъ изъ современныхъ западныхъ ученыхъ, именно Реклю, о великорусской, или московской народности, между прочимъ, говоритъ такъ: „великоруссы немного ниже ростомъ, но зато коренастѣе бѣлоруссовъ и малороссовъ. Они любятъ носить длинную и густую бороду; на этихъ широкихъ бородатыхъ физіономіяхъ, между которыми многія съ истинно благороднымъ выраженіемъ, блеститъ ясный взглядъ и свѣтится добродушная улыбка. Ихъ природное краснорѣчіе, такъ сказать, бьетъ ключомъ не только въ словахъ, но и въ жестахъ, и мимика ихъ имѣетъ предъ мимикой итальянской то преимущество, что всѣмъ она понятна. Истинные русскіе, у которыхъ правильный трудъ поддерживаетъ равновѣсіе ихъ натуры, отличаются твердостью характера и послѣдовательностью убѣжденій и правилъ. Долгимъ терпѣніемъ, сочетаніемъ отваги и покорности судьбѣ онъ съумѣлъ захватить огромныя пространства въ Европѣ и Азіи и сплошными массами, по рѣчнымъ системамъ, выдвинуться въ отдаленнѣйшія пространства и сѣвера, и юга, и востока. Какъ паукъ своими лапками, туловище котораго въ Москвѣ, захватилъ 6-ю часть всей земной поверхности и крѣпко держитъ въ своихъ щупальцахъ. Если онъ явился отличнымъ колонистомъ, то обязанъ этимъ не только своему быстрому, свѣтлому уму, своей промышленности, постоянству въ трудѣ, мужеству въ несчастіи, но также кротости и нѣжности нрава, своей доброжелательности въ отношеніи всѣхъ, своему духу примиренія и справедливости. Русскій человѣкъ пережилъ продолжительную и тяжкую неволю, но не усвоилъ всѣхъ пороковъ рабскаго состоянія и свобода мало-по-малу возвратитъ ему всѣ присущія отъ природы хорошія качества. Безъ сомнѣнія, онъ еще подверженъ паникамъ и внезапнымъ страхамъ: чрезвычайно довѣрчивый, онъ часто дрожитъ предъ воображаемыми опасностями; но замѣчательно, когда предъ его лицомъ предстанутъ дѣйствительныя опасности, великорусскій человѣкъ совершенно измѣняется: дѣлается твердымъ, спокойнымъ и сохраняетъ необыкновенное самообладаніе“.

О великорусскомъ языкѣ, или московскомъ нарѣчіи тотъ же ученый дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „русскій языкъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ между арійскими языками. Онъ составляетъ свои сложныя слова съ такою же легкостью, какъ и нѣмецкій, не имѣя тяжеловѣсности послѣдняго, и его гортанныя ноты соединяются съ интонаціями ласкающей мягкости. Разнообразіе звуковъ русскаго языка—одна изъ

главныхъ причинъ той легкости, съ какою русскіе изучаютъ иностранные языки; ихъ гибкій органъ произноситъ легко и изящно почти всѣ звуки, которые въ европейскихъ языкахъ наиболѣе отличаются отъ славянскихъ нарѣчій“ [1]).

Вотъ какая могучая вѣтвь выступила для спасенія древней Руси и собиранія ея въ одно общее политическое тѣло. И дѣйствительно, великорусская вѣтвь, благодаря своимъ даровитымъ представителямъ, блистательно исполнила свою роль: она не только спасла Россію, но и собрала ее въ одну могучую и крѣпкую державу, грозную для сосѣдей.

Въ первый разъ великорусскій народъ выступилъ на сцену исторіи Русскаго государства во второй половинѣ XII ст. въ ростово-суздальской землѣ. Первымъ княземъ великорусскаго народа нужно считать Андрея Боголюбскаго [2]). Съ конца XIII ст., какъ разъ съ того

---

[1]) *Примѣчаніе.* Въ настоящее время всего народонаселенія въ Россіи 110 милліоновъ. Изъ нихъ (будемъ говорить приблизительно):

Великоруссовъ, или москалей	62	мил.	
Малороссовъ	16	—	
Бѣлоруссовъ	3	—	
Поляковъ	6	—	
Литовцевъ	2	—	700 т.
Нѣмцевъ	2	—	
Народовъ финскаго племени	5	—	
Татарскаго	5	—	
Монгольскаго	2	—	
Евреевъ	3	—	
Армянъ	1	—	
Сербовъ, грековъ, румынъ и друг. мелк. народ.	2	—	

По религіи народонаселеніе Россіи распадается:

Православныхъ 83 м., изъ нихъ раскольниковъ 6 м.
Католиковъ 9 м.
Протестантовъ 4 м. Остальные 14 мил. распадаются на нехристіанскія религіи.

Всѣхъ народовъ входитъ въ составъ населенія Россіи 112.

[2]) Ростово-суздальская земля принадлежала Русскому государству со времени первыхъ русскихъ князей. При Владимирѣ Святомъ ростово-суздальскимъ княземъ былъ любимый сынъ его Борисъ. Послѣ Бориса не было тутъ особаго князя до Юрія Мономаховича. Юрій Мономаховичъ Долгорукій считается собственно основателемъ Ростово-суздальскаго княжества. Послѣ смерти Юрія Долгорукаго сынъ его Андрей Боголюбскій сдѣлался наслѣдникомъ. Онъ могъ бы княжить и въ Кіевѣ, считавшемся главнымъ городомъ въ Руси, такъ какъ овладѣлъ имъ въ 1169 г., но не захотѣлъ: ему не нравился вѣчевой порядокъ въ южной Руси, гдѣ была ограничена власть князя. Андрей поселился въ ростово-суздальской землѣ, въ г. Владимирѣ, откуда онъ думалъ властвовать надъ всею русскою землею. Чтобы возвысить въ глазахъ народа свою столицу, Андрей перевезъ изъ Вышгорода (около Кіева) главную святыню: икону Божіей Матери, писанную евангелистомъ Лукою. Теперь эта икона, такъ называемая „Владимирская“, находится въ московскомъ Успенскомъ соборѣ.

времени, когда въ Литвѣ вступила на престолъ Жмудская династія, представителями великорусскаго народа дѣлаются московскіе князья. Первый московскій князь былъ младшій сынъ Александра Невскаго Даніилъ Александровичъ. Онъ собою положилъ рядъ московскихъ князей, собирателей и оберегателей Россіи. Даніилъ Александровичъ (умеръ 1303 г.) былъ современникъ литовскому князю Лютауру. Сынъ Даніила Юрій, сдѣлавшись московскимъ княземъ послѣ отца, былъ современникъ сыну Лютаура Витеню, а братъ Юрія Даніиловича, Іоаннъ Даніиловичъ, по прозванію Калита, вступившій на московскій престолъ послѣ Юрія, княжилъ въ одно время съ Гедиминомъ, братомъ Витеня, получившимъ литовскій престолъ послѣ смерти сего послѣдняго. Іоаннъ Даніиловичъ Калита считается первымъ собирателемъ Руси.

Послѣдніе два князя—Юрій и Калита были важными людьми въ исторіи Руси въ XIV в. Они подняли значеніе Москвы и твердо поставили историческую задачу, которую предстояло разрѣшить ихъ преемникамъ въ послѣдующія времена. И дѣйствительно, со временъ Юрія и брата его Калиты всѣ московскіе князья упорно преслѣдовали одну и ту же цѣль, т. е. собираніе Руси.

Но выше мы видѣли, что къ той же самой цѣли, т. е. собиранію Руси, стремились и литовскіе князья. Уже Миндовгъ, какъ мы знаемъ, собралъ подъ свою власть нѣсколько русскихъ удѣльныхъ княжествъ, а Гедиминъ новыми пріобрѣтеніями количество это увеличилъ втрое. Такимъ образомъ, оказывается, что по раздробленіи древней Руси на мелкіе удѣлы появились два политическихъ центра на двухъ противоположныхъ окраинахъ русской территоріи: на западной—Литва, а на восточной—Москва [1]), и оба съ одинаковыми политическими стремленіями. Поэтому нужно было ожидать столкновенія Литвы съ Москвою, какъ неминуемаго слѣдствія ихъ стремленій къ одной политической цѣли: собиранію раздробленной Руси. И дѣйствительно, въ первый разъ столкновеніе это произошло при Гединимѣ литовскомъ и Калитѣ московскомъ—сначала за Псковъ, а потомъ за Новгородъ.

Псковъ, какъ мы уже выше говорили, былъ въ зависимости и политической, и духовной отъ Великаго Новгорода, т. е. Псковъ, какъ обыкновенно говорили въ то время, былъ пригородкомъ Новгорода. Во второй половинѣ XIII ст. пригородкомъ этимъ, какъ мы видѣли, 35 лѣтъ управлялъ литовскій выходецъ Довмонтъ. Этотъ князь силою своего ума и энергическими дѣйствіями поставилъ его и во внутреннемъ, и во внѣшнемъ отношеніяхъ довольно высоко, такъ что Псковъ съ этого времени сталъ стремиться къ отдѣленію отъ Новгорода.

---

[1]) Въ первый разъ Москва упоминается въ лѣтописи подъ 1147 г., когда Юрій Долгорукій угощалъ здѣсь своего союзника Святослава Ольговича Сѣверскаго.

Послѣ смерти Довмонта правителемъ Пскова признанъ былъ сынъ покойнаго князя Давидъ, какъ прямой наслѣдникъ его. Но Давидъ по какимъ-то соображеніямъ, для насъ неизвѣстнымъ, не занялъ мѣста отца: онъ, какъ только умеръ отецъ, удалился въ Литву и поступилъ на службу къ тамошнему великому князю Витеню. Болѣе 26-ти лѣтъ Давидъ прожилъ въ Литвѣ. Онъ былъ любимецъ и Витеня, и Гедимина; послѣдній сдѣлалъ его гродненскимъ старостою и, какъ мы говорили выше, выдалъ за него свою дочь. Но Давидъ Довмонтовичъ, живя въ Литвѣ, не оставлялъ безъ вниманія и Пскова: зорко слѣдилъ за его судьбою и въ критическія минуты всегда являлся съ литовскими войсками на защиту родного города и его населенія. Такъ, въ псковской лѣтописи передается: когда въ 1322 г. рыцари, не смотря на перемиріе, перебили на Чудскомъ озерѣ псковскихъ гостей и прогнали ловцовъ, промышляющихъ звѣринымъ промысломъ на р. Наревѣ, то мстителемъ за сей вѣроломный поступокъ явился Давидъ Гродненскій: онъ во главѣ своей литовской рати и псковскаго ополченія вторгнулся въ Эстонію, опустошилъ ее до самаго Ревеля, захватилъ на пути всѣ богатства дерптскаго епископа и возвратился домой съ огромною добычею и съ 5000 плѣнныхъ. Въ слѣдующемъ году то же самое было: по словамъ той же псковской лѣтописи, рыцари 1323 г. 11-го мая напали на Псковъ и осадили его. Противъ нихъ опять выступилъ Давидъ Гродненскій: онъ разбилъ нѣмецкую армію, сжегъ построенные рыцарями пороки и осадныя машины и прогналъ крестоносцевъ за рѣку Великую.

Въ послѣдній разъ мы видимъ Давида Довмонтовича въ 1324 и 1326 г. предводителемъ многочисленныхъ литовско-русскихъ армій противъ Мазовіи и бранденбургской мархіи; во время послѣдняго похода гродненскій староста былъ измѣннически убитъ мазовецкимъ рыцаремъ Андреемъ, находившимся въ отрядѣ, сопровождавшемъ Давида.

По смерти Давида Довмонтовича Гедиминъ, какъ тесть его, по праву наслѣдства, хотѣлъ овладѣть и удѣломъ своего зятя, т. е. Псковомъ. Псковитяне и сами хотѣли этого; имъ давно желалось во что бы то ни стало отдѣлиться отъ своей митрополіи, т. е. Великаго Новгорода. Но трудно было литовскому князю овладѣть наслѣдствомъ покойнаго зятя, а еще труднѣе было самому Пскову отдѣлиться отъ своего патрона, такъ какъ на сторонѣ Новгорода былъ сильный князь московскій Иванъ Даніиловичъ Калита. Но если нельзя было Гедимину открыто и прямо взять Псковъ, какъ бывшій удѣлъ зятя, и присоединить его къ Литовскому государству, то ему хотѣлось, по крайней мѣрѣ, подыскать для Пскова такого русскаго князя, который, будучи недоволенъ внутри Россіи своимъ положеніемъ, рѣшился бы занять этотъ городъ и быть въ зависимости отъ Литвы. Такой князь дѣйствительно нашелся, это былъ Александръ Михайловичъ Тверской. Изгнанный изъ

своего Тверского княжества московскимъ княземъ, Александръ Михайловичъ бѣжалъ въ Псковъ, гдѣ и былъ принятъ жителями города и сдѣланъ княземъ съ согласія Гедимина. Новгородъ же, видя въ этомъ поступкѣ псковитянъ желаніе отдѣлиться отъ него, жаловался московскому князю и митрополиту Ѳеогносту. Іоаннъ Даніиловичъ Калита по этому поводу вмѣстѣ съ митрополитомъ Ѳеогностомъ и московскою ратью прибылъ въ Новгородъ и оттуда хотѣлъ идти войною на Псковъ, но псковитяне заявили (вѣроятно по наущенію литовской партіи, которая тамъ была уже сильна), что будутъ биться до послѣдней крайности и не выдадутъ Александра. Іоаннъ Даніиловичъ, видя такую рѣшимость псковитянъ, прибѣгъ къ другому средству: онъ уговорилъ митрополита Ѳеогноста наложить проклятіе на псковитянъ, если они не отступятся отъ тверского князя. Средство это подѣйствовало: самъ Александръ оставилъ Псковъ и удалился къ Гедимину, своему покровителю. Но когда московскій князь удалился въ свою столицу и тамъ долженъ былъ заняться другими дѣлами, то Александръ Михайловичъ, по желанію псковитянъ и при помощи Гедимина, снова занялъ псковскій столъ, и на этотъ разъ онъ утвердился тутъ окончательно. Московскій князь, занятый другими дѣлами, не сталъ тревожить Александра, пока тотъ самъ въ 1337 г. не отправился въ орду, гдѣ и сложилъ голову.

Между тѣмъ Гедиминъ, посадивши на псковскій столъ своего подручника, еще не могъ считать эту область окончательно отдѣлившеюся отъ Новгорода, такъ какъ Псковъ зависѣлъ отъ Новгорода въ духовномъ отношеніи, а это едва ли было не важнѣе въ то время зависимости политической; чтобы окончательно укрѣпить свое вліяніе въ Псковѣ, Гедимину, очевидно, нужно было отдѣлить Псковъ отъ Новгорода и въ духовномъ отношеніи, т. е. назначить въ Псковъ отдѣльнаго епископа и притомъ такого, который былъ бы во всемъ покоренъ ему. Поэтому онъ сталъ хлопотать о назначеніи въ Псковъ отдѣльнаго епископа.

Въ 1331 г. московскій митрополитъ Ѳеогностъ по дѣламъ церковнымъ прибылъ во Владимиръ Волынскій. Гедиминъ узналъ объ этомъ и рѣшился воспользоваться случаемъ: псковитяне, по его наущенію, прислали сюда монаха Арсенія и просили митрополита посвятить его въ епископы для Пскова, но митрополитъ, по настоянію новгородцевъ, отказалъ. Такимъ образомъ, Гедиминъ не достигъ своей цѣли относительно Пскова. Но изъ этой неудачи онъ понялъ, что для овладѣнія Псковомъ нужно сначала поладить съ Новгородомъ и, если возможно, то и Новгородъ прибрать къ своимъ рукамъ. Съ этою цѣлію литовскій князь сталъ вести дипломатическіе переговоры съ Великимъ Новгородомъ. Новгородцы дѣйствительно поддались: они стали склоняться на сторону Гедимина, тѣмъ болѣе, что московскій князь какъ разъ въ это время сталъ сильно стѣснять ихъ денежными поборами. Переговоры Гедимина

съ новгородцами въ концѣ концовъ привели къ тому, что послѣдніе пригласили къ себѣ сына литовскаго князя Наримунта (въ православіи Глѣба) и дали ему въ управленіе Ладогу, Орѣховецъ, Корельскую землю и половину Копорья. Но этотъ поступокъ новгородцевъ, какъ и слѣдовало ожидать, чрезвычайно не понравился Калитѣ, да и на литовскаго князя онъ теперь взглянулъ, какъ на опаснаго соперника въ дѣлѣ собиранія Москвою раздробленной Руси. Вслѣдствіе этого отношенія между Іоанномъ Калитою и Гедиминомъ обострились; Калита сталъ готовиться къ войнѣ; дѣло принимало серьезный оборотъ; но литовскій князь уладилъ его: онъ зналъ, что начать борьбу съ московскимъ княземъ было опасно: самъ по себѣ Іоаннъ Даніиловичъ былъ очень силенъ, но главное—за нимъ была Золотая Орда, гдѣ московскій князь въ это время былъ въ большой чести. Посему Гедиминъ поспѣшилъ вступить въ дружескіе переговоры съ Калитою; Калита радъ былъ этому: не отличаясь воинскими дарованіями и не разсчитывая на вѣрный успѣхъ въ борьбѣ, Іоаннъ Даніиловичъ помирился съ Гедиминомъ. Миръ этотъ скрѣпленъ былъ бракомъ старшаго сына Калиты съ дочерью Гедимина. Такъ кончилось столкновеніе (или лучше сказать—соперничество) Литовскаго государства съ Московскимъ. Литовскій князь изъ этого соперничества ничего не получилъ: сынъ его Наримунтъ въ 1338 году, когда явились шведы подъ Новгородъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Александромъ (въ православіи) въ Литву. Развѣ одного только литовскій князь достигъ въ этомъ соперничествѣ, что въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ со времени вмѣшательства его во внутренніе дѣла сихъ городовъ, образовалась партія, сильно тянувшая къ Литвѣ и этимъ надѣлавшая, какъ увидимъ послѣ, много хлопотъ московскимъ князьямъ въ дѣлѣ собиранія Руси.

Таковы были отношенія Гедимина къ русскимъ удѣльнымъ князьямъ вообще и къ московскому въ частности.

Новая борьба Гедимина съ рыцарями и смерть его. Подъ конецъ своей жизни Гедиминъ снова долженъ былъ вступить въ борьбу съ прусскими крестоносцами. Въ 1337 г. къ магистру Тевтонскаго ордена изъ Германіи прибыли двѣсти рыцарей въ качествѣ гостей. Для развлеченія и потѣхи ихъ магистръ устроилъ походъ на литовцевъ [1]. Вторгшись въ предѣлы Литовскаго государства, онъ вмѣстѣ съ гостями осадилъ крѣпость Пилленъ (Пуленъ), въ которомъ заперлись 4000 литовцевъ, собравшіеся сюда изъ окрестныхъ селъ съ ихъ женами, дѣтьми и наиболѣе цѣннымъ имуществомъ, подъ начальствомъ мѣстнаго князька Маргера. Два мѣсяца осаждали крѣпость, заваливали рвы землею, били осадными машинами стѣны и дѣлали энергическіе приступы; литовцы защищались отчаянно и удачно отражали эти приступы. Тогда одному

---

[1]) Подобнаго рода походы на литовцевъ рыцари часто устраивали.

рыцарю пришло въ голову бросить во внутрь крѣпости, гдѣ находилось много деревянныхъ построекъ, нѣсколько стрѣлъ съ горючимъ составомъ, чтобы произвести пожаръ. Это средство удалось: огонь запылалъ внутри крѣпости. Литовцы, увидѣвши, что для нихъ нѣтъ болѣе спасенія, рѣшились умереть до одного, а тѣла сжечь въ огнѣ. Для этой цѣли они приготовили огромный костеръ на площади и зажгли его. Потомъ умертвили своихъ дѣтей и трупы ихъ бросили въ пламя. Затѣмъ взрослые поручили одной старухѣ рубить имъ головы и бросать на костеръ. Но когда та на сотомъ убійствѣ изнемогла, то оставшіеся въ живыхъ литовцы разбились на пары и вонзили другъ другу мечи. Остался въ живыхъ одинъ только Маргеръ съ женою. Но и они рѣшились послѣдовать примѣру погибшихъ. Маргеръ, на глазахъ рыцарей, когда тѣ уже перебрались чрезъ стѣны крѣпости, возвелъ свою жену на костеръ и тутъ убилъ ее собственноручно, а потомъ и себя.

Послѣдній походъ рыцарей собственно и былъ причиною новой борьбы Гедимина съ братьями креста Господня. Борьба эта съ промежутками продолжалась болѣе трехъ лѣтъ и кончилась гибелью самого Гедимина. Объ этомъ въ источникахъ разсказывается такъ: Въ 1341 г. нѣмецкіе крестоносцы напали на литовскую крѣпость Велону, окружили ее и стали томить жителей голодомъ. Узнавши объ этомъ, Гедиминъ съ своими сыновьями и огромнымъ войскомъ двинулся на выручку крѣпости, но дорогою онъ хотѣлъ взять пограничную крѣпость рыцарей Бейербургъ; во время нападенія на нее литовскій князь слишкомъ близко подъѣхалъ къ стѣнѣ и былъ убитъ пулею, пущенною изъ огнестрѣльнаго оружія, только что въ первый разъ рыцарями примѣненнаго къ дѣлу [1]).

Около города Вильны есть высокая уединенная гора, вершина которой оканчивается площадкою, покрытой въ настоящее время мелкимъ кустарникомъ. Прелестную картину представляютъ окрестности этой горы: съ одной стороны виднѣется въ долинѣ Вильна съ высокими костельными башнями и золотыми главами православныхъ церквей; съ другой—голубою лентою извивается въ своихъ берегахъ р. Вилія, за которою растилается огромная равнина, причудливо окаймленная небольшими перелѣсками; съ третьей—возвышаются такъ называемые „антокольскіе холмы", покрытые хвойными деревьями, которые своею поэтическою синевою невольно уносятъ мысли наблюдателя въ какую-то безконечную даль. На этой-то горѣ, какъ говоритъ преданіе, и былъ

---

[1]) Такъ пишетъ прусскій лѣтописецъ XIV ст. Вигандъ Марбургскій, которому это дѣло болѣе извѣстно, чѣмъ другимъ. Поэтому, намъ кажется, что тѣ историки, которые, полагаясь на свидѣтельство Стрыйковскаго и Кояловича, говорятъ, что Гедиминъ убитъ около Велоны, ошибаются.

сожженъ по языческому обряду трупъ Гедимина. Гора эта до сего времени у мѣстныхъ жителей извѣстна подъ именемъ „Гедиминовой".

Внутренняя дѣятельность Гедимина. О внутренней дѣятельности Гедимина и о вліяніи его на устройство и распорядокъ въ Литовскомъ государствѣ до насъ дошло мало свѣдѣній. Изъ источниковъ мы видимъ, что главная забота этого князя состояла въ постройкѣ крѣпостей, замковъ и городовъ.

Постройка крѣпостей. Большая часть крѣпостей, построенныхъ Гедиминомъ, находились на западной границѣ Литовскаго государства, на окраинѣ жмудской земли. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ были слѣдующія: Юнигеда, Кимель, Онкаимъ, Путеба, Бисена и Путенике. Крѣпости эти отличались обширностью, прочностью и снабжены были сильными гарнизонами, которые не разъ, какъ мы видѣли, стойко выдерживали осады и приступы крестоносцевъ, повторявшіеся иногда ежегодно въ продолженіе многихъ лѣтъ, и успѣвали побѣдоносно отражать ихъ.

Постройка замковъ. По словамъ лѣтописей и хроникъ, Гединимъ много основалъ въ своемъ государствѣ замковъ, но семь изъ нихъ отличались особенною красотою, роскошнымъ убранствомъ и историческимъ значеніемъ, именно:

I. Два виленскихъ. Они построены были Гедиминомъ скоро послѣ того, какъ перенесена была столица изъ Трокъ въ Вильну, около 1323 года. Одинъ изъ этихъ замковъ находился на самой вершинѣ, такъ называемой, Турьей горы (теперь Замковой) и извѣстенъ былъ подъ именемъ „Верхняго замка", а другой у подошвы этой горы и назывался „Нижнимъ". Развалины перваго и теперь существуютъ, а отъ второго и слѣдовъ нѣтъ.

Верхній замокъ отличался особенно своею красотою и живописностью. Въ этомъ замкѣ хранились сокровища литовскихъ князей. При Гедиминѣ тутъ помѣщалось его семейство и самъ онъ проживалъ, а нижній замокъ занималъ штатъ его; въ немъ же отводились обыкновенно помѣщенія для знатныхъ иностранныхъ гостей въ случаѣ ихъ пріѣзда.

Въ восточной части верхняго замка Гедиминъ устроилъ языческое капище, обращенное при Ольгердѣ въ православную церковь, а при Ягайлѣ въ 1387 г.—въ костелъ св. Мартина.

II. Два трокскихъ. Одинъ изъ этихъ замковъ построенъ былъ на берегу озера Гальвы [1]), а другой на островѣ этого озера; соединены они были постояннымъ мостомъ. Отъ перваго замка, или бере-

---

[1]) Озеро Гальва находится около самыхъ Трокъ. Оно отличается своею глубиною и прозрачностью воды.

гового, не осталось почти никакихъ развалинъ, а отъ второго, или островнаго, сохранилось ихъ достаточно. Отъ этого замка уцѣлѣло два этажа и три башни. Развалины эти теперь поросли мохомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрылись кустарниками.

Незадолго до смерти своей Гедиминъ отдалъ трокскіе замки, какъ и самый городъ Троки, сыну своему Кейстуту. Преданіе говоритъ, что когда Кейстутъ похитилъ изъ палангенскаго храма богини Праурымы красавицу вайделотку, Бейруту, то скрывалъ ее до времени въ этомъ второмъ замкѣ, что на островѣ озера Гальвы. Тутъ, говорятъ, родился и знаменитый Витовтъ.

III. Мѣднинскій замокъ. Замокъ этотъ находился въ 28 верстахъ отъ Вильны и служилъ для Гедимина лѣтнею его резиденціею. Сынъ его Ольгердъ также часто жилъ въ этомъ замкѣ вмѣстѣ съ своею супругою Юліаніею тверской. Въ XV ст. здѣсь часто жилъ польскій историкъ Длугошъ вмѣстѣ съ сыновьями Казимира IV. Въ этомъ же замкѣ, въ домашней часовнѣ, нѣкоторое время почивали мощи св. Казимира.

Мѣднинскій замокъ, судя по его развалинамъ, имѣлъ четыреугольную, продолговатую форму. Длина его была около 85 саж., ширина—около 65, а высота—около 6 саж. Внутри находился плацъ, застроенный деревянными строеніями. На сѣверо-восточномъ углу возвышалась круглая башня, состоящая изъ трехъ этажей. Весь замокъ окруженъ былъ глубокимъ рвомъ. Стѣны замка и башня сохранились до настоящаго времени.

IV. Кревскій замокъ. Названіе свое онъ получилъ отъ мѣстечка Крево, въ которомъ былъ построенъ. Мѣстечко это существуетъ до настоящаго времени и находится въ 35 верстахъ отъ г. Ошмянъ, Виленской губерніи.

Развалины кревскаго замка существуютъ до настоящаго времени и возвышаются въ долинѣ, омываемой съ сѣвера ручьемъ, а съ востока прудомъ. Стѣны ихъ изъ камня и краснаго кирпича, вышиною около 7 саж., и занимаютъ на протяженіи своемъ около 50 саж. Двое воротъ, съ подъемными нѣкогда мостами, вели въ замокъ, въ срединѣ котораго былъ прудъ и деревянныя строенія. На сѣверномъ углу возвышалась четырехъ-этажная квадратная башня, служившая для защиты во время нападенія. До сихъ поръ видны готическія окна въ трехъ этажахъ. Фундаментъ башни сдѣланъ изъ большихъ камней; вышина его 5 аршинъ. Подъ башнею до настоящаго времени сохранилось въ цѣлости подземелье, въ родѣ мрачной тюрьмы. Въ этомъ подземельѣ въ 1381 г. Ягайло задушилъ своего родного дядю Кейстута.

Въ двухъ верстахъ отъ кревскаго замка находится курганъ, называемый до сихъ поръ „Городищемъ", вышиною въ 11 саж. Вершина его занимаетъ 1600 квадр. саж. пространства, а въ самой срединѣ за-

мѣтно овальное углубленіе на двѣ сажени. По преданію, Городище это соединялось съ замкомъ подземнымъ ходомъ, въ которомъ будто бы можно было ѣхать шестеркою лошадей, запряженныхъ рядомъ.

Въ 1384 г. въ этомъ замкѣ Ягайло заключилъ договоръ съ послами польской королевы Ядвиги о вступленіи съ нею въ бракъ и о соединеніи Литвы съ Польшею. Здѣсь же, какъ извѣстно, во второй половинѣ XVI ст. проживалъ русскій выходецъ князь Курбскій.

V. Лидскій замокъ. Онъ построенъ былъ въ г. Лидѣ [1]) въ 1326 г. Строили его кіевскіе каменщики и русскіе плѣнные изъ Волыни. Развалины этого замка и теперь существуютъ. Изъ этихъ развалинъ видно, что лидскій замокъ имѣлъ квадратную форму, причемъ каждая сторона его имѣла 32 саж. длины, толщины 2 саж., а высоты 6 саж. По угламъ замка было четыре башни. Замокъ окруженъ былъ съ трехъ сторонъ водою, а съ четвертой—глубокимъ рвомъ, чрезъ который перекинутъ былъ подъемный мостъ. Этотъ замокъ болѣе другихъ испыталъ на себѣ нападенія непріятелей. Съ 1396 по 1399 г. тутъ проживалъ, съ дозволенія Витовта, ханъ Золотой Орды Тохтамышъ. Замокъ этотъ окончательно разрушенъ шведами только въ началѣ XVIII ст.

Постройка городовъ. Изъ городовъ, построенныхъ Гедиминомъ, намъ извѣстны два:

I. Троки. Городъ этотъ до настоящаго времени существуетъ въ Литвѣ и лежитъ недалеко отъ Вильны. Преданіе говоритъ, что въ трехъ верстахъ отъ нынѣшнихъ Трокъ въ началѣ X ст. находилось мѣстечко Гургони, которое въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ было резиденціею литовскихъ легендарныхъ кунигасовъ изъ рода Довшпрунга [2]). По словамъ польскаго историка Длугоша и литовскаго Нарбута, русскій князь Владиміръ Святой въ концѣ X ст. разрушилъ Гургони и основалъ городъ Троки. Здѣсь онъ оставилъ своего намѣстника для сбора дани и управленія страною. Въ половинѣ XIII ст. городъ этотъ былъ разрушенъ прусскими крестоносцами. Но въ 1320 г., или около этого, въ трехъ верстахъ отъ раззоренныхъ Трокъ, на берегу озера Гальвы, Гедиминъ основалъ новый городъ и назвалъ его также Троками [3]). Тогда

---

[1]) Городъ Лида принадлежитъ Виленской губерніи и отстоитъ отъ Вильны въ 84 верстахъ.

[2]) Довшпрунгъ, какъ говорено выше, былъ товарищъ миѳическаго Палемона.

[3]) Въ настоящее время Троки небольшой уѣздный городъ Виленской губерніи. Жителей въ немъ теперь не болѣе 2300 человѣкъ. Но въ XVI и XVII ст. городъ этотъ былъ довольно значительно населенъ: православныхъ церквей въ немъ было шесть; при одной изъ нихъ, именно, Рождества Пресвятой Богородицы, построенной Витовтомъ, былъ мужской монастырь. Монастырь этотъ имѣлъ огромныя имѣнія и значительныя суммы денегъ. Со введеніемъ уніи въ Литовскомъ государствѣ и разныхъ политическихъ безпорядковъ въ Польшѣ

же онъ сдѣлалъ этотъ городъ и своею столицею, которою до того времени, послѣ Новгородка, былъ г. Керновъ.

II. Вильна. Объ основанiи Гедиминомъ Вильны существуетъ цѣлая поэтическая легенда. Однажды Гедиминъ, говорится въ легендѣ, отправился изъ Трокъ на охоту со всѣмъ своимъ дворомъ къ устью р. Вилейки (притокъ Вилiи). Охота была удачна: князь самъ лично убилъ на Турьей горѣ, или Замковой теперь, большого дикаго быка или тура [1]). Но такъ какъ наступала уже ночь и обратно ѣхать въ Троки было поздно, то Гедиминъ и расположился на ночлегъ около этой самой горы, гдѣ былъ убитъ туръ. Ночью ему приснился довольно странный сонъ: на вершинѣ Турьей горы стоялъ желѣзный волкъ и вылъ такимъ громкимъ голосомъ, что какъ будто бы внутри его сидѣло еще сто волкокъ. На слѣдующiй день Гедиминъ пригласилъ къ себѣ главнаго жреца по имени Лездейко и разсказалъ ему свой чудный сонъ [2]). Криве-Кривейто такъ объяснилъ князю этотъ сонъ: желѣзный волкъ означаетъ знаменитый столичный городъ, который долженъ возникнуть здѣсь, а громкiй вой звѣря предвѣщаетъ всемiрную славу будущему

ксендзы и католическiе монахи (доминиканцы и пiары) расхитили и деньги, и имѣнiя трокскаго монастыря. Правда, монахи православнаго исповѣданiя начали было съ похитителями процессъ, но онъ кончился ничѣмъ. Съ 1623 г. трокскiй монастырь перешелъ къ базилiанамъ Троицкаго виленскаго монастыря, которые стали туда назначать своего архимандрита. Въ началѣ XVIII вѣка монастырь этотъ забрали въ свои руки доминиканцы, а когда онъ сгорѣлъ, то остатки его продали одному жиду, который построилъ тутъ кабакъ, а бочку съ пивомъ приладилъ какъ разъ на мѣстѣ бывшаго св. престола.

[1]) Рога этого звѣря Гедиминъ приказалъ обдѣлать въ золото, осыпать дорогими камнями и хранить между сокровищами въ верхнемъ замкѣ на память. Въ торжественные обѣды, когда прiѣзжали знатные гости, рога эти приносили къ столу; изъ нихъ князь пилъ съ гостями заздравицы. Въ 1429 г. внукъ Гедимина Витовтъ во время съѣзда знатныхъ иностранцевъ въ г. Луцкѣ, по поводу переговоровъ относительно принятiя княземъ королевской короны, одинъ изъ этихъ роговъ подарилъ Сигизмунду III, германскому императору.

[2]) О Лездейкѣ также существуетъ довольно любопытное преданiе. Въ немъ, между прочимъ, разсказывается, что однажды литовскiй князь Витень (братъ и предшественникъ Гедимина) отправился на охоту въ одну лѣсистую мѣстность (гдѣ теперь Верки, имѣнiе князя Витгенштейна, въ 7 вер. отъ Вильны) и тамъ во время охоты услышалъ раздающiйся изъ орлинаго гнѣзда, устроеннаго на старомъ высокомъ дубѣ, плачъ дитяти. Когда, по распоряженiю князя, осмотрѣно было орлиное гнѣздо, то въ немъ оказался ребенокъ мужескаго пола. Витень приказалъ его взять и отдать на воспитанiе жрецамъ. Тутъ онъ выросъ, возмужалъ и получилъ глубокое религiозное воспитанiе. Замѣтя въ немъ выдающiйся умъ, жрецы сначала избрали своего питомца въ число вайделотовъ, а потомъ и въ санъ Криве-Кривейты, причемъ дали ему имя Лездейки.

Примѣчанiе. Верки—слово литовское и означаетъ „плачъ". Это названiе, по словамъ преданiя, дано Витенемъ въ воспоминанiе плача найденнаго имъ ребенка.

городу. Князь, выслушавши толкованіе Криве-Кривейто, немедленно сдѣлалъ распоряженіе о постройкѣ города, который назвалъ Вильною и куда затѣмъ перенесъ свою резиденцію.

Но вотъ вопросъ: насколько справедлива вышеозначенная легенда относительно постройки Гедиминомъ Вильны? То есть, дѣйствительно-ли Гедиминъ былъ основателемъ сего города [1]? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы сначала скажемъ о томъ, что находилось въ мѣстности, гдѣ теперь Вильна, до вступленія Гедимина на литовскій престолъ. Въ лѣтописи, такъ называемой Быховца, въ спискѣ, хранящемся въ познанской библіотекѣ, разсказывается слѣдующее: самогитскій князь (жмудскій) Свенторогъ однажды отправился на охоту къ устью р. Вилейки, т. е. въ ту мѣстность, гдѣ потомъ построена Вильна, и нашелъ здѣсь прелестную долину, покрытую древнимъ дубовымъ лѣсомъ. Долина эта такъ понравилась Свенторогу, что онъ, возвратившись домой, призвалъ сына своего Гермунда и сказалъ ему: „если я умру, то тѣло мое свези на ту долину, которая омывается рр. Виліею и Вилейкою и тамъ сожги его". Тогда же, между прочимъ, Свенторогъ выразилъ желаніе, чтобы въ этой мѣстности, послѣ его смерти, сожигались тѣла всѣхъ литовскихъ князей и знатныхъ бояръ. Въ 1270 г., на 96 году жизни, Свенторогъ скончался. Гермундъ исполнилъ завѣщаніе отца: онъ дѣйствительно свезъ тѣло его въ указанное мѣсто, сжегъ въ долинѣ и въ память этого событія построилъ тамъ храмъ богу Перкуну, куда изъ Палангена перевезъ и поставилъ статую этого бога для поклоненія. Съ тѣхъ поръ, прибавляетъ та же лѣтопись, мѣстность, гдѣ сожженъ трупъ самогитскаго князя, называется „долиною Свенторога". Затѣмъ, въ прусской хроникѣ Дюсбурга и лѣтописи Стрыйковскаго мы находимъ такого рода извѣстіе: когда въ 1294 г. ливонскими рыцарями разрушено было на р. Дубиссѣ „Ромове", то Криве-Кривейто съ коллегіею окружавшихъ его жрецовъ перенесъ святилище страны сначала въ Керновъ, а потомъ, года три спустя, въ долину Свенторога и помѣстилъ его въ томъ именно храмѣ, который построенъ былъ Гермундомъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ мѣстности, гдѣ теперь Вильна, уже до Гедимина существовалъ храмъ и находилось Ромове, при которомъ жилъ главный литовскій первосвященникъ, или Криве-Кривейто; поэтому мы не ошибемся, если скажемъ, что до княженія Гедимина на мѣстѣ Вильны было селеніе и что Гедиминъ для упроченія своей

---

[1]) Вопросъ этотъ мы ставимъ потому, что новѣйшіе историки не согласны между собою касательно постройки Гедиминомъ Вильны: одни говорятъ, что Гедиминъ дѣйствительно основалъ Вильну, а другіе—нѣтъ; послѣдніе въ доказательство ссылаются на Длугоша, который говоритъ, что Вильна уже въ XII столѣтіи существовала.

власти около 1323 г. [1]) заложилъ, какъ основательно говоритъ Г. Иловайскій, два замка, въ долинѣ Свенторога, подлѣ Ромове, и затѣмъ перенесъ сюда свою столицу изъ Трокъ.

Кромѣ постройки крѣпостей, замковъ и городовъ, во внутренней дѣятельности Гедиминъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ поднялъ и оживилъ торговлю, вызвалъ изъ-за границы въ свое государство мастеровыхъ, ремесленниковъ и разныхъ колонистовъ для насажденія западно-европейской цивилизаціи и т. п.

Отношеніе Гедимина къ христіанамъ вообще и православнымъ въ частности. Гедиминъ относился съ полною терпимостью къ христіанамъ всѣхъ исповѣданій. Мы не только не находимъ въ хроникахъ и лѣтописяхъ намековъ на какое бы то ни было стѣсненіе христіанъ, но, напротивъ того, изъ грамотъ Гедимина и переговоровъ съ бывшими у него послами мы видимъ, что онъ всегда оказывалъ и готовъ оказывать всевозможное покровительство имъ. Изъ отчета посольства, ѣздившаго въ Вильну въ 1324 г., мы знаемъ, что въ этомъ городѣ существовали два католическихъ монастыря: доминиканскій и францисканскій. Монахи этихъ монастырей пользовались даже почетомъ при дворѣ и имъ поручалось княземъ составленіе дипломатическихъ грамотъ. По отношенію же къ православнымъ Гедиминъ еще болѣе оказывалъ расположенія и преданности, чѣмъ къ католикамъ. Такъ, намъ хорошо извѣстно, что Гедиминъ три раза былъ женатъ, и изъ этихъ трехъ женъ двѣ послѣднія были православныя. Одну изъ нихъ звали Ольгою, имя которой сохранилось въ имени Ольгерда, а другую Евою, имя этой осталось въ имени самаго младшаго сына Гедимина—Явнутѣ. Дѣти же его были почти всѣ православные. При Гедиминѣ православная церковь въ Литовскомъ государствѣ управлялась полоцкимъ владыкою, который свободно сносился съ митрополитомъ и принималъ участіе въ помѣстныхъ соборахъ русскаго духовенства. По свидѣтельству Ревіуша, въ самой Вильнѣ православные при Гедиминѣ имѣли церковь св. Николая.

Событія въ Литовскомъ государствѣ по смерти Гедимина до вступленія на великокняжескій столъ Ольгерда.

Дѣти Гедимина. Раздѣленіе Литовскаго государства Гедиминомъ между сыновьями. Отношенія сыновей Гедимина между собою послѣ смерти отца. Гедиминъ, какъ мы уже замѣтили выше, три раза былъ женатъ. Первая жена его была литвинка и принадлежала,

---

[1]) Такъ какъ съ этого года Вильна дѣлается извѣстною, какъ столица Гедимина.

какъ и онъ самъ, къ языческой религіи, а остальныя двѣ—Ольга и Ева—были русскія и православныя. Отъ этихъ трехъ женъ Гедиминъ имѣлъ семь сыновей и пять дочерей. Изъ семи сыновей Гедимина двое—Монвидъ (самый старшій) и Кейстутъ (третій по старшинству, сынъ Ольги) были язычники, а слѣдующіе пять: Ольгердъ (первый послѣ Монвида, тоже сынъ Ольги), Наримунтъ, Любартъ, Каріатъ и Явнутъ (самый младшій, сынъ Евы) были православные. Изъ пяти дочерей Гедимина—четыре были православныя, а пятая католичка [1]).

По свидѣтельству русско-литовскихъ лѣтописцевъ и польскаго историка Длугоша, Гедиминъ, незадолго до смерти, раздѣлилъ свое государство на нѣсколько удѣловъ и раздалъ ихъ сыновьямъ: Монвидъ получилъ отъ отца города Керновъ и Слонимъ въ Черной Руси; Ольгердъ (въ православіи Андрей, а въ схимѣ Алексій [2])—Крево и Витебское княжество; Кейстутъ—Берестье (Брестъ), Гродну и Жмудь; Наримунтъ (въ православіи Глѣбъ)—Пинскъ, Туровъ и Минскъ; Любартъ (въ православіи Ѳеодоръ)—Волынь; Каріатъ (Михаилъ)—всю Черную Русь безъ Слонима. Затѣмъ остается самый младшій сынъ Гедимина Явнутъ (въ православіи Іоаннъ); получилъ ли онъ при жизни отца своего какой-либо удѣлъ—мы не знаемъ. Извѣстно только то, что Явнутъ послѣ смерти отца вмѣстѣ съ матерью жилъ въ томъ удѣлѣ, который находился въ непосредственной зависимости отъ великаго князя, именно, въ стольномъ городѣ Вильнѣ, къ которому причислялись пригородки: Ошмяны, Вилькоміръ и Браславъ-Литовскій.

Кромѣ вышеозначенныхъ сыновей, у Гедимина въ живыхъ остался еще братъ Войнъ. При жизни Гедимина Войнъ владѣлъ Полоцкомъ и по смерти брата онъ оставался владѣтелемъ того же удѣла.

Что касается дочерей Гедимина, то всѣ онѣ, какъ мы уже отчасти видѣли, выданы были замужъ съ политическимъ разсчетомъ; такъ: одна, по имени Альдона (въ католичествѣ Анна), была женою польскаго короля Казимира Великаго; другая, Айгуста (въ православіи Анастасія), состояла въ супружествѣ съ великимъ московскимъ княземъ Симеономъ Гордымъ; третья, Марія, выдана была замужъ за тверского князя Дмитрія Михайловича, по прозванію „Грозныя очи"; четвертая, имя ея неизвѣстно,—за псковского князя Давида Довмонтовича, и, наконецъ, пятая, имя ея также не сохранилось въ источникахъ,—за мазовецкаго князя Болеслава Тройденовича, наслѣдника Галиціи по женской линіи.

Но вотъ вопросъ: кого Гедиминъ, распредѣляя удѣлы Литовскаго государства между сыновьями, назначилъ великимъ княземъ на случай своей смерти? Покойный князь, вслѣдствіе внезапной кончины, какъ

---

[1]) О сыновьяхъ Гедимина см. соч. польскаго писателя Стадницкаго „Сыновья Гедимина", т. I и II, 1881 г. Львовъ.

[2]) См. ниже.

кажется, не успѣлъ распорядиться на счетъ этого предмета. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, со дня гибели Гедимина, въ Литовскомъ государствѣ, судя по источникамъ, не было такого князя, который бы носилъ титулъ великаго и пользовался бы правами, присвоенными ему въ данномъ случаѣ. Съ момента кончины Гедимина до 1345 г. всѣ сыновья его, какъ это видно изъ ихъ дѣятельности, пользовались совершенною независимостью и полною самостоятельностью: каждый изъ нихъ велъ самостоятельно войну, самостоятельно заключалъ миръ и самостоятельно писалъ договоры [1]. Если въ этотъ четырехлѣтній періодъ времени (отъ 1341—1345 г.) мы видимъ, что въ главномъ городѣ Литовскаго государства Вильнѣ сидѣлъ Явнутъ со своею матерью Евою, то это нисколько не даетъ права выводить заключеніе, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, что будто бы меньшій сынъ Гедимина и былъ собственно великимъ княземъ въ Литовскомъ государствѣ, послѣ смерти отца, до вступленія на престолъ Ольгерда. По всей вѣроятности, г. Вильна со своими пригородками уступленъ былъ Явнуту братьями изъ уваженія къ мачихѣ Евѣ, которая жила съ нимъ, а это, конечно, имѣло значеніе только нравственное, а не политическое.

Борьба Монвида съ тевтоно-ливонскими рыцарями. Захватъ Ольгердомъ и Кейстутомъ г. Вильны. Выше мы говорили, что Гедиминъ при концѣ жизни своей велъ борьбу съ тевтоно-ливонскими рыцарями; въ этой борьбѣ, какъ мы видѣли, онъ и погибъ. Но со смертію литовскаго князя борьба эта не прекратилась: напротивъ, рыцари, узнавши о гибели Гедимина, удвоили нападенія на литовскія владѣнія. Въ своихъ опустошительныхъ походахъ рыцари въ 1341 г. прошли всю Жмудь и добрались до областей старшаго сына Гедимина Монвида. Вслѣдствіе этого керновскій князь долженъ былъ выступить противъ нихъ съ огромнымъ войскомъ. Борьба завязалась упорная. Но Монвидъ, вспомоществуемый войсками Ольгерда и Кейстута, выгналъ крестоносцевъ изъ Жмуди и, въ свою очередь, съ двумя сильными отрядами вторгнулся въ Пруссію. Тутъ онъ въ нѣсколькихъ битвахъ нанесъ пораженіе рыцарямъ и опустошилъ значительную полосу ихъ владѣній. Рыцари смирились. Магистръ ордена Людольфъ Кенигъ принужденъ былъ заключить миръ.

Прошло два года. Рыцари Тевтоно-Ливонскаго ордена опять задумали сдѣлать нападеніе на территорію Литовскаго государства. Но зная изъ недавняго опыта, какъ трудно бороться съ Гедиминовичами, они рѣшились приготовиться къ новой борьбѣ самымъ серьезнымъ образомъ. Для этой цѣли нѣмцы сначала покончили свой давній споръ съ

[1]) Прусскій хронистъ Лука Давидъ считаетъ, что въ періодъ времени отъ смерти Гедимина до вступленія на престолъ Ольгерда въ Литовскомъ государствѣ великимъ княземъ былъ Монвидъ.

Даніею [1]), потомъ помирились съ польскимъ королемъ Казимиромъ Великимъ и затѣмъ отправили пословъ въ з. Европу съ приглашеніемъ охотниковъ.

Предполагая, что предстоящая война будетъ долгая и упорная, крестоносцы возобновили на восточной границѣ своихъ владѣній разрушенныя крѣпости и построили новыя (Юрбургъ и Маріенбургъ), какъ опорные пункты въ будущей войнѣ, снабдили ихъ огромнымъ количествомъ всякаго рода оружія и провіантомъ и помѣстили сильные гарнизоны.

Въ началѣ 1345 г. въ Пруссію на приглашеніе рыцарей прибыло необыкновенно многочисленное войско изъ западной Европы съ своими предводителями; тутъ были: короли—чешскій и венгерскій, герцоги—бургундскій и бурбонскій, графы—Голландіи, Нерберга и Шварцбурга. Сюда прибылъ и герцогъ люксенбургскій Карлъ, который впослѣдствіи былъ германскимъ императоромъ подъ именемъ Карла IV.

Никогда еще рыцари въ своихъ владѣніяхъ не видѣли такихъ блестящихъ и знаменитыхъ гостей изъ западной Европы и такого многочисленнаго войска, какое теперь собралось. Но въ то же время нужно сказать, что и для Литовскаго государства никогда такая серьезная опасность отъ рыцарей не угрожала, какъ въ настоящій моментъ. При той раздробленности, какая была въ Литовскомъ государствѣ по смерти Гедимина и при отсутствіи лица, носящаго титулъ великаго князя, какъ общаго руководителя и оберегателя родной земли, крестоносцамъ и ихъ гостямъ не трудно было бы справиться съ этимъ государствомъ. Въ самомъ дѣлѣ: кто могъ спасти въ эту критическую минуту Литовское государство? Явнутъ? Но онъ былъ трусъ и болѣе всего на свѣтѣ боялся войны: „Явнутъ не былъ храбрымъ, говоритъ одинъ лѣтописецъ, хотя и жилъ въ стольномъ городѣ Вильнѣ“, а для защиты Литовскаго государства отъ столь сильныхъ враговъ, какими представлялись въ настоящій моментъ рыцари, нуженъ былъ человѣкъ пожилой и опытный, на котораго бы съ полнымъ довѣріемъ смотрѣли всѣ литовцы безъ различія національности и религіи. Но кто же именно изъ дѣтей Гедимина могъ быть такимъ? Такимъ могъ быть или Ольгердъ, или Кейстутъ. И дѣйствительно, эти два кровныхъ брата и по отцу, и по матери лучше всѣхъ поняли важность наступающаго момента для ихъ родины, а потому, какъ умные и рѣшительные, первые и выступили на дѣятельность для общаго блага. Прежде всего они положили возстановить въ своемъ государствѣ великокняжескую власть и подчинить ей всѣхъ членовъ Гедиминова рода. Для осуществленія этой цѣли братья рѣшились овладѣть г. Вильною; тѣмъ болѣе это имъ казалось возможнымъ, что ма-

---

[1]) Споръ у рыцарей съ Даніею шелъ за обладаніе Эстоніею и г. Ревелемъ. Кончился онъ тѣмъ, что рыцари купили ихъ у Даніи.

чихи ихъ тогда уже не было въ живыхъ и тамъ сидѣлъ только Явнутъ, лишить котораго главнаго отцовскаго наслѣдства Ольгердъ и Кейстутъ не считали для себя грѣхомъ, какъ видѣвшіе въ этомъ единственный исходъ для спасенія родного отечества отъ грозящей гибели со стороны крестоносцевъ.

Задумавши овладѣть Вильною и произвести переворотъ въ государствѣ, Ольгердъ и Кейстутъ согласились тайно напасть на столицу и безъ шума и огласки арестовать брата своего.

Была суровая зима, морозы стояли сильные, вѣтры дули жестокіе, декабрь приближался къ концу. Ольгердъ и Кейстутъ нашли это время самымъ удобнымъ для своего замысла: они условились овладѣть Вильною совмѣстно въ одну, впередъ обозначенную, ночь. Но Ольгердъ не явился къ условленному сроку; онъ ограничился только тѣмъ, что изъ Витебска, мѣста пребыванія своего, придвинулся съ войскомъ къ Креву и здѣсь, расположившись въ замкѣ, сталъ ожидать извѣстій отъ Кейстута. А Кейстутъ, между тѣмъ, въ назначенное время выступилъ изъ Трокъ, шелъ всю ночь и на разсвѣтѣ занялъ столицу и овладѣлъ безъ всякаго сопротивленія двумя отцовскими замками. Явнутъ, не подозрѣвая ничего худого, спалъ глубокимъ сномъ въ верхнемъ замкѣ, но, пробужденный шумомъ и бѣготнею слугъ, вскочилъ съ постели, догадался въ чемъ дѣло и полураздѣтый и босикомъ бѣжалъ въ горы и скрылся между деревьями. Здѣсь онъ отморозилъ себѣ ноги, былъ схваченъ воинами Кейстута и приведенъ къ брату, который отдалъ его подъ стражу.

Ольгердъ, великій литовскій князь.

1345—1377 г. [1]).

Провозглашеніе Ольгерда великимъ литовскимъ княземъ; договоръ съ братьями; походъ въ Ливонію. Овладѣвши городомъ и арестовавши брата, трокскій князь немедленно отправилъ гонца къ Ольгерду съ извѣщеніемъ объ успѣхѣ и съ приглашеніемъ на великокняжескій столъ. Ольгердъ не заставилъ себя долго ждать: на третій день онъ прибылъ въ столицу, гдѣ у воротъ встрѣтилъ его во главѣ литовскихъ бояръ Кейстутъ, ввелъ во дворецъ Гедимина, посадилъ на отцовскій престолъ и провозгласилъ великимъ литовскимъ княземъ, причемъ сказалъ: „ты старшій братъ въ родѣ нашемъ, ты имѣешь на-

---

[1]) Подробности объ Ольгердѣ на русскомъ языкѣ см. сочиненіе проф. В. Б. Антоновича, Иловайскаго, Чешихина и др. На польскомъ—Стадницкаго.

Примѣчаніе. При изложеніи княженія Ольгерда мы держались взглядовъ проф. В. Б. Антоновича.

иболѣе значенія въ народѣ, тебѣ и надлежитъ занять высшее положеніе предъ всѣми; я же всегда буду съ тобою и при тебѣ“ [1]).

Сдѣлавшись великимъ княземъ, Ольгердъ заключилъ съ братьями договоръ, по которому тѣ обязались безусловно подчиняться ему во всемъ и находиться въ полномъ его распоряженіи, а онъ, съ своей стороны, далъ клятву поступать съ ними справедливо и защищать удѣлы ихъ отъ внѣшнихъ враговъ. Съ Кейстутомъ заключенъ былъ особый договоръ. Въ силу этого договора Ольгердъ и Кейстутъ положили между собою сохранять вѣчную дружбу и любовь, а также дѣлить пополамъ все добытое путемъ походовъ и войны съ сосѣдями.

По вступленіи Ольгерда на литовскій престолъ новыхъ раздѣловъ не было: братья остались при тѣхъ удѣлахъ, какіе они получили отъ отца. Исключеніе составляетъ Явнутъ: онъ на этотъ разъ не получилъ удѣла, потому что, вырвавшись изъ-подъ ареста, бѣжалъ къ своему зятю, московскому князю Симеону Іоанновичу Гордому. Тамъ онъ пробылъ два года и затѣмъ снова вернулся на родину, гдѣ ему данъ былъ въ удѣлъ г. Заславль [2]). Другой братъ, Наримунтъ, тоже въ это время чѣмъ-то остался недоволенъ и, по сообщенію лѣтописи, бѣжалъ въ Золотую Орду, но скоро вернулся и снова занялъ свой удѣлъ.

Вступленію на литовскій престолъ Ольгерда всѣ были рады, какъ это видно изъ лѣтописей и хроникъ, но особенно рада была русско-православная народность: она видѣла въ немъ человѣка вполнѣ русскаго и православнаго; Ольгердъ на самомъ дѣлѣ и былъ такимъ: женившись въ 1318 г. на витебской княжнѣ, онъ до избранія своего на престолъ все время жилъ среди русскаго населенія и подъ вліяніемъ русской культуры; тамъ онъ принялъ православіе, усвоилъ русскіе бытовые обычаи и воззрѣнія этой народности и всецѣло сталъ принадлежать ей и вполнѣ быть ея представителемъ.

Совершивши переворотъ въ своемъ отечествѣ, Ольгердъ и Кейстутъ стали готовиться къ отраженію крестоносцевъ и ихъ гостей, которые въ это время уже успѣли вторгнуться въ литовскую территорію и осадить одинъ изъ пограничныхъ замковъ.

Въ началѣ весны литовскіе князья во главѣ сильнаго войска выступили на враговъ, причемъ рядомъ ложныхъ маневровъ и подсылкою обманчивыхъ извѣстій они убѣдили рыцарей въ томъ, что будто бы намѣрены ворваться въ прусскую область Самбію. Вслѣдствіе этого въ лагерѣ нѣмцевъ составился военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было: снять осаду крѣпости и идти въ Самбію на встрѣчу литовцевъ. Но пока происходило передвиженіе войска, Ольгердъ и Кейстутъ перемѣ-

---

[1]) См. лѣтопись такъ называемую Быховца.

[2]) Есть извѣстія, что Явнутъ крестился въ Москвѣ и тамъ принялъ имя Іоаннъ.

нили направленіе своего похода, быстро двинулись въ Ливонію и страшно ее опустошили. Тогда магистръ ордена Людольфъ Кенигъ бросился было на сосѣднюю съ Самбіею литовскую область, чтобы въ отмщеніе за Ливонію опустошить ее, но и здѣсь потерпѣлъ неудачу: когда рыцари вступили въ эту область, то нашли ее совершенно пустою: жители, истребивши свои жилища, бѣжали изъ нея и скрылись въ болѣе отдаленныя мѣста. Десять дней крестоносцы и ихъ гости лазили и топали по лѣсамъ и болотамъ, позалили лошадей, порастеряли оружія и только на одиннадцатый день измученные, оборванные, голодные и продрогшіе до костей вернулись домой. Тѣмъ и кончился этотъ знаменитый походъ рыцарей и ихъ гостей на Литву.

За неудачный исходъ этого похода поплатился одинъ только магистръ Тевтонскаго ордена Кенигъ. Прибывшіе гости обвинили его—сначала въ легкомысліи, потомъ измѣнѣ и, наконецъ, признали его сумашедшимъ, лишили должности и заключили въ замокъ Эгельбергъ, гдѣ несчастный вскорѣ и умеръ. Мѣсто его занялъ Генрихъ Дуссемеръ.

Новый магистръ ордена, убѣдившись изъ послѣдняго неудачнаго похода, что Литовское государство нельзя ослабить, а тѣмъ болѣе покорить однимъ быстрымъ и рѣшительнымъ ударомъ, перемѣнилъ тактику борьбы съ литовцами. Онъ нашелъ болѣе удобнымъ завоевать Литовское государство не сразу, а постепенно, исподоволь, посредствомъ постоянной мелкой партизанской войны. Для лучшаго успѣха Генрихъ Дуссемеръ (а потомъ и его преемники) сталъ возводить на границахъ Литовскаго государства рядъ крѣпостей, причемъ стараясь какъ можно далѣе выдвинуть въ глубь литовской территоріи, а затѣмъ, опираясь на нихъ, производить опустошительные набѣги и въ случаѣ покоренія какого-нибудь округа снова возводить укрѣпленія и т. д., все болѣе и болѣе углубляясь въ земли Гедиминовичей. Но такой способъ веденія войны крестоносцами противъ Литвы Ольгердъ и Кейстутъ сочли не особенно опаснымъ, а слѣдовательно не требующій содержанія огромнаго количества войскъ противъ рыцарей. По разсчету братьевъ достаточно будетъ кому-нибудь одному изъ нихъ остаться на границѣ Прусскаго ордена и отражать крестоносцевъ, а другому промышлять земли въ иномъ мѣстѣ, болѣе удобномъ и возможномъ. И дѣйствительно они между собою порѣшили, что Кейстуту удобнѣе всего остаться на западной границѣ среди своего литовскаго языческаго племени жмудскаго, представителемъ котораго онъ былъ, и отражать нападенія нѣмцевъ. А Ольгерду, какъ представителю русской народности, дѣйствовать среди этого народа и продолжать собираніе Руси подъ свою власть.

32 года Ольгердъ княжилъ въ Литовскомъ государствѣ. Въ продолженіе этого времени Кейстутъ постоянно остается на западѣ, а самъ великій князь—на востокѣ, гдѣ неустанно стремится увеличить свое

владѣніе на счетъ русской территоріи. Оба брата рѣдко соединяются между собою для совмѣстныхъ дѣйствій, а если и соединяются, то только въ крайнихъ случаяхъ, когда предвидится сильная опасность ихъ отечеству. Мы послѣдуемъ за Ольгердомъ.

Характеръ Ольгерда и политика этого князя. Ольгердъ обладалъ глубокимъ умомъ и необыкновеннымъ политическимъ тактомъ. Онъ былъ хитръ, ловокъ, предусмотрителенъ и въ высшей степени скрытенъ. Если онъ задумывалъ идти на сосѣдей, то никому этого не говорилъ и никто объ этомъ не зналъ. Ни вина, ни пива, ни меду и ничего хмѣльного Ольгердъ не пилъ. Онъ терпѣть не могъ ни шумныхъ игръ, ни безумныхъ потѣхъ, а все время проводилъ въ обдумываніи и изыскиваніи средствъ къ увеличенію и возвышенію своего государства. Одинъ русскій лѣтописецъ такъ говоритъ объ Ольгердѣ: „Ольгердъ премудръ бѣ зело, много языковъ зналъ, властію и саномъ превзошелъ всѣхъ... много онъ покорилъ странъ, городовъ и княжествъ и все это держалъ твердою властію... и бысть отъ него, въ заключеніе прибавляетъ тотъ же лѣтописецъ, страхъ великій на всѣхъ и превзошелъ всѣхъ княженіемъ и богатствомъ“!

По отношенію къ національностямъ Ольгердъ, какъ мы уже разъ замѣтили, всецѣло принадлежалъ русскимъ: его симпатіи, его воззрѣнія и его вѣрованія совершенно согласовались съ этою народностію. По отношенію же къ политической дѣятельности Ольгердъ также заявилъ себя русскимъ человѣкомъ: онъ всю жизнь свою стремился собрать подъ свою власть раздробленную Русь, слить ее съ литовскими провинціями и народъ ея—съ литовскою народностію, и такимъ образомъ образовать одно крѣпкое и могучее Литовско-Русское государство. По отношенію же къ внутреннему устройству Литовскаго государства Ольгердъ тоже является проводникомъ идей, выработанныхъ русскимъ обществомъ. Будучи, такимъ образомъ, всецѣло преданнымъ интересамъ русской народности, Ольгердъ этимъ самымъ доставилъ въ своемъ государствѣ русской народности и русской культурѣ преобладающее значеніе.

Задавшись цѣлію какъ можно болѣе собрать подъ свою власть мелкихъ русскихъ удѣльныхъ княжествъ, Ольгердъ еще до вступленія своего на литовскій престолъ сталъ стремиться къ этому; со вступленіемъ же на него энергія литовскаго князя къ собиранію русскихъ земель утроилась: съ перваго же года принятія великокняжескаго титула почти до самой кончины Ольгердъ не выпускаетъ изъ рукъ своего меча, которымъ старается подчинить себѣ русскія земли. Псковъ, Новгородъ, Черниговъ, Брянскъ (вообще вся Чернигово-сѣверская область), Смоленскъ, Подоліе, Кіевъ, Волынь, Галиція и Тверь—вотъ тѣ русскія области, на которыя Ольгердъ обратилъ свое особое вниманіе

и которыя думалъ присоединить къ Литовскому государству. Изложимъ по порядку:

Дѣла псковскія. Въ послѣдніе годы жизни Гедимина въ Псковѣ, какъ мы видѣли, былъ княземъ Александръ Михайловичъ Тверской. Въ 1339 г. онъ отправился въ Орду и тамъ былъ замученъ. Послѣ него въ Псковѣ настало смутное время. Пользуясь этими смутами, на Псковскую область стали нападать нѣмцы. Такъ какъ Псковъ считался пригородкомъ Новгорода, то жители его обратились за помощью къ своей митрополіи, но та отказала. Между тѣмъ ливонскіе рыцари, успѣвши разорить и опустошить много селъ и деревень, двинулись къ Изборску, одному изъ главныхъ городовъ въ Псковской области и бывшему въ то время оплотомъ противъ вторженія нѣмцевъ. Тогда испуганные псковитяне, по совѣту литовской партіи, обратились за помощью къ Ольгерду, который въ это время былъ еще простымъ удѣльнымъ княземъ и жилъ въ Витебскѣ.

Въ 1342 году Ольгердъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Кейстутомъ и многочисленнымъ войскомъ выступилъ изъ Витебска на защиту Псковской области. Но такъ какъ онъ, вслѣдствіе дурного пути, принужденъ былъ идти очень медленно, то отрядилъ передовой полкъ, подъ начальствомъ своего воеводы Юрія Витовтовича (русскаго, отличавшагося большими дарованіями), чтобы задержать движеніе рыцарей на Изборскъ. Недалеко отъ этого города высланный полкъ встрѣтился съ нѣмцами; произошла битва и Юрій былъ разбитъ и запертъ въ Изборскѣ. Ольгердъ, узнавши объ этомъ, не пошелъ на выручку Юрія, не смотря на требованіе псковитянъ и даже неудовольствіе ихъ на него; онъ составилъ другой планъ, которымъ надѣялся заставить рыцарей бросить осаду Изборска: отрядивши отъ своихъ главныхъ силъ новую значительную рать, князь приказалъ ей тремя колоннами переправиться чрезъ Двину и напасть на Ливонію. Разсчетъ оказался вѣрнымъ: рыцари дѣйствительно, послѣ девятидневной осады Изборска, поспѣшили сжечь пороки, осадныя машины, запасы провіанта и броситься въ Ливонію. Но въ это время посланная Ольгердомъ рать уже успѣла сдѣлать свое дѣло. Она страшно опустошила ливонскія области и съ огромною добычею и плѣнными вернулась обратно къ Ольгерду.

Въ благодарность за избавленіе отъ нѣмцевъ псковитяне, по словамъ лѣтописи, хотѣли было сдѣлать Ольгерда своимъ княземъ, но только съ условіемъ, чтобы онъ принялъ крещеніе, но Ольгердъ отклонилъ предложеніе, заявивши при этомъ: „я уже разъ крещенъ, а въ другой разъ креститься не хочу". Вмѣсто себя указалъ на своего старшаго сына Вингольда. Вингольдъ прибылъ въ Псковъ, принялъ православіе съ именемъ Андрея и сталъ тамъ княжить. Но княженіе Андрея недолго продолжалось въ Псковѣ: въ Полоцкѣ умеръ дядя Ольгерда Воинъ, а

такъ какъ мѣсто его некому было занять (единственный сынъ Воина Любко былъ убитъ во время похода Ольгерда на защиту Пскова), то Ольгердъ, не желая, чтобы Полоцкъ достался чужому князю, перевелъ сюда изъ Пскова сына своего Андрея, а туда послалъ своего намѣстника Юрія Витовтовича. Но этимъ дѣло Ольгерда съ псковитянами не кончилось: въ 1348 г. Юрій былъ убитъ въ одной изъ стычекъ съ нѣмцами; псковитяне, послѣ этого, помирились съ новгородцами и снова признали ихъ власть надъ собою. Противъ этого протестовалъ Андрей Полоцкій; но псковитяне на этотъ протестъ отвѣтили: „такъ какъ ты не хотѣлъ княжить у насъ, а послалъ сюда намѣстниковъ, то этимъ самъ себя лишилъ Пскова, поэтому мы не хотимъ ни намѣстниковъ твоихъ, ни тебя самого, а подчиняемся Новгороду". Тогда за сына вступился Ольгердъ; литовскій князь сначала укорилъ псковитянъ за ихъ послѣдніе поступки, причемъ напомнилъ имъ о томъ благодѣяніи, какое сдѣлалъ онъ ихъ городу въ 1343 году, во время вторженія нѣмцевъ, но потомъ, когда и укоръ не подѣйствовалъ, переловилъ ихъ купцовъ въ Литвѣ и затѣмъ, ворвавшись въ ихъ область, страшно опустошилъ ее. Съ этого времени враждебныя отношенія литовскаго князя съ Псковомъ затянулись на цѣлыхъ 27 лѣтъ и только въ послѣдній годъ жизни Ольгерда, именно въ 1377 г., псковичи признали своимъ княземъ Андрея Ольгердовича.

Дѣла новгородскія. Мы видѣли уже, что Гедиминъ старался упрочить свое вліяніе въ Новгородѣ, но ему это не удалось. Правда, тамъ со временъ Гедимина образовалась сильная литовская партія, но въ то же время въ Новгородѣ была и другая партія—московская, которая едва ли не сильнѣе, чѣмъ первая, по крайней мѣрѣ изъ дальнѣйшаго хода исторіи новгородской мы видимъ, что во время борьбы этихъ двухъ партій перевѣсъ по большей части оставался за московской.

Скоро послѣ смерти Гедимина и Калиты (они умерли въ одномъ году) сынъ послѣдняго Симеонъ, великій князь московскій, опираясь на русскую партію, настолько простеръ свое вліяніе на Новгородъ, что сталъ собирать дань съ нѣкоторыхъ областей его; литовская партія хотѣла было воспрепятствовать московскому князю въ дѣлѣ собиранія дани, но чернь, подбитая доброжелателями Симеона, вооружилась противъ бояръ, и дѣло кончилось тѣмъ, что московскій князь собралъ дань, какую ему нужно было.

Но лишь только Симеонъ Гордый удалился изъ новгородскихъ предѣловъ, какъ снова начались тамъ неурядицы: литовская партія, умолкнувшая во время пребыванія московскаго князя въ предѣлахъ новгородскихъ, опять заволновалась и начала напирать на партію московскую. Но московская партія, чувствуя подъ собою болѣе твердую почву, чѣмъ противная (московская партія, какъ это видно изъ послѣдняго

похода Симеона въ новгородскія области за данью, опиралась на чернь [1]), стала гордо относиться къ литовской. Во время одного вѣча посадникъ Евстафій Дворянинцевъ, державшій сторону Москвы, не только обругалъ представителей литовской партіи, но даже и Ольгерда, на котораго опиралась литовская партія въ Новгородѣ, назвалъ „псомъ". Вѣсть объ этомъ дошла до литовскаго князя; понялъ Ольгердъ, что въ Новгородѣ взяло верхъ московское вліяніе, поэтому онъ рѣшился сдѣлать нападеніе на новгородскія области, чтобы этимъ дать перевѣсъ своему вліянію предъ московскимъ. Поэтому онъ, собравши значительное войско, быстро двинулся въ предѣлы новгородской земли и остановился на одномъ изъ притоковъ р. Шелони. Отсюда Ольгердъ послалъ къ новгородцамъ посла съ такими словами: „хочу съ вами биться, а если Богъ поможетъ, то и наказать за безчестіе: лаялъ меня вашъ посадникъ Евстафій Дворянинцевъ и назвалъ меня псомъ". Въ Новгородѣ произошло волненіе, послали было войско, но оно безъ боя вернулось въ городъ; собрали вѣче; тутъ сначала всѣ партіи заспорили, потомъ заругались, наконецъ задрались и дѣло кончилось тѣмъ, что литовская партія одолѣла и убила посадника Евстафія Дворянинцева, какъ человѣка, накликавшаго войну. А Ольгердъ между тѣмъ опустошилъ новгородскія земли по Шелонѣ и, взявши большой окупъ съ Порхова и Опоки, вернулся домой съ богатою добычею.

Литовская партія, осилившая московскую, послала пословъ къ Ольгерду; послы отъ лица вѣча извинились предъ литовскимъ княземъ за нанесенное оскорбленіе, а затѣмъ заключили договоръ, но какой—неизвѣстно: условія договора до насъ не дошли. Но, во всякомъ случаѣ, эти условія не были особенно важны для Ольгерда, какъ это видно изъ послѣдующихъ новгородскихъ событій, и не особенно упрочили вліяніе литовскаго князя въ Новгородѣ: перевѣсъ все-таки остался за московскою партіею и московскимъ вліяніемъ.

Присоединеніе къ Литвѣ Чернигово-сѣверской земли. Въ XI ст. въ Чернигово-сѣверской области находились города: Черниговъ (главный городъ этой области до половины XIII ст.), Брянскъ (главный городъ этой области со второй половины XIII ст.), Муромъ, Рязань, Новгородъ-Сѣверскъ, Глуховъ, Стародубъ и другіе.

По раздѣлу Ярослава 1-го Черниговское княжество перешло ко второму сыну его, Святославу. Потомки сего князя управляли этимъ удѣломъ вплоть до потери имъ самостоятельности, т. е. до захвата его Ольгердомъ.

Предъ татарскимъ нашествіемъ этотъ русскій удѣлъ былъ раздробленъ на множество мелкихъ удѣловъ. Во второй половинѣ XIII ст. изъ этихъ

[1]) Чернь въ Новгородѣ постоянно стояла за Москву.

мелкихъ удѣловъ Черниговo-сѣверской земли возвышается Брянское княжество. Въ началѣ XIV ст. оно дѣлается настолько сильнымъ, что подчиняетъ своему влiянiю и другiе удѣлы Черниговской области.

Въ первый разъ совершилось нападенiе Литвы на Черниговo-сѣверскую область въ началѣ второй половины XIII ст., именно при Миндовгѣ: этотъ князь, какъ мы уже видѣли, подъ конецъ своей жизни послалъ войско за Днѣпръ противъ брянскаго князя Романа Михаиловича (сына Михаила Святого, замученнаго въ Ордѣ), но походъ этотъ кончился ничѣмъ. Затѣмъ, правда, до Ольгерда мы не видимъ, чтобы Литва стремилась захватить Черниговo-сѣверское княжество. Но зато Ольгердъ въ 1356 г., или около этого, совершенно покончилъ съ нимъ, т. е. присоединилъ къ своему государству всю Черниговo-сѣверскую область. Но какъ это случилось—въ источникахъ подробностей нѣтъ. Извѣстно только то, что въ Черниговo-сѣверской области былъ сильно развитъ вѣчевой безпорядокъ: тамъ постоянно происходила борьба вѣча съ князьями, на одномъ изъ нихъ, именно, брянскомъ, въ 1339 г., былъ даже убитъ князь Глѣбъ Святославичъ. Вѣроятно литовскiй князь Ольгердъ и воспользовался этими неурядицами: сначала онъ, какъ нужно полагать, нанесъ ударъ главному городу Черниговo-сѣверской земли Брянску, а потомъ и остальнымъ удѣльнымъ городамъ.

Покоривши Черниговo-сѣверскую землю, литовскiй князь главные города этой области передалъ членамъ своего семейства, такъ: Черниговъ и Трубчевскъ онъ отдалъ своему сыну Димитрiю; Брянскъ и Новгородъ-Сѣверскiй—другому сыну, также по имени Димитрiю (въ язычествѣ Корибуту); Стародубъ—племяннику Патрикiю Наримунтовичу; остальные же мелкiе города оставилъ за прежними князьями (потомками Святослава Ярославича): Новосельскими, Бѣльскими, Воротынскими, Одоевскими и другими.

Дѣла смоленскiя. Смоленскъ въ IX ст. былъ главнымъ городомъ славянскаго племени кривичей, жившихъ по верхнему теченiю Днѣпра, З. Двины и Волги. Въ началѣ своего княженiя Олегъ, преемникъ Рюрика, присоединилъ его къ вновь образовавшемуся Русскому государству. Послѣ смерти Ярослава 1-го въ Смоленскѣ княжили одинъ за другимъ два младшихъ сына его: Вячеславъ и Игорь. По смерти же Игоря Смоленскiй удѣлъ былъ раздѣленъ на три части. Главная часть его съ г. Смоленскомъ досталась третьему сыну Ярослава 1-го Всеволоду, который посадилъ здѣсь сына своего Владимира Мономаха. Памятникомъ пребыванiя тутъ этого князя осталась соборная церковь, построенная имъ во имя Успенiя Пресвятыя Богородицы, и образъ Богоматери Одигитрiи, писанный св. евангелистомъ Лукою [1].

---

[1]) Образъ этотъ до настоящаго времени находится въ смоленской соборной церкви и привлекаетъ къ себѣ массы богомольцевъ. Мономахъ получилъ этотъ

Поослѣ Мономаха въ Смоленскѣ до половины XIII ст. перемѣнилось много князей, но замѣчательныхъ изъ нихъ было два: внукъ Мономаха Ростиславъ Мстиславичъ (1127—1159) и правнукъ его Давидъ Ростиславичъ [1]). Съ конца XIII ст. исторія Смоленска темна и смутна; извѣстно только то, что потомки Мономаха управляли этимъ городомъ до самого его завоеванія въ 1405 г. литовскимъ княземъ Витовтомъ.

Занимая средину русской земли, Смоленское княжество уже по своему географическому положенію не могло быть долго самостоятельнымъ и независимымъ. Когда же появились два объединяющихъ центра русскихъ земель: Москва на востокѣ, а Литва на западѣ, между которыми очутилось Смоленское княжество, то положеніе его сдѣлалось крайне невыгоднымъ: не имѣя достаточныхъ силъ отстоять свою самостоятельность, оно по неволѣ должно было подпасть вліянію одному изъ двухъ вышеозначенныхъ объединяющихъ центровъ.

Прежде всего Смоленское княжество испытало на себѣ тяжелую руку отъ Литвы при Миндовгѣ: Миндовгъ два раза посылалъ свои войска въ Смоленскую землю и два раза они опустошали ее [2]). Затѣмъ при Александрѣ Глѣбовичѣ,—смоленскомъ князѣ,—московскій князь Юрій Даніиловичъ отнялъ у смольянъ Можайскъ. Это обстоятельство, какъ кажется, было причиною сближенія Смоленскаго княжества съ Литвою при Гедиминѣ: по крайней мѣрѣ мы видимъ изъ договорной грамоты Гедимна съ Ригою, что смоленскій князь Иванъ Александровичъ, сынъ Александра Глѣбовича, послѣ этого событія уже считается младшимъ братомъ Гедимина.

При сынѣ Гедимина Ольгердѣ вліяніе Литвы на Смоленское княжество дѣлается настолько значительнымъ, что князья этого русскаго удѣла становятся подручниками сего литовскаго князя. Уже въ первые годы своего княженія Ольгердъ близко принимаетъ къ своему сердцу интересы Смоленскаго княжества и становится явнымъ защитникомъ ихъ: такъ при Симеонѣ Гордомъ Ольгердъ ходилъ на Москву, чтобы возвратить Смоленску Можайскъ, но это почему-то не удалось; потомъ

образъ отъ своей родной матери, которая была греческою царевною и при выходѣ замужъ за его отца, Всеволода Ярославича, привезла изъ Константинополя.

[1]) Послѣдніе два князя отличались религіозностію. Памятникомъ ихъ княженія остались въ Смоленскѣ три церкви: Петра и Павла, Іоанна Богослова и Бориса и Глѣба; первыя двѣ построены Ростиславомъ Мстиславичемъ, а третья Давидомъ Ростиславичемъ. Церкви эти до настоящаго времени существуютъ.

Примѣчаніе. Въ полуверстѣ отъ церкви свв. Бориса и Глѣба есть источникъ; преданіе говоритъ, что около него убитъ былъ сынъ Владиміра Святого св. Глѣбъ.

[2]) Есть извѣстіе, что Миндовгъ, пользуясь нашествіемъ татаръ, въ 1239 г. овладѣлъ Смоленскомъ; но его скоро оттуда выгналъ Ярославъ Всеволодовичъ, пятый потомокъ Мономаха, прямой наслѣдникъ Смоленскаго княжества.

въ 1352 г., когда Симеонъ Гордый выступилъ съ огромнымъ войскомъ противъ упомянутаго нами смоленскаго князя Ивана Александровича, Ольгердъ снова заявилъ себя сторонникомъ смоленскаго князя. Посредствомъ переговоровъ—сначала на р. Протвѣ, а потомъ Угрѣ—литовскій князь успѣлъ остановить движеніе русскихъ воеводъ и, такимъ образомъ, устранить грозящую опасность Смоленскому княжеству.

Вышеозначенныя услуги оказывались Смоленску, конечно, не даромъ: онѣ ставили городъ этотъ въ прямую зависимость отъ Литвы. Чтобы еще болѣе упрочить эту зависимость, а равнымъ образомъ и московскому князю не дать возможности захватить Смоленскъ врасплохъ и присоединить къ себѣ, Ольгердъ занялъ своимъ сильнымъ гарнизономъ пригородокъ Смоленскаго княжества Ржевъ. Городъ этотъ находится на Волгѣ и лежалъ тогда какъ разъ на границѣ Смоленскаго и Московскаго княжествъ, а потому дѣйствительно былъ важнымъ пунктомъ для литовскаго князя: отсюда Ольгердъ могъ наблюдать и за московскимъ княземъ, какъ соперникомъ въ дѣлѣ собиранія Руси, и за смоленскимъ княземъ, чтобы тотъ не ускользнулъ изъ его рукъ и не передался бы на сторону Москвы.

Но эта предосторожность не спасла литовскаго князя отъ непріятностей: въ 1358 г. тотъ же смоленскій князь Иванъ Александровичъ, за котораго недавно, какъ мы видѣли, хлопоталъ предъ московскимъ княземъ Симеономъ Гордымъ Ольгердъ, поднялъ противъ него возстаніе: смоленскій князь хотѣлъ сбросить съ себя опеку Литвы и возвратить своему удѣлу независимость. На первыхъ порахъ дѣло Ивана Александровича дѣйствительно приняло благопріятное направленіе; но потомъ, благодаря его опрометчивости и бездарности одного изъ его воеводъ, оно пошло все хуже и хуже и кончилось тѣмъ, что смоленскій князь смирился, призналъ себя зависимымъ отъ Ольгерда и уступилъ ему въ полное владѣніе огромную полосу смоленской территоріи на западѣ съ городами: Мстиславлемъ, Бѣльчемъ и друг.

Въ 1359 г. Иванъ Александровичъ скончался; сынъ его Святославъ Ивановичъ подтвердилъ новою клятвою свою зависимость отъ Литвы. Москва не могла этому помѣшать: въ сіе время тамъ вступилъ на престолъ малолѣтній сынъ Іоаннъ II-й, у котораго своихъ дѣлъ было много: у него тверской и суздальскій князья оспаривали великокняжескій титулъ.

Между тѣмъ литовскій князь, захвативши часть территоріи Смоленскаго княжества, устроилъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ ея военные посты для удержанія въ своей власти всего княжества, а въ Ржевѣ, какъ самомъ главномъ пунктѣ, Ольгердъ, подъ личнымъ наблюденіемъ, возвелъ сильное укрѣпленіе и посадилъ въ немъ сына своего Андрея, котораго перевелъ изъ Полоцка. Съ этого времени смоленскіе князья уже не могли шагу сдѣлать безъ воли Литвы и смоленскіе полки шли

только туда, куда имъ приказывали изъ Вильны. Для окончательнаго сліянія Смоленскаго княжества съ Литвою слѣдовало бы только устранить династію Мономаховичей, сидѣвшую въ Смоленскѣ, но почему-то Ольгердъ этого не сдѣлалъ, сдѣлалъ это племянникъ его Витовтъ. Такимъ образомъ, соперничество Литвы съ Москвою за обладаніе Смоленскомъ кончилось въ пользу первой.

Присоединеніе къ Литвѣ Ольгердомъ Подолія и Кіева. Та мѣстность, гдѣ теперь русскія губерніи: Бессарабская, Подольская, Херсонская и части губерній Волынской и Кіевской, въ IX и X ст. населена была славянскимъ племенемъ угличей и теверцевъ. До XII ст. территорія эта, если не вся, то большая часть, не входила въ составъ древней Руси. Только со второй половины XII ст. часть этой мѣстности вошла въ составъ Галицкаго княжества, подъ именемъ „Понизья". Понизье занимало небольшую часть вышеозначенной территоріи, именно: мѣстность, лежащую по верхнему теченію Южнаго Буга и Днѣстра. Въ концѣ XII ст. тутъ уже было много городовъ: Ушица, Бакута, Мекулинъ (на р. Серетѣ, притокѣ Днѣстра), Калюсъ, Кучельминъ (на Днѣстрѣ) и Каменецъ. Въ началѣ XIII ст. мы видимъ, что въ территоріи, занимаемой вышеозначенными русскими губерніями, на р. Тетеревѣ (притокѣ Днѣпра) была какая-то Болоховская земля, въ которой были самостоятельные князья [1]). Въ Болоховской землѣ въ это время были уже значительные города: Взвягля, Городокъ, Сѣмоця, Бѣлобержцы и Чернятинцы. Въ томъ же столѣтіи мы видимъ, что на эту территорію претендовали и галицкіе князья, и черниговскіе (Михаилъ Святой). Между этими князьями одно время шла даже борьба за означенную территорію. Во второй же половинѣ XIII ст. вся территорія вышеозначенныхъ губерній, съ Понизьемъ, землею Болховскою, Побужьемъ (земли по Бугу) и Поросьемъ (землями по р. Роси, притокѣ Днѣпра), подпали власти хана Золотой Орды. Здѣсь татары образовали обширный улуссъ и съ тѣхъ поръ вся мѣстность эта до Чернаго моря стала называться Подоліемъ.

Завладѣвъ Подоліемъ, ханы Золотой Орды обложили народъ податями, а верховную власть надъ страною поручили особымъ темникамъ, поселившимся по теченію р. Буга. Темники подольскаго улусса находились въ подчиненіи ханамъ Золотой Орды до половины XIV ст. Но въ половинѣ XIV ст., когда Золотая Орда, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, ослабѣла, темники эти отдѣлились отъ Золотой Орды. Ольгердъ, какъ ближайшій сосѣдъ темниковъ подольскаго улусса, часто дружилъ и заключалъ съ ними союзы то противъ крестоносцевъ, то противъ польскаго короля Казиміра Великаго, когда тотъ началъ съ

---

[1]) См. сочиненіе Н. П. Дашкевича „Болоховская земля".

Любартомъ Гедиминовичемъ борьбу за галицко-волынское наслѣдство. Но такъ какъ эти союзники были ненадежны, потому что они часто, обманывая литовскаго князя, вступали въ союзъ и съ Казимиромъ польскимъ, то Ольгердъ вышелъ изъ терпѣнія: въ 1362 г. онъ съ огромнымъ войскомъ явился въ Подоліе и на берегахъ р. Синія-воды (нынѣшняя Синюха, притокъ Буга) тремъ подольскимъ темникамъ—Кутлыбугѣ, Хаджибею и Дмитрію—нанесъ страшное пораженіе. Разбитые татары бѣжали—частію въ Крымъ (гдѣ Кутлыбуго сдѣланъ былъ начальникомъ Крымской области), а частію на Добруджу и Подоліе и подчинились Литвѣ [1]).

---

[1]) Есть въ нѣкоторыхъ источникахъ темные намеки на то, что Ольгердъ, разбивши вышеозначенныхъ трехъ хановъ на Синихъ-водахъ, ходилъ въ Крымъ и тамъ взялъ городъ Корсунь, или Херсонъ.

Примѣчаніе. Въ г. Вильнѣ при костелѣ св. Терезіи, надъ городскими воротами, находится часовня съ чудотворною иконою Божіей Матери, называемой Остробрамской (Островоротной). Эта икона въ настоящее время составляетъ главную святыню католиковъ, къ которой прибѣгаютъ тысячи богомольцевъ. Съ древнихъ временъ икона Островоротной Божіей Матери принадлежала православнымъ и находилась на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь находится, только въ деревянной часовнѣ. Часовня эта вмѣстѣ съ иконою до начала XVII ст. была въ веденіи монаховъ Троицкаго православнаго монастыря. Въ началѣ XVII ст., послѣ введенія уніи въ Литвѣ, Троицкій монастырь былъ обращенъ въ уніатскій. Святая же икона въ 1716 г. захвачена была католическими монахами кармелитами босыми (монастырь этихъ монаховъ находился около этой часовни; онъ основанъ былъ тоже въ началѣ XVII ст.). Троицкіе монахи, будучи уже уніатами, жаловались папѣ, но тотъ рѣшилъ дѣло въ пользу кармелитовъ. Въ 1832 г. по Высочайшему повелѣнію приказано было передать костелъ св. Терезіи вмѣстѣ съ Остробрамскою часовнею и иконою Божіей Матери православному духовенству. Но этой передачи не послѣдовало. Дѣло поведено было такъ искусно (а кѣмъ—неизвѣстно), что вмѣсто настоящаго костела св. Терезіи кармелитовъ босыхъ, при которомъ была часовня съ Остробрамскою Божіею Матерью, назначили къ передачѣ костелъ св. Терезіи тѣхъ же кармелитовъ босыхъ, находящійся внѣ города и притомъ въ развалинахъ. Православные отказались принять этотъ послѣдній костелъ; тѣмъ дѣло и кончилось. На обратной сторонѣ этой иконы была надпись славянскими буквами: „Честнѣйшую херувимъ", а можетъ быть и теперь есть. И вотъ преданіе говоритъ, что эту икону вывезъ Ольгердъ изъ Корсуня и поставилъ ее въ Вильнѣ на воротахъ, по обычаю православной церкви.

Вслѣдъ же за покореніемъ Подолія Ольгерду подчинился и Кіевъ, именно:

Въ концѣ первой половины XIII ст. Кіевское княжество вмѣстѣ съ г. Кіевомъ подпало власти Батыя. Но татары, завоевавши русскія княжества, не вмѣшивались во внутреннія дѣла, а ограничивались только сборомъ податей. Они даже не смѣняли и князей, если эти князья были послушны ханамъ. Такъ было и въ Кіевѣ: послѣ взятія Кіева татарами, тамъ продолжали сидѣть русскіе князья. Во время Ольгерда въ Кіевѣ княжилъ какой-то русскій князь Θеодоръ, состоявшій, конечно, въ полной зависимости отъ хана Золотой Орды. Но въ это время, какъ извѣстно, происходили въ Ордѣ страшныя смуты: ханы быстро и насильственно смѣняютъ другъ друга. Въ 1362 г., т. е. въ годъ побѣды Ольгерда на Синихъ-водахъ, Орда распалась даже на двѣ части: въ одной былъ ханомъ Абдулъ, а въ другой Мюрадъ; ханы эти, лишь только утвердились на своихъ мѣстахъ, какъ начали между собою новую кровавую борьбу. А этою послѣднею борьбою въ Золотой Ордѣ и воспользовался литовскій князь: онъ явился въ Кіевъ съ войскомъ, занялъ его, смѣнилъ князя Θеодора и посадилъ тутъ своего сына Владимира. Въ то же время Подоліе онъ отдалъ своимъ племянникамъ, сыновьямъ Каріата.

Такимъ образомъ, Подоліе и Кіевская область вошли въ составъ Литовскаго государства. Ханы Золотой Орды, занятые внутренними смутами, не противодѣйствовали покоренію Ольгердомъ этихъ областей; но, тѣмъ не менѣе, они продолжали считать эти земли своими и въ 1373 г. татары пытались даже силою оружія возвратить ихъ, но были разбиты Ольгердомъ [1]). Но окончательный споръ объ этихъ областяхъ рѣшенъ въ пользу Литвы только при Витовтѣ.

Борьба Ольгерда и его братьевъ—Кейстута и Любарта—съ польскимъ королемъ Казимиромъ Великимъ за галицко-волынское наслѣдство. Мы выше говорили, что Гедиминъ, изъ политическихъ разсчетовъ, сына своего Любарта женилъ на дочери послѣдняго волынскаго князя, изъ рода Даніила Романовича Галицкаго, Льва Юрьевича—Бушѣ [2]). Дочь же свою (имя ея неизвѣстно) изъ тѣхъ же видовъ отдалъ въ 1331 г. за Болеслава Тройденовича, племянника галицкаго князя Юрія II Андреевича [3]). По смерти Льва Юрьевича, тестя Любарта, волынскія земли по наслѣдству перешли къ Юрію II Андреевичу, какъ племяннику покойнаго Льва Юрьевича; Любартъ же Геди-

---

[1]) См. В. Б. Антоновича „Очеркъ исторіи Великаго Литовскаго княжества“. 1878 г. Кіевъ, стр. 151.

[2]) См. выше родословную князей галицко-волынскихъ.

[3]) Болеславъ Тройденовичъ племянникомъ приходился Юрію II по своей матери (сестрѣ Юрія II) Маріи.

миновичъ, какъ зять Льва Юрьевича, получилъ одинъ только Луцкъ. Въ 1335 г. скончался и Юрій II Андреевичъ; онъ былъ послѣдній князь галицкихъ земель изъ потомства Даніила Романовича въ мужской линіи. Наслѣдниками Юрія остались: Болеславъ Тройденовичъ и Буша, двоюродная сестра Юрія, жена Любарта Гедиминовича. И дѣйствительно, наслѣдство это и попало въ руки вышеозначенныхъ законныхъ наслѣдниковъ: галицкимъ княземъ и всѣхъ земель этого княжества, по приглашенію бояръ, сдѣлался Болеславъ Тройденовичъ, а Волынь, съ главнымъ городомъ Владиміромъ, занята была Любартомъ Гедиминовичемъ.

Но первому, т. е. Болеславу Тройденовичу, недолго пришлось управлять галицкою Русью. Въ младенчествѣ онъ былъ окрещенъ по обряду православной церкви и воспитывался въ этой религіи. Но впослѣдствіи, по настоянію своего старшаго родственника Владислава Локотка, перешелъ въ католичество. Сдѣлавшись галицко-русскимъ княземъ, Болеславъ окружилъ себя поляками, венграми и нѣмцами; обложилъ народъ тяжелыми податями. Стараясь обратить православныхъ галичанъ въ католицизмъ, Болеславъ сталъ преслѣдовать сихъ послѣднихъ, употребляя для этой цѣли самыя жестокія мѣры. Крайне распущенный, онъ въ то же время заявилъ себя въ Галиціи страшнымъ развратникомъ; удовлетворяя своему скотскому чувству, Болеславъ не давалъ пощады ни женамъ, ни дочерамъ самыхъ знатныхъ бояръ Галиціи. Таковъ былъ князь, приглашенный самими галичанами послѣ смерти кроткаго Юрія II. Но не таковы были галицкіе бояре, чтобы терпѣть насиліе и жестокости отъ человѣка, котораго они сами призвали, и притомъ фанатическаго ренегата. Три года спустя послѣ приглашенія Болеслава на галицкій столъ, бояре составили заговоръ. Но такъ какъ лишить жизни Болеслава открыто нельзя было, въ виду того, что его окружала иноземная дружина, то положили убить тайно; для этой цѣли они воспользовались однимъ пиромъ, на которомъ поднесли Болеславу напитокъ съ такою сильною отравою, что когда тотъ выпилъ его, то былъ разорванъ на куски.

Послѣ смерти Болеслава Тройденовича не осталось прямыхъ наслѣдниковъ на Галицію. Ближайшее право на нее по родству и другимъ правамъ имѣли: а) Любартъ Гедиминовичъ, какъ женатый на Бушѣ, двоюродной теткѣ покойнаго Болеслава; б) всѣ братья Любарта, такъ какъ сестра ихъ была за Болеславомъ Тройденовичемъ; в) венгерскій король Карлъ Робертъ; этотъ считался наслѣдникомъ Галиціи на томъ основаніи, что сто лѣтъ тому назадъ два предка его: Андрей (бывшій венгерскій король) и сынъ Андрея Коломанъ нѣкоторое время сидѣли на галицкомъ столѣ, и, наконецъ, г) польскій король Казиміръ III Великій; Казиміръ же признавался наслѣдникомъ вышеозначенной области потому, что Болеславъ Тройденовичъ былъ сынъ мазо-

вецкаго князя, который приходился ему троюроднымъ братомъ и состоялъ въ вассальной зависимости отъ Польши.

Послѣ смерти Болеслава Тройденовича, первый обнаружилъ стремленіе овладѣть Галиціею Казимиръ Великій, т. е. тотъ наслѣдникъ на нее, который менѣе другихъ имѣлъ на это право. Объ этомъ въ источникахъ разсказывается такъ: когда о смерти Болеслава Тройденовича сдѣлалось извѣстно въ Краковѣ, то польскій король, не теряя времени, собралъ небольшую дружину и окольными путями, обходя города и крѣпости, чрезъ лѣса и болота, быстро понесся къ столицѣ Галицкой земли—Львову. Захвативъ ее врасплохъ, Казимиръ, прежде всего, овладѣлъ сокровищами галицкихъ князей: золотомъ, серебромъ, жемчугомъ, коронами, дорогими одеждами, церковными сосудами, крестами, усыпанными драгоцѣнными камнями, и т. п., [1]) а затѣмъ, приведши жителей города къ присягѣ на вѣрность къ себѣ и сжегши два замка, служившихъ оплотомъ столицѣ, возвратился въ Краковъ.

На слѣдующій годъ Казимиръ III-й снова явился въ Львовъ, занялъ важные города Галиціи своими войсками, объявилъ эту область собственностью и сталъ въ ней хозяйничать, какъ дома.

Захватъ Казимиромъ Галиціи можетъ быть кончился бы для польскаго короля безъ дурныхъ послѣдствій, если бы сей захватъ ограничился только одною этою областью. Но онъ, къ сожалѣнію, не ограничился одною ею: овладѣвши Галиціею, Казимиръ началъ забирать и города Волынской области: Волынскъ, Кременецъ, Бѣльскъ и др., т. е. тѣ города, на которые Любартъ Гедиминовичъ имѣлъ болѣе права, чѣмъ Казимиръ. Тогда Любартъ Гедиминовичъ по неволѣ долженъ быть выступить противъ польскаго короля. И такимъ образомъ началась борьба за галицко-волынское наслѣдство.

Сначала военныя дѣйствія для Любарта Гедиминовича были неудачны: Казимиръ отнялъ у него много городовъ и даже самого плѣнилъ; выпустилъ только благодаря сильной просьбѣ Кейстута. Но потомъ дѣла Любарта поправились: соединившись съ нѣкоторыми своими братьями, онъ нанесъ нѣсколько пораженій польскому королю, такъ

---

[1]) Между драгоцѣнными крестами Казимиръ Великій увезъ одинъ крестъ изъ чистаго золота, осыпанный такими крупными драгоцѣнными камнями, что цѣнился болѣе 10,000 червонцевъ. Но особенно этотъ крестъ важенъ былъ тѣмъ, что внутри его задѣлана была одна изъ большихъ частей животворящаго креста Господня. Крестъ этотъ онъ, привезши въ Краковъ, выставилъ для всеобщаго поклоненія, а потомъ передалъ его въ краковскій каѳедральный соборъ, гдѣ онъ и теперь находится.

Примѣчаніе. Подобный же крестъ кіевскій латинскій бискупъ Андрей въ 1420 г. похитилъ изъ кіевскаго Софійскаго собора и передалъ его въ г. Люблинъ въ доминиканскій монастырь, гдѣ и теперь онъ обрѣтается.

что тотъ долженъ былъ вступить въ переговоры съ Гедиминовичами. Слѣдствіемъ чего было перемиріе на два года, т. е. отъ 1347 до 1349 года [1]). Въ силу этого перемирія за польскимъ королемъ осталась одна только Львовская земля, а земля Владимирская и удѣлы: Луцкій, Бельзскій, Холмскій, Берестейскій и даже Кременецъ остались въ рукахъ литовскихъ князей.

По истеченіи перемирія польскій король первый началъ войну съ Гедиминовичами за галицко-волынское наслѣдство. Въ 1349 г. въ концѣ лѣта Казимиръ III съ огромными силами явился въ галицко-волынскія земли и въ короткое время захватилъ города, уступленные Гедиминовичамъ по послѣднему перемирію, именно: Холмъ, Бельзъ, Владимиръ, Луцкъ и Берестье; послѣ этого польскій король Казимиръ III предложилъ миръ Гедиминовичамъ, причемъ обѣщался уступить Любарту Луцкъ, и то, впрочемъ, на правахъ вассальной зависимости. Что отвѣчали на это дѣти Гедимина, источники не говорятъ. Такъ прошло около года. Казимиръ почти окончательно утвердился въ завоеванномъ краѣ и дѣло Любарта и его братьевъ касательно галицко-волынскаго наслѣдства казалось почти проиграннымъ. Но его поправилъ Кейстутъ, и поправилъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Это случилось такъ: Кейстутъ, желая возвратить себѣ Берестье, вступилъ одинъ въ переговоры съ Казимиромъ, а когда тотъ не соглашался на отдачу означеннаго города, то трокскій князь выразилъ желаніе принять католичество, лишь бы только получить отцовское достояніе. Польскій король повѣрилъ искренности Кейстута, обѣщался исполнить желаніе его относительно Берестья, какъ только князь приметъ католичество. Въ то же время Казимиръ III довелъ объ этомъ до свѣдѣнія папы Климента VI. Папа немедленно изготовилъ три буллы: одну на имя Казимира, другую—Кейстута и третью—гнѣзненскаго архіепископа. Въ первой грамотѣ папа благодарилъ польскаго короля за его миссіонерскую дѣятельность; во второй—поздравлялъ Кейстута съ намѣреніемъ вступить въ лоно христіанской церкви и въ то же время давалъ обѣщаніе возвести его немедленно, послѣ принятія крещенія, въ королевское достоинство, и въ третьей, наконецъ, папа предписывалъ гнѣзненскому архіепископу отправить миссіонеровъ и священниковъ въ Литву. Такимъ образомъ война, начатая такъ удачно для Казимира III, стала

---

[1]) Письменный договоръ этого перемирія дошелъ до насъ въ подлинникѣ. Онъ написанъ на пергаментномъ листѣ по-русски и читается такъ: „Пусть знаетъ каждый человѣкъ, который на этотъ листъ посмотритъ, что я, князь Евнутій, и Кистутій, и Любартъ, и Юрій Наримонтовичъ, и Юрій Каріятовичъ, чинимъ миръ твердый съ королемъ Казимиромъ польскимъ“ и т. д. Къ грамотѣ приложена печать и подписи. Актъ этотъ въ настоящее время хранится, какъ мы уже разъ замѣтили, въ главномъ архивѣ Царства Польскаго, въ Варшавѣ.

клониться къ мирной развязкѣ, съ выгодою какъ для католической пропаганды, такъ и для Польши, потому что Казимиръ разсчитывалъ, что Кейстутъ, получивъ королевскій вѣнецъ, отложится отъ Ольгерда и этимъ самымъ раздѣлитъ и ослабитъ Литовское государство. Между тѣмъ, пока велась переписка съ папою, польскій король, не ожидая окончательнаго исхода дѣла, распустилъ войско и возвратился домой. Этого-то обстоятельства собственно и выжидалъ Кейстутъ: онъ тотчасъ прекратилъ переговоры и, въ союзѣ съ Любартомъ, вытѣснилъ польскіе гарнизоны изъ замковъ земли волынской, холмской и бельзской; мало того, Кейстутъ и Любартъ перешли даже въ коренныя польскія владѣнія и опустошили земли: сандомирскую, радомскую и луковскую. Воспрепятствовать всему этому тотчасъ Казимиръ не могъ, потому что въ это время у него какъ разъ началась борьба съ духовенствомъ. Только въ слѣдующемъ году, т. е. въ 1351, онъ рѣшился начать войну съ Гедиминовичами. Но на этотъ разъ онъ не рискнулъ напасть на литовскихъ князей одними собственными силами, а постарался заручиться стороннею помощью. Прежде всего польскій король донесъ папѣ Клименту VI о вѣроломствѣ Кейстута и причемъ, заявляя св. отцу о своемъ желаніи снова начать войну съ Гедиминовичами, просилъ его о помощи. Вслѣдствіе этого Климентъ VI отправилъ въ Польшу двѣ буллы; въ одной онъ приказывалъ польскимъ епископамъ объявить крестовый походъ на языческую Литву, а въ другой назначалъ Казимиру на войну десятую часть изъ церковныхъ доходовъ въ Королевствѣ польскомъ. Въ то же самое время польскій король обратился за помощью и къ родственнику своему, венгерскому королю Людовику [1]), и при этомъ просилъ его уступить ему и свои права на Галицію. Венгерскій король исполнилъ желаніе Казимира: онъ отказался отъ своихъ правъ на Галицію и обѣщался прислать свои полки, но при семъ поставилъ слѣдующія условія: если онъ самъ или его наслѣдники пожелаютъ возвратить Галицію Венгріи, то Польша не должна этому противиться, получивъ только отъ Венгріи 100,000 злотыхъ; а если умретъ бездѣтнымъ Казимиръ польскій, то Галиція вмѣстѣ съ Польшею должны перейти къ нему по наслѣдству. Между тѣмъ, Гедиминовичи, узнавши объ этомъ, съ своей стороны, постарались пріобрѣсть союзниковъ: Ольгердъ нашелъ ихъ въ подольскихъ татарахъ. Такимъ образомъ война за галицко-волынское наслѣдство приняла болѣе значительные размѣры и затянулась еще на 5 лѣтъ. Въ началѣ войны опять былъ успѣхъ на сторонѣ польскаго короля: онъ въ союзѣ съ венграми разбилъ и татаръ, и Кейстута съ Любартомъ; при этомъ Кейстутъ даже попалъ въ плѣнъ,

---

[1]) Въ это время въ Венгріи королемъ былъ Людовикъ; Карлъ Робертъ умеръ въ 1342 г., т. е. на другой годъ послѣ захвата Казимиромъ Великимъ Галиціи.

а Любартъ едва избѣжалъ этой участи. Плѣненный Кейстутъ приведенъ былъ въ лагерь польскаго и венгерскаго короля. Когда трокскій князь просилъ позволенія вернуться домой, то ему предложили какія-то условія (намъ неизвѣстныя) и заставили поклясться въ исполненіи ихъ. Для этой цѣли былъ убитъ быкъ, на трепещущемъ трупѣ котораго Кейстутъ, въ присутствіи Казимира и Людовика и ихъ блестящей свиты, произнесъ торжественную клятву [1]). Но, не смотря на эту клятву, Кейстута почему-то не отпустили, онъ какимъ-то чудомъ самъ ушелъ изъ заключенія и возвратился въ отечество. Но эти успѣхи Казимира III непродолжительны были. На помощь Кейстуту, уже возвратившемуся изъ плѣна, и Любарту явился самъ великій литовскій князь Ольгердъ. Съ этого времени дѣла приняли другой оборотъ: польскій король, разбитый въ нѣсколькихъ битвахъ, отказался отъ Волыни и Галиціи и согласился остаться при одномъ только Львовскомъ удѣлѣ, что имѣлъ и до войны. Такимъ образомъ борьба эта кончилась ничѣмъ для польскаго короля. Литовскіе князья, по прежнему, удержали за собою: Луцкъ, Владиміръ, Холмъ, Бельзъ, Берестье и др.

Спустя десять лѣтъ, т. е. въ 1366 г., польскій король Казиміръ III началъ третью войну съ Гедиминовичами за галицко-волынскія земли. Война эта продолжалась съ разными промежутками ровно одиннадцать лѣтъ и кончилась послѣ уже смерти Казимира III, при его преемникѣ Людовикѣ Венгерскомъ и въ послѣдній годъ жизни Ольгерда. Послѣдняя война для Ольгерда и его братьевъ кончилась не такъ удачно, какъ въ первые два періода этой войны. Въ 1377 г. заключенъ былъ миръ Литвы съ Польшею; по этому миру за Ольгердомъ осталась Волынь съ городами: Владиміромъ, Луцкомъ и Берестьемъ; Бельзскій же удѣлъ отданъ былъ Юрію Наримунтовичу (племяннику Ольгерда) пожизненно на ленномъ правѣ. Въ 1388 г., послѣ смерти Юрія, онъ былъ отданъ мазовецкимъ князьямъ также въ ленъ, которые и владѣли имъ до 1462 г. Польшѣ же досталась Галиція съ удѣломъ Холмскимъ. Управленіе этими областями Людовикъ передалъ одному изъ силезскихъ князей Владиславу Опольскому [2]).

---

[1]) Въ одной лѣтописи объ этой клятвѣ разсказывается такъ: привели быка краснаго цвѣта и привязали его надъ двумя копьями. Кейстутъ взялъ широкій ножъ и кинулъ его въ быка и попалъ ему прямо въ средину жилки, кровь брызнула струею. Тогда литовскій князь самъ и всѣ его окружавшіе литвины намазали себѣ этою кровью руки и лицо и воскликнули по-литовски: „рагахина розненахи господаны" (до сего времени слова необъяснимыя). Затѣмъ Кейстутъ отрубилъ голову быка и вмѣстѣ съ литвинами три раза прошелъ между головою животнаго и его туловищемъ, произнося тѣ же таинственныя слова.

[2]) Владиславъ Опольскій былъ сначала православнымъ, а потомъ перешелъ въ католичество и за свою ревность, съ какою онъ дѣйствовалъ въ Галиціи въ пользу римской церкви и въ ущербъ православной, получилъ названіе „Ла-

Борьба Ольгерда съ московскимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Во время княженія въ Литвѣ Ольгерда Гедиминовича Московскимъ государствомъ послѣдовательно, одинъ за другимъ, управляли слѣдующіе князья: Симеонъ Іоанновичъ Гордый (1341—1353), братъ его Іоаннъ Іоанновичъ (1353—1359) и сынъ послѣдняго Димитрій Іоанновичъ (1361—1389). Съ первыми двумя московскими князьями Ольгердъ былъ въ дружбѣ и никогда съ ними не велъ войны. Разъ только литовскій князь попытался было заключить союзъ съ ханомъ Золотой Орды Чанибекомъ противъ Симеона Гордаго; съ этою цѣлію въ 1349 г. онъ даже послалъ къ нему своего брата Каріата Гедиминовича вмѣстѣ съ свислочскимъ княземъ Михаиломъ, но попытка вышла крайне неудачною. Ченибекъ не только не согласился на предложеніе Ольгерда, но, по словамъ лѣтописца, пришелъ въ такой гнѣвъ, что велѣлъ схватить пословъ литовскаго князя и отдать ихъ московскому князю. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Ольгерда, то онъ перепугался не на шутку: въ перспективѣ ему представлялся погромъ Литвы Симеономъ Гордымъ въ союзѣ съ татарами. Чтобы отвратить опасность, литовскій князь немедленно послалъ къ московскому князю пословъ „съ великою честью, какъ говоритъ лѣтописецъ, и огромными дарами, прося мира и живота своей братіи“. Посольство было принято, миръ заключенъ и скрѣпленъ двойнымъ брачнымъ союзомъ: племянница Симеона Іоанновича, дочь Константина Ростовскаго отдана была въ замужество за Любарта Гедиминовича (онъ въ это время былъ вдовымъ), самъ же Ольгердъ женился на свояченицѣ московскаго князя Юліаніи Александровнѣ Тверской.

тинскаго апостола“. По разсказамъ польскихъ писателей, Владиславъ Опольскій извѣстенъ еще тѣмъ, что во время борьбы Людовика Венгерскаго (преемника Казимира Великаго) съ Гедиминовичами за галицко-волынское наслѣдство, въ 1377 г. увезъ изъ православной церкви, находившейся въ бельзскомъ замкѣ, такъ называемую „Ченстоховскую“ икону Божіей Матери; сначала онъ помѣстилъ ее въ г. Львовѣ, а потомъ въ своемъ имѣніи Ченстоховѣ, гдѣ она и теперь находится въ католическомъ монастырѣ паулиновъ (босоногихъ) и въ настоящее время составляетъ главную святыню поляковъ.

Примѣчаніе. Ченстоховская икона Божіей Матери, по преданію, написана св. евангелистомъ Лукою. Но какъ она попала въ Бельзъ? Одни изъ польскихъ писателей, говорятъ, что эта икона русскимъ княземъ Владимиромъ Святымъ привезена изъ Цареграда, а потомъ какимъ-то его родственникомъ, вслѣдствіе какого-то брачнаго союза, передана въ г. Бельзъ; другіе говорятъ, что въ Бельзъ икону эту принесли Кириллъ и Меѳодій; третіе, наконецъ, передаютъ, что икона Ченстоховской Божіей Матери сначала подарена была греческимъ императоромъ Карлу Великому, а тотъ передалъ ее Льву Даніиловичу въ благодарность за его борьбу съ татарами. Послѣднее сообщеніе явная нелѣпость: Карлъ умеръ 814 г., а Левъ Даніиловичъ 1301 г.

Съ этого времени миръ между обоими государствами не нарушался въ продолженіе 18 лѣтъ, т. е. до 1368 г. Борьба двухъ соперницъ—собирательницъ Руси, Литвы и Москвы, произошла при Димитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ, третьемъ князѣ, сидѣвшемъ на московскомъ престолѣ при Ольгердѣ Гедиминовичѣ. Борьба началась за Тверское княжество.

Тверское княжество до половины XIII ст. было въ зависимости отъ суздальскихъ князей. Самостоятельнымъ оно дѣлается при Ярославѣ Ярославичѣ, братѣ Александра Невскаго. Въ первой половинѣ XIV ст. княжество это, вслѣдствіе размноженія вѣтви Ярослава Ярославича, распалось на многіе мелкіе удѣлы: Кашинскій, Микулинскій, Холмскій, Городецкій и др. Князья этихъ удѣловъ, подобно всѣмъ русскимъ князьямъ, постоянно ссорились между собою. Съ начала второй половины XIV ст. въ эти ссоры, съ цѣлію утвердить свое вліяніе, стали вмѣшиваться какъ литовскіе князья, такъ и русскіе, а на этомъ-то пути Ольгердъ и столкнулся съ Димитріемъ Донскимъ, такъ что между ними возгорѣлась довольно продолжительная борьба, именно:

Въ 1357 г. въ Тверской области произошла ссора между двумя князьями: Василіемъ Михайловичемъ Тверскимъ [1]) и его племянникомъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ. Сторону перваго принялъ московскій князь Іоаннъ Іоанновичъ, а сторону второго—Ольгердъ Гедиминовичъ [2]). Дѣло было, дѣйствительно, приняло грозное направленіе, но, благодаря кротости и великодушію московскаго князя, оно кончилось ничѣмъ; дядя же и племянникъ помирились.

Въ 1365 г. въ Тверской области распря снова вспыхнула: тотъ же Василій Михайловичъ началъ споръ съ братомъ Всеволода Александровича Михаиломъ, княземъ микулинскимъ, по слѣдующему случаю: изъ всѣхъ мелкихъ князей Тверской области Василій Михайловичъ болѣе всего любилъ Ере́мія Константиновича (тоже племянника, только отъ другого брата); въ 1364 г. отъ моровой язвы умеръ братъ Ере́мія Симеонъ Константиновичъ, князь городецкій; передъ смертію своею онъ отказалъ свой удѣлъ не родному брату Ере́мію, а двоюродному Михаилу Александровичу, шурину Ольгерда. Ере́мій заявилъ претензію на этотъ удѣлъ, сторону его принялъ дядя Василій Михайловичъ Тверской. Послѣ долгихъ споровъ, всѣ трое обратились къ третейскому суду, составившемуся изъ московскаго князя Димитрія Іоанновича и митрополита Алексія. Третейскій судъ рѣшилъ дѣло въ пользу Ере́мія, а когда Михаилъ Александровичъ не хотѣлъ подчиниться этому суду, то его арестовали и продержали нѣсколько времени въ тюрьмѣ. Освободив-

---

[1]) Этотъ князь извѣстенъ еще подъ именемъ князя Кашинскаго, такъ какъ до полученія тверского стола онъ занималъ Кашинскій удѣлъ.

[2]) Ольгердъ былъ родственникъ Всеволода Александровича: за нимъ была въ замужествѣ сестра Всеволода, Юліанія.

шись изъ-подъ ареста, Михаилъ выѣхалъ изъ Москвы непримиримымъ врагомъ Димитрія Іоанновича Донского.

Въ 1368 г. умеръ Василій Михайловичъ Тверской; мѣсто его заняль Михаилъ Александровичъ микулинскій, какъ старшій въ родѣ; но это очень не понравилось Димитрію Іоанновичу: онъ боялся усиленія власти обиженнаго имъ князя; притомъ Димитрію Донскому самому хотѣлось захватить Тверское княжество и присоединить его къ своему государству; поэтому московскій князь отправилъ посольство къ Михаилу Александровичу микулинскому съ требованіемъ отказаться отъ тверского стола, въ противномъ случаѣ грозилъ ему войною; тверской князь не послушался: онъ рѣшился начать борьбу съ Димитріемъ Донскимъ; но, сознавая, что ему одному собственными силами не одолѣть московскаго князя, обратился за помощью къ своему зятю Ольгерду; литовскій князь обѣщался помочь и сталъ готовиться къ борьбѣ съ Москвою.

Русскій лѣтописецъ, характеризуя Ольгерда, между прочимъ, говоритъ: „литовскій князь имѣлъ такой обычай, если собирался на кого итти войною, то никому не открывалъ своихъ плановъ на счетъ похода и никто не зналъ, куда онъ собиралъ рать; дѣлалъ это онъ, прибавляетъ тотъ же лѣтописецъ, съ тою цѣлію, чтобы вѣсть объ его походѣ не дошла раньше до непріятеля“. Такъ и на этотъ разъ литовскій князь поступилъ согласно своему скрытому характеру: рѣшившись помочь шурину противъ московскаго князя, Ольгердъ собралъ огромную рать и вмѣстѣ съ Кейстутомъ, а также сыномъ его Витовтомъ и многими другими подручными князьями двинулся на Москву съ такою тайною, что Димитрій Донской узналъ объ этомъ только тогда, когда тотъ вступилъ въ московскіе предѣлы и сталъ опустошать русскія области. Застигнутый врасплохъ, Димитрій Іоанновичъ едва успѣлъ послать передовой полкъ для задержанія Ольгерда, пока соберутся войска изъ подручныхъ удѣловъ, куда немедленно были разосланы грамоты, и запереться въ Кремлѣ.

Между тѣмъ, литовскій князь, опустошая русскую территорію, приблизился къ передовому московскому полку; произошла кровопролитная битва; полкъ былъ уничтоженъ, причемъ и два предводителя его—Димитрій Мининъ и Акинѳъ Шуба—были убиты; затѣмъ не далеко отъ Можайска Ольгердъ встрѣтилъ двухъ удѣльныхъ князей, идущихъ къ Москвѣ на зовъ Димитрія Донского: Симеона Крапиву Стародубскаго и Константина Оболенскаго; опять произошла кровопролитная битва и снова Ольгердъ одержалъ рѣшительную побѣду, причемъ и тутъ погибли оба предводителя. Послѣ этого литовскій князь занялъ Москву и расположился подъ стѣнами Кремля. Но тутъ онъ недолго простоялъ: боясь, чтобы на него съ тылу не напали русскія войска, шедшія на выручку Димитрія Іоанновича, чрезъ три дня вышелъ изъ города, опу-

стошилъ окрестности его и удалился въ свои владѣнія съ богатою добычею и множествомъ плѣнныхъ.

Послѣдствіемъ этого похода литовскаго князя на Москву было временное устраненіе вліянія Димитрія Іоанновича на дѣла тверскія.

Но одна неудача не принудила московскаго князя отказаться отъ желанія подчинить своему вліянію Тверскую область. Годъ спустя, послѣ похода Ольгерда на Москву, Димитрій Іоанновичъ, собравшись съ силами, снова напалъ на Тверское княжество и разорилъ города: Микулинъ и Зубцовъ и увелъ большой полонъ. Михаилъ опять обратился за помощью къ своему шурину Ольгерду, слѣдствіемъ чего былъ вторичный походъ Ольгерда вмѣстѣ съ Кейстутомъ и смоленскимъ княземъ Святославомъ на московскаго князя. Послѣ неудачной осады Волокъ-Ламска, Ольгердъ съ союзниками быстро пошелъ къ Москвѣ и 6-го декабря снова обложилъ ее; Димитрій и теперь, какъ и въ первый походъ Ольгерда, заперся въ Кремлѣ. Но двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій, находясь въ это время внѣ Москвы, собралъ у Перемышля огромное войско и началъ двигаться къ столицѣ, чтобы напасть на литовскаго князя съ тылу. Когда узналъ объ этомъ Ольгердъ, то, по словамъ лѣтописи, сильно испугался: ему приходилось вступить въ битву съ войскомъ втрое сильнѣйшимъ, чѣмъ его собственное, поэтому онъ немедленно снялъ осаду и началъ переговоры съ московскимъ княземъ о мирѣ; при этомъ литовскій князь далъ слово болѣе не вмѣшиваться въ дѣла тверскія и въ то же время, для большей прочности мира, изъявилъ желаніе имѣть своимъ зятемъ Владиміра Андреевича. Предложеніе было принято, только вмѣсто мира, по желанію Димитрія, заключено было перемиріе и дочь Ольгерда Елена вышла замужъ за князя серпуховскаго. Это было въ 1371 году.

Но и этимъ война съ Литвою не окончилась; она началась опять изъ-за Тверского княжества. Михаилъ Александровичъ, оставленный своимъ шуриномъ на жертву, такъ сказать, московскаго князя, рѣшился искать помощи у хана Золотой Орды Мамая, управлявшаго въ это время дѣлами Золотой Орды. Тверской князь выхлопоталъ тамъ себѣ ярлыкъ на Владимирское княжество и этимъ самымъ возобновилъ старый споръ съ Москвою за первенство въ восточной Руси. Но это ему не помогло: во-первыхъ, владимирцы, гдѣ Михаилъ хотѣлъ объявить себя великимъ княземъ, не приняли его къ себѣ, а во-вторыхъ, самъ московскій князь успѣлъ съѣздить въ Орду, гдѣ принятъ былъ съ великою честью, получилъ новый ярлыкъ на великокняжескій столъ и вдобавокъ ему отдали еще сына Махаила Тверского, котораго отецъ тамъ заложилъ за 10,000 руб. и за котораго московскій князь заплатилъ. По возвращеніи въ Москву прежде всего Димитрій получилъ съ тверского князя заплаченныя деньги за сына его, а потомъ началъ громить волости Михаила и забирать ихъ себѣ. Тверской князь

опять обратился за помощью къ литовскому князю. Ольгердъ съ Кейстутомъ въ третій, и послѣдній, разъ явился на защиту своего шурина. Онъ, благодаря тому, что въ это время Димитрій Донской занятъ былъ войною съ Олегомъ Рязанскимъ, разорилъ Переяславъ и Кашинъ, а Михаилъ Александровичъ въ то же время овладѣлъ Угличемъ и Торжкомъ. Но эти успѣхи князей литовскаго и тверского были непродолжительны: Димитрій Іоанновичъ, окончивши войну съ Олегомъ Рязанскимъ, двинулся на своихъ противниковъ, которые въ это время успѣли соединиться; битва произошла при селѣ Любутскѣ (Калужской губ.) и кончилась пораженіемъ союзниковъ. Ольгердъ, ошеломленный этою битвой, только съ небольшимъ остаткомъ войска убѣжалъ съ поля битвы и скрылся гдѣ-то за глубокими и недоступными рвами. Оттуда онъ послалъ пословъ къ московскому князю съ предложеніемъ мира. Предложеніе и теперь было принято, но и на этотъ разъ, по желанію московскаго князя, опять заключенъ былъ не миръ, а перемиріе. Въ силу условій этого перемирія Ольгердъ снова отказался, и притомъ въ болѣе торжественной формѣ, отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла тверскія и поклялся никогда не заступаться за своего шурина. Это было въ 1372 году.

Такимъ образомъ, стремленіе литовскаго князя осилить московскаго князя и упрочить свое вліяніе въ Твери кончилось полною неудачею. Въ 1374 и затѣмъ 1375 гг. Михаилъ Александровичъ пытался было одними собственными силами одолѣть московскаго князя, но эта попытка не удалась: онъ потерпѣлъ три пораженія; затѣмъ, осажденный въ самой Твери, вступилъ въ переговоры съ Димитріемъ Іоанновичемъ, призналъ себя младшимъ братомъ московскаго князя и сталъ въ такое положеніе къ нему, въ какомъ находились остальные удѣльные князья, признававшіе первенство московскихъ князей; въ то же время тверской князь сложилъ крестное цѣлованіе къ Ольгерду и далъ клятвенное обязательство Димитрію Донскому, что въ случаѣ нападенія на него литовскаго князя искать помощи у Димитрія Іоанновича, а въ случаѣ нападенія Ольгерда на Москву—стать въ ряды московскаго ополченія.

Борьба Ольгерда и Кейстута съ крестоносцами. Кейстутъ, какъ главный борецъ и защитникъ западной границы Литовскаго государства при Ольгердѣ. Мы выше уже говорили, что рыцари, послѣ неудачнаго похода, совершеннаго ими въ 1345 г. вмѣстѣ со множествомъ знатныхъ гостей подъ начальствомъ несчастнаго Людольфа Кенига (признаннаго потомъ за этотъ походъ, какъ мы видѣли, сумашедшимъ), измѣнили свой образъ дѣйствій по отношенію къ Литвѣ. Вмѣсто большихъ походовъ рыцари предпринимаютъ частыя и мелкія вторженія, такъ называемыя у лѣтописцевъ ордена „рейзами". Походы эти совершались или съ цѣлію захвата извѣстной части территоріи литовской, или обогащенія и увода плѣнныхъ, или, наконецъ, просто

для развлеченія, въ видѣ охоты, въ честь какихъ-нибудь пріѣзжихъ знатныхъ гостей въ Пруссію. Рейзы эти совершались по большей части подъ начальствомъ или самого магистра ордена, или командора, или, наконецъ, другого кого-нибудь болѣе опытнаго рыцаря. Но были и такіе походы, и ихъ очень много, которые совершались цѣлыми толпами нѣмецкихъ крестоносцевъ, безъ согласія ихъ начальниковъ, по своей личной охотѣ. Послѣдняго рода вторженія нѣмецкихъ охотниковъ въ литовскую территорію почасту совершались даже и тогда, когда заключено было перемиріе рыцарей съ литовцами. Поэтому сами рыцари считали ихъ „воровскими" и не принимали на себя отвѣтственности за ихъ поступки, хотя и не препятствовали вторженіямъ.

Какъ рейзы регулярныхъ силъ крестоносцевъ, такъ и воровскіе походы на Литву совершались по большей части конными отрядами, но нерѣдко и водою на лодкахъ. Главная задача тѣхъ и другихъ во время вторженій состояла въ томъ, чтобы врасплохъ застать литовцевъ. Если это имъ удавалось, то они разбивались на мелкіе отряды и при этомъ старались какъ можно болѣе захватить селъ и деревень для грабежа. Затѣмъ всѣ захваченныя села и деревни съ домами и гумнами и разнаго рода постройками предавались пламени, а жителей частію убивали на мѣстѣ, а частію уводили въ плѣнъ. Но если же жители селъ и деревень литовскихъ узнавали ранѣе о нападеніи крестоносцевъ или воровскихъ отрядовъ, то бросали свои хижины и со всѣмъ имуществомъ убѣгали въ чащу лѣсовъ и болотъ и тамъ скрывались. Въ такихъ случаяхъ рыцари и воровскіе охотники, разрушивши покинутыя жилища, употребляли пріемы охоты, т. е. облавы, какъ на дикихъ звѣрей; въ случаѣ же отысканія и захвата скрывшихся литовцевъ, пощады не было никакой: и старый, и малый, безъ различія пола и возраста, всѣ предавались мечу. Одновременно съ такою почти непрерывною мелкою войною тевтонскіе рыцари, какъ мы уже выше говорили, возводили многочисленные крѣпкіе замки, стараясь при этомъ какъ можно далѣе вдвинуть ихъ въ литовскую территорію. Въ то же время рыцари всѣми силами старались не дать литовцамъ укрѣпить своихъ границъ и въ случаѣ постройки литовцами какого-нибудь замка или крѣпости рыцари немедленно нападали на него и разрушали. Поэтому мы видимъ, если гдѣ литовцы вступаютъ въ стычку съ крестоносцами, то именно при этихъ замкахъ и крѣпостяхъ.

Въ теченіе всего княженія Ольгерда рыцари совершили на литовскую территорію болѣе 70 походовъ. Но изъ нихъ было только пять болѣе или менѣе серьезныхъ, именно:

I. Спустя три года послѣ несчастнаго похода Людольфа Кенига, преемникъ его Генрихъ Дессемеръ въ 1348 г., собравши войско, вторгся въ Трокскую область, но тутъ на р. Стравѣ встрѣченъ былъ литовскими полками. Произошла кровопролитная битва, которая кон-

чилась пораженіемъ литовцевъ, причемъ убитъ былъ Наримунтъ Гедиминовичъ.

По сказанію орденскихъ лѣтописцевъ, въ этой битвѣ пало огромное число литовскаго войска: по однимъ извѣстіямъ 22,000, по другимъ 10,000, по третьимъ 18,000, а по нѣкоторымъ 40,000. Но этимъ орденскимъ извѣстіямъ вполнѣ довѣрять нельзя, такъ какъ извѣстно, что въ этой битвѣ участвовало всего только 800 рыцарей, слѣдовательно въ Стравской битвѣ такое число павшихъ литовцевъ, какое обозначаютъ писатели орденскихъ хроникъ, не могло быть; тѣмъ болѣе этому довѣрять нельзя, что рыцари послѣ Стравской битвы не предпринимали новыхъ серьезныхъ походовъ. Результатъ этой битвы, очевидно, раздутъ крестоносцами съ цѣлію загладить въ з. Европѣ то непріятное впечатлѣніе, которое произведено было неудачнымъ походомъ въ 1345 г. при магистрѣ Кенигѣ.

II. Второй значительный походъ крестоносцевъ на литовцевъ былъ 12 лѣтъ спустя послѣ Стравской битвы. Въ 1360 г. крестоносцы, подъ начальствомъ магистра, вторглись въ пограничныя владѣнія литовцевъ; но тутъ ихъ встрѣтилъ Ольгердъ вмѣстѣ съ Кейстутомъ и своимъ сыномъ Патрикіемъ. Битва продолжалась цѣлый день и снова кончилась пораженіемъ литовскихъ князей. Въ этой битвѣ со стороны литовцевъ болѣе всѣхъ выказалъ мужества Кейстутъ. Онъ, по разсказу одного лѣтописца, увидавши своихъ солдатъ, обратившихся въ бѣгство, вслѣдствіе сильнаго напора нѣмцевъ, сталъ на дорогѣ, съ цѣлію остановить бѣгущихъ, но тутъ былъ сбитъ съ лошади и упалъ на землю; рыцари, замѣтивши это, бросились на трокскаго князя; на выручку явился было сынъ Патрикій, но и тотъ былъ сбитъ съ лошади и былъ окруженъ нѣмцами. Тутъ произошла страшная свалка, впрочемъ, сынъ успѣлъ вскочить на ноги, отбиться и бѣжать, но отецъ попалъ въ плѣнъ. Скованный по рукамъ и ногамъ, 13 марта Кейстутъ привезенъ былъ въ Пруссію, въ столичный городъ Маріенбургъ и заключенъ въ темницу. День и ночь стерегла его сильная стража, чтобы онъ не ушелъ. Къ нему рѣшительно никого не впускали, исключая одного служителя по имени Альфа. Этотъ служитель былъ любимецъ магистра и въ то же время оказался по происхожденію литвинъ. Онъ еще въ молодости взятъ былъ въ плѣнъ крестоносцами и крещенъ. Видя предъ собою знаменитаго народнаго вождя и слыша звуки родного языка, Альфъ вспомнилъ о покинутомъ отечествѣ, рѣшился освободить плѣнника и вмѣстѣ съ нимъ бѣжать. Въ той комнатѣ, гдѣ содержался подъ крѣпкимъ запоромъ Кейстутъ, въ стѣнѣ, обращенной къ крѣпостному рву, находилось заложенное кирпичемъ окно, завѣшенное ковромъ. Альфъ посовѣтовалъ князю пробить это окно и для этой цѣли принесъ ему желѣзную кирку. Восемь мѣсяцевъ Кейстутъ трудился. Прибирая комнату по утрамъ, когда рыцари были въ обѣднѣ, Альфъ

незамѣтнымъ образомъ выносилъ щебень. 16 ноября отверстіе было готово. Въ полночь Кейстутъ по веревкѣ спустился въ ровъ, гдѣ уже ждалъ его Альфъ. Оба они переодѣлись рыцарями въ бѣлые плащи съ черными крестами, опирающимися на мечъ, сѣли на коней, которыхъ Альфъ взялъ изъ конюшни великаго магистра, и быстро понеслись, подъ покровомъ темной ночи, въ Мазовію, князь которой, Янушъ, былъ женатъ на дочери Кейстута Данутѣ. Пять дней ѣхали бѣглецы; на дорогѣ имъ попадались рыцари, которые привѣтствовали ихъ по рыцарскому обычаю; но никто не узналъ этихъ путешественниковъ. Изъ Мазовіи литовскій князь возвратилъ магистру взятыхъ коней. Выслана была погоня, но она не нагнала Кейстута, который скоро прибылъ въ свой трокскій замокъ, откуда послалъ письмо магистру, въ которомъ въ самыхъ изысканныхъ словахъ и выраженіяхъ благодарилъ его за прекрасную пищу и помѣщеніе, присовокупляя, что если милосердые боги помогутъ ему поймать самого магистра или кого-нибудь изъ орденскихъ сановниковъ, то онъ, Кейстутъ, такъ же будетъ хорошо содержать плѣнника, какъ и его содержали въ орденѣ, только покрѣпче стѣны будутъ и по надежнѣе слуги.

III. Третій болѣе замѣчательный походъ былъ 1362 г., т. е. два года спустя послѣ бѣгства изъ плѣна Кейстута. Походъ этотъ былъ совершенъ рыцарями на пограничную литовскую крѣпость Ковну. Крѣпость эта была одна изъ сильнѣйшихъ на западной чертѣ Литовскаго государства: она служила оплотомъ противъ вторженія нѣмцевъ въ Трокскую область, главное владѣніе Кейстута.

Задумавши сдѣлать нападеніе на Ковну, крестоносцы сначала въ 1361 г. послали шпіоновъ развѣдать о состояніи этой крѣпости, о числѣ ея гарнизона и о средствахъ къ оборонѣ, а затѣмъ стали готовиться къ предстоящему походу, причемъ разослали приглашенія и въ западную Европу; сборнымъ пунктомъ назначили г. Кенигсбергъ. Къ началу марта 1362 г. сборы были кончены: осадныя машины, провіантъ и подводы были заготовлены; войско сформировано сильное: въ составъ его вошли многіе пріѣхавшіе гости изъ Англіи, Германіи, Даніи, Италіи и другихъ странъ западной Европы.

Весна была ранняя. 13 марта войско выступило изъ Кенигсберга. Около замка Рагнита, стоявшаго на берегу р. Нѣмана, рыцарское войско раздѣлилось на двѣ части; одна часть съ оружіемъ, машинами и провіантомъ сѣла на судна и отправилась по водѣ къ Ковнѣ, а другая пошла по лѣвому берегу рѣки. Чрезъ три дня крестоносцы были подъ крѣпостью, гарнизономъ которой командовалъ сынъ Кейстута Вайдотъ. Началась осада. Каждый день нѣмцы дѣлали приступы, громили стѣны осадными машинами, осыпали внутренность крѣпости пулями и зажигательными снарядами, но все было напрасно: осажденные отбивались съ необыкновеннымъ мужествомъ. Такъ продолжалось

дѣло до конца марта. Въ первыхъ числахъ апрѣля явился на выручку крѣпости Ольгердъ и Кейстутъ; вступили въ битву, но были разбиты на голову и должны были удалиться въ свои владѣнія для пополненія войска. 10 апрѣля, въ Вербное воскресенье, былъ произведенъ рѣшительный приступъ и пущено было болѣе обыкновеннаго зажигательныхъ снарядовъ, отъ которыхъ многія строенія внутри крѣпости дѣйствительно загорѣлись; гарнизону ничего не оставалось дѣлать, какъ только сдаться; сдача послѣдовала 16 апрѣля, въ Великую субботу: Вайдотъ и съ нимъ 36 бояръ были взяты въ плѣнъ. На другой день, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, 17 апрѣля, на развалинахъ крѣпости былъ воздвигнутъ алтарь и епископъ самландскій отслужилъ обѣдню и благодарственный молебенъ. Въ заключеніе великій магистръ приказалъ совершенно уничтожить остатки крѣпости: разрушить подъемные мосты, засыпать рвы и срыть до основанія стѣны такъ, чтобы и слѣдовъ не осталось.

Покончивши съ Ковною, рыцари ворвались въ самую глубь Жмуди и опустошали ее восемь дней; такъ какъ этотъ край еще никогда не испытывалъ непріятельскихъ нашествій, то нѣмцы собрали здѣсь огромную добычу, множество дѣтей и женщинъ пошли въ неволю, число убитаго народа, по словамъ лѣтописца, нельзя было и счесть.

IV. Въ 1365 г. былъ новый, по счету четвертый, довольно замѣчательный походъ, чѣмъ обыкновенные рейзы, со стороны крестоносцевъ. Одинъ изъ сыновей Кейстута, по имени Бутавъ, вслѣдствіе неизвѣстной намъ причины, вошелъ въ сношеніе съ рыцарями Тевтонскаго ордена, предложилъ союзъ крестоносцамъ и при этомъ изъявилъ желаніе принять крещеніе. Объ этихъ переговорахъ Бутава съ нѣмцами узналъ комендантъ виленскаго замка бояринъ Дирсуне. Онъ арестовалъ Кейстутова сына и, въ ожиданіи дальнѣйшаго распоряженія отца, заключилъ его въ одной изъ небольшихъ пограничныхъ крѣпостей. Но Бутавъ, благодаря другому боярину, ему преданному, именно: Сирвилу, успѣлъ, еще до пріѣзда Кейстута, освободиться изъ заключенія. Послѣ чего оба они, т. е. Бутавъ и Сирвилъ, съ пятнадцатью служителями бѣжали къ рыцарямъ. Въ г. Кенигсбергѣ, гдѣ въ это время находился магистръ ордена, бѣглецы были торжественно крещены. Бутавъ получилъ христіанское имя „Генрихъ". Вслѣдъ за этимъ событіемъ сильное войско крестоносцевъ, руководимое Бутавомъ, вторглось въ Литовское государство. Походъ этотъ продолжался 13 дней и кончился ничѣмъ: рыцари, отбитые отъ г. Вильны, на который они было напали, вернулись назадъ въ свои предѣлы. Этотъ походъ совершили крестоносцы, очевидно, подъ вліяніемъ Бутава, который, по всей вѣроятности, обѣщалъ имъ найти поддержку въ самой Литвѣ; но такъ какъ этой поддержки не оказалось, то и походъ окончился неудачно. Бутавъ, сконфуженный неудачею послѣдняго похода, который собственно по

его иниціативѣ и начатъ былъ, ушелъ изъ ордена къ германскому императору Карлу IV. Карлъ IV принялъ Бутава ласково, пожаловалъ ему на ленныхъ правахъ земли въ Германіи и далъ титулъ герцога.

V. Въ 1369 г. былъ послѣдній большой походъ рыцарей на Литву при Ольгердѣ. Походъ этотъ окончился кровопролитною битвою около небольшого орденскаго мѣстечка Рудавы. Въ прусскихъ хроникахъ объ этомъ разсказывается такъ: въ началѣ этого года рыцари построили на литовской территоріи, на правомъ берегу Нѣмана, гдѣ находилась Ковна, замокъ Готесвердеръ (Божій островъ). Ольгердъ, узнавши объ этомъ, послалъ спросить великаго магистра: по какому праву рыцари построили замокъ на чужой землѣ? Магистръ отвѣтилъ гордо: „по праву сильнаго, а если Ольгерду это не нравится, то пусть придетъ и разрушитъ постройку". Чрезъ два мѣсяца послѣ вышеозначеннаго отвѣта, Ольгердъ дѣйствительно пришелъ съ сильнымъ отрядомъ войска, взялъ замокъ, истребилъ нѣмецкій гарнизонъ и помѣстилъ свой. Послѣднее дѣло Ольгерда и было причиною большого похода крестоносцевъ на литовскія владѣнія.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ тевтонскій магистръ съ огромнымъ войскомъ выступилъ къ литовской границѣ; въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ онъ съ огнемъ и мечемъ прошелъ почти всю Жмудь и страшно опустошилъ ее, причемъ нѣсколько крѣпостей разорилъ и сравнялъ съ землею; въ это время, между прочимъ, уничтожена была одна изъ сильнѣйшихъ литовскихъ крѣпостей Бейербургъ; замокъ Готесвердеръ также былъ отнятъ у литовскаго князя.

Но и Ольгердъ тоже не хотѣлъ оставить этого похода рыцарей безъ отмщенія. Въ январѣ 1370 г. онъ собралъ рать въ 70 тысячъ человѣкъ; въ составъ ея вошли литовцы, жмудины, русскіе и татары. Въ началѣ марта онъ выступилъ вмѣстѣ съ Кейстутомъ изъ Гродны. Въ короткое время оба брата быстро прошли всю Пруссію, обозначивши путь свой кровью и пепломъ, и остановились около Куришгафа, близъ мѣстечка Рудавы. Отсюда они думали двинуться къ Кенигсбергу, гдѣ стоялъ великій магистръ съ 40-тысячнымъ войскомъ. Но тотъ предупредилъ ихъ: 17 февраля онъ самъ направился къ литовскому войску, и подъ мѣстечкомъ Рудавою произошла кровопролитная битва. Обѣ стороны понесли огромныя потери: въ орденскомъ войскѣ убитъ одинъ маршалъ, 26 рыцарей, 400 знатныхъ лицъ и болѣе 5-ти тысячъ простыхъ ратниковъ; литовцы лишились около 6-ти тысячъ убитыми. Битва кончилась тѣмъ, что литовскіе князья отступили и воротились домой, никѣмъ не преслѣдуемые. Они если и не вы[illegible]али сраженіе, то причинили ордену большой убытокъ, потому что увели съ собою въ плѣнъ много жителей.

Послѣ этого опять начались мелкіе походы.

Кейстутъ. Героемъ постоянной войны литовцевъ съ рыцарями во все продолженіе княженія Ольгерда былъ Кейстутъ. Кейстутъ, подобно брату своему Ольгерду, также отличался выдающимися политическими и воинскими дарованіями. Онъ былъ любимецъ коренного литовскаго населенія, пользовался неограниченнымъ довѣріем этой народности и, въ свою очередь, преданъ былъ ей до страсти. Кейстутъ женатъ былъ на литвинкѣ-язычницѣ и самъ оставался вѣренъ до конца жизни религіи своихъ предковъ. Онъ былъ послѣдній литовскій князь, котораго похоронили по языческому обряду. По описанію современниковъ, наружность его была такова: „высокаго роста, худощавый, съ блѣднымъ лицомъ, тонкими губами и съ черными искрящимися пронзительными глазами; на головѣ у него было мало волосъ, высокая грудь покрыта была сѣдою бородою. Голосъ имѣлъ громкій и каждое слово, сказанное имъ, отличалось звучностью и авторитетностью тона, не допускавшаго возраженій. Если Кейстутъ, заключаетъ современникъ, сердился, то на челѣ его вздувались жилы, онъ весь дрожалъ и тогда вся наружность его возбуждала страхъ". Будучи жмудскимъ княземъ, Кейстутъ жилъ въ г. Трокахъ и помѣщался въ прекрасномъ замкѣ, который построенъ былъ на островѣ среди глубокаго озера Гальвы. „Послѣ битвъ и трудностей походной жизни можно часто было видѣть, говоритъ одинъ писатель, трокскаго князя отдыхающимъ на берегу озера подъ развѣсистымъ дубомъ вмѣстѣ съ своею женою, рѣдкой красоты, Бейрутою". О самой женитьбѣ его существуетъ слѣдующее романическое преданіе. Тамъ, гдѣ теперь на берегу Балтійскаго моря лежитъ мѣстечко Палангенъ (Ковенской губ.), во времена Кейстута простирался огромный сосновый лѣсъ вплоть до самаго моря. Среди этого лѣса, на высокомъ холмѣ, съ котораго представлялась взору наблюдателя чудная панорама окрестностей, возвышался литовскій языческій храмъ въ честь богини Праурימы. Среди этого храма на пьедесталѣ стояло изображеніе этой богини, а передъ ней постоянно пылалъ неугасимый огонь. Огонь этотъ посредствомъ подкладыванія полѣнъ священнаго дуба поддерживали по очереди вайделотки (жрицы). Въ вайделотки къ храму Праурימы поступали молодыя дѣвицы, обрекшія себя на безбрачную жизнь и притомъ дѣвицы самыхъ высшихъ и благородныхъ фамилій литовскихъ. Около 1355 г. въ число вайделотокъ къ храму Праурימы поступила дочь одного богатаго и благороднаго жмудина юная Бейрута. О ея благочестіи и дивной красотѣ молва не замедлила распространиться по всей Литвѣ. Слухъ этотъ дошелъ и до молодого трокскаго князя. Кейстутъ, подъ видомъ охоты съ вполнѣ преданными ему лицами, отправился къ Палангену посмотрѣть на это диво-вайделотку. Когда же трокскій князь прибылъ къ храму Праурימы и тамъ увидалъ юную Бейруту, то такъ былъ пораженъ ея красотою, что тутъ же положилъ сдѣлать ее своею женою, не смотря на страшное запрещеніе языческой

религіи выходить замужъ вайделоткамъ, разъ давшимъ обѣтъ безбрачія. Сначала Кейстутъ прямо объявилъ о своемъ намѣреніи Бейрутѣ и ея сожительницамъ, но потомъ, когда получилъ отказъ, рѣшился похитить. И вотъ въ одну глубокую ночь Кейстутъ вмѣстѣ съ преданными ему людьми напалъ на жилище вайделотокъ, захватилъ красавицу Бейруту и увезъ ее въ свой трокскій замокъ, находящійся на островѣ озера Гальвы; тамъ онъ вступилъ съ нею въ бракъ, плодомъ котораго былъ сынъ Витовтъ, впослѣдствіи знаменитый литовскій князь.

По своему личному характеру Кейстутъ не похожъ былъ на своего брата, великаго князя Ольгерда, съ которымъ онъ состоялъ, по замѣчанію лѣтописцевъ, въ самой тѣсной дружбѣ. Трокскій князь отличался откровенностью, прямотою, безкорыстіемъ и честностью. Будучи язычникомъ, онъ выше стоялъ своими нравственными качествами нѣмецкихъ христіанскихъ рыцарей, съ которыми велъ постоянную борьбу. Его гуманность, человѣколюбіе, милосердіе, отвращеніе къ жестокимъ поступкамъ извѣстны были далеко на западъ. Не смотря на то, что крестоносцы много зла причинили и ему лично, и его родному народу, Кейстутъ въ высшей степени благородно обращался, когда они сами попадались въ плѣнъ. Часто своимъ заступничествомъ онъ спасалъ рыцарей отъ народной мести, когда тѣ какимъ-нибудь образомъ попадались въ руки литовцевъ. Вслѣдствіе его ходатайства нерѣдко цѣлыя толпы рыцарей освобождаемы были отъ костра, на каковую казнь они вполнѣ заслужили своими поступками со стороны литовцевъ. Орденскіе лѣтописцы такъ характеризуютъ Кейстута: „Кейстутъ былъ мужъ воинственный и правдивый. Когда онъ задумывалъ набѣгъ на Пруссію, то всегда извѣщалъ объ этомъ предварительно маршала ордена и навѣрно потомъ являлся. Если онъ заключалъ миръ съ магистромъ, то держалъ его крѣпко. Если онъ считалъ кого-либо изъ братій нашихъ человѣкомъ храбрымъ и мужественнымъ, то оказывалъ ему много любви и чести“. Такъ же хорошо отзывается объ немъ и польскій писатель Длугошъ. „Кейстутъ, говоритъ Длугошъ, хотя былъ и язычникъ, но мужъ доблестный; среди всѣхъ сыновей Гедимина онъ отличался благоразуміемъ и находчивостью, а что болѣе всего дѣлаетъ ему чести, онъ былъ образованъ, человѣколюбивъ и правдивъ въ словахъ“. Сами рыцари, съ которыми Кейстутъ находился постоянно во враждебныхъ столкновеніяхъ, признаютъ въ немъ образцоваго христіанскаго рыцаря. Рыцари сами сознавались, что Кейстутъ честностью своихъ поступковъ нерѣдко превосходилъ ихъ, рыцарей. Такъ, между прочимъ, подъ 1377 г. орденскій лѣтописецъ Вигандъ Марбургскій, разсказывая о походѣ рыцарей на литовскія владѣнія, сообщаетъ, что въ этомъ походѣ рыцари вели себя не вполнѣ честно, тогда какъ Кейстутъ заявилъ себя съ безупречной стороны. Дѣло происходило такимъ образомъ. Въ этомъ году крестоносцы, воспользовавшись прибытіемъ значительнаго числа

заграничныхъ гостей, собрали сильный отрядъ конницы и предприняли походъ далеко въ глубь Литвы. Въ четыре дня они быстрыми переходами миновали Троки и приблизились къ Вильнѣ. Кейстутъ, узнавши объ этомъ, немедленно самъ выступилъ изъ Трокъ и сталъ угрожать рыцарямъ съ тылу. Рыцари пришли въ замѣшательство: они никакъ не ожидали, чтобы Кейстутъ былъ дома, поэтому рѣшились вступить въ переговоры и затѣмъ заключить миръ. По поводу этого мира добродушный Кейстутъ устроилъ пиръ въ своей палаткѣ, на который и пригласилъ всѣхъ знатныхъ рыцарей, бывшихъ въ этомъ походѣ. Но когда крестоносцы пировали въ шатрѣ Кейстута, то въ это самое время одинъ изъ рыцарскихъ отрядовъ, не смотря на миръ, напалъ на предмѣстье Вильны. Немедленно дано было знать трокскому князю и тотъ сейчасъ же заявилъ объ этомъ магистру. Магистръ сознался, что рыцари совершили безчестный поступокъ и поспѣшилъ извиниться. Но на слѣдующій день рыцари еще хуже сдѣлали: они, напавши на другое предмѣстье г. Вильны, ограбили его и вдобавокъ сожгли. Это ужъ вполнѣ былъ вѣроломный поступокъ со стороны рыцарей, а потому Кейстутъ рѣшился отомстить за него. Онъ прекратилъ подвозъ провіанта нѣмцамъ, который по условію мира доставляемъ былъ, а сынъ его Витовтъ уничтожилъ всѣ припасы, заготовленные рыцарями на пройденномъ пути, такъ что тѣ, отступая домой, истомленные голодомъ, едва доплелись до своихъ границъ и то въ небольшомъ количествѣ: большая часть ихъ погибла на пути отъ истощенія.

Православіе Ольгерда. Мы говорили выше, что Ольгердъ по бытовымъ привычкамъ, по семейнымъ связямъ и по своимъ воззрѣніямъ принадлежалъ къ русской народности. Но вотъ вопросъ: по вѣрѣ своей принадлежалъ ли онъ къ этой народности? т. е. былъ ли Ольгердъ крещенъ въ православіе или до конца жизни остался язычникомъ, подобно брату Кейстуту? Тѣмъ болѣе вопросъ этотъ умѣстенъ, что большинство ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, говорятъ, что Ольгердъ умеръ язычникомъ и былъ сожженъ на кострѣ по обряду литовско-языческой религіи; даже въ учебникахъ, и русскихъ, и польскихъ, то же самое повторяется. Въ послѣднее время только два русскихъ ученыхъ признаютъ, что Ольгердъ крещенъ въ православіе: это профессоръ Вл. Б. Антоновичъ и Иловайскій. Кто же правъ?

Тѣ ученые, а за ними и составители учебниковъ, которые говорятъ, что Ольгердъ умеръ въ язычествѣ, очевидно, основываютъ свое мнѣніе на двухъ иностранныхъ писателяхъ древняго періода: Германѣ Вартбергѣ и Длугошѣ; эти писатели дѣйствительно передаютъ, что Ольгердъ умеръ язычникомъ и сожженъ на кострѣ. Но есть другіе источники, которые положительно говорятъ, что Ольгердъ крещенъ въ православіе; такъ, лѣтописи Быховца и Густинская сообщаютъ, что Ольгердъ крестился предъ самымъ вступленіемъ въ бракъ съ княжною

витебскою Маріею Ярославною, т. е. въ 1318 г.; затѣмъ извѣстіе это подтверждается Никоновскою лѣтописью, которая, разсказывая о приглашеніи Ольгерда жителями Пскова на княженіе въ 1342 г. съ условіемъ только, чтобы онъ крестился, передаетъ его отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ: „я уже крещенъ, а потому второй разъ креститься не хочу“ [1]).

Послѣднимъ тремъ лѣтописнымъ извѣстіямъ мы должны болѣе довѣрять, какъ ближе стоявшимъ къ княженію Ольгерда и по мѣсту, и по времени своего составленія, чѣмъ двумъ первымъ, т. е. извѣстіямъ Германа Вартберга и Длугоша.

Но кромѣ трехъ вышеозначенныхъ лѣтописныхъ извѣстій, сообщающихъ о крещеніи Ольгерда по обряду православной церкви, есть еще другія извѣстія, подтверждающія этотъ фактъ; мало того, есть еще извѣстія, которыя говорятъ, что Ольгердъ не только крестился въ православіе, но даже предъ смертію, по обычаю древнихъ русскихъ князей, принялъ схиму. Вотъ эти извѣстія:

I. Историкъ Карамзинъ, говоря объ Ольгердѣ, приводитъ слѣдующія слова неизданнаго лѣтописца: „княгиня же Юліанія, видя мужа своего Ольгерда послѣдни дышуща, и зело печаловашеся о его спасеніи и созва сына своя, и отца своего духовнаго призва Давида, архимандрита печерскаго, и увѣща своего мужа, и Божіимъ поспѣшеніемъ сподоби его крещенія, и святою схимою того украсивши, и помалѣхъ днехъ приставися и положи тѣло его въ церкви Пресвятыя Богородицы, юже самъ созда“.

II. Литовскій историкъ Нарбутъ, собирая матеріалъ для своего историческаго труда, въ Вильнѣ, въ Пречистенской церкви видѣлъ Евангеліе XV в., а на немъ старинную надпись такого содержанія: „Великій литовскій князь Андрей Гедиминовичъ, въ святой схимѣ Алексій, усопши на память святыхъ мучениковъ Платона и Романа“, т. е. 18 ноября.

III. Тотъ же Нарбутъ говоритъ, что онъ въ трокскомъ доминиканскомъ монастырѣ нашелъ опись вещей этого монастыря, въ которой объ одномъ колоколѣ, между прочимъ, сказано: „колоколъ сей, подаренный княземъ Огинскимъ, заключаетъ въ себѣ другой влитый малый и разбитый колоколъ, вѣсившій 645 фунтовъ, и имѣвшій слѣдующую надпись: се азъ рабъ Божій, Іаковъ Андреевичъ съ матеріею своею Уліаною Александрово.... В. К. Л. дали есмо сей колоколъ улить въ церковь св. Парас....“ внизу 6887 г., т. е. годъ вступленія на великокняжескій литовскій столъ Ягайлы [2]).

---

[1]) См. сочиненіе проф. В. Б. Антоновича „Очеркъ В. К. Литовскаго“. 1878 г. 98 стр.

[2]) Надпись эта показываетъ не только то, что Ольгердъ былъ крещенъ въ православіе, но и то, что онъ имѣлъ христіанское имя Андрей, и еще то что и сынъ его Ягайло былъ крещенъ и имѣлъ имя Яковъ.

IV. Стрыйковскій сообщаетъ, что онъ лично видѣлъ портретъ Ольгерда въ Витебскѣ въ замковой церкви, построенной имъ самимъ, а это, по справедливому замѣчанію В. Б. Антоновича, наводитъ на мысль, что Ольгердъ крестился въ Витебскѣ.

Такимъ образомъ, сводя всѣ извѣстія, сообщающія о крещеніи Ольгерда, къ одному общему итогу, мы, по необходимости, должны прійти къ слѣдующему заключенію: Ольгердъ крещенъ въ православіе въ 1318 г., предъ вступленіемъ своимъ въ бракъ съ Маріею Витебскою: мірское имя ему дано было Андрей; предъ смертію принялъ схиму съ именемъ Алексѣя; умеръ въ 1377 г. 18 ноября и погребенъ въ Вильнѣ, въ нынѣшнемъ Пречистенскомъ соборѣ.

Разногласіе русскихъ лѣтописей между собою относительно времени крещенія Ольгерда и невѣдѣніе иноземцемъ касательно этого предмета, по мнѣнію проф. В. Б. Антоновича, объясняется тѣмъ, что Ольгердъ своему крещенію придавалъ частный характеръ и, по возможности, старался скрывать его по политическимъ видамъ, особенно въ Вильнѣ, гдѣ въ его время была еще сильна языческая партія.

Постройки церквей Ольгердомъ и его двумя женами: Маріею и Юліаніею. Но Ольгердъ, какъ это видно изъ источниковъ, былъ не только по имени православнымъ, но и на дѣлѣ заявилъ себя преданнымъ сему исповѣданію. Будучи витебскимъ княземъ (отъ 1320 до 1345 г.), онъ построилъ тамъ двѣ церкви: Благовѣщенія и Св. Духа, которыя, хотя и въ измѣненномъ видѣ, существуютъ доселѣ. А затѣмъ, когда сдѣлался великимъ литовскимъ княземъ, то же самое продолжалъ въ г. Вильнѣ: такъ, пріѣхавши въ столицу, онъ прежде всего приказалъ языческое капище, бывшее въ верхнемъ замкѣ, обратить въ православную церковь св. Михаила, а потомъ, въ 1346 г., возвратившись изъ похода на Новгородъ, заложилъ церковь въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы. Мѣсто для этого храма, по словамъ одного преданія, великій князь литовскій самъ выбралъ на берегу р. Вилейки, близъ княжескаго дворца, на площади [1]).

[1]) Интересна судьба этого православнаго храма. Храмъ этотъ построенъ зодчими изъ Кіева. Въ 1348 г. святитель Алексій, бывшій тогда еще въ санѣ владимирскаго епископа, по приглашенію Ольгерда, прибылъ въ Вильну и освятилъ его. При великомъ князѣ Витовтѣ, когда русская митрополія раздѣлилась на двѣ части—восточную и западную—храмъ этотъ сдѣлался каѳедральнымъ для всей Литвы. Первый митрополитъ, возсѣвшій на его каѳедру, былъ Григорій Цамвлакъ. Съ этого времени храмъ Пресвятыя Богородицы сталъ называться соборнымъ и митрополичьимъ.

Въ 1506 г. въ немъ разрушился, отъ неизвѣстной причины, главный куполъ и повредились стѣны. Чрезъ 5 лѣтъ послѣ этого Константинъ князь Острожскій (побѣдитель русскихъ при Оршѣ) снова отстроилъ его.

Великая княгиня Марія Ярославовна, подобно мужу своему, также построила церковь во имя мученицы Параскевіи, извѣстную въ настоящее время подъ именемъ Пятницкой. Любопытное описаніе этой церкви находится въ рукописи ксендза Лодзяты, жившаго въ XVII вѣкѣ [1]), которое мы и приводимъ: „Храмъ сей находится на Большой улицѣ, при новомъ рынкѣ, гдѣ нынѣ каменный домъ бывшихъ ксендзовъ уніатовъ. Языческій храмъ уничтоженъ около 1331 г., по повелѣнію супруги великаго князя литовскаго и русскаго Ольгерда Юліаніи, дочери князя витебскаго [2]). Сія благовѣрная княгиня, защищая тогдашнихъ христіанъ русскаго происхожденія или вѣры, на мѣстѣ сказанной молельни воздвигла церковь, назначивъ къ ней особаго приходского священника. Церковь эта въ простонародіи именовалась Пятёнка, по древнему урочищу, получившему свое имя отъ жрецовъ Рагутиса, называемыхъ Петиники или Потиникой. Церковь эта есть великій памятникъ славы въ Вильнѣ, первый каменный храмъ истиннаго Бога, воздвигнутый въ литовской столицѣ и на землѣ. Для любителей отечественной исторіи она вѣчный свидѣтель памяти благовѣрной княгини. Гробъ ея въ сей церкви всегда былъ чтимъ народомъ и даже москвитянами, многократно разорявшими Вильну, хотя оный и принадлежалъ уніи". Посланники крестоносцевъ, бывшіе въ Вильнѣ въ 1357 г. у Ольгерда, въ своемъ описаніи называютъ эту церковь придворною. Они въ ней были во время торжественнаго богослуженія и въ описаніи сво-

---

Въ 1522 г. здѣсь совершалъ богослуженіе со многими другими епископами константинопольскій патріархъ Іеремія и рукоположилъ въ митрополиты Михаила Рогозу.

Послѣ Брестской церковной уніи Ипатій Поцѣй, заступившій мѣсто Рогозы, въ день свв. апостоловъ Петра и Павла, въ этомъ соборѣ, въ 1609 г., провозгласилъ унію и въ первый разъ храмъ этотъ огласился именемъ римскаго папы.

Въ 1748 г. храмъ подвергся пожару и въ немъ прекратилось богослуженіе, но 37 лѣтъ спустя, послѣ обновленія, въ немъ опять началось богослуженіе и продолжалось уніатами до 1800 г. Въ этомъ году оно опять прекратилось, и самый храмъ, по ходатайству польскаго магната Адама Чарторыйскаго, обращенъ былъ въ анатомическій театръ, а потомъ въ жидовскую кузницу.

Послѣ послѣдняго польскаго мятежа, благодаря графу Муравьеву, эта православная святыня была возстановлена и теперь представляетъ величественный храмъ. Подробности см. въ „Истор. г. Вильны" Василевскаго, помѣщ. въ V т. Памятн. рус. стар. въ 3-хъ губерніяхъ, изд. Батюшковымъ.

[1]) Рукопись эта найдена Нарбутомъ и внесена въ его „Исторію Литвы".

[2]) Лодзита, очевидно, ошибся, это была не Юліанія, а Марія. Юліанія была дочь тверского князя. Самая постройка церкви совершилась не ранѣе 1345 или 1346 г. Ошибку эту замѣтилъ еще Нарбутъ и исправилъ въ своей исторіи. Писатели ранняго времени часто смѣшивали Марію, первую супругу Ольгерда, съ Юліаніею, второю его супругою; смѣшеніе это происходило, вѣроятно, потому, что Юліанія по принятіи монашества называлась тоже Маріею.

емъ говорятъ, что женщины, во время этого богослуженія находившіяся въ церкви, помѣщались на большой галлереѣ, закрытой зеленымъ прозрачнымъ занавѣсомъ, такъ что можно было видѣть только тѣни ихъ [1]).

Черезъ годъ послѣ основанія Пятницкой церкви, а можетъ быть и менѣе, Марія Ярославовна умерла и похоронена была въ этой самой церкви. Три года спустя послѣ смерти ея, Ольгердъ снова вступилъ въ бракъ съ тверскою княжною, какъ мы уже говорили выше, Юліаніею Михайловною. Вслѣдствіе этой новой женитьбы великокняжескій дворъ въ Литвѣ сдѣлался опять средоточіемъ православія и русской народности. Юліанія отличалась тихостью, кротостью и необыкновенною набожностью. Она рѣдко выѣзжала изъ виленскаго замка, все время проводила въ воспитаніи дѣтей и разныхъ женскихъ работахъ: при ней находилось много дѣвушекъ, которыя подъ ея надзоромъ занимались тканьемъ и вышиваніемъ.

По выходѣ замужъ за Ольгерда и по пріѣздѣ въ городъ Вильну, она также сдѣлалась извѣстною по постройкѣ православныхъ церквей въ литовской столицѣ. Вмѣсто прежняго деревяннаго и уже ветхаго Николаевскаго храма, Юліанія построила новый каменный [2]). Она также построила церковь Святыя Троицы (теперь существуетъ), пред-

---

[1]) Въ 1609 году Пятницкая церковь силою была отнята у православныхъ. Изъ архивныхъ дѣлъ, находящихся въ Троицкомъ монастырѣ, извѣстно, что въ этомъ году священникомъ Пятницкой церкви былъ Александръ Львовъ. Священникъ этотъ, за сопротивленіе принятію уніи, подвергался преслѣдованію. Гласный виленскаго магистрата Тупика, въ сопровожденіи городскихъ служителей, напалъ на жилище священника Львова, вытѣснилъ оттуда его семейство, а изъ Пятницкой церкви забралъ церковную казну, утварь и иконы и заперъ ее своимъ замкомъ. Священникъ принесъ было жалобу духовному трибуналу на Тупику, но не выигралъ дѣла, потому что Тупика доказалъ свое право отнимать имущество и церкви у православныхъ, не признающихъ уніи и этимъ заявившихъ себя противниками королевскимъ повелѣніемъ.

Въ 1610 году митрополитомъ уніатскимъ она отдана была базиліанскимъ монахамъ Троицкаго монастыря; въ томъ же году она сгорѣла. Базиліанскіе монахи на мѣстѣ церкви построили кабакъ, а строенія, принадлежавшія церкви и выстроенныя для благотворительной цѣли, отданы были подъ публичный домъ, какъ это видно изъ обличенія Петромъ Могилою уніатовъ. Въ 1702 г. церковь была возстановлена.

Въ 1705 году въ ней Петръ Великій, будучи въ это время въ Вильнѣ въ качествѣ союзника Августа II противъ Карла XII, слушалъ богослуженіе; тутъ онъ крестилъ своего Аннибала, дѣда поэта Пушкина, и подарилъ церкви одно знамя, отбитое у шведовъ. См. исторію Василевскаго: тамъ подробно говорится о судьбѣ этой церкви.

[2]) Въ 1609 году церковь св. Николая также была отнята у православныхъ и отдана уніатамъ, у которыхъ находилась до 1840 года.

варительно приказавъ вырубить священную дубовою рощу язычниковъ [1]).

Распространеніе православія въ Вильнѣ. Первые православные мученики въ Вильнѣ. Тѣсная связь Ольгерда съ русскою народностью дала возможность распространиться православію и среди природныхъ литвиновъ какъ въ самой Вильнѣ, такъ и внѣ ея. Въ столицѣ Литовскаго княжества при Ольгердѣ христіанство по обряду православной церкви распространялъ духовникъ первой супруги Ольгерда, Маріи Ярославовны монахъ, Несторъ.

По пріѣздѣ въ г. Вильну вмѣстѣ съ семействомъ Ольгерда, монахъ Несторъ, часто бесѣдуя съ придворными Ольгерда объ истинахъ христіанской вѣры, такое произвелъ глубокое впечатлѣніе на нихъ, что сначала двое изъ вельможъ, родные братья, Кумецъ и Нежило (въ православіи Іоаннъ и Антоній), а потомъ и третій, ихъ родственникъ, по имени Круглецъ (въ православіи Евстафій), приняли крещеніе.

Когда Іоаннъ, Антоній и Евстафій приняли православіе, то главной покровительницы этого исповѣданія Маріи, первой жены Ольгерда, уже не было въ живыхъ: она, по словамъ источниковъ, какъ разъ умерла, около этого времени. Между тѣмъ, языческіе жрецы, узнавши о принятіи христіанства вышеозначенными придворными и воспользовавшись смертію Маріи Ярославовны, какъ покровительницы православныхъ, обратились съ просьбою къ Ольгерду наказать отступниковъ. Ольгердъ же, хотя и былъ самъ христіанинъ, но недавно сѣвши на виленскій столъ и еще недостаточно укрѣпившись на немъ, уступилъ требованію жрецовъ, опасаясь, чтобы они, въ случаѣ отказа, не произвели бы возмущенія въ народѣ [2]). Сначала этихъ придворныхъ заключили въ темницу (прежде двухъ братьевъ, Кумеца и Нежило, а потомъ и ихъ родственника Круглеца) [3]), гдѣ они пробыли около года, поучая въ христіанскихъ истинахъ приходившихъ къ нимъ своихъ земляковъ-язычниковъ, а затѣмъ предали ихъ разнаго рода мученіямъ. Но когда жрецы увидали, что эти мученики примѣромъ своей

---

[1]) При этой церкви съ древнѣйшихъ временъ существовалъ монастырь (теперь есть). Но когда и кѣмъ онъ тутъ основанъ—нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Латинскіе и уніатскіе писатели говорятъ, что монастырь этотъ основанъ еще при Ольгердѣ одною изъ женъ его православныхъ. Въ началѣ XVII ст. онъ также попалъ въ руки уніатовъ; тутъ былъ базиліанскій монастырь. Подробности объ этомъ храмѣ и монастырѣ см. соч. О. В. Щербицкаго: „Виленскій Св.-Троицкій монастырь“. Вильна. 1886 г.

[2]) Нѣкоторые говорятъ, что Ольгердъ послѣ смерти первой супруги отрекся отъ православія, а потомъ снова принялъ его передъ смертію, какъ сообщаетъ неизданный лѣтописецъ, приводимый Карамзинымъ.

[3]) Подробности см. въ статьѣ Елагина Ж. М. Н. П. за 1846 г. и въ другихъ спеціальныхъ статьяхъ.

твердости увлекаютъ въ православіе многихъ другихъ литовцевъ, то порѣшили съ ними покончить.

Тамъ, гдѣ теперь въ г. Вильнѣ стоитъ русскій православный Свято-Троицкій монастырь, въ половинѣ XIV ст. росла густая дубовая роща, въ которой литовскіе жрецы приносили своимъ языческимъ богамъ жертвы; среди этой рощи былъ одинъ крѣпкій развѣсистый, отличавшійся предъ другими своею величиною, дубъ, считавшійся священнымъ для языческихъ литовцевъ; на этомъ-то дубѣ въ 1347 г. и повѣшены были одинъ за другимъ вышеозначенные три знатныхъ придворныхъ Ольгерда. Сначала повѣшенъ былъ 14 апрѣля Антоній, а потомъ 24 числа того же мѣсяца братъ его Іоаннъ и затѣмъ, наконецъ, спустя семь мѣсяцевъ, и ихъ родственникъ Евстафій. Тѣло послѣдняго мученика три дня висѣло на деревѣ, но къ нему не прикоснулись ни хищный звѣрь, ни плотоядная птица. Затѣмъ свв. мученики, по сказанію лѣтописцевъ, православными жителями города похоронены были въ церкви св. Николая.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія, вторая супруга Ольгерда Юліанія, съ дозволенія мужа, велѣла вырубить, какъ мы уже замѣтили выше, ту дубовую рощу, гдѣ замучены были Антоній, Іоаннъ и Евстафій, и построила упомянутую нами церковь во имя Пресвятыя Троицы; при этомъ сдѣлано было такъ, что престолъ главнаго алтаря поставленъ былъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дубъ, на которомъ повѣшены были свв. мученики.

Когда воздвигнутъ былъ храмъ, то православные жители г. Вильны пожелали перенести въ него и тѣла мучениковъ. Съ этою цѣлію ихъ вынули изъ земли, гдѣ они уже пролежали нѣсколько лѣтъ, но тѣла оказались нетлѣнными. Объ этомъ донесено было московскому митрополиту Алексію, отъ котораго въ то время, какъ извѣстно, зависѣла литовская церковь. Московскій митрополитъ донесъ восточнымъ патріархамъ, а тѣ положили причислить литовскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія къ лику святыхъ. По поводу этого въ 1364 г. московскій митрополитъ Алексій нарочно пріѣзжалъ въ Вильну. Въ это же время установлено было и празднество въ честь сихъ мучениковъ, именно, 14 апрѣля [1]).

[1]) Дальнѣйшая судьба мощей этихъ мучениковъ была слѣдующая: послѣ поступленія Свято-Троицкаго монастыря въ унію прекратилось молебствіе предъ мощами и самыя мощи оставлены были въ пренебреженіи. Но когда въ 1655 г. Алексѣй Михайловичъ взялъ Вильну и уніаты бѣжали изъ города, то православные, при содѣйствіи русскаго воеводы князя Шаховскаго, управлявшаго тогда городомъ, перенесли св. мощи въ Свято-Духовскій монастырь. По выходѣ же русскихъ изъ Вильны и по возвращеніи въ нее уніатовъ, настоятель Свято-Духовскаго монастыря, архимандритъ Іосифъ (впослѣдствіи кіевскій митрополитъ), боясь, чтобы тѣла свв. мучениковъ не были отняты сими послѣдними,

Со времени построенія Свято-Троицкой церкви на мѣстѣ мученической кончины Антонія, Іоанна и Евстафія, вся окрестность этой мѣстности, доселѣ пустынная, стала населяться православными жителями и получила названіе „Русскаго конца".

Кромѣ трехъ вышеозначенныхъ мучениковъ, въ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что монахъ Несторъ обратилъ въ православіе въ Вильнѣ и еще многихъ литовцевъ. Да вообще, какъ видно, православіе въ литовской столицѣ при Ольгердѣ и въ первые годы княженія сына его Ягайлы сильно распространилось. Это видно изъ слѣдующаго: Въ 1393 г. въ Вильну пріѣзжалъ папскій легатъ, мессинскій епископъ, и тутъ прожилъ нѣкоторое время. По возвращеніи же въ Римъ онъ, между прочимъ, донесъ папѣ, что „въ Вильнѣ много русскихъ церквей и въ нихъ много молится литвинъ по восточному обряду".

Внѣ Вильны, въ городахъ, принадлежащихъ Литовскому государству и населенныхъ литовцами-язычниками, распространялъ православіе Кипріанъ, когда былъ митрополитомъ въ Кіевѣ, до вступленія его на московскую митрополію. Это видно изъ его писемъ, писанныхъ къ Сергію Радонежскому, основателю Троицко-Сергіевской лавры. Письма

скрылъ ихъ въ пещерѣ подъ главнымъ алтаремъ, заявивъ потомъ, что они унесены въ Москву русскими. Но чтобы не было забыто мѣсто скрытія мощей, Іосифъ поставилъ въ иконостасѣ какъ разъ надъ пещерой, въ которой покоились св. мощи, икону съ ихъ изображеніемъ.

Почти два столѣтія прошло съ того времени, какъ скрыты были тѣла свв. виленскихъ мучениковъ; событіе это было забыто, какъ забыто и значеніе самой иконы, стоящей надъ мѣстомъ скрытія ихъ. Наконецъ, въ 1814 г. бывшій духовникъ великой княгини Александры Павловны, іеромонахъ Германъ, возвращаясь изъ Австріи въ Петербургъ, посѣтилъ виленскій Свято-Духовскій монастырь и указалъ мѣсто, гдѣ скрыты св. мощи, прибавивши, что это ему извѣстно изъ ставропигіальныхъ дѣлъ патріаршаго цареградскаго архива. Объ этомъ доведено до свѣдѣнія Св. сvнода. Сvнодъ приказалъ открыть мощи. Но чтобы убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли это тѣ самыя мощи, которыя принадлежатъ Антонію, Іоанну и Евстафію, Св. сvнодъ приказалъ составить особую комиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для осмотра открытыхъ мощей и сличенія ихъ подлинности съ древними актами, въ которыхъ описаны были тѣла замученныхъ Антонія, Іоанна и Евстафія. Въ составъ этой комиссіи, между прочимъ, вошли: минскій архіепископъ Антоній и черниговскій епископъ Лаврентій. Комиссія, осмотрѣвши открытыя мощи и сличивши ихъ съ описаніемъ въ древнихъ актахъ, нашла вполнѣ тождественными, составила протоколъ и донесла Св. сvноду. Это было въ 1826 г. Вслѣдствіе этого Св. сvнодъ приказалъ объявить открытыя мощи подлинными мощами свв. мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія и совершать въ честь ихъ празднества и богослуженія. Съ этихъ поръ мощи лежатъ открытыми. Въ настоящее время мощи эти почиваютъ въ той же пещерѣ, гдѣ положены архимандритомъ Іосифомъ. Теперь здѣсь сдѣлана пещерная церковь. Подъ гробами свв. мучениковъ въ 1868 г. погребенъ литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, извѣстный возсоединеніемъ съ православною церковью около 2,000,000 уніатовъ.

эти писаны въ 1378 г., т. е. сейчасъ послѣ смерти Ольгерда. Въ одномъ изъ этихъ писемъ Кипріанъ, между прочимъ, пишетъ: „я былъ въ Литвѣ, гдѣ многихъ литовцевъ, незнающихъ истиннаго Бога, чрезъ святое крещеніе обратилъ въ православіе. Основалъ много церквей. Литовскій Новый-городъ (Новогрудокъ, столица Миндовга), отпавшій отъ православія, оправилъ и укрѣпилъ" и т. д. [1]).

Ольгердъ, имѣя подъ своею властью громадное большинство православныхъ, подчиненныхъ въ церковномъ отношеніи московскому митрополиту Алексію, изъ политическихъ видовъ, хотѣлъ имѣть особаго митрополита. Онъ очень былъ недоволенъ Алексіемъ за то, что тотъ стоялъ на сторонѣ Димитрія Донского, соперника Ольгерда. Вслѣдствіе этого литовскій князь неоднократно писалъ жалобы на московскаго митрополита цареградскому патріарху: „до нынѣ не было такого митрополита", писалъ разъ в. литовскій князь Ольгердъ константинопольскому патріарху Филоѳею на московскаго митрополита Алексія, друга Димитрія Донского, „каковъ сей митрополитъ: благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови! а къ намъ и въ Кіевъ не отправляется. А кто цѣловалъ крестъ ко мнѣ и убѣжалъ въ Москву, съ того митрополитъ снимаетъ крестное цѣлованіе. Бывало ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы крестное цѣлованіе снимать. Надобно бы митрополиту благословлять москвитянъ, чтобы намъ помогали, такъ какъ мы ратуемъ за нихъ съ нѣмцами". Въ началѣ 1371 г. Ольгердъ еще разъ послалъ жалобу въ Константинополь на Алексія и убѣдительно просилъ назначить новаго отдѣльнаго митрополита для литовской православной церкви. Но византійскія власти, и свѣтскія, и духовныя, медлили исполнить просьбу Ольгерда. Наконецъ, уже въ 1373 г. патріархъ Филоѳей отправилъ въ Россію своимъ посломъ инока Кипріана, родомъ серба, чтобы онъ разобралъ жалобы Ольгерда и помирилъ его съ митрополитомъ Алексіемъ. Но Кипріанъ воспользовался этимъ посольствомъ, чтобы самому проложить дорогу къ русскому митрополичьему престолу. Въ Москвѣ онъ вошелъ въ довѣріе митрополита Алексія, а пріѣхавши въ Вильну, онъ такъ подольстился къ Ольгерду, что тотъ снабдилъ его грамотами къ константинопольскому патріарху, съ усиленною просьбою о назначеніи въ Кіевѣ митрополитомъ Кипріана. Патріархъ, наконецъ, согласился: Кипріанъ былъ рукоположенъ въ кіевскіе митрополиты съ правомъ занять и московскій митрополичій престолъ по смерти Алексія. Въ концѣ

---

[1]) См. Православный собесѣдникъ за 1861 г., кн. II.

Примѣчаніе. О православіи въ Литвѣ въ древнія времена можно прочитать въ сочиненіи Боричевскаго „Православіе и русская народность въ Литвѣ". 1853 г. Въ „Церковной исторіи" преосвящен. Макарія, т. V. Въ „Очеркахъ исторіи западно-русской церкви" Честовича, т. I и II.

1374 г. Кипріанъ поселился въ Кіевѣ, откуда онъ, какъ мы видѣли это изъ одного писемъ его къ преподобному Сергію Радонежскому, ѣздилъ въ Литву распространять православіе. Впослѣдствіи онъ занялъ и митрополичье мѣсто въ Москвѣ.

Католичество въ Вильнѣ. Католическіе мученики. За исключеніемъ упомянутыхъ трехъ православныхъ виленскихъ мучениковъ, не видно, чтобы въ Литвѣ православные подвергались гоненію. Притомъ и мученическая кончина Антонія, Іоанна и Евстафія произошла не вслѣдствіе ненависти къ православію литовскаго народа—это дѣло было, какъ мы видѣли, партіи жрецовъ, которые страшились за свой языческій культъ. Напротивъ, литовскій народъ, какъ это видно изъ посѣщенія его темницы, гдѣ заключены были Кумецъ, Нежило и Круглецъ, съ глубокимъ сочувствіемъ относился къ православію.

Совсѣмъ иное мы видимъ по отношенію къ католичеству: исповѣданіе это, слывшее въ Литвѣ подъ именемъ „нѣмецкой вѣры", страшно было ненавидимо литовскимъ народомъ; ненависть эта выражалась тѣмъ, что литовскій народъ, какъ мы видѣли, нерѣдко убивалъ латинскихъ миссіонеровъ, разорялъ костелы и поголовно вырѣзывалъ прелатовъ и ксендзовъ [1]).

Но, не смотря на ненависть литовскаго народа противъ вторженія католичества, усиліе римской куріи не ослабѣвало: напротивъ, послѣ каждой неудачи оно какъ бы удваивалось. Такъ было въ Литовскомъ государствѣ и при Ольгердѣ.

Мы видѣли, что въ 1349 г. Кейстутъ обманулъ и папу, и польскаго короля Казимира Великаго касательно выраженнаго имъ своего желанія креститься. Но, не смотря на это, въ 1355 г. папа Иннокентій VI возобновилъ дѣло о крещеніи Литвы. Съ этою цѣлію онъ отправилъ особаго посла къ Ольгерду и въ то же время далъ знать венгерскому королю Людовику и герцогамъ: Владиславу Опольскому и Зимовиту Мазовецкому, чтобы и тѣ содѣйствовали обращенію въ католичество литовскаго великаго князя и его братьевъ. Но дѣло кончилось ничѣмъ, по крайней мѣрѣ источники въ продолженіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ ни слова не говорятъ объ этомъ.

Въ 1358 г. дѣло объ обращеніи Гедиминовичей въ католичество опять началось. На этотъ разъ его началъ—по чьей инціативѣ, неизвѣстно—какой-то рыцарь Пляденъ, который еще раньше этого почему-то измѣнилъ ордену и перешелъ на сторону литовскихъ князей, за что орденъ заклеймилъ его именемъ „измѣнника". Этотъ Пляденъ явился ко двору Карла IV, въ качествѣ посла отъ литовскихъ князей

---

[1]) Подробности см. въ хроникахъ: Германа Вартберга, Рифмованной и Луки Давида.

съ предложеніемъ начать переговоры относительно крещенія сихъ последнихъ. Въ томъ же году явился къ Карлу въ Нюрнбергъ Кейстутъ и подтвердилъ слова Плядена. Дѣйствительно, начались переговоры, которые даже повели къ тому, что Карлъ IV, „чрезвычайно довѣрчивый“, по замѣчанію одного орденскаго лѣтописца, нарядилъ въ Литву торжественное посольство подъ начальствомъ Эрнеста, архіепископа пражскаго. Посольство прибыло въ Вильну, но скоро возвратилось назадъ съ извѣстіемъ, что литовскіе князья явятся въ г. Вроцлавъ для принятія крещенія.

Въ назначенное время императоръ явился въ Вроцлавъ съ блестящею свитою и нѣсколько дней напрасно ожидалъ литовскихъ князей; Но тѣ не пріѣхали: вмѣсто себя они прислали посла съ грамотою, въ которой излагали условія принятія ими крещенія. Условія эти были слѣдующія: во-первыхъ, чтобы крестоносцы возвратили Литвѣ всѣ области, лежащія между Мазовіею, устьемъ Припети, моремъ и З. Двиною, т. е. желали возврата почти всѣхъ земель, входившихъ въ составъ владѣній ордена, именно: Восточной Пруссіи, Курляндіи и значительной части Лифляндіи; во-вторыхъ, литовскіе князья требовали, чтобы орденъ былъ переселенъ въ степи, отдѣлявшія Русь отъ Золотой Орды, для того, чтобы онъ тамъ дѣйствительно могъ защищать христіанъ отъ невѣрныхъ, и, въ-третьихъ наконецъ, чтобы орденъ призналъ право владѣнія литовскихъ князей во всѣхъ русскихъ областяхъ. Само собою разумѣется, что императоръ, какъ не имѣющій возможности сдѣлать ничего подобнаго относительно предложенныхъ Гедиминовичами условій, отказалъ въ ихъ требованіи. На этотъ отказъ литовскіе князья отвѣтили, что христіане, очевидно, заботятся не объ ихъ вѣрѣ, какъ притворно заявляютъ, а о корысти, и что литовцы предпочитаютъ остаться въ язычествѣ. На томъ и прекратились переговоры и императоръ поспѣшно оставилъ Вроцлавъ. „Литовс іе князья еще разъ обманули императора и орденъ, замѣчаетъ одинъ нѣмецкій историкъ, чтобы выиграть время, необходимое имъ для отдыха“.

Въ 1373 г. мы еще разъ видимъ попытку со стороны римской куріи обратить Литву при Ольгердѣ Гедиминовичѣ въ католичество: папа Григорій XI послалъ литовскимъ князьямъ посланіе, съ цѣлію склонить ихъ къ принятію христіанства, но и эта попытка, какъ и прежнія, осталась безъ послѣдствій: князья литовскіе, получивши папское посланіе, не сочли нужнымъ даже отвѣтить на него.

Но если папской куріи не удалось путемъ переговоровъ окрестить литовскихъ князей въ католичество и ввести въ лоно римской церкви языческую Литву, то все-таки католичество при Ольгердѣ, хотя путемъ частнымъ и романическимъ, вторглось въ Вильну; по крайней

мѣрѣ знаемъ одинъ подобный примѣръ [1]). Послѣ завоеванія Ольгердомъ Подолія, намѣстникомъ князя въ Каменцѣ былъ поставленъ литовскій вельможа Петръ Гаштольдъ. Между прочимъ въ этомъ же городѣ въ сіе время проживалъ также одинъ полякъ, католикъ, нѣкто Бучацкій, у котораго была красавица дочь; въ нее влюбился намѣстникъ Гаштольдъ и сдѣлалъ ей предложеніе: не согласится ли они быть его женою. Та согласилась, но только съ условіемъ, чтобы онъ принялъ католичество и построилъ въ г. Вильнѣ, гдѣ у него были земля и домъ, монастырь. Гаштольдъ дѣйствительно принялъ католичество, а вмѣстѣ съ католичествомъ получилъ и руку прекрасной полячки. Возвратившись потомъ въ Вильну, гдѣ Ольгердъ сдѣлалъ его воеводою, Гаштольдъ прежде всего заложилъ на своемъ дворѣ монастырь св. Богородицы [2]), а затѣмъ вызвалъ сюда изъ-за границы 14 францисканскихъ монаховъ

Поселившись во дворѣ Гаштольда, францисканскіе монахи стали стремиться къ распространенію католичества въ Вильнѣ, но этимъ такъ вооружили противъ себя народъ литовскій, жившій въ Вильнѣ, что онъ задумалъ разорить католическій монастырь и перебить всѣхъ францисканскихъ монаховъ. Но, не рѣшаясь взяться за приведеніе въ исполненіе своего замысла во время пребыванія князя Ольгерда и его любимца Гаштольда въ Вильнѣ, народъ сталъ выжидать случая: когда оба они выѣдутъ изъ столицы. Случай представился: въ 1368 году Ольгердъ и Гаштольдъ отправились въ походъ на Москву; литовцы воспользовались этимъ. Предводимый жрецами, народъ „несмѣтною толпою“ напалъ на домъ Гаштольда, ворвался во дворъ и, разрушивши монастырь, схватилъ католическихъ монаховъ, въ числѣ 14 человѣкъ, и предалъ ихъ казни: семерыхъ изъ нихъ убилъ тутъ же на мѣстѣ, а остальныхъ, успѣвшихъ бѣжать и скрыться въ кустахъ за городомъ, поймалъ на Турьей горѣ. Этихъ послѣднихъ онъ привязалъ къ деревяннымъ крестамъ и пустилъ внизъ по р. Виліи съ словами: „вы пришли къ намъ съ запада солнечнаго, на западъ и ступайте“.

Такъ расправился литовскій народъ съ ненавистными для нихъ католическими миссіонерами. Ненависть эта въ народѣ литовскомъ, конечно, произошла вслѣдствіе тѣхъ жестокихъ мѣръ, къ какимъ вообще прибѣгали латинскіе проповѣдники въ Литвѣ, что мы уже не разъ видѣли, для водворенія слова Божія между язычниками и пора-

---

[1]) При Гедиминѣ, какъ выше было говорено, въ Вильнѣ существовало два костела и при нихъ два монастыря—доминиканскій и францисканскій, но что съ ними потомъ случилось, мы не знаемъ, по крайней мѣрѣ мы ни слова не находимъ объ нихъ въ лѣтописныхъ сказаніяхъ при Ольгердѣ.

[2]) Впослѣдствіи тутъ былъ домъ католическаго епископа, который въ настоящее время обращенъ въ квартиру генералъ-губернатора.

бощенія этихъ послѣднихъ. Но только эта самовольная расправа литовцевъ съ францисканами тяжело отозвалась на обывателяхъ г. Вильны: Ольгердъ, чувствуя себя на этотъ разъ настолько крѣпкимъ на своемъ столѣ, что не побоялся язычниковъ, произвелъ надъ ними строгій судъ и болѣе виновныхъ казнилъ смертію; говорятъ, что около 500 человѣкъ тогда было умерщвлено руками палачей. Послѣ того Гаштольдъ снова призвалъ францисканскихъ монаховъ и опять выстроилъ имъ монастырь Пресвятыя Богородицы, но уже не въ самомъ городѣ, а внѣ его, на Пескахъ, гдѣ теперь источникъ, такъ называемый „Венгры". Тамъ также былъ домъ у Петра Гаштольда.

Мы представили очеркъ всего княженія Ольгерда Гедиминовича; изъ него мы видимъ, что Ольгердъ былъ замѣчательный литовскій князь: онъ широко раздвинулъ предѣлы своего государства—отъ Балтійскаго моря до Чернаго въ одну сторону, отъ Угры, Оки и истоковъ Сейма до З. Буга—въ другую. Самая наружность этого князя, по описанію современниковъ, была замѣчательна; они такъ его описываютъ: „князь имѣлъ величественный видъ, румяное продолговатое лицо, большой носъ, голубые и выразительные глаза, брови густыя и свѣтлыя, длинную свѣтлорусую съ просѣдью бороду, такого же цвѣта волосы на головѣ, спереди уже выпавшіе, чело высокое. Росту онъ былъ выше средняго, ни толстъ, ни худощавъ; говорилъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ; отлично сидѣлъ на конѣ, но ходилъ прихрамывая на правую ногу, почему опирался или на отрока, или на трость. По-нѣмецки хорошо понималъ и могъ объясняться, но въ бесѣдахъ съ нѣмцами всегда имѣлъ переводчика".

Ягайло [1]).

1377—1392 г.

Послѣ смерти Ольгерда осталось многочисленное потомство: двѣнадцать сыновей и пять дочерей. Дѣти его всѣ безъ исключенія были православнаго исповѣданія. Отъ первой жены: Андрей (языческое имя Вингольдъ), князь полоцкій; Димитрій (Корибутъ), князь брянскій и сѣверскій; Димитрій—трубчевскій; Владиміръ—кіевскій; Константинъ—черниговскій и дочь Агрипина [2]). Отъ второй жены: Ягайло (въ православіи Іаковъ, а въ католичествѣ Владиславъ), великій князь литов-

[1]) О Ягайлѣ на русскомъ языкѣ есть слѣдующія сочиненія: Проф. одесскаго унив. Смирнова „Ягайло-Яковъ-Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею". 1868 г. Шайноха „Исторія Ягайлы" (переводъ съ польскаго), два тома. На польскомъ: Стадницкаго „Владиславъ-Ягайло и его братья„. 1867 г.

[2]) Была замужемъ за Борисомъ, княземъ суздальскимъ.

скій; Вигондъ (Θеодоръ-Александръ), князь керновскій; Киргайло (Василій-Казимиръ); Скиргайло (Іоаннъ); Лугвень (Симеонъ); Мингайло; Свидригайло (Левъ-Болеславъ) и четыре дочери: Марія, Александра, Елена и Θеодора.

Въ Литовскомъ государствѣ существовала та же удѣльная система, какъ и въ Россіи. Подобно русскимъ великимъ князьямъ, и Ольгердъ предъ своею смертію раздѣлилъ свое обширное государство между своими сыновьями. Но передача великокняжескаго титула въ Литовскомъ государствѣ, очевидно, еще не получила опредѣленной формы. Послѣ смерти Ольгерда въ родѣ Гедимина старшимъ остался Кейстутъ и ему, какъ старшему, такъ и вслѣдствіе его многочисленныхъ заслугъ, слѣдовало бы быть послѣ Ольгерда великихъ литовскихъ князем; но этого не случилось: Ольгердъ не задолго до кончины своей, по настоянію второй жены, назначилъ великимъ литовскимъ княземъ Ягайлу.

По свидѣтельству польскихъ и литовскихъ писателей, Ягайло отличался лѣностью, безпечностью, безхарактерностью и въ высшей степени преданностью удовольствіямъ и роскоши, особенно это качество развилось у него, когда онъ сдѣлался польскимъ королемъ. Не обладая талантами ни дѣда, ни отца, ни дяди Кейстута и даже уступая въ этомъ отношеніи многимъ своимъ братьямъ, Ягайло во всю жизнь свою ничего хорошаго не сдѣлалъ для блага своей родины. А не имѣя твердости характера и отличаясь къ тому же отсутствіемъ положительныхъ и стойкихъ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій, Ягайло постоянно дѣйствовалъ подъ вліяніемъ стороннихъ лицъ и всегда оставался игрушкою въ чужихъ рукахъ. Убійство Кейстута и родственниковъ его жены Бейруты, борьба съ Витовтомъ (сыномъ Кейстута), принятіе католичества и бракъ его съ Ядвигою—все это было сдѣлано не по его личной инціативѣ, а по инціативѣ другихъ. Сначала руководителями его были: мать, сестра Марія и мужъ ея Вайдыло, а потомъ польскіе паны. Нелюбимый народомъ, симпатіи котораго всецѣло принадлежали Кейстуту и брату его Свидригайлѣ, Ягайло никогда бы долго не просидѣлъ на столѣ дѣда и отца, если бы его польскіе паны не спасли предложеніемъ руки Ядвиги и вмѣстѣ съ ея рукою польской короны. Однимъ словомъ, Ягайло, получивши великокняжескій столъ въ Литовскомъ государствѣ, рѣшительно былъ не на своемъ мѣстѣ, а потому мы видимъ, что лишь только Ольгердъ закрылъ свои грозныя очи, какъ началась усобица внутри Литвы.

Первый началъ ее самый старшій сынъ Ольгерда Андрей, князь полоцкій. Но Андрей, предъявившій свои права на великокняжескій столъ Литовскаго государства, не имѣлъ достаточно средствъ поддержать ихъ военною силою: разбитый Ягайлою, которому помогалъ Кейстутъ, бѣжалъ въ Псковъ, такъ какъ вернуться обратно въ Полоцкъ не могъ: тамъ во время его отсутствія Кейстутъ успѣлъ посадить сво-

его сына Андрея, по прозванію „Горбатый“. Впрочемъ, отъ потери Полоцка Андрей нисколько не остался въ убыткѣ: онъ сдѣланъ былъ княземъ въ Псковѣ.

Между тѣмъ, Ягайло и Кейстутъ, разбивши Андрея Ольгердовича, не хотѣли на этомъ успокоиться: они хорошо знали, что Андрей, собравшись съ силами, опять пойдетъ добывать великокняжескій столъ въ Литовскомъ государствѣ; вслѣдствіе сего племянникъ съ дядею задумали напасть на Андрея въ Псковѣ. Тогда Андрей отдался подъ покровительство московскаго князя Димитрія Іоанновича, получившаго впослѣдствіи прозваніе „Донского“. Московскій князь радъ былъ этому: онъ не только взялъ подъ свое покровительство Андрея Ольгердовича, но вмѣстѣ съ нимъ отправился во владѣнія Литовскаго государства, именно: въ Сѣверскую землю и тамъ захватилъ два города: Трубчевскъ и Стародубъ. Князь этихъ двухъ городовъ, братъ Андрея Ольгердовича, Димитрій Ольгердовичъ, не только не выказалъ сопротивленія московскому князю, но ушелъ въ Московское государство, гдѣ получилъ въ княженіе городъ Переяславль.

Захватъ Трубчевска и Стародуба Димитріемъ сильно раздражилъ Ягайлу. Онъ рѣшился отомстить московскому князю; но какъ? Отправиться въ походъ войною на него литовскій князь не рѣшился рискнуть: Ягайло считалъ себя безсильнымъ сравнительно съ московскимъ княземъ; поэтому онъ сталъ ожидать удобнаго случая, и случай, дѣйствительно, не замедлилъ представиться. Какъ разъ черезъ годъ послѣ этого противъ московскаго князя двинулся изъ Золотой Орды Мамай. Ягайло рѣшился воспользоваться этимъ: онъ предложилъ помощь хану Золотой Орды, тотъ принялъ предложеніе и 1380 г., въ концѣ августа, литовскій князь, во главѣ 40-тысячнаго отряда, отправился къ Дону, гдѣ должна была произойти битва между Мамаемъ и Димитріемъ Іоанновичемъ. Но литовскій князь пятидесяти верстъ не дошелъ до Мамая, когда узналъ о его пораженіи. Разсказываютъ затѣмъ, что Ягайло, получивши извѣстіе о пораженіи хана, сталъ отступать съ такою поспѣшностью, что какъ будто бы кто за нимъ гнался. Есть, впрочемъ, извѣстіе, что за Ягайлою дѣйствительно гнались русскіе, но не догнали его.

Такимъ образомъ, первая усобица въ Литовскомъ государствѣ, вслѣдствіе вступленія на престолъ Ягайлы, была причиною потери симъ государствомъ значительной части Сѣверской области.

Борьба Ягайлы съ Кейстутомъ и Витовтомъ. Вслѣдъ за усобицею, произведенною въ Литовскомъ государствѣ Андреемъ Полоцкимъ, началась усобица Ягайлы съ Кейстутомъ и сыномъ сего послѣдняго Витовтомъ.

Не смотря на то, что Ягайло въ полученіи великокняжескаго стола болѣе всего былъ обязанъ великодушію Кейстута, однако, племянникъ

скоро сталъ тяготиться дядею и подозрѣвать сего послѣдняго въ замыслахъ на великокняжескій столъ. Особенно Ягайло сталъ опасаться дяди, когда тотъ, послѣ первой усобицы, началъ принимать дѣятельное участіе въ управленіи государствомъ, часто ѣздить изъ Трокъ въ Вильну. И дѣйствительно, Кейстутъ, будучи окруженъ особеннымъ почетомъ и любовью со стороны литовскаго народа и пользуясь въ это время безграничнымъ довѣріемъ сего послѣдняго, скорѣе представлялъ изъ себя великаго князя, чѣмъ Ягайло, и племянникъ отлично понималъ, что при жизни дяди ему придется играть второстепенную роль. Поэтому не удивительно, что Ягайло скоро задумалъ, какъ бы отдѣлаться отъ Кейстута. Къ этому еще побуждали его и окружающія лица, особенно мать Юліанія, сестра Марія и мужъ ея Вайдыло. Послѣдніе двое, т. е. Марія и Вайдыло, болѣе всѣхъ были недовольны Кейстутомъ за то, что тотъ не одобрялъ ихъ брака или, лучше, за то, что Марія вышла замужъ за Вайдылу. Дѣло вотъ въ чемъ: Вайдыло былъ сынъ Ольгердова холопа. Ольгердъ еще при жизни своей взялъ этого парубка къ себѣ и сдѣлалъ его сначала хлѣбопекомъ, а потомъ прислужникомъ въ спальнѣ. Въ послѣдней должности Вайдыло вошелъ въ такую милость князя, что тотъ далъ ему въ управленіе г. Лиду. По смерти же Ольгерда Вайдыло еще болѣе возвысился: онъ сдѣлался любимцемъ всего семейства покойнаго князя и, наконецъ, съ согласія Юліаніи и Ягайлы, вступилъ въ бракъ съ дочерью Ольгерда Маріею, бывшею прежде замужемъ за какимъ-то удѣльнымъ княземъ Давидомъ. Старому Кейстуту очень не понравилось, что его родная племянница отдана была за холопа. Въ этомъ бракѣ Кейстутъ видѣлъ униженіе княжескаго рода и оскорбленіе его чувства; такого удара старый Кейстутъ не ожидалъ для своего самолюбія. По этому поводу трокскій князь не разъ укорялъ и Юліанію, и Ягайлу, и Марію. Отсюда-то, по словамъ лѣтописцевъ, и пошелъ сильный раздоръ въ самомъ княжескомъ семействѣ, а это послѣднее еще болѣе укрѣпило въ мысли Ягайлы отдѣлаться отъ стараго дяди какимъ бы то ни было способомъ.

Прежде всего Ягайло хотѣлъ отнять у сына Кейстута Андрея Горбатаго городъ Полоцкъ, но это ему не удалось. Разсказываютъ, что когда Ягайло, основываясь на правѣ политическаго старшинства, объявилъ Андрея лишеннымъ Полоцкаго удѣла и послалъ туда своего родного брата Скиргайлу, то полочане не только не посадили его на своемъ столѣ, но въ насмѣшку привязали Скиргайлу на спину старой клячи и съ ругательствомъ выпроводили вонъ изъ города. Правда, Ягайло послалъ было свое войско на Полоцкъ, чтобы наказать жителей сего города за насмѣшку надъ братомъ, но оно было разбито и бѣжало. Затѣмъ Ягайло началъ готовиться противъ своего дяди Кейстута; съ этою цѣлію онъ сталъ искать помощи у прусскихъ крестоносцевъ: начались переговоры; отъ лица Ягайлы велъ ихъ зять его Вайдыло; пе-

реговоры эти длились около трехъ мѣсяцевъ; наконецъ, для окончательнаго заключенія союза положено было съѣхаться въ поле около селенія Довидишки. Въ началѣ осени 1381 г. сюда прибыли: Ягайло съ своею блестящею свитою и магистръ ордена со всѣми комондорами. Но чтобы скрыть отъ Кейстута настоящую цѣль сего съѣзда, Ягайло и рыцари пригласили къ себѣ и сына Кейстута Витовта, объявивъ сему послѣднему, что желаютъ устроить охоту и повеселиться на свободѣ. Здѣсь среди шумныхъ пировъ и охотническихъ подвиговъ рыцари и Ягайло заключили союзъ и положили: Кейстута и все его потомство лишить удѣловъ въ Литовскомъ государствѣ. Договоръ этотъ заключенъ былъ съ такою тайною, что Витовтъ не только не зналъ о немъ, но даже не подозрѣвалъ его. Мало того, онъ считалъ Ягайла своимъ первымъ и задушевнымъ другомъ, котораго и „мысли ему хорошо извѣстны", какъ онъ говорилъ потомъ отцу.

Но какъ ни тайно составленъ былъ вышеозначенный договоръ противъ Кейстута и его потомства, онъ все-таки скоро сдѣлался извѣстенъ трокскому князю: кумъ его фонъ-Лебштейнъ, комондоръ остероцкій [1]), по дружбѣ открылъ его Кейстуту: „ты ничего не знаешь говорилъ комондоръ Кейстуту, какъ Ягайло безпрестанно посылаетъ Вайдылу къ намъ и даже договоръ съ нами написалъ, чтобы отнять у тебя волости". Кейстутъ, получивъ эту вѣсть, далъ знать объ этомъ своему сыну Витовту: „ты живешь съ Ягайлою въ тѣсной дружбѣ, а онъ договорился съ нѣмцами на насъ". Но Витовтъ этому не повѣрилъ; назвавши послѣднее извѣстіе пустою сплетнею, продолжалъ, попрежнему, дружить съ двоюроднымъ братомъ. Скоро, однако, правда обнаружилась: вдругъ нѣмцы, ни съ того, ни съ сего, какъ говорится, напали на Жмудскій удѣлъ, принадлежавшій Кейстуту, и страшно его опустошили. Когда же старый Кейстутъ двинулся противъ рыцарей и осадилъ ихъ пограничный замокъ Бейербургъ, то Ягайло, вмѣсто того, чтобы подать помощь дядѣ, какъ того требовалъ Кейстутъ во имя общей пользы, напалъ на Полоцкъ, гдѣ сидѣлъ Андрей Горбатый, сынъ Кейстута. Старикъ, услышавши объ этомъ, немедленно опять далъ знать своему сыну: „за Вайдылу отдалъ мою племянницу, уговорился съ нѣмцами на мое лихо и вотъ теперь съ кѣмъ мы воюемъ? съ нѣмцами? А онъ съ ними за одно добываетъ Полоцкъ". Но Витовтъ и теперь еще не убѣдился въ коварствѣ Ягайлы. Тогда Кейстутъ рѣшился дѣйствовать безъ сына. Пользуясь отсутствіемъ войскъ Ягайлы, онъ напалъ на Вильну и взялъ въ плѣнъ Ягайлу вмѣстѣ съ его матерью Юліаніею. При этомъ трокскій князь въ замкѣ захватилъ всѣ бумаги и, между прочимъ, под-

---

[1]) Комондоръ этотъ былъ крестнымъ отцомъ Данаты, дочери Кейстута, когда та при вступленіи въ бракъ съ мазовецкимъ княземъ принимала крещеніе.

линный договоръ великаго князя съ нѣмцами, прочитавши который Кейстутъ передалъ его Витовту: „ты мнѣ не вѣрилъ, говорилъ Кейстутъ сыну, передавая грамоты, а вотъ тебѣ и подлинный договоръ, написанный на наше лихо, да Богъ остерегъ насъ, а я великому князю Ягайлѣ никакого зла не сдѣлалъ: не дотронулся ни до имѣній его, ни до стадъ его и самъ онъ у меня не въ плѣну, ходитъ только за моей стражей. Отчину его: Витебскъ и Крево, все отдамъ и ничего не возьму и ни во что не вступлюсь, а что я теперь сдѣлалъ, то нельзя было не сдѣлать: берегъ свою голову". Великодушный Кейстутъ, дѣйствительно, такъ и сдѣлалъ, какъ говорилъ сыну: онъ Ягайлѣ и его матери все отдалъ, что Ольгердъ держалъ до вступленія своего на великокняжескій столъ, т. е. Витебскъ, Крево и другіе города. Кейстутъ лишилъ только племянника своего великокняжескаго стола, который ко всеобщей радости народа взялъ себѣ. Ягайло и Юліанія переѣхали въ Витебскъ.

Но не долго старикъ Кейстутъ пользовался великокняжескимъ столомъ. Мать Ягайлы и другія дѣти ея не могли снести униженія, нанесеннаго имъ трокскимъ княземъ. Поэтому, какъ только Ягайло и мать его Юліанія получили свободу и перебрались въ Витебскъ, такъ сейчасъ же чрезъ Скиргайлу снова вошли въ сношеніе съ нѣмцами и заключили съ ними договоръ противъ Кейстута. Къ этому ихъ побудило еще и то, что Кейстутъ, сдѣлавшись великимъ княземъ, повѣсилъ Вайдылу. Но Ягайло и его мать, заключивши съ нѣмцами договоръ противъ Кейстута, не рѣшились напасть на сего послѣдняго въ Вильнѣ, а ждали случая, когда онъ выѣдетъ изъ столицы и займется какимъ-нибудь дѣломъ. Случай, дѣйствительно, скоро представился: Димитрій-Корибутъ, князь Новгорода Сѣверскаго, не хотѣлъ признать, вѣроятно по наущенію брата и матери, своего дяди великимъ княземъ, о чемъ и далъ ему знать чрезъ особаго посла. Тогда Кейстутъ, чтобы заставить племянника признать себя великимъ княземъ, собралъ войско и двинулся за Днѣпръ. А этимъ походомъ, между прочимъ, Ягайло и Юліанія и рѣшились воспользоваться. Въ отсутствіе дяди Ягайло, при помощи рыцарей Тевтонскаго ордена, сначала взялъ Вильну, а потомъ и Троки. Витовтъ, бывшій въ это время въ Трокахъ, едва могъ спастись бѣгствомъ: онъ вмѣстѣ съ матерью своею Бейрутою скрылся въ Гроднѣ, откуда немедленно далъ знать отцу, осаждавшему Новгородъ-Сѣверскъ. Получивши такое извѣстіе, Кейстутъ сейчасъ же бросилъ осаду и отправился въ Жмудь, откуда, усиливши свою армію новымъ наборомъ, двинулся противъ племянника. Недалеко отъ Трокъ противники встрѣтились. Но такъ какъ Кейстутъ имѣлъ втрое больше войска, чѣмъ Ягайло, то этотъ послѣдній побоялся вступить въ битву съ дядею; онъ рѣшился достигнуть цѣли обманомъ: прикинувшись раскаявшимся, началъ молить дядю о прощеніи и уговаривать его отправиться съ нимъ

вмѣстѣ въ Вильну къ матери для окончательнаго заключенія мира и подписанія статей договора. Кейстутъ, какъ видно, не вполнѣ повѣрилъ искренности своего племянника: правда, онъ согласился на миръ, но ѣхать въ Вильну отказался было наотрѣзъ: „боясь зла отъ Ягайлы“, какъ говоритъ одинъ лѣтописецъ. Но его уговорилъ отправиться туда Витовтъ; притомъ Скиргайло, прибывши въ палатку трокскаго князя, поклялся, что ему въ Вильнѣ не угрожаетъ никакая опасность. Старикъ согласился и вмѣстѣ съ сыномъ поѣхалъ въ столицу. Но лишь только они прибыли сюда, какъ по приказанію Ягайлы оба были немедленно арестованы. Причемъ Кейстутъ, закованный въ цѣпи, отправленъ въ Крево въ замокъ и скрытъ въ подземельѣ, а Витовтъ посаженъ въ одну изъ башенъ виленскаго верхняго замка.

Четверо сутокъ томился въ кревскомъ подземельѣ любимецъ литовскаго народа; на пятый день, по приказанію Ягайлы, былъ удавленъ золотымъ шнуркомъ отъ его собственной одежды. Эту гнусную операцію совершили: Прокоша, Лисица, Жибентой и Кучукъ—все „коморники Ягайлы“. Бывшій при Кейстутѣ слуга Григорій Омуличъ, русскій по происхожденію, котораго любилъ покойный князь, хотѣлъ было защищать своего князя, но былъ убитъ. Убійцы пустили слухъ въ народѣ, что Кейстутъ будто бы самъ лишилъ себя жизни.

На третій день послѣ умершвленія Кейстута погребальная колесница привезла въ Вильну тѣло князя-мученика. При громадномъ стеченіи народа и при общемъ рыданіи сего послѣдняго тѣло несчастнаго литовскаго героя по обряду языческой религіи сожжено было въ долинѣ „Свенторога“, близъ святилища Ромове. Вмѣстѣ съ Кейстутомъ, по свидѣтельству Стрыйковскаго, сожжены были: любимый слуга, лучшій конь, четыре пары собакъ, рысь, медвѣжьи когти и охотничій рогъ.

Такъ трагически окончилъ жизнь обожаемый литовскимъ языческимъ народомъ князь! Онъ послѣдній герой языческой Литвы, котораго память долго жила среди жмудскаго народа послѣ гибели самого языческаго литовскаго культа.

Вслѣдъ за убіеніемъ Кейстута и весь родъ жены его Бейруты подвергся истребленію. Такъ, дядя ея Видимундъ и внукъ Бутримъ, по приказанію Ягайлы, были посажены на колъ, а тремъ двоюроднымъ братьямъ и двумъ внукамъ отрублены головы на плахѣ; самую же Бейруту, какъ бывшую вайделотку и нарушившую клятву относительно безбрачной жизни вслѣдствіе вступленія ея въ супружество съ Кейстутомъ, осудили на утопленіе въ Нѣманѣ. Но приговоръ этотъ почему-то не приведенъ былъ въ исполненіе: по крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что она скончалась въ 1416 году въ Палангенѣ и въ томъ именно святилищѣ, откуда слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ была похищена своимъ мужемъ. „Съ великою честью, говоритъ одинъ лѣтописецъ, Бейрута была погребена на одномъ изъ прибрежныхъ холмовъ, находив-

шагося недалеко отъ того палангенскаго храма богини Праурримы, въ которомъ она была вайделоткою." Литовскій языческій народъ долго почиталъ Бейруту, какъ богиню и создалъ подъ ея именемъ особаго идола.

Та же участь, конечно, ждала и сына Кейстута Витовта. По приказанію Ягайлы его уже перевезли въ кревскій замокъ и заключили въ одной изъ башенъ замка. Ждали только выздоровленія [1]), чтобы и надъ нимъ совершить казнь. Но Витовта спасла жена его Анна, княжна смоленская. Объ этомъ разсказываютъ такъ: во время болѣзни Витовта женѣ его Аннѣ разрѣшено было навѣщать мужа. Въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, когда уже Витовтъ выздоровѣлъ, но притворялся больнымъ, жена его пришла къ нему вмѣстѣ съ своею служанкою Еленою и противъ обыкновенія тамъ замѣшкалась: въ это время Витовтъ переодѣвался въ платьѣ Елены, которая и осталась на его мѣстѣ, а самъ онъ, вышедши съ женою изъ тюрьмы, направился въ отдаленный и пустой уголъ замка, гдѣ спустился со стѣны и на приготовленныхъ лошадяхъ бѣжалъ—сначала въ Слонимъ, а потомъ въ Брестъ—и на пятый день явился въ Мазовію. Оттуда, спустя недѣлю, отправился въ столицу Пруссіи Маріенбургъ къ магистру Тевтонскаго ордена Конраду Цольнеру, у котораго нашелъ радушный пріемъ. Между тѣмъ, служанка Анны Елена такъ искусно притворялась больною, что только на третій день обманъ открылся. Елена за это поплатилась жизнію.

Живя среди рыцарей, Витовтъ сталъ уговаривать ихъ помочь ему противъ двоюроднаго брата. Въ случаѣ же успѣха онъ соглашался быть ихъ вассаломъ. Послѣднее обѣщаніе подѣйствовало на рыцарей: въ началѣ 1383 г. они дѣйствительно выступили въ походъ противъ Ягайлы. Но на первыхъ порахъ братья креста Господня вели эту войну не особенно усердно. Правда, они захватили было городъ Троки, но не постарались укрѣпить его за собою, а потому онъ, какъ только вышли рыцари, снова былъ взятъ Ягайлою. Тогда Витовтъ, чтобы побудить крестоносцевъ къ болѣе энергическимъ дѣйствіямъ, рѣшился принять католичество съ именемъ Вигонда и уступить имъ Жмудь. На этотъ разъ рыцари въ самомъ дѣлѣ рѣшились серьезнымъ образомъ помочь Витовту. Собравши многочисленное войско, крестоносцы выступили противъ Ягайлы двумя путями: сухимъ и водою по Нѣману. Война началась упорная и жестокая. Ягайлѣ приходилось плохо, тѣмъ болѣе, что значительная часть литовскаго народа внутри самого государства отозвалась на голосъ Витовта, когда тотъ обратился къ нему изъ Пруссіи съ возваніемъ о помощи. Очень можетъ быть, что Витовтъ, при общемъ сочувствіи литовскаго языческаго народа и при сильной поддержкѣ рыцарей, одолѣлъ бы Ягайлу и занялъ бы великокняжескій

---

[1]) Онъ болѣлъ нервною горячкою. Болѣзнь приключилась вслѣдствіе потрясенія, происшедшаго по поводу казни отца и родныхъ его матери.

столъ. Но при этомъ, повидимому и благопріятномъ для Витовта исходѣ дѣла, въ перспективѣ ему все-таки представлялась далеко не блестящая и спокойная будущность, такъ какъ въ силу только что заключеннаго договора онъ долженъ будетъ сдѣлаться вассаломъ крестоносцевъ или, лучше сказать, рабомъ надменныхъ рыцарей. Поэтому Витовтъ очень радъ былъ, когда Ягайло, истомленный борьбою, по совѣту матери Юліаніи, предложилъ миръ и обѣщался уступить ему нѣсколько удѣловъ, если онъ разорветъ союзъ съ рыцарями; Витовтъ принялъ предложеніе двоюроднаго брата, разорвалъ союзъ съ крестоносцами и вмѣстѣ съ нимъ сталъ дѣйствовать противъ рыцарей. По окончаніи же войны, которая, собственно говоря, ничѣмъ не окончилась, Ягайло и Витовтъ, въ началѣ 1384 г., заключили между собою окончательный миръ, по которому Витовтъ получилъ: Брестъ (Берестье), Дрогичинъ, Гродну, Бѣлостокъ, Суражъ и нѣкоторыя земли по р. Бугу. По настоянію Юліаніи ему уступленъ былъ также и Луцкъ; въ благодарность за это Витовтъ принялъ православіе съ именемъ Александра.

Но, какъ видно изъ источниковъ, миръ между двоюродными братьями недолго продолжался бы, вслѣдствіе того, что Ягайло не хотѣлъ исполнить нѣкоторыхъ статей договора, и междоусобная война должна была бы скоро снова вспыхнуть. Но въ это время произошло событіе, которое, во-первыхъ, отсрочило готовившееся междоусобіе лѣтъ на шесть, а во-вторыхъ, дало Литовскому государству иное направленіе. Событіе это—вступленіе Ягайлы въ бракъ съ польскою королевою Ядвигою и соединеніе Литвы съ Польшею.

Краткій очеркъ исторіи Польши [1]).

Племена, вошедшія въ составъ Польскаго государства. Польское государство образовалось изъ славянскихъ племенъ, жившихъ съ незапамятныхъ временъ въ областяхъ рѣкъ Вислы и Одера. Славяне эти, извѣстные подъ общимъ именемъ поляковъ (ляховъ), дѣлились на слѣдующія племена: собственно поляковъ (полянъ), обитавшихъ по теченію р. Варты (притока Одера), краковяковъ или бѣлохорватовъ—по верхнему теченію р. Вислы, мазуровъ (мозовшанъ)—среднему, куявовъ—нижнему, поморянъ—по берегамъ Балтійскаго моря, и др.

---

[1]) На русскомъ языкѣ есть слѣдующія сочиненія по исторіи Польши: Генриха Шмитта „Исторія польскаго народа“. 1866 г. (переводъ съ польскаго). Бантке „Исторія Польскаго государства“. 1830 г. (тоже переводъ съ польскаго). Лелевеля „Краткій очеркъ исторіи польскаго народа“. Спб. 1862 г. (тоже переводъ съ польскаго). Кулжинскаго „Очеркъ польской исторіи“ (небольшая книжка). 1864 г. Успенскаго „Первыя славянскія монархіи на сѣверѣ“ (доведено до смерти Болеслава Храбраго). 1872 г. А также о Польшѣ до вступленія Ягайлы на польскій престолъ есть въ русской исторіи Бестужева-Рюмина, во II т. 1885 г.

По характеру природы и населенія Польское государство съ давнихъ поръ дѣлилось на двѣ части: Великую или сѣверную и Малую или южную. Великая Польша, орошаемая рѣкою Вартою, представляла страну низменную, усѣянную множествомъ озеръ. Среди этихъ озеръ самое замѣчательное было Гопло. Замѣчательно оно въ томъ отношеніи, что съ окрестностями его связаны были многія древнѣйшія народныя преданія поляковъ, напримѣръ, преданіе о князѣ Попелѣ и земледѣльцѣ Пястѣ. Въ Великой Польшѣ между множествомъ городовъ замѣчательнѣйшіе были: Гнѣзно, Познань и другіе.

Малая Польша, орошаемая верхнимъ теченіемъ Вислы, представляла возвышенную страну, наполненную отраслями Карпатовъ. Замѣчательнѣйшіе города здѣсь были слѣдующіе: Краковъ, Сендоміръ и др.

Баснословныя времена Польши.

Преданіе говоритъ, что было три брата: Лехъ, Чехъ и Руссъ (очевидно, указывается на національное родство между собою поляковъ, чеховъ и русскихъ). Въ VI столѣтіи послѣ Рождества Христова, они прибыли изъ Хорватіи, отъ горъ Карпатскихъ, въ славянскія земли, завладѣли ими и подѣлили ихъ междусобою. Лехъ, по словамъ преданія, получилъ земли по р. Вартѣ и тамъ поселился. Бывши однажды на охотѣ, Лехъ нашелъ гнѣздо бѣлыхъ орловъ; находку эту онъ счелъ за указаніе свыше о необходимости построить здѣсь самому себѣ „гнѣздо", т. е. столицу. Мѣсто это по своей красотѣ ему очень понравилось и Лехъ основалъ здѣсь городъ Гнѣзно и сдѣлалъ его своею столицею. Это было, такъ сказать, первоначальное ядро Польскаго государства, откуда оно потомъ стало распространяться. Лехъ, какъ говоритъ то же преданіе, первый и установилъ польскій государственный гербъ, состоящій изъ бѣлаго

На польскомъ языкѣ хороши двѣ исторіи: профессора краковскаго университета Михаила Бобржинскаго (1881 г.) и Шуйскаго 1862—1865 г. На нѣмецкомъ языкѣ: Репеля и Каро.

Примѣчаніе. Бобржинскій современный польскій историкъ; онъ, сравнительно съ другими польскими историками, отличается честностью, правдивостью и безпристрастностью. Вся польская исторіографія, за весьма малымъ исключеніемъ, до послѣдняго времени писалась подъ вліяніемъ чувства ненависти противъ Россіи; изъ трехъ державъ, подѣлившихъ Польшу, въ польской исторіографіи наибольшее количество вражды помѣщено противъ Россіи; Бобржинскій же первый изъ польскихъ историковъ въ своемъ сочиненіи „Очеркъ исторіи Польши" выступилъ въ защиту Россіи и ясно доказалъ, что Россія не только не стремилась погубить Польшу, а напротивъ заботилась поддержать ее и ввести въ ней порядокъ и законность. Польша погибла, говоритъ Бобржинскій, отъ анархіи.

орла на красномъ фонѣ. Лехъ управлялъ Польшею около 100 лѣтъ, а династія его существовала въ Польшѣ около 200 лѣтъ [1]).

По прекращеніи династіи Леха Польшею управляли 12 воеводъ. Вслѣдствіе спора ихъ за престолъ въ Польшѣ произошли страшные безпорядки, пока не вмѣшался народъ и не избралъ изъ нихъ Кракуса. Этотъ государь построилъ городъ Краковъ. Послѣ смерти его на польскій престолъ возведена была дочь его, красавица Ванда. Вступая на престолъ, Ванда дала обѣтъ дѣвства; между тѣмъ за нее сталъ свататься нѣмецкій рыцарь Ритигеръ, но она отказала: тогда Ритигеръ пошелъ на нее войною. Испуганные подданные стали было просить Ванду, чтобы она, для отвращенія гибельной войны, вышла замужъ за Ритигера, въ противномъ случаѣ угрожали выдать ее силою. Но Ванда, не желая нарушать обѣта дѣвства, бросилась въ Вислу и утонула.

Послѣ Ванды опять управляли Польшею 12 воеводъ; въ это время произошли въ ней страшные безпорядки. Пользуясь ими, на Польшу напали венгры и едва не покорили ее; но Перемыславъ, золотарь, спасъ свое отечество отъ гибели: онъ, по словамъ преданія, такъ выполировалъ множество оружія, что оно горѣло какъ огонь, и когда приближались венгры, развѣсилъ его на горахъ; блескъ отъ него такой страхъ навелъ на венгровъ, что тѣ обратились въ бѣгство, а Перемыславъ, за оказанную отечеству услугу, былъ избранъ государемъ подъ именемъ Лешки I (а по инымъ III и даже IV). Имъ построенъ Перемыслъ.

По смерти Перемыслава положено было избрать государемъ Польши того, кто на конскомъ ристалищѣ обгонитъ всѣхъ. Одинъ изъ желавшихъ состязаться на конскомъ ристалищѣ незамѣтно подсыпалъ гвоздей въ песокъ на дорогѣ, оставивши для себя свободную тропинку.

---

[1]) О Лехѣ есть еще другое преданіе, именно: скоро послѣ Р. Хр. на привислинскихъ славянъ, говоритъ оно, напалъ азіатскій народъ сарматы, подъ предводительствомъ вождя Леха. Въ короткое время Лехъ покорилъ всѣхъ прибалтійскихъ славянъ и раздѣлилъ ихъ между своими сподвижниками. Покоренныхъ славянъ Лехъ обратилъ въ холоповъ. Поработители славянъ съ этихъ поръ стали называться панами или господами, а по своему происхожденію сарматами и ляхами. Лехъ, основавъ государство изъ покоренныхъ славянъ, далъ ему названіе „Ляхія".

Примѣчаніе. Многіе польскіе паны по настоящее время считаютъ себя потомками сарматовъ и гордятся этимъ происхожденіемъ. Типъ пана-сармата (теперь его рѣдко можно встрѣтить, но есть еще) красивъ и величавъ. Панъ-сарматъ обыкновенно высокъ ростомъ, имѣетъ крутой лобъ, прямой носъ, широкія плечи, высокую грудь, походку прямую и гордую, волосы носитъ короткіе и клинообразную бороду съ бритыми баками.

Другой же конкурентъ открылъ это злоупотребленіе. Виноватый былъ убитъ, а изобличитель былъ избранъ княземъ подъ именемъ Лешки II.

Изъ преемниковъ Лешки II замѣчателенъ былъ своею судьбою правнукъ его Попель II, сынъ Попеля I. Попель II былъ женатъ на гордой и жестокой нѣмкѣ, которая много вреда сдѣлала Польшѣ и потомъ уговорила своего мужа на такое злодѣяніе, которое было причиною его страшной трагической смерти. Однажды, говоритъ преданіе, на дворъ Попеля пришли два странника и просили себѣ ночлега, но имъ было отказано въ томъ. Тогда они отправились въ предмѣстье, гдѣ очень радушно были приняты простымъ человѣкомъ Пястомъ, который въ это время праздновалъ пострижины своего сына, а потому хорошо и угостилъ ихъ. Въ благодарность за это странники назвали сына Пястова Земовитомъ, въ предзнаменованіе того, что онъ будетъ владѣть землею. Вскорѣ затѣмъ Попель, по наущенію своей злой жены, отравилъ своихъ дядей и трупы ихъ велѣлъ побросать въ озеро Гопло. Но изъ труповъ дядей народилось столько мышей и тѣ мыши такъ дружно напали на Попеля, что онъ нигдѣ не могъ найти спасенія: бѣжалъ было на островъ и хотѣлъ скрыться въ замкѣ, но мыши поплыли за нимъ, напали тамъ на него и съѣли со всѣмъ его семействомъ.

Послѣ несчастнаго Попеля, на которомъ кончилась династія Лешковъ, поляки не знали, кого избрать своимъ государемъ, и наконецъ, собравшись рано утромъ на берегъ озера Гопло, рѣшились избрать того, кто первый переправится къ нимъ съ другой стороны озера, кромѣ женщинъ и дѣтей. Первый показался съ другой стороны Пястъ, который возвращался изъ своего пчельника и везъ кадку меда. Когда онъ переѣхалъ озеро, народъ поздравилъ его своимъ княземъ. Это было около 840 года.

Пястъ управлялъ Польшею долго и счастливо и умеръ 120-лѣтнимъ старикомъ. Онъ перенесъ столицу Польши изъ Гнѣзна въ Крушвицу.

По смерти Пяста престолъ польскій занялъ сынъ его Земовитъ (860—891 г.). Со времени правнука его Мечислава I, въ польской исторіи настаютъ времена историческія.

Историческія времена Польши.

Мечиславъ I.

965—992 г.

Съ Мечислава I настаютъ, какъ мы сейчасъ сказали, историческія времена въ Польшѣ; а также со времени его царствованія и христіанство начинаетъ распространяться въ Польшѣ. Святой апостолъ Андрей Первозванный, по преданію, былъ первымъ проповѣдникомъ слова Божія

между славянами. Онъ проповѣдывалъ евангельское ученіе какъ русскимъ, такъ и польскимъ славянамъ во II в. по Р. Хр. Но насколько это преданіе справедливо, мы не знаемъ, но только то не подлежитъ сомнѣнію, что въ Польшѣ прежде Мечислава I христіанство насаждено было по обряду греко-восточной церкви (православія) и богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ [1]). Мечиславъ I съ малолѣтства былъ христіаниномъ, но жилъ какъ язычникъ. Женившись на чешской княжнѣ Домбровкѣ, православнаго исповѣданія, перемѣнилъ свой образъ жизни. Онъ сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ; его примѣру стали слѣдовать и подданные. Съ этого времени христіанство по греко-восточному обряду (православію) стало распространяться и укрѣпляться въ Польшѣ, а потому нѣкоторые и думаютъ, что въ Польшѣ христіанство введено только при Мечиславѣ I и что самъ онъ принялъ его предъ женитьбою на Домбровкѣ. Но православіе не долго просуществовало въ Польшѣ: тотъ же Мечиславъ I по смерти Домбровки, въ 976 году, женился на одной католической монахинѣ и изъ угожденія нѣмцамъ, бывшимъ тогда католиками, принялъ къ себѣ въ Польшу католическаго епископа Іордана и подчинился папѣ. Съ тѣхъ поръ православіе въ Польшѣ стало замѣняться католичествомъ и богослужебный славянскій языкъ вытѣсняться латинскимъ. Въ то же время Мечиславъ I призналъ себя ленникомъ и данникомъ германскаго императора.

При Мечиславѣ I великій князь кіевскій Владиміръ въ 981 году завладѣлъ червенскими городами (Галиціею), которые хотя и принадлежали Польшѣ, но съ древнѣйшихъ временъ были населены русскими и держались православія.

Какъ велика была въ это время Польша—неизвѣстно, но Куявія и Мазовія уже входили въ составъ Польскаго государства.

Болеславъ Храбрый.

992--1025 г.

Былъ сынъ и преемникъ Мечислава I. Онъ всю жизнь свою провелъ въ борьбѣ то съ родными братьями и чехами, то съ германскимъ императоромъ, то, наконецъ, съ великимъ княземъ кіевскимъ Ярославомъ I. Съ послѣднимъ онъ велъ войну за своего зятя Святополка Окаяннаго, который хотѣлъ по трупамъ братьевъ своихъ достигнуть великокняжескаго кіевскаго стола, но ему помѣшалъ Ярославъ I. Во время этой борбы Болеславъ отнялъ у русскихъ червенскіе города, но они при его преемникахъ снова возвращены были русскими.

---

[1]) См. польскаго писателя Мацѣевскаго; онъ подробно говоритъ объ этомъ въ своемъ сочиненіи „Очеркъ первобытной христіанской церкви у славянъ“, а также у Лелевеля въ его сочиненіи „Польша среднихъ вѣковъ“, т. IV.

При Болеславѣ Храбромъ католичество окончательно утвердилось въ Польшѣ. Онъ, угождая германскому императору и папѣ, учредилъ въ Польшѣ пять епископій и далъ слово покорять всѣхъ восточныхъ славянъ, обращать ихъ въ католичество и подчинять папскому престолу. Своею излишнею угодливостію папѣ и императору Болеславъ положилъ начало той вѣковой враждѣ между славянами, которая до сего времени не ослабѣла и которой конца не предвидится. Этотъ государь, вооруживши славянъ польскихъ противъ славянъ восточныхъ и южныхъ, заставилъ первыхъ ненавидѣть свою славянскую національность и стыдиться ея.

Болеславъ Храбрый, какъ мы говорили выше, первый изъ польскихъ королей вошелъ въ сношенія съ однимъ изъ литовскихъ племенъ, именно пруссами; но эти сношенія были не мирнаго свойства, подобно сношеніямъ русскихъ съ литовцами; сношенія Болеслава съ литовцами носили на себѣ характеръ военный, со всѣми послѣдствіями такого рода сношеній: опустошеніями, грабежами и убійствами.

При Болеславѣ Храбромъ образовалось сословіе „шляхты" (конное войско), спеціальность котораго состояла въ защитѣ государства отъ внѣшнихъ враговъ. Вмѣсто жалованья онъ далъ шляхтѣ въ пожизненное владѣніе, съ правомъ передавать по наслѣдству, земли, заселенныя свободными земледѣльцами или кметами. Отсюда образовалось крестьянское сословіе въ Польшѣ и явилось крѣпостное право [1]).

Болеславъ былъ первый изъ польскихъ правителей, который принялъ титулъ короля.

Мечиславъ II-й.

1025-1034 г.

Онъ былъ сынъ Болеслава и извѣстенъ своимъ распутствомъ и безнравственностью. При немъ Ярославъ I овладѣлъ Галиціею и Бельзомъ.

---

[1]) До Болеслава Храбраго въ Польшѣ было три сословія: а) дворяне, или паны; б) кметы, или свободные земледѣльцы, и в) рабы. Болеславъ же Храбрый образовалъ еще два сословія: шляхетское и крестьянское. Первое онъ образовалъ изъ дворянскаго, или панскаго сословія, а второе—изъ кметовъ. Но первое сословіе, или шляхетское, благодаря своему положенію, какъ военному сословію, скоро пріобрѣло въ государствѣ огромную силу,—стало во главѣ всѣхъ остальныхъ сословій и начало распоряжаться судьбою Польши по своему личному усмотрѣнію. Предъ симъ послѣднимъ сословіемъ стушевалось прежнее панское сословіе, уступило ему все и затѣмъ скоро слилось съ нимъ: по крайней мѣрѣ уже въ началѣ второй половины XIV ст. мы въ источникахъ не находимъ различія между паномъ и шляхтою.

Междуцарствіе.

По смерти Мечислава II жена его Рикса вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола Казимиромъ, вслѣдствіе своеволія пановъ, бросила Польшу и уѣхала въ Саксонію. Польша, оставшись безъ короля, сдѣлалась ареною междоусобныхъ войнъ, грабежей, разбоевъ и такой безурядицы, какую трудно представить. Въ это время больше всѣхъ отличился своими грабежами и разбоями пражскій епископъ Северъ: онъ ограбилъ и ободралъ всѣ костелы и святыя мѣста. Многіе благоразумные поляки обратились къ папѣ Венедикту IX съ жалобою на Севера и папа этого епископа за его поступки хотѣлъ было заключить въ монастырь на покаяніе, но Северъ откупился золотомъ и былъ прощенъ. Пользуясь этимъ междуцарствіемъ, крестьяне подняли было страшное возстаніе: они перерѣзали многихъ пановъ, но ихъ скоро усмирили, и усмирили самыми жестокими мѣрами. Это было первое и послѣднее возстаніе крестьянъ: ихъ съ этихъ поръ путемъ законодательнымъ все болѣе и болѣе стали закрѣпощать за духовенствомъ и панами, и обращать въ холопство съ лишеніемъ всѣхъ человѣческихъ правъ.

Казимиръ I.

1040—1058 г.

Послѣ пятилѣтней неурядицы, польскіе паны очнулись: они пригласили къ себѣ на престолъ Казимира, сына Мечислава II и Риксы. Тотъ согласился и былъ добрымъ и умнымъ правителемъ, за что получилъ названіе „возстановителя Польши“. Онъ женатъ былъ на дочери Владимира св. Маріи-Доброгнѣвѣ. Перенесъ свою столицу изъ Гнѣзно въ Краковъ. Ярославъ I много ему помогалъ противъ враговъ его.

Болеславъ II Отважный.

1058—1081 г.

Это былъ одинъ изъ замѣчательныхъ государей своего времени. Подъ руководствомъ своей умной матери Маріи-Доброгнѣвы онъ получилъ прекрасное воспитаніе. Велъ удачно войну съ чехами и венграми. Помогъ Изяславу Ярославичу овладѣть кіевскимъ столомъ, когда тотъ выгнанъ былъ изъ Кіева племянникомъ своимъ Всеславомъ. Но собственно Болеславъ былъ замѣчателенъ своею борьбою внутри государства съ католическимъ духовенствомъ и польскими панами, а также любовію и гуманнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ. Дѣло вотъ въ чемъ: въ это время въ Польшѣ уже ясно обозначились тѣ главныя цѣли, къ которымъ впослѣдствіи такъ упорно стремились и духовные, и паны, и которыя потомъ были дѣйствительно достигнуты ими на погибель Поль-

шѣ; цѣли эти состояли въ слѣдующемъ: первая—низвести власть короля къ нулю, чтобы распоряжаться безконтрольно судьбою своего государства; вторая—обратить въ рабство свободныхъ земледѣльцевъ, т. е. кметей или крестьянъ. Но Болеславъ, обладая великимъ умомъ, сразу понялъ, какое страшное зло готовится для Польши: король ясно предвидѣлъ, что если духовенство и паны дѣйствительно достигнутъ намѣченныхъ ими двухъ вышеозначенныхъ цѣлей, то это непремѣнно приведетъ государство къ гибели; поэтому онъ рѣшился положить конецъ сему развивающемуся злу. Для достиженія этой цѣли Болеславъ сначала задумалъ освободить крестьянъ изъ-подъ власти духовенства и пановъ, а затѣмъ, опираясь на нихъ, ослабить силу перваго и подавить второе. Но духовенство и дворянство скоро разгадали этого страшнаго для нихъ человѣка и начали съ нимъ борьбу на жизнь и смерть. Все было пущено въ ходъ противъ этого великаго человѣка. Во главѣ духовенства и пановъ противъ короля и его великихъ плановъ сталъ краковскій епископъ Станиславъ Щепановскій, человѣкъ крутой, суровый и безъ сердца. Этотъ послѣдній задумалъ разыграть роль папы Григорія VII Гильдебрандта [1]), а потому лишь только борьба начала клониться на сторону Болеслава, Станиславъ грозно потребовалъ, чтобы король прекратилъ ее, и когда тотъ не послушался, то епископъ проклялъ его и отлучилъ отъ церкви. Вслѣдствіе этого борьба ожесточилась и, наконецъ, дошло до того, что приверженцы короля 8 мая 1079 года убили самого Станислава Щепановскаго [2]). Но это убійство было великимъ несчастіемъ для короля: духовенство и паны донесли папѣ Григорію VII Гильдебрандту, что Болеславъ по своей злобѣ, безъ всякой вины, убилъ епископа; папа же, будучи самъ злѣйшимъ врагомъ всякой свѣтской власти, не разобравши дѣла, провозгласилъ Станислава мученикомъ, а короля, въ свою очередь, проклялъ и велѣлъ выгнать изъ

---

[1]) Григорій VII Гильдебрандтъ въ это время былъ папою въ Римѣ. Онъ, какъ извѣстно, велъ борьбу съ германскимъ императоромъ Генрихомъ IV за инвеституру, т. е. за право давать епископамъ посохъ и кольцо. Право это сначала принадлежало свѣтской власти, а Гильдебрандтъ, желая поставить духовную власть выше свѣтской, рѣшился отнять это право у сей послѣдней и вслѣдствіе сего началась борьба съ Генрихомъ IV, во время которой, между прочимъ, папа Григорій VII такъ унизилъ императора, что тотъ въ 1077 г., въ лютую зиму, долженъ былъ итти пѣшкомъ съ малюткою на рукахъ въ замокъ графини Матильды, Коноссу (въ южной Италіи, въ Тосканѣ), гдѣ въ это время проживалъ папа, и тамъ, въ одеждѣ кающагося, молить Григорія о снятіи проклятія, которое незадолго предъ этимъ наложено было на него папою. И вотъ подобную же роль хотѣлъ разыграть и Станиславъ Щепановскій въ борьбѣ въ Болеславомъ. Но, какъ увидимъ сейчасъ, это ему не удалось.

[2]) Нѣкоторые польскіе писатели говорятъ, что будто бы Болеславъ самъ своею рукою убилъ Станислава, когда тотъ совершалъ богослуженіе; но это, кажется, неправда: сказку эту послѣ придумали, чтобы болѣе очернить короля.

отечества. И дѣйствительно, благородный и великій король стараніемъ пановъ и духовенства былъ изгнанъ изъ отечества и умеръ гдѣ-то въ неизвѣстности, горько оплакиваемый простымъ народомъ [1]).

Владиславъ-Германъ.

1082—1102 г.

Онъ былъ братъ Болеслава II. Отличался добротою и мягкостію сердца, особенно по отношенію къ крестьянамъ. Паны, недовольные этимъ, возстали противъ короля подъ начальствомъ побочнаго сына его Сбигнѣва и въ этой борьбѣ страшно опустошили Силезію и другія области собственнаго государства. Чехи, поморяне и пруссы при немъ тоже ни разъ опустошали польскія земли. Владиславъ-Германъ извѣстенъ также сношеніями своими въ русскими князьями. Незадолго до смерти онъ помолвилъ своего сына съ дочерью великаго князя кіевскаго Святополка II Михаила. Умеръ въ 1102 году.

Болеславъ III Кривоустый.

1102—1140 г.

Сынъ Владислава-Германа, Болеславъ Кривоустый, женатъ былъ на Сбиславѣ, дочери великаго князя кіевскаго Святополка-Михаила. Въ продолженіе всего своего царствованія онъ велъ войны съ окружающими сосѣдями: чехами, венграми, поморянами, германскимъ императоромъ, пруссами и русскими удѣльными князьями. Большая часть этихъ войнъ была возбуждена побочнымъ братомъ короля Збигнѣвомъ. Збигнѣвъ до тѣхъ поръ интриговалъ противъ Болеслава III, пока тотъ его не ослѣпилъ, отъ чего Збигнѣвъ и умеръ. Изъ русскихъ князей Болеславу пришлось вести войну съ сыномъ Мономаха Андреемъ и зятемъ его Володаремъ Ростиславичемъ за своего шурина Ярослава Святополковича, котораго русскіе князья изгнали изъ Владимира-Волынскаго. Во время этой борьбы Володарь измѣннически и хитростію былъ плѣненъ и доставленъ къ Болеславу; изъ плѣна онъ выкупился только значительнымъ количествомъ золота, серебра и дорогихъ одеждъ.

Предъ смертію своею Болеславъ III раздѣлилъ все свое государство на четыре части: старшему сыну Владиславу далъ Краковъ и земли:

---

[1]) Нужно замѣтить, что исторія Болеслава, благодаря ненависти духовенства, у польскихъ писателей страшно искажена, за исключеніемъ Лелевеля. Станиславъ, епископъ краковскій, среди поляковъ сдѣлался самымъ популярнымъ святымъ. Каѳедральный соборъ въ Вильнѣ посвященъ въ честь его.

Примѣчаніе. О Станиславѣ Щепановскомъ см. Хронику Мартина Галла.

Серадскую, Ленчицкую, Силезію и Померанію; Болеславу—Мазовію, Куявію и земли: Добржанскую и Холмскую; Мечиславу—Гнѣзно и Калишъ; Генриху—земли: Люблинскую и Сендомирскую. Былъ и пятый сынъ, Казимиръ, двухъ лѣтъ, но онъ ничего не получилъ и отданъ въ опеку старшимъ братьямъ.

Такимъ образомъ Польское королевство разложилось на четыре части: княжество Краковское, Мазовецкое, Великопольское и Малопольское. Имя короля и самой Польши исчезло на цѣлыхъ 200 лѣтъ, т. е. до Казимира Великаго, хотя, впрочемъ, въ продолженіе этого времени многіе изъ удѣльныхъ князей старались соединить разрозненныя части Польши, и даже нѣкоторые изъ нихъ пробовали называться королями. Среди удѣльныхъ междоусобій и интригъ понятіе о спасительномъ самодержавіи государя въ Польшѣ ослабѣло; паны и духовенство присвоили себѣ чрезвычайную власть; каждый шляхтичъ началъ думать, что и онъ можетъ располагать судьбою своего отечества, и прежняя прекрасная монархическая Польша мало-по-малу приготовилась къ перерожденію въ бурную республику или такъ называемую „Рѣчь Посполитую", которая хотя и имѣла во главѣ своей короля, но этотъ король не имѣлъ рѣшительно никакой власти и по большей части былъ игрушкою пановъ и шляхты. Съ этого времени краковскій столъ дѣлается главнымъ.

Владиславъ II, князь краковскій.

1140—1147 г.

Это былъ государь добрый и умный. Онъ для пользы Польши хотѣлъ соединить раздробленныя ея части и съ этою цѣлію созвалъ сеймъ въ Краковѣ. Братья короля соглашались подчиниться ему, какъ старшему брату, но противъ этого возстали: высшее польское духовенство и папа. Особенно сильно вооружились архіепископъ гнѣзненскій Іаковъ Свинка, воевода сендомирскій Вшеборъ и воевода вроцлавскій Петръ Дунинъ. Послѣ неудачнаго сейма началась страшная междоусобная война въ Польшѣ. Въ этой войнѣ Владиславу помогали противъ братьевъ и пановъ нѣкоторые русскіе удѣльные князья (Святославъ Всеволодовичъ, Владимирко, Игорь Олеговичъ и др.). Польша была опустошена. Но попытки Владислава кончились неудачно. Духовенство, чтобы смирить Владислава и отбить у него всякую охоту къ соединенію Польши подъ свою власть, уговорили папу Евгенія III проклясть краковскаго князя. Папа проклялъ и Владислава, и жену его. Какъ проклятый, Владиславъ былъ изгнанъ изъ Польши. Въ 1159 году онъ умеръ.

Болеславъ IV Кудрявый.

1147—1173 г.

По изгнаніи Владислава на краковскій столъ (который въ это время былъ главнымъ въ Польшѣ, какъ кіевскій въ удѣльно-вѣчевой періодъ на Руси) по праву старшинства сѣлъ второй братъ его Болеславъ Кудрявый. По смерти изгнаннаго Владислава II, Болеславъ уступилъ его сыновьямъ Силезію.

При этомъ князѣ произошло отпаденіе отъ Польши славянъ, обитавшихъ между Одеромъ и Эльбою (въ нынѣшней Бранденбургіи, гдѣ Берлинъ): ими овладѣли нѣмцы и впослѣдствіи онѣмечили ихъ. При немъ же пруссы ворвались въ Мазовію и страшно ее опустошили. Болеславъ пошелъ было противъ нихъ войною, но въ топкихъ болотахъ войско его все было истреблено и самъ онъ едва спасся отъ плѣна.

Со времени княженія Болеслава Кудряваго начали собираться въ Польшѣ съѣзды или сеймы знатнѣйшаго дворянства и духовенства, которые, какъ увидимъ послѣ, мало-по-малу присвоили себѣ право избирать государей и изгонять ихъ, установлять и перемѣнять законы, и съ теченіемъ времени отняли у своихъ королей почти всю власть.

Мечиславъ III Старый.

1173—1177 г.

Онъ хотѣлъ усилить княжескую власть какъ въ своемъ стольномъ городѣ Краковѣ, такъ и во всей Польшѣ, но противъ него возстали паны и духовенство. Они лишили его престола и призвали изъ Сендомира самаго младшаго сына Болеслава Кривоустаго—Казимира.

Казимиръ Справедливый.

1177—1194 г.

Король этотъ отличался смиреніемъ и кротостію. При немъ паны и шляхта дѣлали, что хотѣли. По настоянію ихъ въ 1180 году король созвалъ сеймъ въ Ленчицахъ. На этомъ сеймѣ паны присвоили себѣ тѣ повинности, которыя несли общинники въ пользу государства: десятины, подводы, сторóжу и т. п. Въ то же время они присвоили себѣ безконтрольный судъ и расправу съ крестьянами.

Но самымъ выдающимся событіемъ въ Польшѣ въ сіе время было учрежденіе сената [1]). Съ этого времени польскіе короли ничего не могли предпринять безъ согласія сената и во всѣхъ дѣлахъ обязаны были испра-

---

[1]) Сенатъ (литовская „Рада") состоялъ изъ епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и друг. Онъ занимался обсужденомъ всѣхъ государственныхъ вопросовъ.

шивать согласіе и одобреніе его. За такого рода уступки своихъ правъ вельможамъ Казимиръ получилъ названіе „Справедливаго“.

По смерти его краковскій престолъ занялъ сынъ его Лешко Бѣлый.

Лешко Бѣлый.

1194—1228 г.

Онъ остался по смерти отца малолѣтнимъ. Государствомъ управляла мать его Елена (изъ русскихъ) и двое воеводъ—Николай и Говорекъ. На первыхъ порахъ онъ долженъ былъ вести войну за краковскій столъ съ дядею своимъ Мечиславомъ III и сыномъ его Владиславомъ Тонконогимъ, которымъ по очереди и уступалъ этотъ столъ. Только въ 1207 году Лешко Бѣлый окончательно утвердился на краковскомъ столѣ.

Лешко Бѣлый извѣстенъ какъ другъ Романа Мстиславича Галицкаго, по смерти котораго онъ не разъ защищалъ дѣтей его Даніила и Василька отъ сосѣдей, желавшихъ отнять Галицкое княжество у этихъ сиротъ. При немъ на Мазовію и Куявію, гдѣ княжилъ братъ его Конрадъ, постоянно нападали пруссы и страшно опустошали ихъ. Они даже заставили Конрада платить дань; нерѣдко случалось, что тотъ, не имѣя собственныхъ средствъ заплатить дань пруссамъ, приглашалъ къ себѣ гостей и, отобравши у сихъ послѣднихъ одежду и коней, расплачивался съ пруссами. Постоянныя нападенія пруссовъ заставили его принять въ свои владѣнія орденъ Меченосцевъ. Лешко былъ убитъ правителемъ Помераніи Святополкомъ.

Болеславъ V Стыдливый.

1228—1279 г.

Вслѣдствіе размноженія фамиліи Пястовъ, въ Польшѣ въ это время, какъ и на Руси, образовалось вмѣсто прежнихъ четырехъ княжествъ множество другихъ, именно: Краковское (самое главное), Мазовецкое, Силезское, Вроцлавское, Лигницкое, Калишское, Познанское, Куявское, Ленчицкое, Плоцкое и многія другія. Всѣ эти князья между собою ссорились и дрались, и опустошали владѣнія одинъ у другого. Нѣкоторые изъ этихъ князей, нуждаясь въ деньгахъ, отдавали въ залогъ свои княжества нѣмцамъ, очищая этимъ самымъ симъ послѣднимъ дорогу для мирнаго захвата Польскаго края посредствомъ колоній, въ немъ заводимыхъ. Колоній этихъ особенно много было при Болеславѣ V.

Болеславъ V, по сказанію историковъ, былъ лѣнивъ, безхарактеренъ, легковѣренъ и несправедливъ. Независимо отъ всего этого, царствованіе его было очень трудное и несчастное по причинѣ междо-

усобій Пястовъ, а еще болѣе отъ погрома татаръ, которые два раза вторгались въ Польшу и страшно опустошали ее. Подъ конецъ своего царствованія Болеславъ V покорилъ часть ятвяговъ и присоединилъ земли ихъ къ Польшѣ подъ именемъ Подлѣсья. Передъ смертію своею онъ передалъ краковскій столъ своему племяннику Лешкѣ.

Лешко Черный.

1279—1289 г.

Въ продолженіе своего десятилѣтняго правленія онъ велъ борьбу то съ Конрадомъ II Мазовецкимъ, то съ галицкимъ княземъ Львомъ. Послѣдній навелъ на Польшу татаръ; тѣ страшно опустошили ее и при этомъ увели съ собою множество плѣнныхъ, въ томъ числѣ дѣвушекъ 21 тысячу.

Междуцарствіе.

По смерти Лешки Чернаго въ продолженіе 7 лѣтъ въ Польшѣ происходила борьба между соискателями краковскаго стола. Наибольшее право на этотъ престолъ имѣлъ, по родству, князь серадзскій Владиславъ Локотокъ, но у него явились соперники: Генрихъ—князь вроцлавскій, Вацлавъ II—король чешскій, Перемыславъ поморскій и другіе. Сначала овладѣлъ Краковомъ Генрихъ, потомъ Перемыславъ, за нимъ Вацлавъ и уже по смерти сего послѣдняго, послѣ разнаго рода неудачъ и скитанія по Европѣ, Владиславъ сдѣлался польскимъ государемъ.

Владиславъ Локотокъ.

1306—1333 г.

Сдѣлавшись королемъ польскимъ, Владиславъ не успокоился: въ продолженіе всего своего царствованія онъ не переставалъ вести борьбу то съ внѣшними врагами, то съ внутренними. Изъ внѣшнихъ враговъ самые безпокойные и самые опасные были нѣмцы изъ Бранденбургіи и особенно тевтонскіе рыцари. Впрочемъ, первые послѣ нѣсколькихъ попытокъ овладѣть Гданскомъ скоро оставили въ покоѣ польскія владѣнія, но вторые причинили много вреда Польшѣ, часто опустошая ее, пока Владиславъ въ союзѣ съ литовцами, какъ мы уже видѣли, не нанесъ имъ страшнаго пораженія подъ Пловцами, гдѣ ихъ легло около 20,000.

Внутренними врагами его были вельможи и между ними самымъ опаснымъ Викентій Самотульскій; справедливо нѣкоторые говорятъ, что Владиславъ Локотокъ больше всѣхъ польскихъ королей перенесъ огорченій и оскорбленій отъ своихъ подданныхъ.

Въ 1331 году, по поводу нападенія крестоносцевъ и нѣкоторыхъ внутреннихъ безпорядковъ, король созвалъ сеймъ къ Хенницахъ. На

этомъ сеймѣ шляхта заставила короля формальнымъ образомъ передать въ ихъ руки всю власть законодательную и избавить ее отъ всѣхъ повинностей, за исключеніемъ военной.

Владиславъ Локотокъ первый изъ польскихъ королей вступилъ на путь мирныхъ и дружественныхъ сношеній съ Литвою. Онъ женилъ своего сына Казимира на дочери литовскаго князя Гедимина—Аннѣ Гедиминовнѣ.

Владиславъ Локотокъ умеръ 73 лѣтъ и похороненъ въ краковскомъ соборѣ.

Казимиръ III Великій.

1333—1370 г.

Казимиръ получилъ названіе Великаго не столько по внѣшнимъ дѣламъ, сколько по внутреннимъ. По смерти отца своего Локотка, онъ 23 лѣтъ занялъ краковскій престолъ. При немъ раздробленная Польша почти вся объединилась. Изъ внѣшнихъ дѣлъ его замѣчательны: а) миръ съ давнишними польскими врагами чехами и рыцарями, причемъ первымъ онъ уступилъ Силезію, а вторымъ Померанію [1]); б) борьба съ Молдавіею, и в) наконецъ, продолжительная война съ сыновьями Гедимина за Волынь и Галицію. Но самымъ главнымъ его дѣломъ было устройство Польши внутри: во-1-хъ, онъ уничтожилъ грабежи и разбои внутри Польши и ограничилъ своеволіе вельможъ и шляхты по отношенію къ крестьянамъ; во-2-хъ, въ 1347 году издалъ такъ называемый „Статутъ Казимира",—законъ, обязательный для всѣхъ званій, состояній и сословій въ государствѣ; въ-3-хъ, завелъ суды во всѣхъ городахъ Царства Польскаго и облегчилъ положеніе рабовъ, которыхъ въ то время въ Польшѣ было очень много; въ-4-хъ, наконецъ, украсилъ города каменными строеніями, построилъ много замковъ и основалъ много училищъ и, между прочимъ, академію въ Краковѣ.

Но, не смотря на свои великія дѣла, онъ имѣлъ много пороковъ: отличался распутствомъ и страшною ненавистью къ православію, которое онъ преслѣдовалъ въ Галиціи.

Не имѣя дѣтей мужескаго пола, Казимиръ заблаговременно созвалъ въ Краковѣ сеймъ для избранія себѣ наслѣдника. Сеймъ, помимо прямыхъ потомковъ Пяста, избралъ Людовика—королевича венгерскаго,

---

[1]) На потерю Казимиромъ III Силезіи и Помераніи нѣкоторые ученые смотрятъ какъ на „прелюдіемъ", такъ сказать, польскаго раздѣла, наступившаго четыре вѣка спустя. Съ этого времени вытиснутая изъ западныхъ границъ Польша стала стремиться на востокъ, что было одною изъ причинъ ея гибели, потому что она тамъ встрѣтила Москву съ крѣпкою монархическою властію, вступила съ нею въ борьбу и не выдержала ея.

который приходился Казимиру племянникомъ по сестрѣ. Предлагая Людовику корону, польскіе вельможи взяли съ него обѣщаніе: возвратить Польшѣ отторгнутыя области, не принимать на службу иностранцевъ и не увеличивать податей. Этимъ обязательствомъ со стороны Людовика было положено начало тѣмъ условнымъ статьямъ (Pacta Conventa), которыхъ потомъ поляки всегда требовали отъ каждаго новаго короля.

Людовикъ, король венгерскій, и дочь его Ядвига, королева польская.

1370—1386 г.

Сдѣлавшись королемъ польскимъ, Людовикъ не управлялъ самъ лично этимъ государствомъ, а передалъ управленіе имъ сначала своей матери Елизаветѣ (дочери Владислава Локотка), а потомъ племяннику своему Владиславу Опольскому. Но такъ какъ польскіе вельможи сильно недовольны были правленіемъ послѣдняго, то Людовикъ раздѣлилъ Польшу на три части и каждую часть поручилъ особому губернатору; но и этотъ способъ управленія не успокоилъ Польши: самоуправство вельможъ, наѣзды и разбои еще болѣе усилились въ Польшѣ.

Имѣя въ виду передать польскій престолъ одной изъ своихъ дочерей (сыновей не было), Людовикъ съ этою цѣлію созвалъ въ 1374 году въ Кошницахъ сеймъ. А чтобы склонить польскую шляхту исполнить его желаніе, онъ не только подтвердилъ всѣ ея права и привилегіи, данныя прежними королями, но еще значительно ихъ расширилъ; кромѣ того, въ угожденіе шляхтѣ въ „Статутѣ Казимира“ были измѣнены, а нѣкоторыя и совсѣмъ уничтожены, тѣ статьи, которыя хоть сколько нибудь облегчали положеніе крестьянъ. Шляхта осталась очень довольна всѣмъ этимъ, а потому на сеймѣ предоставила право одной изъ дочерей Людовика занять польскій престолъ.

Но лишь только умеръ Людовикъ Венгерскій, какъ появилось нѣсколько претендентовъ на польскій престолъ. Началась страшная междоусобная война, которая въ конецъ разорила Польшу. Наконецъ, въ 1384 году поляки, отстранивши прочихъ претендентовъ (Сигизмунда Бранденбургскаго и Земовита Мазовецкаго), пригласили на престолъ самую младшую дочь умершаго Людовика Венгерскаго, Ядвигу, которой въ это время было 14 лѣтъ. Ядвига, прибывши въ Польшу, очаровала всѣхъ своею красотою; 15 октября 1384 года она была торжественно коронована. Сдѣлавшись королевою, Ядвига хотѣла вступить въ бракъ съ любимымъ ею женихомъ Вильгельмомъ, эрцгерцогомъ австрійскимъ, но польскіе вельможи устранили этого жениха и постарались найти другого, въ лицѣ литовскаго князя Ягайлы.

Мы представили краткій очеркъ Польскаго государства съ древнѣйшихъ временъ до соединенія его съ Литвою. Сдѣлали мы это съ одной стороны для того, чтобы показать внутреннее состояніе Польши, которое потомъ перешло и въ Литву, а съ другой стороны—дать цѣльное понятіе объ исторіи Польши, такъ какъ дальнѣйшее изложеніе исторіи Литовскаго государства есть не что иное, какъ продолженіе исторіи Польши, только вступившей въ новый фазисъ своего развитія.

Изъ этого краткаго очерка мы видимъ слѣдующія особенности политической и соціальной жизни, которыя выработались въ Польшѣ къ концу XIV столѣтія или, лучше сказать, ко времени вступленія на престолъ Польскаго государства Ягайлы: 1) у польскаго короля къ этому времени уже отнята была шляхтою всякая власть и онъ не имѣлъ почти никакого значенія въ Польшѣ или, по крайней мѣрѣ, весьма малое; 2) шляхта къ концу XIV столѣтія составляла могучее и равноправное сословіе, которому въ государствѣ принадлежала вся сила и власть и отъ котораго вполнѣ зависѣлъ король; 3) простой народъ ко времени вступленія на польскій престолъ Ягайлы лишенъ былъ всѣхъ правъ и почти обращенъ въ рабство [1]).

---

[1]) Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что поляки, послѣ соединенія Литвы съ Польшею, этими особенностями и литовцевъ наградили.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

Соединеніе Литовскаго государства съ Польскимъ въ 1386 году.

Въ 1386 году въ Литовскомъ государствѣ совершилось событіе, имѣвшее громадное значеніе для него: событіе это—соединеніе Литовскаго государства съ Польшею. Правда, соединеніе этихъ двухъ государствъ въ 1386 году было неполное, неокончательное и неоформенное оффиціальнымъ актомъ, но, тѣмъ не менѣе, соединеніе это нужно считать событіемъ величайшей важности, такъ какъ оно дало совершенно иной поворотъ историческому развитію Литовскаго государства.

Соединеніе Литовскаго государства съ Польскимъ совершено было великимъ княземъ литовскимъ Ягайлою при участіи весьма ограниченнаго числа лицъ изъ его подданныхъ. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства въ Литовскомъ государствѣ произошло то, что какъ только соединеніе это сдѣлалось совершившимся фактомъ, такъ сейчасъ же начались неудовольствія по этому поводу. Съ теченіемъ же времени эти неудовольствія начинаютъ высказываться все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ гибельные плоды соединенія Литвы съ Польшею болѣе и болѣе обнаруживаются. Яснѣе всего неудовольствія эти высказываются на сеймахъ, въ цѣломъ рядѣ протестовъ со стороны литовско-русскаго дворянства, когда рѣчь заходитъ объ окончательномъ соединеніи двухъ названныхъ государствъ и составленіи формальнаго акта соединенія. Начиная съ 1386 года, до Люблинской уніи (1569 г.) много сеймовъ созывалось, съ цѣлію окончательнаго соединенія Литовскаго государства съ Польскимъ, но всѣ они, послѣ страшно-бурныхъ преній, оканчивались ничѣмъ, а нѣкоторые изъ нихъ завершались и скандаломъ. Въ продолженіе почти двухъ столѣтій (1386—1569) мы видимъ, что въ соединенномъ Литовско-Польскомъ государствѣ между представителями обоихъ государствъ постоянно идетъ борьба и на оффиціальныхъ, и на неоффиціальныхъ съѣздахъ. Представители польской національности всѣми силами стараются удержать соединеніе Литвы съ Польшею, а представители литовско-русской національности, наоборотъ, и руками, и ногами, такъ сказать, отбиваются отъ этого соединенія и во что бы то ни стало силятся порвать эту связь и возвратиться ко временамъ Ольгерда. А когда представителямъ литовско-русской національности при всѣхъ ихъ усиліяхъ и энергіи не удается избавиться отъ соединенія съ Польшею, то они (особенно представители русской національности) толпами переходятъ къ Москвѣ.

Ягайло, король польскій и великій князь литовскій.

Женитьба Ягайлы на Ядвигѣ и вступленіе его на польскій престолъ. Въ 1384 году Ягайло, какъ мы видѣли, помирился съ Витовтомъ и уступилъ ему нѣсколько городовъ. Но, не смотря на это, Ягайло все-таки считалъ себя непрочнымъ на литовскомъ престолѣ: онъ зналъ, что народъ не любитъ его и что Витовтъ рано или поздно постарается отомстить ему за отца, а потому сталъ, какъ сказано выше, искать опоры въ полякахъ и рѣшился соединить свое государство съ ихъ государствомъ посредствомъ брака на юной королевѣ Ядвигѣ.

Подробностей о первоначальныхъ переговорахъ относительно брака Ягайлы съ Ядвигой и соединенія Литовскаго государства съ Польскимъ источники не сохранили. Мы не знаемъ, кто собственно первый подалъ мысль объ этомъ соединеніи—польскіе ли паны или самъ Ягайло; знаемъ только то, что мысль эта пришлась сильно по вкусу, такъ сказать, и польскимъ панамъ, и самому Ягайлѣ, и большей части его братьевъ. Польскіе паны, предлагая Ягайлѣ руку Ядвиги вмѣстѣ съ короною Польши, надѣялись чрезъ это еще болѣе расширить свои шляхетскія права на счетъ королевской власти; Ягайло же надѣялся посредствомъ соединенія Литвы съ Польшею пріобрѣсть внѣшнюю опору для удержанія власти въ Литовскомъ государствѣ, такъ какъ кредитъ его сильно пошатнулся внутри собственнаго государства вслѣдствіе борьбы его съ Витовтомъ и союза съ Мамаемъ противъ Москвы; братья же Ягайлы, какъ удѣльные князья, надѣялись быть болѣе самостоятельными въ своихъ отчинахъ, когда Ягайло приметъ польскую корону и займется дѣлами Польши. Но, кажется, изъ всѣхъ родственниковъ Ягайлы больше всѣхъ доволенъ былъ предполагавшимся соединеніемъ Литвы съ Польшею Витовтъ: онъ вполнѣ разсчитывалъ, что если Ягайло сдѣлается польскимъ королемъ, то онъ самъ останется великимъ княземъ литовскимъ. Вотъ почему мы и видимъ, что Витовтъ съ 1384 г. по 1387, т. е. отъ послѣдняго мира съ Ягайлою (хотя и не вполнѣ выгоднаго для него) до соединенія Литвы съ Польшею, не только не ведетъ борьбы съ своимъ двоюроднымъ братомъ, но даже дружитъ съ нимъ и принимаетъ дѣятельное участіе въ переговорахъ его съ польскими панами касательно соединенія Литвы съ Польшею.

Кромѣ вышеозначенныхъ лицъ, пожалуй, въ обширномъ Литовскомъ государствѣ находилась и еще небольшая группа людей, которая сочувственно относилась къ этому предполагавшемуся соединенію Литвы съ Польшею, но только небольшая, повторяемъ, а не всѣ. Громадное же большинство высшаго сословія въ Литовскомъ государствѣ, нѣкоторые изъ братьевъ Ягайлы и почти все литовско-русское населеніе рѣшительно были недовольны предстоявшимъ соединеніемъ Литвы съ Польшею. Правда, неудовольствіе это не было высказано во время самыхъ

переговоровъ о соединенiи Литвы съ Польшею, но оно высказалось и продолжало высказываться послѣ того, какъ соединенiе это сдѣлалось совершившимся фактомъ; но о всемъ этомъ послѣ.

Переговоры о бракѣ Ягайлы съ юною польскою королевою и соединенiи Литвы съ Польшею начались, какъ сообщаютъ источники, сейчасъ послѣ борьбы Ягайлы съ Витовтомъ, въ 1384 году, въ Кревскомъ замкѣ. Затѣмъ по этому поводу съѣзды были въ Вильнѣ, Волковыскѣ и Люблинѣ. Изъ этихъ четырехъ съѣздовъ самый важный былъ въ Волковыскѣ, 12 января 1386 года. На волковыскомъ съѣздѣ положено было: 1) Ягайло женится на Ядвигѣ и дѣлается верховнымъ правителемъ въ Польшѣ, какъ и въ Литвѣ, но при этомъ онъ обязывается клятвою не нарушать условныхъ статей (Pacta Conventa), данныхъ польскому дворянству прежними королями. 2) Какъ самъ Ягайло, такъ и его подданные, за исключенiемъ жмуди и русскихъ, принимаютъ католичество. 3) Какъ дипломатическiя сношенiя, касающiяся дѣлъ обоихъ государствъ, такъ и самая защита отъ внѣшнихъ враговъ будутъ общiя. 4) Касательно внутренняго управленiя обоихъ государствъ постановлено: каждое государство будетъ имѣть своихъ особыхъ должностныхъ лицъ, особые финансы и особое войско.

Кромѣ вышеозначенныхъ условiй, польскiе паны заставили Ягайлу дать еще слѣдующiя условiя, относящiяся спецiально только къ Польшѣ: а) раздавать почести и должности во всѣхъ областяхъ Польши только мѣстнымъ землевладѣльцамъ и то только по приговору пановъ и шляхты, но отнюдь не отъ себя лично; замки, города и староства раздавать людямъ только рыцарскаго званiя, уроженцамъ королевства; б) Ягайло обязанъ вознаградить землевладѣльцевъ (дворянъ, разумѣется, а не крестьянъ) за всѣ издержки, понесенныя ими во время послѣднихъ заграничныхъ походовъ, и заплатить убытки, причиненные внутреннею войною; в) возвратить всѣхъ плѣнныхъ изъ Литвы и заплатить выкупъ за тѣхъ плѣнныхъ, которые находятся въ другихъ странахъ; г) ограничиться податью въ размѣрѣ двухъ грошей съ каждаго осѣдлаго лана, и д), наконецъ, навсегда упразднить королевскiя должности „оправцевъ“ (палочниковъ, городскихъ служителей), имѣющихъ судебную власть въ дѣлахъ исправительныхъ и особенно въ дѣлахъ по воровству.

Къ числу обязательствъ, данныхъ Ягайлою отъ себя лично, относятся слѣдующiя: заплатить бывшему жениху Ядвиги Вильгельму 200 тысячъ червонцевъ за отказъ ея вступить въ бракъ съ нимъ; перевезти изъ Вильны въ Польшу всѣ сокровища своего отца и дѣда.

Таковы были обязательства, данныя Ягайлою польскимъ панамъ при полученiи руки красавицы Ядвиги вмѣстѣ съ короною Польши. Эти обязательства, очевидно, ставили Ягайлу въ совершенную зависимость отъ польскихъ пановъ. Принятiе ихъ Ягайлою наводитъ на мысль,

что онъ первый сталъ искать соединенія Литвы съ Польшею, иначе трудно рѣшить, почему онъ принялъ ихъ.

Польскіе паны, устраивая переговоры о соединеніи Литвы съ Польшею, а также и о бракосочетаніи Ядвиги съ Ягайлою, между прочимъ, ни слова не сообщили своей юной королевѣ о послѣднемъ обстоятельствѣ; но Ядвига скоро сама узнала объ этомъ отъ преданныхъ ей людей и дала знать своему любимому жениху, принцу Вильгельму, прося его скорѣе пріѣхать въ Краковъ повидѣться съ нею. Вильгельмъ не заставилъ себя ждать: съ блестящею свитою и большою казною для подарковъ немедленно явился въ Краковъ; но когда онъ хотѣлъ вступить въ королевскій замокъ, то его туда не пустили: краковскій каштелянъ предъ глазами принца заперъ ворота замка, заложилъ ихъ засовомъ и повѣсилъ тяжелый замокъ, такъ что Вильгельмъ принужденъ былъ вернуться отъ замка и остановиться въ одной гостиницѣ. Узнавши объ этомъ, Ядвига сама рѣшилась съ придворными дамами отправиться на свиданіе съ своимъ женихомъ. Первое свиданіе состоялось въ столовой одного францисканскаго монастыря. За первымъ свиданіемъ послѣдовали еще три. Послѣ четвертаго свиданія между ними положено было свидѣться въ самомъ замкѣ, куда Вильгельмъ долженъ былъ пробраться тайно. Для приведенія задуманнаго плана были подкуплены многіе изъ лицъ, охранявшихъ замокъ. И дѣйствительно, Вильгельмъ въ наступившую ночь, благодаря подкупленнымъ лицамъ, посредствомъ корзины, привязанной къ веревкѣ, спущенъ былъ со стѣны въ замокъ. Мы хорошо не знаемъ, долго ли Вильгельмъ пробылъ въ замкѣ, знаемъ только то, что онъ найденъ былъ въ покояхъ Ядвиги и съ позоромъ оттуда выпровоженъ. За нимъ бросилась было Ядвига и хотѣла выйти изъ замка, но ворота оказались запертыми; говорятъ, она схватила топоръ и начала было сбивать замокъ, но, разумѣется, ничего не сдѣлала. Возвратясь въ свои покои, Ядвига хотѣла отравиться, но ее удержали. Послѣ этого къ ней явились духовныя лица и сеймовые члены и разными доводами старались убѣдить свою юную королеву въ необходимости отказаться отъ Вильгельма и выйти замужъ за литовскаго князя. При этомъ духовныя лица указывали Ядвигѣ на великую заслугу предъ Богомъ обратить въ христіанство цѣлый языческій народъ и, слѣдовательно, спасти столько душъ отъ вѣчной гибели; сеймовые члены съ своей стороны представляли ей смутное положеніе страны и опасность отъ сосѣдей, избавиться отъ чего возможно только посредствомъ тѣснаго союза Литвы съ Польшею. Ядвига, утомленная долгимъ и настойчивымъ требованіемъ духовенства и сеймовыхъ членовъ относительно ея согласія на бракъ съ Ягайлою, наконецъ согласилась, но подъ однимъ только условіемъ: послать своего довѣреннаго человѣка къ литовскому князю, чтобы осмотрѣть его—не звѣрь ли какой Ягайло, потому что литовскій князь представлялся таковымъ воображенію юной Ядвиги, вслѣдствіе разсказовъ о немъ другихъ. Убѣ-

дивши Ядвигу выйти замужъ за Ягайлу, духовенство и паны немедленно дали знать объ этомъ литовскому князю, чтобы тотъ поторопился пріѣздомъ въ Краковъ.

Въ концѣ января Ягайло съ блестящею свитою выѣхалъ изъ предѣловъ своего отечества. Проѣхавши половину пути онъ встрѣтилъ Завишу-Олесницкаго, посла Ядвиги. Цѣль этого посла была уже извѣстна Ягайлѣ и потому онъ принялъ Завишу очень любезно, одарилъ его богатыми подарками и въ заключеніе сводилъ его съ собою въ баню, гдѣ показалъ ему свою тѣлесную красоту. Завиша, возвратившись въ Краковъ, описалъ Ядвигѣ наружность Ягайлы самыми привлекательными чертами; онъ изобразилъ литовскаго князя такимъ красавцемъ, какого трудно отыскать и въ самой Польшѣ. Но Завиша въ описаніи внѣшней красоты Ягайлы слишкомъ ужъ увлекся, потому что Ягайло вовсе не былъ красавцемъ: онъ имѣлъ въ это время около 30 лѣтъ, былъ средняго роста, худощавъ, съ небольшою головою клиномъ, покрытою рѣдкими волосами; лицо его было продолговато, съ узкимъ лбомъ и маленькими, черными, бѣгающими и безпокойными глазами; брилъ бороду и носилъ длинные и тонкіе усы. Такова была наружность литовскаго князя по свидѣтельствамъ польско-литовскихъ писателей.

12 февраля 1386 года Ягайло совершилъ торжественный въѣздъ въ Краковъ. Въ тотъ же день онъ въ первый разъ представился Ядвигѣ въ королевскомъ замкѣ, гдѣ нашелъ ее окруженною пышнымъ дворомъ. На другой день Ягайло чрезъ братьевъ своихъ Скиргайлу, Витовта и Киргайлу поднесъ Ядвигѣ богатые подарки, а на третій день, 15 февраля, въ четвергъ, онъ принялъ крещеніе съ именемъ Владислава. Съ нимъ вмѣстѣ приняли крещеніе Киргайло и Витовтъ; первый получилъ имя Казимира, а второй—Александра. 18 февраля было совершено бракосочетаніе Ягайлы съ пятнадцатилѣтнею Ядвигою и вслѣдъ затѣмъ 4 марта Ягайло былъ коронованъ польскою королевскою короною, при этомъ онъ далъ торжественную клятву на вѣчное соединеніе Литвы съ Польшею.

Такимъ образомъ совершилось соединеніе Литовскаго государства съ Польскимъ. Но теперь, когда уже Литва и Польша не существуютъ политически, если мы обратимся назадъ и пробѣжимъ весь историческій ходъ событій, начиная съ перваго соединенія Литовскаго государства съ Польскимъ вплоть до паденія ихъ, то по необходимости придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Во-первыхъ, соединеніе Литвы съ Польшею въ 1386 году было рѣшительно не подготовлено; вызвалось это соединеніе для Литовскаго государства чисто случайными причинами, а потому отразилось на немъ вполнѣ гибельно.

Во-вторыхъ, если соединеніе Литвы съ Польшею принесло гибель для первой, то для второй оно оказало огромную услугу (правда, времен-

ную): это соединеніе внесло въ одряхлѣвшіе и разрушающіеся члены Польскаго государства жизненныя силы, придало имъ новую энергію и такимъ образомъ отсрочило паденіе его еще на четыре столѣтія, а главное: дало полякамъ болѣе простора для жизни, такъ какъ они незадолго до этого потеряли свои владѣнія на западѣ и сѣверѣ, а вслѣдствіе сего имъ тѣсно сдѣлалось жить дома: они задыхались въ своей песчаной равнинѣ [1]).

Въ-третьихъ, наконецъ, особенную же услугу соединеніе Литовскаго государства съ Польскимъ оказало Московско-русскому государству: оно облегчило ему собираніе Руси, а впослѣдствіи дало возможность покорить Литву и Польшу, именно: Литва, соединившись съ Польшею, во-первыхъ, бросила свое наступательное движеніе на Московско-русское государство и отказалась отъ собиранія Руси: ей теперь въ пору только было бороться съ Польшею и отстаивать свою независимость, которую та хотѣла уничтожить, а во-вторыхъ, Литва и Польша, взятыя вмѣстѣ, обезсиленныя борьбою изъ-за національныхъ принциповъ и имѣя во главѣ монархическую власть, „ограбленную до послѣдней нитки“ въ этой борьбѣ, не въ состояніи уже были, даже и послѣ окончательнаго соединенія въ 1569 году, отразить удары, наносимые имъ обоимъ Московско-русскимъ государствомъ, могучимъ своимъ единствомъ и крѣпкимъ монархическою властію, результатомъ чего было не только окончательное собраніе Московско-русскимъ государствомъ удѣльной Руси, но и политическая смерть Литвы и Польши подъ напоромъ грознаго сосѣда.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія нашей, современной, XIX столѣтія, оказывается, что соединеніе Литовскаго государства съ Польскимъ въ 1386 году, собственно говоря, принесло пользу одному только Московско-русскому государству; поэтому фактъ соединенія Литвы съ Польшею для развитія Русскаго государства долженъ считаться въ высшей степени важнымъ и знаменательнымъ.

Дальнѣйшее изложеніе исторіи Литовскаго государства будетъ нагляднымъ доказательствомъ всего вышесказаннаго.

Крещеніе литовцевъ въ католичество. Въ 1387 г., въ концѣ октября, Ягайло съ своею супругою и многочисленною свитою, состоявшею изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, прибылъ въ Вильну и открылъ сеймъ; на этотъ сеймъ король пригласилъ своихъ братьевъ и всѣхъ удѣльныхъ князей съ ихъ боярами. Но изъ братьевъ явилось на сеймъ только четверо, изъ нихъ трое родныхъ: Скиргайло трокскій, Владиміръ кіевскій и Дмитрій-Корибутъ сѣверскій и одинъ двоюродный—Витовтъ гродненскій. На этомъ сеймѣ рѣшено было крестить

---

[1]) Этимъ и объясняется то упорное стремленіе ихъ къ расширенію своихъ владѣній на востокѣ.

всѣхъ природныхъ литовцевъ обоего пола и всякаго званія, за исключеніемъ жмудинъ; русскихъ же православныхъ, а равнымъ образомъ и тѣхъ литовцевъ, которые приняли православіе уже раньше, постановили на сеймѣ не принуждать къ перемѣнѣ религіи и не касаться ихъ; но послѣднее постановленіе не было исполнено: есть извѣстіе, что даже самъ Ягайло нѣкоторыхъ своихъ вельможъ, не желавшихъ измѣнить православію, казнилъ [1]). Для большаго поощренія литовскихъ бояръ къ принятію католичества, Ягайло 20 марта того же года издалъ слѣдующія постановленія: во-первыхъ, каждый литовскій бояринъ, принявшій католичество, имѣетъ полное право распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ ему угодно, и выдавать дочерей за кого угодно, по личному усмотрѣнію (раньше литовскіе бояре не имѣли этихъ правъ); во-вторыхъ, всѣ литовскіе бояре, перешедшіе въ католичество, освобождаются отъ всѣхъ личныхъ повинностей, за исключеніемъ помощи при постройкахъ крѣпостей и военной службы на собственный счетъ; въ-третьихъ, наконецъ, всѣмъ литовскимъ боярамъ-католикамъ предоставляется право самаго ускореннаго дѣйствія правосудія въ своихъ округахъ. Съ отступленіемъ же отъ католичества всѣ вышеозначенныя льготы терялись. Чтобы привлечь горожанъ къ принятію католичества, имъ обѣщано было, въ случаѣ перехода въ эту религію, нѣмецкое или такъ называемое „Магдебургское“ право [2]). А чтобы пріохотить простой народъ къ принятію крещенія, Ягайло распорядился заготовить множество бѣлыхъ свитокъ для раздачи новокрещеннымъ. Кромѣ вышеозначенныхъ постановленій, виленскій сеймъ издалъ еще слѣдующее: если лицо католическаго исповѣданія вступитъ въ бракъ съ лицомъ православнаго исповѣданія, то это послѣднее обязано принять исповѣданіе перваго, въ противномъ случаѣ бракъ будетъ считаться недѣйствительнымъ и лицо, нарушившее этотъ законъ, подвергается строгой отвѣтственности.

Послѣ окончанія сеймоваго засѣданія приступлено было къ совершенію главнаго дѣла—крещенію литовцевъ. Сначала потушенъ былъ священный огонь, горѣвшій предъ Перкуномъ въ главномъ храмѣ, на долинѣ Свенторога; потомъ вырублены были заповѣдные дубы и перебиты обоготворяемые гады; затѣмъ началось крещеніе народа. Въ назначенный

---

[1]) См. „Полн. собр. русск. лѣтоп.“, т. IV—95 стр., т. V—242 стр. Барбашева „Витовтъ и его политика“, 45 стр. Даниловича „Собраніе актовъ“, стр. 205 и 209.

[2]) Магдебургское право состояло въ томъ, что горожане (мѣщане собственно) нѣкоторыхъ городовъ и мѣстечекъ въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ судились собственнымъ судомъ: для этого они выбирали себѣ войта и 12 лавниковъ. О нѣмецкомъ правѣ въ Литвѣ и Польшѣ см. сочиненіе проф. кіевскаго универс. Владимирскаго-Буданова. 1868 г. Спб.

день собрались, по распоряженію короля Ягайлы, литовцы-язычники на р. Вилію; ихъ раздѣлили на группы, мужчинъ и женщинъ отдѣльно; священники кропили народъ святою водою, читали молитвы и цѣлымъ группамъ давали какое-нибудь одно христіанское имя; только знатныхъ и богатыхъ крестили отдѣльно. Самъ Ягайло принималъ дѣятельное участіе въ крещеніи литовцевъ: онъ лично объяснялъ народу христіанскія истины и вмѣстѣ съ священниками объѣзжалъ окрестныя мѣста, причемъ всѣ средства пущены были въ ходъ, чтобы заставить литовцевъ принимать католичество. Польско-литовскіе хронисты—Стрыйковскій и Кромеръ пишутъ, что Ягайло и католическое духовенство заставляли литовцевъ принимать римскую вѣру „частію дарами, а частію угрозами и карою". Но, не смотря на всѣ старанія Ягайлы и католическаго духовенства и употребляемыя ими крутыя мѣры, католическая пропаганда не дала въ Литвѣ блестящихъ результатовъ: по свидѣтельству самихъ католиковъ, въ это время крещено было всего около 30,000 человѣкъ, если только и это число не преувеличено. Въ 1397 году великій тевтонскій магистръ Конрадъ Юнгингенъ предъ всѣми европейскими дворами свидѣтельствовалъ, что въ Литвѣ не замѣтно никакихъ успѣховъ латинства, потому что литовцы обращаются больше въ русскую вѣру, чѣмъ въ латинскую.

На мѣстѣ Перкунова святилища въ томъ же 1387 году Ягайло построилъ каѳедральный католическій соборъ во имя св. мученика Станислава, освященный потомъ гнѣзненскимъ архіепископомъ Борзантою [1]). По сказанію нѣкоторыхъ историковъ, Ягайло, кромѣ каѳедральнаго костела, основалъ еще въ Вильнѣ семь приходскихъ церквей, а также и епископство. Первымъ виленскимъ епископомъ былъ нѣкто Андрей Василло, родомъ полякъ, бывшій сначала однимъ изъ францисканскихъ монаховъ, потомъ секретаремъ венгерской королевы Елизаветы и серетскимъ епископомъ въ Молдавіи.

Присоединеніе Галиціи къ Польшѣ. Послѣ бракосочетанія Ягайлы съ Ядвигою и крещенія литовцевъ, одною изъ первыхъ заботъ этого

---

[1]) Соборъ этотъ существуетъ и по настоящее время, но, само собою разумѣется, не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ позднѣйшей передѣлкѣ, потому что онъ въ продолженіе почти пятисотъ лѣтъ нѣсколько разъ подвергался истребленію пожаромъ. Соборъ св. Станислава представляетъ одно изъ лучшихъ зданій въ Вильнѣ. Въ немъ покоятся мощи св. Казимира и тутъ же погребены многія лица великокняжескихъ и королевскихъ фамилій, именно: Кпргайло Ольгердовичъ, умершій въ 1390 г., Александръ-Вигонтъ Ольгердовичъ—1396 г., Анна Станиславовна, княжна смоленская, супруга Витовта—1418 г., Витовтъ—1430 г., Сигизмундъ Кейстутовичъ—1440 г., Свидригайло Ольгердовичъ—1452, король и великій князь Александръ—1506 г., первая супруга Сигизмунда-Августа Елизавета—1543 г., вторая его супруга Варвара Радзивиллъ—1551 г. и другія.

короля, а особенно польскихъ пановъ, было присоединеніе Галицкой или Червонной Руси къ Польшѣ. Правда, Галицкая Русь въ 1377 году была уже присоединена къ Польшѣ, но не вся: Бельзскій удѣлъ, какъ мы видѣли выше, оставался въ рукахъ Юрія Наримунтовича; въ правленіе же Польшею Людовика Венгерскаго Галиція была присоединена къ Венгріи, подъ властію которой находилась и во время управленія Венгріею Елизаветы, жены Людовика (матери Ядвиги). Но вотъ, когда въ Венгріи произошло возстаніе, во время котората убита была Елизавета, Ягайло въ 1388 году вмѣстѣ съ Витовтомъ двинули туда свои войска и въ короткое время усмирили возстаніе, а слѣдствіемъ этого похода было окончательное присоединеніе Галиціи къ польской коронѣ. Бельзскій удѣлъ тоже присоединенъ былъ къ ней, но Ягайло впослѣдствіи отдалъ его въ управленіе своему зятю Земовиту Мазовецкому, за которымъ была его сестра Александра. Съ этихъ поръ Галицкая или Червонная Русь съ городами: Львовомъ (столицею), Галичемъ, Холмомъ, Бельзомъ, Червенемъ, Каменцомъ, Перемышлемъ, Кременцомъ и др. оставалась за Польшею до 1773 года, т. е. до перваго раздѣла Польши, по которому она досталась частію Австріи, а частію Россіи.

Упрочивши Галицію за Польшею, Ягайло роздалъ различныя ея части въ вѣчное владѣніе тѣмъ польскимъ панамъ, которые больше всего помогли ему въ достиженіи польской короны. Съ тѣхъ поръ въ Галицкой Руси началась страшная борьба между православно-русскимъ населеніемъ и польско-католическимъ; борьба эта и теперь продолжается, да и конца ей не предвидится.

Борьба Ягайлы съ Андреемъ Полоцкимъ. Польскіе магнаты, возложивши корону своего государства на голову Ягайлы, имѣли въ виду подчинить своей власти всѣ области обширнаго Литовскаго государства съ правомъ хозяйничать въ нихъ такъ, какъ дома, но въ этомъ они горько ошиблись, какъ увидимъ ниже. Чтобы осуществить эту мысль, польскимъ магнатамъ необходимо было уничтожить въ литовскихъ областяхъ удѣльную систему, но это было рѣшительно невозможно, тѣмъ болѣе, что тамъ въ это время существовали крупные удѣльные князья, а имѣть съ ними дѣло было не легко, да къ тому же многіе изъ нихъ (если не большая часть) и по вѣрѣ, и по національности близко стояли къ Московскому государству и въ случаѣ опасности могли опереться на него, что они дѣйствительно, какъ увидимъ послѣ, и дѣлали потомъ. Наиболѣе крупными удѣльными владѣтелями въ Литовскомъ государствѣ при Ягайлѣ были слѣдующіе внуки Гедимина: Андрей Ольгердовичъ; это былъ самый старшій внукъ Гедимина и самый сильный и энергичный; онъ владѣлъ въ это время Полоцкомъ, Θеодоръ Любартовичъ, владѣлъ Владиміромъ-Волынскимъ, Владиміръ Ольгердовичъ—Кіевомъ, Александръ Наримунтовичъ—Пинскомъ, братья Коріатовичи—Подоліею, Витовтъ Кейстутовичъ—Брестомъ, Гродною и Луц-

комъ, Димитрій-Корибутъ — Новгородъ-Сѣверскомъ, Михаилъ Явнутовичъ—Заславлемъ, Вигонтъ—Керновомъ, Симеонъ-Лугвень Ольгердовичъ—Великимъ Новгородомъ и т. д. Кромѣ того, на Волыни, въ Полѣсьѣ и въ Черниговo-Сѣверской землѣ оставалось еще много мелкихъ удѣльныхъ князей изъ потомковъ Владимира Святого, каковы: пинскіе, слуцкіе, острожскіе, Новосельскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣльскіе и др. Всѣ эти князья далеко не были расположены къ затѣямъ польскихъ магнатовъ, да и на самый фактъ соединенія (хотя и не полнаго) Литовскаго государства съ Польскимъ взглянули весьма враждебно и нѣкоторые изъ нихъ сейчасъ, послѣ этого соединенія, постарались высказать свой протестъ. Сначала его высказалъ самый старшій сынъ Ольгерда Андрей Полоцкій, потомъ Витовтъ Кейстутовичъ, а за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ протестовъ другихъ князей.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія Ягайлы съ Ядвигою, какъ Андрей Полоцкій [1]), воспользовавшись неудовольствіемъ русскаго населенія на великаго князя за соединеніе Литвы съ Польшею, рѣшился отнять виленскій престолъ у Ягайлы. Для этой цѣли онъ соединился съ смоленскимъ княземъ Святославомъ Ивановичемъ и нѣмецкими рыцарями [2]). Но союзъ Андрея съ нѣмцами былъ громадною его ошибкою: и русское, и литовское населеніе хорошо знало, что за народъ нѣмцы и къ чему они стремятся, а потому не вполнѣ поддержало Андрея въ его борьбѣ съ братомъ, слѣдствіемъ чего было пораженіе какъ самого Андрея, такъ и его союзника Святослава Смоленскаго. Полоцкій князь былъ разбитъ самимъ Ягайлою при помощи Скиргайлы, причемъ Андрей попался въ плѣнъ и просидѣлъ въ одной изъ польскихъ крѣпостей нѣсколько лѣтъ. А Святославъ Ивановичъ разбитъ былъ Скиргайлою при помощи Корибута (Димитрія) и Лугвеня (Симеона), причемъ самъ смоленскій князь былъ убитъ, а два сына его—Юрій и Глѣбъ—попали въ плѣнъ [3]). Послѣдняя битва происходила на рѣкѣ Верхѣ, притокѣ Сожа.

---

[1]) Этотъ князь остался вѣренъ православію.

[2]) Святославъ Ивановичъ, соединившись съ Андреемъ, имѣлъ въ виду возвратить г. Мстиславль, захваченный еще Ольгердомъ; нѣмцы же стали на сторону полоцкаго князя, потому что они были страшно недовольны соединеніемъ Литвы съ Польшею и крещеніемъ литовцевъ: соединеніе это и крещеніе Литвы полагали конецъ существованію самаго ордена, такъ какъ основаніе этого ордена имѣло собственно цѣлію крещеніе литовцевъ. Когда только начинались переговоры о соединеніи Литвы съ Польшею, то рыцари тогда уже всѣми силами старались помѣшать ему; съ этою цѣлію они не разъ писали папѣ и западнымъ государямъ объ этомъ соединеніи, причемъ представляли его для католичества не только безполезнымъ, но даже вреднымъ. И вотъ, когда всѣ эти донесенія не принесли пользы рыцарямъ, то они съ радостію стали на сторону Андрея Ольгердовича противъ Ягайлы.

[3]) Скоро послѣ этой битвы Юрій посаженъ былъ на смоленскій столъ, а Глѣбъ пробылъ нѣкоторое время въ плѣну.

Скиргайло, великій князь литовскій.

1388—1392 г.

Борьба Ягайлы съ Витовтомъ. Въ двухъ вышеозначенныхъ битвахъ, какъ мы видѣли, главнымъ помощникомъ Ягайлы былъ Скиргайло. За это король, удаляясь въ Польшу, сдѣлалъ его великимъ княземъ литовскимъ. Въ концѣ 1387 года Скиргайло вѣнчался великокняжескимъ вѣнцомъ въ виленскомъ костелѣ св. Станислава. Но Ягайло, назначая Скиргайлу великимъ княземъ, не отдалъ ему Вильны: онъ поручилъ ее поляку Клименту изъ Москажева; Скиргайло же жилъ въ Трокахъ.

Характеръ новаго великаго князя литовскаго Скиргайлы польскіе историки описываютъ самыми мрачными красками: по словамъ ихъ, онъ былъ дерзокъ, жестокъ и не дрожалъ ни предъ какимъ злодѣяніемъ; былъ постоянно не въ трезвомъ видѣ и вслѣдствіе этого невыносимъ для окружающихъ, которые никогда не могли считать себя безопасными въ его присутствіи. Иначе отзываются о немъ православные лѣтописцы: тѣ называютъ его княземъ чуднымъ и добрымъ. Причина такого разногласія понятна: Скиргайло оставался вѣренъ православію, а потому любимъ былъ русскимъ народомъ. Во всякомъ случаѣ, Скиргайло былъ человѣкъ очень умный и дѣльный; отлично понималъ медицину, знаніе которой онъ нерѣдко прилагалъ къ излѣченію больныхъ своихъ подданныхъ.

Назначеніе Скиргайлы великимъ княземъ литовскимъ, а еще болѣе отдача ему Трокъ страшно оскорбило гродненскаго князя Витовта. Къ этому присоединилось еще и то, что Ягайло не хотѣлъ дать ему грамоты на уступленныя въ 1384 году области и не соглашался передать ему волости Любарта Волынскаго, умершаго въ 1386 году. Оскорбленный всѣмъ этимъ, Витовтъ удалился въ Луцкъ и тамъ сталъ обдумывать планъ мщенія. Но объ этомъ скоро догадался правитель Литвы Скиргайло и немедленно донесъ брату Ягайлѣ; послѣ этого Ягайло сталъ смотрѣть на Витовта подозрительно. Но въ сіе время случилось новое обстоятельство, которое еще болѣе увеличило подозрѣніе Скиргайлы и Ягайлы, а затѣмъ вызвало и борьбу ихъ съ Витовтомъ. Обстоятельство это было слѣдующее: въ это самое время сынъ московскаго князя Димитрія Донского, Василій Димитріевичъ, бѣжалъ изъ Золотой Орды; зачѣмъ онъ тамъ былъ и почему бѣжалъ—источники не говорятъ. Пробираясь въ Москву окольными путями, сынъ Димитрія Донского, между прочимъ, попалъ въ Луцкъ къ Витовту. Тотъ принялъ его очень ласково и обручилъ съ нимъ свою юную дочь Софію. Отправляя Василія Димитріевича на родину, Витовтъ взялъ съ него торжественное обѣщаніе, что онъ женится на Софіи, когда она достигнетъ совершеннолѣтія.

Этотъ поступокъ Витовта съ сыномъ московскаго князя не иначе можно объяснить, какъ желаніемъ его, въ случаѣ войны съ Ягайлою, опереться на сильное Московское княжество. Но это сдѣлалось извѣстнымъ Скиргайлѣ, а тотъ не замедлилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Ягайлы. Въ Польшѣ взглянули на сіе обстоятельство серьезно: немедленно было отправлено посольство изъ Кракова къ луцкому князю съ требованіемъ объясненія. Витовтъ испугался и далъ предъ послами клятву, что въ принятіи имъ сына московскаго князя и въ обрученіи сего послѣдняго съ его дочерью не заключается ничего опаснаго ни для Ягайлы и ни для Польши. Но Витовту плохо повѣрили: послы потребовали, чтобы онъ или самъ ѣхалъ въ Краковъ, или послалъ бы довѣренное лицо отъ себя для объясненій съ королемъ и панами. Витовтъ самъ не поѣхалъ, а послалъ туда своего боярина Кучку. Кучка, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ относительно поведенія Витовта, былъ арестованъ въ Краковѣ и преданъ пыткамъ, отъ которыхъ онъ и умеръ. Послѣднее обстоятельство побудило Витовта къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ: посредствомъ тайныхъ агентовъ онъ сманилъ на свою сторону многихъ знатныхъ лицъ въ Вильнѣ, недовольныхъ правленіемъ вице-канцлера Климента, затѣмъ вооружилъ нѣсколько лицъ и въ возахъ съ съѣстными припасами отправилъ въ Вильну, чтобы они, соединившись съ виленскими заговорщиками, овладѣли замкомъ. Но заговоръ во время былъ открытъ: и возы, и соучастники Витовта были арестованы въ Вильнѣ. Послѣ этого луцкому князю ничего другого не оставалось дѣлать, какъ бѣжать изъ отечества и искать помощи гдѣ нибудь на сторонѣ; такъ онъ и сдѣлалъ: сначала бѣжалъ въ Мазовію а потомъ къ нѣмецкимъ рыцарямъ.

Прибытіе Витовта сильно обрадовало рыцарей Тевтонскаго ордена: имъ теперь опять представлялся случай поживиться на счетъ Литовскаго государства. Но нѣмцы, помня измѣну Витовта, совершенную имъ еще въ 1384 году (говорено выше), взяли съ него въ обезпеченіе заложниковъ: жену Анну, двухъ маленькихъ сыновей его, брата Сигизмунда, нѣсколькихъ родственниковъ и многихъ бояръ его, и всѣхъ ихъ размѣстили по разнымъ городамъ. Это происходило въ 1389 году. Затѣмъ рыцари собрали огромное войско; многіе заграничные гости вошли въ составъ этого войска: тутъ, между прочимъ, были рыцари нѣмецкіе, французскіе и англійскіе; въ числѣ послѣднихъ былъ графъ Генрихъ Дерби, впослѣдствіи король англійскій, Генрихъ IV. Рыцарское войско, предводимое великимъ магистромъ Конрадомъ Цольнеромъ, отправилось прямо къ Вильнѣ. Но походъ кончился полною неудачею: всѣ приступы нѣмцевъ были отбиты, и рыцари, послѣ пятинедѣльной осады Вильны, съ позоромъ вернулись домой.

Героями со стороны осажденныхъ были: Киргайло—главный начальникъ виленскаго гарнизона, затѣмъ Скиргайло, защищавшій одинъ

изъ замковъ, и вице-канцлеръ Климентъ; послѣдній начальствовалъ надъ поляками въ верхнемъ замкѣ. Киргайло въ это время былъ убитъ, а Скиргайло тяжело раненъ.

Этотъ неудачный походъ охладилъ было воинственный пылъ рыцарей, и они хотѣли уже бросить дѣло Витовта, тѣмъ болѣе, что въ это время умеръ магистръ Цольнеръ, другъ Витовта, а новый, Конрадъ Валенродъ, не особенно былъ расположенъ къ луцкому князю. Желая скорѣе выпроводить отъ себя Витовта, рыцари возвратили было ему нѣкоторыхъ заложниковъ, именно: жену и родственниковъ, оставалось возвратить только брата Сигизмунда и сыновей; но въ это время какъ разъ прибыло въ столицу рыцарей Маріенбургъ, гдѣ жилъ Витовтъ съ семействомъ, посольство отъ молодого великаго московскаго князя Василія Димитріевича за его невѣстой Софіей. Витовтъ отпустилъ свою дочь въ Москву съ большою свитою, во главѣ которой поставленъ былъ его подручникъ, князь Иванъ Ольгердовичъ Ольшанскій. Послѣднее обстоятельство сильно подѣйствовало на магистра Валенрода и рыцарей: они увидѣли, что Витовту слѣдуетъ помочь въ достиженіи виленскаго великокняжескаго стола, если такой сильный князь, какъ московскій, не смотря на скитальничество Витовта по чужимъ краямъ, ищетъ родственнаго союза съ нимъ. Это было въ 1390 году.

И дѣйствительно, въ слѣдующемъ 1391 году опять собралось сильное ополченіе крестоносцевъ, въ которомъ снова приняли участіе многіе изъ гостей западной Европы. Ополченіе это попрежнему двинулось къ столицѣ Литовскаго государства и вновь обложило ее. Но и на этотъ разъ рыцари не могли взять Вильны, такъ какъ виленскіе воеводы предварительно выжгли всѣ окрестности ея, вслѣдствіе чего большое непріятельское войско, не находя продовольствія, начало терпѣть сильный недостатокъ въ провіантѣ, и потому скоро принуждено было опять снять осаду и отступить; при этомъ оно раздѣлилось на нѣсколько отрядовъ и занялось завоеваніемъ болѣе значительныхъ укрѣпленій на западѣ Литвы. Между тѣмъ, Витовтъ, видя, что союзники его не на столько сильны, чтобы взять Вильну и посадить его на ея столъ въ качествѣ великаго князя, удалился со своимъ отрядомъ въ замокъ Риттерстверденъ, построенный для него нѣмцами близъ Ковны, гдѣ снова началъ обдумывать свое положеніе. Но въ это самое время, когда Витовтъ занятъ былъ такого рода мыслями, къ нему прибылъ сводный братъ мазовецкихъ князей (Януша и Семки), молодой Генрихъ, еще въ дѣтствѣ нареченный епископомъ плоцкимъ. Этотъ юноша-епископъ присланъ былъ сюда королемъ Ягайлою, которому жаль стало, что его отечество понапрасну разоряется исконными врагами Литвы—нѣмцами, а потому и рѣшился черезъ Генриха упросить Витовта разорвать союзъ съ рыцарями и пріѣхать въ Вильну для переговоровъ о мирѣ. Молодой Генрихъ имѣлъ успѣхъ: Витовтъ далъ слово

порвать дружбу съ нѣмцами и пріѣхать въ Вильну для переговоровъ. Но при этомъ не лишне прибавить, что миссія Генриха и для него лично не осталась безслѣдною: живя въ Риттерстверденѣ, онъ влюбился въ сестру Витовта Рингаллу и, не смотря на свое духовное назначеніе, вступилъ съ нею въ бракъ.

Въ концѣ іюня 1392 года Витовтъ, не смотря на то, что у рыцарей были заложниками два его сына и братъ Сигизмундъ, сбросилъ съ себя личину: внезапно напалъ на гарнизонъ Риттерствердена, перебилъ его и сжегъ замокъ; потомъ также разорилъ еще нѣсколько пограничныхъ съ Литвою рыцарскихъ замковъ, а затѣмъ отправился въ Вильну, гдѣ былъ съ почестями принятъ Яско Олесницкимъ, намѣстникомъ Ягайлы. Когда рыцари узнали о бѣгствѣ Витовта, то пришли въ такую ярость, что дѣтей его отравили, а Сигизмунда заковали въ цѣпи и бросили въ темницу.

Въ концѣ іюля того же года Ягайло съ Ядвигою и блестящею свитою изъ польскихъ пановъ прибылъ въ Вильну. 4-го августа былъ заключенъ формальный договоръ съ Витовтомъ, по которому Витовтъ получилъ достоинство великаго князя литовскаго, на правахъ самостоятельнаго государя, и тогда же торжественно вѣнчался княжескою короною въ соборѣ св. Станислава. Въ это время Витовту было 42 года.

Отдавая Витовту Литовское княжество, Ягайло и Ядвига поставили одно только условіе: помогать Польшѣ въ случаѣ нападенія на нее внѣшнихъ враговъ.

Съ этихъ поръ дружба Ягайлы съ Витовтомъ уже больше не нарушается. Ягайло съ этого времени больше занимается дѣлами Польши, чѣмъ дѣлами Литовскаго государства; Витовтъ же остается полнымъ хозяиномъ сего послѣдняго, а потому исторія Литовскаго государства съ 1392 года тѣсно связана съ личностью Витовта.

Витовтъ [1]).

1392—1430 г.

Витовтъ по своей дѣятельности представляется крупною личностью въ послѣдовательномъ ряду великихъ князей литовскихъ, хотя по уму

[1]) О Витовтѣ на русскомъ языкѣ есть сочиненіе Киркора; см. „Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа". 1854 г. Барбашева „Витовтъ и его политика". 1885 г.; впрочемъ, сочиненіе это доведено только до 1410 года, или Грюнвальденской битвы. Иловайскаго „Исторія Россіи". Т. III, гл. 4-я и 5-я. Василевскаго „Жена Витовта"—„Виленскій Вѣстникъ" за 1870 г., №№ 19, 24, 40 и т. д.

Примѣчаніе. Если же кто желаетъ познакомиться съ источниками для исторіи Витовта, того мы отсылаемъ къ введенію, помѣщенному въ соч. Барбашева „Витовтъ и его политика"; тамъ они почти всѣ перечислены.

и политическому такту уступалъ дядѣ своему Ольгерду и дѣду Гедимину; по личной же храбрости и выбору средствъ при достиженіи намѣченныхъ цѣлей онъ также уступалъ и отцу своему Кейстуту, а потому его нельзя назвать великимъ и геніальнымъ, какъ это дѣлаютъ многіе историки.

Правда, при Витовтѣ Литовское государство достигло апогея своего величія (такъ по крайней мѣрѣ большинство историковъ признаетъ) [1]), до котораго оно раньше не достигало, но этому помогли не личныя достоинства сего князя, а дѣятельность предшествующихъ геніальныхъ правителей и, отчасти, удачно сложившіяся при немъ обстоятельства. Напротивъ, самъ же Витовтъ по своей политической безтактности положилъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, начало разложенію могучей Литовской державы, а также усилилъ и развилъ въ семъ государствѣ тотъ зародышъ религіозной нетерпимости и антагонизма между національностями, который внесенъ былъ Ягайлою въ самомъ началѣ соединенія Литвы съ Польшею и который потомъ былъ одною изъ главныхъ причинъ гибели Литвы и Польши [2]).

Тридцать восемь лѣтъ Витовтъ управлялъ Литовскимъ государствомъ; въ продолженіе сего времени многое онъ замышлялъ, но никогда ничего не доводилъ до конца; постоянно ошибался и впадалъ въ противорѣчія; такъ напр., Витовтъ стремился обособить свое государство отъ Польши въ политическомъ отношеніи, въ то же время распространялъ въ немъ католичество, укрѣплялъ латино-польскую цивилизацію, принималъ польское духовенство и польскихъ пановъ, давая имъ при этомъ лучшія мѣста и должности и снабжая ихъ богатыми имѣніями и разнаго рода фундушами. Затѣмъ, помышляя о внутреннемъ и внѣшнемъ могуществѣ литовскаго государства, самъ, между прочимъ, принялъ католичество въ разрѣзъ съ русскою народностію, которая тогда была самымъ могучимъ элементомъ въ семъ государствѣ и составляла чуть-ли не $^9/_{10}$ частей всего населенія; а главное, Витовтъ допустилъ, какъ увидимъ послѣ, унизить на Городельскомъ сеймѣ русскій народъ и лишить его тѣхъ привилегій, которыя выпали на долю католиковъ. Потомъ, пытаясь порвать религіозную связь западно-русской церкви

---

[1]) Но есть между учеными и такіе, которые говорятъ, что величіе Литовскаго государства при Витовтѣ было обманчивое, а потому и рухнуло съ его смертію. См. проф. Львовскаго ун. Смолки.

[2]) Въ одномъ источникѣ есть извѣстіе, что православные жители города Смоленска, послѣ завоеванія ихъ Витовтомъ, подняли страшное возстаніе вслѣдствіе того, что „не могли терпѣть насилій отъ поляковъ, поселенныхъ въ городѣ Смоленскѣ Витовтомъ". См. Дашкевича, стр. 135.

Примѣчаніе. Большинство населенія въ Литовскомъ государствѣ не любило Витовта; даже жители Жмуди ненавидѣли его, а больше льнули къ Свидригайлѣ. См. Дашкевича, стр. 135 и 136.

съ московскою митрополіею, онъ въ то же время тѣснилъ православныхъ, глумился надъ ихъ исповѣданіемъ, сравнивалъ ихъ въ религіозномъ отношеніи съ жидами, а церкви Божіи называлъ синагогами [1]).

Первая и самая главная ошибка Витовта была та, что онъ оставилъ православіе и перешелъ въ католичество и тѣмъ навсегда оттолкнулъ отъ себя главную и могущественную часть народонаселенія въ своемъ государствѣ, именно: православно-русскую; а затѣмъ, второю ошибкою его было то, что онъ, вопреки политическимъ разсчетамъ, слишкомъ увлекся латинскою цивилизаціею, а все русское отстранилъ; изъ этихъ двухъ ошибокъ пошли и всѣ другія его ошибки. Не измѣни онъ православію, не оттолкни отъ себя русской народности, а опрись на нее подобно дѣду и дяди, то Литва не была бы поглощена Польшею, какъ это случилось впослѣдствіи, государствомъ болѣе слабымъ, чѣмъ сама Литва.

Но во всемъ томъ, что сказано нами относительно Витовта въ вышеизложенной общей характеристикѣ о немъ, мы болѣе или менѣе ясно убѣдимся изъ подробнаго изложенія княженія его въ Литовскомъ государствѣ, а теперь перейдемъ къ главнымъ событіямъ въ исторіи этого государства въ первые годы сего князя, именно: усмиренію Витовтомъ удѣльныхъ князей, присоединенію Смоленска, борьбѣ съ рыцарями, принятію имъ Тохтамыша и др.

Усмиреніе удѣльныхъ литовскихъ князей и упроченіе Витовтомъ самодержавія. Полученіе Витовтомъ великокняжескаго стола въ Литовскомъ государствѣ въ нѣкоторыхъ его родственникахъ вызвало неудовольствіе, а это повело къ борьбѣ. Первый изъ удѣльныхъ литовскихъ князей возсталъ противъ Витовта и хотѣлъ у него отнять великокняжескій столъ Корибутъ Ольгердовичъ (въ православіи Димитрій), князь Сѣверской земли. Во главѣ многочисленнаго войска онъ въ началѣ осени 1392 г. подступилъ къ лидскому замку; но не успѣлъ еще сдѣлать нападенія на этотъ замокъ, какъ былъ отраженъ войскомъ Витовта и разбитъ на голову, причемъ и самъ Корибутъ попался въ плѣнъ. Витовтъ отправилъ его къ Ягайлѣ, у котораго онъ пробылъ около года, а потомъ получилъ во владѣніе нѣсколько городовъ на Волыни.

Вслѣдъ за Корибутомъ противъ Витовта возсталъ было двоюродный братъ его Ѳеодоръ Каріатовичъ, князь подольскій. Какая была

---

[1]) См. Нарбута т. VI, или Боричевскаго „Православіе и русская народность въ Литвѣ", стр. 80.

Примѣчаніе. Само собою понятно, что такое отношеніе Витовта къ православнымъ еще сильнѣе побуждало сихъ послѣднихъ льнуть къ московской митрополіи и еще болѣе ослабляло Литовское государство.

причина возстанія, мы не знаемъ, равнымъ образомъ мы хорошо не знаемъ, гдѣ у нихъ произошла битва, знаемъ только то, что Ѳеодоръ Каріатовичъ былъ разбитъ и попался въ плѣнъ. Его, какъ и Корибута, Витовтъ отправилъ къ Ягайлѣ, а Подолію присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Впрочемъ, за нее начались было непріятности съ Ягайлою и польскими панами, вслѣдствіе чего часть Подоліи Витовтъ отдалъ во владѣніе Спыткѣ Мельштинскому, одному изъ польскихъ пановъ.

Но лишь только Витовтъ кончилъ борьбу съ Ѳеодоромъ Каріатовичемъ, какъ началъ ее съ самымъ меньшимъ братомъ Ягайлы Свидригайлою. Дѣло вотъ въ чемъ: послѣ соединенія Литовскаго государства съ Польскимъ, Юліанія вмѣстѣ съ Свидригайлою жила нѣкоторое время въ Витебскѣ; но потомъ, выѣхавши изъ него, отправилась въ Кіевъ, гдѣ приняла монашество съ именемъ Маріи, и въ 1393 году скончалась и погребена въ тамошней лаврѣ. Когда Витовтъ узналъ объ этомъ, то рѣшился овладѣть Витебскомъ, гдѣ, между прочимъ, уже окончательно утвердился княземъ Свидригайло. Въ концѣ 1394 г. онъ, вмѣстѣ съ Скиргайлою, напалъ на городъ. Свидригайло защищался упорно, но долженъ былъ сдаться. Его, какъ и прежнихъ двухъ удѣльныхъ князей, отправили въ Краковъ. Скоро онъ отсюда бѣжалъ въ Венгрію и пробылъ тамъ до 1398 года.

Скиргайло же за помощь, оказанную Витовту въ борьбѣ его съ Свидригайлою, получилъ Кіевъ, откуда предварительно литовскій князь вывелъ Владимира Ольгердовича. Послѣдній въ замѣнъ Кіева получилъ Кополь, а впослѣдствіи Бельзскъ. Но, впрочемъ, Скиргайло скоро умеръ, а мѣсто его занялъ Иванъ Ольгердовичъ, въ качествѣ ленника Витовта.

Покончивши счеты съ нѣкоторыми недовольными князьями и болѣе или менѣе упрочивши свою власть въ Литовскомъ государствѣ, Витовтъ обратилъ свое вниманіе на сосѣдніе удѣлы русскаго государства и прежде всего на Смоленскъ.

Присоединеніе Смоленска. Послѣ битвы на рѣкѣ Верхѣ, Смоленскъ, какъ мы видѣли, попалъ въ нѣкоторую зависимость отъ Литвы: тамъ, по распоряженію Скиргайлы, на мѣсто Святослава Ивановича, павшаго въ этой битвѣ, сдѣлался княземъ сынъ сего послѣдняго Юрій Святославовичъ; но при этомъ ему поставлено было въ обязанность: подѣлиться нѣкоторыми областями Смоленскаго княжества какъ съ роднымъ братомъ Глѣбомъ, такъ и съ другими родственниками. Дѣлежъ дѣйствительно начался, но братья изъ-за него скоро поссорились. Обиженный Юрій уѣхалъ въ Рязань къ своему тестю Олегу просить помощи противъ брата Глѣба. Услышалъ объ этомъ Витовтъ и рѣшился воспользоваться сими смутами, чтобы овладѣть Смоленскомъ и окончательно присоединить его къ Литовскому государству. Съ этою цѣлію онъ въ 1395 г. двинулся съ войскомъ къ этому городу, распуская по

дорогѣ слухъ, что будто бы идетъ къ Москвѣ помогать своему зятю противъ Тамерлана. На встрѣчу ему съ небольшою дружиною выѣхалъ Глѣбъ Святославовичъ. Литовскій князь принялъ его очень ласково и, отпуская домой, велѣлъ передать другимъ князьямъ: „между вами идетъ большой споръ о раздѣлѣ Смоленскаго княжества; если хотите, то пріѣзжайте ко мнѣ и я васъ разсужу по справедливости". Князья обрадовались, что нашелся безпристрастный судья, который разсудитъ ихъ по всей справедливости и раздѣлитъ имъ вотчину по жребію. Всѣ они собрались и поѣхали къ нему съ дарами; но когда явились къ Витовту, тотъ, взявши привезенные дары, велѣлъ схватить всѣхъ ихъ и отослать въ Литву; послѣ этого онъ овладѣлъ городомъ безъ боя и посадилъ въ немъ двухъ своихъ намѣстниковъ—Ямунта и Василія Борейковича.

Между тѣмъ старшій изъ смоленскихъ князей Юрій Святославовичъ оставался еще на свободѣ: онъ въ это время, какъ мы видѣли, находился въ Рязани у своего тестя Олега. Когда же сдѣлалось извѣстнымъ, что Витовтъ овладѣлъ Смоленскомъ, то онъ вмѣстѣ съ тестемъ, собравши огромное войско, двинулся было къ городу и хотѣлъ его возвратить, но московскій князь помѣшалъ этому. Тогда Юрій Святославовичъ и Олегъ Рязанскій ворвались въ области собственно Литовскаго государства и многія изъ нихъ страшно опустошили. Витовтъ отплатилъ имъ тою же монетою: онъ, благодаря содѣйствію своего зятя Василія Димитріевича, въ свою очередь ворвался въ области рязанскаго князя, гдѣ „пролилъ много крови", по словамъ одного русскаго лѣтописца. Это было въ 1396 г.

Въ этомъ же году литовскій князь провелъ Пасху въ Смоленскѣ. Тутъ онъ пробылъ болѣе мѣсяца и вмѣстѣ съ зятемъ своимъ занимался пирами и охотою. Вообще, нужно сказать, въ это время отношенія между зятемъ и тестемъ были самыя дружественныя. Оба они изъ Смоленска послали своихъ пословъ въ Новгородъ съ требованіемъ, чтобы томошнее вѣче разорвало союзъ съ тевтонскими рыцарями, съ которыми оно недавно соединилось противъ литовскаго князя, и подчинило бы всю Новгородскую землю сему послѣднему [1]). Но новгородское вѣче не исполнило требованія Витовта и Василія I; сконфуженные послы возвратились ни съ чѣмъ. Оскорбленный литовскій князь грозилъ было

---

[1]) Выше говорено было, что литовскій князь Ольгердъ, какъ ни старался подчинить своей власти Новгородъ, не достигъ этого. Но тамъ, какъ мы уже знаемъ, было двѣ партіи: литовская и московская и, смотря по обстоятельствамъ, то та, то другая брала верхъ, а вслѣдствіе этого и надъ Новгородскою республикою преобладало то литовское, то московское вліяніе, но по большей части послѣднее, потому что опиралось на болѣе многочисленную партію и притомъ такую, которую поддерживалъ народъ. При Ольгердѣ и Димитріѣ Донскомъ московская партія торжествовала; но по смерти сего послѣдняго (Димитрій Донской умеръ въ 1389 г.) перевѣсъ взяла литовская партія. Въ началѣ 1390 г.

войною новгородцамъ, но угрозы своей не привелъ въ исполненіе. Онъ поручилъ наказать ихъ своему зятю, и тотъ дѣйствительно началъ съ ними войну и уже отнялъ было нѣкоторыя области по Двинѣ, но потомъ, вслѣдствіе энергическихъ дѣйствій новгородцевъ, снова все возвратилъ. Самъ же Витовтъ въ это время долженъ былъ вести ожесточенную войну съ рыцарями, начатую сими послѣдними еще скоро послѣ вступленія его на литовскій престолъ, но усилившуюся особенно въ концѣ 1395 года и въ началѣ 1396 г., т. е. послѣ взятія Смоленска и во время борьбы зятя его съ новгородцами.

Борьба Витовта съ нѣмецкими рыцарями. Мы выше видѣли, что рыцари за измѣну Витовта отравили его малолѣтнихъ дѣтей, а брата Сигизмунда бросили въ тюрьму; но этимъ они не ограничились: въ томъ же 1392 году напали сначала на Суражъ (на юго-западѣ отъ Гродны), который былъ въ зависимости отъ Витовта и гдѣ проживалъ зять его Генрихъ, взяли его приступомъ, истребили гарнизонъ, сожгли замокъ и болѣе 200 человѣкъ увели въ плѣнъ. Затѣмъ въ слѣдующемъ году рыцари разрушили Гродну. Въ началѣ же 1394 г. крестоносцы опустошили много областей по р. Нѣману и между прочимъ разорили Новогрудокъ, Лиду, Меркинъ, Дрогичинъ и др. Послѣ этого нѣмцы дали себѣ отдыхъ: они въ продолженіе почти года не являлись въ литовскія владѣнія и только въ концѣ 1395 года опять поднялись въ походъ. Теперь рыцари порѣшили отправиться прямо къ столицѣ Витовта и овладѣть ею. Они разсчитывали на полный успѣхъ, во-первыхъ, потому, что къ нимъ прибыло съ Запада много авантюристовъ, а во-вторыхъ—не надѣялись встрѣтить отпора со стороны литовскаго князя, такъ какъ онъ, какъ они знали, въ это время занятъ былъ закрѣпленіемъ за собою Смоленска и борьбою съ Юріемъ Святославовичемъ и его тестемъ Олегомъ Рязанскимъ. Но въ послѣднемъ они сильно ошиблись: едва рыцари выступили въ походъ и стали пробираться въ глубь Литвы, какъ подверглись нападенію множества мелкихъ отрядовъ, посланныхъ Витовтомъ, чтобы затруднить имъ путь къ Вильнѣ; а недалеко отъ города ихъ встрѣтилъ самъ великій князь. Началась упорная борьба, которая продолжалась подъ стѣнами столицы болѣе двухъ мѣсяцевъ. Правда, за это время рыцари успѣли сжечь

новгородцы пригласили къ себѣ княземъ Лугвеня (Симеона) Ольгердовича и Новгородъ, вслѣдствіе этого, подчинили Ягайлѣ. Но, впрочемъ, торжество литовской партіи было непродолжительно: черезъ годъ, какъ извѣстно, началась борьба Ягайлы съ Витовтомъ, а этимъ и воспользовалась московская партія. Она устранила Лугвеня и заключила союзъ съ нѣмецкими рыцарями противъ Ягайлы. Союзъ этотъ остался въ силѣ и тогда, когда рыцари начали борьбу съ Витовтомъ за его вѣроломство. Вотъ этотъ то союзъ съ рыцарями и должны были разорвать новгородцы по требованію Витовта и его зятя, предъявленному ихъ послами изъ Смоленска.

часть города и разорить предмѣстья; но въ концѣ концовъ они должны были съ большимъ урономъ возвратиться на родину.

Въ слѣдующемъ 1396 году Витовтъ, покончивши борьбу за Смоленскъ, началъ было собирать многочисленное войско, съ цѣлію самому вторгнуться въ предѣлы тевтонскихъ рыцарей, чтобы отомстить имъ за всѣ опустошенія, которыя они сдѣлали въ Литвѣ, начиная съ 1392 г.; но привести въ исполненіе своего намѣренія не пришлось ему. Когда онъ собирался въ походъ, запасался провизіей, исправлялъ дороги и формировалъ отряды, въ это самое время на берегахъ Волги, въ Золотой Ордѣ, совершилось событіе, которое заставило его не только прекратить вооруженія противъ крестоносцевъ, но даже просить у нихъ мира; мало того, событіе это дало новое направленіе политической дѣятельности литовскаго князя. Событіе это—изгнаніе Тамерланомъ изъ Золотой Орды хана Тохтамыша и бѣгство послѣдняго въ Литву къ Витовту.

Борьба Тохтамыша съ Тамерланомъ. Бѣгство Тохтамыша къ Витовту. Дружба его съ литовскимъ княземъ и тайный договоръ между ними. Переговоры Витовта о мирѣ съ рыцарями. Въ то время, какъ происходило соединеніе Литвы съ Польшею, въ Ордѣ воцарился умный и храбрый Тохтамышъ. Онъ былъ посаженъ на ханскій престолъ Тамерланомъ (Тимуромъ, Желѣзнымъ Хромцомъ), однимъ изъ великихъ завоевателей Азіи и истребителей ея цивилизаціи, жившимъ въ нынѣшнемъ Самаркандѣ. Тамерланъ, посадивши на престолъ Золотой Орды Тохтамыша, какъ бы въ вознагражденіе за это, присоединилъ къ своему ханству нѣкоторыя области, прилегающія къ Каспійскому морю и считавшіяся собственностію сарайскихъ хановъ. Это не понравилось Тохтамышу и онъ сталъ проявлять непріязненныя дѣйствія противъ своего патрона. Тотъ обидѣлся и рѣшился наказать вѣроломнаго кліента. Въ 1392 году гдѣ-то въ приволжскихъ степяхъ между Тохтамышемъ и Тамерланомъ произошла кровопролитная битва и первый былъ разбитъ на голову. Но этимъ пока дѣло и кончилось: Тохтамышъ остался ханомъ Золотой Орды, а Тамерланъ скрылся въ глубь Азіи. Четыре года прошло послѣ этого; Тамерланъ съ своими полчищами стоялъ на берегахъ рѣки Куры; Тохтамышъ узналъ объ этомъ и задумалъ собрать сильное войско, чтобы идти на своего побѣдителя и отомстить за пораженіе, нанесенное въ приволжскихъ степяхъ. Но Тамерланъ предупредилъ сарайскаго хана, онъ двинулся ему навстрѣчу, и новая исполинская битва произошла на берегахъ рѣки Терека; Тохтамышъ опять былъ разбитъ на голову. На этотъ разъ дѣло не такъ благополучно обошлось дли сарайскаго хана: онъ былъ лишенъ престола и принужденъ былъ бѣжать въ Литву къ Витовту; мѣсто его, по волѣ Тамерлана, занялъ молодой ханъ Тимуръ-Кутлай; въ помощники ему данъ его родственникъ, старый и опытный мурза Эдигей.

Прибытіе въ Литовское государство Тохтамыша произошло въ 1396 году, т. е. какъ разъ въ то время, когда Витовтъ собирался въ походъ на Тевтонскій орденъ, чтобы отомстить рыцарямъ за нападеніе на Вильну. Литовскій князь принялъ бѣглеца очень ласково, имѣлъ съ нимъ нѣсколько свиданій и поселилъ его въ лидскомъ замкѣ. Во время этихъ свиданій Тохтамышъ предложилъ Витовту слѣдующій грандіозный планъ: Витовтъ поможетъ ему, хану, овладѣть снова престоломъ сарайской орды, что легко сдѣлать, такъ какъ татары этой орды, по словамъ самого Тохтамыша, любили его и были ему вполнѣ преданы; затѣмъ онъ, Тохтамышъ, поможетъ Витовту овладѣть Московскимъ государствомъ и такимъ образомъ сдѣлаетъ его великимъ и могучимъ государемъ Европы. Предложеніе это въ высшей степени пришлось по вкусу Витовту, отличавшемуся великимъ честолюбіемъ въ ущербъ политическому уму и такту. Съ этого времени всѣ мысли и дѣйствія Витовта получили совершенно другое направленіе и съ этого именно времени у него родилась въ душѣ мысль отдѣлить Литовское государство отъ Польши.

Думая начать борьбу съ татарами, литовскій князь порѣшилъ обезпечить себя съ тыла, т. е. со стороны нѣмецкихъ рыцарей. Вслѣдствіе этого онъ прекратилъ вооруженія противъ нихъ и обратился чрезъ особаго посла съ просьбою о заключеніи мира. Рыцари обрадовались этому; но такъ какъ Витовтъ первый высказалъ желаніе заключить миръ, то нѣмцы увидѣли въ этомъ слабость и безсиліе его, а потому предложили слѣдующія условія: 1) позволить крестоносцамъ свободно разъѣзжать по литовской территоріи и распространять католичество; 2) платить извѣстную дань папѣ и признать себя вассаломъ германскаго императора; 3) возстановить разрушенныя орденскія крѣпости и замки; 4) дать обязательство возобновить и соблюдать всѣ тѣ привилегіи, которыя даны ордену прежними литовскими князьями, и 5) наконецъ, прислать въ Прусскій орденъ заложниковъ изъ знатнѣйшихъ фамилій, чтобы они служили рыцарямъ гарантіей при исполненіи Витовтомъ перечисленныхъ условій. Прочитавши эти условія, Витовтъ не рѣшился подписать ихъ: онъ считалъ ихъ для себя слишкомъ унизительными. Весною 1397 года Витовтъ извѣстилъ рыцарей, что не можетъ подписать этихъ условій и предлагалъ имъ составить новыя, причемъ просилъ магистра прислать къ нему особое посольство для переговоровъ. Вслѣдствіе этого дѣйствительно составилось въ Пруссіи особое посольство къ Витовту. Во главѣ этого посольства поставленъ былъ начальникъ орденскихъ госпиталей, графъ Конрадъ Кибуртъ. Въ началѣ іюня посольство по Нѣману отправилось въ литовскую столицу. Путешествіе это Кибуртъ впослѣдствіи изложилъ въ своемъ сочиненіи, имѣющемъ форму дневника. Краткое содержаніе сего дневника мы приводимъ.

Дневникъ Кибурта. Плывя по Нѣману, нѣмецкое посольство, во главѣ котораго стоялъ Кибуртъ, прежде всего прибыло въ городъ Ковну. Городъ этотъ управлялся, какъ говоритъ Кибуртъ, отъ имени Витовта, русскимъ бояриномъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ, который принялъ его весьма радушно. Кибуртъ пробылъ здѣсь нѣсколько дней, пока не получено было разрѣшенія отъ Витовта на безпрепятственный проѣздъ посольства въ Вильну. Находясь въ городѣ, онъ помѣщенъ былъ не въ самомъ центрѣ его, гдѣ былъ замокъ и цитадель, а на предмѣстьи Ковны. Кибуртъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что онъ нѣсколько разъ просилъ позволенія побывать въ замкѣ, но ему все отказывали. „Но за то, прибавляетъ посолъ, я хорошо разсмотрѣлъ внѣшній видъ замка изъ своего окна; замокъ этотъ, по словамъ Кибурта, находился отъ его помѣщенія недалеко, только на другой сторонѣ рѣки". Видѣлъ также Кибуртъ изъ своего окна и лагерную стоянку литовскихъ войскъ. По описанію его, лагерь этотъ принадлежалъ конницѣ и пѣхотѣ вмѣстѣ. Конница состояла изъ нѣсколькихъ отрядовъ, весьма разнообразно одѣтыхъ и вооруженныхъ; тяжелая кавалерія была закована въ желѣзо, по образцу польской, а легкая вооружена была только пиками. Пѣхота состояла изъ одного лишь небольшого отряда и притомъ пожилыхъ и длиннобородыхъ людей. Одѣты послѣдніе были въ темно-сѣрые верхніе плащи, съ остроконечными капишонами, и разноцвѣтные нижніе кафтаны. Всему этому войску, заключаетъ Кибуртъ, производилъ ученіе какой-то русскій князь Юрій.

22 іюня Кибуртъ съ своею свитою и въ сопровожденіи литовскаго чиновника отправился въ Вильну. У городскихъ воротъ Кибуртъ встрѣченъ былъ намѣстникомъ Вильны Монвидомъ и множествомъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и препровожденъ въ нижній замокъ, гдѣ ему на встрѣчу вышли великокняжескіе дворяне и поднесли хлѣбъ, соль и кубокъ пива на золотомъ блюдѣ. Отсюда посолъ съ своими спутниками отправился въ каѳедральный соборъ. Въ соборѣ онъ окропленъ былъ святою водою и приложился къ иконамъ. Затѣмъ посольство помѣщено было въ одномъ изъ деревянныхъ домовъ на берегу Виліи.

Такъ какъ Витовта не было дома, то посольство имѣло достаточно времени осмотрѣть городъ Вильну и познакомиться съ высшими лицами города. Больше всѣхъ понравился Кибурту католическій епископъ Андрей Василло. По словамъ рыцарей, Василло былъ высокаго роста, пріятной наружности, съ изящными манерами; говорилъ онъ бойко по-нѣмецки и по-латыни. Въ самый день прибытія посла епископъ пригласилъ его со свитою къ себѣ къ обѣду. Вечеромъ Кибуртъ и его спутники отправились въ соборъ. Въ своемъ дневникѣ Кибуртъ такъ описываетъ главный католическій храмъ въ Вильнѣ: „Зданіе отличается обширностію и было построено тамъ, гдѣ находился языческій

храмъ, такъ что стѣны сего послѣдняго остались нетронутыми и вошли во вновь выстроенный католическій соборъ. Внутри соборъ раздѣленъ былъ тремя рядами массивныхъ колоннъ. Колонны эти поддерживали двускатную крышу. По внѣшнимъ угламъ зданія возвышались четыре башни и еще три на ребрѣ крыши. Въ самомъ храмѣ, по сторонамъ, устроены были разныя часовни (каплицы) и небольшіе придѣлы съ алтарями, отдѣлявшіеся отъ внутренняго помѣщенія рѣшетками. Главный алтарь стоялъ тамъ, гдѣ прежде горѣлъ неугасимый огонь Перкуна. Украшеніе храма не отличалось изяществомъ, но повсюду блистали отлитые изъ дорогихъ металловъ канделябры и разные стоячіе и висячіе свѣтильники. Когда послы вошли въ соборъ, то въ немъ господствовалъ полумракъ и слышалось однообразное пѣніе псалмовъ. Но вдругъ освѣтился зажженными свѣчами алтарь св. Іоанна Крестителя и послы увидѣли около этого алтаря столпившійся народъ, дотолѣ почти незамѣтный въ огромномъ зданіи. Здѣсь священникъ началъ служить вечерню; голосъ его вскорѣ былъ заглушенъ хоромъ пѣвчихъ, а затѣмъ раздалась могучими звуками музыка; когда же хоръ и музыка стали какъ бы замирать постепенно, тихо и нѣжно, то раздалось потрясающее душу пѣніе: „Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу". Такое пѣніе и такое богослуженіе, по справедливому замѣчанію г. Иловайскаго, очевидно, было разсчитано на то, чтобы производить сильное впечатлѣніе на недавнихъ язычниковъ, и дѣйствительно, при пѣніи вышеозначенныхъ словъ народъ падалъ на землю. По сказанію Кибурта, литвины, какъ ему передавалъ Василло, отличались особымъ усердіемъ къ христіанству и покорностію папскимъ велѣніямъ и находятся на пути къ западно-европейской цивилизаціи.

Затѣмъ Кибуртъ описываетъ ночное пиршество, устроенное въ честь пословъ намѣстникомъ Монвидомъ въ его лѣтнемъ мѣстопребываніи, въ предмѣстьи Лукишкахъ. Пиръ сопровождался музыкою и пѣніемъ и происходилъ въ просторной комнатѣ, освѣщенной восковыми свѣчами, за большимъ овальнымъ столомъ. Послы обратили вниманіе на то, что тутъ не было опредѣленныхъ мѣстъ по чину, а каждый садился, куда хотѣлъ, и отсюда заключили, что въ Литвѣ всѣ равны. Въ своемъ дневникѣ Кибуртъ говоритъ, что какъ въ Вильнѣ, такъ и въ предмѣстьяхъ ея были прежде разсѣяны языческія капища, между ними были и каменныя, посвященныя разнымъ божествамъ. Такъ напримѣръ, было каменное капище въ предмѣстьи Антокольскомъ, гдѣ находилась и священная роща, посвященная всѣмъ богамъ. За этимъ предмѣстьемъ, по словамъ Кибурта, въ его посѣщеніе Вильны, простирались большіе лѣса на далекое пространство; тутъ разбросаны были звѣринцы виленскихъ бояръ и ихъ охотничьи дома, окруженные тыномъ. Послѣ всего этого Кибуртъ съ большою подробностію останавливается въ своемъ дневникѣ на описаніи ночного народнаго гу-

лянья въ день св. Іоанна Крестителя. Гулянье это происходило гдѣ-то за городомъ. Послы вечеромъ, въ сопровожденіи литовскаго полицейскаго чиновника, ѣздили за городъ въ сосѣднія рощи и долины посмотрѣть на это народное гулянье. Они тамъ видѣли цѣлые ряды шалашей, палатокъ и разнаго рода наметовъ. По ихъ разсказамъ, безчисленное множество простонародья сошлось сюда погулять, попить пива и пображничать; отъ говора, пляски, пѣнія и музыки стонъ стоялъ надъ рощами и долинами, а отъ разведенныхъ костровъ на небѣ отражалось зарево, какъ отъ большого пожара. Кромѣ простонародья Кибуртъ видѣлъ тутъ множество лицъ высшаго сословія—мужчинъ и женщинъ. И тѣ, и другія или ходили, или сидѣли на богатыхъ коврахъ или постилкахъ вокругъ огромнаго пылающаго костра; при этомъ Кибуртъ замѣчаетъ, что мужчины и женщины держали себя въ почтительномъ отдаленіи другъ отъ друга. Нѣкоторые изъ мужчинъ и женщинъ высшаго сословія пили и закусывали подлѣ низкихъ столовъ, другіе слушали пѣніе старцевъ; слуги свѣтили восковыми свѣчами и факелами. Недалеко отъ палатокъ и шалашей знатныхъ лицъ, на двухъ пригоркахъ, поочередно играли два хора музыки, а кругомъ на холмахъ пылали смоляныя бочки и смолистыя деревья.

Кибуртъ хвалитъ въ своемъ дневникѣ положеніе и укрѣпленія Вильны, въ которой, по его словамъ, было 25 тысячъ жителей и 6000 гарнизона. Но въ своихъ замѣчаніяхъ относительно населенія Вильны, состоявшаго изъ народностей: собственно литовской и русской, Кибуртъ благосклоннѣе относится къ первой, чѣмъ ко второй; тутъ, конечно, отразилось его нерасположеніе къ русскимъ, какъ къ православнымъ. Посолъ говоритъ, что литовцы по наружному виду отличаются большею красотою и симпатичностію; они, по его словамъ, высокаго роста и темноволосы, тогда какъ русскіе средняго роста и рыжеволосы. По нравственнымъ качествамъ Кибуртъ также ставитъ литовцевъ выше, чѣмъ русскихъ: онъ говоритъ, что литовцы отличаются отъ русскихъ большею честностію и знаніемъ военнаго дѣла. Но при этомъ онъ прибавляетъ: „всѣ литвины лѣнивы и привержены къ крѣпкимъ напиткамъ, а русскіе болѣе трудолюбивы, мало пьютъ и вслѣдствіе этого зажиточнѣе первыхъ“. О литовскихъ и русскихъ женщинахъ Кибуртъ отзывается такъ: „литвинки очень красивы, головы свои убираютъ со вкусомъ; деревенскія же женщины ходятъ простоволосыя и искусно причесываютъ свои волосы, но всѣ онѣ отличаются болѣе свободными нравами. Русскія же женщины некрасивы и притомъ еще безобразятъ себя неуклюжими головными уборами, но за то всѣ онѣ, прибавляетъ посолъ, отличаются строгой нравственностью“.

Далѣе Кибуртъ говоритъ въ своемъ дневникѣ, что какъ при дворахъ всѣхъ литовскихъ князей, такъ и у высшихъ сановниковъ употребляется исключительно русскій языкъ; дипломатическая переписка

и все дѣлопроизводство въ канцеляріяхъ Литовскаго государства совершается на русскомъ языкѣ. Чтенію и письму молодые люди учатся, по словамъ посла, въ школахъ, которыхъ очень много при русскихъ монастыряхъ. Многіе русскіе ученые прибыли въ Литву и принесли свои познанія, говоритъ Кибуртъ, съ восточной стороны Днѣпра во время татарскаго нашествія. Когда Кибуртъ завелъ о русскихъ рѣчь съ католическимъ епископомъ Василлою, то этотъ послѣдній неодобрительно отозвался о нихъ и при этомъ высказалъ глубокое сожалѣніе о господствѣ русскаго языка, русской письменности и вообще русской образованности въ Литвѣ. Съ своей стороны, Кибуртъ, какъ видно изъ его же дневника, высказалъ сожалѣніе, что правительство, обращая литовцевъ съ католичество, оставляетъ въ покоѣ русскихъ, вѣра которыхъ, по его словамъ, „есть не что иное, какъ манихейство", съ чѣмъ вполнѣ согласился и самъ епископъ.

Послѣ осмотра города Вильны и его окрестностей, Кибуртъ вмѣстѣ со своею свитою былъ принятъ Витовтомъ, по возвращеніи его въ столицу. Онъ подробно описываетъ какъ главную оффиціальную аудіенцію, такъ и послѣдовавшую затѣмъ частную аудіенцію. Представленіе посольства произошло при торжественной обстановкѣ, съ разнаго рода придворными церемоніями. У входа во дворецъ нѣмецкое посольство нашло богато одѣтыхъ слугъ почетныхъ дворянъ; двери парадной пріемной залы охраняли восемь огромнаго роста стражниковъ, съ длинными усами и гладко-выбрытыми подбородками; на головахъ этихъ стражниковъ были надѣты черныя мѣховыя шапки, обвитыя спирально золотыми цѣпями, кисти которыхъ падали на плечи; шапки застегивались на подбородкахъ золотистой чешуей; въ рукахъ стражники имѣли бердыши изъ серебра и полированной стали. Когда Кибуртъ вмѣстѣ съ посольствомъ вступилъ въ аудіенцъ-залу, то взорамъ ихъ представилась богато и роскошно убранная, огромныхъ размѣровъ, комната, среди которой, на возвышеніи, покрытомъ малиновымъ бархатомъ, стояло золотое, усыпанное дорогими камнями, кресло; на этомъ креслѣ сидѣлъ Витовтъ. По сторонамъ трона стояло по два пажа въ бѣлыхъ одеждахъ, а далѣе, на стульяхъ, помѣщались вельможи и сенаторы Витовта. Приблизясь къ трону, посольство сдѣлало поклонъ, на что Витовтъ также отвѣтилъ поклономъ; при этомъ Кибуртъ вручилъ князю собственноручное письмо великаго магистра Тевтонскаго ордена. Эта аудіенція продолжалась всего нѣсколько минутъ и ограничилась только взаимными поклонами, врученіемъ письма и спросомъ о здоровьѣ. Затѣмъ послѣдовала частная аудіенція, происходившая въ залѣ дипломатической канцеляріи. Какъ обстановку самой залы, такъ равно одежду и наружный видъ Витовта Кибуртъ описалъ подробно въ своемъ дневникѣ. Залъ дипломатической канцеляріи, говоритъ Кибуртъ, представлялъ весьма просторную комнату, которая вся была обита роскошными во-

сточными коврами. Посреди комнаты стоялъ большой столъ, также покрытый дорогимъ ковромъ; на столѣ находились: вызолоченное распятіе, великокняжеская корона, мечъ и золотой скипетръ. На передней стѣнѣ утверждено было изображеніе Богоматери, вылитое изъ золота и серебра; предъ изображеніемъ горѣла хрустальная лампада, висящая на золотой цѣпочкѣ. Когда явилось сюда посольство, то князь находился уже въ залѣ. Одѣтъ былъ Витовтъ, по словамъ Кибурта, въ желтый шелковый камзолъ, застегнутый до горла золотыми пуговицами, на золотыхъ петлицахъ; на ноги у него надѣты были розовые порты и красные кожаные сапоги, съ золотыми шпорами. По камзолу Витовтъ опоясанъ былъ дорогимъ поясомъ, шитымъ золотомъ, изъ-за котораго выглядывала рукоятка кинжала, осыпанная драгоцѣнными камнями. Сверхъ камзола былъ накинутъ короткій кафтанъ гранатнаго цвѣта, литовскаго покроя. Голова его было покрыта шляпою въ родѣ испанскаго сомбреро. Витовтъ, по словамъ Кибурта, недурно говорилъ по-нѣмецки, иногда примѣшивая латинскія фразы, такъ какъ воспитанъ былъ плѣннымъ нѣмецкимъ рыцаремъ. По наружности своей Витовтъ былъ довольно красивый мужчина: средняго роста, крѣпкаго и полнаго тѣлосложенія, лицо его было очень моложаво, бороды и усовъ онъ не носилъ и взглядъ имѣлъ привлекательный—черта, которую онъ наслѣдовалъ отъ своей матери Бейруты. Вообще, орденскій посолъ обрисовываетъ великаго князя литовскаго Витовта весьма привлекательными чертами. По свидѣтельству посла, Витовтъ, подобно своему дядѣ Ольгерду, не любилъ ни охоты, ни шумныхъ пировъ, ни безумныхъ потѣхъ; почти ничего не пилъ изъ охмеляющихъ напитковъ и очень умѣренъ былъ въ пищѣ. Въ обращеніи, по словамъ Кибурта, Витовтъ былъ весьма сдержанъ и даже холоденъ, мало смѣялся, всякое извѣстіе—хорошее или дурное—выслушивалъ съ лицомъ безстрастнымъ; но для своего народа былъ очень доступенъ. О дѣятельности же Витовта орденскій посолъ говоритъ слѣдующее: Витовтъ уменъ и дѣятеленъ; въ короткое время своего единодержавія онъ успѣлъ возстановить полный порядокъ, нарушенный предыдущими смутами и убійствами, и пополнилъ опустѣвшую великокняжескую казну. Онъ самъ объѣзжалъ провинціи своего государства, надзиралъ за хозяйствомъ коронныхъ имѣній, посѣщалъ вассальныхъ князей и такимъ образомъ собиралъ большіе доходы. Сидя дома, когда не было войны и походовъ, Витовтъ проводилъ все время или въ Новыхъ-Трокахъ, гдѣ у него на островѣ озера Гальвы былъ великолѣпный замокъ, или же въ Старыхъ-Трокахъ, въ деревянномъ дворцѣ. Въ Вильнѣ, по словамъ Кибурта, Витовтъ былъ рѣдкимъ гостемъ; если же онъ когда сюда и пріѣзжалъ, то всегда останавливался въ небольшомъ деревянномъ домикѣ на берегу Виліи, и дворъ, за неимѣніемъ помѣщенія, располагался тутъ же, на берегу рѣки, военнымъ лагеремъ.

Таково содержаніе дневника, написаннаго Кибуртомъ, хотя въ подлинникѣ его нѣкоторые изъ ученыхъ сомнѣваются [1]).

Миръ Витовта съ рыцарями. Смерть Ядвиги. Признаніе Новгородомъ зависимости отъ Витовта. Какъ долго нѣмецкое посольство, во главѣ котораго стоялъ Кибуртъ, пробыло въ Вильнѣ—мы хорошо не знаемъ, но результатъ его намъ извѣстенъ: рыцари согласились смягчить для Витовта тѣ условія мира, которыя они раньше предложили было. Новыя условія мира (въ измѣненномъ видѣ) были слѣдующія: а) Витовтъ позволяетъ распространять католичество среди своихъ подданныхъ; б) Витовтъ уступаетъ ордену Жмудь (тѣ части литовской территоріи, которыя прилегаютъ къ ордену, какъ сказано въ подлинникѣ); в) Витовтъ поможетъ ордену построить три крѣпости на границѣ, а рыцари отпустятъ его брата Сигизмунда, бывшаго въ плѣну съ 1391 года; г) Витовтъ будетъ содѣйствовать рыцарямъ въ покореніи Пскова, а тѣ ему—Новгорода Великаго, и, наконецъ, д) Витовтъ обязуется никакого войска, даже христіанскаго, не пропускать черезъ свои владѣнія въ Пруссію. Послѣдняя статья, очевидно, направлена была противъ поляковъ, такъ какъ, судя по географическому положенію Польши, Литвы и Пруссіи, только войска первой, въ случаѣ войны съ орденомъ, могли бы проходить черезъ территорію Витовта во владѣнія послѣдней. Поэтому, лишь только въ Краковѣ сдѣлался извѣстенъ этотъ договоръ, какъ польскіе паны выразили страшное неудовольствіе на литовскаго князя. Въ поступкѣ его польскіе паны прежде всего увидѣли нарушеніе сюзеренныхъ правъ Ягайлы, а затѣмъ стремленіе его къ обособленію Литовскаго государства. Вслѣдствіе этого они потребовали отъ Ягайлы энергическихъ мѣръ противъ литовскаго князя. Но Ягайло по своей обычной лѣности не рѣшился самъ лично дѣйствовать противъ Витовта, а предоставилъ это своей женѣ. Ядвига же по сему поводу написала письмо къ литовскому князю. Въ письмѣ своемъ королева укорила Витовта въ томъ, что онъ дѣйствуетъ безъ согласія ея мужа, какъ сюзерена, и въ заключеніе потребовала отъ князя, какъ вассала Польши, дани. Но требованіе это не испугало Витовта. Получивши письмо Ядвиги, онъ созвалъ сеймъ въ Вильнѣ, на которомъ членамъ его предложилъ такого рода вопросъ: считаютъ ли они себя подданными короны польской въ такой степени, что обязаны платить дань королевѣ? Вопросъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, вызвалъ цѣлую бурю. Сеймовые члены единогласно отвѣтили: „мы не подданные Польши, мы всегда были вольны; наши предки никогда не платили дани полякамъ и мы не будемъ платить и останемся навсегда при своихъ вольностяхъ". Отвѣтъ понравился князю,

---

[1]) Такъ, въ подлинникѣ дневника Кибурта сомнѣвается проф. Петерб. университета Васильевскій.

онъ одобрилъ его. Послѣ этого Витовтъ далъ гордый отвѣтъ Ядвигѣ на ея письмо и отказался отъ дани. Вообще, съ этого времени литовскій князь по отношенію къ полякамъ сталъ вести себя надменно. Отказъ Витовта отъ дани, а слѣдовательно и отъ вассальной зависимости болѣе всего поразилъ Ядвигу, принесшую столько жертвъ въ пользу соединенія Литвы съ Польшею. Послѣ этого удара королева прожила не болѣе года. Въ 1399 году она, разрѣшившись отъ бремени дочерью, умерла. Дочь скоро тоже умерла—черезъ три недѣли послѣ рожденія.

Между тѣмъ Витовтъ, обнаруживши непріязнь къ Польшѣ, рѣшился сильнѣе закрѣпить свою дружбу съ нѣмецкимъ орденомъ. Онъ просилъ свиданія съ магистромъ. Свиданіе это назначено было на островѣ рѣки Дубиссы Салинѣ. 12-го октября 1398 года прусскій магистръ Конрадъ Юнгингенъ вмѣстѣ съ ливонскимъ магистромъ и епископомъ ермландскимъ и самландскимъ и со многими знатнѣйшими рыцарями прибылъ на островъ Салинъ. Въ тотъ же день сюда прибылъ и Витовтъ съ женою Анною, дядею Владимиромъ и князьями: Юріемъ Пинскимъ, Михаиломъ Заславскимъ, Александромъ Стародубскимъ, Иваномъ Ольшанскимъ и Иваномъ Друцкимъ, знатнѣйшими боярами и многими поляками, любимцами его и состоящими у него на службѣ.

На этомъ съѣздѣ прежде всего подтверждены были вышеозначенныя статьи договора, а затѣмъ между рыцарями и Витовтомъ заключена была братская дружба, въ силу которой обѣ стороны обязывались помогать другъ другу противъ враговъ. Послѣ же этого начались веселые пиры. На одномъ изъ нихъ, подпившіе рыцари, зная о намѣреніи Витовта (можетъ быть онъ и самъ имъ въ откровенной бесѣдѣ сообщилъ), что онъ съ помощью Тохтамыша желаетъ образовать изъ Литвы обширное и самостоятельное государство, провозгласили тостъ въ честь будущей самостоятельности литовскаго князя и при этомъ назвали его королемъ и просили постоянно величать его такъ. Но Витовтъ, какъ менѣе всѣхъ охмелѣвшій, не увлекся словами рыцарей; притворившись скромникомъ, онъ отвѣтилъ, что не смѣетъ еще почитать себя достойнымъ такого великаго титула. Но, конечно, не скромность заставила Витовта отказать въ просьбѣ рыцарямъ, а боязнь раздраженія поляковъ, которые и безъ того съ нѣкотораго времени стали подозрительно смотрѣть на него; раздражить же поляковъ въ такую минуту, когда онъ собирался идти на татаръ, по меньшей мѣрѣ было неразумно.

Заключивши союзъ и дружбу съ тевтоно-ливонскими рыцарями, Витовтъ прежде всего задумалъ подчинить своей власти Великій Новгородъ, зная, что теперь сему городу больше не откуда ждать помощи.

Съ этою цѣлію литовскій князь сейчасъ же послѣ салинскаго съѣзда послалъ пословъ въ Великій Новгородъ съ объявленіемъ войны. Мотивомъ сего онъ выставилъ новгородцамъ отказъ ихъ подчиниться ему, когда онъ требовалъ этого вмѣстѣ съ зятемъ своимъ, московскимъ княземъ, два года тому назадъ, во время пребыванія ихъ въ Смоленскѣ. Требованіе это страшно поразило новгородцевъ; начать борьбу съ литовскимъ княземъ они не могли, во-первыхъ, потому, что у нихъ не было союзниковъ, а во-вторыхъ, потому что они только что кончили войну съ московскимъ княземъ за двинскія земли и вслѣдствіе этого были страшно утомлены. Поэтому дѣло сіе кончилось тѣмъ, что Новгородъ Великій призналъ свою зависимость отъ Витовта.

Покончивши съ Новгородомъ, Витовтъ цѣлую зиму 1398 года отдыхалъ, а когда настало лѣто, задумалъ сдѣлать набѣгъ на области Золотой Орды. Вѣроятно онъ этимъ хотѣлъ узнать внутреннее состояніе орды и ея могущество, чтобы потомъ смѣлѣе начать борьбу за Тохтамыша. Витовтъ разорилъ нѣсколько татарскихъ улусовъ, построилъ на нижнемъ теченіи Днѣпра крѣпость Ивановскую и съ огромнымъ полономъ татаръ вернулся домой. Захваченныхъ въ плѣнъ татаръ литовскій князь поселилъ въ Волынской области; потомки ихъ до настоящаго времени существуютъ въ Литвѣ.

Обезпечивши территорію Литовскаго государства отъ нападенія рыцарей и убѣдившись изъ послѣдняго похода въ слабости Золотой Орды, Витовтъ задумалъ теперь привести въ исполненіе договоръ, заключенный Тохтамышемъ касательно возведенія сего послѣдняго на престолъ сарайскихъ татаръ.

Битва на Ворсклѣ и ея слѣдствія для Витовта. Наступилъ знаменитый для Витовта 1399 годъ и нужно прибавить—несчастный. Литовскій князь цѣлую зиму и весну готовился къ походу на Золотую Орду, гдѣ въ это время продолжалъ управлять ханъ Тимуръ-Кутлай вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, умнымъ и опытнымъ старымъ Эдигеемъ. Предъ походомъ Витовтъ обратился къ папѣ Бонифацію IX за благословеніемъ. Папа не только благословилъ литовскаго князя на борьбу съ татарами, но даже послалъ особую буллу къ польскому и литовскому духовенству съ приказаніемъ объявить всѣмъ католикамъ, что если кто пожелаетъ идти на помощь Витовту, то тому будутъ прощены всѣ прошедшіе грѣхи. И дѣйствительно, благодаря папской буллѣ, а также энергическимъ дѣйствіямъ самого Витовта, подъ знамена сего послѣдняго собралось болѣе 70 тысячъ войска. Тутъ было до 50 подручныхъ литовскому князю мелкихъ князей. Въ составъ Витовтовой рати вошли: русскіе князья съ своими дружинами, многіе польскіе паны съ своими отрядами, татарское ополченіе, предводительствуемое Тохтамышемъ, и до 600 рыцарей, закованныхъ въ желѣзныя латы.

Выступивши изъ Вильны, Витовтъ направился къ Кіеву. Въ половинѣ іюля, недалеко отъ этого города, онъ перешелъ Днѣпръ и углубился съ степи. Миновавъ рѣки Сулу и Пселъ, литовскій князь въ началѣ августа остановился на правой сторонѣ Ворсклы. На лѣвомъ берегу уже стоялъ съ небольшимъ отрядомъ татаръ ханъ Золотой Орды Тимуръ-Кутлай и поджидалъ сюда съ большимъ войскомъ Эдигея. Боясь, чтобы Витовтъ не воспользовался малочисленностію его войска и не напалъ бы на него, ханъ Кутлай пустился на хитрость: онъ вступилъ въ переговоры съ Витовтомъ и старался какъ можно долѣе протянуть ихъ, съ тою цѣлію, чтобы Эдигей успѣлъ до начала битвы подойти къ нему. „Зачѣмъ ты идешь на меня, когда я не нападалъ на твои владѣнія", послалъ сказать литовскому князю Тимуръ-Кутлай. Витовтъ, не сознавая этой хитрости, отвѣтилъ такими гордыми словами: „Господь далъ мнѣ владычество надъ міромъ, поэтому плати мнѣ дань и будь моимъ сыномъ". Кутлай согласился на это, о чемъ и сообщилъ Витовту. Но литовскій князь, польщенный уступчивостію хана, послалъ къ нему посла съ новымъ требованіемъ, чтобы татары чеканили на своихъ монетахъ изображеніе ею и гербъ Литовскаго государства. На это требованіе Тимуръ-Кутлай отвѣтилъ отказомъ, такъ какъ это противно его религіи, но все-таки попросилъ три дня на размышленіе. Витовтъ согласился. Въ продолженіе этихъ трехъ дней Кутлай, чтобы усыпить литовскаго князя, посылалъ ему все новые и новые дары, пока не подошелъ старый мурза Эдигей съ новымъ огромнымъ войскомъ, а этого только и ждалъ ханъ Золотой Орды—теперь силы его утроились. Кутлай передалъ о своихъ переговорахъ Эдигею, а тотъ попросилъ Витовта выйти на берегъ для новыхъ переговоровъ. „Князь!" закричалъ старый мурза Эдигей съ противоположной стороны рѣки Ворсклы, „если Тимуръ-Кутлай хочетъ платить тебѣ дань и быть твоимъ сыномъ, то это онъ дѣлаетъ справедливо, потому что онъ гораздо моложе тебя; но посмотри на меня: я старше тебя, потому ты теперь долженъ платить мнѣ дань, изображать мою печать на литовскихъ монетахъ и быть мнѣ сыномъ". Въ отвѣтъ на это Витовтъ приказалъ своему войску выступить изъ лагеря, окруженнаго телѣгами и желѣзною цѣпью, перейти рѣку и наказать дерзкаго мурзу за его оскорбительныя слова. Спытка изъ Мельштина, владѣтель Подолія на правахъ литовскаго вассала, хотѣлъ было удержать Витовта отъ этого безумнаго распоряженія, указывая на численное превосходство татаръ (ихъ было до 200 тысячъ, какъ нѣкоторые говорятъ), но напрасно: совѣтъ его возбудилъ ропотъ среди нѣкоторыхъ польскихъ пановъ; одинъ изъ нихъ, по имени Павелъ Щуковскій, даже закричалъ на него: „тебѣ жаль разстаться съ своею красивою женою и своими богатствами, а потому и трусишь битвы; если такъ, то уходи домой, по крайней мѣрѣ не будешь смущать тѣхъ, которые не страшатся битвы и желаютъ умереть слав-

ною смертію на полѣ битвы". На эти слова, какъ разсказываютъ нѣкоторые, будто бы Спытка отвѣтилъ такъ: „Нѣтъ, я не боюсь смерти и мнѣ не жаль моей жены и моихъ богатствъ и я чувствую, что сегодня же лягу въ честномъ бою, а ты, какъ трусъ, убѣжишь съ поля битвы". Если это была правда, то слова Спытки сбылись. 1399 г. 12 августа, во вторникъ, послѣ полудня, началась знаменитая битва. Стрѣляли изъ пушекъ и пищалей; цѣлымъ дождемъ сыпались стрѣлы и копья. Крѣпко бились воины Витовта, особенно русскіе полки, какъ говорятъ лѣтописцы. Литовскій князь уже началъ было одолѣвать татаръ и полки Эдигея стали было отступать, но въ это самое время Тимуръ-Кутлай обошелъ кругомъ Витовтову рать и ударилъ съ тылу; воины Витовта, не ожидая нападенія татаръ сзади, сначала пришли въ замѣшательство, а потомъ, когда татары стали ихъ поражать еще и спереди, и съ боковъ и при этомъ поднялась страшная пыль, бросили оружіе и въ ужасѣ обратились въ бѣгство. Первымъ побѣжалъ Тохтамышъ, а за нимъ и Витовтъ съ небольшимъ остаткомъ воиновъ. Эдигей и Кутлай бросились въ погоню, триста верстъ гнались за ними и не догнали. Побѣдителямъ все досталось: обозъ, палатки, оружіе и множество плѣнныхъ. Въ этой битвѣ съ обѣихъ сторонъ пало около 100 тысячъ. Въ числѣ убитыхъ изъ Витовтова войска были: Андрей и Димитрій Ольгердовичи, тѣ самые, которые бились на Куликовомъ полѣ съ Мамаемъ, Глѣбъ Святославовичъ, князь смоленскій, Иванъ Юрьевичъ—бельзскій, Спытка изъ Мельштина и др. [1]). Преслѣдуя Витовта, Эдигей и Тимуръ-Кутлай напали на Кіевъ и взяли съ него откупъ 3000 рублей и еще 30 съ Кіево-Печерской лавры. Затѣмъ татары ворвались въ Волынскую область и страшно опустошили ее до самаго Луцка.

Послѣ битвы на Ворсклѣ Тимуръ-Кутлай недолго жилъ: черезъ годъ онъ умеръ; мѣсто его заступилъ братъ его Шадибекъ, при которомъ Эдигей также оставался полководцемъ и главнымъ совѣтникомъ. Что же касается Тохтамыша, то по однимъ извѣстіямъ, онъ погибъ въ южной Сибири, въ борьбѣ съ какими-то кочевниками, а по другимъ—отъ руки Эдигея. Самъ же Эдигей послѣ вышеозначенной битвы прожилъ въ Золотой Ордѣ болѣе 20 лѣтъ. При концѣ жизни онъ, по словамъ Длугоша, будто бы призналъ свою зависимость отъ Витовта; но этому вполнѣ довѣрять нельзя: Длугошъ вообще пристрастно относится къ Витовту за его любовь къ католичеству и преданность папѣ.

За походомъ Витовта противъ татаръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили и поляки, и нѣмцы, и московскіе люди, особенно послѣдніе, потому что отъ результата сего похода зависѣлъ дальнѣйшій

---

[1]) Щуковскій же панъ дѣйствительно позорно бѣжалъ съ поля битвы, согласно предсказанію Спытки.

успѣхъ въ развитіи Русскаго государства; если нельзя рѣшительно утверждать, что торжество Витовта и Тохтамыша надъ Кутлаемъ и Эдигеемъ привело бы Москву и всю остальную Русь къ подчиненію власти литовскаго князя, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно грозило большою бѣдою имъ: собираніе раздробленной Руси московскими князьями навѣрно пріостановилось бы на долго.

Послѣ битвы на Ворсклѣ положеніе Витовта было очень незавидное, потому что сосѣди, пользуясь этимъ, одинъ за другимъ стали обнаруживать противъ него враждебное настроеніе: смольняне, новгородцы и нѣмецкіе рыцари почти въ одно время стали проявлять это настроеніе. Смирить сосѣдей и снова поднять въ ихъ глазахъ свой авторитетъ Витовтъ собственными силами не могъ: „ибо", говоритъ одинъ лѣтописецъ, „послѣ пораженія на Ворсклѣ онъ оскудѣлъ людьми до конца". Ему, очевидно, нужна была сторонняя помощь, чтобы поправить свои обстоятельства. И дѣйствительно, онъ обратился за нею къ Ягайлѣ и при этомъ сильно понизилъ свой высокомѣрный тонъ предъ польскими панами. По сему поводу въ январѣ 1401 года былъ съѣздъ двоюродныхъ братьевъ и польско-литовскихъ бояръ въ Вильнѣ. Пользуясь приниженностію и слабостію Витовта, польскіе паны рѣшились отомстить ему тѣмъ, что потребовали составленія формальнаго акта соединенія Литовскаго государства съ Польскимъ и притомъ такого акта, который бы написанъ былъ по всей ихъ волѣ. Витовтъ согласился на это, и актъ былъ составленъ и подписанъ всѣми членами сейма. Суть этого замѣчательнаго акта была слѣдующая: 1) литовскіе прелаты, князья, паны и шляхта обѣщаются быть за одно съ польскимъ королемъ и королевствомъ; 2) они обязываются возвратить по смерти Витовта всѣ владѣнія его Польшѣ, и 3) даютъ клятву признать власть польскаго короля и никого не выбирать въ государи Литвы безъ вѣдома поляковъ. Это былъ первый формальный актъ, которымъ подтверждалась и узаконялась политическая унія Литвы съ Польшею. Этимъ же актомъ впервые устанавливался законъ наслѣдованія великокняжескаго достоинства въ Литовскомъ государствѣ: сіе послѣднее становилось принадлежностью Ягайлы и его рода, между тѣмъ какъ до той поры не было подобнаго, точно опредѣленнаго законоположенія. И наконецъ, этимъ же актомъ Литовское государство, поступая какъ бы въ полное владѣніе Ягайлы и его потомковъ, попадало въ безконтрольное распоряженіе польскаго духовенства и польскихъ пановъ, по той простой причинѣ, что въ Польшѣ король не имѣлъ никакого значенія.

Но, говоря о семъ съѣздѣ, мы должны еще замѣтить, что на немъ не было православно-русскихъ депутатовъ, по крайней мѣрѣ мы не видимъ ихъ подписей подъ вышеозначеннымъ актомъ [1]). Если же они

---

[1]) См. сочиненіе профессора Дашкевича „Замѣтки по исторіи Литовскаго государства". 1885 г., стр. 126, примѣчаніе.

были, какъ говорятъ нѣкоторые, то трудно допустить, чтобы оставили этотъ актъ безъ протеста и рѣшились бы добровольно отдать себя въ жертву лицамъ чуждой національности и религіи. Отсутствіе православно-русскихъ депутатовъ на виленскомъ съѣздѣ и ихъ подписей на договорномъ актѣ отчасти объясняетъ то, что впослѣдствіи православно-русское населеніе Литовскаго государства никогда не признавало законности вышеозначеннаго акта, да и сами поляки почти никогда не ссылались на него.

Такимъ-то способомъ польскіе паны отомстили Витовту за его высокомѣріе, какое онъ проявлялъ относительно ихъ незадолго до битвы на Ворсклѣ. Но въ то же время они помогли ему снова усилиться и дали возможность одолѣть смольнянъ, новгородцевъ и рыцарей.

Дѣла смоленскія. Послѣ пораженія Витовта на Ворсклѣ, прежде всѣхъ произошло возстаніе противъ литовскаго князя въ Смоленскѣ. Тамъ въ 1401 году бояре и народъ, преданные Юрію Святославовичу, который въ сіе время продолжалъ проживать у своего тестя, рязанскаго князя Олега, порѣшили снова возвести его на отцовскій столъ и съ этою цѣлію отправили къ нему въ Рязань пословъ. Въ началѣ 1401 года тесть и зять вмѣстѣ съ другими рязанскими удѣльными князьями подступили къ Смоленску и расположились вокругъ него лагеремъ. Отсюда Олегъ отправилъ въ городъ грамоту, въ которой требовалъ немедленной его сдачи, въ противномъ случаѣ обѣщался долго простоять и все предать огню и мечу. По поводу этого требованія въ Смоленскѣ между боярами произошла распря: одни хотѣли сейчасъ же впустить къ себѣ Олега и посадить на столъ Юрія (очевидно этого хотѣла партія, приверженная Юрію, такъ называемая національная партія), а другіе и слышать объ этомъ не хотѣли (партія литовская). Къ послѣдней партіи между прочимъ принадлежалъ и намѣстникъ Витовта Романъ Михайловичъ Брянскій съ братьями. Но первая партія одолѣла: Смоленскъ былъ сданъ и тогда началась расправа; прежде всѣхъ погибъ Романъ Михайловичъ съ братьями, а потомъ перебиты были и тѣ бояре, которые держали сторону Витовта. Утвердивши Юрія на смоленскомъ престолѣ, Олегъ пошелъ на литовскія владѣнія и въ нѣкоторыхъ областяхъ произвелъ страшныя опустошенія, причемъ плѣнилъ много народу.

Между тѣмъ о занятіи Смоленска Юріемъ Святославовичемъ сдѣлалось извѣстно Витовту. Литовскій князь немедленно двинулся туда. Четыре недѣли онъ простоялъ подъ городомъ, но взять его не могъ. Въ декабрѣ 1401 года Витовтъ долженъ былъ вернуться домой, такъ какъ въ это время открывался вышеозначенный съѣздъ въ его столицѣ для окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею; притомъ еще и жители Жмуди просили его вернуться и помочь имъ противъ рыцарей. Возвращаясь въ Вильну, Витовтъ поручилъ продолжать борьбу

съ Юріемъ и его тестемъ Олегомъ своему двоюродному брату Лугвеню (Симеону) Ольгердовичу и двоюродному племяннику Александру Патрикіевичу. Въ 1402 году у села Любутска, въ нынѣшней Калужской губерніи, между смоленско-рязанскою ратью, которою командовалъ сынъ Олега Рязанскаго Родославъ, и литовскими полками произошла битва; дрались цѣлый день и дѣло кончилось пораженіемъ Родослава, причемъ самъ онъ попался въ плѣнъ, былъ отосланъ къ Витовту, гдѣ и пробылъ три года въ тяжкомъ заключеніи, пока не былъ выкупленъ за 3000 рублей. Любутское пораженіе и плѣнъ Родослава сильно подѣйствовали на Олега Рязанскаго: онъ не перенесъ сего несчастія и скоро умеръ съ горя. Но, не смотря на все это, Смоленскъ все-таки не былъ взятъ и остался въ рукахъ Юрія. Въ слѣдующемъ году Лугвень Ольгердовичъ взялъ Вязьму, пригородокъ Смоленска. Весною 1404 года Витовтъ самъ явился къ Смоленску, осадилъ его, но и онъ не могъ овладѣть городомъ. Причиною тому были рыцари, которые въ это время вторглись въ его владѣнія.

Взятіе Вязьмы и энергическія дѣйствія Витовта заставили Юрія Святославовича искать помощи у московскаго князя Василія Димитріевича. По этому поводу онъ лично отправился къ сему послѣднему и тамъ обратился къ великому князю съ слѣдующими словами: „Князь Василій! помоги мнѣ. Тебѣ это возможно, потому что Витовтъ тебѣ тесть и у тебя съ нимъ большая дружба. Помири меня съ нимъ, чтобы онъ не обижалъ меня. Если онъ ни слезъ моихъ, ни твоего дружескаго совѣта не послушаетъ, то помоги мнѣ такъ, изъ состраданія, и не отдавай меня на съѣденіе ему. Если же и этого не хочешь, то возьми городъ мой за себя, владѣй лучше ты имъ, а не поганая Литва“. Василій обѣщался помочь, но медлилъ: вѣроятно, какъ нѣкоторые думаютъ, у него не хватало, такъ сказать, духа поднять мечъ на тестя, а можетъ быть его удерживала отъ этого жена Софія, дочь Витовта. Какъ бы то ни было, только Василій Димитріевичъ дѣйствительно медлилъ подать помощь Юрію Святославовичу, а этимъ воспользовались тѣ изъ смоленскихъ бояръ, которые преданы были Витовту: они, какъ только Юрій уѣхалъ въ Москву, сейчасъ же дали знать объ этомъ литовскому князю, чтобы тотъ поспѣшилъ занять городъ, пока Юрій вернется съ московскою помощію. Извѣстіе это получено было Витовтомъ какъ разъ въ то время, когда онъ готовился къ походу на рыцарей. Поэтому литовскій князь немедленно пріостановилъ свои приготовленія, заключилъ вѣчный миръ съ нѣмцами, затѣмъ быстро двинулся къ Смоленску. При помощи преданныхъ бояръ Витовтъ овладѣлъ городомъ безъ боя, причемъ плѣнилъ жену Юрія со всѣмъ семействомъ и многихъ бояръ, изъ которыхъ болѣе половины казнилъ, какъ бывшихъ сторонниковъ Юрія. Уходя изъ Смоленска, литовскій князь оставилъ тамъ своего намѣстника съ сильнымъ гарнизономъ, а жителямъ города далъ боль-

шія льготы, съ цѣлію привязать ихъ къ себѣ. Когда московскій князь узналъ о взятіи Смоленска, то, по словамъ одной лѣтописи, сильно разсердился на Юрія Святославовича и въ гнѣвѣ закричалъ на него: „Ты пріѣхалъ сюда съ обманомъ, приказавши смольнянамъ сдать городъ". Но, кажется, это былъ напускной гнѣвъ Василія: ему хотѣлось свалить вину на Юрія и отдѣлаться отъ него. И дѣйствительно, Юрій, видя гнѣвъ московскаго князя, бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ принятъ былъ очень ласково; новгородцы дали ему во владѣніе три города, причемъ обѣ стороны цѣловали другъ другу крестъ не разлучаться ни въ сей жизни, ни въ будущей. Это было въ 1405 году.

Такъ пало знаменитое Смоленское княжество, отчина Ростиславичей. Послѣ этого Смоленскъ болѣе 200 лѣтъ находился подъ властію Литвы.

Дѣла новгородскія. Походы Витовта на Москву. Мы недавно видѣли, что новгородцы незадолго до битвы на Ворсклѣ признали свою зависимость отъ Витовта. Но лишь только разнеслась вѣсть о пораженіи Витовта татарами и достигла Новгорода, какъ московская партія подняла бунтъ; съ помощію черни (т. е. простого народа, который всегда стоялъ за Москву) она избила до полусмерти приверженцевъ Литвы, захватила власть въ свои руки и дала объ этомъ знать Василію Димитріевичу. Литовская партія, съ своей стороны, донесла о случившемся въ Новгородѣ Витовту и просила у него помощи; но такъ какъ это произошло сейчасъ послѣ несчастной битвы на Ворсклѣ, то Витовтъ отказалъ въ помощи литовской партіи въ Новгородѣ. Только годъ спустя, именно въ 1402 году, послѣ виленскаго съѣзда, онъ, заручившись дружбою и помощью польскихъ пановъ, рѣшился было выступить противъ новгородцевъ. Но тамъ уже до этого дѣла приняли благопріятный оборотъ для Витовта: московская партія, не получая поддержки отъ Василія Димитріевича, смирилась и просила прощенія у Витовта. Витовтъ простилъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Прошло болѣе четырехъ лѣтъ послѣ этого. Витовтъ, занятый борьбою то съ Юріемъ Смоленскимъ, то съ нѣмецкими рыцарями, не обращалъ вниманія на Новгородъ, а между тѣмъ московская партія снова подняла тамъ интригу и стала хлопотать о подчиненіи Новгорода Василію Димитріевичу. Вслѣдствіе этого Витовтъ послѣ взятія Смоленска и заключенія мира съ рыцарями [1]), въ началѣ 1405 года, послалъ объявленіе войны въ одно время и Новгороду, и его пригороду Пскову [2]). Мотивомъ сего Витовтъ выставилъ то, что они приняли въ свои предѣлы и обласкали его главнаго врага Юрія Свято-

---

[1]) О борьбѣ Витовта съ рыцарями и о мирѣ съ ними см. ниже.

[2]) Послѣдній также принималъ участіе въ интригахъ противъ литовскаго князя.

славовича Смоленскаго. Вслѣдъ за этимъ литовскій князь напалъ на г. Коложу (Псковской области), взялъ его приступомъ и вывелъ оттуда, по словамъ лѣтописца, 11,000 плѣнныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Затѣмъ онъ подступилъ къ г. Вороничу; два дня стоялъ около него, но взять не могъ, зато пожегъ и разграбилъ предмѣстья города, а также зарѣзалъ и задушилъ много людей всякаго пола и возраста, причемъ одними мертвыми трупами младенцевъ нагрузили двѣ лодки. „Такой мерзости", прибавляетъ лѣтописецъ, „не было съ тѣхъ поръ, какъ Псковъ основанъ". Новгородцы и псковитяне, не надѣясь собственными силами одолѣть литовскаго князя, послали просить помощи у Василія Димитріевича. Московскій князь на этотъ разъ рѣшился начать борьбу съ Витовтомъ: онъ ясно видѣлъ, что тесть его, захвативши Смоленскъ, думаетъ овладѣть Новгородомъ и Псковомъ, удѣлами, на которые уже давнымъ-давно Москва имѣла виды. Въ 1406 году Василій Димитріевичъ первый послалъ объявленіе войны. Витовтъ, получивши отъ зятя „разметную грамоту" (объявленіе войны), на первыхъ порахъ растерялся, а потомъ пришелъ въ такую ярость, что велѣлъ схватить въ своихъ владѣніяхъ и перебить всѣхъ московскихъ людей, рѣшительно ни въ чемъ неповинныхъ.

Между тѣмъ, лишь только разнеслась вѣсть по Литовскому государству о разрывѣ тестя съ зятемъ, какъ внутри его не замедлили обнаружиться плоды фальшивой и безтактной политики Витовта: съ этого времени русскіе православные князья, бояре и духовенство (нерѣдко и природные литвины) цѣлыми толпами начинаютъ убѣгать изъ Литовскаго государства въ Московское, а потому съ сего времени нужно считать начало разложенія могучей державы Гедиминовой. Послѣ объявленія войны Василіемъ Витовту, первымъ изъ литовскихъ князей, отъѣхавшихъ въ Москву, былъ Александръ Ивановичъ Нелюбъ, князь ольшанскій [1]); и притомъ онъ отъѣхалъ не одинъ, а съ дружиною и множествомъ знатныхъ бояръ и людей. Вслѣдъ за нимъ прибылъ къ Василію Димитріевичу князь вяземскій Симеонъ (тоже бывшій подручникъ Витовта). Нелюбъ получилъ отъ московскаго князя Переяславль, а Симеонъ Торжокъ [2]).

---

[1]) Впослѣдствіи Ягайло женился на его племянницѣ Софіи Андреевнѣ.

[2]) Въ одно время съ Симеономъ въ Москву пріѣхалъ изъ Новгородской земли Юрій Святославовичъ. Василій Димитріевичъ поселилъ и его въ Торжкѣ, гдѣ былъ и Симеонъ, и позволилъ ему пользоваться нѣкоторыми доходами Торжской области. Юрій, живя въ Торжкѣ, влюбился въ жену Симеона. Желая овладѣть ею, онъ убилъ Симеона. Но когда затѣмъ Юрій хотѣлъ обезчестить жену Симеона силою, то она ударила его ножомъ подъ мышку и бѣжала; Юрій же догналъ ее и убилъ. Послѣ этого злодѣй бѣжалъ въ орду, но оттуда скоро долженъ былъ уйти; изгнанный ото всюду, Юрій больной скитался нѣсколько мѣсяцевъ по разнымъ мѣстамъ; наконецъ пришелъ въ одинъ рязанскій монастырь къ какому то игумену Петру и тутъ скоро скончался.

Въ іюнѣ того же года тесть и зять выступили другъ противъ друга. Противники встрѣтились на р. Плавѣ, близъ деревни Крапивной; но до битвы дѣло не дошло. Витовтъ и Василій заключили перемиріе на годъ. Въ слѣдующемъ 1407 году войска московскія и литовскія вторично было сошлись, недалеко отъ Вязьмы, но битвы и теперь не послѣдовало: тесть и зять снова помирились и разошлись ни съ чѣмъ. Въ это время, между прочимъ, изъ Литовскаго государства опять послѣдовалъ отъѣздъ въ Москву недовольныхъ Витовтомъ князей и бояръ. Такъ отъѣхалъ въ Москву Свидригайло Ольгердовичъ, князь сѣверскій, съ своею дружиною, а вслѣдъ за нимъ еще шесть князей изъ юго-западной Россіи (имена этихъ князей неизвѣстны) со множествомъ знатныхъ бояръ и людей, въ числѣ которыхъ былъ и черниговскій епископъ. Московскій князь всѣхъ ихъ принялъ „съ великою радостію", одарилъ богато и далъ для содержанія нѣсколько городовъ; Свидригайлѣ даны были Владимиръ, Переяславль, Юрьевъ и другіе города.

Отъѣздъ въ Москву Свидригайлы страшно перепугалъ Витовта: Свидригайло былъ человѣкъ умный, энергическій, любимецъ русскаго народа въ Литвѣ и злѣйшій врагъ литовскаго князя. Поэтому Витовту теперь ясно было, что ему не избѣжать борьбы съ московскимъ княземъ: Свидригайло непремѣнно устроитъ ее, думалъ Витовтъ. А между тѣмъ ему, Витовту, вступить въ борьбу съ зятемъ, у котораго находился такой замѣчательный союзникъ, какимъ представлялся князь сѣверскій, было слишкомъ рискованно, тѣмъ болѣе, что и внутри самого Литовскаго государства православное населеніе сильно симпатизировало Москвѣ.

Что было дѣлать литовскому князю?

Окружающія лица совѣтовали Витовту послать пословъ въ Москву съ предложеніемъ мира и съ просьбою удалить изъ предѣловъ Московскаго государства Свидригайлу. Но литовскій князь не рѣшился на это: онъ боялся, что зять не согласится ни на то, ни на другое, особенно на послѣднее; а если и согласится, думалъ тесть, то потребуетъ какихъ-нибудь территоріальныхъ уступокъ, унижающихъ его.

Въ виду всего этого Витовтъ задумалъ прибѣгнуть къ слѣдующей хитрости: онъ собралъ значительную рать, спѣшно двинулся къ границамъ Московскаго государства и, остановившись около р. Угры (притока Оки), послалъ оттуда сказать зятю, чтобы тотъ выступалъ противъ него, такъ какъ онъ пришелъ воевать его области. Сдѣлалъ все это Витовтъ въ виду слѣдующихъ соображеній: когда, думалъ литовскій князь, придетъ сюда зять его, то онъ, Витовтъ, предложитъ ему миръ, съ условіемъ: удалить отъ себя Свидригайлу; причемъ, также думалъ Витовтъ, зять его не рѣшится отклонить предложенія о мирѣ, видя его, Витовта, стоящимъ во главѣ сильной рати, а также не рѣшится и потребовать себѣ, при заключеніи мира, какихъ-нибудь территоріальныхъ уступокъ.

Разсчетъ Витовта отчасти оказался вѣрнымъ: въ концѣ сентября 1408 года московскій князь дѣйствительно прибылъ сюда, заключилъ съ Витовтомъ миръ и далъ слово удалить изъ своихъ предѣловъ Свидригайлу; но только при этомъ съ Витовта взято было обязательство оставить въ покоѣ Псковъ и Новгородъ.

Послѣ мира на р. Угрѣ враждебныхъ дѣйствій между тестемъ и зятемъ болѣе уже не было. Рѣка Угра была послѣднею пограничною чертою, до которой когда-либо доходило Литовское государство на востокѣ.

Разставшись съ зятемъ, Витовтъ прежде всего заключилъ миръ съ Псковомъ и заключилъ такъ, какъ этого желалъ зять, а затѣмъ, въ началѣ 1404 года, прекратилъ враждебныя дѣйствія и противъ Новгорода. Въ слѣдующемъ году въ Новгородѣ, съ согласія московскаго князя, посаженъ былъ братъ Ягайлы Лугвень (Симеонъ) Ольгердовичъ, который былъ зятемъ Василію, такъ какъ былъ женатъ на его сестрѣ Маріи Димитріевнѣ. Въ 1412 г. Лугвень былъ изгнанъ новгородцами, какъ кажется, по приказанію московскаго князя, за то, что сталъ сильно тянуть въ пользу Литвы. По этому поводу Ягайло и Витовтъ послали было объявленіе войны новгородцамъ, но войны не было, вѣроятно московскій князь воспрепятствовалъ этому. Въ 1414 году Витовтъ окончательно помирился съ новгородцами „по старинѣ", какъ сказано въ лѣтописи, т. е. отъ всего отказался въ пользу Москвы.

Такимъ образомъ, соперничество Литвы съ Москвою изъ-за вліянія на Псковъ и Новгородъ окончилось при Витовтѣ, какъ и при Гедиминѣ и Ольгердѣ, въ пользу послѣдней.

Василію Димитріевичу не пришлось исполнить слова, даннаго Витовту касательно удаленія изъ предѣловъ Московскаго государства Свидригайлы, потому что этотъ послѣдній, узнавши о томъ, что московскій князь помирился съ Витовтомъ, самъ бѣжалъ изъ Владимира (мѣста своего жительства) и на пути отъ злости ограбилъ Серпуховъ. Вырвавшисъ изъ Московскаго государства, Свидригайло направился въ Волынскую область, но тамъ, въ г. Кременцѣ, былъ схваченъ агентами Ягайлы и Витовта и въ этомъ же городѣ засаженъ въ крѣпость, гдѣ просидѣлъ 10 лѣтъ. Только въ 1418 г. онъ былъ освобожденъ своими друзьями, недовольными Ягайлою и Витовтомъ за ихъ любовь къ полякамъ и католичеству, и переправленъ въ Венгрію [1]). Впослѣдствіи онъ

---

[1]) Объ освобожденіи Свидригайлы разсказываютъ такъ: въ 1417 и 1418 гг. происходили пограничныя столкновенія литовцевъ съ татарами, вслѣдствіе чего около Кременца часто совершались передвиженія военныхъ отрядовъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ и рѣшился воспользоваться для освобожденія Свидригайлы другъ его Даніилъ или Дашко, сынъ князя острожскаго Ѳеодора. Даніилъ или Дашко пришелъ къ Кременцу съ ратью и остановился въ окрестно-

помирился съ братьями и получилъ отъ Витовта свои прежніе города: Брянскъ и Новгородъ-Сѣверскъ.

Борьба Витовта съ рыцарями послѣ пораженія его на р. Ворсклѣ. Грюнвальдская битва. Раньше говорено было, что по Салинскому договору рыцари Тевтонскаго ордена получили отъ Витовта въ полное владѣніе Жмудь. Желая закрѣпить ее за собою, они, по обыкновенію, стали прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, а когда Витовтъ, послѣ пораженія на Ворсклѣ, убитый нравственно и физически, вернулся домой, то нѣмцы удвоили свою жестокость по отношенію къ жителямъ этой страны, такъ что тѣ цѣлыми толпами начали убѣгать въ собственную Литву, подъ защиту ея князя. Но мало того, что рыцари слишкомъ жестоко угнетали и обирали несчастную Жмудь, они обнаружили даже намѣреніе захватить себѣ и нѣкоторыя крѣпости, принадлежащія Витовту: Гродну, Ковну и др. Между тѣмъ Витовтъ не могъ рѣшиться на открытую борьбу съ рыцарями: у него мало было войска и не было внѣшней опоры. Но вотъ въ 1401 году Витовтъ, какъ мы видѣли, вступилъ въ союзъ съ Польшею и этимъ пріобрѣлъ силу внутри и опору извнѣ, а потому немедленно сталъ дѣйствовать противъ тевтонскихъ рыцарей. Прежде всего литовскій князь сталъ тайно подбивать жителей Жмуди къ возстанію противъ крестоносцевъ. Къ началу 1403 года возстаніе дѣйствительно вспыхнуло по всей жмудской территоріи: толпы жмудинъ вышли изъ лѣсовъ, напали на новоустроенные орденскіе замки, изрубили гарнизоны, побрали въ плѣнъ рыцарскихъ начальниковъ, духовныхъ лицъ и самые замки сожгли. Затѣмъ, не довольствуясь этимъ, жмудины, съ согласія Витовта, разослали грамоты по всей Европѣ съ жалобою на орденъ: „Выслушайте насъ, угнетенныхъ и измученныхъ! выслушайте насъ, князья духовные и свѣтскіе", взывали жмудины въ своихъ грамотахъ, „орденъ не ищетъ душъ нашихъ для Бога, онъ ищетъ земель нашихъ для себя; онъ насъ довелъ до того, что мы должны или ходить по-міру, или разбойничать, чтобы было чѣмъ жить! Рыцари хуже

стяхъ города; никто не догадывался о его замыслахъ: въ Кременцѣ думали, что онъ посланъ Витовтомъ противъ татаръ. Въ 1418 году, на Страстной недѣлѣ, въ Великій четвергъ, двое изъ довѣренныхъ лицъ Дашки—Димитрій и Илья—явились къ коменданту крѣпости, гдѣ сидѣлъ Свидригайло, Конраду Франкенбергу съ просьбою принять ихъ въ число своего гарнизона, такъ какъ они не имѣютъ средствъ вернуться домой, потому что недавно ограблены татарами. Тотъ исполнилъ ихъ просьбу. Въ ночь подъ самое Свѣтлое воскресеніе Дашко Острожскій и его пріятель, князь пинскій, Александръ Носъ съ довольно сильнымъ отрядомъ подъѣхали къ воротамъ замка, которыя по условному знаку немедленно были отворены Димитріемъ и Ильею, причемъ спущенъ былъ и подъемный мостъ. Дашко сейчасъ же ворвался въ замокъ, убилъ коменданта и стражу и освободилъ Свидригайлу. Послѣдній бѣжалъ въ Венгрію, а потомъ къ императору Сигизмунду, который и помирилъ его съ Ягайлою и Витовтомъ.

турокъ! Всѣ плоды земли нашей и пчелиные улья рыцари у насъ забрали; не даютъ намъ ни звѣря убить, ни рыбы ловить, ни торговать съ сосѣдями; что годъ увозятъ дѣтей нашихъ въ заложники; старшинъ нашихъ засадили въ темницы въ Пруссіи, а другихъ тутъ со всѣмъ родомъ огнемъ сожгли; сестеръ и дочерей нашихъ силою увлекли, а еще крестъ святой носятъ! Сжальтесь надъ нами! Вспомните, что мы такіе же люди, какъ и всѣ, сотворены по образу и подобію Божію, а не звѣри какіе! Отъ всей души хотимъ быть христіанами, но хотимъ креститься водою, а не кровію!" Послѣ этихъ грамотъ рыцари увидѣли, что безъ войны съ литовскимъ княземъ нельзя обойтись; и дѣйствительно, она скоро началась. Первые начали ее крестоносцы: однажды они, воспользовавшись отъѣздомъ Витовта въ Краковъ къ Ягайлѣ, ворвались въ Гродненскій округъ и страшно опустошили его; за это жмудины, по просьбѣ Витовта, овладѣли Мемелемъ. Тогда рыцари совершили на Литву новыхъ два похода, а Витовтъ, правда, отвѣтилъ однимъ, но за то весьма удачнымъ: онъ опустошилъ орденскія владѣнія на цѣлыхъ 10-ть миль. Спустя нѣсколько времени, Витовтъ собирался было совершить второй походъ въ Пруссію, но обстоятельства, сложившіяся на Востокѣ, заставили его просить мира у рыцарей. Обстоятельства эти—дѣла смоленскія. Въ 1404 г. миръ былъ заключенъ и притомъ на вѣчныя времена, какъ сказано было въ договорѣ. По этому миру Витовтъ не только опять уступилъ рыцарямъ Жмудь, но даже далъ слово, что будетъ собственнымъ оружіемъ помогать нѣмцамъ въ подчиненіи ея.

Прошло пять лѣтъ. Витовтъ за это время, какъ мы видѣли, окончательно присоединилъ Смоленскъ къ своимъ областямъ; три раза ходилъ на зятя и отказался отъ захвата Пскова и Новгорода. Но послѣдній отказъ былъ причиною новой борьбы Витовта съ рыцарями. Дѣло въ томъ, что литовскій князь, остановленный Москвою въ своемъ стремленіи захватить Псковъ и Новгородъ, рѣшился вознаградить свою неудачу возвращеніемъ отъ рыцарей Жмуди, которую онъ, какъ мы видѣли сейчасъ, снова уступилъ имъ. Это казалось ему тѣмъ болѣе возможнымъ, что сами жмудины и слышать не хотѣли о подчиненіи рыцарямъ. Такъ, когда рыцари, послѣ заключенія мира съ Витовтомъ въ 1404 г., стали входить въ ихъ области, чтобы окончательно закрѣпить ихъ за собою и собрать дань, то жители со слезами кричали: „Куда вы идете, грабить насъ? у насъ и безъ-того много прелатовъ, ксендзовъ и тому подобныхъ людей, которые отбираютъ у насъ шерсть, медъ и молоко, а въ ученіи христіанскомъ не наставляютъ!" Затѣмъ они, бросая свои жилища, убѣгали въ лѣса и болота; оттуда бѣглецы, собравшись толпами, нападали на рыцарей и ихъ владѣнія, страшно опустошая эти послѣднія. Такъ дѣло продолжалось въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1404 по 1409 г.), т. е. отъ послѣдняго мира Витовта съ нѣмцами до конца непріязненныхъ отношеній его съ московскимъ княземъ.

Закончивши дѣла на сѣверо-востокѣ, Витовтъ рѣшился воспользоваться возстаніемъ жителей Жмуди, чтобы отнять эту область у рыцарей. Сначала, по обыкновенію, онъ дѣйствовалъ противъ рыцарей тайно, посредствомъ разнаго рода интригъ, а потомъ и открыто выступилъ на защиту родного племени. „Это уже пятый разъ литовскій князь нарушаетъ вѣроломнымъ образомъ миръ и дружбу съ рыцарями!" говоритъ одинъ прусскій хронистъ. Поняли рыцари, что съ такимъ человѣкомъ, каковъ былъ Витовтъ, котораго нельзя было связать никакими договорами и никакими клятвами, невозможно жить въ дружбѣ и согласіи, какъ съ добрымъ сосѣдомъ, пока не будетъ сокрушена его сила и могущество; поэтому они, какъ только увидѣли новыя непріязненныя дѣйствія со стороны Витовта, стали готовиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ него. Съ этою цѣлію рыцари разослали свои грамоты по всей Европѣ, приглашая охотниковъ. Въ продолженіе цѣлой зимы 1409 года и весны 1410 г. гости съ самыхъ отдаленныхъ странъ Европы тысячами прибывали въ Маріенбургъ, столицу тевтонскихъ рыцарей. Но и Витовтъ не дремалъ: онъ немедленно далъ знать брату своему Ягайлѣ о готовящейся опасности для его вассальнаго государства и просилъ брата повидаться съ нимъ для переговоровъ по сему дѣлу. Въ 1409 году, въ концѣ осени, свиданіе состоялось въ Брестѣ, въ Подляхіи. Оба брата дали здѣсь слово защищать другъ друга до послѣдней капли крови и тутъ же составили планъ похода. Изъ Бреста Витовтъ уѣхалъ въ Троки готовиться къ войнѣ, а Ягайло съ многочисленною свитою поѣхалъ въ Бѣловѣжскую пущу на охоту. Въ продолженіе цѣлой зимы убивали звѣрей, солили мясо, складывали въ бочки и отправляли Наревомъ, З.-Бугомъ и Вислой въ Плоцкъ, гдѣ былъ устроенъ продовольственный магазинъ для предстоящаго похода. Въ 1410 году, въ концѣ іюня, Ягайло и Витовтъ съ польско-литовско-русскими войсками быстро двинулись въ предѣлы Пруссіи и стали лагеремъ при деревняхъ Грюнвальдѣ и Танненбергѣ, такъ какъ сильное войско рыцарей приближалось сюда. Подойдя къ названнымъ деревнямъ, рыцари остановились противъ войскъ Ягайлы и Витовта. По сказанію лѣтописца, количество соединеннаго польско-литовско-русскаго войска было болѣе 150,000; въ томъ числѣ у Витовта было до 30,000 легкой татарской конницы, находившейся подъ начальствомъ одного изъ сыновей Тохтамыша, а у Ягайлы до 20,000 коннаго войска, набраннаго въ Чехіи и другихъ западно-славянскихъ земляхъ. Число орденской арміи простиралось до 90,000; въ числѣ ея были войска германскія, венгерскія, англійскія, шотландскія, богемскія и шведскія. Предводителемъ орденскаго войска былъ магистръ ордена Ульрихъ фонъ Юнгингенъ, человѣкъ, отличавшійся рѣшительнымъ характеромъ и воинскою отвагою. Главнымъ же предводителемъ польско-литовско-русскихъ войскъ былъ Ягайло. Битва началась позднимъ утромъ 15 іюля 1410 года. Предъ

наладомъ битвы Ягайло помолился въ походной часовнѣ, а по выходѣ изъ нея, окруженный 60 кирасирами и блестящею свитою, весь закованный въ желѣзо, отошелъ на нѣкоторое разстояніе отъ войска и сталъ на возвышеніи, чтобы оттуда, по мѣрѣ надобности, отдавать приказанія. Рыцари первые двинули свои полки, и главныя силы ихъ ударили въ правое крыло, которымъ управлялъ Витовтъ; цѣль этого движенія была та, чтобы смять это крыло, а потомъ зайти въ тылъ. Витовтъ дѣйствительно не выдержалъ страшнаго натиска рыцарей: не отличаясь отъ природы мужествомъ, онъ оробѣлъ, попятился назадъ, а потомъ отступилъ на нѣсколько саженъ. Проницательный взоръ магистра ордена замѣтилъ это и, для довершенія пораженія отряда Витовта, стянулъ съ своего праваго крыла новыя, свѣжія войска и послалъ ихъ на литовскаго князя; для Витовта моментъ былъ критическій: еще нѣсколько минутъ и Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ торжествовалъ бы побѣду; но въ это самое время явился русскій смоленскій полкъ, онъ остановилъ движеніе и напоръ нѣмцевъ на Витовта и, въ свою очередь, сильнымъ натискомъ заставилъ ихъ сначала податься назадъ, а потомъ и отступить на нѣсколько сотъ саженъ. Это дало возможность Витовту оправиться, а затѣмъ новымъ натискомъ заставить аттакующихъ обратиться въ бѣгство. Между тѣмъ какъ это происходило на правомъ крылѣ, на лѣвомъ, гдѣ стояли поляки, успѣхъ былъ еще лучше. Въ то время, когда шла битва на правомъ крылѣ польско-литовской арміи, на лѣвомъ также шло сраженіе; сначала ни та, ни другая сторона не могла взять перевѣса, но когда магистръ, желая довершить пораженіе праваго крыла непріятелей, отдѣлилъ отъ своего праваго часть войска и этимъ сильно ослабилъ послѣднее, то этимъ обстоятельствомъ отлично воспользовались поляки, стоявшіе на лѣвомъ крылѣ Ягайло-Витовтовой арміи: они усилили натискъ, разстроили правое крыло непріятелей, отрѣзали его отъ остальнаго войска, затѣмъ обошли рыцарей и этимъ довершили побѣду. Было уже 10 часовъ вечера, когда битва кончилась. Пораженіе рыцарей было полное и рѣшительное: до 40,000 нѣмецкаго войска осталось на полѣ битвы; въ числѣ павшихъ было 200 рыцарей и самъ великій магистръ Ульрихъ фонъ Юнгингенъ; 15,000 попало въ плѣнъ; весь лагерь и всѣ орудія съ 51 знаменемъ достались въ добычу побѣдителямъ. Со стороны польско-литовско-русскаго войска убито было болѣе 50,000. Знаменитый русскій историкъ С. М. Соловьевъ такъ говоритъ о значеніи Грюнвальдской битвы: „Грюнвальдская битва была одною изъ тѣхъ битвъ, которыя рѣшаютъ судьбы народовъ: слава и сила ордена погибли въ ней окончательно, покорители разъединеныхъ пруссовъ встрѣтили громадное ополченіе изъ трехъ сосѣднихъ народовъ восточной Европы, предъ которымъ сила, мужество, искусство рыцарей оказались недостаточными; военное братство, существовавшее для борьбы, не имѣло

болѣе ни средствъ, ни цѣли для борьбы; силы его поникли предъ соединенными силами трехъ народовъ христіанскихъ; въ ополченіи враговъ ордена не приносилось болѣе языческихъ жертвъ, въ немъ раздавалась христіанская молитва. Богородице Дѣво, радуйся. Орденъ былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ; потерянныя силы не восполнялись болѣе толпами рыцарей изъ разныхъ краевъ Европы, потому что орденъ не велъ болѣе войнъ съ невѣрными; слѣдовательно, существованіе его становилось уже безцѣльнымъ, ненужнымъ и существованіе это послѣ Грюнвальдской битвы представляетъ только продолжительную агонію". Профессоръ Кояловичъ [1]) объ этой битвѣ говоритъ слѣдующее: „эта битва была какъ бы воспроизведеніемъ знаменитой Куликовской битвы, и дѣйствительно, на нее она походила не только объединеніемъ громадныхъ и разнородныхъ силъ и важностію исторической задачи, но даже и ходомъ своимъ. Началась она такъ же, какъ и Куликовская битва, неудачею для славянскихъ и литовскихъ силъ. Рыцари налегли прежде всего на литовскіе полки и подавили ихъ. Стали подаваться и польскіе отряды, даже жизнь Ягайлы была уже въ опасности; казалось уже многимъ, что все погибло. Но устояли и выдержали всѣ удары русскіе полки, особенно доблестный смоленскій; они дали возможность оправиться литвинамъ и полякамъ и спасли все дѣло. Рыцари понесли страшное пораженіе, отъ котораго сами уже никогда не могли оправиться; оправились только уже ихъ преобразовавшіеся потомки—пруссаки, при благодушномъ вниманіи своихъ враговъ поляковъ, а потомъ русскихъ". Историкъ Иловайскій справедливо говоритъ, что эту битву выигралъ не какой нибудь полководецъ,— побѣда одержана была славянскимъ ополченіемъ. „Не велики были матеріальныя выгоды побѣдителей", говоритъ этотъ же историкъ, „въ сравненіи съ тѣмъ, что могла имъ дать побѣда при Грюнвальдѣ, за то моральныя послѣдствія были все-таки огромныя. Въ этомъ отношеніи Грюнвальдскую битву можно сравнить съ Куликовскою".

И дѣйствительно, не велики были матеріальныя выгоды для Литвы и Польши отъ этой битвы: Ягайло и Витовтъ не воспользовались какъ слѣдуетъ своею побѣдою: имъ нужно было бы сейчасъ двинуться на столицу рыцарей, которая въ это время была почти не защищена, занять бы ее, а также занять и другія важныя крѣпости и тѣмъ разъ навсегда покончить бы съ братьями креста Господня. Но тутъ-то и обнаружилась вся неспособность главнокомандующихъ—Ягайлы и Витовта: ровно шесть дней они простояли на одномъ мѣстѣ, торжествуя свою побѣду, и только на десятый день явились къ Маріенбургу. За это время командоръ фонъ Плоденъ успѣлъ укрѣпить городъ и собрать въ

---

[1]) Извѣстный писатель по исторіи сѣверо-западнаго края Россіи и глубокій знатокъ исторіи этого края.

немъ болѣе 5,000 гарнизона. Началась осада города; Витовтъ и Ягайло дѣйствовали слишкомъ вяло, какъ будто нехотя; при этомъ обнаружился недостатокъ провіанта и осадныхъ орудій; въ рядахъ осаждающихъ появились разныя болѣзни,—словомъ, осада затянулась. Этимъ, между прочимъ, воспользовался ливонскій магистръ Германъ; онъ собралъ значительное войско и двинулся къ Маріенбургу, чтобы спасти столицу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гибнущій Тевтонскій орденъ. Витовтъ вышелъ къ нему на встрѣчу. Враги встрѣтились, но битвы, какъ нужно было ожидать, не послѣдовало: Витовтъ и Германъ вступили между собою въ переговоры. Говорятъ, что Германъ въ это время внушилъ Витовту мысль, какъ опасно для Литовскаго государства окончательное уничтоженіе ордена, а чрезъ это возвышеніе Польши; но мы не знаемъ. правда ли это или нѣтъ. Извѣстно только то, что Витовтъ съ момента свиданія съ Германомъ пересталъ совершенно заниматься осадою Маріенбурга и покореніемъ крѣпостей, принадлежащихъ ордену, а спустя нѣкоторое время, не смотря на просьбы и заклинанія Ягайлы, ушелъ домой со всѣми своими войсками; за нимъ послѣдовали и мазовецкіе князья Земовитъ и Янушъ. Наконецъ, и самъ Ягайло въ концѣ сентября бросилъ осаду и ушелъ въ свой Краковъ. Но этимъ, впрочемъ, война совершенно не прекратилась, она продолжалась еще съ годъ и кончилась въ 1411 году миромъ въ Торнѣ, по которому орденъ удержалъ за собою всѣ свои владѣнія, за исключеніемъ Жмуди и земли Добрынской: первая отошла къ Литвѣ, а вторая къ Польшѣ.

Послѣ Грюнвальдской битвы и Торнскаго мира Тевтонскій орденъ былъ очень слабъ, но, тѣмъ не менѣе, не покидалъ своихъ обычныхъ набѣговъ на литовскія владѣнія; враждебныя дѣйствія продолжались еще 11 лѣтъ и окончились только въ 1422 году миромъ на озерѣ Мельнѣ.

Городельскій сеймъ. Крещеніе Жмуди. Послѣ Грюнвальдской битвы отношенія между Польшею и Литвою, а также между Ягайлою и Витовтомъ еще болѣе улучшились. Эти отношенія между двумя государствами и ихъ представителями сдѣлались настолько хороши, что порѣшено было съѣхаться въ городѣ Городелѣ (Люблинской губ., на р. Бугѣ, недалеко отъ Владимира-Волынскаго) и тамъ выработать окончательный актъ уніи Литвы съ Польшею. Въ 1413 году сеймъ этотъ дѣйствительно собрался. Сюда съѣхались всѣ оставшіеся въ живыхъ внуки Гедимина съ польско-литовскими магнатами. Изъ литовскихъ магнатовъ были здѣсь только тѣ, которые исповѣдывали католичество; лица же православнаго исповѣданія, русскіе, на этотъ сеймъ,—какъ и на виленскій съѣздъ въ 1401 г.,—не были приглашены. 2-го октября актъ былъ составленъ и подписанъ всѣми присутствовавшими. Этотъ актъ во многомъ разнился отъ акта, составленнаго 12 лѣтъ тому назадъ въ г. Вильнѣ. Тотъ актъ составленъ былъ, какъ мы видѣл, ипо-

ляками, подъ вліяніемъ чувства мести, а потому въ немъ не было рѣшительно никакихъ уступокъ въ пользу Витовта, а этотъ явился на свѣтъ Божій въ то время, когда Витовтъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ Ягайлѣ и польскимъ панамъ, а потому составленъ былъ въ болѣе благопріятномъ для Литвы смыслѣ. Статьи этого акта слѣдующія:

I) Если Ягайло умретъ бездѣтнымъ (у него въ это время не было въ живыхъ дѣтей), то поляки вмѣстѣ съ Витовтомъ и литвинами-католиками избираютъ ему наслѣдника на польскій престолъ; если же умретъ бездѣтнымъ Витовтъ (у него тоже въ это время не было дѣтей), то литовцы-католики вмѣстѣ съ Ягайлою и коронным совѣтомъ (или сенатомъ, который находился при королѣ и учрежденъ былъ, какъ мы видѣли, Казимиромъ II Справедливымъ) избираютъ ему преемника.

II) Литовскіе дворяне-католики имѣютъ право получать гербы родовыхъ дворянъ поляковъ-католиковъ и притомъ они пользуются всѣми правами и привилегіями послѣднихъ.

III) Дозволяется литовцамъ имѣть свой сеймъ [1]) и свои должностныя мѣста на подобіе польскихъ, но съ условіемъ, чтобы русскіе православные не допускались ни на сеймъ, ни на другія какія либо высшія должности [2]).

IV) Для разсужденія о дѣлахъ, касающихся интересовъ обоихъ государствъ, поляки и литовцы должны съѣзжаться на общіе сеймы или въ Люблинѣ, или въ Порчевѣ.

Таковы главныя статьи Городельскаго акта [3]). Этимъ актомъ исправлялись до извѣстной степени тѣ ошибки, которыя были допущены Витовтомъ въ актѣ, составленномъ 12 лѣтъ тому назадъ въ г. Вильнѣ. Въ силу этого акта литовскій князь какъ бы признавался самостоятельнымъ владѣльцемъ Литвы, и по смерти Витовта Литва не

---

[1]) Въ Польшѣ, какъ и въ Литвѣ, сеймъ (собраніе) состоялъ изъ одного только дворянскаго сословія (шляхетскаго; духовенство участвовало въ сеймахъ не какъ духовное сословіе, а какъ шляхетское), а потому и онъ заботился только о своихъ сословныхъ интересахъ, въ ущербъ общегосударственнымъ интересамъ и интересамъ другихъ сословій.

О польскомъ сеймѣ см. брошюру проф. Карѣева „Историческій очеркъ польскаго сейма". М. 1888 г.

Примѣчаніе. Проф. Карѣевъ одинъ изъ русскихъ ученыхъ, глубоко изучившихъ исторію Польши и написавшій много серьезныхъ статей по сему предмету.

[2]) Постановленіе это держалось до 1563 г. Его подтвердили потомъ Сигизмундъ I, въ 1529 году и Сигизмундъ II, въ 1547 и 1551 гг., притомъ оба они обѣщали не дѣлать никакихъ послабленій православнымъ. См. Дашкевича, стр. 127.

[3]) Актъ этотъ подписанъ былъ краковскимъ епископомъ Альбертомъ и скрѣпленъ сандомирскимъ каноникомъ.

переходила, какъ то было по виленскому акту, прямо въ собственность польской короны, а имѣла право избирать себѣ новаго князя, хотя и съ участіемъ поляковъ. Теперь обѣ стороны какъ бы уравновѣшивались въ правахъ уніи и наслѣдственному праву, установленному виленскимъ съѣздомъ въ 1401 году, противопоставлялось право избирательное, подъ контролемъ обѣихъ сторонъ. Но это послѣднее право, уступленное поляками литовцамъ, въ дѣйствительности ничего не давало, потому что имъ могли пользоваться только литвины-католики, а этихъ послѣднихъ, какъ извѣстно, въ Литовскомъ государствѣ было весьма немного и голоса ихъ при избраніи князя или короля всегда могли быть подавлены, въ случаѣ надобности, громаднымъ большинствомъ голосовъ поляковъ-католиковъ. А между тѣмъ, если бы Витовтъ искренно желалъ блага своей странѣ, онъ могъ бы легко достигнуть многаго на этомъ сеймѣ для самостоятельности и прочности Литовскаго государства: ему стоило бы только опереться на русское православное населеніе и ввести его на сеймъ. Но въ томъ то и дѣло, что у Витовта не хватило на это ни силы воли, ни характера, ни рѣшимости (ума, конечно, хватило бы). Витовтъ какъ будто чего то боялся, а потому не сдѣлалъ рѣшительнаго шага, не стряхнулъ съ себя польско-католическихъ путъ и не сталъ на сторону православной народности [1]). Кого же онъ боялся? поляковъ? Поляковъ онъ не боялся какъ силы политической, не боялся онъ ихъ и какъ силы національной,—и въ томъ, и въ другомъ отношеніи поляки были гораздо слабѣе Литвы; но онъ боялся ихъ, какъ силы религіозно-католической; онъ боялся польскаго фанатическаго духовенства, за плечами котораго высилась могучая и грозная фигура папы. Этотъ страхъ предъ католичествомъ и папствомъ и привелъ Витовта къ тѣмъ страннымъ дѣйствіямъ, которыя поражаютъ всякаго изслѣдователя его исторіи своимъ противорѣчіемъ и политическою безтактностью и которыя не только не говорятъ въ пользу его геніальности (которую иные стараются видѣть въ его дѣятельности), но даже не заявляютъ о немъ, какъ о порядочномъ государственномъ человѣкѣ. Страхъ этотъ заставилъ Витовта, вопреки всѣмъ политическимъ разсчетамъ, пренебречь православно-русскою народностью; гдѣ только возможно, Витовтъ всегда старался устранить этотъ могучій элементъ въ своемъ государствѣ [2]).

---

[1]) Не забудемъ того, что эта народность въ то время по культурѣ своей если не стояла выше польской, то и ничуть не ниже, а по численности, какъ уже сказано было, въ девять разъ превышала остальныя народности Литовскаго государства.

[2]) Однажды Витовтъ, устанавливая войтовства въ Дрогичинской землѣ, выдалъ на сіе грамоту, въ которой прямо сказано, чтобы пустынныя мѣста и лѣса не были заселяемы православными. См. замѣтки Дашкевича, стр. 129.

Такимъ образомъ, отсутствіе представителей православно-русской народности на Городельскомъ сеймѣ и лишеніе этой народности всѣхъ привилегій, которыя выпали на долю католиковъ, объясняется желаніемъ Витовта угодить полякамъ, какъ католикамъ.

Послѣ Городельскаго сейма Витовтъ приступилъ къ крещенію Жмуди. Этимъ онъ думалъ разъ навсегда уничтожить предлогъ для вмѣшательства рыцарей въ жмудскія дѣла. Послѣ Грюнвальдской битвы нѣмцы, какъ извѣстно, не переставали претендовать на эту область; они даже предъ цѣлой Европой обвинили литовскаго князя въ поддержаніи язычества и, какъ на примѣръ сего, указывали на Жмудь.

При крещеніи Жмуди главнымъ помощникомъ Витовта былъ Ягайло. Польскій король самъ лично ѣздилъ въ эту страну на апостольскій подвигъ, самъ переводилъ молитвы и поученія для народа и самъ толковалъ народу правила вѣры на его родномъ языкѣ; но при этомъ, по словамъ польскихъ лѣтописцевъ Кромера и Стрыйковскаго, онъ употреблялъ противъ язычниковъ, съ цѣлію скорѣе принудить ихъ принять католичество, всякаго рода средства: и страшно-карательныя, и ласки. Вмѣстѣ съ крещеніемъ Витовтъ и Ягайло образовывали приходы, строили костелы и назначали ксендзовъ. Витовтъ построилъ 12 приходскихъ костеловъ, а Ягайло 9. Въ 1417 году въ Мѣдникахъ былъ поставленъ особый епископъ для Жмуди, котораго Витовтъ снабдилъ разнаго рода фундушами и построилъ для него каѳедральный костелъ. Но крещеніе Жмуди не обошлось безъ кровопролитнаго народнаго возстанія. Въ 1418 году, вслѣдствіе разнаго рода притѣсненій и поборовъ какъ со стороны приходского духовенства, такъ и со стороны епископа, вспыхнуло возстаніе по всей Жмуди: народъ набросился на костелы, многіе изъ нихъ разорилъ и разграбилъ, ксендзовъ и прелатовъ перебилъ, причемъ самъ епископъ едва спасся бѣгствомъ отъ обезумѣвшаго отъ ярости народа. Но страшно поплатились жмудины за это возстаніе: Витовтъ, котораго польскіе историки называютъ апостоломъ Жмуди, въ томъ же году, съ большимъ войскомъ явился въ Жмудь и произвелъ ужасное кровопролитіе: однихъ старшинъ казнено было болѣе 60, а простого народа до 5,000; виновныхъ топили, вѣшали, разстрѣливали, рубили, сѣкли и т. п. Жмудь была усмирена, ксендзы и прелаты появились вновь, вернулся также и католическій епископъ. Объ успокоеніи Жмуди донесено было тогдашнему папѣ Мартину V и тотъ своею буллою усыновилъ ея жителей и прислалъ имъ благословеніе. Въ томъ же году приказано было и ордену не предпринимать больше походовъ на Жмудь, и рыцари въ 1422 г. на озерѣ Мельно, какъ уже выше было замѣчено, заключили миръ съ Витовтомъ.

Такъ кончился этотъ спорный вопросъ рыцарей съ литовскими князьями.

Послѣ крещенія Жмуди Витовтъ приступилъ къ другому дѣлу: отдѣленію литовско-русской православной церкви отъ московской митрополіи, съ цѣлію ввести унію.

Отдѣленіе литовско-русской православной церкви отъ московской митрополіи и попытка ввести въ ней унію. Уже Ольгердъ, какъ мы выше видѣли, думалъ объ отдѣленіи православной церкви въ Литвѣ отъ московской митрополіи, но ему, какъ извѣстно, не удалось этого сдѣлать. Ту же самую попытку сдѣлалъ и Витовтъ. Во время враждебныхъ дѣйствій своихъ противъ зятя, московскаго князя Василія I-го; въ 1408 году, онъ послалъ было въ Константинополь полоцкаго епископа Ѳеодосія, чтобы его тамъ посвятили въ санъ митрополита для западно-русской православной церкви: это было какъ разъ послѣ смерти московскаго митрополита Кипріана; но константинопольскій патріархъ на это не согласился. На мѣсто же умершаго Кипріана избранъ былъ Фотій и посвященъ въ Константинополѣ въ митрополиты Москвы и всей Руси. Между тѣмъ, въ это время произошелъ миръ между Витовтомъ и Василіемъ и литовскій князь успокоился на счетъ назначенія отдѣльнаго митрополита въ свои владѣнія.

Но вотъ произошелъ знаменитый Городельскій съѣздъ, на которомъ Витовтъ окончательно сошелся съ поляками, а съ православно-русскими своими подданными, наоборотъ, разошелся и оттолкнулъ ихъ отъ себя. Это сдѣлано было, какъ мы уже замѣтили выше, изъ любезности къ польскимъ панамъ, какъ католикамъ. Но нужно было еще сдѣлать любезность для польско-католическаго духовенства, а главное: нужно было угодить папѣ и расположить его къ себѣ. И вотъ, въ видахъ этого, онъ рѣшился отдѣлить православную литовскую церковь отъ московской митрополіи и ввести въ ней унію [1]).

Приступая къ достиженію двухъ вышеозначенныхъ цѣлей, Витовтъ прежде всего запретилъ московскому митрополиту Фотію объѣздъ епархій въ западной Руси, а потомъ издалъ приказаніе не выдавать Фотію доходовъ съ митрополичьихъ имѣній, находящихся въ литовскихъ владѣніяхъ, и удалилъ изъ этихъ имѣній митрополичьихъ управителей, поставивъ вмѣсто нихъ своихъ довѣренныхъ лицъ свѣтскаго званія [2]).

Распорядившись по своему желавію имѣніями московской митрополіи, Витовтъ приступилъ къ избранію особаго митрополита; выборъ

---

[1]) При этомъ, какъ кажется, Витовтъ имѣлъ въ виду и свою личную пользу: онъ думалъ за сіи услуги получить отъ папы королевскій вѣнецъ и сдѣлать Литву независимою отъ Польши.

[2]) Такъ какъ это распоряженіе случилось тотчасъ послѣ Городельскаго сейма, то это заставляетъ думать: не по наущенію ли католическаго духовенства, бывшаго на семъ съѣздѣ, Витовтъ задумалъ отдѣлить православную церковь въ Литвѣ отъ московской митрополіи?

его палъ на болгарскаго выходца—монаха Григорія Цамвлака, человѣка очень умнаго и замѣчательнаго оратора. Въ 1415 году Витовтъ послалъ было его въ Константинополь для посвященія, но такъ какъ и на этотъ разъ ему отказали, то онъ рѣшился обойтись и безъ константинопольскаго патріарха. Въ 1416 году онъ собралъ въ Новогрудкѣ православныхъ епископовъ Литовскаго государства, именно: полоцкаго, черниговскаго, луцкаго, владимирскаго, холмскаго, туровскаго и смоленскаго, и тутъ предложилъ имъ отдѣлить литовско-русскую церковь отъ московской митрополіи; тѣ согласились. Затѣмъ подъ диктовку князя епископы написали обвинительное посланіе на Фотія, которое и послали къ нему чрезъ особаго посла. Въ этомъ посланіи епископы, между прочимъ, писали: „такъ какъ ты поступаешь не по правиламъ апостольскимъ и отеческимъ и притомъ совершилъ одно дѣло, за которое долженъ подлежать изгнанію и котораго мы не объявляемъ, чтобы тебя не посрамить, поэтому мы больше тебя не признаемъ епископомъ“ [1]). Потомъ епископы провозгласили Григорія Цамвлака митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси и разослали особую грамоту, въ которой говорили, что избрали Цамвлака и при этомъ заявляли, что они все-таки остаются вѣрными греко-восточной церкви (православной); въ этой же грамотѣ указаны и мотивы избранія Цамвлака безъ согласія на то вселенскихъ восточныхъ патріарховъ.

Послѣ провозглашенія Григорія Цамвлака литовско-русскимъ митрополитомъ, Витовтъ, съ своей стороны, издалъ окружную грамоту, въ которой извѣщалъ своихъ подданныхъ объ отдѣленіи митрополіи и при этомъ говорилъ, что это заставило его сдѣлать искреннее желаніе добра православію. Но когда стало обо всемъ этомъ извѣстно въ Москвѣ, то Фотій тоже послалъ окружное посланіе въ русскія области Литовскаго государства, но оно осталось безъ особенныхъ послѣдствій. Новому митрополиту Витовтъ назначилъ для пребыванія Новогрудокъ и Вильну. Въ Вильнѣ для митрополичьяго служенія назначена была церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, или Пречистенская.

Имѣя теперь въ Литовскомъ государствѣ отдѣльнаго митрополита, Витовтъ рѣшился приступить къ дальнѣйшему развитію своего плана. Такъ какъ въ это время римскою куріею уже вырабатывался проектъ уніи, т. е. соединенія православной церкви съ католическою или, лучше сказать, подчиненія восточной церкви папѣ (иначе папы не понимали уніи, какъ только такъ) и по этому поводу предполагалось даже начать переговоры съ греческимъ императоромъ Мануиломъ на Кон-

---

[1]) Все посланіе состоитъ изъ голословныхъ обвиненій и ни одного факта не приведено въ подтвержденіе ихъ.

стантскомъ соборѣ (въ Швейцаріи) [1]), то и литовскій князь Витовтъ узнавши объ этомъ (это случилось какъ разъ послѣ Городельскаго сейма) уговорилъ Григорія Цамвлака отправиться на Констанскій соборъ [2]). Цѣль этого отправленія была та, во-первыхъ, чтобы болѣе расположить папу и римскую курію къ себѣ, а во-вторыхъ, подготовить почву для уніи; Витовтъ думалъ, что если унія будетъ признана въ Римѣ, то и Цамвлакъ приметъ ее и, вернувшись въ Литву, введетъ между православными. Словомъ, Витовтъ затѣвалъ ввести въ своемъ государствѣ унію въ томъ видѣ, въ какомъ она выработается въ Римѣ. Но планы его скоро разрушились: Григорій, какъ и греческій императоръ Мануилъ, опоздалъ пріѣздомъ на соборъ (собственно говоря онъ пріѣхалъ къ концу его), а потому переговоры объ уніи и не начинались. Въ Римѣ (это было въ февралѣ 1418 г.) папа Мартинъ торжественно принялъ литовское посольство (вмѣстѣ съ греческимъ) и позволилъ совершать богослуженіе по своему обряду, но этимъ дѣло и кончилось. По возвращеніи въ Литву Цамвлакъ скоро умеръ (1419 г.); Витовтъ же не назначилъ ему особаго преемника, а помирился съ московскимъ митрополитомъ и сталъ признавать его власть надъ православными въ Литвѣ. Въ 1421 г. Фотій, обозрѣвая свои западныя епархіи, былъ и въ Вильнѣ и тутъ принятъ былъ Витовтомъ самымъ торжественнымъ образомъ. Почему Витовтъ сдѣлалъ такой крутой поворотъ въ своей политикѣ, трудно сказать; вообще, какъ мы уже говорили, вся его политика состоитъ изъ ряда противорѣчій. Говорятъ, что Витовтъ, не достигши ничего чрезъ папу, рѣшился снова помириться съ московскимъ государствомъ, чтобы, опираясь на него, порвать связь съ Польшею; можетъ быть: отъ него рѣшительно всего можно было ожидать.

---

[1]) Соборъ этотъ составленъ былъ въ 1414 г. и продолжался до 1418 г. Созванъ онъ былъ по поводу такъ называемаго „Великаго раскола“ въ западной церкви (въ это время въ католической церкви появились три папы вмѣсто одного; поэтому нужно было ихъ смѣнить и назначить новаго. Тутъ избранъ былъ Мартинъ V) и другихъ злоупотребленій. Между тѣмъ, на этотъ соборъ думалъ пріѣхать греческій императоръ Мануилъ и начать дѣло объ уніи, т. е. о подчиненіи восточной церкви папѣ. Дѣлалъ это императоръ потому, что ему хотѣлось получить отъ папы помощь противъ страшныхъ турокъ, угрожавшихъ Константинополю.

[2]) По сообщенію нѣкоторыхъ источниковъ, Цамвлакъ будто бы однажды обратился къ Витовту съ такимъ вопросомъ: „Зачѣмъ ты, князь, держишься вѣры латинской, а не православной греческой“? На что Витовтъ отвѣчалъ такъ: „Если ты хочешь не только меня, но и всѣхъ людей моей земли видѣть въ греческой вѣрѣ, то иди въ Римъ состязаться съ папой и его мудрецами. Когда ты побѣдишь, то мы примемъ всѣ греческій законъ, а въ противномъ случаѣ я всѣхъ подданныхъ обращу въ латинскую вѣру“.

Послѣднія внѣшнія дѣла Витовта:

I) Война съ Псковомъ и Новгородомъ. 27-го февраля 1425 г. умеръ московскій князь Василій Димитріевичъ; мѣсто его занялъ девятилѣтній сынъ его Василій, прозванный впослѣдствіи Темнымъ, который приходился внукомъ Витовту. Въ одной изъ духовныхъ грамотъ покойный князь поручилъ своего сына покровительству Витовта. Такимъ образомъ, литовскій князь съ этого времени сдѣлался какъ бы обладателемъ Московскаго государства. Обстоятельство это было очень соблазнительно для Витовта и онъ рѣшился воспользоваться имъ для сведенія счетовъ съ нѣкоторыми спорными русскими областями, а таковыми были, какъ извѣстно, двѣ: Псковъ и Новгородъ. Прежде всего Витовтъ обратилъ свое вниманіе на Псковъ. Для обезпеченія успѣха онъ хотѣлъ было пригласить съ собою и ливонскихъ рыцарей, но тѣ отказались, сославшись на то, что недавно заключили съ Псковомъ миръ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1426 г. Витовтъ безъ союзниковъ двинулся въ Псковскую область и подступилъ къ городу Опочку. Жители этого города, узнавши заблаговременно о намѣреніи Витовта напасть на ихъ городъ, устроили предъ нимъ мостъ на канатахъ, а подъ мостомъ набили кольевъ и сами спрятались въ крѣпости такъ, чтобы непріятелю она показалась пустою. Когда Витовтъ приблизился къ Опочку, то, не видя никого на стѣнахъ и около нихъ и думая, что жители отъ страха бѣжали, послалъ впередъ сильный отрядъ татарской конницы занять городъ. Но лишь только татары вступили на мостъ, какъ жители подрѣзали канаты, мостъ рухнулъ и почти весь отрядъ провалился на колья и погибъ; оставшіеся въ живыхъ попались въ плѣнъ. Плѣнные были жестоко и позорно изувѣчены, и въ такомъ видѣ показаны осаждающимъ. Это такъ подѣйствовало на Витовта, что онъ отступилъ отъ Опочка. Затѣмъ Витовтъ осадилъ другой городъ, Вороничъ. Осажденные, будучи не въ состояніи въ продолженіе трехъ недѣль отбиться отъ литовцевъ, послали просить помощи у псковитянъ; тѣ дѣйствительно отправили было значительный отрядъ къ Вороничу, но дорогою онъ былъ настигнутъ непріятелемъ и разбитъ. Лишенные сторонней помощи, жители Воронича обратились съ молитвою Богу и Онъ услышалъ ихъ молитву, какъ говоритъ лѣтописецъ: „въ одну ночь", пишетъ онъ, „было чудо страшное: внезапно нашла грозная туча, полился дождь, загремѣлъ громъ, молнія сверкала безпрестанно и всѣ думали, что или отъ дождя потонутъ, или отъ молніи сгорятъ, или отъ грома камнями будутъ побиты; громъ былъ такой страшный, что земля тряслась, и Витовтъ, ухватившись за шатерный столбъ, кричалъ: Господи помилуй!" Когда кончилась гроза, литовскій князь бросилъ осаду и ушелъ домой. Но другой лѣтописецъ говоритъ, что Витовтъ бросилъ осаду Воронича и вышелъ изъ Псков-

ской области потому, что внукъ его, московскій князь, просилъ его объ этомъ, такъ какъ эта область считалась за Москвою. Уходя изъ Псковской области, Витовтъ взялъ съ Пскова контрибуцію въ 1000 руб.

Послѣ похода на Псковскую область, Витовтъ въ 1428 г. ходилъ войною и на Новгородскую. Въ Новгородѣ въ это время произошла ссора между московскою и литовскою партіею и во время этой ссоры московская партія обозвала литовскаго князя пьяницей и измѣнникомъ, о чемъ ему и было донесено. Витовтъ оскорбился этимъ и объявилъ новгородцамъ войну. Сначала онъ напалъ на Вышгородъ, потомъ на Порховъ. Къ Порхову, по словамъ одного лѣтописца, Витовтъ привезъ огромныхъ размѣровъ пушку, по имени „галку". Литовскій князь думалъ этой пушкой устрашить жителей и однимъ выстрѣломъ снести полгорода, но съ нею случился такой казусъ: когда ее зарядили и дали первый выстрѣлъ, то пушку разорвало въ куски, причемъ убиты были: мастеръ этой пушки, затѣмъ воевода полоцкій и много разныхъ людей; самъ Витовтъ, близко стоявшій, чуть было не лишился жизни отъ страха. Но, не смотря на это, Порховъ не могъ долго удержаться, онъ былъ взятъ и заплатилъ 5,000 р. контрибуціи. Послѣ этого новгородцы обратились къ Витовту съ просьбою о мирѣ. Просьба была принята: миръ былъ заключенъ, но при этомъ сами новгородцы заплатили Витовту 5,000 руб. и еще 1000 руб. за плѣнныхъ; деньги эти собраны были со всѣхъ волостей Новгородской земли по одному рублю съ десяти человѣкъ. „Вотъ вамъ за то, что назвали меня измѣнникомъ и бражникомъ!" сказалъ Витовтъ, принимая деньги.

II) Дѣла рязанскія. Рязанское или Рязанско-Муромское княжество занимало среднее теченіе р. Оки. Столицею его былъ городъ Рязань. Городъ этотъ находился на правомъ крутомъ берегу р. Оки, гдѣ теперь расположено небольшое село Рязанской губерніи, Спасскаго уѣзда, такъ называемое „Старая Рязань". Въ 1237 году Рязань была разрушена Батыемъ до основанія; съ тѣхъ поръ городъ этотъ пересталъ быть столицею Рязанскаго княжества: мѣсто его заступилъ городъ Переяславль, переименованный въ 1778 году въ нынѣшнюю Рязань.

Первымъ княземъ Рязанско-Муромской земли былъ св. Глѣбъ (сынъ Владимира Святого). Послѣ Ярослава I-го здѣсь утвердилась младшая вѣтвь Ярославичей черниговскихъ. Первымъ отдѣльнымъ княземъ послѣ святого Глѣба былъ Ярославъ Святославовичъ (1127—1129). По смерти его Рязанское княжество распадается на два княжества: Рязанское и Муромское. Андрей Боголюбскій и сынъ его Всеволодъ III подчинили себѣ Рязань. Послѣ Всеволода III были слѣдующіе замѣчательные князья: Глѣбъ и Константинъ Владимировичи (правнуки Ярослава Святославовича). Они перебили всѣхъ своихъ родственниковъ и овладѣли всѣмъ Рязанскимъ княжествомъ. Но оставшійся въ живыхъ

ихъ родственникъ Ингварь Игоревичъ изгналъ убійцъ и самъ сдѣлался княземъ въ 1219 году. Послѣ Ингваря въ Рязани княжилъ братъ его Олегъ. Сынъ Олега Романъ былъ убитъ въ ордѣ въ 1270 году. По смерти Олега княжили въ Рязани одинъ за другимъ сыновья Романа. При нихъ Рязанское княжество раздѣляется на двѣ волости—Рязанскую и Пронскую и между этими волостями идетъ усобица, съ этого времени и московскіе князья начинаютъ нападать на Рязань (Іоаннъ Калита). Въ 1333 году на рязанскомъ престолѣ сѣлъ правнукъ Романа (убитаго въ ордѣ) Иванъ Ивановичъ Кротополъ. Съ 1350 года по 1402 г. рязанскій столъ занимаетъ внукъ троюроднаго брата Кротопола (Александра Михайловича) Олегъ Ивановичъ.

Олегъ Ивановичъ былъ тесть послѣдняго смоленскаго князя Юрія Святославовича. Онъ, какъ мы видѣли, былъ разбитъ союзниками Витовта около города Любутска и вслѣдствіе этого пораженія скоро умеръ. Послѣ его смерти остался сынъ Ѳеодоръ. Этотъ послѣдній внутри своего княжества долженъ былъ вступить въ борьбу съ пронскимъ княземъ Иваномъ Владимировичемъ, который старался отложиться отъ Рязани; не имѣя силъ одолѣть своего противника, Ѳеодоръ Олеговичъ обратился за помощью къ московскому князю. Московскій князь помогъ ему, за что Ѳеодоръ призналъ себя младшимъ братомъ московскаго князя и его подручникомъ. Но вотъ въ 1426 году, какъ мы видѣли, умираетъ московскій князь Василій Димитріевичъ и оставляетъ своего малолѣтняго сына Василія подъ опекою жены своей Софіи и тестя своего Витовта, а вслѣдъ затѣмъ, годъ спустя, сходитъ въ могилу и рязанскій князь Ѳеодоръ Олеговичъ, и тоже оставляетъ малолѣтняго сына Ивана. Между тѣмъ, пронскій князь Иванъ Владимировичъ, пользуясь малолѣтствомъ Ивана Ѳеодоровича и смертію московскаго князя, началъ опять стремиться къ захвату Рязанскаго княжества; тогда Иванъ Ѳеодоровичъ сталъ искать союза съ Витовтомъ. Вслѣдствіе этого въ 1428 г. состоялся договоръ между Витовтомъ и рязанскимъ княземъ. По этому договору рязанскій князь сталъ какъ бы подручникомъ Витовта: онъ призналъ литовскаго князя своимъ покровителемъ, уступилъ ему нѣсколько волостей и между прочимъ г. Тулу, въ то же время далъ слово, что будетъ помогать Москвѣ только тогда, когда пожелаетъ этого Витовтъ, а въ случаѣ какого-нибудь спора или смѣшаннаго суда признавать третейскимъ судьею самого Витовта. Но такъ какъ эта зависимость Рязани отъ Литвы была чисто случайная и произошла вслѣдствіе малолѣтства московскаго князя, то она и кончилась скоро: тотъ же Иванъ Ѳеодоровичъ (послѣ смерти Витовта), умирая, въ 1456 году, отдалъ своего малолѣтняго сына (8 лѣтъ) московскому князю въ опеку.

III) Дѣла тверскія. Мы уже видѣли, при изложеніи княженія Ольгерда, что вліяніе на дѣла тверскія въ то время пріобрѣла Москва,

По смерти Ольгерда тверскіе князья колеблются между Москвою и Литвою и выбираютъ, съ кѣмъ выгоднѣе имѣть дѣло. По кончинѣ шурина Ольгердова Михаила Александровича, послѣдовавшей въ 1399 году, осталось четыре сына его: Иванъ, женатый на сестрѣ Витовта, Василій, Борисъ и Ѳеодоръ. Отцовскій столъ занялъ Иванъ. Братья не долго жили въ согласіи: скоро между ними началась ссора, пользуясь которою московскій князь еще болѣе утвердилъ свое вліяніе въ Твери. Но по смерти Василія Димитріевича, а вслѣдъ затѣмъ, два года спустя, и Ивана Михайловича, когда на московскомъ престолѣ сѣлъ внукъ Витовта Василій Васильевичъ, а на тверскомъ престолѣ внукъ Ивана Михайловича (слѣдовательно родственникъ Витовта—внукъ по сестрѣ), литовское вліяніе въ Тверскомъ княжествѣ пріобрѣло перевѣсъ предъ московскимъ. Въ 1427 г. Борисъ Александровичъ (сынъ Александра Ивановича, внукъ Витовта) заключилъ договоръ съ литовскимъ княземъ, по которому призналъ себя его подручникомъ. Но и зависимость Твери отъ Литвы, какъ и Рязани, продолжалась не долго: она тоже кончилась со смертію Витовта. Правда, тверскіе князья и послѣ этого долго колебались между Москвою и Литвою, пока первая окончательно не поглотила Тверского княжества.

Послѣ признанія Москвою, Рязанью и Тверью покровительства и даже нѣкотораго подчиненія литовскому князю, послѣдній достигъ апогея своего величія и ему не было равнаго во всей восточной Европѣ. Внутри Литовскаго государства уже давно не существовало удѣльной системы: братья и родственники Витовта и другіе удѣльные князья большею частію сошли въ могилу, а оставшіеся въ живыхъ были имъ усмирены и придавлены. Самымъ опаснымъ и сильнымъ удѣльнымъ княземъ въ Литвѣ прежде былъ Свидригайло, но и тотъ теперь, послѣ бѣгства изъ заключенія и потомъ полученія отъ Витовта Брянска въ Сѣверской землѣ, сидѣлъ тихо и спокойно, выжидая лучшаго времени. Относительно внутренней дѣятельности Витовта, особенно по установленію единодержавія, нужно сказать, что онъ съумѣлъ во время своего правленія сдержать разнородные элементы, населяющіе его государство, въ предѣлахъ повиновенія и достигнуть неограниченной власти; этимъ, конечно, онъ устранилъ на время опасность окончательнаго распаденія Литовскаго государства. Но въ то же время нельзя также не замѣтить, что Витовтъ почти ничего не сдѣлалъ для упроченія самобытности Литовскаго государства и былъ, какъ мы уже говорили, однимъ изъ главныхъ лицъ, способствовавшихъ быстрому разложенію и политической смерти Литвы.

Попытка Витовта отдѣлить Литовское государство отъ Польши. Съѣздъ въ Луцкѣ. Смерть Витовта. На Городельскомъ сеймѣ, какъ мы видѣли, положено было: что, въ случаѣ смерти Витовта бездѣтнымъ, Литовское государство переходитъ къ Ягайлѣ, а въ случаѣ смерти

Ягайлы бездѣтнымъ, Польша переходитъ къ Витовту. Но вотъ наступила вторая четверть XV-го столѣтія, литовскому князю было около 80 лѣтъ, дѣтей у него дѣйствительно не было, тогда какъ у Ягайлы, которому въ это время было далеко за 70 лѣтъ, уже было два сына отъ четвертой супруги Софіи (родомъ русской, но принявшей католичество) и третьимъ ребенкомъ она была беременна; значитъ, Литовское государство по смерти Витовта должно было перейти или къ Ягайлѣ, если онъ переживетъ Витовта, или же къ одному изъ сыновей его. И вотъ Витовтъ, къ концу жизни своей, вдругъ сталъ хлопотать объ отдѣленіи Литовскаго государства отъ Польши, и притомъ сталъ хлопотать явно и съ такою энергіею, какой онъ не проявлялъ никогда раньше относительно этого дѣла [1]). Прежде всего Витовтъ рѣшился устранить дѣтей Ягайлы отъ права на польско-литовскій престолъ; съ этою цѣлію онъ въ 1427 г., на новомъ Городельскомъ сеймѣ весьма искуснымъ образомъ возбудилъ въ семидесятилѣтнемъ старцѣ Ягайлѣ подозрѣніе на счетъ вѣрности своей жены Софіи, что подало поводъ къ скандальнымъ сценамъ: многихъ молодыхъ рыцарей арестовали по подозрѣнію въ тайныхъ связяхъ съ королевою, нѣкоторыхъ изъ ея фрейлинъ отвезли въ Литву и подвергли пыткамъ, но не добились показаній, обвиняющихъ королеву. Дѣло продолжалось болѣе года и кончилось только тогда, когда сама королева предъ королемъ и вельможами принесла такъ называемую очистительную клятву въ своей невинности; послѣ этого супружеское согласіе возстановилось: король помирился съ своею женою, которая скоро подарила ему и третьяго сына, названнаго при крещеніи Казимиромъ.

Когда Витовту посредствомъ интригъ не удалось устранить дѣтей Ягайлы отъ права на литовскій престолъ, то очень можетъ быть, что онъ больше и не пріискивалъ бы средствъ для отдѣленія своего государства отъ Польши, если бы не нашлось человѣка, который снова подвинулъ его на это дѣло и притомъ въ высшей степени заманчивымъ для старческаго самолюбія 80-ти-лѣтняго Витовта подаркомъ, именно—предложеніемъ ему королевской короны. Человѣкъ этотъ былъ германскій императоръ Сигизмундъ. Предлагая Витовту королевскій вѣнецъ и побуждая его къ отдѣленію отъ Польши, германскій императоръ имѣлъ въ виду свои личныя выгоды. Въ это время Сигизмундъ велъ войну съ чехами (гусситами) и турками, а такъ какъ онъ не могъ собственными силами одолѣть ни тѣхъ, ни другихъ, то обратился за помощью къ польскому королю Ягайлѣ; когда же тотъ отказалъ ему въ помощи и при этомъ заявилъ еще, что безъ совѣта съ Витовтомъ

[1]) Вѣроятно, кто-нибудь подбилъ его на это, такъ какъ онъ, какъ это видно изъ его поступковъ, никогда не имѣлъ ни въ одномъ важномъ дѣлѣ собственной инициативы.

онъ ничего угоднаго для Сигизмунда не можетъ сдѣлать, то императоръ и порѣшилъ сначала сблизиться съ Витовтомъ, и для обезпеченія успѣха въ этомъ дѣлѣ предложить ему корону. Старикъ съ жаромъ ухватился за это предложеніе: ему сильно хотѣлось украсить свою сѣдую голову королевскимъ вѣнцомъ. По этому поводу начались частыя пересылки между Сигизмундомъ и Витовтомъ и, наконецъ, порѣшили съѣхаться въ Луцкѣ, куда приглашены были: Ягайло, московскій князь и много другихъ князей. Этотъ знаменитый съѣздъ былъ въ 1429 году. Ягайло пріѣхалъ въ сопровожденіи блестящей свиты. Во главѣ этой свиты стояли: архіепископъ гнѣзненскій Стрембецъ и епископъ краковскій Збигнѣвъ Олесницкій [1]). Сюда прибыли также: внукъ Витовта Василій Васильевичъ, князь московскій, въ сопровожденіи митрополита Фотія, и князья тверской и рязанскій. Тутъ были: ханъ перекопской орды, магистры тевтонскій и ливонскій, папскій легатъ и византійскій посолъ. Было тутъ еще много удѣльныхъ князей и бояръ, подчиненныхъ Витовту. 22-го января прибылъ въ Луцкъ и германскій императоръ Сигизмундъ. Онъ встрѣченъ былъ за городомъ всѣми пріѣхавшими гостями и представителями разныхъ религій. По свидѣтельству лѣтописцевъ, въ Луцкѣ собралось гостей до 15,000 человѣкъ. Съѣздъ этотъ продолжался 7 недѣль и стоилъ Витовту большихъ расходовъ. Говорятъ, что на продовольствіе гостей каждую недѣлю выходило 700 бочекъ меду, кромѣ разнаго рода винъ, 700 яловицъ, 700 барановъ и вепрей, по 60 зубровъ и по 100 лосей, а разной мелкой дичи столько, что и сосчитать трудно было.

Главные вопросы, поднятые при совѣщаніи на этомъ съѣздѣ, были слѣдующіе два: а) о примиреніи и соединеніи двухъ церквей—православной и католической, для общаго дѣйствія противъ турокъ, съ цѣлію оказать помощь византійскому императору, и б) о принятіи Витовтомъ королевской короны. По поводу перваго вопроса Сигизмундъ, между прочимъ, сказалъ: „я понуждаю папу, чтобы онъ созвалъ соборъ для примиренія съ гусситами (въ это время, какъ мы уже замѣтили выше, шла у Сигизмунда война съ гусситами) и преобразованія церкви; самъ отправлюсь туда, если только онъ согласится созвать соборъ, если же не согласится, то созову соборъ собственною властію. Не должно пренебрегать также и соединеніемъ съ греками, потому что они исповѣ-

[1]) Збигнѣвъ Олесницкій отличался даровитостью и необыкновенною преданностію польскимъ интересамъ. Еще будучи молодымъ человѣкомъ, онъ находился въ свитѣ Ягайлы во время Грюнвальдской битвы и тамъ имѣлъ случай спасти короля отъ смерти, когда нѣмцы, во время одного изъ сильныхъ нападеній, прорвали ряды польскихъ войскъ и добрались до Ягайлы. Послѣ этого случая Збигнѣвъ началъ возвышаться; кромѣ епископскаго сана онъ еще состоялъ главнымъ секретаремъ королевской канцеляріи и управлялъ всѣми дипломатическими дѣлами.

дуютъ одну съ нами вѣру, отличаясь отъ насъ только бородами, да тѣмъ, что священники у нихъ женатые. Но этого, однако, не должно имъ ставить въ упрекъ, потому что греческіе священники довольствуются одною женою, а латинскіе держатъ ихъ по десяти и больше". Эти слова сильно не понравились полякамъ, а потому они подъ разными предлогами отклонили походъ противъ турокъ, который предполагался.

Затѣмъ приступили ко второму вопросу—о признаніи Витовта королемъ. Но когда объ этомъ поднятъ былъ вопросъ, то ужасу и негодованію поляковъ не было предѣловъ: они сразу увидѣли, къ чему дѣло идетъ, именно, къ отдѣленію Литовскаго государства отъ Польши, а слѣдовательно и къ потерѣ самой лучшей, самой дорогой для нихъ статьи доходовъ и самой важной опоры для политическаго существованія Польши, а потому всѣми силами стали противиться намѣреніямъ Витовта. Первый выступилъ съ громовою рѣчью противъ литовскаго князя Збигнѣвъ Олесницкій, епископъ краковскій, который въ сильныхъ и весьма рѣзкихъ словахъ укорялъ Витовта за его желаніе принять королевскую корону, такъ какъ этимъ желаніемъ явно нарушаются всѣ договоры и клятвы, утвердившіе соединеніе Литовскаго государства съ Польскимъ. Когда же это не подѣйствовало, то польское духовенство и польскіе паны, бывшіе на съѣздѣ, немедленно уѣхали изъ города, а въ слѣдующую ночь за ними бѣжалъ и Ягайло. Съѣздъ разстроился.

Но не смотря на противодѣйствіе польскихъ пановъ и польскаго духовенства, Витовтъ все-таки рѣшился во что бы то ни стало достигнуть своей цѣли, т. е. королевскаго титула и королевскаго вѣнца. Чтобы привлечь на свою сторону поляковъ, Витовтъ сталъ обдаривать ихъ дорогими подарками и сыпать золото безъ счета; такимъ путемъ многихъ изъ нихъ онъ успѣлъ склонить на свою сторону, самъ Ягайло былъ не прочь исполнить его желаніе. Но съ Збигнѣвомъ Витовтъ ничего не могъ подѣлать: того подкупить нельзя было. Два раза Збигнѣвъ съ другими панами ѣздилъ къ литовскому князю уговаривать его отказаться отъ своего намѣренія; Витовту даже предложили польскую корону, которую сложитъ Ягайло, но ничего не подѣйствовало. О желаніи Витовта быть самостоятельнымъ королемъ дали знать папѣ Мартину V. По этому поводу папа прислалъ письмо литовскому князю и уговаривалъ его оставить свое намѣреніе на счетъ короны, но и письмо папы не подѣйствовало на Витовта: онъ твердо рѣшился принять королевскій титулъ и королевскую корону и особымъ письмомъ просилъ Сигизмунда прислать ему королевскую корону для коронованія. Сигизмундъ обѣщалъ.

15-е августа 1430 года Витовтъ избралъ для своего коронованія и пригласилъ къ этому дню многихъ иностранныхъ гостей, въ томъ

числѣ и московскаго князя. Но такъ какъ посланные отъ Сигизмунда съ короною опоздали явиться къ назначенному дню, то коронація была отложена до 8-го сентября. Въ сентябрѣ состоялся новый съѣздъ гостей къ Витовту, на этотъ разъ уже въ самомъ столичномъ городѣ Литовскаго государства, Вильнѣ. Число гостей было приблизительно такое же, какъ и въ Луцкѣ. На этотъ съѣздъ пріѣхалъ и Ягайло вмѣстѣ съ Збигнѣвомъ Олесницкимъ. Все было готово для коронаціи, ожидали только пословъ отъ Сигизмунда съ короною; но посольство не являлось. Поляки, не желая коронаціи Витовта, а слѣдовательно и отдѣленія Литвы отъ Польши, разставили по границамъ сторожевые отряды, чтобы схватить пословъ, везшихъ корону Витовту. Послы германскаго императора, узнавъ объ этомъ, не рѣшились переступить границы своего государства; просидѣвъ нѣкоторое время въ Бранденбургѣ, они вернулись обратно къ Сигизмунду. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Витовта, то она такъ поразила его, что онъ заболѣлъ. Гости мало-по-малу стали разъѣзжаться, остались только Ягайло, московскій князь и московскій митрополитъ Фотій. Заболѣлъ Витовтъ какимъ-то злокачественнымъ нарывомъ между плечъ (корбункуломъ). Въ началѣ октября онъ со всѣмъ своимъ дворомъ переѣхалъ въ Троки, въ свой замокъ, и тамъ 27-го октября, на глазахъ Ягайлы, московскаго князя и митрополита Фотія, скончался. Погребенъ онъ въ виленскомъ католическомъ соборѣ св. Станислава; надъ его могилою въ настоящее время есть надгробная плита, а надъ нею икона Богоматери, присланная Витовту въ 1386 году греческимъ императоромъ Мануиломъ.

Витовтъ былъ три раза женатъ: первая супруга его была Марія, дочь князя лукомскаго и стародубскаго; вторая—Анна Святославовна, княжна смоленская, и третья, пережившая его, Юліанія, княжна ольшанская. Дѣтей у него не осталось.

При Витовтѣ, какъ мы уже выше замѣчали, Литовское государство достигло послѣднихъ предѣловъ своего территоріальнаго развитія. Если теперь попытаться возстановить границы Литовскаго государства при этомъ князѣ, то можно предположить приблизительно слѣдующее ихъ очертаніе: на востокѣ граница Литовскаго государства, начиная отъ Чернаго моря, шла по р. Днѣпру до устья Ворсклы; отсюда по Ворсклѣ, верховьямъ Псела—до Курска, гдѣ пересѣкала Сеймъ и упиралась въ устье р. Зуши (притокъ Оки); отъ устья Зуши граница направлялась по Окѣ, Угрѣ, верховьямъ Днѣпра, Обши (притокъ Межи, а Межа—З.-Двины) и примыкала къ Волгѣ около Ржева; отъ Ржева шла сѣверная граница; отъ этого города граница Литовскаго государства, поворотивши къ западу, проходила по верховью З.-Двины чрезъ Торопецкую область къ верхнему теченію р. Великой; отсюда граница круто

поворачивала къ З.-Двинѣ и пересѣкала ее недалеко отъ Динабурга; затѣмъ граница шла параллельно З.-Двинѣ къ Балтійскому морю и городу Мемелю (моря не касалась); отъ Мемеля шла западная граница; пересѣкши Нѣманъ выше Юрбурга, она направлялась къ р. Нареву, въ устье Бобра, а отсюда къ Бресту; отъ Бреста граница Литовскаго государства шла по З.-Бугу къ Днѣстру и упиралась въ него у Хотина; отъ Хотина шла по Днѣстру и оканчивалась у Чернаго моря. Черное море составляло южную границу. Около этого моря Витовтъ построилъ нѣсколько замковъ, а именно: Черный городъ и Маякъ-Караулъ, а также основалъ таможню.

Свидригайло [1]).

1430—1432 г.

Послѣ кончины бездѣтнаго Витовта въ Литвѣ и Польшѣ поднялся вопросъ, кто долженъ быть его преемникомъ. Вопросъ весьма важный какъ для поляковъ, такъ и для населенія Литовскаго государства. Первые хотѣли видѣть на литовскомъ престолѣ такого человѣка, который бы вполнѣ преданъ былъ ихъ интересамъ и, главное, поддерживалъ бы идею политической уніи Литвы съ Польшею, а вторые, наоборотъ, желали бы имѣть правителемъ у себя такую личность, которая дѣйствовала бы въ разрѣзъ польскимъ стремленіямъ, а главное, постарался бы разрушить политическую связь Литовскаго государства съ Польскимъ, какъ насильнымъ образомъ навязанную литовско-русскому населенію государства Гедиминовичей. Главными кандидатами на престолъ Литовскаго государства, за исключеніемъ Ягайлы Ольгердовича [2]), были: младшій братъ польскаго короля Свидригайло Ольгердовичъ и младшій братъ Витовта Сигизмундъ Кейстутовичъ [3]). Первый канди-

---

[1]) Какъ о Свидригайлѣ, такъ и о всѣхъ дальнѣйшихъ князьяхъ бывшаго Литовскаго княжества можно найти во всѣхъ и русскихъ, и польскихъ исторіяхъ. О Свидригайлѣ есть отдѣльное сочиненіе Коцебу, подъ заглавіемъ: „Свидригайло, великій литовскій князь“ (переводъ съ нѣмецкаго). 1835 г. Смотр. также соч. Стадницкаго: „Братья Владислава-Ягайлы“; Иловайскаго т. III, гл. 7. Но большія подробности находятся въ разныхъ лѣтописяхъ, хроникахъ и документахъ, которыми мы пользовались.

[2]) Первымъ и самымъ главнымъ кандидатомъ на литовскій престолъ, на основаніи наслѣдственныхъ правъ и прежнихъ договоровъ, былъ Ягайло и онъ легко могъ бы сдѣлаться великимъ княземъ Литовскаго государства, для этого нужно было бы ему только отказаться отъ польской короны, а этого послѣдняго онъ не хотѣлъ сдѣлать; присоединить же Литву къ Польшѣ онъ не рѣшался, въ виду всеобщаго возбужденія литовско-русской народности противъ поляковъ и ихъ эгоистическихъ цѣлей.

[3]) Кромѣ вышеозначенныхъ кандидатовъ главныхъ, были еще и второстепенные: внуки Ольгерда, сыновья Корибута, Лугвеня и Владимира Ольгердовичей; всѣ они были православные.

датъ соотвѣтствовалъ желаніямъ литовско-русской народности, а второй—польско-католической. Польскіе магнаты, сейчасъ же по смерти Витовта, составили было совѣтъ, на которомъ положили употребить всѣ силы на возведеніе Сигизмунда Кейстутовича на литовскій престолъ; но не успѣли въ этомъ, потому что представители литовско-русскаго населенія на другой же день по смерти Витовта бросились къ Свидригайлѣ, который въ это время княжилъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ и Брянскѣ и провозгласили его своимъ государемъ. Затѣмъ они явились къ Ягайлѣ и съ такою настойчивостію потребовали отъ него согласія на признаніе Свидригайлы великимъ княземъ Литовскаго государства, что тотъ не только согласился на ихъ требованіе, но даже не рѣшился обязать брата никакими клятвами и договорами, и не выговорилъ у него никакихъ областей въ пользу Польши, какъ того желали поляки. Такимъ образомъ, вопреки стремленіямъ поляковъ и ихъ замысламъ, на литовскій престолъ попалъ человѣкъ, менѣе всего имъ желательный.

Свидригайло родился въ 1355 году и былъ крещенъ своею матерью въ православную вѣру съ именемъ Льва. Въ 1386 году онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Ягайлою перешелъ въ Краковѣ въ католичество, причемъ получилъ новое имя Болеславъ. Но, не смотря на это, Свидригайло не сдѣлался внутренно католикомъ, а тѣмъ болѣе полякомъ. Воспитанный съ самыхъ юныхъ лѣтъ въ духѣ православной вѣры и среди русскаго населенія, Свидригайло всю жизнь свою оставался въ душѣ православнымъ [1]) и всецѣло преданнымъ русской народности и ея интересамъ [2]); въ то же время онъ былъ непримиримымъ врагомъ поляковъ и ненавистникомъ идеи политической уніи Литовскаго государства съ Польскимъ. Уже при Витовтѣ, какъ мы видѣли выше, Свидригайло возставалъ противъ своихъ братьевъ за ихъ симпатіи къ полякамъ и хотѣлъ разрушить эту унію. Сдѣлавшись же великимъ княземъ въ Литовскомъ государствѣ, Свидригайло съ необыкновенною силою и энергіею сталъ дѣйствовать и противъ замысловъ поляковъ, и противъ соединенія Литвы съ Польшею. Окруживши престолъ свой исключительно русскими вельможами и опираясь на русское населеніе въ своемъ государствѣ, Свидригайло сейчасъ же, послѣ вѣнчанія литовскою короною, заявилъ брату своему Ягайлѣ и имени-

---

[1]) Нѣкоторые историки говорятъ, что Свидригайло не долго оставался даже формально католикомъ: онъ скоро опять перешелъ въ православіе и снова принялъ имя Льва.

[2]) Женатъ онъ былъ на русской и православной, именно: на сестрѣ тверского князя Бориса. Жену свою, отличавшуюся рѣдкою красотою и глубокимъ благочестіемъ, онъ сильно любилъ, а это послѣднее еще крѣпче привязывало его къ русской народности.

тымъ полякамъ, бывшимъ на торжествѣ вѣнчанія, что союзъ Литовскаго государства съ Польскимъ вреденъ, что онъ, Свидригайло, не подчиненъ ни Польшѣ, ни Ягайлѣ, а „князь литовскій волею Божіею и по наслѣдству отъ предковъ". Неудивительно послѣ этого, что польскіе вельможи, какъ только Свидригайло утвердился на литовскомъ престолѣ и объявилъ себя врагомъ политической уніи, страшно возненавидѣли его, а писатели ихъ того времени постарались изобразить сего князя въ своихъ хроникахъ самыми черными красками; по ихъ описанію, новый литовскій государь былъ нрава буйнаго и жестокаго, ограниченнаго ума, сильно преданъ пьянству и рѣшительно неспособенъ къ управленію государствомъ. Насколько безпристрастна и справедлива характеристика Свидригайлы въ польскихъ хроникахъ,—мы хорошо не знаемъ; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію то, что дурныя стороны характера Свидригайлы сильно преувеличены польскими хронистами; но доля справедливости у этихъ писателей все-таки есть: это подтверждаютъ и нѣкоторые поступки Свидригайлы [1]). Самый главный недостатокъ характера Свидригайлы состоялъ въ чрезмѣрной крутости его; а недостатокъ ума, какъ обнаружилось впослѣдствіи, въ примѣненіи его къ практической дѣятельности, въ неумѣніи пользоваться обстоятельствами при достиженіи главной цѣли: разрушить политическую связь Литвы съ Польшею. Эти недостатки были причиною того, что многія дѣльныя личности отшатнулись отъ Свидригайлы, а это дало возможность восторжествовать надъ нимъ его врагамъ и такимъ образомъ погубить начатое имъ дѣло. Съумѣй Свидригайло обуздать свой характеръ и воспользоваться обстоятельствами, унія Литвы съ Польшею рушилась бы скоро, такъ какъ она была слишкомъ непрочна и рѣшительно не соотвѣтствовала желаніямъ всего населенія въ Литовскомъ государствѣ.

Нападеніе поляковъ на Подоліе и Волынь. Борьба Свидригайлы съ поляками и ихъ сторонникомъ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ. Такъ какъ поляки послѣ восшествія на литовскій престолъ Свидригайлы потеряли уже всякую надежду не только на добровольное продолженіе подчиненія Литовскаго государства польской коронѣ, но даже и на малѣйшую уступку территоріи сего государства въ пользу Польши, то рѣшились внезапнымъ образомъ захватить хоть какую-нибудь область Литовскаго государства и сдѣлать ее собственностію Польши. Для этой цѣли они намѣтили Подоліе и Волынь, которыя съ давнихъ поръ

---

[1]) Такъ, напримѣръ, одного изъ князей ольшанскихъ, державшаго сторону Сигизмунда, Свидригайло велѣлъ схватить, зашить въ мѣшокъ и бросить въ Двину; митрополита Герасима, бывшаго своего друга, онъ сжегъ на кострѣ за сношенія съ тѣмъ же Сигизмундомъ; товарища и друга дѣтства Ѳеодора Острожскаго бросилъ въ тюрьму.

служили причиною многихъ войнъ Литвы съ Польшею. Весною 1431 г. огромная толпа вооруженной шляхты, подъ начальствомъ двухъ пановъ—братьевъ Бучатскихъ—ворвалась въ Подоліе и въ короткое время овладѣла ея городами: Каменцомъ, Смотричемъ, Скалою и Червоноградомъ. Затѣмъ Бучатскіе двинулись было на Волынь и хотѣли овладѣть Владимиромъ и Луцкомъ, но потерпѣли полную неудачу: русскіе воеводы, управлявшіе въ это время названными городами, отбили ихъ съ урономъ. Между тѣмъ объ этомъ узналъ Свидригайло; онъ пришелъ въ ярость и въ порывѣ своего справедливаго негодованія едва не перебилъ всей свиты своего брата Ягайлы, которая въ это время вмѣстѣ съ нимъ гостила въ Вильнѣ [1]), а самого Ягайлу схватилъ за бороду и потрясъ ее съ такою силою, что чуть было не оторвалъ вмѣстѣ съ нижнею челюстью. Испуганные паны на первыхъ порахъ растерялись и не знали, что дѣлать; но потомъ, опомнившись, задумали убить Свидригайлу, а затѣмъ захватить виленскій замокъ и защищаться въ немъ до прибытія помощи изъ Польши. Но Ягайло не согласился на это: онъ рѣшился уладить дѣло съ братомъ мирнымъ путемъ. Съ этою цѣлію въ одной изъ залъ виленскаго замка состоялось свиданіе братьевъ, на которомъ Ягайло далъ слово возвратить Свидригайлѣ Подоліе. Литовскій князь обрадовался уступчивости короля, утихъ и началъ ласкать брата и свиту его, а потомъ, богато одаривши всѣхъ, отпустилъ въ Польшу. Но польскіе вельможи, не смотря на данное ихъ королемъ слово возвратить брату Подоліе, стали придумывать средство помѣшать намѣренію Ягайлы, наконецъ придумали: тайнымъ образомъ дали знать польскому коменданту главнаго города Подолія, Каменца, чтобы онъ не слушался королевскаго повелѣнія, не сдавалъ города Литвѣ, а заключилъ бы въ оковы пословъ Ягайлы и Свидригайлы. Комендантъ въ точности исполнилъ приказаніе польскихъ вельможъ [2]). Когда объ этомъ новомъ вѣроломномъ поступкѣ сдѣлалось извѣстно Свидригайлѣ, то онъ, пылая мщеніемъ, собралъ войско и двинулся въ Подоліе на поляковъ. Но походъ этотъ былъ неудаченъ. Правда, Свидригайло овладѣлъ Скалою и Червоноградомъ, но главные города Подолія—Каменецъ и Смотричъ—остались въ рукахъ поляковъ. Тогда польскіе вельможи, ободренные

---

[1]) Это было скоро послѣ коронаціи Свидригайлы, на которую пріѣзжалъ Ягайло со свитою.

[2]) Объ этомъ вѣроломномъ поступкѣ польскихъ вельможъ нѣкоторые историки разсказываютъ такъ: когда Ягайло далъ слово Свидригайлѣ возвратить Подоліе, захваченное Бучатскими, то къ этимъ послѣднимъ, жившимъ въ сіе время въ Каменцѣ и управлявшимъ Подоліемъ, посланъ былъ отъ короля бояринъ, нѣкто Тарлъ Щекоревичъ съ приказаніемъ возвратить Каменецъ русскому воеводѣ, князю Михаилу Бабѣ. Польскіе же вельможи, находившіеся въ Вильнѣ при Ягаѣлѣ, придумали слѣдующую хитрость, чтобы Бочатскіе не исполнили приказанія короля. Они написали имъ письмо, въ которомъ совѣтовали

неудачнымъ походомъ литовскаго князя на Подоліе, рѣшились наказать Свидригайлу за его строптивость примѣрнымъ образомъ: они собрали сеймъ въ Судомирѣ и тутъ положили отправить пословъ въ Вильну и энергически потребовать отъ Свидригайлы: во-первыхъ, признанія за Польшею Подолія, какъ области уже ими захваченной; во-вторыхъ, уступки Польшѣ Волынской области, и въ-третьихъ, немедленнаго прибытія въ Краковъ для принесенія торжественной клятвы въ ленной зависимости отъ польской короны. Посольство отправилось. Во главѣ этого посольства поставленъ былъ нѣкто Янъ Лутека-Бржескій, человѣкъ смѣлй, умный и краснорѣчивый. По прибытіи посольства въ столицу Литовскаго государства, Бржескій немедленно явился на аудіенцію къ Свидригайлѣ. Тутъ смѣлый панъ Бржескій съ первыхъ словъ началъ говорить литовскому князю дерзости: онъ хотѣлъ, очевидно, разыграть роль Збигнѣва Олесницкаго, но не встрѣтилъ въ лицѣ Свидригайлы трусливаго Витовта: въ отвѣтъ на дерзости пана литовскій князь далъ ему такую звонкую пощечину, что тотъ какъ бомба вылетѣлъ въ другую комнату и едва не вышибъ двери своимъ лбомъ. Тѣмъ и кончилось это посольство. Бржескій уѣхалъ ни съ чѣмъ, увозя съ собою пощечину. Но для Свидригайлы теперь ясно стало, что безъ кровопролитной войны съ поляками ему не отстоять независимости Литвы. Послѣ совѣта съ своими приближенными, Свидригайло началъ энергически готовиться къ походу на Польшу. Для большаго успѣха онъ заключилъ союзъ съ Тевтоно-Ливонскимъ орденомъ противъ Польши и вошелъ въ сношенія съ германскимъ императоромъ Сигизмундомъ. Императоръ, опасаясь усиленія Польши, отъ себя лично просилъ означенный орденъ, чтобы тотъ энергичнѣе дѣйствовалъ за литовскаго князя противъ поляковъ; самому же Свидригайлѣ черезъ посла обѣщалъ вѣнчать его тѣмъ королевскимъ вѣнцомъ, который приготовленъ былъ для Витовта, но при этомъ заявилъ, что онъ самъ, императоръ, въ настоящее время не можетъ оказать литовскому князю существенной помощи, въ родѣ присылки войска, такъ какъ занятъ теперь войною съ гусситами. Между тѣмъ поляки, узнавши объ энергическихъ приготовленіяхъ Свидригайлы противъ нихъ и о его союзѣ съ орденомъ и императоромъ, пришли въ ужасъ; они рѣшились послать новое посольство къ литовскому князю и уладить дѣло мирнымъ путемъ. Во главѣ этого посоль-

удержать за Польшею Каменецъ и все Подоліе, а пословъ князя и короля заключить въ тюрьму. Но такъ какъ это письмо неудобно было переслать черезъ Тарла, то поляки облили его воскомъ и сдѣлали изъ него подобіе свѣчи; затѣмъ свѣчу эту вмѣстѣ съ письмомъ они вручили одному изъ слугъ Тарла и приказали передать ее Бучатскимъ съ словами: „чтобы тѣ поискали въ ней свѣта“. Подобнаго рода свѣчи нерѣдко посылались въ отдаленныя мѣстности для зажженія предъ иконами, а потому эта свѣча не возбудила подозрѣнія. Бучатскіе, сломавъ присланную свѣчу, прочитали письмо и все, что въ немъ было написано, исполнили въ точности.

ства отправленъ былъ тотъ же Бржескій, который недавно получилъ пощечину отъ Свидригайлы. Результатъ второго посольства такъ же былъ неудаченъ для поляковъ, какъ и результатъ перваго, а для Бржескаго лично онъ былъ гораздо хуже, чѣмъ въ первый разъ: на этотъ разъ энергическій панъ не только получилъ вторую пощечину отъ Свидригайлы, но былъ схваченъ и вмѣстѣ съ другими членами посольства брошенъ въ тюрьму. Послѣ этого безчестія, поляки, не смотря на страхъ предъ Свидригайлою, рѣшились смыть позоръ кровью, т. е., говоря проще, поляки объявили войну литовскому князю. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1431 г. началась въ Подоліи и Волыни борьба между Польшею и Литвою. Борьба эта, какъ и слѣдовало ожидать, велась съ большимъ ожесточеніемъ: съ обѣихъ сторонъ не было пощады, даже плѣнныхъ умерщвляли; русскіе особенно изливали свою месть на латинскомъ духовенствѣ. Въ продолженіе пяти или шести мѣсяцевъ, когда шла борьба, многіе города и селенія и въ Подоліи, и въ Волыни были разрушены до основанія; жители же, спасаясь отъ непріятелей, скрывались въ лѣсахъ и болотахъ, гдѣ большая часть ихъ погибла отъ голода, болѣзней и дикихъ звѣрей. Изъ всѣхъ русскихъ городовъ, на которые нападали поляки, особенно мужественною защитою прославился Луцкъ. Храбрый его воевода Юрша цѣлыхъ два мѣсяца энергически отбивалъ всѣ приступы поляковъ, пока Ягайло, измученный упорною защитою осажденныхъ и вслѣдствіе повальной болѣзни въ его лагерѣ и недостатка провіанта, не снялъ осады и не удалился въ Польшу. „Русскіе, говоритъ одинъ историкъ, такъ были рады отступленію войска польскаго короля, что разрушили всѣ костелы въ Луцкой области“. Во время борьбы этой со стороны Свидригайлы особенно прославился своимъ мужествомъ и неустрашимостью князь Ѳеодоръ Острожскій. Поляки боялись его больше, чѣмъ самаго литовскаго князя. Благодаря Острожскому, Свидригайло въ этой борьбѣ Литвы съ Польшею по большей части оставался побѣдителемъ.

Неудачная осада Луцка, повальная болѣзнь въ польскомъ лагерѣ и недостатокъ провіанта, а главное то, что на помощь литовскому князю выступилъ магистръ Тевтонскаго ордена, принудили короля и поляковъ вступить съ Свидригайлою въ переговоры о перемиріи, которое дѣйствительно скоро и состоялось; тогда же, между прочимъ, положенъ былъ срокъ и назначено мѣсто для заключенія вѣчнаго мира.

По перемирію воюющія стороны остались при томъ, чѣмъ владѣли и до начала войны, такъ что ближайшимъ слѣдствіемъ этой борьбы было только взаимное опустошеніе пограничныхъ областей [1]).

---

[1]) Польскій историкъ Длугошъ, описывая эту борьбу Литвы съ Польшею, всю вину за неудачный исходъ ея для поляковъ сваливаетъ на Ягайлу. Онъ говоритъ, что Ягайло сильно не хотѣлъ нападать на Литву и разорять свою родину; по его словамъ, походъ Ягайлы на Литовское государство былъ для

Въ первой половинѣ 1432 года въ городѣ Парчевѣ собрался сеймъ изъ поляковъ для заключенія, какъ положено было, вѣчнаго мира съ литовскимъ княземъ. Дали знать Свидригайлѣ и пригласили поскорѣе явиться на сеймъ, но Свидригайло ни самъ не явился, ни уполномоченныхъ не прислалъ. Тогда польскіе вельможи, не имѣя возможности смирить Свидригайлу открытою силою (войною и переговорами), придумали новыя средства для обузданія строптиваго князя: во-первыхъ, они положили составить заговоръ противъ Свидригайлы среди его собственныхъ подданныхъ въ самой Литвѣ, а во-вторыхъ, выставить ему соперника въ лицѣ младшаго брата Витовтова Сигизмунда Кейстутовича, удѣльнаго князя стародубскаго, т. е. того кандидата, котораго они хотѣли посадить на литовскій престолъ тотчасъ по смерти Витовта и который какъ разъ подходилъ къ взглядамъ поляковъ при стремленіи ихъ подчинить Литву польской коронѣ. Съ этою цѣлію два тайныхъ посольства отправлены были въ Литовское государство: одно въ Вильну, а другое въ Стародубъ къ Сигизмунду. Первому посольству, во главѣ котораго стоялъ Лаврентій Зарембо, поручено было посредствомъ подкупа и разнаго рода обѣщаній составить партію недовольныхъ Свидригайлою, которая бы при приближеніи къ Вильнѣ Сигизмунда подняла бы бунтъ, объявила Свидригайлу лишеннымъ престола и такимъ образомъ облегчила бы стародубскому князю занятіе столицы; второму посольству поручено было: во-первыхъ, уговорить Сигизмунда собрать войско, напасть на Свидригайлу нечаяннымъ образомъ и лишить его престола, а во-вторыхъ, если это удастся, признать себя ленникомъ польской короны. Результатъ этихъ посольствъ вполнѣ былъ удаченъ для замысловъ поляковъ: въ Вильнѣ (а также и во многихъ другихъ городахъ) Лаврентій Зарембо составилъ заговоръ изъ проживавшихъ тамъ поляковъ и литовцевъ-католиковъ, а въ Стародубѣ Сигизмундъ на все согласился, что ему предложено было краковскими вельможами чрезъ посольство. Между тѣмъ какъ все сіе происходило въ Литовскомъ государствѣ, Свидригайло ничего не зналъ: онъ безпечно жилъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ ошмянскомъ замкѣ, пировалъ и бражничалъ со своими друзьями.

Въ глубокую осень того же года Сигизмундъ съ огромнымъ войскомъ напалъ на Ошмяны. Литовскій князь едва успѣлъ спастись бѣг-

короля „хуже смерти". Но когда Ягайло, продолжаетъ тотъ же историкъ, понуждаемый панами, по необходимости долженъ былъ выступить противъ родины, то онъ заранѣе предупреждалъ жителей тѣхъ городовъ, на которые полки его намѣревались напасть. Неудачную осаду Луцка Длугошъ приписываетъ тоже измѣнѣ короля. Еслибы не поспѣшилъ Ягайло съ предложеніемъ перемирія, прибавляетъ Длугошъ, то Луцкъ, не смотря на храбрую защиту жителей, палъ бы, и тогда результатъ этой борьбы для Польши былъ бы совершенно иной.

ствомъ, а супруга его попалась въ руки непріятелей. Затѣмъ Сигизмундъ безъ всякой борьбы, съ помощью подкупленныхъ бояръ, занялъ своими гарнизонами Гродну, Троки и явился въ Вильну, гдѣ объявилъ себя великимъ литовскимъ княземъ.

Когда вѣсть объ изгнаніи Свидригайлы достигла Кракова, то король созвалъ вельможъ и прелатовъ для разсужденій о дѣлахъ Литвы. Положено было послать торжественное посольство въ Вильну съ поздравленіемъ и съ требованіемъ формальнаго подчиненія Литвы Польшѣ. Въ числѣ пословъ находился извѣстный намъ Збигнѣвъ Олесницкій. Сигизмундъ Кейстутовичъ принялъ посольство съ большими почестями, далъ формальное условіе на подчиненіе Литовскаго государства польской коронѣ и при этомъ уступилъ Польшѣ Волынъ, Подоліе и Кіевъ [1]). Вслѣдъ затѣмъ новый литовскій князь торжественно короновался въ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава, а папа прислалъ буллу, разрѣшавшую литовцамъ отъ присяги, данной Свидригайлѣ.

Сигизмундъ Кейстутовичъ.

1432—1440 г.

Сигизмундъ былъ самый младшій сынъ Кейстута и его жены Бейруты. Сначала онъ былъ язычникомъ, а потомъ, по примѣру своего брата Витовта, принялъ католичество. По занятіи литовскаго престола ему было подъ шестьдесятъ лѣтъ. Изъ дѣтей его, которыя были у него въ это время, извѣстенъ впослѣдствіи одинъ только: Михаилъ Сигизмундовичъ.

Такъ какъ Сигизмундъ Кейстутовичъ попалъ на престолъ Литовскаго государства благодаря только интригамъ польскихъ вельможъ и заговору небольшого числа литвинъ-католиковъ, то положеніе его на этомъ престолѣ было слишкомъ непрочно и даже очень опасно. Онъ окруженъ былъ безчисленнымъ множествомъ враговъ: русско-православное населеніе страшно ненавидѣло его, какъ католика и узурпатора; громадное большинство собственно литвинъ-католиковъ терпѣть не могло новаго князя за подчиненіе Литвы въ ленную зависимость польской коронѣ и уступки ей Подолія, Волынской области и Кіева. Всѣ же вмѣстѣ, т. е. литвины и русскіе, не любили Сигизмунда еще и за его жестокость и безнравственность; въ этомъ отношеніи онъ даже превосходилъ Свидригайлу Ольгердовича. И польскіе, и русскіе лѣтописцы характеризуютъ Сигизмунда такого рода словами: „Князь этотъ лютъ, немилостивъ и сребролюбивъ больше всѣхъ людей на свѣтѣ. Сколько онъ

---

[1]) Окончательно, впрочемъ, эти области должны были отойти къ Польшѣ только послѣ смерти Сигизмунда, какъ сказано въ подлинномъ договорѣ.

истребилъ литовскихъ князей! Однихъ потопилъ, другимъ головы отрубилъ, а какое множество пановъ литовскихъ и земскихъ людей извелъ со свѣта безъ всякой вины—и перечесть нельзя"! Неудивительно послѣ этого, что впослѣдствіи отъ него отшатнулись и тѣ лица, которыя на первыхъ порахъ были ему преданы. Если бы не поддержка польскихъ вельможъ, то онъ не продержался бы въ Литвѣ и года. Изъ разсказовъ современныхъ лѣтописцевъ видно, что противъ Сигизмунда въ первый же годъ его княженія составленъ былъ заговоръ. Главными заговорщиками были двое знаменитѣйшихъ литовскихъ вельможъ-католиковъ: Янушъ, паллатинъ трокскій и Румбольдъ, гетманъ литовскій [1]). Заговоръ былъ открытъ, оба вельможи съ своими сообщниками погибли подъ топоромъ. Послѣ этого ненависть противъ Сигизмунда еще болѣе усилилась. И онъ самъ хорошо зналъ, что населеніе всего Литовскаго государства терпѣтъ его не можетъ, а потому безъ поляковъ не рѣшался встрѣтиться съ Свидригайлою въ открытомъ полѣ, боясь измѣны.

Борьба Сигизмунда съ Свидригайлою. Свидригайло, выгнанный изъ Ошмянъ, бѣжалъ въ Витебскъ и оттуда сталъ собирать войско для борьбы съ своимъ соперникомъ. Въ короткое время онъ составилъ значительную рать, большею частью изъ жителей Бѣлоруссіи, Смоленской области и Сѣверской земли, и съ этими силами вторгнулся было въ собственную Литву; но походъ оказался неудачнымъ: онъ долженъ былъ скоро отступить. За то воеводы его: какой-то Михаилъ, потомъ Александръ Носъ и другъ его дѣтства Θеодоръ Острожскій, съ большимъ успѣхомъ дѣйствовали противъ Сигизмунда и поляковъ на югѣ, именно, въ областяхъ: Кіевской, Волынской и Подольской. Изъ трехъ воеводъ особенно прославился своимъ мужествомъ и своею храбростью князь Острожскій. Предводительствуя войсками, составленными изъ солдатъ сосѣднихъ валаховъ и крымскихъ татаръ, онъ одержалъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ надъ поляками въ Подоліи и овладѣлъ главнымъ городомъ Каменцемъ, причемъ правитель его—полякъ, одинъ изъ Бучатскихъ—попался въ плѣнъ. Но, не смотря на блестящіе подвиги своихъ воеводъ, Свидригайло все-таки не могъ восторжествовать надъ своимъ соперникомъ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ. Причина этому—его безтактность и неумѣнье выбрать себѣ союзниковъ. Вмѣсто того, чтобы сочувствующія ему русскія области, именно: Витебскую, Полоцкую, Смоленскую, Сѣверскую, Кіевскую, Волынскую и Подольскую сплотить между собою и организовать изъ жителей ихъ сильное войско, или же обратиться за помощью къ восточно-

---

[1]) Паллатиномъ назывался въ древности предводитель войска, а послѣ—гражданскій чиновникъ, принадлежащій къ числу сенаторовъ, а также паллатинами назывались начальники округовъ и предводители шляхты во время всеобщаго возстанія. Гетманомъ назывался тоже предводитель войска (маршалъ).

русскимъ князьямъ, сталъ искать опоры у германскаго императора, нѣмецкихъ рыцарей и крымскихъ татаръ, а главное: обратился за покровительствомъ къ папѣ, причемъ обѣщалъ ему, въ случаѣ удачи, подчинить православную церковь. Послѣднiй безтактный поступокъ со стороны Свидригайлы больше всего принесъ ему вреда: громадное большинство православныхъ князей и бояръ, до сего времени энергично поддерживавшихъ его, охладѣло къ нему и его дѣлу. Конечно, охлажденiю къ Свидригайлѣ его прежнихъ русско-литовскихъ приверженцевъ не мало способствовалъ и его крутой характеръ: въ сiе время Свидригайло многихъ безъ всякой вины, по одному только подозрѣнiю, или казнилъ, или заточалъ въ тюрьму. Вслѣдствiе своей подозрительности Свидригайло въ это время лишился помощи самаго даровитаго и самаго сильнаго русскаго князя Θеодора Острожскаго. Этого князя,—друга дѣтства, самаго энергическаго защитника его интересовъ,—безъ всякой вины, по одному только подозрѣнiю: будто бы онъ хочетъ передаться полякамъ, схватилъ и бросилъ въ тюрьму; говорятъ, даже намѣревался казнить. Избавившись какимъ то чудомъ изъ тюрьмы, Острожскiй послѣ этого дѣйствительно бѣжалъ въ Польшу, гдѣ добровольно поддался Ягайлѣ со всѣми своими замками и областями находившимися въ Подолiи, причемъ получилъ отъ него въ ленное владѣнiе нѣкоторыя изъ этихъ земель и областей. Къ числу причинъ, заставившихъ многихъ русскихъ православныхъ охладѣть къ Свидригайлѣ, послѣ сношенiя его съ Римомъ, можно отнести изданiе Ягайлою въ 1434 г. указа, которымъ строго воспрещалось разрушать и грабить русскiя церкви и насильно обращать православныхъ въ католичество.

Въ то самое время, когда въ Литовскомъ государствѣ народныя симпатiи все болѣе и болѣе слабѣли къ Свидригайлѣ и дѣло, повидимому, принимало благопрiятный оборотъ для Сигизмунда и поляковъ, скончался польскiй король Ягайло. Въ маѣ 1434 года Ягайло отправился въ Галицiю, чтобы принять ленную присягу отъ молдавскаго господаря Стефана Александровича, которому предъ этимъ король помогъ одолѣть брата Илью и занять молдавскiй престолъ. Въ Перемышльской области, на берегахъ рѣки Саны (правый притокъ Вислы), въ селѣ Медыни, Ягайло остановился отдыхнуть и развлечься охотою. Однажды вечеромъ король, возвращаясь съ охоты, недалеко отъ села, въ рощѣ, на берегу рѣки Саны, услышалъ чудное пѣнiе соловья; желая послушать ближе это пѣнiе, Ягайло подошелъ почти къ самому дереву, гдѣ сидѣла птица, и сѣлъ на сырую землю; онъ такъ увлекся голосомъ птицы, что не замѣтилъ, какъ наступила холодная ночь; Ягайло тогда только рѣшился разстаться съ пѣнiемъ соловья и продолжать путь въ село, когда дрожь пробрала его до костей; на слѣдующiй день онъ почувствовалъ себя больнымъ настолько, что не могъ встать съ постели; Ягайло схватилъ жестокую простуду: до конца мая онъ бо-

ролся со смертію, восьмидесятилѣтняя старческая натура не перенесла этой болѣзни: 31-го мая, въ субботу, Ягайлы не стало. Скончался онъ въ мѣстечкѣ Гродекѣ, недалеко отъ Львова, куда перевезенъ былъ изъ Медыни. Потомъ тѣло его отправлено было въ Краковъ и похоронено въ соборѣ св. Станислава, а сердце положено въ францисканскомъ костелѣ вышеозначеннаго мѣстечка Гродекъ. Польскіе писатели расточаютъ сильныя похвалы Ягайлѣ за его соединеніе Литвы съ Польшею и поддержаніе этого соединенія, но и русскіе должны быть тоже ему благодарны за эту унію, потому что она отвлекла Литву отъ собиранія Руси въ пользу Москвы, а впослѣдствіи дала возможность этой послѣдней поглотить и Польшу, и Литву вмѣстѣ; но объ этомъ говорено выше.

По смерти Ягайлы на польскій престолъ, послѣ долгихъ и бурныхъ преній, возведенъ былъ старшій сынъ его, десятилѣтній Владиславъ. Это было 18-го іюня того же года, а въ день св. Іакова, т. е. 30-го іюня, по настоянію краковскаго епископа Збигнѣва Олесницкаго, онъ былъ коронованъ. Пользуясь малолѣтствомъ короля, коронный совѣтъ, во главѣ котораго стоялъ Олесницкій, захватилъ въ свои руки управленіе.

Смерть Ягайлы отразилась и на Литовскомъ государствѣ. Коронный совѣтъ или, лучше сказать, Збигнѣвъ Олесницкій сталъ со всею силою своей энергіи поддерживать въ Литвѣ Сигизмунда Кейстутовича. По его настоянію въ Литвѣ снова возгорѣлась междоусобная война. Получивши значительную помощь изъ Польши деньгами и войскомъ, Сигизмундъ началъ опять борьбу съ Свидригайлою. Наконецъ въ Жмуди, на рѣкѣ Святой, не далеко отъ Вилкомира, произошла между Свидригайлою и Сигизмундомъ рѣшительная битва. Войсками Свидригайлы, состоявшими изъ полковъ смоленскихъ, витебскихъ, полоцкихъ и вспомогательнаго отряда ливонскихъ рыцарей, командовалъ его племянникъ Сигизмундъ Корибутовичъ; войсками же Сигизмунда предводительствовалъ сынъ его Михаилъ, хотя и самъ отецъ здѣсь былъ. Главную силу Сигизмундова войска составляли поляки. Битва была упорная и кончилась совершеннымъ пораженіемъ Свидригайлы. Разбитый Свидригайло бѣжалъ наюгъ и тутъ объявилъ себя княземъ областей: Кіевской, Волынской и Подольской; между тѣмъ области Смоленская, Витебская и Полоцкая признали своимъ княземъ Сигизмунда.

Но послѣ объявленія себя княземъ вышеозначенныхъ облостей Свидригайло не долго управлялъ ими: въ 1437 г. явился въ Краковъ и предложилъ коронному совѣту принять его, съ областями: Кіевской, Волынской и Подольской, ленникомъ Польши; но это предложеніе было отвергнуто и при этомъ ему объявлено было, что эти области и безъ того принадлежатъ Польшѣ, такъ какъ онѣ уже уступлены ей Сигизмундомъ. Тогда Свидригайло, боясь попасться въ руки Сигизмунда, бѣ-

жалъ въ Молдавію. По удаленіи Свидригайлы изъ предѣловъ Литовскаго государства, Кіевъ и области Волынская и Подольская тоже признали Сигизмунда своимъ княземъ.

Такимъ образомъ, Сигизмундъ Кейстутовичъ окончательно утвердился на престолѣ Литовскаго государства. Но не долго пришлось ему сидѣть на немъ: чрезъ два года, и именно въ 1440 г., онъ палъ отъ рукъ заговорщиковъ.

Отношенія Сигизмунда къ литовско-русскимъ князьямъ и боярамъ; смерть Сигизмунда. Утвердившись на великокняжескомъ престолѣ Литовскаго государства, Сигизмундъ Кейстутовичъ, опираясь на поляковъ и подстрекаемый ими, сталъ въ высшей степени жестоко преслѣдовать всѣхъ сторонниковъ Свидригайлы: онъ лишалъ ихъ имуществъ, заключалъ въ тюрьмы, топилъ, вѣшалъ, рубилъ головы и т. п.; при этомъ Сигизмундъ не пощадилъ даже самыхъ знатныхъ лицъ, какъ русскаго, такъ и литовскаго происхожденія. Лишая ихъ владѣній и удаляя отъ высшихъ должностей, онъ сталъ приближать къ себѣ лицъ незнатнаго происхожденія, раздавалъ имъ отнятыя земли и имущества знатныхъ лицъ и поручалъ имъ высшія должности. Съ особенною силою и жестокостью Сигизмундъ Кейстутовичъ преслѣдовалъ православныхъ: вездѣ, гдѣ только возможно было, онъ подвергалъ ихъ истязаніямъ и всякаго рода мученіямъ за ихъ исповѣданіе. Такая нетерпимость Сигизмунда къ православнымъ происходила также и отъ личнаго настроенія его: онъ былъ до крайности мнителенъ и суевѣренъ, окружилъ себя ханжами и разнаго рода гадальщиками и гадальщицами, чѣмъ постарались воспользоваться латинскіе ксендзы, чтобы развить въ немъ по отношенію къ православно-русскому населенію фанатизмъ и жестокость до высшей степени. Ксендзы и латинскіе патеры еще въ 1436 году, чрезъ два года послѣ смерти Ягайлы, убѣдили Свидригайлу отмѣнить указъ сего послѣдняго, гарантировавшій, какъ мы видѣли выше, цѣлость русскихъ церквей и свободу вѣроисповѣданія православныхъ; заставили его ввести въ Литовскомъ государствѣ инквизицію. Правда, она введена была, какъ сказано въ грамотѣ Сигизмунда, только противъ гусситовъ, жившихъ въ это время въ Литовскомъ государствѣ, но дѣйствіе ея прежде всего обрушилось на русскихъ, православныхъ.

Въ концѣ 1439 года Сигизмундъ разослалъ по своему государству приказъ: собраться всѣмъ въ Вильну на великій сеймъ для рѣшенія важныхъ вопросовъ. Приказъ этотъ страшно переполошилъ всѣхъ литовско-русскихъ бояръ и князей: стали думать, что это ловушка со стороны Сигизмунда, чтобы всѣхъ ихъ истребить, заманивши въ столицу. Конечно, слухъ былъ нелѣпый, но онъ былъ причиною, что ускорилъ кровавую развязку того тяжелаго и безвыходнаго положенія, въ которое поставлены были князья и бояре Литовскаго государства дѣй-

ствіями Сигизмунда. Будучи не въ состояніи открытою силою свергнуть съ престола узурпатора, окруженнаго польскою стражею, русско-литовскіе князья и бояре рѣшились достигнуть этого посредствомъ тайнаго заговора.

Въ началѣ 1440 года заговоръ этотъ дѣйствительно былъ составленъ. Во главѣ этого заговора стали двое русскихъ вельможъ: Иванъ и Александръ Чарторыйскіе [1]) и двое природныхъ литвиновъ: Довгердъ, воевода виленскій, и Лелюшъ, воевода трокскій. Среди собственныхъ слугъ Сигизмунда заговорщики нашли подходящаго человѣка: это былъ его подконюшій Скобейко, родомъ изъ Кіева.

Сигизмундъ Кейстутовичъ, сдѣлавшись великимъ литовскимъ княземъ, обыкновенно проживалъ въ трокскомъ замкѣ, который стоялъ на берегу озера Гальвы. Въ этомъ-то замкѣ онъ и былъ убитъ, о чемъ разсказываютъ такъ: въ мартѣ мѣсяцѣ, ночью подъ Вербное воскресенье, на дворъ замка ввезено было 300 возовъ сѣна, при которыхъ было по одному вооруженному погонщику; въ возахъ сѣна также скрыты были по одному и по два вооруженныхъ человѣка. Такимъ образомъ, во дворъ замка незамѣтнымъ образомъ попало болѣе 1000 вооруженныхъ лицъ, а это были никто иные, какъ сообщники заговорщиковъ; хитрость эту придумалъ Чарторыйскій и его товарищи, такъ какъ въ замокъ, охраняемый польскою стражею, открыто, днемъ, трудно было попасть такому значительному количеству вооруженныхъ людей, не возбудивъ подозрѣнія.

Когда стало разсвѣтать, то скрытое войско вышло изъ сѣна, затворило ворота замка и окружило покои князя. Между тѣмъ одинъ изъ Чарторыйскихъ, именно Иванъ, и нѣсколько другихъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и Скобейко, вошли въ самыя комнаты. Оказалось, что Сигизмундъ уже всталъ съ постели и слушалъ въ замковой каплицѣ утреню. Подойдя къ той комнатѣ, въ которой была каплица, Чарторыйскій попробовалъ двери, они были заперты, ломать же ихъ не приходилось: вслѣдствіе шума Сигизмундъ догадался бы въ чемъ дѣло и навѣрное постарался бы спрятаться чрезъ тайные ходы [2]). Но въ это время Чарторыйскій случайнымъ образомъ взглянулъ изъ окна на дворъ и увидѣлъ тамъ прохаживающуюся ручную любимую медвѣдицу Сигизмунда. Это незначительное обстоятельство навело Чарторыйскаго на счастливую мысль: онъ не разъ видѣлъ, какъ медвѣдица, по возвращеніи съ прогулки въ комнаты замка, царапала лапами двери и если

[1]) Оба они занимали какія-то высшія должности въ Литовскомъ государствѣ.

[2]) Литовскіе князья, строя замки, всегда приказывали дѣлать въ нихъ тайные ходы. Въ настоящее время эти тайные ходы можно видѣть, гдѣ только есть развалины замковъ.

онѣ были заперты, то ей немедленно отворяли: поэтому Чарторыйскій, подражая медвѣдицѣ, тоже сталъ руками царапать запертыя двери. Сигизмундъ, введенный въ заблужденіе, подошелъ къ дверямъ и самъ отворилъ. Заговорщики ворвались въ комнату, схватили князя и начали укорять его за жестокости, а затѣмъ Скобейко ударилъ Сигизмунда по головѣ желѣзными вилами, которыми поправляютъ дрова въ каминахъ, съ такою силою, что князь упалъ на полъ мертвымъ, причемъ кровью и мозгами обрызгалась стѣна, на которой потомъ долго оставались слѣды. На этотъ шумъ изъ другой комнаты выскочилъ было любимецъ Сигизмунда, нѣкто Славко, и хотѣлъ вступить въ борьбу съ заговорщиками, но его выбросили за окно, гдѣ онъ, упавши на мостовую, разбился до смерти. Тѣло же убитаго князя заговорщики вывезли на саняхъ на озеро и бросили на льду. Впослѣдствіи трупъ Сигизмунда привезли въ Вильну и похоронили въ каѳедральномъ соборѣ, рядомъ съ Витовтомъ.

Вѣсть о кровавой расправѣ съ великимъ литовскимъ княземъ съ быстротою молніи разнеслась по всему государству, но она не только не вызвала мщенія за смерть Сигизмунда, но даже, напротивъ, была встрѣчена какъ радостное событіе. Заговорщики же, воспользовавшись этимъ, объявили великимъ княземъ литовскимъ Свидригайлу и именемъ его заняли Вильну, гдѣ одинъ изъ участниковъ въ убійствѣ Сигизмунда, именно, Довгердъ, вывѣсилъ на воротахъ нижняго замка бѣлое знамя Свидригайлы.

Первымъ дѣломъ заговорщиковъ, послѣ убійства Сигизмунда и провозглашенія великимъ княземъ Свидригайлы, было немедленное освобожденіе нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, томившихся въ тюрьмахъ и подземныхъ казаматахъ, куда они засажены были покойнымъ княземъ, а затѣмъ—отправка гонцовъ къ Свидригайлѣ въ Молдавію, гдѣ онъ въ это время, послѣ несчастной Вилкомирской битвы, проживалъ, съ предложеніемъ литовскаго престола. Свидригайло, правда, не замедлилъ пріѣхать въ Литву и остановился въ Луцкѣ, гдѣ жители приняли его съ необыкновенною радостью. Но удрученный старостью (ему въ это время было болѣе 80 лѣтъ), болѣзнями и невзгодами прежнихъ лѣтъ, онъ, по прибытіи въ Луцкъ, медлилъ принять что нибудь рѣшительное для скорѣйшаго занятія литовскаго престола, а между тѣмъ партія, убившая Сигизмунда и объявившая великимъ литовскимъ княземъ Свидригайлу, успѣла ослабѣть и разстроиться. Сила и значеніе въ Литовскомъ государствѣ перешли къ другой партіи, правда, состоявшей по большей части изъ русскихъ, но не вполнѣ сочувствовавшихъ сыну Ольгерда. Во главѣ этой партіи стоялъ князь ольшанскій Юрій Семеновичъ.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ пріѣзда Свидригайлы въ Луцкъ, князь ольшанскій въ своихъ владѣніяхъ составилъ съѣздъ изъ знат-

нѣйшихъ князей и бояръ Литовскаго государства для выбора великаго князя. На этомъ съѣздѣ, между прочимъ, были: Янъ Гаштольдъ, намѣстникъ смоленскій, Кизгайло, намѣстникъ жмудскій, Николай Немировичъ, староста виленскій, Николай Радзивиллъ, маршалъ литовскій, и многіе другіе. Когда поднялся вопросъ о князѣ, то голоса раздѣлились: одни хотѣли Михаила, сына убитаго Сигизмунда, другіе—Владислава, короля польскаго, третьи—Свидригайлу. Послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ, группа лицъ, державшихъ сторону Владислава, пересилила: порѣшили пригласить на литовскій столъ Владислава Ягелловича, къ которому немедленно отправлено было торжественное посольство, причемъ сему послѣднему отъ имени съѣзда поручалось передать, чтобы онъ поспѣшилъ пріѣздомъ въ Вильну, въ противномъ случаѣ съѣздъ угрожалъ избрать новаго князя и разорвать союзъ Литвы съ Польшею.

Король польскій поставленъ былъ въ большое затрудненіе, потому что въ это самое время и венгры избрали его своимъ королемъ, и также просили поскорѣе пріѣхать къ нимъ. По этому поводу въ одной изъ залъ обширнаго краковскаго дворца между Владиславомъ и сенаторами открылись совѣщанія, на которыхъ положено было: что самъ король отправится въ Венгрію для упроченія за собою тамошняго престола, а въ Литву пошлетъ вмѣсто себя своего родного 14-ти-лѣтняго брата Казимира Ягелловича, но не въ качествѣ великаго литовскаго князя, а въ качествѣ намѣстника Польши.

Въ началѣ лѣта юный Казимиръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сенаторовъ и многочисленной свиты, отправился въ г. Вильну. Тамъ онъ принятъ былъ весьма ласково, но при этомъ литовско-русскіе князья и бояре прямо и категорически заявили польскимъ панамъ, что они не желаютъ имѣть Казимира въ своемъ государствѣ въ качествѣ намѣстника Польши и подручника Владислава Ягелловича, и затѣмъ потребовали отъ нихъ немедленнаго возведенія Казимира на великокняжескій литовскій столъ. Тѣ было не согласились на это; начались споры, но въ концѣ концовъ дѣло кончилось такъ, какъ того желали литовско-русскіе князья и бояре, т. е. Казимиръ Ягелловичъ былъ провозглашенъ великимъ литовскимъ княземъ и вѣнчанъ короною Гедимина въ каѳедральномъ костелѣ св. Станислава [1]). Причемъ литовско-русскіе князья и бояре взяли съ юнаго князя клятву не отдѣлять отъ Литовскаго государства Волыни, Подоліи и Кіевской области, т. е. земель, которыя польскіе паны больше всего старались захватить.

---

[1]) О провозглашеніи великимъ литовскимъ княземъ Казимира Ягелловича нѣкоторые изъ лѣтописцевъ передаютъ слѣдующія, не лишенныя комизма подробности: когда польскіе паны, привезшіе въ Вильну Казимира, не соглашались признать его великимъ княземъ Литовскаго государства, то литовско-русскіе князья и бояре, для достиженія своей цѣли, прибѣгли къ хитрости такого рода: 2-го іюля 1440 года они устроили роскошный пиръ, на которомъ такъ напоили

Казимиръ Ягелловичъ, великій литовскій князь.

1440—1447 г.

Мы сейчасъ видѣли, что Казимиръ Ягелловичъ получилъ великокняжескій столъ, имѣя отъ роду не болѣе 14-ти лѣтъ. Но въ такомъ возрастѣ, очевидно, трудно было управлять государствомъ, тѣмъ болѣе такимъ, какимъ представлялось Литовское, гдѣ монархическая власть, послѣ соединенія его съ Польшею, сильно ослабѣла и гдѣ бояре успѣли уже проникнуться республиканскими идеями польскихъ вельможъ. Поэтому неудивительно, если мы видимъ изъ источниковъ, что правленіе Казимира не отличалось спокойствіемъ и тишиною (по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ). Притомъ же польскіе вельможи рѣшительно не хотѣли видѣть въ немъ самостоятельнаго и независимаго отъ польской короны князя, вслѣдствіе этого они всѣми силами старались произвести раздоры внутри Литовскаго государства и этимъ ослабить его, чтобы потомъ захватить по частямъ.

Когда польскіе сенаторы и вельможи, привезшіе Казимира въ Литву, не успѣли воспрепятствовать литовско-русскимъ князьямъ и боярамъ провозгласить Казимира великимъ княземъ и короновать его, то, возвратившись въ Краковъ, они уговорили своего короля Владислава Ягелловича, во-первыхъ, издать отъ своего имени къ литовскому народу грамоту, уравнивающую права и привилегіи православныхъ съ католиками; во-вторыхъ, раздѣлить Литовское государство между нѣсколькими лицами, имѣющими на это право. Первымъ поступкомъ польскіе паны имѣли въ виду успокоить возбужденные умы православно-русскаго населенія и ослабить въ представителяхъ его ненависть къ Польшѣ; вторымъ же—обезсилить Литовское государство (чрезъ раздробленіе его на части), съ цѣлью отнять у литовско-русскихъ князей и бояръ всякую возможность къ сопротивленію польскому владычеству.

По проекту польскихъ вельможъ, Литовское государство раздроблялось на четыре части, между слѣдующими четырьмя лицами: Свидри-

---

польскихъ пановъ, пріѣхавшихъ съ Казимиромъ, что тѣ проспали слѣдующее утро; а между тѣмъ литовско-русскіе князья и бояре въ это самое утро короновали Казимира Ягелловича, посадили его на великокняжескій столъ, надѣли Гедиминовъ вѣнецъ, дали въ руки мечъ и покрыли великокняжескою мантіею. Когда же, послѣ всѣхъ церемоній, собравшійся народъ сталъ громкими криками поздравлять Казимира, то отъ этого шума проснулись польскіе паны; на первыхъ порахъ они съ похмѣлья не разобрали въ чемъ дѣло, но потомъ, узнавши о совершившемся фактѣ, стали было протестовать; тогда литовско-русскіе князья и бояре предложили имъ дорогіе подарки, паны успокоились и, въ свою очередь, принесли поздравленіе юному великому литовскому князю, въ заключеніе снова напились пьяными; тѣмъ дѣло и кончилось.

гайлою, Михаиломъ Сигизмундовичемъ, Болеславомъ Мазовецкимъ и Казимиромъ Ягелловичемъ. Первый т. е. Свидригайло по проекту получалъ Волынскую область съ городомъ Луцкомъ и Подоліе; второй т. е. Михаимъ получилъ тѣ города, которые раньше принадлежали отцу его, т. е. Бѣльскъ, Брянскъ, Стародубъ и другіе; третій т. е. Болеславъ Мазовецкій получилъ Брестскую область и четвертый, т. е. Казимиръ Ягелловичъ, получалъ всѣ остальныя земли Литовскаго государства. Но проектъ этотъ, не смотря на всѣ хлопоты поляковъ и ихъ энергическія дѣйствія, на этотъ разъ не осуществился. Чтобы утвердить его, Владиславъ объявилъ сеймъ въ Порчевѣ на который приглашались и литовско-русскіе бояре; но послѣдніе, почему-то на сеймъ не явились и поляки разъѣхались ни съ чѣмъ.

Прошелъ годъ, поляки снова взялись за проектъ и на сей разъ проектъ ихъ дѣйствительно отчасти достигъ цѣли: въ началѣ 1442 г. вышеозначенные „проектированные правители", если такъ можно выразиться, явились въ Вильну,—сначала явился Свидригайло Ольгердовичъ, а потомъ—Михаилъ Сигизмундовичъ и Болеславъ Мазовецкій,—и стали просить себѣ у Казимира тѣхъ областей, которыя назначены имъ были по проекту польскаго короля, причемъ всѣ они дали торжественную клятву если получатъ просимое, честно служить интересамъ Литовскаго государства. Казимиръ Ягелловичъ съ согласія литовской рады (сената) [1]) исполнилъ желаніе просителей. Но скоро оказалось, что послѣдніе два просителя, именно Михаилъ и Болеславъ, сдѣлали это не по собственному желанію, но по наущенію поляковъ, съ цѣлію потомъ произвести внутри Литовскаго государства смуту, которою бы могли воспользоваться польскіе паны для собственной выгоды.

Первый поднялъ смуту Михаилъ Сигизмундовичъ. Онъ даже составилъ заговоръ на жизнь Казимира и хотѣлъ вѣроломнымъ образомъ убить его. Объ этомъ разсказываютъ такъ: однажды по осени молодой литовскій князь съ сыномъ своего воспитателя Яна Гаштольда [2]), Андреемъ, отправился въ лѣсъ позабавиться охотою; но лишь только

---

[1]) Радою въ Литовскомъ государствѣ назывался постоянный совѣтъ при князѣ (польскій сенатъ). Онъ состоялъ изъ епископовъ, воеводъ, старостъ и другихъ высшихъ сановниковъ государства и непремѣнно католическаго исповѣданія; православныя лица свѣтскаго званія допускались въ рѣдкихъ исключеніяхъ, а духовныя—никогда. Рада занималась обсужденіемъ всѣхъ государственныхъ вопросовъ; въ отсутствіе князя (когда онъ, напримѣръ, проживалъ въ Польшѣ въ качествѣ короля) рада управляла всѣмъ государствомъ. О литовской радѣ см. сочиненіе Бершадскаго „Литовскіе евреи". 1883 г., гл. V.

[2]) Янъ Гаштольдъ до избранія Казимира великимъ литовскимъ княземъ былъ намѣстникомъ Смоленска, а по избраніи жилъ при Казимирѣ. Въ Смоленскѣ же намѣстникомъ сдѣланъ былъ нѣкто Саковичъ.

Казимиръ съ своею свитою сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ по дичи, какъ вдругъ прибѣжали лѣсные стражники и передали, что недалеко показались какіе то незнакомые всадники. Гаштольдъ сразу догадался, что всадники подосланы были какими-нибудь заговорщиками, чтобы схватить Казимира, а потому немедленно посадилъ князя на лошадь и увезъ въ Троки. Отсюда выслана была погоня за незнакомыми людьми, ихъ скоро настигли, частію перебили, а частію взяли въ плѣнъ. Отъ сихъ послѣднихъ узнали, что Михаилъ Сигизмундовичъ подослалъ ихъ съ цѣлію овладѣть княземъ. Послѣ этого самъ старый Гаштольдъ отправленъ былъ противъ сего князя. Но едва только онъ сталъ приближаться къ Брянску, мѣстопребыванію Михаила, какъ тотъ бѣжалъ въ предѣлы Русскаго государства, откуда впослѣдствіи перебрался въ Польшу.

Вслѣдъ за Михаиломъ Сигизмундовичемъ началъ крамолу Болеславъ Мазовецкій. Этотъ послѣдній, подстрекаемый поляками, хотѣлъ отдѣлить отъ Литовскаго государства Брестскую область и присоединить ее къ Польшѣ. Но объ этомъ скоро стало извѣстно въ Вильнѣ, откуда, по распоряженію Казимира, немедленно выступилъ тотъ же Гаштольдъ, который ходилъ на Михаила Сигизмундовича, и двинулся на Болеслава; но Гаштольду не пришлось имѣть дѣла съ Болеславомъ, потому что и Болеславъ, подобно брянскому князю, лишь только прослышалъ о движеніи на него литовской рати, какъ бросилъ городъ Брестъ, гдѣ проживалъ, и скрылся въ Краковъ.

Если Казимиръ Ягелловичъ такъ счастливо и скоро справился съ двумя вышеозначенными крамольниками, подосланными польскими панами, то не такъ счастливо или, по крайней мѣрѣ, не такъ скоро пришлось литовскому князю справиться съ бунтовщиками Жмуди и Смоленска, не хотѣвшими признать надъ собою власти его.

Мятежъ въ Жмуди и Смоленскѣ. Жмудскій народъ при Ольгердѣ сильно былъ, какъ мы знаемъ, привязанъ къ брату его Кейстуту Гедиминовичу. Любовь эта потомъ перешла и къ сыновьямъ его—Витовту и Сигизмунду, а впослѣдствіи и къ внуку Кейстута—Михаилу Сигизмундовичу. Когда же былъ убитъ Сигизмундъ Кейстутовичъ и на литовскій престолъ вступилъ Казимиръ Ягелловичъ, то жители Жмуди, считая его соприкосновеннымъ сему убійству, прямо и рѣшительно заявили, что не желаютъ подчиниться Казимиру, какъ литовскому князю. Поднявши знамя бунта, они прежде всего изгнали изъ своей области старосту своего Кизгайлу, человѣка преданнаго Казимиру, а затѣмъ объявили своимъ княземъ Михаила Сигизмундовича и стали формировать военные отряды на помощь ему. Если бы Михаилъ явился въ Жмудь и сталъ бы во главѣ недовольныхъ новымъ княземъ въ Литвѣ, то сдѣлалъ бы большое затрудненіе для сего по-

слѣдняго; но Михаилъ Сигизмундовичъ, какъ мы уже видѣли, бѣжалъ въ предѣлы Московскаго государства и этимъ подорвалъ симпатію жмудскаго народа къ своей личности, а вмѣстѣ съ симъ утратилъ надежную опору при дальнѣйшихъ видахъ его на престолъ Литовскаго государства. Между тѣмъ такого рода обстоятельствами воспользовался Казимиръ: онъ, послѣ бѣгства Михаила Сигизмундовича въ предѣлы Московскаго государства, командировалъ въ Жмудь своего воспитателя Яна Гаштольда, который вступилъ съ представителями этой области въ переговоры, сдѣлалъ имъ нѣкоторыя уступки, какъ напримѣръ: назначилъ вмѣсто Кизгайлы другого старосту, и такимъ образомъ достигъ того, что жмудины успокоились и признали своимъ княземъ Казимира Ягелловича.

Впослѣдствіи, когда власть Казимира упрочилась въ Литвѣ, въ Жмудь вернулся Кизгайло на ту же должность, на какой прежде онъ былъ.

Въ одно время съ возстаніемъ въ Жмуди произошло возстаніе и въ Смоленскѣ. Тамъ возстаніе произвела чернь, когда услышала о крамолѣ, поднятой Михаиломъ Сигизмундовичемъ и Болеславомъ Мазовецкимъ. Чернь, очевидно, хотѣла воспользоваться смутами въ государствѣ, чтобы свергнуть ненавистное иго литовскихъ князей-католиковъ и водворить правительство православно-русское. Возстаніе черни въ Смоленскѣ началось нападеніемъ на домъ литовскаго намѣстника Андрея Саковича; домъ его былъ разрушенъ до основанія, самъ же Саковичъ скрылся, но за то въ руки черни попался помощникъ Саковича, нѣкто Петрико, полякъ и католикъ; его бунтовщики утопили въ Днѣпрѣ. Потомъ чернь бросилась на всѣхъ бояръ и дворянъ, державшихъ сторону Литвы и Польши, изъ которыхъ однихъ убила, другихъ изувѣчила, а третьихъ выгнала изъ города и имѣнія ихъ разграбила. Послѣ этого она избрала своимъ правителемъ православно-русскаго князя Андрея Димитріевича изъ Дорогобужа [1]), но тотъ почему-то отказался. Тогда чернь пригласила въ Смоленскъ мстиславскаго князя Юрія Лугвенича, внука Ольгерда и тоже православнаго. Юрій Лугвеничъ принялъ предложеніе и пріѣхалъ въ Смоленскъ. Вслѣдъ за нимъ сюда вернулись и многіе изъ тѣхъ бояръ, сторонниковъ Литвы и Польши, которые выгнаны были изъ города во время убійства Петрика. Послѣдніе, очевидно, разсчитывали на покровительство Юрія, какъ родственника польскаго короля и литовскаго великаго князя (онъ былъ имъ двоюродный братъ). Но оказалось, что они ошиблись: Юрій Луг-

---

[1]) Дорогобужъ былъ пригородкомъ Смоленска. Городъ этотъ дѣлается извѣстнымъ около 1300 г. Съ 1405 года онъ принадлежалъ Литвѣ. Въ 1667 г. по Андрусовскому миру Дорогобужъ отошелъ къ Россіи.

веничъ велѣлъ всѣхъ ихъ схватить и бросить въ тюрьму, а имѣнія конфисковать и раздать собственнымъ боярамъ.

Между тѣмъ литовское правительство, услышавши о дѣлахъ смоленскихъ, немедленно отправило сильное войско противъ Юрія Лугвенича. Но походъ былъ неудаченъ: послѣ трехдневной осады Смоленска, литовское войско вернулось назадъ ни съ чѣмъ. Спустя пять мѣсяцевъ новое войско отправилось подъ Смоленскъ. Это было осенью 1443 г. Литовскимъ войскомъ командовалъ самъ Казимиръ Ягелловичъ. Вторичный походъ былъ удачнѣе перваго: Смоленскъ взятъ былъ приступомъ и снова подчинился Литвѣ. Юрій же Лугвеничъ бѣжалъ въ Новгородъ Великій [1]).

Послѣ окончанія смоленскихъ дѣлъ, миръ и тишина водворились въ Литовскомъ государствѣ. Пользуясь ими, Казимиръ Ягелловичъ сталъ предаваться развлеченіямъ и разнаго рода удовольствіямъ. Подобно отцу своему, онъ сильно увлекался охотою: цѣлыя недѣли юный князь рыскалъ по полямъ и лугамъ, гоняясь за птицами и дикими звѣрями. Такъ прошло три года. Въ продолженіе сего времени Казимиръ сильно привязался къ Литвѣ, полюбилъ ее, усвоилъ нравы и обычаи литовско-русскаго населенія, изучилъ въ совершенствѣ русскій языкъ, на которомъ говорило литовско-русское дворянство и вело оффиціальную и частную переписку. Поэтому справедливо говоритъ извѣстный ученый и глубокій знатокъ Сѣверо-западнаго края, профессоръ М. О. Кояловичъ: „правленіе Казимира было самымъ замѣчательнымъ временемъ въ западно-русской жизни (т. е. въ Литовскомъ государствѣ). Тогда воскресъ древній бытъ Литвы еще полнѣе, чѣмъ при Свидригайлѣ. Русскіе порядки, русскій языкъ, русскіе люди опять получили прежнее значеніе. Теперь всѣ думали въ Литвѣ, что насталъ конецъ политической уніи Литвы съ Польшею, а съ нею, конечно, и вассальной зависимости первой отъ послѣдней".

Но вотъ 10 ноября 1445 года на Балканскомъ полуостровѣ, подъ стѣнами турецкой крѣпости Варны, разыгралась кровавая драма: Польскій король Владиславъ III-й, братъ Казимира, погибъ отъ турецкой пули, а это событіе повело къ важнымъ перемѣнамъ внутри Литовскаго государства: оно привело въ сильное движеніе литовско-русское населеніе и снова выдвинуло вопросъ о политической уніи Литвы съ Польшею. Подробности всего этого слѣдующія:

Въ 1440 г. Владиславъ Ягелловичъ, какъ уже выше было замѣчено, получилъ венгерскую корону. Въ продолженіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ Владиславъ, занимаясь дѣлами Венгріи, мало обращалъ вниманія на дѣла Польши, а между тѣмъ въ это время на пограничныя области

[1]) Юрій Лугвеничъ впослѣдствіи помирился съ Казимиромъ и получилъ обратно свой Мстиславль.

ея стали нападать турки, а затѣмъ они стали совершать свои набѣги и на венгерскія земли. Это послѣднее обстоятельство заставило польскаго короля взяться за оружіе и совершить походъ на Балканскій полуостровъ. Походъ былъ удаченъ: король съ венгерско-польскими войсками нанесъ туркамъ нѣсколько пораженій и этимъ принудилъ ихъ просить мира. Въ 1444 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, миръ былъ заключенъ на 10 лѣтъ. Но не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ этого, какъ папа и Венеція подбили Владислава снова идти на турокъ. Подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ король объявилъ войну туркамъ и двинулся къ Варнѣ; но тутъ былъ разбитъ на голову и самъ убитъ.

Когда вѣсть о гибели Владислава сдѣлалась извѣстною въ Польшѣ, то 23-го апрѣля 1445 г. въ Серадзѣ (теперь Серазь, городъ Петроковской губерніи) составился изъ поляковъ такъ называемый избирательный сеймъ. На этомъ сеймѣ, послѣ обыкновенныхъ споровъ и криковъ, порѣшили избрать на польскій престолъ брата покойнаго Владислава, литовскаго князя Казимира. Этимъ избраніемъ поляки прежде всего хотѣли вознаградить себя за потерю Венгріи, такъ какъ венгры, лишь только узнали о смерти Владислава, избрали своимъ королемъ Владислава Постума, сына чешскаго короля Альбрехта, а потомъ, самое главное, чрезъ избраніе Казимира Ягелловича они думали снова связать Литву съ Польшею. Но когда послы отъ Серадзскаго сейма явились къ литовскому великому князю съ предложеніемъ польской короны, то тотъ, по наущенію, литовско-русскихъ князей и бояръ, наотрѣзъ отказался отъ сей чести. Послѣ этого польскіе паны нѣсколько разъ дѣлали попытки уговорить Казимира на принятіе польской короны, но все напрасно. Наконецъ, поляки, чтобы заставить Казимира исполнить ихъ желаніе, прибѣгли къ слѣдующей хитрости: на Петроковскомъ сеймѣ, 28-го марта 1446 г., они провозгласили своимъ королемъ Болеслава Мазовецкаго, о чемъ и дали знать въ Вильну. А тамъ, какъ и ожидали поляки, избраніе это надѣлало сильный переполохъ. Дѣло вотъ въ чемъ: Болеславъ былъ тесть Михаила Сигизмундовича, а этотъ послѣдній, какъ извѣстно намъ, былъ уже разъ изгнанъ Казимиромъ изъ Литвы и съ тѣхъ поръ считался смертельнымъ врагомъ его, слѣдовательно, какъ только вступилъ бы на польскій престолъ тесть, то зять, опираясь на него, ясное дѣло, сталъ бы страшно мстить Литовскому государству. Конечно, все это хорошо сознавали въ Вильнѣ. Что было дѣлать теперь литовцамъ? Для рѣшенія сего вопроса въ столицѣ составился сеймъ, на которомъ литовско-русскіе князья и бояре, во избѣжаніе непріятностей, которыя могли бы возникнуть въ случаѣ вступленія на польскій престолъ Болеслава Мазовецкаго, дозволили Казимиру Ягелловичу принять польскую корону, причемъ они взяли съ него торжественную клятву не подчинять Литвы Польшѣ, не уступить ей ни одного клочка литовской территоріи.

Поляки сильно обрадовались тому, что Казимиръ рѣшился наконецъ занять краковскій престолъ. Чтобы окончательно утвердить его въ этомъ избраніи, а также установить болѣе тѣсную связь съ Литвою, польскіе паны назначили съѣздъ въ Парчевѣ, куда пригласили и литовско-русскихъ князей и бояръ.

Въ сентябрѣ того же года польскіе магнаты въ громадномъ количествѣ первые прибыли въ Парчевъ и заняли лучшіе дома и квартиры, а въ концѣ того-же мѣсяца выѣхали изъ Вильны на сеймъ, вмѣстѣ съ Казимиромъ, и литовско-русскіе князья и бояре. Но послѣдніе, узнавши дорогою о прибытіи въ Парчевъ польскихъ пановъ въ огромномъ количествѣ и подозрѣвая въ этомъ съ ихъ стороны какое-нибудь коварство, не рѣшились отправиться прямо на сеймъ, а остановились въ Брестѣ, о чемъ и дали знать польскимъ панамъ. Извѣстіе это поразило поляковъ. Поляки, въ свою очередь, подумали, что не замышляютъ ли противъ нихъ чего худого литовско-русскіе депутаты и не хотятъ ли они тайно ночью напасть на Парчевъ и перерѣзать всѣхъ ихъ, какъ „барановъ"; вслѣдствіе этого польскіе паны распорядились день и ночь охранять войсками всѣ дороги и тропинки, ведущія въ Парчевъ. Литовцы, съ своей стороны, то же сдѣлали. При такой обстановкѣ и при такомъ всеобщемъ недовѣріи другъ къ другу начались переговоры польскихъ пановъ съ литовско-русскими князьями и боярами. Переговоры происходили чрезъ взаимныя посольства, изъ коихъ каждое окружено было военнымъ конвоемъ. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Во время этихъ переговоровъ больше всего шелъ споръ о Волыни и Подоліи, такъ какъ поляки хотѣли эти области присоединить къ Польшѣ.

Какъ долго протянулись бы эти споры и чѣмъ бы они кончились— трудно сказать, если бы не вмѣшалось католическое духовенство. Прежде всего оно уговорило Казимира и литовско-русскихъ депутатовъ пріѣхать въ Парчевъ, причемъ клятвою подтвердило, что имъ не предвидится тамъ никакой опасности, а затѣмъ убѣдило польскихъ пановъ отказаться отъ спорныхъ областей и предоставить рѣшеніе ихъ участи Казимиру Ягелловичу: кому онъ пожелаетъ отдать—полякамъ ли или литовцамъ—за тѣми и останутся. Послѣднее обстоятельство собственно было причиною того, что литовско-русскіе представители согласились пріѣхать въ Парчевъ и продолжать переговоры въ болѣе миролюбивомъ духѣ. Они надѣялись, что князь ихъ оставитъ Волынь и Подоліе за ними, такъ какъ онъ недавно далъ торжественную клятву, что изъ территоріи Литовскаго государства ни одного клочка не уступитъ полякамъ.

Въ Парчевѣ Казимиръ Ягелловичъ уже въ присутствіи польскихъ и литовско-русскихъ пановъ окончательно согласился принять польскую корону.

26-го іюня 1447 года Казимиръ Ягелловичъ съ блестящею свитою пріѣхалъ въ Краковъ, а въ слѣдующій день былъ коронованъ.

На этомъ торжествѣ, между прочимъ, присутствовали: Свидригайло Ольгердовичъ и Юрій Лугвеничъ, уже успѣвшій помириться съ своимъ двоюроднымъ братомъ.

Казимиръ Ягелловичъ, король польскій и великій князь литовскій.

1447—1492 г.

Казимиръ Ягелловичъ отличался добрымъ сердцемъ, мягкимъ характеромъ и слабою головою. Онъ сильно преданъ былъ удовольствіямъ; расточительность его не имѣла границъ и страстно любилъ пиры и охоту.

Сдѣлавшись польскимъ королемъ, Казимиръ Ягелловичъ скоро утратилъ любовь среди литовско-русскихъ князей и бояръ и въ то же время не заслужилъ ея у поляковъ. Литовцы перестали любить Казимира Ягелловича, послѣ принятія имъ польской короны, за то, что онъ подпалъ вліянію пановъ и подъ давленіемъ ихъ часто совершалъ поступки, несогласные съ интересами Литовскаго государства, а поляки не любили Казимира, во-первыхъ, за то, что онъ медлилъ исполнить требованія ихъ относительно увеличенія польскихъ областей на счетъ территоріи Литвы, а во-вторыхъ, за то, что долго не хотѣлъ дать присяги на неприкосновенность ихъ шляхетскихъ привилегій. Почти все царствованіе Казимира Ягелловича представляетъ цѣлый рядъ бурныхъ сеймовъ, нерѣдко доходившихъ до скандаловъ. Большая часть сеймовъ собиралась съ двоякою цѣлію: во-первыхъ, установить и оформить отношенія Литвы къ Польшѣ и во-вторыхъ, присоединить къ Польшѣ Волынь и Подоліе, которыя, какъ мы видѣли, еще на Парчевскомъ съѣздѣ были предметомъ горячихъ споровъ.

Относительно соединенія Литовскаго государства съ Польшею паны требовали, чтобы актъ Городельской уніи былъ возстановленъ во всей своей полнотѣ. А потому они крѣпко настаивали на окончательное сліяніе двухъ вышеозначенныхъ государствъ въ одно общее политическое тѣло, которое бы носило одно общее названіе „Рѣчь Посполитая". Касательно же Волыни и Подолія паны требовали, чтобы эти области были отданы Польшѣ навсегда, какъ завоеванныя еще Казимиромъ Великимъ, а литовско-русскіе князья и бояре и слышать не хотѣли какъ о возстановленіи акта Городельской уніи, такъ и о присоединеніи къ Польшѣ Волыни и Подолія. Противъ возстановленія акта Городельской уніи литовцы говорили, что этотъ актъ составленъ былъ безъ участія ихъ и что языкъ, на которомъ написанъ

сей актъ, совсѣмъ непонятенъ имъ [1]), а потому они категорически требовали, чтобы актъ этотъ считался недѣйствительнымъ. „Пусть, говорили литовско-русскіе князья и бояре, оба государства соединятся въ одномъ лицѣ государя, и то, если не будутъ нарушены наши интересы". На требованіе же поляковъ присоединить къ Польшѣ Волынь и Подоліе литовско-русскіе князья и бояре говорили, что эти области съ древнѣйшихъ временъ принадлежатъ Литовскому государству.

Поэтому справедливо нѣкоторые историки говорятъ, что Казимиръ Ягелловичъ, принявши польскую корону, сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ несчастныхъ правителей, которымъ когда-либо судьба посылала столько огорченій и непріятностей.

Споры литовцевъ съ поляками о политической уніи Литвы съ Польшею и о присоединеніи къ сей послѣдней Волыни и Подолія. Сеймы по поводу этихъ двухъ вопросовъ.

Сеймъ въ Петроковѣ. 24-го августа того же года, т. е. ровно два мѣсяца спустя послѣ принятія Казимиромъ Ягелловичемъ польской короны, въ Петроковѣ составился первый сеймъ. На этомъ сеймѣ польскіе паны прежде всего потребовали отъ своего новаго короля присяги на соединеніе Литвы съ Польшею или, лучше сказать, на подчиненіе первой послѣдней, а затѣмъ на присоединеніе Волыни и Подолія къ Польшѣ. Но Казимиръ наотрѣзъ отказался отъ присяги, заявивши при этомъ, что уже разъ далъ присягу литовцамъ, чтобы не соединять Литвы съ Польшею и не присоединять къ сей послѣдней Волыни и Подолія, а потому не можетъ обязываться новою противоположною присягою. Когда же поляки стали приступать къ Казимиру съ угрозами, чтобы онъ далъ требуемую присягу, то король, по совѣту литовско-русскихъ депутатовъ, тайно вышелъ изъ сейма и ночью уѣхалъ въ Вильну. Такимъ образомъ, первый сеймъ кончился ничѣмъ [2]).

Сеймъ въ Люблинѣ и съѣздъ литовцевъ въ Новогрудкѣ. Кончина Свидригайлы. Въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1448 г. составился новый общій сеймъ въ г. Люблинѣ для рѣшенія тѣхъ же двухъ спорныхъ вопросовъ, какіе подняты были и на Петроковскомъ сеймѣ, т. е. присяги короля на соединеніе Литвы съ Польшею и присоединеніе къ сей послѣдней Волыни и Подолія. Король и теперь отвѣтилъ

---

[1]) Онъ написанъ былъ на латинскомъ языкѣ.

[2]) На Петроковскомъ сеймѣ, кромѣ вопросовъ о соединеніи Литвы съ Польшею и о присоединеніи къ сей послѣдней Волыни и Подолія, поднимались и другіе вопросы, напримѣръ: о коронныхъ правахъ и шляхетскихъ привилегіяхъ, но мы не касаемся ихъ, какъ не относящихся къ исторіи Литовскаго государства.

такъ же, какъ и на Петроковскомъ сеймѣ. Правда, литовско-русскіе депутаты на этомъ сеймѣ согласились было признать законность акта Городельской уніи, но съ условіемъ, чтобы изъ него вычеркнуты были слова „о вѣчномъ соединеніи Литвы съ Польшею въ одно общее политическое тѣло подъ именемъ Рѣчи Посполитой“, такъ какъ актъ этотъ составленъ былъ безъ ихъ вѣдома. Что же касается присоединенія къ Польшѣ Волыни и Подолія, то литовско-русскіе депутаты рѣшительно заявили, что въ семъ вопросѣ они не пойдутъ ни на какія сдѣлки. Поэтому о присоединеніи къ Польшѣ двухъ вышеозначенныхъ областей больше всего спорили. Во время этихъ споровъ и литовцы, и поляки выставляли свои историческія права на сіи области. Между прочимъ литовско-русскіе бояре доказывали, что Подольская земля была отнята въ 1362 г. у татаръ Ольгердомъ и отдана имъ племянникамъ его Коріатовичамъ, которые построили тамъ новые города и возобновили старые, какъ то: Смотричъ, Бакутъ, Каменецъ и др. и, храбро обороняя этотъ край, улучшили его экономическое положеніе. А Волынь они считали прямымъ наслѣдіемъ Литовскаго государства, какъ пріобрѣтеніе Любарта Гедиминовича посредствомъ брака на Бушѣ [1]). Поляки, съ своей стороны, ссылались на завоеванія этихъ областей Казимиромъ III; затѣмъ они ссылались на Городельскій актъ и на другіе договоры, особенно на договоры съ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, который, какъ мы видѣли выше, далъ торжественное обѣщаніе и оформилъ его оффиціальнымъ актомъ, что по смерти своей уступаетъ Польшѣ Волынь, Подоліе и даже Кіевъ.

Послѣ долгихъ споровъ, доходившихъ до ожесточенія и личныхъ оскорбленій, сеймъ кончился ничѣмъ.

Съ Люблинскаго сейма Казимиръ Ягелловичъ сначала уѣхалъ въ Краковъ, а потомъ въ Литву, гдѣ вмѣстѣ съ тамошними князьями и боярами составилъ отдѣльный съѣздъ въ г. Новогрудкѣ. На этомъ съѣздѣ король и литовцы положили всѣми силами противиться какъ вѣчному соединенію Литвы съ Польшею, такъ и присоединенію къ сей послѣдней Волыни и Подолія. Затѣмъ поднятъ былъ вопросъ, какими средствами достигнуть того и другого, если поляки снова потребуютъ вѣчнаго соединенія Литвы съ Польшею и присоединенія къ сей послѣдней Волыни и Подолія; но вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ, такъ какъ въ это самое время на юго-восточныя области Литовскаго государства напалъ съ татарами Михаилъ Сигизмундовичъ. При помощи послѣднихъ Михаилъ овладѣлъ Стародубомъ, Новгородъ-Сѣверскомъ и другими литовскими крѣпостями. Но, однакожъ, онъ не долго пользовался своими завоеваніями: Казимиръ скоро вытѣснилъ его оттуда,

---

[1]) См. княженіе Гедимина.

и Михаилъ бѣжалъ въ Москву, гдѣ чрезъ годъ, т. е. въ 1452 году, скончался отъ отравы, какъ говорятъ нѣкоторые.

Въ одинъ годъ съ Михаиломъ Сигизмундовичемъ умеръ въ Луцкѣ и знаменитый Свидригайло, а смерть его была причиною еще большей вражды поляковъ съ литовцами. Дѣло вотъ въ чемъ: Свидригайло, лежа на смертномъ одрѣ, призвалъ своего старосту Нѣмира, князей Чарторыйскихъ (православныхъ и русскихъ), боярина Юршу и другихъ лицъ и заставилъ ихъ дать клятву, что они никому не отдадутъ Луцкой области, какъ только потомкамъ великаго литовскаго князя Казимира Ягелловича. Завѣщаніе Свидригайлы дѣйствительно послѣ его кончины исполнено было съ буквальною точностію. А между прочимъ объ этомъ узнали въ Краковѣ польскіе магнаты. Негодованію ихъ не было границъ, потому что польскіе паны сами думали захватить Луцкую землю со всѣми ея городами. Въ порывѣ негодованія они даже объявили было войну литовцамъ; но походъ не состоялся. Въ Польшѣ въ это время было двѣ политическихъ партіи: великополянъ и малополянъ. Партіи эти нерѣдко ссорились между собою и иногда составляли отдѣльные сеймы. И вотъ, когда объявленъ былъ походъ на Литву, то партія великополянъ отказалась отъ него, да и самъ король не одобрилъ сего похода. Тѣмъ дѣло и кончилось относительно Луцкой области.

Послѣ этого событія поляки опять составляютъ сеймы, съ цѣлію добиться соединенія съ Литвою и присоединенія Волыни и Подолія.

Сеймъ въ Серадзѣ. 24-го августа 1452 г. въ г. Серадзѣ составился общій сеймъ. Послѣ долгихъ и бурныхъ преній, литовско-русскіе бояре уѣхали, оставивши однихъ поляковъ съ Казимиромъ. Тутъ паны набросились на несчастнаго короля и стали его укорять въ сильныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ, причемъ называли Казимира измѣнникомъ отечества, съ которымъ собственной родинѣ служить нельзя. Король, доведенный до крайности дерзостью и наглостью польскихъ пановъ, согласился на ихъ требованія, т. е. дать присягу на соединеніе Литвы съ Польшею и на присоединеніе къ сей послѣдней Волыни и Подолія, просилъ только отсрочить исполненіе сего требованія еще на годъ; но встрѣтилъ въ этомъ отказъ; тогда онъ объявилъ, чтобы паны выбрали изъ своей среды восемь человѣкъ, которымъ бы онъ могъ открыть подъ строжайшею тайною причины сей отсрочки. Когда собраніе согласилось на это, а избранные подъ присягою обязались хранить тайну, то Казимиръ передалъ панамъ: если онъ, наперекоръ литовцамъ, исполнитъ ихъ требованіе, то ему лично угрожаетъ опасность; прежде чѣмъ дать присягу на соединеніе Литвы съ Польшею и согласіе на присоединеніе къ сей послѣдней Волыни и Подолія, нужно занять преданными людьми важнѣйшіе города сихъ областей и вывезти оттуда свою казну, а для всего этого потребуется не менѣе

года. Доводы сіи были достаточными: присягу отложили до слѣдующаго года; но при этомъ паны взяли съ короля письменное обязательство въ томъ, что онъ чрезъ годъ исполнитъ свое слово; съ тѣмъ всѣ и разъѣхались.

Сеймъ въ Парчевѣ и Петроковѣ. Годъ спустя послѣ Серадзскаго съѣзда, Казимиръ Ягелловичъ созвалъ сеймъ въ Парчевѣ. Сеймъ этотъ открылся 3-го іюня 1453 г. Польскіе паны прибыли сюда въ огромномъ числѣ. Литовско-русскіе депутаты также отправились было туда, но дорогою передумали и остановились, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, въ г. Брестѣ. Когда же поляки послали къ нимъ своихъ уполномоченныхъ съ просьбою прибыть въ Парчевъ, то литовско-русскіе депутаты отвѣтили, что не могутъ ѣхать въ польскій городъ, такъ какъ по дорогамъ, говорили они, устроены засады, съ цѣлію истребить ихъ. Такого рода слова привели польскихъ магнатовъ въ бѣшенство и всю злость свою они излили на несчастномъ королѣ, который отъ этого лишился сна и пищи, и страшно похудѣлъ. Послѣ этого онъ самъ послалъ просить литовцевъ на съѣздъ; тѣ послушались, пріѣхали. Опять начались крики, споры, угрожающіе жесты, бряцанье саблями, и всетаки сеймъ кончился ничѣмъ. Король отложилъ его на 24-е іюня.

Въ это число дѣйствительно состоялся съѣздъ въ Петроковѣ, но только изъ однихъ поляковъ. Съѣздъ былъ самый многочисленный. Прежде всего поляки прочитали прошлое королевское обязательство, а затѣмъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, потребовали присяги на соединеніе Литвы съ Польшею и присоединенія къ сей послѣдней Волыни и Подолія. Король попросилъ было на раздумье одинъ день, но паны не согласились; они ребромъ поставили вопросъ: или король сейчасъ, сію минуту, долженъ исполнить требованіе ихъ, или отказаться отъ престола! Казимиръ испугался; ему, конечно, не жаль было разстаться съ польскою короною, но страшно сдѣлалось за жизнь свою. Поэтому король потребовалъ епископа, приказалъ принести крестъ и евангеліе, надъ которыми и далъ требуемую присягу. Такимъ образомъ, поляки на этомъ сеймѣ достигли того, чего добивались относительно Литвы.

Волненіе литовско-русскихъ вельможъ по поводу послѣдняго съѣзда поляковъ. Вѣсть о Петроковскомъ съѣздѣ поляковъ и о дѣйствіяхъ ихъ на немъ скоро дошла и до литовско-русскихъ князей и бояръ. Трудно себѣ представить, какое страшное негодованіе охватило всѣхъ ихъ до одного! Знаменитые литовскіе вельможи, какъ, напримѣръ: Янъ Гаштольдъ, маршалъ литовскій (бывшій воспитатель Казимира Ягелловича), Монвидъ, воевода трокскій, Кизгайло, намѣстникъ жмудскій, и многіе другіе посорвали свои гербы, данные имъ на Городельскомъ сеймѣ въ 1413 г. и въ знакъ окончательнаго разрыва съ Польшею отослали ихъ въ Краковъ. Затѣмъ начали составлять военные отряды

для борьбы съ поляками. Во главѣ всеобщаго движенія литовцевъ противъ поляковъ сталъ Янъ Гаштольдъ. Неблагопріятныя обстоятельства, сложившіяся внутри и внѣ Польши, давали большую надежду литовско-русскимъ князьямъ и боярамъ на удачный исходъ начинаемаго ими дѣла, т. е. на разрушеніе политической уніи съ Польшею. Внутри Польши въ это время волновались дворяне, не хотѣвшіе платить въ казну податей съ своихъ крестьянъ, и буйствовало войско, вслѣдствіе неполученія жалованья; внѣ же—началась война съ прусскимъ орденомъ [1]). Особенно послѣднимъ обстоятельствомъ литовцы хотѣли воспользоваться для достиженія своей цѣли.

Между тѣмъ, объ озлобленіи и вооруженіи литовцевъ стало извѣстно въ Краковѣ; тамъ извѣстіе это произвело удручающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что начинавшаяся война съ крестоносцами какъ разъ въ это время приняла неблагопріятный оборотъ для поляковъ. Чтобы уладить дѣло съ литовцами, паны уговорили Казимира Ягелловича отправиться въ Вильну. Въ началѣ 1456 г. поѣздка состоялась. И дѣйствительно, она была не безплодна: король разнаго рода обѣщаніями и дорогими подарками успокоилъ взволнованные умы литовско-русскихъ князей и бояръ. А чтобы еще болѣе расположить литовцевъ къ Польшѣ, въ 1457 г. Казимиръ издалъ такъ называемую „Земскую привилегію" (написанную по-русски). Въ силу этой привилегіи православно-русскіе жители въ Литовскомъ государствѣ сравнивались во всѣхъ правахъ съ католиками, кромѣ выѣзда за границу и самовластнаго распоряженія съ подвластными людьми. Но скоро обнаружилось, что Казимиръ, когда бѣда миновалась, по наущенію пановъ [2]),

---

[1]) Послѣ Грюнвальдской битвы внутри ордена произошли сильные безпорядки: города и дворянство въ Пруссіи, пользуясь ослабленіемъ ордена, стали требовать отъ сего послѣдняго, чтобы при магистрѣ былъ совѣтъ, состоящій изъ рыцарей и представителей городовъ и дворянства, который бы рѣшалъ всѣ важныя дѣла, т. е., города и дворяне хотѣли ограничить произволъ ордена, съ которымъ онъ дѣйствовалъ по отношенію къ тѣмъ и другимъ. А когда имъ въ этомъ было отказано, то всѣ они коллективно обратились къ польскому королю Казимиру съ просьбою принять ихъ въ свое подданство. Казимиръ согласился, а вслѣдствіе этого и началась борьба съ орденомъ. Борьба эта съ промежутками продолжалась 13-ть лѣтъ и кончилась, правда, торжествомъ короля: по Торунскому миру въ 1466 году орденъ уступилъ Польшѣ почти половину своихъ владѣній въ полную собственность, а съ остальною половиною призналъ себя въ вассальной зависимости отъ нея, но на первыхъ порахъ она была очень несчастлива для Польши: въ началѣ 1455 года подъ Хайнацами поляки проиграли даже генеральную битву, чѣмъ вотъ собственно и думали воспользоваться литовско-русскіе князья и бояре, рѣшившись разорвать унію съ Польшею.

[2]) Такъ какъ въ это время дѣла ихъ улучшились въ борьбѣ съ рыцарями.

сталъ уклоняться отъ исполненія своихъ обѣщаній, данныхъ литовско-русскимъ боярамъ и „земской привилегіи“ приходилось оставаться мертвою буквою. А вслѣдствіе этого въ Литовскомъ государствѣ снова начались волненія и даже составился заговоръ на жизнь короля, умертвивъ котораго, литовско-русскіе бояре думали посадить на свой престолъ правнука Ольгерда, именно: Семена Олельковича, кіевскаго князя, вассала Казимира Ягелловича [1]). Во главѣ этого заговора сталъ маршалъ литовскій, извѣстный намъ Янъ Гаштольдъ, а главными сообщниками его были: Юрій, князь острожскій и нѣкто Александръ Юрьевичъ, возведенный Казимиромъ, еще въ бытность его великимъ литовскимъ княземъ въ Вильнѣ, изъ простого сословія на одну изъ важныхъ государственныхъ должностей.

Къ вышеозначенной причинѣ, побудившей собственно православно-русскихъ князей и бояръ принять участіе въ заговорѣ противъ Казимира, нужно отнести еще и то, что король какъ разъ въ это время, подобно Витовту, отдѣлилъ православно-западную церковь отъ московской митрополіи: по совѣту католическаго духовенства и пановъ онъ въ 1458 г. пригласилъ къ себѣ изъ Италіи въ качествѣ митрополита западно-русской церкви нѣкоего Григорія Болгарина, принявшаго въ Римѣ унію и сдѣлавшагося покорнымъ слугою папы Калликста III [2]). Но заговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, потому что главный дѣятель его Янъ Гаштольдъ въ началѣ 1460 г. скончался.

Новые споры литовцевъ съ поляками за Волынь и Подоліе. Православныя братства. Уничтоженіе Кіевской области какъ удѣльнаго княжества. Новый заговоръ противъ Казимира. Отъѣздъ литовско-русскихъ бояръ въ Московское государство. Не смотря на то, что самый главный и самый опасный дѣятель противъ поляковъ Янъ Гаштольдъ умеръ, литовско-русскіе князья и бояре все-таки не бросили желанія разорвать связь съ Польшею и отнять у ней

[1]) Семенъ Олельковичъ отличался преданностью православію и русской народности; обладалъ военными дарованіями и храбростію. Будучи кіевскимъ княземъ, онъ построилъ много церквей въ своей области и, между прочимъ, возстановилъ Печерскую обитель, разрушенную татарами. См. сочиненіе проф. Антоновича „Кіевъ и его судьба и значеніе“.

[2]) Выше говорено было, что Витовтъ въ 1418 году отдѣлилъ въ своемъ государствѣ православную церковь отъ московской митрополіи и назначилъ, какъ мы видѣли, особаго митрополита Григорія Цамвлака. Но по смерти его, раздѣленіе это было уничтожено: московскій митрополитъ Фотій остался по прежнему, какъ мы тоже видѣли, митрополитомъ и литовской Руси. Соединеніе церквей существовало и при Казимирѣ, такъ что митрополитъ Іона (онъ первый митрополитъ, избранный русскими іерархами), преемникъ Фотія, въ 1451 году обозрѣвалъ православныя епархіи и въ Литвѣ. Но вотъ въ 1453 году, какъ извѣстно, палъ подъ ударами турокъ Константинополь; патріархъ же сего города Григорій Мамма бѣжалъ въ Римъ и принялъ тамъ унію; затѣмъ онъ, по

Волынь и Подоліе. Сначала, въ 1461 г., на съѣздѣ въ Брестѣ, а потомъ, чрезъ годъ, на съѣздѣ въ Вильнѣ литовско-русскіе князья и бояре съ особенною энергіею и настойчивостію приступили съ требованіемъ къ Казимиру Ягелловичу, во-первыхъ, чтобы онъ отказался отъ польской короны и остался бы только великимъ литовскимъ княземъ, а во-вторыхъ, возвратилъ бы Литвѣ Волынь и Подоліе, причемъ прямо и категорически заявили въ глаза, что если онъ не исполнитъ сего, то они возведутъ на литовскій престолъ Семена Олельковича, князя кіевскаго. Это же самое литовско-русскіе князья и бояре скоро повторили и на слѣдующихъ двухъ съѣздахъ: 17 мая 1463 года въ Петроковѣ и 15 октября того же года въ Парчевѣ. На послѣднемъ съѣздѣ литовско-русскіе князья и бояре, возмущенные игнорированіемъ ихъ интересовъ самимъ королемъ и наглостію польскихъ пановъ, дали даже, какъ говорятъ, клятву касательно приведенія въ исполненіе вышеозначенной угрозы.

Но какъ при покойномъ Янѣ Гаштольдѣ литовско-русскіе князья и бояре не привели въ исполненіе, какъ мы видѣли, своего заговора, составленнаго на жизнь Казимира Ягелловича, такъ и теперь не привели они въ исполненіе и своей угрозы относительно лишенія его литовскаго престола. Дѣло въ томъ: король, по совѣту католическаго духовенства и пановъ, пригласилъ къ себѣ тѣхъ князей и бояръ, принадлежавшихъ къ партіи его противниковъ, которые исповѣдывали католическую религію, обласкалъ ихъ, одарилъ богато, обѣщалъ большія привилегіи и въ заключеніе уговорилъ ихъ помириться съ нимъ и панами; тѣ согласились. Такимъ образомъ, въ оппозиціонной партіи въ Литвѣ остались только православно-русскіе князья и бояре, которые,

---

совѣту папы Калликсту III, посвятилъ нѣкоего Григорія Болгарина въ санъ уніатскаго митрополита для Литовскаго государства и въ концѣ 1458 года, по просьбѣ Казимира, послалъ его туда.

Примѣчаніе. Въ Литовскомъ государствѣ въ это время были слѣдующія православныя епархіи: Черниговская, Смоленская, Туровская, Луцкая, Владимирская, Полоцкая и три въ Польшѣ: Перемышльская, Львовская и Галицкая. Для этихъ-то епархій и назначенъ былъ Григорій Болгаринъ. Но прибытіе его въ Литовское государство вызвало страшное неудовольствіе у іерарховъ вышеозначенныхъ епархій и у православно-русскаго населенія, такъ что онъ не смѣлъ показаться въ Кіевъ, гдѣ ему назначено было мѣстожительство, а все время прожилъ при дворѣ Казимира и умеръ въ 1472 году въ Новогрудкѣ. Преемникъ его былъ смоленскій епископъ Мисаилъ. Онъ былъ противникъ уніи, утвержденъ въ своемъ званіи восточными патріархами. Съ него собственно и начинается непрерывный рядъ кіевскихъ митрополитовъ, отдѣльныхъ отъ московскихъ.

будучи обезсилены измѣною товарищей, не рѣшились дѣйствовать одни противъ короля и поляковъ и до поры до времени затаили свою месть въ душѣ.

А между тѣмъ Казимиръ Ягелловичъ и польскіе магнаты, обезсиливши русскую партію отдѣленіемъ отъ нея литвинъ-католиковъ, задумали еще болѣе ослабить эту партію, чтобы она впредь не имѣла возможности идти противъ короля и пановъ. Но какъ же они взялись за это дѣло? Король и паны, зная, что русская партія имѣетъ сильную опору въ мелкомъ дворянствѣ и простомъ народѣ, исповѣдующихъ православіе, порѣшили и тѣхъ, и другихъ обратить въ унію. Они тѣмъ болѣе считали это возможнымъ, что отдѣленіе западно-русской церкви отъ московской митрополіи уже фактически совершилось и самый митрополитъ Григорій Болгаринъ былъ уніатъ.

И дѣйствительно, въ 1465 году, по распоряженію Казимира Ягелловича и пановъ, ксендзы, прелаты и монахи разныхъ католическихъ орденовъ разсыпались по всему Литовскому государству проповѣдывать единеніе церквей подъ главенствомъ папы и при этомъ, по свидѣтельству польскаго историка Нарбута, совершили много насилія какъ въ отношеніи церковныхъ обрядовъ православной церкви, такъ и въ отношеніи лицъ, не признававшихъ сего единенія [1]).

Православно-русское населеніе Литовскаго государства сразу поняло, къ чему дѣло идетъ, и рѣшилось энергически противодѣйствовать пропагандѣ. Съ этою цѣлію оно стало группироваться въ общества и составлять такъ называемыя братства. Братства эти имѣли свои больницы, училища, страннопріимные дома и богадѣльни. Братчики въ извѣстные дни собирались на богослуженіе въ избранную церковь; тутъ они послѣ молитвы собирали пособія на бѣдныхъ, на училища, на больницы, на погребеніе мертвыхъ и т. п.; слушали чтеніе твореній святыхъ отцовъ: Златоуста, Василія Великаго и другихъ, а особенно занимались разсужденіемъ объ огражденіи православія отъ католичества и изысканіемъ для сего средствъ [2]). Результатъ этихъ братствъ былъ блестящій: десять лѣтъ спустя послѣ прибытія въ Литву митрополита Григорія, Казимиръ доносилъ папѣ, что унія въ Литовскомъ государствѣ не имѣетъ никакого успѣха, а „схизма" (православіе) все болѣе усиливается и при этомъ просилъ прислать въ Вильну для борьбы съ „схизматиками" монаховъ Бернардинскаго ордена. Въ 1469 г. монахи означеннаго ордена дѣйствительно прибыли въ Литву. Но и съ прибытіемъ ихъ дѣло католической пропаганды не подвинулись ни на

---

[1]) Нарбутъ. Т. VIII, стр. 469. Крашевскій. Т. I, стр. 162—175.

[2]) Собраніе древнихъ актовъ и грамотъ гг. Вильны, Ковны и Трокъ. 1843 г., стр. XXXIV—XLV, примѣч. IV.

шагъ. А между тѣмъ православно-русская партія, стремившаяся къ разрыву политической уніи Литвы съ Польшею, опять начала усиливаться и требовать возвращенія Волыни и Подолія. Православно-русскіе князья и бояре снова обратили свое вниманіе на Семена Олельковича и снова задумали попытаться возвести его на литовскій престолъ. Но въ 1571 г. этотъ князь скончался. Тогда они сосредоточили свои надежды на братѣ покойнаго князя—Михаилѣ Олельковичѣ, проживавшемъ въ это время въ Новгородѣ Великомъ въ качествѣ намѣстника Казимира. Православно-русскіе князья и бояре думали, что за смертію Семена Олельковича кіевскій столъ займетъ Михаилъ Олельковичъ, а затѣмъ они надѣялись выдвинуть его кандидатомъ на престолъ Литовскаго государства. Но Казимиръ и польскіе магнаты поняли это, а потому рѣшились повести дѣло иначе: они не только не посадили на кіевскій столъ Михаила Олельковича, но упразднили и самую Кіевскую область, какъ удѣльное княжество, обративъ ее въ намѣстничество, причемъ управленіе поручили Мартину Гаштольду (сыну Яна Гаштольда), католику и человѣку преданному польскимъ интересамъ. Правда, кіевляне, подстрекаемые русскою партіей, попробовали было не пустить къ себѣ Мартина, но онъ вторично явился съ войскомъ, взялъ городъ приступомъ и водворился въ такъ называемомъ „литовскомъ замкѣ", который былъ выстроенъ между верхнимъ Кіевомъ и Подоломъ, на возвышеніи, носившемъ названіе „Киселевка".

Упраздненіе Кіевской области, какъ удѣльнаго княжества, и порученіе управленія ею католику (прежде все управляли православные) нанесло смертельный ударъ русской партіи въ Литовскомъ государствѣ.

Послѣ обращенія Кіевскаго княжества въ намѣстничество король и паны съ новою силою стали преслѣдовать православныхъ въ Литовскомъ государствѣ. Опять ксендзы, прелаты и католическіе монахи разсыпались по Литовскому государству и снова настала тяжелая пора для православно-русскаго населенія. Въ довершеніе бѣдствій, обрушившихся на русское населеніе, Казимиръ Ягелловичъ въ 1580 году (или около этого времени), по настоянію своего сына, именемъ также Казимира [1]), издалъ указъ, которымъ, подъ опасеніемъ лишенія имущества и свободы, запрещалось русскимъ возводить новыя православныя церкви и починять старыя.

---

[1]) Казимиръ Казимировичъ былъ второй сынъ польскаго короля. Онъ съ самаго отрочества проводилъ время въ постѣ и молитвѣ. Еще при жизни его назвали святымъ. Казимиръ Казимировичъ умеръ 4-го марта 1484 г. Смерть послѣдовала отъ истощенія и чахотки. Мощи его, закрытыя наглухо, почиваютъ въ Вильнѣ, въ каѳедральномъ соборѣ, въ правомъ придѣлѣ. Мощи лежатъ въ серебряной ракѣ, которая помѣщена высоко надъ престоломъ и потому недоступна для чествованія.

Послѣднее распоряженіе Казимира привело въ страшное негодованіе все русское населеніе. Вслѣдствіе этого въ 1481 году составился новый заговоръ на жизнь короля. Руководителями этого заговора были: Михаилъ Олельковичъ, его двоюродный братъ Ѳеодоръ Ивановичъ Бѣльскій (тоже правнукъ Ольгерда) и одинъ изъ князей ольшанскихъ, родственникъ Казимиру по матери. Заговорщики для приведенія въ исполненіе своего замысла думали воспользоваться свадьбою дочери Бѣльскаго, которая выходила замужъ за князя Александра Чарторыйскаго. На эту свадьбу между прочимъ былъ приглашенъ и король, гдѣ заговорщики думали убить его, чтобы потомъ провозгласить великимъ княземъ литовскимъ Михаила Олельковича. Но заговоръ былъ кѣмъ-то открытъ. Начали пытать слугъ, а тѣ разсказали всѣ тайны своихъ господъ. Бѣльскій Ѳеодоръ успѣлъ бѣжать въ Москву, бросивши молодую жену и сына; но Михаилъ Олельковичъ и князь ольшанскій были схвачены. Судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни. Въ 1482 г. король, чтобы устрашить православно-русскихъ князей и бояръ, нарочно приказалъ отрубить головы Олельковичу и ольшанскому князю въ Кіевѣ, на площади предъ воротами замка.

Страшное преслѣдованіе православія, казнь такихъ знаменитыхъ русскихъ вельможъ, каковы были Олельковичъ и князь ольшанскій, заставили многихъ самыхъ знатныхъ князей и бояръ Литовскаго государства бѣжать въ предѣлы московскіе. Такъ, между прочимъ, бѣжали: Иванъ Михайловичъ и Димитрій Ѳеодоровичъ Воротынскіе, Иванъ Перемышльскій, Иванъ, Андрей и Василій Бѣльскіе и др.

Переходъ вышеозначенныхъ князей и бояръ въ подданство московскаго князя повелъ къ непріязненнымъ дипломатическимъ переговорамъ между обоими государствами. Но только въ Москвѣ теперь уже не были такъ уступчивы, какъ это было при Витовтѣ. Теперь тамъ на всѣ заявленія и неудовольствія короля и пановъ отвѣтили рѣзкимъ отказомъ, слѣдовательно сила была на сторонѣ Москвы.

Начало наступательныхъ движеній Москвы на Литву.

Мы видѣли, что Литва со временъ своего возникновенія, какъ политическаго организма, постоянно стремилась расширить собственную территорію на счетъ мелкихъ удѣльныхъ русскихъ княжествъ. Но на этомъ пути въ началѣ XIV столѣтія она встрѣтила себѣ соперницу Москву; вслѣдствіе сего между ними началась борьба, въ которой Литва по большей части одерживала верхъ. Такъ продолжалось до соединенія Литвы съ Польшею или, лучше сказать, до смерти Витовта. Затѣмъ мы видимъ, картина измѣняется: Литва уже не стремится къ увеличенію своихъ владѣній на счетъ русской территоріи, теперь она заботится

только о сохраненіи прежде пріобрѣтенныхъ русскихъ земель, а между тѣмъ соперница ея Москва, продолжая прежнюю политику, т. е. расширеніе на счетъ мелкихъ удѣльныхъ русскихъ княжествъ или, какъ обыкновенно говорится, „собираніе подъ свою власть раздробленной Руси“, мало-по-малу начинаетъ заявлять свои требованія и на тѣ русскія области, которыя уже давно завоеваны были литовскими князьями и составляли неотъемлемую часть ихъ государства, и по этому поводу все чаще и чаще совершаетъ наступленія на Литву. Опять происходитъ борьба, и борьба тяжелая и упорная. Но только на этотъ разъ уже Москва одерживаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ Литвою и та волею или неволею отдаетъ ей одну за другою захваченныя русскія области.

Причины такого грустнаго явленія для Литвы весьма понятны: во-первыхъ, Литва, соединившись съ Польшею, утеряла крѣпкую монархическую власть, которая бы въ силахъ была защитить ее отъ Москвы, державы могучей именно этимъ принципомъ; во-вторыхъ, Литва, соединившись съ Польшею, должна была, какъ мы уже отчасти видѣли, вступить въ ожесточенную сеймовую борьбу съ польскими панами за собственныя области и разнаго рода привилегіи, что рѣшительно не давало ей возможности обратить должное вниманіе на грознаго восточнаго сосѣда, могущество котораго, какъ извѣстно, со дня на день увеличивалось; въ-третьихъ, наконецъ, Литва, соединившись съ Польшею, положила внутри себя начало развитію такого рода явленій, которыя быстро повели ее къ безсилію и разложенію; такъ, между прочимъ, благодаря сему соединенію, внутри Литвы обнаружились: борьба партій, фанатическое преслѣдованіе православныхъ, антагонизмъ національностей, обнищаніе сельскаго населенія, непомѣрная роскошь высшаго сословія и т. п.; а между тѣмъ, какъ извѣстно, больше всего этими явленіями старались воспользоваться московскіе князья для своихъ энергическихъ наступленій на Литву, чтобы возвратить прежде захваченныя ею русскія области и такимъ образомъ осуществить ту великую цѣль, которую намѣтилъ еще первый московскій князъ Димитрій Александровичъ (сынъ Александра Невскаго), именно: собрать подъ свою власть всю раздробленную Русь.

Первыя наступательныя движенія Москвы на Литву обнаружились именно при Казимирѣ Ягелловичѣ во время правленія Василія Темнаго Московскимъ государствомъ. Наступательныя движенія эти на первыхъ порахъ выразились въ томъ, что московскій князь сталъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Литовскаго государства и поддерживать смуты въ немъ, чего прежде никогда не бывало; такъ, послѣ трагической смерти Сигизмунда Кейстутовича, Василій Васильевичъ сильно хлопоталъ о возвращеніи на великокняжескій литовскій столъ Михаила Сигизмун-

довича, сына убитаго Сигизмунда [1]). А когда московскій князь не успѣлъ въ этомъ, то принялъ участіе въ той смоленской смутѣ, которая, какъ мы видѣли, происходила въ 1443 г. и тогда же, по его указанію, смольняне пригласили къ себѣ на свой столъ Юрія Лугвенича, который былъ родственникомъ Василія Темнаго.

Правда, московскій князь, какъ мы знаемъ, не достигъ желанныхъ результатовъ: Михаилъ не попалъ на литовскій престолъ, а смольняне были усмирены и Юрій Лугвеничъ бѣжалъ въ Новгородъ Великій. Но, не смотря на это, поступки Василія Темнаго не потеряли своего значенія предъ лицомъ русской исторіи: они положили начало дальнѣйшимъ вмѣшательствамъ московскихъ князей во внутреннія дѣла Литвы и указали путь для слѣдующихъ наступленій Москвы на Литву [2]).

Отношенія Казимира Ягелловича къ московскому князю Василію Васильевичу Темному. Вышеозначенные поступки московскаго князя сильно раздражили поляковъ и Казимира Ягелловича; съ этого времени польскій король началъ самъ проявлять по отношенію къ Василію Темному враждебныя дѣйствія.

Непріязненныя дѣйствія противъ московскаго князя Казимиръ Ягелловичъ въ первый разъ обнаружилъ въ 1444 г. Въ этомъ году онъ задумалъ было овладѣть Новгородомъ Великимъ, который въ сіе время уже находился въ нѣкоторой зависимости отъ Москвы. Но предпринятый по сему случаю походъ не привелъ къ желанной цѣли: когда Казимиръ Ягелловичъ вступилъ въ новгородскую землю, то въ отсутствіе его московскій князь навелъ татаръ на Смоленскую область и это заставило литовскаго князя (Казимиръ въ это время былъ еще литовскимъ княземъ) вернуться домой ни съ чѣмъ.

Въ 1445 г. Казимиръ Ягелловичъ собралъ болѣе 7000 войска, съ которымъ въ началѣ лѣта вступилъ въ предѣлы Московскаго государ-

---

[1]) Нѣкоторые говорятъ, что Михаилъ Сигизмундовичъ, въ случаѣ успѣха, обѣщалъ за это уступить Москвѣ Смоленскъ.

Примѣчаніе. Покойный профессоръ С. М. Соловьевъ говоритъ, что Василій Васильевичъ Темный, поддерживая кандидатуру Михаила Сигизмундовича, имѣлъ въ виду свой собственный интересъ, именно: въ это время, какъ извѣстно, Василій II велъ борьбу съ сыновьями Юрія Галицкаго—Шемякою и Косымъ; главный убійца Сигизмунда Чарторыйскій, бѣжавшій изъ Литвы, проживалъ у Шемяки и помогалъ ему въ борьбѣ его съ Темнымъ; слѣдовательно, московскій князь, въ случаѣ успѣха Михаила Сигизмундовича относительно видовъ его на литовскій престолъ, имѣлъ у себя надежнаго союзника противъ дѣтей Юрія.

[2]) Собственно рѣшительныя и энергическія наступленія Москвы на Литву начались со времени княженія въ Москвѣ сына Василія Темнаго, Іоанна III, а въ Литвѣ сына Казимира Ягелловича—Александра.

ства. Этимъ походомъ литовскій князь думалъ отомстить Василію Темному за его послѣдній поступокъ. Но и этотъ походъ былъ неудаченъ: на рѣкѣ Суходравѣ [1]), гдѣ Казимиръ остановился было, напали на него московскія войска; произошла битва, которая кончилась тѣмъ, что литовскій князь, потерявши нѣсколько сотъ человѣкъ, повернулъ назадъ и быстро удалился въ предѣлы своего государства. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Это было единственное ратное дѣло при Казимирѣ Ягелловичѣ съ Москвою: въ 1449 г. Казимиръ и Василій заключили миръ, причемъ оба они дали другъ другу клятву быть въ вѣчной дружбѣ и имѣть общихъ враговъ и друзей, а въ случаѣ смерти кого-нибудь одного изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ обязанъ заботиться о семействѣ умершаго.

Но договоръ этотъ плохо исполнялся Казимиромъ Ягелловичемъ: такъ, въ 1453 г. онъ принялъ къ себѣ бѣжавшихъ изъ предѣловъ Московскаго государства враговъ Василія Васильевича Темнаго, именно: сына Шемяки—Ивана Димитріевича, которому далъ въ управленіе Новгородъ-Сѣверскъ и Рыльскъ, и Ивана Андреевича Можайскаго, главнаго помощника Шемяки въ борьбѣ съ московскимъ княземъ. Послѣдній получилъ Стародубъ, Брянскъ и Гомель. Но, впрочемъ, этотъ поступокъ Казимира остался безъ послѣдствій.

27-го марта 1462 г. Василій Васильевичъ Темный сошелъ въ могилу. На московскій престолъ вступилъ сынъ его Іоаннъ Васильевичъ. Въ Польшѣ и Литвѣ попрежнему оставался правителемъ Казимиръ Ягелловичъ. Послѣдній былъ современникомъ Іоанна Васильевича ровно 30 лѣтъ, періодъ времени, очевидно, большой. Каковы же у нихъ были отношенія?

Вступленіе на московскій престолъ Іоанна Васильевича III и его отношенія къ литовскому князю Казимиру Ягелловичу. „Іоаннъ Васильевичъ, говоритъ Костомаровъ, былъ человѣкъ холодный, разсудительный, неутомимый въ преслѣдованіи избранной цѣли, скрытный и чрезвычайно осторожный; во всѣхъ его дѣйствіяхъ видна послѣдовательность и даже медлительность; онъ никогда не увлекался, зато поступалъ рѣшительно, когда видѣлъ, что дѣло созрѣло до того, что успѣхъ несомнѣненъ. Забираніе земель и возможно прочное соединеніе ихъ съ Московскихъ государствомъ было завѣтною цѣлію всей его политической дѣятельности; слѣдуя въ этомъ дѣлѣ за своими прародителями, онъ превзошелъ всѣхъ ихъ и оставилъ примѣръ подражанія потомкамъ на долгія времена. Рядомъ съ расширеніемъ государства

---

[1]) Рѣка эта протекаетъ въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губ., и впадаетъ въ Шоню, притокъ Угры.

Іоаннъ Васильевичъ далъ сему послѣднему строго-самодержавный строй и личность монарха сдѣлалъ единственнымъ двигателемъ всѣхъ силъ государственныхъ“ [1]).

Ясно, что Казимиру Ягелловичу съ такимъ сосѣдомъ, каковъ былъ Іоаннъ Васильевичъ, трудно было имѣть открыто какое-нибудь серьезное дѣло, которое бы клонилось къ ущербу Московскаго государства, а къ выгодѣ Польско-Литовскаго, и, какъ кажется, самъ Казимиръ Ягелловичъ, не смотря на слабость ума, сознавалъ это: по крайней мѣрѣ изъ источниковъ мы не видимъ, чтобы онъ хотя бы разъ выступилъ противъ московскаго князя слишкомъ явно и энергично. А между тѣмъ было два случая, пользуясь которыми польскій король могъ бы надѣлать много хлопотъ Іоанну Васильевичу и, пожалуй, надолго пріостановить собираніе Руси.

Первый случай представлялся Казимиру Ягелловичу въ то время, когда Новгородъ Великій, опасаясь потери своей самостоятельности, обратился къ нему за помощью противъ московскаго князя, причемъ обѣщался вступить въ подданство его. Но Казимиръ упустилъ этотъ случай, далъ возможность Іоанну Васильевичу сокрушить Новгородъ Великій и этимъ еще болѣе возвысить свою силу и свое обаяніе не только на Руси, но даже и въ Литовскомъ государствѣ. Подробности новгородскаго дѣла, между прочимъ, таковы:

Въ концѣ первой половины XV-го ст. и въ началѣ второй ясно было, что Новгородъ Великій, вслѣдствіе своихъ внутреннихъ неурядицъ, доживалъ свое политическое существованіе. Уже въ продолженіе послѣднихъ полтораста лѣтъ онъ, какъ мы видѣли, метался, такъ сказать, изъ стороны въ сторону: то подчинялся онъ Литвѣ, то Москвѣ. Послѣ Витовта литовскіе князья мало обращали вниманія на Новгородъ, какъ, впрочемъ, и на остальную удѣльно-вѣчевую Русь: внутренніе безпорядки, какъ результатъ политической уніи съ Польшею, поглощали все ихъ вниманіе. А между тѣмъ, московскіе князья зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ Новгородѣ, и въ случаѣ враждеб-

---

[1]) Іоаннъ Васильевичъ, какъ мудрый и твердый правитель, хорошо извѣстенъ былъ и на Западѣ. Ему уступалъ папа и его расположенія заискивалъ германскій императоръ Фридрихъ III. Послѣдній, пытаясь разъ сдѣлать московскаго князя своимъ другомъ, послалъ къ нему посла, нѣкоего Попеля, съ предложеніемъ королевской короны. Но московскій князь отвергъ дружбу, а на предложеніе королевскаго вѣнца отвѣтилъ такъ: „Мы, Божіею милостію, государь на своей землѣ изначала отъ первыхъ своихъ прародителей и постановленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, и просимъ Бога, чтобы и впередъ далъ Богъ и намъ и нашимъ дѣтямъ до вѣка такъ быть, какъ мы теперь есть государь въ своей землѣ, королевскаго же вѣнца и королевскаго постановленія ни отъ кого не хотѣли и теперь не хотимъ“! Съ тѣмъ германскій посолъ и уѣхалъ.

ныхъ дѣйствій противъ Москвы налагали на него свою тяжелую руку. Такъ, въ 1441 г. Василій Васильевичъ за пріемъ Новгородомъ враговъ Москвы (Василія Косого и Димитрія Шемяки) совершилъ походъ на него и взялъ контрибуцію въ 8,000 р.; а потомъ въ 1456 г. онъ снова ходилъ на Новгородъ, когда тамошніе бояре вздумали было присвоить себѣ нѣкоторыя московскія земли, и опять взялъ съ него 8,500 руб., кромѣ того заставилъ новгородцевъ писать свои грамоты не отъ вѣча, какъ прежде было, а отъ его, московскаго князя, имени.

Послѣдній походъ московскаго князя такъ напугалъ новгородцевъ, что они рѣшились искать защиты у польскаго короля Казимира Ягелловича. Съ этою цѣлію въ 1457 году въ Краковъ посланы были новгородскіе послы. Начались переговоры, во время которыхъ, между прочимъ, умеръ Василій Васильевичъ, и московскій престолъ занялъ сынъ его Іоаннъ Васильевичъ. Переговоры эти тянулись 10-ть лѣтъ, тянулись вяло и не энергично. Наконецъ уже въ 1469 году они кончились подписаніемъ формальнаго акта, въ силу котораго польскій король обѣщался защищать новгородцевъ отъ московскаго князя, а новгородцы, въ благодарность за сіе, дали слово поступить къ нему въ подданство. Но при этомъ они выговорили себѣ: а) чтобы въ Новгородѣ намѣстникомъ короля всегда былъ человѣкъ православный; б) чтобы никого въ новгородской землѣ не принуждать къ принятію католичества; в) чтобы во всей новгородской землѣ не было ни одного костела, и г) наконецъ, чтобы новгородцамъ не препятствовали въ посвященіи своего епископа, гдѣ имъ вздумается [1]).

Послѣ заключенія вышеозначеннаго договора, въ 1470 году Казимиръ Ягелловичъ послалъ въ Новгородъ своимъ намѣстникомъ Михаила Олельковича, правнука Ольгерда, того самаго, который впослѣдствіи, какъ уже говорили выше, казненъ былъ въ Кіевѣ предъ воротами литовскаго замка [2]).

Между тѣмъ о всемъ, что произошло въ Новгородѣ, скоро стало извѣстно московскому князю Іоанну Васильевичу, который, не торопясь, обдуманно, разсчитывая каждый шагъ, приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; въ 1471 г., въ началѣ лѣта, онъ напалъ на Новгородъ, овладѣлъ имъ и затѣмъ стѣснилъ его вольность еще болѣе чѣмъ отецъ, такъ что городъ этотъ сдѣлался почти пригородкомъ Москвы. Послѣ этого новгородцы обратились было за помощью къ Казимиру Ягелловичу, но тотъ отказалъ и самый договоръ порвалъ.

Вслѣдъ за новгородскимъ дѣломъ Казимиръ Ягелловичъ по своей нерѣшительности снова упустилъ случай, когда бы онъ могъ нанести

---

[1]) Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ пользу Казимира тутъ была, какъ извѣстно, вдова посадника Борецкаго, Марѳа Борецкая.

[2]) Михаилъ Олельковичъ пробылъ въ Новгородѣ не болѣе года.

московскому князю большой вредъ: такъ, въ 1480 г., какъ извѣстно, Іоаннъ Васильевичъ задумалъ свергнуть татарское иго; вслѣдствіе этого ханъ Золотой Орды Ахматъ двинулся на московскаго князя, причемъ звалъ къ себѣ на помощь и Казимира Ягелловича; тотъ согласился; но потомъ такъ долго и медленно собирался, что далъ возможность напасть на южные предѣлы Литовскаго государства другу московскаго князя крымскому хану Менгли-Гирею, а это заставило польскаго короля отказаться отъ союза съ Ахматомъ.

Послѣ двухъ вышеозначенныхъ неудачныхъ попытокъ Казимира Ягелловича повредить Іоанну Васильевичу, вражда между ними продолжалась попрежнему, хотя открытой войны и теперь не было. Вражда эта между польскимъ королемъ и московскимъ княземъ происходила то по поводу перехода на службу къ Іоанну Васильевичу нѣкоторыхъ литовскихъ бояръ, то по поводу ссоръ мелкихъ московско-русскихъ князей съ польско-литовскими, то, наконецъ, по поводу пограничныхъ разбоевъ. Непріязненныя отношенія эти сопровождались обоюдными жалобами и дипломатическою перепискою. Большею частію, впрочемъ, Казимиръ Ягелловичъ жаловался на Іоанна Васильевича и посылалъ къ нему дипломатическія ноты. Но на все это московскій князь отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ и ни одной его просьбы не исполнилъ. Особенно замѣчателенъ былъ отвѣтъ Іоанна Васильевича на одну изъ жалобъ Казимира по поводу перехода въ Москву на службу Одоевскаго, Воротынскаго и другихъ князей, бывшихъ подданныхъ Казимира: „Перешедшіе князья, между прочимъ писалъ въ своемъ отвѣтѣ Іоаннъ, служили моимъ прародителямъ и теперь только вернулись на службу къ своему законному государю“. Этимъ отвѣтомъ московскій князь ясно далъ понять Казимиру и польскимъ панамъ, что всѣ удѣльные русскіе князья, живущіе въ Литовскомъ государствѣ, есть истинные подданные московскихъ князей, а потому рано или поздно они должны будутъ тѣмъ или инымъ путемъ перейти къ законнымъ владѣтелямъ, т. е. московскимъ князьямъ.

Во время самаго разгара дипломатической переписки Казимира Ягелловича съ Іоанномъ Васильевичемъ польскій король скончался. Въ маѣ 1492 г. Казимиръ отправился въ г. Вильну, тутъ онъ узналъ, что въ Покутьѣ [1]) произошло возстаніе; будучи уже больнымъ, король поспѣшилъ было туда, но на дорогѣ 7 іюня, въ г. Гроднѣ, умеръ, имѣя отъ роду 64 года.

Казимиръ женатъ былъ на австрійской принцессѣ Елизаветѣ. Отъ этого брака онъ имѣлъ 6 сыновей. Самый старшій Владиславъ былъ

---

[1]) Область Колыманскаго уѣзда, въ Галиціи, лежащая между рѣками Прутомъ и Черемышемъ.

королемъ Чехіи; другой сынъ Казимиръ умеръ въ молодости и за святость жизни, какъ уже замѣтили выше, причисленъ папою къ лику святыхъ; остальные: Янъ-Альбрехтъ, Александръ и Сигизмундъ преемственно одинъ послѣ другого были польскими королями, а самый младшій Фридерикъ былъ кардиналомъ и гнѣзненскимъ архіепископомъ.

Александръ Казимировичъ, великій литовскій князь.

1492—1501 г.

Послѣ смерти Казимира Ягелловича литовскіе князья и бояре, чтобы не быть въ соединеніи съ Польшею, поспѣшили провозгласить своимъ княземъ сына его Александра. А поляки на Петроковскомъ сеймѣ избрали своимъ королемъ другого сына покойнаго князя—Яна-Альбрехта.

Александръ Казимировичъ, подобно отцу своему Казимиру и дѣду Ягайлѣ, былъ человѣкъ слабый и умомъ, и характеромъ. Подобно тому и другому и онъ подпалъ сильному вліянію духовенства и вельможъ. Во все время его правленія какъ Литовскимъ государствомъ, такъ и Польскимъ смуты не прекращались ни въ Литвѣ, ни въ Польшѣ, поэтому и царствованіе его было едва ли не несчастнѣе царствованія отца. А между тѣмъ на московскомъ престолѣ продолжалъ сидѣть тотъ же Іоаннъ Васильевичъ III, который сидѣлъ при Казимирѣ Ягелловичѣ. Этотъ замѣчательный государь и теперь, какъ и тогда, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ Литвѣ и Польшѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ старался захватить какую-нибудь изъ русскихъ областей, находившихся подъ властію Литвы. А что разъ попадало въ руки московскаго государя изъ территоріи Литовскаго государства, того уже никакими силами нельзя было у него вырвать: человѣкъ онъ былъ слишкомъ неуступчивый; высоко держалъ русское знамя.

Отношенія московскаго князя къ Литвѣ. Женитьба Александра Казимировича на дочери Іоанна Васильевича III. При жизни Казимира Ягелловича Іоаннъ III, какъ мы видѣли, не нападалъ на Литовское государство, потому что въ то время у него и безъ того много было дѣла дома. Но лишь только умеръ Казимиръ, какъ московскій князь вмѣстѣ съ другомъ своимъ, крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, въ 1493 г. совершилъ походъ на предѣлы Литовскаго государства. Результатомъ этого похода было присоединеніе къ Москвѣ литовскихъ городовъ: Мценска, Любутска, Хлепня, Рогачева и другихъ.

Послѣдній походъ Іоанна Васильевича и захватъ имъ вышеозначенныхъ городовъ сильно встревожилъ литовскихъ князей и бояръ. Не надѣясь осилить московскаго князя посредствомъ открытой войны, они стали придумывать мирныя средства, которыми бы могли располо-

жить къ себѣ грознаго сосѣда и, наконецъ, придумали: женить своего князя Александра Казимировича на дочери Іоанна Васильевича Еленѣ Іоанновнѣ. Когда самъ литовскій князь на это согласился, то въ концѣ сего года отправлены были послы въ Москву. Іоаннъ Васильевичъ принялъ пословъ очень ласково; но при этомъ заявилъ, что о свадьбѣ не можетъ быть рѣчи, пока и князь, и его совѣтники не утвердятъ за Москвою тѣхъ литовскихъ городовъ, которые завоеваны русскими войсками въ послѣдній походъ. Заявленіе московскаго князя поставило литовскихъ пословъ втупикъ: они думали, что Іоаннъ Васильевичъ, обрадовавшись предложенію, возвратитъ завоеванные города. Вслѣдствіе этого начались переговоры, ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить; поэтому переговоры затянулись на долго. А между тѣмъ Іоаннъ Васильевичъ рѣшился воспользоваться этимъ: въ 1494 г. онъ совершилъ новый походъ на Литовское государство и еще овладѣлъ многими городами: Вязьмою, Дорогобужемъ и другими; въ то же время опять начался переходъ нѣкоторыхъ литовскихъ князей на службу къ московскому князю, именно: князя вяземскаго, князя мезецкаго, со всѣми ихъ волостями, и другихъ.

Второй захватъ Іоанномъ Васильевичемъ литовскихъ городовъ, а также новый переходъ къ нему князей, заставилъ Александра Казимировича и его бояръ поторопиться окончаніемъ начатыхъ переговоровъ о мирѣ и женитьбѣ. На этотъ разъ литовскій князь и его вельможи рѣшили во всемъ уступить Іоанну Васильевичу, „боясь, чтобы съ его стороны не было еще чего хуже“. Но тутъ опять явилось препятствіе, которое чуть было не разстроило всего дѣла, именно: когда изъ Литвы дано было знать въ Москву, что Александръ и бояре его соглашаются на всѣ требованія Іоанна III, то этотъ послѣдній составилъ договорную грамоту и послалъ ее въ Вильну для подписи; но тамъ, прочитавши ее, перепугались новому титулу московскаго князя, который былъ обозначенъ въ присланной грамотѣ; дѣло вотъ въ чемъ: прежнія московскія грамоты къ литовскимъ князьямъ писались такъ: „Отъ великаго московскаго князя (такого-то) къ великому литовскому князю (такому-то)“ и больше ничего; затѣмъ слѣдовало изложеніе того предмета, по которому грамота писалась. Теперь же совсѣмъ иначе было написано: „Божіею милостію, такъ начиналась грамота, отправленная къ Александру Казимировичу, мы Государь Іоаннъ всей Руси и Великій Князь Владимирскій, Московскій, Новгородскій..... и всѣхъ другихъ русскихъ земель Великому Литовскому Князю Александру“. Литовскій князь и его вельможи изъ этого титула ясно поняли, что московскій князь считаетъ собственностію и тѣ русскія земли, которыя входили въ составъ Литовскаго государства, потому что въ грамотѣ называетъ себя государемъ „всей Руси“, значитъ и литовской, а Александра Казимировича величаетъ только литовскимъ княземъ, т. е.

законнымъ владѣтелемъ только одной собственной Литвы. Само собою разумѣется, въ Литвѣ не хотѣли признать за Іоанномъ этого новаго титула. Но московскій князь выдержалъ себя; онъ прямо и категорически заявилъ: „если не будетъ признанъ его новый титулъ, то прекращаетъ переговоры и снова выступаетъ въ походъ на Литовское государство". Угроза подѣйствовала: въ концѣ 1494 г. изъ Литвы прислано было большое посольство, во главѣ котораго стояли: Петръ Бѣльскій, воевода трокскій, и Станиславъ Гаштольдъ, староста жмудскій. Въ декабрѣ мѣсяцѣ посольство прибыло въ Москву и заключило съ Іоанномъ Васильевичемъ миръ на всей его волѣ. По этому миру, вопервыхъ, признанъ былъ новый титулъ московскаго князя; во-вторыхъ, уступлены были Москвѣ всѣ тѣ города, которые Іоаннъ Васильевичъ захватилъ въ послѣдніе два похода на Литовское государство, и въ-третьихъ, наконецъ, признаны были въ качествѣ подданныхъ Москвы отошедшіе къ ней князья Новосельскіе, Одоевскіе, Воротынскіе и Бѣльскіе. Затѣмъ оконченъ былъ вопросъ о сватовствѣ: московскій князь согласился выдать свою дочь Елену Іоанновну за Александра Казимировича, причемъ взялъ съ пословъ письменное обязательство въ томъ, что князь ихъ не будетъ принуждать ее къ переходу въ латинство. Послѣ этого состоялось обрученіе; жениха представлялъ Станиславъ Гаштольдъ.

Въ 1495 г., въ январѣ мѣсяцѣ, Елена Іоанновна вмѣстѣ съ русскою свитою и литовскими послами выѣхала въ Вильну. При прощаніи отецъ приказалъ ей крѣпко держаться въ чужой сторонѣ своей православной вѣры и русской народности и въ заключеніе благословилъ чудотворною иконою Божіей Матери, которая до настоящаго времени находится въ виленскомъ Троицкомъ монастырѣ, по лѣвую сторону царскихъ вратъ.

15-го февраля Елена Іоанновна чрезъ полоцкую заставу въѣхала въ столицу Литовскаго государства. Женихъ встрѣтилъ ее за три версты отъ города. При въѣздѣ въ Вильну на встрѣчу къ ней вышло все русское православное населеніе города, которое надѣялось найти въ ней защитницу православія. Около Пречистенскаго православнаго собора встрѣтилъ ее съ крестомъ и св. водою архимандритъ Троицкаго монастыря Макарій (управлявшій въ это время митрополіею) вмѣстѣ съ чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ и отслужилъ благодарственный молебенъ.

Спустя нѣсколько дней состоялось бракосочетаніе; при этомъ соблюдены были всѣ русскіе обычаи, существующіе въ русскомъ народѣ на сей случай; такъ, жены русскихъ бояръ, прибывшихъ изъ Москвы, расплели Еленѣ косу, осыпали хмелемъ и провели до каѳедральнаго католическаго собора, гдѣ совершено было бракосочетаніе. Католическій епископъ Войтѣхъ Таборъ и православный священникъ, пріѣхавшій съ Еленою изъ Москвы, вѣнчали княжну; жена боярина Се-

мена Репеловскаго Марія держала вѣнецъ, а одинъ дьякъ—бокалъ съ виномъ. Въ костелѣ присутствовалъ и архимандритъ Макарій.

Между тѣмъ бракъ этотъ не только не улучшилъ отношеній между московскимъ княземъ и литовскимъ, но, напротивъ, послужилъ еще къ большимъ неудовольствіямъ. Каждый изъ нихъ разсчитывалъ изъ этого брака извлечь для себя пользу и оба, какъ потомъ оказалось, сильно ошиблись: московскій князь, выдавая свою дочь за литовскаго князя, думалъ посредствомъ Елены и ея будущихъ дѣтей имѣть вліяніе на Литовское государство и этимъ подготовить вѣрный путь какъ для себя лично, такъ и для своихъ преемниковъ къ возвращенію тѣхъ русскихъ областей, которыя вошли въ составъ сего государства. Литовскій же князь и окружавшіе его вельможи надѣялись чрезъ этотъ бракъ гарантировать цѣлость своихъ владѣній отъ восточнаго сосѣда.

Начало къ неудовольствіямъ положено было литовскимъ княземъ вслѣдствіе того, что онъ не исполнилъ нѣкоторыхъ обязательствъ, данныхъ московскому князю во время сватовства къ его дочери:

I) Александръ Казимировичъ, сватаясь къ Еленѣ Іоанновнѣ, далъ слово построить для нея въ виленскомъ дворцѣ (нижнемъ замкѣ) домовую православную церковь; но когда женился, не исполнилъ обѣщанія. Обманъ этотъ сильно взорвалъ Іоанна Васильевича. По этому поводу началась дипломатическая переписка. Въ грамотахъ своихъ литовскій князь, между прочимъ, оправдывался предъ тестемъ такъ: „построить для жены моей церковь во дворцѣ, на переходахъ я не могу, такъ какъ этимъ нарушились бы тѣ законы, которые выданы и моимъ отцомъ, и мною о воспрещеніи постройки новыхъ православныхъ церквей [1]). Если же, писалъ въ концѣ своей грамоты Александръ, княжнѣ угодно будетъ ходить въ православную церковь, то таковая находится недалеко отъ дворца въ городѣ и я этому не буду мѣшать“ [2]).

II) Литовскій князь вопреки договору не оставилъ при Еленѣ Іоанновнѣ тѣхъ бояръ и боярскихъ дѣтей православнаго исповѣданія, которые прибыли съ нею въ Вильну. Дѣло въ томъ: когда Іоаннъ Васильевичъ далъ согласіе на бракъ, то поставилъ въ условіе, чтобы при дочери его, „дабы ей не скучно было“, проживало нѣсколько бояръ и

---

[1]) Но главная причина, конечно, была другая: Александръ Казимировичъ боялся католическаго духовенства, которое и безъ того раздражено было на него за то, что вступилъ въ бракъ съ „схизматичкою“.

[2]) По всѣмъ соображеніямъ нужно полагать, что Александръ Казимировичъ тутъ разумѣлъ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Эта церковь находилась въ концѣ нынѣшней Пречистенской улицы, при пересѣченіи ея Покровскою улицею. Съ самаго начала XVII ст. церковь эта уже не существуетъ: полагаютъ, что она сгорѣла въ 1610 г. Въ этомъ году дѣйствительно въ Вильнѣ былъ сильный пожаръ: сгорѣла половина города и между прочимъ 4 православныхъ церкви и 10 костеловъ. Каѳедральный костелъ тоже сгорѣлъ.

боярскихъ дѣтей, назначенныхъ по выбору самого московскаго князя. Но не прошло и года послѣ свадьбы, какъ Александръ Казимировичъ послалъ въ Москву посла Станислава Пойрошкевича съ просьбою отозвать въ Россію всѣхъ тѣхъ русскихъ бояръ и боярскихъ дѣтей, которые прикомандированы были къ Еленѣ Іоанновнѣ [1]). По этому поводу опять началась дипломатическая переписка и снова пошли пререканія; въ концѣ концовъ дѣло кончилось тѣмъ, что тесть долженъ былъ всѣхъ бояръ и боярскихъ дѣтей, находившихся при Еленѣ, отозвать въ Москву; оставилъ только при дочери священника Ѳому, двухъ пѣвчихъ и нѣсколькихъ поваровъ. Но впослѣдствіи и эти самовластіемъ зятя отосланы были въ Москву.

III) Мы видѣли, что литовскій князь предъ самымъ отправленіемъ Елены въ Вильну чрезъ своихъ пословъ далъ клятву, что ни самъ онъ, ни кто другой не будетъ принуждать его жену къ переходу въ католичество. А между тѣмъ лишь только кончились свадебные пиры, какъ къ Еленѣ Іоанновнѣ, одинъ за другимъ, попеременно, стали являться то латинскій епископъ Войтѣхъ Тоборъ, то францисканскіе монахи, то доминиканскіе, съ цѣлію уговорить ее перейти въ католичество. А два года спустя послѣ прибытія Елены въ Вильну, сюда пріѣхала съ двумя дочерьми мать Александра и помѣщена была въ однихъ комнатахъ съ невѣсткою.

Будучи ревностною католичкою, свекровь, какъ это видно изъ писемъ Елены къ отцу, больше всѣхъ приставала къ ней съ требованіемъ принять католичество, а слѣдовательно и больше всѣхъ причиняла дочери Іоанна III непріятностей [2]).

Правда, неисполненіе зятемъ вышеозначенныхъ обязательствъ сильно волновало тестя, но очень можетъ быть, что это одно не вызвало бы борьбы между ними, если бы не присоединились къ сему еще слѣдующихъ три обстоятельства:

I) Іоаннъ Васильевичъ въ грамотахъ къ зятю попрежнему употреблялъ новый титулъ и именовалъ себя „Государемъ всей Руси", т. е. и литовской; такъ по крайней мѣрѣ въ Вильнѣ понимали, да и самъ, вѣроятно, московскій князь такъ понималъ; Александръ же Ка-

---

[1]) Требованіе литовскаго князя дѣйствительно было законное, потому что бояре и боярскія дѣти, находившіеся при Еленѣ Іоанновнѣ, служили для московскаго князя соглядатаями: они подробно доносили въ Москву, что дѣлалось въ Вильнѣ.

[2]) Изъ буллы Александра VI Борджіа видно, что и Александръ Казимировичъ тоже уговаривалъ свою жену перейти въ католичество, но только кроткими словами, и по всей вѣроятности дѣлалъ это по принужденію другихъ; литовскій князь любилъ Елену и они жили согласно. Изъ той же буллы также видно, что и самъ папа укорялъ Александра за сожительство его съ еретичкою; онъ даже предлагалъ ему развестись съ нею.

зимировичъ и его совѣтники, согласившись, какъ мы видѣли, на признаніе сего титула во время сватовства, стали снова оспаривать его послѣ брака; а это, такъ сказать, подлило масла въ огонь.

II) Еще не окончились споры за титулъ, какъ поступила къ Іоанну Васильевичу отъ его зятя и литовскихъ вельможъ цѣлая серія жалобъ на набѣги русскихъ подданныхъ на пограничныя области Литовскаго государства. По этому поводу назначена была смѣшанная комиссія, которая нашла, что большая часть жалобъ неосновательна.

III) Наконецъ, ко всему этому присоединилось преслѣдованіе православныхъ въ Литовскомъ государствѣ.

При Казимирѣ Ягелловичѣ, какъ мы уже знаемъ, совершилось окончательное отдѣленіе западно-русской православной церкви отъ московской митрополіи. Первый митрополитъ въ юго-западной, или литовской Руси, послѣ этого событія, былъ, уже разъ упоминаемый нами, Григорій Болгаринъ, уніатъ по исповѣданію. Этотъ митрополитъ при посредствѣ Казимира хотѣлъ было, какъ мы видѣли, подчинить папѣ православную церковь, но не достигъ сего вслѣдствіе нерасположенія къ нему всѣхъ православныхъ епископовъ и народа; въ 1478 г. онъ умеръ. Преемникомъ ему былъ избранъ Мисаилъ. Будучи страшнымъ противникомъ уніи, онъ получилъ утвержденіе константинопольскаго патріарха, а вслѣдствіе этого былъ признанъ и всею западно-русскою церковью. Послѣ Мисаила, по желанію Елены Іоанновны, въ кіевскіе митрополиты возведенъ былъ тотъ архимандритъ Макарій, который встрѣчалъ ее при въѣздѣ въ Вильну, около Пречистенскаго собора. Но Макарію не суждено было управлять своею паствою, онъ даже не доѣхалъ и до Кіева: на дорогѣ къ мѣсту назначенія на него напали татары и замучили до смерти; мощи его покоятся въ Кіевѣ, въ Софійскомъ соборѣ. Въ 1498 г. на каѳедру кіевской митрополіи избранъ былъ смоленскій епископъ Іосифъ I. Этотъ митрополитъ, подобно Григорію Болгарину, также измѣнилъ православію и принялъ унію. Католическое духовенство и паны, пользуясь этимъ, рѣшились болѣе открыто и болѣе энергично, чѣмъ при Григоріѣ Болгаринѣ, дѣйствовать на православно-русское населеніе и понуждать его къ признанію римскаго папы главою церкви. А потому въ 1498 и 1499 гг., подъ покровительствомъ Александра Казимировича и съ благословенія виленскаго католическаго епископа Адальберга, опять ксендзы, прелаты, францисканскіе монахи, а послѣ и доминиканскіе, начали толпами разъѣзжать по всѣмъ областямъ Литовскаго государства съ проповѣдью уніи. Но, не смотря на всѣ усилія пропагандистовъ, дѣло уніи не имѣло никакого успѣха, какъ свидѣтельствуютъ о семъ польскіе писатели того времени; „ни одинъ схизматикъ, какъ прибавляютъ они въ своихъ сочиненіяхъ, не внялъ нашей проповѣди“! Когда же правительство увидѣло, что одними словами нельзя обратить православныхъ къ уніи, то прибѣгло, какъ и

прежде, къ силѣ: съ этою цѣлію оно стало закрывать православныя церкви, упорныхъ защитниковъ отдавать подъ судъ или заключать въ тюрьмы и т. п.; въ то же время на преслѣдованіе русскихъ получена была и булла отъ папы Александра VI Борджіа [1]).

Эти преслѣдованія сильно взволновали русское населеніе въ Литовскомъ государствѣ; православные цѣлыми толпами стали уходить въ Московское государство; тогда же, между прочимъ, перешли на службу къ Іоанну Васильевичу слѣдующіе три князя: Симеонъ Ивановичъ Бѣльскій, Василій Ивановичъ, внукъ Шемяки, и Симеонъ Ивановичъ Можайскій; они поддались московскому князю и съ тѣми городами, которыми владѣли—Черниговомъ, Гомелемъ, Любичемъ, Рыльскомъ, Новгородъ-Сѣверскомъ и другими.

По словамъ источниковъ, послѣдніе три князя прямо заявили Іоанну Васильевичу, что они переходятъ къ нему въ подданство вслѣдствіе религіознаго преслѣдованія въ Литовскомъ государствѣ и при этомъ лично просили заступиться за православно-русское населеніе, которое терпитъ угнетеніе за свою вѣру.

Московскій князь теперь дѣйствительно рѣшился начать борьбу съ своимъ зятемъ и его совѣтниками; онъ положилъ наказать ихъ отнятіемъ областей.

Борьба Александра Казимировича съ Іоанномъ Васильевичемъ. Въ началѣ 1500 г. московскія войска подъ начальствомъ трехъ воеводъ: казанскаго царевича Махметъ-Аминя, Кашнина и Щени вступили въ предѣлы Литовскаго государства и заняли своими войсками: Серпейскъ, Мценскъ, Мосальскъ, Брянскъ и Путивль, послѣ чего Іоаннъ Васильевичъ уже оффиціально чрезъ посла объявилъ войну Александру Казимировичу. Извѣстіе это какъ громомъ поразило и великаго князя, и бояръ; начались съѣзды, споры, крики; спорили и кричали большею частью по поводу назначенія полководца; наконецъ рѣшили обратиться къ бывшему литовскому гетману Петру Бѣлому, который въ это время лежалъ на смертномъ одрѣ. Тотъ посовѣтовалъ поручить войско, собранное противъ русскихъ, Константину Ивановичу Острожскому [2]). Совѣтъ былъ принятъ. Въ концѣ весны Острожскій чрезъ лѣса и болота быстро повелъ литовское войско къ г. Дорогобужу, гдѣ остановились главныя силы русскихъ, направляясь къ Смоленску, подъ начальствомъ боярина Даніила Щени.

14 іюля того же 1500 г. на Митькиномъ полѣ, близъ Дорогобужа, гдѣ протекаетъ небольшая, но бурная и глубокая рѣка Ведроша, меж-

[1]) О преслѣдованіи православныхъ въ сіе время говорится у Ярошевича, Нарбута и Догиля въ его собраніи дипломатическихъ актовъ Польши и Литвы.

[2]) Князь Острожскій потомокъ галицкихъ князей. Онъ былъ православный и имѣлъ богатыя имѣнія на Волыни. См. ниже примѣчаніе.

ду Щенею и Острожскимъ произошла кровопролитная битва. Съ обѣихъ сторонъ дрались отчаянно. Но Щеня, благодаря засадному отряду, одолѣлъ: литовцы были разбиты на голову; около 8,000 пало ихъ на мѣстѣ; сверхъ того много потонуло въ волнахъ рѣки, такъ какъ во время бѣгства литовцевъ русская пѣхота зашла имъ въ тылъ и уничтожила мосты; болѣе 5,000 человѣкъ попало въ плѣнъ, въ числѣ которыхъ были: самъ Константинъ Ивановичъ Острожскій, множество маршалковъ, князей, пановъ и разнаго рода чиновниковъ; весь обозъ и всѣ огнестрѣльныя орудія достались русскимъ. Съ плѣнными, по словамъ польскихъ писателей, обращались хорошо: всѣмъ давали жалованья по полденьги въ день, а Острожскому по четыре алтына. Послѣдняго Іоаннъ Васильевичъ заставилъ перейти на русскую службу и взялъ съ него клятву и поселилъ въ Вологдѣ, откуда, впрочемъ, онъ скоро бѣжалъ опять въ Литву.

14 ноября, т. е. ровно четыре мѣсяца спустя послѣ Ведрошской битвы, недалеко отъ г. Мстиславля (Могилевской губерніи), между русскими и литовцами произошло новое кровопролитное сраженіе, которое опять кончилось пораженіемъ послѣднихъ. Литовцевъ пало въ этой битвѣ болѣе 7,000. Русскими командовали двое воеводъ: внукъ Шемяки Иванъ Димитріевичъ и князь Можайскій, оба перешедшіе изъ Литвы въ подданство Москвы.

Гибель двухъ вышеозначенныхъ армій поставила литовскаго князя въ тяжелое положеніе: войска не было, денегъ тоже, приближенные ссорились, народъ бѣдствовалъ. А между тѣмъ въ это время на области Литовскаго государства, по просьбѣ московскаго князя, напали новые враги: крымскій ханъ Менгли-Гирей и молдавскій господарь Стефанъ, дочь котораго Софія была за старшимъ сыномъ Іоанна III Василіемъ.

Въ сихъ критическихъ обстоятельствахъ Александръ Казимировичъ задумалъ было привлечь на свою сторону двухъ послѣднихъ враговъ; съ этою цѣлію онъ послалъ къ нимъ своихъ пословъ, но Менгли-Гирей наотрѣзъ отказался разорвать дружбу съ Іоанномъ III; что же касается Стефана, то этотъ, правда, заключилъ было союзъ съ литовскимъ княземъ [1]), но не принесъ ему существенной пользы: враждебныя дѣйствія Стефана по отношенію къ московскому князю ограничились только задержаніемъ на нѣкоторое время пословъ и художниковъ, ѣхавшихъ изъ Германіи въ Москву. Послѣ этого Александръ Казимировичъ обратился за помощью къ своимъ роднымъ братьямъ: поль-

---

[1]) Стефанъ молдавскій перешелъ на сторону Александра Казимировича потому, что въ это время дочь его Софія подверглась опалѣ отъ Іоанна III по поводу престолонаслѣдія. См. Ист. Костомарова.

скому королю Яну-Альбрехту и чешско-венгерскому Владиславу. По этому поводу къ нимъ отправлены были послы съ просительною грамотою, сохранившеюся до нашего времени: „вы, между прочимъ, говорилось въ грамотѣ, должны подать помощь вашему брату не столько по родству, сколько для поддержанія св. католической вѣры, потому что московскій князь вмѣстѣ съ подручными литовскими друзьями со времени еще отца вашего Казимира старается уничтожить ее. Теперь то же самое: московскій князь, узнавши, что братъ вашъ Александръ нѣкоторыхъ русскихъ князей и бояръ принудилъ къ принятію католической вѣры и нѣкоторыхъ казнилъ, выступилъ на вашего брата войною съ тѣми князьями, которые бѣжали къ нему изъ Литвы“ [1]).

Но это посольство не имѣло успѣха: братья литовскаго князя тоже боялись Іоанна III. Они ограничились тѣмъ, что послали своихъ пословъ къ московскому князю съ просьбою помириться съ зятемъ. Іоаннъ Васильевичъ принялъ пословъ холодно, а когда тѣ заикнулись было, что въ случаѣ отказа помириться съ зятемъ сами вооружатся за Александра Казимировича, отвѣтилъ такъ: „угрозъ вашихъ не боюсь, помогайте неправому дѣлу, я надѣюсь на Бога и свою справедливость и Богъ мнѣ поможетъ“. Іоанна Васильевича трудно было испугать.

Когда послы Яна-Альбрехта и Владислава не достигли желанной цѣли, то Александръ Казимировичъ самъ отъ себя лично послалъ къ тестю посла Станислава Нарбутовича съ просьбою прекратить военныя дѣйствія и вступить въ переговоры. Этого посла Іоаннъ Васильевичъ принялъ болѣе ласково, чѣмъ прежнихъ, и между прочимъ заявилъ ему: „я готовъ помириться съ зятемъ, когда будутъ присланы большіе послы, но не иначе, какъ на всей своей волѣ“. Съ этимъ и отправилъ обратно въ Вильну Станислава Нарбутовича.

По возвращеніи Станислава Нарбутовича въ Литву, оттуда дано было знать въ Москву, что большіе послы будутъ присланы; но большіе послы замедлили явиться, такъ какъ въ это самое время умеръ польскій король Янъ-Альбрехтъ, а на мѣсто его избранъ былъ Александръ Казимировичъ.

Александръ Казимировичъ, король польскій и великій князь литовскій.

1501—1506 г.

17 іюня 1501 г. въ Торунѣ скончался братъ Александра Казимировича Янъ-Альбрехтъ, король польскій. Такъ какъ у него не оста-

---

[1]) Мы привели самую суть документа; подробности см. „Акты Западн. Россіи“. Т. I, № 188.

лось дѣтей, то польскіе вельможи съѣхались въ Петроковъ для выбора короля. Приступая къ выбору, они прежде всего положили избрать своимъ королемъ одного изъ братьевъ покойнаго Яна-Альбрехта; но тутъ мнѣнія раздѣлились: одни хотѣли избрать на польскій престолъ Владислава, бывшаго въ сіе время королемъ Чехіи, другіе—Сигизмунда, а третьи—литовскаго князя Александра Казимировича. Въ то время, какъ происходили споры, кого изъ трехъ братьевъ выбрать въ польскіе короли, изъ Литвы прибыли отъ Александра Казимировича послы. Литовскій князь, получивши извѣстіе о смерти брата, рѣшился искать польскаго престола, вслѣдствіе чего и отправилъ довѣренныхъ лицъ на Петроковскій сеймъ. Александру Казимировичу и его вельможамъ соединеніе Литвы съ Польшею, послѣ тѣхъ тяжелыхъ ударовъ, какіе нанесены были Литовскому государству Іоанномъ III, представлялось единственнымъ средствомъ поправить свои обстоятельства: литовскій князь и его совѣтники чрезъ соединеніе Литвы съ Польшею надѣялись удвоить свои силы и снова начать борьбу съ московскимъ княземъ, чтобы возвратить потерянное.

Прибытіе литовскихъ пословъ на сеймъ произвело между сеймовыми членами всеобщую радость. По этому случаю устроено было нѣсколько пировъ. Затѣмъ приступлено было къ выработкѣ общихъ положеній, на которыхъ бы Литва и Польша соединились между собою. Послѣ обычныхъ споровъ постановлено: а) Литва и Польша соединяются между собою подъ скипетромъ одного короля на вѣчныя времена; б) для обоихъ государствъ король избирается на общемъ сеймѣ; в) дворяне польскіе и литовскіе католическаго исповѣданія пользуются одинаковыми правами и привилегіями; г) законы и уставы для обоихъ государствъ будутъ общіе, за исключеніемъ судебныхъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Литва и Польша еще разъ соединяются между собою въ одно политическое тѣло и это соединеніе, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, скрѣпляется клятвою и подписью оффиціальнаго акта [1]).

[1]) Съ этого времени польскіе юристы, какъ напримѣръ Янъ Ласкій, начали называть свое королевство „республикою“ и „Рѣчью Посполитою“ (Rzecz Pospolita) и требовать для рѣшенія вопросовъ на сеймахъ не большинства голосовъ, какъ прежде было, а всеобщаго согласія; этимъ они, очевидно, приготовляли дорогу для ужаснаго „liberum veto“.

Примѣчаніе I. Хотя юристы въ это время и называли въ своихъ сочиненіяхъ Польско-Литовское государство „республикою“ и „Рѣчью Посполитою“, но оффиціально сеймомъ названіе это еще не было признано; оффиціально оно признано было и затѣмъ вошло во всеобщее употребленіе только послѣ Люблинской уніи.

Примѣчаніе II. Ласкій - былъ краковскимъ архіепископомъ и короннымъ канцлеромъ. Въ 1514 году онъ представилъ латоранскому собору записку о русскомъ народѣ и его заблужденіи, гдѣ обнаружилъ полное незнаніе православія.

Въ заключеніе Петроковскій сеймъ единогласно провозгласилъ литовскаго князя Александра Казимировича и королемъ Польши.

Но какъ на Виленскомъ сеймѣ 1401 г. и Городельскомъ 1413 г., такъ и на этомъ Петроковскомъ сеймѣ представителей православно-русскаго населенія не было; были одни только католики.

20 ноября того же года Александръ Казимировичъ, въ сопровожденіи 1400 вооруженныхъ всадниковъ, прибылъ въ Краковъ; 25 ноября онъ принесъ присягу на соблюденіе статей, ограничивающихъ права короля (Pacta Conventa) и выдалъ новую привилегію (мельницкую) сенату, по которой вся высшая власть въ государствѣ предоставлялась сему послѣднему; 12 декабря короновался; но жена его, не смотря на просьбы мужа, этой чести не была удостоена; но взамѣнъ того ей выстроили православную церковь въ самомъ замкѣ.

Между тѣмъ въ Москвѣ ждали отъ Александра Казимировича большихъ пословъ, какъ положено было. Но зять Іоанна III, получивши польскую корону, рѣшился продолжать борьбу съ тестемъ, о чемъ и далъ знать сему послѣднему. Московскій князь пришелъ въ страшное негодованіе и порѣшилъ наказать вѣроломнаго зятя самымъ жестокимъ образомъ. Но на этотъ разъ Александръ Казимировичъ нашелъ себѣ двухъ союзниковъ: хана Золотой Орды Шихъ-Ахмата и ливонскаго магистра Вальтера фонъ Плетенберга.

Шихъ-Ахматъ первый выступилъ было противъ московскаго князя, но недалеко отъ Кіева на него напалъ прежній другъ Іоанна III крымскій ханъ Менгли-Гирей и разбилъ на голову. Ахматъ, преслѣдуемый Гиреемъ, бросился было спасаться въ самый Кіевъ къ полякамъ, какъ своимъ союзникамъ, но тѣ, подозрѣвая его въ какой-то измѣнѣ, арестовали и подъ конвоемъ отправили въ Радомъ, гдѣ въ это время происходилъ сеймъ. Тутъ онъ, говорятъ, явившись въ оковахъ на засѣданіе, торжественно назвалъ поляковъ вѣроломщиками, измѣнниками и послалъ на ихъ головы проклятіе; за эти слова Ахматъ заключенъ былъ на вѣчныя времена въ ковенскую крѣпость, гдѣ и умеръ.

Не принесъ Александру Казимировичу пользы и другой его союзникъ—магистръ Ливонскаго ордена Плетенбергъ. Между рыцарями и Іоанномъ III началась война въ Псковской области. Правда, на первыхъ порахъ орденъ имѣлъ успѣхъ, но потомъ счастье ему измѣнило: 1502 г., въ концѣ лѣта, русскій воевода Оболенскій подъ городомъ Гельмендомъ, на рѣкѣ Великой, нанесъ страшное пораженіе нѣмцамъ. По словамъ псковского лѣтописца, русскіе гнались за убѣгавшими рыцарями 10 верстъ и „сѣкли ихъ не саблями свѣтлыми, а какъ свиней кололи шестоперами“. А спустя немного времени послѣ Гельмендомской битвы, русскіе на берегахъ озера Смолена нанесли нѣмцамъ новое пораженіе. Ясно было, что орденъ не въ состояніи болѣе бороться съ

Москвою, а потому вступилъ въ переговоры, которые кончились тѣмъ, что орденъ обязался платить дань Іоанну III.

Между тѣмъ, какъ Іоаннъ Васильевичъ велъ борьбу съ орденомъ, союзники его Менгли-Гирей и молдавскій господарь Стефанъ, съ которымъ московскій князь уже успѣлъ помириться, громили Польшу съ юга: крымскій ханъ опустошилъ ее до Сандомира, а Стефанъ отвоевалъ и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ все Понизье.

Теперь король польскій очутился въ положеніи гораздо худшемъ, чѣмъ послѣ битвъ Ведрошской и Мстиславской. По совѣту духовенства и пановъ онъ обратился къ папѣ Александру VI Борджіа съ просьбою помирить его съ тестемъ; въ то же время и магистръ Ливонскаго ордена написалъ папѣ письмо и просилъ его за короля. Въ своемъ письмѣ Плетенбергъ, между прочимъ, прибавилъ: „если ваше святѣйшество не поможете польскому королю, то святая католическая вѣра въ Польшѣ и Литвѣ погибнетъ отъ схизматиковъ". Папа внялъ просьбамъ и рѣшился ходатайствовать за Александра Казимировича предъ Іоанномъ III.

Въ концѣ 1502 г. дѣйствительно Александръ Борджіа прислалъ чрезъ венгерскаго посла московскому князю грамоту, въ которой просилъ Іоанна III прекратить борьбу съ польскимъ королемъ и помириться съ нимъ. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, папа выставилъ и причину, побудившую его взять на себя трудъ ходатайства за Александра Казимировича, именно: такъ какъ въ сіе время турки, нападая на владѣнія европейцевъ, уводили многихъ христіанъ въ плѣнъ, то, по словамъ папы, всѣмъ государямъ необходимо жить въ мирѣ и согласіи, чтобы общими силами отражать враговъ креста Господня, а тѣмъ болѣе, прибавляетъ онъ, слѣдуетъ дружиться между собою московскому князю и польскому королю, и какъ родственникамъ, и какъ ближайшимъ сосѣдямъ Турціи.

Іоаннъ Васильевичъ, прочитавши эту грамоту, сказалъ: „Мы съ Божіею милостью всегда стояли и будемъ стоять впередъ противъ поганыхъ и просимъ Бога, чтобы христіанскія руки были высоко надъ ними. А если у насъ съ зятемъ война, то не я причиною, а зять и его братъ Владиславъ. Они должны хорошо знать, какъ и самъ папа долженъ знать, что подъ Литвою много нашей отчины находится и намъ нужно ее взять. Отчина Александра и Владислава собственная Литва". Но въ заключеніе онъ все-таки согласился помириться съ зятемъ и просилъ прислать большихъ пословъ.

Въ началѣ 1503 г. большіе послы прибыли въ Москву. Въ числѣ этихъ пословъ находился особый посолъ отъ Елены Іоанновны, который привезъ московскому князю письмо отъ дочери [1]).

---

[1]) Въ этомъ письмѣ Елена Іоанновна прежде всего хвалитъ своего мужа и говоритъ, что онъ ее какъ прежде любилъ, такъ и теперь любитъ и ни въ

25-го марта, т. е. въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, заключено было перемиріе на шесть лѣтъ. Польскіе послы просили было заключить вѣчный миръ, но Іоаннъ Васильевичъ не согласился; ясное дѣло, что московскій князь думалъ опять начать войну съ зятемъ. Въ силу этого перемирія за Іоанномъ III оставался его новый титулъ, по которому онъ признавался государемъ всей Руси, значитъ и литовской. Затѣмъ польскій король обязался не трогать земель московскихъ, новгородскихъ, псковскихъ, рязанскихъ, пронскихъ и кромѣ того уступалъ тестю слѣдующіе города: Черниговъ, Стародубъ, Путивль, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Гомель, Любечъ, Почепъ, Брянскъ, Мценскъ, Серпейскъ, Мосальскъ, Бѣлый, Торопецъ и другіе, числомъ всѣхъ 19-ть. Правда, нѣкоторые изъ поименованныхъ городовъ и волостей Іоаннъ Васильевичъ по договору долженъ былъ бы впослѣдствіи возвратить зятю, но онъ не возвратилъ: годъ спустя, зять прислалъ было пословъ въ Москву напомнить тестю объ этомъ, но тесть не только выпроводилъ ихъ обратно въ Польшу ни съ чѣмъ, но при этомъ велѣлъ передать королю, что за Литвою еще находятся: Смоленскъ, Кіевъ и многіе другіе русскіе города, которые въ свое время нужно будетъ вернуть къ Москвѣ.

Послѣ заключенія перемирія московскій князь отправилъ своихъ пословъ къ зятю, чтобы взять съ него клятву въ исполненіи договора. Клятва была дана. Тогда, между прочимъ, Александромъ Казимировичемъ дана была еще клятва и въ томъ, что онъ не будетъ неволить жены своей къ перемѣнѣ вѣры. Объ этомъ король писалъ и римскому папѣ Юлію II, заступившему мѣсто Александра Борджіа, и въ то же время просилъ его разрѣшить ему жить съ „схизматичкою". Въ 1505 г. дѣйствительно папою дано было это разрѣшеніе въ виду того, что московскій князь уже старъ и что старика не стоитъ слишкомъ оскорблять. Но, очевидно, причина была другая: папа, просто, боялся за судьбу Литвы и Польши, а слѣдовательно и католичества въ этихъ странахъ.

чемъ ее не стѣсняетъ. Затѣмъ Елена говоритъ, что съ приходомъ ея изъ Москвы въ Литву всѣ думали, что придетъ все доброе и хорошее, а теперь же, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, всѣ думаютъ, что она во всемъ виновница, а потому умоляетъ отца кончить войну и заключить миръ. Далѣе Елена сильно обвиняетъ нѣкоторыхъ князей, бѣжавшихъ въ Москву, и называетъ ихъ главными мутителями и наушниками отцу на мужа. Письмо вообще написано съ чувствомъ и глубокою скорбію по поводу непріязненныхъ отношеній отца къ мужу. Дѣйствительно, положеніе Елены Іоанновны было ужасное: ее ненавидѣли въ Польшѣ и считали главною виновницею всѣхъ нападеній Іоанна III на Литву. Она, очевидно, была жертвою политическихъ и религіозныхъ недоразумѣній Іоанна Васильевича съ зятемъ, а между тѣмъ эта женщина была высокой честности.

Отношенія московскаго князя къ своему зятю, послѣ перемирія, немного только улучшились. Правда, самъ тесть не нарушилъ перемирія и не выступилъ противъ зятя, но за то онъ постоянно подбивалъ Менгли-Гирея, да и вообще Іоаннъ III считалъ это перемиріе непрочнымъ и ждалъ только какого-нибудь малѣйшаго законнаго повода, чтобы придраться къ зятю и снова начать борьбу. Но къ великой радости Александра Казимировича и польскихъ пановъ, грознаго сосѣда скоро не стало: 27-го октября 1505 г. Іоаннъ Васильевичъ умеръ.

Положеніе Литовскаго государства въ послѣдніе два года жизни Александра Казимировича. Глинскій. Смерть короля. Смерть московскаго князя не избавила Литовскаго государства отъ нападенія внѣшнихъ враговъ. Сейчасъ послѣ кончины Іоанна III на предѣлы сего государства напали сыновья Ахмата въ отмщеніе за отца. Они опустошили области Слуцка, Новогрудка и Минска. Говорятъ, что въ этотъ походъ татарами уведено было въ плѣнъ около 100,000 человѣкъ. Но едва польское правительство успѣло опомниться отъ этого погрома, какъ крымскій ханъ Менгли-Гирей съ войскомъ тысячъ въ 30-ть напалъ на юго-западную границу Литовскаго государства и страшно опустошилъ ее. А вдобавокъ къ этому внутри Литвы произошло волненіе, произведенное однимъ изъ литовскихъ магнатовъ, Михаиломъ Глинскимъ. Глинскій былъ потомокъ одного татарскаго князя, перешедшаго служить въ Литву еще при Витовтѣ. Сначала Михаилъ Глинскій служилъ германскому императору Максимиліану I и отличился многими воинскими подвигами въ Италіи; затѣмъ онъ перешелъ на службу къ Александру Казимировичу и поселился въ Литвѣ. Александръ полюбилъ умнаго и энергическаго Глинскаго и сдѣлалъ его самымъ близкимъ человѣкомъ. Послѣднее обстоятельство возбудило страшную зависть у остальныхъ литовскихъ магнатовъ; чтобы очернить его въ глазахъ Александра Казимировича и тѣмъ самымъ лишить Глинскаго довѣрія у своего князя, они стали выдумывать на него разныя клеветы и между прочимъ выдумали, будто Михаилъ Глинскій думаетъ овладѣть литовскимъ престоломъ. Насколько послѣднее обвиненіе вѣрно, мы хорошо не знаемъ, знаемъ только то, что Глинскій, узнавши объ этомъ, сталъ сильно преслѣдовать всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя казались ему подозрительными. Такъ, по его настоянію, князь посадилъ въ тюрьму старосту лидскаго Илинича, а брата виленскаго епископа, Варѳоломея, одного изъ выдающихся литовскихъ магнатовъ, и трокскаго воеводу Забржезинскаго лишилъ мѣстъ. Но такого рода поступки короля произвели въ Литвѣ всеобщее волненіе. На Радомскомъ сеймѣ, собранномъ королемъ въ 1506 г., на него посыпались упреки со всѣхъ сторонъ; но особенно рѣзко осуждалъ Александра Казимировича виленскій епископъ; говоря рѣчь свою, онъ закончилъ ее такими словами: „ты клялся предъ св. крестомъ не нарушать привилегій дворянъ, а теперь забылъ клятву, Богъ тебя какъ клятвопреступника накажетъ“! Послѣ сихъ

словъ Александръ Казимировичъ, какъ передаетъ Стрыйковскій и іезуитъ Кояловичъ [1]), былъ пораженъ параличемъ. Но отъ этихъ ли словъ или отъ чего другого, не знаемъ, но только король скоро послѣ Радомскаго съѣзда дѣйствительно заболѣлъ.

А между тѣмъ татары, воспользовавшись болѣзнью короля, снова совершили нашествіе на предѣлы Литовскаго государства. На этотъ разъ они, предводительствуемые Менгли-Гиреемъ, разорили Слонимъ, Волковыскъ и затѣмъ, перейдя Нѣманъ, напали на Лидскую область. Опасность грозила самой литовской столицѣ; нужно было поторопиться сборомъ войска для отраженія непріятеля; король поручилъ это Михаилу Глинскому, съ каковою цѣлію и отправилъ его изъ Радома въ Вильну. Но когда Глинскій, прибывши къ мѣсту назначенія, сталъ собирать войско, то едва могъ собрать 3,000 человѣкъ, да и эти не хотѣли двинуться на непріятеля безъ короля. Поэтому Александръ Казимировичъ, не смотря на свою болѣзнь, долженъ былъ отправиться къ войску, куда прибылъ въ сопровожденіи жены Елены. По пріѣздѣ въ Литву король увеличилъ сборъ ратниковъ еще на 4,000; такимъ образомъ составилось ополченіе въ 7,000 человѣкъ, съ которыми самъ король отправился противъ татаръ, въ шесть разъ сильнѣе его. Но прибывши въ Лиду, Александръ Казимировичъ такъ ослабѣлъ, что не могъ далѣе слѣдовать; тутъ онъ передалъ начальство надъ войскомъ своему любимцу Глинскому; написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ назначилъ наслѣдникомъ брата Сигизмунда и поручилъ ему свою жену, и затѣмъ возвратился въ Вильну.

Въ Вильнѣ жизнь короля со дня на день угасала; приближенные посовѣтовали пригласить къ больному нѣкоего Балинскаго, который слылъ въ то время за искуснаго лѣкаря, а на самомъ дѣлѣ былъ шарлатанъ. Этотъ докторъ-шарлатанъ не иначе согласился ѣхать къ больному, какъ получивъ впередъ 300 червонцевъ. Лѣченіе его было самое простое: онъ велѣлъ натопить баню и, приведя въ нее больного, взвалилъ его на полокъ и сталъ парить и едва не запарилъ до смерти: короля сняли съ полка безъ чувствъ. Такого рода лѣченіе такъ взбѣсило вельможъ, что тѣ схватили Балинскаго и бросили въ тюрьму, откуда онъ, впрочемъ, благодаря подкупу, скоро бѣжалъ. А между тѣмъ Александръ Казимировичъ все болѣе и болѣе слабѣлъ и наконецъ 19-го августа 1507 г. скончался; предъ самою смертію онъ получилъ извѣстіе, что Глинскій разбилъ на голову татаръ и отогналъ ихъ отъ предѣловъ Литвы. Александръ Казимировичъ похороненъ въ Вильнѣ, въ католическомъ каѳедральномъ костелѣ.

---

[1]) Кояловичъ Войтѣхъ (Альбертъ) родился 1669 г., а умеръ 1677 г.; въ 1677 г. написалъ „Исторію Литвы“.

Послѣ соединенія Литвы съ Польшею ни одинъ изъ государей польско-литовскихъ не терялъ изъ территоріи Литовскаго государства столько, сколько потерялъ Александръ Казимировичъ. Но на это нельзя смотрѣть, какъ на слѣдствіе дурного правленія покойнаго короля и его бездарности; это есть результатъ политической уніи Литвы съ Польшею. Это тѣ плоды, которые начали созрѣвать на деревѣ, посаженномъ рукою Ягайлы и взлелѣянномъ Витовтомъ. Въ то время, когда въ соціально-политическій строй Литовскаго государства, благодаря этому соединенію, все болѣе и болѣе вносились безпорядки и анархія, въ Московскомъ государствѣ, благодаря твердой монархической власти, наоборотъ, все болѣе и болѣе утверждались: единство, порядокъ, внутренняя сила и крѣпость, пользуясь которыми московскіе князья, начиная съ Василія Темнаго, дѣлаютъ наступленія на Литовское государство, наносятъ ему удары и при этомъ отрываютъ одну область за другою. Правда, удары, наносимые Москвою Литвѣ, а вмѣстѣ и Польшѣ, иногда слабѣли и даже совсѣмъ прекращались, но потомъ съ большею силою возобновлялись; результатъ этой борьбы извѣстенъ всѣмъ: онъ на глазахъ у насъ.

Сигизмундъ I или Старый.

1507—1548 г.

Сигизмундъ при жизни брата былъ удѣльнымъ княземъ въ Глоговской области (въ Польшѣ). Когда Александръ почувствовалъ приближеніе смерти, то онъ вызвалъ къ себѣ Сигизмунда; тотъ пріѣхалъ, но уже не засталъ въ живыхъ брата.

Десять дней спустя послѣ погребенія Александра Казимировича, литовско-русскіе бояре, во главѣ которыхъ стоялъ Глинскій, провозгласили своимъ княземъ Сигизмунда. Провозглашеніе это сдѣлано было безъ согласія и вѣдома поляковъ, что служило явнымъ нарушеніемъ договора, заключеннаго съ Польшею шесть лѣтъ тому назадъ, когда Александръ Казимировичъ въ 1501 г. провозглашенъ былъ польскимъ королемъ. Этимъ поступкомъ литовско-русскіе вельможи, очевидно, еще разъ сдѣлали попытку разорвать политическую унію Литвы съ Польшею. Польскіе паны, конечно, поняли это, а потому 8-го декабря (11 дней спустя послѣ провозглашенія Сигизмунда литовскимъ княземъ) на Петроковскомъ сеймѣ, въ свою очередь, поспѣшили провозгласить Сигизмунда королемъ Польши. 24-го января 1507 г. онъ былъ коронованъ.

Когда уже въ Литвѣ и въ Польшѣ былъ избранъ Сигизмундъ, московскій князь Василій Іоанновичъ чрезъ свою сестру, вдовствующую королеву Елену, предложилъ было соединеніе Польши и Литвы съ Московскимъ государствомъ подъ его собственнымъ скипетромъ; онъ давалъ

слово, что не будетъ касаться католической религiи; но, очевидно, опоздалъ съ предложенiемъ. Да и лучше для Василiя III, что такъ случилось: съ этимъ государствомъ ему пришлось бы имѣть много хлопотъ. Правда, Польша въ соединенiи съ Литовскимъ государствомъ была самая обширная держава въ Европѣ, но за то она превосходила всѣ европейскiя державы того времени и своимъ внутреннимъ безпорядкомъ и своимъ безсилiемъ: казна была истощена до послѣдней копейки; доходовъ даже не доставало для королевскаго стола; постояннаго войска не было; всеобщее ополченiе шляхты (посполитое рушенье), на случай войны, не отличалось ни дисциплиною, ни военною нравственностью, а по окончанiи войны немедленно расходилось по домамъ, оставляя нерѣдко короля безъ средствъ воспользоваться плодами завоеванiя или побѣды; паны польскiе и литовскiе заводили свои дворы на подобiе королевскихъ, держали своихъ собственныхъ придворныхъ воиновъ и сами собою управлялись и управляли другими—слабѣйшими, презирая всякiе законы; вся тяжесть государственныхъ податей лежала только на крестьянахъ, а шляхтичъ, какъ бы онъ ничтоженъ ни былъ, почиталъ себя равнымъ воеводѣ и ничего не платилъ; ко всему этому нужно еще прибавить постоянную ненависть католическаго духовенства къ своимъ согражданамъ-христiанамъ другихъ исповѣданiй [1]).

Вотъ въ какомъ состоянiи находилось Польско-Литовское государство послѣ смерти Александра Казимировича! И если бы дѣйствительно московскiй князь былъ избранъ королемъ сего государства, то велико было бы его разочарованiе и онъ навѣрное постарался бы сбросить съ себя это ярмо.

Но, не смотря на всю внутреннюю слабость Польско-Литовскаго государства, Сигизмундъ I, подстрекаемый панами, лишь только вступилъ на престолъ, какъ замыслилъ начать борьбу съ Василiемъ III, чтобы возвратить тѣ города, которые прiобрѣтены были Iоанномъ III по послѣднему перемирiю съ зятемъ, и это тѣмъ болѣе казалось возможнымъ, что нѣкоторые обстоятельства благопрiятствовали сему именно: враждебныя дѣйствiя крымскихъ татаръ противъ Москвы.

Первая борьба Сигизмунда Стараго съ Москвою. Возмущенiе Глинскаго. Московскiй князь Василiй Васильевичъ въ первый годъ своего княженiя взялъ съ крымскаго хана Менгли-Гирея клятвенную грамоту въ соблюденiи прежнихъ союзовъ, какiе были у него съ Iоанномъ III. Но въ это время въ Крыму стали обнаруживаться разбойническiя наклонности, а слѣдовательно игнорированiе всякаго рода клятвъ, данныхъ сосѣднимъ государямъ, если только изъ этого предвидѣлась какая-нибудь польза. Первый разъ обнаружились эти наклонности по

---

[1]) См. Исторiю польскаго народа Бантке, т. II, стр. 77—83.

отношенію къ Москвѣ, именно, при Василіѣ III, скоро послѣ данной сему послѣднему вышеозначенной клятвенной грамоты. Дѣло вотъ въ чемъ: Казань, какъ извѣстно, со времени Іоанна III подпала сильному вліянію Москвы; по вступленіи Василія III на московскій престолъ тамъ утвердился пасынокъ Менгли-Гирея Махметъ-Аминь, который не хотѣлъ подчиняться вліянію Москвы; вслѣдствіе этого московскій князь послалъ на него войско; но войско было разбито; но зная, что московскій князь не оставитъ этого пораженія безъ возмездія, Махметъ-Аминь рѣшился искать союзниковъ; съ этою цѣлію онъ послалъ пословъ въ Крымъ, къ своему отчиму Менгли-Гирею; Менгли-Гирей же, забывъ данную клятву, принялъ пословъ очень ласково; объявилъ себя врагомъ московскаго князя и, въ свою очередь, отправилъ довѣренныхъ лицъ къ польскому королю съ предложеніемъ: не желаетъ ли тотъ вступить съ нимъ въ союзъ противъ Василія III. Сигизмундъ I чрезвычайно обрадовался сему предложенію, богато одарилъ пословъ крымскаго хана и заключилъ съ ними формальный договоръ противъ московскаго князя.

Заключивши союзъ съ крымскими и казанскими татарами, польскій король чрезъ своего посла просилъ и ливонскаго магистра Плетенберга примкнуть къ союзу, говоря, что такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, какія теперь существуютъ для войны съ Москвою, еще никогда не бывало.

1508 г. 2 февраля собрался сеймъ въ Вильнѣ, на которымъ порѣшили: немедленно собрать войско и затѣмъ отправить пословъ въ Москву съ требованіемъ возвратить Литвѣ отнятые Іоанномъ III города, а въ случаѣ отказа пригрозить войною и при этомъ указать на собранныя войска.

Въ мартѣ мѣсяцѣ послы Сигизмунда дѣйствительно явились къ московскому князю; тутъ, дѣйствуя по инструкціи, данной на Виленскомъ сеймѣ, они гордымъ и заносчивымъ тономъ сказали, что польскій король требуетъ возвращенія городовъ и плѣнныхъ, взятыхъ Іоанномъ III, „въ противномъ случаѣ, заключили они, нашъ всемилостивѣйшій король уповаетъ на Бога“ т. е., объявитъ войну. Но оказалось, что въ лицѣ Василія Іоанновича Сигизмундовы послы встрѣтили не робкаго и податливаго правителя, а человѣка умнаго, съ твердымъ характеромъ, подобно отцу своему,—по энергіи же своей и быстротѣ выполненія намѣченныхъ цѣлей превосходящаго даже отца. Поэтому на гордыя слова польскихъ пословъ Василій III отвѣчалъ такъ: „Мы, Божіею милостію держимъ подъ собою города и волости только тѣ, которыми насъ благословилъ Самъ Богъ и покойный нашъ родитель, а Сигизмундовыхъ не держимъ. Если братъ нашъ Сигизмундъ желаетъ мира съ нами, то и мы желаемъ его, но только такъ какъ намъ угодно будетъ“ и при этомъ просилъ, чтобы Сигизмундъ удовлетворилъ за обиды, нанесенныя его людьми московскимъ купцамъ (тутъ перечислены были оби-

ды); „а въ противномъ случаѣ и мы тоже надѣемся на Бога“. Прощаясь съ послами Василій III еще прибавилъ: „скажите Сигизмунду, чтобы сестру нашу Елену держалъ въ чести и къ римскому закону не принуждалъ, а иначе я найду съ нимъ управу“.

Въ мартѣ 1508 г. происходили эти переговоры, а 24 апрѣля русскія войска уже громили предѣлы Литовскаго государства.

Такое быстрое и рѣшительное дѣйствіе московскаго князя сильно поразило Сигизмунда I и его вельможъ, тѣмъ болѣе, что войско не было собрано и благопріятныя обстоятельства измѣнились: такъ, казанскій ханъ Махметъ-Аминь, боясь внутреннихъ волненій, помирился съ Василіемъ III; магистръ Ливонскаго ордена, послѣ нѣкоторыхъ размышленій, не рѣшился выступить противъ московскаго князя, а Менгли-Гирей дѣйствительно отправилъ было своихъ дѣтей въ предѣлы Московскаго государства, но тѣ были захвачены врасплохъ русскими воеводами на р. Окѣ и разбиты. Въ довершеніе же всего этого внутри самого Литовскаго государства поднялась смута.

Смута эта произведена была тѣмъ же самымъ Глинскимъ, который, какъ мы видѣли, уже разъ поднималъ ее при Александрѣ Казимировичѣ. Подробности этой смуты были таковы: мы видѣли, что Михаилъ Глинскій при Александрѣ Казимировичѣ пользовался большимъ довѣріемъ; но когда польскій престолъ занялъ Сигизмундъ I, то этотъ послѣдній не только не оказывалъ уваженія Глинскому, но даже видимо сталъ отдалять его отъ себя. Мало этого, Сигизмундъ и родственниковъ Михаила Глинскаго началъ лишать болѣе важныхъ и почетныхъ мѣстъ и взамѣнъ того давать имъ менѣе важныя и почетныя; такъ, король отнялъ у его брата Ивана Львовича воеводство Кіевское и вмѣсто того далъ ему воеводство Новогрудское. Такой поступокъ былъ явною обидою для Глинскихъ, ихъ, очевидно, въ чемъ-то стали подозрѣвать. Къ этому присоединилось еще и то, что прежніе враги Глинскаго, видя нерасположеніе къ нему короля, подняли головы и прямо стали называть его измѣнникомъ. Больше всѣхъ обвинялъ Глинскаго въ измѣнѣ самый злѣйшій врагъ его Янъ Забржезинскій: этотъ польскій магнатъ во всеуслышаніе говорилъ, что Михаилъ Глинскій со своими родственниками замышлялъ возстановить Кіевское княжество и потому, прибавлялъ онъ, король и отнялъ у Ивана Львовича Кіевское воеводство. Глинскій, выведенный изъ терпѣнія, потребовалъ суда надъ Забржезинскимъ, но король почему-то отклонилъ требованіе Глинскаго. Послѣ этого Михаилъ Глинскій обратился было къ венгерскому королю Владиславу, брату Сигизмунда I, съ просьбою вступиться за него; но Владиславъ не помогъ ему. Тогда Михаилъ Глинскій отправился въ Краковъ и тутъ, явившись къ королю, сказалъ ему: „Ваше Величество! разсмотрите мое дѣло, если же Вы не сдѣлаете этого, то заставите меня покуситься на такое дѣло, о которомъ мы оба будемъ потомъ

сожалѣть". Сигизмундъ и на эти слова не обратилъ вниманія. Глинскій уѣхалъ въ свое имѣніе и тамъ на досугѣ сталъ обдумывать планъ мщенія. Прежде всего онъ завелъ переписку съ московскимъ княземъ Василіемъ III и предложилъ ему свои услуги. Предложеніе было принято. Затѣмъ Глинскій порѣшилъ покончить съ своимъ злѣйшимъ врагомъ Забржезинскимъ. Съ этою цѣлію онъ собралъ 700 конныхъ ратниковъ и двинулся къ Гроднѣ, около которой жилъ его врагъ. Ночью Глинскій окружилъ дворъ Забржезинскаго; двое иностранцевъ, служившихъ у Глинскаго, одинъ какой-то нѣмецъ, а другой турокъ, ворвавшись въ спальню Забржезинскаго, отсѣкли ему голову, которую и поднесли Глинскому на саблѣ. Тотъ приказалъ всадить ее на древко, нести за нимъ четыре мили, а потомъ утопить въ Нѣманѣ. Расправившись съ главнымъ врагомъ, Михаилъ Глинскій разослалъ своихъ гонцовъ въ разные стороны искать и бить другихъ своихъ недоброжелателей, а самъ, набирая все болѣе и болѣе войска, удалился въ Новгородъ, а оттуда къ московскимъ полкамъ.

Послѣдніе поступки Михаила Глинскаго больше всего подѣйствовали на польскаго короля и его вельможъ, поступки эти такъ встревожили Сигизмунда I и пановъ, что тѣ, не начиная войны, дѣйствительно рѣшились просить мира у московскаго князя; а чтобы сильнѣе подѣйствовать на него, уговорили и Елену Іоанновну написать брату. Правда, Василій III согласился на миръ, но не иначе, какъ на слѣдующихъ двухъ условіяхъ: а) утвердить за нимъ всѣ тѣ города, которые отошли къ Москвѣ при Іоаннѣ III въ послѣднее перемиріе, и б) отпустить въ Москву родственниковъ Глинскаго со всѣмъ ихъ имуществомъ и богатствомъ.

Получивши такого рода условія, Сигизмундъ I и его паны призадумались: имъ стыдно было соглашаться на нихъ, тѣмъ болѣе, что сами вызвали распрю; но особенно королю и вельможамъ не хотѣлось исполнить второе условіе; Глинскіе были богаты, а Сигизмундъ и его вельможи думали подвергнуть ихъ опалѣ и затѣмъ воспользоваться богатствами. Стали искать выхода изъ этого затруднительнаго положенія, долго искали и, наконецъ, какъ имъ казалось, нашли: они порѣшили подбить внутри самого Московскаго государства какого-нибудь изъ русскихъ князей противъ Василія III, а потомъ, воспользовавшись этимъ, совершить удачный походъ на Россію. Для сей цѣли Сигизмундъ и паны почему-то намѣтили Юрія Ивановича, родного брата Василія III, къ которому и отправили тайныхъ пословъ. Что отвѣчалъ имъ Юрій Ивановичъ, мы не знаемъ. Знаемъ только то, что происки эти скоро сдѣлались извѣстны Василію III, а слѣдствіемъ этого былъ новый походъ русскихъ на литовскія владѣнія. Московскіе полки подъ начальствомъ трехъ предводителей: Ивана Димитріевича Шемяки, Даніила Щени и выходца изъ Литвы Глинскаго, опустошили области: Ка-

пыльскую, Туровскую, Мозырскую и разорили города: Слуцкъ, Мстиславль и другіе.

Между тѣмъ Сигизмундъ I и его вельможи, не смотря на то, что были главными виновниками нападенія русскихъ на Литву, сидѣли спокойно дома и ничего не предпринимали противъ русскихъ. Вслѣдствіе этого и въ Литвѣ и Польшѣ поднялся ропотъ: всѣ требовали, чтобы правительство послало войско для защиты предѣловъ отечества; это подѣйствовало: въ началѣ лѣта Сигизмундъ I дѣйствительно двинулся въ походъ; но походъ этотъ не принесъ пользы. Когда русскіе узнали, что Сигизмундъ выступилъ на театръ военныхъ дѣйствій, то положили избѣгать съ нимъ открытой битвы и попрежнему продолжать опустошенія областей Литовскаго государства, причемъ направляя пути свои въ противоположныя стороны движеній Сигизмунда. Такого рода способомъ веденія войны русскіе воеводы разсчитывали болѣе принести вреда полякамъ и скорѣе заставить Сигизмунда снова просить мира.

Три мѣсяца король понапрасну блуждалъ по бѣлорусскимъ лѣсамъ и топалъ по болотамъ, гоняясь за московскими отрядами. Измучивши и себя, и войско свое, онъ, наконецъ, остановился около Смоленска. Отсюда Сигизмундъ рѣшился было самъ сдѣлать наступленіе на нѣкоторые города, принадлежащіе Россіи; этимъ дѣйствіемъ король думалъ заставить русскія войска покинуть литовскія владѣнія; но и сей маневръ его остался безъ желаннаго результата. Правда, Сигизмундъ I овладѣлъ Торопецкомъ и Дорогобужемъ и замышлялъ уже подъ начальствомъ Константина Острожскаго двинуть всѣ свои силы на Москву, но въ это самое время пришло извѣстіе, что внутри собственнаго Литовскаго государства произошла новая смута. Дѣло вотъ въ чемъ: когда король стоялъ въ Смоленскѣ, то русскіе отряды, оставшіеся у него въ тылу, опустошая Литву, дошли до Вильны, а этимъ, между прочимъ, воспользовались сторонники Михаила Глинскаго и, опираясь на московскихъ воеводъ, стали душить и истреблять своихъ враговъ. Тогда король отмѣнилъ походъ на Москву и поспѣшилъ въ Вильну, откуда немедленно послалъ пословъ къ Василію III просить мира.

19 сентября того года между Василіемъ III и Сигизмундомъ I заключенъ былъ миръ. По этому миру Василій III ничего не пріобрѣлъ, онъ даже возвратилъ Сигизмунду тѣ литовскіе города, которые заняты были русскими войсками въ эту послѣднюю войну; русскіе уполномоченные выговорили только свободный пропускъ въ Москву всѣхъ родственниковъ Михаила Глинскаго. Такая уступчивость московскаго князя, судя по его военнымъ успѣхамъ, объясняется тѣмъ, что онъ въ сіе время задумалъ покончить съ Псковомъ.

Вторая борьба Сигизмунда I съ московскимъ княземъ. Взятіе русскими Смоленска. Хотя миръ и былъ заключенъ, но пререканія

все-таки не прекращались; Сигизмундъ больше всего боялся, какъ бы Глинскій, врагъ его, жившій у московскаго князя, снова не подбилъ бы сего послѣдняго напасть на Литовское государство. Опасенія его дѣйствительно сбылись: Михаилу Глинскому, какъ всѣмъ было извѣстно, миръ Василія III съ королемъ сильно не нравился, онъ считалъ, что Сигизмундъ I еще мало наказанъ за тѣ непріятности, какія тотъ нанесъ ему. Поэтому Глинскій зорко слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что дѣлается въ Польско-Литовскомъ государствѣ и доводилъ до свѣдѣнія Василія III, а при случаѣ намекалъ и на новый походъ на литовскія владѣнія. Сигизмундъ зналъ объ этомъ и писалъ Василію, чтобы тотъ выдалъ сего человѣка, при этомъ онъ говорилъ, что выдачи Глинскаго желаетъ и Елена, такъ какъ Глинскій былъ причиною смерти мужа ея Александра. Но Василій отвѣтилъ отказомъ. Московскій князь отказался выдать Михаила Глинскаго и тогда, когда Глинскій, желая подбить датскаго короля Іоанна на Сигизмунда I, послалъ ему письмо, которое попало въ руки польскаго короля и было отправлено въ Москву съ новымъ требованіемъ выдать Глинскаго. Послѣ этого Сигизмундъ I о Глинскомъ замолчалъ. Но Глинскій не молчалъ, онъ попрежнему старался подбить Василія на борьбу съ королемъ. Между прочимъ Глинскій довелъ до свѣдѣнія Василія, что сестра его Елена терпитъ большія обиды въ Польшѣ. По этому поводу началась переписка. Мы не знаемъ, правду ли говорилъ Глинскій, но только Сигизмундъ I, какъ это видно изъ его писемъ, положительно отрицалъ сіе и при этомъ просилъ, что если будетъ угодно московскому князю, то пусть пришлетъ довѣренное лицо, чтобы убѣдиться въ несправедливости слуховъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ слухъ не былъ причиною разрыва мира съ Польшею. Но въ это время ясно было, что московскій князь ищетъ повода придраться къ Сигизмунду, чтобы начать съ нимъ войну. Поводъ этотъ дѣйствительно нашелся. Два сына крымскаго хана Менгли-Гирея напали на русскую Украину и страшно опустошили ее. А когда сдѣлали разслѣдованіе о побужденіяхъ крымскихъ царевичей, вслѣдствіе которыхъ они совершили разбойническій набѣгъ на русскую территорію, то оказалось, что ихъ подбилъ на сіе польскій король Сигизмундъ I. Этого было достаточно, чтобы объявить ему войну, тѣмъ болѣе, что и самыя обстоятельства, неудачно сложившіяся въ сіе время для Сигизмунда, сулили Василію III несомнѣнный успѣхъ, именно: Альбрехтъ, маркграфъ бранденбургскій, родной племянникъ Сигизмунда I по сестрѣ, сдѣлавшись магистромъ Тевтонскаго ордена, готовился къ войнѣ, такъ какъ не хотѣлъ признавать себя вассаломъ дяди и уступить ему поморскія земли; ливонскій же магистръ Плетенбергъ, будучи родственникомъ Альбрехта, тоже принялъ сторону сего послѣдняго; въ это же время и германскій императоръ Максимиліанъ I, благодаря старанію Михаила Глинскаго, заключилъ союзъ съ Василіемъ III

противъ Сигизмунда. Изъ грамотъ союзнаго договора видно, что Максимиліанъ I имѣлъ въ виду отнять у короля тевтонскія земли, а Василій III возвратить Смоленскъ, Кіевъ и другіе города.

19-го декабря 1512 г. московскій князь Василій Іоанновичъ, окруженный знаменитыми боярами, выступилъ въ походъ и остановился подъ Смоленскомъ. Но походъ оказался неудачнымъ: шесть недѣль онъ осаждалъ городъ и воротился домой ни съ чѣмъ. Въ іюнѣ 1513 года московскій князь вторично двинулся подъ Смоленскъ, и опять неудачно. 8-го іюня 1514 г. Василій Іоанновичъ въ третій разъ отправился къ Смоленску [1]). 29-го числа началась осада; на этотъ разъ она кончилась счастливо: городъ, громимый пушками, отъ которыхъ много было убито народа и много сожжено домовъ, сдался на капитуляцію. Епископъ Варсанофій, намѣстникъ Сигизмунда Сологубъ и множество бояръ и народа вышли изъ города къ царю бить челомъ и просить мира. Василій III обошелся со всѣми ласково. Затѣмъ торжественно въѣхалъ въ городъ, отслушалъ въ каѳедральномъ соборѣ молебенъ, приложился къ чудотворной иконѣ смоленской Божіей Матери и принялъ поздравленіе за побѣду. Послѣ этого московскій князь объявилъ всѣмъ литовскимъ боярамъ и людямъ, если кто изъ нихъ желаетъ остаться служить ему, то пусть остается, если же кто не желаетъ, то можетъ свободно идти куда желаетъ; при этомъ Василій III раздалъ имъ деньги: тѣмъ лицамъ, которыя остались служить великому князю—по два рубля, а тѣмъ, которыя не хотѣли служить и объявили, что идутъ къ Сигизмунду—по одному рублю. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Сологубъ; но лишь только онъ прибылъ къ королю, какъ его немедленно предали суду, обвинили въ измѣнѣ и отрубили голову.

Вслѣдъ за покореніемъ Смоленска Василій Іоанновичъ овладѣлъ еще тремя городами: Мстиславлемъ, Кричевымъ и Дубровною. Затѣмъ

[1]) Къ сему послѣднему походу Василія на Смоленскъ понудила загадочная смерть Елены. Она умерла скоропостижно.

Примѣчаніе. О смерти Елены Ивановны нѣкоторые разсказываютъ такъ: послѣ кончины своего мужа она проживала въ Берштанахъ (мѣстечко Ковенской губерніи). Въ январѣ 1513 г. литовскіе бояре: воевода виленскій Николай Радзивиллъ, Григорій Осташковъ, Клочко, виленскій тіунъ Бутримъ и земскій казначей Авраамъ дали нѣкоему волынцу Гинтовту „смертоноснаго зелья" и приказали ему идти въ Берштаны, гдѣ онъ вмѣстѣ съ слугами княгини Димитріемъ Ѳеодоровичемъ и Димитріемъ Ивановичемъ далъ это зелье „въ меду испить", отъ чего Елена въ тотъ же день умерла. Похоронена она была въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы (Пречистенской).

Когда эту церковь въ 1815 году, по приказанію Чарторыйскаго, передѣлывали въ анатомическій театръ, то нашли серебряную доску съ славянскою надписью, гласящую, что здѣсь погребена была Елена Ивановна.

самъ онъ лично отправился въ Дорогобужъ, а главныя силы, подъ начальствомъ Михаила Глинскаго и двухъ воеводъ: Челядина и Голица, двинулъ къ Оршѣ и Борисову, чтобы тамъ на пути остановить и разбить войско Сигизмунда, которое уже выступило изъ Минска и шло къ Смоленску подъ начальствомъ Константина Ивановича Острожскаго.

Недалеко отъ г. Орши московское войско остановилось и стало ожидать приближенія польско-литовскаго войска. Русскіе воеводы не боялись встрѣтиться съ Острожскимъ, такъ какъ у нихъ было гораздо болѣе ратныхъ силъ. Но тутъ случилось обстоятельство, которое было причиною неудачи сего похода и гибели русскаго войска: самый даровитый и самый главный изъ всѣхъ начальниковъ русскаго войска, на котораго больше всего надѣялся Василій Іоанновичъ, измѣнилъ сему послѣднему и бѣжалъ къ польскому королю. Правда, его поймали, но, тѣмъ не менѣе, онъ уже не начальствовалъ московскою арміею, что и было причиною неблагопріятнаго исхода сего похода. Измѣнникъ этотъ былъ Михаилъ Глинскій.

Василій Іоанновичъ, покоривши Смоленскъ, сдѣлалъ тамъ своимъ намѣстникомъ Василія Шуйскаго, а между прочимъ на это мѣсто думалъ попасть Михаилъ Глинскій, такъ какъ онъ, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, былъ главнымъ виновникомъ взятія сего города. Обманувшись въ своихъ разсчетахъ, этотъ честолюбивый вельможа задумалъ отомстить и московскому князю. Съ этою цѣлію Глинскій, во время движенія русскихъ войскъ отъ Смоленска къ Оршѣ, завелъ сношеніе съ Сигизмундомъ I. Обнадеженный симъ послѣднимъ въ ласковомъ пріемѣ и обѣщаніемъ получить богатыя имѣнія, онъ рѣшился бѣжать къ королю. И вотъ, когда русскія войска, не доходя нѣсколькихъ верстъ до Орши, остановились на отдыхъ, то Михаилъ Глинскій въ глухую полночь сѣлъ на коня и съ нѣсколькими преданными ему людьми выѣхалъ изъ лагеря и пустился чрезъ болота къ Минску, гдѣ въ это время находился Сигизмундъ. Но одинъ изъ слугъ Глинскаго далъ знать объ этомъ Голицѣ, а тотъ Челядину и оба они поскакали въ погоню за ними, догнали бѣглецовъ и въ оковахъ отправили въ Дорогобужъ къ великому князю, который еще не успѣлъ выѣхать оттуда въ Москву. Тутъ Василій III велѣлъ обыскать Глинскаго и въ его карманахъ нашли письма Сигизмунда—улика была на лицо. Послѣ этого Глинскаго отправили въ Москву, гдѣ онъ долго томился въ тюрьмѣ, пока Василій женился на его племянницѣ, по просьбѣ которой онъ былъ освобожденъ.

Распорядившись съ Глинскимъ, великій князь приказалъ своимъ воеводамъ снова двинуться впередъ къ Оршѣ, куда между тѣмъ уже приближался Острожскій. 1514 г. 8-го сентября, въ день годовщины Куликовской битвы, между русскими и поляками произошло кровопролитное сраженіе. Не смотря на то, что у русскихъ было войска болѣе

80 т., а у поляковъ, которыми командовалъ Константинъ Ивановичъ Острожскій, всего 35 т., русскіе, благодаря бездарности Челядина и Голицы и ссорѣ ихъ между собою, потерпѣли рѣшительное пораженіе. По словамъ литовцевъ, рѣка Крапивна остановилась въ своемъ теченіи вслѣдствіе безчисленнаго множества потонувшихъ въ ея волнахъ московскихъ людей, когда они, гонимые паническимъ страхомъ, бросались въ эту рѣку съ высокаго берега. По литовскимъ лѣтописямъ русскіе въ этой битвѣ потеряли 30 т. убитыми, 8 т. плѣнными, въ числѣ которыхъ были: 8 главныхъ воеводъ, 37 второстепенныхъ начальниковъ и 1500 дворянъ. Нѣтъ спора, что извѣстія литовскихъ писателей преувеличены, но не подлежитъ сомнѣнію, что пораженіе русскихъ было полное [1]).

Истребивши русскую армію подъ Оршею, Острожскій быстро двинулся къ Смоленску. Тамъ произошелъ переполохъ: составился заговоръ, съ цѣлію сдать городъ Острожскому; во главѣ этого заговора сталъ епископъ Варсанофій. Но намѣстникъ великаго князя узналъ объ этомъ и, какъ только Острожскій подступилъ къ городу, заперъ Смоленскъ и приказалъ повѣсить на стѣнахъ его всѣхъ заговорщиковъ и притомъ съ тѣми самыми подарками, которые они недавно получили отъ Василія III. Пощаженъ былъ только владыка, его Шуйскій отправилъ въ Москву.

Острожскій долго осаждалъ Смоленскъ, но не могъ взять: доброжелателей короля уже не осталось, послѣ расправы Шуйскаго съ ними, а приверженцы Василія III бились крѣпко. Отступивши отъ Смоленска, онъ отправился къ Мстиславлю, который безъ боя сдался ему; то же самое сдѣлали и еще два города, взятые русскими въ послѣдніе походы: Дубровна и Кричевъ.

Послѣ пораженія русскихъ подъ Оршею и неудачной попытки Острожскаго овладѣть Смоленскомъ, враждебныя дѣйствія между Сигизмундомъ I и Василіемъ III не прекратились. Въ началѣ 1517 года польскій король подбилъ на московскаго князя крымскаго хана Магметъ-Гирея, сына Менгли-Гирея, умершаго въ 1515 г. Магметъ-Гирей съ 20-ти тысячнымъ войскомъ вторгся было въ Тульскую область, но былъ разбитъ на голову двумя русскими воеводами: Одоевскимъ и Воротынскимъ. Чтобы отомстить польскому королю, московскій князь возобновилъ союзъ съ тевтонскимъ магистромъ Альбрехтомъ, племянникомъ Сигизмунда; послалъ ему огромную сумму денегъ и приказалъ со всѣми силами выступить на соединеніе съ московскими полками для

---

[1]) Нѣкоторые писатели разсказываютъ, что вначалѣ битва была нерѣшенная, но вдругъ литовцы намѣренно обратились въ бѣгство и этимъ подвели русскихъ, бросившихся за ними, къ пушкамъ; страшный залпъ смялъ преслѣдующихъ и обратилъ ихъ въ бѣгство, а за ними и другіе побѣжали.

общаго дѣйствія противъ дяди его. Очень можетъ быть, что теперь плохо пришлось бы Сигизмунду I, тѣмъ болѣе, что въ союзѣ съ Василіемъ III продолжалъ находиться германскій императоръ Максимиліанъ I и также думалъ напасть на польскія владѣнія. Среди этихъ критическихъ обстоятельствъ, Сигизмундъ I созвалъ въ Краковъ сеймъ, чтобы посовѣтоваться съ панами, какъ выйти изъ сего затруднительнаго положенія? Послѣ долгихъ преній положено было отправить къ Максимиліану пословъ съ просьбою, чтобы онъ уговорилъ московскаго князя на миръ съ королемъ, причемъ за хлопоты приказано было посламъ обѣщать императору отъ имени сейма уступить ту часть территоріи Тевтонскаго ордена, которую онъ желалъ пріобрѣсти.

Максимиліанъ ласково принялъ польскихъ пословъ, помирился съ Сигизмундомъ и далъ слово помирить его съ московскимъ княземъ.

Лѣтомъ того же года императорскій посолъ Герберштейнъ прибылъ въ Москву хлопотать за польскаго короля [1]). Василій III согласился на миръ и просилъ дать знать въ Польшу, чтобы прислали большихъ пословъ.

29 октября послы Сигизмунда I прибыли въ Москву. Начались переговоры. Но русскіе потребовали отъ польскихъ пословъ уступки такихъ городовъ, которыхъ они еще не только не завоевали, но даже и не осаждали: Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ; кромѣ того, русскіе потребовали уступки тѣхъ еще городовъ и областей, которыми Елена Ивановна владѣла въ Литвѣ. Польскіе послы, озадаченные такого рода требованіями, въ свою очередь, заявили, что желаютъ получить отъ Москвы Новгородъ Великій, Тверь, Вязьму и всю Сѣверскую землю. Ясно было, что безъ взаимныхъ уступокъ миръ не можетъ состояться. Начались обоюдныя уступки. Наконецъ дошли до того, что польскіе послы отказались отъ всѣхъ своихъ требованій, а русскіе остановились только на Смоленскѣ и никакъ не хотѣли уступить его полякамъ, какъ ни упрашивалъ Герберштейнъ. Вслѣдствіе этого послы Сигизмунда уѣхали въ Краковъ.

Вслѣдъ за прекращеніемъ переговоровъ московскій князь первый открылъ наступательныя движенія на Литовское государство: трое воеводъ его—Василій Шуйскій, Михаилъ Горбатый и Семенъ Курбскій—съ огнемъ и мечемъ прошли все пространство, начиная отъ Смоленска

---

[1]) Сигизмундъ Герберштейнъ родился въ австрійской провинціи Крайнѣ въ 1486 году, а умеръ 1566 года. Въ качествѣ посла онъ два раза былъ въ Москвѣ: въ 1517 и 1525 гг. Герберштейнъ написалъ сочиненіе о Россіи, которое считается однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія русской исторіи. Сочиненіе его написано было на латинскомъ языкѣ. Русскихъ переводовъ три. См. журн. „Воспоминаніе“ 1832 г. и собраніе сочиненій студентовъ с.-петербургскаго университета 1866 года.

Примѣчаніе. Журн. М. Н. Пр. 1870 г., № 3.

до Вильны, причемъ страшно опустошили области: Оршанскую, Могилевскую и Минскую. Въ то же время на Польшу напалъ племянникъ Сигизмунда I, магистръ Тевтонскаго ордена Альбрехтъ. Послѣ этого король опять обратился къ германскому императору, которымъ въ сіе время былъ внукъ Максимиліана I Карлъ V, съ просьбою помирить его съ Василіемъ III.

Въ 1522 г. при посредствѣ германскаго посла между Сигизмундомъ I и Василіемъ III дѣйствительно заключено было перемиріе на пять лѣтъ, причемъ за русскими остался Смоленскъ, и плѣнными не размѣнялись. Въ 1526 г. перемиріе это продолжено еще на 7 лѣтъ, т. е. до 1533 г., и опять безъ обмѣна плѣнныхъ. Такъ какъ и Сигизмунда I, послѣ Оршанской битвы, было много знатныхъ русскихъ плѣнныхъ, то онъ собственно отклонялъ размѣнъ ихъ. По словамъ источниковъ, русскіе плѣнные въ Польшѣ терпѣли большую нужду: они томились въ цѣпяхъ, исполняли трудныя работы и просили милостыню.

Правда, потеря Сигизмундомъ I Смоленска была сильнымъ ударомъ для Польско-Литовскаго государства, потому что Смоленскъ служилъ ключемъ въ Россію, но зато эта потеря съ избыткомъ вознаградилась пріобрѣтеніемъ всѣхъ земель Тевтонскаго ордена. Магистръ Альбрехтъ въ 1525 г. принялъ лютеранство, женился и преобразовалъ свой орденъ изъ духовнаго въ свѣтскій, причемъ призналъ себя въ вассальной зависимости отъ Польши, за что получилъ отъ Сигизмунда I титулъ князя (герцога) и право засѣдать въ сенатѣ по правую руку короля [1]).

Въ 1533 г. скончался московскій великій князь Василій Іоанновичъ, оставивши своимъ наслѣдникомъ малолѣтняго сына Іоанна. Въ Литвѣ и Польшѣ думали, что въ Москвѣ начнутся смуты, но ошиблись—смутъ никакихъ не произошло: всѣ князья и бояре, не исключая и братьевъ покойнаго царя, присягнули наслѣднику Іоанну и его матери Еленѣ, которая назначена была его опекуншею.

Обманувшись въ разсчетахъ относительно смуты въ Москвѣ, а слѣдовательно и въ надеждѣ воспользоваться ею для возвращенія городовъ, захваченныхъ прежними русскими князьями, польскій король Сигизмундъ I отправилъ своихъ пословъ въ Москву напомнить тамошнему правительству, что срокъ послѣдняго перемирія истекаетъ и что поэтому слѣдуетъ или продолжить перемиріе, или заключить окончательный миръ; при этомъ король просилъ еще, чтобы съѣздъ уполномоченныхъ происходилъ въ предѣлахъ его государства, а не въ Москвѣ, какъ до сего времени бывало. Но на послѣднее русское правительство

---

[1]) Нѣкоторые историки говорятъ, что Сигизмундъ I, пожаловавши своему племяннику титулъ герцога, въ то же время далъ ему и гербъ съ изображеніемъ одноглаваго чернаго орла съ буквою S.

не согласилось, а потому переговоры не состоялись и начались военныя дѣйствія, которыя продолжались съ небольшими промежутками около трехъ лѣтъ. Во время сей послѣдней борьбы Сигизмундъ овладѣлъ двумя русскими городами: Гомелемъ и Стародубомъ, а русскіе закончили кампанію тѣмъ, что 1537 г. 27 февраля подъ городомъ Себежемъ (Витебской губ.) нанесли польско-литовскимъ войскамъ страшное пораженіе, результатомъ котораго было посольство отъ Сигизмунда въ Москву для переговоровъ о мирѣ.

25 марта между польскимъ королемъ и Москвою было заключено перемиріе еще на 5 лѣтъ. По этому миру Сигизмундъ получилъ Гомель, а русскимъ уступилъ Себежъ и Заволочье; плѣнные опять не были размѣнены и снова должны были томиться въ плѣну.

Въ 1542 году опять продолжено было перемиріе на тѣхъ же условіяхъ, а въ 1545 году Сигизмундъ I передалъ управленіе своимъ государствомъ сыну Сигизмунду-Августу.

Положеніе православія и русской народности въ Литовскомъ государствѣ при Сигизмундѣ I. Статутъ литовскій. Сигизмундъ I былъ однимъ изъ лучшихъ королей Польско-Литовскаго государства: дѣятельный, умный, серьезный, чуждый фанатизма, онъ всю жизнь свою искренно заботился о благѣ подданныхъ безъ различія ихъ національности и вѣроисповѣданія [1]). Свобода совѣсти или свобода религіозная при Сигизмундѣ I была полная. Правда, при немъ не былъ отмѣненъ законъ, воспрещающій православнымъ строить и починять церкви, но онъ только, какъ видно, существовалъ на бумагѣ: извѣстно, напримѣръ, что князь Константинъ Ивановичъ Острожскій послѣ Оршанской битвы построилъ въ г. Вильнѣ, вмѣсто сгорѣвшихъ, двѣ каменныя православныя церкви—святой Тройцы и святого Николая [2]). Шестьдесятъ лѣтъ спустя, послѣ смерти его, когда на польско-литовскомъ престолѣ былъ Сигизмундъ III, извѣстный фанатикъ, русскій народъ вспоминалъ о Сигизмундѣ I, какъ о правителѣ, который обогащалъ русскіе церкви и монастыри наравнѣ съ католическими. Но при этомъ мы все-таки должны оговориться, что вышеозначенными дѣйствіями Сигизмунда I по отношенію къ православно-русскому населенію руководили не столько гуманныя и христіанскія чувства, сколько вѣрно разсчитанный политическій тактъ и государственная мудрость: Сигиз-

---

[1]) При немъ евреи, напримѣръ, пользовались обширными льготами: они имѣли право владѣть имѣніями и держать у себя рабовъ изъ христіанъ; за убійство еврея, а также пораненіе его, или простое оскорбленіе, христіанинъ подвергался наказанію по общимъ законамъ. Евреи высоко превозносили Сигизмунда и называли его Соломономъ Мудрымъ и святымъ Давидомъ. См. „Ист. Рос.“ Бестужева-Рюмина. Т. II, стр. III, а также Бершадскаго.

[2]) При Сигизмундѣ I въ Вильнѣ было болѣе 30 православныхъ церквей, а католическихъ только 7.

мундъ I отлично понималъ, что начни онъ преслѣдовать православіе, стѣсни религіозную совѣсть русскихъ, то не замедлятъ повториться тѣ явленія, какія наполняютъ царствованіе двухъ его предшественниковъ, т. е. переходъ изъ Литовскаго государства русскихъ князей и бояръ къ московскому князю, а это повело бы къ громаднымъ территоріальнымъ потерямъ. Тамъ же, гдѣ Сигизмундъ I видѣлъ, что русскіе князья и бояре, въ случаѣ притѣсненія, не рѣшатся бѣжать къ Василію III, по причинѣ отдаленности, религіозная нетерпимость и при немъ существовала во всей своей силѣ; такъ напримѣръ, въ Галиціи положеніе православныхъ было очень похоже на положеніе христіанъ въ Турціи. Тамъ, т. е. въ Галиціи, православные не имѣли права свидѣтельствовать на судѣ противъ поляковъ-католиковъ; на нихъ наложена была поголовная подать за „схизму" (православіе); строго запрещалось, „дабы не осквернить святыни", православнымъ входить въ костелы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они, вмѣстѣ съ латинами, составляя братство, отправлялись, по поводу какого-нибудь братскаго праздника, въ католическіе храмы на богослуженіе; при этомъ православные обыкновенно останавливались въ оградахъ до выхода ксендзовъ [1]); наконецъ, во всей юго-западной Россіи съ православныхъ бралась „десятина" въ пользу костеловъ и латинскаго духовенства.

Сигизмундъ I, зная могучее вліяніе православнаго митрополита на русскій народъ, старался, по возможности, ладить съ нимъ и удовлетворять его просьбамъ и нуждамъ. Такъ, между прочимъ, онъ по просьбѣ православно-русскаго митрополита Іосифа II Солтана: а) подтвердилъ привилегіи своихъ предшественниковъ—Витовта, Казимира и Александра—на свободное отправленіе церковнаго суда и безпрепятственное пользованіе церковными доходами; б) разослалъ окружную грамоту всѣмъ войтамъ, бургомистрамъ и радцамъ, чтобы они, подъ страхомъ строгой отвѣтственности, не скрывали и не оказывали покровительства тѣмъ православнымъ, которые не ходятъ на исповѣдь къ своимъ священникамъ и не желаютъ крестить дѣтей по восточному обряду; в) запретилъ указомъ отнимать земли у православныхъ монастырей и вообще дѣлать насилія имъ свѣтскими людьми; г) разрѣшилъ возобновить нѣкоторыя православныя обители и между прочимъ въ Кіевѣ Златоверхне-Михайловскую и Межегорскую, и д) дозволилъ митрополиту Іосифу II Солтану открыть духовный соборъ въ Вильнѣ.

Соборъ этотъ составляетъ важную административную мѣру, предпринятую русскимъ духовенствомъ для огражденія православной церкви

---

[1]) Замѣчательно: православные даже за это принужденное пребываніе въ оградахъ католическихъ костеловъ должны были платить извѣстную сумму денегъ.

отъ латинства въ Литовскомъ государствѣ. Соборъ открытъ былъ 25 декабря 1509 г., а кончился 15 января. Засѣданія происходили подъ предсѣдательствомъ митрополита Іосифа II Солтана. На семъ соборѣ присутствовало 7 епископовъ: владимирскій и брестскій Вассіанъ, смоленскій Варѳоломей, луцкій и острожскій Кириллъ, полоцкій и витебскій Евфимій, туровскій и пинскій Арсеній, перемышльскій Антоній и холмскій Филаретъ [1]). Кромѣ епископовъ на соборѣ было еще 7 архимандритовъ, 6 игуменовъ и 7 протоіереевъ. На этомъ соборѣ выработаны были слѣдующія правила и потомъ введены въ церковную практику: а) подъ страхомъ проклятія и отлученія отъ церкви запрещалось за деньги получать церковныя должности; б) постановлено было: возво дить въ санъ священника людей только достойныхъ по нравственной жизни, недостойныхъ же не возводить, хотя бы объ этомъ просилъ и самъ король; в) запрещалось принимать священниковъ изъ чужихъ епархій, если у нихъ нѣтъ отпускной грамоты прежняго епископа; г) опредѣлено было: не допускать къ священнодѣйствію неженатыхъ священниковъ, а если кто изъ неженатыхъ желаетъ священнодѣйствовать, то пусть идетъ въ монахи, въ противномъ случаѣ приписывается къ мірянамъ, и д), наконецъ, положено было: что князья и паны въ своихъ владѣніяхъ не имѣютъ права отнимать церкви у священниковъ безъ объявленія вины его епископу и безъ особаго суда надъ нимъ по этому обвиненію.

Къ вышеозначеннымъ опредѣленіямъ прибавлены были еще слѣдующія постановленія: если же князь или бояринъ отниметъ у священника церковь безъ вины и безъ вѣдома святительскаго, то епископъ не ставитъ къ церкви другого священника до тѣхъ поръ, пока не будетъ оказана справедливость первому; если князь или бояринъ въ своемъ имѣніи будетъ держать церковь безъ священника въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, то епископъ самъ опредѣлитъ къ ней священника; если князь или бояринъ отниметъ что-нибудь отъ храма Божія безъ суда митрополичьяго, то долженъ быть отлученъ отъ церкви; если священникъ, по приказанію князя или боярина, станетъ священнодѣйствовать безъ епископскаго благословенія, то такого священника нужно лишить сана; если король или кто-нибудь изъ вельможъ пришлетъ къ митрополиту или епископу съ требованіемъ нарушенія хотя одной статьи, постановленной на семъ соборѣ, то никто на это да не дерзнетъ; но всѣ должны съѣхаться къ митрополиту и вмѣстѣ бить королю челомъ и стоять непоколебимо за эти правила.

Если православіе не преслѣдовалось при Сигизмундѣ I, какъ это было при Александрѣ Казимировичѣ, то въ его время лица, принад-

---

[1]) Уже одно то, что въ Литовскомъ государствѣ было 8 епископій, показываетъ, какъ много православныхъ находилось въ семъ государствѣ. Католики имѣли только одного епископа, въ Вильнѣ.

лежащія къ сему исповѣданію, попрежнему лишены были многихъ политическихъ правъ: такъ, они не могли занимать въ государствѣ высшихъ административныхъ должностей, напримѣръ: членовъ сената, воеводъ и другихъ. Во все царствованіе Сигизмунда I мы видимъ, что въ этомъ отношеніи сдѣлано было только разъ исключеніе въ пользу одного русскаго православнаго князя, именно—Константина Ивановича Острожскаго. Этотъ князь за свои геройскіе подвиги на защиту Польско-Литовскаго государства дѣйствительно получилъ отъ Сигизмунда I званіе трокскаго воеводы и члена сената. Но какихъ трудовъ стоило это королю! Притомъ паны и вельможи, окружавшіе Сигизмунда, взяли съ него подписку, что подобнаго исключенія болѣе не повторится. Затѣмъ они въ 1522 г. на Гродненскомъ сеймѣ заставили короля повторить предъ всѣми депутатами и дать торжественное обѣщаніе какъ за себя, такъ и за своихъ потомковъ, что впередъ ни одинъ „схизматикъ" (православный) не получитъ высокой должности въ государствѣ. Потомъ въ 1529 г. на Виленскомъ сеймѣ польскіе вельможи снова принудили короля повторить это самое. Наконецъ, въ 1543 г. Сигизмундъ I за 5 лѣтъ до своей смерти, по настоянію тѣхъ же лицъ, издалъ такого рода указъ: если кто изъ православныхъ желаетъ получить въ государствѣ какое-нибудь высшее административное мѣсто, то обязанъ сначала принять унію, т. е. признать папу главою церкви. Но только это ни къ чему не привело: никто изъ нихъ не рѣшился оставить вѣру отцовъ.

Но, не смотря на то, что православные за свое исповѣданіе лишены были многихъ политическихъ правъ, языкъ этой національности какъ прежде, такъ и теперь, при Сигизмундѣ I, былъ во всеобщемъ употребленіи: на немъ говорили и писали не только православные, но и католики. Всѣ оффиціальныя бумаги, за весьма малымъ исключеніемъ, писались на русскомъ языкѣ; мало того: при католическомъ богослуженіи дополнительная часть его: пѣніе молитвъ, произношеніе проповѣдей и т. п. совершалась на русскомъ языкѣ. Нѣкто Францискъ Скоринъ, изъ Полоцка [1]), въ 1525 г., въ г. Вильнѣ, въ типографіи Бабича, напечаталъ на славянскомъ языкѣ (кириллицей) „Апостолъ", т. е. „Дѣянія и посланія св. апостоловъ". Это была первая печатная книга въ Литвѣ [2]). Въ томъ же году тотъ же Ф. Скоринъ напечаталъ въ

---

[1]) Францискъ Скоринъ по происхожденію былъ русскій, рожденъ въ православіи, имѣлъ имя Георгій, но потомъ въ краковскомъ университетѣ, гдѣ онъ слушалъ лекціи и получилъ степень доктора медицины, перешелъ (кажется, хорошо неизвѣстно) въ католичество. Личность замѣчательная по изданію разныхъ книгъ (преимущественно церковныхъ) на языкахъ славянскомъ и русскомъ.

[2]) Одинъ экземпляръ этой книги въ подлинномъ изданіи (т. е. въ изданіи 1525 г.) хранится въ виленской публичной библіотекѣ, въ 12 витринѣ.

Вильнѣ и также на русскомъ языкѣ, для употребленія въ костелахъ, канонникъ, или акаѳистникъ, т. е. римско-католическій молитвенникъ. На польскомъ языкѣ первая печатная книга явилась въ Литвѣ въ 1555 году.

Изъ внутреннихъ дѣлъ Сигизмунда I въ Литовскомъ государствѣ самое замѣчательное дѣло—изданіе кодекса литовскихъ законоположеній (собранія законовъ), извѣстнаго подъ именемъ „Статута литовскаго". Въ 1522 г. на Виленскомъ сеймѣ Сигизмундъ I объявилъ: такъ какъ до сего времени въ Литвѣ нѣтъ писанныхъ законовъ и судъ производится по стариннымъ обычаямъ и произволу судей, отчего происходятъ частыя жалобы, то необходимо издать для всѣхъ одинъ общій статутъ, чтобы прекратить жалобы и разнаго рода безпорядки. Сеймъ согласился. Въ 1529 г. статутъ былъ написанъ на русскомъ языкѣ и утвержденъ, а съ перваго января 1530 г. вошелъ въ практику [1]). По содержанію своему литовскій статутъ дѣлится на 13 главъ, или отдѣловъ. Въ I-мъ отдѣлѣ прежде всего говорится, чтобы никто не былъ наказываемъ по заочному обвиненію и чтобы всѣ подданные короля, безъ различія состоянія и богатства, судились однимъ судомъ; затѣмъ излагаются постановленія относительно тѣхъ лицъ, которыя измѣнятъ государству, и объ имуществѣ ихъ; 2-й отдѣлъ заключаетъ въ себѣ законоположенія о земской оборонѣ; 3-й отдѣлъ—о шляхетскихъ правахъ; 4-й отдѣлъ—о семейныхъ отношеніяхъ; тутъ, между прочимъ, говорится о наслѣдствѣ, разводѣ, о выходѣ замужъ дѣвушки безъ согласія родителей и т. п. [2]); въ 5-мъ отдѣлѣ излагается подробно объ

---

[1]) Первые памятники писанныхъ законовъ въ Литовскомъ государствѣ составляютъ привилегіи, выданныя великими князьями городамъ, сословіямъ, а иногда и цѣлымъ обществамъ. Изъ привилегій такого рода извѣстны: а) привилегія Ягайлы о правахъ и преимуществахъ жителей Литовскаго государства р.-католическаго исповѣданія. Привилегія эта выдана была, какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, въ 1387 г. 20 февраля; б) актъ Городельской уніи 1413 г.; в) земская привилегія Казимира Ягелловича, выданная въ 1457 г. По этой привилегіи католическое духовенство освобождалось отъ всякихъ повинностей и имѣло право свободно обладать недвижимымъ имуществомъ; возобновлено право для дворянъ выдавать дочерей замужъ безъ княжескаго согласія и предоставлено право выѣзда за границу для образованія; г) судебникъ Казимира, изданный въ 1492 г. Въ этомъ судебникѣ по большей части излагаются уголовные законы. См. соч. Бершадскаго „Литовскіе Евреи". 1888 г. Гл. V.

[2]) Въ этомъ отдѣлѣ замѣчательна еще слѣдующая приписка: земскій писарь долженъ писать всѣ бумаги, выписи и позовы по-русски, словами и буквами русскими, а не на иномъ какомъ языкѣ и не иными буквами; далѣе говорится: воеводы, старосты, судьи, намѣстники всѣ должны имѣть при себѣ людей изъ дворянскаго сословія, но знающихъ законы и русскую грамоту.

Примѣчаніе. На польскомъ языкѣ приказано было писать только въ 1597 году. См. „Volumena legum", т. V, л. 803.

опекѣ; отдѣлъ этотъ во многомъ схожъ съ таковымъ же отдѣломъ въ „Русской правдѣ"; въ 6-мъ отдѣлѣ—о судопроизводствѣ; 7-ой отдѣлъ представляетъ рядъ законоположеній о насиліяхъ надъ шляхтою; этотъ отдѣлъ тоже похожъ на тотъ отдѣлъ Русской правды, въ которомъ говорится о насиліяхъ надъ русскимъ дворянствомъ; въ 8 и 9 отдѣлахъ излагаются постановленія о рѣшеніи споровъ по землевладѣнію; здѣсь, между прочимъ, еще прибавлено, что свидѣтелями на судахъ не могутъ быть ни жиды, ни татары; въ 10-мъ отдѣлѣ говорится объ имуществахъ, которыя въ долгахъ и залогахъ; въ 11-мъ опредѣляется вознагражденіе, какое должно платить за убійство простыхъ людей и за раны, нанесенныя имъ; тутъ же говорится и о невольникахъ; 12 и 13 отдѣлы посвящены воровству; здѣсь же рекомендуется и пытка для доведенія вора до сознанія.

Впослѣдствіи статутъ Сигизмунда I исправлялся и дополнялся. Первое исправленіе его было при Сигизмундѣ-Августѣ, четырнадцать лѣтъ спустя послѣ его изданія. Сигизмундъ-Августъ для сей цѣли назначилъ 10 комиссаровъ, изъ коихъ было 5 католиковъ и 5 православныхъ.

Комиссары эти, между прочимъ, составили 10 новыхъ статей разнаго содержанія. Этотъ второй статутъ, какъ и первый, былъ написанъ на русскомъ языкѣ. Послѣднюю редакцію литовскій статутъ получилъ при Сигизмундѣ III-мъ; въ 1588 г., 23-го января, онъ былъ окончательно утвержденъ и напечатанъ на русскомъ языкѣ въ Вильнѣ, въ типографіи двухъ братьевъ Кузьмы и Льва Мамоничей [1]). Статутъ этотъ въ Литвѣ сохранилъ силу до 1840 г., 2-го сентября, а съ этого времени онъ замѣненъ русскимъ законодательствомъ.

~~~~~~~~

Сигизмундъ I скончался въ глубокой старости, именно: 88 лѣтъ. Онъ умеръ 1-го апрѣля 1548 г. и похороненъ въ Краковѣ. По словамъ польскихъ писателей, Сигизмундъ I былъ прекрасной и величественной наружности; обладалъ необыкновенною физическою силою, такъ что ломалъ подковы и рвалъ безъ труда веревки толщиною въ палецъ. Говорилъ мало, но сказанное было обдуманно и благоразумно. Былъ весьма воздержанъ какъ въ пищѣ, такъ и въ питьѣ. На войнѣ отличался храбростью. Подъ конецъ жизни дворяне не взлюбили его. Да и трудно было угодить польско-литовскому католическому дворянству, этому черезчуръ вольному сословію! Въ царствованіе Сигизмунда сословіе это часто подымало бунты даже въ то время, когда требова-

1) Одинъ экземпляръ литовскаго статута въ послѣднемъ изданіи (т. е. въ изданіи 1588 г.) также дошелъ до насъ въ подлинникѣ; хранится онъ въ виленской публичной библіотекѣ, въ залѣ, въ 13 витринѣ.
~~~~~~~~

лось болѣе всего согласія съ королемъ, напримѣръ, въ походахъ противъ непріятеля; такъ, однажды лѣтомъ 1518 г. Сигизмундъ I, желая наказать валахскаго господаря Петра за измѣну, объявилъ такъ называемое „посполитое рушенье“ (т. е. всеобщее ополченіе). Шляхта собралась въ числѣ 150 т. человѣкъ и размѣстилась около г. Львова, но тутъ вмѣсто того, чтобы приготовиться какъ слѣдуетъ къ предстоящей борьбѣ, она сначала подняла споры съ королемъ за привилегіи, а потомъ между собою заспорила; споры эти скоро перешли въ ругань, а ругань во всеобщую драку. Дѣло кончилось тѣмъ, что король долженъ былъ распустить войско. Война эта названа была „пѣтушиною“, потому что шляхта дралась между собою на подобіе пѣтуховъ, и „куриною“, потому что она передушила и переѣла всѣхъ куръ въ окрестностяхъ Львова.

Сигизмундъ II Августъ.

1548—1572 г.

Сигизмундъ I, или Старый, какъ обыкновенно его называютъ, былъ женатъ на дочери герцога медіоланскаго, изъ фамиліи Сфорца, Бонѣ. Бона была женщина хитрая, властолюбивая и мстительная. Она принесла много огорченій своему мужу и была причиною разнаго рода неудовольствій въ самомъ государствѣ. Отъ брака сего родился сынъ, названный при крещеніи Сигизмундомъ - Августомъ. Мальчикъ отъ природы имѣлъ прекрасныя способности, но воспитаніе погубило его. Мать Бона, желая изъ него сдѣлать покорное орудіе своимъ властолюбивымъ планомъ, чтобы впослѣдствіи управлять государствомъ посредствомъ сына, сама взялась за его воспитаніе. Она окружила сына блестящею обстановкою и роскошью. Мальчикъ росъ среди женщинъ и самыхъ аристократическихъ дѣтей. День и ночь проводилъ онъ въ такого рода забавахъ и играхъ, которыя изнѣжили его и разслабили организмъ, а это впослѣдствіи отразилось на его дѣятельности: Августъ былъ лѣнивъ и неспособенъ къ серьезнымъ занятіямъ. Всѣ видѣли, что такого рода воспитаніе не поведетъ къ добру, а потому при дворѣ Сигизмунда I среди вельможъ поднялся ропотъ; это заставило короля отнять сына у матери и отдать его на воспитаніе умному и опытному гнѣзненскому каштеляну Петру Оссолинскому. Дѣйствительно, на первыхъ порахъ Сигизмундъ-Августъ у новаго воспитателя обнаружилъ большое прилежаніе и блестящіе успѣхи; но потомъ воспитаніе матери сказалось: молодой принцъ скоро бросилъ науки и сталъ предаваться роскоши и удовольствіямъ.

Въ 1526 году въ Вильнѣ литовскіе вельможи составили сеймъ. На этомъ сеймѣ они единогласно провозгласили своимъ княземъ Сигизмунда-Августа, которому въ сіе время едва исполнилось шесть лѣтъ,

и тутъ же присягнули ему. Отсюда вельможи отправили пословъ въ Краковъ къ Сигизмунду I съ просьбою: утвердить этотъ выборъ и отпустить сына въ Литву. При этомъ послы отъ лица сейма выразили желаніе, чтобы принцъ по прибытіи въ Вильну былъ коронованъ не княжескимъ вѣнцомъ, а королевскимъ, мотивируя свое желаніе тѣмъ, чтобы поляки не стремились къ соединенію Литвы съ Польшею, которое, по словамъ пословъ, если бы состоялось, было бы ничѣмъ инымъ, какъ порабощеніемъ первой послѣднею [1]). Сигизмундъ, какъ и слѣдовало ожидать, отклонилъ эту просьбу. Но съ этого времени литовскіе вельможи не переставали просить короля, чтобы онъ призналъ своего сына великимъ литовскимъ княземъ, и дѣйствительно добились сего: въ 1529 г. Сигизмундъ-Августъ, когда ему было десять лѣтъ, сдѣланъ былъ литовскимъ княземъ и отпущенъ въ Вильну, гдѣ въ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава торжественно вѣнчанъ княжескимъ вѣнцомъ. Поступокъ Сигизмунда I и литовскихъ вельможъ былъ крайне непріятенъ польскимъ панамъ: паны видѣли въ этомъ обычное сремленіе литовской знати къ отдѣленію Литовскаго государства отъ Польши.

---

[1]) Вотъ подлинная рѣчь пословъ къ Сигизмунду I: „Ваше Величество! посолъ папскій, отправляясь въ Москву, говорилъ въ Литвѣ, что ѣдетъ для склоненія московскаго государя къ принятію католической вѣры, а въ случаѣ, если московскій князь согласится на это, то дастъ ему за это королевскій вѣнецъ. Но если отецъ святой хочетъ дать королевское достоинство непріятелю Вашему, то лучше бы онъ далъ его Вашему сыну, пану нашему, великому князю литовскому, за важныя услуги Ваши и Вашихъ предковъ, оказанныя вѣрѣ. Императоръ послалъ было королевскій вѣнецъ дѣду Витовту; но онъ умеръ, не дождавшись короны: и задержали поляки и до сихъ поръ не хотятъ отдать, не желая, чтобы отчинное панство Вашей милости получило такую честь. Удивительно намъ, что братья наши поляки не хотятъ намъ, братьямъ своимъ, дать того, что теперь не запрещаютъ взять Москвѣ. Они хотятъ, чтобы панство Вашей милости, Великое Литовское княжество, было всегда унижено, чтобы было присоединено къ коронѣ, о чемъ оно уже давно хлопочетъ; покорно просимъ Вашу милость не допустить до того, чтобы прирожденные слуги Ваши стали подданными короны польской. Объ этомъ Ваша милость должны стараться для потомковъ своихъ: выгоднѣе будетъ для потомковъ Вашихъ, если отчина Ваша будетъ отдѣльно отъ короны польской; такъ и теперь паны литовскіе охотно сына Вашего выбрали на государство и присягнули ему, чего паны поляки и до сихъ поръ сдѣлать не хотятъ, а если бы Литовское княжество было присоединено къ коронѣ польской, то сынъ Вашъ еще не былъ бы великимъ княземъ. Покорно просимъ приказать сенаторамъ и польскимъ панамъ прислать королевскую корону, назначенную для Витовта, чтобы сынъ Вашъ могъ быть коронованъ королемъ еще при жизни Вашей: потому что, когда Литовское княжество будетъ королевствомъ, то уже не можетъ быть присоединено къ коронѣ польской, ибо корона въ корону внесена быть не можетъ. Если же поляки не согласятся прислать сюда короны, то Ваша милость постарались бы выпросить другую у папы и цезаря и чего будетъ это стоить, мы охотно поднимемъ и ничего не пожалѣемъ“.

Но явнаго протеста не заявляли, такъ какъ Сигизмундъ-Августъ былъ еще малъ, а слѣдовательно не могъ постоянно жить въ Вильнѣ.

Двадцати четырехъ лѣтъ Сигизмундъ-Августъ вступилъ въ бракъ съ дочерью германскаго императора Фердинанда I Елизаветою. По словамъ польскихъ писателей, Елизавета отличалась красотою, умомъ и добротою сердца.

Вскорѣ послѣ женитьбы своей Сигизмундъ-Августъ, по усиленной просьбѣ литовскихъ вельможъ, не смотря на протестъ Боны и страшное нежеланіе польскихъ пановъ, принялъ правленіе Литовскимъ государствомъ, переѣхалъ на житье въ Вильну и поселился въ нижнемъ замкѣ.

Начало правленія Сигизмунда-Августа было прекрасно и приводило всѣхъ въ восхищеніе. Его простота въ обращеніи, правосудіе, благородство, доступность и въ высшей степени симпатичная наружность привлекали къ нему сердца подданныхъ безъ различія національностей и вѣроисповѣданій. Но это не долго продолжалось: мало-по-малу Сигизмундъ-Августъ вошелъ въ свою обыкновенную колею: пересталъ заниматься дѣлами и предался удовольствіямъ; въ это время умерла жена его Елизавета, а сіе обстоятельство заставило его бросить и удовольствія и погрузиться въ какую-то апатію; но, впрочемъ, послѣднее состояніе продолжалось не долго: Сигизмундъ-Августъ вскорѣ очнулся и снова сталъ предаваться удовольствіямъ даже съ большею страстью, чѣмъ прежде; про государственныя же дѣла онъ теперь совсѣмъ забылъ. Разсказываютъ, что въ это время въ нижнемъ замкѣ день и ночь гремѣла музыка, устроялись балы и маскарады, на которые собирался весь цвѣтъ тогдашняго виленскаго общества; каждый вечеръ обходился князю отъ 1000 до 1500 рублей.

Въ это самое время въ Литвѣ однимъ изъ знаменитѣйшихъ родовъ былъ родъ Радзивилловъ. Въ правленіе Сигизмунда-Августа представителями сего рода были два двоюродныхъ брата: Николай Радзивиллъ, по прозванію Рыжій, и Николай Радзивиллъ, по прозванію Черный. Оба они были протестанты и оба играли выдающіяся роли въ Литовскомъ государствѣ. У перваго изъ нихъ была сестра по имени Варвара, дѣвица рѣдкой красоты. Въ 1538 г. Варвара, когда ей минуло 17 лѣтъ, выдана была замужъ за воеводу новогрудскаго, графа Станислава Гаштольда, которому въ это время было болѣе 60-ти лѣтъ. Но, спустя четыре года, мужъ Варвары умеръ и оставилъ ее наслѣдницею богатыхъ имѣній. Молодая вдова Гаштольдъ, по окончаніи траура, стала являться вмѣстѣ съ своимъ братомъ Николаемъ Радзивилломъ Рыжимъ и двоюроднымъ Николаемъ Чернымъ въ нижній королевскій замокъ на балы, гдѣ ее въ первый разъ и увидѣлъ Сигизмундъ-Августъ. Впечатлѣніе, произведенное Варварою на князя, такъ было велико, что онъ съ первой же встрѣчи влюбился въ нее и тутъ же порѣшилъ же-

ниться на ней. И дѣйствительно, спустя полгода послѣ перваго знакомства съ Варварою, Сигизмундъ-Августъ въ сентябрѣ 1547 г. тайно отъ всѣхъ вступилъ съ нею въ бракъ и затѣмъ скрылъ ее до поры до времени въ замкѣ (въ Дубинкахъ), который находился въ 50 верстахъ отъ Вильны, на горѣ, среди мрачнаго сосноваго лѣса. Объ этомъ бракѣ знали тогда только 5-ть человѣкъ: двое братьевъ Радзивиллъ, ксендзъ, вѣнчавшій сію пару, сестра Варвары Анна и ея мужъ, болѣе никто. Но какъ Сигизмундъ-Августъ ни старался скрыть свой поступокъ, онъ все-таки скоро сдѣлался извѣстнымъ не только въ Литвѣ, но и въ Польшѣ. Въ Литвѣ, между прочимъ, этому факту сильно порадовались: въ немъ литовцы видѣли залогъ болѣе крѣпкой связи королевича съ ихъ государствомъ и надежду въ будущемъ на независимость отъ Польши. Но въ Польшѣ извѣстіе о бракѣ Сигизмунда-Августа на Варварѣ, литвинкѣ, произвело удручающее впечатлѣніе: поляки боялись, чтобы чрезъ этотъ бракъ не послѣдовало бы отдѣленія Литвы отъ Польши, а если не отдѣленія, то преобладанія Литвы надъ Польшею. Особенно Бона страшно была поражена поступкомъ сына: матери хотѣлось пріискать королевичу такую жену, которая бы совершенно предана была ей и ея видамъ, а о Варварѣ Бона знала, что у нея въ Вильнѣ есть два могучихъ брата, которые ужъ никакъ не позволятъ ей, какъ бы она ни старалась, подчинить волю сестры и сдѣлать ее покорнымъ орудіемъ ея политики. Поэтому, когда фактъ женитьбы Сигизмунда-Августа на вдовѣ Гаштольдъ подтвердился, Бона, въ союзѣ съ преданными ей панами, порѣшила разстроить этотъ бракъ.

Въ 1548 г. 1-го апрѣля скончался, какъ мы уже видѣли, Сигизмундъ I, или Старый. Это было на другой годъ послѣ женитьбы сына его на Варварѣ. 17 апрѣля Сигизмундъ-Августъ созвалъ сеймъ въ Вильнѣ и тутъ объявилъ сеймовымъ членамъ о своей женитьбѣ и просилъ признать его жену Варвару Радзивиллъ великою княгинею. Отсюда онъ отправился вмѣстѣ съ Варварою на Петроковскій сеймъ для принятія польской короны. На этомъ сеймѣ Сигизмундъ-Августъ сдѣлалъ то же самое, что и на Виленскомъ сеймѣ, т. е. прежде всего объявилъ сеймовымъ членамъ о вступленіи въ бракъ съ Варварою Радзивиллъ. Но лишь только молодой король сдѣлалъ это, какъ между сеймовыми членами поднялось страшное волненіе. Затѣмъ выступили три самыхъ сильныхъ магната Польши—коронный маршалъ Петръ Кмита [1]), графъ Андрей Гурко и воевода сандомирскій Иванъ Пель-

---

[1]) Должность короннаго маршала соотвѣтствовала должности министра двора. Коронные маршалы обыкновенно распоряжались церемоніалами при дворѣ и порядками на сеймахъ. Впослѣдствіи маршалами назывались представители короля въ судахъ.

чинскій. Они, по наущенію Боны, матери Сигизмунда-Августа, въ рѣзкихъ выраженіяхъ начали укорять его за женитьбу на Варварѣ Радзивиллъ; Иванъ Пельчинскій, въ порывѣ негодованія, произнесъ даже: „я скорѣе соглашусь видѣть на польскомъ престолѣ султана турецкаго, чѣмъ Варвару Радзивиллъ!“ Въ заключеніе просили Сигизмунда-Августа развестись съ Варварою и жениться на другой. Но онъ наотрѣзъ отказалъ. Тогда всѣ члены сейма встали съ своихъ мѣстъ и пали предъ нимъ на колѣни; но и это не помогло. Сигизмундъ-Августъ, обнаруживавшій слабость характера во всю свою жизнь, на этотъ разъ остался непреклоннымъ. На всѣ убѣжденія сеймовыхъ членовъ онъ въ концѣ концовъ отвѣтилъ слѣдующими словами: „то, что совершилось, перемѣнить нельзя, и вамъ слѣдуетъ просить меня не о томъ, чтобы нарушить данное слово женѣ, а о томъ, чтобы сохранить данное слово каждому изъ насъ. Я далъ клятву быть вѣрнымъ женѣ и не нарушу ее, пока Господь Богъ будетъ хранить меня на семъ свѣтѣ. Для меня дороже честное слово, чѣмъ всѣ государства въ мірѣ“. Этимъ и кончился Петроковскій сеймъ.

Въ 1550 г. Варвара была торжественно коронована и провозглашена королевою Польскаго государства. Сигизмундъ-Августъ былъ счастливъ: онъ достигъ своего. Но это счастіе продолжалось недолго: чрезъ годъ жена его умерла отъ рака, а по другимъ извѣстіямъ будто бы ее отравила Бона. Тѣло ея было перевезено въ Вильну и погребено около костела св. Станислава. Два года спустя послѣ смерти Варвары Радзивиллъ, Сигизмундъ-Августъ вступилъ въ третій бракъ. На этотъ разъ король женился на эрцъ-герцогинѣ австрійской Елизаветѣ, вдовѣ монтуанскаго герцога Франциска Гонзаго, и женился уже съ согласія матери Боны и членовъ сейма. Но бракъ былъ несчастливъ: чрезъ два года Августъ разстался съ женою. Съ этого времени король рѣшительно перестал не только заниматься государственными дѣлами, но даже и думать о нихъ. За свою лѣность и обыкновеніе откладывать дѣла, получилъ прозвище: „король завтра“. Вмѣсто занятія государственными дѣлами Сигизмундъ-Августъ началъ предаваться разгульной жизни, кутежамъ и разнымъ оргіямъ, напоминавшимъ времена послѣднихъ римскихъ императоровъ. А это въ конецъ убило его тѣло и душу и сдѣлало неспособнымъ ни къ чему серьезному и полезному. Подъ конецъ жизни онъ окружилъ себя наложницами, которыя грабили его безъ зазрѣнія совѣсти, и колдуньями, которыя призывались ко двору для возстановленія потерянныхъ силъ короля отъ истощенія и разврата. Когда Августа спрашивали: отчего онъ не занимается нужными дѣлами, то онъ обыкновенно отвѣчалъ, смѣясь: „это соколы (такъ онъ называлъ своихъ наложницъ) не даютъ ни за что взяться, хотя бы и хотѣлъ“. А когда онъ умеръ, то въ казнѣ не нашлось денегъ, чтобы

заплатить за погребеніе; не нашли ни одной золотой цѣпи, ни одного кольца, какія слѣдовало бы надѣть на покойника [1]).

Таковъ былъ Сигизмундъ-Августъ по своимъ личнымъ качествамъ и нравственному идеалу. Очевидно, при такомъ королѣ не могло быть порядка ни во внутреннихъ дѣлахъ, ни во внѣшнихъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что при Сигизмундѣ-Августѣ разстройство внутри и неудачи внѣ достигли крайнихъ предѣловъ. Но, впрочемъ, не отъ одного характера Сигизмунда-Августа произошли вышеозначенныя явленія, они были также и слѣдствіемъ нравственной порчи высшаго польско-литовскаго католическаго дворянства: жажда покоя, изнѣженность, безумная роскошь и расточительность въ сіе время овладѣли всѣмъ высшимъ сословіемъ! Папскій легатъ, кардиналъ Коммендони, бывшій въ сіе время въ Польшѣ, такъ говорилъ однажды въ польскомъ сенатѣ, обращаясь къ членамъ его: „на предковъ вашихъ вы не похожи стали: они не на пирахъ за роскошными столами распространяли государство, а сидя на коняхъ, трудными подвигами воинскими; они спорили не о томъ, кто больше осушитъ стакановъ вина, а о томъ, кто кого превзойдетъ воинскимъ искусствомъ“.

Тотъ же упадокъ нравственныхъ силъ у польскихъ вельможъ, ту же страсть къ роскоши и наслажденіямъ замѣтилъ и московскій выходецъ, князь Курбскій: „здѣшній король, писалъ онъ, думаетъ не о томъ, какъ бы воевать съ невѣрными, а только о пляскахъ и маскарадахъ; также и вельможи знаютъ только пить да ѣсть сладко; пьяные они очень храбры: берутъ и Москву, и Константинополь, и если бы даже на небо забился турокъ, то и оттуда готовы его снять. А когда лягутъ на постели между теплыми перинами, то едва къ полудню проспятся; встаютъ чуть живы, съ головною болью. Вельможи и княжата такъ робки и истомлены своими женами, что, послышавъ варварское нахожденіе, забьются въ претвердые городки и вооружившись, надѣвъ доспѣхи, сядутъ за столы, за кубки и болтаютъ съ своими пьяными бабами, изъ воротъ же городскихъ ни на шагъ. А если и выступятъ въ походъ, то идутъ издали за врагомъ и, походивши два дня или три, возвращаются домой, а что бѣдный житель успѣлъ спасти отъ татаръ въ лѣсахъ какое-нибудь имѣніе или скотъ, то все по-

---

[1]) А между тѣмъ, Августъ былъ человѣкъ богатый; по словамъ источниковъ, ему отъ отца досталось чистыми деньгами 300 т. флориновъ; затѣмъ каждый годъ онъ получалъ по 100 т. талеровъ дохода съ одной Литвы, а при концѣ царствованія, благодаря вырубкѣ лѣса и отдачѣ въ аренду имѣній, доходы его въ Литвѣ увеличились до 600 т. талеровъ. По сказанію современниковъ, королевскія шубы цѣнились въ 80 т. скуди. На столѣ у Сигизмунда-Августа стояло 15 шкатулокъ съ дрогоцѣнностями, цѣнившимися въ 1,000,000 скуди.

ѣдятъ и послѣднее разграбятъ". Но грабежемъ не ограничивались; Курбскій не говоритъ намъ того, что говорятъ польскіе писатели: Нѣмцевичъ, Модизевскій и др.; по свидѣтельству ихъ, шляхта убивала безнаказанно холоповъ и кметовъ, какъ собакъ.

Паденіе Ливонскаго ордена. Борьба Сигизмунда-Августа съ московскимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Въ 1549 г. оканчивался срокъ послѣднему перемирію, заключенному, какъ мы видѣли, между Литвою и Москвою въ 1542 г. Первые вспомнили объ этомъ въ Москвѣ. Стали ожидать пословъ изъ Польши, но они не являлись: въ это время Сигизмундъ-Августъ занятъ былъ борьбою съ панами за свою жену Варвару Радзивиллъ, а потому ему некогда было заняться вопросомъ о мирѣ съ Москвою и посылкою пословъ. Тогда московское правительство само отправило пословъ въ Краковъ напомнить объ истеченіи срока перемирія. Въ Москвѣ торопились покончить это дѣло, такъ какъ въ виду предстояла тяжкая казанская война. Въ Литвѣ и Польшѣ русскіе послы были приняты съ честію и начались переговоры. По этому поводу нѣсколько разъ послы ѣздили то изъ Москвы въ Польшу, то изъ Польши въ Москву; но переговоры туго подвигались впередъ: Августъ и его приближенные требовали заключенія вѣчнаго мира, а Іоаннъ Васильевичъ не соглашался на это: онъ думалъ, очевидно, скоро начать войну съ Августомъ. Правда, московскій царь изъявлялъ желаніе заключить вѣчный миръ, но на слѣдующихъ тяжелыхъ условіяхъ: возвратить ему Кіевъ, Полоцкъ, Витебскъ и другіе русскіе города. Само собою разумѣется, въ Литвѣ и Польшѣ на это не согласились. Польско-литовское правительство, предлагая московскому царю вѣчный миръ, уступало только тѣ города, которые уже находились во власти Москвы со временъ Іоанна III и при этомъ еще требовали, чтобы Іоаннъ IV не титуловался „царемъ всей Руси". Такъ дѣло тянулось въ переговорахъ ровно шесть лѣтъ и кончилось только въ 1556 г. перемиріемъ еще на 6 лѣтъ. По этому перемирію ни Москва ничего не получила, ни Литва ничего; вопросъ же о титулѣ остался открытымъ. Но перемиріе это, впрочемъ, не продолжалось шесть лѣтъ: ливонская война, которую началъ Іоаннъ IV въ 1559 г., была причиною войны и съ Сигизмундомъ-Августомъ.

Со времени Іоанна Васильевича III у русскихъ явилось желаніе заимствовать нѣкоторые плоды западно-европейской образованности; при внукѣ его Іоаннѣ IV желаніе это усилилось. Ведя частыя войны съ татарами, Іоаннъ Грозный сталъ нуждаться въ западно-европейскихъ мастерахъ какъ для литья пушекъ, такъ и для другихъ дѣлъ; съ этою цѣлью русскій царь началъ выписывать ихъ изъ Германіи, но мастера, отправляясь въ Москву, нерѣдко были задерживаемы въ Ливоніи, когда проходили чрезъ нее. Подобные поступки ливонцевъ сильно раздражили Іоанна IV. Притомъ московскій царь хорошо зналъ, что

Ливонія нѣкогда принадлежала русскимъ и что тамъ его предками построены города и церкви Божіи, которыя теперь въ пренебреженіи и запустѣніи; да наконецъ Іоаннъ Васильевичъ хотѣлъ пріобрѣсти чрезъ Балтійское море болѣе свободный доступъ въ западную Европу. Московскій царь сталъ искать предлога къ войнѣ съ ливонскими рыцарями. Предлогъ скоро нашелся. Іоаннъ Грозный вспомнилъ, что 56 лѣтъ тому назадъ (1503 г.) рыцари еще дѣду его, Іоанну III, обѣщались платить дань и до сего времени не платили. Іоаннъ Грозный послалъ своего посла къ ливонскому магистру и рижскому архіепископу напомнить объ этой дани. Но когда тѣ, послѣ многихъ обѣщаній, не заплатили Іоанну IV ни гроша, то царь двинулъ въ Ливонію двѣ сильныхъ рати, подъ начальствомъ двухъ воеводъ: казанскаго царя Шихъ-Алея и Петра Ивановича Шуйскаго. Въ продолженіе двухъ лѣтъ русскія войска взяли многіе ливонскіе города, страшно опустошили страну и этимъ окончательно добили орденъ, безъ того уже едва существовавшій. Гермейстеръ ордена Фиртенбергъ сложилъ съ себя званіе; на его мѣсто избранъ былъ Горгардъ Кетлеръ, но и онъ не могъ поправить дѣла: при этомъ магистрѣ русскіе взяли Нарву, Дерптъ и другіе города; положеніе ордена было отчаянное: ни денегъ, ни войска, ни союзниковъ, ничего не было у него. Въ такихъ обстоятельствахъ Кетлеръ обратился было за помощью сначала къ Германіи, а потомъ къ Даніи и Швеціи, но вездѣ получилъ отказъ. А между тѣмъ русскіе продолжали захватывать въ Ливоніи все новые и новые города и наконецъ обложили городъ Ревель. Тогда молодой магистръ сталъ искать спасенія въ союзѣ съ Польшею. Въ 1560 г. онъ послалъ пословъ къ Сигизмунду-Августу и тѣ отъ имени всѣхъ рыцарей со слезами на глазахъ стали упрашивать польскаго короля спасти погибающій орденъ и оказать помощь. Сигизмундъ II дѣйствительно сжалился надъ орденомъ: заключилъ съ послами договоръ и далъ небольшую матеріальную помощь, состоящую изъ войска и денегъ. Получивши помощь отъ Польши, Готгардъ Кетлеръ снова началъ борьбу съ московскимъ царемъ, но борьба эта не принесла существенной пользы ордену: она продолжила только агонію его.

Въ этотъ періодъ войны русскіе, подъ начальствомъ трехъ полководцевъ: Шуйскаго, Серебрянаго и Курбскаго, одержали надъ нѣмцами еще нѣсколько блестящихъ побѣдъ, причемъ взяли въ плѣнъ множество рыцарей, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, было два замѣчательныхъ: ландмаршалъ Филиппъ Белли и старый магистръ Фюльстенбергъ.

Послѣднія побѣды русскихъ окончательно привели Ливонскій орденъ къ политической смерти. Рыцари увидѣли, что не могутъ существовать самостоятельно: въ 1561 г. началось полное разложеніе Ливоніи. Первые отдѣлились отъ рыцарей жители города Ревеля и под-

чинились Швеціи, а затѣмъ островъ Эзель въ качествѣ эзельскаго епископства отошелъ къ Даніи и наконецъ самый орденъ съ г. Ригою отдался въ полное владѣніе Польши: 5-го марта сего же года, рыцари Ливонскаго ордена въ своихъ регаліяхъ вмѣстѣ съ магистромъ Горгардомъ Кетлеромъ въ послѣдній разъ собрались въ одной изъ залъ рижскаго замка и въ присутствіи Радзивилла, уполномоченнаго Сигизмундомъ-Августомъ, обнялись и поцѣловались другъ съ другомъ въ знакъ вѣчнаго прощанья съ тѣмъ званіемъ, въ которомъ они до сего времени находились, затѣмъ съ рыданіемъ и глубокою скорбью сняли съ себя свои рыцарскія мантіи и кресты и объявили себя въ зависимости отъ польскаго короля въ качествѣ простыхъ подданныхъ. Орденъ перестал существовать какъ духовное учрежденіе. Горгардъ Кетлеръ за подчиненіе Польшѣ получилъ право наслѣдственнаго князя Курляндіи и Симигаліи.

Сигизмундъ-Августъ, послѣ подчиненія Польшѣ Ливонскаго ордена, прежде всего потребовалъ отъ русскихъ удаленія ихъ изъ Ливоніи, а затѣмъ и возвращенія захваченныхъ ими ливонскихъ городовъ. А когда ему и въ томъ, и другомъ требованіи было отказано, то объявилъ московскому царю войну. Но еще за годъ до этого между московскимъ царемъ и польскимъ королемъ обнаружилось взаимное неудовольствіе: въ 1560 г. московскій царь просилъ руки младшей сестры польскаго короля, но ему отказали. Іоаннъ IV страшно оскорбился отказомъ, но затаилъ злобу до поры до времени, такъ какъ дѣла ливонскія еще не были окончены. Теперь же, когда Ливонскій орденъ перешелъ подъ власть Польши и отъ Іоанна IV потребовали удаленія изъ Ливоніи русскихъ войскъ и возвращенія захваченныхъ городовъ, война была неизбѣжна; если бы не начали войны поляки, то московскій царь самъ бы объявилъ ее Августу: Іоаннъ IV давно мечталъ помѣриться силами съ польскимъ королемъ; поэтому объявленіе Сигизмундомъ-Августомъ войны Іоанну IV какъ разъ совпадало съ давнишнимъ желаніемъ самого московскаго царя.

Іоаннъ Васильевичъ такъ радъ былъ начавшейся войнѣ съ Польшею, что самъ лично выступилъ въ походъ. Въ половинѣ января 1563 г. онъ обложилъ Полоцкъ; 15-го февраля городъ сдался, причемъ воевода Сигизмунда-Августа Довойно и католическій епископъ были взяты въ плѣнъ и отвезены въ Москву. Послѣ этого царь уѣхалъ въ Москву, а русскіе отряды продолжали опустошать Литву и доходили до Вильны.

Извѣстіе о взятіи Полоцка и о появленіи русскихъ отрядовъ въ окрестностяхъ Вильны страшно поразили Сигизмунда-Августа и произвели переполохъ между польско-литовскими панами. Немедленно послано было посольство въ Москву съ просьбою о мирѣ. Написано даже было письмо къ московскому митрополиту, съ цѣлью походатайствовать предъ царемъ за Польско-Литовское государство. Но теперь Іоаннъ Василь-

евичъ сдѣлался очень несговорчивымъ. Правда, онъ соглашался на миръ, но не иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: возвратить Россіи не только Витебскъ, Кіевъ и Минскъ, но даже всю Волынь, Подоліе и Галицію; другими словами: всѣ древнія русскія земли, захваченныя Литвою еще со временъ Миндовга! Понятно, что польско-литовскіе паны не согласились на это. Война снова началась. Но теперь русскіе дѣйствовали вяло: въ характерѣ Іоанна произошелъ крутой переворотъ; онъ началъ, какъ извѣстно, заниматься истребленіемъ внутреннихъ враговъ и губить бояръ, а это заставило многихъ изъ нихъ бѣжать въ Литву; въ числѣ послѣднихъ, между прочимъ, былъ одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ вельможъ, именно: князь Курбскій. Въ это же время бѣжали въ Литву и первые русскіе типографщики Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Мстиславскій. Курбскій, бѣжавшій въ Литву, въ 1564 г. былъ даже предводителемъ польскаго войска противъ Москвы. Тогда же на рязанскую землю, по просьбѣ Августа, напалъ и крымскій ханъ. Но, не смотря на все это, и теперь русскіе вышли побѣдителями: ханъ скоро былъ выгнанъ изъ русскихъ предѣловъ, а польско-литовское войско потерпѣло два сильныхъ пораженія; такъ, въ 1565 г. Сапѣга былъ разбитъ московскимъ воеводою Прозоровскимъ подъ Черниговомъ, а вслѣдъ затѣмъ другой польскій полководецъ потерпѣлъ страшное пораженіе въ Ливоніи отъ Вѣшнякова и Буторлина, причемъ однихъ плѣнныхъ было взято болѣе 3,200 человѣкъ. Эти двѣ побѣды русскихъ опять заставили Сигизмунда-Августа начать переговоры съ царемъ о мирѣ. Переговоры тянулись около пяти лѣтъ. Наконецъ, въ 1570 г. въ Москву прибыли отъ Августа большіе послы: Янъ Кротошевскій и Николай Товлишъ. Послѣ долгихъ споровъ о границахъ Полоцкой области заключено было перемиріе на 3 года. Полоцкъ и другіе города, а также и Ливонія остались за Москвою. Это было послѣднее перемиріе Сигизмунда-Августа съ Москвою: чрезъ два года король скончался.

Люблинская унія [1]).

Самое замѣчательное событіе въ царствованіе Сигизмунда II Августа было соединеніе Литовскаго государства съ Польшею; соединеніе—окончательное, оформленное оффиціальнымъ актомъ и подписанное всѣ-

[1]) О Люблинской уніи на русскомъ яз. см. сочиненія: проф. И. Иг. Малышевскаго „Люблинскій съѣздъ"; статья эта помѣщена въ „Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ", изданныхъ Батюшковымъ, выпускъ VIII, 1885 г.; проф. М. О. Кояловича: „Дневникъ Люблинской уніи". Спб. 1869 г.; его же „Люблинская унія". Спб. 1863 г. О Люблинской уніи есть также у проф. Н. П. Дашкевича въ его замѣткахъ по исторіи Литовско-русскаго государства. Кіевъ. 1885 г.

ми представителями литовско-русской національности. Событіе это, имѣвшее своими послѣдсвіями огромное политическое значеніе какъ для Польши съ Литвою, такъ и для Россіи, совершилось въ 1569 г. въ г. Люблинѣ.

Соединеніе Литовскаго государства съ Польскимъ въ 1386 г. до Люблинской уніи было только персональное, личное, т. е. связующимъ звеномъ обоихъ государствъ было только одно лицо государя изъ династіи Ягайлы; все же остальное оба государства имѣли совершенно отдѣльное и независимое [1]). Но и личное соединеніе очень часто, какъ видѣли выше, нарушалось: Литовское государство нерѣдко имѣло не

---

[1]) Такъ, между прочимъ, Литовское государство, послѣ соединенія съ Польскимъ въ 1386 г., до самой Люблинской уніи имѣло:

I) Отдѣльный сеймъ; онъ состоялъ изъ представителей всѣхъ національностей, входившихъ въ составъ Литовскаго государства, за исключеніемъ евреевъ.

Примѣчаніе. Въ Литовскомъ государствѣ сеймъ начался съ Городельскаго съѣзда, т. е. съ 1413 г. Сначала литовскій сеймъ не имѣлъ большого значенія, но съ теченіемъ времени онъ сдѣлался по своей власти такимъ же сильнымъ, какимъ былъ и въ Польшѣ. Литовскій сеймъ особенно пріобрѣлъ значеніе во время борьбы Свидригайлы съ Сигизмундомъ. Въ 1492 г. Литовскій сеймъ уже настолько былъ силенъ, что взялъ съ Александра Казимировича клятву ничего не дѣлать безъ его согласія.

II) Свою собственную государственную печать.

III) Особыхъ административныхъ правителей и сановниковъ.

IV) Свой собственный банкъ и свою собственную монету.

Примѣчаніе. Литовская монета основною единицею имѣла русскій грошъ. Литовскій грошъ имѣлъ неодинаковую цѣнность: чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ онъ все болѣе и болѣе падалъ въ цѣнѣ. Въ 1300 году=27 коп. на русскія деньги.
„ 1308 „ =25 „ „ „ „
„ 1378 „ =20 „ „ „ „
„ 1476 „ =13 „ „ „ „
„ 1578 „ = 6 „ „ „ „
„ 1676 „ = 1 „ „ „ „
„ 1815 „ = 1/2 „ „ „ „

60 грошей составляли копу. Цѣнность копы также была неодинакова: въ 1413 г.=13 р. 19 к. на нынѣшнія русскія деньги.
„ 1511 г.= 5 „ 42 „ „ „ „ „
„ 1611 г.= 2 » 79 „ „ „ „ „
„ 1766 г.= — 42 „ „ „ „ „

Высшая по цѣнности въ Литвѣ была монета рубль; онъ равнялся 100 грошамъ. Рубль, подобно грошу и копѣ, тоже имѣлъ неодинаковую цѣнность:
въ 1413 году онъ равнялся 19 руб. 12 коп.
„ 1511 „ „ „ 9 „ 3 „
„ 1611 „ „ „ 4 „ 64 „
„ 1650 „ „ „ 1 „ 81 „

только отдѣльныхъ правителей отъ Польши, но и правителей совершенно самостоятельныхъ и независимыхъ отъ ней. До 1569 г. Литовское государство даже строго отдѣлялось отъ польскаго и своими границами. Очень часто наряжались особыя комиссіи для опредѣленія границъ, съ тою цѣлію, чтобы ни дѣла, ни люди литовскіе и польскіе не смѣшивались между собою [1]). Юридически поляки даже не имѣли права селиться на литовской землѣ и занимать въ Литвѣ должностей, хотя фактически нарушалось это волею короля, потому что въ Литвѣ королевская власть (княжеская) еще не была подавлена литовскою аристократіею.

Но, не смотря на все это, Литовское государство, бывъ подвергнуто двухсотлѣтнему вліянію Польши, предъ самою Люблинскою уніею представляло во внутреннемъ устройствѣ уже много сходнаго съ Польскимъ государствомъ.

Мѣры, предпринимаемыя поляками въ періодъ отъ 1386 г. до 1569, для подготовленія Литовскаго государства къ окончательному соединенію съ Польшею. Съ самаго перваго соединенія Литовскаго государства съ Польскимъ вплоть до Люблинской уніи польское правительство постоянно стремилось къ тому, чтобы, по мѣрѣ возмож-

---

Въ Литовскомъ государствѣ были и свои собственныя мѣры, именно: мѣры линейныя, мѣры сыпучихъ тѣлъ и мѣры жидкихъ тѣлъ.

I) Мѣры линейныя. Основною единицею линейныхъ мѣръ былъ локоть. Онъ равнялся $14^2/_3$ русскимъ вершкамъ, прентъ=$7^1/_2$ локтямъ,
моргъ =30 прентамъ въ длину и 10 въ ширину, или 1564 квад. саж. и 164 кв. футамъ. Уволока=30 моргамъ, или 19 десятинамъ и 1354 кв. саженямъ, шнуръ= 22 саж. и 5 фут.,
верста =798 саж.,
миля = 5 литовскимъ верстамъ,
сажень= 3 локтямъ.

II) Мѣры сыпучихъ тѣлъ. Основною единицею была кварта; она равнялась русской кружкѣ (полштофу). Гарнецъ= 4 квартамъ,
мѣра =18 гарнцамъ,
корецъ = 3 мѣрамъ,
бочка = 4 корцамъ.

III) Мѣры жидкихъ тѣлъ. Основною единицею была тоже кварта, которая равнялась пяти крючкамъ, или 10 рюмкамъ. Гарнецъ равнялся=5 квартамъ,
ведро=4 гарнцамъ.

У литовцевъ были еще слѣдующія вѣсовыя мѣры: фунтъ=87 русскимъ золотникамъ; камень=40 фунтамъ, или 36 русскимъ фунтамъ; пудъ=24 гарнцамъ.

Примѣчаніе. О внутреннемъ состояніи Литовскаго государста до Люблинской уніи и его особенностяхъ можно найти многое въ сочиненіи Бершадскаго „Литовскіе Евреи", въ V главѣ.

[1]) О границахъ Польши съ Литовскимъ государствомъ см. статью Шолковича въ „Памятникахъ русской старины, изданныхъ Батюшковымъ", выпускъ VIII.

ности, упрочить эту связь между обоими государствами и слить ихъ въ одно общее политическое тѣло. Но такъ какъ на первыхъ же порахъ этому соединенію явились помѣхою многія несходныя черты во внутреннемъ устройствѣ Литовскаго государства сравнительно съ Польскимъ, то поляки прежде всего порѣшили уничтожить эти несходныя черты, и затѣмъ уже приступить къ окончательному и рѣшительному соединенію обоихъ государствъ.

Въ минуту первоначальнаго соединенія Литовскаго государства съ Польскимъ (въ 1386 г.) оба эти государства по своему внутреннему устройству представляли слѣдующія главнѣйшія несходства:

I) Литовское государство въ это время представляло изъ себя монархію съ почти неограниченною властію князя, а Польша, наоборотъ, представляла изъ себя такую монархію, въ которой власть короля не имѣла никакого значенія или, по крайней мѣрѣ, весьма малое. Это, впрочемъ, скорѣе была аристократическая республика, чѣмъ монархія.

II) Въ Литовскомъ государствѣ дворянство не имѣло никакого значенія въ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ или, по крайней мѣрѣ, весьма малое. Оно вполнѣ зависѣло отъ князя. Нерѣдко князь въ Литвѣ возводилъ на самыя высшія административныя должности лицъ самаго простого званія и даже холоповъ [1]). Въ Польскомъ же государствѣ, наоборотъ, въ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ шляхта (дворянство) составляла все: она выбирала королей и управляла ихъ судьбою, какъ хотѣла, издавала законы, облагала податями крестьянъ, объявляла войну, заключала миръ и т. п. Въ то же время польская шляхта представляла изъ себя компактное равноправное сословіе: самый бѣднѣйшій шляхтичъ считалъ себя равноправнымъ съ самымъ богатымъ и знатнымъ человѣкомъ своего сословія. А равноправіе членовъ шляхетства и одинаковое участіе ихъ въ политическихъ и гражданскихъ дѣлахъ положили между польскимъ дворянствомъ (шляхтою) и остальными сословіями (исключая духовенство) Польши ту рѣзкую грань, которая была впослѣдствіи одною изъ главныхъ причинъ паденія Польши. Въ Литовскомъ же государствѣ дворянское сословіе, напротивъ, представляло цѣлую лѣстницу зависящихъ другъ отъ друга ленниковъ, пользовавшихся не въ равномѣрной степени поземельной собственностію и стоявшихъ въ различной (неодинаковой) степени къ центральной или монархической власти: между тѣмъ какъ верхніе слои этой феодальной лѣстницы по своему богатству, родственной связи съ княземъ стояли очень близко къ монархической власти, низшіе же слои (бояре) незамѣтно сливались съ свободными земледѣльцами и город-

---

[1]) Примѣры можно видѣть въ Вайдыллѣ, холопѣ Ольгерда и Ягайлы, и Александрѣ Юрьевичѣ, возведенномъ Казимиромъ Ягелловичемъ въ бытность его великимъ княземъ въ Литвѣ на одну изъ высшихъ государственныхъ должностей.

скими общинниками. Словомъ, литовское дворянство, сравнительно съ польскою шляхтою, отличалось: а) отсутствіемъ въ немъ самостоятельнаго значенія въ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ; б) безусловною зависимостью отъ монархической власти; в) неравноправностью между собою членовъ его, и г) отсутствіемъ рѣзкой сословной границы между нимъ (дворянствомъ) и другими сословіями, не исключая и крестьянъ.

III) Положеніе крестьянъ въ Литовскомъ государствѣ рѣзко отличалось отъ положенія ихъ въ Польскомъ королевствѣ. Въ Польскомъ государствѣ крестьяне подавлены были цѣлымъ рядомъ враждебныхъ для нихъ законоположеній [1]). Въ Литовскомъ же государствѣ положе-

[1]) Крестьянское сословіе, какъ мы видѣли, образовалось въ Польскомъ государствѣ въ самомъ началѣ XI ст., при Болеславѣ Храбромъ. Послѣ него положеніе крестьянъ, по мѣрѣ усиленія шляхты, дѣлается все болѣе и болѣе стѣснительнымъ. Уже въ сороковыхъ годахъ XI ст., по смерти Мечислава II, положеніе крестьянъ – земледѣльцевъ настолько было тяжело, что они подняли возстаніе, но были жестоко усмирены шляхтою. Это, впрочемъ, какъ мы говорили уже, было единственное возстаніе крестьянъ въ Польшѣ, послѣ чего они такъ были угнетены, что не имѣли возможности и возстаніе произвести. Въ концѣ XI ст. угнетеннымъ крестьянамъ, какъ мы видѣли выше, хотѣлъ было помочь знаменитый польскій король Болеславъ Смѣлый (Отважный), но за это шляхта вмѣстѣ съ духовенствомъ лишила его престола, изгнала изъ отечества и несчастный государь, проклятый вдобавокъ за свою любовь къ страждущему народу краковскимъ епископомъ Станиславомъ, умеръ гдѣ-то въ неизвѣстности. Въ 1180 г. на Ленчицкомъ съѣздѣ шляхта захватила въ свои руки право суда надъ крестьянами. Въ правленіе же Казимира Великаго уничтожено было право перехода крестьянамъ отъ одного шляхтича къ другому. Въ 1374 г. король Людовикъ Нѣмецкій на Кошицкомъ съѣздѣ за право передать престолъ одной изъ своихъ дочерей уступилъ шляхтѣ, какъ мы видѣли при изложеніи общаго очерка Польши до Ягайлы, ту подать, какую крестьяне платили государству. Послѣ этого всякій шляхтичъ имѣлъ полное право увеличивать подати на крестьянъ сколько хотѣлъ, тѣмъ болѣе это было возможно, что самый судъ надъ крестьянами находился въ рукахъ шляхты. При Янѣ Альбрехтѣ крестьяне окончательно обращены въ холоповъ, а при Сигизмундѣ I въ 1520 году введена была барщина и подушная подать.

Примѣчаніе. Изъ сохранившихся письменныхъ документовъ видно, что въ Польскомъ государствѣ крестьянамъ тяжелѣе всего было отъ поборовъ въ пользу католическаго духовенства. Главный поборъ, который шелъ на духовенство и костелы, былъ такъ называемый „десятинный“. Поборъ этотъ не былъ строго опредѣленъ и зависѣлъ отъ произвола епархіальныхъ епископовъ: въ однихъ мѣстахъ брали десятую часть со всѣхъ статей дохода, а въ другихъ только съ полей. Были въ Польшѣ и такія мѣстности, гдѣ крестьяне по опредѣленію епископа отдавали своимъ духовнымъ отцамъ не десятую часть всѣхъ доходовъ, а цѣлую половину. Но кромѣ десятины существовали и еще разные поборы, которые дѣ-

ніе крестьянъ до начала XVI стол. было хорошо: они пользовались до извѣстной степени самосудомъ въ копныхъ судахъ [1]) и въ то же время наравнѣ съ дворянами были подсудны только старшинамъ и другимъ великокняжескимъ урядникамъ. Большая часть крестьянъ въ Литовскомъ государствѣ владѣла поземельною собственностію и при этомъ почти всѣ они, за очень малымъ исключеніемъ, пользовались полною личною свободою; иногда только связывали себя съ дворянами добровольными срочными контрактами, да и то, впрочемъ, на короткое время [2]).

Такимъ образомъ, Литовское государство въ минуту первоначальнаго соединенія съ Польшею при Ягайлѣ въ своемъ внутреннемъ устройствѣ

лились на постоянные и случайные. Изъ числа постоянныхъ поборовъ извѣстенъ былъ съ X в. поборъ подъ именемъ „*гроши св. Петра*". Поборъ этотъ шелъ въ пользу папы; онъ состоялъ въ количествѣ 5 коп. Изъ случайныхъ поборовъ извѣстны: въ 1184 году папа велѣлъ крестьянамъ собрать денегъ на крестовый походъ. Въ 1248 г. папа Григорій IX на борьбу съ Фридрихомъ II Гегенштауфеномъ, съ которымъ онъ велъ ее, потребовалъ отъ польскихъ крестьянъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ половины всѣхъ ихъ доходовъ, за что уменьшилъ Великій постъ на 3 недѣли. О положеніи крестьянъ въ Польшѣ см. сочиненіе Горемыкина, 1869 г.

[1]) Копными судами въ Литовскомъ государствѣ назывались такіе суды, которые производились всѣми крестьянами извѣстной деревни на площадяхъ надъ провинившимся лицомъ своего сословія. О копныхъ судахъ см. Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло, изданный Шолковичемъ, т. II. Вильна. 1887 г.

[2]) По изслѣдованію профессора В. Б. Антоновича, въ Литовскомъ государствѣ земледѣльческое сословіе распадалось на слѣдующія группы:

I) Невольная челядь. Это было единственное безправное крестьянское сословіе и притомъ весьма малочисленное. Группа эта образовалась изъ военноплѣнныхъ и продававшихся въ рабство. При этомъ нужно еще сказать, что рабство невольной челяди было только личное, а не наслѣдственное: дѣти ихъ переходили обыкновенно въ другія какія-либо категоріи свободныхъ крестьянъ.

II) Отчичи (дѣдичи, селяне, подданные или просто люди). Эта группа людей имѣла собственную землю, но не имѣла права сходить съ нея. Члены этой группы иногда получали землю отъ помѣщиковъ и за это платили имъ аренду или отрабатывали. Эта группа была тоже малочисленна.

III) Слободичи. Лица этой группы были совершенно вольны; они своей земли не имѣли, но брали ее у дворянъ въ арендное содержаніе, а иногда и самъ князь надѣлялъ ихъ пустырями.

IV) Данники. Группа эта была самая многочисленная. Всѣ члены этой группы были собственники. Они имѣли право переходить съ одного участка на другой. Платили дань только одному князю. Правда, иногда князь эту дань отдавалъ на откупъ и откупщикъ собиралъ съ данниковъ оброкъ, но только этотъ послѣдній не былъ обременителенъ для нихъ. Всѣ данники принимали участіе въ копныхъ судахъ (народныхъ или вѣчевыхъ). См. предисловіе ко II т. VI ч. Архивъ юго-западной Россіи проф. В. Б. Антоновича, а также сочиненіе профессора Леонтовича о крестьянахъ юго-западной Россіи по литовскому праву. Кіевск. университ. Извѣст. 1863 г. Ноябрь.

представляло, сравнительно съ Польшею, слѣдующія главнѣйшія несходныя черты: а) монархическая власть въ Литовскомъ государствѣ, какъ уже говорено было выше, имѣла совершенно иное значеніе, чѣмъ въ Польшѣ; б) литовское дворянство сравнительно съ польскою шляхтою совершенно иначе было поставлено и въ отношеніи къ монархической власти, и въ отношеніи между собою, и въ отношеніи къ крестьянамъ; в) наконецъ, положеніе крестьянъ въ Литовскомъ государствѣ было совершенно иное, чѣмъ положеніе ихъ въ Польшѣ.

И вотъ теперь изгладить вышеозначенныя несходства или, лучше сказать, подвести внутренній строй Литовскаго государства подъ уровень внутренняго польскаго строя, съ цѣлію облегчить предстоящее впереди окончательное соединеніе Литовскаго государства съ Польскимъ, и было главною задачею для польскихъ пановъ со временъ Ягайлы. На эту предварительную работу польскіе паны въ продолженіе почти двухъ вѣковъ (отъ 1386 до 1569 г.) затратили много энергіи и настойчивыхъ усилій, пока не достигли желанной цѣли и въ концѣ концовъ не завершили всего этого окончательнымъ соединеніемъ Литвы съ своимъ государствомъ.

Но какъ же именно все это было достигнуто?

Приступая къ вышеозначенной работѣ, т. е. къ сглаживанію упомянутыхъ несходствъ въ Литвѣ съ Польшею, польскіе паны прежде всего обратили свое вниманіе на дворянство Литовскаго государства, его отношеніе къ монархической власти и другимъ сословіямъ. Паны задумали изъ литовскаго дворянства сдѣлать такое же могучее и равноправное сословіе, какое они сами составляли въ Польшѣ, и потомъ, опираясь на него, провозгласить политическую унію обоихъ государствъ, но только болѣе крѣпкую, чѣмъ та, какая уже разъ была провозглашена при Ягайлѣ.

Литовское дворянство, какъ уже говорено было выше, не составляло изъ себя замкнутаго и равноправнаго сословія: оно представляло изъ себя чрезвычайно много феодально-расчлененныхъ группъ; но, несмотря на это, литовское дворянство по своему происхожденію и количеству ленной матеріальности можно раздѣлить на слѣдующія двѣ категоріи: высшее дворянство, или аристократію, которая имѣла крупные лены, и низшее дворянство, владѣвшее мелкою поземельною собственностію. Къ первой категоріи относилось весьма немного лицъ. Эти лица были прямые потомки литовско-русскихъ князей и составляли раду (совѣтъ) своего князя. Рада эта участвовала въ политическихъ и гражданскихъ дѣлахъ Литовскаго государства, но настолько, конечно, насколько это угодно было князю. Ко второй же группѣ относилось многочисленное количество членовъ: бояре, земяне и другіе. Члены этой группы были потомки литовско-русскихъ княжескихъ дружинниковъ и свободныхъ литовско-русскихъ земледѣльцевъ. Эти послѣдніе не имѣли

ровно никакого политическаго значенія, но они всегда могли попасть въ число аристократовъ и даже въ княжескую раду, или чрезъ женитьбу, или чрезъ личныя заслуги, или, наконецъ, пріобрѣтеніемъ крупнаго лена.

И вотъ, когда польскіе вельможи, послѣ вступленія Ягайлы на польскій престолъ, задумали подготовить Литовское государство къ окончательному соединенію съ Польшею, то прежде всего обратили вниманіе на литовскую аристократію. Чтобы привлечь ее на свою сторону и сдѣлать изъ нея покорное орудіе въ дѣлѣ окончательнаго и рѣшительнаго слиянія Литвы съ Польшею, польскіе вельможи прежде всего рѣшили расширить права литовской аристократіи на счетъ центральной власти и для сей цѣли постановили какъ можно нагляднѣе познакомить ее съ собственными правами и привилегіями, разсчитывая на непреодолимую заманчивость этого примѣра и этимъ самымъ, конечно, болѣе всего привязать ее къ себѣ. Такой образъ дѣйствія поляки приняли съ Городельскаго съѣзда (1413 г.). Задавшись мыслію уравнять права литовской аристократіи съ правами собственными, польскіе вельможи уже на этомъ съѣздѣ дали имъ свои гербы, право выбирать князя, право сеймовъ и обѣщали впередъ помогать литовскимъ вельможамъ въ дѣлѣ увеличенія правъ на счетъ монархической власти и другихъ сословій. И дѣйствительно, съ теченіемъ времени, права литовской знати, благодаря, разумѣется, польскимъ панамъ, все болѣе и болѣе увеличивались. Права и значеніе литовской аристократіи съ легкой руки польскихъ пановъ особенно сильно увеличились во время борьбы Сигизмунда съ Свидригайлою. А въ концѣ XV ст. литовская аристократія, засѣдавшая на сеймахъ (мелкое дворянство не допускалось), настолько уже была сильна, что заставила своего князя Александра дать торжественное обѣщаніе, чтобы онъ ничего не предпринималъ безъ ея согласія (потомъ это обѣщаніе было узаконено при немъ же). Словомъ, Литовское государство, вслѣдствіе силы и могущества его дворянства, къ концу XV ст. почти уже превратилось въ такую же аристократическую республику, какою была въ то время и Польша.

Но, не смотря на то, что литовское высшее дворянство, благодаря старанію пановъ, и по правамъ, и по духу своему совершенно уподобилось польской аристократіи, оно все-таки не сдѣлалось поляками: и когда рѣчь заходила, какъ мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, не только объ окончательномъ соединеніи Литвы съ Польшею, но даже объ отчисленіи какой-нибудь небольшой области отъ первой (т. е. Литвы) къ послѣдней (т. е. Польшѣ), литовская аристократія въ своихъ протестахъ противъ того и другого всегда возставала какъ одинъ человѣкъ.

Послѣ этого польскіе паны увидѣли, что труды ихъ пропали даромъ. Правда, они надѣлили литовскую аристократію своими правами, помогли ей ограбить монархическую власть относительно ея неогра-

ниченности, но главнаго-то не достигли, именно: склонить ее согласиться на окончательное соединеніе Литвы съ Польшею.

Что было теперь дѣлать польскимъ панамъ?

Когда польскіе паны обманулись на литовской аристократіи относительно желанія ихъ соединить Литву съ своимъ государствомъ, то рѣшились прибѣгнуть внутри Литовскаго государства къ совершенію слѣдующихъ двухъ дѣйствій:

Во-первыхъ, выдвинуть многочисленный классъ мелкаго литовско-русскаго дворянства (бояръ, земянъ, вольныхъ земледѣльцевъ и другихъ), расширить ихъ права, дать имъ возможность пріобрѣсть неограниченное право надъ крестьянами и поземельною собственностію, обособить ихъ отъ остальныхъ сословій, наконецъ, помочь имъ пріобрѣсть рѣшительное вліяніе на политическую и гражданскую судьбу края, съ тѣмъ, чтобы они за всѣ эти услуги, когда снова подымется вопросъ объ окончательномъ сліяніи Литвы съ Польшею, стали бы на сторону ихъ, т. е. польскихъ магнатовъ.

Во-вторыхъ, обезсилить православно-русскихъ вельможъ въ Литовскомъ государствѣ, лишить ихъ политическаго значенія, а главное: развить антагонизмъ между русско-православными вельможами съ одной стороны и между литовско-католическими магнатами съ другой стороны, съ тѣмъ, чтобы они не могли соединиться между собою въ крѣпкую и грозную оппозицію, когда будетъ приступлено къ окончательному соединенію Литвы съ Польшею [1]).

Задавшись такого рода цѣлями, польскіе магнаты при посредствѣ своихъ королей и особенно духовенства приступили къ выполненію ихъ съ особенною силою воли и энергіи:

I) Уравненіе правъ мелкаго литовскаго дворянства съ польскою шляхтою, а слѣдовательно и со всею аристократіею, началось скоро послѣ смерти Витовта, потому что уже при этомъ князѣ литовскіе вельможи обнаружили свое нежеланіе соединить Литву съ Польшею. Въ 1432 г. часть населенія Волынской области, именно: дворяне, земяне, бояре и другіе, была освобождена отъ всякой денежной и натуральной повинностей и уравнена въ своихъ правахъ съ польскою шляхтою. Въ 1457 году Казимиръ IV выдалъ жалованную грамоту „литовскому, русскому и жмудскому дворянству, рыцарямъ, боярамъ и земянамъ", какъ сказано въ подлинникѣ, относительно свободнаго пользованія наслѣдствомъ, выдачею замужъ дочерей безъ согласія князя и другими привилегіями. Послѣ этого стали надѣлять мелкое литовское

---

[1]) Изъ лѣтописныхъ сказаній тогдашняго времени, между прочимъ, видно, что главными противниками политической уніи Литвы съ Польшею были слѣдующія русско-литовскія фамиліи: Острожскихъ, Гаштольдовъ, Глинскихъ, Ходкевичей и Чарторыйскихъ.

дворянство польскими гербами и шляхетскими дипломами. А при Сигизмундѣ I уже все литовское мелкое дворянство юридически признано было равноправнымъ польской шляхтѣ и принимало участіе въ сеймахъ. Но чтобы еще болѣе привлечь на свою сторону мелкое литовское дворянство и сдѣлать его сговорчивѣе, сравнительно съ аристократіею, въ дѣлѣ политической уніи, польскіе вельможи задумали рядомъ законодательныхъ постановленій окончательно подчинить крестьянъ безусловному распоряженію сего мелкаго литовскаго дворянства.

Подчиненіе литовскихъ крестьянъ мелкому дворянству началось съ половины XV ст., съ того именно времени, какъ задумали это мелкое дворянство сравнять съ польскою шляхтою. Первый изъ польско-литовскихъ государей, рѣшившійся, по совѣту польскихъ вельможъ, на подчиненіе литовскихъ крестьянъ его мелкому дворянству, былъ тотъ же Казимиръ IV, который, какъ мы видѣли недавно, выдалъ въ 1457 г. привилегированную грамоту литовско-русскому и жмудскому дворянству, рыцарямъ и друг.

Законъ о подчиненіи литовскихъ крестьянъ мелкому дворянству вышелъ въ 1454 г.; послѣ Казимира каждый новый польско-литовскій государь издавалъ какое-нибудь новое постановленіе, клонившееся къ большему и большему закрѣпленію крестьянъ за дворянами. Въ концѣ XV ст. мы знаемъ, что у крестьянъ отняли права судиться общественнымъ судомъ (копнымъ, или вѣчевымъ) и судъ надъ ними перешелъ къ вла-дѣльцамъ, а въ началѣ XVI ст. въ руки дворянъ-помѣщиковъ перешла, такъ сказать, и самая жизнь крестьянъ, т. е. дворянинъ-помѣщикъ имѣлъ полное право, не давая о семъ никому никакого отчета, лишить жизни своего крестьянина. Ко второй половинѣ XVI ст. уже всѣ литовскіе крестьяне: отчичи, слободичи, данники и другіе, бывшіе свободными лѣтъ сто тому назадъ, окончательно низведены въ невольную челядь и обращены въ „быдло" (рабочій скотъ) [1]) и положеніе ихъ съ этого времени сдѣлалось настолько тяжелымъ, что они въ концѣ сего столѣтія, т. е. XVI, цѣлыми толпами стали убѣгать на нижнее теченіе Днѣпра и южнаго Буга.

Такого рода мѣрами высшая польская шляхта старалась привлечь на свою сторону мелкое литовское дворянство и ополячить его, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ него грозную силу для высшаго литовскаго дворянства, противящагося окончательному соединенію Литвы съ Польшею. И дѣйствительно, эта работа не пропала даромъ: громадное большинство литовскаго (и даже русскаго) дворянства къ половинѣ XVI ст., т. е. ко времени Люблинской уніи, совершенно уподобилось польской

[1]) Постепенное закрѣпленіе крестьянъ въ Литовскомъ государствѣ яснѣе всего можно видѣть въ трехъ редакціяхъ статута.

шляхтѣ и примкнуло къ польской аристократіи всѣми своими симпатіями.

II) Работа касательно обезсиленія и лишенія православныхъ вельможъ (да и вообще всѣхъ русскихъ) политическаго значенія въ Литовскомъ государствѣ, а главное: развитія антагонизма между русскимъ высшимъ дворянствомъ съ одной стороны и собственно литовско-католическимъ съ другой, началась въ Литовскомъ государствѣ довольно рано: съ принятіемъ Ягайлою католичества, т. е. съ 1386 г. Сначала, впрочемъ, работа эта производилась вслѣдствіе религіозной нетерпимости (фанатизма); съ политическою же цѣлію она началась только съ половины XV ст. Главными же дѣйствующими лицами въ этомъ дѣлѣ были духовныя лица, поддерживаемыя королемъ, польскими магнатами и даже самимъ папою. Въ 1387 г. 22-го февраля Ягайло, какъ мы знаемъ, издалъ декретъ, которымъ предоставлялись знатному литовскому дворянству, принявшему католичество, а также и тѣмъ, которые примутъ это исповѣданіе, многія привилегіи; къ числу сихъ привилегій, между прочимъ, относились слѣдующія: а) всѣ тѣ лица литовскаго дворянства, которыя приняли католичество и которыя примутъ, имѣютъ право выдавать своихъ дочерей и сестеръ за кого угодно изъ католиковъ, по своему личному усмотрѣнію, безъ согласія князя [1]); б) всѣмъ имъ предоставляется полное право пользоваться землею, какую они занимаютъ, какъ собственностію, съ передачею по наслѣдству [2]); в) всѣ лица вышеизложенныхъ категорій освобождаются отъ всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ государственныхъ повинностей. Но эти привилегіи не коснулись лицъ православнаго исповѣданія, напротивъ, этимъ декретомъ еще запрещалось католикамъ вступать въ бракъ съ православными, а если кто изъ католиковъ желалъ вступить въ бракъ съ православною или наоборотъ, то лицо православное обязывалось перейти въ католичество. Декретъ этотъ былъ первымъ законодательнымъ актомъ, которымъ полагалась рознь въ Литовскомъ государствѣ между литовскимъ дворянствомъ и русскимъ. Мотивъ изданія этого декрета былъ вовсе не политическій, а фанатически-религіозный: духовенство католическое, вслѣдствіе своего фанатизма, настроило Ягайлу сдѣлать сіе. Будучи постоянно окруженъ католическимъ духовенствомъ, Ягайло въ продолженіе всего своего царствованія ничего не могъ сдѣ-

---

[1]) До изданія этого закона въ Литовскомъ государствѣ никто изъ дворянъ не имѣлъ права самъ лично выдавать замужъ дочерей и сестеръ безъ дозволенія князя, а добиться отъ князя сего права было чрезвычайно трудно и притомъ сопряжено было съ большими расходами.

[2]) До сего времени въ Литовскомъ государствѣ великій князь всегда считался сюзереномъ по отношенію къ дворянамъ и тѣ земли, которыми владѣли дворяне, считались собственностію князя, уступавшемъ ихъ своимъ вассаламъ-дворянамъ только на время.

лать безъ него. Подъ вліяніемъ сего духовенства онъ нерѣдко вооруженною силою отнималъ у православныхъ церкви и выгонялъ вонъ молящихся [1]). Послѣ Ягайлы двоюродный братъ его Витовтъ, заступившій мѣсто его въ Литовскомъ государствѣ, по отношенію къ православнымъ продолжалъ ту же систему дѣйствій, какой держался и Ягайло. Не любя православныхъ, онъ ставилъ ихъ въ религіозномъ отношеніи наравнѣ съ евреями и церкви Божіи, какъ говорили выше, называлъ синагогами. Но главное, что сдѣлано было Витовтомъ для униженія русскихъ и развитія антагонизма между ними и католиками, такъ это устраненіе ихъ (русскихъ) отъ участія въ Городельскомъ съѣздѣ, гдѣ, между прочимъ, постановлено было и подписано Витовтомъ: не допускать православныхъ къ участію въ тайномъ королевскомъ совѣтѣ и занятію высшихъ государственныхъ должностей. Поступка сего рѣшительно нельзя объяснить политическою цѣлію; его только можно объяснить тѣмъ, что Витовтъ этимъ хотѣлъ угодить могучему литовскому католическому духовенству и самому папѣ [2]). Съ политическою цѣлію стали унижать и стѣснять православныхъ, какъ уже замѣчено нами выше, съ половины XV в., когда увидѣли польскіе паны, что высшая литовско-русская аристократія не желаетъ соединенія Литвы съ Польшею. Первый изъ литовско-польскихъ государей, который въ этомъ направленіи сталъ дѣйствовать, былъ Казимиръ IV.

При Казимирѣ IV, какъ мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, собиралось очень много сеймовъ, съ цѣлію соединенія Литвы съ Польшею, и каждый разъ эти сеймы оканчивались полнѣйшею неудачею для сторонниковъ уніи. Но когда польское правительство замѣтило, что главными противниками соединенія Литвы съ Польшею по большей части являются православно-русскіе вельможи, то рѣшилось употребить противъ нихъ самыя крутыя мѣры, чтобы обезсилить и сдѣлать ихъ безвредными: съ этою цѣлію польскіе свѣтскіе магнаты въ совокупности съ высшими духовными лицами уговорили короля издать декретъ, которымъ православно-русскіе лишались права занимать въ Литовскомъ государствѣ высшія государственныя должности; затѣмъ, въ 1480 г., какъ мы тоже видѣли выше, Казимиръ IV, по настоянію сына своего св. Казимира (а этотъ послѣдній по настоянію духовенства), издалъ декретъ,

---

[1]) Такъ, въ 1412 году, по настоянію духовенства, въ г. Перемышлѣ приказалъ вооруженному отряду занять каѳедральный православный соборъ, построенный во имя Рождества св. Іоанна Крестителя; шляхта, ворвавшись въ означенный соборъ, выгнала молящихся, взломала гробы князей, разбросала кости, и храмъ, вновь освященный по католическому обряду, переданъ былъ во владѣніе перемышльскаго католическаго епископа. Православный же владыка со всѣмъ клиромъ долженъ былъ удалиться изъ города и основать свою каѳедру въ подгородномъ селѣ Вильчѣ.

[2]) См. царствованіе Витовта.

коимъ запрещалось православнымъ строить новыя и починять старыя церкви, и наконецъ, воздвигнуто было на русскихъ бояръ такое гоненіе, что тѣ цѣлыми толпами должны были эмигрировать въ сосѣднее Московское государство.

При послѣдующихъ трехъ короляхъ: Александрѣ, Сигизмундѣ I и даже Сигизмундѣ II Августѣ униженіе православно-русскихъ бояръ, попрежнему, продолжалось. При Сигизмундѣ I уже настолько была развита ненависть у литовскихъ вельможъ по отношенію къ русскимъ боярамъ, что они подняли страшную бурю противъ своего короля, когда тотъ задумалъ, какъ мы видѣли, сдѣлать воеводою трокскимъ и членомъ сената знаменитаго Константина Острожскаго. Правда, Сигизмундъ, не смотря на протестъ бояръ-католиковъ, все-таки сдѣлалъ Острожскаго воеводою и сенаторомъ, но за то долженъ былъ дать формальную подписку, что впередъ это повторяться не будетъ. Подобная же подписка взята была и отъ сына его, Сигизмунда II Августа.

Правда, иногда, повидимому, уравнивались права католиковъ и православныхъ въ Литовскомъ государствѣ (есть даже оставшіеся документы объ этомъ), но это дѣлалось только для отвода глазъ грозному сосѣду, князю московскому, котораго поляки боялись больше всѣхъ татарскихъ полчищъ и подъ покровительствомъ котораго нерѣдко русскіе вельможи Литовскаго государства прибѣгали [1]). Послѣдній такого рода декретъ (уравнивавшій, повидимому, православныхъ съ католиками) изданъ былъ Сигизмундомъ-Августомъ предъ самою Люблинскою уніею. Но декретъ этотъ, кромѣ вышеозначенной цѣли, имѣлъ еще, впрочемъ, другую цѣль: отнять у русскихъ предлогъ къ протесту, когда начнется сеймъ объ окончательномъ соединеніи Литвы съ Польшею.

Дѣйствуя, такимъ образомъ, противъ православно-русской аристократіи (да и вообще всего русскаго народа), польское правительство достигло желанной цѣли, именно: предъ самою Люблинскою уніею православные вельможи въ Литвѣ настолько были унижены и обезсилены, что сдѣлались неспособными ни къ какимъ активнымъ дѣйствіямъ

---

[1]) Въ стремленіи русскихъ найти себѣ опору въ московскомъ князѣ противъ притѣсненій католическаго правительства литовско-римское духовенство и польскіе паны нашли новый способъ къ разъединенію православныхъ и литовско-католическихъ вельможъ. Они каждый разъ говорили послѣднимъ, что русско-православное населеніе, стремясь подъ покровительство московскаго князя, этимъ желаетъ подчинить ему и всю Литву; причемъ, какъ на невыгодную сторону сего дѣла, католическое духовенство и магнаты указывали литовцамъ на деспотизмъ русскаго царя въ Москвѣ въ сравненіи съ тѣми вольностями, какими тутъ пользуются. Само собою разумѣется, эти указанія и слова не остались безъ вліянія: литовцы послѣ того, какъ русскіе начали стремиться къ Москвѣ, все тѣснѣе и тѣснѣе стали сближаться съ поляками и охладѣвать къ русскимъ, а потомъ и совсѣмъ ихъ возненавидѣть.

и затѣмъ между литовско-католическими вельможами и православно-русскими существовалъ такой антагонизмъ, что онъ исключалъ всякую солидарность между ними по этому важному вопросу, т. е. отстаиванію независимости Литовскаго государства отъ польскихъ притязаній.

Итакъ, подводя къ общему итогу все вышесказанное нами о работѣ польскаго правительства для уничтоженій несходствъ во внутреннемъ устройствѣ Литовскаго государства съ Польскимъ, чтобы окончательно соединить первое съ послѣднимъ, мы видимъ, что поляки предъ самою Люблинскою уніею достигли слѣдующихъ результатовъ въ этой работѣ:

I) Монархическая власть, прежде бывшая въ Литовскомъ государствѣ неограниченною, теперь представлялась рѣшительно не имѣющею въ немъ никакого значенія или, по крайней мѣрѣ, весьма малое, т. е. она сдѣлалась такою же, какою уже съ XIV ст. была въ Польшѣ.

II) Литовское дворянство, состоявшее до 1386 г. изъ множества неравноправныхъ ленниковъ, предъ Люблинскою уніею представляло изъ себя сословіе равноправное, въ рукахъ котораго заключалась вся сила государственной жизни, а потому и самое Литовское государство изъ прежде бывшей монархіи обратилось въ аристократическую республику, т. е. изъ Литовскаго государства сдѣлалось то, что изъ Польскаго сдѣлалось уже лѣтъ триста тому назадъ, если не болѣе.

III) Крестьянское сословіе Литовскаго государства, дѣлившееся во время Ягайлы на нѣсколько группъ по своимъ правамъ на участки земли и при этомъ пользовавшіеся широкою свободою (за исключеніемъ, какъ говорено было, невольной челяди), во время же Сигизмунда-Августа, автора, такъ сказать, Люблинской уніи, явилось соединеннымъ въ одну группу подъ именемъ холоповъ, лишенныхъ всѣхъ правъ и сдѣлавшихся для литовской только что вновь явившейся „шляхты" „быдломъ" (или около того), т. е. рабочимъ скотомъ.

Но кромѣ вышеозначенныхъ сходствъ, достигнутыхъ польскими панами, во внутреннемъ устройствѣ Литовскаго государства съ Польшею было еще много и другихъ сходствъ:

I) Политическое дѣленіе Литовскаго государства ко времени царствованія Сигизмунда-Августа было совершенно такое же, какое и въ Польшѣ. Литовское государство къ этому времени дѣлилось на воеводства, староства, повѣты, державства, ключи и тіунства. Всѣхъ воеводствъ въ Литовскомъ государствѣ было 14-ть: Виленское, Трокское, княжество Жмудское, воеводство Новогрудское, Минское, Полоцкое, Витебское, Мстиславское, Смоленское, Кіевское, Подольское, Брацлавское (состоявшее изъ южной части нынѣшней Волынской губерніи и сѣверной—Подольской), Брестское и Волынское (состоявшее изъ сѣверо-западной части Волынской губерніи). Каждое воеводство управлялось,

подобно Польшѣ, воеводами, а остальныя части управлялись: старостами, державцами, ключниками и тіунами [1]).

II) Со временъ Ягайлы многіе литовскіе города, подобно польскимъ, стали усвоять себѣ магдебургское право (оно давалось польскими королями), по которому управленіе городомъ предоставлялось самимъ гражданамъ и сосредоточивалось въ ратушѣ, гдѣ засѣдали бургомистръ и лавники (мѣщане).

III) Съ 1413 г., т. е. съ Городельскаго съѣзда, въ Литовскомъ государствѣ, на подобіе Польши, установленъ былъ въ Вильнѣ, какъ уже мы разъ замѣтили, центральный сеймъ, въ которомъ принимали участіе высшіе литовскіе магнаты, а по городамъ собирались областные сеймы.

IV) Подобно Польшѣ, и Литовское государство имѣло у себя много должностей и названій чиновъ по образцу польскому, таковы: гетманъ, или предводитель войска, воевода—правитель области (воеводства), каштелянъ—комендантъ крѣпости, староста—управитель королевскихъ (княжескихъ) имѣній, маршалъ—предсѣдатель сейма и предсѣдатель такъ называемаго „маршалкскаго суда" и т. п. [2]).

V) Суды и производство ихъ, какіе существовали въ Литовскомъ государствѣ предъ Люблинскою уніею, по большей части, были взяты по образцу судовъ, существовавшихъ въ Польшѣ, таковы:

I) Магдебургскій судъ, или войтовско-лавничій. Личный составъ этого суда: войтъ предсѣдатель и 12 лавниковъ (лавники—своего рода были присяжные засѣдатели). Судомъ этимъ въ городахъ судились мѣщане, а потому судъ этотъ можно назвать еще и мѣщанскимъ. Если войтъ избираемъ былъ мѣщанами, то былъ мѣщанинъ, а если онъ наз-

---

[1]) Что касается служебныхъ должностей вышеозначенныхъ правителей, то они рознились между собою главнымъ образомъ размѣрами территоріи, находящейся подъ ихъ властію. Права же ихъ въ этихъ округахъ были одинаковы: они имѣли право судить въ своемъ округѣ всѣхъ свободныхъ людей. Сами же они по своимъ проступкамъ подлежали суду княжеской рады. Отрѣшить ихъ отъ должностей возможно было только по суду.

Доходы этихъ правителей были значительны; они получали ихъ: съ тяжущихъ, съ зернового хлѣба (3-я часть имъ принадлежала), съ пойманной рыбы (10-я часть), съ перекупщиковъ, съ мельницъ, за проѣздъ по исправленныхъ дорогамъ и съ многихъ другихъ.

[2]) Если когда король пріѣзжалъ въ Литву, то тутъ онъ обыкновенно открывалъ и такъ называемый „маршалкскій судъ". Въ составъ его входили: четыре сенатора, четыре высшихъ сановника и великій маршалъ—предсѣдатель (изъ литовцевъ). Суду сему подлежали дѣла: а) уголовныя, б) таксы съѣстныхъ припасовъ и товаровъ, за исключеніемъ продуктовъ, принадлежащихъ шляхтѣ, в) дѣла о долгахъ, превышающихъ 500 золотыхъ. Впослѣдствіи суду этому подлежали: долги иностранцевъ, чистота улицъ и опасность города отъ пожаровъ. Опредѣленія этого суда апелляціи не подлежали.

начаемъ былъ королемъ, то былъ шляхтичъ. Въ первомъ случаѣ (если предсѣдатель суда, войтъ, былъ изъ мѣщанъ) апелляція на этотъ судъ поступала въ магистратъ, а во второмъ случаѣ (если предсѣдатель суда, войтъ, былъ изъ шляхты) апелляція поступала въ задворный асессорскій судъ. Магдебургскому суду подсудны были какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла. Онъ имѣлъ право виновныхъ казнить даже смертію; право это отнято было только въ 1770 году.

II) Магистратъ. Это былъ высшій мѣщанскій судъ. Онъ состоялъ изъ двухъ бургомистровъ и одиннадцати ратмановъ, подъ предсѣдательствомъ правительственнаго лица, такъ называемаго бургабія. Апелляція на этотъ судъ поступала только къ королю.

III) Земскіе суды. Они установлены были въ Литовскомъ государствѣ въ 1534 году. Суды эти состояли въ томъ, что воеводы, старосты и другія правительственныя лица областей или королевскихъ имѣній въ своихъ повѣтахъ выбирали двухъ земянъ (вольныхъ земледѣльцевъ, дворянъ), приводили ихъ къ присягѣ и давали имъ право разбирать гражданскія дѣла; разборъ дѣла они всегда совершали въ присутствіи урядника, т. е. лица, назначеннаго самимъ правительствомъ изъ дворянъ. Съ 1566 г. составъ этого суда измѣнился. По первой статьѣ IV разряда литовскаго статута изданія 1566 г. литовскимъ дворянамъ предоставлено было право въ своихъ повѣтахъ выбирать по четыре кандидата въ судьи, подсудка и писаря, всего 12 человѣкъ, изъ которыхъ король назначалъ по своему личному выбору по одному лицу въ вышеозначенныя должности. Эти три лица и составляли земскій судъ. Онъ засѣдалъ три раза въ годъ по шести недѣль.

IV) Городскіе суды. Они утверждены были вмѣстѣ съ земскими судами, т. е. въ 1566 г. Суды эти существовали въ повѣтахъ, или округахъ, и воеводствахъ и были производимы, такъ называемыми, старостами (высшими сановниками въ администраціи повѣта), подстаростами, воеводами и подвоеводами. При каждомъ изъ нихъ было по три судьи съ писаремъ, избираемыхъ всегда воеводою. Въ этихъ судахъ разбирались только одни уголовныя дѣла. Суды эти обыкновенно начинались или въ январѣ мѣсяцѣ, или въ февралѣ и продолжались не менѣе трехъ мѣсяцевъ. Кромѣ вышеозначенныхъ судовъ, въ Литовскомъ государствѣ были и другіе суды, на подобіе польскихъ судовъ.

Такимъ образомъ, изъ всего вышесказаннаго о подготовительной работѣ польскаго правительства касательно соединенія Литвы съ Польшею видно, что Литовское государство во второй половинѣ XVI стол. по своему внутреннему устройству вполнѣ было похоже на Польское государство, а это послѣднее и дало возможность полякамъ, хотя и съ большимъ трудомъ, привести въ исполненіе давно задуманную политическую унію.

Люблинскій сеймъ. Ближайшая причина, заставившая поляковъ побудить своего короля Сигизмунда-Августа II къ окончательному соединенію Литовскаго государства съ Польскимъ, была та, что король не обѣщалъ оставить по себѣ потомства.

Сигизмундъ-Августъ, какъ говорено было уже выше, три раза былъ женатъ, но ни отъ одной жены дѣтей не имѣлъ. Со смертію его династія Ягеллоновъ прекращалась, а съ нею, конечно, и связь Литовскаго государства съ Польскимъ, такъ какъ собственно связующимъ звеномъ обоихъ государствъ и была только одна династія Ягеллоновъ. Вотъ что собственно и было ближайшею причиною стремленія поляковъ къ окончательному соединенію Литовскаго государства съ Польскимъ.

Сигизмундъ - Августъ, вслѣдствіе дурного воспитанія, а также бурно и невоздержно проведенной молодости, къ шестидесятымъ годамъ XVI стол., когда ему еще не было и сорока пяти лѣтъ отъ роду, представлялся уже настолько слабымъ и хилымъ, что польскіе вельможи, боясь скорой смерти его, стали спѣшить о приведеніи въ исполненіе своей задуманной мысли касательно политической уніи Литвы съ Польшею, и притомъ такой, которая бы отличалась большею прочностію, чѣмъ бывшая до сего времени. Въ 1563 г. въ городѣ Варшавѣ для этой цѣли въ первый разъ созванъ былъ королемъ сеймъ. На этомъ сеймѣ были тоже и литовскіе послы, хотя и не въ большомъ количествѣ. На немъ поляки составили такъ называемую декларацію о соединеніи Литвы съ Польшею, которую и преподнесли литовскимъ представителямъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ приложили къ ней свою печать и подписались бы; но литовскіе представители нашли эту декларацію неудобною для себя, а потому не согласились на нее, протестовали и затѣмъ уѣхали. Въ слѣдующемъ году составился новый сеймъ, засѣданія котораго происходили сначала въ Бѣльскѣ, а потомъ въ Парчевѣ. Но и этотъ сеймъ кончился ничѣмъ. На этомъ сеймѣ польскіе вельможи, впрочемъ, добились отъ своего короля одной весьма важной уступки, именно: Августъ отказался въ пользу поляковъ отъ наслѣдственныхъ правъ на Литовское государство. Въ силу этой уступки поляки, въ случаѣ смерти короля, имѣли даже законное право присоединить Литовское государство къ Польшѣ, если бы это присоединеніе не состоялось при Августѣ. Затѣмъ въ 1565 г. въ г. Брестѣ и въ слѣдующемъ, т. е. 1566 г., въ г. Люблинѣ составлялись сеймы, опять съ тою же цѣлію, съ какою созываемы были сеймы въ Варшавѣ, Бѣльскѣ и Парчевѣ. На этихъ двухъ сеймахъ Сигизмундъ - Августъ, по совѣту поляковъ, раздалъ литовскимъ депутатамъ много разнаго рода подарковъ и наградилъ ихъ привилегіями, съ цѣлію заставить ихъ подписаться подъ Варшавскую декларацію, составленную въ 1563 г. Но и это не помогло: литовскіе депутаты не согласились подписаться подъ декларацію.

На всѣхъ вышеозначенныхъ сеймахъ главнымъ противникомъ соединенія Литвы съ Польшею былъ литовскій канцлеръ Николай Радзивиллъ Черный, двоюродный братъ Варвары, второй жены Сигизмунда-Августа (нѣкоторое время онъ былъ и виленскимъ воеводою). Но въ 1566 г. онъ умеръ и литовцы, лишившись въ покойномъ канцлерѣ самаго горячаго защитника самостоятельности Литовскаго государства, смутились и упали духомъ, а поляки между тѣмъ начали дѣйствовать смѣлѣе и энергичнѣе.

23-го декабря 1568 г. Сигизмундъ-Августъ снова созвалъ сеймъ въ г. Люблинѣ, для окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею. Но такъ какъ въ это время наступали святки, то сеймовыхъ членовъ собралось на съѣздъ очень немного, а потому король открытіе сейма отложилъ до окончанія праздниковъ, въ надеждѣ, что къ этому времени соберутся всѣ депутаты. Въ 1569 г. 10 января сеймъ былъ открытъ въ присутствіи всѣхъ съѣхавшихся депутатовъ, какъ польскихъ, такъ и литовско-русскихъ. Самыми выдающимися представителями на Люблинскомъ сеймѣ отъ Литовскаго государства были: воевода виленскій Николай Радзивиллъ Рыжій, родной братъ Варвары, покойной жены Августа; староста жмудскій Котковичъ; воевода кіевскій, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій (русскій и православный); воевода волынскій, князь Адамъ Чарторыйскій (тоже русскій и православный) и, наконецъ, воевода брацлавскій, князь Романъ Сангушко (русскій и православный).

Съ первыхъ же дней сеймовыхъ засѣданій между поляками и литовцами возникли ожесточенные споры по поводу понятія о политической уніи обоихъ государствъ или, лучше сказать, по поводу той формы, въ какую должно облечься предполагаемое соединеніе Польши съ Литвою. Поляки требовали, чтобы политическая унія Литовскаго государства съ Польскимъ составлена была на основаніи прежнихъ актовъ: городельскаго трактата, привилегіи Александра и недавно составленной варшавской деклараціи, т. е. поляки хотѣли: во-1-хъ, чтобы Польша и Литва составляли одно государство подъ названіемъ „Рѣчь Посполитая“ (республика), а поляки съ литовцами составляли бы одинъ народъ; во-2-хъ, чтобы одинъ былъ общій сеймъ съ одинаковымъ числомъ представителей обѣихъ народностей, которые рѣшали бы дѣла государственныя и выбирали бы для себя общаго короля; въ-3-хъ, чтобы въ Литовскомъ государствѣ не было никакихъ отдѣльныхъ должностей и чтобы на всѣ должности одинаково выбирались какъ поляки, такъ и литовцы; въ-4-хъ, наконецъ, чтобы какъ поляки имѣли полное право покупать земли и селиться въ Литовскомъ государствѣ, такъ и литовцы—въ Польскомъ. Но литовскіе депутаты и слышать не хотѣли о соединеніи съ Польшею на вышеозначенныхъ условіяхъ. Они заявили полякамъ,

что прежнія записи въ настоящее время не имѣютъ значенія [1]). „Если эти записи, говорили литовцы, и подписаны были нашими предками, то все-таки на нихъ ссылаться нѣтъ смысла, потому что прежнія записи уничтожены были другими нашими предками“ [2]). Отказу своему соединиться съ Польшею на основаніи древнихъ записей, литовцы привели еще слѣдующее весьма основательное доказательство: „Если мы, сказали литовскіе депутаты, уступимъ вашимъ требованіямъ и соединимся съ вами, какъ того вы желаете, то скоро и мы, и весь народъ нашъ будемъ затерты и подавлены множествомъ мудрыхъ и достойныхъ людей народа королевскаго, а между тѣмъ не забывайте, что наши предки и мы грудью и кровью добыли отечество и сражались за его свободу; за такія услуги наши и нашихъ предковъ мы, уроженцы и дѣйствительно исконные обыватели этого государства, желаемъ со-

---

[1]) Литовскіе депутаты древнія записи—городельскій актъ, привилегію Александра и другіе—называли въ насмѣшку „куделями“, которыя, какъ старый хламъ, давно пора сжечь.

[2]) Самымъ сильнымъ защитникомъ самостоятельности Литовскаго государства, а слѣдовательно и противникомъ уніи обоихъ государствъ по представленному поляками проекту на Люблинскомъ съѣздѣ, явился жмудскій депутатъ Котковичъ. Посредствомъ неопровержимыхъ историческихъ фактовъ и строго-логическихъ выводовъ изъ нихъ онъ ясно доказалъ польскимъ депутатамъ, что поляки на основаніи прежнихъ записей никакого права не имѣютъ хлопотать о соединеніи Литвы съ Польшею согласно съ содержаніемъ ихъ. Закончилъ свою рѣчь Котковичъ слѣдующими словами: „подобно тому, какъ наши предки никогда не соглашались стать вашими рабами и соединиться съ вами согласно содержанію прежнихъ записей, такъ и мы не соглашаемся на это и не желаемъ этого, а если нѣкоторые изъ нашихъ предковъ и согласились подписать нѣсколько изъ прежнихъ записей, то были потомъ отмѣнены другими нашими предками. Мы до сего времени были свободны и даже свободно выбирали себѣ государей и останемся таковыми до конца“. Слова жмудскаго депутата были одобрены всѣми литовско-русскими депутатами на сеймѣ, за исключеніемъ духовныхъ лицъ, всегда тянувшихъ къ Польшѣ. Нѣкоторые изъ литовскихъ депутатовъ заявили польскимъ депутатамъ и самому королю, что передача симъ послѣднимъ своего наслѣдственнаго права на Литву Польшѣ несправедлива и незаконна, потому что Ягеллоновичи уже давно потеряли это право. Въ отдачѣ же сего права Сигизмундомъ-Августомъ полякамъ литовцы видѣли одно только глубокое національное оскорбленіе. Сигизмундъ-Августъ дѣйствительно сдѣлалъ то, чего не только не сдѣлалъ ни одинъ его предокъ, но даже наоборотъ—всѣ они сильно противились сему.

Примѣчаніе. Литовскіе депутаты справедливо говорили, что потомки Ягайлы, а слѣдовательно и Августъ, не имѣли права на наслѣдство Литовскаго государства. Мы уже видѣли, что самъ Ягайло на Городельскомъ съѣздѣ предоставилъ литовцамъ право выбирать себѣ князя кого хотятъ, слѣдовательно уже самъ родоначальникъ Ягеллоновой династіи отказался отъ права на наслѣдство Литовскаго государства.

хранить свою самобытность и отъ своихъ государей въ правѣ ожидать выгодъ отъ этой уніи, если она состоится [1]).

Чтобы заставить литовцевъ соединиться съ поляками, согласно желанію сихъ послѣднихъ, Сигизмундъ-Августъ нѣсколько разъ призывалъ къ себѣ въ замокъ, гдѣ онъ проживалъ во время сейма, литовскихъ депутатовъ и уговаривалъ ихъ не упорствовать. Но ничто не помогло. Наконецъ, дѣло дошло до развязки: наступилъ воскресный день первой недѣли Великаго поста, это было 27 февраля, литовскіе депутаты уложили въ сундуки и чемоданы свои вещи и на слѣдующій день рано утромъ уѣхали изъ Люблина; своимъ бѣгствомъ они ясно показали, что не желаютъ соединенія съ Польшею.

Поляки сильно были поражены бѣгствомъ пословъ литовскихъ и на первыхъ порахъ ихъ отъѣзда растерялись и не знали, что дѣлать; потомъ одумались и приступили къ своему королю съ требованіемъ, чтобы тотъ употребилъ свою власть надъ литовцами и принудилъ бы литовскихъ депутатовъ силою принять унію, а въ случаѣ нужды прибѣгнулъ бы къ оружію: „къ этой уніи мы не видимъ иного пути, какъ употребленіе верховной власти вашего королевскаго величества, милостиваго государя“! сказали въ заключеніе польскіе послы. Послѣ отъ-

---

[1]) Правда, литовцы соглашались на политическую унію съ поляками, но не на такую, какой желали въ Польшѣ. Литовцы желали такой уніи, какая основывалась бы на добрыхъ чувствахъ, братской любви и сознаніи въ необходимости ея для совокупнаго дѣйствія противъ непріятелей, но безъ всякаго нарушенія самобытности Литовскаго государства, т. е. литовцы хотѣли нравственной уніи, или, по крайней мѣрѣ, основанной на федеративномъ союзѣ, причемъ требовали, чтобы внутреннее устройство обоихъ государствъ оставалось бы различнымъ и связь между Литовскимъ государствомъ съ Польшею состояла бы только въ лицѣ общаго правителя, или въ одномъ общемъ сеймѣ, созываемымъ для какихъ-нибудь очень важныхъ дѣлъ, касающихся интересовъ обоихъ государствъ.

Примѣчаніе. По словамъ нѣкоторыхъ писателей, литовскіе депутаты соглашались на политическую унію съ Польшею на слѣдующихъ условіяхъ:

I) Избраніе государя должно быть свободно какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ. Короля, свободно избраннаго въ Польшѣ, литовцы свободно избираютъ въ Литвѣ княземъ и послѣ коронованія его королевскимъ вѣнцомъ въ Польшѣ коронуютъ его княжескимъ вѣнцомъ въ Литвѣ.

II) Сеймы, кромѣ чрезвычайныхъ, касающихся интересовъ обоихъ государствъ, должны быть отдѣльные.

III) Съ Литовскимъ государствомъ нераздѣльно должны быть соединены малороссійскія области и все Литовское государство должно быть во всѣхъ границахъ своихъ строго отдѣлено отъ короны и поляки должны дать клятву о ненарушимости границъ сего государства.

Такого рода унія, очевидно, требовала совершенной независимости Литвы отъ Польши. Она должна быть даже слабѣе уніи прежнихъ временъ потому собственно, что не скрѣплялась даже единствомъ династіи.

ѣзда литовскихъ пословъ и притомъ отъѣзда тайнаго, Сигизмундъ-Августъ и самъ дѣйствительно призналъ необходимымъ употребить силу противъ бѣглецовъ. Онъ проникся сознаніемъ, что политическая унія весьма нужна и полезна для обоихъ государствъ и потому всецѣло сталъ на сторону поляковъ. „Я вижу, что самъ Богъ научаетъ меня, говорилъ Августъ польскимъ сенаторамъ, вести дѣло къ тому, чтобы при мнѣ состоялась унія для блага обоихъ народовъ и я ничего не пожалѣю для того, чтобы довести дѣло уніи до конца, ибо того самаго желаетъ самъ Богъ"! Очевидно, больной и дряблый король воображалъ, что, навязывая унію Литвѣ, совершаетъ угодное Богу дѣло. Польскіе вельможи, съ своей стороны, старались увѣрить Августа въ этомъ и сулили ему за сіе на землѣ вѣчную и незабвенную память изъ рода въ родъ, до конца міра, а въ загробной жизни безконечное блаженство! „Ваше величество, милостивый король, если вы соедините Литву съ Польшею, то слава о васъ пройдетъ по всему міру и память о великомъ дѣлѣ вашемъ будетъ жить до тѣхъ поръ, пока будетъ хоть одинъ христіанинъ на землѣ", сказалъ одинъ изъ польскихъ депутатовъ. Подъ вліяніемъ такого рода словъ и, въ самомъ дѣлѣ, воображая, что совершаетъ великое дѣло, Сигизмундъ-Августъ дѣйствительно, послѣ отъѣзда литовскихъ пословъ, началъ энергично дѣйствовать въ пользу поляковъ. Прежде всего онъ издалъ универсалъ о присоединеніи къ Польшѣ литовскихъ областей: Подлѣсья, Волыни, а потомъ и Кіева. Послѣднюю область поляки сами потребовали у короля присоединить къ коронѣ, чтобы „обрѣзать крылья Литвѣ", какъ говорили поляки. Послѣ этого Сигизмундъ-Августъ потребовалъ на сеймъ всѣхъ знатныхъ лицъ и государственныхъ чиновниковъ изъ этихъ трехъ вновь присоединенныхъ областей къ Польшѣ. И когда тѣ пріѣхали, то король приказалъ всѣмъ имъ немедленно присягнуть на унію Польшѣ, въ противномъ случаѣ угрожалъ лишеніемъ должностей и имѣній. Въ это же время порѣшено было, что въ случаѣ вооруженнаго сопротивленія литовцевъ, или даже простого упорства ихъ принять унію, привлечь татаръ на свою сторону и вмѣстѣ „съ посполитымъ рушеньемъ" двинуться на Литву. Но до этого дѣло не дошло. Правда, уѣхавшіе послы узнавши, что Сигизмундъ-Августъ уступилъ собственною властію Польшѣ Подлѣсье, Волынь и Кіевъ, стали было собирать войско противъ короля и поляковъ, но потомъ тоже одумались и порѣшили лучше послать пословъ съ протестомъ. Но на протестъ, само собою разумѣется, не обратили никакого вниманія, мало того, прибывшихъ пословъ арестовали и силою заставили присягнуть уніи.

Люблинскій сеймъ продолжался пять мѣсяцевъ и двадцать дней. Къ концу сеймовыхъ засѣданій въ Люблинъ прибыли и тѣ всѣ депутаты Литвы, которые бѣжали 28-го февраля. Изъ всѣхъ засѣданій этого сейма самое замѣчательное было засѣданіе 28-го іюня 1569 г.

Въ этотъ день сеймовые члены собрались на засѣданіе въ началѣ десятаго часа, а въ десять ровно прибылъ король. Отъ лица литовцевъ выступилъ съ рѣчью жмудскій староста Ходкевичъ. Въ сильной и трогательной рѣчи онъ объяснилъ, какъ тяжело и больно согласиться литовцамъ на политическую унію въ той формѣ, въ какой желаютъ ее видѣть польскіе паны; затѣмъ просилъ короля и польскихъ пановъ уступить литовцамъ хоть что-нибудь, хоть сохранить особую государственную печать на память о Литовскомъ государствѣ. „Ваше королевское величество и сеймовые члены польской короны! умоляемъ васъ Богомъ: не унижайте насъ, не дѣлайте насъ своими рабами, будьте къ намъ милостивы и не заставляйте насъ вѣчно плакать; мы теперь доведены до того, что на колѣняхъ просимъ васъ объ этомъ“! при сихъ словахъ дѣйствительно всѣ литовско-русскіе депутаты съ плачемъ упали на колѣни, а Ходкевичъ между тѣмъ продолжалъ: „именемъ Бога заклинаемъ всѣхъ васъ устроить такъ, чтобы мы могли сохранить нашу добрую совѣсть, нашу честь и чтобы всѣмъ намъ было отъ этого радостно“.

Это сеймовое засѣданіе кончилось поздно вечеромъ: унія была признана и притомъ въ той формѣ, въ какой желали ее видѣть поляки.

29-го іюня, въ день праздника свв. апостоловъ Петра и Павла, въ люблинскихъ костелахъ пѣли: «Тебе, Бога, хвалимъ“.... и проповѣдники призывали съ своихъ каѳедръ народъ благодарить Бога за окончаніе счастливаго событія.

1-го іюля 1569 г. всѣ члены сейма (и поляки, и литовцы съ русскими) собрались въ залы сеймоваго дома. Въ исходѣ 12-го часа дня Сигизмундъ-Августъ, блѣдный и изнуренный послѣдними бурными засѣданіями, сопровождаемый своею свитою и гнѣзненскимъ архіепископомъ, вошелъ въ одну изъ сеймовыхъ залъ, гдѣ уже для него было приготовлено особое сѣдалище, а противъ него столъ, на которомъ разложены были протоколы, необходимые для подписи, и стоялъ крестъ съ золотымъ изображеніемъ распятаго Господа. Когда вошелъ король и занялъ свое мѣсто, то воцарилась глубокая тишина. Затѣмъ началось чтеніе протоколовъ и подпись ихъ, а послѣ присяга въ вѣрности этой уніи. Изъ литовско-русскихъ депутатовъ первые присягнули: Константинъ Константиновичъ Острожскій, воевода кіевскій, князь Александръ Чарторыйскій, воевода волынскій, и Романъ Сангушко, воевода брацлавскій и винницкій. Послѣдній, цѣлуя золотой крестъ, поднесенный архіепископомъ гнѣзненскимъ, сталъ на колѣни и просилъ короля, чтобы тотъ положилъ свою руку на его голову въ знакъ того, что съ него, Сангушки, снимается клятва, данная имъ Августу, какъ литовскому государю. Король исполнилъ желаніе Сангушки: онъ положилъ свою руку на его голову и при этомъ заявилъ, что прежнюю клятву беретъ на свою совѣсть и совѣсть польскихъ сенаторовъ. Вслѣдъ

за вышеозначенными тремя депутатами выступилъ жмудскій депутатъ Котковичъ съ остальными литовскими депутатами. Котковичъ, не принося еще присяги, подошелъ къ королю и, упавши передъ нимъ на колѣни, со слезами на глазахъ сказалъ: „Государь! мы уступаемъ, но уступаемъ не декрету какому-нибудь, а единственному вашему соизволенію, какъ исполнителю законовъ; но, прибавилъ Котковичъ, больно вспомнить намъ о томъ, что если наши внуки и правнуки взглянутъ на это дѣло не съ любовію, а съ жалостію и обвинятъ насъ въ томъ, что мы допустили сіе порабощеніе“! Нѣкоторые говорятъ, что Августъ на слова Котковича отвѣтилъ съ ироніею: „неприлично сенатору стоять предо мною на колѣняхъ, это слѣдуетъ только дѣлать предъ крестомъ“. Послѣ этого жмудскій депутатъ всталъ и вмѣстѣ съ другими присягнулъ и подписалъ протоколы.

Такимъ образомъ совершилась Люблинская унія. Совершилась она такъ, какъ того желали польскіе паны. Литовскіе депутаты успѣли только выговорить себѣ сохраненіе титуловъ и всѣхъ почетныхъ и служебныхъ должностей, а также употребленіе русскаго языка въ дѣлахъ оффиціальныхъ. Съ этихъ поръ Литва и Польша, какъ государства соединенныя въ одно, стали называться однимъ общимъ именемъ „Рѣчь Посполитая“.

Но, говоря о Люблинской уніи, въ заключеніе мы должны прибавить, что литовско-русскіе магнаты при отстаиваніи независимости своего государства мало обнаружили энергіи, тактичности и солидарности въ своихъ дѣйствіяхъ; а главное: въ этомъ дѣлѣ они не были поддержаны мелкимъ дворянствомъ; мало того: литовско-русское мелкое дворянство не только не поддержало своихъ старшихъ братьевъ, когда тѣ выступили съ протестомъ противъ уніи, но, ополяченное панами, стало къ нимъ во враждебное отношеніе по сему вопросу, а это последнее и было главною причиною, что протестующіе, спустя немного времени, одинъ за другимъ стали соглашаться на политическую унію; дѣйствовать же одними собственными силами безъ мелкаго дворянства литовско-русскіе магнаты не въ состояніи были: во-1-хъ, потому, что у нихъ не было военной силы, такъ какъ военная сила заключалась въ лицѣ мелкаго дворянства, и во-2-хъ, потому, что между литовско-русскими магнатами къ этому времени такая была рознь и такой развитъ антагонизмъ, что о совокупномъ ихъ дѣйствіи не могло быть и рѣчи.

Прощаясь съ сеймовыми членами, Сигизмундъ-Августъ сказалъ имъ рѣчь, въ которой благодарилъ членовъ сейма за согласіе на унію и выставилъ на видъ, что это дѣло Божіе, а вовсе не его личное. При этомъ онъ высказалъ сожалѣніе, что въ соединенномъ государствѣ возникло много разныхъ исповѣданій христіанской вѣры и что онъ будетъ стараться уничтожить эти различія, но безъ строгихъ мѣръ и

насилія совѣсти. Въ заключеніе король прибавилъ: „не увлекайтесь, какъ я не увлекался, обширностію этихъ двухъ государствъ и не гордитесь этимъ, но старайтесь о томъ, чтобы въ нихъ не было, какъ прежде, плача и стона и чтобы въ нихъ процвѣтала справедливость, въ противномъ случаѣ Богъ не только не увеличитъ государства, а напротивъ, низвергнетъ его“. Но, какъ увидимъ ниже, опасенія его сбылись: справедливость скоро исчезла, стоны и плачъ съ большею силою чемъ прежде наполнили Рѣчь Посполитую; вмѣсто славы и величія, какъ сулили поляки литовцамъ, когда приглашали ихъ къ уніи, начались страшныя смуты внутри соединеннаго государства и истребленіе другъ друга въ кровавыхъ сѣчахъ. Поэтому неудивительно, что одинъ изъ пограничныхъ гетмановъ Польши, послѣ одной внутренней рѣзни, взглянувши на поле, устланное трупами и русскихъ, и польскихъ тѣлъ, воскликнулъ, обливаясь слезами: „вотъ тебѣ и братская унія, которой мы такъ сильно добивались: и полякъ, и русскій лежатъ вмѣстѣ, зарѣзавши другъ друга“!

Но что же въ самомъ дѣлѣ Люблинская унія дала хорошаго литовско-русской народности? Въ настоящее время почти всѣ польскіе писатели представляютъ Люблинскую унію великимъ и благодѣтельнымъ актомъ для народностей, входившихъ въ составъ Литовскаго государства (такъ, напримѣръ, думаютъ: Татоміръ, Бобржинскій и Шайнохъ). По ихъ словамъ, тутъ соединились свободные съ свободными, равные съ равными; они говорятъ, что Люблинская унія распространила въ Литовскомъ государствѣ шляхетскую вольность и развила въ его народностяхъ (русской и литовской) экономическое благосостояніе и влила въ нихъ цвѣтъ цивилизаціи и т. п. Но едва ли можно съ этимъ согласиться: стоитъ только прочитать дальнѣйшую исторію Рѣчи Посполитой послѣ Люблинской уніи даже по польскимъ источникамъ и убѣдиться въ противномъ. Сотни тысячъ документовъ существуютъ, изъ которыхъ ясно видно, что эта унія принесла пользу въ Литовскомъ государствѣ только тѣмъ лицамъ литовско-русской народности и притомъ принадлежащихъ къ высшему дворянству, которыя приняли католичество и отреклись отъ своей національности. Что же касается остальнаго народонаселенія и тѣмъ болѣе еще того, который остался вѣренъ своей религіи и своей національности, какъ большая часть русскаго православнаго, то и говорить нечего: положеніе его было самое ужасное во всѣхъ отношеніяхъ, доказательства чему мы увидимъ ниже.

Но въ то самое время, какъ, повидимому, дѣло соединенія Литвы съ Польшею было окончено счастливо и русскія области съ православнымъ населеніемъ непосредственно были соединены съ Польшею, въ областяхъ Рѣчи Посполитой началось то движеніе, которое въ лицѣ іезуитовъ вызвало католическую реакцію, а эта послѣдняя, доведенная

іезуитами до крайности, была причиною отторженія отъ Польско-Литовскаго государства русскихъ областей, а впослѣдствіи одною изъ главныхъ причинъ и самой гибели Рѣчи Посполитой. Движеніе это—распространеніе реформаціонныхъ ученій: Лютера, Кальвина, Соціана и Гусса.

Распространеніе реформаціонныхъ ученій въ Литовскомъ государствѣ: ученія Лютера, Кальвина, Соціана и Гусса. Въ первой четверти XVI ст. въ одномъ изъ германскихъ городовъ, именно Виттенбергѣ, появилось новое религіозное ученіе; ученіе это называется теперь „лютеранствомъ", по имени своего основателя Лютера, а также „протестантствомъ"; послѣднее названіе дано ему по поводу одного протеста, предъявленнаго послѣдователями Лютера въ г. Шпейерѣ въ 1529 г. на сеймѣ противъ католиковъ. Изъ Виттенберга это новое ученіе скоро могучимъ потокомъ разлилось по всей западной Европѣ и, отторгнувши цѣлые милліоны послѣдователей отъ католической церкви, проникло въ Рѣчь Посполитую. Сначала это ученіе принесено было въ собственную Польшу, а потомъ въ Литву.

Въ Литву протестантизмъ проникъ очень рано. Первый принесъ его сюда въ 1521 г. итальянецъ Францискъ Лисманини, придворный проповѣдникъ Сигизмунда I и любимецъ жены его Боны.

Послѣ Лисманини распространителями протестантства въ Литвѣ были еще слѣдующихъ два лица: Аврамъ Кульва и ксендзъ Виклефъ [1]). Кульва распространялъ ученіе Лютера въ Литвѣ въ 1534 г., а Виклефъ—въ 1550 г. При Виклефѣ въ Вильнѣ, на такъ называемой „Нѣмецкой улицѣ" построена была и лютеранская церковь.

Кальвинизмъ сталъ распространяться въ Литвѣ немного позже протестантизма. Онъ перешелъ сюда тоже изъ Польши. Въ Вильнѣ онъ нашелъ себѣ могущественнаго покровителя въ лицѣ воеводы и канцлера Литвы—Николаѣ Радзивиллѣ Черномъ [2]). Этотъ литовскій маг-

---

[1]) Аврамъ Кульва былъ природный литвинъ, получившій блестящее образованіе въ Германіи и степень доктора философіи въ одномъ изъ ея университетовъ. Нѣкоторое время онъ занималъ должность учителя въ одной нѣмецкой школѣ въ г. Вильнѣ.

Ксендзъ Виклефъ тоже отличался глубокою ученостію. Сначала онъ былъ настоятелемъ виленскаго костела св. Анны и главнымъ проповѣдникомъ въ литовской столицѣ, а затѣмъ, подобно Кульвѣ, учителемъ какой-то другой нѣмецкой школы.

[2]) Мы уже не разъ упоминали о Радзивиллахъ, теперь скажемъ подробнѣе о нихъ. Фамилія Радзивиллъ была самая знатная и богатая въ Литовскомъ государствѣ. Въ XIV стол. она уже существовала. Фамилія эта дѣлается извѣстною съ конца XV ст., когда Николай Старый Радзивиллъ въ 1498 году сдѣлаяъ былъ воеводою и канцлеромъ виленскимъ. У него было два сына: Янъ IV, по прозванію Бородатый, и Юрій. Первый 1513 г. женился на дочери великаго литовскаго маршала Станислава Кишки изъ Цѣхоновцы—Аннѣ, кото-

натъ, бывши за границею для образованія, въ первый разъ познакомился съ кальвинизмомъ въ нынѣшней Пруссіи; возвратившись же въ 1553 г. изъ-за границы, онъ открыто отступилъ отъ католичества и въ 1555 г. вызвалъ реформатскихъ проповѣдниковъ въ Вильну изъ Пруссіи, Бельгіи и Швейцаріи. Проповѣдниковъ этихъ онъ поселилъ въ загородномъ домѣ, гдѣ устроилъ особую залу для публичнаго совершенія богослуженія и произношенія проповѣдей. Когда началось открытое богослуженіе и проповѣданіе кальвинистскаго ученія, то жители города Вильны и окрестностей, преимущественно изъ дворянства и высшей аристократіи, сходились сюда въ огромномъ числѣ.

Десять лѣтъ спустя послѣ прибытія въ Вильну реформатскихъ проповѣдниковъ уже столько было лицъ, принявшихъ это новое ученіе, что не вмѣщались въ вышеозначенной залѣ, отведенной для богослуженія. Поэтому Радзивиллъ въ 1565 г. выстроилъ великолѣпную и весьма обширную церковь (сборъ) противъ католической церкви св. Яна [1]).

рая принесла ему въ приданое: Олыку, Ляхву и Несвижъ (имѣніе это было самымъ главнымъ и находилось въ Минской губерніи). Въ 1551 г. Янъ умеръ; наслѣдникомъ его остался сынъ Николай IV, по прозванію Черный, впослѣдствіи знаменитый виленскій воевода и канцлеръ, а также покровитель кальвинистовъ. У этого осталось четыре сына: Николай V, прозванный Сироткою, Юрій, Альбертъ и Станиславъ. Всѣ они послѣ отца перешли въ католичество. Старшій и младшій были литовскими маршалами, два среднихъ—епископами. Юрій былъ даже кардиналомъ. Сиротка и оба средніе (особенно Юрій) страшно не любили православныхъ. Первый, какъ мы уже разъ выше замѣтили, употребилъ огромныя суммы денегъ на отысканіе и истребленіе книгъ и рукописей на русскомъ языкѣ. О преслѣдованіи православныхъ Радзивиллами осталась даже пѣсня, въ которой одинъ изъ нихъ, именно Юрій Радзивиллъ, сравнивается съ нечистою силою (силою дьявола), набросившеюся на православіе. Въ настоящее время фамилія Радзивиллъ отъ этой линіи не существуетъ; послѣдній потомокъ ея (Доминикъ Радзивиллъ) умеръ въ этомъ столѣтіи; дочь его вышла за Витгенштейна, къ которому перешли и всѣ богатства Радзивиллъ.

Другой сынъ Николая Стараго Юрій имѣлъ имѣніе Биржи и Дубинки (въ 50 верст. отъ Вильны). Дѣти Юрія: Николай Рыжій и дочь Варвара (впослѣдствіи жена Августа). Внукъ его Янушъ VI (умеръ въ 1620 году), гетманъ литовскій, женатъ былъ на княжнѣ Софіи Юрьевнѣ Олешковичевой (православной), послѣдней отрасли князей слуцкихъ. Эта отрасль фамиліи Радзивиллъ до сего времени существуетъ въ мужскомъ колѣнѣ.

Радзивиллы были въ родствѣ съ лучшими польскими, литовскими и русскими фамиліями: Вишневецкими, Острожскими, Потоцкими, Сапѣгами, съ владѣтельными домами курфирстовъ прусскихъ, баварскихъ, герцоговъ курляндскихъ и другихъ. Трудно еще найти въ исторіи такой богатой и знаменитой фамиліи, какова была фамилія Радзивиллъ. Радзивиллы пользовались большимъ почетомъ у германскихъ императоровъ, которые сватали ихъ дочерей и крестили дѣтей. Одинъ изъ германскихъ императоровъ далъ имъ титулъ графовъ.

[1]) Спустя нѣкоторое время кальвинскій храмъ перенесенъ былъ въ то мѣсто, гдѣ теперь въ Вильнѣ стоитъ конвиктъ учебнаго округа. Затѣмъ онъ

Для распространенія кальвинизма путемъ литературнымъ Радзивиллъ Черный устроилъ въ своемъ имѣніи Несвижѣ типографію для печатанія кальвинистскихъ книгъ. Въ 1562 г. тутъ напечатаны были: „катехизисъ“ кальвинистскій и сочиненіе „Объ оправданіи грѣшнаго человѣка предъ Богомъ“. Книги эти напечатаны были на русскомъ языкѣ, какъ общеупотребительномъ.

Послѣ Вильны, Брестъ былъ вторымъ важнѣйшимъ центромъ кальвинизма. Здѣсь кальвинисты устроили синодъ и въ 1583 г. типографію где въ 1593 г. напечатана была библія на польскомъ языкѣ.

Въ 1566 г. умеръ Николай Радзивиллъ Черный. Кальвинистская община нашла себѣ покровителя въ двоюродномъ братѣ покойнаго Радзивилла—Николаѣ Юрьевичѣ, Рыжемъ по прозванію.

Изъ сохранившихся документовъ конца XVI стол. видно, что кальвинизмъ, какъ религіозное ученіе, отличавшееся болѣе философскимъ и систематическимъ изложеніемъ догматовъ вѣры, преимущественно захватывалъ высшіе слои общества въ Литвѣ. Поэтому къ сектѣ этой въ Литовскомъ государствѣ принадлежали многіе знаменитые дворянскіе роды. Но вообще нужно сказать, что въ это время какъ протестантизмъ, такъ и кальвинизмъ сдѣлались модными исповѣданіями для литовской аристократіи, признакомъ образованія и вывѣскою современныхъ понятій. Каждый панъ, по мѣрѣ проникновенія въ Рѣчь Посполитую протестантства и кальвинизма, считалъ своею обязанностію, чтобы не отстать отъ вѣка и не казаться невѣждою, выбрать себѣ одно изъ этихъ исповѣданій. Литовская католическая молодежь, отправляемая богатыми отцами въ Германію для образованія, возвращалась оттуда уже не католиками, а послѣдователями того или другого, смотря по вкусу и мѣсту пребыванія за границею, реформацкаго ученія. Эта молодежь была однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ Литвѣ въ дѣлѣ пропаганды новыхъ ученій.

Самое широкое и свободное распространеніе реформаціонныхъ ученій въ Литовскомъ государствѣ было при Сигизмундѣ-Августѣ. Самъ Сигизмундъ-Августъ сильно сочувствовалъ новымъ ученіямъ. Говорятъ, что онъ хотѣлъ даже принять кальвинизмъ, но удержанъ былъ отъ этого кардиналомъ Гозіемъ [1]). Вожди реформаціи обращались къ нему,

---

перенесенъ былъ на Большую улицу и потомъ еще куда-то. Въ настоящее время онъ находится на Завальной улицѣ. Такое частое перенесеніе кальвинистами своего храма изъ одного мѣста въ другое было потому, что католики разоряли его.

[1]) О Сигизмундѣ-Августѣ, между прочимъ, разсказываютъ еще слѣдующее: однажды онъ обратился къ Николаю Радзивиллу Черному съ просьбою проводить его въ кальвинскій храмъ на богослуженіе; какая была цѣль этого — неизвѣстно; нѣкоторые говорятъ, что онъ самъ лично хотѣлъ убѣдиться въ превосходствѣ кальвинизма предъ католицизмомъ и затѣмъ принять кальвинизмъ.

какъ къ своему покровителю и посвящали ему свои сочиненія; такъ, Лютеръ посвятилъ ему свою нѣмецкую библію, а Кальвинъ—свое толкованіе на посланіе къ евреямъ.

Соціанское ученіе проникло въ Литовское государство въ концѣ первой половины XVI стол. Ученіе это совершенно сходно съ ересью Арія, осужденной первымъ вселенскимъ соборомъ въ 325 г. Суть соціанскаго ученія слѣдующая: Іисусъ Христосъ не есть Сынъ Божій и не равенъ Богу Отцу; первороднаго грѣха не существуетъ; предопредѣленія и благодати тоже. Первый проповѣдникъ этого ученія былъ какой-то Петръ изъ города Гсніондза (теперь заштатнаго города Гродненской губерніи) въ 1558 г. Въ 1566 г. это ученіе имѣло уже многихъ послѣдователей. Къ этому ученію приставали какъ католики, такъ и кальвинисты. Сектѣ этой особенно сильно протежировали двѣ знатныхъ литовскихъ фамиліи, именно: Кишки и Олесницкихъ [1]). Больше всего эта секта распространялась въ воеводствахъ Брестскомъ и Новогрудскомъ. У послѣдователей этой секты также были школы и типографіи. У нихъ переведена была и библія, такъ называемая „унитская". Вообще, эта секта имѣла весьма много даровитыхъ личностей и политическихъ писателей.

Гусситское ученіе проникло въ Литовское государство въ концѣ XV стол., а въ началѣ XVI это ученіе имѣло очень многихъ послѣдователей [2]). Выдающаяся личность, принявшая сіе ученіе въ Литвѣ,

---

Радзивиллъ съ радостію согласился исполнить просьбу короля. Въ назначенный день и часъ Сигизмундъ-Августъ, окруженный блестящею свитою, въ сопровожденіи Николая Радзивилла отправился въ кальвинскій храмъ. Но когда онъ сталъ проѣзжать около каѳедральнаго костела св. Станислава, то вдругъ изъ дверей храма вышелъ епископъ Кипріанъ со всѣмъ клиромъ, схватилъ за узду лошадь, на которой сидѣлъ Августъ и сказалъ: „Государь! не по этой дорогѣ предки твои ходили молиться въ домъ Божій, а вотъ по какой" и указалъ на костелъ. „Ты заблудился, государь; ты оставляешь мать, которая возвела тебя на престолъ, и идешь къ мачихѣ". Послѣ этихъ словъ епископъ со всѣми окружающими его духовными лицами палъ на землю и произнесъ: „Только чрезъ наши тѣла поѣдешь туда". Король, не ожидая такой развязки, смутился, растерялся и повернулъ за епископомъ въ костелъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

[1]) Представителемъ фамиліи Кишки въ это время былъ Янъ Кишка; при Сигизмундѣ-Августѣ онъ занималъ должность виленскаго каштеляна. Этотъ Янъ Кишка былъ главнымъ покровителемъ соціанской секты.

[2]) Основателемъ гусситскаго ученія былъ пражскій священникъ Іоаннъ Гуссъ. 24-го іюня 1415 г. онъ, по приговору католическаго констанскаго собора, былъ сожженъ на кострѣ какъ еретикъ.

Примѣчаніе. Послѣ смерти Гусса послѣдователи его начали страшную борьбу съ нѣмецкими католиками и нерѣдко наносили имъ сильныя пораженія. Возстаніе гусситовъ было общее дѣло всѣхъ славянъ, стремившихся освободиться изъ-подъ власти папы и нѣмцевъ, невинно осудившихъ Гусса на смерть.

былъ Янъ Рокота, одинъ изъ приближенныхъ Сигизмунда-Августа. Ученіе гусситовъ главнымъ образомъ состояло въ слѣдующемъ: „глава церкви есть Іисусъ Христосъ, а не папа; причащаться слѣдуетъ подъ обоими видами, т. е. тѣла и крови Христовыхъ, а не подъ однимъ, какъ учатъ католики; совершать богослуженіе должно на родномъ языкѣ, а не на латинскомъ“ и т. п.

Кромѣ вышеозначенныхъ сектъ, въ Литвѣ ихъ еще было, какъ говорятъ, болѣе 80-ти. Этому весьма много содѣйствовало общее настроеніе умовъ въ Рѣчи Посполитой: свобода и равноправность шляхты пролагала путь къ свободѣ религіозной. При Сигизмундѣ-Августѣ разновѣріе въ Рѣчи Посполитой достигло своего апогея. Католическая религія въ это время была подорвана: всѣ лучшія католическія силы или уже измѣнили католичеству, или же колебались въ немъ. Даже очень многіе латинскіе епископы и священники, сохраняя внѣшнимъ образомъ общеніе съ папскимъ престоломъ, въ то же время проповѣдывали протестантское ученіе и требовали реформы въ католической церкви. Нѣкоторые священники стали вступать въ бракъ. Литва и Польша въ это время представляли въ религіозномъ отношеніи какой то хаосъ; борьба партій, преслѣдованіе другъ друга доходили до грандіозныхъ размѣровъ, а это впослѣдствіи дало возможность скоро уничтожить всѣ разновѣрія [1]).

Эти бурныя религіозныя движенія въ Рѣчи Посполитой, а также опасенія за существованіе самого католичества вызвали среди латинскаго духовенства реакцію. Реакція эта началась при Сигизмундѣ-Августѣ, а при Стефанѣ Баторіи и особенно Сигизмундѣ III развилась и получила видъ систематическаго дѣйствія.

Прежде всего реакція эта проявилась въ общественныхъ молитвахъ, въ которыхъ латинское духовенство просило Бога спасти падающее католичество, а затѣмъ—въ увѣщаніяхъ, выразившихся въ произношеніи проповѣдей и разсылкѣ окружныхъ посланій, чтобы быть вѣрными Риму. Нѣкоторые епископы просили даже короля ввести инквизицію (жмудскій епископъ Вацлавъ Вержбицкій просилъ это сдѣлать). Наконецъ остановились на іезуитахъ.

Призваніе іезуитовъ въ Польшу. Въ 1550 г., въ царствованіе Сигизмунда-Августа, въ Прусской области, въ Варминской епархіи занялъ мѣсто бывшаго знаменитаго епископа-историка Мартина Кромера не менѣе знаменитый епископъ Станиславъ Гозій. Это былъ че-

---

[1]) О распространеніи реформаціонныхъ ученій въ Рѣчи Посполитой и борьбы религіозныхъ партій, на русскомъ языкѣ есть прекрасныя сочиненія: проф. Любовича „Исторія реформаціи въ Польшѣ, кальвинисты и антитринитаріи“. 1883 г. и Жуковича „Кардиналъ Гозій и Польская церковь его времени“. 1883 г.

ловѣкъ глубокой учености и высокой нравственности. Онъ засѣдалъ на Треденскомъ соборѣ въ качествѣ папскаго легата и былъ самымъ выдающимся дѣятелемъ на этомъ соборѣ. За разныя заслуги, оказанныя римской церкви, папа возвелъ Гозія въ кардиналы. Этотъ человѣкъ всю жизнь свою съ неутомимою силою воли и энергіею боролся въ Польшѣ и Литвѣ съ реформатскими ученіями и старался возстановить подорванное католичество. Онъ дни и ночи проводилъ въ постѣ и молитвѣ, по цѣлымъ суткамъ лежалъ на голомъ полу въ одной часовнѣ съ распростертыми руками предъ крестомъ, обливаясь слезами и прося Бога спасти гибнувшую католическую церковь въ Рѣчи Посполитой. Но, видя, что молитва не помогаетъ, Станиславъ Гозій въ 1563 г. обратился къ папѣ Пію IV съ вопросомъ: что дѣлать для спасенія церкви? Папа для совѣта послалъ ему другого кардинала. Совѣтъ продолжался недолго: результатъ его былъ тотъ, что въ 1564 г. Гозій пригласилъ къ себѣ изъ Рима іезуитовъ и поселилъ ихъ въ городѣ Брунсбергѣ.

Вызовомъ іезуитовъ въ Польшу кардиналъ Гозій положилъ новую эпоху религіозно-соціальной жизни народовъ, населяющихъ Рѣчь Посполитую. Не будь Гозія Рѣчь Посполитая проложила бы себѣ иной путь соціально-политическо-религіозной жизни и, пожалуй, болѣе крѣпкій и надежный, чѣмъ тотъ, который положенъ былъ Гозіемъ. Одинъ польскій писатель, именно, Брониславъ Трентовскій, въ своемъ сочиненіи „Голосъ Правды“ такъ характеризуетъ дѣятельность Гозія и его значеніе для Рѣчи Посполитой по поводу призванія имъ іезуитовъ: „какъ въ Европѣ начинается новая эпоха отъ Мартина Лютера, такъ и въ Польшѣ—отъ кардинала Гозія. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые родятся на свѣтъ для несчастія человѣчества. Поляки того времени были въ томъ убѣждены, что для нихъ необходимо нужна въ Польшѣ церковная реформа, что власть Рима вредна для Польши и что слѣдуетъ установить въ Польшѣ чисто католическую церковь, учредить особый патріархатъ. Но хитрыя и ловкія дѣйствія кардинала Гозія, съ его необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, одержали верхъ надъ мнѣніемъ людей свободномыслящихъ и любящихъ свое отечество; словомъ, польза Рима получила перевѣсъ. Гозій привелъ въ Польшу іезуитовъ и поручилъ имъ воспитаніе шляхетской молодежи, угрожая диссидентамъ совершеннымъ уничтоженіемъ. Главный принципъ іезуитовъ, этихъ развратителей-монаховъ, было нравственное затмѣніе народа. Это они доказали на воспитаніи юношества. Народъ польскій долго боролся съ ихъ системой, но вступилъ на престолъ польскій Сигизмундъ III и іезуиты восторжествовали. Участь Польши была рѣшена. Она начала, какъ ракъ, пятиться назадъ почти съ такою силою, съ какою шла впередъ“.

Прибытіе іезуитовъ въ Литву. Въ годъ Люблинской уніи, т. е. въ 1569 г., 5 человѣкъ іезуитовъ изъ города Брунсберга, напутствуе-

мые благословеніями Гозія, отправились въ Вильну. Дѣло было осенью. По пріѣздѣ въ столицу литовскую, іезуиты явились съ письмомъ Гозія къ виленскому католическому епископу Протасевичу. Епископъ давно ждалъ этихъ гостей и заранѣе приготовилъ все необходимое для нихъ. Въ ихъ распоряженіе Протасевичъ предоставилъ домъ, совершенно приспособленный для устройства въ немъ коллегіи, и удобное помѣщеніе, и притомъ не на пятерыхъ только, а на цѣлыхъ тридцать. На содержаніе іезуитовъ епископъ отпустилъ 2000 копъ грошей и обезпечилъ эту сумму имѣніемъ своимъ Ширвинты. На устройство школы и содержаніе ея Протасевичъ подарилъ нѣсколько деревень и одно большое озеро. Вслѣдъ за первыми іезуитами стали прибывать въ Вильну и другіе, такъ что весною 1570 г. въ литовской столицѣ ихъ считалось около двадцати человѣкъ. Лѣтомъ того же года въ Вильну прибылъ провинціалъ австрійскихъ и польскихъ іезуитовъ Маги. Онъ между членами „братьевъ христовыхъ“ извѣстенъ былъ, какъ самый хитрый, ловкій и энергическій дѣятель. При помощи нѣкоторыхъ лицъ, сочувствующихъ іезуитамъ (большая часть жителей Вильны ихъ не любила) и епископа Протасевича, Маги устроилъ въ литовской столицѣ коллегію, состоявшую изъ пяти классовъ. При ней находилось еще особое отдѣленіе, предназначенное собственно для тѣхъ, коихъ іезуиты находили особенно полезнымъ принять въ свое общество. Въ этомъ послѣднемъ отдѣленіи духъ и направленіе преподаванія во многомъ отличны были отъ общей пятиклассной коллегіи: въ іезуитскомъ отдѣленіи шло преподаваніе іезуитами открыто, зная напередъ, на какую почву падаетъ ихъ ученіе и не опасаясь, чтобы кто измѣнилъ и выдалъ его.

Пробывъ въ Вильнѣ два мѣсяца, Маги уѣхалъ, назначивъ первымъ ректоромъ коллегіи Варшавицкаго. Выборъ ректора былъ какъ нельзя болѣе удачный. Варшавицкій былъ сынъ варшавскаго каштеляна. Онъ получилъ отличное образованіе въ заграничныхъ университетахъ. Сигизмундъ-Августъ очень часто посылалъ его въ качествѣ посла къ разнымъ иностраннымъ дворамъ. Если бы Варшавицкій оставался при Августѣ, то его ожидала бы блестящая карьера, но въ 1567 г. онъ отправился въ Римъ, отказался отъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ должностей и отдалъ себя на служеніе іезуитамъ.

Первая трудность, какая встрѣтилась для коллегіи, былъ недостатокъ учениковъ, потому что никто не хотѣлъ отдавать въ іезуитскую коллегію своихъ дѣтей, не смотря на безплатное ученіе. И только благодаря стараніямъ Валеріана Протасевича, виленскаго епископа, и вообще духовнымъ лицамъ, въ 1570 г. собрано было человѣкъ 15. Самыми опасными соперниками и недоброжелателями ихъ были кальвинисты. Признавая себя болѣе учеными и вообще образованнѣе іезуитовъ, кальвинисты, чтобы сразу осадить такъ называемыхъ „братьевъ христовыхъ“ и оскандалить ихъ предъ лицомъ виленскихъ жителей, въ

1570 г. вызвали ихъ на публичный диспутъ. Диспутъ произошелъ въ стѣнахъ самой коллегіи, при огромномъ стеченіи обывателей Вильны. Со стороны кальвинистовъ въ диспутѣ участвовали два очень ученыхъ лица—Андрей Волянъ и Андрей Тржецескій. Споръ догматическій происходилъ о присутствіи Христа въ евхаристіи и продолжался ровно трое сутокъ, но обѣ стороны остались при своемъ убѣжденіи. Послѣ этого кальвинисты уже не приглашали іезуитовъ на диспутъ: они увидѣли, что это безплодно. А между тѣмъ іезуиты не дремали: они, чтобы профанировать протестантское и реформатское ученіе, прибѣгли къ драматическимъ представленіямъ, въ которыхъ выводили на сцену послѣдователей Лютера и Кальвина въ самомъ каррикатурномъ видѣ и при этомъ заставляли актеровъ, изображающихъ реформатовъ и протестантовъ, а нерѣдко и православныхъ, признаваться въ такихъ преступленіяхъ, что въ зрителяхъ возбуждалось омерзеніе. Нужно еще къ этому прибавить, что іезуиты подобнаго рода шутовскія комедіи давали по большей части на площадяхъ, среди многолюдной толпы, состоящей изъ лицъ разныхъ исповѣданій.

Протестантско-кальвиническіе проповѣдники съ презрѣніемъ относились къ этимъ комедіямъ, не придавая имъ никакого значенія. А на самомъ дѣлѣ онѣ имѣли огромное значеніе въ дѣлѣ подрыва лютеранско-реформаціонныхъ ученій и возвышенія католичества. Правда, протестанты, кальвинисты и другіе сектанты собирались на эти комедіи изъ любопытства, часто смѣялись до упаду, а нерѣдко, взявши каменья, разгоняли актеровъ, но при этомъ не малая часть была и такихъ лицъ вышеозначенныхъ исповѣданій, которыя, приходя домой, послѣ комедій, приносили въ головахъ своихъ сомнѣнія на счетъ истинности собственнаго исповѣданія, а разъ они (сомнѣнія) явились, то не далекъ былъ путь и къ возвращенію къ католической церкви, что дѣйствительно нерѣдко случалось послѣ побывки на этихъ комедіяхъ или же прослушанія іезуитской проповѣди.

На третій годъ своего прибытія въ Вильну іезуиты получили въ свое владѣніе костелъ св. Яна, находившійся (онъ и теперь есть) въ самомъ многолюдномъ мѣстѣ. Прежде всего они употребили огромныя суммы денегъ на ремонтировку сего костела и декоративныя украшенія, а затѣмъ уже приступили къ отправленію богослуженія и проповѣданію Слова Божія. Вслѣдствіе прекраснаго пѣнія, отличной музыки и роскошной обстановки, виленскіе жители массами шли въ костелъ св. Яна. Пользуясь этимъ, іезуиты все болѣе и болѣе придавали торжественности своему богослуженію и его декоративной обстановкѣ. Дѣйствуя такимъ образомъ на необразованныя массы народа, іезуиты все болѣе и болѣе опутывали его и въ концѣ концовъ они овладѣли почти всѣмъ населеніемъ: ряды протестантовъ и кальвинистовъ годъ отъ года все болѣе и болѣе рѣдѣли.

Скоро послѣ прихода іезуитовъ въ Вильну городъ этотъ постигло моровое повѣтріе, а это обстоятельство какъ разъ пришлось на руку іезуитамъ. Справедливо говорятъ нѣкоторые, что не будь въ Вильнѣ моровой язвы въ 1573 г., іезуиты, пожалуй, не удержались бы долго въ Литвѣ, или, по крайней мѣрѣ, не пріобрѣли бы такой силы, какую они пріобрѣли послѣ этой болѣзни. Дѣло вотъ въ чемъ: когда въ Вильнѣ появилась моровая язва, то изъ города всѣ духовныя лица католическаго исповѣданія бѣжали вонъ, такъ что некому было совершать богослуженія и напутствовать умиравшихъ; іезуиты же, выдѣливши изъ своей среды пять человѣкъ самыхъ даровитыхъ и отправивши ихъ какъ бы на разводъ въ мѣста незараженныя чумою, всѣ до одного остались на своихъ мѣстахъ. И съ какимъ самоотверженіемъ и усердіемъ оставшіеся іезуиты ухаживали за больными! Они по первому зову спѣшили со Св. Дарами къ умирающему, исповѣдывали его, причащали, утѣшали, напутствовали; нерѣдко на свой счетъ лѣчили и хоронили; нѣкоторые даже умирали около больныхъ, а товарищи ихъ все-таки шли къ нимъ. Понятно, что такое самоотверженіе и безкорыстіе сильно подняло іезуитовъ въ глазахъ виленскихъ жителей; на нихъ, послѣ чумы, стали смотрѣть какъ на героевъ, сіяющихъ добродѣтелями на высотѣ своего служенія. Со времени чумы костелъ св. Яна, прежде бывшій полонъ народа, для многихъ, желающихъ помолиться въ немъ, рѣшительно сдѣлался недоступнымъ по тѣснотѣ: мѣста въ немъ не только для сидѣнія, но даже для стоянія брались съ боя. Общественное мнѣніе окончательно стало на сторону іезуитовъ. Теперь они прочно утвердились въ литовской столицѣ и смѣлѣе стали смотрѣть въ будущее.

Не прошло пяти или шести лѣтъ послѣ прибытія въ Литву іезуитовъ, какъ они уже въ одной Вильнѣ успѣли возвратить въ лоно католической церкви до шести тысячъ человѣкъ и между ними нѣсколько знатныхъ фамилій: Ходкевичей, Радзивиллъ, Сапѣгъ и другихъ.

Ходкевичи принадлежали къ одной изъ знатныхъ и уважаемыхъ русскихъ православныхъ фамилій въ Литовскомъ государствѣ; они отличались гордостью и были чужды всѣхъ интригъ, какими вообще отличалось польско-литовское дворянство XVI ст. Въ Литвѣ члены этой фамиліи занимали видныя мѣста: Александръ Ивановичъ Ходкевичъ былъ маршалкомъ Литовскаго княжества. Онъ основалъ Супрасльскій монастырь. Сыновья его: Іеронимъ, Юрій и Григорій шли по слѣдамъ своего отца, а внукъ Александра Ходкевича—Иванъ Іеронимовичъ, бывшій литовскій маршалъ, староста жмудскій, превосходилъ умомъ и дѣятельностію всѣхъ своихъ бывшихъ родичей: дѣда, отца и дядей. Эта фамилія прежде всѣхъ литовскихъ знатныхъ фамилій приняла католичество.

За Ходкевичами послѣдовалъ другой знаменитый православный родъ--это родъ Сапѣгъ. Сначала принялъ католичество Левъ Сапѣга, который въ это время былъ воеводою виленскимъ, гетманомъ литовскимъ и канцлеромъ; а потомъ—сынъ его и, наконецъ, двоюродный братъ Николай, воевода минскій и витебскій, получившій впослѣдствіи графскій титулъ.

Но самымъ важнымъ и дорогимъ пріобрѣтеніемъ іезуитовъ въ Литвѣ было возвращеніе въ лоно католической церкви семейства Николая Радзивилла Чернаго. Послѣ смерти самого Николая Чернаго осталось, какъ мы уже отчасти выше замѣтили, четыре сына: Николай, прозванный Сироткою, Юрій, Альбертъ и Станиславъ. Первые два извѣстны въ исторіи, послѣ принятія католичества, страшнымъ фанатизмомъ противъ диссидентовъ, а особенно противъ православныхъ. Юрій Радзивиллъ, вступивъ послѣ Протасевича въ управленіе Виленскою епархіею, началъ свою дѣятельность въ санѣ епископа торжественнымъ сожженіемъ „схизматическихъ" (православныхъ) книгъ. Въ 1581 г. цѣлыя тысячи книгъ съ русскимъ текстомъ сожжены были на площади предъ костеломъ св. Яна рукою палача. Сиротка Радзивиллъ всю жизнь свою, какъ мы видѣли, употребилъ на сожженіе русскихъ книгъ и на это истратилъ огромный капиталъ. Онъ для отысканія экземпляровъ той библіи, какую издалъ его отецъ Николай Черный, употребилъ, какъ мы знаемъ, 5,000 червонцевъ для того только, чтобы на той же площади сжечь рукою палача, и дѣйствительно достигъ цѣли, т. е. отыскалъ всѣ экземпляры означенной библіи и сжегъ ихъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ фамилій, іезуиты съ теченіемъ времени обратили въ католичество много и другихъ знатныхъ родовъ какъ православныхъ, такъ и протестанто-кальвинскихъ; но когда они хотѣли сдѣлать то же самое и съ простымъ народомъ, то этотъ послѣдній не поддался. Правда, многіе и изъ нихъ были совращены или въ католичество, или въ унію, но зато громадное большинство осталось вѣрно вѣрѣ предковъ и въ огражденіе своего исповѣданія противъ насилованія совѣсти какъ со стороны іезуитовъ, такъ и польскихъ пановъ, подняли такое знамя бунта и такъ потрясли основы Рѣчи Посполитой, что она послѣ того и одного столѣтія не просуществовала—мы разумѣемъ казацкія возстанія. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Черезъ три года послѣ соединенія Литвы съ Польшею, а также и призванія іезуитовъ въ Литву, Сигизмундъ II Августъ, убѣгая отъ чумы, пріѣхалъ въ городъ Кнышинъ, гдѣ 7-го іюля, на 52 г. жизни, умеръ. Смертію Сигизмунда-Августа кончилась династія Ягеллы въ Польско-Литовскомъ государствѣ, просуществовавъ 186 лѣтъ. Послѣ Сигизмунда-Августа II въ Рѣчи Посполитой насталъ періодъ свободнаго избранія королей изъ разныхъ фамилій.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

1572—1795 г.

Состояніе Литовскаго государства послѣ Люблинской уніи подъ вліяніемъ свободно-избираемыхъ правителей.

Характеръ сего періода. Четвертый періодъ исторіи Литовскаго государства, составлявшаго уже часть Польскаго государства, представляетъ намъ слѣдующія характеристическія явленія: во-первыхъ, усиленное стремленіе поляковъ къ окончательному уничтоженію и тѣни самостоятельности Литовскаго государства; для сей цѣли они въ Литовскомъ государствѣ прежнее политическое и гражданское устройство стараются замѣнить польскимъ; во-вторыхъ, принятіе поляками разнаго рода мѣръ къ ассимилированію народностей, входящихъ въ составъ Литовскаго государства съ собственно-польскимъ населеніемъ; причемъ успѣхи ихъ по отношенію природныхъ литовцевъ скоро достигаютъ благопріятныхъ результатовъ; то же можно сказать и относительно русско-православнаго дворянства; въ-третьихъ, страшное возстаніе простого русско-православнаго народа, когда поляки задумали и его слить съ собою и для сей цѣли стали употреблять слишкомъ жестокія мѣры; въ-четвертыхъ, вслѣдствіе фанатизма поляковъ по отношенію къ православнымъ, а также упадка нравственности, отсутствія патріотизма и разъединенности сословій, самымъ выдающимся явленіемъ въ исторической жизни Рѣчи Посполитой въ этотъ періодъ представляется постепенный упадокъ и разложеніе обоихъ соединенныхъ государствъ, а финаломъ всего этого политическая смерть и Литвы, и Польши [1]).

[1]) Для ознакомленія съ состояніемъ Польско-Литовскаго государства въ концѣ XVI ст. см. А. Трачевскаго: „Польское безкоролевье по прекращенію династіи Ягеллоновъ". 1869 г.

Генрихъ Валуа

(отъ 21-го февраля 1574 г. по 18-е іюля того же года), первый свободно-избранный правитель въ Польско-Литовскомъ государствѣ или такъ называемой „Рѣчи Посполитой“.

Со смертію Сигизмунда-Августа кончилась, какъ говорено выше, въ Польско-Литовскомъ государствѣ династія Ягеллоновъ, а вмѣстѣ съ нею окончился и наслѣдственный образъ правленія. Съ этого времени въ вышеозначенномъ государствѣ начинается образъ правленія свободно-избираемыхъ королей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательный упадокъ монархической власти въ Рѣчи Посполитой, а также начало большого усиленія шляхты, увеличенія безпорядковъ и вмѣшательства сосѣдей при избраніи королей тѣмъ или другимъ способомъ: угрозами войны, родственными связями съ богатыми фамиліями польско-литовской аристократіи, а нерѣдко и подкупами [1]). Все это, конечно, вело государство къ разложенію и политической смерти.

Когда умеръ Сигизмундъ-Августъ, то прежде всего поднялся вопросъ о томъ, кто долженъ назначать время для избирательнаго сейма— примасъ ли архіепископъ царства Польскаго, или коронный маршалъ? Послѣ многихъ и бурныхъ засѣданій въ Краковѣ, Кнышинѣ, Сродѣ и другихъ городахъ, порѣшили: примасъ архіепископъ будетъ назначать время для избирательнаго сейма и отбирать голоса. Тогда же положено, чтобы избирательный сеймъ составлялся непремѣнно около Варшавы, не далеко отъ деревни Воли, на одномъ изъ окрестныхъ обширныхъ луговъ [2]). Покончивши разъ навсегда съ этимъ вопросомъ, поляки приступили къ избранію короля; но при этомъ образовались три партіи: а) Католическая партія, во главѣ которой стояли: карди-

[1]) Поэтому слово: „свободно-избираемыхъ“ (королей), употребляемое польскими писателями, въ семъ случаѣ есть пустой звукъ.

[2]) На этомъ лугу, когда съѣзжались сюда члены избирательнаго сейма для избранія короля, устраивалась ограда съ тремя воротами, въ которыя вступала шляхта трехъ частей Рѣчи Посполитой: Великой Польши, Малой Польши и Литовскаго государства. Шляхта обыкновенно являлась сюда на коняхъ съ распущенными знаменами, раздѣленною на отряды по воеводствамъ и повѣтамъ. Посреди луга ставили навѣсъ, подъ которымъ помѣщались сенаторы. Когда все было готово, то примасъ, архіепископъ гнѣзненскій, верхомъ объѣзжалъ шляхту, размѣстившуюся на лугу группами, и спрашивалъ, кого она желаетъ имѣть королемъ. Затѣмъ имя вновь избраннаго короля произносилось у каждаго изъ трехъ входовъ.

Примѣчаніе. Предъ своимъ коронованіемъ каждый вновь избранный король по прежнему давалъ присягу на такъ называемыхъ „Pacta conventa“, т. е. кодексѣ условій, ограничивающихъ власть короля.

налъ Гозій и папскій легатъ Коммендони. Эта партія хотѣла избрать непремѣнно католика, въ виду упадающаго католичества въ Рѣчи Посполитой. Первый представитель этой партіи, Гозій, день и ночь молился предъ крестомъ объ избраніи въ короли католика, а второй, Коммендони, хотѣлъ достигнуть сего самаго посредствомъ интригъ. Больше всего боялись они оба, какъ бы на польскій престолъ не попалъ „схизматикъ" русскій царевичъ Ѳеодоръ Іоанновичъ, сынъ Іоанна Грознаго, такъ какъ за этого кандидата была сильная партія; б) Литовско-русская партія, именно это та партія, которая хотѣла возвести на польскій престолъ сына Грознаго, чего больше всего боялись Гозій и Коммендони; в) Протестантская партія, которая хотѣла видѣть на престолѣ Рѣчи Посполитой протестанта; но такъ какъ эта партія была немногочисленна, а слѣдовательно и не опасна первымъ двумъ партіямъ, то эти послѣднія мало и обращали вниманія на нее. На предварительныхъ совѣщаніяхъ литовско-русская партія взяла верхъ, потому что католики къ ней примкнули, и такимъ образомъ рѣшено было избрать сына Іоанна Грознаго. Православные рѣшились на избраніе московскаго царевича по естественному желанію имѣть королемъ человѣка одной вѣры и одинаковой національности. А п-оляки согласились на это изъ любви къ деньгамъ и подаркамъ; полякамъ хорошо было извѣстно, что московскій царь очень богатъ, слѣдовательно они надѣялись получить отъ него много денегъ и много подарковъ за избраніе въ короли Рѣчи Посполитой сына его.

Когда на предварительныхъ совѣщаніяхъ оказалось, что большая часть депутатовъ желаетъ имѣть королемъ русскаго царевича, то съ извѣщеніемъ объ этомъ, а также съ просьбою отпустить сына въ Польшу, къ Іоанну Грозному въ Москву посланы были два сенатора: Ѳеодоръ Зенкевичъ и Воропай. Но извѣщеніе это очень не понравилось Грозному: ему хотѣлось самому быть литовско-польскимъ королемъ или, лучше сказать, ему хотѣлось и Польшу, и Литву присоединить къ Москвѣ. На слова пословъ Іоаннъ отвѣтилъ длинною рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „ваши польскіе и литовскіе паны теперь остались безъ головы, потому что, хотя въ коронѣ польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ и много головъ, однако, одной доброй нѣтъ, которая бы всѣмъ управляла и къ которой бы всѣ вы могли прибѣгать, какъ потоки или воды къ морю стекать". Потомъ въ рѣчи своей повелъ дѣло такъ, что прямо указалъ на себя, какъ на голову, способную управлять такимъ государствомъ, какова Рѣчь Посполитая, и при этомъ прибавилъ: „если вы меня изберете въ свои короли, то предъ Богомъ обѣщаю, что всѣ права и привилегіи дворянства сохраню и даже большія дамъ". Относительно же желанія поляковъ имѣть королемъ сына его царь сказалъ: „у меня два сына, какъ два глаза во лбу; если мнѣ отдать одного изъ нихъ, то все равно, что сердце вынуть". Въ случаѣ

избранія его королемъ Іоаннъ Грозный просилъ присоединить къ Московскому государству польскую Ливонію до р. З. Двины, а за то обѣщалъ Польшѣ Полоцкъ со всею его областью. Въ заключеніе онъ просилъ скорѣе прислать большихъ пословъ.

Предложеніе московскаго царя касательно избранія его самого въ короли Польско-Литовскаго государства сильно не понравилось особенно депутатамъ польско-католической партіи; по настоянію ея предложеніе это отвергнуто было всѣми членами избирательнаго сейма. Но вотъ прошло почти шесть мѣсяцевъ послѣ этого, а въ Рѣчи Посполитой шли только споры да ссоры относительно кандидатовъ на престолъ, выставляемыхъ тою или другою партіей. Такое положеніе дѣла въ Польско-Литовскомъ государствѣ болѣе всего надоѣло литовско-русскимъ депутатамъ; вслѣдствіе этого тѣ даже стали подумывать объ избраніи себѣ отдѣльнаго государя, но при этомъ они все-таки хотѣли получить его изъ Москвы. По этому поводу они, независимо отъ польскихъ депутатовъ, вступили въ переговоры съ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Но московскій царь, вопреки всѣмъ политическимъ разсчетамъ, не поддержалъ желанія литовско-русской партіи, и дѣло кончилось ничѣмъ.

Когда же среди польско-католической партіи сдѣлалось извѣстнымъ о поступкѣ литовско-русскихъ депутатовъ, то между членами ея произошло страшное волненіе, поэтому они поспѣшили выставить своего кандидата въ лицѣ Генриха, брата французскаго короля Карла IX, изъ династіи Валуа. Ловкій, хитрый и краснорѣчивый французскій посолъ при варшавскомъ дворѣ Манлюкъ успѣлъ склонить на сторону Генриха и литовско-русскихъ депутатовъ. На общемъ избирательномъ сеймѣ, послѣ длинной и искусной рѣчи Манлюка, братъ французскаго короля Генрихъ д' Анжу и былъ провозглашенъ гнѣзненскимъ архіепископомъ королемъ Рѣчи Посполитой.

Такимъ образомъ, первый избирательный король въ Рѣчи Посполитой, по прекращеніи въ ней династіи Ягеллоновъ, былъ Генрихъ Анжуйскій изъ Франціи.

18 февраля 1574 г. Генрихъ прибылъ въ Краковъ, 21 же числа того же мѣсяца короновался. Но положеніе его въ Польшѣ было очень комично: не имѣя никакой власти въ государствѣ, его избравшемъ, и притомъ, не зная ни польскаго, ни латинскаго языка и плохо объясняясь по-итальянски, Генрихъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать и куда дѣвать время. На сеймахъ онъ сидѣлъ какъ нѣмой. Промучившись четыре мѣсяца въ Польшѣ, гдѣ ему рѣшительно все пришлось не по вкусу, онъ радъ былъ, что нашелъ случай уѣхать изъ этого государства: въ Парижѣ умеръ бездѣтный братъ его Карлъ IX и Генрихъ рѣшился ѣхать въ Парижъ, чтобы тамъ занять престолъ. Но когда онъ объявилъ объ этомъ сенаторамъ, то тѣ сказали ему, чтобы онъ собралъ

сеймъ и испросилъ у него отпускъ. Это такъ не понравилось Генриху, что онъ рѣшился тайно бѣжать изъ Кракова; свое намѣреніе онъ и привелъ въ исполненіе ночью 18 іюля. За нимъ бросились въ погоню, догнали, стали просить вернуться назадъ, даже падали на колѣни, но Генрихъ остался непреклоненъ; онъ обѣщался только, если обстоятельства позволятъ, вернуться назадъ, но не вернулся. Таковъ былъ конецъ царствованія перваго избраннаго короля въ Рѣчи Посполитой.

Стефанъ Баторій.

1575—1586 г.

Избраніе его на престолъ; біографическія свѣдѣнія о немъ. Спустя нѣсколько времени послѣ бѣгства Генриха, поляки созвали сеймъ и приступили къ новымъ выборамъ [1]). Въ это время въ Рѣчи Посполитой составилась сильная партія въ пользу кандидатуры на литовско-польскій престолъ самого московскаго царя. Во главѣ этой партіи стоялъ самый вліятельный человѣкъ всего соединеннаго королевства, примасъ католической церкви, гнѣзненскій архіепископъ Уханскій. Онъ сносился съ царемъ и научилъ его, какъ добиться польско-литовской короны: побольше прислать сеймовымъ членамъ денегъ и дорогихъ подарковъ; по мнѣнію Уханскаго, это было самое радикальное средство для достиженія престола Рѣчи Посполитой. Но Іоаннъ Васильевичъ и теперь ничего не предпринялъ для достиженія польско-литовскаго престола, а между тѣмъ въ Польшѣ и Литвѣ образовалась новая, болѣе сильная партія въ пользу семиградскаго князя Стефана Баторія, который въ мартѣ 1576 г. и былъ дѣйствительно избранъ на престолъ Рѣчи Посполитой. 18 апрѣля Стефанъ Баторій прибылъ въ Краковъ, гдѣ, принесши установленную присягу на ограниченіе собственной власти, немедленно короновался.

Стефанъ Баторій былъ одинъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени и едва ли не лучше всѣхъ государей въ Рѣчи Посполитой, бывшихъ послѣ династіи Ягеллоновъ. Онъ родился 25 сентября 1532 г. въ Венгріи отъ благородныхъ, но бѣдныхъ родителей. Воспитаніе получилъ для того времени превосходное. Онъ сначала служилъ при венгерскомъ королѣ Фердинандѣ и сопутствовалъ дочери его Екатеринѣ въ Италію, вступившей тамъ въ бракъ съ княземъ Гонзаю, а затѣмъ бывшей вторымъ бракомъ за польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Потомъ онъ былъ посломъ отъ венгерскаго короля Іоанна-Сигизмунда Запольскаго при германскомъ императорѣ Максимиліанѣ II;

---

[1]) Сеймъ, который созывался въ Рѣчи Посполитой сейчасъ послѣ смерти короля, назывался конвокаціоннымъ, а тотъ, который созывался для избранія короля, назывался елекціоннымъ.

а по случаю возникновенія неудовольствій между императоромъ и венгерскимъ королемъ Баторій попалъ въ тюрьму и три года высидѣлъ въ ней. Говорятъ, что это время Стефанъ Баторій употребилъ на чтеніе древнихъ авторовъ, преимущественно историческихъ; записки Юлія Цезаря онъ зналъ на память. По смерти венгерскаго короля Іоанна-Сигизмунда Баторій былъ выпущенъ изъ тюрьмы Предъ избраніемъ въ польскіе короли былъ семиградскимъ воеводою.

До вступленія на польскій престолъ Стефанъ Баторій извѣстенъ былъ своими высокими личными достоинствами, именно: глубокимъ политическимъ умомъ, твердостью характера, военными дарованіями и выдающимися административными способностями.

Относительно религіи Стефанъ Баторій—католикъ отъ рожденія. Правда, почти всѣ историки, какъ русскіе, такъ и польскіе, говорятъ, что Баторій до вступленія на польскій престолъ былъ протестантомъ; но это, благодаря открытію новыхъ источниковъ, въ настоящее время оказывается несправедливымъ: „Теперь", говоритъ профессоръ Любовичъ, „уже достовѣрно извѣстно, что всѣ разсказы о томъ, будто Баторій былъ протестантъ до принятія польской короны, принадлежатъ къ области басенъ [1]).

Отношенія Баторія къ іезуитамъ; преобразованіе виленской іезуитской коллегіи въ академію; характеръ воспитательной дѣятельности іезуитовъ. Новый польскій король отличался глубокою набожностію; по донесенію папскихъ нунціевъ Калигари и Болонетти, онъ каждый день бывалъ въ костелѣ и подолгу молился въ немъ. Сдѣлавшись королемъ, Баторій немедленно приблизилъ къ себѣ іезуитовъ и потомъ такъ ихъ полюбилъ, что часто говорилъ своимъ друзьямъ: „если-бы я не былъ королемъ, то былъ бы іезуитомъ". Двухъ изъ нихъ, самыхъ умныхъ и даровитыхъ, Петра Скаргу и Антонія Пассевина, онъ сдѣлалъ главными своими совѣтниками; первый былъ у него духовникомъ и придворнымъ проповѣдникомъ, а второй—составителемъ дипломатическихъ актовъ [2]).

---

[1]) См. Варш. ун. извѣстія за 1888 г., статью проф. Любовича: „Къ исторіи іезуитовъ".

[2]) Петръ Скарга былъ замѣчательный ораторъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ постоянно нападалъ на польско-литовскихъ магнатовъ и заправилъ государственными дѣлами за ихъ роскошь, изнѣженность, отсутствіе патріотизма и т. п. Скарга за двѣсти лѣтъ предсказалъ гибель Польши. Онъ извѣстенъ былъ также своими сочиненіями богословско-полемическаго характера.

Антоній Пассевинъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и образованнѣйшихъ членовъ іезуитскаго ордена. Въ 1576 г. папа Григорій XIII назначилъ его апостольскимъ легатомъ и своимъ викаріемъ въ Россію, въ Литовское государство и во всѣ сѣверныя страны Европы. Но главнымъ образомъ ему приказано было обратить вниманіе на страну „схизматиковъ", т. е. Россію.

По просьбѣ сихъ двухъ любимцевъ, Баторій въ 1578 г. преобразовалъ виленскую іезуитскую коллегію въ академію, со всѣми правами и привилегіями западныхъ университетовъ, т. е. академіи предоставлено было право раздавать дипломы на ученыя степени: бакалавра, магистра и доктора, причемъ виленскій католическій епископъ назначенъ былъ покровителемъ академіи, а ректоромъ—Петръ Скарга.

Въ 1586 г. академія имѣла у себя 54 профессора и болѣе 700 учениковъ. При академіи была бурса или конвиктъ для бѣдныхъ воспитанниковъ; тутъ они пользовались даровымъ помѣщеніемъ, столомъ, а нерѣдко и одеждою. Виленская академія раздѣлялась на 7 классовъ и обнимала всѣ ступени школьнаго образованія, начиная съ низшихъ. Преподаваніе велось на латинскомъ языкѣ; главными предметами обученія были: латынь, схоластическая риторика и богословіе; медицинскія, естественныя и математическія науки въ академіи не преподавались. Обученіе по прежнему совершалось безплатно; но это, впрочемъ, такъ казалось: іезуиты получали съ воспитанниковъ натурою въ десять разъ больше того, что слѣдовало бы деньгами. Система и направленіе іезуитскаго воспитанія въ этой академіи, какъ и вездѣ, не отличались и не могли отличаться благотворнымъ вліяніемъ на юношество: они до крайности съуживали кругъ понятій воспитанниковъ, убивали въ нихъ всякое самостоятельное развитіе мысли и заковывали ее въ цѣпи рабства. Подчиняя не только внѣшніе поступки, но и самыя душевныя расположенія молодыхъ сердецъ постоянному и строгому контролю, іезуиты убивали въ своихъ питомцахъ энергію воли въ самомъ зародышѣ, а грубыми и унизительными наказаніями притупляли благородныя чувства. Всѣ науки преподавались въ сухихъ схоластическихъ формахъ. Притомъ всѣ науки направлялись къ одной цѣли: покорности папѣ и католичеству. Желая скорѣе и рѣшительнѣе достигнуть предположенной цѣли, іезуиты нерѣдко самымъ безцеремоннымъ образомъ искажали факты извѣстной науки [1]). Больше всего въ этомъ отношеніи выпадало на исторію. Они даже отучали воспитанниковъ отъ родного языка, замѣняя его латинскимъ. Воспитывая въ юношествѣ любовь къ папѣ и къ католичеству и въ то же время ненависть къ другимъ исповѣданіямъ, іезуиты доводили своихъ воспитанниковъ академіи до того, что тѣ впослѣдствіи становились для диссидентовъ не лучше татарскихъ полчищъ, особенно для православныхъ.

---

[1]) Чтобы доказать своимъ слушателямъ, напримѣръ, превосходство римской церкви надъ русскою (такъ католики называли православную церковь), они ссылались нерѣдко на то, что ни одинъ изъ святыхъ и апостоловъ не писалъ своихъ посланій къ русской церкви, а къ римской писали. Объ іезуитахъ и ихъ воспитательной дѣятельности въ Литвѣ и Польшѣ см. „Труды кіевской духовной академіи за 1869 г.“, №№ 2 и 4.

Любя науку и ученыхъ людей, Баторій очень часто посѣщалъ академію, присутствовалъ на экзаменахъ и на диспутахъ.

Борьба Баторія съ Іоанномъ Грознымъ [1]). Послѣ коронаціи, Баторій отправилъ своихъ пословъ къ московскому царю съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на польскій престолъ. Царь, прочитавши извѣстительную грамоту, сильно разсердился на Баторія за то, что тотъ назвалъ себя въ этой грамотѣ литовскимъ государемъ и братомъ его. Московскій царь считалъ Баторія, какъ не наслѣдственнаго правителя, нисколько не выше князей Острожскихъ, Бѣльскихъ и др. польско-литовскихъ князей, а потому считалъ для себя унизительнымъ брататься съ Баторіемъ. Притомъ Іоаннъ Васильевичъ недоволенъ остался Баторіемъ еще за то, что тотъ въ своей извѣстительной грамотѣ не потитуловалъ его словами „царь" и „князь смоленскій и полоцкій". Все это Іоаннъ Васильевичъ тутъ же и высказалъ посламъ и притомъ высказалъ въ формѣ довольно неделикатной. Баторій, узнавши объ этомъ, страшно оскорбился, но пока, до поры до времени, отложилъ свою месть: ему сначала нужно было кое что сдѣлать внутри собственнаго государства.

Борьба началась съ 1579 г. по поводу завоеваній, сдѣланныхъ московскихъ царемъ въ Ливоніи.

Еще при жизни Сигизмунда-Августа, какъ мы уже видѣли выше, Іоаннъ Грозный началъ завоеваніе Ливоніи; но, со времени перемирія, заключеннаго царемъ съ польскимъ королемъ въ 1570 г., завоеваніе этой страны Грознымъ пріостановилось. Но вотъ, когда на престолъ Рѣчи Посполитой вступилъ Баторій, московскій царь снова началъ войну въ Ливоніи. На этотъ разъ Іоаннъ Васильевичъ напалъ на ту именно часть Ливоніи, которая принадлежала Польшѣ. Успѣхъ былъ необычайный: царь въ короткое время забралъ много городовъ, а еще болѣе опустошилъ и разорилъ селеній. Но этотъ походъ Грознаго уже никакъ не могъ остаться безъ возмездія со стороны Баторія, въ противномъ случаѣ Баторій на первыхъ же порахъ глубоко уронилъ бы себя въ глазахъ поляковъ. Сначала Баторій послалъ пословъ къ Іоанну Васильевичу Грозному съ просьбою возвратить захваченные имъ въ послѣднюю войну города въ Ливоніи. Но на эту просьбу царь отвѣтилъ оскорбленіемъ пословъ, причемъ и самого Баторія обозвалъ „неприличными словами". Послѣ этого война была окончательно рѣшена. Въ мартѣ 1579 г. Баторій, собравши огромное войско изъ поляковъ, литовцевъ и наемныхъ нѣмцевъ, выступилъ противъ русскихъ, находившихся въ Ливоніи. Война запылала страшная и на этотъ разъ счастіе оставило московскаго царя. Подъ городомъ Венденомъ (Лифлянд-

[1]) О борьбѣ Баторія съ Іоанномъ Грознымъ см. Соловьева т. VI и Бестужева-Рюмина т. II, гл. VII.

ской губер.), недалеко отъ р. Аа, Баторій въ первый разъ встрѣтилъ русскихъ и нанесъ имъ пораженіе. Затѣмъ онъ взялъ Полоцкъ; а подъ городомъ Сколомъ нанесъ русскимъ вторичное и притомъ болѣе сильное пораженіе, причемъ одинъ изъ русскихъ воеводъ (Шереметьевъ) попался въ плѣнъ, а другой (Шеинъ) убитъ. Въ то же самое время князь Константинъ Константиновичъ Острожскій забиралъ города въ Сѣверской области, а Кмита опустошалъ окрестности Смоленска.

Между тѣмъ какъ король польскій громилъ русскія войска въ Ливоніи, московскій царь сидѣлъ безъ дѣла въ Псковѣ и бражничилъ съ опричниками. Но вотъ вдругъ ему доносятъ о необычайныхъ успѣхахъ польскаго короля; Іоаннъ Васильевичъ страшно перепугался, высокомѣріе его сразу исчезло и онъ, схвативши казну, опрометью бѣжалъ въ Москву. Отсюда царь немедленно послалъ къ Баторію съ предложеніемъ мира. Баторій принялъ пословъ сурово, на миръ соглашался не иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: уступить Польшѣ Новгородъ, Псковъ и Великія-Луки, и кромѣ того уплатить еще ему 400 т. червонцевъ военной контрибуціи. Московскій царь отвергъ эти условія. Война опять началась, но только уже не съ такимъ успѣхомъ для Баторія, какъ въ первый его походъ. Въ этотъ новый походъ польскій король, послѣ завоеванія нѣкоторыхъ городовъ и селеній въ Новгородской области, напалъ на Псковъ, но тутъ потерпѣлъ неудачу: всѣ его приступы были отбиты; къ тому же наступила глубокая осень, дороги испортились, провизіи не было, появились болѣзни среди войска, солдаты начали роптать, дисциплина ослабѣла. Словомъ, положеніе Баторія подъ Псковомъ было очень печально, не лучше положенія осажденныхъ въ городѣ. Отступить же ему отъ Пскова было въ высшей степени позорно: ропоту въ Польшѣ не было бы конца и онъ тамъ сразу потерялъ бы въ глазахъ своихъ подданныхъ и военную славу, и авторитетъ. Но къ счастію Баторія, царь возобновилъ переговоры о мирѣ, а этимъ и воспользовался король, чтобы съ меньшимъ скандаломъ отступить отъ Пскова.

16-го января 1582 г., при посредствѣ папскаго легата Антонія Пассевина, въ деревнѣ Киверова Горка (въ 15-ти верстахъ отъ запольскаго Яма), между Москвою и Рѣчью Посполитой былъ заключенъ миръ на 10-ть лѣтъ [1]). По этому миру русскіе уступили Польшѣ: Ливонію,

[1]) О посредничествѣ папы въ дѣлѣ заключенія мира между Баторіемъ и Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ просилъ самъ московскій царь. Принимая сіе посредничество, папа надѣялся, что Іоаннъ Васильевичъ Грозный, въ благодарность за это, признаетъ его главою православной церкви, но ошибся въ разсчетѣ: правда, московскій царь, когда нужно было посредничество папы для заключенія мира съ Баторіемъ, дѣйствительно высказывалъ желаніе признать его главою своей церкви, но когда достигъ своей цѣли, т. е. заключилъ миръ

Полоцкъ и Велижъ, а Баторій отказался отъ Псковской области и городовъ Сѣверской украйны.

Баторій недоволенъ былъ этимъ миромъ, ему хотѣлось снова начать войну съ царемъ, но сеймъ не позволялъ. Король сталъ ждать удобнаго случая; случай представился: въ 1584 г. умеръ Іоаннъ Васильевичъ Грозный; на престолъ вступилъ сынъ его Ѳеодоръ Іоанновичъ; государствомъ управлялъ шуринъ его Борисъ Годуновъ; вслѣдствіе преслѣдованія Годуновымъ нѣкоторыхъ бояръ, покушавшихся отнять у него власть, одинъ изъ нихъ, именно Головинъ, бѣжалъ въ Литву и тамъ сталъ подбивать на Москву Баторія, говоря, что въ Москвѣ не терпятъ Бориса и никто не станетъ его защищать. Баторій повѣрилъ, собралъ сеймъ и убѣдилъ было его разрѣшить ему войну съ Россіею. Но Борисъ Годуновъ, узнавши о семъ во-время, отправилъ пословъ въ Варшаву, которые посредствомъ денегъ и дорогихъ подарковъ склонили вліятельныхъ сеймовыхъ членовъ на сторону его и дѣло кончилось ничѣмъ. Тогда же польскій сеймъ съ своей стороны послалъ пословъ въ Москву съ предложеніемъ такого рода: заключить формальный договоръ, по которому въ случаѣ смерти Баторія на польско-литовскій престолъ долженъ быть возведенъ Ѳеодоръ Іоанновичъ, а въ случаѣ смерти Ѳеодора Іоанновича (если онъ умретъ раньше Баторія и притомъ бездѣтнымъ) московскій престолъ долженъ занять Баторій. Но московскіе бояре на это отвѣтили такъ: „намъ не годиться говорить о кончинѣ живого государя, пусть его Богъ милуетъ". Ясное дѣло, что московскіе бояре этимъ отвѣтомъ хотѣли только отдѣлаться отъ предложенія поляковъ. Но, тѣмъ не менѣе, это предложеніе важно въ томъ отношеніи, что оно послужило началомъ для подобныхъ сношеній послѣ кончины Баторія.

Положеніе православныхъ въ Рѣчи Посполитой при Стефанѣ Баторіи. Общее мнѣніе утвердилось, что въ Рѣчи Посполитой при Стефанѣ Баторіи положеніе православныхъ было въ высшей степени отрадное. Баторій, говорятъ всѣ, какъ человѣкъ, воспитанный въ духѣ

съ польскимъ королемъ, то наотрѣзъ отказался отъ признанія папы главою русской церкви. По этому поводу Антоній Пассевинъ ѣздилъ даже въ Москву, но вернулся ни съ чѣмъ.

Примѣчаніе. По возвращеніи въ Римъ Антоній Пассевинъ представилъ папѣ отчетъ о своей дѣятельности. Въ немъ онъ положительнымъ образомъ говоритъ, что русскихъ въ Московскомъ государствѣ привлечь въ латинство невозможно. Онъ посовѣтовалъ папѣ окатоличеніе начать съ подданныхъ Рѣчи Посполитой. Развивая подробно свой планъ, онъ указалъ на унію, какъ на самый удобный путь привести русскихъ въ латинство, съ тѣмъ однакожъ, чтобы позволить имъ до времени исполнять свои обряды, что потомъ и было приложено къ русскимъ.

либеральныхъ протестантскихъ идей, не только не преслѣдовалъ православныхъ, но даже и не заботился ни объ обращеніи ихъ въ католичество, ни объ ополяченіи.

Но какъ то невѣрно, что Баторій воспитанъ былъ въ духѣ либеральныхъ протестантскихъ идей, такъ и то невѣрно, что онъ не преслѣдовалъ православныхъ; а тѣмъ болѣе ложно мнѣніе, будто бы онъ не заботился объ обращеніи православныхъ въ католичество и объ ополяченіи ихъ.

Мы видѣли недавно, что Баторій, получивши польскую корону, полюбилъ іезуитовъ, привлекъ ихъ къ себѣ и окружилъ ими свой престолъ. Но почему, спрашивается? Костомаровъ говоритъ, что Баторій сдѣлалъ это съ цѣлію распространить просвѣщеніе въ Рѣчи Посполитой, такъ какъ іезуиты болѣе всѣхъ были способны на это. Но это не такъ: Костомаровъ для подтвержденія своихъ словъ не привелъ никакихъ доказательствъ, основанныхъ на документахъ. Совершенно иначе смотритъ на этотъ фактъ профессоръ Любовичъ, и мы вполнѣ должны довѣриться взглядамъ этого почтеннаго ученаго, какъ основаннымъ на документахъ, заимствованныхъ изъ тайныхъ ватиканскихъ архивовъ. Вотъ подлинныя слова профессора Любовича: „Баторій былъ человѣкъ съ широкими планами, энергическій, предпріимчивый и, находя эти черты въ іезуитахъ, онъ не могъ не покровительствовать имъ. Сверхъ того, онъ видѣлъ въ нихъ вѣрныхъ союзниковъ и помощниковъ въ своемъ дѣлѣ. Они содѣйствовали ему всѣми силами упрочить и закрѣпить за Польшею завоеванныя русскія земли. Баторій понималъ, что онъ не удержитъ за собою иначе эти территоріальныя пріобрѣтенія, какъ ополячивъ ихъ населеніе. Достигнуть же этого было возможно лишь путемъ водворенія католицизма. Баторію было извѣстно, что православное населеніе русскихъ земель, принадлежавшихъ тогда Польшѣ, во время войны его съ Москвою, молилось о дарованіи побѣды единовѣрному съ нимъ государству. Іезуиты, несомнѣнно, рекомендовали ему въ виду этого распространеніе католицизма среди русскаго народа. Но Баторій уже съ самаго начала своего царствованія держался этой политики. Онъ и его канцлеръ Янъ Замойскій, а также нѣкоторые иные магнаты, направляли всѣ силы на окатоличеніе русскаго населенія, находившагося подъ польскимъ владычествомъ. Янъ Замойскій, имѣвшій большія помѣстья въ русскихъ областяхъ, при посѣщеніи ихъ всегда бралъ съ собою іезуитовъ и, сверхъ того, посылалъ туда постоянно ихъ или какихъ либо иныхъ ловкихъ и краснорѣчивыхъ патеровъ... Стефанъ Баторій, продолжаетъ этотъ уважаемый ученый, вполнѣ раздѣлялъ воззрѣнія своего канцлера на іезуитовъ. Этимъ объясняется та готовность, съ которою Баторій передавалъ въ ихъ руки народное образованіе. Не говоря уже о тѣхъ глубокихъ политическихъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ онъ преобразовалъ Виленскую іезуитскую коллегію въ

академію, указаніемъ на пониманіе Баторіемъ дѣятельности іезуитовъ, какъ политическаго фактора, можетъ служить и та особенность, съ какою онъ отнесся къ учрежденію коллегіи этихъ патеровъ въ Полоцкѣ. Едва только городъ былъ завоеванъ, какъ онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы ввести туда іезуитовъ. Цѣль его въ данномъ случаѣ была ясна. Онъ понималъ, какъ трудно будетъ удержать этотъ русскій городъ за собой. Только искоренивши православіе, окатоличивши нѣсколько населеніе, возможно было разсчитывать на нѣкоторое примиреніе его съ чужимъ владычествомъ. Дѣйствительно, Баторій самымъ энергическимъ образомъ старался объ основаніи коллегіи іезуитовъ въ Полоцкѣ, постоянно совѣщался съ ними по этому вопросу и оказывалъ имъ самое сильное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ... Мы знаемъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ профессоръ Любовичъ, о сильномъ сопротивленіи, оказанномъ въ Полоцкѣ учрежденію іезуитской коллегіи не только со стороны мѣстнаго православнаго населенія, но даже и со стороны поляковъ, протестантовъ и въ томъ числѣ самого полоцкаго воеводы. Между тѣмъ, это нисколько не смутило Баторія: онъ самымъ энергическимъ образомъ поддержалъ іезуитовъ и добился у Полоцка исполненія всѣхъ ихъ требованій. Отсюда ясно, что основаніе іезуитской коллегіи, въ особенности въ его царствованіе, было результатомъ глубокихъ политическихъ соображеній. Ему хотѣлось покорить Русь оружіемъ іезуитовъ. Дѣйствительно, какъ только силы ихъ возрасли въ русскихъ областяхъ, они съ началомъ восьмидесятыхъ годовъ начинаютъ уже работать надъ устройствомъ уніи“ [1]).

Для той же цѣли, т. е. для окатоличенія православныхъ, Стефанъ Баторій привлекалъ къ себѣ и монаховъ францисканскаго и бернардинскаго орденовъ. И дѣйствительно, монахи этихъ орденовъ, какъ это видно изъ источниковъ, при Стефанѣ Баторіи обратили многихъ православныхъ въ католичество. „Изъ актовъ нунціатуры, говоритъ тотъ же проф. Любовичъ, видно, что францисканскіе монахи, а также бернардины сильно занимались пропагандою католицизма среди православнаго населенія. Они дѣйствовали въ это время съ особеннымъ успѣхомъ въ нижнихъ слояхъ общества. Особенно часто бывали случаи перехода въ католичество православной прислуги, находившейся у польской шляхты. Читая донесенія о подобныхъ совращеніяхъ, не смотря на ихъ крайнюю сухость, невольно рисуются въ умѣ картины униженія и притѣсненій, которымъ предварительно подвергался этотъ подневольный народъ, его отчаяніе и слезы, прежде чѣмъ отречься отъ вѣры отцовъ“!

---

[1]) См. Варшавскія университетскія извѣстія за 1888 г., статью профессора Любовича „Къ исторіи іезуитовъ“.

Итакъ, мы видимъ, что Стефанъ Баторій, съ цѣлію прочнѣе скрѣпить съ Рѣчью Посполитой западно-русскія области, употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы окатоличить православно-русское населеніе въ своемъ государствѣ.

Но теперь спрашивается: прибѣгалъ ли Баторій къ насильственнымъ мѣрамъ въ этомъ случаѣ? или лучше сказать: преслѣдовалъ ли онъ православныхъ? Конечно, самъ лично Баторій не преслѣдовалъ православныхъ и, какъ кажется, не издавалъ никакихъ явныхъ приказаній, клонившихся къ стѣсненію ихъ [1]). Но что при немъ въ Рѣчи Посполитой были преслѣдованія православныхъ католическимъ духовенствомъ и панами и что эти преслѣдованія совершались съ вѣдома его, то это не подлежитъ сомнѣнію. Приведемъ нѣкоторые факты.

Въ Львовѣ въ 1584 г., наканунѣ Рождества Христова, католики, по приказанію своего епископа, съ оружіемъ въ рукахъ напали на православные монастыри и церкви, выволокли священниковъ изъ алтарей—однихъ уже по освященіи даровъ, а другихъ еще до освященія—запечатали церкви и настрого запретили отправлять въ нихъ богослуженіе.

Но особенно православные подвергались преслѣдованіямъ какъ въ собственной Литвѣ, такъ и въ южной Руси по поводу введенія въ Литовскомъ государствѣ григоріанскаго календаря [2]): нерѣдко іезуиты и католическія духовныя лица врывались въ православныя церкви и палками выгоняли оттуда священниковъ и прихожанъ, когда тѣ соби-

---

[1]) За исключеніемъ развѣ одного указа, изданнаго въ 1586 г.; этимъ указомъ строго запрещалось жителямъ православнаго исповѣданія торговать и заниматься ремеслами въ праздничные дни, установленные по римско-католическому календарю. Т. III акт. истор. зап. Рус.

[2]) Введеніе григоріанскаго календаря въ Литовскомъ государствѣ вмѣсто юліанскаго происходило въ 1582 г., по приказанію папы Григорія XIII. Но когда введеніе это возбудило страшное волненіе между православными, то Константинъ Острожскій, воевода кіевскій, написалъ объ этомъ константинопольскому патріарху Іереміи II. Іеремія по сему поводу созвалъ соборъ, на которомъ въ числѣ духовныхъ лицъ присутствовалъ и александрійскій патріархъ. Соборъ, разсмотрѣвъ григоріанскій календарь, нашелъ въ немъ много неправильностей, а потому счелъ неудобнымъ вводить его въ западно-русской православной церкви. Въ началѣ 1583 г. оба патріарха—константинопольскій и александрійскій—послали три грамоты: одну жителямъ города Вильны, другую князю Острожскому, а третью митрополиту Онисифору и сверхъ того еще одно общее посланіе всѣмъ православнымъ Рѣчи Посполитой. Какъ въ грамотахъ, такъ и въ посланіи вселенскіе патріархи подробно изложили неправильности григоріанскаго календаря и строго запретили вводить его въ православной церкви. Впрочемъ, эти грамоты и посланіе, вслѣдствіе набѣговъ татаръ на владѣнія Рѣчи Посполитой, въ томъ году не попали кому слѣдуетъ; они были переданы по назначенію только въ слѣдующемъ 1584 году.

рались на богослуженіе въ праздничные дни, обозначенные юліанскимъ календаремъ.

Больше всего при Стефанѣ Баторіи мы видимъ захватовъ католическимъ духовенствомъ и польскими панами разнаго рода фундушей (т. е. движимаго и недвижимаго дарственнаго имущества), принадлежащихъ православнымъ церквамъ, соборамъ и монастырямъ. Такъ, между прочимъ, отняты были при Баторіи богатые фундуши у Трокской архимандріи.

Трокская архимандрія была одною изъ древнѣйшихъ святынь православной церкви въ Литовскомъ государствѣ. Основаніе ея относится ко временамъ Ягайлы. Двоюродный братъ сего князя, Витовтъ, въ 1384 году въ г. Трокахъ, какъ мы уже разъ выше замѣтили, построилъ двѣ церкви: одну во имя Рождества Христова, а другую Рождества Пресвятыя Богородицы, съ монастыремъ. Обѣ эти церкви и монастырь составляли первоначально такъ называемую Трокскую архимандрію. Впослѣдствіи къ ней присоединена была еще церковь св. великомученика Георгія, основанная Сапѣгами на островѣ озера Гальвы [1]). Каждая изъ этихъ церквей имѣла богатый надѣлъ земли и угодій, которые всѣ вмѣстѣ составляли фундушъ Трокской архимандріи. Первый надѣлилъ Трокскую архимандрію фундушемъ Витовтъ, а затѣмъ подскарбій короля Сигизмунда I Иванъ Андреевичъ и княгиня Нелединская, изъ рода Кунцевичъ.

Но со вступленіемъ на польско-литовскій престолъ Стефана Баторія католическое духовенство и паны стали расхищать богатые фундуши Трокской архимандріи. Особенно велико было расхищеніе въ 1584 г. Такъ, нѣкій панъ Станиславъ Стровинскій отнялъ у Трокской архимандріи пустошь (луга) Мейловщину, а потомъ другой панъ, какой-то Толоконскій, отнялъ плацы и монаховъ разогналъ [2]).

Въ царствованіе Баторія іезуиты, на основаніи папской буллы, произвели такъ называемую „перечистку библіотекъ“, т. е. они, съ дозволенія короля, пересмотрѣли всѣ костельныя и монастырскія библіотеки, причемъ выбрали изъ нихъ книги, не соотвѣтствующія католическимъ убѣжденіямъ, снесли на площади и рукою палача сожгли, какъ еретическія; особенно много сожжено было въ это время русскихъ книгъ.

---

[1]) Церковь эта служила усыпальницею для рода Сапѣговъ.

Примѣчаніе. Родъ Сапѣговъ, какъ это видно изъ документовъ, принадлежалъ къ православно-русскимъ дворянскимъ фамиліямъ западной Россіи. При первыхъ трехъ Сигизмундахъ Сапѣги занимали многія высокія должности. Приняли католичество и ополячились около 1600 г.

[2]) Подробности см. въ сочиненіи Щербицкаго: „Виленскій св.-Троицкій монастырь“.

Но чтобы легче окатоличить православное населеніе, а также и ослабить въ Рѣчи Посполитой все еще могучее значеніе русской народности, Стефанъ Баторій задумалъ уничтожить казачество, на которое опиралась русская народность.

Административное устройство, данное Баторіемъ малороссійскому казачеству. Происхожденіе казачества. Запорожье [1]). Казачество—это своего рода средневѣковое рыцарство, только образовавшееся не изъ нѣмецко-романско-католической народности, а изъ русско-православной. Сословіе это въ исторіи государствъ Русскаго, Польскаго и Литовскаго имѣло огромное значеніе и дѣятельность его была тѣсно связана съ ними. Казачество, съ одной стороны, не мало способствовало развитію могущества Русскаго государства и его крѣпости, а съ другой—не мало содѣйствовало и паденію Рѣчи Посполитой (т. е. Польскаго и Литовскаго государствъ вмѣстѣ).

Нынѣшнія губерніи Кіевская, Полтавская и Подольская (страна древнихъ угличей и тиверцевъ) еще въ XII ст. назывались Украйною и входили въ составъ великаго княжества Кіевскаго. Въ XIV ст. княжество это подчинено было подольскимъ ханамъ, намѣстникамъ Золотой Орды; но когда въ 1362 г. Ольгердъ нанесъ пораженіе, какъ мы уже выше говорили, тремъ подольскимъ ханамъ на Синихъ водахъ, то Украйна подчинилась Литвѣ и вошла въ составъ Литовскаго государства. Жители этой вновь пріобрѣтенной Ольгердомъ страны, вслѣдствіе частыхъ столкновеній съ татарами, выработали у себя особое сословіе, которое можно назвать военно-рыцарскимъ. Это военно-рыцарское сословіе съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе умножалось приливомъ бѣглыхъ крестьянъ изъ Литвы и Бѣлоруссіи. Побѣги крестьянъ (всѣ эти бѣглецы были русскіе и православные, какъ и жители Украйны) особенно усилились съ того времени, когда поляки, задумавъ подготовить соединеніе Литвы съ Польшею, стали законодательнымъ порядкомъ закрѣпощать православно-русскихъ крестьянъ (народъ собственно) за дворянствомъ Литовскаго государства, съ цѣлію привлечь сіе дворянство на свою сторону и обрѣсти въ немъ дѣятельныхъ помощниковъ въ дѣлѣ этой подготовки. Часть этихъ бѣжавшихъ крестьянъ селилась на пустопорожнихъ мѣстахъ Украйны, въ сосѣдствѣ съ туземнымъ военнымъ сословіемъ, а другая — удалялась южнѣе и селилась на островахъ Днѣпра и по берегамъ его, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Екатеринославской и Херсонской. Главное поселеніе этихъ бѣглыхъ крестьянъ, не оставшихся въ Украйнѣ, былъ островъ Хортица. Островъ этотъ находится за днѣпровскими порогами,

---

[1]) О казакахъ см. Костомарова „Богданъ Хмельницкій“, т. I, гл. 1-я, а также см. въ „Исторіи Малороссіи“ Маркевича и въ „Чтеніяхъ московскаго общество исторіи и древностей“ за 1846, 1847 и другіе годы.

а потому поселенцы его и сосѣднихъ острововъ, а равно и береговые жители этой мѣстности впослѣдствіи стали называться „запорожцами“, а мѣсто селенія—„Запорожьемъ“ или „Запорожскою Сѣчью“ [1]).

Въ началѣ XVI ст. какъ украинскіе поселенцы, такъ и запорожскіе стали называться казаками [2]).

Тѣ казаки, которые жили въ Малороссіи или, лучше сказать, въ Украйнѣ, назывались домовитыми; они были разсѣяны по городамъ, селамъ, деревнямъ и т. п. и всѣ имѣли свои дома и хутора и жили очень зажиточно. Тѣ же казаки, которые жили на островѣ Хортицѣ и другихъ близкихъ къ нему мѣстахъ, назывались „голутвенными“ или „голытьбою“. Устройство этихъ послѣднихъ было очень оригинально: во-первыхъ, жили они не домами, а въ общихъ жилищахъ, сплетенныхъ изъ хвороста, которыя назывались куренями, по нѣсколько десятковъ человѣкъ вмѣстѣ; во-вторыхъ, женщины подъ страхомъ смертной казни не допускались въ курени; въ-третьихъ, кромѣ платья и оружія у нихъ было все общее, обѣдали даже вмѣстѣ. Верховная власть находилась въ рукахъ рады или казацкаго собранія, которое похоже было на древнее вѣче. Рада выбирала себѣ главнаго начальника, который назывался атаманомъ или кошевымъ, а все управленіе его называлось кошемъ. Атаманъ или кошевой до своей смѣны (а смѣняла его тоже рада и притомъ когда ей вздумается) пользовался неограниченною властію, только послѣ смѣны онъ давалъ отчетъ во всемъ радѣ, и при этомъ, если рада находила его въ чемъ-либо виноватымъ, онъ могъ потерять голову на плахѣ. У главнаго атамана (кошевого) было много помощниковъ, которые назывались куренными атаманами; куренные атаманы были начальниками отдѣльныхъ куреней. Число запорожскихъ казаковъ не было ограничено: сюда поступалъ всякій, кто хотѣлъ, лишь бы только поступающій былъ русскій и православный. Главный обѣтъ, который давали запорожцы, состоялъ въ томъ, чтобы защищать православіе и бить всѣхъ, кто возстаетъ противъ него. Большею частію они вели борьбу съ татарами и турками, а потомъ съ поляками. Отвага, удаль и презрѣніе къ жизни въ битвахъ; беззаботность, разгулъ и шумная веселость во время отдыха—были главныя черты ихъ жизни.

Отношенія запорожскихъ казаковъ къ домовитымъ были самыя дружественныя. Нерѣдко домовитые казаки, въ случаѣ какого-нибудь

[1]) О запорожцахъ см. Бантышъ-Каменскаго „Исторія Малой Россіи“, три тома. Эварницкаго—„Топографическій очеркъ Запорожья“. Кіевск. Стар. 1884.

[2]) Слово „казакъ“ ученые объясняютъ различно, но большею частію останавливаются на томъ, что это слово татарское и означаетъ вольнаго человѣка, удальца. Казаки въ русскихъ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминаются при Василіи Темномъ, около половины XV ст.

стѣсненія со стороны польскаго правительства, убѣгали въ Сѣчь. Хотя сосѣдніе полякамъ народы (турки и татары) и считали запорожцевъ подвластными Рѣчи Посполитой, но на самомъ дѣлѣ они не признавали ничьей власти и дѣлали что хотѣли.

Украинскіе казаки или домовитые до XVI ст. не имѣли никакого устройства. Въ случаѣ нападенія непріятеля, они собирались въ группы и, выбравъ начальника (гетмана), шли войной противъ врага, отбивши котораго расходились по домамъ, и затѣмъ, подобно запорожцамъ, рѣшительно никому не повиновались. Правда, у нихъ были старосты, назначаемые отъ польскаго правительства, но казаки не обращали на этихъ старостъ никакого вниманія: такъ, если казакамъ являлась необходимость идти куда нибудь, то они шли, не спрашивая никого, а если не было необходимости, то сидѣли дома, хотя бы правительство и приказывало идти.

Въ началѣ XVI ст. польское правительство образовало на Украйнѣ два староства—Черкасское и Коневское, которыя управлялись двумя особыми старостами. Этимъ старостамъ номинально были подчинены и всѣ казаки; но тѣ никогда и ни въ чемъ не слушали ихъ. При Сигизмундѣ I, въ сороковыхъ годахъ XVI ст., двумя вышеозначенными староствами управлялъ почему-то одинъ староста—Остапъ Дашковъ. Этого старосту малороссійскіе казаки очень любили. Пользуясь симъ, Остапъ Дашковъ далъ казакамъ нѣкоторую организацію. Устройство, данное Дашковымъ домовитымъ казакамъ, во многомъ было похоже на устройство казаковъ въ Запорожской Сѣчи. Послѣ Остапа Дашкова административное устройство домовитыхъ казаковъ усовершенствовали старосты: Димитрій Вишневецкій, Лянскоронскій и Рожинскій. Стараніемъ этихъ четырехъ старостъ малороссійскіе или домовитые казаки въ административномъ отношеніи представляли слѣдующее устройство: все казачество подчинено было радѣ (собранію); рада выбирала себѣ начальника, который назывался кошевымъ или атаманомъ; кошъ (все казачество) раздѣлялся на курени (округа); въ составъ каждаго куреня входило нѣсколько селъ, деревень и хуторовъ; каждый курень подчиненъ былъ куренному атаману. Кошевой атаманъ выбирался только на одинъ годъ [1]), власть его была неограничена. Кромѣ вышеозначенныхъ административныхъ лицъ (кошевого и куренныхъ атамановъ), въ кошѣ были еще слѣдующія должностныя лица: генеральный старшина, есаулы, судьи, писаря, обозные и т. п.

Первый изъ польскихъ королей, обратившій вниманіе на малороссійскихъ казаковъ и оцѣнившій ихъ значеніе, былъ Стефанъ Баторій. Какъ умный человѣкъ, Баторій видѣлъ, что казаки составляютъ могу-

---

[1]) Очень часто малороссійскіе казаки, не выбирая своего атамана, признавали надъ собою власть запорожскаго кошевого.

чую и грозную силу, но только чуждую Польшѣ, какъ державѣ католической; онъ видѣлъ также, что казаки составляютъ оплотъ русской народности и православія и въ то же время служатъ главнымъ препятствіемъ къ окончательному сліянію Литовскаго государства съ Польскимъ. Поэтому Баторій рѣшился ослабить силу казаковъ и мало-помалу довести ихъ до уничтоженія. Приступая къ выполненію этой цѣли, Стефанъ Баторій началъ дѣло осторожно и сталъ употреблять для сего мѣры повидимому благопріятныя казакамъ.

Въ это время малороссійскіе казаки избрали себѣ кошевымъ или атаманомъ (гетманомъ) нѣкоего Ѳеодора Богданку. Баторій, узнавъ объ этомъ, какъ бы въ знакъ милости и благосклонности своей, послалъ ему булаву, печать съ изображеніемъ воина, знамя съ королевскимъ гербомъ и подтвержденіе въ этомъ избраніи. Затѣмъ онъ приказалъ записать въ особые списки (реестры) 6,000 казаковъ и назначить имъ жалованье по одному червонцу въ годъ и по тулупу; но при этомъ король заявилъ, чтобы эти реестровые казаки исполняли пограничную службу и, въ случаѣ надобности, являлись бы къ нему по первому требованію. Дѣйствуя такимъ образомъ по отношенію къ казакамъ, Стефанъ Баторій хотѣлъ показать имъ, что считаетъ ихъ своими подданными и имѣетъ право верховнаго начальства надъ ними.

Учрежденіемъ въ казацкомъ сословіи реестровыхъ казаковъ польскій король думалъ совершить разъединеніе между казаками, именно: поступая такъ, Баторій имѣлъ въ виду, чтобы со временемъ только эти 6,000 лицъ, записанныя въ реестръ, остались казаками, а всѣ остальныя мало-по-малу перешли бы въ сословіе посполитыхъ, т. е. наравнѣ съ другими подпали бы подъ власть дворянъ (пановъ). Но кромѣ этого, симъ учрежденіемъ Баторій думалъ достигнуть еще и того, чтобы и эти 6,000 реестровыхъ казаковъ, получая жалованье, какъ солдаты, и подчиняясь распоряженіямъ главнокомандующаго польскими войсками, со временемъ сдѣлались бы однимъ изъ отдѣловъ польской арміи. Планъ уничтоженія казаковъ задуманъ былъ, очевидно, ловко и хитро, но онъ не привелъ къ желанной цѣли. Правда, Богданко принялъ подарки и поблагодарилъ за нихъ короля, но не подчинился ему: въ томъ же году онъ, не спрашиваясь у Баторія, началъ войну съ Турціей. Преемникъ его Ганъ-Подкова овладѣлъ Молдавіей, которая была въ зависимости отъ Турціи. Оттоманская Порта, считая казаковъ подданными Польши, просила сію послѣднюю усмирить Подкову, въ противномъ случаѣ грозила войною самой Рѣчи Посполитой. Баторій, не имѣя достаточныхъ средствъ для того, чтобы открытою силою заставить Подкову смириться, приказалъ тайно, хитростію, схватить его и казнить. Послѣ Подковы казаки выбрали гетманомъ друга его Шахту и начали мстить за Подкову. Вотъ съ этого то времени и началась столѣтняя борьба юж-

но-русскихъ жителей съ поляками, къ которой принадлежитъ и знаменитая эпоха Хмельницкаго.

Шахтъ первый подалъ мысль посредствомъ казаковъ защищать въ Рѣчи Посполитой русскую народность и православіе отъ польскихъ притѣсненій. Онъ не только принудилъ поляковъ выдать ему дочь, имущество и тѣло казненнаго Подковы, но и безпощадно выгонялъ шляхтичей, поселившихся въ Подоліи со временъ Люблинской уніи. Баторій хотѣлъ за это истребить всѣхъ казаковъ, но не успѣлъ, такъ какъ скоро умеръ. Говорятъ, передъ смертію онъ сказалъ слѣдующія знаменательныя слова: „Бродяги эти, казаки, когда-нибудь большое зло принесутъ Польшѣ“—и не ошибся.

Со временъ Баторія польское правительство уже постоянно назначало казакамъ въ Украйну своего короннаго гетмана, но казаки иногда признавали его власть, а иногда нѣтъ. Нерѣдко гетманъ, выбранный въ Малороссіи, былъ вмѣстѣ гетманомъ и Запорожья, а случалось и наоборотъ [1]).

Послѣ Стефана Баторія между домовитыми казаками и запорожскими (голутвенными) установилась полная солидарность: все, что только, бывало, польское правительство предпринимало въ Украйнѣ вреднаго относительно русской народности и православія, немедленно отзывалось въ Запорожьѣ и приводило его въ страшное броженіе.

Къ учрежденіямъ и распоряженіямъ Стефана Баторія, спеціально относящимся къ Литовскому государству, принадлежитъ учрежденіе „Главнаго литовскаго трибунала“.

Главный литовскій трибуналъ учрежденъ былъ въ 1581 г. Это былъ высшій апелляціонный судъ, опредѣленія котораго имѣли силу сеймовыхъ постановленій и отмѣнять которыя не въ правѣ былъ и самъ король. Члены трибунала избираемы были на частныхъ сеймахъ (сеймикахъ), по одному изъ каждаго воеводства, земли и повѣта, на одинъ годъ. Предсѣдательствовалъ въ немъ маршалокъ, котораго выбирали сами члены трибунала. Засѣданія его (коденціи) происходили въ Вильнѣ, Минскѣ и Новогрудкѣ. Въ Вильнѣ засѣданія происходили ежегодно. Они обыкновенно начинались съ Ѳоминой недѣли и продолжались 20 недѣль. Въ Минскѣ же и Новогрудкѣ—черезъ годъ (одинъ годъ въ Минскѣ, а другой въ Новогрудкѣ). Въ этихъ городахъ начи-

[1]) О первыхъ казацкихъ движеніяхъ естъ статья въ „Кіевской Старинѣ“ за 1884 г. Николайчика.

нались они обыкновенно сейчасъ послѣ виленскихъ засѣданій и продолжались также 20 недѣль [1]).

Стефанъ Баторій царствовалъ всего 11 лѣтъ; умеръ 12-го декабря 1586 г., въ г. Гроднѣ. Онъ былъ роста средняго, сложенія крѣпкаго, цвѣтъ лица имѣлъ темный, волосы черные. За нѣсколько дней до смерти Баторій послалъ пословъ въ Римъ къ папѣ Сиксту V просить денегъ для борьбы съ Москвою. Папа денегъ не далъ, да и послы, вернувшись въ Польшу, уже не застали короля въ живыхъ.

---

[1]) Въ 1609 году, т. е. уже послѣ смерти Баторія, главный трибуналъ раздѣленъ былъ на два другіе трибунала: трибуналъ скарбовый или казенный и трибуналъ духовный.

Скарбовый трибуналъ учрежденъ былъ для разсмотрѣнія дѣлъ о казенныхъ недоимкахъ. По окончаніи виленской коденціи обыкновенно тѣ же самые члены главнаго трибунала (только съ новымъ предсѣдателемъ) вмѣстѣ со скарбовыми и военными комиссарами рѣшали эти дѣла въ двѣ недѣли.

Духовный трибуналъ учрежденъ былъ для рѣшенія духовныхъ апелляціонныхъ дѣлъ между духовными и свѣтскими лицами, а также о неуплатѣ десятины, аннуиты (доходы казны съ духовныхъ лицъ, получавшихъ извѣстныя мѣста) и о спорахъ духовныхъ лицъ съ свѣтскими за имѣнія. Ему принадлежали также дѣла объ отступникахъ отъ вѣры. Этотъ трибуналъ имѣлъ свои засѣданія въ Вильнѣ; онъ состоялъ изъ 12 лицъ: 6 духовныхъ и 6 свѣтскихъ. Духовныя лица выбирались изъ капитуловъ: виленскаго, жмудскаго и смоленскаго.

Примѣчаніе. Для иллюстраціи тогдашнихъ порядковъ въ Литовскомъ государствѣ въ дѣлѣ судебномъ мы приведемъ одинъ фактъ: вслѣдствіе жалобы русскаго выходца Андрея Курбскаго, секретарь Стефана Баторія Василій Борзобогатый-Красненскій, по приговору суда, долженъ былъ заплатить 900 копъ грошей. Три раза мѣстныя власти обращались къ Борзобогатому, чтобы онъ уплатилъ Курбскому означенную сумму и тотъ три раза выталкивалъ ихъ въ шею. Тогда Баторій приказалъ силою взыскать деньги; по этому поводу староста луцкій (которому поручено было сіе дѣло) Александръ Пронскій собралъ всю шляхту изъ повѣтовъ: Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго и двинулся на Борзобогатаго для исполненія приказанія короля. Но и Борзобогатый не дремалъ: онъ тоже собралъ значительное ополченіе, частію изъ наемныхъ солдатъ, частію изъ своихъ пріятелей, сосѣдней шляхты, и раздѣлилъ его на три отряда, изъ которыхъ однимъ командовалъ самъ Борзобогатый, а двумя другими—жена его, урожденная княжна Сокольская.

На границѣ имѣній Борзобогатаго произошло кровопролитное сраженіе: дрались саблями, пиками, стрѣляли изъ ружей и пушекъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Пронскій бѣжалъ со стыдомъ.

Сигизмундъ III.

1587—1632 г.

Стефанъ Баторій умеръ, какъ мы сейчасъ сказали, въ декабрѣ 1586 года, а въ слѣдующемъ году въ Рѣчи Посполитой приступили къ выбору новаго короля. При этомъ избраніи составились три партіи: первая, подъ предводительствомъ пановъ Зборовскихъ, желала избранія на польско-литовскій престолъ эрцгерцога Максимиліана, брата императора германскаго Рудольфа; вторая, во главѣ которой стоялъ гетманъ и канцлеръ польскій Замойскій, склонялась къ выбору внука Густава Вазы, сына шведскаго короля Іоанна III, Сигизмунда; третья, состоявшая по большей части изъ литовско-русскихъ дворянъ, желала видѣть на престолѣ Рѣчи Посполитой московскаго царя Ѳеодора Іоанновича. Лѣтомъ того же года московско-русская партія по этому поводу сносилась съ Борисомъ Годуновымъ, а осенью по сему же дѣлу въ Польшу прибыли московскіе послы. Отъ имени царя они заявили литовско-русской партіи, что Ѳеодоръ Іоанновичъ согласенъ на ихъ предложеніе касательно принятія польской короны и при этомъ прибавили, что московскій царь, если только будетъ выбранъ на польскій престолъ, дастъ всему дворянству Рѣчи Посполитой большія привилегіи. Литовско-русская партія благодарила пословъ за извѣщеніе и очень была довольна тѣмъ, что русскій царь не отказывается отъ польской короны. Но чтобы окончательно упрочить успѣхъ избранія на польскій престолъ Ѳеодора, литовско-русская партія попросила 200 т. рублей, надѣясь этими деньгами склонить на свою сторону остальныя двѣ партіи. Но у пословъ денегъ не было. Не смотря на это, на избирательномъ сеймѣ (елекціонномъ) большинство депутатовъ заявили себя на сторонѣ московскаго царя; когда выставили три значка кандидатовъ: австрійскаго эрцгерцога Максимиліана—шляпу нѣмецкую, шведскаго принца—модель сельди и русскаго царя—модель на подобіе шапки Мономаха, то подъ послѣднимъ значкомъ оказалось больше всего избирательныхъ голосовъ. Выбрали 15 человѣкъ депутатовъ для переговоровъ съ московскими послами. Депутаты предложили слѣдующія условія: чтобы царь немедленно принялъ католичество, короновался въ Краковѣ отъ гнѣзненскаго архіепископа и въ титулѣ своемъ ставилъ Польшу выше Москвы. Послы на все это отказали наотрѣзъ. Затѣмъ депутаты потребовали 100 т. руб.; послы и этого не могли исполнить, такъ какъ при нихъ и 100 т. не оказалось; они обѣщались послѣ выслать, когда вернутся въ Москву, но депутаты не могли ждать. Этимъ дѣло и кончилось. Поляки и литовцы произвели новые выборы и на этотъ разъ выбрали Сигизмунда, шведскаго королевича, т. е. такого человѣка, какого Москва менѣе всего желала. Московскіе послы, ѣздившіе въ Польшу хлопотать

объ избраніи на польско-литовскій престолъ Θеодора Іоанновича, успѣли только въ томъ, что продолжили перемиріе на 15 лѣтъ.

16-го декабря 1587 г. Сигизмундъ короновался въ Краковѣ и потомъ избралъ своею столицею городъ Варшаву.

Сигизмундъ III былъ недалекаго ума, слабаго характера и рѣшительно не способенъ былъ къ управленію государствомъ. Всѣ польскіе историки единогласно считаютъ его первымъ королемъ Польши, положившимъ начало паденію сего государства. Онъ вступилъ на польскій престолъ 20 лѣтъ отъ роду и управлялъ Польшею, къ ея несчастію, почти полстолѣтіе. Поляки его не любили; онъ не понравился имъ съ того самаго момента, какъ вступилъ въ Краковъ. Разсказываютъ, что когда Сигизмундъ въѣзжалъ въ этотъ городъ, то канцлеръ Замойскій сказалъ ему блестящую привѣтственную рѣчь, на которую король ни слова не отвѣтилъ. Это такъ поразило канцлера, что тотъ, обратясь къ сенатору Ильѣ Сневальскому, который стоялъ около него и который больше всѣхъ хлопоталъ въ пользу избранія Сигизмунда, и громко сказалъ: „какого нѣмого чорта вы привезли намъ изъ Швеціи"?

Вслѣдствіе отсутствія глубокаго ума и твердости характера, новый польскій король, какъ только явился въ Польшу, сразу попалъ въ руки іезуитовъ и былъ ими опутанъ; отсюда и объясняется вся его государственная дѣятельность.

Съ самаго ранняго дѣтства Сигизмундъ III былъ воспитанъ въ строго-католическомъ духѣ, а потому, достигши престола Рѣчи Посполитой, прежде всего обратилъ свое вниманіе на диссидентовъ, т. е. на христіанъ не-католиковъ. Но такъ какъ въ Польско-Литовскомъ государствѣ въ это время изъ числа диссидентовъ было больше всего православныхъ, то Сигизмундъ, руководимый іезуитами, обратилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на этихъ послѣднихъ. Новому молодому и притомъ сильно нафанатизированному королю очень хотѣлось прославить свое царствованіе въ глазахъ Европы и заслужить милость и похвалу святого римскаго отца обращеніемъ схизматиковъ въ католичество. Но такъ какъ трудно и даже невозможно было, безъ волненія и бунта, сразу привести въ католичество такое огромное число православныхъ, какое ихъ было въ Рѣчи Посполитой, то, по совѣту іезуитовъ, рѣшено было сначала обратить всѣхъ православныхъ въ унію, а съ теченіемъ времени и въ католичество.

Унія, понимаемая въ смыслѣ церковномъ, есть такое православно-восточное исповѣданіе, выработанное, какъ мы уже отчасти замѣтили выше, въ Римѣ еще въ XV столѣтіи [1]), которое признаетъ римскаго папу видимымъ главою церкви и подчиняется ему. Значитъ, унія была не что иное, какъ переходная ступень въ католичество.

---

[1]) На Флорентійскомъ соборѣ въ 1439 г.

Церковная унія въ Литовскомъ государствѣ [1]).

Причины, подготовившія унію. Іезуиты, какъ мы видѣли выше, призваны были сначала въ Польшу, а потомъ въ Литовское государство для борьбы съ реформаторами (кальвинистами) и протестантами (лютеранами). Благодаря распаденію тѣхъ и другихъ, т. е. реформаторовъ и протестантовъ, на множество мелкихъ сектъ и происшедшихъ между ними, вслѣдствіе этого, споровъ и раздоровъ, іезуиты скоро и легко успѣли справиться съ ними. Ко времени Сигизмунда III и последователи Кальвина, и приверженцы Лютера если не были окончательно уничтожены, то сильно ослаблены. У тѣхъ и другихъ іезуиты въ какія-нибудь пятьнадцать лѣтъ успѣли отнять самыхъ даровитыхъ членовъ, а въ остальныхъ породить сомнѣнія. Покончивъ съ кальвинизмомъ и протестантизмомъ, іезуиты, опираясь на Сигизмунда III и католическую аристократію, приступили къ выполненію завѣтной мечты римскихъ папъ, т. е. къ приведенію „схизматиковъ" (православныхъ) къ единенію съ католическою церковью посредствомъ изобрѣтенной римскою куріею особой для этого дѣла формы исповѣданія, такъ называемой уніи.

Приступая къ этой работѣ, іезуиты надѣялись, что здѣсь легче и скорѣе пойдетъ дѣло, чѣмъ среди кальвинистовъ и протестантовъ, такъ какъ для цѣли ихъ уже раньше была подготовлена почва. Къ сему послѣднему можно отнести: а) ополяченіе большей части литовско-русскаго православнаго дворянства и б) вкравшіеся въ православную церковь Литовскаго государства безпорядки.

I. Ополяченіе русско-литовскаго дворянства [2]). Польша по своему географическому положенію ближе стояла къ Западу, чѣмъ Литовское государство, связанное съ нею политически. Западъ же въ это время по своему образованію, по своей культурѣ, стоялъ выше Польши; поляки, соприкасаясь съ предѣлами Запада, постоянно старались впитать въ себя плоды цивилизаціи греко-романскихъ народовъ. Когда же они достигли этого, т. е. успѣли усвоить себѣ просвѣщеніе вышеозначенныхъ народовъ, то сдѣлались горды, недоступны и заносчивы. Обра-

---

[1]) О церковной уніи см. проф. Кояловича „Литовская церковная унія", т.т. I и II-й. Спб. 1861 г. Митрополита Макарія „Исторія русской церкви", т. IX и X. 1880—1881 г. Бантышъ-Каменскаго „Историческія извѣстія о возникшей въ Польшѣ уніи". Вильна. 1866 г. Пр. Чистовича „Исторія западно-русской церкви", т. II. 1884 г. Костомарова „Церковная унія"—монографія, т. III. Иванишева „Свѣдѣнія о началѣ уніи". Кіевъ. 1876. Пр. Знаменскаго „Исторія русской церкви". „Архивъ юго-западной Россіи", т. I, ч. ч. 1-я и 2-я. „Акты юго-западной Россіи", ч. 1 т. II-го, ч. I т. III и IV-го и другія.

[2]) Объ этомъ весьма обстоятельно изложено у Костомарова.

зованная польская шляхта стала свысока смотрѣть на литовско-русское дворянство, щеголяя предъ нимъ своими познаніями и своею, по большей части, сомнительною ученостью. Сталкиваясь часто съ польскимъ дворянствомъ, вслѣдствіе своего политическаго единства, литовско-русское православное дворянство само почувствовало недостатокъ своего образованія: жажда обновленія охватила его и притомъ очень сильно. Отсюда, само собою понятно, литовско-русское дворянство потянулось за польскою шляхтою и стало во всемъ подражать ей. Это вліяніе польско-католической шляхты на православно-русское дворянство Литовскаго государства прежде всего отразилось на внѣшнемъ образѣ жизни, а потомъ коснулось и внутренней стороны.

Принимая все польское и поддѣлываясь подъ польскую шляхту, литовско-русское дворянство сначала обратило свое вниманіе на домашнюю жизнь. Въ домашней жизни все, составлявшее признакъ русской старины, по современному тогдашнему понятію, стало для литовско-русскаго западнаго дворянства признакомъ грубости и невѣжества; все же польское, употребляемое шляхтою у себя дома, представлялось ему образцомъ достойнаго подражанія, признакомъ образованности и хорошаго тона. Дика и безобразна показалась литовско-русскому православному дворянину его прежняя широкая и длиннополая одежда; не хороша стала и старинная домашняя обстановка и самыя кухонныя приготовленія опротивѣли; непристойными для дворянскаго званія представились и барскія помѣщенія русскихъ вельможъ—одноэтажныя, деревянныя, съ огромными сѣнями и вышками наверху дома. И вотъ литовско-русскій православный дворянинъ, въ порывѣ негодованія, сталъ ломать и уничтожать вокругъ себя все, что только носило признакъ русской старины: русская свободная и широкая одежда стала замѣняться вычурнымъ польскимъ нарядомъ, заимствованнымъ шляхтою изъ Германіи, Франціи, Италіи и Испаніи; одноэтажные деревянные и неуклюжіе дома уступили мѣсто дворцамъ и палацамъ, убраннымъ со всевозможнымъ вкусомъ польской аристократіи; передѣлалъ онъ даже свои повозки и колымаги на дрожки и экипажи; на кухнѣ вмѣсто щей и каши началось приготовленіе разнаго рода суповъ, жаркихъ, соусовъ, состряпанныхъ изъ какихъ-нибудь бобровыхъ хвостиковъ, медвѣжьихъ пяточекъ, пѣтушьихъ гребешковъ и фигурныхъ пирожныхъ. Словомъ, литовско-русское православное дворянство по своей внѣшней обстановкѣ уже къ концу царствованія Сигизмунда-Августа совершенно походило на польскую шляхту. Тогда же русско-литовскими православными дворянами покинуты были родные нравы, обычаи и т. п., какъ свидѣтельствующіе, по тогдашнимъ новомоднымъ современнымъ понятіямъ, о грубости и невѣжествѣ придерживающихся ихъ.

Ополяченію литовско-русскаго православнаго дворянства, кромѣ личнаго желанія сего послѣдняго подражать во всемъ полякамъ, спо-

собствовало еще и вступленіе многихъ изъ его членовъ въ бракъ съ дѣвицами польскаго происхожденія, а гдѣ только польки входили въ русскую семью, за нею входило и получало господство все польское и шляхетское, въ ущербъ всему русскому. Не мало также способствовало ополяченію русскаго дворянства въ Литовскомъ государствѣ обученіе дѣтей его въ польско-католическихъ школахъ, которыхъ въ это время въ семъ государствѣ, благодаря іезуитамъ и пожертвованіямъ частныхъ лицъ, было гораздо больше, чѣмъ православныхъ, и притомъ онѣ были гораздо лучше обставлены.

Къ концу царствованія Сигизмунда-Августа литовско-русское православное дворянство настолько уже подчинилось польскому вліянію, что свой родной, русскій языкъ стало изгонять изъ употребленія не только въ общественныхъ собраніяхъ, но даже въ домашней, семейной жизни, считая его менѣе цивилизованнымъ, чѣмъ чужой, польскій, и замѣняя его этимъ послѣднимъ [1]). Къ концу же царствованія Стефана Баторія и началу правленія Сигизмунда III въ бытѣ русско-литовскаго православнаго дворянства изъ всего русскаго осталось одно только православіе, но и то къ концу XVI столѣтія настолько было поколеблено, что въ 1596 г. дало смѣлость польскому правительству провозгласить унію, причемъ большая часть православнаго литовско-русскаго дворянства осталась равнодушною сему провозглашенію, мало того, даже сочувствовала ему.

II. Безпорядки въ православной церкви Литовскаго государства [2]). Кромѣ ополяченія большей части православнаго дворянства и

---

[1]) Польскіе ученые постоянно насмѣхались надъ русскимъ языкомъ, а славяно-церковный языкъ, на которомъ отправлялось православное богослуженіе, считали источникомъ умственной темноты, грубости и невѣжества. Іезуитъ Петръ Скарга въ своемъ сочиненіи „О единствѣ вѣры“ такъ говоритъ о славянскомъ языкѣ: „Еще не было на свѣтѣ академіи, гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались бы по-славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, когда теперь никто не понимаетъ и не разумѣетъ писаннаго на немъ? На этомъ языкѣ нѣтъ ни риторики, ни грамматики, и быть не можетъ; русскіе попы на немъ отправляютъ богослуженіе, а сами не въ силахъ объяснить, что они читаютъ и даже принуждены бываютъ спрашивать у другихъ по-польски. У нихъ въ славянскомъ языкѣ вся наука состоитъ въ томъ, чтобы выучиться только читать кое-какъ, въ этомъ ихъ и все духовное совершенство. Вотъ откуда все невѣжество и заблужденіе; съ этимъ языкомъ вышло то, что слѣпой ведетъ слѣпого!“ восклицаетъ въ заключеніе Скарга. Въ то же время русскій монахъ, Іоаннъ изъ Вишни, пишетъ: „по дьявольскому навожденію славянскій языкъ омерзѣлъ многимъ, его не любятъ и хулятъ, а между тѣмъ онъ есть плодоноснѣйшій и любезнѣйшій языкъ“.

[2]) О состояніи православной церкви въ западно-русскихъ владѣніяхъ см. Костомарова моногр., т. III, въ его соч. „Южная Русь въ концѣ XVI в.“ Спб. 1867 г. Митрополита Макарія „Исторія русской церкви“, т.т. IX и X.

его индифферентности къ своему исповѣданію, много помогли провозглашенію уніи въ Рѣчи Посполитой, какъ уже было выше замѣчено, безпорядки, вкравшіеся въ это время въ русскую церковь Литовскаго государства, именно: распущенность высшаго православнаго духовенства, грубость и невѣжество низшаго, самоуправство и деспотизмъ свѣтскихъ лицъ въ дѣлахъ церкви и т. п.

Отличительною чертою устройства западно-русской церкви было то, что народъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ ея, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе важныхъ, онъ имѣлъ даже и рѣшающій голосъ, напримѣръ, при избраніи лицъ на высшія духовныя должности. Когда, напримѣръ, избирали митрополита, епископовъ и настоятелей монастырей, то народу въ этомъ дѣлѣ принадлежало послѣднее слово: если народъ признавалъ представленныхъ кандидатовъ достойными тѣхъ мѣстъ, на которыя ихъ прочили, то они получали эти мѣста, а если не признавалъ, то не получали, и никто ничего не могъ подѣлать. Такимъ образомъ, собственно говоря, право избранія духовныхъ лицъ на высшія должности въ западно-русской церкви принадлежало одному народу. Вотъ это-то право и составляло собственно отличительную черту западно-русской церкви. Русскій народъ крѣпко держался этого послѣдняго права; онъ отлично сознавалъ, что отъ этого права зависѣла апостольская чистота православія, порядокъ и спокойствіе церкви, потому что это право лишало враговъ православія возможности посадить на то или другое высшее духовное мѣсто своего клеврета. Польское правительство тоже отлично сознавало всю важность этого права для православія и его послѣдователей, а потому съ давнихъ поръ, съ самаго начала подготовки къ окончательному соединенію Литвы съ Польшею, пыталось отнять его у своихъ православныхъ подданныхъ, но всѣ попытки его были неудачны. Какъ только, бывало, правительство подыметъ на сеймѣ этотъ вопросъ, сейчасъ встрѣтитъ грозный протестъ со стороны удѣльныхъ русско-литовскихъ православныхъ князей,—и дѣло обыкновенно кончалось ничѣмъ. Такъ тянулось до 1548 года; въ этомъ же году на Варшавскомъ сеймѣ польское правительство, послѣ долгихъ препирательствъ съ русскими представителями, добилось своего: право избранія лицъ на высшія духовныя должности православной церкви было отнято у народа и передано королю [1]).

Проф. Чистовича „Очеркъ исторіи западно-русской церкви". 1882 г. Ч. I, отъ 188 стр. до конца. Левицкаго „Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII столѣтіяхъ". Кіевская Старина за 1884 годъ, мѣсяцъ августъ.

[1]) Правда, народу дозволено было и послѣ этого представлять своихъ кандидатовъ на высшія духовныя мѣста, но такъ какъ назначеніе ихъ вполнѣ

Получивъ право назначенія лицъ на высшія духовныя должности русской церкви по своему усмотрѣнію, польскіе короли рѣшились воспользоваться этимъ для собственныхъ цѣлей: они стали возводить на высшія духовныя мѣста православной церкви такихъ лицъ, какія имъ необходимы были или для политическихъ цѣлей, или для религіозно-фанатическихъ, какъ это было при Сигизмундѣ III, причемъ, конечно, не было обращено должнаго вниманія на нравственныя качества возводимыхъ лицъ. Съ этого времени многіе стали получать высшія духовныя мѣста въ православной церкви (епископовъ, настоятелей монастырей, соборныхъ протоіереевъ и т. п.) не по правиламъ св. отцовъ (каноническимъ), не по испытанію, а по связямъ и покровительству сильныхъ; чаще всего получались мѣста посредствомъ подкупа и дорогихъ подарковъ [1]). Поэтому почти всѣ тѣ лица высшаго духовнаго сана русской церкви, которыя получали съ 1548 г. свои мѣста изъ рукъ польскаго правительства, отличались далеко не безупречною нравственностію [2]). Происходя по большей части изъ дворянскихъ фамилій, русскіе пастыри даже подъ архіерейскими и монашескими одеждами сохранили свѣтскія привычки. Подобно свѣтскимъ лицамъ, высшее духовенство православной церкви (даже епископы и игумены) окружало себя огромною толпою слугъ, съ которыми дѣлало наѣзды на своихъ сосѣдей [3]). До насъ дошло много жалобъ, въ которыхъ нѣкоторые изъ епископовъ обвиняются въ самыхъ отвратительныхъ преступленіяхъ [4]).

Роскошное житье, которое дозволяло себѣ высшее православное духовенство, принуждало его извлекать изъ своихъ церковныхъ имѣній какъ можно больше доходовъ, а это вело къ страшному угнетенію подданныхъ. По словамъ одного современника (Іоанна изъ Вишни), духовныя лица не хуже пановъ обременяли работами крестьянъ церковныхъ

зависѣло отъ короля, то эта привилегія, какъ оказалось на дѣлѣ, теряла всякое значеніе: король никогда не утверждалъ представленныхъ народомъ кандидатовъ, если они не соотвѣтствовали его политическимъ и клерикальнымъ взглядамъ. Если и случалось, что представленный кандидатъ получалъ назначеніе, то это было явнымъ признакомъ того, что сей послѣдній принадлежалъ къ числу тайныхъ друзей польскаго правительства. Изъ этого ясно видно, что право избранія кандидатовъ на высшія духовныя должности фактически было отнято у православнаго населенія въ 1548 г. Юридически же оформлено было сіе отнятіе нѣсколько позже: тридцать лѣтъ спустя, при Стефанѣ Баторіи.

[1]) Мать Сигизмунда II Августа, Бона, буквально торговала мѣстами православной іерархіи.

[2]) Многіе изъ епископовъ православной церкви и настоятели монастырей въ это время были женаты и жили вмѣстѣ съ женами.

[3]) Наѣздъ—нечаянное нападеніе на сосѣдей съ вооруженною силою, съ цѣлію грабежа и разбоя.

[4]) Въ прелюбодѣяніи, убійствахъ, подлогахъ и т. п. преступленіяхъ.

имѣній и, подобно имъ, отбирали у крестьянъ лошадей, коровъ, овецъ и т. п., а въ случаѣ сопротивленія подвергали истязаніямъ.

Въ то самое время, какъ высшее православное духовенство, благодаря иновѣрному правительству, жило пышно и роскошно, не заботясь ни о пользѣ церкви, ни о нуждахъ пасомыхъ, низшее духовенство (священники, діаконы) находилось въ самомъ жалкомъ положеніи: епископы обращались съ нимъ грубо, облагали его налогами въ свою пользу, наказывали побоями и тюремнымъ заключеніемъ, не давая никому въ этомъ отчета.

По своему образованію низшее православное духовенство стояло немного выше крестьянъ, негдѣ было русскому священнику пріобрѣсть образованіе, приличное его званію: школъ было мало, да и польское правительство строго наблюдало за тѣмъ, чтобы ихъ появлялось какъ можно менѣе. Оставаясь въ крайнемъ невѣжествѣ, православные священники и богослуженія совершали съ крайними искаженіями. О поученіи народа, разъясненіи ему догматическихъ истинъ или церковной обрядности не могло быть и рѣчи. „Званіе пресвитера дошло до такого презрѣнія, говоритъ православный писатель Захарія Копыстенскій, что честный человѣкъ стыдился вступать въ него“.

Но чаще всего безпорядки въ православной церкви Литовскаго государства происходили отъ вмѣшательства въ церковныя дѣла католическихъ пановъ. Дѣло вотъ въ чемъ: со временъ Сигизмунда-Августа вошло въ обыкновеніе православныя епископскія каѳедры, а также богатые монастыри и церкви отдавать въ подарокъ за заслуги военнымъ и гражданскимъ чинамъ: воеводамъ, старостамъ, каштелянамъ и другимъ лицамъ и притомъ по большей части католическаго исповѣданія. Лица, получавшія въ подарокъ епископскія каѳедры или богатые монастыри и приходскія церкви, обыкновенно назывались патронами (попечителями, покровителями) [1]), а самые подарки—„королевскими бенефиціями“. Патроны эти по отношенію къ своимъ „королевскимъ бенефиціямъ“ имѣли право: а) пользоваться всѣми ихъ доходами, б) выбирать для нихъ кандидатовъ на всѣ духовныя должности, даже на епископскія, в) передавать эти бенефиціи другимъ лицамъ, г) управлять ими и д) судить въ нихъ, въ извѣстныхъ границахъ. Пользуясь та-

---

[1]) Патронами въ западно-русской церкви прежде назывались только ктиторы церквей или монастырей. Ктиторы эти заботились о нуждахъ построенныхъ ими церквей или монастырей, защищали интересы ихъ предъ судомъ и т. п. Впослѣдствіи же названіе это перешло и къ тѣмъ лицамъ, которыя получали ихъ для пользованія доходами.

О патронствѣ въ западной церкви смотри „Литов. Епарх. Вѣд.“ за 1878 г., а также „Очерки исторіи западно-русск. церкви“—проф. Чистовича. Часть I, 1882 года.

кими широкими правами по отношенію къ „королевскимъ бенефиціямъ", патроны сихъ послѣднихъ дѣлали въ нихъ, что хотѣли: обирали приписныя къ нимъ имѣнія до послѣдней нитки, закладывали жидамъ, проигрывали въ карты, отдавали въ приданое за дочерьми и т. п. Будучи заинтересованы только въ матеріальной сторонѣ дѣла, патроны часто въ подаренныхъ имъ „королевскихъ бенефиціяхъ" по нѣскольку лѣтъ не избирали кандидатовъ на церковныя должности, а вслѣдствіе этого много православныхъ лицъ умирало безъ напутствованія, а дѣтей—безъ крещенія. Нерѣдко патронъ-католикъ, разсердившись на священника патронуемаго имъ прихода, лишалъ его должности, запиралъ церковь на замокъ, прикладывалъ печать и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ оставлялъ прихожанъ безъ церковныхъ требъ и духовнаго руководства. Подобныя вещи они продѣлывали не только съ простыми священниками, но даже и съ епископами: такъ, напримѣръ, въ 1591 году, когда луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій поссорился съ старостою (католикомъ) г. Луцка, то староста заперъ патронуемую имъ соборную церковь своимъ замкомъ, взялъ себѣ ключи и не пускалъ епископа служить въ ней въ великіе дни Страстной недѣли и недѣли св. Пасхи; мало того, для потѣхи своей и жителей города онъ приказалъ во всѣ эти дни въ притворѣ церкви играть музыкѣ, а гайдамакамъ своимъ развлекаться срѣльбою въ церковныя окна, куполъ и крестъ.

Очень часто панъ-католикъ, получивъ въ качествѣ королевской бенефиціи какой-нибудь монастырь, выгонялъ монаховъ,—оставивши только нѣкоторыхъ изъ нихъ для отправленія богослуженія,—поселялся въ немъ самъ со всѣмъ семействомъ и проводилъ жизнь какъ въ загородномъ имѣніи: устраивая балы, пикники, карусели, фейерверки, турниры, а нерѣдко и псарные дворы.

По словамъ одного современника, тамъ, гдѣ православный приходъ попадалъ въ руки пана-католика, болѣе всего доставалось несчастнымъ священникамъ: панъ заставлялъ ихъ отбывать поденщину и при этомъ придумывалъ для нихъ самыя унизительныя работы; бралъ у нихъ въ услуженіе сыновей и дочерей, причемъ нерѣдко совершалъ надъ ними самыя грязныя и отвратительныя насилія. Въ большей части такихъ приходовъ патронъ-католикъ облагалъ податями всѣ церковныя требы и самое богослуженіе, „чего", говоритъ названный выше современникъ Іоаннъ изъ Вишни, „не было ни съ жидовскими синагогами, ни съ татарскими мечетями".

Такую печальную картину представляло положеніе православной церкви въ Литовскомъ государствѣ во 2-й половинѣ XVI столѣтія! „Всѣ нашу благочестивую вѣру хулятъ, говоритъ одинъ православный писатель конца XVI столѣтія, ненавидятъ, правила и уставы нашей

церкви презираютъ и никто изъ нашихъ не желаетъ постоять за церковь Божію. Нѣтъ у насъ учителей, нѣтъ проповѣдниковъ слова Божія; отступленіе отъ вѣры полное; ничто не утѣшаетъ насъ; приходится сказать съ пророкомъ: кто дастъ воду главѣ моей и источникъ слезъ глазамъ моимъ"!

Между тѣмъ іезуиты рѣшились воспользоваться симъ положеніемъ православной церкви, съ цѣлію подчинить ее главенству папѣ посредствомъ введенія уніи. Чтобы вѣрнѣе достигнуть этого, іезуиты задумали прежде всего подготовить среди самихъ же русскихъ на высшія должности (епископскія и настоятелей монастырей) православной церкви такихъ лицъ, которыя бы со временемъ могли бы быть помощниками имъ въ задуманномъ дѣлѣ. Работа по подготовкѣ началась еще при жизни Стефана Баторія, какъ только покончено было съ протестантами и реформатами [1]). Въ продолженіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ іезуиты успѣли подготовить очень многихъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже въ восьмидесятыхъ годахъ XVI ст. заняли епископскія каѳедры. Первымъ изъ такихъ іерарховъ былъ брестскій епископъ Ѳеодосій Лозовскій [2]), а за нимъ слѣдуетъ цѣлый рядъ епископовъ; главнѣйшіе изъ нихъ были: митрополитъ Онисифоръ Дѣвочка [3]), пинскій епископъ Леонтій Пельчицкій [4]), холмскій епископъ Діонисій Зборуйскій [5]), львовскій епископъ Гедеонъ Болобанъ [6]), луцкій епископъ Кириллъ

---

[1]) Есть извѣстіе, что іезуиты представили Баторію, въ самомъ началѣ его царствованія, обширный проектъ соединенія православныхъ съ католиками (проектъ уніи). Но какъ король отнесся къ этому проекту—въ источникахъ разногласіе: по однимъ—будто бы Баторій отвергъ его, какъ направленный къ стѣсненію свободы совѣсти православныхъ, а по другимъ—одобрилъ и принялъ къ руководству. Послѣднее вѣрнѣе: въ этомъ можно убѣдиться изъ того, что Баторій, какъ мы видѣли, постоянно стремился къ тому, чтобы какъ можно болѣе окатоличить и ополячить православныхъ.

[2]) Лозовскій извѣстенъ своимъ буйнымъ характеромъ. Разсказываютъ, что онъ, уже бывши епископомъ, однажды собралъ 2500 человѣкъ прислуги, взялъ 9-ть пушекъ и съ этимъ войскомъ напалъ на епископа Замойскаго, взялъ его въ плѣнъ и засадилъ въ тюрьму. Лозовскій умеръ въ 1584 г.

[3]) Онисифоръ Дѣвочка занялъ каѳедру 27-го февраля 1583 г. Два раза былъ женатъ; ставилъ епископовъ двоеженцевъ и позволялъ нѣкоторымъ изъ нихъ жить съ женами. Въ священническій санъ онъ тоже возводилъ двоеженцевъ, а иногда и троеженцевъ, и притомъ подозрѣваемыхъ въ разныхъ уголовныхъ преступленіяхъ. При этомъ митрополитѣ безпорядки въ западно-русской церкви достигли ужасающихъ размѣровъ, какъ это видно изъ донесенія Львовскаго братства константинопольскому патріарху.

[4]) Вступилъ на каѳедру въ 1585 г., жилъ съ женою.

[5]) Вступилъ на каѳедру въ 1586 г., тоже жилъ съ женою; извѣстенъ сутяжничествомъ.

[6]) Гедеонъ Болобанъ, впрочемъ, скоро измѣнилъ іезуитамъ и возвратился къ православію.

Терлецкій [1]), Ипатій Поцѣй, епископъ брестскій [2]) и кіевскій митрополитъ Рогоза.

Всѣ перечисленныя лица, получивши православныя епископскія каѳедры изъ рукъ польскаго правительства, съ первыхъ же дней своего служенія, какъ іезуитскіе ученики, начали вести дѣло такъ, чтобы потомъ безъ труда можно было подчинить православную церковь папѣ и объявить унію.

Задумавши обратить православныхъ въ унію, іезуиты и ихъ клевреты начали дѣло тайно, но православно-русскій народъ скоро догадался объ опасности, угрожающей его исповѣданію, поэтому онъ во многихъ мѣстахъ сталъ составлять тѣсные союзы, съ спеціальною цѣлію охранять православную церковь и радѣть о матеріальномъ благосостояніи священнослужителей ея. Союзы эти получили названіе братствъ.

Западно-русскія православныя братства [3]). Мысль о братствахъ перешла къ намъ съ Запада. Тамъ было въ обычаѣ составлять добровольныя корпораціи на религіозныхъ началахъ. Въ первый разъ, какъ мы уже видѣли, братства явились въ Литовскомъ государствѣ во время Сигизмунда I; но до 2-й половины XVI ст., то есть до времени появленія въ Литвѣ іезуитовъ или, лучше сказать, до Сигизмунда III, братства не имѣли такого значенія въ церковно-общественной жизни, какое они получили со времени царствованія сего государя, когда православію и стала собственно угрожать опасность. Прежде дѣятельность братствъ ограничивалась только устройствомъ школъ, погребеніемъ умершихъ безродныхъ и вспомоществованіемъ бѣднымъ. Но со времени воцаренія Сигизмунда III, братства получили такое значеніе въ церковно-общественныхъ дѣлахъ, что стали выше митрополита и епископовъ; ихъ обязанностью стало наблюденіе за чистотою религіи и нравственностію православнаго духовенства. Братства имѣли право сноситься прямо съ патріархомъ, обличать епископовъ, если тѣ дѣйствовали въ ущербъ русской церкви; противиться имъ, какъ врагамъ истины, если они вели себя незаконно. Первое братство съ такого рода правами было Львовское.

Въ 1585 г. въ южно-русскую область Рѣчи Посполитой прибылъ антіохійскій патріархъ Іоакимъ для сбора милостыни на поддержаніе храмовъ и утѣсненнаго духовенства въ Сиріи. Въ то же время ему по-

---

[1]) Терлецкій былъ однимъ изъ самыхъ безнравственныхъ лицъ того времени: онъ открыто обвинялся во многихъ убійствахъ и разныхъ отвратительныхъ поступкахъ.

О К. Терлецкомъ см. статью Левицкаго, помѣщенную въ VIII т. „Памятниковъ", издаваемыхъ Батюшковымъ. 1886 г.

[2]) Поцѣй занялъ брестскую каѳедру послѣ Лозовскаго.

[3]) О церковныхъ братствахъ см. „Вѣстникъ З. Россіи". 1870 г., т. II. „Волынскія Епархіальныя Вѣдомости" за 1875 г., №№ 4 и 5.

ручено было константинопольскимъ патріархомъ Іереміей узнать о положеніи православныхъ въ Польшѣ. По прибытіи въ нынѣшнюю Галицію, Іоакимъ остановился въ г. Львовѣ и прожилъ нѣкоторое время при тамошней церкви Успенія Пр. Богородицы. Разставаясь съ православными жителями г. Львова, онъ 1-го января 1586 г. благословилъ устроенное ими братство и утвердилъ составленныя для него правила. Въ силу этихъ правилъ, Львовскому братству предоставлены были весьма широкія права: устроять школы, наблюдать за преподаваніемъ въ нихъ, печатать книги, слѣдить за дѣйствіями епископа и непосредственно сноситься съ патріархомъ по всѣмъ дѣламъ. Учрежденіе такого рода братства и съ такими обширными правами сильно не понравилось тогдашнему львовскому православному епископу Гедеону Болобану, креатурѣ іезуитовъ и польскаго правительства: онъ видѣлъ, что при существованіи сего братства ему нельзя будетъ успѣшно дѣйствовать въ пользу уніи, а потому, лишь только уѣхалъ патріархъ Іоакимъ, онъ началъ ссору съ братствомъ и сталъ энергически настаивать на томъ, чтобы оно отказалось отъ своихъ правъ. Братство догадалось, какіе мотивы заставили Гедеона Болобана дѣйствовать противъ него, и поэтому члены его еще сильнѣе сплотились между собою и рѣшились энергичнѣе дѣйствовать противъ своего епископа. Дѣло кончилось, наконецъ, тѣмъ, что пылкій, своенравный и самолюбивый епископъ, въ порывѣ гнѣва, предалъ анаѳемѣ все братство, а то послало на него жалобу патріарху [1]).

Въ 1588 г. константинопольскій патріархъ Іеремія самъ прибылъ въ южно-русскія области, принадлежавшія Польшѣ, и, подобно Іоакиму, также остановился во Львовѣ [2]). Тутъ онъ выслушалъ объясненія братства и Гедеона Болобана, принялъ сторону перваго и пригрозилъ епископу Болобану отлученіемъ, если онъ не смирится. Оскорбленный патріархомъ, Гедеонъ рѣшился ускорить провозглашеніе уніи. Для этой цѣли онъ началъ все тѣснѣе и тѣснѣе сближаться какъ съ іезуитами, такъ и съ высшимъ католическимъ духовенствомъ. Между тѣмъ Іеремія, пробывъ недолго въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, отправился въ Москву, откуда въ 1589 г. снова вернулся въ Литовско-Польское государство и на этотъ разъ остановился у канцлера Замойскаго въ Литвѣ. Здѣсь патріархъ прожилъ 4 мѣсяца и отлично изучилъ то безотрадное положеніе, въ какомъ находилось православіе въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Но, къ сожалѣнію, Іеремія не оказался дѣятельнымъ и не про-

---

[1]) О Гедеонѣ Болобанѣ см. статью проф. Петрова въ VIII т. „Памятниковъ Русской Старины“, издаваемыхъ Батюшковымъ. 1885 г. Спб.

[2]) Іеремія отличался глубокою ученостью. Его вся Европа знала и уважала. Нерѣдко протестантскіе богословы обращались къ нему за разъясненіемъ богословскихъ вопросовъ.

явилъ достаточной энергіи для прекращенія зла: ему слѣдовало бы очистить іерархію отъ недостойныхъ представителей ея и сильнѣе сплотить православныхъ для борьбы съ іезуитами и католическимъ духовенствомъ, но онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ. Уже самая остановка его у иновѣрца Замойскаго, а не у тогдашняго борца за православіе, кн. Острожскаго, или у какого либо другого русскаго князя обнаруживаетъ безтактность патріарха, отъ которой произошло много вреднаго для православія. Правда, патріархъ низложилъ митрополита Онисифора Дѣвочку, какъ іезуитскаго клеврета, но за то посвятилъ двухъ другихъ іезуитскихъ клевретовъ: Михаила Рогозу—въ кіевскіе митрополиты и Кирилла Терлецкаго—въ луцкіе епископы. Одно, что сдѣлалъ хорошаго патріархъ въ бытность свою въ юго-западной Россіи—это то, что разослалъ всѣмъ городамъ Рѣчи Посполитой, съ русскимъ населеніемъ, окружное посланіе съ предложеніемъ—не пожелаютъ ли православные и другихъ мѣстъ образовать новыя братства по образцу Львовскаго.

Посланіе константинопольскаго патріарха Іереміи дѣйствительно не осталось безъ послѣдствій: уже въ томъ же году было основано Троицкое братство въ Вильнѣ; оно получило всѣ права и привилегіи, данныя Львовскому братству. Это новое братство находилось въ самомъ живомъ общеніи съ Львовскимъ: оно обмѣнивалось съ послѣднимъ своими изданіями и получало отъ него учителей. Спустя нѣсколько времени послѣ основанія Виленскаго и Львовскаго братствъ, явилось еще нѣсколько братствъ, имѣвшихъ одинаковыя цѣли: кіевское Богоявленское, луцкое св. Креста, слуцкое Преображенское и другія.

Основаніе братствъ было великимъ дѣломъ для пользы православной церкви въ Литовскомъ государствѣ. Къ братствамъ примкнули всѣ лучшія силы русскаго народа Рѣчи Посполитой, которымъ дорого было православіе, русская народность, русскій языкъ и т. п. Когда въ 1596 г. на Брестскомъ соборѣ объявлена была унія, то братства явились самыми дѣятельными противниками ея. Они издавали полемическія сочиненія, разъясняли своимъ единовѣрцамъ смыслъ уніи и старались укрѣпить привязанность къ вѣрѣ предковъ и научить православныхъ, какъ противодѣйствовать уніатской и іезуитской пропагандѣ, особенно тѣхъ, которые по своему положенію были близки къ іезуитамъ и католическому правительству. Противъ іезуитскихъ школъ (впослѣдствіи базиліанскихъ) братства основали свои школы; противъ іезуитскихъ ученыхъ они выставили своихъ ученыхъ; іезуитской наукѣ противопоставили свою науку и создали цѣлую полемическую литературу. Отстаивая права родной церкви противъ козней іезуитовъ и уніатовъ, братства, правда, нерѣдко уступали силѣ: у нихъ посредствомъ вооруженныхъ нападеній католики и уніаты часто отнимали церкви и монастыри, изгоняли братчиковъ изъ ихъ общественныхъ домовъ, овладѣвали братскими школами

и т. п. Но въ нравственномъ отношеніи братства торжествовали, и чѣмъ больше іезуиты, католики и уніаты преслѣдовали ихъ, тѣмъ они пользовались большимъ сочувствіемъ своихъ единовѣрцевъ и тѣмъ ненавистнѣе дѣлалась унія для сихъ послѣднихъ.

Рѣшительныя дѣйствія іезуитовъ въ дѣлѣ уніи. Лишь только основаны были первыя братства, Львовское и Виленское, и едва они начали свою дѣятельность, какъ іезуиты сразу увидѣли, какая страшная опасность угрожаетъ ихъ дѣлу, дѣлу подчиненія православной церкви римскому папѣ или, иначе говоря, уніи. Вслѣдствіе сего іезуиты стали немедленно стремиться къ тому, чтобы разстроить эти общества, но, не успѣвъ въ этомъ, порѣшили повести дѣло круто: сразу объявить унію въ Литовскомъ государствѣ при посредствѣ ими подготовленныхъ и облагодѣтельствованныхъ русскихъ епископовъ, а въ случаѣ сопротивленія—прибѣгнуть и къ насилію. Впрочемъ, іезуиты не разсчитывали на серьезное сопротивленіе: большая часть дворянства была уже подготовлена къ этому, а высшіе православные іерархи почти всѣ были въ ихъ рукахъ и желали уніи; что же касается народа, т. е. городского и сельскаго населенія, то іезуиты объ немъ и думать не хотѣли. Дѣло въ томъ, что іезуиты, приступая къ введенію уніи, руководились чисто католическими взглядами на православную церковь. Католическая церковь, какъ извѣстно, подчинена строгой централизаціи, въ ней низшее духовенство и народъ по отношенію къ дѣламъ церкви находится въ пассивномъ положеніи, а вслѣдствіе этого въ католической церкви всякое нововведеніе, истекающее отъ высшей іерархіи, признается низшимъ духовенствомъ и народомъ, какъ дѣло Божіе, которому сопротивляться—значитъ грѣшить предъ Духомъ Святымъ. Такое же представленіе они имѣли и о внутреннемъ устройствѣ православной церкви, когда приступали къ религіозной уніи: іезуиты и польское правительство, руководимое ими, думали, что достаточно заручиться содѣйствіемъ членовъ высшей церковной православной іерархіи, чтобы вполнѣ обезпечить успѣхъ уніи въ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой. Но въ этомъ-то собственно и состояла главная ошибка руководителей уніи; они забыли, что основную черту устройства православной церкви составляетъ ея соборный характеръ: въ дѣлахъ вѣры, въ раскрытіи догматовъ, измѣненіи внѣшняго устройства богослуженія, если это требовалось, въ православной церкви низшее духовенство и народъ (міряне) не играютъ, какъ въ католической церкви, пассивной роли, а принимаютъ и принимали, когда нужно было, живое, активное участіе. Слѣдовательно, если іезуиты и руководимая ими партія хотѣли, чтобы унія прочно утвердилась среди православно-русскаго населенія Литовскаго государства, то имъ слѣдовало бы прежде всего отдать это дѣло гласному обсужденію духовныхъ лицъ и мірянъ. А такъ какъ иниціаторы уніи къ этому способу не прибѣгли, то и вызвали страшную

реакцію среди русскихъ. Борьба пошла на жизнь и на смерть, что имѣло роковое вліяніе на политическое существованіе Рѣчи Посполитой.

Въ виду стремленія братствъ къ уничтоженію затѣи иниціаторовъ уніи, іезуиты поспѣшили налечь на епископовъ, сочувствовавшихъ уніи, съ цѣлію побудить ихъ къ вступленію на болѣе рѣшительный путь. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1591 г. православные епископы: пинскій—Леонтій Пельчицкій, холмскій—Діонисій Збируйскій, львовскій—Гедеонъ Болобанъ и митрополитъ Рагоза собрались въ Брестъ и тутъ составили записку о подчиненіи православной церкви папѣ, но подписали ее только названные три епископа, митрополитъ же Рагоза почему-то уклонился отъ подписи. Узнавъ о послѣднемъ обстоятельствѣ, іезуиты страшно перепугались, подозрѣвая Рагозу въ замыслахъ противъ уніи; но скоро догадались, какъ помочь дѣлу. Зная нерѣшительный и трусливый характеръ митрополита, они немедленно отправили къ нему ободряющее письмо съ разнаго рода наставленіями, какъ дѣйствовать и какъ вести себя въ дѣлѣ распространенія уніи: „Не бойтесь ничего, ваша милость; вы только подумайте, какъ велика будетъ честь вамъ, когда вы возсядете рядомъ съ примасомъ католическаго духовенства въ сенатѣ, яко первопрестольникъ Восточной церкви, а это возможно только тогда, когда вы перестанете признавать власть патріарха, находящагося подъ вліяніемъ невѣрныхъ, иначе это было бы противно чести короля и короннымъ уставамъ. У вашей милости есть королевская привилегія, въ Коронѣ и Литвѣ связи, родство, пріятели, вся католическая церковь станетъ за васъ горою и никто на поколеблетъ вашего сѣдалища. По примѣру западныхъ епископовъ и прелатовъ, вы можете избрать себѣ коадъютора, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его своимъ преемникомъ. Ему будетъ готова привилегія его величества, лишь бы онъ пошелъ по слѣдамъ вашимъ. Не смотрите, ваша милость, на ваше духовенство и глупое упрямство неразумной черни. Съ духовенствомъ легко сладить вашей милости: замѣстите всѣ вакансіи людьми незнатными, чтобы они не кичились, людьми простыми, которые бы отъ вашей милости во всемъ зависѣли. А упрямыхъ, непослушныхъ и противящихся вамъ лишите должностей и на ихъ мѣсто назначьте достойныхъ. Берите съ каждаго поборы, чтобы они не разжирѣли; подозрительныхъ тотчасъ отсылайте въ другія мѣста. Недурно также иныхъ подъ видомъ почести отправлять въ далекія путешествія и посольства на ихъ собственный счетъ. Вообще, на поповъ наваливайте побольше налоговъ, подъ предлогомъ общей пользы церкви; остерегайтесь, чтобы они не дѣлали сходокъ и не собирали складчины безъ воли вашей милости, а тѣхъ, кто преступитъ ваше приказаніе, запирайте въ тюрьму. Со свѣтскими, особенно съ чернью, ваша милость вела дѣла благоразумнѣйшимъ образомъ, такъ и впредь ведите и старайтесь, чтобы не было пока ни малѣйшаго повода про-

никнуть ваши намѣренія, между тѣмъ передовыя головы слѣдуетъ всевозможными средствами заманить и привязать къ себѣ или лично, или черезъ посредство чье, либо оказавши имъ какую услугу, либо расположивши къ себѣ подарками. Не вводите новыхъ обрядовъ въ церковь, обряды постоянно измѣняются сами собою. Позволяйте себѣ диспуты и споры противъ Западной церкви, чтобы такимъ образомъ затереть слѣды своего предпріятія, и не только черни, но шляхтѣ глаза залепить. Для ихъ молодежи пусть будутъ особыя школы, лишь бы они не запрещали дѣтямъ своимъ посѣщать костелы и получать послѣдующее высшее воспитаніе въ школахъ нашихъ отцовъ. Слово унія должно быть изгнано; не трудно выдумать другое слово, споснѣе для человѣческаго уха. Не даромъ остерегаются носить красное платье тѣ, которые около слоновъ ходятъ, какъ разсказываютъ".

Письмо это въ то же время поручаетъ митрополиту отвлекать православныхъ отъ общенія съ протестантами. Оно оканчивается такими словами, исполненными надеждъ: „Положимся на Бога, на бдительность его величества, отъ котораго зависитъ раздача церковныхъ имѣній; положимся на ревность коронныхъ членовъ, которые, владѣя правомъ патронатства надъ церквами въ своихъ имѣніяхъ, станутъ допускать къ отправленію богослуженія однихъ уніатовъ. Будемъ надѣяться, что нашъ благочестивый и богобоязливый государь и преданный католической вѣрѣ сенатъ станутъ стѣснять отступниковъ отъ католической вѣры въ судахъ и на сеймахъ и, такимъ образомъ, упорнѣйшіе русскіе схизматики поневолѣ покорятся власти св. отца, а мы всѣ законники (т. е. іезуиты) будемъ помогать не только молитвами, но и трудами".

Такъ, дѣйствительно, и дѣйствовалъ потомъ митрополитъ до конца жизни.

По полученіи вышеозначеннаго письма, Рагоза прежде всего позаботился избрать себѣ ловкаго и дѣятельнаго помощника. Помощникъ этотъ былъ епископъ брестскій—Ипатій Поцѣй [1]).

Поцѣй сначала принадлежалъ къ православной церкви, но потомъ папскій легатъ Коммендони обратилъ его въ католичество. За переходъ въ католичество Поцѣй получилъ должность каштеляна въ Брестѣ и мѣсто въ сенатѣ. Въ сенатѣ Поцѣй сошелся съ іезуитами, которые склонили его дѣйствовать въ пользу уніи, причемъ, для большаго успѣха, уговорили его снова перейти наружно въ православіе и казаться глубоко преданнымъ сему исповѣданію, чтобы не возбудить подозрѣнія братствъ и легче дѣйствовать въ пользу уніи. Затѣмъ, по желанію іезуитовъ, Поцѣй, какъ вдовый человѣкъ, былъ постриженъ Терлецкимъ въ монахи во Владимирѣ на Волыни, а по смерти владимирскаго епископа

---

[1]) О Поцѣѣ см. статью Левицкаго въ „Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ, изданіе Батюшкова". Т. VIII. 1885 г. Спб.

Мелетія, отличившагося глубокою преданностію православію, въ 1593 г. посвященъ былъ въ епископы и сдѣланъ помощникомъ Михаила Рагозы. Ипатій Поцѣй принадлежалъ къ выдающимся членамъ того кружка, который работалъ въ пользу уніи.

Поцѣй былъ человѣкъ образованный, тонкій, ловкій и хитрый. Онъ отлично понималъ всѣ свѣтскія правила, которыя усвоилъ, будучи каштеляномъ. Пріобрѣтеніе такого человѣка было великою находкою для іезуитовъ: онъ нуженъ былъ имъ для дѣйствій въ высшемъ православномъ обществѣ. Іезуитамъ хотѣлось склонить къ уніи нѣкоторыхъ православныхъ лицъ изъ высшаго аристократическаго общества, а особенно одного южно-русскаго магната—Константина Константиновича Острожскаго, который въ это время считался столпомъ православія. Имъ думалось, что если удастся склонить къ уніи Острожскаго, то за нимъ послѣдуетъ не только все православное дворянство, еще не опутанное ихъ сѣтями, но и вся чернь „схизмы“.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій и его академія. Фамилія князей Острожскихъ ведетъ свое начало отъ пасынка Даніила Романовича Галицкаго, Даніила Васильевича, прозваннаго княземъ Острожскимъ по случаю полученія имъ отъ Даніила Романовича (вотчима своего) въ удѣлъ Острога небольшого городка съ его округомъ [1]). Фамилія эта выступаетъ на историческую сцену и получаетъ особенное значеніе въ половинѣ XIV ст. Правнукъ Даніила Васильевича, тоже Даніилъ, въ 1344 г. вооруженною рукою защищалъ, какъ извѣстно изъ источниковъ, Галицко-Волынское княжество отъ Казимира Великаго. Внукъ Даніила Васильевича Ѳеодоръ Острожскій, будучи, какъ мы видѣли, другомъ Свидригайлы, защищалъ

---

[1]) Острогъ—теперь уѣздный городъ Волынской г. Онъ находится въ 182 верстахъ отъ губернскаго города Житомира. Городъ лежитъ на склонѣ возвышенности, недалеко отъ впаденія р. Веліи въ р. Горынь; благодаря своему положенію, богатъ прекрасными видами. Имя сего города встрѣчается въ лѣтописяхъ около 1100 г. Острожскіе князья, живя въ Острогѣ, помѣщались въ крѣпкомъ, очень красивомъ замкѣ. Замокъ этотъ построенъ былъ на горѣ, называемой Замковой (теперь эта гора болѣе извѣстна подъ именемъ Судовой, такъ какъ въ бывшемъ дворцѣ князей Острожскихъ въ послѣднее время помѣщался уѣздный судъ). Гора эта съ одной стороны примыкаетъ къ р. Веліи, а съ остальныхъ окружена оврагомъ, наполняемымъ, въ случаѣ надобности, водою. Черезъ оврагъ перекинутъ былъ подъемный мостъ, отъ котораго теперь не осталось и слѣда. Съ западной и сѣверной стороны по горѣ была каменная стѣна, отъ которой тоже не осталось и слѣда, а въ исходящемъ углу этой стѣны находилась круглая башня, дававшая фланговую оборону стѣнѣ. Наружная стѣна башни до сего времени еще сохранилась, но внутренніе своды давно обвалились. Стѣна однимъ концомъ примыкала къ собору, сѣверная сторона котораго, прорѣзанная бойницами, входила въ число укрѣпленій горы. Такимъ образомъ, дворецъ, съ окружающими его укрѣпленіями, имѣлъ видъ небольшой крѣпости.

Волынь и Подоліе отъ поляковъ [1]). Но знаменитыми представителями этого дома были Константинъ Ивановичъ Острожскій (правнукъ Θеодора), великій литовскій гетманъ [2]) и Константинъ Константиновичъ, сынъ сего послѣдняго. Первый извѣстенъ своею побѣдою надъ русскими въ 1514 г. подъ Оршею и надъ татарами, а второй борьбою съ іезуитами и противодѣйствіемъ религіозной уніи.

Константинъ Константиновичъ Острожскій былъ кіевскимъ воеводою и считался однимъ изъ вліятельнѣйшихъ пановъ въ Рѣчи Посполитой въ продолженіе почти цѣлаго полстолѣтія и притомъ въ эпоху, богатую событіями въ юго-западной Россіи.

Константинъ Константиновичъ Острожскій обладалъ огромными богатствами: ему принадлежало болѣе 100 городовъ и 1000 селеній; доходы его простирались до милліона червонцевъ; одного войска Острожскій могъ выставить изъ своихъ владѣній болѣе 30 тысячъ, т. е. такое число, какого не могъ выставить и самъ король. Оставаясь вѣрнымъ православію, Константинъ Константиновичъ до самаго конца своей жизни былъ столпомъ религіи предковъ. Правда, онъ соглашался на введеніе уніи, но требовалъ, чтобы она сначала подвергнута была строгому обсужденію всей православной церкви, и только послѣ одобренія сею послѣднею допускалъ возможность ввести ее въ западно-русской церкви.

Въ борьбѣ съ іезуитами и представителями уніи Острожскій не мало руководился совѣтами своего друга, московскаго бѣглеца, князя Курбскаго.

На площади горы находилась церковь во имя Богоявленія Господня, называемая соборомъ и замковой. Она была построена въ половинѣ XV-го стол. Василіемъ Θеодоровичемъ, княземъ Острожскимъ; въ ней онъ былъ и погребенъ, но впослѣдствіи прахъ его перенесенъ былъ внукомъ Константиномъ Ивановичемъ въ кіевскую лавру. Богоявленская церковь построена была въ строго-готическомъ вкусѣ и составляла, какъ сказано выше, часть укрѣпленія замка; сѣверная стѣна церкви не имѣла оконъ, а противоположная имѣла три большія неравномѣрныя окна съ наличниками изъ тесанаго камня. Церковь была пятиглавая; средній куполъ и два съ южной стороны въ настоящее время разрушились; остались цѣлыми только два съ сѣверной стороны.

[1]) Впослѣдствіи этотъ князь поступилъ въ монахи подъ именемъ Θеодосія и умеръ въ 1435 году. За свои духовные подвиги и милосердіе къ бѣднымъ онъ причисленъ былъ православною церковью къ лику святыхъ. Мощи его почиваютъ въ пещерахъ Кіево-печерской лавры.

[2]) Онъ умеръ на 70 г. жизни, въ 1533 году и тоже погребенъ въ Кіево-печерской лаврѣ. Въ большой церкви этой лавры, на сѣверо-восточной сторонѣ, въ нишѣ, есть его статуя: герой представленъ стоящимъ; статуя прекрасной работы.

Когда іезуиты выступили съ своими училищами [1]) и стали воспитывать въ нихъ не только дѣтей католиковъ, но даже и дѣтей православныхъ, то Острожскій первый изъ русскихъ вельможъ выступилъ противъ нихъ со своею знаменитою школою и изданіемъ въ ней печатныхъ книгъ, направленныхъ противъ іезуитовъ. Правда, школа Острожскаго основана была еще отцомъ его, но сыномъ преобразована въ академію.

По количеству предметовъ и обширности ихъ преподаванія, а также составу профессоровъ—академія Острожскаго превосходила Виленскую іезуитскую академію. Въ академіи Острожскаго преподавались слѣдующіе предметы: славянскій, греческій и латинскій языки, богословіе, философія, риторика, поэзія, исторія, медицина и естественныя науки (послѣднихъ двухъ наукъ въ Виленской іезуитской академіи не было). Во главѣ этой академіи стоялъ Кириллъ Лукарисъ. Лукарисъ былъ родомъ грекъ, обладалъ великимъ умомъ и обширными познаніями; его уму и познаніямъ удивлялись іезуиты и протестанты [2]). Онъ 11 лѣтъ прожилъ въ Италіи и изучалъ науки въ Венеціанскомъ и Падуанскомъ университетахъ. Затѣмъ Лукарисъ объѣхалъ всю Европу и посѣтилъ всѣ тогдашніе университеты, гдѣ не разъ вступалъ со многими учеными въ диспуты. Лукарисъ зналъ въ совершенствѣ слѣдующіе языки: русскій, славянскій, греческій, латинскій, итальянскій, турецкій, сербскій, нѣмецкій, французскій и англійскій. Не удивительно, что академія Острожскаго при такомъ ректорѣ поставлена была высоко и слава о ней гремѣла по всему Западу. Многіе западные ученые пріѣзжали въ Острогъ, чтобы послушать лекціи знаменитаго ректора. Въ 1581 г. здѣсь была напечатана первая славянская библія [3]). Въ предисловіи къ этой библіи отъ лица К. К. Острожскаго сказано: „Я принужденъ былъ напечатать сію библію вслѣдствіе печальнаго положенія православной церкви. Церковь эту враги терзаютъ и попираютъ ногами и никто не въ силахъ противостоять имъ по недостатку духовнаго оружія—Слова Божія". Вслѣдъ за библій послѣдовалъ цѣлый рядъ ученыхъ сочиненій, какъ переводныхъ, такъ и

---

[1]) Въ царствованіе Сигизмунда III іезуитскія коллегіи были въ слѣдующихъ русскихъ городахъ Рѣчи Посполитой: Витебскѣ, Минскѣ, Ковнѣ, Гроднѣ, Брестъ-Литовскѣ, Динабургѣ, Мстиславлѣ, Оршѣ, Кіевѣ, Луцкѣ, Острогѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Барѣ и др. О іезуитскихъ школахъ въ юго-западной Россіи см. „Труды Кіевской духовной академіи" за 1869 г., № 4.

[2]) О Лукарисѣ см. сочиненіе ректора симферопольской духовной семинаріи (нынѣ ректора с.-петербургской академіи) архимандрита Арсенія. Сочиненіе озаглавлено такъ: „Кириллъ Лукарисъ, патріархъ александрійскій".

[3]) Устроителемъ типографіи въ Острогѣ и напечатанія библіи былъ московскій діаконъ Иванъ Өедоровъ.

оригинальныхъ. Для переводныхъ сочиненій Острожскій выписалъ рукописи и книги изъ Рима, Константинополя, греческихъ острововъ, Аѳинъ, Болгаріи, Сербіи и другихъ странъ юго-востока. Кромѣ библіи въ академіи Острожскаго изданы были слѣдующія сочиненія: 1) „О единой истинной и православной вѣрѣ и св. апостольской церкви". Книга эта написана была въ 1599 г. священникомъ Василіемъ противъ сочиненія іезуита Скарги, вышедшаго въ 1597 г. подъ тѣмъ же заглавіемъ. 2) „Исповѣданіе объ исхожденіи Св. Духа". 3) „О постничествѣ". 4) „Маргератъ св. Іоанна Златоустаго" и мн. др. [1]).

Вотъ для убѣжденія этого могучаго русскаго князя къ согласію принять унію іезуиты и подготовили Ипатія Поцѣя; иниціаторы уніи тѣмъ болѣе разсчитывали на Поцѣя, что онъ приходился сродни Острожскому и былъ уважаемъ имъ. И дѣйствительно, какъ только Поцѣй получилъ санъ епископа, немедленно вступилъ въ переписку съ княземъ относительно соединенія церквей. Въ письмахъ своихъ къ Константину Константиновичу Поцѣй выставлялъ себя глубоко преданнымъ православію и ни однимъ словомъ не обмолвился, что онъ приверженецъ папства. Очевидно, Поцѣй началъ эту переписку съ княземъ Острожскимъ съ тою цѣлію, чтобы узнать мысли своего родственника относительно уніи. Но изъ переписки оказалось, что князь не одобряетъ той уніи, какую имѣлъ въ виду самъ Поцѣй. Когда дѣло коснулось вопроса о соединеніи церквей, то Константинъ Константиновичъ, признавая западно-русскую церковь не только національною, но и частію вселенско-восточной, заявилъ Поцѣю, что онъ, Острожскій, тогда только признаетъ унію законною, если она, послѣ гласнаго соборнаго обсужденія, будетъ признана и греческими патріархами, и московскимъ митрополитомъ съ русскими епископами. Поэтому князь посовѣтовалъ Поцѣю съѣздить въ Грецію и въ Москву и тамъ сначала поговорить объ этомъ предметѣ. Но Поцѣй, увидавши, какой уніи желаетъ его родственникъ, сильно былъ пораженъ этимъ, а потому наотрѣзъ отказался ѣхать и въ Грецію, и въ Москву. Относительно поѣздки въ Москву онъ, между прочимъ, написалъ еще слѣдующее: „Туда страшно ѣхать съ такими вопросами, тамъ съ тобою не будутъ долго разговаривать, какъ разъ угодятъ подъ кнутъ и живъ не останешься; да, впрочемъ, заключилъ Поцѣй, зачѣмъ ѣздить въ чужія земли, когда вездѣ вѣруютъ правильно". Этимъ и кончилась переписка Поцѣя съ Острожскимъ.

Составленіе акта на унію; поѣздка Кирилла Терлецкаго и Ипатія Поцѣя въ Римъ съ этимъ актомъ. Дѣйствія Острожскаго. Пребываніе Терлецкаго и Поцѣя въ Римѣ. Не успѣвши привлечь князя Константина Константиновича Острожскаго на свою сторону,

---

[1]) Изданіемъ переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій занималось основанное при академіи особое ученое общество.

іезуиты уговорили русскихъ епископовъ и безъ Острожскаго составить актъ на унію, выбрать депутатовъ и отправить ихъ въ Римъ къ папѣ съ просьбою о принятіи всей западно-русской церкви подъ его апостольскую руку. 1595 г. 12 іюня актъ на унію дѣйствительно былъ составленъ (а гдѣ—неизвѣстно), и подъ нимъ, между прочемъ, подписались: митрополитъ Михаилъ Рагоза, Кириллъ Терлецкій—епископъ луцкій, Ипатій Поцѣй—епископъ владимирскій, Гедеонъ Болобанъ—епископъ львовскій, Діонисій Збируйскій—епископъ холмскій, Леонтій Пельчицкій—епископъ пинскій, Григрій (въ монашествѣ Германъ) Загоровскій—викарій полоцкой епархіи, Михаилъ Копыстенскій—епископъ перемышльскій и архимандритъ кобринскаго монастыря Іона Гоголь. Затѣмъ выбраны были два депутата: Терлецкій и Поцѣй и отправлены къ королю Сигизмунду III, а тотъ въ концѣ сентября того же года послалъ ихъ къ папѣ въ Римъ.

Отправляясь въ Римъ, Поцѣй написалъ письмо къ Константину Острожскому, въ которомъ извѣщалъ князя обо всемъ случившемся. Острожскій, получивъ письмо Поцѣя, пришелъ въ страшное негодованіе; онъ немедленно разослалъ посланіе во всѣ епархіи западно-русской церкви. Въ этомъ посланіи князь съ глубокою скорбію извѣщаетъ православныхъ объ отступленіи отъ вѣры отцовъ какъ митрополита, такъ и остальныхъ пяти епископовъ. Восхваляя православную церковь, какъ единую истинную, вселенскую и апостольскую, Острожскій въ своемъ посланіи просилъ всѣхъ ея послѣдователей какъ можно тѣснѣе соединиться между собою для борьбы съ латинскими кознями [1]).

Посланіе Острожскаго произвело сильное волненіе между православными. Они стали составлять съѣзды и готовиться къ борьбѣ. Когда объ этомъ волненіи узналъ Сигизмундъ III, то, по совѣту іезуитовъ, отъ себя разослалъ ко всѣмъ православнымъ Рѣчи Посполитой универсалъ, въ которомъ, во-первыхъ, объявлялъ оффиціальнымъ образомъ объ уніи, а во-вторыхъ, старался успокоить ихъ тѣмъ, что отъ подчиненія папѣ они ничего не потеряютъ,—напротивъ, получатъ еще огромныя выгоды. Въ заключеніе Сигизмундъ III просилъ всѣхъ православныхъ послѣдовать примѣру митрополита и тѣхъ епископовъ, которые уже признали унію. Но этотъ универсалъ, какъ и слѣдовало ожидать, еще болѣе усилилъ волненіе между русскими.

Между тѣмъ, поднятое Острожскимъ волненіе среди русскаго населенія, по поводу уніи, сильно перепугало митрополита Рагозу и Гедеона Болобана. Вслѣдствіе этого они оба рѣшились оправдаться предъ

---

[1]) Въ то же время Острожскій послалъ посланіе и къ протестантамъ, которыхъ также просилъ присоединиться къ русскимъ для борьбы съ католиками, какъ врагами всѣхъ диссидентовъ. По этому поводу дѣйствительно составился было изъ православныхъ и протестантовъ съѣздъ, но онъ кончился ничѣмъ.

русскимъ народомъ: митрополитъ Рагоза въ оправданіе свое разослалъ отъ себя посланіе ко всей православной церкви Рѣчи Посполитой съ извѣщеніемъ, что онъ, митрополитъ, рѣшительно не причастенъ уніи и что все, что о немъ по этому дѣлу говорятъ и пишутъ, есть сущая клевета. Но ему никто не повѣрилъ, такъ какъ противъ него было очень много явныхъ уликъ. Гедеонъ же Болобанъ въ этомъ отношеніи поступилъ энергичнѣе своего начальника: онъ, лишь только увидѣлъ, что дѣло уніи принимаетъ неблагопріятный оборотъ, самъ лично явился во владимирскій городской судъ и тутъ, въ присутствіи Константина Константиновича Острожскаго и многихъ русскихъ дворянъ, подалъ заявленіе объ измѣнѣ православію митрополита и епископовъ, при этомъ изложилъ и всю исторію уніи, свою же подпись подъ актомъ на унію объяснилъ такъ: будто ему Терлецкій и Поцѣй, вмѣстѣ съ митрополитомъ Рагозою, дали подписать чистый бланкъ, на которомъ, по ихъ словамъ, должна быть написана жалоба къ королю о притѣсненіи православныхъ, а между тѣмъ, какъ оказалось потомъ, написали на этомъ бланкѣ актъ объ уніи. Правду ли говорилъ Гедеонъ—хорошо неизвѣстно, но ему повѣрили и тогда же, между прочимъ, порѣшили составить соборъ для осужденія и низложенія митрополита и тѣхъ епископовъ, которые приняли унію. Въ это же время и Михаилъ Копыстенскій отказался отъ уніи, но подробности сего дѣла хорошо неизвѣстны.

Въ началѣ іюля 1596 г. Острожскій отправилъ грамоту къ восточнымъ патріархамъ, въ которой, извѣщая ихъ о поступкахъ митрополита и епископовъ, просилъ разрѣшенія на открытіе предполагаемаго собора. Въ концѣ августа отъ патріарховъ былъ полученъ отвѣтъ. Патріархи разрѣшали Острожскому открыть соборъ подъ предсѣдательствомъ Гедеона Болобана. При этомъ александрійскій патріархъ назначилъ отъ себя представителемъ на соборѣ своего великаго протосанкелла, бывшаго ректора Острожской академіи, Кирилла Лукариса, а константинопольскій—своего великаго протосанкелла Никифора [1]). Причемъ срокъ открытія собора они назначили 6-го октября а мѣсто открытія—г. Брестъ.

Между тѣмъ Поцѣй и Терлецкій, отправленные въ Римъ, прибыли туда въ началѣ ноября 1595 г. 15 числа того же мѣсяца они представились неоффиціально папѣ Клименту VIII. Тотъ принялъ ихъ ласково, поз-

[1]) Никифоръ, подобно Лукарису, отличался глубокою ученостью. Онъ семь лѣтъ былъ ректоромъ Падуанскаго университета, а потомъ проповѣдникомъ въ греческой церкви св. Марка въ Венеціи. Его проповѣди, отличавшіяся глубокимъ анализомъ сердца человѣческаго, сходились слушать лица всѣхъ вѣроисповѣданій. Никифора отлично знали іезуиты и боялись вступать съ нимъ въ пренія, потому что онъ отличался необыкновенною діалектикой и умѣньемъ спутать своего противника.

волилъ поцѣловать ногу и сказалъ: „вы съ дороги утомились, отдохните, дѣломъ займемся послѣ". Имъ отвели помѣщеніе въ самомъ ватиканѣ; тутъ они пробыли безъ дѣла болѣе пяти недѣль: только 23-го декабря приступили къ дѣлу. Въ этотъ день Поцѣя и Терлецкаго повели къ папѣ для оффиціальнаго представленія. Аудіенція происходила въ самой роскошнѣйшей залѣ ватикана, именно той, гдѣ принимаютъ государей. Когда ввели русскихъ епископовъ, то Климентъ VIII въ это время былъ уже въ залѣ и сидѣлъ на драгоцѣнномъ тронѣ, подъ балдахиномъ, во всѣхъ своихъ папскихъ регаліяхъ; около него стояли кардиналы, архіепископы, множество знатныхъ свѣтскихъ лицъ и высшихъ путешественниковъ. Увидавши папу, Кириллъ Терлецкій и Ипатій Поцѣй пали ницъ и не прежде встали, какъ имъ приказано было. Затѣмъ ихъ подвели къ трону св. отца, гдѣ они, „скрестивши на груди руки и затаивъ дыханіе, по словамъ одного хронографа, опустились на колѣни предъ трономъ и съ благоговѣйнымъ трепетомъ поцѣловали кончикъ папскаго башмака (туфли)". Поднявшись же на ноги, епископы подали папѣ актъ о подчиненіи западно-русской церкви его апостольской власти. Папа приказалъ тутъ же прочитать его. Актъ этотъ написанъ былъ по-русски и прочитанъ на этомъ языкѣ. Читалъ его находившійся при этомъ посольствѣ виленскій канонинъ Евстафій Воловичъ. Содержаніе сего акта было слѣдующее: „Мы поручаемъ отъ насъ, митрополита и всѣхъ русскихъ епископовъ, двумъ изъ братій нашихъ: епископу владимирскому и берестейскому и епископу луцкому и острожскому принести достодолжное повиновеніе вашему святѣйшеству, если ваше святѣйшество благоволите за себя и своихъ преемниковъ утвердить ненарушимость отправленія таинствъ и богослужебныхъ обрядовъ, по уставу нашей греческой церкви, въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ настоящее время". По окончаніи русскаго чтенія, то же было прочитано и по-латыни. Въ отвѣтъ на это однимъ изъ кардиналовъ отъ имени св. отца прочитана была рѣчь, въ которой Климентъ VIII благодарилъ всѣхъ русскихъ епископовъ, подписавшихся подъ актомъ на унію, за ихъ желаніе подчиниться римскому престолу и при этомъ выразилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что есть еще много православныхъ, которые держатся древнихъ заблужденій. Затѣмъ Ипатій Поцѣй громко прочелъ исповѣданіе вѣры, составленное по порученію папы другимъ кардиналомъ. Суть этого исповѣданія состояла въ томъ: а) что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына (filioque); б) что таинство Евхаристіи можно совершать и на прѣсномъ хлѣбѣ, какъ и на квасномъ; в) что умершіе съ покаяніемъ, но не успѣвшіе принести плодовъ достойныхъ покаянія, въ загробной жизни проходятъ чистилище; г) что папа есть наслѣдникъ св. Петра, намѣстникъ Господа І. Христа, видимый глава церкви и стоящій выше всей вселенной; д) что римская церковь есть единая святая, внѣ которой

нѣтъ спасенія; е) что папа имѣетъ право раздавать дары спасенія въ видѣ индульгенцій; ж) что постановленія Флорентійскаго собора и Триденскаго обязательны для всѣхъ, какъ каноническія; з) что, наконецъ, все еретическое, схизматическое (православное) и не признающее римской церкви и ея первосвященника проклято. Исповѣданіе это было прочитано сначала по-латыни, а потомъ по-русски. При этомъ Поцѣй и Терлецкій дали торжественную клятву, что они неуклонно будутъ соблюдать догматы сего исповѣданія, затѣмъ они подписали это исповѣданіе. Послѣ этого Поцѣй и Терлецкій снова поклонились папѣ въ ноги и, снова поцѣловавши кончикъ папскаго башмака, удалились въ свои покои. 24 декабря, наканунѣ Рождества Христова, русскіе епископы были на вечернѣ въ храмѣ св. Петра. Богослуженіе совершалъ самъ Климентъ VIII со всѣми кардиналами, находившимися въ Римѣ.

Въ память соединенія западно-русской церкви съ католическою отслуженъ былъ благодарственный молебенъ и выбита медаль съ слѣдующимъ характернымъ изображеніемъ на ней: на одной сторонѣ медали изображенъ папа, сидящій на престолѣ и благословляющій стоящаго на колѣняхъ, со сложенными на груди руками, русскаго епископа, склонившаго голову; позади его два стоящихъ лица, а на фасадѣ алтарь съ распятіемъ. На другой сторонѣ медали портретъ того же папы Климента VIII съ надписью вокругъ: „на возсоединеніе русскихъ" (Ruthenis receptis).

Въ январѣ мѣсяцѣ 1596 г. Поцѣй и Терлецкій выѣхали изъ Рима, а въ началѣ марта прибыли на родину.

Вслѣдъ за выбытіемъ Поцѣя и Терлецкаго изъ Рима папа отправилъ буллу митрополиту Михаилу Рагозѣ, въ которой онъ поручалъ ему созвать областной соборъ изъ всѣхъ епископовъ и тутъ взять съ нихъ клятву: а) чтобы они неуклонно слѣдовали тому исповѣданію, которое приняли въ Римѣ Поцѣй и Терлецкій; б) чтобы они измѣнили православное богослуженіе согласно сему исповѣданію и в) чтобы они распространяли унію среди западно-русскаго населенія примѣнительно къ этому исповѣданію.

Но когда эта булла сообщена была епископамъ, то эти послѣдніе пришли въ ужасъ; они не знали, какъ приступить къ выполненію требованій папы, особенно двухъ послѣднихъ: если, думали епископы, одинъ только слухъ о подчиненіи папѣ произвелъ страшное волненіе среди западно-русскаго населенія, то что же будетъ, когда они приступятъ къ введенію уніи, которая, согласно требованію папы, должна быть совершенно похожа на латинство! Поэтому тогда же митрополитъ и епископы обратились къ Клименту VIII съ просьбою отмѣнить свои требованія, изложенныя въ вышеозначенной буллѣ, и дозволить западно-русскому народу исповѣдывать ту унію, какую Терлецкій и Поцѣй представляли его святѣйшеству, когда были въ Римѣ, т. е. унію,

допускающую одну только верховную власть папы надъ греко-восточною церковью, съ оставленіемъ полной неприкосновенности догматовъ и обрядовъ ея. При этомъ митрополитъ и епископы представили папѣ и мотивы своей просьбы. Въ Римѣ, получивши эту просьбу и мотивы ея, поняли свою ошибку: тамъ увидѣли, что слишкомъ поторопились съ приказаніемъ на введеніе собственной уніи; вслѣдствіе этого дѣйствительно скоро послѣдовало согласіе на просьбу митрополита и епископовъ, принявшихъ унію. Между прочимъ римская курія, уступивши желанію западно-русскихъ епископовъ, тогда же приступила къ выработкѣ особаго рода плана дѣйствій для обращенія православныхъ, принявшихъ унію, въ католичество. Планъ этотъ состоялъ въ созданіи среди уніатовъ Базиліанскаго ордена, объ основаніи котораго мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Между тѣмъ, какъ получено было согласіе папы на подчиненіе православной западно-русской церкви власти его святѣйшества въ той именно формѣ, въ какой этого желали русскіе епископы, король польскій Сигизмундъ III универсаломъ своимъ поручилъ митрополиту Рагозѣ созвать соборъ для провозглашенія уніи, причемъ мѣстомъ собора назначилъ, какъ и православные, г. Брестъ. Митрополитъ, получивши этотъ универсалъ, немедленно разослалъ окружное посланіе ко всѣмъ духовнымъ лицамъ православной церкви съ приглашеніемъ на соборъ. День открытія его избранъ былъ тотъ, какой и православными, т. е. 6 октября 1596 года.

Брестскіе соборы: православный и уніатскій. Въ концѣ сентября и въ первыхъ числахъ октября 1596 г. въ г. Брестѣ на православный соборъ пріѣхали: Никифоръ, великій протосанкеллъ, въ качествѣ представителя константинопольскаго патріарха, Кириллъ Лукарисъ, Гедеонъ Болобанъ, Михаилъ Копыстенскій—епископъ перемышльскій Лука—митрополитъ сербскій, болѣе 10 архимандритовъ, 12 протоіереевъ, нѣсколько іеромонаховъ и священниковъ и до 300 свѣтскихъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и Острожскій. Послѣдній прибылъ на соборъ съ сыномъ и вооруженною дружиною. Соборъ открылся 6 октября, какъ было назначено, въ домѣ одного богатаго брестскаго обывателя, протестантскаго исповѣданія, по фамиліи Райскаго. Въ церкви православные не могли открыть собора, потому что Поцѣй, какъ мѣстный епископъ, распорядился запереть всѣ церкви, чтобы лишить православныхъ приличнаго мѣста для собора. Предсѣдателемъ былъ Гедеонъ Болобанъ, но главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на этомъ соборѣ былъ протосанкеллъ Никифоръ; онъ же его и открылъ отъ лица вселенскихъ патріарховъ.

Но въ одно время съ православными прибыли въ Брестъ и тѣ западно-русскіе епископы, которые приняли унію, именно: митрополитъ Михаилъ Рагоза, Ипатій Поцѣй, Кириллъ Терлецкій, Діонисій Збируй-

скій, Григорій (или Германъ) Загоровскій и Іона Гоголь [1]). Вмѣстѣ съ іезуитами и латинскими епископами они открыли въ церкви св. Николая свой уніатскій соборъ и какъ разъ въ тотъ самый день, въ который открытъ былъ и православный соборъ. Предсѣдателемъ этого собора избранъ былъ львовскій католическій архіепископъ Суликовскій. Латыняне и не могли выбрать лучшаго лица для окончанія начатаго дѣла, какъ Суликовскаго: секретарь при Сигизмундѣ-Августѣ, исполнявшій множество государственныхъ порученій, онъ былъ однимъ изъ самыхъ энергическихъ прелатовъ римской церкви въ Рѣчи Посполитой.

Такимъ образомъ, въ г. Брестѣ 6 октября 1596 г. разомъ открылось два собора: православный и уніатскій.

Православные, открывши соборъ, прежде всего постановили послать пословъ за митрополитомъ Рагозою и епископами его партіи, чтобы они явились къ нимъ для личнаго объясненія по поводу взводимыхъ на нихъ обвиненій; но тѣ, поддерживаемые польскимъ правительствомъ, іезуитами и латинскимъ духовенствомъ, само собою разумѣется, не явились на зовъ православнаго собора. За первымъ приглашеніемъ, по примѣру древней церкви, члены православнаго Брестскаго собора еще два раза посылали за ними, а когда и на эти два приглашенія они не явились, то приступлено было къ разсмотрѣнію ихъ проступковъ. Изъ объясненій какъ львовскаго епископа Гедеона Болобана, такъ и другихъ лицъ, но особенно изъ подлинныхъ писемъ отступниковъ православія, ясно было, что больше всѣхъ виновны: самъ митрополитъ Михаилъ Рагоза а затѣмъ Поцѣй и Терлецкій, остальные же лица только послѣдовали ихъ примѣру. Поэтому на четвертый день соборныхъ засѣданій, т. е. 9 октября, всѣ они, по единогласному рѣшенію собора, были лишены сана, о чемъ, черезъ архимандрита Кіево-печерскаго монастыря Никифора Тура, и было объявлено имъ письменно. Послѣ этого соборъ занялся разсмотрѣніемъ прошеній, поданныхъ протосанкеллу Никифору. Прошенія эти поданы были отъ всѣхъ городовъ и земель области Волынской, а также отъ Кіева, Переяславля, Пинска и разныхъ областей бывшаго Литовскаго государства. Въ этихъ прошеніяхъ народъ просилъ членовъ собора не измѣнять древняго богослуженія, не приступать къ соединенію съ римскою церковью безъ согласія восточныхъ патріарховъ, не вводить въ православную церковь никакой новизны и отрѣшать отъ должностей всѣхъ, кто только задумаетъ отпасть отъ православія. Эти прошенія имѣли весьма важное значеніе, потому что они согласовались съ намѣреніями самихъ членовъ собора и подняли духъ и энергію сихъ послѣднихъ.

[1]) Загоровскій въ это время былъ архіепископомъ полоцкимъ, вмѣсто скончавшагося Наѳанаила Селицкаго, вовсе не принимавшаго участія въ уніи Іона Гоголь тоже въ это время былъ уже епископомъ, именно, пинскимъ, вмѣсто умершаго Пельчицкаго.

9-го октября (это было въ субботу) соборъ закончилъ свои засѣданія торжественною молитвою и разошелся.

Уніатскій соборъ, подъ предсѣдательствомъ Суликовскаго, продолжался также, какъ и православный, четыре дня. На четвертый день своихъ засѣданій (9-го октября) члены сего собора осудили всѣхъ духовныхъ лицъ, присутствовавшихъ на православномъ соборѣ, какъ противниковъ митрополита; при этомъ уніатскій соборъ обвинилъ еще протосанкелла Никифора въ самозванствѣ и дурномъ поведеніи.

Въ тотъ же день Михаилъ Рагоза и всѣ уніатскіе и римскіе епископы въ торжественной процессіи, въ священныхъ облаченіяхъ отправились въ церковь св. Николая и тамъ торжественно провозгласили унію; а затѣмъ митрополитъ Рагоза разослалъ православному духовенству и мірянамъ окружное посланіе, въ которомъ, объявляя о семъ событіи, укорялъ восточную церковь въ ея древнемъ заблужденіи и отказывался отъ общенія съ нею.

Въ отвѣтъ на это посланіе протосанкеллъ Никифоръ отъ лица вселенскихъ патріарховъ и Брестскаго православнаго собора также разослалъ грамоту, въ которой объявлялъ объ отлученіи отъ церкви митрополита Рагозу и его сообщниковъ, причемъ благословлялъ всѣхъ духовныхъ лицъ, оставшихся вѣрными православію и разрѣшалъ епископамъ—львовскому и перемышльскому удовлетворять духовныя нужды прочихъ епархій, епископы которыхъ отпали въ унію.

Такимъ образомъ, старанія іезуитовъ увѣнчались успѣхомъ: унія была введена среди западно-русскаго народа въ областяхъ бывшаго Литовскаго государства, по крайней мѣрѣ оффиціальнымъ образомъ [1]).

Арестъ протосанкелла Никифора и судъ надъ нимъ. Полемическая литература. Спустя два мѣсяца послѣ провозглашенія уніи, Сигизмундъ III издалъ новый универсалъ, въ которомъ снова объявлялъ о принятіи сего исповѣданія митрополитомъ и русскими епископами и при этомъ опять убѣждалъ всѣхъ православныхъ послѣдовать примѣру своихъ владыкъ. Въ то же время, по наущенію іезуитовъ, король велѣлъ арестовать протосанкелла Никифора, какъ человѣка весьма опаснаго уніи и предать его суду.

Въ январѣ 1597 года Никифора привезли въ Варшаву и предали сеймовому суду. Судъ производился надъ нимъ съ промежутками около двухъ недѣль. На Никифора взведено было много обвиненій, но ни одно изъ нихъ не было доказано [2]). Защитникомъ Никифора явился

---

[1]) Подробности о брестскихъ соборахъ: православномъ и уніатскомъ можно найти въ Литовск. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1888 г., въ статьѣ Стрѣльбицкаго „Уніатскіе соборы".

[2]) Такъ, напримѣръ, сначала его обвинили въ самозванствѣ, потомъ въ шпіонствѣ, затѣмъ въ развратѣ, а наконецъ въ разныхъ мелкихъ преступленіяхъ. Но все это при производствѣ дѣла оказалось гнусною клеветою.

Константинъ Константиновичъ Острожскій. Будучи глубоко оскорбленъ несправедливымъ судомъ надъ Никифоромъ, князь въ самой залѣ суда сказалъ Сигизмунду III сильную обличительную рѣчь. Онъ напомнилъ ему прежнихъ королей: Сигизмунда I, Августа, Генриха и Стефана Баторія, службу своихъ предковъ и свою собственную этимъ королямъ, свое стараніе объ избраніи Сигизмунда въ короли, жаловался на Замойскаго, а потомъ все это заключилъ слѣдующими словами: „Ваша королевская милость, вопреки справедливымъ доводамъ нашимъ и представительству пословъ земскихъ, не хотите оставлять насъ при нашихъ правахъ, въ нашей православной вѣрѣ, вмѣсто отступниковъ дать намъ иныхъ пастырей; напротивъ, допускаете отступникамъ дѣлать насилія и проливать кровь, грабить, выгонять изъ маентностей и даже изъ земли своей тѣхъ, которые не хотятъ приставать къ ихъ отступничеству. Ваша королевская милость посягаете на права нашей вѣры, стѣсняете наши вольности, насилуете нашу совѣсть и сами нарушаете присягу свою. Я, сенаторъ, не только терплю оскорбленія, но вижу, что дѣло идетъ къ окончательной гибели всей короны польской; послѣ этого уже никто не обезпеченъ въ своемъ правѣ и свободѣ... Скоро наступитъ великая смута; дай Богъ, чтобы до чего иного не додумались... Предки наши, принося государю вѣрность, послушаніе и подданство, получали взаимно отъ государя милость, справедливость и оборону; такъ одни другимъ присягали. Опомнитесь, ваше величество, и послушайте добраго совѣта! Я сильно оскорбленъ вами; на старости лѣтъ у меня отнимаютъ то, что для меня всего милѣе: совѣсть и православную вѣру. Я уже въ преклонныхъ лѣтахъ и надѣюсь, что скоро разстанусь съ этимъ свѣтомъ; прощаясь съ вами, ваше величество, я напоминаю вамъ, чтобы вы опомнились! Поручаю вамъ эту духовную особу; Богъ взыщетъ за кровь его на страшномъ судѣ; а я прошу Бога: да не дастъ онъ моимъ очамъ болѣе видѣть нарушеніе правъ нашихъ, но сподобитъ меня на старости лѣтъ услышать о добромъ здоровьи вашего величества и о лучшемъ состояніи вашихъ государствъ и нашихъ правъ“! Послѣ этихъ словъ старикъ ослабѣлъ и упалъ въ кресло: съ нимъ сдѣлалось дурно. Его вынесли на свѣжій воздухъ. Но протосанкелла онъ все-таки не спасъ; не смотря на то, что за нимъ рѣшительно не нашли никакой вины, какъ ни старались объ этомъ іезуиты, его все-таки осудили за то, что онъ открылъ соборъ безъ дозволенія короля и отправили въ Маріенбургъ въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ, какъ говорятъ, отъ истощенія.

Послѣ суда надъ Никифоромъ, православные, не надѣясь уже болѣе на справедливое отношеніе польскаго правительства къ нимъ, рѣшились соединиться съ лютеранами для противодѣйствія католичеству и съ этою цѣлію въ маѣ 1599 г. устроили общій съѣздъ въ Вильнѣ. Сюда съѣхались лица двухъ вѣроисповѣданій, числомъ болѣе

200. Со стороны православныхъ между прочимъ тутъ были: К. Острожскій, бѣлградскій митрополитъ Лука и дубненскій архимандритъ Исаакъ. А со стороны лютеранъ—Николаевскій и Эразмъ Гланцнеръ, оба отличавшіеся глубокою ученостію и высокимъ общественнымъ положеніемъ. 18 мая на этомъ съѣздѣ составленъ былъ актъ конфедераціи или политическаго союза, которымъ дворянство западной Россіи, православнаго и лютеранскаго исповѣданій, обязывалось: а) сохранять миръ и согласіе между собою; б) защищать интересы какъ духовные, такъ и матеріальные дворянъ того и другого исповѣданій; в) всѣми силами противиться іезуитамъ и польскому правительству, когда они будутъ насильственными мѣрами обращать или православныхъ въ унію, или реформатовъ въ католичество. Но постановленія эти не принесли надлежащихъ плодовъ, потому что іезуиты съумѣли повести дѣло такъ, что разъединили православныхъ и лютеранъ, поселили между ними холодность и недовѣріе и такимъ образомъ разрушили этотъ союзъ.

Гораздо важнѣе было по своимъ послѣдствіямъ литературно-полемическое движеніе, явившееся вслѣдъ за введеніемъ уніи.

Послѣ закрытія брестскихъ соборовъ, православные и уніаты занялись изданіемъ сочиненій, въ которыхъ и тѣ, и другіе оправдывали свои дѣйствія. Послѣднимъ въ этомъ дѣлѣ много помогали іезуиты, а между ними особенно Петръ Скарга. Въ 1597 году онъ, какъ очевидецъ уніатскаго Брестскаго собора, издалъ о немъ книгу подъ заглавіемъ „Соборъ Брестскій и его защита“. Книга эта отличается тенденціозностію и написана съ католической точки зрѣнія. Издана она была на двухъ языкахъ—польскомъ и русскомъ.

Въ томъ же году со стороны православныхъ Христофоръ Бронскій издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Апокрисисъ“ (отвѣтъ на книгу Скарги). Сочиненіе это своими серьезными доказательствами въ пользу православія произвело переполохъ между уніатами и католиками.

Въ 1598 году со стороны православныхъ было выпущено новое серьезное сочиненіе подъ именемъ „Перестрига“, или предостереженіе. Оно написано львовскимъ священникомъ, который самъ былъ на Брестскомъ православномъ соборѣ. Въ этомъ сочиненіи выяснены причины возникшей въ западно-русской церкви уніи; въ немъ весьма подробно изложено, какими насильственными мѣрами вводилось сіе исповѣданіе.

Въ 1599 году уніаты выпустили въ свѣтъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Антирресисъ“. Оно было направлено противъ „Апокрисиса“ и отличалось не столько научными доказательствами, сколько руганью, направленною по адресу Христофора Бронскаго. Авторъ этого курьезнаго сочиненія былъ грекъ, уроженецъ острова Корфу, Петръ Аркудій. Его привезъ изъ Рима въ Литву въ 1596 г. Поцѣй, какъ человѣка начитаннаго въ церковной письменности. Поцѣй сначала поручилъ ему управленіе брестскою школою, а потомъ сдѣлалъ его архимандри-

томъ лавришенскаго и кобринскаго монастырей. Но послѣ смерти Поцѣя Аркудій возвратился въ Римъ, гдѣ и состоялъ на службѣ при ватиканской библіотекѣ.

Но самыми главными защитниками православія въ западно-русскихъ областяхъ посредствомъ литературы были: патріархъ александрійскій Мелетій, настоятель виленскаго Свято-Духовскаго монастыря Леонтій Карповичъ и инокъ сего монастыря Мелетій Смотрицкій.

I. Патріархъ Мелетій, какъ только получилъ извѣстіе о провозглашеніи уніи, немедленно отправилъ къ князю Константину Константиновичу Острожскому и къ православнымъ западно-русской церкви нѣсколько посланій, въ которыхъ онъ отлучалъ отъ церкви бывшаго митрополита Михаила Рагозу и владыкъ, принявшихъ унію; убѣждалъ православныхъ быть твердыми въ своей вѣрѣ и обличалъ латынянъ. Всѣхъ посланій Мелетія было болѣе двадцати. Но особенно замѣчательно его посланіе отъ 15 октября 1599 г. къ Ипатію Поцѣю. Это посланіе самое обширное. Въ немъ патріархъ обнаружилъ глубокое богословское знаніе. Въ этомъ посланіи онъ съ особенною силою возстаетъ противъ обычая римской церкви совершать таинство Евхаристіи на опрѣснокахъ и преподавать его мірянамъ только подъ однимъ видомъ, а также—противъ догмата объ исхожденіи Святого Духа и отъ Сына, главенства папы, безженства священниковъ и новаго календаря, и въ заключеніе выставляетъ достоинства и превосходство православной церкви, причемъ убѣждаетъ Поцѣя оставить унію съ Римомъ и возвратиться въ нѣдра православія [1]).

Противъ александрійскаго патріарха и въ защиту уніатовъ выступилъ самъ папа. Получивъ извѣстіе, что патріархъ отлучилъ отъ

---

[1]) Патріархъ Мелетій съ такою энергіею защищалъ православныхъ въ Литвѣ потому, что онъ въ это время, состоя александрійскимъ патріархомъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и блюстителемъ константинопольскаго патріаршаго престола, которому, какъ извѣстно, подчинена была западно-русская церковь.

Примѣчаніе. Въ одно время съ Мелетіемъ западно-русскіе иноки, подвизавшіеся на Аѳонѣ, узнавъ о появленіи на своей родинѣ уніи, составили общее посланіе къ своимъ соотечественникамъ и братьямъ по вѣрѣ и убѣждали ихъ, чтобы они оставались непоколебимыми въ православіи и не смущались отпаденіемъ митрополита и владыкъ въ унію, помня, что эти владыки были не истинные пастыри, а наемники, принявшіе святительскій санъ только изъ-за имѣній и перешедшіе въ унію только ради собственнаго спокойствія и выгодъ, и что истиннымъ послѣдователямъ Христа необходимо въ жизни терпѣть скорби и нести крестъ для достиженія царствія небеснаго.

Для большаго распространенія этихъ посланій князь Острожскій приказалъ напечатать ихъ и разослать всѣмъ православнымъ западно-русской церкви.

церкви митрополита и владыкъ, принявшихъ унію, Климентъ VIII издалъ такъ называемое „апостольское постановленіе“, которымъ отмѣнялъ и уничтожалъ патріаршее отлученіе и прислалъ это постановленіе въ Литву къ митрополиту и владыкамъ, съ тѣмъ, чтобы оно повсюду торжественно было прочитано и объявлено всему духовенству и народу. Въ то же время папа особое посланіе прислалъ князю Острожскому, котораго онъ сильно убѣждалъ бросить православіе и перейти или въ унію, или въ католичество.

II. Леонтій Карповичъ былъ сынъ православнаго священника, родился въ 1580 г. Имѣя около тридцати лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ въ Свято-Духовскій монастырь въ качествѣ простого инока и корректора книгъ, издаваемыхъ братствомъ сего монастыря. Въ 1614 г. онъ избранъ былъ настоятелемъ монастыря. Карповичъ извѣстенъ какъ великій проповѣдникъ. За краснорѣчіе его сравнивали съ Златоустомъ. Слушать его проповѣди приходили не только православные, но даже иновѣрцы: протестанты и католики. Изъ его проповѣдей особенно замѣчательны двѣ: на Преображеніе Господне и Успеніе Пресвятой Богородицы. По словамъ современниковъ, Карповичъ имѣлъ громадное вліяніе на виленское православное общество и, благодаря ему, не одна сотня лицъ его осталась вѣрна религіи своихъ отцовъ.

III. Мелетій Смотрицкій родился въ 1579 г. Отецъ его—Герасимъ Смотрицкій—принадлежалъ къ аристократическому и самому образованному по тому времени кругу православныхъ лицъ. Первоначальное воспитаніе Мелетій Смотрицкій получилъ въ домѣ родителей въ г. Острогѣ, гдѣ его отецъ былъ ректоромъ Острожской академіи, а потомъ въ семействѣ князя Острожскаго, куда онъ попалъ по смерти отца. Окончивъ курсъ Острожской академіи подъ руководствомъ знаменитаго Кирилла Лукариса, Мелетій, какъ даровитый воспитанникъ, отправленъ былъ слушать лекціи сначала въ Виленскую іезуитскую академію, а затѣмъ въ заграничные университеты западной Европы. По возвращеніи изъ-за границы онъ жилъ нѣкоторое время въ г. Минскѣ у одного изъ своихъ родственниковъ. Отсюда онъ выступилъ защитникомъ православія противъ латинства и уніатовъ. Тутъ онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе „Ѳриносъ“, или „Плачъ вселенской восточной церкви“. Въ этомъ сочиненіи Мелетій Смотрицкій прежде всего описываетъ бѣдственное положеніе православной церкви, до котораго ее довели собственныя дѣти, измѣнившія ей и принявшія унію съ Римомъ; потомъ опровергаетъ одно за другимъ, подробно и обстоятельно, особенности латинской церкви, какъ-то: главенство папы, происхожденіе Св. Духа отъ Сына, совершеніе таинства Евхаристіи на опрѣснокахъ, чистилище, причащеніе міряНъ подъ однимъ видомъ и въ то же время оправдываетъ и защищаетъ ученіе православной церкви. Далѣе Смотрицкій изображаетъ на основаніи современныхъ

свидѣтельствъ страшную и безобразную картину крайняго упадка вѣры и благочестія въ самой столицѣ папской—Римѣ. Въ заключеніе онъ призываетъ всѣхъ отпавшихъ отъ православія опомниться, покаяться и снова возвратиться въ лоно своей матери-восточной церкви. Сочиненіе это проникнуто живымъ сочувствіемъ къ православію и непріязнію къ латинству и уніи; наполнено множествомъ свѣдѣній какъ изъ древней церковной литературы, такъ и изъ новѣйшихъ писателей латинскихъ и протестантскихъ; запечатлѣно свѣтлымъ умомъ, тонкою діалектикою и изложено изящнымъ польскимъ языкомъ. Это сочиненіе произвело сильное впечатлѣніе не только на православныхъ, но и на враговъ западно-русской церкви. По свидѣтельству самихъ латинянъ, никто изъ еретиковъ не порицалъ такъ рѣзко папскаго престола, какъ онъ порицался въ сочиненіи Смотрицкаго; „каждое слово въ Плачѣ, говоритъ одинъ католическій писатель, есть жестокая рана, каждая мысль—смертельный ядъ для уніи и папства, а потому не одни схизматики, но и еретики—протестанты съ радостью пріобрѣтали и перечитывали эту книгу. Иные, продолжаетъ тотъ же писатель, берегли ее какъ сокровище и завѣщевали своимъ дѣтямъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе; а изъ православнаго духовенства, заканчиваетъ онъ свои слова о Плачѣ, нѣкоторые ставили сочиненіе Смотрицкаго наравнѣ съ твореніями св. отецъ и готовы были пролить за него кровь". Какое впечатлѣніе произвела книга Смотрицкаго на все литовское общество, видно изъ того, что іезуитъ Скарга въ томъ же году, т. е. 1610, поспѣшилъ противъ нея издать свое сочиненіе подъ заглавіемъ „Предостереженіе противъ Плача", а два года спустя ученый уніатъ Илья Мараховскій, королевскій секретарь, напечаталъ въ Вильнѣ свое „Утѣшеніе, или утоленіе плача восточной церкви". Оба автора съ ожесточеніемъ нападаютъ на Мелетія, называютъ его ученикомъ Лютера и Кальвина и стараются доказать, что римская церковь есть на землѣ одна истинная и святая, которая всегда сохраняла и сохраняетъ чистое ученіе І. Христа и апостоловъ Его и котораго лишилась восточная церковь, какъ только прервала связь и единеніе съ римскою и папою.

Въ 1617 г. Мелетій Смотрицкій поступилъ въ число монаховъ Свято-Духовскаго монастыря и тутъ сдѣланъ былъ въ братской школѣ преподавателемъ „свободныхъ наукъ" и славянскаго языка. Составилъ для изученія послѣдняго лексиконъ и грамматику, которые тогда же напечатаны были три раза. Въ 1619 г. онъ сдѣланъ былъ настоятелемъ Свято-Духовскаго монастыря, а чрезъ годъ полоцкимъ епископомъ [1]).

---

[1]) Впрочемъ, Смотрицкій скоро оставилъ полоцкую каѳедру и отправился путешествовать на востокъ. По возвращеніи же оттуда онъ измѣнилъ православію и перешелъ въ унію. Послѣ этого Смотрицкій жилъ нѣкоторое время въ кіевскомъ Межегорскомъ монастырѣ, а потомъ перешелъ въ Дерманскій мо-

Преслѣдованіе православныхъ.

Вмѣстѣ съ литературною полемикою шли и преслѣдованія православныхъ. Преслѣдованія эти начались съ первыхъ годовъ провозглашенія уніи и затѣмъ, развиваясь все болѣе и болѣе, въ XVII стол. достигли своего апогея. Правда, преслѣдованія эти на первыхъ порахъ не имѣли оффиціальнаго характера, напротивъ, до второй половины XVII ст. мы видимъ, что сеймы издаютъ указы даже въ защиту православія. Первое правительственное постановленіе противъ православныхъ относится къ 1667 г. Но это рѣшительно не говоритъ въ пользу того, что православные будто бы спокойно жили и безопасно отправляли свое богослуженіе до вышеозначеннаго года. Если мы будемъ основывать свои познанія о внутреннемъ состояніи Рѣчи Посполитой только на оффиціальныхъ документахъ, то мы рѣшительно ничего не будемъ знать о немъ. Особенность соціально-политическаго устройства Рѣчи Посполитой состояла въ томъ, что правительство въ ней было, такъ сказать, само по себѣ, а шляхта и руководимое ею духовенство—само по себѣ, именно: въ Рѣчи Посполитой ни одно постановленіе правительства, ни одинъ его указъ не былъ обязателенъ въ практическомъ примѣненіи для духовенства и для шляхты или, по крайней мѣрѣ, они считали для себя необязательнымъ; поэтому мы видимъ, что въ Рѣчи Посполитой духовенство и шляхта сплошь и рядомъ безнаказанно дѣйствовали противъ постановленія не только короля и сената, но даже и сейма. Подобнаго рода явленія особенно часто встрѣчались среди духовенства по дѣламъ религіознымъ, да это и логично было: католическое духовенство, ставя себя выше короля, сенаторовъ и сейма, считало въ правѣ и не слушаться ихъ постановленій, когда эти послѣднія относились къ пользѣ еретиковъ и схизматиковъ, а слѣдовательно ко вреду, по ихъ понятіямъ, латинству. Вотъ почему мы видимъ, что при Сигизмундѣ III и сынѣ его Владиславѣ IV, хотя и издавались постановленія, гарантирующія свободу совѣсти православныхъ, но они оставались мертвою буквою [1]).

настырь, гдѣ и умеръ въ 1633 году. Уніаты и католики говорятъ, что онъ умеръ отъ отравы, поднесенной православными, но это клевета: православнымъ не за чѣмъ было отравлять Смотрицкаго, такъ какъ онъ въ это время для нихъ былъ совершенно безопасенъ, да притомъ православные никогда не прибѣгали къ подобнаго рода средству для устраненія враговъ ихъ религіи и исторія такихъ примѣровъ не знаетъ. О Смотрицкомъ см. статью Елеонскаго, Православное Обозрѣніе за 1861 г., т. V.

[1]) Такъ, напримѣръ, изданы были постановленія въ пользу православія и его послѣдователей на сеймахъ въ 1607, 1609, 1623, 1627, 1647 гг. (см. Volumino Gecum т. II и III), а развѣ кто нибудь исполнялъ эти постановленія? Примѣры мы видимъ въ жестокостяхъ Поцѣя, Рутскаго, Кунцевича, іезуитскихъ воспитанниковъ и другихъ.

Главными преслѣдователями православныхъ были: католическіе дворяне (польская шляхта) и высшее уніатское духовенство, т. е. епископы и митрополиты. Само собою разумѣется, что тѣ и другіе были побуждаемы къ тому іезуитами и католическимъ духовенствомъ. Преслѣдованія эти начались съ устраненіемъ православныхъ отъ занимаемыхъ ими должностей, лишенія духовныхъ лицъ приходовъ, отобранія церквей и церковныхъ имѣній (фундушей) у православной іерархіи, съ передачею тѣхъ и другихъ или въ руки уніатовъ, или въ руки католиковъ.

Первые уніатскіе митрополиты и ихъ отношенія къ православнымъ. Базиліанскій орденъ и его цѣль. Первый уніатскій митрополитъ, какъ мы знаемъ, былъ Михаилъ Рагоза. Но онъ не долго управлялъ церковью: послѣ принятія уніи въ августѣ 1599 года онъ умеръ. Какъ человѣкъ добрый, Рагоза не преслѣдовалъ православныхъ. Говорятъ даже, что онъ сильно раскаивался въ своемъ отступленіи отъ православія. Укоры совѣсти за измѣну вѣрѣ отцовъ свели его преждевременно въ могилу.

Ипатій Поцѣй—второй уніатскій митрополитъ. При немъ начались собственно преслѣдованія православныхъ, особенно тѣхъ, которые рѣшились возставать противъ уніи или посредствомъ проповѣдей, или изданія ученыхъ сочиненій. Сдѣлавшись уніатскимъ митрополитомъ, Поцѣй сейчасъ же разослалъ окружное посланіе ко всѣмъ духовнымъ лицамъ православнаго исповѣданія своей митрополіи съ требованіемъ принятія уніи, а въ случаѣ отказа—грозилъ каждому отлученіемъ отъ церкви и преданіемъ суду. „Помните, писалъ онъ въ заключеніе своего посланія, я вамъ не Рагоза". И дѣйствительно, не прошло и года послѣ обнародованія сего посланія, какъ Поцѣй началъ приводить въ исполненіе свою угрозу: такъ, онъ извѣстнаго ученаго и знаменитаго защитника православія Стефана Зизанія прогналъ изъ виленскаго Свято-Духовскаго монастыря за его проповѣди, говоренныя

Примѣчаніе. Говоря о католическомъ духовенствѣ и его первенствующей роли въ Польшѣ, мы должны еще къ этому прибавить, что католическое духовенство въ Польшѣ не только не считало для себя обязательнымъ тѣ законы, которые издавались въ пользу иновѣрцевъ, но даже подъ видомъ достиженія религіозныхъ цѣлей оно нерѣдко заставляло свое правительство совершать весьма важные политическіе промахи, которые были одною изъ причинъ гибели Польши. Такъ, въ 1420 г. оно не позволило вмѣстѣ съ чехами (гусситами) сокрушить Габсбургскую монархію (германскую); затѣмъ въ Тридцатилѣтнюю войну заставило Польшу соединиться съ Фердинандомъ II; потомъ при Владиславѣ IV принудило своего короля и министровъ отклонить союзъ съ Ришелье противъ Австріи, и весьма много другихъ фактовъ.

въ монастырѣ противъ уніи, и самый монастырь закрылъ и запечаталъ [1]). Тоже самое онъ сдѣлалъ съ Супрасльскимъ монастыремъ и его настоятелемъ Иларіономъ Масальскимъ. Тогда же Поцѣй подвергъ страшному гоненію двухъ виленскихъ священниковъ Василія и Герасима за ихъ твердость и нежеланіе принять унію. При немъ въ Вильнѣ у православныхъ отнято было 12 церквей и передано уніатамъ. Но, впрочемъ, нужно замѣтить, что уніаты недолго пользовались этими церквами: 1-го іюля 1610 г. они сгорѣли отъ сильнаго пожара, бывшаго въ городѣ. Въ Кіевѣ агенты Поцѣя отняли у православныхъ болѣе половины всѣхъ церквей (изъ 30). Въ Трокакъ отняли двѣ церкви и монастырь. Но необходимо сказать, что отнятіе православныхъ церквей не вездѣ сходило благополучно для агентовъ Поцѣя: въ иныхъ мѣстахъ они терпѣли побои и платились здоровьемъ, а нерѣдко и жизнію [2]).

1613 г. 18-го іюля Поцѣй умеръ въ г. Владимирѣ-Волынскомъ и погребенъ при тамошнемъ соборѣ [3]).

Іосифъ-Вельяминъ Рутскій—это былъ третій и притомъ самый замѣчательный уніатскій митрополитъ. Онъ былъ другъ Поцѣя и извѣстенъ какъ преобразователь внутренняго устройства уніатской церкви и основатель Базиліанскаго ордена [4]).

Рутскій былъ сынъ московскаго воеводы. Въ 1568 г., послѣ сраженія при Уллѣ (притокѣ З. Двины), Рутскій передался на сторону поляковъ и принялъ было кальвинизмъ. Но іезуиты постарались его

---

[1]) Спустя нѣкоторое время этотъ монастырь былъ открытъ и возвращенъ православнымъ.

[2]) Вообще, православные вездѣ сильно сопротивлялись введенію уніи и нерѣдко въ этомъ отношеніи они доходили до жестокости и убійствъ. Особенно сильно было сопротивленіе православныхъ въ Перемышльской епархіи. Въ началѣ 1610 г. тамъ умеръ епископъ Михаилъ Копыстенскій, который до конца жизни, какъ мы уже разъ замѣтили, остался вѣренъ православію. Поцѣй хотѣлъ назначить туда уніата Крупецкаго. Но лишь только объ этомъ стало извѣстно православнымъ сей епархіи, то всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, возстали противъ назначенія Крупецкаго. Прежде всего православные отправили просьбу къ королю, въ которой умоляли его не назначать къ нимъ Крупецкаго, а дать имъ другого епископа, избраннаго ими самими. Но когда не получили удовлетворенія, то рѣшились не впускать Крупецкаго въ свои церкви и монастыри, когда онъ поѣдетъ по обзору епархіи. Вслѣдствіе этого въ Перемышльской епархіи произошли скандальныя и въ высшей степени возмутительныя сцены: гайдамаки и польскіе жолнеры, сопровождавшіе Крупецкаго, должны были силою брать каждую церковь, употребляя для сего ружья, сабли и пики, а въ г. Самборѣ православные чуть было не убили Крупецкаго; но не смотря на все это Крупецкій остался на своемъ мѣстѣ.

[3]) О преслѣдованіи православныхъ Поцѣемъ хорошо описано у митрополита Макарія въ его Церковной Исторіи, т. X.

[4]) О Рутскомъ см. Щербицкаго „Виленскій Свято-Троицкій монастырь".

обратить въ католичество, а потомъ, замѣтя въ немъ блестящія способности, отправили для образованія въ Римъ. Тамъ онъ опредѣленъ былъ въ греческую коллегію, гдѣ и окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ учениковъ. По окончаніи курса іезуиты уговорили Рутскаго принять унію, съ тѣмъ, чтобы отправиться въ западно-русскія владѣнія для обращенія своихъ соотечественниковъ въ это исповѣданіе. Въ 1605 г. онъ прибылъ въ Вильну. Митрополитъ Поцѣй принялъ его очень ласково, какъ будущаго борца за унію. Въ слѣдующемъ году Рутскій поступилъ въ монахи, а въ 1608 г. возведенъ былъ въ санъ архимандрита Троицкаго монастыря, въ это время уже обращеннаго въ уніатскій монастырь, и сдѣланъ намѣстникомъ Поцѣя и его помощникомъ. Въ качествѣ помощника митрополита Рутскій усердно дѣйствовалъ для распространенія и упроченія уніи; онъ завѣдывалъ виленскою уніатскою школою и Троицкимъ уніатскимъ братствомъ, и вообще широкимъ взглядомъ обнималъ положеніе дѣлъ уніатской церкви.

8-го августа 1613 г., послѣ смерти Поцѣя, Сигизмундъ III пожаловалъ Рутскому грамоту на уніатскую митрополію, а спустя три мѣсяца папа утвердилъ его въ санѣ митрополита.

Сдѣлавшись митрополитомъ, Вельяминъ Рутскій занялся внутреннимъ устройствомъ уніатской церкви и главнымъ образомъ образованіемъ Базиліанскаго ордена [1]).

До церковной уніи всѣ русскіе монастыри въ Рѣчи Посполитой устроены были по уставу св. Василія Великаго. Каждый изъ нихъ былъ независимъ другъ отъ друга и подчинялся только своему настоятелю и своему епархіальному владыкѣ. Въ такомъ видѣ всѣ они мало-помалу перешли въ руки уніатовъ. Рутскій, получивши власть митрополита, задумалъ всѣ эти монастыри соединить какъ бы въ одинъ общій монастырь и изъ всѣхъ уніатскихъ иноковъ образовать одно общество и братство по образцу братства іезуитскаго. Съ этою цѣлію онъ въ 1617 г. созвалъ въ имѣніе свое Новогродовичи (Минской губерніи) на съѣздъ всѣхъ настоятелей уніатскихъ монастырей и пригласилъ сюда нѣсколькихъ ученыхъ и опытныхъ іезуитовъ для совѣщанія. Съѣздъ имѣлъ 10-ть засѣданій, на которыхъ постановлено было: а) все уніатское монашество соединяется въ одно общество подъ назва-

---

[1]) О внутреннемъ состояніи уніатской церкви см. сочиненія: Русскій Вѣстникъ 1864 г., т. 53, „Греко-уніатская церковь въ Западномъ краѣ“. Христіанское чтеніе за 1865 г. „Обозрѣніе уніатскихъ богослужебныхъ книгъ“ Хайницкаго, а также соч. Крачковскаго: „Очеркъ внутренняго быта уніатской церкви“ въ чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и древностей русскихъ за 1876 г. О Базиліанскомъ орденѣ см. Христіанское Чтеніе за 1864 г., № 1, 4 „Исторія Базиліанскаго ордена“ Щербицкаго; Труды Кіевской духовной академіи „Очеркъ исторіи Базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ“ проф. Петрова. О бѣломъ уніатскомъ духовенствѣ см. Литовскія Епарх. Вѣдомости за 1866 г.

ніемъ „ордена базиліанъ"; б) орденъ базиліанъ управляется особымъ генераломъ, или начальникомъ ордена, который называется протоархимандритомъ, съ четырьмя ассистентами; в) генералы и ассистенты выбираются изъ среды самого ордена на общемъ съѣздѣ настоятелей всѣхъ уніатскихъ монастырей и въ присутствіи митрополита, который имѣетъ при этомъ два голоса; г) орденъ не зависитъ отъ епархіальныхъ начальниковъ (митрополита и епископовъ), онъ подчиняется одному папѣ и отъ одного его получаетъ распоряженія; д) всѣ уніатскіе епископы избираются только изъ базиліанъ; е) распоряженія митрополита относительно назначенія лицъ на высшія уніатскія духовныя должности совершаются не иначе, какъ съ согласія протоархимандрита и его ассистентовъ; ж) при каждомъ епархіальномъ архіереѣ находится одинъ изъ членовъ Базиліанскаго ордена по назначенію протоархимандрита; з) члены ордена базиліанъ считаютъ членовъ ордена іезуитовъ своими братьями по духу цѣли и дѣйствію; и) въ орденъ имѣютъ право поступать и католики; і) протоархимандритъ, его ассистенты, настоятели монастырей и вообще всѣ высшія лица въ администраціи Базиліанскаго ордена не иначе опредѣляются на свои мѣста, какъ предварительно получивши образованіе на Западѣ, въ іезуитскихъ школахъ; к) воспитаніе уніатскаго юношества находится въ рукахъ базиліанъ и никто не имѣетъ права получить въ уніатской церкви мѣсто священника, если раньше не будетъ обучаться въ уніатскихъ школахъ.

Такое устройство Базиліанскаго ордена явно показываетъ, что орденъ основанъ былъ съ цѣлью олатинить унію. И дѣйствительно, мы видимъ, что унія съ того времени, какъ основанъ былъ Базиліанскій орденъ, начала все болѣе и болѣе перерождаться въ латинство. А это послѣднее повело къ тому, что въ 1720 г. на Замостскомъ соборѣ торжественно было объявлено о признаніи уніатскою церковью догматовъ и обрядовъ латинской церкви.

1637 г. 5 февраля Іосифъ-Вельяминъ Рутскій умеръ въ Дермонѣ. Послѣ него уніатскихъ митрополитовъ было 13-ть. Всѣ они болѣе или менѣе отличались миролюбивымъ направленіемъ по отношенію къ православнымъ, за исключеніемъ двухъ: Кипріана Жоховскаго и Іасафа Смигоржевскаго.

Переходъ православныхъ дворянъ въ католичество. 13 февраля 1608 г. скончался знаменитый защитникъ православія князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Онъ умеръ на 82 г. своей жизни и погребенъ въ острожской замковой Богоявленской церкви. Смерть Острожскаго была невознаградимою потерею для православныхъ. По своей пламенной любви къ вѣрѣ отцовъ и по своему высокому положенію на государственной службѣ, а также знатности, богатству, связямъ и личнымъ заслугамъ, князь Константинъ Констан-

тиновичъ былъ самымъ могущественнымъ покровителемъ православной церкви въ Рѣчи Посполитой и главнымъ руководителемъ въ борьбѣ съ уніею и латинствомъ за нее. Это сознавали какъ сами православные, такъ и католики съ уніатами; послѣдніе думали, что если бы князь Острожскій перешелъ въ унію или въ латинство, то всѣ русскіе дворяне и духовенство и народъ послѣдовали бы за нимъ: такъ велико было значеніе его въ Западно-русскомъ краѣ. И дѣйствительно, нельзя не согласиться, что если бы Острожскій не сталъ твердо на защиту православія, то успѣхи уніи и католичества въ его время были бы быстрѣе и рѣшительнѣе. Это и подтвердилось скоро послѣ его смерти. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только могучій князь сошелъ въ могилу, какъ русскіе дворяне одинъ за другимъ стали переходить то въ унію, то въ католичество, но особенно въ послѣднее. По свидѣтельству современниковъ, въ это время въ латинство перешли самыя знаменитыя и древнія фамиліи: князей Острожскихъ [1]), Слуцкихъ, Засловскихъ, Сангушекъ, Пронскихъ, Рожинскихъ, Соломерецкихъ, Головчинскихъ, Вишневецкихъ [2]), Крашинскихъ, Масальскихъ, Горскихъ, Соколинскихъ,

---

[1]) Здѣсь разумѣется фамилія Константина Константиновича Острожскаго. У князя Острожскаго было три сына: Янушъ—старшій. Онъ принялъ католичество еще при жизни отца и былъ краковскимъ воеводою. Жилъ роскошно, какъ самый богатый польскій панъ. Дочь его Элеонора была замужемъ за Яномъ Радзивилломъ, каштеляномъ трокскимъ, сыномъ знаменитаго сожигателя русскихъ книгъ—Николая Сиротки.

Константинъ, это былъ второй сынъ Острожскаго. Онъ тоже при жизни отца принялъ католичество. Умеръ въ 1595 г. Былъ холостъ.

Александръ— третій сынъ Константина Константиновича. Этотъ одинъ остался вѣренъ православію. Онъ имѣлъ трехъ дочерей. Изъ нихъ самая замѣчательная была младшая Анна (Алозія). По смерти отца она сдѣлалась обладательницею всѣхъ богатѣйшихъ имѣній фамиліи Острожскихъ. Будучи еще дѣвицею, Анна приняла католичество и вышла замужъ за гетмана Карла Хоткевича, но скоро осталась вдовою. Послѣ смерти мужа она подпала вліянію іезуитовъ, которые сдѣлали ее фанатичкою и полуидіоткою. Она построила для іезуитовъ двѣ коллегіи: одну въ Острогѣ, а другую въ Галиціи въ Ярославлѣ. Женщина эта страшно ненавидѣла православіе и его послѣдователей. При ней до 40 православныхъ священниковъ были изгнаны изъ владѣній Острожскихъ и пущены по міру. Въ 1654 г. Анна умерла, а съ нею пресѣкся и знаменитый родъ Острожскихъ. См. Кіевскую Старину за 1883 г., т. VII.

[2]) Это былъ второй, послѣ Острожскихъ, древній православный родъ въ Литовскомъ государствѣ. Мѣстопребыванія его былъ замокъ Вишневецъ (нынѣ мѣстечко въ Кременецкомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, на р. Горынѣ). Родоначальникъ князей Вишневецкихъ былъ сынъ Ольгерда Корибутъ. Во второй половинѣ XVI ст. замѣчательнѣйшій изъ князей Вишневецкихъ былъ Димитрій Вишневецкій. Онъ нѣкоторое время служилъ у Іоанна Грознаго. Былъ господаремъ въ Молдавіи. Въ 1564 г. замученъ въ Константинополѣ. При Сигизмундѣ III Вишневецкіе стали переходить въ латинство. Первый изъ рода ихъ перешелъ въ латинство племянникъ вышеозначеннаго Димитрія Юрій, кіевскій

Лукомскихъ, Пузинъ, Ходкѣвичей, Глѣбовичей, Кишекъ, Сапѣгъ, Дорогостойскихъ, Хмелецкихъ, Войковъ, Воловичей, Зѣновичей, Тышкевичей, Пацѣй, Скуминовъ, Корсаковъ, Гойскихъ, Сѣмашковъ, Гулевичей, Ярмолинскихъ, Чолганскихъ, Калиновскихъ, Кирдей, Загоровскихъ, Мелешковъ, Болвитиновъ, Павловичей, Сосновскихъ и Поцѣй.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что уже въ началѣ XVII ст. почти все, за весьма малымъ исключеніемъ, православное дворянство отступило отъ вѣры и народности. Въ 1632 г. кіевскій митрополитъ Исаія, Копинскій писалъ московскому патріарху Филарету: „благочестивыхъ князей нѣтъ, благородныхъ вельможъ оскудѣ; всѣ отъ восточнаго православія на западъ уклонишася; едва кто уже отъ худыхъ и неславныхъ при благочестіи и православной вѣрѣ обрѣтается“.

Кто же остался вѣренъ православію? „Худые и неславные“, какъ говоритъ кіевскій митрополитъ, т. е. остался вѣрнымъ православію простой народъ—сельское населеніе (крестьяне) и отчасти городское. Но за то сколько мученій и истязаній пришлось ему вытерпѣть за это!

Положеніе простого православнаго населенія, особенно крестьянъ, въ областяхъ бывшаго Литовскаго государства послѣ введенія уніи. Тяжело было положеніе въ Рѣчи Посполитой вообще всякаго лица нешляхетскаго рода, но особенно оно безотрадно было тѣхъ лицъ, которыя находились подъ владычествомъ польскихъ пановъ въ

каштелянъ. Братъ же его Михаилъ умеръ въ православіи и гробъ его по настоящее время находится въ мѣстечкѣ Вишневецъ, въ православной церкви. Но сынъ его Іеремія Вишневецкій (впослѣдствіи знаменитый преслѣдователь православныхъ, особенно казаковъ, въ эпоху Хмельницкаго) принялъ католичество. Мать Іереміи, Раина (двоюродная сестра кіевскаго митрополита Петра Могилы), оставаясь вдовою, крѣпко оберегала его отъ перехода въ латинство. Приближаясь къ смерти, она отдала сына на попеченіе кіевскаго митрополита Исаія Копинскаго и при этомъ взяла съ сына клятву, чтобы онъ до конца жизни остался вѣренъ православію. Но сынъ не сохранилъ завѣта матери. Когда Іеремія перешелъ въ католичество, то митрополитъ Исаія часто увѣщевалъ его возвратиться къ вѣрѣ отцовъ: „Князь! зачѣмъ ты измѣнилъ православной церкви? Скажи мнѣ, что ты нашелъ въ церкви Божіей зазорнаго, подозрительнаго и еретичнаго? Чѣмъ Римъ лучше Іерусалима? Для чего ты унижаешь Іерусалимъ, а Римъ возвышаешь? Если ты это дѣлаешь для славы этого свѣта и для великаго богатства, то эта цѣль суетная, обманчивая и не одинъ на томъ обманулся. Вспомни, князь, какими клятвами обязала тебя твоя родная мать, отходящая отъ сего свѣта! Всѣ предки твои были греческой вѣры: неужели ты хочешь быть исключеніемъ. Если они были холопской вѣры, какъ теперь говорятъ, то значитъ холопской вѣры были греческіе цари и великіе монархи, а также апостолы, патріархи и всѣ святые отцы восточной церкви, которыхъ мы великими почитаемъ? Припомни себѣ, князь, своихъ родителей блаженной памяти. Отчего же не хочешь послѣдовать вѣрѣ своихъ предковъ, въ которой ты родился“. Но напоминанія и мольбы были напрасны: Іеремія Вишневецкій остался католикомъ.

качествѣ крѣпостныхъ: польскому помѣщику представлялась полная власть надъ своими подданными: онъ имѣлъ право казнить ихъ смертію, не давая въ этомъ никому и никакого отвѣта. Даже всякій шляхтичъ, убившій простолюдина, по большей части оставался безъ всякаго наказанія, потому что для обвиненія его требовалось представить доказательства, обставленныя такого рода формальностями, которыя почти невозможно было исполнить. Польскіе паны смотрѣли на своихъ крестьянъ какъ на рабочій скотъ и называли ихъ „быдломъ“. Это „быдло“ они такъ обирали, что оставляли ему изъ всего имъ пріобрѣтеннаго столько, сколько нужно было, чтобы не умереть съ голоду. Іезуитъ Скарга, извѣстный врагъ православія и русской народности, говорилъ, что на всемъ земномъ шарѣ не найдется государства, гдѣ бы такъ обходились съ земледѣльцами (крестьянами), какъ въ Польшѣ: „владѣльцы, или паны, не только отнимали у бѣднаго холопа все, что онъ зарабатывалъ, но и убивали его самого, когда хотѣли и какъ хотѣли, и никто имъ за это не говорилъ дурного слова“. Другой современникъ—полякъ Старовольскій—говоритъ: „У насъ много толкуютъ о турецкомъ рабствѣ; но это касается только военно-плѣнныхъ, а не тѣхъ, которые, живя подъ турецкою властью, занимаются земледѣліемъ и торговлею. Они, заплативши годовую дань, свободны, какъ у насъ не свободенъ ни одинъ шляхтичъ. Въ Турціи никакой паша не можетъ послѣднему мужику сдѣлать того, что дѣлается въ нашихъ мѣстностяхъ и селеніяхъ крестьянину. У насъ въ томъ только и свобода, что вольно дѣлать всякому что вздумается; а отъ этого выходитъ, что бѣдный и слабый крестьянинъ дѣлается невольникомъ богатаго и сильнаго пана. Любой азіатскій деспотъ не замучитъ во всю жизнь столько людей, сколько ихъ замучатъ въ одинъ годъ въ свободной Рѣчи Посполитой“. Французскій инженеръ Бопланъ, состоявшій нѣкоторое время на службѣ у Сигизмунда III и сына его Владислава IV, въ своемъ сочиненіи „Описаніе Украйны“ также говоритъ, что „нѣтъ подъ солнцемъ безотраднѣе жизни человѣческой, какъ жизнь польскаго холопа. Онъ мучится какъ въ чистилищѣ, а панъ его блаженствуетъ на его счетъ какъ въ раю“. Если въ Рѣчи Посполитой тяжело и безотрадно было положеніе крестьянъ-католиковъ, то что же сказать о положеніи въ ней крестьянъ православныхъ и притомъ подъ властью пановъ-католиковъ! Дѣйствительно, положеніе сихъ послѣднихъ, какъ это видно изъ сохранившихся документовъ, было немного лучше индійскихъ паріевъ или спартанскихъ илотовъ. Паны-католики, считая православныхъ крестьянъ самыми отверженными и негодными холопами, которые по своей природѣ неспособны ни къ какой цивилизаціи, совершали надъ ними всякаго рода насилія и издѣвательства: заключали ихъ въ оковы,

вырывали волосы, томили голодомъ, замуровывали въ каменныя стѣны, топили, вѣшали и т. п. [1]).

Но положеніе православныхъ крестьянъ еще печальнѣе было въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя отданы были жидамъ въ аренду. Жиды, сознавая, что эти имѣнія только временно попали имъ въ руки, напрягали и изощряли всѣ свои способности на то, какъ бы побольше извлечь изъ нихъ пользы. Прежде всего жиды облагали каждаго взрослаго человѣка (и мужчину, и женщину) постоянною годовою податью и притомъ тройною сравнительно съ помѣщичьею, а затѣмъ назначали особую плату за каждое радостное или печальное событіе, случившееся въ семействѣ: такъ, если рождался въ семействѣ ребенокъ, жидъ бралъ копу грошей, если кто умиралъ—двѣ, а если отецъ желалъ женить сына или дочь выдать замужъ—то три копы грошей [2]). Но если какой крестьянинъ не могъ заплатить жиду, то дѣти оставались некрещенными, умершіе непогребенными, а молодые люди безъ таинства брака. Кромѣ этого жидъ бралъ еще особую плату за каждую церковную службу: утреню, вечерню, обѣдню и т. п., не забывая при этомъ показать всякаго рода нахальства и пренебреженіе къ религіи, за которую некому было вступаться. Ко всему этому нужно прибавить, что имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жида-арендатора. Обыкновенно жидъ, принимая въ аренду имѣніе, получалъ отъ помѣщика право судить крестьянъ, брать съ нихъ денежныя пени и казнить смертью. Часто православные крестьяне арендуемыхъ имѣній жидами, изнуренные работою и поборами, не въ состояніи были платить требуемыхъ денегъ, а священники, не получая содержанія и притомъ терпя оскорбленія отъ жидовъ, разбѣгались; тогда православная церковь, если ее не нужно было обращать въ уніатскую, уничтожалась, а вся святыня переходила въ руки жидовъ [3]).

Въ 1620 г. на Варшавскомъ сеймѣ депутатъ земли Волынской Лаврентій Древинскій въ присутствіи сенаторовъ и Сигизмунда III такими

---

[1]) Подобнаго рода дѣйствія совершались надъ православными по большей части тогда, когда они не хотѣли принимать унію.

[2]) Плата нами приведена примѣрная: она была иногда больше, а иногда меньше, смотря по зажиточности семейства, гдѣ произошло радостное или печальное событіе. Одна копа грошей равнялась 60 грошамъ или 1 р. 20 к. тогдашней цѣнности.

[3]) О мученіи православныхъ см. Костомарова „Богданъ Хмельницкій", т. I., гл. I; тамъ же помѣщены и источники объ этомъ предметѣ, частію которыхъ и мы пользовались. А также много можно найти о семъ въ Вѣстникѣ Западной Россіи за 1865, 1866 и 1867 годы. Въ этомъ журналѣ вообще очень много матеріала (есть и цѣльныя статьи) для исторіи православія и уніи въ Рѣчи Посполитой. Въ Церков. исторіи Макарія тоже объ этомъ есть много.

красками очертилъ положеніе православной церкви въ Рѣчи Посполитой: „О Боже Живый! кто же ясно сего не видитъ, какія великія притѣсненія и ужасныя огорченія претерпѣваетъ этотъ древній русскій православный народъ относительно своей религіи! начну отъ Кракова: посмотрите, развѣ такого рода мѣрами должно распространяться Слово Божіе, къ какимъ прибѣгаютъ сочувствующіе уніи? Уже въ большихъ городахъ давно православныя церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ скотъ запираютъ. Но перейдемъ лучше къ Литовскому государству и посмотримъ, что дѣлается тамъ: тамъ въ пограничныхъ Московскому государству городахъ совершается тоже самое. Въ Могилевѣ, Оршѣ церкви также запечатаны, священники разогнаны; въ Пинскѣ тоже произведено; монастырь Лещанскаго въ питейный домъ превращенъ; дѣти безъ крещенія отъ этого свѣта отходятъ, тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ выносятъ; народъ безъ благословенія церковнаго въ непотребствѣ живетъ; безъ исповѣди, безъ причастія умираютъ. Неужели все это, сдѣланное вами, Самому Богу пріятно? Ужели такъ все это пройдетъ и не будетъ наказано Богомъ?... Въ Вильнѣ же не вопіющія ли притѣсненія? Слышно ли что нибудь подобное гдѣ-нибудь? Тѣло мертваго православнаго, когда нужно за городъ проводить, нельзя пронести чрезъ тѣ самыя ворота, которыми всѣ ходятъ и ѣздятъ и чрезъ которыя провозятъ своихъ мертвецовъ жиды, потому что ихъ запираютъ такъ, что православные принуждены бываютъ выносить своихъ мертвецовъ чрезъ тѣ ворота, которыя назначены для вывоза нечистотъ. Даже въ полученіи воды бѣдные крайне нуждаются. Монаховъ, непреклонныхъ къ уніи, ловятъ, бьютъ или, поймавши на дорогѣ, связываютъ по рукамъ и ногамъ. Въ гражданскіе чины православныхъ лицъ, достойныхъ и по уму, и по развитію, не производятъ за то только, что они не уніаты; и, вмѣсто ихъ, суды присутственныхъ мѣстъ наполнены невѣждами и простаками, которые рѣшительно ничего не понимаютъ. Суммы денежныя отъ невинныхъ православныхъ безъ всякой основательной причины исторгаютъ"!

Вслѣдствіе этихъ притѣсненій по всему Литовскому государству въ судахъ и трибуналахъ накопилось тогда безчисленное множество религіозныхъ процессовъ. Іезуиты настраивали католиковъ и уніатовъ подавать на православныхъ доносы, обвиняющіе ихъ въ хуленіи римско-католической вѣры [1]). Обвиняемыхъ заключали въ оковы, подвергали

---

[1]) Но кромѣ этого іезуиты сами лично принимали участіе въ преслѣдованіи православныхъ или употребляли для этой цѣли своихъ воспитанниковъ. Такъ, въ 1598 г. въ Вильнѣ, на Страстной недѣлѣ, въ Великую субботу, толпа іезуитскихъ воспитанниковъ, подъ предводительствомъ ксендза Геліашевича, ворвалась сначала въ братскую школу при церкви св. Духа и нанесла тамъ ос-

мучительнымъ пыткамъ, отъ которыхъ многіе умирали; а если когда кому нибудь изъ обвиненныхъ удавалось перенести муки или, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ отвратительной тюрьмѣ, остаться живымъ, то всегда постигала его конфискація имущества и лишеніе гражданской чести. Если православные много терпѣли отъ пановъ-католиковъ и ихъ арендаторовъ-жидовъ, то еще болѣе отъ русскихъ ренегатовъ, т. е. перешедшихъ изъ православія въ католичество или въ унію. Эти ренегаты по отношенію къ своимъ братьямъ по національности не знали мѣры жестокостямъ: не говоря уже о живыхъ, они не давали покою даже и мертвымъ въ гробахъ. Всѣ способы и всѣ средства для приведенія

корбленія какъ учителямъ, такъ и ученикамъ, а потомъ—въ самую церковь, гдѣ, войдя въ алтарь, отворила царскія двери и чрезъ нихъ вступила на средину церкви, сняла съ гроба Господня плащеницу и съ кощунствомъ, и глумленіемъ носила ее по церкви, а когда тутъ бывшій служитель замѣтилъ ей, что это грѣшно, такъ какъ І. Христосъ одинъ и тотъ же, какъ у католиковъ, такъ и у православныхъ, то былъ сильно побитъ за это. Въ слѣдующій день, т. е. въ самое Свѣтлое Воскресенье, іезуитскіе воспитанники снова явились въ ту же церковь на обѣдню. Они смѣялись надъ церковными церемоніями, кололи молящихся булавками; потомъ, выдвинувшись впередъ, заняли мѣсто у алтаря и не пропускали желающихъ принять св. Причастіе. Наконецъ, въ тотъ же день тѣ же іезуитскіе воспитанники опять пришли въ братскую церковь св. Духа на вечернее богослуженіе и тутъ, послѣ разнаго рода кощунственныхъ поступковъ, побили діакона и профессора греческаго языка. А вышедши изъ церкви, напали на братскій домъ и братскую школу, выломали двери, перебили окна, переранили и слугъ, и учениковъ, и безнаказанно ушли домой. Подобные поступки іезуитскихъ воспитанниковъ въ Вильнѣ часто повторялись. Въ другихъ городахъ тоже самое было. Такъ, въ г. Луцкѣ въ 1634 г. ученики іезуитской коллегіи, подстрекаемые своими профессорами, напали на монастырь православнаго Кресто-Воздвиженскаго братства, перебили и изувѣчили палками и кирпичами монаховъ, учениковъ, нищихъ, жившихъ въ богадѣльнѣ, ограбили казну братства, а потомъ съ благословенія своихъ наставниковъ разбили домы многихъ православныхъ, ранили хозяевъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ и убили до смерти. И все это, по обыкновенію, для нихъ прошло безнаказанно, мало того—они еще величались своими подвигами, какъ богоугодными.

Іезуитскіе воспитанники нерѣдко нападали и на жителей другихъ исповѣданій. Такъ, въ 1605 г. они, въ сопровожденіи огромной толпы католиковъ, въ г. Вильнѣ напали на домъ одного шляхетскаго кальвиниста и штурмовали его цѣлый часъ. Не довольствовавшись этимъ, іезуитскіе воспитанники и толпа народа, сопровождающая ихъ, напали потомъ на реформатскую церковь, или сборъ (онъ стоялъ на нынѣшней Покровской улицѣ). Послѣдовали страшныя буйства и сцены насилія: три пастора евангелической общины сдѣлались ихъ жертвою. Одинъ изъ нихъ полякъ Балтазаръ Красневицкій былъ выброшенъ изъ верхняго этажа на землю; два другихъ—оба нѣмца—были изранены; первый—Іоакимъ Вендландъ—избитый палками едва не былъ сожженъ живой; уже былъ огонь разложенъ для этой цѣли; но полумертвая жертва была спасена только жалобнымъ воплемъ дѣтей и жены, которыя вытащены были изъ дома, чтобы быть свидѣтелями мученій отца. Другой товарищъ Вендланда, по имени Мартинъ Тертулліанъ, на третій день умеръ отъ побоевъ и ранъ, ему нанесенныхъ.

православныхъ въ подчиненіе римскаго престола ренегаты считали нравственными и законными: подобно іезуитамъ, ренегаты считали, что цѣль оправдываетъ средства, да и руководителями ихъ были лица, создавшія вышеозначенное безбожное правило, т. е. іезуиты. Изъ множества лицъ подобнаго рода, которыми наполнены страницы исторіи, больше всѣхъ выдался другъ іезуитовъ, полоцкій уніатскій архіепископъ Кунцевичъ.

Полоцкій уніатскій архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ [1]). Кунцевичъ родился въ 1580 году, во Владимирѣ Волынскомъ, отъ православныхъ родителей по имени Гавріила и Матроны. Въ крещеніи онъ получилъ имя Иванъ. По профессіи отецъ Кунцевича былъ сапожникъ.

Затѣмъ іезуитскіе питомцы набросились на библіотеку,—богатое собраніе книгъ, принадлежащихъ отчасти общинѣ, отчасти отдѣльнымъ лицамъ,—и сожгли ее до тла. Прямой грабежъ сопровождалъ подвиги воспитанниковъ: сундуки, ящики въ домахъ пасторовъ, жившихъ при сборѣ, были разломаны; одежда, постель, утварь—все было расхищено толпою. Пожаръ завершилъ, наконецъ, долго продолжавшееся неистовство: огонь, подложенный однимъ лицомъ изъ толпы, истребилъ какъ сборъ, такъ и школу, а равно всѣ дома общины, при ней находившіеся. Дѣло опять кончилось ничѣмъ.

Другой примѣръ: въ 1637 г. умеръ виленскій бургомистръ Яковъ Габль, прослужившій въ этой должности 38 лѣтъ; подъ его надзоромъ построены: мостъ чрезъ Вилію и Спасскія ворота въ стѣнѣ. Будучи протестантскаго исповѣданія, онъ принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ въ Вильнѣ кирхи и на свой счетъ поставилъ алтарь. Исполняя ревностно обязанности своего званія, чуждый корыстолюбія, онъ болѣе заботился о другихъ, чѣмъ о себѣ. Лучшимъ доказательствомъ его благородныхъ свойствъ души служитъ то, что пять разъ былъ избираемъ въ званіе бургомистра. Когда родственники несли тѣло его на кладбище, то іезуитскіе питомцы бросились ко гробу, остановили процессію, выбросили покойника въ канаву и засыпали камнями. Завязалась свалка и кончилась тѣмъ, что протестанты были побиты. Правда, по сему дѣлу начался было судебный процессъ, но онъ, по обыкновенію, кончился тоже ничѣмъ.

На слѣдующій годъ въ Вильнѣ снова произошла подобная исторія: у одного изъ князей Радзивилловъ былъ въ служеніи одинъ шляхтичъ, по фамиліи Пржикопскій, лютеранскаго исповѣданія. Когда онъ умеръ, то Радзивиллъ въ уваженіе къ его заслугамъ хотѣлъ сдѣлать ему какъ можно пышнѣе похороны. Но лишь только вынесли изъ дома гробъ, за которымъ слѣдовало множество княжескихъ каретъ, шли пасторы и пѣвчіе, какъ вдругъ воспитанники іезуитской коллегіи, во главѣ огромной толпы католиковъ, поджидавшіе процессію, бросились на нее, разогнали камнями и палками пасторовъ, пѣвчихъ, княжескихъ придворныхъ и затѣмъ, выбросивъ тѣло изъ гроба, начали его таскать по улицамъ съ крикомъ и бранью, пока не подоспѣла толпа протестантовъ и, послѣ отчаянной борьбы, не отбила покойника и не похоронила его.

[1]) О Кунцевичѣ на русскомъ языкѣ подробно изложено въ сочиненіи Кояловича „Исторія уніи"; въ „Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи" за 1862 г., іюль и августъ, въ статьѣ Говорскаго „Полоцкій архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ"; въ „Памятникахъ Русск. Старины въ западныхъ губерн.", издаваемыхъ Батюшковымъ, въ статьѣ Петрова „Іосафатъ Кунцевичъ".

Обучивъ сына русской и польской грамотѣ, Гаврiилъ Кунцевичъ отдалъ его одному богатому купцу въ г. Вильну, у котораго онъ и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ приказчика. Такъ какъ лавка купца, у котораго служилъ молодой Кунцевичъ приказчикомъ, была недалеко отъ Свято-Троицкаго монастыря, то Кунцевичъ очень часто ходилъ въ этотъ монастырь на богослуженiе; тутъ онъ сблизился съ нѣкоторыми монахами и съ дозволенiя ихъ нерѣдко пѣлъ и читалъ на клиросѣ, а также исполнялъ должность звонаря. Впослѣдствiи же, когда монастырь былъ обращенъ въ унiатскiй, Кунцевичъ, благодаря iезуитамъ и Поцѣю, замѣтившихъ способности молодого приказчика, также былъ обращенъ въ унiатство. Вслѣдъ за переходомъ въ унiатство онъ оставилъ купца и перешелъ жить въ монастырь, а отсюда въ званiи монастырскаго послушника сталъ ходить въ iезуитскую академiю для изученiя разныхъ наукъ. Здѣсь Иванъ Кунцевичъ подпалъ окончательному влiянiю iезуитовъ и вмѣстѣ съ изученiемъ наукъ въ iезуитской академiи усвоилъ себѣ ту фанатическую нетерпимость къ послѣдователямъ православiя, какую потомъ, впослѣдствiи, онъ старался проявить въ самой неистовой формѣ. По окончанiи курса наукъ въ академiи, Кунцевичъ въ 1604 г. постриженъ былъ въ монахи съ именемъ Iосафата, а черезъ пять лѣтъ въ iеромонахи. Будучи iеромонахомъ, Кунцевичъ написалъ книгу въ защиту унiи на польскомъ языкѣ, подъ заглавiемъ: „Защита вѣры". Съ полученiемъ же iеромонашескаго сана онъ сдѣлался не только защитникомъ унiи, но и проповѣдникомъ ея. По словамъ современниковъ, Кунцевичъ проповѣдывалъ унiю повсюду: на улицахъ, площадяхъ, въ церквахъ, частныхъ домахъ и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что въ короткое время обратилъ въ нее почти половину православныхъ жителей г. Вильны, за что и прозванъ былъ русскимъ „душехватомъ" [1]). За такую ревность къ унiи Кунцевичъ получилъ мѣсто настоятеля Жировицкаго монастыря (Гродненской губ.). Когда же послѣ смерти Поцѣя унiатскимъ митрополитомъ сдѣланъ былъ архимандритъ виленскаго Свято-Троицкаго монастыря Вельяминъ Рутскiй, то этотъ послѣднiй на свое мѣсто перевелъ Кунцевича.

Годъ спустя послѣ этого перевода, Кунцевичъ вмѣстѣ съ Рутскимъ ѣздилъ въ Кiевъ. Рутскiй ѣздилъ туда для устройства нѣкоторыхъ церквей, недавно обращенныхъ въ унiю, а Кунцевича взялъ съ собою для проповѣданiя унiи тамошнимъ православнымъ жителямъ.

---

[1]) Въ это время въ Вильнѣ кто то написалъ огромную картину такого содержанiя: Унiатскiй митрополитъ Ипатiй Поцѣй и другъ его Iосифъ Рутскiй (въ это время онъ былъ настоятелемъ Троицкаго монастыря) стоятъ рядомъ, а надъ ихъ головами, въ образѣ дiавола, паритъ Кунцевичъ съ огромнымъ крюкомъ въ правой рукѣ, которымъ онъ тащитъ много православныхъ душъ къ ногамъ первыхъ двухъ фигуръ. Въ верху картины была надпись: „душехватъ".

Дѣйствительно, Кунцевичъ, по прибытіи въ Кіевъ, началъ было въ этомъ городѣ проповѣдывать унію, но на первыхъ же порахъ потерпѣлъ такую неудачу, что больше уже не хотѣлъ выступать съ проповѣдью. Дѣло вотъ въ чемъ: Кунцевичъ какъ только пріѣхалъ въ Кіевъ, сейчасъ же отправился въ лавру и, явясь туда, потребовалъ съ собою публичнаго диспута объ уніи. Вызовъ принятъ былъ, но побѣжденный въ научныхъ доказательствахъ, Кунцевичъ со злости прибѣгъ къ грубымъ и нахальнымъ выходкамъ противъ православія, чѣмъ привелъ лаврскихъ иноковъ въ такое раздраженіе, что тѣ, бросившись на Іосафата, избили его до полусмерти. Это-то самое и отбило у него охоту къ проповѣданію уніи въ Кіевѣ; но зато въ Вильнѣ, по возвращеніи изъ Кіева, Іосафатъ Кунцевичъ пріобрѣлъ для уніи много новыхъ послѣдователей и притомъ по большей части изъ знатныхъ фамилій [1]).

1617 г. 12-го ноября Кунцевичъ за свои апостольскіе труды посвященъ былъ въ санъ епископа и назначенъ викаріемъ Полоцкой епархіи, гдѣ въ это время былъ архіепископомъ Гедеонъ Брольницкій. 9-го января 1618 г. Кунцевичъ торжественно въѣхалъ въ Полоцкъ, а въ концѣ сего года онъ, вслѣдствіе смерти Гедеона, сдѣланъ былъ главнымъ и самостоятельнымъ полоцкимъ епископомъ, а черезъ годъ онъ получилъ и санъ архіепископа.

Получивши утвердительную грамоту на полоцкую архіепископію, Кунцевичъ горячо принялся за дѣло обращенія православныхъ въ унію. Прежде всего онъ въ 1619 г. выхлопоталъ привилегію у короля на подчиненіе его власти всѣхъ православныхъ церквей и монастырей въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Могилевѣ и Оршѣ съ ихъ областями; а затѣмъ, по полученіи привилегіи, разослалъ во всѣ ему подчиненныя церкви циркуляры съ требованіемъ, чтобы священники немедленно со всѣми своими прихожанами приняли унію, въ противномъ случаѣ угрожалъ священникамъ лишеніемъ сана, а прихожанамъ—закрытіемъ и запечатаніемъ церквей. Когда же никто не исполнилъ требованія Кунцевича, то онъ дѣйствительно началъ приводить свою угрозу въ исполненіе, и приводить мѣрами самыми жестокими. Сначала гнѣвъ его постигъ приходы Полоцкаго воеводства: въ 1621 г. онъ приказалъ закрыть и запечатать всѣ православныя церкви, а священниковъ сихъ церквей переловить, заковать въ цѣпи и бросить въ тюрьмы.

Въ 1622 г. Іосафатъ Кунцевичъ предпринялъ объѣздъ по всей своей епархіи, съ цѣлію, чтобы и въ другихъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ сдѣлать то же самое, что сдѣлалъ и въ Полоцкомъ воеводствѣ, т. е. заставить православныхъ принять унію, а въ случаѣ отказа, свя-

---

[1]) Такъ, между прочимъ, онъ обратилъ въ унію новогрудскаго воеводу Θеодора Скумина-Тышкевича и сына его виленскаго воеводу Януша.

щенниковъ лишить мѣста, а прихожанъ отлучить отъ церкви и самые храмы закрыть и запечатать. Прежде всего онъ направилъ свой путь въ воеводства—Мстиславское и Витебское, но тутъ, гдѣ только онъ ни проѣзжалъ, православный народъ встрѣчалъ его съ ружьями, саблями, пиками, рогатинами, а то просто съ дубьемъ и кольями [1]). Если же гдѣ Кунцевичу и удавалось иногда съ помощію гражданской католической власти, ограбивши какія-нибудь православныя церкви, закрыть и запечатать сіи послѣднія, то не удавалось священниковъ поймать: народъ вездѣ крѣпко стоялъ за нихъ и, въ случаѣ опасности, далеко скрывалъ ихъ отъ глазъ правительства.

Впослѣдствіи, когда Кунцевичъ уѣзжалъ, скрывшіеся священники выходили изъ своихъ убѣжищъ и продолжали священнодѣйствовать или въ частныхъ домахъ, или же въ нарочно для сего устроенныхъ среди лѣсовъ и болотъ простыхъ шалашахъ, украшенныхъ извнѣ только однимъ крестомъ на верху. Въ воеводствахъ Полоцкомъ, Витебскомъ и Мстиславскомъ (архіепископіи Кунцевича) такого рода шалашей было много, но и тутъ, впрочемъ, не безопасно было служить: нерѣдко слуги Кунцевича или правительственные чиновники нападали на эти шалаши и разоряли ихъ до основанія, а если при этомъ имъ попадались духовныя лица и молящіеся прихожане, то тѣ и другіе избивались до полусмерти.

Но не долго буйствовалъ Кунцевичъ: ему скоро пришелъ конецъ—его убили въ Витебскѣ православные жители сего города.

Убійство Кунцевича произошло не по нечаянному какому-нибудь случаю, а по давно обдуманному намѣренію. Причиною этому было, кромѣ той жестокости, съ которою онъ подвергалъ православныхъ за непринятіе ими уніи, еще и слѣдующее обстоятельство: въ 1620 году, около 22-го марта (въ половинѣ Великаго поста), патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ, по возвращеніи изъ Москвы, по порученію константинопольскаго патріарха, заѣхалъ въ Кіевъ и тамъ по просьбѣ православныхъ, особенно гетмана Сагайдачнаго, посвятилъ на православныя епископскія каѳедры, занятыя уніатами, православныхъ епископовъ и, между прочимъ, на полоцкую каѳедру, гдѣ былъ Кунцевичъ, посвятилъ, извѣстнаго своею ученостію, Мелетія Смотрицкаго. 3-го марта 1621 г. Смотрицкій прибылъ въ Витебскъ и, явившись въ ратушу, предъявилъ

[1]) Такъ, могилевскіе мѣщане, узнавъ о приближеніи Іосафата къ ихъ городу и не желая впустить его къ себѣ, вышли на городскіе окопы, разставили заряженныя ядрами пушки и приготовились стрѣлять въ него, если только онъ осмѣлится близко подъѣхать къ окопамъ; но Кунцевичъ не подъѣхалъ, побоялся и миновалъ городъ. Въ Мстиславлѣ нѣкто Мосальскій при въѣздѣ Іосафата въ городъ едва не убилъ его изъ ружья, если бы въ минуту исполненія своего замысла онъ самъ не былъ бы убитъ однимъ изъ слугъ епископа. Въ Оршѣ мѣщане хотѣли Кунцевича утопить въ Днѣпрѣ.

свои права на полоцкую каѳедру и тутъ же объявилъ Кунцевича лишеннымъ сана, какъ отступника отъ православія. Члены ратуши пришли отъ этого въ неописанный восторгъ и немедленно составили актъ, въ силу котораго ими положено было защищать Мелетія всѣми зависящими отъ нихъ средствами и противиться уніи. Примѣру Витебска, какъ только стало извѣстно, что Смотрицкій назначенъ епископомъ на полоцкую каѳедру (къ ней принадлежалъ и Витебскъ), послѣдовали: Полоцкъ, Могилевъ, Мстиславъ, Орша и другіе города. Объ этомъ стало извѣстно Кунцевичу; Кунцевичъ немедленно донесъ Сигизмунду III; король приказалъ схватить Смотрицкаго и передать суду; Смотрицкій во-время узналъ объ этомъ, удалился изъ Витебска и сталъ инкогнито переѣзжать изъ одного мѣста въ другое, чтобы избѣжать угрожавшей опасности, а управленіе своею паствою продолжалъ посредствомъ письменныхъ грамотъ. Видя безуспѣшность распоряженій Сигизмунда III относительно поимки Мелетія, Іосафатъ Кунцевичъ рѣшился самъ отправиться на новый объѣздъ своей епархіи, съ цѣлію поймать Смотрицкаго, а если это не удастся, то наказать православныхъ за него; Кунцевичу особенно хотѣлось выместить свою злобу на жителяхъ г. Витебска, какъ первыхъ принявшихъ Мелетія. 1623 г., въ послѣднихъ числахъ октября, Кунцевичъ прибылъ въ Витебскъ и тутъ воздвигъ на православныхъ такое гоненіе, что тѣ думали, что пришелъ конецъ міра. Онъ не только отобралъ отъ православныхъ ихъ церкви и выгналъ изъ города всѣхъ непреклонныхъ священниковъ къ уніи, но даже запретилъ подъ страхомъ строгой отвѣтственности совершать богослуженіе въ нарочно для сего устроенныхъ за городомъ шалашахъ. Когда же нѣкоторые изъ священниковъ, вопреки приказаніямъ Кунцевича, рѣшались было отправлять богослуженіе въ шалашахъ, то, по распоряженію его, нерѣдко толпы уніатовъ и католиковъ, иногда предводительствуемыхъ городскими судьями, или же архіепископскими слугами, нападали на шалаши, разгоняли молящихся и арестовывали священниковъ. Послѣднихъ за ослушаніе архіепископа заключали въ оковы, томили голодомъ, вырывали волосы, били палками и содержали въ подземельяхъ.

Терпѣніе православныхъ, наконецъ, лопнуло, какъ иногда выражаются: они на тайномъ совѣщаніи, въ ратушѣ, порѣшили убить Іосафата. Въ этомъ заговорѣ приняли участіе всѣ православные члены магистрата и знатнѣйшіе граждане города. Для приведенія въ исполненіе сего заговора ждали только удобнаго случая. Случай скоро представился. 12-го ноября, въ воскресенье, рано утромъ, Кунцевичъ отправился служить утреню въ Пречистенскую (Успенскую) церковь; этимъ хотѣлъ воспользоваться одинъ изъ православныхъ священниковъ, по имени Илья, чтобы тайно пробраться въ одинъ изъ загородныхъ шалашей для отправленія богослуженія; но когда онъ въ самомъ дѣлѣ

сталъ приводить въ исполненіе свое намѣреніе, то замѣченъ былъ архидіакономъ Іосафата Дороѳеемъ; этотъ архидіаконъ, не долго думая, бросился на священника Илью, избилъ его до полусмерти, а затѣмъ, при помощи архіепископскихъ служителей, связалъ его по рукамъ и ногамъ и заперъ въ кухонномъ подвалѣ Кунцевича. Вѣсть объ этомъ дошла до заговорщиковъ, которые немедленно приказали ударить въ вѣчевой колоколъ. На звукъ этого колокола православные жители, и старые, и малые, высыпали на улицы и въ недоумѣніи спрашивали проходящихъ, что это значитъ? Но когда же узнали въ чемъ дѣло, то, подстрекаемые заговорщиками, схватили что попало въ руки и двинулись массами къ архіепископскому дому, на который съ страшными криками, угрозами, ругательствами и напали. Сначала толпа освободила изъ заключенія священника Илью, затѣмъ перебила всѣхъ слугъ Кунцевича, въ томъ числѣ убила и вышеозначеннаго архидіакона Дороѳея и наконецъ ворвалась и въ самыя комнаты архіепископа. Архіепископъ въ это время только-что возвратился изъ церкви, вошелъ въ свой кабинетъ и началъ раздѣваться; разбушевавшаяся же толпа, увидавши Кунцевича, закричала: „вотъ папежникъ, вотъ душехватъ! бей его, руби его"! съ этими словами бросилась на него и начала наносить удары. Обливаясь кровью, Іосафатъ упалъ на полъ, началъ молить о пощадѣ, но выстрѣломъ изъ ружья и ударомъ бердыша по головѣ былъ доконченъ. Послѣ этого заговорщики обвязали тѣло Кунцевича и повлекли изъ комнатъ черезъ площадь къ берегу Двины, съ котораго и спустили въ лодку рыбакамъ, а тѣ, привязавши къ трупу камень, погрузили въ воду около мѣстечка такъ называемаго Песковатикъ.

На третій день, когда народныя страсти нѣсколько утихли, каштелянъ замка (католикъ) приказалъ вытащить трупъ убитаго архіепископа; послѣ оффиціальнаго свидѣтельствованія въ замкѣ и подписанія протокола, трупъ этотъ отправленъ былъ на лодкѣ по Двинѣ въ Полоцкъ, гдѣ и погребенъ въ Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ, подъ поломъ въ склепѣ.

Объ убійствѣ Кунцевича со всѣми подробностями, а еще болѣе съ прикрасами, въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года донесено было въ Римъ папѣ Урбану VIII.

Въ 1624 году папа Урбанъ VIII, по ходатайству короля и уніатскаго духовенства, причислилъ Іосафата къ лику блаженныхъ (полусвятыхъ, такъ сказать) мучениковъ римской церкви и повелѣлъ праздновать память его 12 ноября, т. е. день убіенія его, о чемъ и прислалъ особою буллу [1]). Для обнародованія папской буллы и для торжествен-

---

[1]) Въ 1865 году между русскимъ правительствомъ и папою Піемъ IX произошелъ дипломатическій разрывъ по поводу польскихъ дѣлъ,—Пій IX,

наго отпѣванія тѣла Іосафата, созванъ былъ въ томъ же году въ г. Полоцкѣ соборъ высшаго уніатскаго и отчасти латинскаго духовенства, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго уніатскаго митрополита Іосифа Рутскаго. Торжество сіе совершилось въ полоцкомъ Софійскомъ соборѣ. Лучшіе ораторы того времени произнесли нѣсколько надгробныхъ рѣчей на латинскомъ, польскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ, а іезуитъ Левъ Креза заключилъ все это торжество самымъ напыщеннымъ панегирикомъ. Гробъ Кунцевича былъ вынутъ изъ склепа и поставленъ среди церкви для всеобщаго чествованія.

Убійство Кунцевича дорого обошлось православнымъ жителямъ не только Витебска, но даже и всей Бѣлоруссіи. Лишь только получено было извѣстіе Сигизмундомъ III объ убійствѣ полоцкаго уніатскаго архіепископа Кунцевича, какъ король немедленно назначилъ особую комиссію для изслѣдованія самаго факта убійства Іосафата и суда надъ виновными. Въ составъ этой комиссіи между прочими членами ея вошли слѣдующія лица: воевода виленскій и староста мстиславскій Левъ Сапѣга, воевода витебскій Николай Завиша, мстиславскій каштелянъ Христофоръ Друцкій-Соколинскій, староста оршанскій Богданъ Сапѣга и др. Слѣдствіе и судъ надъ виновными кончился въ три дня; такая поспѣшность впослѣдствіи объяснилась: комиссія перепугалась казаковъ, за которыми посылали жители г. Витебска и которые дѣйствительно уже шли къ городу на защиту ихъ. Протоколъ о слѣдствіи и судѣ надъ виновными въ убійствѣ Кунцевича подписанъ былъ 22-го января 1624 г. Изъ сего протокола, между прочимъ, видно, что душею заговора были: писарь Гурко, священникъ Коменецъ, бургомистры: Наумъ Волкъ, Семенъ Ниша и особенно нѣкто Петръ Васильевъ Полочанинъ. Видно также изъ протокола, что въ заговорѣ принимали участіе жители гг. Орши, Могилева, Полоцка и даже отдаленной Вильны. По окончаніи слѣдствія и суда комиссія отправилась въ Варшаву, чтобы тамъ по совѣщаніи съ королемъ и сенатомъ постановить приговоръ. Дѣло о постановкѣ приговора надъ осужденными, можетъ быть, еще и затянулось бы, или, по крайней мѣрѣ, приговоръ не такъ жестокъ былъ бы, какимъ онъ на самомъ дѣлѣ оказался, какъ мы сейчасъ увидимъ, если бы въ это время не привезено было въ Варшаву Сигизмунду III собственноручное письмо святѣйшаго отца Урбана VIII папы римскаго, касающагося именно убійцъ Кунцевича. Въ этомъ письмѣ святѣйшій отецъ, между прочимъ, приказывалъ какъ можно строже наказать „схизматиковъ“ за убійство Іосафата Кунцевича и при этомъ грозилъ проклятіемъ всякому, кто рѣшился бы „удержать

желая чѣмъ нибудь насолить, такъ сказать, русскому правительству, взялъ да и канонизовалъ Кунцевича, т. е. объявилъ его святымъ.

мечъ свой отъ наказанія виновныхъ", какъ сказано въ подлинникѣ [1]). И дѣйствительно, благодаря папскому письму, приговоръ надъ виновными въ убійствѣ Кунцевича былъ самый суровый: сто человѣкъ осуждены были на смертную казнь, но казнили только 20 человѣкъ (имъ головы отрубили), остальные успѣли скрыться; болѣе ста человѣкъ заключены въ тюрьму, около 200 наказаны кнутомъ; многіе осуждены на поселеніе въ отдаленные города, а нѣкоторые, по лишеніи имущества, просто выгнаны изъ родныхъ селеній. Городъ Витебскъ лишенъ былъ магдебургскаго права и всѣхъ вообще правъ и преимуществъ, дарованныхъ его жителямъ, и подчиненъ воеводскому управленію; снятъ и вѣчевой колоколъ—знакъ преимущества и свободы города; ратуша, въ которой составился заговоръ на жизнь Іосафата, разрушена до основанія. Соборную Пречистенскую церковь, при которой совершено было убійство, опредѣлено сломать, а вмѣсто ея для уніатовъ выстроить, на счетъ гражданъ, новую въ большемъ размѣрѣ и великолѣпіи; на колокольнѣ ея повѣсить колоколъ, вылитый изъ бывшихъ колоколовъ прежней церкви, а также изъ вѣчеваго колокола и тѣхъ колоколовъ, въ которые били въ набатъ во время мятежа, и на

---

[1]) Письмо папы, какъ замѣчательное по своему содержанію, мы приводимъ цѣликомъ.

„Сигизмунду III, польскому королю, папа Урбанъ VIII.

„Кто дастъ источникъ слезъ очамъ нашимъ, чтобы мы могли оплакать жестокость схизматиковъ и смерть полоцкаго архіепископа! Вотъ до чего дошла свирѣпость нечестія, которое не насыщается плачемъ, а утоляетъ свою жажду развѣ только кровію священниковъ! Святой архіепископъ, почтенный не митрою только, но и добродѣтелями, убитъ въ собственномъ дворцѣ преступнымъ и свирѣпымъ народомъ. Вотъ ясное доказательство мщенія Божія надъ тѣмъ народомъ! Дѣло отвратительное для зрѣнія, жалостное для слуха! Слышали мы, что тѣло, которое было храмомъ Св. Духа, влачили по стогнамъ града руки разсвирѣпѣвшихъ, и говорятъ, что дышавшіе злобою схизматики, по обычаю варваровъ, съ величайшимъ, свойственнымъ нечеловѣческой лютости, поношеніемъ, издѣвались надъ тѣмъ, кому, должно думать, рукоплещущіе ангелы принесли вѣнецъ мученичества. Мы дѣйствительно думаемъ, что церковь можетъ ублажить лучшаго изъ епископовъ за сію драгоцѣнную смерть, за которую преимущественно дается небесное наслѣдіе. Но жестокость убійцъ не должна остаться не наказанною. Тамъ, гдѣ столь жестокое злодѣяніе требуетъ бичей мщенія Божія, да проклятъ будетъ тотъ, кто удержитъ мечъ свой отъ наказанія виновныхъ! И такъ, державный король, ты не долженъ удержаться отъ меча и огня. Пусть ересь чувствуетъ, что жестокимъ преступникамъ нѣтъ пощады. Въ столь гнустномъ дѣлѣ строгость должна занять мѣсто милосердія. Посему да отложитъ Ваше Величество всякое промедленіе и, воспламенившись благочестивымъ негодованіемъ, да утѣшится слезами нечестивцевъ, наказанныхъ за огорченіе религіи. Ваше Величество, которому сообщаемъ наше апостольское благословеніе, можете вѣритъ исполнителю сего порученія, нашему почтенному нунцію Іоанну, епископу поланскому, какъ намъ самимъ. Въ Римѣ у св. Петра 10 февраля 1624 г. Папства нашего въ первомъ году".

вновь отлитомъ колоколѣ сдѣлать надпись, содержащую краткую повѣсть объ убіеніи Іосафата.

Наказаніе, обрушившееся на православныхъ, не ограничилось однимъ Витебскомъ, оно простерто было и на православныхъ жителей городовъ—Полоцка, Могилева, Орши, Мстислава и вообще всей Бѣлоруссіи запрещена была православная вѣра, жителямъ не дозволено было строить и починять православныя церкви и, наконецъ, всѣмъ приказано было принять унію и по дѣламъ вѣры быть въ зависимости отъ полоцкаго уніатскаго архіепископа.

Такъ жестоко наказаны были православные за убійство врага своей вѣры Іосафата Кунцевича [1]).

Но всѣ старанія римско-католической пропаганды со всѣми ея преслѣдованіями и жестокостями не могли, однако, привести къ желанной цѣли, именно, уничтоженію православія и русской народности въ Рѣчи Посполитой. Въ то время, когда преслѣдованіе православія и русской народности со стороны католиковъ и уніатовъ достигло сво-

---

[1]) *Дальнѣйшая судьба смертныхъ останковъ Іосафата Кунцевича.* Тѣло Кунцевича, послѣ признанія сего архіепископа въ 1624 г. блаженнымъ, лежало въ полоцкомъ Софійскомъ соборѣ до 1655 г. Въ этомъ году, какъ извѣстно, Алексѣй Михайловичъ, вмѣстѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ, началъ борьбу съ Польшею за Малороссію. Забирая города и области Польско-Литовскаго государства, русскій царь съ огромнымъ войскомъ сталъ приближаться къ Полоцку. Перепуганные уніаты цѣлыми толпами начали убѣгать изъ Полоцка. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ и тамошній архіепископъ Антоній Селлява. Послѣдній, страшась за участь смертныхъ останковъ Іосафата, взялъ съ собою и ихъ. Сначала онъ поставилъ гробъ съ тѣломъ убитаго Кунцевича въ Жировицкомъ монастырѣ, а потомъ, когда русскіе стали угрожать и этому монастырю, Селлява перенесъ его въ Замостье. Въ Замостьѣ тѣло Кунцевича лежало до 1667 г., т. е. до того времени, когда русскіе заключили миръ съ поляками (Андрусовскій миръ), а потомъ снова было возвращено въ Полоцкъ; возвращено было уже не митрополитомъ Селлявою, а его преемникомъ Гавріиломъ Календою.

По возвращеніи въ Полоцкъ, тѣло Кунцевича находилось въ этомъ городѣ до начала XVIII ст., а затѣмъ снова должно было совершить по Польско-Литовскому государству невольную прогулку. Дѣло вотъ въ чемъ: когда, по словамъ одного документа, въ 1705 году къ Полоцку сталъ приближаться русскій царь Петръ I (Петръ I въ это время былъ союзникомъ Августа II противъ Карла XII), то уніаты, боясь, чтобы онъ не сжегъ тѣла Кунцевича, какъ думалъ, вынесли его изъ Полоцка и отдали на сохраненіе литовскому канцлеру Радзивиллу. Радзивиллъ же, по удаленіи Петра изъ Польско-Литовскаго государства привезъ тѣло Кунцевича въ г. Бѣлу и положилъ его въ замковомъ костелѣ, подъ поломъ, въ склепѣ и наглухо задѣлалъ входъ туда. Въ этомъ мѣстѣ тѣло фанатика лежало до 1768 г.; въ 1768 г. настоятель сего костела ксендзъ Андрей Ладзѣевскій тайно вытащилъ смертные останки Кунцевича; но они были мокры, покрыты плѣсенью и гнилью, такъ что Ладзѣевскій, по словамъ документа, долженъ былъ употребить болѣе четырехъ недѣль для очистки и просушки. Послѣ этого Лодзѣевскій выставилъ тѣло Кунцевича въ главной уніатской церкви г. Бѣлы для всеобщаго поклоненія

его апогея, на защиту ихъ возстаетъ и ополчается, во-1-хъ, страшное казачество, а во-вторыхъ, наука и полемическая литература (собственно просвѣщеніе) въ лицѣ даровитыхъ представителей юго-западныхъ русскихъ ученыхъ (кіевскихъ собственно).

I) Возстаніе казаковъ на защиту православія и русской народности. Послѣ смерти Стефана Баторія, при Сигизмундѣ III, польское правительство стало дѣйствовать по отношенію къ казакамъ не такъ осторожно, какъ умный Баторій. Желая сразу парализовать силу казаковъ, оно въ 1590 г. постановило: 1) чтобы казацкій гетманъ въ своемъ достоинствѣ утверждаемъ былъ королемъ; 2) чтобы число ихъ не превышало 6000; 3) чтобы казаки не смѣли самовольно воевать и заключать договоры; 4) наконецъ, чтобы среди ихъ находился коронный комисаръ, который бы смотрѣлъ за ихъ дѣйствіями и доносилъ бы въ Варшаву сенату въ случаѣ незаконности сихъ послѣднихъ. Постановленія сіи страшно озлобили казаковъ. Они въ этомъ видѣли ни болѣе, ни менѣе, какъ только желаніе польскихъ пановъ-католиковъ

Но такъ какъ многіе считали, что это не настоящее тѣло Кунцевича, а подложное, то тогдашній уніатскій митрополитъ Рыло вынужденъ былъ издать въ Бѣлѣ завѣрительную грамоту о томъ, что тѣло, лежащее въ уніатской церкви, есть святыя мощи Іосафата. Но повѣрилъ-ли этому завѣренію народъ, не знаемъ, знаемъ только то, что въ 1780 году, по приказанію папы, сдѣлана была ревизія смертнымъ останкамъ Кунцевича. Ревизія совершена была при участіи медика Іосифа-Антонія де-Карреса, причемъ присутствовали базиліанскіе монахи и князь Радзивиллъ. Де-Карресъ производилъ осмотръ тѣла убитаго Іосафата не по правиламъ медицинской науки, а по данной ему узкой программѣ, а потому самому и актъ осмотра написанъ крайне недостаточно и неполно; изъ него нельзя опредѣлить, что тѣло это Кунцевича или другого какого-нибудь лица? Скорѣе нужно предположить, что это тѣло подложное, потому что въ актѣ ни слова не сказано о насильственныхъ поврежденіяхъ, о ранахъ, которыя нанесены были этому фанатику убійцами. Вотъ содержаніе сего акта: „Я, какъ христіанинъ-медикъ, пишетъ въ актѣ де-Корресъ, излагаю то, чего не достаетъ въ организмѣ священныхъ реликвій мученика Іосафата: а) на правой рукѣ нѣтъ кожи, мягкихъ частей или мускуловъ; на кисти же этой руки недостаетъ перстневаго пальца; б) на лѣвой рукѣ нѣтъ локтевой и лучевой костей, а также и всей ручной кисти; в) позвонковъ грудныхъ и поясничныхъ, а также всѣхъ реберъ нѣтъ; г) икреныхъ мышцъ вмѣстѣ съ общими покровами нѣтъ; д) подпяточной кости вмѣстѣ съ костями пятки и плюсны и фалангами пальцевъ на обѣихъ ногахъ нѣтъ. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ нѣтъ костей, не достаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ кожи, мягкихъ частей или мускуловъ, нервовъ, сухожилій и связокъ".

Не смотря на то, что ревизія эта рѣшительно не доказала, что тѣло, выставленное для всеобщаго чествованія ксендзомъ Ладзѣевскимъ, есть подлинныя реликвіи Кунцевича, уніаты и католики, послѣ этого осмотра, всетаки торжественно провозгласили, что это подлинныя и святы, мощи полоцкаго уніатскаго архіепископа, убитаго въ 1623 г. 12 ноября русскими. Вслѣдъ затѣмъ они окружили гробъ Кунцевича богатою обстановкою и начали совершать ежедневныя богослуженія въ честь этого лжемученика. Но особенно усердны были

стѣснить свободу и вольность ихъ, казаковъ, какъ сословія, принадлежащаго къ русской народности и исповѣдывающаго православіе. „Польскіе паны-католики захватили литовско-русскія владѣнія для того только, чтобы истребить нашу православную вѣру и нашу русскую народность, и привилегіи на это всѣ они имѣютъ. Наши русскіе паны уже давно пошли по ихъ слѣдамъ. Казаковье, не сдѣлаемъ мы этого, будемъ бить всѣхъ пановъ-ляховъ!" Такъ говорилъ гетманъ Касинскій въ 1593 г.

Касинскій—это первый замѣчательный казацкій гетманъ послѣ Шахта, выбранный самими казаками вопреки постановленію сейма. Онъ же былъ и первый казацкій гетманъ, который поднялъ возстаніе казаковъ противъ привилегированнаго шляхетскаго сословія, основаннаго на родовомъ правѣ и направлявшаго свою дѣятельность къ подавленію православно-русской народности, дворянство котораго уже

молитвы при гробѣ сего фанатика (если только дѣйствительно въ немъ лежало тѣло Кунцевича, но вѣрнѣе всего что нѣтъ) и притомъ не уніатовъ собственно, а католиковъ, въ 1861, 1862 и 1863 г., т. е. во второй польскій мятежъ.

Въ 1870 году г. Бѣлу посѣтилъ русскій врачъ г. Сикорскій, который заходилъ въ ту уніатскую церковь, гдѣ лежали реликвіи Кунцевича, и описалъ ихъ (см. Ж. М. Н. П. за 1870 г., мѣс. декабрь). Описаніе г. Сикорскаго мы приводимъ его собственными словами: „Посѣтивъ г. Бѣлу въ качествѣ туриста, я, говоритъ г. Сикорскій въ своемъ описаніи, не преминулъ зайти въ церковь, гдѣ находятся реликвіи Іосафата Кунцевича. Онѣ лежатъ на видномъ мѣстѣ, въ гробѣ, который снабженъ тремя окошечками. Благочестивые посѣтители церкви поднимаются по ступенькамъ, засматриваютъ въ окошечки гроба и прикладываются къ стеклу окошекъ. Я послѣдовалъ примѣру другихъ, продолжаетъ Сикорскій, и опишу здѣсь картину, которую видѣлъ. Если смотрѣть въ окошко, расположенное въ передней части гроба, то видѣнъ цѣлый трупъ, одѣтый въ священное облаченіе. Прежде всего представляются ноги, обутыя въ сапоги съ кожанами подошвами. Одинъ изъ сапоговъ представляетъ на тыльной поверхности глубокую впадину, какъ будто бы въ немъ нѣтъ ноги. На груди лежитъ рука, кисть руки обнажена, кожа на ней черная съ весьма крупными складками, что свидѣтельствуетъ объ исчезаніи жидкихъ частей и о высыханіи. На рукѣ не достаетъ большого пальца и мизинца. На голову надѣта митра. Лицо чистое, глаза запавшіе; волосъ нѣтъ ни на бородѣ, ни на губахъ, ни на боковыхъ частяхъ лица. Животъ впавшій. Окошечки въ гробѣ расположены такъ, что одно изъ нихъ находится въ передней части гроба и въ него хорошо видны ноги, руки, грудь и даже лицо реликвій. Другое окошечко расположено съ боку, такъ что въ него видна кисть правой руки. Третье окошечко находится у изголовья, но оно закрыто митрой и чрезъ него нельзя ничего видѣть. Каждое изъ окошечекъ величиною около ¼ квадр. фута".

Описаніе реликвій Кунцевича Сикорскимъ замѣчательно особенно въ томъ отношеніи, что оно рѣшительно несходно съ описаніемъ прошлаго столѣтія, сдѣланнымъ де-Корресомъ—а это наводитъ мысль на подложность ихъ.

Въ настоящее время въ Бѣлѣ уже не показываютъ болѣе и тѣхъ реликвій, которыя видѣлъ Сикорскій: въ 1874 г., по распоряженію правительства, они зарыты въ землю.

давно ополячилось, а потому также сдѣлалось враждебнымъ казачеству. Въ возстаніи Касинскаго религіозный мотивъ, какъ причина возстанія, еще не слишкомъ замѣтенъ,—онъ заслоняется національною враждою. Религіозные мотивы въ казацкихъ возстаніяхъ начинаются только три года послѣ этого, т. е. съ 1595 г., когда затѣвалась унія и когда предводителями казаковъ явились Лобода и Наливайко [1]).

Касинскій былъ родомъ изъ Полѣсья, по происхожденію дворянинъ. Онъ, вслѣдствіе притѣсненій католиками православныхъ, бѣжалъ съ родины въ Малороссію. Избранный малороссійскими казаками въ качествѣ гетмана, Касинскій съ огромными силами началъ нападать на шляхетскія имѣнія. Въ продолженіе почти года онъ производилъ страшныя опустошенія въ трехъ воеводствахъ—Брацлавскомъ, Кіевскомъ и Волынскомъ. Посланное противъ него войско было разбито на голову. Онъ взялъ Бѣлую Церковь, Кіевъ и другіе города, разорилъ множество королевскихъ имѣній и замковъ и жителей заставилъ присягнуть на свое имя. Говорятъ, что Касинскій хотѣлъ отдѣлить отъ Польши всѣ русскія земли, захваченныя когда-то Литвою, и образовать изъ нихъ особую республику. Это возстаніе казаковъ въ ужасъ привело польское правительство. Сигизмундъ III разослалъ универсалы и приказывалъ дворянамъ сплотиться противъ страшнаго врага, который угрожалъ самому престолу Сигизмунда III. Вслѣдствіе этого, дѣйствительно, польскіе дворяне, въ томъ числѣ и Константинъ Острожскій, имѣнія котораго разорилъ Касинскій, составили сильное ополченіе и двинулись противъ сего послѣдняго. Битва произошла около города Пятока (теперь мѣстечко Волынской губерніи) и кончилась ничѣмъ; Касинскій потерялъ 3000 человѣкъ. Послѣ этого ему поляки предложили миръ и онъ принялъ его, а затѣмъ удалился въ городъ Черкассы, чтобы тамъ усилить свои войска и снова начать громить Рѣчь Посполитую, но это ему не удалось сдѣлать: въ пьяномъ видѣ его измѣннически убили.

Послѣ Касинскаго украинскіе казаки избрали своимъ гетманомъ Лободу. Его признало въ этомъ званіи и польское правительство; оно даже объявило Лободу гетманомъ реестровыхъ казаковъ, надѣясь этимъ самымъ привлечь на свою сторону какъ его самого, такъ и его казаковъ. Но сей желанной цѣли польское правительство не достигло: Лобода не подчинился польскому правительству. Сдѣлавшись гетманомъ всѣхъ украинскихъ казаковъ, онъ задумалъ повторить походы Касинскаго и ждалъ только себѣ хорошаго товарища, который дѣйствительно и не замедлилъ явиться. Въ 1594 г. одинъ изъ казацкихъ загоновъ, отдѣлившись отъ Лободы, избралъ себѣ особаго предводителя

---

[1]) О Наливайкѣ см. Костомарова монографію, т. III.

нѣкоего Наливайку, человѣка умнаго, хитраго и въ высшей степени храбраго и при этомъ глубоко преданнаго православію и русской народности. Родомъ онъ былъ изъ мѣстечка Гусятина (Подольской губерніи). Обладая такими способностями, Наливайко скоро сталъ извѣстенъ во всей Украйнѣ, а вслѣдствіе этого и многіе другіе загоны поспѣшили къ нему примкнуть. Скоро познакомился съ нимъ и Лобода. Послѣдній сейчасъ оцѣнилъ способности Наливайки, а потому добровольно подчинился ему со всѣми своими казаками. Съ этого времени Лобода и Наливайко сдѣлались друзьями.

На первыхъ порахъ ни тотъ, ни другой не обнаруживали ничего враждебнаго Польшѣ. Оба они, т. е. Лобода и Наливайко, занимались походами на татаръ, турокъ и Молдавію. На Молдавію и крымскихъ татаръ они даже ходили въ союзѣ съ поляками. Но вотъ когда насталъ знаменитый 1595 г., въ который Терлецкій и Поцѣй отправились въ Римъ къ папѣ съ предложеніемъ уніи, то Наливайко и Лобода круто повернули свои дѣйствія и направили ихъ противъ Рѣчи Посполитой. Возстаніе этихъ двухъ представителей казацкой вольности уже явно носитъ религіозный характеръ, т. е. борьбы за православіе. Въ борьбѣ этой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ за русскую народность и православіе является преимущественно Наливайко, какъ болѣе храбрый и отважный. Но кто направилъ Наливайку съ его казаками противъ Рѣчи Посполитой—хорошо неизвѣстно. Нѣкоторые говорятъ, что это было личное дѣло Острожскаго, но справедливо ли это или нѣтъ—не знаемъ; знаемъ только то, что въ замкѣ Острожскаго жила мать Наливайки, сестра и два брата; одинъ изъ братьевъ Даміанъ былъ даже священникомъ при замковой Богоявленской церкви; извѣстно также, что семейство Наливайковыхъ страшно ненавидѣло польскую шляхту за то, что она лѣтъ десять тому назадъ избила до полусмерти отца, ограбила домъ и отняла имѣніе [1]). Но кто бы тамъ ни направилъ Наливайку на борьбу съ Рѣчью Посполитою, но только эта борьба была гораздо серьезнѣе борьбы Касинскаго и притомъ носящая, какъ уже сказано было, совершенно иной характеръ, именно, характеръ чисто религіозный. Это былъ протестъ народный противъ религіозной уніи, затѣянной іезуитами и польскимъ правительствомъ. Какъ знакъ того, что борьба была чисто религіозная, и въ войскѣ сего удальца на высокомъ древцѣ развѣвалось шелковое знамя съ слѣдующею надписью: „Миръ христіанству, а на зачинщиковъ Богъ и крестъ“!

---

[1]) Что посланіе К. Острожскаго къ русскому народу (говорено выше) по поводу отъѣзда въ Римъ Терлецкаго и Поцѣя съ предложеніемъ уніи было одною изъ побудительныхъ причинъ для борьбы Наливайки съ Рѣчью Посполитой, то это не подлежитъ сомнѣнію.

Начавши борьбу на защиту русской народности и православія, Наливайко прежде всего обратился на Волынь и сдѣлалъ нападеніе на городъ Луцкъ. Луцкъ, какъ извѣстно, былъ епископскій городъ; здѣсь жили слуги и сторонники Терлецкаго, одного изъ главныхъ поборниковъ уніи, а на нихъ то особенно и обратилъ свою злобу Наливайко [1]). Отсюда Наливайко быстро двинулся на сѣверо-востокъ въ Бѣлоруссію, и гдѣ только онъ ни проходилъ, русскій народъ встрѣчалъ его радостно, а польская шляхта убѣгала куда глаза глядятъ. Въ концѣ октября 1595 г. Наливайко напалъ на Слуцкъ, взялъ съ жителей-католиковъ 5000 копъ литовскихъ грошей контрибуціи и затѣмъ разорилъ г. Добрушку и сжегъ г. Могилевъ.

Русскій народъ, услышавши о такого рода подвигахъ Наливайки, сильно сталъ сочувствовать ему; нерѣдко многіе изъ жителей, чрезъ земли коихъ проходилъ Наливайко, поступали къ нему въ войско и помогали нападать на пановъ. Не только простой народъ ему сочувствовалъ, но очень многіе изъ дворянъ православнаго исповѣданія, ненавидившіе унію, сочувствовали ему, а нерѣдко и становились подъ его знамя.

Разоривши и разграбивши Могилевъ, Наливайко, вмѣстѣ съ однимъ русскимъ шляхтичемъ по фамиліи Гедройцъ, повернулъ снова на юго-западъ и напалъ на г. Пинскъ. До Пинска онъ давно добирался: тутъ жили родственники Терлецкаго и тутъ скрыты были у одного мѣщанина, Григорія Крупы, всѣ драгоцѣнности этого епископа предъ отправленіемъ его въ Римъ. Но главное, что Наливайко хотѣлъ добыть, нападая на Пинскъ, такъ это два пергаментныхъ документа съ подписями лицъ, устроившихъ унію; документы эти тоже хранились у мѣщанина Крупы. Наливайко вмѣстѣ съ Гедройцемъ наѣхалъ на домъ Крупы и овладѣлъ какъ драгоцѣнностями Терлецкаго, такъ и двумя означенными документами [2]). Затѣмъ онъ напалъ на другихъ пановъ, разорилъ ихъ домы и захватилъ золото, серебро, хлѣбъ и лошадей. Но самому страшному опустошенію и разоренію подвергся домъ и имѣніе брата Кирилла Терлецкаго Яроша. Наливайко съ Гедройцемъ разрушилъ домъ и разметалъ его по бревнышку, а хлѣбъ въ имѣніи и другія постройки въ немъ истребилъ огнемъ до тла.

Въ Пинскѣ, какъ и въ остальныхъ мѣстахъ, при разграбленіи панскихъ имѣній помогали крестьяне. Одинъ изъ нихъ Кмита былъ

---

[1]) При разграбленіи Луцка больше всѣхъ досталось одному изъ главныхъ руководителей уніи Сѣмашкѣ. Казаки ограбили его до ниточки, дворъ сожгли и самое имѣніе его обратили въ пустыню. Это видно изъ жалобъ Сѣмашки суду.

[2]) Для чего Наливайко захватилъ эти документы и что хотѣлъ онъ съ ними сдѣлать—неизвѣстно. Вѣроятно, по нимъ онъ хотѣлъ узнать главныхъ виновниковъ уніи и потомъ мстить, но не успѣлъ въ послѣднемъ.

даже главнымъ проводникомъ при нападеніи на имѣнія помѣщиковъ и особенно родственниковъ Терлецкаго.

Въ то самое время, какъ Наливайко громилъ католическихъ пановъ и сторонниковъ уніи въ Бѣлоруссіи, на Волыни Лобода формировалъ новые загоны, назначалъ въ нихъ предводителей и, такимъ образомъ, составлялъ другое грозное ополченіе, чтобы потомъ, соединившись съ своимъ пріятелемъ Наливайкою, начать борьбу съ ненавистною имъ польскою шляхтою въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. И дѣйствительно, Рѣчи Посполитой грозила большая опасность, если бы она еще немного помедлила отправкою регулярныхъ войскъ противъ мятежниковъ.

Въ 1596 г. въ февралѣ мѣсяцѣ сильное войско Рѣчи Посполитой, подъ начальствомъ гетмана Жолкѣвскаго, двинулось противъ Наливайки и Лободы, которые, между тѣмъ, уже соединились для общаго дѣла. Первая битва произошла недалеко отъ мѣстечка Кіевской губерніи Бѣлой-Церкви, на рѣкѣ Тясминѣ (нѣкоторые говорятъ, что эта битва была около Чигерина). Битва продолжалась болѣе семи часовъ и кончилась совершеннымъ пораженіемъ Жолкѣвскаго; говорятъ, что въ этой битвѣ поляки потеряли болѣе 17 тысячъ человѣкъ. Но Наливайко не воспользовался своею побѣдою: онъ, разгромивши Жолкѣвскаго, отправился въ Украйну истреблять пановъ; а между тѣмъ къ Жолкѣвскому прибыли свѣжія войска, приведенныя старостою Потоцкимъ изъ Каменецка а также молодымъ Ходкевичемъ (впослѣдствіи гетманъ) и другими; усилившись новыми войсками, Жолкѣвскій снова двинулся противъ Наливайки, котораго и настигъ около рѣки Сулы; тутъ произошла другая кровопролитная битва, которая на этотъ разъ кончилась пораженіемъ Наливайки, причемъ самъ онъ попался въ плѣнъ, а другъ его Лобода былъ убитъ[1]).

Наливайко съ прочими предводителями былъ отправленъ въ Варшаву, гдѣ всѣ они, за исключеніемъ Наливайки, погибли на эшафотѣ. Но для Наливайки придумали особую казнь: для этого случая сдѣлали огромнаго мѣднаго быка съ такого рода механизмомъ внутри, что если живой человѣкъ влѣзетъ въ средину его (внутри быкъ былъ пустой)

---

[1]) Такъ говорятъ польскіе писатели, а за ними и нѣкоторые русскіе. Но есть писатели какъ русскіе, такъ и иностранные, которые послѣднее событіе на р. Сулѣ передаютъ иначе: Наливайко не только не былъ взятъ въ плѣнъ, но даже и разбитъ; тамъ только заключено было перемиріе. Въ силу этого перемирія Наливайко приглашенъ былъ въ Варшаву для окончательнаго заключенія мира, причемъ какъ ему, такъ и всѣмъ казакамъ обѣщано было польскимъ предводителемъ отъ имени Сигизмунда полное прощеніе, въ удостовѣреніе чего Жолкѣвскій поцѣловалъ крестъ. Наливайко повѣрилъ этому и вмѣстѣ съ Лободою и другими начальниками отрядовъ отправился въ Варшаву; но лишь только онъ прибылъ туда, какъ его арестовали и казнили.

и закричитъ тамъ, то крикъ этотъ будетъ вылетать изъ быка чрезъ его пасть страшнымъ бычачьимъ ревомъ.

Въ назначенный для казни день привели Наливайку, всадили его въ этого быка и зажгли дрова подъ нимъ. Но Наливайко зналъ это, „а потому, прибавляетъ лѣтописецъ, онъ сгорѣлъ внутри быка, не произнесши ни одного слова и не издавши ни одного стона и такимъ образомъ не сдѣлавши потѣхи безбожнымъ панамъ-ляхамъ, какъ того они хотѣли“.

Возстаніе Касинскаго, Лободы и Наливайки ясно доказало панамъ Рѣчи Посполитой, какую страшную и могучую силу русскіе и православные имѣютъ для защиты своей въ лицѣ казаковъ, а потому, послѣ казни Наливайки, польское правительство, подстрекаемое іезуитами и католическимъ духовенствомъ, порѣшило всѣ силы употребить на то, чтобы обезсилить казаковъ, дабы они болѣе не были опасны Польскому государству. Съ этою цѣлію въ концѣ XVI ст. оно объявило всѣхъ малороссійскихъ казаковъ холопами и невольниками своими, а земли ихъ принадлежащими коронѣ. Въ 1598 г. Сигизмундъ III приказалъ ввести войско въ Украйну и разставить его по городамъ и деревнямъ; при этомъ онъ объявилъ, чтобы весь украинскій народъ вмѣстѣ съ домовитыми казаками принималъ унію, въ противномъ случаѣ народъ этотъ объявлялся внѣ закона и считался преступникомъ предъ королевскою особою, за что долженъ быть подвергнутъ строгой отвѣтственности. Очевидно, въ Украйнѣ готовилось повториться тоже самое, что уже совершилось въ собственной Литвѣ. Но на защиту Украйны и ея русско-православной народности возстаетъ Запорожье.

Въ 1606 г. запорожскіе казаки избрали себѣ гетманомъ Петра Коносевича Сагайдачнаго. Родомъ онъ былъ изъ Червонной Руси, именно изъ Самбора. Образованіе Сагайдачный получилъ въ Острожской академіи. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и счастливыхъ борцовъ за русскую народность и православіе.

Послѣ избранія Сагайдачнаго въ запорожскіе гетманы, онъ сейчасъ же былъ признанъ гетманомъ и малороссійскими домовитыми казаками. Первые годы своего гетманства Коносевичъ Сагайдачный провелъ въ борьбѣ съ невѣрными: турками, татарами и прославился взятіемъ Каѳы. Но эти походы Коносевича чуть-чуть было не втянули въ войну съ Турціей. Польское правительство за это страшно возненавидѣло отважнаго гетмана и задумало лишить его власти; съ этою цѣлію оно назначило было для казаковъ своего гетмана — сначала сотника Даміана Кошку, а потомъ—казацкаго старосту Бородавку; но первый изъ нихъ подъ Аккерманомъ былъ взятъ татарами въ плѣнъ и убитъ, а второго самъ Сагайдачный поймалъ и, послѣ суда надъ нимъ, велѣлъ разстрѣлять. Освободившись отъ соперниковъ, Сагайдачный двинулся было съ огромнымъ войскомъ противъ Рѣчи Посполитой, но польское прави-

тельство, испуганное этимъ, вступило съ нимъ въ переговоры. Результатомъ этихъ переговоровъ было то, что Сигизмундъ III призналъ однихъ реестровыхъ казаковъ 50000 и далъ слово не преслѣдовать православныхъ, не отбирать у нихъ церквей и не лишать духовныхъ мѣстъ. Сигизмундъ III такъ боялся этого гетмана, что обращался съ нимъ, какъ съ союзникомъ. Болѣе 20 лѣтъ Сагайдачный былъ гетманомъ и въ страхѣ держалъ Польшу. За это время православные въ Рѣчи Посполитой отдохнули отъ преслѣдованія: паны и жиды сильно присмирѣли.

Дѣйствуя противъ уніи, Сагайдачный самъ писалъ ученыя сочиненія въ защиту православія; посылалъ на сеймы протесты и обвиненія противъ пановъ за утѣсненіе народа; заводилъ училища съ цѣлію доставить православной церкви свѣдущихъ ревнителей вѣры; но самое главное, что онъ сдѣлалъ для русскаго народа и русской церкви, такъ это возстановилъ православную іерархію въ Литовскомъ государствѣ.

Въ началѣ XVII ст. на всю Бѣлоруссію и всю южную Россію былъ только одинъ православный епископъ, именно, львовскій, а всѣ остальные перешли въ унію. По отдаленности отъ восточной Россіи и трудности сношеній съ нею, православные Рѣчи Посполитой обращались за своими духовными нуждами въ Молдавію и Валахію, или же къ тѣмъ восточнымъ іерархамъ, которые иногда пріѣзжали въ Литовское государство и временно проживали по монастырямъ. Но отъ этого происходило много безпорядковъ; православные сильно нуждались въ собственныхъ іерархахъ; въ 1620 г. желаніе ихъ исполнилось. Въ этомъ году, въ началѣ марта, прибылъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, возвращавшійся изъ Москвы, послѣ посвященія московскаго патріарха Филарета; по пути онъ заѣхалъ и въ юго-западную Русь, по порученію константинопольскаго патріарха. Гетманъ Коносевичъ Сагайдачный, какъ только узналъ о пріѣздѣ Ѳеофана, сейчасъ же обратился къ нему съ просьбою посвятить епископовъ на православныя каѳедры, занятыя уніатами. Патріархъ, боясь Сигизмунда III и поляковъ, на первыхъ порахъ отказалъ было въ просьбѣ, но когда Сагайдачный и все казацкое войско объявили патріарху, что его никто не смѣетъ тронуть, а для безопасности, на всякій случай, окружили его сильною стражею, „какъ пчелы матку“, по картинному выраженію Густинской лѣтописи, то онъ согласился и посвятилъ шесть русскихъ епископовъ, и между ними митрополита Іова Борецкаго, человѣка съ высокою душою, большою энергіею и обширнымъ государственнымъ умомъ; вообще, нужно сказать, что съ этого времени на православныя каѳедры избирались лица съ высокимъ образованіемъ.

Возстановленіе въ Рѣчи Посполитой православной іерархіи, и притомъ казаками, было дѣло великой важности въ дальнѣйшей судьбѣ Польско-Литовскаго государства: во-первыхъ, дѣло это Сагайдачнаго

раздѣлило сіе государство, только что было сплотившееся въ одно цѣлое посредствомъ единства религіи, на двѣ другъ другу враждебныя партіи и, приведши которыя въ столкновеніе, было одною изъ главныхъ причинъ паденія Рѣчи Посполитой; во-вторыхъ, воодушевило русскій народъ для борьбы съ поляками, давши при этомъ ему опору въ іерархіи, и въ-третьихъ, крѣпко связало православную церковь съ казачествомъ и нравственно обязало его быть вѣчно защитникомъ вѣры отцовъ противъ всѣхъ козней римской куріи. Правда, поляки скоро раскусили это, но уже было поздно—дѣло совершилось.

Въ 1623 г. Сагайдачный умеръ. Запорожцы избрали себѣ какого-то Жаймолу; домовитые казаки въ Украйнѣ тоже признали его своимъ гетманомъ. При немъ казаки продолжали дѣйствовать такъ же смѣло, какъ и при Сагайдачномъ. Два года спустя послѣ смерти Сагайдачнаго, именно въ 1625 г., казаки отправили своихъ депутатовъ на Варшавскій сеймъ, съ требованіемъ признать законными посвященныхъ патріархомъ Ѳеофаномъ іерарховъ для православныхъ жителей Рѣчи Посполитой, а также удалить уніатское духовенство отъ церквей и церковныхъ имѣній и уничтожить всѣ стѣснительныя постановленія противъ казаковъ и не ограничивать ихъ числа. Въ то же самое время, явившіеся депутаты изложили на сеймѣ всѣ тѣ обиды, которымъ православные подвергались въ Рѣчи Посполитой: „у насъ, между прочимъ говорили казацкіе депутаты, отбираютъ церкви, таскаютъ православныхъ безъ всякой вины по судамъ, отдаляютъ ихъ отъ цеховыхъ ремеселъ, сажаютъ въ тюрьмы священниковъ и тамъ бьютъ ихъ палками". Жаловались и на то, что православныя дѣти выростаютъ безъ крещенія, молодые люди живутъ безъ вѣнчанія и умирающіе отходятъ въ вѣчность безъ покаянія. Въ заключеніе депутаты просили, чтобы всѣ православные сравнены были въ своихъ правахъ съ католиками и уніатами. Но на всѣ эти заявленія и просьбы казацкихъ депутатовъ сеймъ не обратилъ никакого вниманія и просьбу оставилъ безъ послѣдствій. Послѣ этого казаки рѣшились съ поляками раздѣлаться по своему. Прежде всего они стали нападать на лицъ, болѣе другихъ содѣйствующихъ распространенію уніи, и убивать ихъ до смерти; а затѣмъ набросились на католическое духовенство и костелы. Ксендзовъ и прелатовъ казаки мучили безъ милосердія: они ихъ душили, топили, вѣшали и разстрѣливали, а костелы грабили и сожигали. Панамъ-католикамъ также не было пощады, но больше всего досталось жидамъ: жидамъ, попавшимъ въ руки казаковъ, нельзя было умолить ихъ ни слезами, ни откупиться золотомъ; ихъ по большей части вѣшали, такъ какъ казаки знали, что жиды больше всего боялись этого рода смерти. Наконецъ казаки выбрали депутацію, во главѣ которой поставили луцкаго епископа Исаака Борисковича и съ благословенія митрополита отправили въ Москву съ ходатайствомъ

предъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и его отцомъ патріархомъ Филаретомъ о принятіи Малороссіи и запорожскихъ казаковъ подъ покровительство Россійской державы. Въ Москвѣ этимъ были очень довольны, но нашли пока еще неудобнымъ слишкомъ серьезно взяться за сіе важное дѣло, а потому отвѣтили депутатамъ такъ: „Мысль эта у васъ самихъ еще вполнѣ не утвердилась; укрѣпленія объ этомъ между вами еще нѣтъ; такъ теперь сіе дѣло пока начать нельзя; а если будетъ между вами соединеніе и укрѣпленіе о семъ, то царскому величеству и патріарху дать знать".

Послѣдняго обстоятельства польское правительство уже никакъ не могло простить казакамъ. По порученію его коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій съ 30,000 войска двинулся на Жаймолу и гдѣ-то около Днѣпра разбилъ его на голову.

Озлобленные казаки на Жаймолу за послѣднее пораженіе смѣнили его и избрали гетманомъ нѣкоего Дорошенку. Но Дорошенко недолго управлялъ казаками: въ первый походъ противъ турокъ былъ убитъ. Послѣ этого казаки избрали своимъ гетманомъ какого-то Григорія Чернаго. Но онъ оказался преданнымъ полякамъ и уніи, поэтому казаки избрали себѣ новаго гетмана, корсунскаго полковника Тараса Трясилу, человѣка умнаго, честнаго и въ высшей степени храбраго, но главное—глубоко преданнаго православію и русской народности, а Григорія Чернаго предали мучительной казни за его любовь къ полякамъ и уніи.

Получивши гетманское достоинство, Тарасъ Трясила прежде всего далъ знать объ этомъ польскому правительству, причемъ заявилъ ему, что казаки считаютъ поляковъ самыми злѣйшими своими врагами за преслѣдованіе ими православныхъ; затѣмъ новый гетманъ со всѣми своими наличными казацкими полками отступилъ въ глубь Малороссіи и укрѣпился недалеко отъ Переяславля. Отсюда онъ разослалъ по всей Рѣчи Посполитой свои универсалы, съ призваніемъ всего русско-православнаго населенія къ возстанію противъ іезуитовъ, католическаго духовенства и уніатовъ для наказанія всѣхъ ихъ за тѣ мученія, какимъ они подвергаютъ православныхъ. Возванія эти произвели всеобщее движеніе среди православныхъ во всей Рѣчи Посполитой: народъ сталъ бросать свои жилища и убѣгать къ Тарасу Трясилѣ, чтобы подъ его знаменами биться за вѣру отцовъ, поруганную и попранную польскимъ правительствомъ.

Польское правительство, получивши объ этомъ извѣстіе, немедленно стало собирать войско и въ то же время приказало своимъ пограничнымъ стражникамъ употребить всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для прекращенія возстанія, причемъ имъ рекомендовались самыя жестокія наказанія употреблять противъ православнаго населенія. И дѣйствительно, пограничные стражники хорошо воспользовались этимъ: они произвели

ужасныя варварства и притомъ надъ людьми рѣшительно ни въ чемъ неповинными. Такъ, одинъ коронный стражникъ Самуилъ Ланцъ въ своемъ повѣтѣ приказалъ всѣмъ православнымъ обрѣзать уши и носы, а дѣвицъ отдать на растлѣніе солдатамъ. Другой же коронный стражникъ по фамиліи также Ланцъ (родственникъ первому) въ мѣстечкѣ Лысянкѣ, которымъ онъ управлялъ, приказалъ всѣхъ православныхъ вырѣзать поголовно, не разбирая ни пола, ни возраста; многіе были убиты въ церкви во время богослуженія. Между тѣмъ польское правительство собрало 60000 войска, которое и отправило противъ Трясилы подъ начальствомъ гетмана Конецпольскаго. Конецпольскій нашелъ Тараса стоящаго съ 50000 казаковъ около самаго Переяславля. 1630 г. 7-го іюня въ католическій праздникъ Божьяго Тѣла между Конецпольскимъ и Тарасомъ Трясилою произошла одна изъ кровопролитныхъ битвъ, и кончилась совершеннымъ пораженіемъ поляковъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, тутъ ихъ пало болѣе 40000 человѣкъ. Сами поляки потомъ сознавались, что у нихъ подъ Переяславлемъ столько погибло солдатъ, сколько не погибло ихъ въ трехлѣтнюю войну со шведами. Послѣ этой побѣды Тарасъ началъ очищать Малороссію отъ поляковъ и жидовъ. И страшенъ онъ былъ въ это время для тѣхъ и другихъ! одно имя Тараса, произнесенное кѣмъ нибудь: въ хатѣ ли жида, или палатахъ знатнаго вельможи-поляка, все равно, заставляло хозяина и его семейство блѣднѣть и трястись какъ въ лихорадкѣ. Конецъ этой борьбы для насъ хорошо неизвѣстенъ; извѣстно только то, что Тарасъ какимъ-то чудомъ попалъ въ Варшаву и тамъ его сожгли живьемъ, привязавши къ высокому дереву. Есть, впрочемъ, одно извѣстіе, что Тарасъ попалъ въ Варшаву по приглашенію самого польскаго правительства для заключенія мира, давшаго при этомъ ему торжественную клятву въ его безопасности; но лишь только Тарасъ явился въ польскую столицу, какъ былъ арестованъ и казненъ. Это очень можетъ быть, потому что польское правительство не разъ нарушало клятву, данную казакамъ.

Казнь Тараса Трясилы не принесла пользы польскому правительству; напротивъ, казнь любимаго гетмана только болѣе ожесточила казаковъ и крѣпче соединила домовитыхъ казаковъ, или малороссійскихъ, съ запорожскими. Послѣ Тараса казаки рѣшились мстить Рѣчи Посполитой и мстить не на жизнь, а на смерть; но какъ разъ въ это время умеръ Сигизмундъ III и казаки должны были отложить свое мщеніе: имъ сначала хотѣлось подождать, какія уступки сдѣлаетъ имъ сынъ и преемникъ покойнаго короля Владиславъ IV, къ которому они порѣшили обратиться съ петиціею.

II. Просвѣщеніе въ русскихъ областяхъ Литовскаго государства, какъ сила, выступившая на защиту православія и русской народности. Кромѣ казацкихъ возстаній, на защиту православія и рус-

ской народности въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. явилось, какъ уже выше говорено было, среди православно-русскаго населенія просвѣщеніе. Сила и могущество этого просвѣщенія начали возрастать и усиливаться по мѣрѣ того, какъ опасность со стороны латинства и уніи все болѣе и болѣе стала угрожать православію и русской народности. Главнымъ источникомъ развитія образованія и просвѣщенія среди русско-православнаго населенія въ Литовскомъ государствѣ были школы, основанныя или частными лицами, или братствами. Къ концу XVI ст. въ Литовскомъ государствѣ православные имѣли у себя слѣдующія три замѣчательныхъ школы: острожскую (ее называютъ и академіею), виленскую и львовскую. Изъ этихъ трехъ школъ вышло много замѣчательнѣйшихъ борцовъ за православіе и русскую народность, каковы: братья Зизаніи, Іовъ Борецкій, Леонтій Карповичъ, Захарія Капустенскій, Памва Берында, Исаія Трофимовичъ Козловскій и многіе другіе [1]). А къ первой половинѣ XVII ст. появились школы: въ Луцкѣ, Кіевѣ, Кременцѣ, Могилевѣ, Винницѣ и другихъ городахъ. Но изъ всѣхъ этихъ школъ самая замѣчательная по своей плодотворной дѣятельности для православія и русской народности была школа кіевская, Богоявленскаго братства. Школа эта высоко держала знамя православной церкви; она больше всѣхъ вышеупомянутыхъ школъ выпустила глубокихъ ученыхъ и великихъ борцовъ за православіе и русскую народность и, въ добавокъ, это единственная школа, которой суждено было пережить преслѣдованія русскихъ и ихъ исповѣданія. На этой-то школѣ, какъ

---

[1]) Братья Зизаніи—Стефанъ и Лаврентій. Оба они были сначала учителями львовской школы, а потомъ ихъ перевели въ виленскую. Стефанъ извѣстенъ какъ великій проповѣдникъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ возбуждалъ православныхъ къ защитѣ вѣры отцовъ. Лаврентій Зизаній извѣстенъ изданіемъ славянской грамматики, переводомъ бесѣдъ Златоуста и напечатаніемъ въ Москвѣ такъ называемаго „Большого катихизиса“. Іовъ Борецкій—человѣкъ глубокой учености и великаго политическаго ума. Сначала онъ былъ ректоромъ львовской школы, а потомъ кіевской и наконецъ митрополитомъ. Онъ перевелъ на русскій языкъ съ греческаго „Анфологіонъ“. Леонтій Карповичъ извѣстенъ, какъ говорено уже выше, своимъ ораторскимъ талантомъ; онъ былъ проповѣдникомъ виленскаго Св.-Духовскаго монастыря. Захарій Капустенскій былъ учителемъ греческаго языка въ львовской школѣ; замѣчательно его сочиненіе: „Палидонія“. Въ немъ онъ подробно разсматриваетъ главнѣйшія отличія православной церкви отъ западной и защищаетъ догматы и постановленія первой. Второе его замѣчательное сочиненіе „О вѣрѣ единой“, и много другихъ сочиненій онъ написалъ. Помва Берында также человѣкъ глубокой учености; онъ отлично зналъ языки: сирійскій, халдейскій, еврейскій, моравскій, латинскій, греческій и другіе. Былъ учителемъ въ львовской школѣ. Исаія Козловскій былъ сначала учителемъ львовской школы, а потомъ кіевской; докторъ богословія; ему приписываютъ сочиненіе „Православное исповѣданіе вѣры“, извѣстнаго подъ именемъ Петра Могилы.

имѣющей большее значеніе въ дѣлѣ просвѣщенія для русской народности, мы и остановимся.

Въ 1615 г. жена мозырскаго маршалка Лозки Елизавета, урожденная Гулевичъ, въ Кіевѣ на Подолѣ подарила братству огромную площадь со всѣми постройками, съ тѣмъ, чтобы тутъ былъ основанъ братскій монастырь съ училищемъ. При этомъ Гулевичъ поставила еще два слѣдующихъ условія: а) чтобы монастырь и школа были подчинены константинопольскому патріарху и б) чтобы они ни въ какомъ случаѣ нѐ выходили бы изъ подъ власти православныхъ и вѣчно были бы въ зависимости отъ сихъ послѣднихъ. Братство, получивъ означенный плацъ съ постройками, немедленно исполнило волю дарственницы, т. е. построило монастырь и школу; а такъ какъ церковь сего монастыря названа была Богоявленскою (главный престолъ ея былъ въ честь Богоявленія, или Крещенія І. Христа), то и самое братство впослѣдствіи отъ этой церкви стало называться Богоявленскимъ. Тогда же, т. е. въ самомъ началѣ постройки монастыря и школы, многія изъ высокопоставленныхъ лицъ православнаго исповѣданія „чина монашескаго и мірского“ вписались въ члены сего братства и тутъ же дали клятву дружно защищать какъ православіе, такъ и школу съ монастыремъ. Съ этою цѣлію составленъ былъ и новый уставъ братства, который утвержденъ въ 1620 г. іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ. По правиламъ сего устава требовалось, чтобы при монастырѣ жилъ игуменъ и иноки, и чтобы они были членами братства; игуменъ обязанъ былъ наблюдать и за иноками, и за школою; по уставу полагалось также, чтобы изъ числа монастырской братіи выбирался ректоръ училища; но высшій контроль надъ школою и монастыремъ принадлежалъ всему собранію братства. Школа при братствѣ называлась еллинославянской. Въ педагогическомъ отношеніи, нравственно воспитательномъ и по преподаванію наукъ школа эта поставлена была высоко; науки въ ней преподавались всѣ тѣ, какія и въ западныхъ университетахъ. Очень часто изъ Богоявленской школы даровитыхъ учениковъ посылали для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ въ заграничные университеты. Особенно школа Богоявленскаго братства сдѣлалась извѣстною съ того времени, какъ она была преобразована Петромъ Могилою въ академію. Съ Петра Могилы собственно и начинается длинный рядъ глубоко ученыхъ людей, вышедшихъ изъ этой школы (академіи) и заявившихъ себя энергическими защитниками православія и русской народности въ Рѣчи Посполитой.

Петръ Могила [1]) происходилъ изъ знаменитой молдавской фамиліи Могилъ. Отецъ его былъ господаремъ въ Молдавіи и Валахіи,

---

[1]) О Петрѣ Могилѣ есть прекрасное сочиненіе Голубева: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“. Т. І. Кіевъ. 1883 г. Ф. А. Тер-

но когда турки лишили его владѣній, то поселился въ Польшѣ. Петръ Могила родился 21 декабря 1597 г. О его образованіи мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Нужно полагать, что первоначальное образованіе онъ получилъ отъ наставниковъ львовской братской школы, а докончилъ его въ Замойской академіи, куда опредѣленъ былъ своимъ опекуномъ, гетманомъ Жолкѣвскимъ. По выходѣ изъ академіи Петръ Могила поступилъ въ польское войско и принималъ участіе въ Хоминской битвѣ поляковъ съ турками въ 1621 году. Въ 1625 году Петръ Могила оставилъ военную службу и постригся въ монахи въ Кіево-печерской лаврѣ; черезъ два года, когда ему было 30 лѣтъ, возведенъ былъ въ санъ архимандрита и избранъ настоятелемъ сего монастыря, въ каковой должности и былъ утвержденъ Сигизмундомъ III.

Сдѣлавшись настоятелемъ Кіево-печерской лавры, Петръ Могила обнаружилъ необыкновенную дѣятельность во всемъ, что касалось благосостоянія лавры и благочинія въ ней; но особенно вниманіе его было обращено на заведеніе высшей школы при монастырѣ. Еще до избранія Петра Могилы, настоятель лавры, одинъ изъ его предшественниковъ, Елисей Плетинецкій, устроилъ при монастырѣ бумажную фабрику, типографію и, между прочимъ, школу; школа эта была низшаго разряда, она предназначена была только для обученія грамотѣ. Но вотъ когда Петръ Могила вступилъ въ должность настоятеля монастыря, то задумалъ преобразовать эту школу изъ низшаго учебнаго заведенія въ высшее. Три года онъ трудился надъ этою школой и дѣйствительно преобразовалъ ее по своему плану. Зная, что для преобразованной школы нужны будутъ хорошіе преподаватели, Петръ Могила тогда же на собственныя средства отправилъ нѣсколько молодыхъ людей въ заграничные университеты. Но имъ не пришлось быть преподавателями въ преобразованной Могилою школѣ: про нее недоброжелатели Петра Могилы распустили много нелѣпыхъ слуховъ и онъ, не дождавшись возвращенія изъ заграницы посланныхъ молодыхъ людей, закрылъ ее. Но, къ счастію православно-русскихъ людей, какъ разъ въ это время малороссійскіе дворяне, духовныя лица и казацкіе старшины со своимъ гетманомъ Петрижицкимъ обратились къ Могилѣ съ просьбою принять въ полное завѣдываніе братскую школу, находившуюся въ Кіевѣ, на Подолѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ. Петръ Могила сначала не хотѣлъ принять предложенія: онъ боялся этимъ оскорбить польское правительство; но когда казацкій гетманъ Петрижицкій отъ лица всего запорожскаго казачества далъ торжественное обѣщаніе, что, въ случаѣ нужды, онъ вмѣстѣ съ казаками будетъ ору-

---

новскаго „Петръ Могила“, біографич. очеркъ. Кіевская Старина 1882 г. О Петрѣ Могилѣ см. еще въ „Чтеніяхъ общ. историч. древн. Россіи“. 1877 г. Т. I.

жіемъ защищать церковь, монастырь, школу и богадѣльню, то Петръ Могила согласился быть завѣдующимъ братской школы.

1633 г. Петръ Могила былъ посвященъ во Львовѣ волошскимъ епископомъ въ санъ митрополита.

Сдѣлавшись митрополитомъ, Петръ Могила прежде всего обратилъ свое вниманіе на состояніе православныхъ церквей въ Кіевѣ, со временъ уніи находившихся въ запустѣніи, и рѣшился возстановить ихъ изъ развалинъ. Прежде всѣхъ была возстановлена и приведена въ благолѣпный видъ церковь св. Софіи; затѣмъ Петръ Могила возстановилъ изъ развалинъ такъ называемую „Десятинную церковь". Во время производства работъ около этой церкви въ землѣ нашли гробъ св. Владиміра. Голову сего святого Могила приказалъ поставить въ Кіево-печерской лаврѣ для всеобщаго поклоненія. Тогда же новымъ митрополитомъ возобновлены были: Выдубецкій монастырь и церковь св. Спаса на Берестовѣ.

Занимаясь возстановленіемъ древнихъ разрушенныхъ православныхъ церквей въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, Петръ Могила въ то же время обратилъ вниманіе на богослужебныя книги и отправленіе по нимъ церковныхъ требъ. Онъ замѣтилъ, что въ богослужебныя книги вкрались ошибки и противорѣчія, отчего происходило разнообразіе въ богослуженіи и исполненіи требъ и надъ чѣмъ часто смѣялись враги православія. Могила рѣшился исправить эти погрѣшности и неправильности и привести православное богослуженіе въ строгій и однообразный порядокъ. Для сей цѣли Петръ Могила издалъ служебникъ. Служебникъ Петра Могилы важенъ былъ тѣмъ особенно, что въ немъ изложено было догматическое и обрядовое изъясненіе литургіи, а это, во-первыхъ, давало однообразное руководство священникамъ при совершеніи богослуженія, а во-вторыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ помогало имъ понимать то, что они совершали.

Приведши къ единообразію православное богослуженіе, Петръ Могила задумалъ улучшить и нравственность русскаго духовенства. Для этой цѣли въ 1640 году онъ созвалъ въ Кіевѣ соборъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; дѣянія этого собора не дошли до насъ, извѣстно только то, что на этомъ соборѣ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ требникъ или сборникъ богослуженій, относящихся къ священнымъ требамъ. Этотъ требникъ долго служилъ руководствомъ для всей Россіи и извѣстенъ подъ именемъ „Требника Петра Могилы". На этомъ же соборѣ поручено было Петру Могилѣ составить систематическое изложеніе догматовъ православной церкви, или катихизисъ. Въ 1643 г. катихизисъ былъ написанъ, разсмотрѣнъ соборомъ, созваннымъ Могилою по сему случаю, и одобренъ имъ. Въ томъ же году катихизисъ Петра Могилы представленъ былъ на разсмотрѣніе восточнымъ патріархамъ, которые также одобрили его. Послѣ этого катихизисъ Петра Могилы сдѣлался

каноническою книгою въ православной церкви и впослѣдствіи былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки; авторъ же его признанъ былъ на Западѣ однимъ изъ величайшихъ богослововъ восточной церкви.

Кромѣ изданія трехъ вышеозначенныхъ книгъ, Петръ Могила написалъ также много полемическихъ сочиненій въ защиту православія; изъ нихъ особенно замѣчательно сочиненіе „Лиѳосъ" (камень); оно написано было противъ одного отступника отъ православія, нѣкоего Кассіана Саковича.

Но болѣе всего Петръ Могила занимался школою, отданною ему Богоявленскимъ братствомъ. Съ дозволенія Владислава IV Петръ Могила преобразовалъ ее въ академію (коллегію). Цѣль этой академіи была преимущественно религіозная: Петру Могилѣ хотѣлось образовать поколѣніе умныхъ и свѣдущихъ людей, которые могли бы сознательно видѣть правоту православной церкви и защищать ее отъ нападокъ противниковъ, особенно латинянъ и уніатовъ. Петръ Могила сильнѣе всего заботился о серьезномъ образованіи духовныхъ лицъ, особенно тѣхъ, которымъ предоставлялось получать приходы,—онъ нерѣдко самъ экзаменовалъ ихъ.

Со времени преобразованія братской школы въ академію, въ этомъ заведеніи началось новое направленіе какъ въ учебномъ отношеніи, такъ и въ воспитательномъ. Въ учебномъ отношеніи академія похожа была на іезуитскую коллегію. Лекціи читались въ ней на латинскомъ языкѣ, за исключеніемъ славянской грамматики и катихизиса, которые читались на русскомъ языкѣ. Академія эта находилась подъ управленіемъ ректора, который вмѣстѣ былъ и настоятелемъ братскаго монастыря, а также профессоромъ богословія; у него былъ помощникомъ одинъ изъ іеромонаховъ монастыря, который также состоялъ профессоромъ въ академіи. Часть студентовъ жила при академіи, а часть на квартирахъ. Въ учебномъ отношеніи академія дѣлилась на двѣ части: отдѣленіе низшее и отдѣленіе высшее; въ первомъ отдѣленіи было шесть классовъ, а во второмъ—два: философскій классъ и богословскій. Въ академіи преподавались всѣ тѣ предметы, которые преподавались тогда во всѣхъ западныхъ университетахъ. Лучшіе воспитанники академіи для дальнѣйшаго образованія отправляемы были въ иностранные въ высшія учебныя заведенія: въ краковскую и замойскую академіи, въ университеты: львовскій, римскій и парижскій; иногда посылали даже и въ англійскіе университеты.

Кіевская академія имѣла громадное значеніе для православно-русскаго населенія въ юго-западной Россіи: она выпустила изъ своихъ стѣнъ цѣлый рядъ глубокихъ ученыхъ и великихъ борцовъ за православіе и русскую народность. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

I. Иннокентій Гизель. Онъ былъ сначала протестантомъ, а потомъ перешелъ въ православіе и поступилъ въ кіевскую академію;

закончилъ свое образованіе въ львовской академіи. Съ 1648 по 1665 г. былъ ректоромъ академіи, а потомъ въ санѣ архимандрита почти 30 лѣтъ былъ настоятелемъ Кіево-печерской лавры. Гизель написалъ много сочиненій, но самое замѣчательное изъ нихъ было подъ заглавіемъ „Синопсисъ"; сочиненіе это было не что иное, какъ русская исторія; до Ломоносова оно было учебникомъ по русской исторіи во всѣхъ русскихъ училищахъ.

II. **Лазарь Барановичъ.** Воспитаніе получилъ въ школѣ Богоявленскаго братства. Съ 1650 по 1655 г. былъ ректоромъ академіи. Барановичъ отличался необыкновенною даровитостью и владѣлъ умомъ тонкимъ и проницательнымъ. Въ свое время онъ считался великимъ проповѣдникомъ. До насъ дошло два сборника его проповѣдей: „Мечъ духовный" и „Труба словесъ". Изъ полемическихъ его сочиненій самое замѣчательное: „Новая мѣра старой вѣры". Сочиненіе это направлено противъ книги іезуита Боймы о главенствѣ папы и объ исхожденіи Св. Духа.

III. **Іоанникій Голятовскій.** Онъ также нѣкоторое время былъ воспитанникомъ братской школы. Послѣ Барановича сдѣланъ былъ ректоромъ академіи. Голятовскій считался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ богослововъ своего времени. Изъ его сочиненій извѣстны: „Ключъ разумѣнія"—это собраніе поученій на всѣ праздники православной церкви,—и „Небо новое съ новыми звѣздами, т. е. Преблагословенная Дѣва Марія съ чудесами своими". Послѣднее сочиненіе есть не что иное, какъ руководство къ составленію церковныхъ проповѣдей (гомилетика). Писалъ онъ и полемическія сочиненія. Но особенно замѣчательна его „Бѣлоцерковская бесѣда", которую Голятовскій велъ съ іезуитомъ Пекарскимъ въ мѣстечкѣ Бѣлая-Церковь (Кіевской губ.) въ 1663 году.

Въ концѣ XVII вѣка западно-русское (кіевское) просвѣщеніе стало проникать и въ Московское государство. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москву вызваны были нѣкоторые кіевскіе ученые для перевода рукописей съ греческаго языка на русскій, а также и проповѣданія слова Божія. Между западно-русскими учеными, призванными въ Москву, замѣчательны были: Епифаній Словинецкій и Симеонъ Полоцкій.

Дѣятельность западно-русскихъ ученыхъ въ Московскомъ государствѣ имѣла то благотворное вліяніе, что пробудила у великоруссовъ любовь къ просвѣщенію и стремленіе къ заведенію собственныхъ школъ по образцу западныхъ.

Въ началѣ XVIII в. при Петрѣ Великомъ въ Россіи во главѣ духовенства и русскихъ ученыхъ стояли также два знаменитыхъ питомца кіевской академіи: Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Таково значеніе школы кіевскаго Богоявленскаго братства, преобразованной Петромъ Могилою въ академію.

Петръ Могила скончался въ 1647 г., когда ему еще не было и 50 лѣтъ отъ роду. Онъ умеръ однимъ годомъ раньше короля Владислава IV-го.

Отношеніе Сигизмунда III и поляковъ при немъ къ Московскому государству [1]). По вступленіи на польскій престолъ Сигизмунда III московскій царь Ѳеодоръ Іоанновичъ заключилъ съ Польшею, какъ говорено выше, перемиріе на 20 лѣтъ, а по смерти Ѳеодора преемникъ его Борисъ Годуновъ продолжилъ перемиріе это еще на 20 лѣтъ. Это было въ 1603 г.

Но вотъ, какъ извѣстно, на другой годъ послѣ этого мира, именно въ 1604 г., въ Рѣчи Посполитой явился бѣглый монахъ московскаго Чудова монастыря Григорій Отрепьевъ и тутъ предъ польскими панами и іезуитами назвалъ себя сыномъ Іоанна Грознаго Димитріемъ [2]) и при этомъ просилъ ихъ посодѣйствовать ему, какъ законному наслѣднику, возвратить русскій престолъ, незаконно занимаемый Годуновымъ. Польскіе паны и іезуиты, хотя вполнѣ сознавали, что Отрепьевъ самозванецъ, тѣмъ не менѣе, согласились помочь ему [3]). Рѣшившись же взяться за это позорное дѣло, польскіе паны и іезуиты имѣли въ виду собственные интересы: первые, т. е. паны, думали посредствомъ самозванца поправить свои матеріальныя средства [4]), а вторые, т. е. іезуиты, надѣялись чрезъ него обратить русскихъ въ католичество и подданство папы. Правда, средство, выбранное ими для этой цѣли, было не вполнѣ нравственно, но, по понятіямъ іезуитовъ, оно освящалось цѣлію, а потому законно.

Въ концѣ марта 1604 г. самозванецъ, благодаря панамъ и іезуитамъ, былъ представленъ Сигизмунду III. Король принялъ его ласково, призналъ Отрепьева истиннымъ царевичемъ и по просьбѣ іезуитовъ рѣшился было открыто выступить покровителемъ самозванца. Но, къ

---

[1]) Объ отношеніяхъ Сигизмунда III и польскихъ пановъ при немъ къ Московскому государству мы ограничимся только краткимъ изложеніемъ, такъ какъ объ этомъ всѣмъ хорошо извѣстно и притомъ въ каждомъ учебникѣ по русской исторіи, въ отдѣлѣ „смутная эпоха“, изложено подробно.

[2]) Сынъ Іоанна Грознаго Димитрій лѣтъ двѣнадцать предъ этимъ событіемъ былъ убитъ въ г. Угличѣ по приказанію Годунова; вотъ подъ его-то собственно именемъ Отрепьевъ и явился.

[3]) Нѣкоторые историки предполагаютъ, и не безъ основанія, что Григорій Отрепьевъ назвался Димитріемъ царевичемъ по совѣту польскихъ пановъ и іезуитовъ.

[4]) Польскіе паны въ это время, вслѣдствіе безумной роскоши, находились въ страшныхъ долгахъ.

счастію поляковъ, въ Рѣчи Посполитой нашлись еще благородныя лица (Замойскій, Зборажскій и Жолкѣвскій), которыя рѣшительно возстали противъ этого безразсуднаго поступка короля и уговорили его не компроментировать и себя, и народъ свой покровительствомъ самозванцу. Поэтому Сигизмундъ III ограничился только тѣмъ, что назначилъ ему жалованья 40,000 золотыхъ въ годъ и позволилъ вербовать въ Польшѣ и Литвѣ охотниковъ для ополченія противъ Годунова; за эту услугу король взялъ обѣщаніе съ Отрепьева, что онъ, въ случаѣ успѣха, уступитъ ему Смоленскъ и ту часть Сѣверской области, которая принадлежала Московскому государству.

Послѣ аудіенціи у Сигизмунда III, самозванецъ сталъ составлять ополченіе изъ польской шляхты, а чтобы имѣть большій успѣхъ въ послѣднемъ дѣлѣ, онъ принялъ католицизмъ и предъ папскимъ нунціемъ Рангони далъ торжественную клятву, что всѣми силами будетъ стараться о подчиненіи православной церкви папѣ. Тогда же, по совѣту Рангони и іезуитовъ, Отрепьевъ написалъ письмо папѣ Клименту VIII; съ этого времени началась переписка между папою и самозванцемъ. Папа, какъ видно изъ писемъ его, былъ въ восторгѣ отъ самозванца: онъ въ этихъ письмахъ то и дѣло посылалъ ему благословеніе за благословеніемъ. Молясь самъ усердно, папа приказывалъ и другимъ молиться за самозванца и его предпріятіе. И дѣйствительно, благодаря скоропостижной смерти Годунова и другимъ обстоятельствамъ, Отрепьевъ, какъ извѣстно, овладѣлъ московскимъ престоломъ и женился на католичкѣ; но только, къ несчастію іезуитовъ и папы, а также и польскихъ пановъ, самозванецъ недолго царствовалъ въ Москвѣ: одиннадцать мѣсяцевъ спустя послѣ занятія имъ русскаго престола, онъ былъ убитъ московскими людьми, которые потомъ вмѣсто его избрали царемъ Василія Ивановича Шуйскаго. Но со смертію Отрепьева, какъ мы знаемъ, не кончилось участіе Сигизмунда и поляковъ въ дѣлахъ московскихъ: когда въ Россіи явился новый самозванецъ, годъ спустя послѣ перваго, то поляки и къ этому присоединились; они даже принудили жену перваго самозванца признать его своимъ мужемъ [1]). Появленіе въ Московскомъ государствѣ другого самозванца произвело

---

[1]) Второй самозванецъ явился тамъ, гдѣ и первый. Этотъ самозванецъ принялъ имя перваго самозванца, причемъ объявилъ, что онъ, благодаря друзьямъ, не былъ убитъ въ Москвѣ и что эти друзья помогли ему невредимымъ переправиться за границу.

Примѣчаніе. Происхожденіе второго самозванца рѣшительно неизвѣстно; одни говорятъ, что это былъ школьный учитель, а другіе— жидъ. Этого послѣдняго самозванца приготовили, какъ положительно увѣряетъ большинство историковъ, польскіе паны.

новыя неурядицы въ этомъ государствѣ, которыя принудили Шуйскаго искать помощи у шведскаго короля Карла IX. Карлъ охотно согласился помочь русскому царю противъ второго самозванца и тѣхъ поляковъ, которые подъ видомъ помощи сему послѣднему цѣлыми тысячами вторглись въ предѣлы Россіи для грабежа и разбоя.

Но помощь шведскаго короля не принесла большой пользы Василію Ивановичу Шуйскому, она только дала предлогъ Сигизмунду III объявить московскому царю войну. Сигизмундъ III вступилъ въ предѣлы Московскаго государства съ большимъ войскомъ; подъ стѣнами Смоленска онъ раздѣлилъ его на двѣ части, изъ коихъ одна часть, подъ личнымъ управленіемъ самого короля, обложила Смоленскъ, а другая, подъ начальствомъ короннаго гетмана Жолкѣвскаго, отправилась къ Москвѣ. Недалеко отъ Москвы Жолкѣвскій встрѣтилъ войско Василія Ивановича Шуйскаго, подъ начальствомъ брата его Димитрія Шуйскаго; произошла битва и кончилась совершеннымъ пораженіемъ Шуйскаго, послѣ чего Жолкѣвскій осадилъ Москву. Потеря Димитріемъ Шуйскимъ битвы имѣла роковое послѣдствіе для самого царя: народъ въ Москвѣ взбунтовался и потребовалъ лишенія его занимаемаго имъ престола, а бояре, не любившіе Шуйскаго, воспользовались этимъ и дѣйствительно лишили его московскаго престола, а затѣмъ, вмѣстѣ съ братьями, отдали гетману Жолкѣвскому, который и отправилъ ихъ подъ Смоленскъ къ Сигизмунду III.

Послѣ сверженія Шуйскаго въ Москвѣ образовалось нѣсколько партій, изъ коихъ каждая хотѣла возвести на русскій престолъ своего кандидата. Между этими партіями была одна партія, которая желала возвести на московскій престолъ сына Сигизмунда III Владислава. Послѣдняя партія была самая сильная; но, желая имѣть рѣшительный перевѣсъ надъ другими партіями, эта партія пригласила Жолкѣвскаго со всѣмъ его войскомъ въ Москву. И дѣйствительно, благодаря своей многочисленности и особенно присутствію въ Москвѣ польскихъ войскъ, партія Владислава одержала верхъ: всѣ согласились имѣть польскаго царевича русскимъ царемъ, лишь бы онъ только принялъ православіе и женился бы на православной.

Въ началѣ января 1611 г. русское посольство, во главѣ котораго стоялъ ростовскій митрополитъ Филаретъ (изъ дома Романовыхъ), отправилось къ Смоленску въ лагерь Сигизмунда III съ просьбою отпустить сына на московскій престолъ. Но, къ удивленію всѣхъ, Сигизмундъ III принялъ пословъ очень холодно, затянулъ переговоры и наконецъ потребовалъ, чтобы послы приказали жителямъ Смоленска сдать ему городъ, но послы наотрѣзъ отказались исполнить требованіе короля. Отказъ этотъ сильно раздражилъ Сигизмунда III; онъ прервалъ переговоры съ послами, велѣлъ арестовать ихъ и держать въ лагерѣ

въ качествѣ плѣнныхъ; а затѣмъ приказалъ усилить приступы на Смоленскъ, который, наконецъ, 3 іюля 1611 г. и былъ взятъ [1]).

Вѣсть о такого рода поступкахъ Сигизмунда III быстро пронеслась по всему Московскому государству; русскій народъ догадался въ чемъ дѣло: онъ ясно понялъ, что король польскій самъ желаетъ овладѣть московскимъ престоломъ, а этого послѣдняго русскій народъ болѣе всего на свѣтѣ боялся: онъ зналъ, что Сигизмундъ III находится подъ вліяніемъ іезуитовъ и проникнутъ фанатизмомъ до мозга и костей, слѣдовательно, если онъ овладѣетъ Московскимъ государствомъ, то непремѣнно начнетъ вводить католичество. Поэтому послѣдніе поступки Сигизмунда III такъ раздражили русскій народъ, что онъ немедленно прервалъ переговоры съ нимъ касательно вступленія Владислава на

---

[1]) Послѣ взятія Смоленска, Сигизмундъ III уѣхалъ въ Варшаву, куда велѣлъ везти за собою Василія Ивановича Шуйскаго съ братьями и митрополитомъ Филаретомъ съ товарищами. Королю поляки устроили тріумфъ. 29-го октября 1611 г. по улицамъ Варшавы, среди безчисленнаго множества любопытныхъ, двигался торжественный поѣздъ: впереди всѣхъ ѣхалъ гетманъ Жолкѣвскій; онъ сидѣлъ въ открытой, богато убранной, коляскѣ, которую везли шесть турецкихъ бѣлыхъ лошадей; его окружали сослуживцы, одѣтые въ блестящія одежды и вооруженія. За коляскою Жолкѣвскаго везли Шуйскаго въ открытой королевской каретѣ. Бывшій царь сидѣлъ съ своими двумя братьями. На немъ былъ длинный, бѣлый, вышитый золотомъ, кафтанъ, а на головѣ высокая шапка изъ черной лисицы. За нимъ везли плѣннаго Шеина съ смольянами, а потомъ митрополита Филарета съ товарищами. Поѣздъ остановился около королевскаго замка, гдѣ въ одной изъ его залъ находился весь сенатъ, дворъ, знатнѣйшіе паны Рѣчи Посполитой, а на тронѣ возсѣдалъ король съ королевою, окруженные королевскою фамиліею. Ввели плѣнныхъ: Василія съ братьями поставили предъ трономъ. Жолкѣвскій произнесъ на латинскомъ языкѣ рѣчь. Указавъ на Василія, онъ сказалъ: „вотъ онъ великій царь московскій, наслѣдникъ царей московскихъ, которые столько времени своимъ могуществомъ были страшны и грозны польской коронѣ и ея королямъ, турецкому императору и всѣмъ сосѣднимъ государствамъ. Вотъ братъ его Димитрій, предводитель 60-ти-тысячнаго войска, мужественнаго, храбраго и сильнаго. Недавно еще они владѣли царствами, княжествами, областями, множествомъ подданныхъ, городами, замками, неисчислимыми сокровищами и доходами, но по волѣ и благословенію Господа Бога надъ вашимъ величествомъ, мужествомъ и доблестью польскаго войска, нынѣ стоятъ они жалкими плѣнниками, всего лишенными, обнищалые, поверженные къ стопамъ вашего величества и, падая на землю, молятъ о пощадѣ и милосердіи“. При этихъ словахъ плѣнные поклонились, а гетманъ продолжалъ: „Ваше величество, я васъ умоляю за нихъ, примите ихъ не какъ плѣнныхъ, окажите имъ свое милосердіе, помните, что счастіе непостоянно и никто изъ монарховъ не можетъ себя назвать счастливымъ, пока не окончитъ своего земного поприща“. По окончаніи этой рѣчи плѣнные были допущены къ рукѣ короля. Король отпустилъ Василія милостиво. Василій Ив. Шуйскій былъ помѣщенъ съ своими братьями въ Густынскомъ замкѣ. Бывшій царь умеръ тамъ на слѣдующій годъ. Надъ могилою его поставили памятникъ, съ латинскою надписью, восхваляющею великодушіе Сигизмунда.

московскій престолъ, собралъ сильное ополченіе, выгналъ поляковъ изъ Москвы, которые успѣли тамъ захватить все въ свои руки и, наконецъ, 21 февраля 1613 г. возвелъ на русскій престолъ Михаила Θеодоровича Романова, сына митрополита Филарета, находившагося въ это время въ плѣну въ Варшавѣ.

Избраніе Михаила Θеодоровича на московскій престолъ подало полякамъ поводъ къ новому походу на Русское государство. Сигизмундъ III, узнавши объ этомъ избраніи, немедленно собралъ войско и отправилъ его подъ начальствомъ сына своего Владислава и гетмана Ходкевича къ Москвѣ; но походъ этотъ не принесъ полякамъ никакой пользы: Владиславъ и Ходкевичъ воротились домой ни съ чѣмъ. Въ 1618 г. между русскими и поляками заключено было такъ называемое Деулинское перемиріе на 14 лѣтъ. По этому перемирію поляки удержали за собою Смоленскъ, Черниговъ и Сѣверскую область, а взамѣнъ того отпустили изъ плѣна отца Михаила Θеодоровича, митрополита Филарета.

Но Деулинское перемиріе не успокоило ни русскихъ, ни поляковъ: русскимъ жаль было Смоленска, уступленнаго полякамъ, и притомъ имъ непріятно было, что Владиславъ продолжалъ носить титулъ московскаго царя [1]); поляки же недовольны были тѣмъ, что на московскомъ престолѣ сидитъ не королевичъ Владиславъ. Михаила Θеодоровича они считали незаконнымъ царемъ и при всякомъ удобномъ случаѣ напоминали объ этомъ москвичамъ. Словомъ, Деулинское перемиріе не успокоило умовъ ни въ Польшѣ, ни въ Россіи, а поэтому всѣ видѣли, что новая война между поляками и русскими рано или поздно неизбѣжна. И дѣйствительно, она вспыхнула, но только не при Сигизмундѣ, а при сынѣ его Владиславѣ IV.

Деулинское перемиріе было послѣднимъ дѣломъ Сигизмунда III по отношенію къ русскимъ. Проведши всю свою жизнь въ безчисленныхъ войнахъ и разстроивши свое государство безцѣльнымъ преслѣдованіемъ диссидентовъ, Сигизмундъ III умеръ въ Варшавѣ, 30 апрѣля 1632 г., на 66 году своей жизни, послѣ 45-лѣтняго царствованія [2]).

---

[1]) Титулъ московскаго царя Владиславъ сталъ носить съ того времени, какъ онъ былъ избранъ въ русскіе цари, послѣ сверженія Шуйскаго.

[2]) Насколько слабо было при Сигизмундѣ III польское правительство по отношенію къ своимъ подданнымъ, можно видѣть изъ ссоры двухъ виленскихъ магнатовъ—Ходкевича и Радзивилла. Ссора эта происходила въ 1600 г. Въ 1595 г. скончался послѣдній потомокъ Олельковичей (фамилія Олельковичей происходитъ отъ внука Ольгердова Александра Владиміровича), князей слуцкихъ и копыльскихъ, Юрій Олельковичъ. Наслѣдницею своею онъ назначилъ дочь Софію Юрьевну; опекуномъ ея назначенъ былъ дядя Іеронимъ Ходкевичъ, въ домѣ коего она и жила. Въ это время у Ходкевича былъ другъ виленскій воевода Христофоръ Радзивиллъ, который имѣлъ сына Януша. Чтобы еще болѣе

Владиславъ IV.

1632—1648 г.

По смерти Сигизмунда III, по обыкновенію, созванъ былъ въ Варшавѣ такъ называемый избирательный сеймъ, на которомъ безъ осо-

---

скрѣпить свою дружбу. Ходкевичъ и Радзивиллъ положили обвѣнчать Януша и Софію. Свадьба назначена была на 6 февраля 1600 г., но чтобы Ходкевичъ не измѣнилъ своему слову, Радзивиллъ взялъ съ него письменное обязательство въ томъ, что въ назначенный день бракъ непремѣнно состоится, если сама невѣста не откажетъ въ своемъ согласіи. Но, прежде чѣмъ наступилъ срокъ свадьбы два друга поссорились за одно имѣніе и дѣло кончилось тѣмъ, что Ходкевичъ отказалъ Янушу въ рукѣ Софьи Юрьевны. Радзивиллъ началъ процессъ, который, благодаря своимъ связямъ, выигралъ. Ходкевича, за нарушеніе даннаго слова, судъ приговорилъ къ уплатѣ въ пользу Радзивилла 100,000 копъ литовскихъ грошей, а въ случаѣ неустойки—къ конфискаціи имущества. Но Ходкевичъ не обратилъ на это вниманія и не только снова подтвердилъ свой отказъ, но даже вытолкалъ въ шею Януша изъ своихъ комнатъ, когда тотъ пришелъ было къ бывшей своей невѣстѣ спросить ее—раздѣляетъ ли она мысли дяди касательно нежеланія выдать ее за него, Януша, замужъ?

Послѣдній поступокъ Ходкевича такъ раздражилъ самого Христофора Радзивилла, что тотъ, не долго думая, объявилъ войну Ходкевичу, причемъ со стороны Радзивилла соблюдены были всѣ дипломатическія условія, существующія въ подобныхъ случаяхъ между европейскими государями. Обѣ стороны стали готовиться къ войнѣ. Радзивиллъ думалъ вести наступательную войну, онъ рѣшился атаковать домъ Ходкевича и силою взять изъ него Софью Юрьевну. Для атаки Радзивиллъ назначилъ ночь съ 5-го на 6-е февраля. За два дня до 6 февраля обѣ стороны были уже готовы къ войнѣ. Такъ какъ Ходкевичъ намѣренъ былъ вести оборонительную войну, то онъ укрѣпилъ свой домъ (домъ находился на Большой улицѣ, гдѣ теперь учебный округъ) по всѣмъ правиламъ инженернаго военнаго искусства; снабдилъ его 24 пушками, размѣстилъ въ немъ 2200 человѣкъ гарнизона, начальство надъ которымъ вручилъ своему родственнику Карлу Ходкевичу, человѣку уже извѣстному своими боевыми заслугами. Радзивиллъ же собралъ въ Вильну болѣе 6000 человѣкъ войска. Въ составъ его арміи вошли отряды трехъ князей Острожскихъ (сыновей К. Острожскаго), отрядъ смоленскаго воеводы и 700 ч., нанятыхъ заграницей. Однимъ словомъ, оба магната не на шутку приготовились къ войнѣ и ждали наступленія ночи на 6 февраля. Объ этомъ дали знать Сигизмунду III; Сигизмундъ думалъ помирить враждующихъ: онъ послалъ къ нимъ четырехъ сенаторовъ съ письмомъ и словеснымъ предложеніемъ—прекратить ссору и распустить войска; но Ходкевичъ и Радзивиллъ, поблагодаривъ короля за участіе и похваливъ за благонамѣренность, отклонили предложеніе. Впрочемъ, сенаторы успѣли уговорить Ходкевича послать пословъ къ Радзивиллу съ предложеніемъ мира. Ходкевичъ на слѣдующій день дѣйствительно послалъ къ Радзивиллу посла съ слѣдующими условіями: а) чтобы Радзивиллъ всѣ обязательства и записи немедленно уничтожилъ судебнымъ порядкомъ и не требовалъ бы съ него ничего; б) чтобы князь Янушъ посѣщалъ свою невѣсту не иначе, какъ въ присутствіи его, Ходкевича; в) чтобы свадьба совершилась въ такомъ только случаѣ, если сама невѣста этого пожелаетъ. Но Радзивиллъ не принялъ этихъ условій и съ тѣмъ

бенныхъ волненій былъ избранъ въ польскіе короли сынъ Сигизмунда III Владиславъ IV [1]).

Между тѣмъ, какъ происходилъ избирательный сеймъ, сюда явились депутаты отъ виленскаго братства, малороссійскаго дворянства и украинскихъ казаковъ; эти депутаты представили сейму то тяжелое положеніе православныхъ жителей Рѣчи Посполитой, какое они испытываютъ въ ней отъ уніатовъ и католиковъ, и при этомъ просили, чтобы сеймъ издалъ законъ въ защиту православныхъ.

Виленское братство чрезъ своихъ депутатовъ представило сейму книгу подъ названіемъ „Синопсисъ". Въ этой книгѣ не только изложены были всѣ тѣ насилія, какія испытывали и испытываютъ православные въ Польско-Литовскомъ государствѣ какъ отъ католиковъ, такъ и отъ уніатовъ, но къ ней также приложены были и многіе документы, свидѣтельствующіе о неоспоримыхъ правахъ православныхъ на разнаго рода имѣнія и фундуши, которые отняты были у нихъ или католиками, или уніатами, или же, наконецъ, самимъ правительствомъ. Въ „Синоп-

---

же посломъ отправилъ Ходкевичу ультиматумъ такого рода: „если онъ къ вечеру 5 февраля не согласится выдать свою племянницу за Януша, то домъ его, Ходкевича, будетъ ночью подъ 6 февраля атакованъ имъ, Радзивилломъ, всѣми наличными силами и разрушенъ до основанія". Отвѣта не послѣдовало.

Вся Вильна съ ужасомъ ожидала ночи съ 5 на 6 февраля; многіе изъ жителей, забравши свои пожитки, побросали дома и выбрались за городъ. 5-го февраля, на закатѣ солнца, въ домѣ Радзивилла (этотъ домъ находился также на Большой улицѣ, нынѣ домъ почтово-телеграфнаго вѣдомства) составился военный совѣтъ, на которомъ порѣшили еще разъ отправить пословъ къ Ходкевичу съ требованіемъ невѣсты, но это, какъ оказалось впослѣдствіи, была военная хитрость: посламъ приказано была какъ можно лучше осмотрѣть расположеніе войска Ходкевича и укрѣпленіе дома. Когда послы вернулись и донесли Радзивиллу о томъ вооруженіи, какое сдѣлано было Ходкевичемъ въ его домѣ, то виленскій воевода сильно задумался; онъ ясно увидѣлъ, что не въ состояніи будетъ овладѣть домомъ противника, да притомъ трудно будетъ ему развернуть, какъ слѣдуетъ, войско въ тѣсныхъ улицахъ города. Словомъ, результатъ всего этого былъ тотъ, что Радзивиллъ не только оставилъ мысль о нападеніи на домъ Ходкевича, но въ ту же ночь заключилъ миръ, а черезъ нѣсколько дней Ходкевичъ и Радзивиллъ опять стали друзьями. 1-го ноября того же года состоялась свадьба Януша съ Софьей.

[1]) Сеймъ этотъ, кромѣ избранія на польскій престолъ Владислава IV, замѣчателенъ еще тѣмъ, что на немъ едва не произошла борьба диссидентовъ съ католиками. Луцкій католическій епископъ Гроховскій, когда собрался избирательный сеймъ, предложилъ членамъ сего послѣдняго, чтобы они, не приступая къ избранію короля, отдали приказаніе о вооруженномъ преслѣдованіи диссидентовъ, съ цѣлію заставить ихъ принять или католичество, или хоть унію. Многіе изъ сеймовыхъ членовъ согласились съ предложеніемъ Гроховскаго, и кровопролитіе уже готово было вспыхнуть; но диссиденты употребили все свое вліяніе, чтобы отклонить грозившую имъ опасность и едва, послѣ большихъ усилій, успѣли въ этомъ.

сисѣ", между прочимъ, сказано было: „Въ Вильнѣ русскія церкви обращены въ кабаки, харчевни и корчмы. Разграблена церковь въ Ковнѣ, а принадлежащія къ ней земли отобраны. Опустошены монастыри: трокскій, лавришевскій, гродненскій и др. Въ Бѣлостокѣ угрожаютъ смертію тому, кто не пройдетъ съ крестнымъ ходомъ изъ церкви въ костелъ. Въ Мядзіолѣ принуждаютъ насильно православныхъ принимать унію, а оказавшихъ сопротивленіе отправляютъ въ ссылку".

Отъ малороссійскаго православнаго дворянства на сеймъ прибыла огромная депутація. Во главѣ этой депутаціи стоялъ Петръ Могила, бывшій въ сіе время еще архимандритомъ Кіево-печерской лавры. Эта депутація съ своей стороны представила сейму петицію. Въ ней дворяне требовали, чтобы уничтожены были всѣ акты, стѣсняющіе свободу православнаго исповѣданія, а также, чтобы возвращены были всѣ отнятыя церкви и имѣнія. Въ той же петиціи дворяне просили о дозволеніи имъ устраивать типографіи и училища, и объ изданіи положительнаго закона въ обезпеченіе православныхъ отъ насилія уніатовъ и католиковъ, а также отъ притѣсненій со стороны самого польскаго правительства. И дѣйствительно, голосъ православнаго дворянства не былъ оставленъ безъ вниманія: новоизбранный на польскій престолъ король Владиславъ, съ разрѣшенія сейма, далъ православнымъ „дипломъ", по которому имъ дозволено было избирать митрополита и посвящать его въ Константинополѣ, при этомъ имъ возвращены были двѣ православныхъ епархіи—Луцкая и Перемышльская и еще вновь была открыта третья—Мстиславская. Тогда же вышелъ указъ, чтобы отнюдь не дѣлать никакихъ оскорбленій православнымъ.

Вслѣдъ за депутаціею виленскаго братства и малороссійскаго дворянства на этотъ сеймъ явились депутаты и отъ украинскихъ казаковъ. Украинскіе казаки, подобно названнымъ двумъ депутаціямъ, также представили сейму свою петицію, но только написанную въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ: „Въ царствованіе покойнаго короля", сказано было въ петиціи ихъ, „мы, казаки, терпѣли неслыханныя оскорбленія. Ваши уніаты, да и вы, католики, отняли у насъ наши церкви и ограбили ихъ имущество; священниковъ нашихъ лишили мѣстъ и запрятали въ тюрьмы, а вслѣдствіе этого наши дѣти остаются не крещенными, мертвецы не погребенными съ христіанскими обрядами, умирающіе отходятъ на тотъ свѣтъ безъ покаянія и причастія, молодые люди сходятся и живутъ безъ церковнаго вѣнчанія. Вотъ что сдѣлано вами! Пусть унія будетъ уничтожена, тогда мы со всѣмъ русскимъ народомъ будемъ полагать свой животъ за цѣлость любезнаго отечества, членами котораго мы себя считаемъ. Если же, сохрани Богъ, и далѣе ничего хорошаго не будетъ сдѣлано для насъ, и все останется по прежнему,—то мы найдемъ другія мѣры удовлетворенія". Такой рѣзкій тонъ петиціи сильно раздражилъ польскихъ пановъ, которые вовсе не намѣ-

рены были смягчать мѣръ, предпринятыхъ противъ казаковъ: „казаки считаютъ себя, говорили паны, членами Рѣчи Посполитой, но они такіе члены, какъ ногти и волосы, которые обрѣзываютъ“. Затѣмъ казакамъ не только отказано было въ томъ, чего они просили, но постановлено было строго наказывать тѣхъ изъ нихъ, которые осмѣлятся повторить подобную дерзкую петицію. Отказъ въ просьбѣ казаковъ ожесточилъ послѣднихъ до крайности; казаки порѣшили силою добиться того, чего не могли достигнуть мирнымъ путемъ. Вслѣдствіе этого начинается новый рядъ казацкихъ возстаній. Возстанія эти начинаются съ восшествія Владислава IV на польскій престолъ и продолжаются какъ во все его царствованіе, такъ и его преемника Яна-Казимира.

Казацкія возстанія въ царствованіе Владислава IV-го. Послѣ отказа сейма исполнить просьбу казаковъ, послѣдніе немедленно подняли возстаніе. Въ 1635 г. они избрали себѣ гетманомъ нѣкоего Сулиша, запорожца; но Сулишъ оказался неискуснымъ предводителемъ: въ первой же стычкѣ съ польскими войсками онъ потерпѣлъ пораженіе, былъ взятъ въ плѣнъ и въ Варшавѣ четвертованъ. Но эта неудача не смутила казаковъ: въ 1637 году они избрали себѣ гетманомъ Павлюка, сына крещенаго татарина. Сначала его избрали запорожцы, а потомъ и реестровые казаки, причемъ послѣдніе выдали Павлюку своего гетмана Кононовича, любимца поляковъ и избраннаго по ихъ желанію. Павлюкъ велѣлъ казнить Кононовича.

Сдѣлавшись гетманомъ и реестровыхъ, и запорожскихъ казаковъ, Павлюкъ началъ разсылать универсалы за универсалами по всѣмъ русскимъ областямъ Рѣчи Посполитой. Универсалы эти произвели сильное броженіе среди русскаго народа; онъ тысячами сталъ убѣгать отъ своихъ пановъ въ Украйну къ Павлюку, который заложилъ станъ свой въ мѣстечкѣ Мошнахъ, недалеко отъ Черкасъ. Сюда въ короткое время съ обѣихъ сторонъ Днѣпра собралось около 30,000 человѣкъ. Но Павлюкъ, намѣреваясь начать съ Польшей борьбу на жизнь и на смерть, считалъ это число недостаточнымъ. Поручивши начальство надъ нимъ своему другу Скидону, онъ самъ отправился въ Запорожскую Сѣчь для новаго сбора казаковъ съ цѣлію усилить свою армію.

Вѣсть о новомъ возстаніи казаковъ скоро достигла Варшавы. Польское правительство немедленно отправило противъ казаковъ около 40,000 человѣкъ войска подъ начальствомъ короннаго гетмана Конецпольскаго и его товарища Потоцкаго. 6-го декабря близъ деревни Кумейки произошла кровопролитная битва между Скидономъ и Конецпольскимъ [1]). Русскіе бились отчаянно и уже стали одолѣвать поляковъ, но въ это самое время поднялась сильная снѣжная буря прямо

---

[1]) Павлюкъ еще не успѣлъ вернуться изъ Запорожья.

въ лицо казакамъ; снѣгомъ засыпало имъ глаза такъ, что они не могли различить своихъ отъ чужихъ; а между тѣмъ поляки, воспользовавшись этимъ, поналегли на казаковъ, тѣ не выдержали и отступили къ мѣстечку Боровицамъ. Вслѣдъ за отступленіемъ Скидона къ Боровицамъ, сюда прибылъ самъ Павлюкъ съ нѣсколькими тысячами запорожцевъ и, значительно усиливъ ими свое войско, хотѣлъ вступить въ новую битву съ поляками, и навѣрно выигралъ бы ее. Но товарищъ Конецпольскаго Потоцкій, управлявшій войскомъ за отсутствіемъ гетмана, и другъ его, брацлавскій воевода Адамъ Кисель, успѣли не только предотвратить опасность, но даже направить дѣло въ самую благопріятную для Рѣчи Посполитой сторону. Дѣло вотъ въ чемъ: Адамъ Кисель, какъ человѣкъ русскій и православный, хорошо былъ извѣстенъ реестровымъ казакамъ и уважаемъ ими; пользуясь этимъ, онъ смѣло явился въ ихъ станъ и сталъ уговаривать смириться предъ польскимъ правительствомъ, обѣщаясь за это выхлопотать имъ у Владислава IV-го большія привилегіи. Благодаря своему краснорѣчію, а также подаркамъ Потоцкаго, Адамъ Кисель добился успѣха: всѣ реестровые казаки перешли на сторону поляковъ, мало того, они даже арестовали Павлюка съ товарищами его и выдали Киселю и его другу Потоцкому, причемъ, однако, взяли съ поляковъ клятву, что Павлюкъ съ товарищами не будетъ казненъ [1]).

Павлюка и его товарищей привезли въ Варшаву. Напрасно Кисель предъ сеймомъ умолялъ даровать имъ жизнь, ссылаясь на свою клятву и клятву Потоцкаго; его протеста не уважили: казацкимъ предводителямъ отрубили головы. Мало того, сеймъ предписалъ еще Потоцкому опустошить Украйну и казнить всѣхъ казаковъ, которые принимали участіе въ мятежѣ, не разбирая—реестровые они или простые, домовитые.

Исполняя волю сейма, Потоцкій два раза прошелъ Украйну вдоль и поперекъ, разорилъ и разграбилъ цѣлыя казацкія селенія, причемъ жителей предалъ страшнымъ мученіямъ. По словамъ одного современника, Потоцкій уставилъ посаженными на колъ русскими всю дорогу отъ Нѣжина до Днѣпра. Предавая казни русскихъ, онъ обыкновенно кричалъ: „я изъ васъ восковыхъ сдѣлаю“, но получалъ смѣлый отвѣтъ: „если ты, панъ гетманъ, хочешь казнить виновныхъ, то посади на колъ разомъ всю правую и лѣвую сторону Днѣпра“.

Въ одной малороссійской рукописи записано преданіе о Тарасѣ Трясилѣ, будто онъ, испуская духъ отъ страшныхъ мученій, крикнулъ полякамъ съ дерева, на которомъ его сожгли живымъ: „помните ляхи безбожные, что нѣтъ той силы на свѣтѣ, которая одолѣла бы каза-

---

[1]) Арестъ Павлюка казаки мотивировали тѣмъ, что онъ не во время ушелъ въ Запорожье и поздно явился оттуда.

ковъ!“ И онъ правду сказалъ: чѣмъ больше поляки казнили казаковъ, тѣмъ отважнѣе и смѣлѣе они дѣлались. Такъ было и на этотъ разъ: лишь только Потоцкій оставилъ Малороссію, какъ началось тамъ новое возстаніе.

На этотъ разъ (это было весною 1638 г.) запорожцы выбрали себѣ атаманомъ бывшаго нѣжинскаго полковника Степана Остраницу, а въ помощники ему дали нѣкоего Гуню. Остраница, подобно своему предшественнику Павлюку, также разослалъ универсалы съ призывомъ вооружиться противъ поляковъ за православіе и русскую народность. Вслѣдствіе этихъ универсаловъ у Остраницы къ началу лѣта собралось около 40,000 человѣкъ войска, съ которымъ онъ и выступилъ изъ Запорожья въ Малороссію для борьбы съ Рѣчью Посполитой.

Польское правительство отправило противъ казаковъ армію въ 50,000, подъ начальствомъ того же Потоцкаго. Враги встрѣтились недалеко отъ Переяславля. Здѣсь, при небольшой рѣчкѣ Голтвѣ, произошла кровопролитная битва между Остраницей и Потоцкимъ. Бились цѣлый день; новый казацкій гетманъ показалъ себя въ этой битвѣ отличнымъ полководцемъ; Потоцкій былъ разбитъ на голову и едва спасся бѣгствомъ. Послѣ пораженія Потоцкаго, польское правительство сдѣлало предводителемъ своего войска Лянкоронскаго. Въ концѣ лѣта 1638 года Лянкоронскій съ новою арміей двинулся противъ Остраницы. На рѣкѣ Сторицѣ онъ встрѣтился съ казаками и тутъ произошла новая битва, окончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Лянкоронскаго. Потерявъ битву, Лянкоронскій съ остатками войска началъ быстро отступать. Пройдя верстъ 200, онъ остановился въ мѣстечкѣ Полонномъ; но тутъ окружилъ его, слѣдовавшій за нимъ по пятамъ, Остраница. Гибель поляковъ была неизбѣжна; но они избѣгли ея самымъ вѣроломнымъ образомъ, именно: находясь въ безвыходномъ положеніи, поляки сначала обратились къ Остраницѣ съ предложеніемъ мира, но тотъ отказалъ, тогда по просьбѣ ихъ изъ мѣстечка Полоннаго выступило православное духовенство съ крестами, иконами и хоругвями и направилось въ казачій станъ; явясь къ Остраницѣ, оно стало просить его пощадить мѣстечко и помириться съ поляками; при этомъ православное духовенство заявило Остраницѣ отъ имени польскаго гетмана, что, въ случаѣ согласія казаковъ на миръ, православнымъ дадутъ одинаковыя права съ католиками и полную свободу вѣроисповѣданія. Послѣ нѣкотораго колебанія, Остраница согласился на миръ. Договорныя статьи сего мира были подписаны въ одной изъ церквей мѣстечка Полоннаго и подтверждены обоюдною клятвою надъ крестомъ и евангеліемъ.

Казаки опять повѣрили полякамъ, но и на этотъ разъ были вѣроломно обмануты ими.

По заключеніи мира Остраница распустилъ казаковъ по домамъ на отдыхъ, а самъ съ войсковыми старшинами и полковниками отправился

въ г. Коневъ помолиться въ тамошнемъ монастырѣ за благопріятный исходъ предпринятаго имъ дѣла (возстанія). Но когда казаки спокойно молились Богу въ коневскомъ монастырѣ, вдругъ на нихъ напали поляки и всѣхъ до одного, въ числѣ 37 человѣкъ, схватили, заковали въ желѣзо и отправили въ Варшаву, монастырь же подожгли. Въ Варшавѣ казакамъ было объявлено, что Лянкоронскій не имѣлъ права заключать договоръ съ бунтовщиками безъ согласія сейма, а потому этотъ Полонный договоръ считается недѣйствительнымъ; затѣмъ предали ихъ суду, который, какъ и слѣдовало ожидать, приговорилъ всѣхъ захваченныхъ къ смертной казни. Въ назначенный для этой казни день поляки устроили церковную процессію изъ одного варшавскаго костела къ эшафоту. Среди этой процессіи они помѣстили скованныхъ казаковъ, которые двигались вмѣстѣ съ нею до самаго мѣста казни. Казнили казаковъ разными казнями: однимъ отрубили головы, другихъ повѣсили третьихъ четвертовали, самого же Остраницу колесовали.

Послѣ гибели Остраницы, товарищъ его Гуня нѣкоторое время съ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ поляковъ, но потомъ, боясь быть выданнымъ польскому правительству реестровыми казаками, бѣжалъ въ Московское государство.

Со смертію Остраницы и бѣгствомъ Гуни казаки утихли, присмирѣли. Пользуясь этимъ, польское правительство произвело во внутреннемъ устройствѣ Украйны такія реформы, которыя обезсилили казаковъ и сдѣлали ихъ, если не навсегда, то на долгое время безопасными. Казаки лишены были навсегда права выбирать себѣ начальниковъ; подъ страхомъ смертной казни имъ воспрещено было плавать по морю и убѣгать въ Запорожье; ихъ чайки или суда были схвачены и сожжены, артиллерія отнята; гетмана имъ не только не позволили выбирать, но даже и не назначили; вмѣсто гетмана дали имъ польскаго пана въ комиссары. Генеральные старшины, полковники и сотники назначены были или изъ шляхтичей, или изъ такихъ русскихъ, которые были расположены къ полякамъ. Эти начальники получили надъ казаками, ихъ землями и имуществомъ неограниченную власть. Честь и жизнь казаковъ находились въ распоряженіи этихъ начальниковъ; за малѣйшее непослушаніе виновныхъ казнили смертію. Казаки работали на нихъ панщину, были обложены повинностями и поборами и притомъ черезчуръ непосильными. Весь русскій народъ южной части Рѣчи Посполитой подвергся той же участи. По свидѣтельству русскихъ лѣтописей, поляки въ сіе время произвели надъ русскими неслыханныя варварства: „и мучительство Фараоново, говоритъ одна лѣтопись, ничего не значитъ противъ ляшскихъ тиранствъ. Ляхи дѣтей варили въ котлахъ, женщинамъ сосцы раздавливали деревомъ и творили иныя неисповѣдимыя мучительства“ [1]).

---

[1]) Въ настоящее время вполнѣ доказано, что поляки послѣ Остраницы и

Въ такомъ тяжеломъ положеніи казаки пробыли почти 10 лѣтъ, „какъ волы, работая на своихъ господъ-ляховъ", по словамъ одного современника. Но изъ этого фараонова мучительства ихъ освободилъ Зиновій-Богданъ Хмельницкій.

Богданъ Хмельницкій [1]).

Богданъ Хмельницкій былъ сынъ казацкаго сотника. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ кіевскомъ училищѣ, а закончилъ его въ Галиціи, въ Ярославской іезуитской академіи. Въ послѣдней онъ научился хитрости, ловкости и изворотливости. По выходѣ изъ академіи Хмельницкій нѣкоторое время служилъ у польскаго пана Потоцкаго, а потомъ поступилъ въ число украинскихъ казаковъ, гдѣ скоро получилъ должность войскового писаря, одну изъ высшихъ въ Украйнѣ (она соотвѣтствовала нынѣшней должности начальника штаба). Поляки, служившіе въ Малороссіи вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, видѣли въ немъ человѣка опаснаго для Рѣчи Посполитой, а вслѣдствіе этого нерѣдко дѣлали ему разнаго рода непріятности, пока одна изъ нихъ не заставила его произвести возстаніе и притомъ такое, какого еще не видала Польша отъ начала своего существованія. Дѣло было такъ: въ восьми верстахъ отъ Чигирина у Хмельницкаго былъ хуторъ Суботово, оставленный ему по наслѣдству отцомъ. Разъ, въ отсутствіе Хмельницкаго, подстароста чигиринскій, шляхтичъ Чаплинскій (католикъ), по обычаю польскому, сдѣлалъ наѣздъ на этотъ хуторъ, разграбилъ его, овладѣлъ женою Хмельницкаго и засѣкъ его сына. Хмельницкій жаловался суду, но не получилъ удовлетворенія. Потомъ, говорятъ, онъ жаловался самому королю Владиславу, но и тотъ, по своему безсилію предъ польскими панами, не помогъ ему. Говорятъ, что будто бы Владиславъ сказалъ при этомъ Хмельницкому: „у васъ, казаковъ, вѣдь есть свои сабли, такъ вы и расправились бы ими съ шляхтою за свои обиды."

Былъ ли Хмельницкій у польскаго короля и жаловался ли ему на свою обиду—мы не знаемъ, знаемъ только то, что онъ, не получивши удовлетворенія посредствомъ суда, рѣшился поднять возстаніе казаковъ противъ Польши.

Въ концѣ осени 1647 г. Богданъ Хмельницкій бѣжалъ въ Запорожье, объявилъ тамъ о своей обидѣ и просилъ помощи. Запорожцы сочувственно отнеслись къ Хмельницкому, согласились оказать ему свою

Гунн дѣйствительно подвергали русскихъ тѣмъ мученіямъ, о которыхъ говорятъ русскія лѣтописи. См. Костомарова.

[1]) Подробныя свѣдѣнія о Богданѣ Хмельницкомъ можно найти въ каждомъ учебникѣ по русской исторіи, поэтому мы ограничиваемся краткимъ изложеніемъ этой эпохи.

помощь и стали формировать полки. Самъ же Хмельницкій изъ Запорожья отправился въ Крымъ, чтобы склонить татаръ на свою сторону Татары приняли его очень ласково и дали отрядъ въ 4000 человѣкъ, съ которымъ онъ и вернулся въ Запорожье.

Возвратясь въ Запорожье, Хмельницкій нашелъ казаковъ вполнѣ готовыми къ походу. Мало того, они уже успѣли въ его отсутствіе взволновать и весь южно-русскій народъ и такимъ образомъ окончательно подготовить его къ возстанію. Разсказываютъ, что казаки для этой цѣли путешествовали по всей Малороссіи то подъ видомъ нищихъ, то богомольцевъ, а нерѣдко купцовъ и монаховъ.

Въ апрѣлѣ 1648 г. болѣе 15,000 войска подъ начальствомъ Хмельницкаго выступило изъ Запорожья.

Между тѣмъ о волненіи казаковъ дошло и до свѣдѣнія польскаго правительства. Оно немедленно образовало армію тысячъ въ 40 и подъ начальствомъ двухъ полководцевъ—Потоцкаго и Калиновскаго—двинуло въ Малороссію. 5-го мая при небольшой рѣчкѣ Желтыя-Воды произошла первая битва между Хмельницкимъ и однимъ изъ польскихъ отрядовъ, тысячъ въ 8, которымъ командовалъ сынъ Потоцкаго. Битва кончилась совершеннымъ пораженіемъ поляковъ, причемъ молодой Потоцкій былъ убитъ, а помощники его—Стефанъ Чарнецкій и Иванъ Выговскій (впослѣдствіи знаменитые люди въ Польшѣ) попали въ плѣнъ. Вслѣдъ за Желтоводскою битвою послѣдовала новая битва между Хмельницкимъ и поляками. Въ этой битвѣ участвовала вся главная армія поляковъ, предводимая Потоцкимъ и Калиновскимъ. Битва эта произошла около города Корсуня, недалеко отъ рѣки Роси. Благодаря ссорѣ Потоцкаго и Калиновскаго между собою, а также бездарности двухъ этихъ военачальниковъ, Хмельницкій одержалъ надъ поляками полную побѣду. Потоцкій и Калиновскій попали въ плѣнъ.

Послѣдняя битва (Корсунская) имѣла важныя послѣдствія. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ въ Рѣчи Посполитой о корсунскомъ пораженіи поляковъ, возстаніе охватило не только всю Украйну, но даже Бѣлоруссію, Подоліе и коснулось собственной Литвы. Крестьяне начали страшно мстить панамъ и жидамъ за свои долговременныя страданія. Образовалось множество казацкихъ шаекъ или такъ называемыхъ „гайдамацкихъ загоновъ". Загоны эти, избравши себѣ какого-нибудь предводителя, истребляли все, что только носило на себѣ печать не русскаго и не православнаго. Духовенство же русское, съ своей стороны, возвысило голосъ на защиту православія и русской народности: „пришелъ часъ, желанный часъ", взывали священники; „время возвратить свободу и честь нашей поруганной вѣрѣ! время сбросить русскому народу, народу благочестивому, оковы, наложенныя католиками! Вспомните, братіе, сколько вѣковъ прошло въ угнетеніи и постыдномъ униженіи нашей святой православной вѣры, намъ не давали даже убѣжища для

молитвы! Всѣ наши приходы, церкви, обители, епархіи въ рукахъ латинянъ и уніатовъ. Латинянамъ даютъ доходныя мѣста, а бѣдные православные восточнаго благочестія страдаютъ въ нищетѣ. Жиды для пановъ лучше насъ; жиды управляютъ имѣніями и мучатъ бѣдныхъ христіанъ. Пора, пора! ополчайтесь за свою жизнь! Богъ благословитъ васъ и поможетъ вамъ!"

Казаки-гайдамаки и православные холопы, наэлектризованные подобнаго рода воззваніями, производили страшныя неистовства: католическая святыня предавалась поруганію, костелы разорялись и сожигались, образа католическихъ святыхъ прострѣливали, рубили и уродовали. Будучи больше всего ожесточены противъ католическаго духовенства, гайдамаки и русскіе холопы предавали его всевозможнымъ мученіямъ: ксендзовъ и католическихъ монаховъ они топили, вѣшали, обливали кипяткомъ, живыхъ зарывали въ землю, сдирали съ нихъ кожу и т. п. По словамъ современниковъ, ожесточеніе казаковъ противъ католиковъ и уніатовъ было такъ велико, что они не давали пощады даже умершимъ. „Гайдамаки", какъ говоритъ одинъ писатель половины XVII ст., „врывались въ усыпальницы костеловъ, извлекали оттуда тѣла умершихъ и разбрасывали ихъ; были даже такія безбожныя лица", говоритъ тотъ же писатель, „которыя снимали съ мертвыхъ одежды, надѣвали ихъ на себя и спокойно ходили въ нихъ". Памятникомъ этой эпохи служитъ преданіе, что какой то гайдамакъ повѣсилъ въ костелѣ, надъ главнымъ алтаремъ, ксендза, жида и собаку и вверху сдѣлалъ слѣдующую надпись: „ксендзъ, жидъ и собака—все вѣра однака!"

Въ эту бурную и страшную эпоху казацкихъ возстаній за православіе и русскую народность больше всѣхъ досталось жидамъ. У казаковъ положено было окончательно истребить это племя. Всякаго рода снисхожденіе или сожалѣніе къ этому народу равносильно было измѣнѣ православію и русской народности, и того, кто рѣшался высказать хоть малѣйшее сочувствіе къ жидамъ, ожидала неминуемая смерть. При истребленіи жидовъ казаки не щадили ни пола, ни возраста и при этомъ примѣнены были всѣ роды мученій, какіе только возможны были. Одинъ раввинъ, какимъ-то чудомъ избѣжавшій участи своихъ собратій, между прочимъ, такъ говоритъ объ истребленіи жидовъ казаками: „вездѣ, куда только ни взглянешь, представляются глазамъ трупы народа Божія; одни изъ нихъ валяются на землѣ, истерзанные мучителями; другіе повѣшены на деревьяхъ, заборахъ и подъ крышами домовъ; третьи плаваютъ на поверхности воды озеръ, рѣкъ и прудовъ; тысячи младенцевъ побросаны въ колодцы и засыпаны землею. Нѣтъ спасенія никому изъ нашихъ братій, ибо мучители ихъ, заканчиваетъ тотъ же раввинъ, быстрѣе орловъ небесныхъ!" [1]). Гово-

[1]) По сказанію одного современника, въ мѣстечкѣ Ладыжинѣ казаки, свя-

рятъ, что въ это время погибло жидовъ болѣе 100,000 человѣкъ, кромѣ тѣхъ, которые умерли отъ голода и жажды. Желаніе казаковъ истребить жидовъ не было слѣдствіемъ религіознаго фанатизма: жиды, будучи арендаторами и управителями панскихъ имѣній, своими злоупотребленіями, а также тиранствомъ надъ русскимъ народомъ и поруганіемъ православой святыни сами довели казаковъ до такого ожесточенія.

Всѣ польскіе паны, какъ только началось возстаніе казаковъ, обезумѣли отъ страха, потеряли головы и не знали, что дѣлать. Между ними нашелся одинъ только панъ, который дѣйствительно не потерялъ головы—это Іеремія Вишневецкій. Панъ этотъ, незадолго передъ этимъ перешедшій изъ православія въ католичество, съ яростію ренегата истреблялъ казаковъ: „Мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ!“ кричалъ онъ въ какомъ то изступленіи палачамъ. Но одинъ Вишневецкій, очевидно, не могъ усмирить разбушевавшихся казаковъ; мученіями и истязаніями также нельзя было устрашить ихъ: „Чи умрешь, чи повыснишь—уси одинъ разъ мати родила“, говорили они обыкновенно идя на смерть.

Къ довершенію несчастія поляковъ, умеръ король Владиславъ IV. Смерть постигла его въ мѣстечкѣ Меречѣ (Виленской губ.) 20-го мая 1648 года, при возвращеніи его изъ Вильны въ Варшаву. Король умеръ 54 лѣтъ.

Владиславъ былъ король умный, гуманный и въ высшей степени справедливый. Онъ высоко цѣнилъ свободу совѣсти каждаго. Желая облегчить положеніе диссидентовъ, онъ съ этою цѣлію издалъ нѣсколько универсаловъ; особенно Владиславъ былъ расположенъ къ православнымъ: при всякомъ удобномъ случаѣ онъ старался высказать имъ это и рѣзко осуждалъ унію. Когда однажды папскій нунцій сталъ было укорять его за сіе, то король прямо сказалъ: „я хорошо знаю исторію уніи, она введена насильно, безъ согласія лучшей части русскаго населенія; ее приняли и ввели только нѣкоторые духовныя лица и

завши нѣсколько тысячъ человѣкъ евреевъ, положили на лугъ, сначала предложили имъ принять христіанство, съ обѣщаніемъ за это пощады, но когда тѣ отвергли предложеніе, то казаки сказали: „такъ вы сами виноваты въ томъ, что погибнете, мы перебьемъ всѣхъ васъ за то, что вы, когда были въ силѣ, ругались надъ нашею вѣрой“, а затѣмъ дѣйствительно всѣхъ перебили, не щадя ни пола, ни возраста. Такое же избіеніе евреевъ произведено было въ мѣстечкѣ Полонномъ, гдѣ ихъ такъ много перерѣзали, что кровь потоками лилась изъ домовъ чрезъ окна. Въ другомъ же мѣстѣ казаки рѣзали еврейскихъ младенцевъ и предъ глазами ихъ родителей разсматривали внутренности зарѣзанныхъ, насмѣхаясь надъ обычнымъ у евреевъ раздѣленіемъ мяса на кошерное (которое можно ѣсть) и трефное (котораго ѣсть нельзя) и объ однихъ говорили: „это кошеръ—ѣшьте! а о другихъ: „это трефъ—бросайте собакамъ!“

притомъ изъ своекорыстныхъ цѣлей. Но не смотря на все желаніе Владислава облегчить въ своемъ государствѣ участь диссидентовъ, онъ не достигъ сего: преслѣдованіе ихъ такъ же продолжалось и при немъ, какъ и при отцѣ его Сигизмундѣ III. Правда, въ южно-русскихъ областяхъ православная церковь, какъ мы отчасти видѣли, пользовалась до нѣкоторой степени свободою, но это было только благодаря личности Петра Могилы, котораго и поляки уважали [1]).

---

[1]) При Владиславѣ IV въ Вильнѣ совершено было три въ высшей степени замѣчательныхъ торжества; первыя два совершены были католиками, а третье уніатами:

I. Торжество по случаю открытія мощей св. Казимира. Открытіе мощей послѣдовало въ 1636 г. 14 августа. Празднество по сему случаю происходило въ Вильнѣ и подробно описано современниками. Къ назначенному дню на виленскихъ улицахъ и площадяхъ устроены были тріумфальныя арки съ эмблематическими изображеніями, и украшенныя цвѣтами и зеленью. Въ самый день празднества, въ 10 часовъ утра, при громѣ орудій, колокольномъ звонѣ, музыкѣ и пѣніи совершено было крестное шествіе изъ костела св. Яна въ каѳедральный костелъ св. Станислава. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга несъ знамя, присланное папою. Его сопровождали всѣ сенаторы. Это крестное шествіе, слѣдуя въ каѳедральный костелъ, направилось туда не прямымъ путемъ, а разными боковыми улицами, причемъ около каждой арки останавливалось, совершало особое молитвословіе и любовалось аллегорическимъ представленіемъ. Такъ, у Рудницкихъ воротъ (теперь въ Вильнѣ на этомъ мѣстѣ базарная площадь), гдѣ арки устроены были въ видѣ колоссальной птицы, при приближеніи крестнаго шествія появилась на возвышеніи женщина въ глубокомъ траурѣ. Она произнесла длинные латинскіе стихи, въ которыхъ изобразила печальное положеніе города вслѣдствіе того, что въ немъ множество народа невѣрующаго въ католичество, но при этомъ утѣшила тѣмъ, что въ будущемъ городъ процвѣтетъ вѣрными своими сынами, когда вознесутъ на престолъ мощи св. Казимира. За послѣдними словами рѣчи изнутри птицы мгновенно явились два ангела и въ новыхъ латинскихъ стихахъ поздравляли жителей г. Вильны съ радостнымъ событіемъ канонизаціи святѣйшимъ отцомъ папою литовскаго патрона, мощи котораго займутъ подобающее мѣсто. Тогда траурная женщина быстро переодѣлась въ царскую богато-украшенную мантію съ короной на головѣ; затѣмъ откуда то явилась великолѣпная колесница, раздались оглушающіе звуки трубъ, и царица торжественно вступила на колесницу и присоединилась къ общей процессіи. У ратуши изумленнымъ жителямъ представился замокъ, какъ будто изъ земли выросшій, съ башнями и бойницами; шествіе какъ бы невольно остановилось: представилось необходимымъ во что бы то ни стало уничтожить замокъ, чтобы идти далѣе; вдругъ откуда то со стороны послышались пушечные выстрѣлы и картонный замокъ разрушенъ: стѣны, башни, бойницы—все упало къ ногамъ участвующихъ въ процессіи. Трубы и литавры загремѣли побѣду и крестное шествіе двинулось черезъ развалины картоннаго замка, какъ бы на самомъ дѣлѣ совершивши блестящую побѣду. У янскаго костела, мимо котораго проходила процессія, встрѣтило ее цѣлое іезуитское отдѣленіе, представлявшее дочерей философіи, богословія, поэзіи и всѣхъ 9 музъ, изъ коихъ каждая поочереди произносила стихи на языкахъ: латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ и польскомъ (русскій языкъ не былъ удостоенъ этой чести). Празднество про-

Отношенія Владислава IV къ Московскому государству. Отношенія Владислава къ Московскому государству были болѣе дружественныя, чѣмъ враждебныя. Разъ только была борьба русскихъ съ поляками при Владиславѣ. Борьбу начали русскіе: они думали воспользоваться междуцарствіемъ, бывшемъ въ Польшѣ, послѣ смерти Сигизмунда III, предъ избраніемъ Владислава, чтобы возвратить утраченный Смоленскъ. Московское войско, подъ начальствомъ боярина Шеина, дви-

---

должалось три дня. Въ память этого событія построенъ былъ великолѣпный костелъ; черезъ 4 года онъ сгорѣлъ.

II. Въ 1640 г. исполнилось столѣтіе существованія ордена іезуитовъ; въ честь основателя сего ордена и было устроено торжество. Торжество это началось 31 августа, въ день св. Игнатія Лойолы, и продолжалось ровно 8 дней. Іезуиты ничего не щадили, чтобы какъ можно торжественнѣе отпраздновать этотъ праздникъ. По случаю сего торжества всѣ костелы, безъ исключенія, были украшены и освѣщены со всевозможнымъ великолѣпіемъ, какъ внутри, такъ и снаружи. Не только стѣны костеловъ, но даже башни, ворота и принадлежащія іезуитамъ зданія убраны были самымъ роскошнымъ образомъ. Въ особенности въ костелѣ св. Яна, главномъ центрѣ торжества, собрано было все, что только можетъ поразить человѣка богатствомъ, роскошью, великолѣпіемъ. Больше всего отличался въ этомъ отношеніи главный алтарь, гдѣ между цвѣтами виднѣлись двѣ статуи—одна представляла Лойолу, молящагося предъ Христомъ, а другая—покоющагося въ райскомъ блаженствѣ; тутъ же была и серебряная надпись.

Въ продолженіе 8 дней съ восходомъ солнца начиналось въ костелахъ богослуженіе, при безчисленномъ стеченіи народа, и продолжалось до глубокой ночи: затѣмъ зажигались иллюминаціи, пускали фейерверки, стрѣляли изъ пушекъ и музыка гремѣла до самаго утра.

III. Три года спустя послѣ іезуитскаго празднества, въ Вильнѣ устроено было другое не менѣе торжественное празднество. Это послѣднее устроено было уніатскими базиліанами въ честь Кунцевича. Празднество это происходило лѣтомъ. Началось оно маневрами войскъ за городомъ при пушечныхъ выстрѣлахъ. Оттуда войско, въ сопровожденіи огромной толпы народа, прибыло къ каѳедральному собору, гдѣ встрѣчено было католическимъ епископомъ со всѣмъ виленскимъ духовенствомъ. Затѣмъ войско, раздѣленное на двѣ части, разставлено было шпалерами по обѣимъ сторонамъ Большой улицы, начиная отъ самаго собора до Троицкаго монастыря. Въ 12 часовъ дня изъ собора вынесена была статуя Іосафата Кунцевича и поставлена на великолѣпную колесницу подъ балдахиномъ. Отъ собора колесница двинулась по Большой улицѣ, между двумя рядами войскъ, къ Троицкому монастырю (тогда онъ былъ базиліанскій). Колесницу эту окружали юноши, одѣтые на подобіе музъ, которые пѣли въ честь Кунцевича гимны. За колесницей шли въ парадныхъ одеждахъ воспитанники іезуитской академіи и городской совѣтъ; тутъ же находились и музыканты. На полдорогѣ, среди Большой улицы, подъ одною изъ тріумфальныхъ арокъ, процессію встрѣтили базиліане и вмѣстѣ съ прочими вошли въ церковь Троицкаго монастыря. Ректоръ академіи Мельхіоръ Шемлингъ при звукахъ музыки совершилъ обѣдню передъ статуей Кунцевича. По окончаніи обѣдни два ксендза поочереди произнесли по похвальному слову, въ которыхъ прославляли жизнь и подвиги Кунцевича. При этомъ торжествѣ былъ и самъ король Владиславъ IV.

нулось въ предѣлы Рѣчи Посполитой и въ концѣ 1632 г. обложило Смоленскъ. Послѣ восьмимѣсячной осады городъ уже былъ готовъ сдаться, какъ вдругъ Владиславъ, избранный на польскій престолъ, явился съ войскомъ на выручку Смоленска. Завязалась битва; русскіе были отбиты отъ города и заключились въ окопы, гдѣ, въ свою очередь, подверглись осадѣ со стороны поляковъ. Семь мѣсяцевъ Шеинъ отбивался, пока голодъ и болѣзни не заставили его сдаться на капитуляцію. Послѣ этого Владиславъ двинулся было къ Москвѣ, но на дорогѣ получилъ извѣстіе, что Рѣчи Посполитой угрожаютъ, съ одной стороны шведы, а съ другой—турки; кромѣ того, въ его войскѣ также обнаружились голодъ и болѣзни; поэтому польскій король первый предложилъ Михаилу Өеодоровичу миръ. Предложеніе было принято. На рѣкѣ Поляновкѣ въ 1634 году былъ заключенъ миръ. По сему миру статьи Деулинскаго перемирія были подтверждены, да кромѣ того русскіе заплатили полякамъ 20,000 рублей; но за то Владиславъ навсегда отказался отъ притязаній на московскій престолъ и Михаилъ Өеодоровичъ признанъ былъ царемъ; тогда же, по договору, возвращено было въ Москву и тѣло умершаго въ Варшавѣ, въ плѣну, царя Василія Ивановича Шуйскаго.

Борьба поляковъ съ Хмельницкимъ послѣ смерти Владислава IV, предъ избраніемъ на польскій престолъ Яна-Казимира. Мѣсяцъ спустя послѣ смерти Владислава IV, польскіе паны отправили къ Хмельницкому пословъ съ извѣщеніемъ о смерти Владислава и съ предложеніемъ мира; но при этомъ паны предложили ему такія условія, какія можно было предложить только побѣжденному; само собою разумѣется, что условія эти были отвергнуты. Война началась.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1648 года сеймъ, созванный для избранія короля, отправилъ противъ Хмельницкаго тридцати-тысячное войско. Войско это, по словамъ очевидца, такъ роскошно было одѣто и съ такимъ комфортомъ располагалось стоянками въ походѣ противъ непріятеля, что никто не подумалъ бы, если бы посмотрѣлъ на него, что оно идетъ биться съ врагами отечества, скорѣе заключилъ бы, что оно слѣдуетъ куда-нибудь на балъ или просто вышло попировать на вольный воздухъ [1]). Этимъ роскошнымъ войскомъ предводительствовали три

[1]) „Гусары другъ передъ другомъ высказывали статность коней своихъ; луки на сѣдлахъ были изъ серебра, чепраки вышиты, стремена позолочены, сабли съ серебряною насѣчкою, подъ чернью, кунтуши бархатные, обитые и опушенные дорогими мѣхами; на шеяхъ блистали золотыя цѣпи; съ перекривленныхъ шапокъ горделиво спадали кисти, усѣянныя драгоцѣнными камнями, за поясомъ были дорогіе кинжалы; сапоги были украшены золотыми и серебряными шпорами. Не дурно, говоритъ лѣтописецъ, была убрана и пѣхота по иностранному образцу. Но роскошь высказывалась преимущественно въ столѣ, по обычаю того времени: на столахъ, поставленныхъ въ богатыхъ шалашахъ пановъ,

лица: Заславскій, Конецпольскій и Остророгъ. Хвастливость въ войскѣ была необыкновенная: „противъ такой сволочи, говорили въ лагерѣ, не стоитъ тратить пуль, мы ихъ разгонимъ плетьми“. А нѣкоторые были такъ самонадѣянны, что, по словамъ одного польскаго лѣтописца, читали такую молитву: „Господи! не помогай ни намъ, ни имъ, а смотри только, какъ мы съ этими негодными мужиками раздѣлаемся!“ Въ половинѣ сентября польское войско остановилось около рѣчки Пилявы и, по обыкновенію, начало пировать.

20 сентября къ этому роскошному войску приблизился Хмельницкій; произошла небольшая стычка, въ которой поляки взяли нѣсколько человѣкъ изъ войска Хмельницкаго въ плѣнъ. Плѣнные сильно напугали поляковъ: они сказали, что у самого Хмельницкаго огромное войско, но кромѣ того онъ еще съ часу на часъ ждетъ къ себѣ крымскаго хана со всею ордою. Послѣднее сообщеніе произвело въ польскомъ лагерѣ такой страхъ, что ночью все польское войско обратилось въ бѣгство, покинувъ все имущество на волю непріятеля. Рано утромъ Хмельницкій ударилъ на бѣгущихъ; смятеніе усилилось: поляки кидали оружіе, оставили раненыхъ и плѣнныхъ, и сотнями гибли въ тѣснотѣ и давкѣ. По словамъ одного очевидца-поляка, между его соотечественниками была такая паника, что они, бросившись бѣжать, сами не знали куда направиться, и при этомъ прибавляетъ: „каждый изъ бѣжавшихъ кричалъ: стойте! а самъ только и думалъ о томъ, какъ бы до коня дорваться, и сѣвши на него, летѣлъ безъ оглядки, чтобы не остаться.“ Во время сего всеобщаго бѣгства польскіе рыцари не имѣли времени, по словамъ того же очевидца, остановиться, чтобы отереть потъ съ лица или приложить платокъ къ бьющемуся сердцу. Другой очевидецъ

выказывались сдѣланные изъ серебра львы, козы, розы, деревья; чарки и кубки чеканные, золотые и серебряные; даже умывальницы и тазы у богачей были изъ серебра“. Словомъ, по замѣчанію лѣтописца—современника, въ этомъ лагерѣ было больше серебра, чѣмъ свинцу. За каждымъ паномъ шли огромные рыдваны и возы съ безчисленными богатствами; тамъ лежали шелковыя и шерстяныя ткани, шубы соболь, меды и, вина, варенья, конфекты; за каждымъ паномъ ѣхала огромная толпа слугъ и поваровъ; везли даже ванны и богатыя постели. Пиры съ музыкою отправлялись съ утра до вечера, такъ что „посмотрѣвъ на это войско“, говоритъ одинъ польскій историкъ, „можно было подумать, что оно съѣхалось на свадьбу“. См. Костомарова.

Примѣчаніе. Роскошь польскихъ магнатовъ въ домашнемъ быту особенно обнаруживалась въ столѣ: на столъ обыкновенно подавали четыре перемѣны, а каждую перемѣну составляли 50 и болѣе блюдъ, какъ можно позатѣйливѣе изготовленныхъ какъ по выбору матеріала, такъ и по способу изготовленія: тутъ подавались чижи, воробьи, коноплянки, жаворонки, чечетки, кукушки, козьи хвосты, пѣтушьи гребешки, бобровые хвосты, медвѣжьи лапы и т. п.

бѣгства польскаго войска отъ рѣки Пилявы говоритъ: „причиною паники и бѣгства польскаго войска были волшебные чары Хмельницкаго."

Побѣдителямъ досталось до ста тысячъ возовъ, нагруженныхъ разнаго рода имуществомъ, восемьдесятъ орудій и на десять милліоновъ польскихъ злотыхъ разныхъ драгоцѣнностей. Большая часть разбѣжавшихся пановъ ушли въ г. Львовъ и тамъ скрылись. Но бѣжали они, какъ передаютъ современники, съ такою быстротою, что достигли сего города въ три дня, тогда какъ въ спокойное и безопасное время польскій панъ ѣхалъ бы туда цѣлыхъ полгода.

Отъ Пилявы Хмельницкій повернулъ къ Збоpажу, отъ Збоража къ Львову, который и осадилъ. Перепуганные жители Львова, сознавая, что не въ силахъ будутъ устоять предъ напоромъ казаковъ, вступили съ Хмельницкимъ въ переговоры. Хмельницкій соглашался снять осаду, но съ условіемъ, чтобы ему заплатили 200,000 злотыхъ контрибуціи. Когда же у львовцевъ не оказалось такой суммы, то Хмельницкій согласился замѣнить ее разнаго рода драгоцѣнностями. И львовцы дѣйствительно откупились только тѣмъ, что дали ему 16,000 злотыхъ деньгами, тысячъ на сто разнаго рода дорогихъ матерій и тысячъ на восемьдесятъ костельныхъ украшеній, а въ заключеніе угостили казаковъ роскошнымъ пиромъ. Послѣ этого Хмельницкій отступилъ къ Замостью. Это было въ концѣ октября 1648 года.

По разсказамъ польскихъ писателей, у Хмельницкаго—подъ Замостьемъ было около 80,000 человѣкъ войска [1]). Но, не смотря на такую численность своей арміи, Хмельницкій почему-то не рѣшился двинуться въ самую глубь Польши и овладѣть ея столицею, какъ того желали и войско, и народъ. Если бы Хмельницкій, исполняя желаніе войска и народа, въ самомъ дѣлѣ двинулся на Варшаву, то могъ бы овладѣть ею и произвести коренной переворотъ въ Рѣчи Посполитой: онъ легко могъ бы, какъ всѣ въ этомъ согласны, сокрушить аристократическій строй Польши и замѣнить его какимъ-нибудь другимъ. Защищать же столицу и вообще дать Хмельницкому отпоръ при движеніи его на Варшаву польское правительство не въ состояніи было; у него въ это время не было ни войска вооруженнаго, ни денегъ, ни короля; въ Польшѣ тогда царила анархія.

Изъ-подъ Замостья Хмельницкій двинулся къ Кіеву, оттуда къ Переяславлю и тутъ остановился на зимовку. Въ это время онъ нахо-

---

[1]) Въ краковскомъ академическомъ музеѣ находится бердышъ Хмельницкаго, сдѣланный въ это время въ Замостьѣ; онъ имѣетъ на себѣ слѣдующую замѣчательную надпись: „Подъ Замостьемъ я, Богданъ Хмельницкій, съ 80 тысячами казаковъ; и ляхамъ, и жидамъ, и попамъ (уніатскимъ попамъ и католическимъ ксендзамъ)—супостатамъ симъ бердышемъ заиграю на ихъ толстыхъ шеяхъ казака. Року 1648, мѣсяца листопада (ноября) 11 дня". На другой сторонѣ бердыша изображенъ архангелъ Михаилъ.

дился на высотѣ своего могущества. Въ Переяславль къ нему стали пріѣзжать послы сосѣднихъ государствъ съ предложеніемъ союзовъ и разнаго рода договоровъ.

Янъ-Казимиръ.

1648—1662.

Въ то время, какъ Хмельницкій со всѣмъ своимъ войскомъ отдыхалъ въ Переяславлѣ, въ Варшавѣ происходили выборы короля. 22 ноября 1648 года на польскій престолъ выбранъ былъ братъ умершаго короля Владислава IV—Янъ-Казимиръ, бывшій до того времени монахомъ и кардиналомъ. 17 января 1649 г. онъ короновался, а затѣмъ, съ разрѣшенія папы, женился на вдовѣ покойнаго брата Владислава.

Борьба Яна-Казимира съ Хмельницкимъ. Первымъ дѣломъ новаго короля было вступленіе въ переговоры съ Хмельницкимъ. Съ этою цѣлію Янъ-Казимиръ послалъ въ Переяславль къ Хмельницкому пословъ съ разнаго рода подарками и предложеніемъ мира. Казацкій гетманъ принялъ пословъ ласково, хорошо отозвался о королѣ и безпощадно разбранилъ пановъ и ксендзовъ, а въ заключеніе предложилъ слѣдующія условія мира: 1) возвращеніе казакамъ прежнихъ правъ и преимуществъ; 2) изгнаніе изъ Малороссіи іезуитовъ и жидовъ; 3) уничтоженіе уніи; 4) увеличеніе числа реестровыхъ казаковъ до 40 тысячъ; 5) разрѣшеніе кіевскому митрополиту засѣдать въ сенатѣ и занимать первое мѣсто послѣ римско-католическаго архіепископа. Польское правительство отвергло эти условія и война началась.

Янъ-Казимиръ, приготовляясь вступить въ борьбу съ Хмельницкимъ, собралъ 40 тысячъ войска и въ маѣ 1649 года выступилъ въ походъ. Предъ выступленіемъ изъ Варшавы король получилъ отъ папы благословеніе, священное знамя и священный мечъ. 5-го августа около мѣстечка Зборова (въ Галиціи) между поляками и казаками произошла кровопролитная битва, которая кончилась пораженіемъ поляковъ. „И благословеніе св. римскаго отца не помогло", говоритъ современникъ-полякъ [1]).

---

[1]) Недавно въ Италіи вышла въ свѣтѣ очень любопытная книга подъ заглавіемъ: „Если кого Богъ желаетъ наказать, тому въ союзники папу дастъ". Въ этой книгѣ авторъ (профессоръ одного изъ итальянскихъ университетовъ) приводитъ цѣлый рядъ историческихъ фактовъ, изъ которыхъ ясно видно, что тѣ лица и тѣ государи, на сторону коихъ становились папы, оканчивали свою судьбу весьма печально. Между прочимъ авторъ приводитъ въ своей книгѣ много примѣровъ и изъ послѣднихъ трехъ десятилѣтій. Вотъ эти примѣры:

I. Въ 1863 г. папа Пій IX благословилъ поляковъ на возстаніе противъ Россіи; дѣло кончилось совершеннымъ пораженіемъ ихъ.

Послѣднее пораженіе заставило польское правительство быть сговорчивѣе: оно, послѣ сего пораженія, первое послало пословъ къ Хмельницкому съ мирными предложеніями. Предложенія были приняты. 10 августа уполномоченные обѣихъ сторонъ съѣхались въ мѣстечко Зборовъ и заключили миръ. Въ основаніе сего мира легли тѣ самыя условія, какія пять мѣсяцевъ тому назадъ были предложены Хмельницкимъ полякамъ въ Переяславлѣ.

Но Зборовскій миръ не могъ долго просуществовать, потому что не удовлетворялъ ни казаковъ, ни ихъ противниковъ: казаки, не попавшіе въ число реестровыхъ, ни за что не хотѣли сдѣлаться холопами и поступить снова подъ власть пановъ, а польскіе паны, и преимущественно католическое духовенство, рѣшительно воспротивились тому, чтобы русскій митрополитъ засѣдалъ въ сенатѣ. Когда кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ пріѣхалъ въ Варшаву занять свое мѣсто,

---

II. Въ 1864 году, въ маѣ мѣсяцѣ, папа благословилъ Максимиліана, брата австрійскаго императора, на мексиканскій престолъ, а женѣ его далъ священную розу; но дѣло, какъ извѣстно, кончилось тѣмъ, что Максимиліанъ былъ разстрѣлянъ, а жена его сошла съ ума.

III. Въ 1866 г. папа благословилъ австрійскаго императора Франца-Іосифа противъ Пруссіи; но императоръ въ двухъ битвахъ—при Кенисгрецѣ и Садовой—былъ разбитъ на голову и сложилъ съ себя корону германскаго императора.

IV. Въ 1867 г. Пій IX благословилъ бельгійскій католическій банкъ, но директоръ и члены правленія обобрали его и вслѣдствіе этого тысячи семействъ пошли по міру.

V. 6 февраля 1868 г. папа Пій IX прислалъ свое благословеніе Изабеллѣ, испанской королевѣ, и священную розу въ знакъ невинности и чистоты, а черезъ мѣсяцъ она бѣжала изъ Мадрита съ своимъ любовникомъ Марфори и 30 сентября того же года была лишена престола.

VI. 1870 г. папа Пій IX благословилъ Наполеона III противъ Пруссіи, а женѣ его Евгеніи далъ золотую розу, но, какъ извѣстно, Пруссія уничтожила французскую армію; самъ Наполеонъ попался въ плѣнъ и затѣмъ скоро умеръ подъ операціоннымъ ножомъ, а Евгенія, какъ преступница, бѣжала изъ Парижа.

VII. Въ 1878 г. папа благословилъ другой католическій банкъ въ Парижѣ, такъ называемый „Бонту", и въ основаніе его положилъ даже собственныя деньги. Но дѣло кончилось, какъ извѣстно, тѣмъ, что банкъ лопнулъ (его обокрали директоръ и члены правленія) и тысячи семействъ сдѣлались нищими. Папа же, впрочемъ, успѣлъ во-время взять свои деньги: его сами воры предупредили.

VIII. Въ 1881 г. папа благословилъ сына бывшей императрицы Евгеніи Луи-Наполеона на войну съ африканскимъ племенемъ зулусами. Зулусы убили Луи-Наполеона.

Напротивъ же, говорится въ книгѣ, тѣ лица, которыхъ папа проклялъ, счастливо окончили задуманныя дѣла и спокойно живутъ до сего времени или же со славою и честію сошли въ могилу и какъ на примѣры указывается на Каура, Гарибальди, Виктора-Эммануила, Бисмарка и др.

то римско-католическое духовенство подняло страшный шумъ и вышло изъ сената, какъ только вошелъ сюда Коссовъ. Но особенно недовольны были Зборовскимъ миромъ уніаты, такъ какъ они, въ силу сего мира, должны были вернуть православнымъ многія богатыя имѣнія; поэтому уніаты при всякомъ удобномъ случаѣ старались подбить польское правительство къ нарушенію этого мира.

И дѣйствительно, въ 1651 г., въ февралѣ мѣсяцѣ, опять начались непріязненныя дѣйствія между казаками и поляками. Первые нарушили миръ поляки: коронный обозный гетманъ Калиновскій въ мѣстечкѣ Краснопольѣ напалъ внезапно на казацкаго полковника Даніила Нечая, разбилъ его и самого убилъ. Послѣ этого, и Хмельницкій, и Янъ-Казимиръ начали энергично готовиться къ борьбѣ. Король по этому случаю объявилъ „посполитое рушенье", т. е. поголовное ополченіе.

20 іюня около мѣстечка Берестечка между Хмельницкимъ и Яномъ-Казимиромъ произошла кровопролитная битва. Битва эта, благодаря измѣнѣ татаръ, кончилась не въ пользу Хмельницкаго: онъ, потерявши 30,000 человѣкъ убитыми и ранеными, долженъ былъ отступить. Но берестечковское пораженіе не слишкомъ ослабило Хмельницкаго: черезъ мѣсяцъ онъ имѣлъ уже у себя болѣе 50,000 человѣкъ войска, съ которымъ и выступилъ снова противъ поляковъ. Произошли двѣ новыхъ битвы—одна подъ Хвостовымъ, другая около Бѣлой-Церкви. Исходъ этихъ двухъ битвъ хорошо неизвѣстенъ, но, судя по послѣдствіямъ, нужно предположить, что онъ былъ не вполнѣ счастливъ для Хмельницкаго: мы видимъ, что Хмельницкій послѣ этихъ двухъ битвъ первый посылаетъ пословъ къ Яну-Казимиру съ предложеніемъ мира. Миръ дѣйствительно былъ заключенъ въ мѣстечкѣ Бѣлой-Церкви 28 сентября 1651 года. Самыя условія этого мира ясно свидѣтельствуютъ, что въ послѣднихъ битвахъ Хмельницкій потерпѣлъ неудачу, такъ такъ принужденъ былъ согласиться на многія уступки, а именно: вмѣсто прежняго числа 40,000 реестровыхъ казаковъ положено было содержать ихъ только 20,000 и, что всего обиднѣе было для казаковъ, жидамъ дозволялось жить въ Малороссіи.

Послѣ Бѣлоцерковскаго мира ясно стало, что отъ поляковъ нельзя уже ожидать улучшенія быта казаковъ, а потому Хмельницкій обратился къ единовѣрному московскому государю Алексѣю Михайловичу и сталъ настойчиво просить его, чтобы онъ принялъ Малороссію „подъ свою высокую руку". Государь долго не соглашался и старался примирить казаковъ съ Польшею. Но Хмельницкій и казаки говорили, что они скорѣе пойдутъ въ неволю къ турецкому султану, нежели будутъ терпѣть угнетенія отъ поляковъ. Тогда Алексѣй Михайловичъ созвалъ земскій соборъ и, по рѣшенію его, принялъ Малороссію въ свое подданство. Это было въ началѣ 1654 года.

Борьба за Малороссію. Естественнымъ слѣдствіемъ подчиненія Малороссіи Москвѣ была борьба Московскаго государства съ Польскимъ. Русское правительство, принявши Малороссію въ свое подданство, формально объявило Польшѣ войну. Русскіе, объявивши войну Польшѣ, положили напасть на нее съ двухъ сторонъ: самъ царь Алексѣй Михайловичъ съ главными силами порѣшилъ напасть на Рѣчь Посполитую съ востока, а воевода его Бутурлинъ, соединившись съ Богданомъ Хмельницкимъ, получилъ приказаніе сдѣлать то же самое съ юга.

Получивши отъ русскаго правительства формальное объявленіе войны, поляки также стали готовиться: они тоже организовали двѣ довольно сильныя арміи: одну, тысячъ въ 30, подъ начальствомъ Радзивилла отправили противъ того русскаго отряда, которымъ командовалъ самъ царь, а другую, тысячъ въ 25, подъ начальствомъ Чарнецкаго и Лянкоронскаго двинули въ Подоліе для усмиренія православно-русскаго населенія, которое лишь только узнало, что сторону Хмельницкаго принялъ русскій царь, подняло возстаніе и стало формироваться въ отдѣльные отряды.

Чарнецкій и Лянкоронскій, прибывши въ Подоліе, произвели тамъ, по словамъ современниковъ, убійственную рѣзню; такъ, городъ Немировъ былъ истребленъ до основанія. 3000 человѣкъ, оставшихся въ живыхъ, скрылись было въ одномъ огромномъ монастырскомъ подвалѣ, но тутъ ихъ нашли поляки и стали выкуривать оттуда дымомъ, причемъ предлагали имъ пощаду, если только выдадутъ старшинъ. Но никто не былъ выданъ, всѣ погибли въ дыму. Отсюда поляки разошлись отдѣльными отрядами по разнымъ путямъ и, гдѣ только встрѣчали мѣстечко, деревню, убивали всѣхъ—и стараго, и малаго, а жилища сожигали. Русскіе вездѣ защищались отчаянно, чѣмъ попало: косами, дубьемъ, колодами; „всѣ рѣшились лучше погибнуть, чѣмъ покориться ляхамъ“. Въ мѣстечкѣ Мушировкѣ поляки на первый день Пасхи вырѣзали 5000 русскихъ. Но больше всѣхъ пострадало въ Подоліи отъ польской мести мѣстечко Буша. Мѣстечко это построено было на высокой горѣ и обнесено крѣпкою стѣною; сюда, убѣгая отъ поляковъ, столпилось болѣе 12,000 человѣкъ русскихъ. Зимою 1655 г. Чарнецкій и Лянкоронскій осадили это мѣстечко. Сначала польскіе военачальники начали было убѣждать русскихъ, чтобы они отворили ворота и сдались добровольно; но когда получили отказъ, то отвели воду изъ пруда и затѣмъ, благодаря одному слабо-защищенному мѣсту въ стѣнѣ, ворвались внутрь мѣстечка и стали истреблять всѣхъ безъ разбора—и стараго, и малаго, и больного, и здороваго. Русскіе, видя, что уже ничего не могутъ сдѣлать въ свою защиту, сами зажгли свои дома и начали убивать другъ друга. Женщины кидали въ колодцы своихъ дѣтей и сами бросались за ними. Жена убитаго сотника Завистнаго сѣла на бочку пороха, сказавши: „не хочу послѣ милаго

мужа достаться игрушкою польскимъ жолнерамъ", и взлетѣла на воздухъ. Семьдесятъ женщинъ укрылись съ ружьями недалеко отъ мѣстечка въ пещерѣ, закрытой густымъ терновникомъ. Польскій полковникъ Деларій, открывшій это убѣжище, обѣщалъ имъ жизнь и цѣлость имущества, если они выйдутъ изъ пещеры, но женщины отвѣтили на это выстрѣлами. Деларій велѣлъ отвести воду отъ ближайшаго источника въ пещеру,—и всѣ потонули, ни одна не сдалась. Послѣ разоренія Буши, поляки напали на мѣстечко Демовку и погубили здѣсь около 15,000 человѣкъ.

Конецъ симъ жестокостямъ положили прибывшіе сюда Хмельницкій и Бутурлинъ: они начали разбивать польскія войска и брать городъ за городомъ. Полякамъ пришлось плохо. Въ это же самое время съ сѣвера выступилъ противъ Польши шведскій король Карлъ X. Въ короткое время онъ овладѣлъ Познанью, Краковомъ и Варшавою. Янъ-Казимиръ бѣжалъ въ Силезію, а шведы для того, чтобы прочнѣе утвердиться въ Польшѣ, вступили въ переговоры съ Хмельницкимъ, заключили съ нимъ тѣсный союзъ и даже, какъ говорятъ нѣкоторые, тайный договоръ о раздѣлѣ Польши: Карлъ X думалъ взять себѣ всѣ собственно польскія земли, а Хмельницкій—литовско-русскія.

Въ то время, когда на югѣ Польско-Литовскаго государства происходили вышеозначенныя событія, московскій царь Алексѣй Михайловичъ чрезвычайно удачно велъ войну въ Бѣлоруссіи и собственной Литвѣ. Разбивши подъ Оршею главныя силы поляковъ, предводительствуемыя Радзивилломъ, русскіе потомъ безъ всякаго труда овладѣли Могилевомъ, Полоцкомъ, Витебскомъ, Минскомъ и въ 1655 году подступили къ Вильнѣ. Страшная паника охватила поляковъ, уніатовъ и особенно іезуитовъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что русскіе приближаются къ столицѣ Гедимина: они цѣлыми тысячами, бросая дома и имущества, выселялись изъ города и уходили куда попало. Православное же населеніе, пользуясь этимъ, начало съ ожесточеніемъ нападать и на католиковъ, и на уніатовъ, страшно мстя имъ за тѣ мученія, какія оно претерпѣло отъ нихъ. А когда 8-го августа русское войско вступило въ Вильну, то, по словамъ польскихъ писателей, произошло такое избіеніе католическо-уніатскаго населенія, что всѣ улицы и переулки города были завалены трупами; въ первые три дня по вступленіи сюда русскаго войска погибло будто бы до 25 тысячъ человѣкъ уніатовъ и католиковъ; казаки, какъ передаютъ тѣ же польскіе писатели, не щадили даже умершихъ: они входили въ фамильные склепы и оттуда выбрасывали трупы католиковъ и уніатовъ.

Во время занятія города Вильны русскими войсками, самъ царь Алексѣй Михайловичъ находился въ 50 верстахъ отъ города въ селѣ Крапивнѣ. Спустя три дня послѣ занятія города, Алексѣй Михайловичъ, окруженный блестящею свитою, вступилъ въ столицу Гедимина.

Православное населеніе встрѣтило московскаго царя съ крестомъ, иконами и, какъ защитника православія, съ пѣніемъ церковныхъ гимновъ, а также, по русскому обычаю, съ хлѣбомъ-солью.

Первымъ слѣдствіемъ занятія русскими г. Вильны было обратное полученіе православно-русскимъ населеніемъ всѣхъ церквей, отнятыхъ у нихъ уніатами. Тогда же мощи святыхъ виленскихъ мучениковъ перенесены были изъ Троицкаго монастыря въ Духовскій.

Алексѣй Михайловичъ пробылъ въ Вильнѣ не долго, не болѣе недѣли. Оставивши въ городѣ гарнизонъ въ 4000 человѣкъ, подъ начальствомъ князя Михаила Шаховского, человѣка умнаго и дѣльнаго, царь поспѣшилъ въ Москву.

Князь Шаховской своими кроткими и гуманными мѣрами во внутреннемъ управленіи внушилъ къ себѣ такую любовь и такое довѣріе, что разбѣжавшіеся католики и уніаты вернулись опять въ городъ, который въ короткое время успокоился и принялъ свой обычный видъ. Но въ это время посѣтила Вильну чума; отъ нея, какъ говорятъ, погибла большая половина населенія города.

Съ занятіемъ русскими войсками Литвы и Бѣлоруссіи, а шведскими собственной Польши, положеніе Рѣчи Посполитой сдѣлалось отчаяннымъ. Для спасенія своего погибающаго отечества поляки рѣшились сначала помириться, цѣною какихъ бы то ни было уступокъ, съ самымъ страшнымъ и грознымъ врагомъ, царемъ русскимъ. Съ этою цѣлію они обратились къ германскому императору Фердинанду III съ просьбою взять на себя ходатайство предъ Алексѣемъ Михайловичемъ о мирѣ. Германскій императоръ принялъ просьбу поляковъ и черезъ своихъ пословъ дѣйствительно обратился къ русскому царю съ предложеніемъ заключить миръ съ поляками. Послѣ долгихъ колебаній царь согласился помириться. 3-го іюня 1656 года въ г. Вильнѣ и былъ заключенъ миръ между русскими и поляками. Въ силу этого мира московскій царь признанъ былъ, во-первыхъ, наслѣдникомъ Рѣчи Посполитой; во-вторыхъ, къ Московскому государству присоединялась Бѣлоруссія и Малороссія; въ-третьихъ, наконецъ, дано слово уничтожить унію. Къ заключенію мира русскихъ съ поляками, кромѣ ходатайства германскаго императора предъ русскимъ царемъ, побудило еще и то, что шведскій король Карлъ X, завладѣвши Познанью, Краковомъ и Варшавою, сталъ заявлять притязаніе и на тѣ города Рѣчи Посполитой, которые уже принадлежали русскимъ по праву завоеванія.

Вѣсть о мирѣ Алексѣя Михайловича съ поляками дошла до Хмельницкаго, который въ это время лежалъ больнымъ въ Чигиринѣ, и страшно его поразила. Онъ немедленно послалъ къ Алексѣю Михайловичу своихъ пословъ съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ умолялъ царя не заключать мира съ поляками. Но старый гетманъ не дождался возвращенія своихъ пословъ отъ царя: 15-го августа

1657 года онъ скончался въ Чигиринѣ. 30-го августа тѣло его при колокольномъ звонѣ и пушечныхъ выстрѣлахъ привезено было въ Суботово. Когда гробъ съ тѣломъ гетмана опускали въ землю, то казаки подняли такой плачъ, что заглушили имъ и звонъ колоколовъ, и пушечные выстрѣлы. „То не вѣтры осенніе въ дубравѣ бушуютъ, то плачутъ и воютъ казаки, погребая батьку своего, стараго гетмана Хмельницкаго!“ поетъ одна народная дума. Впослѣдствіи Чарнецкій вынулъ изъ могилы гробъ Хмельницкаго и тѣло человѣка, потрясшаго могущество Польши, куда-то забросилъ.

Заключивши миръ съ Польшею, Алексѣй Михайловичъ двинулъ свои войска противъ Карла X. Сначала походъ на шведовъ былъ удаченъ для русскихъ, но потомъ счастье имъ измѣнило и они, проигравши нѣсколько битвъ, въ 1661 году въ г. Кардисѣ (Лифляндской губ., Дерптскаго уѣзда) заключили съ шведами миръ.

Но въ то самое время, когда русскіе вели войну съ шведами, поляки успѣли оправиться и притомъ настолько, что объявили войну русскимъ. Такимъ образомъ, произошла новая борьба между русскими и поляками; но на этотъ разъ она была не вполнѣ удачна для русскихъ, какъ это было въ первый разъ.

Поляки, объявивши русскимъ войну, собрали значительное войско и подъ начальствомъ Гонсевскаго напали на русскую армію, находившуюся со времени отъѣзда Алексѣя Михайловича изъ Вильны около сего города, въ предмѣстьѣ Веркахъ, подъ командою воеводы Долгорукаго. 11 октября 1658 г. около Верокъ между русскими и поляками произошла первая битва, которая кончилась пораженіемъ поляковъ, причемъ и самъ Гонсевскій попался въ плѣнъ и былъ отосланъ Долгорукимъ въ Москву. Но Долгорукій не воспользовался своею побѣдою: вмѣсто того, чтобы укрѣпить Вильну и, засѣвши въ ней, ждать подкрѣпленія, онъ оставилъ въ городѣ небольшой гарнизонъ подъ начальствомъ Шаховского и удалился по направленію къ Москвѣ. Шаховской болѣе года мужественно отбивался отъ нападеній поляковъ, пока не былъ вызванъ въ Москву. Оставляя Вильну, онъ передалъ начальство надъ русскимъ гарнизономъ боярину Мышецкому, человѣку въ высшей степени стойкому, храброму и обладавшему желѣзною силою воли.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1661 года подъ стѣнами Вильны явился литовскій гетманъ Михаилъ Пацъ. На Страстной недѣлѣ онъ задумалъ было вступить въ самый городъ, но на улицахъ его встрѣтили русскіе изъ гарнизона Мышецкаго и начали съ ними убійственную рѣзню. Болѣе десяти часовъ продолжалась эта рѣзня, пока русскіе, подавленные численнымъ превосходствомъ поляковъ, не удалились въ верхній и нижній замки и не засѣли тамъ.

Восемь мѣсяцевъ еще держался Мышецкій въ виленскихъ замкахъ, не падая духомъ и неутомимо работая надъ поддержаніемъ и разви-

тіемъ укрѣпленій замковъ. Начались приступы, Мышецкій мужественно отбивалъ ихъ. Но ясно было, что, не смотря на его сверхъестественную силу и энергію, онъ не въ состояніи будетъ долго продержаться, такъ какъ у него осталось всего восемьдесятъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, на требованіе сдаться, онъ отвѣтилъ, что скорѣе умретъ голодною смертію, чѣмъ это сдѣлаетъ. Король велѣлъ готовиться къ новому приступу и притомъ самому энергическому. Узнавши объ этомъ, Мышецкій приказалъ вкатить въ свою комнату 10 бочекъ пороху, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ овладѣнія замками, взорвать немедленно на воздухъ и себя, и своихъ товарищей по защитѣ. Но этого ему не удалось исполнить: нашлись измѣнники, которые за обѣщанную награду связали Мышецкаго по рукамъ и ногамъ и выдали Яну-Казимиру. Одна изъ русскихъ лѣтописей сохранила даже и имена сихъ измѣнниковъ: Ивашка Чемиха, Антошка поваръ и Сенька подъячій. Когда Мышецкаго привели къ Яну-Казимиру, то онъ не поклонился королю; сконфуженный король сейчасъ же удалился изъ той комнаты, гдѣ былъ Мышецкій; вмѣсто себя онъ прислалъ Паца, чтобы спросить Мышецкаго, какое онъ желаетъ испросить милосердіе отъ короля? „Никакого", отвѣчалъ герой. „Тебя казнятъ", сказали ему поляки. „За что? Ужели за то, что я свято исполнилъ свой долгъ, защищая честь своего государя? да я въ этомъ клялся животворящимъ крестомъ!" сказалъ Мышецкій. Слова эти показались слишкомъ дерзкими; его предали военному суду, который приговорилъ Мышецкаго къ смертной казни. Это было въ 1661 году 28 ноября. Іезуиты упросили отложить казнь на два дня; они думали употребить это время на увѣщаніе его принять католичество; но, не смотря на всѣ увѣщанія и даже застращиванія лютыми пытками, Мышецкій остался вѣренъ православію. 30 ноября подъ сильнымъ конвоемъ привели Мышецкаго на площадь и поставили на эшафотъ. Предъ самою казнію Мышецкій попросилъ палача, чтобы тотъ дозволилъ ему помолиться; палачъ дозволилъ. Мышецкій помолился на церковь, затѣмъ поклонился на всѣ четыре стороны и сдѣлалъ три земныхъ поклона по направленію къ тому дому, гдѣ жилъ Янъ-Казимиръ; когда же ему замѣтили, что теперь короля нѣтъ въ домѣ, то Мышецкій отвѣтилъ: „это все равно, лишь бы Богъ видѣлъ, что я прощаю короля и прощаюсь съ нимъ заочно." Собственный поваръ Мышецкаго, перешедшій къ полякамъ и принявшій католичество, отрубилъ ему голову. Тѣло Мышецкаго похоронено было въ Свято-Духовскомъ монастырѣ.

Смертію Мышецкаго кончилось господство русскихъ въ Вильнѣ, гдѣ оно продолжалось пять или шесть лѣтъ. Алексѣй Михайловичъ не могъ подать помощи Мышецкому вслѣдствіе внутреннихъ смутъ въ своемъ собственномъ государствѣ.

Такимъ образомъ, послѣ нарушенія поляками Виленскаго договора, состоявшагося 3 іюня 1656 г., дѣло русскихъ въ собственной Литвѣ кончилось, какъ мы видѣли, полною неудачею. Что же касается Малороссіи, за которую собственно и началась борьба, то и тамъ теченіе дѣлъ приняло не вполнѣ благопріятный оборотъ для русскихъ. Въ Малороссіи по смерти Богдана Хмельницкаго власть надъ казаками захватилъ генеральный писарь Иванъ Выговскій. Сдѣлавшись гетманомъ, онъ измѣнилъ русскимъ и перешелъ на сторону поляковъ; мало того, Выговскій въ 1659 году даже напалъ на одинъ изъ русскихъ отрядовъ, предводительствуемый Трубецкимъ, и подъ Конотопомъ разбилъ его на голову. Но Выговскій, впрочемъ, недолго былъ гетманомъ: русская партія (тамъ было ихъ двѣ—русская и польская) скоро взяла верхъ, лишила его власти и вмѣсто него избрала гетманомъ сына умершаго Хмельницкаго—Юрія Хмельницкаго, затѣмъ малороссійское казачество снова признало власть Москвы.

Между тѣмъ, поляки, покончивши съ русскими въ собственной Литвѣ, подъ предводительствомъ двухъ очень искусныхъ полководцевъ, Чарнецкаго и Любомирскаго, двинули сильную армію въ Малороссію, чтобы и оттуда выгнать русскихъ, находившихся въ это время тамъ подъ начальствомъ Шереметьева. Двигаясь въ Малороссію противъ русскихъ, Чарнецкій и Любомирскій не сомнѣвались въ успѣхѣ, какъ это видно теперь изъ ихъ собственноручныхъ писемъ, потому что тамъ было много доброжелателей Рѣчи Посполитой и ея соціально-государственнаго устройства, особенно между казаками-дворянами; притомъ польскимъ полководцамъ извѣстно было, что Шереметьевъ, главный начальникъ всѣхъ русскихъ войскъ въ Малороссіи, не пользовался уваженіемъ даже среди русскаго населенія страны; это былъ человѣкъ высокомѣрный, суровый и даже жестокій; своими незаконными дѣйствіями онъ навлекъ на себя ненависть почти всей Малороссіи.

По прибытіи въ Малороссію Чарнецкій и Любомирскій прежде всего напали на Юрія Хмельницкаго. Битва произошла 7 октября 1662 года. Во время этой битвы сынъ Богдана Хмельницкаго обнаружилъ полнѣйшую бездарность и въ добавокъ такую трусость, что первый бросилъ поле битвы и побѣжалъ, куда глаза глядятъ; затѣмъ онъ вступилъ въ переговоры съ поляками, передался на ихъ сторону, причемъ отказался отъ гетманства и, спустя два года, постригся въ монахи.

Покончивши съ казаками, Чарнецкій и Любомирскій напали на самого Шереметьева. Вслѣдствіе измѣны одного изъ казацкихъ полковниковъ, находившагося въ русскомъ войскѣ, по имени Николы Цыцуры, Шереметьевъ проигралъ битву и положилъ оружіе передъ польскими полководцами. Послѣднее обстоятельство было причиною

того, что вся правая сторона Днѣпра признала свою зависимость отъ Рѣчи Посполитой. 6 января 1663 года для казаковъ правой стороны Днѣпра поляки поставили гетманомъ переяславскаго полковника Павла Тетерю.

Въ то самое время, когда правая сторона Днѣпра, благодаря удачнымъ дѣйствіямъ Чарнецкаго и Любомирскаго, перешла подъ власть Польши, лѣвая сторона осталась вѣрна Московскому государству. Тутъ малороссійское казачество 17 іюня 1663 г. цѣлою радою избрало своимъ гетманомъ бывшаго слугу Богдана Хмельницкаго, Ивана Брюховецкаго, о чемъ сейчасъ же донесено было московскому правительству, которое немедленно и утвердило это избраніе.

Съ избраніемъ на правой сторонѣ Днѣпра въ гетманы Тетери, а на лѣвой—Брюховецкаго, Малороссія раздѣлилась на двѣ части: правую, или польскую и лѣвую, или московскую. Это дѣленіе осталось надолго—до самаго паденія Польши. Но какъ на той, такъ и на другой сторонѣ волненія и бунты не прекращались въ продолженіе всего этого времени. По большей части волненія и бунты происходили вслѣдствіе того, что въ Малороссіи образовались двѣ партіи: одна шляхетско-казацкая (чиновничья), проникнутая духомъ шляхетской вольности и потому стремившаяся къ подчиненію Рѣчи Посполитой, другая же демократическая, народная, желавшая подчиненія Москвѣ [1]).

Послѣ раздѣленія Малороссіи на двѣ части и избранія отдѣльныхъ гетмановъ въ каждой изъ этихъ частей, борьба съ Малороссіи не только не прекратилась, но еще болѣе усилилась. Въ 1664 г. Чарнецкій вмѣстѣ съ Тетерею перешелъ на лѣвую сторону Днѣпра, намѣреваясь опустошить ее, но былъ прогнанъ оттуда Брюховецкимъ и запорожцами, которые, въ свою очередь, переправились на правую сторону Днѣпра и разорили тамъ много хуторовъ, принадлежавшихъ польскимъ панамъ. Въ слѣдующемъ году Чарнецкій съ Тетерею снова повторилъ свой походъ на лѣвую сторону Днѣпра, но и на этотъ разъ не вполнѣ удачно. Правда, Чарнецкій опустошилъ много русскихъ селеній, ограбилъ и сжегъ Суботово, гдѣ, между прочимъ, вынулъ изъ могилы гробъ Хмельницкаго и тѣло героя, какъ мы уже разъ замѣтили, куда-то забросилъ; но за то въ одной изъ стычекъ съ казаками онъ получилъ смертельную рану, отъ которой и умеръ. Русскій народъ видѣлъ въ этомъ наказаніе Божіе за поруганіе надъ тѣломъ Хмельницкаго.

По смерти Чарнецкаго другъ его Тетера не долго оставался гетманомъ: въ началѣ 1665 г. противъ него возстали казаки правой сто-

---

[1]) Замѣчательно, съ кѣмъ бы русскіе государи не вели войны—простой народъ, чернь, той стороны, съ кѣмъ велась война, всегда стоялъ на ихъ сторонѣ и льнулъ къ нимъ. Это, очевидно, показываетъ, что русскіе государи сами глубоко проникнуты любовью къ народу и демократическимъ духомъ.

роны Днѣпра и хотѣли убить его, и онъ спасся только тѣмъ, что бѣжалъ въ Турцію и тамъ умеръ. Вмѣсто него на правой сторонѣ Днѣпра былъ избранъ гетманомъ и утвержденъ польскимъ правительствомъ Дорошенко.

Послѣ смерти Чарнецкаго и бѣгства Тетери, война между русскими и поляками продолжалась еще полтора года. Затѣмъ оба государства—Русское и Польское—утомленныя долгою войною, рѣшились помириться: 30-го января 1667 г. въ деревнѣ Андрусовѣ (Смоленской губ., Красн. уѣзда) миръ этотъ и былъ заключенъ. По этому миру Московское государство получило Смоленскъ, Сѣверскую область, а также часть Малороссіи, именно ту, которая лежала по лѣвую сторону Днѣпра, съ прибавленіемъ небольшой части правой; Кіевъ тоже былъ уступленъ Россіи,—правда, на два года только, какъ значилось въ договорѣ, но онъ уже не былъ возвращенъ Польшѣ.

Но Андрусовскимъ миромъ остались очень недовольны гетманы обѣихъ сторонъ Днѣпра—Дорошенко и Брюховецкій. Они, не желая подчиниться условіямъ сего мира, рѣшились передаться со всею Малороссіею турецкому султану, чтобы потомъ, подъ охраною его, въ качествѣ султанскихъ намѣстниковъ, управлять ею. Для разработки частностей этого плана оба гетмана съѣхались на лѣвой сторонѣ Днѣпра, около мѣстечка Опочны, но тутъ произошелъ споръ между ними, который затѣмъ перешелъ въ ссору и кончился тѣмъ, что Дорошенко убилъ Брюховецкаго и объявилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Съ этого времени до 1677 г. событія въ Малороссіи вращаются около этой личности. Дѣятельность Дорошенки началась въ послѣдній годъ царствованія Яна-Казимира и потомъ продолжалась при польскомъ королѣ Михаилѣ Вишневецкомъ, кончилась же въ третій годъ царствованія Собѣсскаго.

Послѣ Андрусовскаго мира Янъ-Казимиръ оставался королемъ польскимъ не болѣе года. Продолжительныя войны съ казаками и московскимъ государемъ, внутренніе безпорядки, борьба съ однимъ изъ своихъ подданныхъ [1]) и, наконецъ, смерть любимой супруги потрясли здоровье короля до того, что онъ рѣшился отказаться отъ престола и остатокъ дней своихъ провести въ тишинѣ и спокойствіи. Въ 1668 году, въ на-

---

[1]) Жена Яна-Казимира Ядвига хотѣла передать польскій престолъ своему племяннику Генриху, французскому принцу, сыну Конде; но противъ этого возсталъ сенатъ, а особенно маршалъ и гетманъ коронный Любомирскій, а это такъ оскорбило королеву, что она, помирившись въ сеймомъ, уговорила сей послѣдній лишить Любомирскаго чести и имѣнія, какъ измѣнника отечества. Обиженный и раздраженный Любомирскій собралъ 12 т. войска и пошелъ войною противъ короля. Произошелъ цѣлый рядъ довольно крупныхъ стычекъ, въ которыхъ остался побѣдителемъ Любомирскій, не смотря на то, что имѣлъ вдвое менѣе войска.

чалѣ сентября, Янъ-Казимиръ созвалъ въ Варшавѣ сеймъ. 16-го числа того же мѣсяца онъ, явившись въ залу сеймовыхъ засѣданій, отказался отъ правленія и сложилъ съ себя корону. При этомъ благородный король произнесъ замѣчательную рѣчь и, между прочимъ, сказалъ: „дай Богъ, чтобы я не былъ пророкомъ, но говорю вамъ: если вы не исправитесь, если вы не измѣните вашихъ порядковъ и вашихъ мнимо-свободныхъ избраній и если не откажетесь отъ нѣкоторыхъ вашихъ вольностей, то Рѣчь Посполитая сдѣлается жертвою иноземцевъ, именно: Москва оторветъ русскія земли и Литву до самаго Буга, Нарева и даже Вислы. Пруссія отниметъ Великую Польшу и польскую Пруссію. Австрія же, видя, что другіе дѣлятъ между собою наше добро, кинется на Краковское и смежныя воеводства, и каждая изъ сосѣднихъ державъ пожелаетъ лучше владѣть частію нашего государства, чѣмъ имѣть его все съ вашими нынѣшними вольностями [1]).

Отказавшись отъ престола, король уѣхалъ во Францію, гдѣ сдѣланъ былъ аббатомъ Сенъ-Жерменскаго монастыря и прожилъ еще четыре года, получая изъ Польши 150 т. злотыхъ пенсіи. Янъ-Казимиръ былъ человѣкъ умный и благородный; если бы онъ могъ дѣйствовать самостоятельно, то навѣрное сдѣлалъ бы Польшу счастливою. За преслѣдованіе диссидентовъ папа Александръ VII далъ ему титулъ правовѣрнаго. Онъ умеръ въ 1672 г. 16-го декабря въ Невѣрѣ; тѣло его перевезено было въ Краковъ и положено въ соборѣ.

Михаилъ Вишневецкій.

1669—1673 г.

Послѣ отреченія Яна-Казимира отъ престола, поляки приступили къ избранію новаго короля. Въ числѣ кандидатовъ былъ выставленъ и сынъ Алексѣя Михайловича Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Но когда 19-го іюня 1669 г. произведены были выборы, то на престолъ Рѣчи Поспо-

---

[1]) При Янѣ-Казимирѣ въ 1652 г. вошло въ обыкновеніе срывать сеймы. До 1652 г. на польскихъ сеймахъ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, хотя для формы въ протоколахъ употреблялась фраза „по единогласному рѣшенію“. Но въ этомъ году на сеймѣ въ Варшавѣ панъ Сицинскій, депутатъ Упитскаго повѣта, первый употребилъ слово „не позвалямъ“ (т. е. не соглашаемся съ постановленіемъ сейма) и этимъ пріостановилъ опредѣленія сейма, или, какъ говорятъ поляки: „Разорвалъ сеймъ“. Поступокъ Сицинскаго такъ понравился всѣмъ польскимъ панамъ, что съ тѣхъ поръ слово „не позвалямъ“ все болѣе и болѣе примѣнялось на практикѣ.

Говорятъ, что Сицинскій, возвращаясь домой съ сейма (дѣло было предъ Рождествомъ Христовымъ) былъ убитъ громомъ. Тѣло его почему то не разложилось и до настоящаго времени оно находится нетлѣннымъ въ упитскомъ костелѣ (Ковенской губерніи), на хорахъ.

литой попалъ человѣкъ, менѣе всего объ этомъ думавшій, именно— Михаилъ-Корибутъ Вишневецкій (сынъ извѣстнаго Іереміи Вишневецкаго). Говорятъ, когда къ нему явилась депутація отъ сейма съ извѣщеніемъ о его избраніи, то онъ въ ужасѣ вскрикнулъ: „Господи, да мимо идетъ меня сія чаша!“ Но какъ ни отказывался онъ отъ этой чаши, а все-таки долженъ былъ испить ее до дна. 24-го сентября Михаилъ короновался.

Тяжело было царствованіе Михаила Вишневецкаго. Сенаторы убѣдили его жениться на австрійской принцессѣ. Но лишь только она вышла за него замужъ, какъ возненавидѣла своего супруга и стала на сторону его враговъ, которыхъ у Михаила было много. Каждый почти сеймъ, созываемый въ его царствованіе, былъ срываемъ криками: „не позвалямъ!“ Вмѣсто того, чтобы разсуждать о дѣлахъ государственныхъ, паны, съѣхавшіеся на сеймъ, только ссорились между собою, да вызывали другъ друга на дуэли и рѣзались въ глазахъ короля. И года не прошло послѣ избранія Михаила Вишневецкаго на престолъ, какъ примасъ архіепископъ Пражмовскій и коронный гетманъ Янъ Собѣсскій составили противъ него заговоръ, съ цѣлію лишить власти; къ сему заговору присоединилась, говорятъ, даже и жена Михаила Екатерина. И заговоръ навѣрное былъ бы приведенъ въ исполненіе, если бы краковскій епископъ Тржебицкій не постарался разрушить его, въ виду того, что въ это время представлялась война съ турецкимъ султаномъ Магометомъ IV, котораго вооружилъ противъ Польши Дорошенко. Дѣло въ томъ, что Дорошенко, объявивши себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, передался подъ покровительство султана и этимъ самымъ вовлекъ Польшу въ борьбу съ Турціей.

Въ 1672 г., въ половинѣ іюля, Магометъ IV, во главѣ огромнаго, войска, самъ лично выступилъ противъ Польши. При урочищѣ Батогѣ въ Подоліи между польскими войсками, которыми предводительствовали Холенко и Лужецкій, и Магометомъ IV произошла кровопролитная битва, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ поляковъ. Затѣмъ султанъ осадилъ городъ Каменецъ, гдѣ былъ небольшой гарнизонъ. Черезъ два дня городъ сдался. 19-го сентября султанъ торжественно вступилъ въ Каменецъ, причемъ, какъ разсказываютъ, турки по грязнымъ улицамъ города, по которымъ долженъ былъ проѣзжать Магометъ IV, клали образа святыхъ въ знакъ торжества ислама надъ христіанствомъ. Всѣхъ жителей султанъ пощадилъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ красивыхъ дѣвушекъ, которыхъ онъ и его генералы взяли къ себѣ въ гаремы.

Побѣда Магомета IV при Батогѣ поразила польское правительство до крайности: слабый король, не имѣя ни войска, ни денегъ, поспѣшилъ заключить съ султаномъ подъ Бучатомъ, въ Галиціи, миръ. По

сему миру поляки уступили туркамъ Подоліе, Украйну по правую сторону Днѣпра и обязались каждогодно платить имъ дань въ количествѣ 22,000 червонцевъ [1]).

Такой постыдный миръ сильно задѣлъ за живое всѣхъ поляковъ и они рѣшились во что бы то ни стало смыть этотъ позоръ путемъ войны. Въ 1673 году, въ концѣ лѣта, поляки собрали сильное войско и подъ предводительствомъ короннаго гетмана Собѣскаго двинули его противъ турокъ. Самъ король принялъ было участіе въ этомъ походѣ, но на дорогѣ заболѣлъ и 10-го ноября въ г. Львовѣ умеръ; въ это время ему было только 35 лѣтъ отъ роду.

Между тѣмъ Собѣскій, не зная о смерти короля, продолжалъ двигаться противъ турокъ; 12-го ноября (слѣдовательно, на другой день по смерти Михаила) онъ подошелъ къ главному ихъ лагерю около Хотина и, пользуясь туманомъ, стремительно напалъ на лагерь. Битва была кровопролитная и кончилась совершеннымъ пораженіемъ турокъ. Послѣ этого гетманъ хотѣлъ было совсѣмъ выгнать турокъ изъ Малороссіи и началъ къ тому готовиться, но вдругъ получилъ извѣстіе о смерти короля, бросилъ войско и немедленно поскакалъ въ Варшаву, гдѣ стали приготовляться къ избранію новаго короля, а Собѣскій самъ мѣтилъ на престолъ Рѣчи Посполитой.

---

[1]) Послѣ Бучатскаго мира въ Малороссіи, по правую сторону Днѣпра, въ качествѣ султанскаго намѣстника, остался Дорошенко. Но положеніе его теперь было въ высшей степени тяжелое и даже опасное: турки ему не довѣряли, а христіане ненавидѣли его за союзъ съ Турціей. Промучившись года четыре, Дорошенко вступилъ въ переговоры съ московскимъ царемъ и просилъ его принять подъ „свою высокую руку" Малороссію правой стороны Днѣпра. Московскій царь согласился на предложеніе Дорошенки, вызвалъ его въ Москву и обласкалъ. Но Дорошенко уже не возвратился въ Малороссію: его сдѣлали воеводою, подарили село Ярополче (Волоколамскаго уѣзда) съ 1000 дворами крестьянъ и поселили въ немъ. Въ Малороссіи же русское правительство сдѣлало гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра (правой и лѣвой) Самойловича. Между тѣмъ о дѣйствіяхъ Дорошенки и русскаго правительства узнала Турція и объявила войну. Война эта продолжалась года три и извѣстна подъ именемъ „Чигиринскихъ походовъ". Въ 1681 году въ Бахчисараѣ (въ Крыму) былъ заключенъ миръ, по которому русскіе удержали за собою лѣвую сторону Днѣпра, часть правой и Запорожье.

Примѣчаніе. Послѣ Самойловича русское правительство назначило малороссійскимъ гетманомъ Ивана Мазепу. Послѣднимъ казацкимъ малороссійскимъ гетманомъ былъ Разумовскій. Екатерина Вторая въ 1671 году уничтожила отдѣльное управленіе Малороссіи и отмѣнила существовавшее тамъ гетманское достоинство. Тогда же прекратила свое существованіе и извѣстная Запорожская Сѣчь.

Янъ Собѣсскій.

1674—1696 г.

Болѣе десяти кандидатовъ явилось на польскій престолъ, когда начались выборы. Къ числу сихъ кандидатовъ принадлежалъ и сынъ Алексѣя Михайловича Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Въ качествѣ кандидата на престолъ Рѣчи Посполитой Ѳеодора Алексѣевича выставила литовско-русская партія, во главѣ которой стояли: гетманъ Пацъ, князь Огинскій, Бристовскій и др.; при этомъ литовско-русская партія поставила русскому царевичу слѣдующія условія: принять католичество, вступить въ бракъ съ вдовою Михаила Вишневецкаго, возвратить Польшѣ всѣ завоеванныя отъ нея прежними русскими царями земли и дать денегъ на войну съ Турціей. Алексѣй Михайловичъ не согласился отпустить своего сына въ Польшу на подобныхъ условіяхъ.

8 мая 1674 г. поляки избрали королемъ Яна Собѣсскаго. Выборъ былъ очень удаченъ: Собѣсскій принадлежалъ къ числу выдающихся полководцевъ своего времени.

Все царствованіе Яна Собѣсскаго наполнено борьбою съ турками. Уже въ первые годы своего правленія, Собѣсскій своими побѣдами надъ турками успѣлъ смыть съ Польши то пятно, которое положилъ на нее его предшественникъ Вишневецкій при заключеніи Бучатскаго мира. Очистивши Малороссію и Подолію отъ турокъ и поразивши ихъ подъ Вѣною 12 сентября 1683 г., Собѣсскій составилъ планъ объ изгнаніи ихъ изъ Европы. Съ этою цѣлію онъ пригласилъ многихъ европейскихъ государей составить священный союзъ и общими силами ударить на враговъ креста Господня. Важнѣе всего для него была помощь Россіи. Но русское правительство не прежде согласилось помогать полякамъ, какъ вынудивъ у нихъ заключеніе вѣчнаго мира, уступки Кіева навсегда и права ходатайствовать предъ сеймомъ за своихъ единовѣрцевъ. Со слезами на глазахъ Собѣсскій согласился на эти условія. Вслѣдъ затѣмъ польскій король началъ было борьбу съ турками и даже разбилъ ихъ въ нѣсколькихъ битвахъ, но плана своего не осуществилъ: во-первыхъ, союзники ему плохо помогали, а во-вторыхъ, помѣхою этому были безпорядки внутри собственнаго государства, именно: въ Рѣчи Посполитой въ сіе время по прежнему шло преслѣдованіе православныхъ, которое поглощало всѣ силы польскихъ пановъ, такъ что имъ не было времени заняться турками.

Положеніе православныхъ въ Рѣчи Посполитой при Янѣ Собѣсскомъ. Шумлянскій [1]). Отношенія между Россіею и Польшею при

---

[1]) При написаніи этой статьи въ нашей исторіи мы пользовались многими источниками и пособіями, но преимущественно Архивомъ Юго-Западной Россіи

Собѣсскомъ были, какъ мы видѣли, болѣе дружественныя, чѣмъ враждебныя. Но положеніе православно-русскаго населенія въ Рѣчи Посполитой при этомъ королѣ было тяжело и даже безотрадно по прежнему. Сказать правду, положеніе православныхъ при немъ было даже болѣе невыносимымъ, чѣмъ при его предшественникахъ. При Собѣсскомъ надъ православными производились тѣ же насилія, что и при Сигизмундѣ III, только въ болѣе суровой формѣ.

Въ первый же годъ царствованія Яна Собѣсскаго, польское правительство задумало посредствомъ подарковъ и разнаго рода выгодныхъ обѣщаній склонить къ уніи тѣхъ православныхъ епископовъ, которые еще остались въ Рѣчи Посполитой вѣрными восточному исповѣданію. Такихъ епископовъ было два (за исключеніемъ бѣлорусскаго): львовскій—Іосифъ Шумлянскій, человѣкъ умный, хитрый и ловкій, и перемышльскій—Иннокентій Винницкій [1]). Въ 1675 г. польское правительство и обратилось къ одному изъ нихъ, именно, къ Шумлянскому, какъ болѣе умному и авторитетному въ глазахъ православныхъ, съ предложеніемъ: не пожелаетъ ли онъ за извѣстное вознагражденіе перейти въ унію и затѣмъ содѣйствовать обращенію въ сіе исповѣданіе всѣхъ остальныхъ лицъ православно-русскаго населенія? Шумлянскій съ радостію принялъ это предложеніе; онъ обѣщался склонить и Винницкаго на свою сторону, а также образовать особый кружокъ, который бы энергически дѣйствовалъ въ пользу уніи, и, въ заключеніе, обѣщался представить особый проектъ, какъ нужно дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ, чтобы не произвести волненія.

Заручившись категорическимъ обѣщаніемъ Шумлянскаго, польское правительство въ 1676 г. по этому поводу созвало въ Варшавѣ сеймъ.

т. IV и прекрасною статьею уважаемаго проф. В. Б. Антоновича „Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи съ половины XVII до конца XVIII столѣтія", помѣщенной въ томъ же Архивѣ Юго-Западной Россіи за 1871 г.

[1]) Всѣхъ православныхъ епархій въ Рѣчи Посполитой въ это время было пять: Львовская, Полоцкая, Перемышльская, Луцкая и Бѣлорусская, но епископовъ было только три: Іосифъ Шумлянскій управлялъ Львовскою и Галицкою епархіею, Иннокентій Винницкій—Перемышльскою; въ Луцкой же въ это время не было епископа, послѣдній ея епископъ Гедеонъ Четвертинскій избранъ былъ въ кіевскіе митрополиты; впослѣдствіи эта епархія отдана была брату Шумлянскаго, когда самъ Іосифъ Шумлянскій принялъ унію. Остается одна только отдаленная Бѣлорусская епархія, въ которой въ эпоху Шумлянскаго дѣйствительно былъ епископъ, но по своей старости и слабости онъ не казался опаснымъ польскому правительству, а потому, когда велись переговоры съ Шумлянскимъ, о чемъ сейчасъ будетъ говориться, на него не было обращено никакого вниманія. Къ этому нужно еще прибавить, что хотя Бѣлорусская епархія и просуществовала до паденія Рѣчи Посполитой, но іерархи ея никогда не были руководителями дѣлъ православной церкви на всемъ пространствѣ Литовскаго государства.

На этомъ сеймѣ положено было употребить самыя энергическія средства какъ для ослабленія православія въ Рѣчи Посполитой, такъ и для обращенія православныхъ въ унію. Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ Варшавскій сеймъ началъ обнародывать все болѣе и болѣе враждебныя православнымъ законоположенія [1]). Такихъ законоположеній при Янѣ Собѣсскомъ издано было нѣсколько, но мы приведемъ только два изъ нихъ, какъ болѣе важныя и притомъ отличающіяся своею суровостію:

I. „Православныя братства не должны сноситься съ восточными патріархами по дѣламъ вѣры, какъ это было прежде; если у нихъ явятся спорные религіозные вопросы, то за рѣшеніемъ ихъ они должны обращаться или къ мѣстнымъ епископамъ, или же къ свѣтскимъ судамъ.“

---

[1]) Хотя польское правительство ввело унію въ Рѣчи Посполитой при Сигизмундѣ III, но, тѣмъ не менѣе, оно долго, по крайней мѣрѣ до половины XVII столѣтія, не предпринимало ничего враждебнаго противъ православно-русской народности путемъ законодательныхъ мѣръ. Только съ половины XVII столѣтія или, лучше сказать, послѣ заключенія Андрусовскаго договора, польское правительство начало прибѣгать къ этой системѣ, т. е., издавать законоположенія, направленныя къ стѣсненію православно-русской народности. Но при этомъ нужно еще замѣтить, что, издавая какое-нибудь законоположеніе противъ православныхъ, польское правительство всегда выражало его, особенно на первыхъ порахъ, темною формулировкою, замаскировывало какою-нибудь благовидною цѣлію; но тѣ, кому слѣдовало понимать истинный смыслъ того или другого законоположенія, направленнаго противъ православныхъ, отлично понимали и знали какъ дѣйствовать.

Первое сеймовое постановленіе, направленное противъ православныхъ, относится еще къ царствованію Яна-Казимира. Это первое законоположеніе издано было сейчасъ послѣ Андрусовскаго мира; оно таково: „Духовенство религіи греческой, пребывающей въ единеніи, освобождается на вѣчныя времена отъ всѣхъ воинскихъ повинностей: постоя, выдачи провіанта, добавочныхъ квартирныхъ взносовъ, дневокъ, подводъ и всѣхъ вообще военныхъ тягостей и взысканій“ (Volumina Legum, т. IV, стр. 474, и т. V-ый, стр. 306). То есть, освобождается отъ всѣхъ воинскихъ повинностей только уніатское духовенство, а не православное; православное же духовенство въ отношеніи исполненія воинскихъ повинностей сравнено было съ крестьянами и мѣщанами. Но къ этому еще нужно прибавить, что исполненіе воинскихъ обязанностей было въ высшей степени тягостно, особенно если она выражалась постоемъ войскъ. Вслѣдствіе полнаго отсутствія дисциплины въ польскомъ войскѣ, постой сопровождался безчисленнымъ множествомъ матеріальныхъ и нравственныхъ бѣдствій для народонаселенія. Постой польскихъ войскъ для хозяевъ былъ страшнѣе непріятельскаго нашествія.

За этимъ первымъ шагомъ польскіе сеймы все чаще и чаще стали издавать законоположенія въ томъ же непріязненномъ для православныхъ духѣ; такъ, въ концѣ 1667 г. (сейчасъ же послѣ перваго законоположенія) въ условія, ограничивающія власть короля или въ такъ называемыя „Pacta conventa“ внесена была статья такого рода: „Если произойдутъ несогласія между двумя раздѣлившимися церквами греческой религіи, то король обязанъ немедленно

Законоположеніе, какъ видимъ, направлено было противъ братствъ. Почему? Братства, какъ извѣстно, были важнымъ оплотомъ для православія; силу и энергію въ дѣлѣ поддержанія православнаго исповѣданія они почерпали отъ восточныхъ патріарховъ; теперь же, когда польское правительство задумало энергическими мѣрами ослабить православіе, съ цѣлію облегчить путь уніи среди лицъ сего исповѣданія, оно пришло къ убѣжденію, что для достиженія сей цѣли прежде всего нужно ослабить силу и значеніе самихъ братствъ,—и вотъ по этой причинѣ и былъ изданъ вышеозначенный законъ.

Обнародованіемъ сего закона польское правительство до нѣкоторой степени дѣйствительно достигло намѣченной цѣли: вслѣдствіе запрещенія братствамъ обращаться къ восточнымъ патріархамъ по дѣламъ вѣры—братства лишились нравственной поддержки, сдѣлались слабыми въ дѣлѣ огражденія православія отъ внѣшнихъ нападовъ и безсильны въ борьбѣ съ врагами за свое исповѣданіе. А между тѣмъ, польское правительство изготовило новый законъ противъ православныхъ и притомъ болѣе суровый; въ половинѣ 1677 г. оно обнародовало его:

II. „Никто изъ православныхъ, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества, не долженъ выѣзжать за границу и пріѣзжать оттуда.“ Старостамъ и комендантамъ пограничныхъ крѣпостей поручалось строго слѣдить за исполненіемъ сего закона.

Сеймъ мотивировалъ сіе постановленіе тѣмъ, что будто бы православные, выѣзжая за границу къ константинопольскому патріарху, подъ предлогомъ дѣлъ, касающихся религіозныхъ интересовъ греко-русской церкви, извѣщаютъ враговъ Рѣчи Посполитой (турокъ) о внутреннемъ состояніи въ самой Рѣчи Посполитой. Но мотивъ представленъ былъ ложный: подъ этимъ предлогомъ скрывалась другая цѣль и притомъ весьма серьезная: воспрещеніемъ православнымъ выѣзда за границу и пріѣзда оттуда польское правительство думало достигнуть упраздненія всего православнаго клира, чтобы потомъ легче обратить русскихъ въ унію. Въ самомъ дѣлѣ, когда православные еписко-

---

устранить эти несогласія, а также онъ обязанъ не раздавать имѣній и духовныхъ должностей греческой вѣры людямъ недостойнымъ“. Не смотря на нѣсколько темную формулировку статьи (она приведена здѣсь въ сокращенномъ видѣ. Volumina Legum, т. V, стр. 14 и 140; т. VI, стр. 15), не трудно догадаться, что подъ словами „устранять эти несогласія“ разумѣлось водвореніе уніи на счетъ православія, а подъ „лицами недостойными“—православное духовенство.

Въ 1668 г. сеймъ постановилъ слѣдующій законъ: „Отступники отъ католичества и уніи не должны пользоваться покровительствомъ сеймовыхъ конституцій (Volumina Legum, т. IV, стр. 484). Подъ словами „отступники отъ католичества и уніи“, очевидно, разумѣлись православные.

пы перейдутъ въ унію [1]), то откуда русскій народъ возьметъ себѣ епископовъ? Правда, онъ могъ бы послать вырбанныхъ лицъ для посвященія въ епископы за границу, именно: въ Россію, Грецію, Молдавію и Валахію и такимъ образомъ снова имѣлъ бы законныхъ іерарховъ; но только что приведенный нами законъ дѣлалъ сіе рѣшительно невозможнымъ. Затѣмъ, когда православно-русское населеніе останется безъ епископовъ, то кто будетъ рукополагать ему священниковъ для отправленія богослуженія и совершенія требъ? Ясно теперь, что православное населеніе, оставшись безъ епископовъ и священниковъ, волею или неволею должно будетъ перейти въ унію, такъ какъ на лицо останется только духовенство уніатской церкви [2]).

Вотъ къ чему должны были привести, по разсчетамъ польскаго правительства, какъ переговоры съ Іосифомъ Шумлянскимъ, такъ и обнародованіе двухъ вышеозначенныхъ законоположеній.

Въ то самое время, какъ польское правительство занято было изобрѣтеніемъ стѣснительныхъ мѣръ противъ православія, Шумлянскій, исполняя свое обѣщаніе, привлекъ на свою сторону Иннокентія Винницкаго, образовалъ кружокъ, въ составъ котораго вошли, кромѣ самого Шумлянскаго и его друга Винницкаго, одинъ архимандритъ, одинъ игуменъ и человѣкъ шесть какихъ то свѣтскихъ лицъ, и составилъ проектъ относительно мѣръ для привлеченія православныхъ въ унію. Суть сего проекта была слѣдующая: а) уравнять во всѣхъ правахъ уніатское духовенство съ католическимъ и подтвердить это уравненіе сеймовою конституціей; б) подчинить ему, Шумлянскому, все православное духовенство Рѣчи Посполитой [3]); в) назначать частые соборы и съѣзды для уніатскаго духовенства, причемъ сдѣлать обязательнымъ присутствіе на нихъ православныхъ духовныхъ подъ страхомъ лишенія должностей за неявку; г) преслѣдовать православныхъ духовныхъ лицъ, несогласныхъ принять унію, путемъ административнымъ, именно: лишать ихъ должностей и примѣнять къ нимъ законы, относящіеся къ бунтовщикамъ; д) стараться обратить въ унію возможно большее число дворянъ; е) позаботиться объ уничтоженіи братствъ и ж) наконецъ, называть православныхъ и уніатовъ въ оффиціальныхъ актахъ однимъ общимъ именемъ „лицами греческой вѣры“.

Изъ всѣхъ пунктовъ проекта Шумлянскаго по своимъ послѣдствіямъ самый важный былъ послѣдній пунктъ, т. е. пунктъ, въ ко-

---

[1]) А что они перейдутъ въ унію, польское правительство и не сомнѣвалось, потому что оно, какъ мы видѣли, получило на его предметъ категорическое обѣщаніе отъ Шумлянскаго.

[2]) Такъ дѣйствительно и думало польское правительство.

[3]) До сего времени православные подчинялись кіевскому митрополиту, а кіевскій митрополитъ былъ въ зависимости, со времени Андрусовскаго договора, отъ Россіи.

торомъ говорится, чтобы и православныхъ, и уніатовъ называть однимъ общимъ именемъ „лицами греческой вѣры". Пунктъ этотъ важенъ былъ въ томъ отношеніи, что польское правительство, когда приняло проектъ Шумлянскаго, благодаря этому пункту, такъ замаскировывало постановленія, направляемыя во вредъ православнымъ, что трудно было догадаться, противъ кого они направлялись: противъ ли православныхъ или противъ уніатовъ [1]). Такая маскировка дѣла употребляема была съ тою цѣлію, чтобы сбить съ толку православныхъ и не вызвать между ними волненія и чтобы сосѣди, особенно Россія, не приняли участія въ судьбѣ ихъ.

И вообще нужно сказать, что Шумлянскій, приступая къ обращенію православныхъ въ унію, постоянно требовалъ, чтобы соглашеніе его съ правительствомъ на счетъ этого предмета оставалось тайною и чтобы рѣшительно никто изъ православныхъ не зналъ, что ихъ думаютъ обратить въ унію. Необходимость тайны онъ, въ одной изъ своихъ докладныхъ записокъ на имя короля, мотивировалъ слѣдующими указаніями: если православные узнаютъ, что ихъ думаютъ обратить въ унію, то, во-первыхъ, низшее духовенство, а также православные дворяне и духовныя братства немедленно составятъ между собою союзъ во всѣхъ епархіяхъ для противодѣйствія уніи и будутъ ей сопротивляться до послѣдней крайности; во-вторыхъ, они начнутъ искать поддержки и покровительства у иностранныхъ державъ; въ-третьихъ, духовенство будетъ на исповѣди укрѣплять въ вѣрѣ мірянъ, и въ-четвертыхъ, въ крайности православные побѣгутъ за предѣлы Рѣчи Посполитой, даже въ Турцію, „ибо подъ тиранскимъ мракомъ турокъ они, говоритъ Шумлянскій, предпочтутъ поселиться, пользуясь тамъ свободою вѣроисповѣданія".

Въ 1679 г. Іосифъ Шумлянскій представилъ свой проектъ папскому нунцію, чтобы тотъ передалъ королю. Къ проекту Шумлянскій приложилъ также записку о томъ, какія награды слѣдуетъ дать какъ ему самому, такъ и членамъ его кружка за содѣйствіе распространенію уніи. Себѣ лично Шумлянскій требовалъ слѣдующаго: чтобы въ его распоряженіе отданы были всѣ имѣнія, принадлежащія кіевской митрополіи, чтобы, сверхъ того, ему предоставлены были имѣнія львовской епископіи, чтобы папа опредѣлилъ ему отъ себя особое денежное жалованье; кромѣ того, онъ требовалъ себѣ сана кіево-печерскаго архимандрита, т. е. доходовъ съ имѣній Кіево-печерской лавры, оставшихся въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой послѣ того, какъ Кіевъ, по Андрусовскому миру, отошелъ къ Россіи. Папскій нунцій, получивши

[1]) Но тѣ лица, которымъ нужно было приводить въ исполненіе подобнаго рода постановленія, отлично знали къ кому они относятся и никогда не ошибались.

проектъ и записку, немедленно передалъ ихъ королю. Янъ-Собѣсскій, прочитавши то и другое, прежде всего одобрилъ проектъ и сдѣлалъ распоряженіе о передачѣ его сейму, потомъ далъ согласіе на удовлетвореніе требованій Шумлянскаго относительно наградъ, за исключеніемъ предоставленія жалованья отъ папы, такъ какъ это дѣло не зависѣло отъ короля. Въ заключеніе король просилъ Шумлянскаго, чтобы онъ поторопился принять унію и приступилъ къ распространенію ея между православными.

Въ январѣ 1680 г. Іосифъ Шумлянскій, другъ его Иннокентій Винницкій и нѣкоторые изъ членовъ ихъ кружка прибыли въ Варшаву, гдѣ въ присутствіи папскаго нунція и приняли унію. А годъ спустя послѣ этого на сеймѣ былъ прочитанъ проектъ Шумлянскаго и утвержденъ безъ измѣненія, причемъ Шумлянскій сдѣланъ былъ, согласно его желанію, администраторомъ всѣхъ православныхъ церквей въ Рѣчи Посполитой [1]).

Получивши послѣднюю должность, Шумлянскій и члены его кружка начинаютъ дѣйствовать въ пользу уніи съ необыкновенною энергіею и силою воли. Выдавая себя съ удивительнымъ безстыдствомъ за людей глубоко преданныхъ православію, враги эти пользуются всѣми случаями для достиженія своей цѣли, причемъ „дѣйствія свои, говоритъ проф. Антоновичъ, прикрываютъ тайною, недомолвками, умышленнымъ непониманіемъ терминовъ, неясностью положенія лицъ и партій; они не требуютъ общаго согласія на унію и тѣмъ не даютъ православнымъ возможности прибѣгать къ гласному протесту; борьба размельчается на безчисленный рядъ отдѣльныхъ случаевъ и административныхъ преслѣдованій и поощреній; но какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ никогда не выставляется наружу главная ихъ побудительная причина: согласія или несогласія на унію; напротивъ того, она тщательно прикрывается посторонними обстоятельствами, личными побужденіями и требованіями каноническаго права православной церкви и т. п. [2])“. Замаскировавъ такимъ образомъ свои дѣйствія, приверженцы уніи направили удары преимущественно противъ духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія: имъ хотѣлось, не возбуждая волненія и явнаго протеста, лишить ихъ мѣстъ и опредѣлить своихъ приверженцевъ. И дѣйствительно, въ очень короткое время Шумлянскій съ своими друзьями успѣлъ отстранить отъ должностей болѣе двухсотъ православныхъ священниковъ и замѣнить ихъ своими уніатскими ставлениками. Но, устраняя православныхъ священниковъ отъ мѣстъ, ни Шумлянскій, ни его друзья не показывали и вида, что дѣлаютъ это за приверженность этихъ священниковъ къ православію; они обыкновенно выставляли другія причины, а не-

---

[1]) Онъ объявленъ былъ также и намѣстникомъ кіевскаго митрополита.

[2]) См. вышеозначенную статью проф. Антоновича.

рѣдко взводили и ложныя обвиненія. Правда, бывали случаи, что нѣкоторые изъ священниковъ, догадавшись въ чемъ дѣло, пытались протестовать, но попытки эти обыкновенно влекли крайне дурныя последствія для протестующихъ: Шумлянскій немедленно арестовывалъ такихъ лицъ, проклиналъ, отдавалъ подъ судъ, сажалъ въ тюрьмы и т. п. Часто Шумлянскій, узнавши стороною, что въ такомъ то селѣ священникъ отличается преданностію православію, сейчасъ же посылалъ туда своихъ намѣстниковъ, которые выгоняли священника изъ села, забирали изъ церкви антиминсъ, сосуды, св. миро и все это привозили къ Шумлянскому. Шумлянскій же, получивъ означенныя вещи, начиналъ обыкновенно кощунствовать надъ сими священными предметами: плевать, ругаться и топтать ихъ ногами; затѣмъ посылалъ въ это село своего священника, давалъ другой антиминсъ и другую утварь (всегда по цѣнности ниже прежней), за что бралъ особую денежную плату.

Слѣдуя такому образу дѣйствій, Шумлянскій пользовался весьма дѣятельною поддержкою польскаго правительства, постоянно подкрѣплявшаго его власть своими административными распоряженіями, а также горячимъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ папы, католическаго духовенства и особенно іезуитовъ.

Но какъ ни враждебны православію были дѣйствія Шумлянскаго и распоряженія польскаго правительства, однако, они далеко уступаютъ тѣмъ враждебнымъ дѣйствіямъ, какія обнаружила при Янѣ Собѣскомъ польская шляхта противъ послѣдователей православія. Она, узнавши о замыслахъ Шумлянскаго и содѣйствіи его планамъ правительства, въ сіе время проявила гораздо больше жестокости къ православно-русскому населенію, чѣмъ въ прежніе годы, и подвергла его въ высшей степени безчеловѣчнымъ преслѣдованіямъ, причемъ больше всего досталось бѣлому и черному духовенству.

Буйства польской шляхты при Янѣ Собѣскомъ и управленіи православною церковью Шумлянскимъ. Преслѣдованіе православныхъ польскимъ дворянствомъ при Янѣ Собѣскомъ по большей части вытекало изъ религіозной ненависти. Очень часто польскіе дворяне, разоряя православныя церкви и овладѣвая имуществомъ русскаго духовенства, думали, что угождаютъ Богу, разрушая „схизму проклятую". Но были случаи, когда гоненіе, воздвигаемое шляхтою на православіе, вытекало просто изъ своекорыстія: дворяне стремились увеличить собственное благосостояніе черезъ грабежъ православныхъ храмовъ, имѣній и т. п., прикрывъ все это подвигомъ благочестія.

Доказательствомъ всего этого служатъ тысячи актовъ, оставшихся отъ того времени [1]). Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ:

---

[1]) См. „Архивъ юго-западной Россіи", ч. I, т. IV.

I. На Волыни находилось нѣсколько имѣній, принадлежавшихъ Кіево-печерской лаврѣ; по свидѣтельству документовъ, на эти имѣнія въ продолженіе 30-ти лѣтъ (1687—1713) польскою шляхтою сдѣлано было болѣе 20-ти нападеній или „наѣздовъ", какъ обыкновенно въ то время называли эти нападенія, причемъ нападающими произведены были всевозможныя безчинства: грабежъ имущества, увѣчье и избіеніе братіи, причетниковъ и монастырскихъ крестьянъ и т. п.

II. Въ одномъ изъ актовъ юго-западной Россіи подъ 1693 г. записана жалоба кіевскаго Кирилловскаго монастыря Евстратія Самборовича на нападеніе польской шляхты на имѣніе сего монастыря. Изъ этой жалобы, между прочимъ, видно, что дворянинъ Александръ Щеневскій, вооруживъ значительный отрядъ людей и пригласивъ сосѣда Александра Шумлянскаго, также съ вооруженною толпою слугъ и крестьянъ, отправился въ походъ на село Андреевку, принадлежавшее Кирилловскому монастырю. Явившись на разсвѣтѣ, союзники вбѣжали въ село и стали рубить и стрѣлять всѣхъ встрѣчныхъ, нанесли тяжелыя раны монаху Банькевичу, изрубили монастырскихъ слугъ и крестьянъ и ограбили все движимое имущество монастыря и монастырскихъ подданныхъ.

III. Въ 1686 г., разсказывается въ другомъ документѣ, польскій дворянинъ Жабокрыцкій захватилъ богатое имѣніе, принадлежавшее Бѣлостоцкому монастырю (на Волыни), а когда монахи стали было протестовать, то онъ велѣлъ стрѣлять въ нихъ и рубить ихъ саблями; многихъ тяжело ранилъ, а нѣкоторыхъ и убилъ. Правда, игуменъ монастыря подавалъ жалобу, но изъ этого ничего не вышло. Послѣ жалобы Жабокрыцкій сдѣлалъ еще наѣздъ на это монастырское имѣніе и захватилъ мельницу, причемъ заявилъ монахамъ и монастырскимъ людямъ, что если кто явится на мельницу, то будетъ убитъ на повалъ.

IV. Жолнеры, передается въ третьемъ документѣ, панцырной хоругви ночью напали на церковь села Хлуплянъ, выбили въ ней двери и унесли изъ нея не только церковное имущество, но и частное, сложенное въ церкви прихожанами для большей безопасности.

V. Въ мѣстечкѣ Брагинѣ, также сообщается въ одномъ изъ документовъ, дворянинъ Шукста захватилъ земли, принадлежавшія церкви св. Николая. Когда настоятель этой церкви Иванъ Давидовичъ пошелъ посмотрѣть эти земли, то тутъ на него напалъ Шукста вмѣстѣ съ уніатскимъ священникомъ Бернацкимъ; послѣдній, отличаясь необыкновенною силою, повалилъ на землю Ивана Давидовича, топталъ ногами, вырвалъ волосы на бородѣ и сломавши нѣсколько реберъ, оставилъ чуть живого.

VI. Въ городѣ Острогѣ городской подстароста Ледуховскій отнялъ у православной церкви св. Николая земли, отказанныя въ ея пользу въ XIV ст. княземъ Даніиломъ и княгинею Василисою Острожскими,

и приказалъ вырубить лѣса, принадлежавшіе этой церкви; когда же протоіерей Терпиловскій обратился къ нему съ представленіемъ и указалъ на свои права, то Ледуховскій, не оспаривая послѣднихъ, отвѣтилъ: „я воленъ отнять у церквей то, что имъ пожаловано моими предшественниками“, и оставилъ землю за собою. Фактъ этотъ изложенъ въ жалобѣ протоіерея Терпиловскаго.

VII. Въ Овручѣ доминиканскіе монахи присвоили себѣ не только пахатныя земли, принадлежавшія православному монастырю, но приказали обнести оградою, присоединяя къ своей усадьбѣ, мѣста, принадлежавшія монастырю въ самомъ городѣ и въ томъ числѣ мѣсто, на которомъ была построена православная церковь; захватъ этотъ сопровождался, по обыкновенію, грабежомъ движимаго имущества и личными оскорбленіями.

VIII. Дворянинъ Чеконскій отнялъ землю у Перекальскаго монастыря (на Волыни); когда же туда пріѣхалъ игуменъ сего монастыря пахать землю, то сюда прибыла и жена Чеконскаго; увидавши игумена, она выскочила изъ коляски, бросилась на него, вцѣпилась въ бороду и вырвала цѣлый клокъ волосъ; затѣмъ приказала слугамъ своимъ прогнать избитаго игумена и его работниковъ.

Изъ вышеозначенныхъ фактовъ мы видимъ, что нападенія польской шляхты (грабежъ собственно говоря) на имѣнія православныхъ совершались въ Рѣчи Посполитой съ цѣлію личнаго обогащенія. Но въ тѣхъ же самыхъ актахъ, откуда взяты вышеизложенные примѣры, встрѣчается многочисленный рядъ фактовъ о насиліяхъ надъ православными, совершавшихся съ религіозно-фанатическими цѣлями. Въ актахъ, сохранившихся отъ временъ царствованія Яна Собѣсскаго, мы находимъ тысячи свидѣтельствъ о самыхъ варварскихъ поступкахъ, не вызванныхъ, повидимому, никакими причинами, надъ лицами православнаго исповѣданія, и особенно надъ лицами духовнаго званія. Каждый православный, а особенно священникъ, былъ ежеминутно въ опасности подвергнуться самымъ безчеловѣчнымъ оскорбленіямъ и обидамъ: встрѣчался ли шляхтичъ на рынкѣ въ городѣ съ священникомъ, онъ, по первому попавшемуся предлогу, а чаще всего безъ всякаго предлога, заводилъ съ нимъ ссору и наносилъ ему публично побои; увидѣвъ священника, занимающагося бесѣдой съ крестьянами, онъ бросался на него, опрокидывалъ на землю, билъ каблуками и палкою, рвалъ у него волосы; наткнулся панъ на жену священника, скупавшую провизію на базарѣ, онъ чувствовалъ обязанность отпустить ей, безъ всякаго повода, нѣсколько ударовъ нагайкою; иной разъ шляхтичъ, напившись пьянымъ, бѣгалъ по городу съ обнаженною саблей и для потѣхи пробовалъ силу удара на священникѣ. Если же обиженные пытались остановить обидчика указаніемъ на свое духовное званіе, то шляхтичъ обыкновенно нахально отвѣчалъ, что только ка-

толическіе ксендзы—дворяне и имъ онъ обязанъ оказывать почтеніе, „попы же мужики“ и потому имъ нечего ссылаться на свой санъ. Въ домѣ у себя священникъ былъ также мало безопасенъ, какъ и внѣ его; подъ пустымъ предлогомъ, а чаще и безъ всякаго предлога, помѣщикъ или помѣщица врывались въ его домъ, били, истязали какъ самого священника, такъ и членовъ его семейства, расточали оскорбленія и бранныя слова; нерѣдко заключали хозяина въ свою дворовую тюрьму и держали, сколько хотѣли, по своему произволу, или же дозволяли, для большаго, по ихъ мнѣнію, посрамленія, совершать безчинства надъ священникомъ еврею-арендатору. Вотъ нѣкоторые факты:

I. Въ селѣ Скородномъ, на Полѣсьи, во времена Шумлянскаго, былъ священникомъ Іосифъ Загорскій, человѣкъ высокой честности и глубоко преданный православію. Въ этомъ же селѣ жилъ и помѣщикъ Прушинскій, католикъ. Прушинскій былъ страшный фанатикъ, онъ терпѣть не могъ православнаго священника и нерѣдко билъ его безъ всякой причины. Узнавши же, что Шумлянскій принялъ унію, Прушинскій немедленно явился къ Загорскому съ требованіемъ, чтобы тотъ принялъ сіе исповѣданіе; когда же Загорскій отказался это сдѣлать, то помѣщикъ призвалъ своихъ людей, схватилъ Загорскаго, вытащилъ за село въ поле и тамъ, избивши до полусмерти, бросилъ его; затѣмъ помѣщикъ ограбилъ весь домъ о. Іосифа и отправился домой. Между тѣмъ избитый священникъ очнулся и черезъ силу добрался до сосѣдняго православнаго помѣщика Ѳеодора Павши, который и пріютилъ его. Узнавъ объ этомъ, Прушинскій пришелъ въ страшную ярость и рѣшился силою овладѣть Загорскимъ и предать его новому мученію. Въ одну темную ночь Прушинскій со своею дворнею напалъ на домъ Павши, выломалъ ворота, ворвался въ комнаты и вытащилъ оттуда о. Іосифа. Приведя домой, Прушинскій посадилъ его въ домашнюю тюрьму, а на шею надѣлъ толстое бревно, сложенное изъ двухъ половинъ, съ вырѣзкою для этой части тѣла. Объ этомъ узналъ сынъ священника; онъ тайно прокрался въ тюрьму, гдѣ сидѣлъ отецъ, и нѣсколько облегчилъ снарядъ, въ которомъ тотъ задыхался; но когда сострадательный сынъ сталъ выбираться оттуда, то попалъ въ руки самого пана Прушинскаго, который избилъ его до такой степени, что его замертво снесли домой; положеніе же отца Прушинскій еще ухудшилъ: онъ приказалъ томить голодомъ о. Іосифа и холодомъ. Наконецъ Прушинскій, придя въ тюрьму, гдѣ сидѣлъ несчастный священникъ, объявилъ ему, что если онъ не приметъ уніи и не будетъ служить по-уніатски, то будетъ замученъ до смерти. Загорскій принужденъ былъ согласиться на требованіе Прушинскаго, принялъ унію и сталъ служить по-уніатски, но только онъ послѣ этого не долго жилъ, скоро умеръ.

II. Въ селѣ Ласкахъ, въ окрестностяхъ Овруча, жолнеры панцырной хоругви ворвались съ оружіемъ въ рукахъ въ домъ право-

славнаго священника, схватили самого хозяина и принялись истязать его; но онъ какъ то вырвался и, выскочивъ въ окно, бѣжалъ въ церковь и упалъ предъ иконою; тутъ его поймали жолнеры и разсѣкли мечемъ голову, такъ что кровь обрызгала алтарь и иконы.

III. Въ окрестностяхъ города Каменца находилось село Врублевцы; недалеко отъ этого села жилъ польскій панъ, католикъ, Кобельскій. Послѣднему сильно не нравился священникъ сего села за свою преданность православію и трезвую жизнь. И вотъ Кобельскій, напившись однажды пьянымъ, отправился въ село Врублевцы; тамъ онъ подъ какимъ-то предлогомъ вызвалъ священника на улицу и, сидя верхомъ на лошади, схватилъ его за одежду и потащилъ за село; здѣсь онъ рвалъ ему бороду, пытался отрубить ее саблею, нанесъ нѣсколько ранъ и ударовъ какъ самому священнику, такъ и его женѣ, прибѣжавшей молить о пощадѣ, и отпустилъ только тогда, когда священникъ обѣщалъ ему 10 талеровъ выкупа; но этимъ дѣло не кончилось: польскій панъ нѣсколько разъ возобновлялъ нападеніе и заставилъ священника сначала скрываться у прихожанъ, а потомъ и совсѣмъ бѣжать изъ села.

IV. Недалеко отъ города Острога, въ селѣ Вельбуйномъ, былъ священникъ Стефанъ Петриковскій. Во время храмового праздника, по окончаніи литургіи, священникъ вышелъ изъ церкви и сталъ разговаривать со своими прихожанами, которыхъ въ этотъ день собралось очень много. На бѣду сюда пріѣхалъ изъ Острога, какъ разъ въ этотъ моментъ, панъ Криштофъ Малецкій. Увидавши стеченіе народа и узнавши въ чемъ дѣло, Малецкій возгорѣлся фанатическимъ рвеніемъ; вмѣстѣ съ огромною своею дворнею въѣхалъ верхомъ въ толпу, опрокинулъ священника и сталъ бить его плашмя саблею; только окружавшіе прихожане успѣли освободить своего священника и отвести домой. Но Малецкій не ограничился этимъ: онъ подъѣхалъ къ дому священника и, увидавъ, что двери крѣпко заперты изнутри, помѣстился у окна и сталъ стрѣлять въ комнату изъ лука. Одна изъ стрѣлъ попала Петриковскому въ глазъ и проникла въ мозгъ; священникъ упалъ на полъ и началъ мучиться въ предсмертной агоніи, а между тѣмъ Малецкій, увидя это, сталъ писать отъ имени умирающаго самому себѣ квитанцію, въ которой священникъ будто бы заявлялъ, что не имѣетъ къ нему, Малецкому, никакой претензіи и считаетъ его непричастнымъ къ своей кончинѣ, которая дѣйствительно и послѣдовала на глазахъ помѣщика. Послѣ этого Малецкій отправился дальше и въ ближайшемъ городѣ заявилъ эту квитанцію.

V. Въ овручскомъ повѣтѣ на село Ковасово въ 1686 г. помѣщикъ сосѣдняго имѣнія сдѣлалъ нападеніе, ограбилъ дома духовныхъ лицъ и ворвался въ церковь; но такъ какъ въ это время день склонялся къ вечеру, то панъ съ своими людьми остался тутъ ночевать; удаляясь утромъ, онъ ограбилъ и церковь.

VI. Одному пану-католику, находившемуся въ своемъ имѣніи, недалеко отъ города Кременца, понадобился строительный матеріалъ; недолго думая, онъ послалъ работниковъ на православное кладбище и велѣлъ тамъ разбить надгробные памятники: плиты и кресты перевезли въ обломкахъ къ нему въ имѣніе.

VII. Другому помѣщику понадобился садъ въ италіанскомъ вкусѣ. Онъ приказалъ въ своемъ имѣніи разрыть могилы на православномъ кладбищѣ, выбросить кости покойниковъ, сравнять мѣстность и засадить ее деревьями по задуманному имъ плану.

VIII. На Волыни одинъ помѣщикъ, разсердившись на своихъ крестьянъ православнаго исповѣданія, лишилъ ихъ на долгое время церковныхъ требъ [1]).

Мы привели весьма незначительную часть тѣхъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о насиліяхъ католическихъ пановъ надъ православными; притомъ фанатическое преслѣдованіе православныхъ совершалось не только въ Малороссіи и Подоліи, но и во всей Рѣчи Посполитой, гдѣ только были православные. Изъ многихъ найденныхъ актовъ видно, что нѣкоторые изъ православныхъ рѣшались было подавать жалобы въ судъ, но дѣло обыкновенно кончалось ничѣмъ: „почти не было примѣра", говоритъ одинъ современникъ, „гдѣ бы православный выигралъ процессъ". Нерѣдко судебное дѣло оканчивалось очень дурно для истца (православнаго): часто отвѣтчикъ, выходя изъ суда, нападалъ на своего жалобщика и тутъ же увѣчилъ его, а были примѣры, что и на смерть убивалъ [2]).

---

[1]) Всѣ приведенные нами факты заключаются въ актахъ юго-западнаго Архива, ч. I, т. IV. Эти же факты изложены и въ статьѣ профессора Вл. Б. Антоновича, а также нѣкоторые изъ нихъ есть у Кукольника и Бантышъ-Каменскаго.

[2]) Въ царствованіе Яна Собѣсскаго фанатизмъ и буйство воспитанниковъ виленской іезуитской академіи также давали себя чувствовать, но только, впрочемъ, не однимъ православнымъ, тутъ доставалось и кальвинистамъ; такъ: 2-го апрѣля 1682 г. рано утромъ толпа академической молодежи въ сопровожденіи виленской католической черни, вооруженная топорами, молотками и бревнами въ видѣ стѣнобитныхъ орудій, отправилась за трокскія ворота и безъ всякаго повода и вызова начала осаду, а потомъ и штурмъ кальвинскаго збора (церкви). Послѣ взятія мирной крѣпости началось разрушеніе всѣхъ построекъ внутри стѣны, окружающей владѣнія реформаторовъ; оно продолжалось два дня, пока все было сравнено съ землею. Разрушенъ былъ не только самый зборъ и часовня на погостѣ, но и всѣ зданія какъ деревянныя, такъ и каменныя (между прочимъ и госпиталь) обращены въ развалины; выброшены были изъ склеповъ гробы умершихъ, разграблены архивы и драгоцѣнности. Когда кальвинисты обратились къ ректору академіи и въ то же время къ магистрату съ просьбою остановить насиліе, то ректоръ и префектъ отдѣлались однимъ смѣхомъ, а магистратъ, вмѣсто того, чтобы воспрепятствовать, еще поощрялъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ разбушевавшійся фанатизмъ. Какъ послѣ

Послѣднія дѣйствія Шумлянскаго. Благодаря энергическому образу дѣйствій Шумлянскаго, а также сильной поддержкѣ польскаго правительства и жестокостямъ шляхты, къ началу XVIII в. православная іерархія въ Рѣчи Посполитой дѣйствительно была разрушена: всѣ православныя епархіи (за исключеніемъ Бѣлорусской) въ 1700 г. были объявлены уніатскими, а епископы этихъ епархій—принявшими унію [1]); при этомъ богатые фундуши православныхъ церквей отданы были уніатамъ и католикамъ.

Послѣ перехода южно-русскихъ православныхъ епископовъ въ унію, въ Рѣчи Посполитой осталось (за исключеніемъ Бѣлоруссіи и нѣкоторой части собственной Литвы) очень мало православныхъ. За православіемъ въ это время осталась только небольшая часть простого народа и низшее духовенство, да и то первые, вслѣдствіе страшныхъ угнетеній со стороны пановъ (паны по большей части были католики), а второе, по причинѣ частыхъ шляхетскихъ наѣздовъ, обнищали, отупѣли и сдѣлались равнодушными къ религіи: имъ было все равно—принадлежать ли къ православію или къ уніатскому исповѣданію. Поэтому неудивительно, если мы видимъ, что при преемникахъ Яна Собѣсскаго польское правительство цѣлые десятки православныхъ селъ и деревень заразъ объявляло уніатскими, не спрашивая жителей сихъ послѣднихъ—хотятъ ли они этого, или нѣтъ.

Двадцать лѣтъ прошло съ того времени, какъ Іосифъ Шумлянскій за извѣстное вознагражденіе заключилъ формальный договоръ съ польскимъ правительствомъ относительно обращенія православныхъ въ унію;

обнаружилось, главнѣйшими и самыми горячими зачинщиками въ семъ дѣлѣ были 13 іезуитскихъ академическихъ питомцевъ, а участниками—самъ великій войтъ, два бургомистра, цехи, жиды, а также августинскіе и францисканскіе монахи. По этому дѣлу начался было процессъ, но онъ, по обыкновенію, кончился ничѣмъ.

Въ слѣдующемъ 1683 году жертвою нападенія сдѣлался православный Св.-Духовскій монастырь. Героями погрома были опять же іезуитскіе студенты, которые, ворвавшись въ монастырь, кощунствовали надъ образомъ Богоматери, били въ колокола и совершали многія другія безобразія. Но на этотъ разъ досталось и іезуитскимъ питомцамъ, такъ какъ между ними оказались пострадавшими при нападеніи и раненые. Возникъ процессъ, который поведенъ былъ такъ, что монахи же Духовскаго монастыря должны были просить прощенія у пострадавшихъ и пораненыхъ студентовъ.

[1]) Уніатскими были объявлены слѣдующія православныя епархіи: Галицкая, Перемышльская, Луцкая и Львовская; епископовъ, принявшихъ унію, оказалось четверо: самъ Іосифъ Шумлянскій, Иннокентій Винницкій, Аѳанасій Шумлянскій (братъ перваго) и Димитрій Жабокрыцкій. Остался вѣрнымъ православію одинъ только Бѣлорусскій епископъ Сильвестръ Четвертинскій; правда, онъ былъ человѣкъ умный и стойкій, но не могъ облегчить страданій православныхъ: въ это время Польша начала разлагаться, а потому порядка въ ней не было никакого и правосудія рѣшительно нельзя было найти.

къ концу XVII столѣтія онъ нашелъ уже предложенныя имъ мѣры настолько успѣшными и принесенные ими плоды до того полными, что рѣшился сбросить съ себя маску и всенародно объявить себя уніатомъ [1]). И дѣйствительно, въ концѣ 1700 года Шумлянскій прибылъ въ Варшаву и тамъ въ одномъ изъ костеловъ, при огромномъ стеченіи народа, объявилъ торжественно, что онъ уніатъ и что уже болѣе девятнадцати лѣтъ принадлежитъ къ сему исповѣданію, въ доказательство чего произнесъ и клятву.

Послѣ торжественнаго заявленія своего исповѣданія Шумлянскій недолго жилъ: въ началѣ 1703 года онъ умеръ.

Однимъ изъ послѣднихъ подвиговъ Шумлянскаго было обращеніе православной церкви Львовскаго братства въ унію. Въ 1702 г., въ іюнѣ мѣсяцѣ, Шумлянскій пригласилъ къ себѣ старшихъ членовъ Львовскаго православнаго братства и грозно объявилъ имъ, чтобы они къ празднику св. апостоловъ Петра и Павла приготовили въ своей церкви все необходимое для архіерейскаго служенія, такъ какъ онъ, Шумлянскій, въ этотъ праздникъ думаетъ въ ихъ церкви торжественно совершить литургію по уніатскому ретулу и затѣмъ объявить эту церковь уніатскою. Наканунѣ этого дня Шумлянскій пригласилъ присутствовать при служеніи въ церкви Львовскаго братства всѣхъ находившихся въ Львовѣ знатныхъ лицъ католическаго обряда, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, въ томъ числѣ великаго короннаго гетмана Яблонскаго, его сыновей, каштеляна крѣпости, хорунжія и многихъ другихъ. Современникъ и очевидецъ, католическій каноникъ Янъ Юзефовичъ, описываетъ слѣдующими словами это водвореніе уніи въ болѣе всего чтимой народомъ львовской церкви: „когда Шумлянскій въ обществѣ многочисленныхъ почтенныхъ гостей пришелъ къ церкви, то нашелъ главныя и боковыя двери запертыми на замокъ. Приглашенные гости долгое время должны были ожидать, краснѣя отъ стыда и негодованія, частію на крыльцѣ церкви, частію въ экипажахъ. Епископъ, обиженный столь дерзкимъ сопротивленіемъ мѣщанъ, обратился къ гетману Яблонскому, чтобы онъ приказалъ солдатамъ взломать двери. Яблонскій охотно согласился исполнить эту просьбу и солдаты, по его приказанію, проникли въ церковь, вырубили двери топорами, такъ какъ не могли добыть ломовъ, и такимъ образомъ открыли путь въ церковь епископу и его гостямъ. Послѣ этого епископъ Шумлянскій совершилъ литургію въ присутствіи народа и всѣхъ приглашенныхъ лицъ и принялъ братскую церковь въ свое управленіе“. Въ тотъ же день онъ устроилъ торжество и роздалъ награды своимъ союзникамъ. Тѣмъ не менѣе, онъ

---

[1]) Шумлянскій, какъ мы видѣли, еще въ 1681 году принялъ унію, но до 1700 г. тщательно скрывалъ это.

принужденъ былъ часто терпѣливо выслушивать ругательства не только отъ черни, но и отъ многихъ духовныхъ лицъ.

Мѣсто умершаго Шумлянскаго заступилъ Димитрій Жабокрыцкій [1]).

Таково было положеніе православной церкви въ Рѣчи Посполитой въ царствованіе Яна Собѣсскаго. Конечно, въ преслѣдованіи православныхъ нельзя винить самого Яна Собѣсскаго: не имѣя въ своихъ рукахъ никакой власти, онъ не могъ вредить имъ; всѣ эти преслѣдованія устраивались заправилами Рѣчи Посполитой, а именно: высшими духовными лицами католическаго исповѣданія и польско-литовскими свѣтскими магнатами того же исповѣданія, а потому и отвѣтственность предъ лицомъ исторіи падаетъ на нихъ.

Насколько вообще въ Рѣчи Посполитой въ это время велико было своеволіе и разнузданность высшаго католическаго духовенства и свѣтскихъ магнатовъ, можно видѣть изъ той ссоры, которая происходила въ Литвѣ между виленскимъ епископомъ Бржостовскимъ и литовскимъ гетманомъ Сапѣгою. Ссора эта составляетъ любопытную картину внутренняго состоянія Рѣчи Посполитой въ концѣ XVII ст.; она ярко изображаетъ то нравственное разложеніе польскаго общества, къ которому оно пришло по своей собственной волѣ.

Ссора между литовскимъ гетманомъ Казимиромъ Сапѣгою и виленскимъ епископомъ Бржостовскимъ. Власть гетмана въ Рѣчи Посполитой была почти неограничена. Онъ имѣлъ право разставлять свои войска кому хотѣлъ и когда хотѣлъ; имѣлъ также право самовольно облагать народъ податями и разнаго рода поборами на содержаніе войска. Отъ всѣхъ воинскихъ повинностей въ Польско-Литовскомъ государствѣ избавлены были только духовныя лица католическаго и уніатскаго исповѣданій.

Казимиръ Сапѣга, бывши въ это время литовскимъ гетманомъ, въ продолженіе десяти лѣтъ не трогалъ духовныхъ лицъ того и другого исповѣданія (т. е. католическаго и уніатскаго) относительно исполненія воинской повинности; но вотъ ему однажды понадобилась небольшая сумма денегъ для покрытія нѣкоторыхъ издержекъ по арміи, и гетманъ задумалъ собрать эту сумму съ имѣній духовныхъ лицъ католическаго исповѣданія. Объ этомъ дошло до свѣдѣнія виленскаго епископа Бржостовскаго; тотъ счелъ сіе дѣйствіе Сапѣги незаконнымъ, донесъ королю;

---

[1]) Жабокрыцкій сначала былъ православнымъ епископомъ и притомъ глубоко-преданнымъ православію, но потомъ измѣнилъ ему: въ 1702 году принялъ унію. Мѣсто Шумлянскаго онъ занималъ всего годъ: въ 1704 году, когда въ Литву вступили русскія войска въ качествѣ союзниковъ польскаго короля Августа II противъ Карла XII, Жабокрыцкій, боясь быть выданнымъ Петру I, захватилъ свое имущество и, ограбивши луцкій соборъ, бѣжалъ за границу. Два года спустя онъ возвратился было въ Польшу, но былъ арестованъ и умеръ гдѣ-то въ тюрьмѣ.

но въ доносѣ написалъ много ложнаго и компроментирующаго Сапѣгу. Сапѣга, узнавши объ этомъ, въ отместку Бржостовскому, приказалъ разставить солдатъ по всѣмъ имѣніямъ духовныхъ лицъ католическаго исповѣданія во всей Литвѣ, а въ имѣніи самого епископа, кромѣ солдатъ, помѣстить еще татарское знамя. Съ этого времени между Сапѣгою и Бржостовскимъ дѣйствительно началась серьезная ссора. Друзья, знатныя лица, родственники, самъ король хотѣли помирить враждующихъ, но напрасно: это еще болѣе раздражало ихъ. Во время сей вражды епископъ, чтобы доконать своего врага, употребилъ все, что только есть на свѣтѣ Божіемъ низкаго и постыднаго: ложь, клевету, подлогъ, подкупъ и т. п., а когда и это не помогло, то прибѣгъ къ духовному оружію: 18 апрѣля 1694 г. онъ публично предалъ Сапѣгу проклятію. Церемонія совершилась въ виленскомъ каѳедральномъ соборѣ съ обычною средневѣковою обстановкою: съ колокольнымъ звономъ, пѣніемъ погребальныхъ пѣсенъ и бросаніемъ зажженныхъ свѣчей.

Проклятіе, произнесенное надъ гетманомъ, должно было поставить Сапѣгу въ самое безвыходное положеніе: оно налагало обязанность на всѣхъ христіанъ-католиковъ избѣгать всякаго общенія съ проклятымъ; его нельзя было ни накормить, ни напоить, даже огня ему нельзя было дать. Но проклятіе мало подѣйствовало на гетмана: узнавши о немъ, гетманъ въ тотъ же вечеръ въ своемъ антокольскомъ дворцѣ устроилъ блестящій балъ, на который собралось все высшее виленское общество. Пріѣзжіе гости приняли живѣйшее участіе въ обидѣ, причиненной Бржостовскимъ гетману. При роскошномъ угощеніи, при звукахъ трубъ и литавръ, то и дѣло раздавались тосты за здоровье отлученнаго отъ церкви. Но, впрочемъ, Сапѣга не ограничился только этою одною демонстраціею: онъ на слѣдующій же день отправилъ къ папѣ апелляцію на незаконныя дѣйствія епископа. Но и епископъ Бржостовскій не бездѣйствовалъ: послѣ проклятія онъ немедленно разослалъ циркуляры во всѣ монастыри и костелы съ приказаніемъ— вездѣ съ каѳедръ объявить народу объ анаѳемѣ надъ Сапѣгою. Переполохъ произошелъ страшный: настоятели монастырей и костеловъ не знали, что дѣлать; они собрали всѣхъ знакомыхъ богослововъ и ученыхъ пересмотрѣли множество книгъ и богословскихъ трактатовъ и только убѣдились въ томъ, что епископъ не имѣлъ никакой причины проклинать гетмана, а потому они сочли себя вправѣ не исполнять присланнаго имъ по сему предмету циркуляра. Послѣ этого всѣ настоятели виленскихъ монастырей и костеловъ черезъ своихъ уполномоченныхъ дали знать Бржостовскому, что такъ какъ онъ прежде произнесенія анаѳемы надъ гетманомъ Сапѣгою не посовѣтовался съ ними, то и послѣ произнесенія ея надъ нимъ не можетъ требовать ихъ содѣйствія, а въ заключеніе прибавили: пока папа не разсмотритъ апелляціи Сапѣги, они анаѳемы не объявятъ.

Получивъ этотъ отвѣтъ отъ настоятелей монастырей и костеловъ, Бржостовскій пришелъ въ ярость. Онъ немедленно пригласилъ всѣхъ ихъ къ себѣ, съ цѣлію принудить ихъ силою къ исполненію своей воли, но встрѣтилъ всеобщее отрицаніе. Смягчившись немного, епископъ сталъ просить собравшихся настоятелей монастырей и костеловъ по крайней мѣрѣ не принимать къ себѣ отлученнаго отъ церкви Сапѣгу, не допускать его къ причастію и богослуженію, если уже они не желаютъ объявить народу съ каѳедръ объ анаѳемѣ надъ нимъ; но настоятели и на это не согласились. Видя такое настойчивое упорство, Бржостовскій заперъ всѣ двери своего дома и объявилъ собравшимся: если они не исполнятъ его требованія, то онъ отсюда ихъ не выпуститъ, голодомъ всѣхъ переморитъ; но и это не помогло. Послѣ сего Бржостовскій, чтобы какъ нибудь и чѣмъ нибудь допечь, такъ сказать, своего врага, началъ распускать ложный слухъ на счетъ гетмана: будто, по наущенію его, татары и казаки идутъ на Вильну для грабежа, но гетманъ благоразумными мѣрами, предпринятыми противъ этой клеветы, успѣлъ уничтожить замыселъ епископа и успокоилъ народъ. Когда епископъ увидѣлъ, что ничего не можетъ подѣлать съ своимъ противникомъ, то началъ громко жаловаться и на словахъ, и на бумагѣ: что его въ конецъ разорили и ограбили, и что онъ вмѣсто золотого креста долженъ носить теперь деревянный, и что онъ теперь не увѣренъ въ безопасности своей жизни, и что, подобно Станиславу, онъ хочетъ погибнуть мученическою смертію, защищая церковное имущество; но ему никто не повѣрилъ.

Между тѣмъ, о дѣйствіяхъ виленскаго епископа дошло до свѣдѣнія примаса католической церкви въ Рѣчи Посполитой Родзіевскаго, проживавшаго въ Гнѣзнѣ; тотъ сначала снялъ проклятіе съ гетмана, а затѣмъ прислалъ Бржостовскому письмо, въ которомъ старался образумить расходившагося епископа; но Бржостовскій и слышать не хотѣлъ ни о чемъ: между прочимъ онъ говорилъ, что примасъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла литовской церкви, такъ какъ онъ, Бржостовскій, въ Литовскомъ государствѣ есть такой же примасъ, какъ Родзіевскій въ Польшѣ. А когда онъ узналъ, что примасъ снялъ съ Сапѣги проклятіе, то разослалъ посланіе ко всѣмъ литовскимъ церквамъ, въ которомъ доказывалъ, что поступокъ примаса незаконенъ и анаѳема должна быть оставлена въ силѣ.

Борьба все болѣе и болѣе разгоралась. Родзіевскій, задѣтый за живое послѣдними дѣйствіями виленскаго епископа, потребовалъ формальнымъ образомъ явки его къ себѣ на судъ въ Гнѣзно. Бржостовскій не поѣхалъ, не смотря на принужденія самого короля. Въ 1694 г. примасъ собралъ къ себѣ многихъ духовныхъ лицъ польскаго королевства и изложилъ имъ поступокъ Бржостовскаго; 30 мая съѣздъ этотъ призналъ Бржостовскаго виновнымъ во всемъ, о чемъ и донесъ въ Римъ

По этому поводу въ слѣдующемъ году въ Польшу прибылъ папскій нунцій. Нунцій принялъ сторону Бржостовскаго и потребовалъ къ себѣ на судъ настоятелей монастырей и костеловъ, какъ ослушниковъ епископа; но они не явились. Нунцій донесъ папѣ. Дѣло приняло еще болѣе серьезное направленіе. Въ это самое время вся Рѣчь Посполитая, въ лицѣ своего дворянства и духовенства, раздѣлилась на двѣ части: одна стала на сторону Сапѣги и Родзіевскаго, а другая на сторону Бржостовскаго; первая состояла собственно изъ литовцевъ, вторая же изъ поляковъ. Вслѣдствіе волненій, поднятыхъ Бржостовскимъ и Сапѣгою, государственныя дѣла въ Рѣчи Посполитой совершенно остановились: ни король, ни сенатъ не знали, что дѣлать и за что приняться; да никто, впрочемъ, и не хотѣлъ дѣлать ничего серьезнаго; каждый изъ правительственныхъ лицъ Рѣчи Посполитой, принадлежа къ той или другой партіи, т. е. или къ партіи Сапѣги, или къ партіи Бржостовскаго, думалъ только о томъ, какъ бы надѣлать своимъ противникамъ побольше пакостей, если такъ можно выразиться.

Бржостовскій, чувствуя за собою большую силу, задумалъ уничтожить своего заклятаго врага Сапѣгу посредствомъ сеймоваго суда. Онъ уговорилъ короля созвать по этому поводу сеймъ въ Варшавѣ. Въ 1695 г., 12-го января, сеймъ былъ созванъ. Когда приступили къ избранію маршала для руководства преніями, то поднялся такой шумъ и крикъ, что не было никакой возможности произвести избранія: партія Бржостовскаго хотѣла избрать своего сторонника, а партія Сапѣги своего. Затѣмъ споръ скоро перешелъ въ ругань, а потомъ и въ драку. И ровно 40 дней сеймовые члены спорили, ругались и дрались! Дѣло кончилось тѣмъ, что 23-го февраля всѣ разъѣхались, не начавши своихъ засѣданій.

Между тѣмъ, спустя четыре мѣсяца, въ Вильнѣ произошло еще одно скандальное событіе, которое, такъ сказать, подлило масла въ огонь. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ праздникъ „Божьяго Тѣла" въ каѳедральный костелъ собрались всѣ монахи виленскихъ католическихъ монастырей и настоятели костеловъ, для участія въ процессіи по городу. По окончаніи обѣдни, которую служилъ самъ епископъ, началась процессія. Но лишь только прошли главную улицу, какъ произошелъ скандалъ: епископъ, при поворотѣ съ главной улицы, пошелъ съ настоятелями костеловъ въ одну сторону, а монахи и магистратъ—въ другую. Бржостовскій былъ приведенъ въ бѣшенство этимъ поступкомъ монаховъ и магистрата: онъ, не окончивъ процессіи, уѣхалъ домой. Вслѣдъ за этимъ Бржостовскій приступилъ къ цѣлому ряду проклятій—сначала онъ проклялъ монаховъ католическихъ орденовъ, а затѣмъ и членовъ магистрата. Проклятія происходили въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ въ праздничные дни. Въ заключеніе епископъ приказалъ затворить и

запечатать всѣ виленскіе монастыри и костелы и произнесъ интердиктъ на всю епархію, съ запрещеніемъ исповѣди и проповѣди.

Поражая проклятіемъ приверженцевъ Сапѣги, епископъ Бржостовскій не оставилъ въ покоѣ и сего послѣдняго. Въ то время, когда епископъ проклиналъ монаховъ и членовъ магистрата, Сапѣга удалился въ лагерь, находившійся около Дубенокъ, чтобы оттуда напасть на турокъ. Бржостовскій, узнавши объ этомъ, послалъ туда своихъ тайныхъ агентовъ, съ тѣмъ, чтобы они взбунтовали противъ Сапѣги войско и, такимъ образомъ, лишили бы гетмана власти. Но происки Бржостовскаго не удались: войско осталось вѣрнымъ своему полководцу, и гетманъ скоро одержалъ блистательную побѣду надъ турками.

Но вотъ въ слѣдующемъ году (1696-мъ) вдругъ изъ Рима пришло два рѣшенія: первое по поводу жалобы Бржостовскаго на монаховъ, а второе на апелляцію Сапѣги. Въ первомъ рѣшеніи папа приказывалъ, чтобы всѣ монахи виленскихъ монастырей испросили себѣ прощеніе у епископа Бржостовскаго подъ страхомъ отлученія отъ церкви и изгнанія изъ монастырей. Во второмъ папа поручалъ своему нунцію примирить гетмана съ епископомъ. Первое рѣшеніе было ударомъ для непокорныхъ монаховъ; они смирились и въ глубокомъ униженіи испросили прощеніе; въ то же время Бржостовскій снялъ проклятіе съ членовъ магистрата и другихъ лицъ, приказалъ открыть костелы и по прежнему отправлять богослуженіе и произносить проповѣди. Тогда же виленскій епископъ, при посредствѣ папскаго нунція, помирился съ гетманомъ Сапѣгою. Но, впрочемъ, этотъ послѣдній миръ не былъ искреннимъ: въ слѣдующее царствованіе друзья Бржостовскаго, подстрекаемые симъ послѣднимъ, вооружились противъ всей фамиліи Сапѣговъ и произвели страшную смуту въ Рѣчи Посполитой. Смута эта была причиною ослабленія всего Польскаго государства и въ то же время дала возможность Карлу XII, какъ увидимъ ниже, разгромить Польшу и лишить ея короля Августа II престола.

Янъ Собѣсскій не дождался окончанія борьбы между Сапѣгою и Бржостовскимъ: 17 іюня 1696 г., въ 9 ч. утра, онъ скончался отъ подагры и каменной болѣзни. Говорятъ, что предъ смертію придворные просили Собѣсскаго, чтобы онъ составилъ завѣщаніе на счетъ избранія ему преемника, но онъ съ усмѣшкою отвѣчалъ: „Смѣшно было бы съ моей стороны писать завѣщаніе въ надеждѣ, что послѣ моей смерти исполнятъ мою волю тѣ люди, которые не исполняли ее при моей жизни“.

Августъ II.

1698—1733 г.

Не смотря на то, что почти ни одинъ изъ польскихъ королей не могъ похвалиться спокойною и счастливою жизнію на своемъ престолѣ,

по смерти Собѣсскаго явилось семь кандидатовъ на этотъ престолъ. Старшій сынъ покойнаго короля Іаковъ болѣе другихъ имѣлъ надежды на полученіе польско-литовскаго престола, но мать его, вдовствующая королева Марія, такъ была озлоблена на сына, что со слезами на глазахъ просила членовъ избирательнаго сейма и сенаторовъ не избирать его. Она даже, какъ передаютъ историки, не согласилась выдать изъ своей сокровищницы корону, чтобы возложить ее на голову мертваго короля, пока тотъ будетъ погребенъ,—и знаменитый Собѣсскій до самыхъ похоронъ лежалъ въ гробу безъ короны: голову его покрывала шляпа.

Вслѣдствіе интригъ и подкуповъ вдовствующей королевы, партія, желавшая было возвести на престолъ Рѣчи Посполитой сына покойнаго короля Іакова, мало-по-малу начала слабѣть, а потомъ скоро и совсѣмъ разстроилась. Когда же открылся избирательный сеймъ, то обозначились двѣ новыхъ партіи, изъ коихъ каждая выставила своего кандидата. Первая партія была, такъ называемая, французская; она хотѣла возвести на польскій престолъ французскаго принца де-Конта. Вторая—саксонская; эта партія думала возвести на польско-литовскій престолъ курфирста саксонскаго Фридриха-Августа. Фридрихъ-Августъ и самъ добивался польскаго престола; онъ даже обѣщалъ полякамъ, что, въ случаѣ его избранія, приметъ католичество (онъ былъ протестантъ) и подаритъ сеймовымъ членамъ 10 милліоновъ злотыхъ ($1^1/_2$ мил. рублей серебр.).

27 іюня 1697 г. и та, и другая партія провозгласила, каждая отдѣльно, своего собственнаго кандидата. Поэтому въ одинъ и тотъ же день, въ одномъ и томъ же костелѣ св. Іоанна, сперва примасъ-архіепископъ со своею партіею пропѣлъ „Тебе, Бога хвалимъ“ за избраніе королемъ принца де-Конта, а потомъ епископъ куявскій со своею партіею пропѣлъ ту же благодарственную пѣснь Богу за избраніе курфирста саксонскаго Августа. Послѣ этого каждая партія послала депутатовъ къ своему избранному кандидату съ приглашеніемъ вступить на престолъ. Но такъ какъ Августъ былъ ближе къ мѣсту своего избранія, то онъ и упредилъ прибытіемъ въ Варшаву принца де-Конта. Чтобы привлечь на свою сторону примаса-архіепископа, Августъ заплатилъ ему значительную сумму денегъ и тотъ 15 сентября 1698 г. короновалъ его.

Между тѣмъ и принцъ де-Контъ, получивши увѣдомленіе о своемъ избраніи на польскій престолъ, отправился въ Варшаву, но только не сухимъ путемъ, а моремъ. Прибывши въ Гданскъ, онъ узналъ, что въ Польшѣ уже избранъ король и коронованъ архіепископомъ, поэтому долженъ былъ обратно вернуться во Францію.

Въ то время, когда въ Рѣчи Посполитой, послѣ смерти Собѣсскаго, занимались избраніемъ новаго короля, турки, пользуясь этимъ, без-

престанно нападали на Волынь и безнаказанно опустошали ее. Поэтому Августъ, какъ только вступилъ на польскій престолъ, немедленно послалъ было противъ нихъ польско-саксонскія войска. Но войска эти не дошли до мѣста: на половинѣ пути военачальники перессорились и даже передрались между собою и вернулись назадъ домой, не видавъ и въ глаза турокъ. Къ счастію поляковъ, въ это самое время Петръ I взятіемъ Азова, а Австрія другими своими побѣдами надъ турками заставили сихъ послѣднихъ заключить съ Августомъ II миръ, по которому турки уступили даже Рѣчи Посполитой Каменецъ-Подольскъ.

Но лишь только Польша успокоилась нѣсколько извнѣ, какъ внутри ея началось страшное междоусобіе. Оно началось въ Литвѣ между двумя знатными литовскими фамиліями—Сапѣгами и Огинскими. Междоусобіе это было продолженіемъ той ссоры, которая начата была еще при Собѣсскомъ между виленскимъ епископомъ и гетманомъ Сапѣгою, и продолжалась почти во все царствованіе Августа II.

Борьба между знатными литовскими фамиліями — Сапѣгами, Огинскими, Вишневецкими и др. По смерти Яна Собѣсскаго, въ періодъ междуцарствія, Казимиръ Сапѣга, гетманъ литовскій, опираясь на войско, заставилъ сенатъ сдѣлать сына своего Юрія жмудскимъ маршаломъ и предсѣдателемъ каптуроваго суда [1]). Но назначеніемъ этимъ осталась недовольна фамилія Огинскихъ; она боялась, какъ бы Сапѣги не захватили въ свои руки всей власти въ Литовскомъ государствѣ. Между тѣмъ, о неудовольствіяхъ Огинскихъ на Сапѣговъ узналъ виленскій епископъ Бржостовскій, который и рѣшился воспользоваться этимъ, чтобы подбить Огинскихъ на своихъ бывшихъ враговъ. И дѣйствительно, благодаря содѣйствію жмудскаго епископа Кришпина, Бржостовскій скоро достигъ своей цѣли: между Сапѣгами и Огинскими началась борьба.

Изъ фамиліи Огинскихъ прежде всѣхъ началъ враждебныя дѣйствія противъ Сапѣговъ литовскій хорунжій Станиславъ Огинскій. Онъ вмѣстѣ со своими друзьями разослалъ универсалы по всѣмъ литовскимъ и жмудскимъ повѣтамъ съ приказаніемъ всей шляхтѣ явиться въ мѣстечко Скорстимони [2]). Мотивомъ этого призыва въ универсалахъ было

---

[1]) Въ Польшѣ и въ Литовскомъ государствѣ по смерти короля, во время междуцарствія, всѣ суды обыкновенно закрывались и вмѣсто нихъ на сеймикахъ всѣхъ воеводствъ и повѣтовъ избирались особые судьи, числомъ до 15, которые рѣшали всѣ дѣла—уголовныя и гражданскія. Судьямъ этимъ еще предоставлено было право ловить и судить всякаго нарушителя порядка и общественнаго спокойствія; право это называлось „libera captura"—дозволенная поимка, отъ чего и самый судъ получилъ названіе каптуроваго. Судъ этотъ уничтоженъ въ 1768 году.

[2]) Подобные универсалы имѣлъ право издавать одинъ только сеймъ подъ предсѣдательствомъ короля. Но вслѣдствіе страшныхъ безпорядковъ въ Рѣчи

выставлено то, чтобы вооруженною силою поддержать права старшаго сына Собѣсскаго (это было еще до избранія Августа II) Іакова на польско-литовскій престолъ. Но на самомъ-то дѣлѣ цѣлію сего призыва было то, чтобы при содѣйствіи шляхты отнять у Казимира Сапѣги гетманскую власть. Объ этомъ скоро узналъ самъ гетманъ; онъ немедленно послалъ своего сына Юрія къ мѣстечку Скорстимони съ отрядомъ войска, чтобы разогнать собравшуюся шляхту. Молодой Сапѣга, придя къ Скорстимони, никого не нашелъ тамъ: Огинскій и его друзья, испуганные приближеніемъ Юрія Сапѣги, бросились къ Брестъ-Литовску и тамъ заключились въ окопы. Юрій тоже повернулъ за ними къ Бресту и остановился у окоповъ. Но такъ какъ онъ одинъ не могъ сладить съ скрывшимся въ окопахъ непріятелемъ, то просилъ къ себѣ на помощь отца. Казимиръ Сапѣга поспѣшилъ на зовъ своего сына; придя къ Бресту, онъ обложилъ Огинскаго съ его друзьями и шляхтою и сталъ томить ихъ голодомъ. Осажденные, терпя большой недостатокъ въ провіантѣ, принуждены были вступить съ гетманомъ въ переговоры. Они обѣщались сдаться Сапѣгѣ на капитуляцію, если онъ проститъ ихъ вину и выдастъ имъ жалованье впередъ за мѣсяцъ; гетманъ обѣщалъ, только просилъ обождать выдачи денегъ; на этомъ враги и помирились пока.

Но вотъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а гетманъ Сапѣга между тѣмъ не исполнялъ своего обѣщанія на счетъ выдачи жалованья; когда же ему объ этомъ напомнили, то онъ прямо заявилъ, что изъ своихъ денегъ не будетъ платить, а казенныхъ нѣтъ. Отказъ въ обѣщанномъ жалованьи былъ причиною новой ссоры Сапѣги съ Огинскимъ, и на этотъ разъ ссора была гораздо сильнѣе.

Благодаря содѣйствію друзей, Станиславъ Огинскій привлекъ на свою сторону значительную часть войска и, опираясь на него, сталъ раздражать Казимира Сапѣгу, называя его воромъ и мошенникомъ за невыдачу обѣщаннаго жалованья; гетманъ пожаловался королю Августу II. Король послалъ приказаніе Огинскому распустить войско и подчиниться Сапѣгѣ, какъ гетману. Но Огинскій не распустилъ войска; онъ отправился въ Варшаву и тамъ при помощи своихъ доброжелателей успѣлъ расположить къ себѣ короля, который не только сталъ благосклоннѣе относиться къ нему, но даже видимо охладѣлъ къ гетману.

Пользуясь расположеніемъ короля и поддержкою многочисленныхъ друзей, Огинскій, вернувшись въ Литву, вмѣстѣ со своими сообщниками собралъ около 20,000 чел. войска и съ нимъ напалъ на владѣнія Сапѣговъ и сталъ ихъ грабить и опустошать; вслѣдъ затѣмъ Огинскій

Посполитой, правомъ этимъ иногда, подъ видомъ общаго блага, пользовались незаконно многіе богатые и сильные польскіе магнаты.

ворвался въ Жмудь и тамъ началъ производить то же самое, что и въ имѣніяхъ Сапѣговъ. Огинскій золъ былъ на жмудскихъ пановъ и хотѣлъ отомстить имъ за то, что тѣ стояли на сторонѣ Сапѣги и поддерживали его. Между тѣмъ, гетманъ Сапѣга, не успѣвши собрать достаточнаго войска, чтобы вступить въ открытую борьбу съ Огинскимъ, обратился съ новою жалобою къ королю. Но король на эту жалобу не обратилъ вниманія; напротивъ, онъ даже, какъ говорятъ, радовался тому, что литовскіе паны подверглись нападенію Огинскаго. Августъ недоволенъ былъ литовскими панами за то, что они противились его избранію.

Сапѣга, увидѣвши, что король не предпринимаетъ никакихъ мѣръ противъ его врага, рѣшился самъ дѣйствовать противъ него. Онъ прежде всего, также съ помощью своихъ друзей, постарался собрать тоже около 20,000 войска, съ которымъ, въ свою очередь, сталъ нападать на имѣнія Огинскаго и его сообщниковъ. Съ этого времени внутри Литовскаго государства дѣйствительно запылала междоусобная война и притомъ война, сопровождавшаяся страшными жестокостями и насиліями надъ сельскими и городскими жителями, ни въ чемъ неповинными. Города, села, мѣстечки и деревни въ Литвѣ и Жмуди предавались разграбленію и сожженію; цѣлыя тысячи людей остались безъ крова и пищи; воровство, разбои, грабежи, насилія и т. п. сдѣлались обыкновеннымъ явленіемъ; общая паника охватила всѣхъ: всѣ трепетали или за жизнь, или за имущество. Сенатъ, духовенство и многія высокопоставленныя лица, вообще всѣ друзья мира, такъ сказать, стали просить короля помирить враждующихъ, а въ случаѣ несогласія ихъ на это, усмирить вооруженною рукою. Король послушался. Сначала онъ послалъ довѣренныхъ лицъ къ Огинскому и Сапѣгѣ съ предложеніемъ мира, а когда тѣ отклонили это предложеніе, то отправилъ 20,000 войска, лично ему принадлежащаго, именно, саксонцевъ. Но войско это не столько пользы принесло, сколько вреда. Признавая себя чуждымъ Рѣчи Посполитой, войско Августа II, гдѣ только приходилось останавливаться ему для стоянки, производило страшныя безчинства: оно разоряло и опустошало имѣнія духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, подвергало ужаснымъ истязаніямъ тѣхъ, кто имъ противился, насиловало женъ и дочерей и т. п. Противъ королевскаго войска поднялся ропотъ по всей Литвѣ и Жмуди; начались тысячи судебныхъ процессовъ; Августъ долженъ былъ вывести свое войско, тѣмъ болѣе, что въ немъ не было нужды, такъ какъ борьба Сапѣги съ Огинскимъ начала, къ счастью для Польши, утихать и воюющіе завели переговоры о мирѣ.

Очень можетъ быть, что начатые переговоры Огинскихъ съ Сапѣгою кончились бы успѣшно, еслибы не присоединилось сюда одно непредвидѣнное обстоятельство, которое послужило къ возобновленію

борьбы между двумя названными магнатами и на этотъ разъ еще съ большимъ ожесточеніемъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Наступило въ г. Вильнѣ время трибуналовъ. Два молодыхъ князя—Михаилъ и Янушъ Вишневецкіе—наканунѣ открытія трибуналовъ, рано утромъ, проѣзжали по Ивановской улицѣ, направляясь къ отведенной имъ квартирѣ; но какъ разъ въ это время и на этой же улицѣ князья Вишневецкіе повстрѣчались съ гетманомъ Сапѣгою, который возвращался съ бала, бывшаго у польскаго гетмана Служки, на Антоколѣ. Карету Сапѣги, по обыкновенію, окружали гайдамаки, которые, благодаря угощенію Служки, на этотъ разъ были пьяны. Послѣдніе, увидѣвши карету князей Вишневецкихъ, запряженную булаными лошадьми, бросились къ ней и стали сгонять съ дороги: они думали, что карета принадлежитъ Коцеллу, каштеляну г. Вильны, главному врагу гетмана, такъ какъ Коцеллъ имѣлъ обыкновеніе ѣздить на буланыхъ лошадяхъ. Своеволіе гайдамаковъ Сапѣги привело въ раздраженіе свиту Вишневецкихъ, сопровождавшую карету молодыхъ князей [1]). Вслѣдствіе этого произошла сначала ссора, а потомъ и драка; при этомъ пущены были въ ходъ не только кулаки и ременныя плетки, которыми погоняютъ лошадей, но и огнестрѣльное оружіе. Въ это время минскій ротмистръ Цедровскій, находившійся въ свитѣ Вишневецкихъ, подскочилъ къ каретѣ, гдѣ сидѣлъ Сапѣга, и выстрѣлилъ въ дремавшаго гетмана. Цедровскій навѣрное убилъ бы гетмана, но, къ счастью сего послѣдняго, заряженный пистолетъ оказался безъ пули: ротмистръ, заряжая пистолетъ, забылъ положить въ него пулю. Испуганный гетманъ выскочилъ изъ своей кареты и приказалъ стрѣлять въ карету Вишневецкихъ, думая, подобно своимъ гайдамакамъ, что въ ней ѣдетъ Коцеллъ; князья Вишневецкіе были ранены. На этотъ шумъ изъ гауптвахты прибѣжали солдаты и хотѣли арестовать всѣхъ ѣдущихъ, но тутъ сейчасъ же дѣло и объяснилось: Сапѣга и гайдамаки поняли свою ошибку. Гетманъ немедленно приказалъ везти Вишневецкихъ въ свой домъ, уложилъ ихъ въ постели и сталъ лѣчить на собственныя средства, причемъ оказалъ имъ самое искреннее участіе и всѣми силами старался оправдаться предъ ними и убѣдить ихъ въ своей невинности. Но князья Вишневецкіе, не смотря на всѣ просьбы гетмана извинить ему за происшествіе на Ивановской улицѣ, не извинили. Правда, они, живя въ его домѣ, не высказывали этого, но лишь только выздоровѣли и перебрались въ свои помѣстья, какъ объявили себя врагами Сапѣги. Не рѣшаясь же одни начать борьбы съ сильнымъ гетманомъ, Вишне-

---

[1]) Въ Польшѣ и Литвѣ было въ обычаѣ, если какой-нибудь богатый панъ выѣзжалъ изъ дому, то за нимъ обыкновенно тянулась и вся его свита. Свита у каждаго была многочисленна и состояла изъ бездомной шляхты.

вецкіе обратились къ Огинскому, стали просить его, чтобы онъ прервалъ съ Сапѣгою переговоры о мирѣ и началъ бы съ нимъ новую борьбу, причемъ князья предложили Огинскому и свою помощь. Послѣ долгихъ колебаній Огинскій принялъ предложеніе Вишневецкихъ, и, такимъ образомъ, началась новая борьба Огинскихъ съ Сапѣгою, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь у Огинскихъ силы и друзья увеличились, а у Сапѣги наоборотъ.

Эта новая борьба Огинскаго съ Сапѣгою имѣетъ тѣсную связь съ борьбою Августа II съ шведскимъ королемъ Карломъ XII. Борьба вышеозначенныхъ литовскихъ магнатовъ между собою была, какъ мы уже разъ замѣтили выше, одною изъ главныхъ причинъ разгрома Карломъ XII Рѣчи Посполитой и опустошенія сего государства.

Союзъ Августа II съ русскимъ царемъ Петромъ I и датскимъ королемъ Христіаномъ V противъ шведскаго короля Карла XII. Продолженіе борьбы Сапѣги съ Огинскимъ и новыми друзьями сего послѣдняго Вишневецкими. Измѣна Сапѣги своему отечеству. Вступая на польскій престолъ, Августъ II далъ слово полякамъ возвратить имъ Лифляндію, отторгнутую отъ Рѣчи Посполитой шведскимъ королемъ Карломъ X [1]). Поэтому Августъ II лишь только кончилъ въ 1699 г. войну съ турками, какъ вступилъ въ союзъ съ русскимъ царемъ Петромъ I и датскимъ королемъ Христіаномъ V противъ Швеціи, гдѣ въ это время царствовалъ Карлъ XII, восемьнадцатилѣтній юноша [2]).

Лѣтомъ въ 1700 г. польскій король Августъ II, собравши свои саксонскія войска, выступилъ противъ Швеціи и осадилъ г. Ригу. Но въ то самое время, какъ король занятъ былъ осадою г. Риги, въ Литовскомъ государствѣ началась новая борьба между магнатами: Сапѣги съ Огинскимъ и Вишневецкими. Борьба эта, какъ мы видѣли, возобновилась вслѣдствіе подстрекательства Вишневецкихъ Огинскаго противъ Сапѣги.

Августъ II, уѣзжая въ Лифляндію, просилъ сеймъ, чтобы онъ, въ отсутствіе его, собралъ войско и прислалъ бы ему на помощь подъ Ригу. Сеймъ не исполнилъ просьбы короля. А между прочимъ этимъ самымъ воспользовались враги Сапѣги—Огинскій и Вишневецкіе. Они,

---

[1]) Поляки уступили шведамъ Лифляндію въ 1660 году 3 мая по Оливодансцигскому миру.

[2]) Петръ I вступилъ въ союзъ съ Августомъ II и Христіаномъ V потому, что хотѣлъ завоевать берега Балтійскаго моря и приблизить къ нимъ Россію. На первыхъ порахъ война была неудачна для союзниковъ: Карлъ XII сначала разбилъ на голову Христіана V и принудилъ его отказаться отъ союза съ Петромъ и Августомъ; потомъ поразилъ русскихъ подъ Нарвою и затѣмъ обратился на Августа II; за нимъ Карлъ долго гонялся по Польшѣ, взялъ Варшаву, Краковъ и лишилъ Августа престола.

подъ предлогомъ помощи королю противъ шведовъ, собрали въ Ошмянскомъ повѣтѣ, въ мѣстечкѣ Ольденикахъ [1]), болѣе 20,000 шляхты и предводителемъ ея назначили Михаила Вишневецкаго; затѣмъ приняли титулъ „патріотической конфедераціи" и объявили себя защитниками Рѣчи Посполитой отъ зловредныхъ дѣйствій Сапѣги.

Узнавши о дѣйствіяхъ Огинскаго и Вишневецкихъ, литовскій гетманъ Сапѣга, съ своей стороны, собралъ около 10,000 войска, съ которымъ и двинулся противъ конфедератовъ. 17-го ноября 1700 г., недалеко отъ Ольденикъ, между гетманомъ и конфедератами, предводительствуемыми Михаиломъ Вишневецкимъ, произошла кровопролитная битва. Она началась рано утромъ и продолжалась ровно шесть часовъ. Битва кончилась совершеннымъ пораженіемъ гетмана. Во время этой битвы измѣннически взятъ былъ въ плѣнъ сынъ Сапѣги Михаилъ. Конфедераты привезли его въ Ольденики, гдѣ на слѣдующій день, часовъ въ 5 утра, по настоянію виленскаго каноника Бялозора, былъ умерщвленъ шляхтою самымъ безчеловѣчнымъ образомъ (его изрубили саблями въ куски) [2]).

Спустя дней пять послѣ пораженія гетмана Сапѣги подъ Ольдениками, Огинскій и Вишневецкіе двинулись въ Вильну, гдѣ скрылся гетманъ. Они думали поймать его тамъ и такъ же поступить съ нимъ, какъ шляхта изъ ихъ конфедераціи поступила съ сыномъ его. Но Сапѣга, предупрежденный объ этомъ заранѣе, бѣжалъ въ Варшаву.

Оставшись главными дѣятелями въ Литвѣ, Огинскій и Вишневецкій, по прибытіи въ г. Вильну, издали отъ себя универсалъ, въ которомъ объявляли Сапѣгу и его друзей врагами отечества, исключенными изъ подъ покровительства законовъ и достойными смертной казни и конфискаціи имущества.

---

[1]) Ольденики—мѣстечко на берегахъ р. Меречи, въ 56 верст. отъ Вильны; въ немъ былъ великолѣпный дворецъ польскихъ королей.

[2]) Нѣкоторые историки говорятъ, что причиною пораженія Сапѣги подъ Ольдениками былъ виленскій епископъ Бржостовскій. Они разсказываютъ, что епископъ, прикинувшись другомъ гетмана, подбилъ Сапѣгу напасть на Огинскаго и Вишневецкихъ, хотя хорошо зналъ, что у него вдвое меньше войска, чѣмъ у сихъ послѣднихъ. Говорятъ также, что Бржостовскій принималъ дѣятельное участіе въ трагической смерти молодого Сапѣги—и это очень можетъ быть; въ самомъ дѣлѣ: всѣ историки говорятъ, что молодой Сапѣга убитъ по настоянію Бялозора, но вѣдь Бялозоръ былъ виленскій каноникъ, слѣдовательно подчиненный Бржостовскому, поэтому спрашивается, могъ ли онъ дѣйствовать противъ молодого Сапѣги безъ дозволенія своего начальника, который тогда тутъ же находился? Молодой Сапѣга, по словамъ современниковъ, былъ человѣкъ высокихъ качествъ: благородный, ученый, храбрый, рыцарской честности; онъ всѣ силы употреблялъ помирить отца съ его врагами, но напрасно, и погибъ онъ какъ герой.

Благодаря такого рода универсалу, изданному врагами Сапѣги, Литва представляла въ это время печальную картину: родственники и знакомые Сапѣги,—а ихъ было не мало,—принуждены были бросить свои дома и свои помѣстья и скрываться отъ Огинскаго и Вишневецкихъ, гдѣ только возможно: большая часть ихъ эмигрировала за границу, остальные прятались въ лѣсахъ, болотахъ, горахъ, монастыряхъ, подземельяхъ и т. п. По дорогамъ умножились грабежи, разбои и воровства. Никто не былъ увѣренъ въ своей безопасности и обладаніи собственнаго имущества. Многочисленныя шайки бродягъ нападали на цѣлыя селенія, грабили ихъ и сожигали. Голодная шляхта изъ отрядовъ Огинскаго и Вишневецкихъ дѣйствовала внутри Литвы хуже чѣмъ самые оборванные бродяги: она, врываясь въ селенія, не только грабила и уничтожала все, что только попадалось подъ руки ей, но предавала истязаніямъ самихъ обывателей подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы они друзья гетмана Сапѣги, и насиловала ихъ женъ и дочерей. Въ это тяжелое и мрачное время въ Рѣчи Посполитой больше всего доставалось православнымъ: по свидѣтельству современниковъ, русскіе въ это время терпѣли такія насилія и подвергались такимъ истязаніямъ отъ польской шляхты, что думали наступилъ конецъ міра. При приближеніи же войскъ патріотической конфедераціи (т. е. Огинскаго и Вишневецкихъ) тѣ русскіе и православные жители Рѣчи Посполитой, которые не успѣвали уйти куда-нибудь или скрыться гдѣ-нибудь, каждый разъ исповѣдывались и причащались, готовясь къ смерти.

Между тѣмъ, гетманъ Сапѣга, бѣжавшій отъ своихъ враговъ въ Варшаву, обратился съ жалобою на Огинскаго и Вишневецкихъ къ королю [1]) и архіепископу-примасу; въ пространномъ письменномъ донесеніи Сапѣга подробно изложилъ противозаконныя дѣйствія „литовской патріотической конфедераціи“, какъ величали себя враги гетмана, и просилъ ихъ принять энергичныя мѣры противъ конфедератовъ, такъ какъ поступки ихъ грозятъ гибелью для всей Рѣчи Посполитой. Король и примасъ, прочитавши донесеніе гетмана, дѣйствительно рѣшились было обратить вниманіе на дѣйствія Огинскаго и Вишневецкихъ; по ихъ старанію сначала учреждена была изъ шести сенаторовъ особая комиссія для разсмотрѣнія поступковъ конфедератовъ, а затѣмъ предложено было сейму, только что начавшему свои засѣданія по дѣламъ борьбы со шведами, разрѣшить принять энергическія мѣры противъ конфедератовъ. Но это ни къ чему не повело: комиссія, вслѣдствіе разногласія членовъ, не только не приступила къ своимъ занятіямъ, но оффиціально даже не была и открыта, а сеймъ по ка-

---

[1]) Король въ это время уже вернулся изъ подъ г. Риги.

кимъ-то интригамъ отказалъ во всемъ, что предполагалось сдѣлать противъ Огинскаго и Вишневецкихъ.

Враги Сапѣги—Огинскій и Вишневецкіе, видя безуспѣшность гетмана, рѣшились окончательно погубить сего послѣдняго. Съ этою цѣлію они стали увеличивать свое войско, которое и довели скоро тысячъ до тридцати. Гетманъ же Сапѣга, увидѣвши, что противъ него собирается новая сила и притомъ гораздо большая, чѣмъ прежде, опять обратился къ королю; на этотъ разъ онъ просилъ Августа, чтобы тотъ оградилъ его личность отъ предстоящей опасности, но король не обратилъ вниманія на эту просьбу, потому что въ сіе время онъ самъ уже сблизился съ конфедератами и сталъ на ихъ сторону. Дѣло вотъ въ чемъ: мы видѣли выше, что Августъ II, отправляясь подъ г. Ригу, просилъ сеймъ, чтобы тотъ собралъ войско и прислалъ бы ему на помощь туда; но сеймъ, какъ мы знаемъ, не исполнилъ просьбы короля, поэтому король съ одними своими саксонскими войсками долженъ былъ вести осаду г. Риги. Три мѣсяца Августъ осаждалъ Ригу и кончилъ дѣло тѣмъ, что, вслѣдствіе малочисленности войска, снялъ осаду и прибылъ въ Варшаву, гдѣ снова обратился за помощью къ сейму, но сеймъ опять отказалъ. Что было дѣлать королю? одно изъ двухъ—или бросить начатое имъ дѣло, или же сблизиться съ такъ называемою „патріотическою конфедераціей“ и воспользоваться ея войсками. Послѣ долгихъ колебаній, Августъ II выбралъ послѣднее. Огинскій и Вишневецкіе очень рады были этому; они обѣщались дѣйствовать согласно съ желаніемъ короля, но за эту услугу они упросили короля позволить имъ при случаѣ наказать примѣрнымъ образомъ своего заклятаго врага—Сапѣгу; король далъ согласіе.

О состоявшейся сдѣлкѣ между королемъ и врагами Сапѣги скоро сдѣлалось извѣстно сему послѣднему; гетману теперь ясно стало, почему король не обратилъ вниманія на его послѣднюю просьбу; поэтому онъ, не видя другого исхода, рѣшился измѣнить отечеству и перейти на сторону Карла XII, что онъ и сдѣлалъ въ концѣ 1700 года.

Вторженіе Карла XII въ предѣлы Рѣчи Посполитой и борьба его съ Августомъ II. Прибытіе такого знатнаго лица, каковъ былъ Сапѣга, чрезвычайно обрадовало шведскаго короля, тѣмъ болѣе, что это случилось какъ разъ въ то время, когда король, раздѣлавшись съ Христіаномъ V и разбивши Петра I подъ Нарвою, намѣревался двинуться въ Курляндію, чтобы напасть на войско Августа II, которое, послѣ неудачной осады г. Риги, расположено было въ той мѣстности на зимнія квартиры.

Въ концѣ 1700 г. Карлъ XII началъ стягивать въ Курляндію свою армію. Въ началѣ 1701 г. она уже вся была сосредоточена тамъ. Польскій король пришелъ въ ужасъ: онъ немедленно обратился за помощью къ русскому царю Петру I. По этому поводу въ 1701 году

26 февраля въ Жмуди, въ мѣстечкѣ Биржахъ происходило свиданіе между Августомъ II и Петромъ I; тутъ былъ заключенъ окончательный договоръ съ русскимъ царемъ. Въ силу этого договора русскій царь обѣщалъ прислать Августу II нѣсколько полковъ вспомогательнаго войска.

Обѣщанная помощь дѣйствительно была прислана въ маѣ, но она существенной пользы не принесла: въ концѣ іюня Карлъ XII напалъ на союзныя войска, которыми командовалъ Штейнау и разбилъ ихъ на голову.

Послѣ этого Карлъ XII, по совѣту польскаго гетмана Сапѣги, отправилъ въ Жмудь часть своего войска, подъ начальствомъ трехъ предводителей, для занятія нѣкоторыхъ стратегическихъ пунктовъ. Противъ него, по просьбѣ Августа II, выступилъ было Огинскій, врагъ Сапѣги. Но подойдя къ шведамъ, Огинскій почему-то не рѣшился напасть на нихъ, хотя имѣлъ вдвое больше войска, чѣмъ непріятель: онъ ограничился только тѣмъ, что сталъ наблюдать за шведами и отъ нечего дѣлать занялся грабежемъ духовныхъ имѣній въ Жмуди, за что католическій епископъ грозилъ ему проклятіемъ.

Въ концѣ ноября въ Жмудь пріѣхалъ самъ Карлъ XII. Соединивши свои разбросанные отряды, шведскій король двинулся на Огинскаго, но тотъ быстро началъ отступать во внутрь Литвы, опустошая на пути всѣ помѣстья обывателей, хуже чѣмъ самые шведы, по словамъ одного современника. Въ концѣ декабря Огинскій прибылъ въ Вильну, гдѣ нашелъ друга своего Вишневецкаго, которому и передалъ начальство надъ своимъ войскомъ, какъ болѣе опытному.

Между тѣмъ, Карлъ XII, не настигши Огинскаго, занялъ Ковну. Но въ Ковнѣ шведскій король не долго прожилъ: узнавши, что Вишневецкій, имѣя въ пять разъ сильнѣйшее войско, думаетъ напасть на него, оставилъ городъ и быстро направился въ Курляндію, откуда немедленно привелъ въ Жмудь всю свою армію. 17 января 1702 г. онъ въ четырехъ верстахъ отъ г. Россіенъ, въ мѣстечкѣ Бѣловицахъ, устроилъ свою главную квартиру, а съ марта мѣсяца началъ дѣйствовать противъ Вишневецкаго, проживавшаго въ это время въ Вильнѣ. Первая значительная битва между шведами и Вишневецкимъ произошла около мѣстечка Езно и кончилась совершеннымъ пораженіемъ Вишневецкаго: въ этой битвѣ поляки потеряли десять пушекъ.

15 марта около мѣстечка Дорсунишекъ между Вишневецкимъ и шведами произошла новая битва. На этотъ разъ шведы, не смотря на отчаянную храбрость, были разбиты на голову, причемъ и главнокомандующій ихъ генералъ Гуммеріельмъ попался въ плѣнъ[1]).

[1]) Шведы были разбиты потому, что у нихъ было очень мало войска, тысячи 2, а у Вишневецкаго 6.

Карлъ XII, узнавши объ истребленіи отряда Гуммеріельма и взятіи въ плѣнъ самого предводителя, отдалъ приказаніе генералу Мернеру и полковнику Стембоку немедленно овладѣть Вильною, чтобы этимъ самымъ лишить Вишневецкаго опоры для борьбы. 5 апрѣля Мернеръ и Стембокъ исполнили порученіе своего короля самымъ блестящимъ образомъ: они съ такою быстротою бросились на Вильну и такъ неожиданно напали на нее, что самъ Вишневецкій едва успѣлъ сѣсть на коня и выѣхать за городъ въ поле. За нимъ погнался было одинъ шведскій солдатъ, который догналъ его, схватилъ за поводъ лошади и сталъ поворачивать обратно въ Вильну; но въ это время подскочилъ какой-то литовскій ополченецъ и убилъ шведскаго солдата.

Мернеръ и Стембокъ, овладѣвъ Вильною, захватили много пушекъ, лошадей и фуража; кромѣ того, они получили отъ жителей въ видѣ контрибуціи: 148,605 злотыхъ деньгами, 1859 фунтовъ пороху и 2503 ф. свинцу.

Между тѣмъ, Вишневецкій, выгнанный изъ Вильны, задумалъ было напасть на Ковну, которая была занята шведами, но потерпѣлъ неудачу: два раза онъ на нее нападалъ и два раза былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Послѣ этого Вишневецкій удалился за Вильну, гдѣ соединился съ Огинскимъ, который привелъ къ нему значительное подкрѣпленіе.

Примѣчаніе. Гуммеріельмъ—одинъ изъ храбрѣйшихъ шведскихъ генераловъ и любимцевъ Карла XII. По привозѣ въ Вильну, поляки бросили его въ тюрьму и думали тамъ уморить голодомъ; но іезуиты вмѣшались въ это дѣло: они выпросили Гуммеріельма себѣ на попеченіе. Окружили его всѣми удобствами и въ продолженіе всего плѣна были къ нему въ высшей степени предупредительны. Больше всѣхъ іезуитовъ оказывалъ свое расположеніе къ плѣнному шведскому генералу іезуитъ о. Беренсъ. Объ этомъ сдѣлалось извѣстно Карлу XII, который въ благодарность послалъ Беренсу дорогой подарокъ. Гуммеріельмъ пробылъ въ плѣну 20 мѣсяцевъ. Въ 1703 г., въ декабрѣ, Гуммеріельмъ былъ освобожденъ изъ плѣна; но при этомъ шведскій король Карлъ XII пожелалъ видѣть и о. іезуита Беренса и лично поблагодарить его. Во время аудіенціи Карлъ спросилъ іезуита:

— Чѣмъ могу я отблагодарить васъ, о. Беренсъ, за ваше великодушіе?

— Есть одна просьба, сказалъ іезуитъ.

— Если она возможна, то готовъ для васъ, о. Беренсъ, ее исполнить, какая же?

— Позвольте, ваше величество, поселиться двумъ іезуитамъ хотя въ Лапландіи; они будутъ жить тамъ на свой собственный счетъ, платить подати и никуда не выходить, а если кто изъ нихъ рѣшится оставить свое жилище, а тѣмъ болѣе разъѣзжать по государству и учить дѣтей, то вы можете того казнить смертію.

— Но что они тамъ будутъ дѣлать? спросилъ удивленный король.

Въ то время, какъ большая часть Литвы занята была шведами, самъ польскій король Августъ II находился въ Варшавѣ и бездѣйствовалъ: сеймъ по прежнему не давалъ ему войска; мало того, сеймъ даже высказалъ порицаніе королю за начатіе имъ войны съ Карломъ XII; наконецъ, дѣло дошло до того, что сеймъ отправилъ нѣскольких депутатовъ къ Карлу въ мѣстечко Деуговицы, гдѣ онъ въ это время находился съ своимъ штабомъ, съ просьбою прекратить войну и заключить съ нимъ миръ. Но шведскій король принялъ депутатовъ холодно и прямо заявилъ, что если они желаютъ заключить съ нимъ миръ, то пусть лишатъ своего короля престола и заплатятъ ему военныя издержки (т. е. контрибуцію), въ противномъ случаѣ онъ самъ лишитъ Августа II престола и на мѣсто его возведетъ другого, а съ нихъ возьметъ такую контрибуцію, какая ему вздумается. Послы никакъ не ожидали этого, а потому явились въ Варшаву сильно сконфуженные пріемомъ шведскаго короля.

Разставшись съ польскими послами, Карлъ сейчасъ же изъ Литвы двинулся въ глубь собственной Польши, куда приказалъ идти и тѣмъ войскамъ, которыя занимали Ковну и Вильну. Послѣ этого въ Литовскомъ государствѣ осталось очень немного шведскаго войска, которое притомъ разсыпано было мелкими отрядами. Но, не смотря на это, шведское войско, какъ въ высшей степени дисциплированное, пред-

— Ничего, только жить и молиться Богу. Имѣя во всѣхъ странахъ свѣта и во всѣхъ государствахъ своихъ монаховъ, мы хотѣли бы и въ Швеціи имѣть хоть двухъ іезуитовъ.

Карлъ XII озадаченъ былъ этими словами, но, подумавъ немного, сказалъ:

— Нельзя, мы благодаримъ Бога, что разъ уже избавились отъ іезуитовъ; однако же, о. Беренсъ, если вы сдѣлаетесь папою и увѣрите насъ, что эти два іезуита будутъ вести себя спокойно, въ такомъ случаѣ можетъ быть мы примемъ ихъ въ свое государство.

— Это самый милостивый отвѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенный отказъ въ моей просьбѣ: ни одинъ іезуитъ не будетъ папою.

— Почему? спросилъ король.

— Потому что апостольская коллегія больше всего при избраніи папъ держится слѣдующаго правила:

Петръ! не отдавай ключей Іисусу, потому что никогда обратно не получишь ихъ, отвѣтилъ іезуитъ.

— Стало быть и святая коллегія хорошо знаетъ отцовъ іезуитовъ?

— Какъ же ей не знать насъ, когда мы придаемъ апостольскому сѣдалищу столько величія и могущества!

— Вотъ видите, отче, что и мы не хуже ихъ знаемъ и по дѣламъ ихъ, и по собственному опыту.

— Долженъ ли я, ваше величество, принять это за окончательное рѣшеніе ваше?

— Да, по крайней мѣрѣ сегодня. Затѣмъ король протянулъ іезуиту руку и прибавилъ: „удалитесь теперь и донесите о томъ Петру“.

ставляло для Литвы грозную непріятельскую силу, тѣмъ болѣе, что оно находилось въ рукахъ двухъ опытныхъ лицъ въ военномъ дѣлѣ, именно: генерала Левенгаупта и бывшаго литовскаго гетмана Сапѣги.

По удаленіи шведскаго короля въ предѣлы собственной Польши въ Литвѣ началась было партизанская война: многіе литовско-польскіе паны, составивъ изъ своей челяди небольшіе отряды, стали дѣлать нападенія на шведскія войска; но только они мало принесли пользы для Рѣчи Посполитой, потому что паны-партизаны, начавши такого рода войну, не съумѣли, какъ слѣдуетъ, взяться за дѣло, а вслѣдствіе этого по большей части терпѣли неудачи. На помощь партизанамъ-панамъ выступили было Вишневецкій и Огинскій, но тоже неудачно. Первая довольно серьезная битва между Вишневецкимъ и Огинскимъ съ одной стороны и Левенгауптомъ и Сапѣгою съ другой произошла около мѣстечка Салантскаго и кончилась совершеннымъ пораженіемъ Вишневецкаго и Огинскаго: они потеряли 600 человѣкъ убитыми, 11 пушекъ, весь обозъ и едва сами избѣгли плѣна. Вторая битва послѣдовала около мѣстечка Радзивилишекъ (Виленской губ.). Битва эта, какъ и около мѣстечка Салантскаго, кончилась также совершеннымъ пораженіемъ Вишневецкаго и Огинскаго. Во время этой битвы Сапѣга овладѣлъ большимъ обозомъ Вишневецкаго, въ которомъ находился большой запасъ пороху, свинцу, а также всѣ семейныя драгоцѣнности Вишневецкаго и 27,000 талеровъ наличныхъ денегъ.

Послѣ Радзивилишской битвы, положеніе Вишневецкаго и Огинскаго сдѣлалось критическимъ; помощи имъ нельзя было ожидать ни откуда; тѣмъ болѣе, что и въ Польшѣ, куда направился Карлъ XII противъ Августа II, дѣла были еще печальнѣе: въ продолженіе какого-нибудь года Карлъ овладѣлъ Варшавою, Краковомъ и, лишивъ Августа II польскаго престола, возвелъ на него Станислава Лещинскаго, человѣка вполнѣ преданнаго шведскому королю.

Пораженіе Вишневецкаго и Огинскаго въ Литвѣ, взятіе Варшавы и Кракова въ собственной Польшѣ, а также лишеніе престола Августа II принудили поляковъ искать помощи у Петра I. Съ этою цѣлію въ 1704 г. въ концѣ іюня отправлено было посольство подъ Нарву, гдѣ въ это время находился русскій царь. Посольство принято было радушно; 19 августа между русскимъ царемъ и польскими послами былъ заключенъ оборонительный и наступательный договоръ противъ шведовъ. Въ силу этого договора Петръ I тогда же отправилъ генерала Рѣпнина съ шестью полками пѣхоты и столько же кавалеріи къ Полоцку; въ то же время онъ приказалъ другому генералу Ренегу, командовавшему трехтысячнымъ отрядомъ, соединиться съ войсками Вишневецкаго и занять г. Вильну и тамъ ждать дальнѣйшихъ распоряженій.

Въ концѣ іюня 1705 г. Петръ самъ со всѣмъ своимъ войскомъ, въ количествѣ 60,000 человѣкъ, отъ береговъ Финскаго залива выступилъ въ Литву [1]). 15-го іюля русскій царь вступилъ въ литовскую столицу; онъ прибылъ въ нее около вечера чрезъ Полоцкую заставу, отъ которой до самой ратуши шелъ пѣшкомъ во главѣ Преображенскаго полка. На пятый день прибытія Петра въ Вильну въ честь его виленское общество устроило великолѣпный балъ, на которомъ присутствовала вся знать этого города. 31-го іюля Петръ I съ сыномъ Алексѣемъ и со всѣмъ штабомъ посѣтилъ іезуитскую академію, гдѣ по этому случаю былъ устроенъ диспутъ. На другой день царь былъ въ главномъ трибуналѣ.

Изъ Вильны Петръ I отправился въ Курляндію; онъ завоевалъ тамъ два города: Зельбургъ и Митаву. 27-го сентября Петръ снова вернулся въ Литву, гдѣ въ г. Гроднѣ видѣлся съ Августомъ II, которому далъ нѣсколько тысячъ войска. 18-го декабря царь уѣхалъ въ Москву.

По отъѣздѣ изъ Литвы русскаго царя, сюда поспѣшилъ двинуться генералъ Дикертъ съ шведскимъ войскомъ [2]). 1706 г. 8-го марта Дикертъ, разбивши на голову подъ Ольккениками литовско-русскія войска, которыми командовали Вишневецкій и Огинскій, занялъ г. Вильну.

Вторичное занятіе шведами Вильны, по словамъ одного поляка-писателя, не легко обошлось жителямъ ея: они должны были содержать войско Дикерта и заплатить большую контрибуцію, для взысканія которой шведы употребили большія насилія. Но тяжелѣе всѣхъ отозвалось вторичное занятіе Вильны на оо. іезуитахъ: они должны были

---

[1]) На пути онъ заѣхалъ въ Полоцкъ и тутъ имѣлъ столкновеніе съ уніатскими монахами (базиліанами). Дѣло вотъ въ чемъ: прогуливаясь по городу, онъ зашелъ въ одинъ изъ уніатскихъ монастырей и увидѣлъ тамъ въ богато-убранной ризѣ образъ Іосафата Кунцевича; заинтересованный этимъ образомъ, Петръ спросилъ: „чье это изображеніе“? Стоявшіе тутъ монахи отвѣтили ему такъ: „Іосафата Кунцевича, архіепископа полоцкаго, котораго вы, схизматики, замучили въ Витебскѣ“. Такой отвѣтъ сильно не понравился царю; онъ велѣлъ ихъ схватить и предать казни: четыремъ изъ нихъ отрубили головы, а пятаго, который собственно и отвѣчалъ Петру, повѣсили. Послѣдній монахъ, котораго повѣсили, какъ оказалось потомъ, былъ страшный фанатикъ и много зла сдѣлалъ православнымъ. Этотъ поступокъ Петра въ то время надѣлалъ большого шума въ католическомъ мірѣ; но Петръ не обратилъ на это никакого вниманія.

[2]) Предъ этимъ въ Литвѣ ни одного шведа не было; они всѣ удалились съ Левенгауптомъ въ Курляндію, когда узнали о прибытіи въ Вильну Петра I. *Примѣчаніе*. Въ то время, когда Петръ I былъ въ Вильнѣ, Карлъ XII жилъ въ Польшѣ, устраивая дѣло своего друга Станислава Лещинскаго или гоняясь за сторонниками Августа II.

заплатить около 5,000 червонцевъ въ счетъ контрибуціи; сумма эта разложена была какъ на каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, такъ на ихъ дома и ихъ имѣнія. Но если же кто изъ оо. іезуитовъ, по неимѣнію денегъ, не могъ внести требуемой суммы, „то онъ, говоритъ тотъ же полякъ-писатель, подвергался всевозможнымъ истязаніямъ". „Шведы, пишетъ другой современникъ, собирая контрибуцію, врывались въ костелы, разбивали сундуки съ церковнымъ имуществомъ, обдирали святыя иконы и грабили все, что только было сколько-нибудь цѣннаго; они даже не щадили святыхъ сосудовъ,—нерѣдко были случаи, что отбирали эти послѣдніе у ксендзовъ, когда тѣ совершали таинства евхаристіи".

Успѣхи шведскаго оружія въ Литвѣ надъ войсками сторонниковъ Августа II заставили сего послѣдняго просить мира у Карла XII, тѣмъ болѣе это необходимо было, что Карлъ, овладѣвши всею Рѣчью Посполитой, направилъ войска свои въ Саксонію и началъ опустошать родовыя владѣнія Августа II. Въ 1706 г. 14 августа въ Саксоніи, въ мѣстечкѣ Альтранштатѣ (недалеко отъ Лейпцига) произошло свиданіе Августа II съ Карломъ XII, и заключенъ миръ. По этому миру Августъ отказался отъ польскаго престола въ пользу Лещинскаго, которому, по настоянію Карла, написалъ даже собственноручное письмо съ поздравленіемъ; разорвалъ союзъ съ Петромъ I; далъ слово заплатить контрибуцію и обѣщался впередъ никогда не нападать на Швецію и не вступать противъ нея ни съ кѣмъ ни въ какіе союзы.

Русскій царь, узнавъ объ Альтранштатскомъ мирѣ, понялъ, что Карлъ XII изъ Саксоніи чрезъ польско-литовскія владѣнія непремѣнно двинется въ Россію; поэтому онъ немедленно поспѣшилъ въ Польшу и тамъ 7 февраля 1707 г. на Люблинскомъ сеймѣ заключилъ со сторонниками Августа II договоръ, по которому царь далъ слово, въ случаѣ успѣшнаго окончанія борьбы съ Карломъ, возвести на польскій престолъ Августа, а тѣ обѣщались ему всѣми силами затруднять движеніе Карла въ Россію.

27 іюня 1709 г. Петръ I, какъ извѣстно, одержалъ подъ Полтавою надъ Карломъ XII рѣшительную побѣду, а это дало совершенно иной оборотъ дѣлу партіи Августа II въ Рѣчи Посполитой. Когда вѣсть о пораженіи Карла XII подъ Полтавою и о бѣгствѣ его въ Бендеры дошла до лицъ, преданныхъ Августу II, то они немедленно собрали войско и въ союзѣ съ русскими заставили Станислава Лещинскаго бѣжать за границу. Вслѣдъ за нимъ въ Варшаву прибылъ Августъ II.

8 октября въ г. Торнѣ Августъ имѣлъ свиданіе съ русскимъ царемъ Петромъ; тутъ оба государи снова возобновили свой союзъ.

Послѣ торнскаго свиданія главною заботою Августа II было успокоеніе Рѣчи Посполитой внутри. Съ этою цѣлію въ началѣ 1710 г.

созванъ былъ такъ называемый „большой сеймъ“. 4 февраля, въ присутствіи русскаго посла Григорія Долгорукаго, сеймъ этотъ былъ открытъ. Онъ продолжался ровно два мѣсяца. На немъ, между прочимъ, постановлено было: а) считать Альтранштатскій договоръ недѣйствительнымъ; б) признать Августа II королемъ Польши; в) одобрить возобновленный Августомъ союзъ съ русскимъ царемъ; г) имѣть Рѣчи Посполитой постояннаго войска 24 т. человѣкъ для охраненія внутренняго порядка, съ платою ему жалованья отъ правительства; д) собирать ежегодно податей въ количествѣ 15 милліоновъ злотыхъ; е) запретить подъ страхомъ строгой отвѣтственности составлять частныя, произвольныя вооруженныя конфедераціи и всякаго рода наѣзды. 4 апрѣля „большой сеймъ“ закрылся.

Но этотъ сеймъ не успокоилъ Рѣчи Посполитой; постановленія его по большей части остались мертвою буквой: въ Рѣчи Посполитой, по прежнему, составлялись частныя вооруженныя конфедераціи, по прежнему совершались наѣзды одного пана на имѣнія другого; одно только постановленіе вышеозначеннаго сейма приведено было въ исполненіе, именно: организовано было войско для охраненія внутренняго порядка,—но это принесло не столько пользы, сколько вреда: вновь организованное польское войско, вмѣсто того, чтобы охранять порядокъ внутри Рѣчи Посполитой, начало борьбу съ королевскимъ саксонскимъ войскомъ и этимъ еще больше увеличило безпорядокъ въ государствѣ.

Пять лѣтъ польское правительство билось съ внутренними безпорядками; по этому поводу оно нѣсколько разъ собирало сеймы, но это ни къ чему не привело; наконецъ, утомленное внутреннею неурядицею и безплоднымъ собраніемъ сеймовъ, польское правительство обратилось за помощью къ русскому царю Петру I. Петръ радъ былъ этому: ему представился удобный случай утвердить въ Рѣчи Посполитой свое могучее вліяніе. Поэтому онъ немедленно послалъ туда свое войско для охраны внутренняго порядка, какъ того желало само польское правительство. Затѣмъ царь отправилъ въ Варшаву съ инструкціями своего уполномоченнаго, того же самаго Григорія Долгорукаго, который былъ въ 1710 г. 1 февраля 1717 г., по совѣту Долгорукаго, созванъ былъ новый сеймъ для совѣщанія о прекращеніи внутреннихъ безпорядковъ; сеймъ этотъ продолжался всего семь часовъ и названъ „нѣмымъ“, по причинѣ устраненія всѣхъ противорѣчій. На этомъ сеймѣ подтверждены были тѣ же самыя статьи, которыя приняты были сеймомъ 1710 г. 4 февраля, и съ прибавленіемъ новыхъ трехъ: а) благодарить русскаго царя за присылку войска и просить его, чтобы онъ дозволилъ сему войску пробыть въ Польшѣ по крайней мѣрѣ года два; б) удалить саксонскія войска въ ихъ собственныя владѣнія (Саксонію) и в) облечь русскаго царя правомъ быть посредникомъ и миротворцемъ

между польскимъ королемъ съ одной стороны и его подданными съ другой, когда возникнутъ у нихъ обоюдныя несогласія [1]).

Вышеозначенный сеймъ, какъ видимъ, былъ необыкновенно замѣчателенъ, особенно по отношенію къ послѣдней статьѣ: во всей всемірной исторіи нѣтъ другого примѣра, гдѣ бы какой народъ добровольно представлялъ право сосѣднему государю быть посредникомъ и миротворцемъ между нимъ и его собственнымъ государемъ; дать это право— значитъ поставить и себя, и своего государя въ полную зависимость отъ того, кому дано. Неудивительно, что Петръ I, получивши извѣстіе (онъ былъ въ это время за границею) о семъ, данномъ ему поляками, правѣ, такъ былъ радъ этому, что устроилъ пиръ своей свитѣ и затѣмъ писалъ въ Петербургъ сенату: „поляки такъ обязали себя въ волю медіаторскую (посредническую), что вихнуть нельзя". Дѣйствительно, какъ это сеймовое постановленіе, такъ и та статья договора, бывшаго въ 1686 г., по которой русскому государю представлялось право ходатайствовать въ Рѣчи Посполитой за своихъ единовѣрцевъ, связывало Польшу по рукамъ и ногамъ и цѣликомъ отдавало ее во власть Россіи.

Но поляки скоро поняли, что постановленіе послѣдняго сейма предало ихъ окончательно въ руки русскихъ. Но, не имѣя никакой возможности, по своему политическому безсилію, освободиться отъ „москалей и схизматиковъ", какъ обыкновенно католики называютъ русскихъ, они рѣшились выместить всю свою злобу на тѣхъ русскихъ и православныхъ, которые находились въ Рѣчи Посполитой и были въ зависимости отъ нихъ. Поэтому царствованіе Августа II представляетъ много примѣровъ самаго варварскаго отношенія къ симъ послѣднимъ.

Положеніе православныхъ въ Рѣчи Посполитой при Августѣ II. Первыя двадцать лѣтъ царствованія Августа II мы не видимъ въ Польшѣ явнаго преслѣдованія православныхъ; можетъ быть это было слѣдствіемъ пребыванія въ Рѣчи Посполитой русскихъ войскъ. Преслѣдованіе православно-русской народности и жалобы на поляковъ во время Августа II начинаются именно съ такъ называемаго „Нѣмого сейма", т. е. съ того времени, какъ Петру I предоставлено было право посредничества и миротворца между поляками и ихъ государями. Въ 1718 г. 3-го октября въ г. Гроднѣ былъ собранъ сеймъ. На этомъ сеймѣ виленскій каноникъ Жебровскій сказалъ длинную рѣчь. Вся эта рѣчь

---

[1]) Нѣкоторые историки относятъ это постановленіе сейма къ Любомирскому сейму, бывшему 13 іюня 1716 г., а другіе къ Равскому договору, бывшему въ городѣ Равѣ, между съѣхавшимися разными конфедератами въ 1716 г. 18 января. Но вообще нужно сказать, что событія, бывшія въ Рѣчи Посполитой, послѣ возвращенія въ Польшу Августа II, у историковъ излагаются различно и притомъ, по большей части, спутанно и не въ хронологическомъ порядкѣ.

направлена была противъ диссидентовъ и преимущественно православныхъ. Жебровскій, между прочимъ, доказывалъ въ своей рѣчи, что всѣ тѣ несчастія, какія въ настоящее время испытываетъ Рѣчь Посполитая, есть наказаніе Божіе за потворство „схизматикамъ" (православнымъ); въ заключеніе Жебровскій заклиналъ истребить ихъ, чтобы къ Польшѣ вернулось благословеніе Божіе. Рѣчь Жебровскаго произвела сильное впечатлѣніе и громадное большинство (если только не всѣ) вполнѣ согласилось съ этимъ [1]). За рѣчью каноника послѣдовало представленіе однимъ іезуитомъ проекта объ искорененіи православныхъ въ Рѣчи Посполитой. Изъ этого любопытнаго документа, подлинникъ котораго найденъ въ Львовѣ въ капитульномъ архивѣ, мы приводимъ нѣкоторыя выдержки:

Прежде всего въ этомъ проектѣ говорилось о томъ, что надо извлечь изъ восточной ереси (православія) всѣхъ знатныхъ лицъ, разсѣянныхъ по всему пространству Литвы и Бѣлоруссіи и служащихъ опорою для ней [2]); чтобы достигнуть этой цѣли, въ проектѣ, между прочимъ, рекомендовалось: „никому изъ православныхъ и знатныхъ лицъ этой ереси не давать такихъ мѣстъ, которыя бы доставляли имъ почесть и богатство. Всякій изъ насъ поляковъ-католиковъ обязанъ во всѣхъ собраніяхъ—частныхъ и оффиціальныхъ—оказывать имъ пренебреженіе, насмѣхаться надъ ними и при всякомъ удобномъ случаѣ выставлять свое превосходство: все это принудитъ ихъ отступиться отъ вѣры своей и перейти въ латинство. Не надо давать возможности, чтобы они получали образованіе, пусть сравняются по невѣжеству и грубости съ холопами. Хорошо то же дѣлать и съ дворянами-уніатами: вѣдь и уніаты той русской народности, какой и схизматики—и при первой возможности эти недовѣрки съ холопскою вѣрою постараются снова перейти въ восточную схизматическую ересь". Далѣе проектъ требуетъ, чтобы болѣе всего обращать вниманіе на православное духовенство: „въ архіереи и другія знатныя духовныя должности опредѣлять только тѣхъ лицъ, которыя находятся въ родствѣ съ поляками-католиками. Латинскіе епископы обязаны для общей пользы употреблять всевозможныя средства, чтобы отнять у нихъ всякое значеніе, подчинить ихъ себѣ, зорко слѣдить за ними и при этомъ обнаруживать всякое злоупотребленіе со стороны православно-греческаго духо-

[1]) На защиту православныхъ возсталъ было велюнскій посолъ Піотровскій, но противъ него поднялся почти весь сеймъ и его немедленно выгнали вонъ изъ засѣданія.

[2]) Проектъ именно разумѣлъ тѣхъ знатныхъ лицъ православнаго исповѣданія, которыя находились въ собственной Литвѣ и Бѣлоруссіи; что же касается Подолія, то тамъ ихъ уже почти не было: Шумлянскій и его компанія всѣхъ обратили въ унію.

венства, и непремѣнно давать огласку, чтобы этимъ самымъ возбудить противъ нихъ всеобщее презрѣніе. А главное—православное духовенство держать въ невѣжествѣ, для усиленія въ нихъ суевѣрія, сдѣлать ихъ неспособными поучать народъ и заставить ихъ впасть въ презрѣніе между своими собственными прихожанами. Къ этому привести ихъ весьма легко, если помѣщикъ не будетъ давать имъ средствъ къ существованію; бѣдность пріучитъ ихъ болѣе заботиться о прокормленіи себя и семействъ своихъ, нежели о пріобрѣтеніи свѣдѣній, необходимыхъ для служенія церкви; нужно пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы отнять у нихъ церковныя имѣнія; хорошо отдавать схизматическія церкви жидамъ; жиды по природѣ своей для такихъ дѣлъ ловки: они скоро заберутъ въ свои руки доходы церкви и незамѣтнымъ образомъ вытѣснятъ православное духовенство изъ городовъ и заставятъ ихъ исполнять барщину, а если же возникнетъ жалоба между русскимъ попомъ и жидомъ, брать сторону послѣдняго. Если же и послѣ этого священническія дѣти еще будутъ поступать въ наши школы, то товарищи ихъ и учителя поляки-католики должны оказывать имъ всевозможныя презрѣнія и пренебреженія, сваливать на нихъ всѣ шалости въ школѣ, подвергать ихъ чрезъ это наказаніямъ и доводить до желанія отказаться отъ своей ереси".

Затѣмъ составитель проекта говоритъ, что нельзя оставить безъ вниманія и крестьянскаго русскаго населенія: у него должны быть отняты всѣ средства къ пріобрѣтенію грамотности, въ противномъ случаѣ крестьяне, читая свои схизматическія книги, будутъ оставаться въ вѣрѣ предковъ.

Въ заключеніе авторъ проекта „уничтоженія русскихъ" рекомендуетъ слѣдующія средства польскому правительству, чтобы не упрекали его сосѣднія государства въ жестокости по отношенію къ русскимъ: „нужно тщательно записывать всѣ неправильные поступки лицъ православно-русской народности и такимъ образомъ всегда имѣть готовыя обвиненія противъ русскихъ. Но если бы недостаточно было однихъ дѣйствительныхъ упрековъ къ подавленію русскихъ, то весьма полезно къ подкрѣпленію нашихъ замысловъ разглашать хорошо обдуманные противъ нихъ вымыслы; а также хорошо подбрасывать отъ имени ихъ священниковъ, а еще лучше архіереевъ письма, вредныя нашей святой католической вѣрѣ и самой Польшѣ; не дурно будетъ возводить на нихъ мятежи и убійства, только бы это служило въ свое время немаловажнымъ поводомъ къ уничтоженію греческой вѣры въ Рѣчи Посполитой. Когда же все это будетъ подготовлено и когда постепенно, съ осмотрительностью и благоразуміемъ успѣемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,—то поощреніемъ, то обманомъ, то угрозою, перевести русскихъ на римлянъ, то всѣ останутся въ той мысли, что, при

помощи Божіей, во всей странѣ русской, къ общему всѣхъ желанію, будетъ процвѣтать одно римское вѣроисповѣданіе“ [1]).

Таковъ былъ проектъ, предложенный въ 1718 г. 3-го октября на Гродненскомъ сеймѣ однимъ іезуитомъ (имя неизвѣстно) для окончательнаго истребленія православныхъ въ Рѣчи Посполитой [2]). Мы не знаемъ, какъ отнеслись сеймовые члены къ сему проекту, по всей вѣроятности благосклонно. Намъ извѣстно только то, что со времени Гродненскаго сейма преслѣдованія православныхъ начались ужаснѣйшія, какъ это можно видѣть изъ многихъ оставшихся оффиціальныхъ документовъ. Одинъ изъ этихъ документовъ, принадлежащій русскому резиденту (послу) при варшавскомъ дворѣ Голембовскому, мы приводимъ.

„Ваше высокопреосвященство! (документъ писанъ къ примасу польской церкви) посмотрите, что дѣлаетъ шляхта Рѣчи Посполитой: забывши страхъ Божій, она врывается верхомъ въ православныя церкви, стрѣляетъ въ алтари и въ иконы, рветъ эти послѣднія и ломаетъ кресты; на духовныхъ и міряиъ она нападаетъ въ Божіихъ храмахъ и до смерти убиваетъ тѣхъ и другихъ; она выбрасываетъ монаховъ изъ монастырей, а въ женскихъ монастыряхъ для посмѣшища раздѣваетъ монахинь до нага и въ такомъ видѣ изгоняетъ ихъ. Отымаетъ имущества и доходы монастырей, разрушаетъ церкви, бьетъ въ нихъ окна, ломаетъ крыши, изображеніе Спасителя она попираетъ ногами, рѣжетъ и прокалываетъ ножами, бросаетъ и таскаетъ по улицамъ, приговаривая богохульныя слова: Схизматическій Боже! неужели Ты не постоишь за свою обиду“? [3]).

Гоненіе на православныхъ, воздвигнутое поляками въ Рѣчи Посполитой при Августѣ II, принудило русское народонаселеніе Литвы

---

[1]) Проектъ этотъ въ первый разъ напечатанъ былъ на нѣмецкомъ языкѣ Францемъ Эккелемъ, въ его сочиненіи „Исторія польскихъ государственныхъ перемѣнъ и послѣдней конституціи“ (сочин. въ шести частяхъ, 1803-1814 г.). Затѣмъ онъ напечатанъ былъ въ 1844 на польскомъ языкѣ въ „Собраніи историческихъ памятниковъ Польши“, № 81. Впослѣдствіи копій этого проекта много найдено въ разныхъ архивахъ.

[2]) Нѣкоторые писатели говорятъ, что проектъ этотъ не былъ представленъ на Гродненскомъ сеймѣ, а на какомъ-то другомъ; но это не составляетъ сути дѣла; важность состоитъ въ томъ, что этотъ проектъ существовалъ и притомъ появленіе его относится именно къ этому году, т. е. 1718 г.

[3]) Документъ этотъ помѣщенъ въ собраніи грамотъ „Архива Юго-Западной Россіи“, ч. I, т. IV, № CXVIII стр., 456. Примѣровъ преслѣдованія православныхъ въ царствованіе Августа II мы не приводимъ, если кто желаетъ, то можетъ прочитать упомянутую нами выше статью проф. Антоновича „Состояніе православной церкви въ юго-западной Россіи“. Кромѣ вышеозначенной статьи о семъ предметѣ можно найти много свѣдѣній въ „Очеркахъ исторіи Западно-Русской церкви“, сочиненіе профессора Чистовича, т. II, отъ. стр. 40—112. Спб. 1884 г.

и Бѣлоруссіи обратиться къ русскому царю Петру I за защитою. Первая просьба такого рода была отправлена Петру Великому въ 1718 г. Въ этой просьбѣ православные писали: „мы терпимъ великое и нестерпимое гоненіе и поляки всеконечно хотятъ истребить благочестіе (православіе) и если вскорѣ не пришлете намъ, Ваше Величество, помощи, то святая вѣра какъ въ королевствѣ Польскомъ, такъ и въ княжествѣ Литовскомъ въ конецъ истребится и благочестивые должны будутъ уйти въ другія страны". Въ 1719 г. отъ старосты гомельскаго Красинскаго и въ 1720 отъ бѣлорусскаго епископа Сильвестра князя Четвертинскаго также поступили жалобы къ Петру Великому: „Не обрѣтается подъ солнцемъ утѣсненія, писалъ бѣлорусскій епископъ, какое древняя греческая вѣра въ странѣ Короны Польской и Великаго Литовскаго княжества давно терпитъ. Постановленія, данныя во вредъ благочестивой вѣрѣ, не только не измѣняются, но еще худшія день ото дня измышляются. На нынѣшнихъ сеймахъ зорко слѣдятъ о томъ, чтобы изъ православныхъ никто туда не былъ посланъ.... Слезно прошу, Ваше Величество, показать намъ бѣднымъ милосердіе и помощь и охранить насъ отъ обидъ, наносимыхъ намъ нашими непріятелями, да не рекутъ языцы, гдѣ есть Богъ!" Вслѣдствіе этихъ жалобъ, со стороны Петра I послѣдовало къ польскому правительству категорическое требованіе—прекратить преслѣдованіе православныхъ, въ противномъ случаѣ русскій царь грозилъ войною. Польское правительство испугалось угрозы Петра Великаго; зная его энергическій характеръ, оно рѣшилось исполнить требованіе Петра; по этому случаю по всей Рѣчи Посполитой отъ лица Августа II былъ разосланъ декретъ, въ которомъ подъ страхомъ строгой отвѣтственности воспрещалось отбирать у православныхъ ихъ монастыри, церкви и имѣнія и дѣлать русскимъ насилія. Декретъ дѣйствительно подѣйствовалъ: враги православно-русскаго населенія присмирѣли, по крайней мѣрѣ почти до самаго конца царствованія Августа II мы не видимъ жалобъ со стороны сего послѣдняго на преслѣдованія его поляками.

Замостскій соборъ [1]). Поляки, оставивъ православныхъ на нѣкоторое время въ покоѣ, вслѣдствіе энергическихъ требованій Петра Великаго, обратили все свое вниманіе на уніатовъ. Іезуиты и польско-католическое духовенство нашло теперь самое удобное время сблизить унію съ своимъ исповѣданіемъ посредствомъ введенія въ нее римскихъ догматовъ и римскихъ обрядовъ. Приступая къ выполненію этой цѣли, они начали дѣйствовать (при помощи, конечно, самого правительства) совершенно такъ же, какъ и при введеніи уніи, именно: посредствомъ

---

[1]) О Замостскомъ соборѣ см. соч. Гавр. Хрусцевича 1880 г., а также статью Ивана Стрѣльбицкаго „Уніатскіе соборы", помѣщенную въ Литов. епарх. Вѣдомостяхъ за 1888 г.

подарковъ и разнаго рода обѣщаній сначала склонили на свою сторону высшую уніатскую духовную іерархію, а потомъ приступили къ самому дѣлу. Послѣ нѣсколькихъ частныхъ совѣщаній относительно сближенія уніи съ католичествомъ, инціаторы сего дѣла открыли такъ называемый Замостскій уніатскій соборъ.

Соборъ открылся 1720 г., въ концѣ августа, въ г. Замостьѣ (Люблинской губ.). Предсѣдателемъ его былъ папскій нунцій въ Польшѣ Іеронимъ Гримольда, другъ іезуитовъ и любимецъ римскаго первосвященника. На этомъ соборѣ присутствовали всѣ высшія духовныя уніатскія лица, именно: митрополитъ Левъ Кишка, шесть епископовъ: владимирскій, луцкій, перемышльскій, пинскій, львовскій и смоленскій и протоархимандритъ (генералъ) Базиліанскаго ордена, а также делегаты отъ всѣхъ уніатскихъ епархій, латинскіе каноники и нѣсколько іезуитовъ. Засѣданія собора происходили въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы. Всѣхъ соборныхъ засѣданій было три; первое засѣданіе было 26 августа, а второе 1-го сентября. На этихъ двухъ засѣданіяхъ были разсмотрѣны догматы уніатской церкви и ея обрядовая сторона, а также составлена программа для обращенія въ унію православныхъ, живущихъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Но эти два первыхъ засѣданія, собственно говоря, были подготовленіемъ къ третьему засѣданію, самому важному. Третье засѣданіе произошло 17 сентября, т. е. шестнадцать дней спустя послѣ первыхъ двухъ засѣданій. На этомъ третьемъ засѣданіи члены собора прежде всего провозгласили унію, какъ единственную законную церковь греко-восточнаго обряда въ Рѣчи Посполитой; затѣмъ они приступили къ выполненію самаго важнаго и существеннаго вопроса: сближенію уніатской церкви съ латинскою посредствомъ замѣны нѣкоторыхъ догматовъ и обрядовъ греко-восточнаго исповѣданія догматами римско-католическаго исповѣданія. Для этой цѣли, безъ всякаго протеста кого бы то ни было изъ членовъ собора, постановлено было: а) признавать уніатскою церковью исхожденіе Св. Духа и отъ Сына (filioque) согласно съ римскою церковью; б) признавать непогрѣшимость папы въ толкованіи священнаго писанія (въ дѣлѣ вѣры); в) признавать чистилище; г) признавать уніатскою церковью обязательнымъ тѣ отличія римской церкви отъ восточной, которыя признаны и утверждены Флорентійскимъ соборомъ; д) совершать уніатамъ празднество въ честь Тѣла Христова и въ честь мученической кончины Іосафата Кунцевича. Это были главныя, такъ сказать, постановленія Замостскаго собора, но были еще и второстепенныя, именно: во время всякаго церковнаго богослуженія молиться о здравіи и благоденствіи папы; стараться о распространеніи правилъ Треденскаго собора между всѣми послѣдователями уніи; посвящать въ священника безженныхъ лицъ; одѣваться уніатскимъ священникамъ по примѣру римскихъ ксендзовъ; освобождать народъ, если онъ того

пожелаетъ, отъ соблюденія Петроваго поста; ввести читанныя обѣдни (шептаныя мши) въ число церковныхъ богослуженій. Въ заключеніе всего этого постановлено было уніатскимъ Замостскимъ соборомъ—издать для уніатовъ новыя богослужебныя книги сообразно съ тѣми измѣненіями, какія введены были симъ соборомъ въ уніатскую церковь. Въ 1724 г. папа Бенедиктъ XIII утвердилъ постановленія сего собора.

Послѣ сего собора дѣйствительно начинаются измѣненія въ уніатской церкви согласно постановленію его. Сначала этими измѣненіями занялся митрополитъ Левъ Кишка, а потомъ его преемникъ Аѳанасій Шептицкій, но особенную ревность къ сему обнаружили базиліанскіе монахи. Къ порчѣ уніатскаго богослуженія скоро присоединилось и измѣненіе внутренняго устройства уніатскихъ храмовъ; такъ, къ половинѣ XVIII ст. во многихъ уніатскихъ храмахъ появились открытые алтари, возвышенныя каѳедры, органы, боковые престолы и т. п. Какія дальнѣйшія послѣдствія Замостскаго собора для уніи—мы увидимъ въ слѣдующемъ царствованіи.

Послѣдніе годы царствованія Августа II; генеральная конфедерація 1732 г. и ея постановленія; смерть Августа II; общій взглядъ на состояніе Рѣчи Посполитой послѣ его смерти. Вообще все царствованіе Августа II было несчастливо, но послѣдніе годы особенно. Желая искренно улучшить положеніе Рѣчи Посполитой внутри, онъ остальныя пять лѣтъ своей жизни только и думалъ объ этомъ. По этому поводу Августъ II нѣсколько разъ собиралъ сеймы, но всѣ они были сорваны. Послѣдній сеймъ для этой цѣли былъ созванъ 18 сентября 1732 г. въ Варшавѣ. Этотъ сеймъ болѣе всѣхъ отличался своимъ буйнымъ характеромъ: ни одного засѣданія не проходило, чтобы на немъ не было или ссоры, или драки [1]); кончился онъ, по примѣру предшествующихъ сеймовъ, ничѣмъ. Но этотъ сеймъ остался памятнымъ для православныхъ Рѣчи Посполитой. Онъ образовалъ такъ называемую „генеральную конфедерацію“, которой поручено было пересмотрѣть всѣ привилегіи православно-русскаго населенія, съ цѣлію уничтожить нѣкоторыя изъ нихъ. Конфедерація съ жаромъ взялась за это дѣло: въ какія нибудь недѣли двѣ она пересмотрѣла ихъ и нашла удобнымъ законодательнымъ порядкомъ уничтожить изъ нихъ слѣдующія: а) избраніе православныхъ лицъ въ качествѣ депутатовъ на сеймы, а также въ трибуналы и въ спеціальныя комиссіи, составляемыя по какимъ бы то ни было дѣламъ; б) составленіе православными съѣздовъ или какихъ-нибудь собраній; в) принятіе православныхъ на должности

---

[1]) На этомъ сеймѣ по большей части ссорились и дрались депутаты Литвы съ депутатами собственной Польши, такъ какъ первые не признавали законности сего сейма, потому что онъ собранъ былъ не въ Гроднѣ, какъ слѣдовало бы, судя по очереди.

въ воеводствахъ, городахъ и земляхъ Рѣчи Посполитой и, наконецъ г) сношенія, какія бы то ни было, со всѣми иностранными представителями при варшавскомъ дворѣ [1]). Но сверхъ этихъ узаконеній, вошедшихъ въ кодексъ польскихъ законоположеній, постановленіемъ той же генеральной конфедераціи указаны были въ административномъ порядкѣ мѣры еще гораздо болѣе стѣснительныя для православія: духовенству запрещено было ходить по улицамъ явно со св. Дарами; церковныя требы: крещеніе, бракъ, похороны разрѣшено было совершать не иначе, какъ съ дозволенія католическихъ ксендзовъ, за установленную последними плату. Публичныя похороны совершенно воспрещались: православные должны были хоронить мертвыхъ ночью; на нихъ также возлагалась обязанность присутствовать при католическихъ крестныхъ ходахъ. Дѣти, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ, должны были принадлежать къ католической церкви и даже пасынки отца-католика обязаны были принимать католичество. Каноническія правила католиковъ обязательными дѣлались для православныхъ, какъ и прочимъ диссидентамъ [2]).

Всѣ вышеозначенныя постановленія генеральной конфедераціи составлены были вопреки желанія самого короля. Самое обнародованіе ихъ произошло какъ разъ въ то время, когда Биронъ, другъ поляковъ, вызванъ былъ въ Петербургъ и сдѣланъ былъ оберъ-камергеромъ Императрицы Анны Іоанновны, причемъ получилъ достоинство графа.

Послѣдній неудачный сеймъ сильно разстроилъ Августа II. Въ концѣ октября онъ съ глубокою тоскою на сердцѣ, что ничего не можетъ хорошаго сдѣлать для Рѣчи Посполитой, выѣхалъ изъ Варшавы въ Дрезденъ. Тамъ онъ пробылъ до 16-го января 1733 года, а затѣмъ снова отправился въ Польшу. Въ Польшѣ въ это время опять собирался сеймъ, на который Августъ II и спѣшилъ было, но ему не пришлось уже быть на немъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ король раздробилъ себѣ палецъ на ногѣ и очень часто страдалъ отъ этого; когда же король выѣхалъ изъ Дрездена, то дорогою этотъ палецъ сильно разболѣлся, а затѣмъ на немъ образовался антоновъ огонь, отъ котораго Августъ II 1-го февраля и скончался. 20-го числа того же мѣсяца онъ былъ и погребенъ въ Краковѣ.

---

[1]) Volumena Legum, т. VI, стр. 286.

Примѣчаніе. Послѣднее постановленіе направлено было противъ той статьи договора, бывшаго между Россіею и Польшею въ 1686 г., по которой православнымъ предоставлялось право обращаться за покровительствомъ къ русскимъ представителямъ при польскомъ дворѣ.

[2]) Постановленія эти отмѣнены были только по настоянію Екатерины Великой, русской Императрицы, въ 1768 г. Volumena Legum, т. VII, стр. 256—272.

Подъ конецъ царствованія Августа II Рѣчь Посполитая, вслѣдствіе борьбы съ Карломъ XII и междоусобія шляхты, представляла печальную картину; многіе города, села и деревни опустѣли, большая часть плодородныхъ полей обратилась въ пустыню и поросла сорною травою; промышленность и торговля совершенно упали, общественная безопасность исчезла. Отсутствіе образованія, пренебреженіе къ наукѣ и къ людямъ, занимавшимся наукою, сдѣлались отличительною чертой высшаго сословія; отсюда зародились во всѣхъ сословіяхъ безнравственность и необузданное своеволіе, возбуждаемыя еще отвратительнымъ пьянствомъ. „Въ это время, говоритъ одинъ историкъ, въ управленіи Польскаго государства не было никакого порядка: все сдѣлалось продажнымъ, все унижалось. Мелкая шляхта снимала шапки предъ вельможами; воспитываясь при дворахъ богатыхъ и получая отъ нихъ въ пожизненное владѣніе мызы и деревни, она поддерживала ихъ на сеймахъ и сеймикахъ, потому что ей такъ приказывалось. Вельможи, въ свою очередь, выманивали у короля доходныя должности и богатыя староства. Справедливость, честность, любовь къ отечеству и тому подобныя добродѣтели исчезли съ территоріи Рѣчи Посполитой“. Но не смотря на всѣ эти признаки внутренняго разложенія государства, Польша послѣ Августа еще просуществовала около шестидесяти лѣтъ; но это было ничто иное, какъ предсмертная агонія умирающей Рѣчи Посполитой—и мы посмотримъ, какъ эта агонія выразилась въ Литовскомъ государствѣ при слѣдующихъ двухъ короляхъ Польши.

Августъ III.

1736—1763 г.

Послѣ смерти Августа II въ Польшѣ образовались двѣ партіи: одна,—во главѣ которой стоялъ примасъ, архіепископъ Θеодоръ Потоцкій,—желала возвести на престолъ Станислава Лещинскаго [1]), а другая, во главѣ которой находился литовскій канцлеръ Вишневецкій, намѣревалась избрать своимъ государемъ сына Августа II. Послѣ долгой борьбы двухъ этихъ партій за своихъ кандидатовъ, послѣдняя партія, благодаря прибывшему на помощь русскому войску, одержала верхъ и королемъ провозглашенъ былъ сынъ покойнаго короля Августа II тоже Августъ, подъ именемъ Августъ III.

Пять мѣсяцевъ спустя послѣ восшествія Августа III на престолъ Рѣчи Посполитой, собрался такъ называемый „Миротворительный сеймъ“;

---

¹) Станиславъ Лещинскій послѣ бѣгства своего изъ Польши въ 1709 г. жилъ частнымъ человѣкомъ въ Страсбургѣ, а потомъ, когда выдалъ дочь свою за французскаго короля Людовика XV, въ замкѣ Шамборъ.

онъ продолжался всего нѣсколько дней и кончился 9-го іюля 1737 г. Сеймъ этотъ въ исторіи Польскаго государства замѣчателенъ тѣмъ, что это былъ единственный сеймъ, который не былъ сорванъ въ тридцатилѣтнее царствованіе Августа III. Въ продолженіе всего своего царствованія Августъ III созывалъ болѣе 30 сеймовъ по разнымъ дѣламъ и ни одинъ изъ нихъ не окончился благополучно: всѣ они были сорваны словомъ „не позвалямъ". Знаменитый польскій историкъ Нарушевичъ, поднося свое историческое сочиненіе королю, послѣ только-что одного сорваннаго сейма, сказалъ, обливаясь слезами: „мы несчастный народъ, Ваше Величество, у насъ нѣтъ правленія, наши магнаты все отняли у вашихъ предковъ и все разрушили". Позднѣйшій польскій историкъ (Бантке) такъ говоритъ о Польшѣ въ царствованіе Августа III: „не было тогда въ Польшѣ ни высшихъ постоянныхъ судебныхъ мѣстъ, ни порядка. Магнаты воевали между собою, какъ будто въ XI и XII вѣкѣ. Разстройство и безпорядокъ были всеобщи и Польша была похожа на заѣзжую корчму, въ которой всякій, что хотѣлъ, то и дѣлалъ".

Положеніе православныхъ въ Рѣчи Посполитой при Августѣ III. Но эта анархія, это безначаліе больше всего отзывалась на православныхъ жителяхъ Литвы и Бѣлоруссіи. Въ русскихъ и польскихъ документахъ, относящихся къ царствованію Августа III, можно встрѣтить тысячи фактовъ [1]), которые ясно свидѣтельствуютъ, что положеніе православныхъ въ Рѣчи Посполитой, не смотря на заступничество русскаго правительства, было въ высшей степени печально: преслѣдованіе православныхъ, насильное обращеніе ихъ въ уніатовъ по прежнему продолжались съ тою же настойчивостью, съ какою это совершалось въ царствованіе Сигизмунда III, Яна Собѣсскаго и Августа II. По возможности мы постараемся привести нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о преслѣдованіи православныхъ при Августѣ III.

По свидѣтельству упоминаемаго нами русскаго резидента въ Варшавѣ Голембевскаго—польскіе папы и уніаты въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, съ 1732 до 1743 г., „заѣхали" на унію 128 монастырей и церквей православныхъ въ одной только Бѣлорусской епархіи и смѣжной съ нею Туровской. „Заѣздъ" этотъ собственно состоялъ въ томъ, что нежданно появлялся въ монастырь помѣщикъ или духовный католическій, или уніатскій въ сопровожденіи толпы вооруженныхъ слугъ и безъ всякихъ предварительныхъ разговоровъ онъ побоями разгонялъ иноковъ и, „очистивъ" такимъ образомъ монастырь, передавалъ его во владѣніе уніатскаго епископа. То же происходило и съ сельскими

---

[1]) См. Архивъ юго-западной Россіи, ч. 1, т. 2 и 3; или же вышеупомянутую нами статью профессора кіевскаго университета В. А. Антоновича.

приходскими церквами, только здѣсь помѣщикъ менѣе стѣснялся, чувствуя себя въ правѣ распоряжаться церковью и приходомъ какъ своею собственностью; тамъ, гдѣ встрѣчалось хоть малѣйшее сопротивленіе, ярость шляхтича не знала предѣловъ, какъ это видно изъ донесенія того же Голембевскаго къ польскому примасу. Вотъ нѣсколько частныхъ случаевъ, подтверждающихъ всю истину этой отвратительной картины:

I. Въ 1737 году одинъ изъ князей Вишневецкихъ праздновалъ свадьбу своей дочери; на эту свадьбу съѣхалось много гостей, въ числѣ которыхъ былъ и одинъ уніатскій епископъ; подгулявши хорошенько, всѣ они, по предложенію хозяина, сѣли на коней и въ сопровожденіи гайдамаковъ совершили „наѣздъ“ на три православныхъ монастыря одинъ за другимъ; перебили монаховъ, ограбили утварь и объявили эти монастыри обращенными въ унію.

II. Въ 1736 г. ксендзъ Іоаннъ Пенскій села Копылья совершилъ „наѣздъ“ на одинъ изъ сосѣднихъ православныхъ приходовъ, съ цѣлію обращенія жителей въ унію; онъ тутъ бушевалъ двое сутокъ; перебилъ всѣхъ жителей, давши каждому изъ нихъ по 150 палокъ въ спину, такъ какъ никто изъ прихожанъ не хотѣлъ принимать уніи.

III. Въ 1748 г. въ одинъ изъ сосѣднихъ православныхъ приходовъ мѣстечка Уллы (въ Витебской губерніи) прибылъ доминиканскій монахъ Овлочанскій, съ цѣлію обратить жителей въ унію; но когда онъ посредствомъ проповѣди и разнаго рода обѣщаній не достигъ цѣли, то прибѣгъ къ болѣе радикальному средству,—практикуемому обыкновенно католическими миссіонерами,—насилію, именно: созвавши буйную шляхту, Овлочанскій сначала овладѣлъ съ нею Преображенскою церковью, а затѣмъ переловилъ жителей и подвергъ ихъ жестокимъ мученіямъ: православныхъ били палками, сѣкли кнутами, таскали за волосы; но когда и это не помогло, то всѣхъ ихъ вывелъ за село въ поле, возложилъ на ихъ плечи трехпудовые кресты, на головы надѣлъ какіе-то шутовскіе вѣнцы, шеи обвязалъ грязными веревками и въ такомъ видѣ, подгоняя страдальцевъ палками и кнутами, отправилъ въ мѣстечко Уллу въ тюрьму.

IV. Въ томъ же году въ Петриковской волости водворялъ унію панъ Гребницкій средствами нисколько не лучшими, чѣмъ и миссіонеръ Овлочанскій. У профессора Антоновича объ этомъ разсказывается такъ: „Гребницкій, руководимый ксендзомъ Ѳомою Еленскимъ, потребовалъ отъ всѣхъ православныхъ священниковъ Петриковской волости предъявленія документовъ, на основаніи которыхъ они занимали приходы; когда же священники предъявили ставленныя грамоты, выданныя имъ отъ слуцкаго архимандрита, то Гребницкій объявилъ ихъ недѣйствительными, поносилъ ругательствами всю православную іерархію и, въ заключеніе, объявилъ, что онъ не признаетъ ее и что впредь свя-

щенники будутъ зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ исключительно отъ суда экономіи. На слѣдующій же день онъ потребовалъ въ присутствіе этого суда,—составленнаго изъ него самого и ксендза Еленскаго,—шестидесятилѣтняго старика, приходского священника села Лясковичъ, о. Прохора Забытневича; обвинивъ послѣдняго голословно въ обращеніи въ православіе 20 человѣкъ уніатовъ, не дозволивъ ему ни объясниться, ни привести свидѣтелей, не выслушавъ даже отвѣта, онъ тутъ-же приговорилъ священника къ наказанію, которое должно было состоять въ слѣдующемъ: священникъ обязанъ былъ, въ замѣнъ за мнимыхъ уніатовъ, отчислить изъ своего прихода 20 человѣкъ въ унію; затѣмъ священнику въ теченіе года запрещалось исполнять требы и входить въ церковь; сверхъ того, онъ долженъ былъ 6 недѣль сидѣть въ экономической тюрьмѣ, вмѣстѣ съ заключенными въ ней за разныя преступленія евреями, и въ теченіе этого времени его трижды въ день подъ стражею выводили въ костелъ, гдѣ подвергали бичеванію „дисциплинами". Приговоръ Гребницкаго былъ немедленно приведенъ въ исполненіе; когда на другой день явилась къ нему депутація, состоявшая изъ православныхъ священниковъ и почетныхъ мѣщанъ, просить о помилованіи о. Прохора, то Гребницкій, прогнавъ ее отъ порога съ ругательствами, приказалъ переловить ея членовъ, отвести въ костелъ и подвергнуть тамъ разнымъ унизительнымъ наказаніямъ. Вслѣдъ затѣмъ Гребницкій распредѣлилъ жителей своего имѣнія на приходы, причемъ большее число церквей и селъ отписалъ въ унію и зазвалъ въ нихъ на приходы уніатскихъ священниковъ; когда крестьяне отказались ходить къ новымъ пастырямъ, то послѣдовала общая экзекуція: слуги и челядинцы изъ экономіи и костела ходили толпою по селамъ; они виновныхъ людей били и истязали безъ милосердія, и, наконецъ, всѣхъ поголовно съ женами и дѣтьми погнали въ петриковскій замокъ, наставляя ихъ въ вѣрѣ веревками, палками и розгами; они вогнали несчастную толпу въ петриковскій костелъ, гдѣ принуждали ихъ богохульствовать и плевать на свою православную вѣру. Оставшимся еще въ имѣніи православнымъ священникамъ панъ Гребницкій запретилъ принимать въ церковь крестьянъ изъ отчисленныхъ имъ въ унію селъ, или являться для исполненія требъ въ эти села подъ опасеніемъ потери здоровья и жизни. Въ села эти наѣхали съ командами уніатскіе священники; они гнали насильно крестьянъ въ церкви и заставляли ихъ присягать на унію, въ случаѣ отказа они тутъ же ихъ истязали собственноручно; одинъ изъ нихъ, Григорій Яроцкій, понуждалъ прихожанъ къ присягѣ ударами толстой восковой свѣчи, которую онъ въ запальчивости схватилъ изъ алтаря. Крестьяне, отказываясь отъ принятія уніи, не смотря на эти насилія, были лишены церковныхъ требъ, умирали безъ напутствованія, оставались невѣнчанными, хоронили мертвыхъ безъ церковныхъ обрядовъ и т. п".

Подобныя отвратительныя сцены надъ православными происходили повсемѣстно въ Литвѣ и Бѣлоруссiи съ разными видоизмѣненiями, смотря по личному нраву и изобрѣтательности пана или ксендза.

Въ первые годы царствованiя Августа III въ одной Бѣлорусской епархiи „заѣхано было на унiю“ болѣе 200 приходскихъ церквей и причислено къ Полоцкой епархiи. Въ Мстиславскомъ воеводствѣ обращено было въ унiю три мужскихъ монастыря: Пустынскiй, Онуфрiевскiй и Нагорный и два женскихъ: Мозаковскiй и Церковицкiй.

Если православiе, находясь въ такомъ стѣсненномъ и гонимомъ положенiи въ литовско-русскихъ владѣнiяхъ при Августѣ III не было окончательно искоренено, то благодаря только слѣдующимъ тремъ причинамъ: стойкости крестьянъ, заступничеству Россiи и нравственной поддержкѣ, получаемой православными отъ своихъ духовныхъ лицъ, Къ числу послѣднихъ особенно можно отнести епископа Бѣлорусской епархiи Георгiя Конисскаго.

Георгiй Конисскiй. Онъ былъ истиннымъ защитникомъ православныхъ въ Литвѣ и Бѣлоруссiи во второй половинѣ XVIII в. Будучи посвященъ въ 1755 г. изъ ректоровъ кiевской академiи въ санъ бѣлорусскаго епископа, онъ, по прибытiи въ свою епархiю, прежде всего обратилъ вниманiе на образованiе подчиненнаго ему духовенства; съ этою цѣлiю Конисскiй основалъ въ Могилевѣ православную духовную семинарiю и при ней духовное училище, на что испросилъ у русскаго правительства пособiе въ количествѣ 400 рублей. Затѣмъ устроилъ при архiерейскомъ дворѣ типографiю, въ которой, между прочимъ, напечатанъ былъ катихизисъ Ѳеофана Прокоповича. Книгу эту онъ разослалъ ко всѣмъ православнымъ церквамъ своей епархiи, поставивъ въ обязанность священникамъ научать своихъ прихожанъ пониманiю православной вѣры по этой книгѣ. Тогда же Григорiй Конисскiй обратилъ вниманiе на приписныя имѣнiя къ церквамъ и монастырямъ своей епархiи. Дѣло вотъ въ чемъ: такъ какъ очень часто и унiаты, и католики захватывали имѣнiя, принадлежащiя православнымъ церквамъ и монастырямъ, на томъ основанiи, что они не имѣли на владѣнiя ихъ документовъ, то Конисскiй приказалъ осмотрѣть всѣ церковные архивы, отыскать въ нихъ документы, на основанiи которыхъ православныя церкви и монастыри Бѣлорусской епархiи владѣли тѣмъ или другимъ имѣнiемъ и переслать ихъ къ нему. Изъ этихъ старинныхъ документовъ онъ составилъ въ Могилевѣ при каѳедральномъ соборѣ огромный архивъ, послужившiй впослѣдствiи для многихъ ученыхъ богатымъ матерiаломъ для исторiи Литвы и Бѣлоруссiи. Слѣдя зорко за отношенiемъ католиковъ и унiатовъ къ православнымъ, бѣлорусскiй епископъ тотчасъ доносилъ русскому правительству о всемъ, что только дѣлалось въ Рѣчи Посполитой противъ православныхъ, и русское правительство, лишь только получало отъ него донесенiе, немедленно принимало

соотвѣтствующія мѣры къ огражденію православныхъ отъ насилія. Благодаря Конисскому дѣйствительно не одна тысяча православныхъ уцѣлѣла отъ совращенія или въ унію, или въ католичество, а также и не одинъ десятокъ церквей спасенъ отъ шляхетскихъ „наѣздовъ". За свою любовь къ православію и за свои донесенія русскому правительству Георгій Конисскій очень часто подвергался оскорбленіямъ, а нерѣдко и опасности лишиться жизни какъ отъ уніатовъ, такъ и отъ католиковъ. Такъ, въ 1759 г. Конисскій, не смотря на разнаго рода угрозы, задумалъ объѣхать свою епархію; въ концѣ января онъ отправился въ г. Оршу, гдѣ находился уже извѣстный намъ миссіонеръ Овлочанскій; узнавъ о намѣреніи Конисскаго посѣтить Оршу, онъ рѣшился устроить ему непріятность. При самомъ въѣздѣ преосвященнаго Георгія въ городъ, на встрѣчу къ нему выскочилъ Овлочанскій съ доминиканскими монахами и множествомъ шляхты, и лишь только увидали приближающійся экипажъ Конисскаго, какъ начали кричать, ругаться и поносить епископа всевозможными бранными словами, а когда городскіе цѣхи вышли было съ хоругвями для встрѣчи его, то ихъ палками, камнями и грязью разогнали въ разныя стороны; мало этого: когда на другой день преосвященный Георгій, послѣ богослуженія въ одной изъ церквей города, сталъ говорить къ народу поученіе, то въ это самое время въ церковь ворвался тотъ же Овлочанскій и съ тѣми же лицами, которыя вчера встрѣчали и ругали Конисскаго при въѣздѣ въ городъ. Не снимая шапокъ, они стали бѣгать по церкви и выгонять изъ нея всѣхъ вонъ палками и обнаженными саблями; преосвященный спасся отъ побоевъ только тѣмъ, что успѣлъ боковыми дверями незамѣтнымъ образомъ уйти въ сосѣдній монастырь и тамъ скрыться. Но этимъ, впрочемъ, дѣло не кончилось. Овлочанскій и его сподвижники, узнавши объ исчезновеніи Конисскаго, направились къ монастырю; они порѣшили теперь вытащить оттуда епископа и убить его; разъяренная толпа, подойдя къ обители, начала бить въ стѣны ея камнями, бревнами и желѣзными ломами. Монастырскіе монахи, видя, что не въ состояніи укрыть своего архипастыря, положили его на крестьянскую телѣгу и, прикрывши навозомъ, незамѣтнымъ образомъ вывезли изъ монастыря, куда немедленно вторгнулись осаждавшіе обитель; тутъ они бушевали до самаго вечера и въ озлобленіи, что не нашли Конисскаго, разграбили монастырь и пересѣкли розгами всѣхъ монаховъ. Послѣ этого Георгій Конисскій не рѣшился продолжать обзора своей епархіи и вернулся назадъ въ Могилевъ; но онъ, впрочемъ, не былъ безопасенъ отъ нападенія и въ самомъ Могилевѣ: въ 1760 г. іезуитскіе студенты тамошней коллегіи, по наущенію ксендза Зеновича, напали на архіерейскій домъ, съ цѣлію убить Конисскаго, и навѣрное достигли бы своей цѣли, если бы онъ не успѣлъ скрыться отъ нихъ въ потаенный подвалъ; отсюда они отправились въ право-

славную семинарію и тутъ выбили окна, переломали мебель и произвели экзекуціи надъ многими изъ воспитанниковъ семинаріи.

О всѣхъ вышеозначенныхъ поступкахъ католическихъ фанатиковъ бѣлорусскій епископъ довелъ до свѣдѣнія русской императрицы Елисаветы Петровны, и дѣло могло бы кончиться очень дурно для Рѣчи Посполитой. Но императрица умерла. Преемникъ ея Петръ III, которому тоже жаловался преосвященный Георгій, также горячо взялся за это; онъ послалъ польскому правительству ультиматумъ, который оканчивался такими словами: „Если польское правительство не прекратитъ преслѣдованія благочестивыхъ (православныхъ) христіанъ, то намъ не будетъ оставаться другого способа, какъ только употребить противъ Рѣчи Посполитой такія мѣры, какія для нея будутъ тягостны". Но и Петру III не пришлось привести въ исполненіе своей угрозы: онъ тоже скоро умеръ; спасительницею православныхъ въ Рѣчи Посполитой собственно была супруга покойнаго императора Екатерина II Великая.

Положеніе уніатовъ въ Рѣчи Посполитой въ половинѣ XVIII ст. Преслѣдованіе уніатовъ. Въ то самое время, когда въ Литвѣ и Бѣлоруссіи польское дворянство и католическое духовенство преслѣдовали православныхъ, съ цѣлію побудить ихъ къ скорѣйшему переходу въ унію, въ западно-русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой (въ Галиціи и Подоліи) они совершали то же самое по отношенію къ уніатамъ, съ цѣлію побудить ихъ къ скорѣйшему переходу въ католичество. Такой образъ дѣйствій польскаго дворянства и католическаго духовенства по отношенію къ уніатамъ западно-русскихъ областей Рѣчи Посполитой показываетъ ясно, до очевидности, что сословія эти, подобно римской куріи и іезуитамъ, смотрѣли на унію и водворяли ее какъ временную мѣру, какъ средство, облегчающее, по ихъ мнѣнію, переходъ въ католичество.

Польское дворянство и католическое духовенство лишь только замѣтили, что унія крѣпко утвердилась въ западно-русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой, или, говоря опредѣленнѣе, въ епархіяхъ: Львовской, Галицкой и Каменецъ-Подольской, какъ немедленно приступили къ обращенію въ католичество послѣдователей сего исповѣданія. Дѣятельность свою они начали при Августѣ III съ того именно времени, какъ увидѣли, что постановленія Замостскаго собора уже вошли въ практику въ уніатской церкви и достаточно привились въ ней и такимъ образомъ желанное сближеніе уніатской церкви съ латинскою фактически совершилось.

Приступивши къ обращенію уніатовъ въ католичество, польское дворянство и католическое духовенство употребляли при семъ тѣ же самыя грубыя и жестокія мѣры, какія употреблялись и для совращенія православныхъ въ унію; какъ тамъ, такъ и здѣсь они совершали наѣзды на уніатскія церкви и монастыри, наносили побои духовнымъ

лицамъ, требовали съ нихъ барщины, захватывали и отчуждали церковныя и монастырскія земли и т. п.; какъ тамъ, такъ и здѣсь польское дворянство и католическое духовенство вмѣшивались въ церковное уніатское управленіе, разверстывали по своему желанію приходы, налагали на священниковъ запрещенія исполнять требы и входить въ церковь, не допускали строить церкви и праздновать въ нихъ храмовые праздники. Но, впрочемъ, нужно сказать, что въ поступкахъ польскаго дворянства и католическаго духовенства, направленныхъ противъ уніатовъ, проявлялось гораздо менѣе ненависти и жестокости, чѣмъ въ отношеніи къ православнымъ; но за то въ нихъ постоянно просвѣчивалась другая сторона—презрѣніе, насмѣшка и разнаго рода издѣвательства. Задумавши обратить уніатовъ въ католичество, польское дворянство и католическое духовенство при достиженіи этой цѣли постоянно употребляли вышеозначенные пріемы, особенно по отношенію къ уніатскому духовенству. И паны, и ксендзы никогда не упускали случая унизить уніатскихъ духовныхъ лицъ, поставить ихъ въ самое невыгодное положеніе, дать имъ почувствовать, что хотя ихъ и терпятъ въ Рѣчи Посполитой, но, тѣмъ не менѣе, унія составляетъ вѣроисповѣданіе низшаго разбора, что она не болѣе какъ холопская вѣра и что они, паны и ксендзы, имѣютъ право шутить и насмѣхаться надъ ними. Такъ, напримѣръ, существуетъ жалоба уніатскаго священника Мартышевича, изъ которой ясно видны вышеприведенныя черты отношенія пановъ къ уніатскому духовенству. Изъ этой жалобы, между прочимъ, видно: протоіерей села Каменецъ Мартышевичъ отправился въ другое село Должокъ. Проходя по улицѣ мимо дома знатнаго пана скарбника подольскаго, Іосифа Лянкоронскаго, протоіерей Мартышевичъ былъ остановленъ симъ послѣднимъ и любезно приглашенъ въ домъ. У Лянскоронскаго въ это время были гости, которымъ хозяинъ и рѣшился доставить развлеченіе на счетъ уніатскаго „попа". Лишь только Мартышевичъ вошелъ въ комнату Лянкоронскаго, какъ ему сейчасъ предложили выпить рюмку водки; протоіерей отказался пить, объясняя, что ему сейчасъ нужно будетъ служить обѣдню, а потому не слѣдуетъ ничего вкушать до принятія св. Даровъ. Лянскоронскій въ отвѣтъ на это обнажилъ саблю и, подставляя ее къ самому горлу Мартышевича, закричалъ: „Пей, а то горло перерѣжу!" Вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ одному изъ своихъ слугъ насильно лить водку и медъ въ горло священнику, а въ случаѣ сопротивленія награждать побоями. Опьянѣвшаго священника Лянкоронскій приказалъ своимъ слугамъ отвести въ шинокъ, напоить вторично и выпустить только тогда, когда онъ будетъ совершенно въ нетрезвомъ видѣ.

Другой панъ допустилъ еврея-арендатора наносить публично побои уніатскому священнику въ церковной оградѣ; иные, пользуясь нерасположеніемъ крестьянъ къ уніи, забавлялись тѣмъ, что отдавали

уніатскихъ священниковъ на поруганіе своимъ слугамъ: такъ, напримѣръ, панъ Аксакъ, преслѣдуя уніатскаго священника въ своемъ селѣ, приказалъ его бить и таскать за волосы крестьянамъ, что они исполняли „изъ врожденной злости и ненависти къ уніи“; когда же священникъ заявилъ о томъ, что онъ не зависитъ отъ помѣщика, а подсуденъ только своему епископу, то Аксакъ отвѣтилъ: „Я здѣсь епископъ и владыка, какъ совершу надъ тобою освященіе, то съ мѣста не встанешь“.

Совращеніемъ уніатовъ въ латинство больше всего занимались ксендзы и католическіе монахи. Пропагандируя католичество среди уніатовъ, тѣ и другіе выставляли его исповѣданіемъ господствующимъ, благороднымъ, панскимъ; унію же—ученіемъ невѣжественнымъ, мужицкимъ, презрѣннымъ, свойственнымъ неблагородной русской породѣ людей. „Богъ сотворилъ попа для хлопа, а плебана (ксендза) для пана“, говорилъ публично одинъ ксендзъ. Болѣе усердные ксендзы заходили еще дальше въ благочестивомъ рвеніи, утверждая, что унія не болѣе какъ ересь, сравнивали ее съ нехристіанскими исповѣданіями, обзывали „собачьею вѣрою“. „Всякій русакъ собака, вѣра ихъ—собачья вѣра!“ проповѣдывалъ каноникъ Коссовскій предъ русскою уніатскою громадою въ селѣ Яслишкахъ. Въ городѣ Жолкви ксендзъ Квяткевичъ, замѣтивши однажды католическій крестный ходъ, направлявшійся изъ костела въ уніатскую церковь св. Троицы, остановилъ его и громко закричалъ: „Зачѣмъ вы идете къ этимъ схизматикамъ, на которыхъ и смотрѣть-то совѣстно“ [1]). Въ селѣ Тысьменчанахъ ксендзъ Томицкій, среди многочисленнаго собранія народа, издѣвался надъ обрядами уніатской церкви, утверждая, между прочимъ, „что уніатское церковное пѣніе похоже на вой собакъ“. Іезуиты въ проповѣдяхъ утверждали, что обряды уніатской церкви достойны осмѣянія, что ея ученіе хуже вѣры турецкой, еврейской и лютеранской, что никто изъ послѣдователей ея не можетъ быть спасенъ, что церкви уніатскія хуже синагогъ. Но особенно ревностно преслѣдовалъ насмѣшками всѣ обряды и таинства уніатской церкви, при обращеніи уніатовъ въ католичество, ксендзъ Цвейнарскій; онъ, между прочимъ, публично доказывалъ, что уніатскіе священники „не крестятъ дѣтей, а лишь оскверняютъ“.

По свидѣтельству современниковъ, какъ это видно изъ сохранившихся актовъ того времени, насмѣшки и презрѣніе, которыми надѣляли уніатовъ, особенно сильно развиты были въ школахъ и имѣли рѣшительное вліяніе на учениковъ; въ документахъ того времени встрѣчаются многочисленные примѣры того, что мальчики-уніаты, подвергаясь постояннымъ насмѣшкамъ со стороны учителей и сотоварищей,

---

[1]) Въ подлинникѣ слова Квяткевича представлены еще циничнѣе, чѣмъ мы ихъ привели. См. Ар. юго-зап. Рос. т. IV, или статью пр. Антоновича.

не были въ состояніи вынести ихъ и только спасались переходомъ въ католичество. Ксендзы, желая тѣмъ же оружіемъ дѣйствовать и на взрослыхъ, не ограничивались порицаніемъ уніи на словахъ, въ рѣчахъ и проповѣдяхъ; они старались представить наглядныя доказательства зависимости уніатской церкви, ея второстепеннаго положенія и неблагороднаго значенія; такъ, между прочимъ, установился повсемѣстно обычай, въ силу котораго ксендзы запрещали въ уніатскихъ церквахъ звонить въ колокола въ день св. Пасхи, въ случаѣ если она приходилась раньше католической и совпадала съ послѣдними недѣлями поста у католиковъ; если уніатскій священникъ не повиновался этому запрещенію, то ему приходилось испытывать довольно крутыя мѣры преслѣдованія со стороны ксендзовъ; такъ, напримѣръ, одинъ приходской священникъ въ наказаніе за то, что приказалъ звонить во время всенощной на св. Пасху, былъ арестованъ жившими въ одномъ съ нимъ мѣстечкѣ доминиканцами; вмѣсто тюрьмы его посадили въ склепъ костельный и продержали тамъ всю ночь среди гробовъ и покойниковъ. Если при исполненіи какого-нибудь церковнаго обряда сходились вмѣстѣ католическіе и уніатскіе священники, то первые держали себя гордо и неприступно по отношенію ко вторымъ и старались избѣгать ихъ общества; такъ, имѣются свѣдѣнія о томъ, что нѣсколько уніатскихъ священниковъ было приглашено для участія въ погребальной процессіи въ кармелитскій монастырь; послѣ совершенія обряда католическое духовенство было приглашено къ обѣду въ монастырскую столовую, уніатскимъ же священникамъ монахи выслали закусить въ конюшню [1]).

Всѣ указанные нами примѣры преслѣдованія уніатовъ католиками не составляютъ и сотой доли того, что было съ ними на самомъ дѣлѣ. Но если преслѣдованія, воздвигнутыя панами и ксендзами противъ уніатской церкви, которая признана была святою всѣмъ католическимъ міромъ и санкціонирована самимъ папою [2]), были такъ жестоки, то что же сказать о преслѣдованіи православной церкви, которая въ глазахъ благочестивыхъ католиковъ была хуже языческой? Если унія въ XVIII в. въ понятіи католиковъ стала вѣрою холопскаго, крестьянскаго сословія, недостойною высшаго класса, то православіе въ это время въ общественномъ мнѣніи стало вѣрою отверженною, самою низкою, достойною крайняго презрѣнія: то была вѣра, по словамъ польскаго

---

[1]) Обо всемъ этомъ см. вышеприведенную статью профессора В. Б. Антоновича или Архивъ ю-з. Россіи.

[2]) Если кто желаетъ познакомиться, какъ папы относились къ уніи и какъ они издавали противорѣчивыя буллы относительно этой церкви, съ цѣлію исказить восточный ея характеръ, тотъ можетъ прочитать апелляціонную жалобу къ папѣ Льву XIII русскаго уніатскаго священника м. Скалитъ (львовской митрополіи, въ Галиціи) Іоанна Наумовича, противъ великаго отлученія его отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ. Спб. 1883 г.

дворянства и польскихъ ксендзовъ, не только холоповъ, какъ унія, но вѣра самыхъ негодныхъ холоповъ, неспособныхъ по своей дикости и закоснѣлости стать на нѣсколько высшую ступень религіознаго общественнаго разумѣнія; то было не болѣе и не менѣе, какъ жалкое исповѣданіе самыхъ презрѣнныхъ лицъ человѣческаго рода, которымъ и за гробомъ нѣтъ спасенія!

Въ царствованіе Августа III Польша ни съ кѣмъ не вела войны. Вслѣдствіе отсутствія въ ней всякаго правленія и порядка; черезъ ея области свободно проходили и русскія войска, воевавшія съ Турціей при Аннѣ Іоанновнѣ и Пруссіею при Елисаветѣ Петровнѣ, и прусскія, воевавшія съ Австріею при Фридрихѣ Великомъ. Фридрихъ II, нуждавшійся въ солдатахъ во время семилѣтней войны, свободно даже вербовалъ въ свое войско поляковъ въ самой Варшавѣ. Въ царствованіе Августа III Курляндія, бывшая въ зависимости отъ Польши, перешла въ полное владѣніе Россіи и при этомъ Польша настолько была слаба, что не высказала протеста даже и для формы.

Не имѣя никакихъ занятій въ Польшѣ по причинѣ совершеннаго разстройства ея во всѣхъ частяхъ, Августъ III почти все свое царствованіе прожилъ въ Дрезденѣ; въ Польшу онъ пріѣзжалъ только для охоты и на сеймы, которые, впрочемъ, только созывались, но къ благополучному концу никогда не приводили.

Августъ умеръ въ 1763 г., имѣя отъ роду 67 лѣтъ. Прахъ его покоится въ Дрезденѣ.

Станиславъ Понятовскій.

1764—1786 г.

Послѣднее междуцарствіе продолжалось въ Рѣчи Посполитой одиннадцать мѣсяцевъ. Польша въ это время такъ упала въ глазахъ Европы, что никто изъ стороннихъ лицъ не явился, какъ это прежде было, кандидатомъ на ея престолъ. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, въ Польшѣ, послѣ смерти Августа III, также образовались партіи, изъ коихъ каждая думала возвести на престолъ Рѣчи Посполитой своего кандидата; на этотъ разъ этихъ партій было три: саксонская, французская и русская. Послѣдняя партія была самая многочисленная; во главѣ ея стояли Чарторыйскіе; соперниками ихъ были Броницкіе и Радзивиллъ, представители такъ называемой французской партіи. 7 сентября 1764 г. открытъ былъ избирательный сеймъ, на которомъ Чарторыйскіе, благодаря присутствію въ Варшавѣ русскихъ войскъ [1]), одержали верхъ: королемъ Польши

[1]) Русскія войска призваны были сюда Чарторыйскими.

провозглашенъ былъ племянникъ Чарторыйскихъ Станиславъ Понятовскій. Новоизбранный король былъ лично извѣстенъ русской императрицѣ Екатеринѣ Великой, да и самое избраніе его совершилось по ея указанію. 25 ноября онъ короновался. Царствовалъ 31 годъ; при немъ совершилось паденіе Польши, а потому онъ и считается послѣднимъ королемъ Рѣчи Посполитой.

Станиславъ Понятовскій вступилъ на престолъ Рѣчи Посполитой 35 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ весьма красивой наружности, обладалъ свѣтлымъ умомъ и мягкимъ сердцемъ; глубоко преданный своему отечеству, Понятовскій искренно желалъ ему всего добраго. Проживши нѣсколько лѣтъ при дворахъ: парижскомъ, лондонскомъ и петербургскомъ и зная внутренній строй Франціи, Англіи и Россіи, Станиславъ Понятовскій могъ бы много сдѣлать полезнаго для своего отечества; но онъ ничего не сдѣлалъ, потому что Рѣчь Посполитая въ это время была уже слишкомъ разстроена: при немъ она переживала, такъ сказать, послѣднія минуты своей предсмертной агоніи. Тотъ же самый историкъ Нарушевичъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ поднесъ свою „Исторію Польши“ Августу III, такими красками обрисовалъ Рѣчь Посполитую, будучи на аудіенціи у Понятовскаго сейчасъ послѣ его коронаціи: „Ваше величество! напрасно вы приняли корону Польши; вы не поправите положенія сего государства; посмотрите, ваше величество, что вы приняли отъ вашихъ предшественниковъ? раздоры и несогласія внутри, ограбленную казну, отсутствіе дисциплины въ войскахъ, опустѣлые замки, опустѣвшіе города, правленіе безъ связи и рады; безтолковые сеймы и, при этихъ явленіяхъ, грозное вокругъ сосѣдство. Ваше величество!—продолжалъ Нарушевичъ, если Казиміръ Великій, имѣвшій въ своихъ рукахъ право суда и законодательства, войско и казну, ничего не могъ сдѣлать, то что вы, какъ король избирательный и ограниченный въ своихъ правахъ, можете сдѣлать? Ничего. Вамъ остается одно — терпѣть за чужіе грѣхи и быть мишенью для выстрѣловъ ненависти, потому что на высокомъ мѣстѣ стоите“.

Содѣйствуя восшествію на престолъ Рѣчи Посполитой Станислава Понятовскаго, русская императрица Екатерина Великая искренно желала добра сему государству; она даже помогла новому королю добиться того, что ограничено было на сеймахъ, такъ называемое „liberum veto“— это страшное зло Польши. Благодаря Екатеринѣ II, постановлено было, чтобы впередъ на сеймахъ рѣшались дѣла не общимъ согласіемъ всѣхъ членовъ собранія, а только большинствомъ голосовъ. Но это благоразумное постановленіе не долго просуществовало въ Польшѣ: спустя полтора года, оно было отмѣнено самими поляками, и Рѣчь Посполитая снова понеслась быстрыми шагами въ пропасть, самой себѣ приготов-

ленную. Но что собственно окончательно сокрушило Польшу и было причиною гибели ея при Понятовскомъ, такъ это опять же фанатизмъ шляхты и особенно духовенства. Очень можетъ быть, что Рѣчь Посполитая и просуществовала бы нѣсколько времени, если бы уступила требованію сосѣднихъ державъ относительно правъ иновѣрцевъ; но въ томъ то и дѣло, что сильная клерикальная партія въ Польшѣ готова была скорѣе погубить свое государство, чѣмъ сдѣлать малѣйшую уступку въ религіозномъ вопросѣ или хоть нѣсколько попятиться въ дѣлѣ католическаго прозелитизма.

Вопросъ о диссидентахъ. Преслѣдованіе православныхъ въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Малороссіи. Послѣ коронаціи Станислава Понятовскаго, послы дворовъ петербургскаго и берлинскаго предложили ему желаніе своихъ государей, чтобы всѣ диссиденты пользовались въ Польшѣ свободою вѣроисповѣданія, были допускаемы на государственную службу и чтобы епископы греко-восточнаго исповѣданія имѣли мѣста въ польскомъ сенатѣ, подобно католическимъ епископамъ. Станиславъ Понятовскій принялъ эти предложенія въ высшей степени сочувственно и далъ посламъ слово употребить все свое вліяніе, чтобы сеймъ исполнилъ законное требованіе Россіи и Пруссіи. Но, между тѣмъ, объ этомъ узнали въ руководящихъ сферахъ Рѣчи Посполитой, тамъ порѣшили отвергнуть предложенія пословъ русскаго и прусскаго, если они поступятъ на обсужденіе сейма; тогда же въ нихъ положено было усилить преслѣдованіе православныхъ, какъ главныхъ виновниковъ вмѣшательства чужихъ правительствъ во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой. Съ этою цѣлію сенатъ и высшее католическое духовенство, руководимое іезуитами, стали тайно разсылать циркуляры съ требованіемъ, чтобы шляхта соединилась какъ одинъ человѣкъ на защиту гибнувшаго, по ихъ мнѣнію, отечества и католичества отъ „схизматиковъ“ (православныхъ) и ихъ беззаконныхъ требованій, т. е. уравненія правъ съ католиками. Вслѣдствіе этого по всей Литвѣ, Бѣлоруссіи и даже Малороссіи начались страшныя преслѣдованія православныхъ; снова вернулись времена Кунцевича и Шумлянскаго. Въ то же время цѣлыя толпы доминиканскихъ и францисканскихъ монаховъ, въ качествѣ миссіонеровъ, разсыпались по Бѣлоруссіи и Украинѣ, причемъ со стороны вышеозначенныхъ лицъ пущены были въ ходъ: ложь, обманъ, тюремныя заключенія и разнаго рода истязанія, словомъ все, чтобы только обратить православныхъ въ унію или католичество. Въ Бѣлоруссіи католическіе миссіонеры и помогавшая имъ шляхта не встрѣтили особеннаго сопротивленія со стороны православнаго населенія, потому что оно здѣсь было запугано и забито еще раньше. Бѣлоруссы, по свидѣтельству современниковъ, „какъ безотвѣтныя овцы, подгоняемыя дубьемъ и палкою, шли или въ костелъ для принятія католицизма, или

въ уніатскую церковь для объявленія себя уніатами [1]). Но совсѣмъ другой характеръ имѣла латино-уніатская пропаганда въ Малороссіи: тамъ нельзя было заставить энергическій малороссійскій народъ, развившійся на свободныхъ началахъ казачества, отступиться отъ вѣры отцовъ одною проповѣдью, какъ въ Бѣлоруссіи; чтобы имѣть какой-нибудь успѣхъ въ дѣлѣ совращенія православныхъ въ унію или въ латинство, въ Малороссіи необходимо было употребить силу; она дѣйствительно и употреблена была. Въ началѣ 1766 года въ Малороссію прибылъ для обращенія православныхъ въ унію викарій уніатскаго митрополита Мокрыцкій, въ сопровожденіи значительнаго числа жолнеровъ (солдатъ), которыми командовалъ полковникъ Вороничъ. Мокрыцкій прежде всего началъ своею миссіонерскую дѣятельность съ той части Малороссіи, которая по населенію своему болѣе другихъ мѣстностей отличалась преданностію православію, именно, съ Черкасскаго округа. По единогласному свидѣтельству очевидцевъ, Мокрыцкій и Вороничъ воздвигли такое гоненіе на православныхъ священниковъ въ вышеозначенной мѣстности, что ихъ болѣе ста человѣкъ бѣжало за границу; тѣхъ же, которые не успѣли бѣжать, Мокрыцкій и Вороничъ предали ужаснымъ истязаніямъ: ихъ томили голодомъ, пекли огнемъ, разрывали рты, выворачивали руки и ноги, выдергивали волосы и т. п. Затѣмъ искалѣченныхъ отправили въ Радомысль и тамъ заставили во-

---

[1]) Для примѣра мы приведемъ проповѣдъ, изъ тысячи подобныхъ, сказанную въ г. Могилевѣ однимъ ксендзомъ при обращеніи православныхъ въ католичество. Въ началѣ царствованія въ Россіи императрицы Екатерины II, бѣлорусскій епископъ Георгій Конисскій отправился въ Москву, гдѣ въ это время находилась Екатерина II; между тѣмъ, объ этомъ узнали сосѣдніе съ Могилевомъ ксендзы; пользуясь отсутствіемъ русскаго епископа, они цѣлою толпою нахлынули сюда для обращенія православныхъ могилянцевъ въ католичество. По требованію ксендзовъ-миссіонеровъ мѣстные волостные начальники (они всѣ были католики) согнали въ Могилевъ на площадъ съ окрестныхъ селеній болѣе двухъ тысячъ православныхъ; явились ксендзы; роздали мужчинамъ деревянные латинскіе кресты, а женщинамъ какіе-то особые вѣнчики, которые, какъ увѣряли проповѣдники, избавляютъ отъ всѣхъ болѣзней, а также отъ грома и молніи. Затѣмъ одинъ изъ ксендзовъ, ставъ на возвышеніе, началъ громко доказывать превосходство римско-католической вѣры надъ греко-восточною: „Православные жители г. Могилева! ваша вѣра не истинная и не богоугодная; еслибъ она была истинная и угодная Богу, то служитель его апостолъ Павелъ написалъ бы къ вамъ свое посланіе, а онъ этого не сдѣлалъ, потому что ваша вѣра православная не угодна Богу, еретическая; къ намъ же св. Павелъ, къ римлянамъ по вѣрѣ, написалъ посланіе,—вотъ посмотрите сами (при этомъ проповѣдникъ развернулъ Новый Завѣтъ). Значитъ наша вѣра римская истинная и святая. Дальше слушайте, православные! что наша вѣра римская есть святая и истинная, то это видно, во-первыхъ, изъ того, что она находится во всѣхъ земляхъ и во всѣхъ государствахъ: во Франціи, Испаніи, Австріи, Индіи-подъ землею, а гдѣ же ваша еретическая? въ этомъ только городѣ да въ Москвѣ; во-вторыхъ, къ нашей вѣрѣ, какъ истинной и святой, принадлежатъ всѣ знат-

зить тачками землю, причемъ награждали ихъ каждый день палочными ударами. Изъ Черкасскаго округа Мокрыцкій и Вороничъ отправились въ мѣстечко Жаботинъ (на югъ отъ Черкасъ), гдѣ жители также глубоко преданы были православію. Тутъ Мокрыцкій и Вороничъ, созвавши православныхъ на площадь, прямо сказали имъ, что если они въ продолженіе сутокъ не примутъ уніи, то всѣ будутъ перерѣзаны. Слѣдующій день былъ праздничный (Преображеніе Господне): народъ сотнями повалилъ въ церковь, оттуда, послѣ исповѣди и причастія св. Таинъ, направился къ дому, гдѣ остановился Мокрыцкій и Вороничъ, и объявили этимъ послѣднимъ, что за православную вѣру готовы умереть. Мокрыцкій и Вороничъ не рѣшились привести въ исполненіе своей угрозы, они ограничились только тѣмъ, что приказали схватить сотника мѣстечка, по фамиліи Харько и отрубить ему голову; остальныхъ прогнали, сказавъ, что въ другое время съ ними расправятся. Изъ Жаботина Мокрыцкій и Вороничъ съ жолнерами отправились въ мѣстечко Телепинъ, гдѣ такъ же, какъ и въ Жаботинѣ, собрали православныхъ на площадь и заявили имъ, что если они не примутъ уніи, то всѣ до одного человѣка, не исключая и младенцевъ, будутъ казнены смертію. Тѣ повѣрили и перешли въ унію. Отсюда два этихъ страшныхъ миссіонера отправились далѣе на югъ, къ р. Бугу, причемъ на пути своемъ совершили множество казней надъ православными. Между

ныя лица: король, сенаторы и разнаго рода великіе и умные господа, а къ вашей вѣрѣ кто? чернь, голь, нищіе, все оборванцы. Правда, и въ вашей вѣрѣ прежде были знатные и богатые люди, но потомъ они сознали свои заблужденія и, бросивши вашу еретическую схизму, перешли въ нашу святую и праведную вѣру. Посмотрите на святыхъ, которые лежатъ у насъ, посмотрите: у насъ лежатъ мощи Николая Чудотворца, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго,— почему они сдѣлались святыми и у насъ лежатъ? потому что бросили свою схизму и отъ грековъ пришли къ намъ, а все это развѣ не доказываетъ, что наша римская вѣра есть святая и истинная! Вы, можетъ быть, скажете мнѣ, что и у православныхъ есть святые, и я скажу, что есть, но спросите, когда они появились у нихъ? Они появились тогда, когда еще православные принадлежали къ уніи, а какъ отпали отъ нея, такъ у нихъ больше уже и святыхъ не появлялось. А посмотрите, сколько у насъ чудотворныхъ иконъ: Пресвятая Богородица Бѣльницкая, Хвощевская, Ченстоховская, Жировицкая и другія, а почему это? потому что Богородица знаетъ чья истинная и святая вѣра, тѣмъ и благоволитъ; а посмотрите сколько чудесъ отъ этихъ иконъ—одному Богу извѣстно!“ Такъ говорилъ католическій проповѣдникъ, безстыдно кощунствуя и обманывая темныхъ людей. Онъ лгалъ, говоря свою проповѣдь отъ имени Божія, лгалъ умышленно; впрочемъ, ложь допускается въ Римской церкви, лишь бы она оправдывалась цѣлію; мы знаемъ, что папскія буллы, которыя касаются вопросовъ вѣры, а потому должны считаться непогрѣшимыми, очень часто противорѣчатъ одна другой; изъ исторіи видно, что папы, напримѣръ, XVI ст. считали истиннымъ и непогрѣшимымъ, то папы XVIII ст. отвергали, какъ ненужное и еретическое.

прочимъ они пришли въ одно мѣстечко по имени Мглѣевъ и остановились у одного изъ тамошнихъ пановъ. На другой день прибывшіе потребовали къ себѣ священника и нѣкоего старика Даніила Кушнера на судъ, перваго за то, что будто бы удерживалъ своихъ прихожанъ, когда тѣ желали перейти въ унію, а второго за кощунство надъ уніатскими св. Дарами [1]). Священника приговорили къ тюремному заключенію, а старика Даніила Кушнера къ смертной казни. Казнь надъ Даніиломъ положено было произвести за мѣстечкомъ на полѣ. Чтобы внушить православнымъ болѣе страха и заставить ихъ скорѣе переходить въ унію, Мокрыцкій и Вороничъ распорядились со всѣхъ окрестныхъ селъ и деревень согнать православныхъ къ мѣсту казни. Когда приказаніе это было исполнено и когда на мѣсто, назначенное для казни, дѣйствительно собралось болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, то привели семидесятилѣтняго Даніила; привязали его къ столбу, обвили руки паклею, обложили всего соломою и зажгли; старикъ отъ великой боли застоналъ и закричалъ: „Господи Боже мой! что сіе подалъ ми еси, но воля Твоя святая да будетъ на мнѣ; пріими духъ мой съ миромъ!“ Потомъ, взглянувъ на плачущій народъ, сказалъ: „православные христіане, не вѣрьте вы уніатамъ, они прокляты и вѣра ихъ проклята!“ Говорятъ, поляки отъ этихъ словъ смутились, хотѣли было прекратить казнь и освободить страдальца отъ мученій; но бывшій тутъ уніатскій протопопъ Гдышицкій настоялъ на томъ, чтобы Даніилу отрубили голову, которую затѣмъ прибили гвоздемъ къ высокому столбу „для внушенія схизматикамъ страха и ужаса“, тѣло же сожгли. Спустя нѣсколько недѣль послѣ казни Даніила, православные тайно похитили голову страдальца и отправили на лѣвую сторону Днѣпра въ Пере-

---

[1]) Объ этомъ кощунствѣ разсказывается такъ: въ мѣстечкѣ Мглѣевѣ кромѣ православной церкви была еще церковь и уніатская; православные жители этого мѣстечка, которыхъ было гораздо болѣе, чѣмъ уніатовъ, стали требовать отъ священника этой церкви, чтобы онъ возвратился въ православіе, когда же священникъ отказалъ въ этомъ, то всѣ православные жители мѣстечка порѣшили лишить его возможности совершать богослуженіе и требъ по уніатскому ретулу, а для этой цѣли они, войдя въ уніатскую церковь, вынесли оттуда всю церковную утварь и спрятали ее въ одномъ домѣ, въ особо сдѣланномъ для сей цѣли ящикѣ; оставалась на престолѣ одна только дарохранительница съ запасными св. Дарами; никто не хотѣлъ прикоснуться къ ней; всѣ считали это за грѣхъ; священника же на лицо не было; потолковавши между собою, жители Мглѣева, наконецъ, положили избрать изъ среды своей самаго благочестиваго человѣка и поручить ему снять съ престола дарохранительницу и спрятать ее; выборъ палъ на Даніила Кушнера; Даніилъ подошелъ къ престолу, сдѣлалъ три земныхъ поклона и, обернувши руки въ церковную завѣсу, благоговѣйно снялъ дарохранительницу съ престола и поставилъ въ особый сундукъ. Это и было то преступленіе, за которое Мокрыцкій и Вороничъ и потребовали его на судъ.

яславль. 24 октября 1766 г. по этому случаю въ Переяславлѣ было великое торжество: епископъ Гервасій въ облаченіи и съ хоругвями, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства и нѣсколькихъ тысячъ народа, вышелъ на встрѣчу, принялъ голову и внесъ ее въ каѳедральный соборъ, гдѣ и похоронилъ за лѣвымъ клиросомъ.

Преслѣдованіе православныхъ Мокрыцкимъ и Вороничемъ, мученическая кончина Даніила и торжественное погребеніе головы страдальца сильно подѣйствовали на православныхъ жителей польской Украины, т. е. правой стороны Днѣпра: тамъ всѣ порѣшили лучше умереть, чѣмъ принять унію или перейти въ католичество. Настроеніе это поддерживалось въ народѣ двумя знаменитыми лицами того времени: переяславскимъ епископомъ Гервасіемъ и игуменомъ Матренинскаго монастыря (недалеко отъ Чигирина) Мельхиседекомъ Яворскимъ[1]). Но такъ какъ польское правительство не переставало преслѣдовать православныхъ, то рѣшимость этихъ послѣднихъ пострадать за вѣру перешла въ ожесточеніе противъ уніатовъ и католиковъ, которое, наконецъ, и вызвало впослѣдствіи знаменитую „Коліевщину“.

Между тѣмъ, о нежеланіи польскаго правительства дать диссидентамъ одинаковыя права съ католиками, а также о разсылкѣ имъ тайныхъ циркуляровъ для возбужденія шляхты противъ православныхъ и дѣйствіяхъ Мокрыцкаго и Воронича стало извѣстно Екатеринѣ Великой. Раздраженная императрица приказала своему послу въ Варшавѣ, князю Репнину, объявить польскому правительству, если оно не уравняетъ православныхъ и протестантовъ съ католиками въ правахъ гражданскихъ и не прекратитъ преслѣдованіе православныхъ, то за послѣд-

---

[1]) Матренинскій Троицкій монастырь находился въ матренинскихъ лѣсахъ, недалеко отъ мѣстечка Жаботина, окруженный крѣпкимъ землянымъ валомъ. Время основанія его хорошо неизвѣстно; извѣстно только то, что съ половины XVI ст. въ этомъ монастырѣ съ благословенія кіевскаго митрополита Іоны стало совершаться богослуженіе. Сначала этотъ монастырь находился въ зависимости отъ польскихъ пановъ Яблонскихъ, а потомъ князей Любомирскихъ. Монастырь этотъ былъ довольно многолюдный: въ половинѣ XVIII ст. въ немъ считалось около 80 монаховъ. Въ 1753 г. настоятелемъ его былъ избранъ іеромонахъ Мельхиседекъ Яворскій, человѣкъ умный, въ высшей степени энергичный и въ то же время высокаго благочестія; съ этого времени и монастырь сей дѣлается извѣстнымъ и получаетъ значеніе; самъ же Мельхиседекъ Яворскій пріобрѣтаетъ мѣсто въ литовской исторіи между замѣчательными лицами сего государства потому, что первый сталъ внушать уніатамъ снова вернуться въ лоно православной церкви; по сему случаю какъ самъ онъ не разъ ходилъ къ уніатамъ, такъ и посылалъ туда свою братію; результатомъ этихъ хожденій было то, что въ шестидесятыхъ годахъ XVIII ст. болѣе двадцати уніатскихъ приходовъ обратились въ православіе и просили переяславльскаго епископа Гервасія прислать къ нимъ православныхъ священниковъ. Когда же объ этомъ дошло до свѣдѣнія высшаго уніатскаго начальства, то оно пришло въ ужасъ и немедленно дало знать папскому нунцію и польскому правительству; вслѣдъ

ствія не отвѣчаетъ, т. е. императрица грозила войною. Польское правительство, испуганное этою угрозою, въ концѣ сентября 1766 г., дѣйствительно созвало сеймъ, на которомъ и изложило требованіе русскаго правительства. Начались ожесточенныя пренія, которыя продолжались ровно полтора мѣсяца. Большинство сеймовыхъ членовъ было противъ диссидентовъ и при этомъ поносило болѣе всего православныхъ; тогда же, между прочимъ, публично заявлено было, что все зло въ Рѣчи Посполитой происходитъ отъ „схизматиковъ", т. е. православныхъ, которыхъ, по понятію нѣкоторыхъ депутатовъ, слѣдовало бы давнымъ давно искоренить, какъ людей неугодныхъ Богу. Главными противниками требованій Репнина и ненавистниками православныхъ были: краковскій епископъ Солтыкъ и папскій нунцій Висконти. 24-го ноября сеймъ постановилъ: не давать никакихъ правъ диссидентамъ, лишить ихъ даже и тѣхъ, какія они имѣютъ, съ православными же поступать такъ, какъ и прежде, т. е. преслѣдовать ихъ, хотя, впрочемъ, этого не было сказано, но оно ясно было само собой. Сеймъ разошелся.

Когда же объ этомъ донесено было русской императрицѣ, то она приказала Репнину заставить короля и сенатъ снова созвать сеймъ и затѣмъ употребить противъ нихъ силу, чтобы они согласились на уравненіе правъ диссидентовъ съ католиками и распорядился бы о немедленномъ прекращеніи преслѣдованія православныхъ; но для большаго успѣха Екатерина отправила въ Рѣчь Посполитую значительное войско подъ начальствомъ Салтыкова и Кречетникова.

Между тѣмъ, православные и протестанты (т. е. диссиденты) вслѣдствіе постановленія послѣдняго сейма, направленнаго противъ

за этимъ началось преслѣдованіе матренинскихъ монаховъ и ихъ настоятеля; по этому поводу Мельхиседекъ отправился въ Петербургъ просить защиты у императрицы Екатерины II. Императрица приняла его очень ласково и отправила въ Варшаву къ Репнину съ тѣмъ, чтобы они вдвоемъ обратились къ королю отъ ея имени съ просьбою защитить монаховъ матренинскаго монастыря. Король исполнилъ просьбу императрицы: онъ далъ Мельхиседеку грамоту, въ которой отъ имени короля угрожалось строгимъ наказаніемъ всѣмъ тѣмъ, кто бы рѣшился нанести оскорбленіе не только монахамъ матренинскаго монастыря, но и православнымъ, жившимъ въ Малороссіи по правую сторону Днѣпра. Вернувшись домой, Мельхиседекъ прежде всего обнародовалъ данную ему грамоту; вслѣдствіе этого началось сильное движеніе между малороссійскими уніатами: уніаты, сознавая, что теперь никто не смѣетъ тронуть лицъ, исповѣдующихъ православіе, стали тысячами возвращаться къ покинутой ими вѣрѣ отцовъ. Узналъ объ этомъ Вороничъ; онъ рѣшился, такъ или иначе, схватить Мельхиседека, и дѣйствительно схватилъ, когда тотъ возвращался изъ Переяславля отъ Гервасія. Мельхиседека одѣли въ уніатскую одежду и, подгоняя кнутомъ, отправили къ Мокрыцкому, причемъ всю дорогу пѣли ему: „радуйся царю схизматиковъ". Мокрыцкій предалъ его разнообразнымъ мученіямъ, но благодаря купцамъ и одному жиду, Мельхиседекъ былъ возвращенъ въ монастырь.

нихъ, составили изъ себя двѣ вооруженныхъ конфедераціи: первые въ Слуцкѣ, а вторые въ Торнѣ, причемъ и тѣ, и другіе заявили, что будутъ добиваться своихъ правъ силою оружія. Въ то же время сами католики составили изъ себя много конфедерацій въ различныхъ мѣстахъ Литвы и Польши и съ совершенно различными цѣлями: однѣ конфедераціи провозглашали низверженіе Чарторыйскихъ; другія требовали низложенія короля; третьи объявляли, что онѣ вооружены для возстановленія старинныхъ законовъ королевства и наслѣдственной королевской власти; но всѣ конфедераціи согласны были въ одномъ: не давать диссидентамъ никакихъ правъ. Всѣхъ конфедерацій въ это время въ Рѣчи Посполитой, говорятъ, было около 200. Но, не смотря, однакожъ, на всю очевидную разрозненность этихъ мелкихъ возставшихъ группъ, на ихъ непріязнь къ видамъ русской политики, Репнину удалось, пользуясь общимъ имъ всѣмъ желаніемъ шума и движенія, овладѣть ими всѣми, стать, такъ сказать, въ центрѣ ихъ и, наконецъ, связать ихъ въ одну общую конфедерацію, извѣстную подъ именемъ Радомской [1]). По иниціативѣ русскаго посла въ г. Радомъ собрались всѣ представители мелкихъ конфедерацій и по указанію его избрали предводителемъ Радзивилла; тутъ-же, благодаря усиліямъ Репнина, положено было уничтожить постановленіе прошлаго сейма и обратиться къ покровительству русской императрицы. Король тоже примкнулъ къ Радомской конфедераціи.

Устроивши дѣла съ конфедератами и не надѣясь теперь получить отказъ на сеймѣ касательно правъ диссидентовъ, Репнинъ уговорилъ короля опять созвать сеймъ. 5-го октября 1767 г. въ Варшавѣ, окруженной русскими войсками, дѣйствительно открылся новый сеймъ. Но лишь только на сеймъ явился русскій посолъ и потребовалъ уравненія правъ православныхъ и протестантовъ съ католиками и распоряженія о прекращеніи преслѣдованія первыхъ, какъ поднялся страшный шумъ и крикъ: всѣ члены сейма, за исключеніемъ весьма немногихъ, приняли въ этомъ участіе; но больше всѣхъ шумѣли и кричали четыре депутата: два епископа—краковскій Каэтанъ Солтыкъ и куявскій Іосифъ Залуцкій и два пана Ржевусскихъ—отецъ и сынъ. Но Репнинъ приказалъ арестовать ихъ и подъ конвоемъ отправить въ казармы къ войскамъ. Мѣра эта сильно подѣйствовала на остальныхъ членовъ сейма: всѣ притихли и смирились, всѣ начали спокойно разсуждать о предложеніяхъ русскаго посла и, наконецъ, 13-го февраля 1768 г., постановили: а) всѣ законы, изданные противъ диссидентовъ, отмѣнить и дозволить имъ свободно отправлять богослуженія, строить церкви, заводить училища, присутствовать въ сенатѣ и участвовать въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ; б) съ Россіею заключить вѣчный миръ и предоста-

[1]) См. соч. Щебальскаго „Чтенія изъ русской исторіи". М. 1867 г.

вить русской императрицѣ право оберегать какъ диссидентовъ, такъ и самую Рѣчь Посполитую. Затѣмъ сеймъ былъ закрытъ и русскія войска выведены изъ Варшавы.

Конфедерація въ Барѣ; преслѣдованіе русскими войсками конфедератовъ; первый раздѣлъ Польши. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ вышеозначеннаго сейма, какъ въ г. Барѣ (Подольской губерніи) нѣкоторые изъ польскихъ магнатовъ составили конфедерацію, съ цѣлію уничтожить постановленія послѣдняго сейма. Главными дѣятелями этой конфедераціи были: каменецъ-подольскій епископъ Адамъ Красинскій и староста Казимиръ Пуловскій. Оба они—Красинскій и Пуловскій—тайно отъ короля и Репнина объѣхали почти всю Рѣчь Посполитую и повсюду старались возбудить шляхту противъ Станислава Понятовскаго и Россіи. Вслѣдствіе этого опять начались страшныя преслѣдованія православнаго населенія, которое считалось виновникомъ постановленій послѣдняго сейма. Но на этотъ разъ преслѣдованія эти не остались безъ возмездія: на защиту православныхъ, какъ и при Сигизмундѣ III, возстали казаки подъ начальствомъ Максима Желѣзняка [1]).

Возстаніе казаковъ на защиту православныхъ началось въ мѣстечкѣ Смеломъ (Кіевской губ.), въ одномъ изъ имѣній князя Любомірскаго, одного изъ богатѣйшихъ польскихъ пановъ. Лѣтомъ въ 1768 г. сюда прибыло около двухъ сотъ запорожцевъ подъ начальствомъ Желѣзняка; на кличъ его собралось нѣсколько тысячъ крестьянъ и замокъ князя былъ немедленно разграбленъ: экономы и управляющіе перебиты, евреи-арендаторы перевѣшаны, корчмы, мельницы, костелы разорены до основанія [2]). Отсюда Желѣзнякъ направился къ мѣстечку Умань, одному изъ богатѣйшихъ имѣній графа Потоцкаго; на пути вездѣ къ нему прибывали новыя толпы крестьянъ; шляхта, евреи и ксендзы повсюду были убиваемы. Возстаніе все болѣе и болѣе разросталось; въ нѣсколько недѣль оно охватило всю нижнюю часть нынѣшнихъ губерній Кіевской и Подольской. Умань, куда направился Максимъ Желѣзнякъ, была окружена валомъ и имѣла 32 пушки; охраняли ее нѣсколько сотъ жолнеровъ и около трехъ тысячъ казаковъ подъ начальствомъ Гонты. Лишь только Желѣзнякъ подступилъ къ Умани, какъ Гонта со всѣми казаками перешелъ на его сторону. Желѣзнякъ всту-

---

[1]) Возстаніе это въ исторіи извѣстно подъ именемъ Коліевщины. Желѣзнякъ былъ казакъ зажиточный: въ Запорожьѣ онъ имѣлъ собственный хуторъ, изъ котораго онъ часто уѣзжалъ куда то и привозилъ съ собою, при возвращеніи домой, много добычи. Говорятъ, что Желѣзняка подбилъ на возстаніе матренинскій игуменъ Мельхиседекъ, у котораго онъ часто и подолгу жилъ; но едва-ли это правда.

[2]) Въ эту мѣстность Желѣзнякъ прибылъ потому, что въ ней болѣе другихъ преслѣдовали православныхъ, тутъ-же свирѣпствовали недавно Мокрыцкій и Вороничъ.

пилъ въ мѣстечко безъ боя и тутъ не далъ пощады никому изъ католиковъ: всѣхъ перерѣзалъ, не щадя ни пола, ни возраста; говорятъ, что онъ тутъ истребилъ поляковъ болѣе 6,000 человѣкъ. Событіе это извѣстно въ исторіи подъ именемъ „Уманьской рѣзни“.

Возстаніе казаковъ и Барская конфедерація поставили польское правительство въ крайне тяжелое положеніе: оно растерялось и не знало, что дѣлать. Собравшись немного съ мыслями, польское правительство обратилось за помощью къ Екатеринѣ II. Императрица приказала своимъ войскамъ, находившимся въ Польшѣ, подавить возстаніе казаковъ и уничтожить Барскую конфедерацію. Исполняя приказанія императрицы, предводитель русскихъ войскъ Кречетниковъ прежде всего двинулся на казаковъ и въ короткое время покончилъ съ ними, причемъ Желѣзнякъ и Гонта взяты были въ плѣнъ: первый, наказанный кнутомъ, сосланъ въ Сибирь, а второй замученъ въ Варшавѣ—съ него кожу содрали. Затѣмъ Кречетниковъ бросился на конфедератовъ и нанесъ имъ нѣсколько пораженій, но окончательно не могъ уничтожить: вслѣдствіе начавшейся войны Россіи съ Турціею онъ былъ отозванъ въ Петербургъ [1]); мѣсто его занялъ генералъ Веймарнъ, человѣкъ лѣнивый и малоспособный; поэтому преслѣдованіе конфедератовъ пріостановилось. А между тѣмъ, конфедераты этимъ воспользовались: они оправились отъ пораженій, нанесенныхъ имъ Кречетниковымъ, и исходатайствовали для себя помощь у французскаго правительства. Въ началѣ 1770 г., по распоряженію министра Шуазеля, изъ Франціи на помощь конфедератамъ прибыло нѣсколько офицеровъ подъ начальствомъ Дюмурье, знаменитаго впослѣдствіи французскаго полководца. Но французы нашли въ Польшѣ такой безпорядокъ, что разсчитывать на успѣхъ не было никакой надежды. Дѣйствительно, вожди конфедератовъ ссорились между собою; шляхта проводила время въ пирахъ и удовольствіяхъ, употребляя на это большія издержки; ни крѣпостей, ни пушекъ не было; конфедераты, вмѣсто того, чтобы вести правильную войну, занимались грабежемъ, совершали „наѣзды“ на имѣнія богатыхъ и истязаніями вымогали у нихъ деньги, били и увѣчили крестьянъ, лишая ихъ послѣдняго достоянія. Дюмурье о всемъ этомъ немедленно донесъ во Францію; въ своемъ донесеніи онъ, между прочимъ, писалъ: „я нигдѣ ничего не видалъ подобнаго въ Европѣ, что вижу

---

[1]) Война Россіи съ Турціею началась по слѣдующему поводу: одинъ изъ русскихъ отрядовъ, принадлежавшихъ къ арміи Кречетникова, подъ начальствомъ атамана Шило, преслѣдуя конфедератовъ, нечаянно сжегъ турецкое мѣстечко Балту; султанъ на первыхъ порахъ на это не обратилъ вниманія, но въ Турцію прибыли агенты Красинскаго и Пуловскаго, которые вмѣстѣ съ французскимъ посломъ дѣло сожженія Балты представили ему въ такомъ искаженномъ видѣ, что онъ объявилъ Россіи войну.

въ Польшѣ: нравы вождей конфедератовъ чисто азіатскіе. Изумительная роскошь, безумныя издержки, длинные обѣды, игры, пляски—вотъ ихъ занятія. Они думали, что я привезъ имъ цѣлыя сокровища на ихъ пьянство и безобразіе и пришли въ отчаяніе, когда узнали, что я не имѣю денегъ. Войска у нихъ около 16.000, но въ немъ нѣтъ никакой дисциплины, никакого порядка и въ добавокъ оно безъ всякаго вооруженія. Войско это находится подъ начальствомъ восьми или девяти вождей, но всѣ они не согласны между собою, подозрѣваютъ другъ друга и нерѣдко ссорятся и дерутся одинъ съ другимъ, а о спасеніи отечества и не думаютъ. У нихъ нѣтъ ни одной крѣпости. Конфедераты нападаютъ на своихъ, грабятъ крестьянъ и бьютъ ихъ до смерти. Я, писалъ далѣе Дюмурье въ своемъ донесеніи, среди конфедератовъ не нашелъ ни одного порядочнаго человѣка, за исключеніемъ литвина Богуша; главный распорядитель конфедератовъ—князь Радзивиллъ, совершенное животное". Въ заключеніе Дюмурье просилъ министра Шуазеля не высылать болѣе пенсій вождямъ конфедератовъ, потому что это значило бы даромъ бросать деньги.

Самъ Дюмурье немного пробылъ въ Польшѣ, какихъ-нибудь три или четыре мѣсяца. Вся его дѣятельность въ этомъ государствѣ ограничилась тѣмъ, что онъ образовалъ такъ называемую „Литовскую конфедерацію", а затѣмъ удалился во Францію, оставивъ, впрочемъ, въ Польшѣ своихъ товарищей.

Вновь сформированная конфедерація избрала себѣ предводителемъ Огинскаго; эта новая конфедерація оказалась самая многочисленная и дѣятельная; по крайней мѣрѣ она первая приступила къ военнымъ дѣйствіямъ противъ русскихъ. Лѣтомъ 1770 г. Огинскій напалъ на русскій отрядъ, находившійся недалеко отъ Несвижа, и нанесъ ему пораженіе, причемъ убито было 800 человѣкъ и самъ командиръ попался въ плѣнъ. Послѣ этого онъ сталъ истреблять и другіе мелкіе русскіе отряды, разбросанные по Литвѣ. Объ этомъ доведено было до свѣдѣнія императрицы; она немедленно приказала своему послу въ Варшавѣ Салдерну смѣнить неспособнаго Веймарна и передать начальство надъ русскими войсками находившемуся въ Польшѣ генералу Бибикову, съ тѣмъ, чтобы тотъ поручилъ усмиреніе конфедератовъ Суворову, бывшему въ это время съ отрядомъ русскихъ войскъ около Люблина. Распоряженіе это оказалось самымъ удачнымъ: Суворовъ блестяще исполнилъ порученіе. Прежде всего онъ напалъ на Огинскаго около мѣстечка Становичъ и 1771 г. 23 сентября нанесъ ему полное пораженіе, при этомъ убито было 2000 человѣкъ, болѣе 1000 взято въ плѣнъ, а также достались побѣдителямъ 12 пушекъ, весь обозъ, всѣ знамена и въ заключеніе попала въ руки Суворова шка-

тулка Огинскаго со всѣми фамильными драгоцѣнностями и секретными бумагами [1]).

Покончивши съ самою главною конфедераціею, Суворовъ быстро сталъ подавлять и уничтожать другія мелкія вооруженныя группы, не встрѣчая рѣшительно нигдѣ сопротивленія. Въ началѣ 1772 г. ему донесено было, что конфедераты, предводимые французскими офицерами, овладѣли Краковомъ; благодаря оплошности русскаго коменданта, они провели свою партію чрезъ отверстіе, оставленное въ стѣнѣ для стока нечистотъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Суворовъ кинулся туда, быстро овладѣлъ городомъ и плѣнилъ всѣхъ французовъ и конфедератовъ. Первыхъ, впрочемъ, онъ скоро отпустилъ на слѣдующихъ условіяхъ: во-первыхъ, никогда больше не являться на помощь полякамъ, во-вторыхъ, выйти изъ города тѣмъ путемъ, какимъ сюда вошли, т. е. чрезъ отверстіе, устроенное для стока нечистотъ.

Быстрыя и энергическія дѣйствія Суворова противъ конфедератовъ окончательно успокоили Рѣчь Посполитую. Такимъ образомъ, ни на сѣверѣ республики, ни на югѣ не удалось, какъ желалъ бы французскій дворъ, организовать серьезнаго возстанія. Да оно и не могло быть, потому что масса народа, какъ въ Литвѣ, такъ и въ собственной Польшѣ, оставалась равнодушна къ оборонѣ своего отечества. Законами и обычаями это почетное дѣло возлагалось на одну шляхту, а шляхетское сословіе въ это время нравственно разлагалось и поэтому не въ состояніи было бороться съ русскою націею, крѣпкою своими духовными силами.

Истребленіе Суворовымъ конфедератовъ какъ разъ совпало съ блестящими побѣдами русскихъ войскъ въ Турціи. По этому поводу въ Петербургѣ былъ устроенъ цѣлый рядъ празднествъ. На эти празднества, между прочимъ, попалъ братъ Фридриха II, короля прусскаго, Генрихъ. Онъ пріѣхалъ сюда по порученію брата узнать мысли русской императрицы относительно раздѣла Польши, которое необходимо было для прусскаго короля. Дѣло вотъ въ чемъ: Фридриху II нужна была

---

[1]) Во время битвы шкатулка эта находилась въ рукахъ друга Огинскаго, ксендза Вязевича. Когда кончилась битва, то Огинскій такъ былъ ошеломленъ ею, что тогда же съ поля битвы бѣжалъ въ Парижъ; этимъ поспѣшнымъ бѣгствомъ и объясняется, что онъ не успѣлъ взять своей шкатулки. Изъ бумагъ, бывшихъ въ шкатулкѣ, между прочимъ, узнано было, что виленскій епископъ князь Масальскій находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Огинскимъ. Тотчасъ послано было въ Вильну нѣсколько офицеровъ съ отрядомъ арестовать епископа; но тотъ еще до прибытія ихъ, узнавши о пораженіи Огинскаго и догадавшись, что его сношенія съ конфедератами сдѣлаются извѣстными, также бѣжалъ въ Парижъ. Въ домѣ его русскіе нашли много заготовленнаго для конфедератовъ платья и оружія.

та часть сѣверной Польши, которая лежала между его владѣніями (бывшимъ курфирствомъ Бранденбургскимъ и герцогствомъ Прусскимъ) и разъединяла ихъ; взять же эту часть Польши самовластно прусскій король не рѣшался: боялся Россіи. Послѣ долгихъ переговоровъ и колебаній, русская императрица, наконецъ, согласилась на раздѣлъ Польши. Сюда скоро присоединилась и австрійская императрица Марія Терезія. Такимъ образомъ, три европейскихъ державы: Пруссія, Австрія и Россія рѣшили отнять у Польши нѣкоторыя изъ ея областей въ наказаніе за тѣ безпокойства, какія она своею [анархіею доставляла сосѣдямъ, и чтобы этимъ самымъ заставить шляхту поближе взглянуть на самихъ себя и позаботиться о своемъ исправленіи. 1772 года 14 іюля актъ о раздѣлѣ Польши былъ подписанъ въ Петербургѣ и затѣмъ предъявленъ на сеймѣ польскому правительству.

По первому раздѣлу Австрія получила Галицію, Пруссія—Померанію (безъ Гданска и Торна, городовъ на Вислѣ), Россія — земли, лежащія между Днѣпромъ, З. Двиною и Другчемъ или такъ называемую Бѣлоруссію.

Положеніе областей, отошедшихъ къ Россіи по первому раздѣлу. Польскія области, отошедшія къ Россіи по первому раздѣлу, лѣтъ триста тому назадъ принадлежали ей, а затѣмъ, какъ извѣстно, составляли часть Литовскаго государства. Получивши обратно эти древнерусскія области, императрица Екатерина II приказала образовать изъ нихъ двѣ губерніи: Псковскую и Могилевскую [1]); въ первой она назначила губернаторомъ Коховскаго, а во второй Кречетникова, съ подчин еніемъ особому генералъ-губернатору, которымъ въ это время назначенъ былъ Чернышевъ. Отправляя Чернышева во вновь учрежденныя губерніи, императрица дала ему такое наставленіе: „старайтесь о томъ, чтобы въ нихъ (т. е. во вновь присоединенныхъ губерніяхъ) пресѣклись всякія притѣсненія, несправедливости, разбои, смертоубійства, преслѣдованія, пытки и всякаго рода суровыя наказанія; однимъ словомъ: я желаю, чтобы провинціи эти покорены были нами не силою оружія, а кротостію, снисходительностію, правосудіемъ и человѣколюбіемъ, пусть сами жители ихъ увидятъ и убѣдятся въ превосходствѣ правленія и законовъ Россійской имперіи съ ихъ прежнею анархическою республикой“.

Такъ какъ въ это время въ Петербургѣ составлялись проекты общаго для всей Россіи провинціальнаго управленія, то въ Бѣлоруссіи нѣкоторыя польскія учрежденія были сохранены; по оффиціальнымъ

---

[1]) Впослѣдствіи Псковская губернія переименована была въ Полоцкую, а въ 1796 году Полоцкая и Могилевская губерніи получили общее названіе Бѣлорусской губ., съ подчиненіемъ въ управленіи Пассеку, въ качествѣ генералъ-губернатора.

языкомъ признанъ былъ русскій языкъ. Черезъ годъ послѣ присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи, въ ней введены были губернскіе и провинціальные суды и опредѣленъ штатъ канцелярскихъ чиновниковъ. Въ 1773 г. 13 сентября вышелъ указъ о податяхъ. По этому указу всѣ крестьяне облагались податью въ количествѣ семи гривенъ съ каждаго взрослаго мужчины, а купцы и жиды обязаны были платить по одному рублю и 20 к.

Устроивши гражданскую часть Бѣлоруссіи, Екатерина II занялась устройствомъ церковной, т. е. устройствомъ православныхъ приходовъ, уніатскихъ и католическихъ.

Изъ вновь присоединенныхъ областей было образовано двѣ православныхъ епархіи: Псковская и Могилевская. Въ первой былъ епископомъ Иннокентій, а во второй, уже извѣстный намъ, знаменитый Георгій Конисскій. Вслѣдъ затѣмъ въ этихъ двухъ епархіяхъ обнародовано было три правительственныхъ распоряженія: а) подъ страхомъ строгой отвѣтственности запрещалось совращать православныхъ въ унію; наоборотъ, разрѣшалось уніатамъ, если кто пожелаетъ, возвращаться въ православіе; б) запрещалось обнародовать папскія буллы безъ согласія русскаго правительства; в) приказывалось, чтобы отъ смѣшанныхъ браковъ сыновья были православными [1]). Эти три правительственныхъ распоряженія сильно подняли духъ православно-русскаго населенія въ присоединенныхъ областяхъ; мало того, они повліяли и на уніатовъ сихъ областей. Дѣло въ томъ, что громадное большинство уніатовъ Бѣлоруссіи (да и вообще всей Рѣчи Посполитой, какъ увидимъ скоро ниже) страшно было недовольно своимъ религіознымъ положеніемъ: большинство это держалось силою навязаннаго имъ исповѣданія изъ страха предъ католическими властями Польши, но лишь только этотъ страхъ миновалъ, какъ уніаты десятками тысячъ стали возвращаться къ вѣрѣ своихъ отцовъ, т. е. православію. Въ продолженіе первыхъ семи или восьми лѣтъ, послѣ присоединенія, въ Бѣлоруссіи обратилось уніатовъ въ православіе около 250,000 человѣкъ, въ Псковской епархіи около 130,000 чел. и Могилевской около 120,000.

Вслѣдъ за приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ православной церкви въ присоединенныхъ областяхъ, Екатерина Великая занялась устройствомъ уніатской церкви. Когда присоединена была къ Россіи Бѣлоруссія, то тамъ оказалось двѣ уніатскихъ епархіи: Полоцкая и Смоленская; въ первой былъ епископомъ Іосифъ Смогоржевскій, а во второй Іосифъ Лобковичъ. Но такъ какъ въ Смоленской уніатской епархіи мало было уніатовъ, то императрица приказала закрыть ее, а Лобковича, какъ заштатнаго, поселить въ Онуфріевскомъ монастырѣ, гдѣ

---

[1]) Это послѣднее распоряженіе обнародовано было въ Бѣлоруссіи 4 іюня 1776 г.

онъ въ 1778 г. и умеръ; въ то же время она распорядилась всѣхъ уніатовъ, находившихся въ предѣлахъ Бѣлоруссіи, подчинить Смогоржевскому, считая его человѣкомъ благонадежнымъ въ смыслѣ политическомъ. Но въ этомъ послѣднемъ великая императрица ошиблась: Смогоржевскій оказался далеко не благонадежнымъ человѣкомъ.

Смогоржевскій по происхожденію былъ мазуръ изъ Великой Польши; родители его принадлежали къ римско-католическому исповѣданію; воспитаніе онъ получилъ въ Римѣ, въ греко-уніатской коллегіи; въ 1762 году онъ былъ возведенъ въ санъ епископа и опредѣленъ на полоцкую уніатскую каѳедру [1]). Поступивши подъ власть русскаго правительства, Смогоржевскій, какъ истый полякъ, со всѣми польско-шляхетскими замашками, страшно ненавидѣлъ Россію. Поэтому онъ съ первыхъ же дней раздѣла Польши порѣшилъ тайно подготовить въ Бѣлоруссіи партію недовольныхъ Россіею, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, опершись на нее, отторгнуть эту область отъ Россіи и снова присоединить ее къ Польшѣ. Для большаго успѣха въ предположенной цѣли Смогоржевскій сблизился съ базиліанами, въ рукахъ которыхъ находилось воспитаніе юношества; вмѣстѣ съ ними онъ составилъ для учащагося юношества программы въ духѣ полонизма. Но Смогоржевскій, преслѣдуя польско-шляхетскія тенденціи, а не католическо-уніатскія, столкнулся съ іезуитами, которые и постарались навести на него подозрѣніе русскаго правительства [2]). Русское правительство дѣйствительно стало строго слѣдить за нимъ и очень можетъ быть, что онъ скоро бы былъ арестованъ и отправленъ, куда слѣдуетъ; по къ счастію его, въ 1779 г. умеръ въ Польшѣ уніатскій митрополитъ Левъ Шептицкій (преемникъ Волоткевича) и на его мѣсто избранъ былъ Смогоржевскій. Въ началѣ 1780 г. Смогоржевскій отправился къ мѣсту назначенія и поселился въ Радомыслѣ (Кіевской губерніи). Мѣсто же его въ Полоцкѣ, по распоряженію русской императрицы, занялъ архіепископъ Ираклій Лисовскій, правда, человѣкъ глубоко преданный уніи, но въ то же время преданный и русской народности и страшный

---

[1]) Римская курія очень часто заставляла католиковъ принимать унію (по большей части наружно) и получать высшія уніатскія должности, съ тѣмъ, чтобы удобнѣе и незамѣтнѣе обращать уніатовъ въ католичество; съ такою цѣлію и Смогоржевскій перешелъ въ унію (онъ воспитанъ былъ въ католичествѣ) и сдѣланъ полоцкимъ уніатскимъ епископомъ.

[2]) Въ 1772 году папа Климентъ XIV, какъ извѣстно, объявилъ іезуитскій орденъ упраздненнымъ; пользуясь этимъ, поляки по всей Рѣчи Посполитой стали отнимать у нихъ имѣнія, школы и т. п. Между тѣмъ Екатерина II въ Бѣлоруссіи обходилась съ ними ласково; она поручила имъ даже и воспитаніе юношества. Поэтому іезуиты не возлюбили Польши, а вмѣстѣ и Смогоржевскаго, вслѣдствіе этого они постарались разрушить и его польско-шляхетскій планъ въ Бѣлоруссіи.

ненавистникъ поляковъ и введенія въ уніатское богослуженіе обрядовъ римской церкви. Занимаясь въ Бѣлоруссіи устройствомъ православной и уніатской церкви, Екатерина II не оставила безъ вниманія и церкви римско-католической. По сему случаю въ 1773 году 22 ноября въ Бѣлоруссіи былъ обнародованъ указъ такого содержанія: а) образовать въ Могилевѣ особую католическую епархію, съ тѣмъ, чтобъ ея епископу были подчинены всѣ костелы и католическіе монастыри въ Россіи; б) просить виленскаго епископа князя Мосальскаго, чтобы онъ назначилъ по своему усмотрѣнію епископа во вновь учрежденную въ Бѣлоруссіи католическую епархію.

Учрежденіе императрицею Могилевской католической епархіи сильно не понравилось Мосальскому, потому что онъ чрезъ это терялъ часть доходовъ, такъ какъ католики Бѣлоруссіи до сего времени зависѣли отъ него, но ослушаться императрицы и не назначить туда особаго епископа онъ не осмѣлился, зная силу и энергическій характеръ Екатерины II. Мосальскій, по сношеніи съ Римомъ, въ томъ же году опредѣлилъ католическимъ епископомъ въ Могилевъ Станислава Сестрженцевича-Богуша, извѣстнаго своею ученостью. Спустя нѣкоторое время Бѣлорусская (Могилевская) католическая епархія сдѣлана была архіепископіею, а потомъ и митрополіею,—и Сестрженцевичъ скоро получилъ санъ архіепископа, а потомъ и митрополита.

Окончивши устройство Бѣлоруссіи въ гражданскомъ и церковномъ отношеніи, императрица Екатерина II занялась судьбою православныхъ въ самой Рѣчи Посполитой, которые въ это время подвергались тамъ преслѣдованію со стороны новаго уніатскаго митрополита, именно Смогоржевскаго.

Смогоржевскій, получивши въ Рѣчи Посполитой, какъ мы видѣли, каѳедру уніатскаго митрополита и поселившись въ Радомыслѣ, сталъ открыто и энергически дѣйствовать въ этомъ государствѣ противъ всего русскаго и православнаго; прежде всего этотъ фанатикъ, какъ только пріѣхалъ въ Радомысль, созвалъ уніатскій соборъ, на которомъ постановилъ подъ страхомъ строгой отвѣтственности во всѣхъ уніатскихъ церквахъ совершать богослуженіе съ дополненіями римско-католической обрядности, какъ установлено въ 1720 г. на Замостскомъ соборѣ; затѣмъ онъ разослалъ окружное посланіе ко всѣмъ духовнымъ и гражданскимъ чинамъ съ требованіемъ, чтобы они всѣми силами старались объ обращеніи православныхъ въ унію; для большаго успѣха Смогоржевскій рекомендовалъ противъ упорныхъ „схизматиковъ“ употреблять силу въ видѣ экзекуцій, лишенія мѣстъ, тюремныхъ заключеній и т. п. Но объ этомъ скоро узнала русская императрица; она чрезъ своего уполномоченнаго дала ему знать, что если онъ не прекратитъ своихъ фанатическихъ дѣйствій противъ православныхъ, то рискуетъ быть арестованнымъ и въ своемъ государствѣ.

Затѣмъ Екатерина II приказала образовать въ Рѣчи Посполитой особую православную епархію съ отдѣльнымъ епископомъ; цѣль этого была та, чтобы православные Рѣчи Посполитой имѣли опору противъ козней Смогоржевскаго и ему подобныхъ лицъ. Первымъ епископомъ этой вновь образованной епархіи былъ Викторъ Садковскій,—онъ посвященъ въ этотъ санъ изъ архимандритовъ слуцкаго монастыря. Мѣстомъ его пребыванія императрица назначила г. Слуцкъ. Появленіе православнаго епископа въ Польскомъ государствѣ и притомъ въ той части ея, гдѣ русско-уніатское населеніе отличалось ненавистью ко всему польско-католическому и даже своему уніатскому, сильно встревожило какъ католическія власти, такъ и уніатскія, но особенно Смогоржевскаго: послѣдній больше всего опасался, какъ бы православный епископъ не сталъ тайно или явно пропагандировать православіе между уніатами. Чтобы разузнать намѣренія и цѣли Виктора Садковскаго, Смогоржевскій окружилъ его шпіонами, которые доносили ему о всякомъ дѣйствіи и поступкѣ Садковскаго. Между шпіонами, окружавшими Виктора, самымъ замѣчательнымъ былъ суфраганъ уніатской митрополіи Левинскій. Этотъ шпіонъ удачнѣе всѣхъ велъ свое дѣло: онъ скоро сблизился съ Викторомъ и затѣмъ вошелъ къ нему въ такое довѣріе, что тотъ по своей простотѣ и откровенности много открылъ такого, чего не слѣдовало бы открывать. Но, не смотря на это, опасенія Смогоржевскаго отчасти сбылись: правда, православный епископъ ни тайно, ни явно не пропагандировалъ своего исповѣданія между уніатами, но сами уніаты, по своему личному почину, стали тысячами обращаться къ Садковскому съ заявленіями о желаніи перейти въ православіе; особенно это движеніе въ пользу православія выразилось въ той части Малороссіи, которая находилась въ зависимости отъ Польши. Но, къ сожалѣнію, въ семъ дѣлѣ сами русскіе явились тормазомъ или, лучше сказать, лица, сочувствующія уніи, посредствомъ разнаго рода интригъ достигли того, что нѣкоторые изъ представителей русскаго правительства въ Польшѣ, отъ которыхъ зависѣло дать то или другое направленіе желанію уніатовъ перейти въ православіе, повели дѣло такъ, что отбили всякую охоту въ уніатахъ возвращаться къ вѣрѣ своихъ отцовъ. Къ числу лицъ, затормазившихъ дѣло обращенія малорусскихъ уніатовъ въ православіе, принадлежалъ командиръ одного русскаго отряда, находившагося въ Малороссіи, генералъ Шарковъ. Будучи женатъ на полькѣ изъ фамиліи Ледаховскихъ, онъ, подъ вліяніемъ жены своей, строго воспретилъ уніатамъ переходить въ православіе, а для удержанія ослушниковъ Шарковъ давалъ польскимъ начальствующимъ лицамъ отряды солдатъ. Дѣйствія свои генералъ Шарковъ прикрывалъ гуманною цѣлію: не насиловать свободу совѣсти, такъ какъ переходъ уніатовъ въ православіе представлялся ему какъ на-

силіе со стороны православнаго духовенства. Тормазомъ къ переходу уніатовъ въ православіе былъ также и секретарь Румянцева.

Но всѣ эти интриги, направленныя противъ уніатовъ, желавшихъ перейти въ православіе, не долго продолжались: скоро настали второй и третій раздѣлы Польши; по этимъ двумъ послѣднимъ раздѣламъ Россіи достались почти всѣ уніаты Рѣчи Посполитой, которые, уже не стѣсняемые никѣмъ, стали, какъ увидимъ ниже, сотнями тысячъ переходить въ православіе.

Состояніе Польши послѣ перваго раздѣла. Второй и третій раздѣлъ Польши. Всѣ историки говорятъ, что Польша послѣ перваго раздѣла вступила на путь преобразованій и улучшеній. Дѣйствительно, въ промежутокъ между первымъ и вторымъ раздѣлами, въ Польшѣ положено было основаніе исправленію финансовой системы, сдѣланы нѣкоторыя важныя общеполезныя сооруженія: прорыто, напримѣръ, нѣсколько каналовъ, построены цейхгаузы, казармы и значительно улучшено общественное образованіе. Но всѣ эти преобразованія и улучшенія отличались характеромъ поверхностнымъ, неустойчивымъ, шаткимъ и притомъ они коснулись немногихъ сторонъ государственной жизни; пораженное неизлѣчимою болѣзнію нравственнаго растлѣнія, общественное тѣло Рѣчи Посполитой уже неспособно было къ кореннымъ преобразованіямъ и радикальному излѣченію. Представители сего тѣла и руководители его—высшее дворянство и духовенство, не смотря на уроки, данные имъ исторіею, не хотѣли отступиться отъ преимуществъ, обременявшихъ націю, и подчиниться закону; своеволіе и нестѣсняемость собственныхъ дѣйствій они выше ставили, чѣмъ общую свободу націи [1]).

---

[1]) Когда Польша послѣ перваго раздѣла начала заниматься преобразованіемъ и улучшеніемъ своимъ, то въ ней еще нашлись нѣкоторыя лица, которыя желали облегчить положеніе крестьянъ, таковыми, между прочимъ, были: Сташицъ и графъ Замойскій; послѣдній въ 1776 году представилъ сейму въ Варшавѣ проектъ объ улучшеніи положенія крестьянъ; но лишь только онъ былъ прочитанъ, какъ, по словамъ польскаго историка Лелевеля, „старосты, воеводы, гетманы, генералы, маршалы, папскій нунцій—всѣ возстали противъ этого проекта и самого Замойскаго объявили измѣнникомъ отечества, а проектъ его заслуживающій публичнаго сожженія". А чего собственно хотѣлъ Замойскій? сгладить нѣсколько рѣзкія различія между крестьянскимъ сословіемъ и дворянскимъ; облегчить положеніе крестьянъ, уменьшить подати, дать имъ право предъ судомъ защищать свои интересы, получать первоначальное образованіе, вотъ и все.

Примѣчаніе. Если кто желаетъ познакомиться хотя немного съ положеніемъ крестьянъ въ Польшѣ въ XVIII ст., то мы рекомендуемъ прочитать предисловіе къ II т. VI части Архива юго-западной Россіи проф. В. Б. Антоновича „Изслѣдованіе о крестьянахъ въ юго-западной Россіи".

Саксонскій резидентъ при варшавскомъ дворѣ Эссенъ въ донесеніи своему курфирсту, между прочимъ, такими красками рисуетъ состояніе высшихъ польскихъ магнатовъ, стоявшихъ въ то время у кормила правленія Рѣчи Посполитой: „польскіе вельможи, будучи недовольны другъ другомъ, вѣчно соперничаютъ между собою; они постоянно гоняются за полученіемъ пенсій отъ иностранныхъ дворовъ, съ тѣмъ, чтобы подкапываться подъ собственное отечество. Потоцкіе, Радзивиллы, Любомирскіе разорились въ конецъ отъ расточительности. Князь Адамъ Чарторыйскій часть своего хлѣба съѣлъ на корню. Остальная шляхта всегда готова служить тому двору, который болѣе заплатитъ. Въ столицѣ поражаетъ роскошь, въ провинціяхъ бѣдность. На 20 милліоновъ злотыхъ ввозъ иностранныхъ товаровъ превысилъ вывозъ своихъ. Ежедневно происходятъ въ Польшѣ такія явленія, какія невѣроятны въ другихъ государствахъ: злостныя банкротства купцовъ и вельможъ, безумныя азартныя игры, грабежи, всякаго рода отчаянные поступки, порождаемые недостаткомъ средствъ при страшной роскоши. Преступленія совершаются на каждомъ шагу, и кто же ихъ совершаетъ? Люди, принадлежащіе къ самому высшему обществу, которые бываютъ постоянно у короля и пользуются почетомъ, и какому же наказанію они подвергаются? Никакому. Такія здѣсь, напримѣръ, совершаются преступленія: одинъ сенаторъ укралъ печать, а другой золотые часы у жены русскаго посла. Лица, украшенныя орденами Бѣлаго Орла, крадутъ векселя у адвокатовъ, предъявленные ихъ заимодавцами; очень многіе министры Рѣчи Посполитой, желая получить деньги для роскоши, пускаются на такого рода поступки: соберутъ все свое столовое серебро и золотыя украшенія, затѣмъ отдадутъ все это своему камердинеру и прикажутъ ему гдѣ нибудь заложить вещи, а деньги принести имъ; послѣ этого они отсылаютъ камердинера въ деревню, а съ лицами, принявшими въ закладъ вещи, начинаютъ судиться, обвиняя ихъ въ утайкѣ краденаго; есть и такіе министры, и ихъ не мало, которые дѣлаютъ „наѣзды“ на имѣнія своихъ сосѣдей, причемъ происходятъ битвы и нерѣдко человѣкъ около 30 остается мертвыми на мѣстѣ. Одинъ сенаторъ уличается въ поддѣлкѣ векселей, другой отрицается отъ своей подписи, третій употребляетъ фальшивыя карты во время денежной игры, четвертый продаетъ имѣніе, которое никогда ему не принадлежало, пятый, взявши изъ рукъ кредитора векселя, разрываетъ ихъ и въ то же время приказываетъ бить кредитора, шестой захватываетъ чужую жену, увозитъ ее домой и тамъ насилуетъ. Я трепещу при мысли, далѣе пишетъ Эссенъ, что курфирстъ возложитъ на меня обязанность указать ему между поляками троихъ знатныхъ лицъ и вмѣстѣ честныхъ; я не могу ни одного указать ему. Англійскій посланникъ, продолжаетъ писать тотъ же Эссенъ, каждую почту проситъ свое правительство отозвать его отсюда, потому что онъ, исполняя должность посла

при варшавскомъ дворѣ, тѣмъ самымъ унижаетъ достоинство свое, какъ честнаго человѣка. Нѣмецкій полумошенникъ, заключаетъ свое донесеніе саксонскій резидентъ, въ Польшѣ былъ бы честный человѣкъ".

Такими мрачными красками саксонскій резидентъ описываетъ тогдашнее высшее польское общество, въ рукахъ котораго была судьба Польши. Картину эту представляетъ человѣкъ такой, какому не было ни малѣйшей надобности напрасно чернить польскую аристократію,—напротивъ, онъ имѣлъ всѣ побужденія, по своимъ родственнымъ связямъ съ нею, отзываться о польской аристократіи съ хорошей стороны,—слѣдовательно, мы вполнѣ должны вѣрить донесенію Эссена [1]).

Картина, которую нарисовалъ Эссенъ въ своемъ донесеніи саксонскому курфирсту, показываетъ, что самыя основы польской націи были подорваны, а это было тѣмъ болѣе печально, что въ Польшѣ и спасеніе, и погибель зависѣли не столько отъ правительства, сколько отъ націи. „Мы республиканцы и государи, говорили обыкновенно польскіе магнаты, а какъ государи при сношеніяхъ другъ съ другомъ имѣютъ въ виду одну собственную выгоду, точно также и мы ничего не дѣлаемъ для другихъ государей безъ собственной выгоды". Слѣдовательно, стоило любому изъ иностранныхъ государей разсыпать нѣсколько золота, чтобы между польскими магнатами, стоявшими у кормила правленія, имѣть союзниковъ и затѣмъ управлять Польшею по своему личному усмотрѣнію. Лучше всѣхъ это зналъ прусскій дворъ, поэтому онъ первый, послѣ перваго раздѣла Польши, и прибѣгъ къ этому способу, чтобы управлять Польшею, а это ускорило второй раздѣлъ Польши.

Послѣ перваго раздѣла Польши, Россія, какъ извѣстно, пріобрѣла рѣшительное вліяніе на дѣла ея: русскій посолъ въ Варшавѣ баронъ Штакельбергъ распоряжался въ Польшѣ какъ дома; но это слишкомъ не понравилось Пруссіи и она стала думать о томъ, какъ бы устранить Россію отъ Польши и замѣнить ее вліяніе собственнымъ; но выступить противъ Россіи Пруссія не рѣшалась ни открытымъ путемъ, ни тайнымъ, поэтому она положила ждать удобнаго случая: когда Россія будетъ занята чѣмъ нибудь другимъ. Случай представился: въ концѣ 1787 года Россія начала войну съ Турціею и на первыхъ порахъ не вполнѣ удачно, а этимъ и воспользовалась Пруссія, чтобы уничтожить въ Польшѣ русское вліяніе.

---

[1]) А какъ вообще образованные люди конца XVIII в. смотрѣли на внутреннее состояніе Польши того времени, то это можно видѣть изъ сочиненія французскаго аббата Мабли „О правительствѣ и законахъ Польши" 1793 г. Выдержки изъ этого сочиненія см. въ статьѣ проф. Карѣева „Паденіе Польши въ исторической литературѣ", помѣщенной въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія за 1888 г.

Въ началѣ 1788 г. между прусскимъ правительствомъ и польскимъ начались переговоры; переговоры эти длились нѣсколько мѣсяцевъ и кончились, благодаря золоту, самымъ благопріятнымъ образомъ для Пруссіи, именно: польское правительство заключило союзъ съ нею, по которому оно обѣщалось ни въ чемъ не слушаться Россіи. Въ октябрѣ того же года открылся въ Варшавѣ сеймъ, который, при радостныхъ восклицаніяхъ, что устраняется вліяніе Россіи, утвердилъ этотъ союзъ; въ то же время по адресу Россіи и императрицы ея онъ послалъ цѣлый потокъ ругательствъ и самыхъ оскорбительныхъ выраженій, не смотря на то, что тутъ былъ и представитель Россіи. Когда доведено было обо всемъ этомъ до свѣдѣнія Екатерины II, то она написала своему послу въ Варшавѣ Булгакову (преемнику Штакельберга): „какъ можно старайтесь ладить съ поляками, я занята теперь войною съ Турціей, и потому ничего пока не могу сдѣлать, но будетъ время, я возвышу тонъ".

Между тѣмъ, сеймъ, утвердившій договоръ съ Пруссіей, подъ вліяніемъ французскихъ революціонныхъ идей, рѣшился произвести въ своемъ государствѣ коренныя преобразованія; съ этою цѣлію 1791 г. 3-го мая онъ обнародовалъ актъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ акта „конституціи 3-го мая". Въ силу этого акта въ Рѣчи Посполитой устанавливалось наслѣдственное правленіе, объявлялась свобода вѣроисповѣданія, уничтожалось право срывать сеймы, всѣ состоянія становились равными предъ закономъ, мѣщанамъ открытъ былъ доступъ къ шляхетству и т. п. [1]). Но многіе изъ сеймовыхъ членовъ остались недовольны „конституціею 3-го мая", тѣмъ болѣе, что она и объявлена то была въ то время, когда на лицо не было всѣхъ депутатовъ. Во главѣ недовольныхъ были: Броницкій, Феликсъ Потоцкій и Ржевусскій. Тогда же они въ г. Торговицахъ (Кіевской губерніи) составили вооруженную конфедерацію, съ цѣлію уничтожить эту „конституцію", и обратились за помощью къ русской императрицѣ. Теперь для Екатерины II была самая благопріятная минута „возвысить тонъ въ Польшѣ" и отомстить за оскорбленіе: она какъ разъ въ это время самымъ блистательнымъ образомъ кончила вторую войну съ Турціей.

Въ началѣ мая 1792 г. двѣ русскія арміи—одна подъ начальствомъ Кречетникова, а другая—Коховскаго, вступили въ предѣлы Польскаго государства, о чемъ русскій посолъ при варшавскомъ дворѣ Булгаковъ и заявилъ польскому правительству. Перепуганные министры

---

[1]) Главными дѣйствующими лицами въ дѣлѣ провозглашенія „конституціи 3-го мая" были: Сапѣга, Молоховскій, Игнатій Потоцкій и Колонтай.

Примѣчаніе. Главныя статьи конституціи 3-го мая можно прочитать у Карѣева въ его брошюрѣ „Историческій очеркъ польскаго сейма".

и сенаторы обратились за помощью къ прусскому королю Фридриху Вильгельму II, надѣясь получить ее на основаніи союза, заключеннаго съ нимъ въ концѣ 1788 г. Но прусскій король не только отказалъ въ помощи, но явно сталъ на сторону Россіи. Дѣло въ томъ, что Фридрихъ Вильгельмъ II не задолго до этого сблизился съ Россіей; причиною сближенія была французская революція, принявшая въ это время въ Парижѣ грозные размѣры; но, впрочемъ, была и другая причина сближенія: Россія обѣщала Вильгельму II, если онъ вступитъ въ союзъ съ Россіей противъ Польши, Торнъ и Гданскъ (города на Вислѣ) съ ихъ округами, чего раньше онъ напрасно добивался отъ Польши.

Получивши отказъ Пруссіи, польское правительство хотѣло было попытаться помощи у Австріи, но и тамъ потерпѣли неудачу: та же французская революція, которая сблизила Пруссію съ Россіей, была причиною того, что Австрія думала только о томъ, какъ бы революція не вспыхнула внутри ея и по этому поводу все свое вниманіе сосредоточила на Франціи и на поведеніи своихъ подданныхъ, особенно на жителяхъ Ломбардіи, которые сильно тревожили ее своими поступками.

Предоставленные собственнымъ силамъ поляки рѣшились одни защищаться противъ Россіи. Они двинули свои войска подъ начальствомъ двухъ лицъ—Понятовскаго, племянника короля, и Костюшки. Но такъ какъ польская армія была почти не дисциплинирована и плохо вооружена, то при встрѣчѣ съ русскими войсками постоянно терпѣла пораженія и русскіе генералы, такимъ образомъ, скоро овладѣли Вильною, Гродною, Подоліемъ и Волынью, а 10-го августа 1793 г. заняли и Варшаву.

Послѣ этого новый раздѣлъ Польши былъ рѣшенъ. На этотъ разъ онъ произошелъ только между Россіей и Пруссіей. По сему раздѣлу Россія взяла себѣ области Волынскую, Подольскую и Минскую; а Пруссія то, что ей было обѣщено и чего она добивалась раньше, т. е. Торнъ и Гданскъ съ ихъ округами.

Для формальнаго подтвержденія сего раздѣла созванъ былъ сеймъ изъ польско-литовскихъ депутатовъ въ Гродну. Уполномоченнымъ со стороны Россіи явился Сиверсъ, а Пруссіи—Бухгольцъ. 13-го сентября открылось засѣданіе по сему вопросу. Предложенія Россіи относительно уступки Волыни, Подолія и Минской области не встрѣтили почти никакихъ возраженій. Но лишь только приступлено было къ уступкѣ земель Пруссіи, то поднялся страшный крикъ,—и понятно: къ Пруссіи отходили кровныя владѣнія Польши. Сиверсъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ силѣ: онъ арестовалъ четырехъ депутатовъ самыхъ буйныхъ. Испуганный сеймъ просилъ позволеніе отложить рѣшеніе сего вопроса до слѣдующаго дня, ссылаясь на свое утомленіе. Это имъ по-

зволено было. Сеймовые члены, какъ кажется, хотѣли воспользоваться наступавшею темнотою ночи, чтобы уѣхать домой, но это оказалось невозможнымъ: вся Гродна была оцѣплена русскими войсками. На слѣдующій день, это было 14-го сентября, сеймовые члены волею или неволею опять собрались въ залу засѣданій. Когда пріѣхалъ Сиверсъ и потребовалъ утвержденія за Пруссіею земель, взятыхъ ею отъ Польши по второму раздѣлу, то произошла смѣшная и въ то же время любопытная сцена: ни одинъ изъ депутатовъ не сказалъ на это ни слова— всѣ сидѣли какъ окаменѣлые: ясно было, что депутаты думали отмолчаться; но Сиверсъ имъ объявилъ, что не выпуститъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не заговорятъ и не исполнятъ того, что отъ нихъ требуется. Прошелъ день—молчаніе, настала ночь—молчаніе, пробили полночь—молчаніе; вдругъ въ три часа ночи среди гробовой тишины раздался голосъ одного изъ депутатовъ: „молчаніе есть знакъ согласія". Тогда сеймовой маршалъ, воспользовавшись этою оригинальною развязкою, спросилъ членовъ собранія: уполномочиваютъ ли они утвердить за Пруссіею тѣ земли, которыя она взяла? и когда, послѣ троекратнаго вопроса, не получилъ отвѣта, то сказалъ, что сеймъ на желаніе Пруссіи изъявилъ свое полное согласіе. Тѣмъ и кончилась эта комедія: Пруссія была удовлетворена.

На другой день поляки заключили съ Россіею отдѣльный договоръ, по которому обѣ державы взаимно гарантировали цѣлость своихъ европейскихъ владѣній и обязались помогать вооруженною рукою одна другой въ случаѣ нападенія враговъ, причемъ главное начальство надъ войскомъ предоставлялось той державѣ, которая выставитъ больше войска; кромѣ того, Россія могла во всѣхъ нуждахъ и случаяхъ вводить свои войска въ Польшу; затѣмъ, безъ вѣдома Россіи Польша не могла заключать союза ни съ какою другою державою, и, наконецъ, безъ согласія императрицы Польша не имѣла права ничего измѣнить въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Этотъ договоръ, очевидно, ставилъ Польшу въ отношеніи къ Россіи въ вассальную зависимость.

„Такъ произошелъ второй раздѣлъ Польши, доказавшій прежде всего, что въ Польшѣ не было народа, говоритъ профессоръ Соловьевъ; народъ молчалъ, когда шляхетскіе депутаты волновались въ Гроднѣ вслѣдствіе требованій Россіи и Пруссіи. Оказались слѣдствія того, что въ продолженіе вѣковъ народъ молчалъ и шумѣлъ только одинъ шляхетскій сеймъ, на немъ раздавались только красивыя рѣчи. Но такое явленіе не могло быть продолжительно, и сеймъ принужденъ былъ онѣмѣть, потому что все вокругъ было нѣмо. Быть можетъ нѣкоторые будутъ поражены этимъ нѣмымъ засѣданіемъ сейма, продолжаетъ Соловьевъ, быть можетъ у нѣкоторыхъ возбудится сильное сочувствіе къ онѣмѣвшимъ депутатамъ; но развѣ ихъ не сильнѣе поражаетъ еще болѣе страшное онѣмѣніе, онѣмѣніе цѣлаго народа? Развѣ они не ви-

дятъ, заключаетъ профессоръ, въ онѣмѣніи депутатовъ послѣдняго сейма только необходимое слѣдствіе онѣмѣнія цѣлаго народа!“

Положеніе областей, отошедшихъ отъ Польши къ Россіи по второму раздѣлу. Возстаніе въ Польшѣ. Третій раздѣлъ. Получивши по второму раздѣлу области Минскую, Волынскую и Подольскую, Екатерина приказала образовать изъ нихъ три губерніи: Минскую, Изяславскую и Брацлавскую [1]), которыя составили особое генералъ-губернаторство; генералъ-губернаторомъ сюда назначенъ былъ Тутильманъ.

Въ церковномъ отношеніи всѣ эти три губерніи составили одну Минскую епархію, епископомъ которой сдѣланъ былъ Викторъ Садковскій, возведенный въ санъ архіепископа. Садковскій, получивши самостоятельную епархію и притомъ не находясь болѣе въ зависимости отъ Польши (Слуцкъ, мѣстопребываніе Виктора, по второму раздѣлу перешелъ къ Россіи), сталъ энергически дѣйствовать на пользу православія въ присоединенныхъ областяхъ: то самъ онъ разъѣзжалъ по нимъ и увѣщевалъ уніатовъ возвратиться въ православіе, то командировалъ своихъ довѣренныхъ лицъ, то разсылалъ пастырскія увѣщанія, и дѣйствительно успѣхъ былъ громадный: менѣе чѣмъ въ два года въ трехъ вышеозначенныхъ губерніяхъ возвратилось уніатовъ въ православіе 333,000 человѣкъ (463 прихода, съ 722 священниками); въ началѣ 1795 г.—100,900 человѣкъ (1007 приходовъ, съ 1032 священниками) и въ концѣ сего года—160,000 человѣкъ и 2 монастыря съ 45 монахами. Оставшихся уніатовъ въ Минской православной епархіи подчинили полоцкому уніатскому архіепископу Лисовскому, котораго затѣмъ возвели въ санъ митрополита [2]).

Между тѣмъ, какъ русское правительство занято было устройствомъ вновь присоединенныхъ областей, въ Польшѣ, въ это же время, тайно отъ Россіи и безъ вѣдома собственнаго правительства, образовались политическіе кружки, съ цѣлію возвратить утраченныя области, которыя отошли къ сосѣднимъ державамъ по первымъ двумъ раздѣламъ. Сначала эти кружки появились въ Варшавѣ и Краковѣ, а затѣмъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Заговоръ распространился быстро. Предводителемъ возстанія избранъ былъ Костюшко, проживавшій въ это время въ Саксоніи [3]). Прибывши въ Краковъ, онъ немедленно разослалъ

---

[1]) Въ 1796 году послѣднія двѣ губерніи были переименованы въ губерніи Подольскую и Волынскую.

[2]) О возвращеніи уніатовъ въ православіе при Екатеринѣ II см. сочиненіе профес. М. О. Кояловича „Исторія возсоединенія уніатовъ старыхъ временъ“. 1873 г. Спб.

[3]) Өаддей Костюшко былъ храбрый литвинъ, съ рѣдкими качествами ума и сердца. Начиная борьбу съ сосѣдями, онъ первый во всей польской исторіи вздумалъ поднять на защиту отечества простой народъ, т. е. городское и сель-

универсалы, въ которыхъ, между прочимъ, говорилось: „Русская императрица Екатерина II, устраняя въ Польшѣ всѣ общественныя формы, вмѣстѣ съ клятвопреступнымъ Фридрихомъ Вильгельмомъ II, положила истребить самое имя Польши. Всѣ роды лжи, коварства и измѣны испробованы ихъ правительствами. Забывъ предразсудки и всякое различіе сословій, соединимся между собою и станемъ защищать отечество!“

Возстаніе прежде всего обнаружилось въ Варшавѣ: 6 апрѣля 1794 г., въ четвергъ на страстной недѣлѣ, рано утромъ, поляки, подъ начальствомъ генерала Циховскаго и башмачника Калиновскаго, напали на русскія войска, находившіяся въ столицѣ въ количествѣ 10,000 человѣкъ подъ начальствомъ барона Игельштрома, и, благодаря безпечности и халатности русскаго главнокомандующаго, большую часть ихъ истребили, причемъ одинъ баталіонъ зарѣзанъ былъ въ церкви во время богослуженія предъ самымъ причастіемъ.

Изъ Варшавы возстаніе быстро распространилось по всей Польшѣ, Литвѣ и Бѣлоруссіи. Но особенно оно, послѣ варшавской рѣзни, рѣзко обозначилось въ Литвѣ и ея столицѣ Вильнѣ.

Послѣ второго раздѣла Польши въ Вильнѣ оставлено было два русскихъ полка пѣхоты, одинъ баталіонъ егерей казачьяго полка и четыре роты артиллеріи съ 19 пушками. Въ качествѣ главнокомандующаго этимъ войскомъ оставленъ былъ генералъ Арсеньевъ, а помощникомъ его полковникъ артиллеріи Тучковъ. Но кромѣ русскихъ тутъ еще были и литовскія войска, подъ начальствомъ гетмана Коссаковскаго, въ рукахъ котораго находился за́мокъ, арсеналъ и комиссаріатъ. Когда въ Польшѣ составился заговоръ, то по распоряженію Костюшки изъ Варшавы присланъ былъ въ Вильну молодой инженеръ, полковникъ Ясинскій, которому поручено было привлечь на свою сторону литовскія войска и подготовить жителей къ возстанію. Но лишь только онъ приступилъ къ дѣлу, какъ объ этомъ было донесено Коссаковскому, который и велѣлъ его арестовать. Но Ясинскій, благодаря своимъ друзьямъ, скоро освободился изъ подъ ареста и затѣмъ уже сталъ тайно приводить въ исполненіе данное ему порученіе. Успѣхъ былъ необыкновенный: въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ Ясинскій успѣлъ подготовить къ возстанію какъ войско, такъ и жителей. Тогда положено было сдѣлать нападеніе на русскія войска и истребить ихъ; для этого назначенъ былъ канунъ св. Пасхи 1794 г. Но дня за два до

ское населеніе. Но оказалось, что это невозможно: польскій народъ, находясь почти пятьсотъ лѣтъ въ рабствѣ у шляхты и коснѣя въ невѣжествѣ столько же времени, рѣшительно не имѣлъ понятія о патріотизмѣ, чувство это ему было совсѣмъ недоступно; поэтому онъ, на воззваніе Костюшки, когда тотъ обратился къ нему съ нимъ, не отозвался. Правда, въ его войскѣ было нѣсколько крестьянъ, но они попали сюда не по личному желанію, а паны пригнали.

наступленія Пасхи одинъ факторъ-еврей, по фамиліи Гордонъ, тайно сообщилъ Тучкову о предположенномъ нападеніи и какъ на доказательство своихъ словъ онъ указалъ на то, что всѣ дома, гдѣ квартируютъ русскія войска, помѣчены знаками R. Z., а надъ его, Тучкова, воротами поставленъ знакъ N. B. Тучковъ немедленно донесъ объ этомъ генералу Арсеньеву, но тотъ не обратилъ на донесеніе никакого вниманія, относительно знаковъ сказалъ, что это шалость какихъ-нибудь повѣсъ. Но Тучковъ не успокоился: онъ принялъ такія мѣры, которыя спасли большую половину русской арміи. Паркъ Тучкова находился за городомъ въ урочищѣ „Погулянка"; на случай тревоги Тучковъ для своей команды назначилъ сборные пункты, вручилъ кордоннымъ офицерамъ ключи отъ пороховыхъ ящиковъ и приказалъ имѣть на готовѣ при каждой пушкѣ фитиль; въ то же время онъ распорядился, чтобы всѣ солдаты, находившіеся въ городѣ, по первому пушечному выстрѣлу спѣшили бы къ парку [1]).

Между тѣмъ, заговорщики, во главѣ съ инженеромъ Ясинскимъ, въ 11 часовъ вечера 9 апрѣля (это было какъ разъ въ великую субботу подъ Свѣтлое Христово Воскресенье) собрались на предмѣстьѣ г. Вильны „Зарѣчье" въ одномъ саду. Туда привезли артиллерію и тамъ они условились какъ овладѣть гауптвахтою и арестовать русскаго генерала и офицеровъ. Ровно въ 12 часовъ ночи раздался пушечный выстрѣлъ, вслѣдъ затѣмъ ударили по костеламъ въ набатъ, забили въ барабанъ. Выстрѣлы пошли все чаще и чаще. Заговорщики, одни съ ружьями, другіе съ кольями, саблями, ножами, забѣгали по разнымъ улицамъ и толпы ихъ постоянно увеличивались. Маіоръ Собецкій съ жолнерами 7 полка напалъ на гауптвахту, истребилъ караулъ и захватилъ 8 орудій. Затѣмъ онъ бросился на квартиры, гдѣ стояли русскіе офицеры, и тамъ безъ особаго труда арестовалъ коменданта Ребка, полковника Яковлева, пять маіоровъ, четырехъ капитановъ, 11 подпоручиковъ, 8 поручиковъ и 12 прапорщиковъ. Въ то же время арестованы были: генералъ Арсеньевъ и гетманъ Коссаковскій; перваго заговорщики поймали на Антоколѣ, у одной польки, съ которою онъ проводилъ вечеръ въ интимной бесѣдѣ, а второго у себя дома на чердакѣ, за трубой.

Изъ всѣхъ русскихъ офицеровъ спаслось не болѣе пяти человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и полковникъ Тучковъ. Послѣдній на слѣдующій день, когда у него собралось войско около 3000 человѣкъ, вмѣстѣ съ деньщиками и лакеями, открылъ бомбардированіе по Вильнѣ. По-

---

[1]) Главнымъ помощникомъ всѣхъ распоряженій Тучкова былъ фельдфебель Подгойскій (впослѣдствіи подполковникъ). Онъ день и ночь слѣдилъ за всѣмъ, что происходитъ въ городѣ и о каждомъ подозрительномъ поступкѣ поляковъ доносилъ Тучкову.

ляки попытались было въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ сдѣлать нападеніе на Тучкова, но всѣ легли подъ картечнымъ огнемъ. Затѣмъ заговорщики заставили было генерала Арсеньева отправить письмо къ Тучкову съ приказаніемъ прекратить пальбу, въ виду угрожающей ему, Арсеньеву, опасности; но Тучковъ не послушался и какъ бы въ отвѣтъ на это приказаніе усилилъ кононаду. Но, не смотря на все это, положеніе Тучкова день ото дня становилось все болѣе и болѣе критическимъ: съ фронта ему угрожали польскія войска изъ города, гдѣ ихъ уже было много, вслѣдствіе прибытія новыхъ подкрѣпленій, съ тылу угрожалъ корпусъ Гедройца, только что сформированный и спѣшившій по ошмянскому тракту къ Вильнѣ, въ то же время у Тучкова приходили къ концу съѣстные припасы и боевые снаряды. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Тучковъ 14 апрѣля отступилъ къ Понарскимъ высотамъ, а затѣмъ направился къ Гроднѣ, гдѣ находились русскія войска подъ начальствомъ князя Циціанова. На пути на него напалъ Гедройцъ съ своими войсками, но былъ отраженъ съ большимъ урономъ. 17 апрѣля Тучковъ съ своимъ отрядомъ и пушками прибылъ въ Гродну; тутъ онъ какъ герой встрѣченъ былъ Циціановымъ и его войсками, съ музыкой и пальбой. Тучковъ за свой подвигъ награжденъ былъ большою суммою денегъ, какъ и весь его отрядъ.

Между тѣмъ въ Вильнѣ, какъ скоро стало извѣстно объ удаленіи Тучкова, на рынкѣ собралось народное собраніе, которое провозгласило республиканское устройство; для управленія страною составился такъ называемый „Литовскій верховный совѣтъ“. Ясинскій сдѣланъ былъ начальникомъ „вооруженныхъ народныхъ силъ“. Тогда же произведенъ былъ военный судъ надъ гетманомъ Коссаковскимъ за арестованіе Ясинскаго и вообще за несочувствіе его къ революціи; судъ приговорилъ его къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. 15 апрѣля, въ четвергъ на Святой недѣлѣ, послѣдняго литовскаго гетмана Коссаковскаго, при огромномъ стеченіи народа, съ барабаннымъ боемъ, привезли на ратушскую площадь, гдѣ уже была приготовлена висѣлица. Вслѣдъ затѣмъ ему прочитали обвинительный актъ. Бернардинскій монахъ исповѣдовалъ его. Когда гетмана подвели къ висѣлицѣ, то онъ, обратившись къ народу, хотѣлъ что то сказать, но барабанный бой заглушилъ его слова. Приговоренный къ висѣлицѣ Коссаковскій кончилъ свою жизнь самымъ мучительнымъ образомъ вслѣдствіе неискусства палача.

Революціонеры управляли Вильною около трехъ мѣсяцевъ. 8 іюля того же года русскія войска, подъ начальствомъ генерала Кнорринга, подступили къ городу и повели правильную осаду. 31 іюля сдѣланъ былъ общій приступъ; польскія войска не выдержали его и разными путями бѣжали изъ города, который тотчасъ же былъ занятъ русскими. При вступленіи русскаго войска въ Вильну по правую сторону большой улицы стояли русскіе, а по лѣвую — поляки на колѣняхъ. Генералъ

Кноррингъ, вступивши въ городъ, сошелъ съ лошади, приложился къ кресту, поднесенному ему игуменомъ Свято-Духова монастыря, а потомъ, снова сѣвши, обратился къ полякамъ и громко сказалъ: „Императрица Екатерина объявляетъ всѣмъ прощеніе. Встаньте!“ Поляки немедленно встали на ноги и закричали: „виватъ!“ Съ этого времени русскія войска уже болѣе не выходили изъ Вильны, которая скоро послѣ этого со всею Литвою (за исключеніемъ Бѣлостокской области) была присоединена къ Россіи.

14 декабря 1795 г. Екатерина II образовала въ Литвѣ двѣ губерніи: Виленскую и Слонимскую, а чрезъ годъ эти двѣ губерніи составили одну, подъ названіемъ Литовской.

Послѣ взятія Вильны и усмиренія возстанія въ Литвѣ, война съ Польшею далеко еще не была окончена. Чтобы окончить войну, нужно было уничтожить главныя силы поляковъ, которыя дѣйствовали въ самой Польшѣ подъ начальствомъ трехъ генераловъ: Костюшки, Сѣраковскаго и Макрановскаго. Противъ нихъ русская императрица выслала двухъ генераловъ: Суворова и Ферзена. Суворовъ съ своимъ отрядамъ, состоявшимъ изъ 7000 человѣкъ, сначала двинулся на Волынь, гдѣ быстро и безъ большого труда подавилъ возстаніе, потомъ пошелъ въ Подлѣсье и тамъ около Бреста напалъ на корпусъ Сѣраковскаго и Макрановскаго и разбилъ его на голову. Послѣ этого Суворовъ поспѣшилъ къ Варшавѣ, гдѣ находился Ферзенъ, чтобы соединенными силами успѣшнѣе дѣйствовать. Но Костюшко, узнавъ о движеніи Суворова, рѣшился не допустить этого соединенія; поэтому онъ положилъ сначала напасть на Ферзена, а потомъ на Суворова и такимъ образомъ разбить ихъ по очереди. 1794 г. 27 сентября, въ 85 верстахъ отъ Варшавы, при мѣстечкѣ Маціовичахъ Костюшко напалъ на Ферзена. Произошла отчаянная битва. Поляки бились храбро, но потерпѣли полное пораженіе, причемъ убито было поляковъ 5000 человѣкъ, а въ плѣнъ взято 1500 челов.; въ числѣ плѣнныхъ находилось пять генераловъ: Каминскій, Сѣраковскій, Княжевичъ, Нѣмцевичъ и Костюшко. Послѣдній былъ тяжело раненъ и два дня находился въ безсознательномъ состояніи. Говорятъ, что Костюшко, падая съ лошади отъ раны, сказалъ: finis Poloniae (конецъ Польши). Честь всей этой битвы принадлежитъ генералъ-маіору Денисову; Ферзенъ явился къ концу битвы, когда успѣхъ русскихъ былъ несомнѣненъ.

Въ началѣ октября произошло соединеніе войскъ Суворова съ войсками Ферзена. 23 октября Суворовъ овладѣлъ Варшавою, а 15-го ноября Станиславъ-Августъ Понятовскій отказался отъ престола и отправленъ былъ въ Петербургъ, гдѣ чрезъ три года скончался (1798 г. 21 февр.) и погребенъ въ костелѣ св. Екатерины.

1795 г. 13 октября произошелъ третій раздѣлъ Польши. По этому

раздѣлу Россія получила области Виленскую, Ковенскую и Гродненскую. Варшава отошла къ Пруссіи, а Краковъ къ Австріи [1]).

Такъ кончилось политическое существованіе Польши, которая незадолго предъ этимъ имѣла болѣе 14,000 квадратныхъ миль пространства и около 15,000,000 жителей, т. е. по пространству она была въ полтора раза болѣе нынѣшней Франціи и по числу жителей равнялась теперешней Испаніи.

Но отчего же Польша пала?

Мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ словами современнаго молодого польскаго историка, профессора краковскаго университета, Михаила Бобржинскаго: „ни границы, ни сосѣди, а нашъ внутренній разладъ, говоритъ профессоръ Бобржинскій, довелъ насъ до паденія государственнаго существованія. Какія бы мы теперь не находили причины нашего паденія, будетъ ли это притѣсненія народа шляхтою, или приниженное положеніе городовъ, или моральный упадокъ и умственный регрессъ въ интеллигенціи—все это будутъ только второстепенныя явленія, которыя въ другихъ мѣстахъ выступили еще въ худшемъ видѣ, но ни одного народа не доводили до утраты политическаго бытія. Вездѣ, именно въ другихъ мѣстахъ, существовали правительства, которыя, усмотрѣвъ зло раньше или позже, поправляли или уменьшили его. У однихъ только насъ, продолжаетъ Бобржинскій, не доставало этого оздоровляющаго фактора, не доставало правительства, которое въ рѣшительную минуту совокупило бы около себя хотя и разрозненныя общественныя силы и придало бы имъ единое направленіе... Итакъ, заключаетъ профессоръ Бобржинскій, Польша пала вслѣдствіе отсутствія крѣпкой монархической власти и развитія буйнаго и неукротимаго шляхетства въ ущербъ народа. Польша пала отъ анархіи“.

Послѣ третьяго раздѣла Польши императрица Екатерина II снова занялась устройствомъ тѣхъ областей, которыя достались Россіи отъ Польши по всѣмъ тремъ раздѣламъ. Для лучшаго управленія она приказала раздѣлить всѣ эти области на три генералъ-губернаторства: а) Бѣлорусское, подчиненное Пассеку въ качествѣ генералъ-губернатора; въ составъ сего генералъ-губернаторства вошли губерніи: Полоцкая и Могилевская; б) Литовское, подчиненное Тормасову; это генералъ-губернаторство состояло изъ двухъ губерній: Виленской и Слонимской и двухъ областей: Ковенской и Гродненской; в) Подольское, подчиненное Тотильману; оно имѣло губерніи: Минскую, Волынскую и По-

---

[1]) Впослѣдствіи Россія по Тильзитскому миру, бывшему въ 1807 году съ Наполеономъ I, получила Бѣлостокскую область; а изъ тѣхъ частей Польши, которыя находились подъ властію Пруссіи, тогда же Наполеонъ I образовалъ Варшавское герцогство, которое потомъ, какъ увидимъ ниже, въ 1815 г. на Вѣнскомъ конгрессѣ перешло къ Россіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ областей, въ томъ числѣ и Кракова; Краковъ сдѣланъ былъ вольныхъ городомъ.

дольскую. (Послѣднія двѣ прежде назывались губерніями: Изяславскою и Брацлавскою). Затѣмъ императрица обратила вниманіе въ присоединенныхъ областяхъ какъ на православныхъ, такъ уніатовъ и католиковъ. Благодаря сильной поддержкѣ императрицею русскихъ епископовъ въ сихъ областяхъ и поощреніямъ уніатовъ къ переходу въ православіе, въ послѣдній годъ жизни Екатерины ихъ перешло въ сіе исповѣданіе около 1,500,000 человѣкъ. Такъ, въ концѣ 1795 г. и началѣ 1796 г. въ православіе перешло уніатовъ: въ Минской губерніи болѣе 80,000 человѣкъ, въ Подольской губерніи болѣе 100,000 и въ Волынской, съ присоединеніемъ къ ней губерній: Виленской, Слонимской и областей: Ковенской и Гродненской—1090 приходовъ или около 1,300,000 уніатовъ. Поэтому, если перечесть всѣхъ уніатовъ, принявшихъ православіе при Екатеринѣ II во вновь присоединенныхъ областяхъ, то ихъ окажется болѣе 3,000,000 человѣкъ. Оставшихся уніатовъ, т. е. неприсоединенныхъ въ православіе, въ количествѣ 2,000,000 человѣкъ, императрица подчинила Лисовскому, съ возведеніемъ его въ санъ митрополита.

Относительно католической церкви Екатерина Великая сдѣлала слѣдующее: а) образовала двѣ новыя епархіи (кромѣ Могилевской): Пинскую и Лотичевскую, въ которыя назначила особыхъ епископовъ; б) для управленія дѣлами католической церкви императрица приказала образовать въ Петербургѣ особую римско-католическую коллегію, состоящую изъ нѣсколькихъ прелатовъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита.

Вслѣдствіе громаднаго числа лицъ, принявшихъ православіе во вновь присоединенныхъ областяхъ, императрицѣ Екатеринѣ II дало возможность отмѣнить статутъ литовскій и вмѣсто его ввести русское право. Вслѣдъ затѣмъ она распорядилась всѣ присутственныя мѣста поручить управленію чиновникамъ русскаго происхожденія, которымъ для поощренія розданы были разнаго рода имѣнія.

„Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ профессоръ Кояловичъ относительно распоряженій Екатерины II въ присоединенныхъ областяхъ, что такой порядокъ вещей быстро повелъ бы къ тому, что полонизмъ въ западной Россіи скоро исчезъ бы безслѣдно, и это тѣмъ легче могло совершиться, что многіе тогдашніе западно-русскіе и литовскіе поляки были поляками только по имени, по шляхетскимъ претензіямъ, а на самомъ дѣлѣ были русскіе, даже большая часть изъ нихъ не знала польскаго языка. Но со вступленіемъ императора Павла I дѣла въ присоединенныхъ областяхъ сильно измѣнились“.

Послѣ третьяго раздѣла Польши Екатерина II прожила немного, всего годъ съ небольшимъ: 6-го ноября, въ 12 часовъ дня, 1796 года она скончалась, процарствовавъ со славою и честію 34 года.

ПЯТЫЙ ПЕРІОДЪ.

Событія, случившіяся въ областяхъ бывшаго Литовскаго государства со времени подчиненія ихъ власти Русскихъ Императоровъ.

Павелъ I-й.

1796—1800 г.

Послѣ смерти Екатерины Великой на престолъ Русскаго государства вступилъ сынъ ея Павелъ Петровичъ. Отличаясь благороднымъ сердцемъ и рыцарскою душею, онъ, сдѣлавшись императоромъ, прежде всего обратилъ вниманіе на сосланныхъ поляковъ. Въ первый годъ своего царствованія онъ освободилъ ихъ нѣсколько сотъ, возвратилъ имъ конфискованныя имѣнія, изъ которыхъ предварительно вывелъ русскихъ людей. Затѣмъ возстановилъ въ присоединенныхъ областяхъ Литовскій статутъ, отъ котораго, какъ нужно замѣтить, уже большая часть людей, особенно въ Бѣлоруссіи, отвыкла; запретилъ обращать уніатовъ въ православіе; открылъ для нихъ, указомъ отъ 28 апрѣля 1798 г., двѣ новыя епархіи: Брестскую и Луцкую [1]); улучшилъ положеніе католическаго духовенства и въ заключеніе сблизился съ іезуитами настолько, что они не замедлили пробраться въ самый дворецъ и сдѣлаться друзьями императора.

Вслѣдствіе такого образа дѣйствій императора Павла I произошло то, что ксендзы и католическіе монахи разсыпались по всѣмъ областямъ, присоединеннымъ къ Россіи, съ пропагандою; при содѣйствіи помѣщиковъ-католиковъ они тысячами стали обращать уніатовъ въ католичество, а нерѣдко и православныхъ. Еще смѣлѣе и энергичнѣе стали дѣйствовать въ сихъ областяхъ латинскіе ксендзы и монахи, когда императоръ, по просьбѣ іезуитовъ и митрополита Сестржепцевича, отъ 12-го іюля 1798 г., издалъ указъ о подчиненіи уніатской церкви римско-католической коллегіи, находившейся въ Петербургѣ [2]).

---

[1]) Первая открыта была для губерній Минской и Литовской; въ этой епархіи епископомъ назначенъ былъ нѣкто Арсеній Глоневскій; вторая открыта была для губерній Волынской и Подольской; въ этой епархіи опредѣленъ былъ епископомъ Станиславъ Левинскій.

[2]) Императоръ Павелъ I почему-то считалъ уніатскую церковь ближе стоящею къ римско-католической церкви, чѣмъ къ православной.

Но послѣднее распоряженіе русскаго правительства страшно взволновало всѣхъ уніатовъ и вызвало безчисленное множество протестовъ: уніаты хорошо знали, что вслѣдствіе этого распоряженія іезуиты и ксендзы постараются силою заставить ихъ принимать католичество. Больше всѣхъ противъ этого распоряженія протестовалъ уніатскій митрополитъ Лисовскій. Правительство дѣйствительно поняло свою ошибку, поэтому оно скоро издало новый указъ слѣдующаго содержанія: подъ страхомъ строгой отвѣтственности воспрещалось католическому духовенству обращать уніатовъ и православныхъ въ римскую вѣру. Въ связи съ этимъ, какъ кажется, стоитъ изданіе и другого указа, отъ 17 марта 1799 г., которымъ приказывалось, чтобы впредъ католическія епархіи управлялись самостоятельно, безъ сношенія съ папою. Указъ, безспорно, очень замѣчательный: это былъ толчекъ къ отдѣленію католической церкви въ Россіи отъ Рима; но іезуиты постарались затормозить его и законъ этотъ на практикѣ никогда не примѣнялся; да и самъ императоръ Павелъ скоро скончался, именно 1800 г. 10 марта.

Александръ I-й.

1800—1825 г.

Послѣ смерти Павла I русскій престолъ занялъ сынъ его Александръ Павловичъ, человѣкъ высокой души, благородныхъ стремленій и мягкаго сердца. Вся его дѣятельность внутри государства направлена была ко благу своихъ подданныхъ, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій. Но, къ сожалѣнію, поляки не воспользовались этимъ; они сами разрушили свое счастіе [1]): вмѣсто благодарности и преданности къ русскому престолу за то благодѣяніе, какое они получили отъ императора Александра Благословеннаго, поляки отблагодарили самою черною неблагодарностію.

Главными дѣйствующими лицами въ этомъ направленіи явились какъ разъ тѣ именно, которыхъ русское правительство болѣе другихъ облагодѣтельствовало, именно: Адамъ Чарторыйскій, Ѳаддей Чацкій, профессоръ Лелевель и другіе, но особенно первый.

Адамъ Чарторыйскій и Ѳаддей Чацкій и ихъ дѣятельность. Во время послѣднихъ двухъ раздѣловъ Польши, многія знатныя польскія семейства, какъ изъ собственной Польши, такъ и изъ бывшаго Литовскаго государства, бѣжали за границу. Но потомъ, когда императрица Екатерина Великая объявила всѣмъ имъ полную амнистію, если они возвратятся назадъ, а въ противномъ случаѣ грозила конфискаціею

---

[1]) Образованные поляки въ настоящее время то же самое говорятъ, что и мы говоримъ.

имуществъ, большая часть ихъ дѣйствительно вернулась домой. Въ числѣ послѣднихъ было и одно семейство, бѣжавшее изъ Литвы, по фамиліи Чарторыйскіе. По возвращеніи въ Россію семейство это поселилось въ Петербургѣ. Это было какъ разъ сейчасъ послѣ смерти Екатерины II, когда на престолъ вступилъ сынъ ея Павелъ I.

По пріѣздѣ въ столицу, одинъ изъ членовъ семейства Чарторыйскихъ, молодой Адамъ Чарторыйскій, поступилъ на государственную службу. Умный, ловкій и образованный, этотъ молодой человѣкъ скоро былъ замѣченъ и затѣмъ получилъ одно изъ высшихъ мѣстъ въ чиновничьей іерархіи. Благодаря послѣднему обстоятельству, Чарторыйскій попалъ ко двору Павла I и тамъ, вращаясь въ кругу русскихъ вельможъ, познакомился съ великимъ княземъ, сыномъ императора, Александромъ Павловичемъ, наслѣдникомъ русскаго престола, сблизился съ нимъ, вошелъ въ довѣріе и наконецъ сталъ его другомъ.

Сдѣлавшись любимцемъ великаго князя, Адамъ Чарторыйскій цѣлые вечера проводилъ съ нимъ въ задушевныхъ бесѣдахъ. Главный предметъ этихъ бесѣдъ былъ польскій народъ и его погибшее отечество. Ополячившійся западно-русскій князь Чарторыйскій изливалъ свое горе по поводу бѣдствій поляковъ и Польши. Будущій русскій императоръ съ благородствомъ и теплотою, которыми такъ полна была его душа, сожалѣлъ о бѣдствіяхъ этого народа и нерѣдко высказывалъ желаніе облегчить его участь по вступленіи на престолъ.

И дѣйствительно, лишь только онъ вступилъ на престолъ своего отца, какъ немедленно расширилъ права поляковъ и кругъ ихъ дѣйствій въ областяхъ бывшаго Литовскаго государства. Съ этого времени управленіе въ западно-русскихъ областяхъ возстановлено было во всей почти старой шляхетской полнотѣ: полякамъ дозволено было составлять сеймики и выбирать на нихъ судей и другихъ должностныхъ лицъ. Всѣ важнѣйшія отрасли управленія перешли въ руки поляковъ. Поляки оказались вездѣ наверху надъ русскими. Русское управленіе, созданное Екатериною Великою, измѣнено было въ самомъ корнѣ.

Эти перемѣны, произведенныя Александромъ I въ западно-русскихъ областяхъ бывшаго Литовскаго государства, возбудили надежды поляковъ на возстановленіе Польши, а дружба его съ Чарторыйскимъ закрѣпила ихъ въ сердцахъ поляковъ самымъ прочнымъ образомъ. Оставалось только, въ полной увѣренности и спокойствіи, готовить средства для будущей Польши. Чарторыйскій первый и занялся приготовленіемъ этихъ средствъ. Какихъ же именно?

Въ 1803 г. Адамъ Чарторыйскій сдѣланъ былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа [1]). Получивши эту должность, онъ весь

---

[1]) Чарторыйскій состоялъ въ этой должности 20 лѣтъ; въ то же время онъ былъ и товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

предался образованію учебныхъ заведеній и воспитанію юношества; на это дѣло онъ тратилъ огромныя суммы денегъ какъ изъ собственныхъ средствъ, такъ изъ доброхотныхъ пожертвованій и государственнаго казначейства. По его мысли, Виленская іезуитская академія преобразована была въ университетъ съ двумя высшими семинаріями—католической и уніатской, а также основанъ цѣлый рядъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Но Чарторыйскій, заботясь усердно объ основаніи учебныхъ заведеній и воспитаніи юношества, не имѣлъ въ виду возвысить нравственное или матеріальное состояніе народа ввѣреннаго ему края; онъ имѣлъ въ виду совершенно другую цѣль: Чарторыйскій хотѣлъ ополячить этотъ край, такъ какъ онъ состоялъ большею частію изъ русскихъ жителей, и подготовить его къ будущей Польшѣ.

Преслѣдуя эту цѣль, Адамъ Чарторыйскій и самыя программы наукъ для преподаванія въ основанныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ издалъ примѣнительно къ сему дѣлу (развитію полонизма); поэтому не удивительно, что въ университетѣ, въ семинаріяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ польская національная наука и польскій духъ выступили въ такомъ величіи, въ какомъ они не появлялись даже во времена существованія Рѣчи Посполитой. Въ уставахъ учебныхъ заведеній Виленскаго округа подъ названіемъ „словесность" разумѣлась не русская, а польская; на этихъ урокахъ читались и объяснялись только польскіе писатели. Всѣ науки излагались на польскомъ языкѣ. Въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ преподаватели польской грамматики стояли въ спискѣ старшихъ преподавателей, а преподаватель русской грамматики и русскаго языка считался младшимъ, наравнѣ съ учителями иностранныхъ языковъ и рисованія.

Католическое духовенство принимало дѣятельное участіе въ ополяченіи края. По распоряженію Чарторыйскаго и приказанію епископовъ, при всякомъ приходскомъ костелѣ и при всякомъ католическомъ монастырѣ заведены были школы. Ксендзамъ поставлено было въ обязанность „пріобрѣтать довѣріе учащихся и быть посредниками между учениками и ихъ родителями". Большинство учебныхъ заведеній и преподаваніе въ нихъ наукъ Адамъ Чарторыйскій ввѣрилъ піарамъ[1]), а низшія учебныя заведенія—базиліанамъ, съ цѣлію побольше привлечь въ нихъ дѣтей православнаго населенія. Духъ и направленіе какъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ среднихъ и низшихъ — одинъ и тотъ же: обратить воспитанниковъ въ истыхъ поляковъ и возбудить въ нихъ любовь и ревность къ возстановленію падшаго оте-

[1]) Піары (католическіе монахи) вызваны были въ Литву въ 1722 году виленскимъ епископомъ Бржостовскимъ.

чества. Въ такомъ положенiи находились учебныя заведенiя подъ управленiемъ Чарторыйскаго.

Въ то самое время, какъ Адамъ Чарторыйскiй въ Литвѣ и Бѣлоруссiи старался посредствомъ воспитанiя молодежи ополячить народонаселенiе и подготовить истинныхъ борцовъ за свободу Польши, на другомъ концѣ бывшаго Литовскаго государства, именно въ Малороссiи, Подолiи и Волыни, другой польскiй дѣятель, другъ Чарторыйскаго, Ѳаддей Чацкiй, того же самаго хотѣлъ достигнуть и также посредствомъ воспитанiя юношества.

Ѳаддей Чацкiй родился въ 1765 г. Предки его вышли изъ Познани и поселились на Волыни и тутъ разбогатѣли. Онъ имѣлъ блестящiя способности и получилъ многостороннее образованiе, но только въ польско-iезуитскомъ духѣ. Главнымъ воспитателемъ его былъ iезуитъ Гродзицкiй. При Станиславѣ Понятовскомъ Чацкiй исполнялъ многiя дипломатическiя порученiя. Онъ принималъ также дѣятельное участiе въ составленiи конституцiи 3 мая и принадлежалъ къ той партiи, которая отличалась ненавистью къ Россiи.

Послѣ третьяго раздѣла Польши Чацкiй жилъ на Волыни, въ г. Кременцѣ, какъ частный человѣкъ, и занимался научными изслѣдованiями по исторiи Литвы и Польши. Въ концѣ прошлаго столѣтiя и началѣ нынѣшняго изъ подъ его пера вышелъ цѣлый рядъ серьезныхъ сочиненiй по этимъ предметамъ[1]). Его сочиненiя, написанныя увлекательнымъ языкомъ, съ жадностiю читались, особенно молодежью, и незамѣтнымъ образомъ дѣлали читающихъ патрiотами Польши.

Въ 1803 г., по старанiю Адама Чарторыйскаго, Чацкiй сдѣланъ былъ генеральнымъ визитаторомъ (окружнымъ инспекторомъ по учебной части) училищъ Кiевской, Волынской и Подольской губернiй, въ помощь Чарторыйскому. Съ этого времени до самой своей кончины, послѣдовавшей 8 февраля 1813 г., Чацкiй исключительно предался воспитанiю юношества въ духѣ польскомъ. Для лучшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ онъ задумалъ основать высшее учебное заведенiе, изъ котораго могли бы выйти желанныя для Чацкаго лица въ дѣлѣ полонизма. Но такъ какъ онъ зналъ, что правительство на предполагаемое высшее учебное заведенiе денегъ не отпуститъ, то онъ обратился къ польскимъ помѣщикамъ своего округа съ просьбою о пожертвованiи. Пожертвованiя происходили въ продолженiе двухъ лѣтъ, 1803 и 1804 г., и къ началу 1805 г. ихъ собралась огромная сумма. 1 октября 1805 г. это высшее учебное заведенiе, подъ именемъ лицея, было открыто на Волыни, въ г. Кременцѣ. При лицеѣ основаны были еще слѣдующiя школы: практической механики, землемѣровъ, акушеровъ и обсерваторiя. При лицеѣ

---

[1]) Чацкiй писалъ о происхожденiи литовцевъ, польскомъ законодательствѣ и о польско-литовскихъ монетахъ.

устроенъ былъ и ботаническій садъ съ 5000 растеніями, собранныхъ изъ всѣхъ частей свѣта. Лицей состоялъ изъ четырехъ однолѣтнихъ низшихъ классовъ и трехъ высшихъ курсовъ двухлѣтнихъ, слѣдовательно, весь курсъ состоялъ изъ 10 лѣтъ.

Всѣ предметы въ лицеѣ, по обыкновенію, преподавались на польскомъ языкѣ. Правда, русскій языкъ и русская литература допущены были въ уставѣ лицея изъ приличія, для закраски такъ сказать, потому что безъ этого слишкомъ сквозила бы пропагандная цѣль заведенія и притомъ его уставъ не могъ бы быть утвержденъ и для русскихъ не было бы приманки въ заведеніе. Въ лицеѣ даже былъ и преподаватель православнаго богословія: протоіерей каѳедральнаго житомирскаго собора Антоній Рафальскій.

Устроивши лицей съ вышеозначенными при немъ практическими школами, Ѳаддей Чацкій нашелъ, что одного высшаго учебнаго заведенія для его предположенной цѣли—полонизировать край—этого недостаточно. Посему онъ задумалъ основать среднія и низшія учебныя заведенія съ тою же цѣлію, съ какою и лицей. Для этихъ заведеній, какъ и для лицея, онъ также нашелъ средства у сосѣднихъ помѣщиковъ. Благодаря этимъ средствамъ, Чацкій въ ввѣренномъ ему краѣ открылъ цѣлый рядъ учебныхъ заведеній: такъ, въ Волынской губерніи онъ основалъ 85 приходскихъ училищъ, въ Подольской — 26, въ Кіевской—15. Затѣмъ Чацкій открылъ нѣсколько уѣздныхъ училищъ, которыя по своимъ программамъ соотвѣтствовали нынѣшнимъ прогимназіямъ, таковы: владимирское, добновское, бердичевское, овручское, житомирское, винницкое и другія; въ то же время основано было и нѣсколько гимназій: въ Кіевѣ, Кременцѣ и другихъ городахъ.

Такимъ образомъ, Чацкій явился достойнымъ помощникомъ Адама Чарторыйскаго въ дѣлѣ подготовленія юношества къ возстановленію погибшей Польши.

Благодаря этимъ двумъ даровитымъ личностямъ—Чарторыйскому и Чацкому—польскій духъ въ областяхъ бывшаго Литовскаго государства началъ оживать и крѣпнуть, проникая нерѣдко въ самые непочатые слои общества, сохранившіе до того времени русскую жизнь.

Послѣ этого, убѣжденія поляковъ въ возстановленіи Польши не допускало уже никакого сомнѣнія: всѣ они увѣрены были, что императоръ Александръ I-й скоро осуществитъ ихъ мечту по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ областей, которыя принадлежали Россіи. Когда онъ въ концѣ 1805 г. проѣзжалъ Вильну, направляясь въ Австрію для борьбы съ Наполеономъ I-мъ, то поляки съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ встрѣтили его.

Но эти чувства поляковъ по отношенію къ русскому императору не долго продолжались: они скоро перешли къ Наполеону I-му. Дѣло въ томъ, что въ 1807 г. Наполеонъ I по Тильзитскому миру получилъ

отъ Пруссіи тѣ польскія области, которыя ей достались по тремъ раздѣламъ Рѣчи Посполитой [1]); изъ этихъ областей онъ образовалъ для поляковъ Варшавское герцогство, а между тѣмъ императоръ Александръ I еще ничего не сдѣлалъ для нихъ. Поэтому поляки, послѣ образованія Варшавскаго герцогства, въ которомъ они видѣли нѣчто похожее на прежнюю Польшу, всѣ свои симпатіи перенесли на французскаго императора. Они тутъ же порѣшили во всѣхъ дѣйствіяхъ Наполеона I-го идти съ нимъ рука объ руку.

Насталъ знаменитый для Россіи двѣнадцатый годъ. Поляки со всѣхъ концовъ Европы поспѣшили подъ знамена французскаго императора. Наполеонъ I изъ нихъ составилъ особый корпусъ тысячъ въ восемьдесятъ, подъ командою Іосифа Понятовскаго, племянника послѣдняго польскаго короля, человѣка очень умнаго и одареннаго недюжиннымъ воинскимъ талантомъ [2]).

---

[1]) По Тильзитскому миру, въ которомъ участвовалъ и Александръ I въ качествѣ. бывшаго передъ этимъ, союзника Пруссіи противъ Наполеона I, Россія получила, какъ мы уже выше замѣтили, Бѣлостокскую область.

[2]) Когда Наполеонъ I объявилъ Россіи войну, то императоръ Александръ I въ половинѣ апрѣля 1812 г. прибылъ въ Литву для осмотра своей арміи, которая въ это время, подъ начальствомъ Барклая и Багратіона, находилась около Нѣмана. Императоръ остановился въ г. Вильнѣ и прожилъ въ ней до 24 іюня, а затѣмъ уѣхалъ въ С.-Петербургъ. О послѣднихъ дняхъ пребыванія Александра I въ литовской столицѣ Вильнѣ, между прочимъ разсказываютъ слѣдующее: Въ половинѣ іюня императору донесли, что Наполеонъ I со всѣми своими силами направляется къ Нѣману; императоръ распорядился, чтобы русская армія отошла къ Свенцянамъ; когда это было исполнено, то онъ хотѣлъ уже и самъ выѣхать изъ Вильны, но общество на прощанье предложило ему балъ. Балъ предположено было устроить въ загородномъ домѣ генерала Бенигсена, въ Закретѣ. Но такъ какъ въ домѣ Бенигсена, въ которомъ предполагался балъ, не было обширной залы для танцевъ, то хозяинъ порѣшилъ около самаго дома выстроить особую залу для этого предмета. Постройку этой залы онъ поручилъ профессору университета Шульцу. Шульцъ построилъ ее очень плохо въ отношеніи прочности, о чемъ ему и говорили, но онъ почему-то не обратилъ на это никакого вниманія. Накануне бала, когда рабочіе ушли обѣдать, потолокъ залы обрушился. Шульцъ скрылся; на берегу рѣки Виліи нашли его пальто и шляпу; говорятъ, что онъ утонулъ, но тѣла не нашли; вѣроятно эти вещи брошены на берегу для отвода глазъ: онъ бѣжалъ заграницу. Императоръ не устрашился этого случая и заявилъ Бенигсену, чтобы балъ непремѣнно былъ въ назначенный день. 24 іюня, въ 9 часовъ вечера, въ присутствіи Государя Императора и его блестящей свиты балъ былъ открытъ. Но государь не долго оставался на немъ: получивши извѣстіе, что Наполеонъ I въ этотъ день перешелъ Нѣманъ и направляется къ Вильнѣ, въ 12 часовъ ночи оставилъ собраніе и отправился къ войскамъ. 25 іюня Александръ совсѣмъ выѣхалъ изъ Литвы и приказалъ отступить и войскамъ своимъ. 27 іюня, это было въ среду, Вильну заняли войска французскаго императора. Около вечера того же числа въ Вильну прибылъ и самъ Наполеонъ I. При въѣздѣ его въ городъ на возвышенности „Погулянки“ его встрѣтилъ магистратъ, который поднесъ ему ключи отъ ци-

Борьба поляковъ въ союзѣ съ Наполеономъ I противъ Россіи. Бѣгство ихъ изъ Россіи. Занятіе русскими войсками Варшавскаго герцогства. Подъ начальствомъ Понятовскаго, въ союзѣ съ Наполеономъ, поляки дрались съ русскими войсками подъ Смоленскомъ, на Бородинскомъ полѣ; были въ Москвѣ и участвовали въ битвѣ подъ Малоярославцемъ. При отступленіи великой арміи Наполеона I и поляки, подобно французамъ, гибли тысячами отъ холода, голода и русскаго оружія.

Послѣ бѣгства Наполеона I изъ Россіи, въ Литву вступилъ со всею своею арміею Кутузовъ и остановился въ г. Вильнѣ.

11-го декабря въ Вильну прибылъ императоръ Александръ I. Въ слѣдующій день, 12-го декабря (это былъ день рожденія императора), государь обнародовалъ Высочайшій манифестъ о полномъ прощеніи тѣмъ лицамъ польскаго происхожденія, которыя измѣнили ему и перешли на сторону Наполеона I-го.

тадели. Наполеонъ I долго и милостиво разговаривалъ съ представителями города. Отпустивши ихъ, французскій императоръ сѣлъ на лошадь и отправился осматривать городъ. Сначала онъ объѣхалъ западную часть города, а потомъ южную и юго-западную и затѣмъ по крутой тропинкѣ въѣхалъ на Замковую гору; оттуда Наполеонъ I долго любовался какъ самымъ городомъ, такъ и его окрестностями. Императоръ былъ въ мундирѣ конныхъ егерей, со звѣздою на груди, маленькимъ крестикомъ почетнаго легіона на шеѣ и въ треугольной шляпѣ, надвинутой почти на самыя брови. Спустившись съ горы, Наполеонъ I отправился во дворецъ и занялъ тѣ самыя комнаты, въ которыхъ останавливался Александръ I.

29 числа, въ праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла, Наполеонъ принималъ католическое духовенство и дворянъ; 30 іюня профессоровъ университета.

Перваго іюля Наполеонъ I обнародовалъ декретъ объ управленіи областей бывшаго Литовскаго государства. Управленіе составлено было изъ пяти человѣкъ и одного секретаря. Губерніи Виленская, Минская и Гродненская, а также вновь присоединенная къ Россіи Бѣлостокская область объявлены были департаментами, подъ управленіемъ особыхъ комиссій и подпрефектовъ. Въ Вильнѣ учрежденъ муниципальный совѣтъ подъ начальствомъ мера и 4-хъ адъюнктовъ. Генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ графъ Гогендорфъ. 16-го іюля Наполеонъ I оставилъ Вильну и отправился къ Свенцянамъ.

Спустя четыре мѣсяца французская армія возвращалась назадъ по той же дорогѣ, но далеко не въ томъ же видѣ. Послѣ извѣстной переправы чрезъ Березину, Наполеонъ бросилъ несчастныя свои войска Мюрату, а самъ съ двумя любимцами, Коленкуромъ и Дюрокомъ, 23 ноября, при 28 градусахъ мороза, помчался въ простыхъ саняхъ изъ м. Сморгони въ Ковну; въ Вильнѣ онъ только перемѣнилъ лошадей. Несчастныя толпы окоченѣвшихъ воиновъ великой арміи брели полуживыя къ Вильнѣ, преслѣдуемыя русскими войсками. При переходѣ отъ Сморгони до Вильны ихъ погибло, говорятъ, болѣе 20 тысячъ человѣкъ; остальные, числомъ около 60 тысячъ, съ отчаянія бросились въ Вильнѣ на магазины, госпитали и даже частные дома, утоляя голодъ чѣмъ попало. Появились страшныя болѣзни. Болѣе 15,000 больныхъ и изнеможенныхъ французовъ боролись со смертію въ Вильнѣ. Остальные пошли по дорогѣ въ Ковну.

Въ Вильнѣ императоръ Александръ I пробылъ 18 дней. Тутъ, между прочимъ, порѣшено было продолжать войну съ Наполеономъ I. 28-го декабря государь выступилъ въ дальнѣйшій походъ.

1813 г. 26-го февраля русскія войска заняли Варшавское герцогство. По распоряженію императора, здѣсь устроено было особое правленіе. Во главѣ этого правленія поставленъ былъ Василій Сергѣевичъ Ланской, а въ помощь ему назначены были: Адамъ Чарторыйскій, Новосильцевъ, князь Любецкій и панъ Вовржецкій.

Послѣ занятія русскими войсками Варшавскаго герцогства и административнаго устройства въ немъ, польскіе магнаты: Чарторыйскій, Огинскій и др., близко стоявшіе къ русскому государю, обратились къ нему съ просьбою о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 г., чтобы этимъ самымъ, какъ они говорили, пріобрѣсти искреннее довѣріе поляковъ въ борьбѣ съ Наполеономъ I. При этомъ магнаты старались показать русскому императору, какъ велико страданіе народа, польскаго особенно, въ областяхъ бывшаго Литовскаго государства, гдѣ губернаторами состояли: Римскій-Корсаковъ, Эртель и Кумберлей. Но теперь государь былъ не тотъ пылкій и увлекающійся юноша, какимъ онъ былъ лѣтъ десять тому назадъ, да притомъ онъ уже воочію убѣдился, какъ измѣнчивъ и непостояненъ польскій народъ: онъ видѣлъ, что его можетъ перекупить всякій, а потому государь на просьбу магнатовъ такъ отвѣчалъ: „Относительно собственной Польши (Варшавскаго герцогства) я все сдѣлаю, что вы желаете, но относительно Литвы, Подоліи и Волыни не сдѣлаю: вы не забывайте того, что эти области были русскія и народонаселеніе ихъ до сего времени считаетъ себя русскими". Когда же польскіе магнаты сказали императору о благодарности потомства въ случаѣ возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 г., то онъ какъ бы въ шутку отвѣтилъ: „Людская благодарность такъ же рѣдко встрѣчается въ жизни, какъ и бѣлый воронъ".

Въ половинѣ марта русскій императоръ оставилъ Варшавское герцогство и перешелъ въ нѣмецкія земли, гдѣ, заключивши союзъ съ Пруссіею и Австріею, началъ продолжать борьбу съ Наполеономъ I. Послѣдовалъ цѣлый рядъ битвъ коалиціи съ французскимъ императоромъ, Поляки, входившіе въ составъ французской арміи, съ прежнею храбростію дрались за Бонопарта; они еще не покидали надежды при содѣйствіи Наполеона I возстановить свое падшее отечество. Но вотъ, какъ извѣстно, въ первыхъ числахъ октября произошла знаменитая Лейпцигская битва, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Наполеона I; эта битва сокрушила силу и обаяніе французскаго императора, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрезвила и тѣхъ поляковъ, которые еще надѣялись на него [1]). Послѣ Лейпцигской битвы поляки цѣлыми тысячами

[1]) Однимъ изъ корпусовъ Наполеоновской арміи подъ Лейпцигомъ коман-

стали обращаться къ русскому императору съ просьбою позволить имъ вернуться на родину. Александръ I, по своей природной добротѣ, позволилъ имъ вернуться и при этомъ весьма многихъ принялъ къ себѣ на службу.

1814 года 19-го марта, какъ извѣстно, было вступленіе союзныхъ войскъ въ Парижъ, а 25-го марта отреченіе Наполеона I отъ престола. Вслѣдъ за этимъ открылся и знаменитый Вѣнскій конгрессъ. На этомъ конгрессѣ Россіи уступлено было Варшавское герцогство (нынѣшнее Царство Польское) безъ области Краковской [1]). Исполняя свое обѣщаніе, данное Чарторыйскому и другимъ полякамъ, императоръ Александръ I рѣшился сдѣлать изъ него полусамостоятельное государство и ввести въ немъ самую либеральную конституцію [2]).

Возстановленіе Царства Польскаго и недовольство поляковъ. 13 мая 1815 г. въ Варшавѣ изъ Вѣны полученъ былъ манифестъ русскаго императора о дарованіи полякамъ конституціи, самоуправленія, собственной арміи и свободы печати. 9-го іюня, въ 4 часа утра, громъ пушекъ воз вѣстилъ Варшавѣ торжество возстановленія Польши. Бѣлый орелъ и польское знамя водружены были на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ. Въ 9 часовъ утра совершено было богослуженіе и затѣмъ войска и всѣ административныя лица принесли присягу въ вѣрности русскому императору. Въ тотъ же день составленъ былъ совѣтъ для выработки деталей конституціи.

31-го октября въ Варшаву прибылъ самъ государь императоръ. 1-го ноября ему представлялись сановники Царства Польскаго; вмѣстѣ съ ними представился и князь Огинскій, пріѣхавшій изъ Вильны. Послѣдній пріѣхалъ просить государя о присоединеніи къ Царству Польскому Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи. Но Огинскаго Александръ I принялъ холодно. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ къ импе-

---

довалъ Понятовскій. Въ этой битвѣ онъ получилъ три раны, а когда войско Наполеона стало отступать, то при этомъ отступленіи Понятовскій, переправляясь чрезъ р. Эльстеръ, получилъ новую рану и утонулъ въ этой рѣкѣ.

[1]) Присоединеніе къ Россіи Варшавскаго герцогства произошло вслѣдствіе усиленной просьбы Адамомъ Чарторыйскимъ русскаго императора.

[2]) Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что государь думаетъ дать Польшѣ либеральную конституцію, то многіе изъ русскихъ и иностранныхъ дипломатовъ отсовѣтовывали Александру I это дѣлать на томъ основаніи, что поляки не въ состояніи будутъ пользоваться ею. Такъ, между прочимъ, прусскій министръ Штейнъ, глубокій политикъ, въ своей докладной запискѣ государю по сему предмету, между прочимъ, писалъ: „дать конституцію полякамъ опасно: эта нація къ сему не приготовлена и можетъ сдѣлаться опасною какъ для самихъ поляковъ, такъ и для сосѣдей, и для Россіи. Всѣ начала, на которыхъ зиждется конституція: чистота нравовъ, уваженіе къ человѣчеству, холодный разсудокъ,—всѣ учрежденія, долженствующія лечь въ основу конституціи: среднее сословіе, городское общественное учрежденіе полякамъ неизвѣстны.

ратору, то императоръ сказалъ ему: „я знаю, чего вы хотите, но говорю вамъ: пусть жители этихъ странъ ожидаютъ исполненія моихъ обѣщаній съ терпѣніемъ и довѣріемъ. Я сдѣлалъ все, что было возможно, остальное исполню, но не вдругъ; имѣйте терпѣніе“. 14-го ноября государю представлялась депутація отъ губерній: Виленской, Ковенской и Гродненской, съ просьбою о присоединеніи къ Царству Польскому, но императоръ и имъ тоже сказалъ, что и Огинскому.

За три дня до своего отъѣзда императоръ Александръ I утвердилъ составленную комиссіею конституцію, которая затѣмъ немедленно и введена была въ Царствѣ Польскомъ.

Суть этой конституціи слѣдующая:

Императору, особа котораго по конституціи считалась священна и неприкосновенна, были предоставлены права исполнительной власти, а также ему присвоено было: полное распоряженіе финансами страны, начальство надъ войскомъ, объявленіе войны, заключеніе мира, сношеніе съ иностранными государями, назначеніе высшихъ чиновниковъ и помилованіе преступниковъ.

Затѣмъ учреждены были:

I. Должность намѣстника.

II. Совѣтъ управленія. Онъ занимался текущими дѣлами и состоялъ изъ восьми членовъ: шести министровъ, намѣстника (намѣстникъ былъ вмѣстѣ и предсѣдатель) и уполномоченнаго комиссара.

III. Сенатъ. Онъ состоялъ изъ епископовъ, воеводъ, каштелянъ и другихъ лицъ, достигшихъ 35-ти-лѣтняго возраста и платившихъ въ казну не менѣе 2000 злотыхъ, или 300 руб. подати.

IV. Камера депутатовъ. Въ составъ ее входило 128 человѣкъ: 77 дворянъ и 51 лицо отъ городскихъ общинъ. Въ камеру депутатовъ могъ всякій попасть, кто былъ собственникомъ и достигъ 30-лѣтняго возраста.

Депутаты созывались черезъ каждые два года. Они вмѣстѣ съ сенатомъ составляли сеймъ. Сеймъ занимался изданіемъ законовъ и засѣдалъ въ продолженіе 30 дней.

V. Провинціальные совѣты. Они состояли изъ депутатовъ отъ дворянъ и городскихъ общинъ и занимались управленіемъ воеводствъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ административныхъ учрежденій въ Царствѣ Польскомъ были еще основаны многія судебныя должности съ разными инстанціями для апелляцій. Самый высшій судъ находился въ Варшавѣ по всѣмъ дѣламъ, кромѣ государственныхъ преступленій. Судъ этотъ состоялъ изъ сенаторовъ и членовъ отъ русскаго правительства.

Конституція обезпечивала личность, имущество и свободу печати.

Конституція, дарованная императоромъ Александромъ I, по своей либеральности, превосходила всѣ конституціи въ Европѣ того времени;

объ этомъ заявилъ тогда во всеуслышаніе самый пылкій республиканецъ Франціи Корно. Но поляки остались ею очень недовольны. Они недовольны были, во-1-хъ, тѣмъ, что въ управленіи Царствомъ Польскимъ приняли нѣкоторое участіе лица русскаго происхожденія, а во-2-хъ, тѣмъ, что произведено было измѣненіе въ польскомъ гербѣ. Но больше всѣхъ остался недоволенъ и конституціею этою, и самимъ императоромъ Адамъ Чарторыйскій. Онъ до послѣдней минуты надѣялся, что государь сдѣлаетъ его намѣстникомъ Царства Польскаго—и ошибся: императоръ предъ самымъ отъѣздомъ назначилъ намѣстникомъ генерала Заіончика. Тогда же Александръ I назначилъ въ „Совѣтъ управленія“ своимъ комиссаромъ тайнаго совѣтника Новосильцева, что также раздражало Чарторыйскаго; не понравилось ему и то, что государь польскія войска подчинилъ брату своему Константину Павловичу.

18-го ноября императоръ Александръ Павловичъ выѣхалъ изъ Варшавы въ С.-Петербургъ и прибылъ туда 2-го декабря [1]).

Между тѣмъ, неудовольствія противъ русскаго государя по отъѣздѣ его въ Петербургъ все болѣе и болѣе усиливались въ Царствѣ Польскомъ. Спустя два или три года неудовольствія эти изъ Царства Польскаго перешли въ остальныя области бывшей Рѣчи Посполитой. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь одни изъ поляковъ недовольны были русскимъ императоромъ за то, что онъ не присоединилъ къ Царству Польскому Литвы, Бѣлоруссіи и Малороссіи; другіе за то, что государь не образовалъ изъ Варшавскаго герцогства республики старыхъ временъ съ „liberum veto“.

---

[1]) Первое время по возвращеніи государя въ Петербургъ ознаменовалось высылкою іезуитовъ изъ Россіи.

Именной указъ объ изгнаніи іезуитовъ вышелъ 20 декабря 1815 года. Всѣхъ іезуитовъ въ это время оказалось въ Россіи 334 человѣка. Сначала отцовъ этихъ перевезли въ Полоцкъ, а отсюда отправили въ Австрію, причемъ снабдили ихъ теплою одеждою и деньгами: старшіе члены получили по 50 червонцевъ на брата, а младшіе по 25.

Іезуиты нѣсколько разъ пробирались въ Россію и нѣсколько разъ ихъ высылали изъ нея: въ первый разъ іезуиты высланы были изъ Россіи при самозванцахъ, во второй—въ 1688 г., въ третій—при Петрѣ Великомъ, въ 1719 г. Послѣдній разъ іезуиты попали въ Россію при Екатеринѣ II, вслѣдствіе присоединенія Бѣлоруссіи. При Павлѣ I они, какъ мы уже говорили, забрались во дворецъ и имѣли большое вліяніе на императора. Одинъ изъ отцовъ іезуитовъ, Гавріилъ Груберъ, извѣстный въ кругу своихъ товарищей хитростію и пронырствомъ, былъ даже другомъ Павла I. При императорѣ Александрѣ I іезуиты, благодаря наплыву въ Россію французскихъ эмигрантовъ и поляковъ, занявшихъ видныя мѣста въ администраціи и въ высшемъ обществѣ, получили еще большую силу. Въ началѣ царствованія Александра I-го по милости іезуитовъ русскій языкъ сдѣлался какъ бы чужимъ, а православная вѣра упала на степень всякой иной вѣры. Самъ князь Голицынъ, министръ внутреннихъ

Въ 1819 г. Нѣмцевичъ, литераторъ и историкъ, секретарь сената и членъ министерства народнаго просвѣщенія, по случаю погребенія польскаго министра финансовъ Матусевича, произнесъ рѣчь, въ которой самыми мрачными красками описалъ положеніе польскаго народа, вслѣдствіе его вассальной зависимости отъ Россіи.

Въ 1820 г. произошли большіе безпорядки на частныхъ сеймикахъ: на нихъ поляки постарались избрать въ камеру депутатовъ лицъ, завѣдомо извѣстныхъ своею ненавистью къ Россіи. Вслѣдъ за этимъ, благодаря системѣ воспитанія Чарторыйскаго и Чацкаго, начались безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ между учащеюся молодежью; молодежь начала мечтать о возстановленіи старой Польши въ предѣлахъ временъ Ягеллоновъ; къ молодежи скоро примкнули и правительственныя лица какъ Царства Польскаго, такъ и Литвы. Въ это время, между прочимъ, въ Литвѣ и Польшѣ распространилось очень много запрещенныхъ журналовъ и брошюръ, въ которыхъ порицались правительства и излагались самыя крайнія теоріи; молодежь съ жаромъ набросилась на эти журналы и брошюры и съ жадностью ихъ читала. Вслѣдъ за этимъ въ Варшавѣ въ театрѣ стали даваться на сценѣ пьесы самаго отвратительнаго содержанія и антрепренеръ этого театра обратилъ его въ школу буйнаго либерализма. Все это имѣло отголосокъ среди польской молодежи въ Литвѣ и западно-русскихъ владѣніяхъ, гдѣ во всемъ начали подражать Варшавѣ.

Такое вредное направленіе общественнаго духа какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Литвѣ и западно-русскихъ владѣніяхъ, развивалось и поддерживалось тайными обществами. Подобныхъ тайныхъ

дѣлъ, былъ ихъ послушнымъ орудіемъ. Полоцкая іезуитская коллегія возведена была въ академію и отдѣлена была отъ Виленскаго учебнаго округа. Ей подчинены были всѣ іезуитскія школы и такимъ образомъ въ Западно-русскомъ краѣ было два учебныхъ округа: Виленскій и Полоцкій. Министръ внутреннихъ дѣлъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи іезуитамъ обращать въ католичество магометанъ и язычниковъ. Новороссійскій генералъ-губернаторъ герцогъ Ришелье просилъ князя Галицына прислать іезуитовъ для просвѣщенія края. Сибирскій генералъ-губернаторъ Пестель желалъ ихъ имѣть для сношенія съ Китаемъ и для развитія земледѣлія. Въ матеріальномъ отношеніи іезуиты были хорошо обезпечены: въ Петербургѣ они имѣли дома и лавки, а въ Бѣлоруссіи 13,000 крестьянъ. Но вскорѣ оказалось, что дѣятельность іезуитовъ вездѣ имѣла вредныя послѣдствія, и тѣ самые люди, которые были ихъ покровителями, сознались въ своемъ заблужденіи. За благодѣянія, оказанныя іезуитамъ русскими, они испортили нравы воспитанниковъ въ своихъ школахъ; многихъ православныхъ совратили въ католичество и довели ихъ до такого фанатизма, что тѣ сдѣлались страшными ненавистниками всего русскаго и православнаго. Въ числѣ совращенныхъ въ католичество оказались: жена Ростопчина и племянникъ Голицына. Впослѣдствіи выяснилось, что іезуиты крестьянъ своихъ подвергали жестокимъ мученіямъ, ограбили ихъ до нитки и пустили всѣхъ по міру.

обществъ было много. Впослѣдствіи въ этихъ тайныхъ обществахъ, кромѣ общаго вреднаго направленія, стало развиваться стремленіе къ возстановленію Польши въ предѣлахъ 1772 г. и чувство ненависти по отношенію къ Россіи.

Тайныя общества въ Царствѣ Польскомъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ з. Европѣ, вслѣдствіе крайняго развитія матеріализма, появилось такъ называемое „Масонство“. Масонствомъ называлось ученіе о благѣ и нравственномъ усовершенствованіи всего человѣчества. Ученіе это явилось какъ противовѣсъ матеріализму. Послѣдователи сего ученія составляли общества, которыя имѣли свои правила и свои внѣшніе знаки. Члены этихъ обществъ нерѣдко открывали собранія. Собранія эти получили названіе „Масонскихъ ложъ“. На эти общества и собранія (ложи) самыя правительства смотрѣли снисходительно. Въ число членовъ сихъ обществъ почасту поступали лица, занимавшія высокія должности въ государствахъ. Но кромѣ этихъ, такъ сказать, главныхъ обществъ, тогда же образовалось въ западной Европѣ очень много и другихъ обществъ, подъ различными названіями и съ различными цѣлями, болѣе или менѣе благовидными.

Но, какъ извѣстно, подобнаго рода общества, хотя бы они въ началѣ своего существованія состояли изъ самыхъ честнѣйшихъ лицъ, впослѣдствіи непремѣнно измѣняютъ свой благородный характеръ и являются преступными, и это понятно: съ теченіемъ времени въ эти общества попадаютъ люди совершенно иного закала, которые подъ личиною благонамѣренности стараются незамѣтно склонить ихъ къ своимъ собственнымъ цѣлямъ, и всегда успѣваютъ въ томъ, если сколько-нибудь одарены умомъ и ловкостью.

Такъ было и въ Польшѣ: сначала тамъ появились общества съ цѣлями благородными и высокими: противодѣйствовать развитію матеріалистическихъ взглядовъ и утвержденіи молодыхъ людей въ добрѣ и истинѣ, а потомъ направленіе ихъ измѣнилось: общества задались цѣлію возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 г.

Въ концѣ 1817 г. въ Варшавѣ образовалось обширное и многочисленное общество подъ названіемъ „Союза друзей“. Цѣль этого общества была взаимная помощь другъ другу, а также и нравственное усовершенствованіе членовъ. Общество это имѣло много отдѣленій. Въ 1818 г. въ одно изъ отдѣленій сего общества вступилъ членомъ 4-го пѣхотнаго полка маіоръ Лукасинскій, человѣкъ умный, ловкій и энергичный. Онъ въ короткое время уговорилъ членовъ этого общества образовать новое общество, котораго была бы цѣль,—вмѣсто нравственнаго усовершенствованія и взаимной поддержки членовъ,—возстановленіе Польши. Новое общество получило названіе „Національнаго масонства, или патріотическаго“. Главными членами этого новаго общества были: подполковникъ Вержболовичъ, маіоръ Мохницкій, капитанъ Добр-

жицкій и дворянинъ Шредеръ. Въ началѣ 1819 г. общество это уже окончательно образовалось. Центръ этого общества былъ въ Варшавѣ, гдѣ члены его въ одномъ изъ домовъ предмѣстья „Краковъ" имѣли свои засѣданія. На одномъ изъ этихъ засѣданій, между прочимъ, положено было образовать подобныя общества въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Малороссіи и Галиціи.

Сохраняя внѣшніе обряды, существующіе въ масонскихъ ложахъ, Лукасинскій далъ „Патріотическому обществу" особыя инструкціи и правила, которыя, впрочемъ, сводились къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ: а) цѣль общества—возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 г.; б) цѣль эту, до поры до времени, скрывать отъ русскаго правительства; в) стараться о подготовкѣ лицъ польскаго происхожденія къ возстановленію падшаго отечества. Но, какъ ни старался Лукасинскій скрыть истинную цѣль „Патріотическаго общества", она скоро стала извѣстна правительству, которое предписало Лукасинскому немедленно закрыть это общество. Исполняя предписаніе правительства, Лукасинскій объявилъ „Патріотическое общество" закрытымъ. Но это было только на словахъ: на дѣлѣ оно продолжало существовать. Лукасинскій удалилъ изъ своего общества только ненадежныхъ членовъ. Съ этого времени общество Лукасинскаго, какъ продолжавшее существовать тайно, приняло форму заговора противъ русскаго правительства.

3 мая 1821 г. въ одномъ изъ лѣсовъ окрестностей Варшавы произошло первое тайное засѣданіе „Патріотическаго общества", послѣ того какъ правительство предписало закрыть его. На этомъ засѣданіи учрежденъ былъ центральный комитетъ, который долженъ былъ давать направленіе всѣмъ обществамъ, какъ существующимъ уже въ Польшѣ, такъ и имѣющимъ быть въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи. Мѣстопребываніе его положено въ Варшавѣ. Затѣмъ поручено было редактору варшавской газеты „Бѣлый Орелъ" Моравскому написать уставъ для общества. Чрезъ недѣлю уставъ былъ написанъ и утвержденъ центральнымъ комитетомъ; суть сего устава была слѣдующая: а) „Патріотическое общество" дѣлится на волости; б) каждая волость „Патріотическаго общества" получаетъ названіе той мѣстности, гдѣ она находится; в) въ каждой волости должно быть не болѣе десяти членовъ; г) нѣсколько волостей составляютъ округъ, а нѣсколько округовъ — провинцію; д) дѣйствіями всѣхъ провинцій заправляетъ варшавскій центральный комитетъ; е) въ центральномъ комитетѣ должны находиться представители всѣхъ провинцій.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года варшавскій центральный комитетъ для расширенія круга своихъ дѣйствій и бо́льшаго пріобрѣтенія числа членовъ разослалъ агентовъ въ области бывшаго Литовскаго государства. Такъ, между прочимъ, въ Волынскую губернію онъ отправилъ Людвига Собонскаго, а въ Виленскую—нѣкоего Оборскаго. Собонскій,

по пріѣздѣ на югъ, остановился въ г. Бердичевѣ, гдѣ основалъ такъ называемый „Провинціальный совѣтъ“, а затѣмъ организовалъ нѣсколько волостей въ губерніяхъ Подольской и Волынской. Оборскій же, прибывши въ Литву, избралъ мѣстомъ своего пребыванія г. Вильну. Въ Литвѣ, между прочимъ, Оборскій, благодаря системѣ воспитанія, введенной Чарторыйскимъ въ учебныя заведенія, нашелъ почву для своей цѣли вполнѣ подготовленную. Въ самой Вильнѣ въ это время, по милости нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ университета, уже существовало нѣсколько тайныхъ и полутайныхъ обществъ. Поэтому Оборскому, по прибытіи въ Литву, пришлось только употребить немного усилія для побужденія членовъ тайныхъ обществъ къ болѣе энергическому дѣйствію въ дѣлѣ подготовленія Польши къ ея политическому возрожденію.

Тайныя общества въ Литвѣ [1]. Когда императоръ Александръ I, какъ мы видѣли, отказалъ полякамъ присоединить къ Царству Польскому области бывшаго Литовскаго государства, то вслѣдствіе этого въ сихъ областяхъ явилось много лицъ недовольныхъ государемъ. Съ теченіемъ времени эти недовольныя лица, съ цѣлію поддержать польскій духъ и порванную связь съ Царствомъ Польскимъ, стали составлять общества. Правда, на первыхъ порахъ эти общества не представляли опредѣленнаго политическаго заговора противъ Россіи; но потомъ, когда въ Литву прибылъ Оборскій и другіе агенты варшавскаго центральнаго комитета, они приняли именно такой характеръ, т. е. характеръ заговора. Общества эти по большей части основаны были служащими при университетѣ и студентами. Центръ этихъ обществъ былъ въ Вильнѣ. Этихъ обществъ было много, но главныхъ четыре: шубравцевъ, филоматовъ, лучезарныхъ и филоретовъ.

I. Общество шубравцевъ. Общество это явилось въ Вильнѣ въ началѣ 1817 г. Основателями его были: докторъ Снядецкій, библіотекарь университета Контрынъ и дворянинъ Балинскій. Ближайшая и видимая цѣль сего общества была слѣдующая: просвѣтить и облагородить натуру нравственно падшихъ лицъ (лицъ пошлыхъ) или, выражая по-польски „шубравцевъ“ отчего и самое общество получило названіе „Общества шубравцевъ“; отучить ихъ отъ лжи, обмана, картежной

---

[1] О тайныхъ литовскихъ обществахъ см. статью Шолковича „Польская пропаганда въ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-западнаго края“, помѣщенную въ „Сборникѣ статей по польскому дѣлу“. Вильна, 1885 г. А также см. стат. Кутейникова „Мицкевичъ и виленскіе филореты“, помѣщенную въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1884 г. О тайныхъ виленскихъ обществахъ существуетъ еще брошюра бывшаго профессора виленскаго университета Павла Кукольника. На польскомъ языкѣ объ этомъ предметѣ есть сочиненіе Юзефа Третьяка: „Мицкевичъ въ Вильнѣ и Ковнѣ“. 1884 г. Львовъ; но только въ немъ много фактовъ изложено невѣрно.

игры, пьянства и т. п. пороковъ. Но главная цѣль сего общества, тайная и скрытая, была другая, именно: посредствомъ насмѣшливыхъ (сатирическихъ) статей, которыя члены сего общества помѣщали на страницахъ издаваемой ими газеты подъ названіемъ „Мостовыхъ Вѣдомостей“ (Бруковыхъ Вѣдомостей), надъ недостатками современнаго польскаго общества, оживить старинные шляхетскіе идеалы и пробудить въ обществѣ поляковъ стремленіе къ возрожденію погибшаго государства со всѣми шляхетскими привилегіями. Цѣль общества весьма ясно выражена была на той виньеткѣ, которая помѣщалась на заглавномъ листѣ „Мостовыхъ Вѣдомостей“. На виньеткѣ, между прочимъ, нарисовано было слѣдующее: вверху виньетки, въ облакахъ, изображенъ шляхтичъ, сидящій на лопатѣ; одѣтъ онъ въ контушъ, а на головѣ конфедератка; лицо представлено серьезнымъ и даже суровымъ; глаза устремлены вдаль, какъ будто бы чего ищутъ. Подъ шляхтичемъ помѣщена надпись: „Летитъ и летитъ“ (къ шляхетскимъ утеряннымъ идеаламъ). Внизу виньетки нарисованъ столъ, на правой сторонѣ котораго разложены двѣ колоды картъ, а на лѣвой—стоитъ графинъ съ водкою и стаканъ; эти вещи, которыя находятся на столѣ, означаютъ эмблемы тѣхъ пороковъ, которыхъ поляки должны избѣгать, именно: картежной игры и пьянства. Посреди же стола (между картами и графиномъ) лежатъ двѣ книги: исторія и географія — эмблемы тѣхъ добродѣтелей, къ которымъ всѣ поляки должны стремиться, именно: къ возобновленію древнепрошедшей шляхетской жизни и возстановленію Рѣчи Посполитой въ предѣлахъ 1772 г. Газета эта выходила по субботамъ; редакторомъ ея былъ Контрымъ. Она имѣла огромное вліяніе на польское общество г. Вильны; выхода номеровъ ея ожидали всѣ съ нетерпѣніемъ, потому что въ нихъ осмѣивалась, и притомъ зло осмѣивалась, какая-нибудь сторона виленскаго общества, а нерѣдко задѣвались и знатныя лица. Разъ даже задѣтъ былъ и любимый профессоръ исторіи Лелевель [1]). Его осмѣяла газета за то, что онъ пестритъ свои лекціи иностранными словами; при этомъ она назвала его „непатріотомъ“, такъ какъ для выраженія мыслей, приводимыхъ профессоромъ въ своей лекціи, всегда есть и соотвѣтствующія слова, и выраженія въ польскомъ языкѣ.

Общество шубравцевъ организовано было чрезвычайно прочно; оно имѣло свою администрацію, которую составляли: президентъ, ораторъ, стражникъ [2]), секретарь и редакторъ. Засѣданія происходили два раза въ мѣсяцъ. Каждому члену поставлено было въ обязанность читать

---

[1]) Лелевель былъ однимъ изъ замѣчательныхъ профессоровъ университета; его обожали и студенты, и обыватели города Вильны. Но о немъ мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Стражникъ имѣлъ палочку въ рукѣ, которою во время засѣданій постукивалъ, если замѣчалъ, что члены общества шумѣли и не занимались дѣломъ.

двѣ газеты: одну политическую, а другую литературную, а также и ученыя книги [1]). Кромѣ того, каждый членъ общества долженъ былъ въ продолженіе двадцати дней представить хоть одну статейку изъ общественной жизни или жителей г. Вильны, или окрестностей ея. Общество это просуществовало почти пять лѣтъ.

II. **Общество филоматовъ.** Это общество основано въ одинъ годъ съ обществомъ шубравцевъ. Основателемъ его считается студентъ университета Ѳома Занъ, который, по словамъ товарищей его, былъ человѣкъ съ возвышенными идеалами, съ нѣжнымъ сердцемъ и врагъ всякой распущенности. Главными дѣятелями общества филоматовъ, кромѣ Зана, были студенты: Адамъ Мицкевичъ (впослѣдствіи знаменитый литовскій поэтъ), Янъ Чечетъ, Игнатій Домейко (теперь еще живъ), Осипъ Ежевскій и Одынецъ. Цѣль сего общества была слѣдующая: расширять просвѣщеніе и братство среди учащейся молодежи, поддержать духъ польской народности, причемъ внушать всѣмъ, чтобы каждый ставилъ общественное добро выше частныхъ интересовъ и болѣе почиталъ добродѣтели и гражданскую честь, чѣмъ всякія свѣтскія почести, богатства и повышенія. Собирались обыкновенно филоматы по квартирамъ своихъ товарищей, гдѣ занимались разсужденіемъ о дѣлахъ общества и чтеніемъ литературныхъ произведеній [2]). Спустя нѣкоторое время общество это раздѣлилось на два отдѣла: литературное и физико-математическое. Въ первомъ отдѣленіи предсѣдательствовалъ Мицкевичъ, а во второмъ — Занъ. Такъ какъ это общество было тайное, то и избраніе въ члены его совершалось съ величайшею осторожностію; да и избранные не всегда могли остаться членами общества филоматовъ: ихъ по избраніи очень долго подвергали испытанію и только тогда они дѣлались дѣйствительными членами сего общества, когда старшіе члены убѣждались въ нихъ, что они будутъ полезны для общества.

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ это время среди виленскаго общества была сильно развита любовь къ чтенію и литературнымъ занятіямъ, доказательствомъ чего можетъ служить то количество періодическихъ изданій, какое выходило въ Вильнѣ, именно: „Магнетическій Журналъ", „Виленскій Дневникъ", „Виленскій Курьеръ", „Виленскій Еженедѣльникъ" и, наконецъ, „Мостовыя Вѣдомости", о которыхъ мы уже упоминали. Но замѣчательнѣе всего то, что отъ этихъ изданій получали пользу одни только типографіи, такъ какъ ни редакторъ, ни сотрудники, вслѣдствіе дешевизны изданія, вознагражденія не получали; всѣ трудились даромъ.

[2]) Члены этого общества опредѣленнаго устава не имѣли; они руководились отрывочными правилами; впослѣдствіи эти отрывочныя правила уложились въ 15 систематическихъ пунктовъ и были сдѣланы руководствомъ для вновь возникшаго общества, извѣстнаго подъ именемъ „Общества друзей полезнаго". Общество это утверждено было даже ректоромъ университета; но оно просуществовало не долго.

Спустя два года филоматы измѣнили цѣль своего общества: они положили, посредствомъ переустройства системы школьнаго воспитанія, распространить среди молодежи бывшаго Литовскаго государства любовь ко всему польскому и шляхетскому и вдохнуть въ нее страстное желаніе къ возрожденію политически умершаго отечества [1]). А чтобы вѣрнѣе достигнуть этой цѣли, то филоматы на одномъ изъ своихъ тайныхъ засѣданій опредѣлили: по окончаніи университетскаго курса занимать преимущественно учительскія мѣста.

III. Общество лучезарныхъ. Это общество образовалъ въ 1819 г. тотъ же самый студентъ Ѳома Занъ, который образовалъ и общество филоматовъ. Названіе „лучезарныхъ" общество получило отъ той теоріи, какую развивалъ Занъ среди товарищей. Теорія эта была очень оригинальна и въ то же время свидѣтельствовала, что Занъ былъ съ идеальнымъ направленіемъ и высокопоэтическою душею. Вотъ суть этой теоріи: высшее счастіе состоитъ въ чистой и идеальной любви, свободной отъ всякой чувственности. Чтобы достигнуть этого высшаго счастія прежде всего людямъ нужно уничтожить въ себѣ грубыя наклонности и страсти, а потомъ соединиться между собою чистою идеальною любовію. Каждыя два лица, соединенныя такого рода любовію, испытываютъ высокое наслажденіе, какое только возможно въ этомъ мірѣ. Наслажденіе это проистекаетъ изъ взаимнаго созерцанія и взаимной передачи другъ другу чистоты и святости душевныхъ свойствъ, которыя проявляются во взорѣ добродѣтельныхъ людей особыми „лучами" и сыплются изъ глазъ на подобіе „искръ". Самыя высшія и прекрасныя свойства души, проявляющіяся „лучами" во взорѣ всякаго добродѣтельнаго человѣка, есть красота, нѣжность и невинность; эти свойства, вытекающія изъ всякой чистой и невинной души, окружаютъ сію послѣднюю какъ сіяніемъ. Если человѣкъ съ такого рода сіяніемъ встрѣтитъ на пути своей жизни другого человѣка съ подобнымъ же сіяніемъ и оба они соединятся между собою взаимною любовію, то надъ ихъ чистыми и святыми душами образуется какъ бы радуга, которая, по словамъ Зана, дѣлаетъ для обоихъ ихъ цѣлый міръ лучезарнымъ и восхищаетъ духъ ихъ къ небу, источнику вѣчной гармоніи. Такова теорія Зана, которую онъ развивалъ среди своихъ товарищей и по которой кружокъ его получилъ названіе „лучезарныхъ". Теорія эта, по словамъ одного изъ друзей Зана (Домейки), имѣла громадное вліяніе на студентовъ. Выходя изъ своей теоріи, Ѳома Занъ требовалъ отъ кружка своихъ товарищей взаимной платонической любви между

---

[1]) Филоматы недовольны были той системой воспитанія, какая введена была Чарторыйскимъ въ школахъ Виленскаго учебнаго округа. Они считали эту систему слишкомъ медлительною для ихъ цѣлей.

собою; допуская такого рода любовь и съ сторонними, Занъ особенно желалъ осуществленія ея съ женщинами. Говорятъ, что этотъ восторженный идеалистъ питалъ именно такую платоническую любовь къ какой-то Фелиціи и воспѣлъ ее въ стихахъ, но самъ предметъ обожанія объ этомъ, какъ кажется, и не зналъ.

Общество "лучезарныхъ" имѣло опредѣленный характеръ союза. Главными занятіями этого общества было чтеніе своихъ собственныхъ произведеній, какого бы то ни было рода, и чтеніе лучшихъ произведеній польскихъ авторовъ, а также и развлеченія, состоящія въ физическихъ упражненіяхъ. Вступленіе въ общество „лучезарныхъ" было доступно каждому безъ всякаго затрудненія. Отъ вновь вступавшаго лица требовали только устнаго заявленія: а) поддерживать съ товарищами знакомство и пріязнь; б) оказывать другъ другу взаимную помощь во всѣхъ нуждахъ товарищей по кружку; в) исполнять обязанности, возложенныя на него обществомъ, и г) совершенствоваться въ добродѣтеляхъ, которыя дѣлаютъ молодого человѣка пріятнымъ и достойнымъ уваженія. Затѣмъ вновь поступившій записывалъ свое имя въ особую книгу и послѣ этого онъ считался дѣйствительнымъ членомъ кружка и имѣлъ право говорить самъ и слушать назиданіе другихъ.

Предсѣдатель и распорядитель сего общества былъ Ѳома Занъ. Лучезарные имѣли свою канцелярію, которою завѣдывалъ секретарь филоматовъ, а также великаго и надворнаго маршала и казначея. Общество это дѣлилось на кружки, изъ которыхъ каждый имѣлъ своего заправителя.

IV. Общество филоретовъ. Молодые люди изъ кружка „лучезарныхъ" не могли долго оставаться въ тѣхъ отвлеченно-сухихъ предметахъ съ мистическимъ содержаніемъ, которое развивалось въ теоріи студента Зана. Желаніе болѣе реальнаго повода единенія и собесѣдованія между собою „лучезарныхъ" дало поводъ въ началѣ 1820 года составить новое общество, въ основаніе котораго положена была наука. Члены этого новаго общества во время одной изъ майскихъ прогулокъ (маіовокъ) за городъ, по предложенію студента Ежовскаго, получили названіе „филоретовъ". Общество это, подобно обществу филоматовъ, было почти тайное, т. е. неизвѣстное ни полиціи, ни университетскому начальству, по крайней мѣрѣ неизвѣстное во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Отъ каждаго вновь поступающаго члена, обыкновенно, брали клятву и подписку, что онъ будетъ въ тайнѣ хранить какъ устройство самого общества, такъ и происходящіе на немъ предметы совѣщаній.

Общество филоретовъ дѣлилось на отдѣлы или кружки, соотвѣтственно той отрасли наукъ, какою занимались члены кружка. Такъ, были кружки: юристовъ, литераторовъ, медиковъ, математиковъ и натуралистовъ. Каждый кружокъ имѣлъ предсѣдателя, секретаря и каз-

начея. Выборы происходили открыто. Уставъ заключалъ въ себѣ около 70-ти параграфовъ и отличался простотою и ясностію [1]).

На засѣданіяхъ филоретскихъ кружковъ обыкновенно читались работы членовъ по тѣмъ предметамъ, которыми занимался кружокъ, и происходили разсужденія на научныя и литературныя темы, причемъ члены старались пріучить себя и къ ораторству.

Такъ какъ для многолюдныхъ собраній не было соотвѣтствующаго помѣщенія, а сверхъ того и осторожность заставляла избѣгать огромныхъ сходокъ, то въ засѣданіяхъ каждаго кружка избирались особые депутаты для присутствованія въ другихъ кружкахъ; затѣмъ эти депутаты обязаны были отдать отчетъ своимъ кружкамъ о занятіяхъ тѣхъ кружковъ, въ которые они были откомандированы.

Участіе профессоровъ Виленскаго университета въ тайныхъ обществахъ. Раскрытіе тайныхъ обществъ и судъ надъ ихъ членами. Между тѣмъ, по Вильнѣ стали ходить неблагопріятные слухи о студенческихъ обществахъ. Слухи эти дошли до свѣдѣнія университетскаго начальства, которое, во избѣжаніе непріятностей, принуждено было запретить студентамъ сходки и закрыть общества. По этому

---

[1]) Цѣль этого, вновь образовавшагося, общества, по словамъ самихъ филоретовъ, была слѣдующая: пріучить товарищей къ добродѣтели, труду, наукѣ и любви къ отечеству (т. е. Польшѣ), а также развить между ними дружбу, уваженіе и готовность жертвовать всѣмъ одинъ за другого. Очень можетъ быть, что такого рода цѣль и была на первыхъ порахъ у членовъ общества филоретовъ, но потомъ они измѣнили: по крайней мѣрѣ изъ захваченныхъ у нихъ бумагъ во время арестованія видно, что главная цѣль общества филоретовъ состояла въ томъ, чтобы возстановить Польшу со всѣми ея шляхетскими привилегіями и во всемъ прежнемъ блескѣ.

Примѣчаніе. Говоря о студенческихъ кружкахъ, нельзя не упомянуть о томъ, что многіе считаютъ, что названія: „филоматы“, „лучезарные“ и „филореты“ есть только разныя клички одного и того же общества. Но это не совсѣмъ такъ: было три самостоятельныхъ общества, хотя члены ихъ могли принадлежать, какъ многіе и на самомъ дѣлѣ принадлежали, ко всѣмъ тремъ студенческимъ обществамъ. „Филоматы“ это было совершенно тайное общество; его внутренней жизни не знали многіе даже изъ лучезарныхъ и филоретовъ. Филоматы всегда были заправилами и распорядителями лучезарныхъ и филоретовъ. Они въ своихъ собраніяхъ, какъ это видно было изъ оставщихся бумагъ, совѣщались о томъ, какъ лучше поддержать порядокъ между лучезарными и филоретами. Филоматы также старались изучить духъ и направленіе членовъ послѣднихъ двухъ обществъ. Общество „филоретовъ“ было полутайное; участники сего общества обязывались только къ сохраненію нѣкоторыхъ внутреннихъ сторонъ общества. Общество же „лучезарныхъ“ было явно, о немъ знало и начальство университетское, и полиція.

случаю ректоръ университета Маевскій въ концѣ 1820 г. пригласилъ къ себѣ студентовъ: Зана, Чечета, Мицкевича, Ежовскаго и другихъ главнѣйшихъ дѣятелей студенческихъ обществъ и объявилъ имъ отъ лица университетскаго совѣта, что общества ихъ закрываются и имъ запрещаются прогулки за городъ (маіовки) и всякаго рода сходки. Въ то же время ректоръ приказалъ принести къ нему весь архивъ этихъ обществъ и сжечь его на своихъ глазахъ. Но, не смотря на это, общества студентовъ продолжали существовать; они облеклись только въ большую таинственность; послѣ этого университетская молодежь стала сильнѣе горячиться и поддерживать свой польскій патріотизмъ, тѣмъ болѣе, что въ 1821 г. къ ея кружкамъ примкнули нѣкоторые изъ университетскихъ профессоровъ.

Въ 1821 г. въ чило профессоровъ Виленскаго университета поступилъ историкъ Лелевель. Лелевель уже раньше хорошо былъ извѣстенъ студентамъ какъ своими учеными трудами по предмету исторіи, такъ и своими взглядами на положеніе Польши и поляковъ. Послѣдними онъ какъ разъ подходилъ подъ взгляды университетской молодежи, т. е. онъ, подобно студентамъ, только и думалъ о томъ, какъ бы возстановить падшую Польшу. Поэтому неудивительно, что вступленіе Лелевеля въ число профессоровъ университета было великою радостію для студентовъ. Съ первыхъ дней своей профессорской дѣятельности Лелевель окруженъ былъ цѣлою толпою студентовъ, которые дѣйствительно нашли въ немъ самаго горячаго защитника ихъ интересовъ и самаго доступнаго изъ всѣхъ профессоровъ университета. Ему немедленно сообщены были всѣ тайны студенческихъ кружковъ и онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ двигателей этихъ кружковъ. Онъ тратилъ всѣ свои средства какъ на нужды студенческихъ обществъ, такъ и на нужды отдѣльныхъ лицъ изъ студентовъ. Будучи отъ природы угрюмымъ и несообщительнымъ какъ съ своими товарищами по службѣ, такъ и съ лицами виленскаго общества, онъ никогда не принималъ къ себѣ ни тѣхъ, ни другихъ. Но зато двери его постоянно были открыты для студентовъ университета. Въ своей квартирѣ Лелевель почасту цѣлыя ночи проводилъ съ студентами въ разговорахъ о политической судьбѣ падшаго отечества и бѣдствіи его сыновъ подъ чужимъ игомъ. Въ засѣданіяхъ университетскихъ совѣтовъ, когда шла рѣчь о какомъ либо предметѣ, относящемся къ общимъ потребностямъ заведенія, Лелевель велъ себя скромно и во всемъ соглашался; но если дѣло касалось участи студента, особенно ему знакомаго, Лелевель всегда принималъ его сторону и защищалъ его съ такимъ жаромъ, что часто доходилъ до неприличія и дерзости.

Кромѣ профессора Лелевеля такою же популярностію между студентами пользовался профессоръ философіи Глуховскій. По своему направленію и по своимъ взглядамъ Глуховскій совершенно походилъ на

Лелевеля. Оба эти профессора университета при чтеніи своихъ лекцій всегда старались коснуться современнаго состоянія Польши и выставить предъ своими слушателями, что положеніе обитателей ея самое мрачное и безотрадное, благодаря, по ихъ словамъ, господству Россіи. То же самое они дѣлали и среди виленскаго общества, когда имъ приходилось въ немъ бывать, особенно этимъ отличался Глуховскій. Такого же направленія, какъ по отношенію къ студентамъ, такъ и по отношенію къ виленскому обществу, держались еще слѣдующіе два профессора: Даниловичъ и Бобровскій. Эти послѣдніе, по словамъ современниковъ, подобно Лелевелю и Глуховскому, очень часто и предъ студентами, и предъ обществомъ изображали печальную участь поляковъ и побуждали ихъ къ энергическимъ дѣйствіямъ къ возстановленію Польши. Дѣйствуя такимъ образомъ, эти четыре профессора болѣе чѣмъ тайныя студенческія общества подготовили почву революціоннымъ движеніямъ въ западно-русскихъ владѣніяхъ.

Въ то самое время, какъ въ Вильнѣ тайныя студенческія общества, благодаря дѣйствію четырехъ вышеозначенныхъ профессоровъ университета, вступили на путь болѣе энергическій и рѣшительный въ дѣлѣ возстановленія Польши, сюда пріѣхалъ агентъ центральнаго варшавскаго революціоннаго комитета Оборскій. Онъ немедленно вступилъ въ сношенія какъ съ этими профессорами, такъ и со всѣми членами тайныхъ студенческихъ обществъ и дѣло закипѣло: прежде всего они постарались связать свои дѣйствія съ дѣйствіями Собонскаго, находившагося въ это время, какъ мы видѣли, въ Бердичевѣ, а затѣмъ разсыпать своихъ агентовъ по всѣмъ областямъ бывшаго Литовскаго государства. Результатъ всего этого былъ самый блестящій: къ началу 1822 г. почти весь западный край Россіи былъ настроенъ во враждебномъ направленіи по отношенію къ Россіи, и всѣхъ членовъ, записавшихся къ „Варшавскому патріотическому обществу", изъ сего края было около 5000 человѣкъ. Но въ іюлѣ мѣсяцѣ сего 1822 г. революціонныя студенческія общества въ Вильнѣ едва было не сдѣлались извѣстными русскому правительству, а вслѣдствіе этого, конечно, чуть было не обнаружился и весь заговоръ въ Западно-русскомъ краѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: въ концѣ мая профессоръ математики Вырвичъ (полякъ и католикъ) подалъ Чарторыйскому докладную записку, въ которой убѣдительнѣйшимъ образомъ доказывалъ, что въ Вильнѣ существуютъ студенческія общества, составленныя Ѳомою Заномъ, которыя носятъ характеръ революціонный и имѣютъ связь съ какими-то другими тайными обществами, находящимися внѣ Вильны. Чарторыйскій, получивъ это оффиціальное донесеніе, немедленно отправился въ Вильну, тѣмъ болѣе ему нужно было въ ней быть, что сюда въ іюнѣ мѣсяцѣ намѣревался пріѣхать императоръ Александръ I. По прибытіи въ Вильну, Чарторыйскій назначилъ особую комиссію, состоящую изъ трехъ про-

фессоровъ: Буянуса, ксендза Кланчевича и Лобойки (профессора русской словесности) и поручилъ ей разслѣдовать донесеніе Вырвича. Но комиссія въ высшей степени халатно отнеслась къ сему порученію: не изслѣдовавши хорошо дѣла, она донесла Чарторыйскому, что среди университетской молодежи никакого тайнаго общества не существуетъ, было одно подъ названіемъ „Лучезарнаго", но и то давно закрыто. Такого рода донесеніемъ комиссіи Чарторыйскій остался весьма доволенъ: онъ надѣялся, что теперь будетъ снято съ студентовъ подозрѣніе въ неблагонадежности и успокоился было [1]). Но вдругъ передъ самымъ пріѣздомъ государя въ Вильну произошло столкновеніе студентовъ съ войсками, причемъ оказалось, что студенты были вполнѣ виноваты, а это, въ связи съ донесеніемъ Вырвича, заставило русское правительство обратить серьезное вниманіе на университетскую молодежь и недовѣрчиво смотрѣть на самого Чарторыйскаго. Когда пріѣхалъ въ Вильну императоръ, то ему о всемъ этомъ было доложено, вслѣдствіе чего государь выразилъ сильное неудовольствіе Чарторыйскому и при этомъ далъ понять, что ему извѣстно существованіе тайныхъ студенческихъ обществъ, а въ заключеніе указалъ на вредное направленіе общества „Шубравцевъ". Чарторыйскій, насколько было ему возможно старался защитить университетскую молодежь и доказать государю, что между студентами нѣтъ никакихъ тайныхъ обществъ, а въ концѣ концовъ, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе и отвести глаза правительства отъ студентовъ, пожертвовалъ „шубравцами", т. е. закрылъ это общество и запретилъ болѣе издавать „Мостовыя Вѣдомости". Тѣмъ дѣло пока было и кончилось: императоръ уѣхалъ, власти успокоились, Чарторыйскій торжествовалъ. Но оказалось, что торжество его было непродолжительно: на другой годъ вопросъ о тайныхъ студенческихъ обществахъ, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, снова выдвинутъ былъ на сцену и на этотъ разъ онъ кончился очень печально какъ для обществъ, такъ и для самого Чарторыйскаго.

Въ началѣ 1823 г. въ Варшавѣ было раскрыто общество Лукасинскаго и при этомъ захвачено было много бумагъ [2]). Когда стали раз-

[1]) Между прочимъ, какъ извѣстно, Чарторыйскій зналъ о всѣхъ виленскихъ студенческихъ обществахъ и отлично понималъ ихъ направленія и цѣли.

[2]) Общество Лукасинскаго, извѣстное, какъ говорили выше, подъ именемъ „Патріотическаго", раскрыто было русскому правительству однимъ отставнымъ офицеромъ Нагорскимъ. Этотъ офицеръ въ сентябрѣ 1821 г. поступилъ въ „Патріотическое общество" въ качествѣ члена единственно съ тою цѣлію, чтобы вывѣдать о всемъ относящемся къ сему обществу и донести потомъ великому князю. Нагорскій пробылъ въ обществѣ Лукасинскаго полтора года; въ мартѣ 1823 г. онъ выступилъ изъ него и, явившись къ Константину Павловичу, все подробно разсказалъ ему; вслѣдствіе этого великій князь приказалъ арестовать членовъ сего общества; въ числѣ арестованныхъ былъ самъ Лукасинскій и его друзья: Шнейдеръ, Доброгойскій, Добржицкій и Дзвонковскій.

бирать эти бумаги, то въ нихъ нашли переписку, которую вели студенты Виленскаго университета съ членами „Варшавскаго патріотическаго общества". Изъ этой переписки, между прочимъ, увидѣли, что въ Вильнѣ среди студентовъ существуютъ какія-то тайныя общества съ революціоннымъ направленіемъ [1]). По этому поводу туда немедленно былъ командированъ Новосильцевъ.

По пріѣздѣ въ Вильну, Новосильцевъ горячо взялся за дѣло: онъ скоро добрался до этихъ тайныхъ обществъ; оказалось, что это тѣ общества, которыя основаны были Заномъ и Чечетомъ; захватилъ ихъ архивы и арестовалъ главныхъ дѣятелей: Зана, Чечета, Мицкевича, Ежовскаго, Домейку, Одынца и другихъ студентовъ [2]). Затѣмъ онъ уволилъ отъ должности ректора университета Твардовскаго и пять профессоровъ, а также директора гимназіи и человѣкъ десять учителей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Въ концѣ ноября Новосильцевъ обо всемъ этомъ донесъ въ Варшаву великому князю Константину Павловичу, при этомъ онъ просилъ дальнѣйшихъ инструкцій. Въ началѣ 1824 г. послѣдовалъ отвѣтъ на его донесеніе: Адамъ Чарторыйскій по высочайшему повелѣнію увольняется отъ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа, а на мѣсто его назначается самъ Новосильцевъ. Въ то же время получено было приказаніе о преданіи суду арестованныхъ студентовъ. Судъ составленъ былъ изъ трехъ лицъ: графа Аракчеева, адмирала Шишкова и Новосильцева. Онъ приговорилъ арестованныхъ студентовъ къ слѣдующимъ наказаніямъ: Зана на годъ въ крѣпость, а потомъ къ ссылкѣ въ Том-

---

[1]) Переписка, которую вели студенты Виленскаго университета съ членами „Патріотическаго общества" и которую нашли въ бумагахъ сего послѣдняго, по содержанію своему отличалась неясностію и неопредѣленностію: изъ этой переписки видно было только то, что ее вели какіе-то студенты Виленскаго университета и что между ними существуютъ какія-то тайныя общества съ характеромъ революціоннымъ.

[2]) Раскрытію Новосильцевымъ въ Вильнѣ тайныхъ студенческихъ обществъ и арестованію главныхъ дѣятелей ихъ много помогъ слѣдующій случай: Когда пріѣхалъ въ Вильну Новосильцевъ (это было въ іюлѣ), то къ нему явился одинъ молодой учитель, по имени Іосифъ Масальскій, съ просьбою, чтобы тотъ отправилъ его на казенный счетъ въ Варшаву, такъ какъ онъ, Масальскій, думаетъ явиться къ великому князю и передать ему нѣчто важное и секретное. Новосильцеву подобнаго рода просьба показалась подозрительною, поэтому онъ приказалъ арестовать Масальскаго и подвергнуть обыску. При обыскѣ нашли у него много бумагъ компрометирующаго свойства и, между прочимъ, письмо одного бывшаго студента Янковскаго. Изъ этого письма Новосильцевъ ясно увидѣлъ, что между студентами существуютъ тайныя общества и что самъ Янковскій состоитъ членомъ ихъ. Тогда Новосильцевъ приказалъ арестовать Янковскаго и подвергнуть допросу. Янковскій страшно перепугался и, боясь отвѣтственности, все подробно открылъ Новосильцеву о тайныхъ студенческихъ обществахъ и ихъ членахъ.

скую губернію[1]); Чечета, Ежовскаго и Янковскаго на шесть мѣсяцевъ въ тюрьму и затѣмъ къ отправкѣ во внутреннія губерніи; Мицкевича, Маевскаго и Одынца отправили въ Москву къ генералъ-губернатору на службу. Остальные члены тайныхъ обществъ или оправданы были, или отданы подъ надзоръ полиціи.

Въ томъ же году и тѣмъ же судомъ осуждены были и члены варшавскаго „Патріотическаго общества", основаннаго Лукасинскимъ. Самъ Лукасинскій и другъ его Шнейдеръ осуждены на десять лѣтъ въ крѣпости, Доброгойскій и Добржицкій на четыре, а Дзвонковскій еще до производства слѣдствія зарѣзался.

Новосильцевъ, сдѣлавшись попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, обратилъ все свое вниманіе на университетъ. Вмѣсто смѣщеннаго Твардовскаго ректоромъ университета назначенъ былъ профессоръ анатоміи и хирургіи Пеликанъ, человѣкъ глубокой учености и въ высшей степени честнаго, открытаго и благороднаго характера. При немъ университетъ высоко сталъ въ научномъ отношеніи. Студентовъ съ 700 человѣкъ дошло до 2000. Усилено преподаваніе русскаго языка и русской литературы[2]). Приказано студентамъ ходить въ мундирахъ и не вступать ни въ какія общества. Сдѣлано распоряженіе о доставленіи студенческихъ списковъ полиціи и о донесеніи ей какъ о вновь поступающихъ студентахъ въ университетъ, такъ и о выбывающихъ изъ него. Но всѣ эти мѣры не успокоили учащейся молодежи: среди нея скоро опять началась антиправительственная пропаганда, хотя не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какія она приняла въ бытность попечителя Виленскаго учебнаго округа Чарторыйскаго. На этотъ разъ эта пропаганда получила начало свое изъ Варшавы, оттуда она и поддерживалась до самой революціи 30 года.

Послѣ суда надъ Лукасинскимъ и его друзьями дѣятельность варшавскаго „Патріотическаго общества", правда, на нѣкоторое время ослабѣла, но не прекратилась совсѣмъ, какъ думало русское правительство, напротивъ, съ теченіемъ времени оно еще болѣе усилилось. Теперь во главѣ этого общества стали: подполковникъ Крыжановскій, князь Антонъ Яблонскій, графъ Станиславъ Салтыкъ и другіе. Крыжановскій, Яблонскій и Салтыкъ составляли „Верховный совѣтъ патріотическаго общества". Цѣль общества осталась одна и та же, т. е. возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 г. Члены этого общества вступили въ сношеніе даже съ членами русскаго революціоннаго общества, которое въ то время находилось на юго-западѣ Россіи въ

[1]) Впослѣдствіи онъ былъ прощенъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, прожилъ въ немъ нѣкоторое время и затѣмъ уѣхалъ за границу.

[2]) Съ этого времени въ Виленскомъ университетѣ началось чтеніе лекцій по исторіи на русскомъ языкѣ.

г. Тульчѣ (Волынской губерніи)[1]). Но сношенія эти, впрочемъ, долго не продолжались: они скоро прекратились, такъ какъ у членовъ оказались неодинаковыя цѣли: поляки хотѣли отдѣлить отъ Россіи всѣ области бывшей Рѣчи Посполитой и образовать изъ нея самостоятельное государство, но русскіе на это никакъ не соглашались: они думали только превратить Россію или въ республику, или въ конституціонную монархію, а никакъ не раздроблять ее.

Сношеніе польскаго патріотическаго общества съ русскими революціонерами, какъ видимъ, не увѣнчалось успѣхомъ, но оно едва не повело къ обнаруженію самого патріотическаго общества. Дѣло вотъ въ чемъ: 1825 г., незадолго до отъѣзда въ Таганрогъ, императоръ получилъ отъ унтеръ-офицера Шервуда подробное донесеніе о русскомъ революціонномъ обществѣ. По этому случаю назначена была уже особая комиссія и она, занявшись разслѣдованіемъ его, напала на слѣдъ существованія и польскаго „Патріотическаго общества“; но смерть государя пріостановила разслѣдованіе этого дѣла. Государь умеръ въ Таганрогѣ, отъ крымской лихорадки, 19 ноября 1825 г., въ 10 ч. 50 м. утра.

Николай I-й.

1825—1855.

По смерти Александра Благословеннаго не осталось прямыхъ наслѣдниковъ. Самое большее право на русскій престолъ имѣлъ братъ его Константинъ Павловичъ, находившійся въ это время въ Варшавѣ. Но еще въ 1822 г. онъ оффиціально, въ законно-выраженной формѣ, написалъ отреченіе отъ своихъ правъ на престолъ. Это отреченіе принялъ братъ Александръ I, утвердилъ его и своимъ манифестомъ назначилъ законнымъ наслѣдникомъ на русскій престолъ второго своего брата Николая Павловича. Но актъ этотъ не былъ тогда обнародованъ, а, написанный въ трехъ экземплярахъ, положенъ былъ въ архивѣ государственнаго совѣта, въ петербургскомъ сенатѣ и въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ. Самъ будущій императоръ Николай Павловичъ ничего не зналъ объ этомъ актѣ. И вотъ, когда умеръ Александръ Благословенный, то Николай Павловичъ въ Петербургѣ немедленно заставилъ гвардію присягнуть своему старшему брату Константину Павловичу; примѣру этому послѣдовалъ Петербургъ, а за Петербургомъ и вся Россія. Но у Константина Павловича не было желанія измѣнять своему намѣренію касательно престолонаслѣдія, а потому онъ въ Вар-

---

[1]) Общество это извѣстно было подъ именемъ „Союза благоденствія“. Во главѣ его стояли: полковникъ Вятскаго пѣхотнаго полка Пестель, подполковникъ Черниговскаго пѣхотнаго полка Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и отставной полковникъ Поджіо.

шавѣ привелъ къ присягѣ своему младшему брату и войско, и народъ. Между тѣмъ, открыли завѣщаніе покойнаго императора, гдѣ ясно было видно, кто долженъ носить русскую корону. Въ то же время и Константинъ Павловичъ послалъ въ Петербургъ самаго младшаго брата Михаила Павловича съ подтвержденіемъ отреченія. Послѣ долгихъ колебаній Николай Павловичъ принялъ вѣнецъ, котораго онъ не желалъ и не искалъ.

Самое начало вступленія на престолъ Николая I ознаменовано печальнымъ событіемъ: онъ въ первый же день своего царствованія долженъ былъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ по отношенію къ нѣкоторымъ своимъ подданнымъ. Дѣло въ томъ, что отреченіе Константина Павловича и переходъ престола къ Николаю I казалось руководителямъ тайнаго общества самымъ благопріятнымъ случаемъ для осуществленія своихъ замысловъ. Они распустили слухъ между войсками, что Константинъ не думалъ отказываться отъ престола и тѣмъ привели нѣкоторыя изъ нихъ въ волненіе. Утромъ 14 декабря, когда нужно было приносить присягу новому императору, мятежники бросились на Сенатскую площадь и расположились здѣсь вокругъ памятника Петра I съ криками: „ура, Константинъ!". Но заговорщики успѣли увлечь только незначительную часть войска, а потому достаточно было сдѣлать только нѣсколько выстрѣловъ, чтобы заставить его обратиться въ бѣгство. Послѣ этого назначена была особая комиссія, которая скоро раскрыла всѣ нити заговора. Пятеро наиболѣе виновныхъ заговорщиковъ были казнены, а остальные или прощены, или отосланы на отдаленныя окраины Россіи (Сибирь, Кавказъ), чтобы тамъ въ войскахъ заслужили прощеніе.

Въ то время, какъ производилось слѣдствіе надъ русскими заговорщиками, комиссія, назначенная по этому дѣлу, раскрыла, что и въ Польшѣ существуетъ тайное общество, которое имѣетъ цѣлію отдѣлить отъ Россіи всѣ области бывшей Рѣчи Посполитой и образовать изъ нихъ самостоятельное государство. Объ этомъ немедленно донесено было императору. По этому поводу государь снесся съ братомъ Константиномъ Павловичемъ, но, получивъ отъ него весьма удовлетворительный отзывъ о состояніи умовъ въ Царствѣ Польскомъ, Николай I оставилъ до времени разслѣдованіе тайнаго общества въ Царствѣ Польскомъ, усиливъ только полицейскій надзоръ въ Варшавѣ и назначивъ своимъ намѣстникомъ Константина Павловича.

Возстаніе поляковъ [1]). Мы видѣли, что послѣ Лукасинскаго „Патріотическое общество" не уничтожилось, оно только немного осла-

[1]) См. „Исторію польскаго возстанія и войны 1830-31 г." Смита, 1863 г. „Русско-польская война 1831 г." проф. Пузыревскаго. 1886 г. Нѣлова „Воспоминаніе о польской войнѣ 1831 г." С.-Пб. 1879 г.

бѣло, но потомъ скоро опять оправилось и даже усилилось, когда во главѣ его стали Крыжановскій, Яблонскій и Салтыкъ и когда въ 1828 г. съ нимъ соединилось новое тайное общество, извѣстное подъ именемъ „Петра Высоцкаго". Тщательно скрываясь отъ взоровъ русскаго правительства, „Патріотическое общество" мало-по-малу расширилось до огромныхъ размѣровъ и наконецъ охватило все Царство Польское. Нѣсколько разъ доносили великому князю о преступныхъ замыслахъ этого общества, но Константинъ Павловичъ по своему честному и доброму характеру не обращалъ на это вниманія. Притомъ онъ не могъ допустить, чтобы поляки, послѣ того, что сдѣлано было для нихъ его покойнымъ братомъ, подняли мятежъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ лично всегда относился къ нуждамъ поляковъ въ высшей степени сочувственно и не упускалъ ни одного случая, чтобы не высказать имъ свою пріязнь. Онъ хорошо видѣлъ, что поляки подъ скипетромъ русскаго царя пользуются полнымъ благополучіемъ, а слѣдовательно нѣтъ причинъ къ революціи. Но Константинъ Павловичъ, очевидно, не понималъ поляковъ и событія скоро показали ему ошибочность его убѣжденій.

17-го ноября 1830 г. началось возстаніе въ Варшавѣ; отсюда оно распространилось по всей Польшѣ и затѣмъ перешло въ области бывшаго Литовскаго государства.

Первыя дѣйствія заговорщиковъ обнаружились нападеніемъ на Бельведерскій замокъ, въ которомъ жилъ великій князь. Нападеніе сдѣлано было съ цѣлію убить Константина Павловича; но замыселъ не удался: вмѣсто великаго князя убійцы въ темнотѣ убили одного генерала, котораго приняли за Константина Павловича. Въ ту же ночь заговорщики захватили варшавскій арсеналъ, роздали народу оружіе и начали убивать русскихъ. Польское войско, отлично обученное русскими офицерами, приняло сторону заговорщиковъ и стало имъ помогать въ убіеніи русскихъ. Такъ началось возстаніе поляковъ при императорѣ Николаѣ I, извѣстное въ русской исторіи подъ именемъ „перваго мятежа".

На слѣдующій день, это было 18-го ноября 1830 г., нѣкоторые изъ поляковъ, принадлежащихъ къ лицамъ самаго высшаго польскаго общества и даже близко стоявшихъ къ великому князю, явились къ сему послѣднему съ просьбою, чтобы онъ съ русскими войсками вышелъ изъ города, такъ какъ, по ихъ словамъ, возстаніе произошло вслѣдствіе пребыванія русскихъ войскъ въ Варшавѣ, а съ удаленіемъ ихъ оно прекратится. Но это, конечно, была ложь: поляки хотѣли подъ какимъ-нибудь предлогомъ удалить изъ Варшавы русскихъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ удобнѣе дѣйствовать самимъ. Но великій князь исполнилъ просьбу поляковъ: онъ съ русскимъ отрядомъ того же числа вышелъ изъ города и остановился въ ближайшей деревнѣ.

По выходѣ русскихъ войскъ, въ Варшавѣ образовался такъ называемый „административный совѣтъ“, въ составъ котораго вошли: князь Любецкій, Адамъ Чарторыйскій, Нѣмцевичъ и генералъ Хлопицкій. Послѣдній въ то же время сдѣланъ былъ и главнокомандующимъ всѣхъ польскихъ войскъ. 21-го декабря административный совѣтъ отправилъ къ великому князю депутацію съ разъясненіемъ ему, какія причины вызвали волненіе и на какихъ условіяхъ поляки перестанутъ бунтоваться и снова признаютъ русское правительство. По прибытіи къ Константину Павловичу депутація отъ имени административнаго совѣта и всего, по ихъ словамъ, польскаго народа прямо сказала ему, что возстаніе произошло вслѣдствіе несогласія покойнаго императора присоединить къ Царству Польскому Литвы, Бѣлоруссіи, Подолія и части Малороссіи и что если желаетъ русское правительство, чтобы польскій народъ былъ спокоенъ и подчинялся бы русской коронѣ, то пусть оно исправитъ ошибку Александра Благословеннаго. Великій князь, до послѣдней минуты думавшій, что поляки остаются благодарными почившему императору за все, что сдѣлано было имъ и что возстаніе въ Варшавѣ есть только временная вспышка недовольныхъ, которая скоро сама собою прекратится, ошеломленъ былъ такого рода заявленіемъ депутаціи и долго не могъ собраться съ мыслями, что отвѣчать ей. Затѣмъ, успокоившись немного, сказалъ: „Вы сами знаете, что я ничего не могу сдѣлать для удовлетворенія вашей просьбы—дѣло это государя императора. Я скажу вамъ только одно, что я со всѣми своими войсками немедленно удаляюсь изъ предѣловъ Польскаго государства и предоставляю все вамъ въ ваше распоряженіе“. Съ этими словами Константинъ Павловичъ раскланялся съ депутаціею и удалился во внутренніе покои. 22-го декабря онъ съ русскимъ отрядомъ выступилъ къ русской границѣ.

6-го декабря въ Варшавѣ былъ распущенъ административный совѣтъ, а вмѣсто его установлено было временное правительство, во главѣ котораго сталъ Адамъ Чарторыйскій, причемъ Лелевель получилъ портфель министра народнаго просвѣщенія. 18-го декабря новое правительство созвало сеймъ. Но лишь только начались совѣщанія на немъ, какъ обнаружилось разногласіе между членами сейма: одни требовали немедленно объявить войну Россіи и произвести возмущеніе во всѣхъ областяхъ бывшаго Литовскаго государства, другіе, не желая доводить дѣло до крайности, настаивали на томъ, чтобы вступить съ русскимъ правительствомъ въ переговоры. Къ послѣдней партіи принадлежалъ и генералъ Хлопицкій. Когда же первые стали брать верхъ, то Хлопицкій, опираясь на войско, обезсилилъ ихъ и затѣмъ объявилъ себя диктаторомъ Польши.

Захвативши въ свои руки всю власть, Хлопицкій снарядилъ два посольства: одно въ Петербургъ къ императору Николаю I для пере-

говоровъ, а другое въ Парижъ и Лондонъ съ просьбою о посредничествѣ. 1-го января 1831 г. Хлопицкій получилъ изъ Петербурга офиціальный отвѣтъ, въ которомъ сказано было, чтобы поляки немедленно прекратили мятежъ, сложили оружіе, освободили русскихъ и принесли бы повинную, въ противномъ случаѣ, въ заключеніе прибавлено было въ отвѣтѣ, виновные понесутъ тяжкое наказаніе. Хлопицкій прочиталъ отвѣтъ членамъ сейма и сталъ было склонять ихъ покориться волѣ государя, но тѣ, какъ и слѣдовало ожидать, и слышать не хотѣли объ этомъ. На слѣдующій день они, по совѣту графа Романа Салтыка, провозгласили, что русскій императорскій домъ лишается правъ на польскій престолъ. Хлопицкій же, увидавши, что его соотечественники своимъ послѣднимъ поступкомъ вступили на самый опасный путь, сложилъ съ себя диктаторскую власть и отказался отъ командованія войскомъ. Послѣднее сеймъ передалъ князю Михаилу Радзивиллу, человѣку совершенно бездарному и лѣнивому.

Между тѣмъ, Николай I, получивши извѣстіе о такомъ глубокомъ оскорбленіи Россіи, какъ лишеніе права русской императорской фамиліи на польскій престолъ, рѣшился наказать бунтовщиковъ самымъ примѣрнымъ образомъ. Въ началѣ февраля стотысячная русская армія съ 336 пушками, подъ начальствомъ Дибича Забалканскаго, вступила въ предѣлы Польскаго государства. Поляки выставили противъ русскихъ около 80 т. человѣкъ. 19-го февраля въ виду Варшавы подъ Гроховомъ произошла первая кровопролитная битва. Поляки бились храбро, но были разбиты на голову. Остатки ихъ удалились за стѣны Праги, предмѣстья Варшавы. Русскіе въ этой битвѣ потеряли болѣе 10,000 человѣкъ; вслѣдствіе этого Дибичъ не преслѣдовалъ отступившаго непріятеля и не рѣшился напасть на Варшаву, какъ того тамъ ожидали; онъ послѣ битвы отодвинулся на югъ и расположился на зимнихъ квартирахъ, а этимъ, между прочимъ, воспользовались поляки: они усилили войска свои, пополнили артиллерію и избрали новаго главнокомандующаго, генерала Скржинецкаго. Правда, новый главнокомандующій былъ такой же бездарный и лѣнивый, какъ и его предшественникъ, но зато онъ имѣлъ у себя начальникомъ штаба генерала Прондзинскаго, человѣка въ высшей степени даровитаго и дѣятельнаго. Нѣкоторые историки говорятъ, и не безъ основанія, что если бы Скржинецкій слѣдовалъ совѣтамъ Прондзинскаго, то русскіе не могли бы такъ скоро одолѣть поляковъ, какъ это было на самомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе это справедливо, что русскій главнокомандующій въ польской войнѣ оказался не вполнѣ искусстнымъ полководцемъ. Если же Дибичъ и одерживалъ верхъ надъ польскими войсками, то это благодаря только численному превосходству русскихъ войскъ и бездарности польскихъ генераловъ.

14-го мая подъ городомъ Остроленкою между русскими и поляками произошла вторая кровопролитная битва, кончившаяся, какъ и подъ Гроховомъ, совершеннымъ пораженіемъ поляковъ: 9,000 было убито ихъ, 12,000 отрѣзаны отъ своихъ и только 10,000 человѣкъ добралось до Праги. Но русскій главнокомандующій и на этотъ разъ не преслѣдовалъ отступающаго непріятеля и не поспѣшилъ нападеніемъ на Варшаву, какъ слѣдовало бы сдѣлать для скорѣйшаго окончанія кампаніи. Послѣ Остроленской битвы Дибичъ отошелъ къ городу Полтуску и тамъ остановился. Но, не смотря на всѣ промахи русскаго главнокомандующаго, дѣло поляковъ было въ очень печальномъ положеніи: средства для продолженія войны все болѣе и болѣе истощались, а надежды на иностранную помощь не было никакой. Посланные Хлопицкимъ депутаты къ иностраннымъ дворамъ вездѣ были приняты холодно и сконфуженные вернулись ни съ чѣмъ. Разсчетъ на поголовное возстаніе въ областяхъ бывшаго Литовскаго государства также оказался напраснымъ: тамъ всѣ остались вѣрны русскому правительству, за исключеніемъ весьма немногихъ польскихъ помѣщиковъ. Настоящее положеніе поляковъ могло быть только поправлено народною (партизанскою) войною. Но въ томъ то и дѣло, что въ Польшѣ какъ прежде простой народъ никогда не принималъ участія въ защитѣ государства, такъ и теперь не хотѣлъ принимать. Правда, польскіе вожди обращались къ народу и просили содѣйствія во имя патріотизма и свободы, но никто не откликнулся. Призывая народъ къ спасенію отечества, польскіе паны между тѣмъ и не думали облегчить участь своихъ крестьянъ: уменьшить барщину, сократить число рабочихъ дней и ограничить свой произволъ надъ ними. Народъ одно только зналъ, что ему легче жилось подъ русскимъ владычествомъ, чѣмъ теперь подъ польскимъ.

Въ концѣ мая умеръ отъ холеры Дибичъ, а черезъ нѣсколько недѣль и великій князь Константинъ Павловичъ отъ той же болѣзни. 13-го іюня въ главную квартиру русской арміи при Полтускѣ прибылъ преемникъ Дибича, графъ Паскевичъ. Новый главнокомандующій, отличаясь большею энергіею и опытностію, чѣмъ его предшественникъ, по принятіи начальства надъ войсками, немедленно двинулся со всѣми силами изъ-подъ Полтуска къ Варшавѣ. Когда же вѣсть объ этомъ дошла до жителей столицы Царства Польскаго, то тамъ поднялось страшное волненіе: одни требовали отнятія власти у генерала Скржинецкаго, другіе—мира съ Россіею, третіе—борьбы съ Россіею на жизнь и смерть и т. п. Въ заключеніе разбушевалась чернь. Съ громкими криками дикой радости она провозгласила своимъ диктаторомъ генерала Круковецкаго. Получивши неожиданно диктаторскую власть, Круковецкій прежде всего задумалъ раздѣлаться съ своими бывшими вра-

гами, къ числу которыхъ, между прочимъ, принадлежали: Скржинецкій, Адамъ Чарторыйскій и Лелевель. У перваго Круковецкій отнялъ командованіе надъ войсками и самого заключилъ въ тюрьму, а двухъ послѣднихъ приговорилъ къ висѣлицѣ, но оба они спаслись бѣгствомъ изъ Варшавы за границу. Вмѣсто Скржинецкаго новый диктаторъ назначилъ главнокомандующимъ польскихъ войскъ друга своего Малоховскаго.

Между тѣмъ, русскій главнокомандующій приближался къ Варшавѣ. Ему на встрѣчу выступилъ Малоховскій. 25-го августа, въ 5-ти верстахъ отъ Варшавы, при деревнѣ Воли, между русскими и поляками произошла послѣдняя кровопролитная битва. Поляки опять были разбиты на голову: болѣе 15,000 ихъ осталось на мѣстѣ, а остальные, въ количествѣ 25,000, при ста орудіяхъ, преслѣдуемые русскими, перешли прусскую границу около Швидцебна и положили оружіе. 26-го августа Паскевичъ занялъ Варшаву и этимъ кончился одинъ изъ актовъ польской драмы.

19-го ноября того же 1831 г. государь императоръ Николай Павловичъ прислалъ въ Варшаву манифестъ, въ которомъ объявилъ всѣмъ амнистію, за исключеніемъ тѣхъ членовъ сейма, которые принимали участіе въ провозглашеніи лишенія польскаго престола русской императорской фамиліи и тѣхъ офицеровъ, которые послѣ капитуляціи Варшавы не хотѣли покориться. Въ слѣдующемъ 1832 г. русскимъ правительствомъ произведено было въ Царствѣ Польскомъ административныя переустройства: прежняя конституція въ немъ была отнята, а вмѣсто нея былъ установленъ органическій статутъ; вмѣсто сейма учрежденъ былъ государственный совѣтъ, члены котораго назначались самимъ императоромъ; войско распущено. Намѣстникомъ Царства Польскаго былъ назначенъ графъ Паскевичъ, который получилъ титулъ князя Варшавскаго.

Послѣ административныхъ преобразованій въ Царствѣ Польскомъ, русское правительство обратило свое особенное вниманіе на тѣ области, которыя достались ей по тремъ раздѣламъ Польши, т. е. на области бывшаго Литовскаго государства. Правда, въ этихъ областяхъ немногія лица принимали участіе въ мятежѣ и притомъ принимали по большей части лица учащейся молодежи, поэтому и преобразованіе въ этихъ областяхъ коснулось преимущественно учебныхъ заведеній. Прежде всего правительство закрыло Виленскій университетъ [1]), такъ какъ онъ больше всего доставлялъ лицъ революціонному „жонду". Затѣмъ самый Виленскій учебный округъ былъ преобразованъ совершенно на новыхъ началахъ; постановлено было,

[1]) Вмѣсто его чрезъ три года открытъ былъ въ Кіевѣ университетъ. Въ Вильнѣ оставлены были: медицинская академія и ветеринарное отдѣленіе.

чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ начальниками были непремѣнно русскіе; увеличено число недѣльныхъ уроковъ по русскому языку и самый преподаватель этого предмета переименованъ изъ младшихъ учителей въ старшіе; сдѣлано было распоряженіе относительно преподаванія исторіи и статистики на русскомъ языкѣ; въ то же время сокращенъ былъ и самый учебный округъ: большая часть его отошла къ Кіевскому учебному округу и Бѣлорусскому.

Но главное, на что больше всего русское правительство обратило вниманіе въ областяхъ бывшей въ Рѣчи Посполитой, послѣ послѣдняго польскаго возстанія, такъ это на католическое духовенство. Русское правительство по отношенію къ сему послѣднему поставило себѣ главною задачею ослабить его фанатическое вліяніе на польско-католическую народность, а также и русско-уніатскую. Дознано было разслѣдованіемъ, что католическое духовенство въ послѣднемъ возстаніи принимало самое дѣятельное участіе: оно во имя религіи и папы безпрестанно возбуждало народъ противъ русскихъ, какъ еретиковъ, по ихъ словамъ. Доказано было, что католическіе ксендзы и прелаты даже освящали на свв. престолахъ оружіе для мятежниковъ, сочиняли революціонные гимны и разсылали брошюры самаго преступнаго содержанія.

Для достиженія этой цѣли, т. е. ослабленія фанатическаго вліянія католическаго духовенства на поляковъ и уніатовъ, русское правительство постановило: а) чтобы отъ смѣшанныхъ браковъ (православныхъ съ католиками) дѣти были православные; б) чтобы кандидаты на епископскія каѳедры избирались правительствомъ; в) чтобы католическія духовныя лица безъ согласія свѣтской власти не имѣли права шагу сдѣлать изъ своего мѣстопребыванія. Испуганное этими мѣрами, римско-католическое духовенство обратилось съ жалобою къ папѣ. По сему поводу римскій папа (сначала Григорій XIV, а потомъ Пій IX) прислалъ протестъ, но на него въ Россіи не обратили никакого вниманія и какъ ненужный документъ сдали въ архивъ. Здѣсь римская курія въ первый разъ испытала на себѣ, какъ недѣйствительны ея требованія, если у нея нѣтъ средствъ поддержать ихъ силою. А между тѣмъ русское правительство для большаго ослабленія католическаго фанатизма рѣшилось еще на одинъ весьма важный шагъ, именно: на возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію, тѣмъ болѣе это возможно было, что починъ сему сдѣлали сами уніаты въ лицѣ своихъ духовныхъ представителей.

Возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію. При императорѣ Павлѣ I, какъ мы видѣли, католическая пропаганда среди уніатовъ была сильно распространена; при немъ, какъ извѣстно, болѣе 20,000 уніатовъ путемъ насилія было обращено въ католичество. Когда же вступилъ на русскій престолъ сынъ его Александръ Благословенный

то католическая пропаганда среди уніатовъ не только не уменьшилась, но еще болѣе усилилась, по крайней мѣрѣ въ первые годы царствованія его. Опираясь на всесильнаго Адама Чарторыйскаго, латинскіе ксендзы и монахи при Александрѣ I цѣлыми толпами разъѣзжали по областямъ бывшаго Литовскаго государства, объявляя, что правительство предписало немедленно всѣхъ уніатовъ присоединить къ латинству, причемъ захватывали уніатскіе церкви и монастыри, прогоняли священниковъ и заставляли крестьянъ подписывать приговоры о присоединеніи къ римско-католической церкви. Исполнителями дѣйствій ксендзовъ и монаховъ, какъ и всегда, были польскіе паны, которые, пользуясь, крѣпостнымъ правомъ, употребляли всевозможныя насильственныя мѣры въ отношеніи къ крестьянамъ, увѣряя ихъ, что они исполняютъ въ этомъ случаѣ только волю государя.

Тогда-то среди уніатовъ въ первый разъ образовался кружокъ лицъ, которыя рѣшились противодѣйствовать насильственному обращенію своихъ собратій въ латинство и въ то же время положили стремиться къ возсоединенію съ православною церковью, отъ которой они были оторваны и въ которой полагали свое спасеніе. Во главѣ этого кружка стоялъ самъ уніатскій митрополитъ Ираклій Лисовскій.

Дѣятельность свою Лисовскій, какъ мы видѣли, началъ еще при Екатеринѣ II. При Александрѣ I въ прошеніяхъ, поданныхъ на высочайшее имя 1803, 1804 и 1805 гг., онъ умолялъ о спасеніи двухъ слишкомъ милліоновъ уніатовъ, страдающихъ отъ насилія римско-католиковъ. Чтобы освободить уніатскую церковь отъ римско-католическаго вліянія, очистить ее отъ чуждыхъ латино-польскихъ примѣсей, Лисовскій добивался у правительства отдѣленія уніатовъ отъ римско-католиковъ въ управленіи [1]). Въ видахъ сближенія уніи съ православіемъ, онъ собственною властію ввелъ въ своей епархіи неискаженные греческіе обряды, служилъ по московскому служебнику, отростилъ бороду и учредилъ при полоцкомъ каѳедральномъ соборѣ епархіальную семинарію для 50 священническихъ дѣтей, отнявъ для этого у полоцкихъ базиліанъ, незаконно присвоенныя ими, богатыя имѣнія, завѣщанныя полоцкой уніатской епископіи польскимъ королемъ Вишневецкимъ. Въ 1811 г., приближаясь къ смерти, Лисовскій сдѣлалъ завѣщаніе, въ которомъ снова умолялъ русское правительство спасти унію отъ латинской погибели или, по крайней мѣрѣ, ввѣрить управленіе ею послѣ его смерти такому человѣку, который бы любилъ въ уніи восточные обряды и хранилъ бы ихъ отъ латинскихъ искаженій. Онъ указывалъ въ этомъ случаѣ на полоцкаго епископа Красовскаго. Но господство Чарторыйскаго, а потомъ военныя времена съ 1812 г. дѣлали невозможнымъ для русскаго пра-

---

[1]) Въ управленіи уніатская церковь Павломъ I, какъ мы видѣли выше, подчинена была римско-католической коллегіи, находившейся въ С.-Петербургѣ.

вительства серьезное изученіе уніатскаго вопроса и надлежащее вниманіе къ нему. Вслѣдствіе этого управленіе уніатскою церковью, по прежнему, осталось при римско-католической коллегіи. Образованъ былъ только при ней особый уніатскій департаментъ, въ которомъ засѣдали одни уніаты. Но эти члены уніатскаго управленія не могли имѣть силы. Они должны были представлять свои дѣла въ общее собраніе коллегіи, гдѣ латинское большинство членовъ уничтожало всѣ уніатскія распоряженія, направленныя противъ латинянъ. Да и Красовскій не только не сдѣланъ былъ митрополитомъ, но по проискамъ польско-латинской партіи, запутанный въ счетахъ казенныхъ денегъ, удаленъ отъ епархіи, преданъ суду и въ г. Луцкѣ умеръ, по общему голосу современниковъ, отъ яда, поднесеннаго врагами.

Но дѣло, начатое Лисовскимъ и Красовскимъ, со смертію ихъ, не окончилось: его продолжалъ затѣмъ брестскій епархіальный уніатскій капитулъ [1]).

Брестскій капитулъ началъ свою дѣятельность съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Члены сего капитула прежде всего возстали противъ той зависимости, какую уніатское духовенство имѣло отъ базиліанъ, какъ проводниковъ римскихъ доктринъ въ ихъ церковь [2]). Чтобы уничтожить эту вредную для уніатской церкви зависимость отъ Базиліанскаго ордена, члены брестскаго капитула сначала обратились за содѣйствіемъ къ своему митрополиту Іосафату Булгаку, а когда отъ него не получили удовлетворенія, то подали министру иностранныхъ исповѣданій докладную записку, въ которой просили: а) уничтожить вредное вліяніе Базиліанскаго ордена на епархіальное управленіе и опеку его надъ бѣлымъ уніатскимъ духовенствомъ; б) подчинить этотъ орденъ мѣстнымъ епископамъ; в) упразднить (секуляризировать) тѣ базиліанскіе монастыри, которые въ разныя времена незаконнымъ образомъ захватили имѣнія и разные фундуши, принадлежащіе уніатскимъ церквамъ; г) завести семинаріи, въ которыхъ молодые люди изъ уніатовъ, желающіе быть священниками, получали бы образованіе [3]); д) основать институтъ для образованія дѣвицъ духовнаго званія.

---

[1]) Капитуломъ въ католической и уніатской церкви называется совѣтъ епископа, находящійся при каждой каѳедрѣ. Совѣтъ этотъ у уніатовъ состоялъ изъ 12 протоіереевъ, изъ коихъ 6-ть старшихъ и 6-ть младшихъ.

[2]) О Базиліанскомъ орденѣ см. выше.

[3]) Выше говорено было, что образованіе молодыхъ людей, желавшихъ поступить въ уніатскіе священники, передано было базиліанамъ еще при митрополитѣ Вильяминѣ Рутскомъ. А базиліане, зная хорошо, что коль скоро питомцы ихъ уразумѣютъ свои богослужебныя книги и писанія свв. отцовъ, то поймутъ заблужденіе, въ которое были увлечены, и отшатнутся отъ него, рѣшились держать ихъ въ крайнемъ невѣжествѣ. Поэтому всѣ школы для духовнаго образованія молодыхъ людей были упразднены, какъ только монастыри

Когда объ этомъ узнали базиліане, то пришли въ страшное негодованіе; они немедленно пустили въ ходъ всѣ тайныя средства, чтобы устранить угрожающую имъ опасность. Прежде всего базиліане обратились къ литературѣ и выпустили цѣлый рядъ сочиненій, въ которыхъ доказывали безразсудность поступка брестскаго капитула, а затѣмъ—когда это не помогло—къ протекціи. Благодаря ходатайству многихъ поляковъ, занимавшихъ высшіе посты въ іерархической лѣстницѣ русской администраціи, и особенно заступничеству Чарторыйскаго, базиліане одолѣли: брестскому капитулу, а въ лицѣ его, конечно, и всему уніатскому бѣлому духовенству строго воспрещалось возставать противъ своихъ патроновъ-базиліанъ, а равнымъ образомъ и латинскаго духовенства. Такимъ образомъ, дѣло уніатское погибло, а вмѣстѣ и западнорусское.

Но вотъ въ эту-то критическую минуту не только для уніатской церкви, но и всего Западно-русскаго края является великая личность Іосифа Сѣмашки. Почти полстолѣтія исторія юго-западной Руси и Литвы вращается около этой колоссальной личности.

Іосифъ Сѣмашко [1].

Въ 1798 г. 25 декабря во время звона къ утренѣ въ селѣ Павловкѣ, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи, родился Іосифъ Сѣмашко. Онъ родился какъ разъ въ тотъ день, въ который двѣсти лѣтъ тому назадъ папа Климентъ VIII утвердилъ буллою унію, провозглашенную на Брестскомъ уніатскомъ соборѣ въ 1596 г. 9 октября. Отецъ Іосифа Сѣмашки былъ уніатскимъ священникомъ, а впослѣдствіи православнымъ протоіереемъ въ епархіи сына, въ селѣ Дзѣкушкахъ, Виленской губерніи, Лидскаго уѣзда. По происхожденію Іосифъ Сѣмашко былъ малороссійскій дворянинъ. Первоначальное воспитаніе получилъ въ домѣ отца. Въ 1808 г. онъ опредѣленъ былъ въ Немировскую гимназію, а въ 1816 г. окончилъ курсъ этой гимназіи и для дальнѣйшаго образо-

---

перешли въ руки базиліанъ; они же прибрали въ свои руки богатые фундуши школъ, открывъ на нихъ школы для свѣтскаго образованія. Для бѣлаго уніатскаго духовенства не оставлено было ни одной семинаріи, образованіе для него считалось ненужнымъ. Вслѣдствіе этого въ духовное званіе поступали воспитанники базиліанъ, только механически обученные польской и славянской грамматикѣ или же молодые люди, не окончившіе гимназіи, предварительно прослужившіе у пана „ради рекомендаціи“ безъ которой архіереи, на основаніи права патронатства, не могли рукополагать.

[1]) Объ Іосифѣ Сѣмашкѣ см. сочиненіе Дылевскаго 1869 г. С.-Пб.; Д. А. Толстого 1869 г.; М. О. Кояловича въ „Христіанскомъ чтеніи“ 1868 г.; записки самого І. Сѣмашки, изданныя академіею наукъ въ 1884 г.; Кедрова, помѣщенное въ Прав. Обозрѣніи за 1887 г. и свящ. Николая Извѣкова, Вильна. 1889 г. Мы отдавали предпочтеніе Дылевскому.

ванія поступилъ въ главную семинарію, основанную въ 1803 г. при Виленскомъ университетѣ [1]).

[1]) Виленская семинарія основана была Чарторыйскимъ. Цѣль ея была двоякая: а) приготовить ученыхъ ксендзовъ для края; б) олатинить и ополячить тѣхъ молодыхъ уніатовъ, которые предназначались къ занятію высшихъ духовныхъ мѣстъ въ уніатской церкви. Въ семинаріи курсъ продолжался 4 года. Тутъ преподавали слѣдующія науки: толкованіе священнаго писанія, богословіе догматическое, нравственное, пастырское, церковная исторія, каноническое право, логика, краснорѣчіе, словесность латинская, польская и русская; языки: греческій, еврейскій и французскій, а также физика, естественная исторія. Начальство и профессора были все католики и поляки.

Примѣчаніе. Нелишнимъ считаемъ привести слова архіепископа Антонія Зубко, обучавшагося въ этой семинаріи въ одно время съ Сѣмашкою, о направленіи профессоровъ и студентовъ въ семинаріи въ то время, а равнымъ образомъ и объ отношеніи ихъ къ Россіи: „Между студентами университета и семинаріи была тогда въ самомъ разгарѣ мода на польскій патріотизмъ, разжигаемый во всѣхъ школахъ, подвѣдомственныхъ университету. Главнымъ начальникомъ Виленскаго учебнаго округа, обнимавшаго всѣ западныя губерніи, былъ князь Адамъ Чарторыйскій, желавшій сдѣлать Польшу болѣе живучею по ея смерти, нежели какою она была при своей жизни. Основою развитія молодежи, по его системѣ, было картинное изображеніе предъ нею Польши, но не той, какою она была въ дѣйствительности, а Польши идеальной, представляющей собою образецъ соціальнаго совершенства; поэтому съ особою материнскою нѣжностію развивались предъ молодыми людьми всѣ историческія мелочи, въ которыхъ проглядывала хорошая сторона Польши и устранялось все, дававшее фактамъ ихъ истинный безобразный видъ. Затѣмъ всюду слышались возгласы любви къ отечеству, подъ которымъ разумѣлась опять-таки Польша, но отнюдь не Россія. Россію называли Москвою, которая изображалась какою-то злою силою, мертвящею все живое и оледеняющею всякія чувствованія. Подобными лекціями тѣмъ вѣрнѣе достигалась цѣль, что весь смыслъ ихъ часто заключался не въ живомъ словѣ, а въ намекахъ, ужимкахъ, недомолвкахъ, которыми давалось понять, что въ недоговоренномъ-то и заключается вся сила ужасовъ. Для прочности же всѣхъ этихъ впечатлѣній, которыя могли бы измѣниться подъ вліяніемъ истины, приняты были всѣ мѣры къ устраненію чтенія русскихъ книгъ“.

Преосвященный Антоній, слова котораго мы только что привели, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей при возсоединеніи уніатовъ съ православною церковью. Онъ умеръ въ 1884 г. 12-го февраля, сейчасъ послѣ пятидесятилѣтняго своего юбилея въ санѣ епископа. Въ послѣднее время онъ жилъ въ Пожайскомъ монастырѣ (Гродненской губерніи) на покоѣ. Преосвященный Антоній, вспоминая о преподаваніи въ семинаріи, между прочимъ, говоритъ, что профессора богословія на лекціяхъ нерѣдко говаривали, что православная церковь не признаетъ Св. Троицы, и я только, прибавляетъ Антоній, разубѣдился въ этомъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, когда пошелъ въ Казанскій соборъ и увидѣлъ образъ Св. Троицы.

Имѣя прекрасныя способности и отличаясь образцовымъ усердіемъ къ изученію наукъ, Сѣмашко въ 1820 г. окончилъ курсъ первымъ магистромъ. Какъ даровитый молодой человѣкъ, онъ скоро получилъ и мѣсто: его назначили въ Луцкъ въ качествѣ каѳедральнаго проповѣдника и профессора богословія въ тамошней семинаріи. Рѣшившись всецѣло посвятить себя на служеніе церкви и своему народу, онъ отказался отъ семейной жизни: 28 декабря 1821 г. принялъ санъ безженнаго священника и сдѣланъ былъ каноникомъ (т. е. протоіереемъ) г. Луцка. Спустя полтора года послѣ принятія священническаго сана, Іосифъ Сѣмашко, имѣя всего 24 года отъ роду, избранъ былъ луцкимъ духовенствомъ въ асессоры второго (уніатскаго) департамента римско-католической коллегіи въ Петербургѣ. Съ этого времени Сѣмашко вступилъ на то служеніе западной Россіи, съ котораго онъ уже не сходилъ до конца жизни.

До вступленія Іосифа Сѣмашки въ департаментъ, дѣлами сего послѣдняго заправлялъ безапелляціонно прокуроръ коллегіи Крыжановскій; но такъ какъ онъ былъ истый полякъ и фанатическій католикъ, то всѣ дѣла и рѣшенія въ департаментѣ направлялъ въ пользу католичества и во вредъ уніи, а если что и дѣлалъ когда хорошаго для сей послѣдней, то исключительно въ пользу базиліанъ, отъ которыхъ онъ получалъ огромныя деньги. Со вступленіемъ же въ департаментъ Іосифа Сѣмашки дѣла измѣнились: произволу прокурора положенъ былъ конецъ [1]).

Живя въ Петербургѣ, Сѣмашко, благодаря знакомству со многими образованными лицами православнаго исповѣданія, а также чтенію русскихъ книгъ и частому посѣщенію православныхъ церквей, мало-по-малу пришелъ къ убѣжденію, что уніатская церковь стоитъ на ложномъ пути и много утеряла изъ своей первобытной чистоты по отдѣленіи отъ восточной церкви. Затѣмъ, подвергши православіе глубокому изученію со стороны обрядовой и догматической, Сѣмашко пришелъ къ полному убѣжденію, что это христіанское исповѣданіе есть именно то, которое сохранило въ себѣ полнѣйшую чистоту и святость временъ апостольскихъ безъ всякихъ добавленій и нововведеній, подобно римско-католическому исповѣданію. А потому не прошло и трехъ лѣтъ со времени прибытія Сѣмашки въ Петербургъ, какъ уже онъ составилъ планъ къ возвращенію уніатовъ въ нѣдра православной церкви. Къ

---

[1]) Современники, знавшіе хорошо дѣла римско-католической коллегіи, разсказываютъ, что когда Іосифъ Сѣмашко являлся въ общее собраніе членовъ коллегіи (уніатовъ и латинянъ), то заставлялъ мѣняться въ лицѣ всѣхъ представителей латинства, а когда выступалъ на защиту уніатовъ по какому-либо дѣлу, то приводилъ въ смущеніе самыхъ даровитыхъ изъ нихъ, потому что онъ былъ великаго ума и отлично зналъ всѣ законы.

этому его еще болѣе побудило и воодушевило то, что вступившій на русскій престолъ Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на русскую народность и православіе въ областяхъ бывшаго Литовскаго государства, а также и на приниженное положеніе уніатовъ и своими распоряженіями сразу далъ почувствовать полякамъ-католикамъ и латинскому духовенству, что время произвола и тайной пропаганды миновало. Вслѣдствіе же этого повѣяло русскимъ духомъ и въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій, въ вѣдѣніи котораго состояла, между прочимъ, и римско-католическая коллегія.

Въ 1826 г., годъ спустя послѣ вступленія на престолъ Николая Павловича, вышло распоряженіе, которымъ запрещалась постройка римско-католическихъ каплицъ (часовень) среди русскаго населенія. Этимъ полагалась преграда одному изъ способовъ распространенія католичества между симъ послѣднимъ [1]). А спустя еще годъ, именно въ 1827 г. 9-го октября, вышелъ именной указъ, который имѣлъ важное значеніе для уніатской церкви. Указомъ этимъ предписывалось: а) въ базиліанскіе монастыри принимать только однихъ уніатовъ и притомъ хорошо знающихъ славянскій языкъ и чинъ греко-восточнаго богослуженія; б) немедленно доводить до свѣдѣнія государя императора о всякомъ лицѣ вновь поступившемъ въ Базиліанскій орденъ [2]), и в) основать, гдѣ нужно, училища для приготовленія уніатскаго юношества къ духовному званію.

Обнародованіе сего указа на католиковъ произвело удручающее впечатлѣніе, но зато несказанно обрадовало уніатовъ, а между ними больше всѣхъ Іосифа Сѣмашку. Онъ понялъ, что правительство становится на сторону угнетенной уніатской церкви и намѣревается спасти ее отъ окончательнаго поглощенія римскою церковью.

Воодушевленный послѣднимъ именнымъ указомъ, Іосифъ Сѣмашко задумалъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и только ждалъ случая, чтобы высказать русскому правительству свои задуманныя мысли

---

[1]) При Павлѣ I католикамъ разрѣшено было строить небольшія часовни среди русскаго населенія, если только тамъ было какое-нибудь мѣсто чѣмъ нибудь замѣчательное въ религіозномъ отношеніи для нихъ. Но католическое духовенство очень часто злоупотребляло этимъ дозволеніемъ: нерѣдко вмѣсто часовни воздвигался цѣлый костелъ, начиналось совершаться богослуженіе и затѣмъ пропаганда.

[2]) Эти два постановленія, очевидно, направлены были противъ поступленія въ Базиліанскій орденъ католиковъ и поляковъ. Выше уже говорено было, что папа съ цѣлію скорѣе олатинизировать уніатское духовенство и мірянъ этого исповѣданія дозволилъ поступать въ базиліанскіе монастыри католикамъ-полякамъ; охотниковъ на это находилось очень много, потому что базиліане получали огромные доходы, ни отъ кого не зависѣли и въ добавокъ имъ же раздавались самыя высшія духовныя должности въ уніатской церкви. Теперь же всему этому полагался конецъ.

касательно дальнѣйшей судьбы уніатской церкви. Случай этотъ скоро представился. 5-го ноября 1827 г. Сѣмашко, по дѣлу совращенія въ Волынской губерніи уніатовъ въ латинство, былъ приглашенъ къ тогдашнему директору департамента иностранныхъ исповѣданій Карташевскому. Въ разговорѣ съ симъ послѣднимъ Сѣмашко яркими красками изобразилъ страданіе уніатовъ отъ несправедливости латинянъ и въ то же время просилъ спасти ихъ или, по крайней мѣрѣ, облегчить ихъ положеніе, а для этого онъ предлагалъ прежде всего отдѣлить уніатскую церковь отъ католической въ административномъ отношеніи и сократить число базиліанскихъ монастырей, какъ весьма вредныхъ относительно благосостоянія уніатской церкви. Въ то же время Сѣмашко высказалъ и ту мысль, что уніатскій народъ насильно и несправедливо отторгнутъ былъ отъ православія и что соединеніе его съ православною церковью было бы очень желательно. Разговоръ этотъ сильно подѣйствовалъ на Карташевскаго: онъ понялъ, что молодой уніатскій каноникъ глубокаго ума и притомъ человѣкъ смѣлый, рѣшительный и говорящій правду. Прощаясь съ нимъ, Карташевскій просилъ Сѣмашку изложить свои мысли относительно положенія уніатской церкви и ея дальнѣйшей судьбы въ докладной къ нему запискѣ. Чрезъ три дня записка была представлена директору департамента. Въ ней Іосифъ Сѣмашко изложилъ подробно исторію уніи и тѣ способы, какими она была введена. Ярко также изобразилъ въ своей запискѣ и всѣ тѣ средства, какія латиняне употребляли и употребляютъ, чтобы олатинить уніатовъ. Но съ особенною рельефностью онъ въ своей запискѣ выставилъ дѣятельность базиліанъ и тотъ вредъ, какой они принесли и приносятъ не только уніатской церкви, но и всему краю. Въ заключеніе Сѣмашко предложилъ съ своей стороны средства какъ спасти отъ латинской гибели болѣе 1,500 уніатскихъ приходовъ.

Принявши докладную записку отъ Сѣмашки, Карташевскій немедленно передалъ ее министру народнаго просвѣщенія Шишкову, заправлявшему въ то же время и дѣлами иностранныхъ исповѣданій, для доставленія государю императору, но такъ какъ Шишковъ въ это время заболѣлъ, то записка Іосифа Сѣмашки представлена была Николаю Павловичу товарищемъ Шишкова Блудовымъ. Государь, прочитавши записку Сѣмашки, сразу понялъ глубокое значеніе ея для Россіи и оцѣнилъ составителя ея. Онъ сейчасъ же призвалъ къ себѣ Блудова и приказалъ ему взять Сѣмашку подъ свое покровительство и вмѣстѣ съ нимъ выработать проектъ дальнѣйшей судьбы уніатской церкви.

Блудовъ, будучи человѣкомъ глубоко образованнымъ и истинно русскимъ гражданиномъ, принялъ самое дѣятельное участіе какъ въ судьбѣ уніи, такъ и въ судьбѣ самого Сѣмашки. Послѣдняго онъ принялъ въ свой домъ какъ родного, обласкалъ и познакомилъ со многими высокопоставленными лицами того времени. Затѣмъ они оба, т. е.

Блудовъ и Сѣмашко, энергически взялись за дѣло уніи и результатомъ чего былъ обнародованъ 28-го апрѣля 1828 г. высочайшій указъ такого рода:

I. Въ административномъ отношеніи греко-уніатская церковь отдѣляется отъ католической. Для управленія ею учреждается особая коллегія, состоящая изъ предсѣдателя—митрополита уніатовъ, одного епископа, одного архимандрита и четырехъ протоіереевъ. Коллегіи этой, между прочимъ, поставлялось въ обязанность, чтобы она позаботилась объ очищеніи уніатской церкви отъ примѣси чуждыхъ ей обрядовъ и о возстановленіи той чистоты ея, которая сохранялась на точномъ основаніи грамотъ 1595 г., положившихъ начало уніи.

II. Уніатская церковь раздѣляется на двѣ епархіи: Бѣлорусскую, съ главнымъ городомъ Полоцкомъ, и Литовскую, съ главнымъ городомъ Брестомъ.

III. Приказывалось немедленно завести для уніатовъ, готовившимся къ духовному званію, училища, семинаріи, а въ Полоцкѣ академію. Средства же на это разрѣшалось взять изъ имѣній Базиліанскаго ордена и двухъ упраздняемыхъ уніатскихъ каѳедръ—виленской и луцкой.

IV. Всѣ базиліанскіе монастыри подчиняются мѣстному епархіальному начальству, причемъ базиліанамъ запрещалось больше вмѣшиваться въ дѣла уніатской церкви; при этомъ еще коллегіи давалась власть закрывать базиліанскіе монастыри, какіе она найдетъ нужнымъ.

Обнародованіе сего указа произвело сильное впечатлѣніе на уніатское духовенство и притомъ неодинаковое: однихъ этотъ указъ обрадовалъ, а другихъ опечалилъ. Бѣлое уніатское духовенство, стоявшее на народной почвѣ, отъ сего указа пришло въ неописанный восторгъ, тогда какъ черное уніатское духовенство, т. е. базиліане, въ ужасъ пришло отъ него. Но такъ какъ базиліане—это уніатскіе іезуиты—всегда дѣйствовали въ польско-католическомъ духѣ, то они были любимцами какъ поляковъ, такъ и самого папы, а потому, лишь только обнародованъ былъ вышеизложенный высочайшій указъ, какъ поляки, такъ и папа горой стали за своихъ любимцевъ. Первые же, впрочемъ, боясь открыто выступить на защиту базиліанъ, стали дѣйствовать въ пользу ихъ путемъ тайнымъ и притомъ не вполнѣ благовидным: прежде всего они прибѣгли къ анонимнымъ письмамъ, въ которыхъ базиліане выставлялись какъ люди великіе и необходимые, даже съ точки зрѣнія русской, для Юго-западнаго края, а бѣлое духовенство смѣшивалось съ грязью [1]); а затѣмъ, когда это не помогло и когда

---

[1]) Такъ, въ это время чрезъ Варшаву пущено было въ самыя высшія правительственныя сферы анонимное письмо, въ которомъ распоряженіе правительства о преобразованіи уніатской церкви и сокращеніи базиліанскихъ мона-

дѣйствительно начали закрывать лишніе базиліанскіе монастыри, стали подговаривать крестьянъ, чтобы тѣ производили возстанія и бунты по поводу этого закрытія. Послѣдній же, т. е. папа, повелъ дѣло открыто, предъ лицомъ всей Европы, именно путемъ дипломатическимъ. Въ 1829 г. папа завелъ съ русскимъ правительствомъ цѣлую переписку, въ которой святой отецъ энергически протестовалъ противъ преобразованія уніатской церкви и особенно противъ закрытія базиліанскихъ монастырей. Но русское правительство твердымъ осталось въ своихъ дѣйствіяхъ. На папскій протестъ, по порученію государя императора Николая Павловича, отвѣтилъ Іосифъ Сѣмашко. Въ этомъ отвѣтѣ, между прочимъ, ясно было сказано, что преобразованіе уніатской церкви и сокращеніе лишнихъ базиліанскихъ монастырей есть дѣло чисто внутреннее, домашнее, до котораго нѣтъ никому дѣла, а тѣмъ болѣе ему, папѣ, такъ какъ его же предшественники дали торжественное обѣщаніе не вводить въ унію ничего непринадлежащаго греческой церкви, а русское правительство именно преобразованіемъ уніатской церкви и стремится возвратить ее къ древней, первобытной чистотѣ. Такой твердый и рѣшительный отвѣтъ русскаго правительства на протестъ папы такъ смутилъ св. отца, что тотъ на долгое время присмирѣлъ.

Между тѣмъ какъ велась переписка съ римскимъ первосвященникомъ, преобразованіе уніатской церкви шло своимъ чередомъ. Оно началось сейчасъ же послѣ изданія высочайшаго апрѣльскаго указа. Прежде всего преобразованіе это коснулось административнаго управленія уніатской церкви. Согласно высочайшему приказу, въ Петербургѣ основана была особая уніатская коллегія, вѣдѣнію которой поручались всѣ дѣла уніатской церкви. Предсѣдателемъ этой коллегіи былъ уніатскій митрополитъ Булгакъ (брестскій архіепископъ), а помощникомъ его Іосифъ Сѣмашко, который скоро потомъ былъ хиротонисанъ въ епископы. Затѣмъ коллегіи поручено было обревизовать всѣ базиліанскіе монастыри, а которые изъ нихъ найдутся ненужными—упразднить. Коллегія съ жаромъ взялась за это дѣло; въ продолженіе какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ она закрыла ихъ болѣе 60-ти, а имѣнія и фундуши съ высочайшаго согласія обратила на содержаніе уніатскихъ школъ и бѣлаго уніатскаго духовенства [1]). Потомъ приступлено было

стырей представлялось какъ слѣдствіе недостойной интриги бѣлаго уніатскаго духовенства. Базиліане, между прочимъ, въ этомъ письмѣ выставлены были двигателями истины и просвѣщенія и сравнены съ іезуитами римской церкви, а это сравненіе и погубило все дѣло: говорятъ, императоръ, прочитавши это письмо, сказалъ: „вотъ потому-то я уничтожу базиліанъ, что они похожи на іезуитовъ“.

[1]) Положеніе бѣлаго уніатскаго духовенства въ это время въ матеріальномъ отношеніи было самое печальное: на каждаго, напримѣръ, приходскаго священ-

къ основанію учебныхъ заведеній и, между прочимъ, духовной семинаріи. Послѣдняя открыта была 7 октября 1828 г. въ жировицкомъ монастырѣ [1]). Но, не смотря на преобразованія, которыя производимы были въ уніатской церкви до польскаго мятежа 1831 г., никто, собственно говоря, не подымалъ серьезно вопроса о соединеніи уніатской церкви съ православною. Польское же возстаніе поставило этотъ вопросъ реб-

---

ника съ семействомъ приходилось въ годъ около 25 р. дохода, не болѣе, тогда какъ на каждаго члена Базиліанскаго ордена—около 500 руб.

Примѣчаніе. Для ознакомленія съ состояніемъ бѣлаго уніатскаго духовенства предъ возсоединеніемъ уніатовъ съ православною церковью см. „Литовскія Епархіальныя Вѣдомости“ за 1867 г., гдѣ помѣщенъ цѣлый рядъ статей протоіерея Плакиды Янковскаго „На рубежѣ“.

[1]) Открытіе жировицкой духовной семинаріи имѣло громадное значеніе въ дѣлѣ возсоединенія. Воспитанники ея, поступая на приходы въ качествѣ священно и церковно-служителей, распространяли въ народной массѣ взгляды своихъ преподавателей относительно сближенія уніатской церкви съ православною и, такимъ образомъ, подготовляли ее къ сему сближенію.

Подборъ преподавателей въ этой новооткрытой семинаріи былъ самый превосходный, именно: ректоръ семинаріи, магистръ богословія, протоіерей Антоній Зубко, впослѣдствіи архіепископъ, умеръ, какъ мы уже говорили, 1884 г.; извѣстенъ своимъ трактатомъ „О греко-уніатской церкви въ Россіи“. Въ семинаріи онъ преподавалъ всеобщую и русскую исторію. Инспекторъ, докторъ богословія и церковнаго права, Михаилъ Голубовичъ. Преподавалъ догматическое богословіе. Впослѣдствіи былъ минскимъ архіепископомъ. Живетъ до сего времени на покоѣ въ м. Жировицахъ. Преподаватель священнаго писанія, магистръ богословія, священникъ Іоаннъ Желязовскій. Преподаватель нравственнаго богословія, магистръ богословія, священникъ Іосифъ Еліашевичъ. Преподаватель догматическаго богословія, докторъ богословія, протоіерей Плакида Янковскій. Преподаватель церковной исторіи и французскаго языка, магистръ богословія, священникъ Ѳома Малышевскій. Преподаватель россійской словесности, кандидатъ богословія, монахъ Ѳеодосій Яржинскій, и другіе. Отличаясь глубокою ученостію и необыкновеннымъ трудолюбіемъ, всѣ они въ то же время искренно преданы были русскому правительству и дѣлу преобразованія уніатской церкви въ духѣ греко-восточнаго направленія. По словамъ Антонія Зубки, всѣ преподаватели жили между собою въ необыкновенномъ согласіи и составляли какъ бы одну семью, которая трудилась и работала для блага уніатовъ. „Здѣсь, говоритъ Зубко, въ тиши, въ уединеніи выработался и созрѣлъ независимо отъ латино-польскихъ вліяній взглядъ на жизнь, на Россію, на Польшу, на православіе, римскій-католицизмъ и унію, а затѣмъ чрезъ нашихъ питомцевъ распространялся по всему краю; однимъ словомъ: здѣсь началось и созрѣло дѣло возсоединенія“.

О значеніи литовской духовной семинаріи см. „Историческую записку“ о ней протоіерея Котовича по поводу юбилея этой семинаріи, бывшаго въ 1878 году 7 октября. Записка помѣщена въ особой брошюрѣ, изданной въ память сего юбилея. А также о значеніи семинаріи см. проповѣдь Іосифа Сѣмашки, сказанную 8-го мая 1845 г., помѣщенную въ „Собраніи словъ и рѣчей его“, и статьи проф. Ивана Иванов. Юркевича подъ заглавіемъ „Историческій очеркъ литовской епархіальной семинаріи“. Литовскія Епарх. Вѣдомости за 1866 г.

ромъ, такъ сказать. Оно показало до очевидности, какъ вредно для Россіи латинское направленіе въ уніи. Вслѣдствіе этого возсоединеніе уніатовъ, послѣ мятежа, въ глазахъ русскаго правительства получило характеръ въ высшей степени политическій, а потому русское правительство вмѣстѣ съ Іосифомъ Сѣмашкою стало торопиться рѣшеніемъ сего вопроса. Тогда же, между прочимъ, рѣшено было приступить къ окончательному устройству единства богослуженія и обрядности въ уніатской церкви съ православною. По поводу этого 4 февраля 1834 г. въ Полоцкѣ въ одной изъ греко-уніатскихъ церквей составилось торжественное засѣданіе изъ слѣдующихъ лицъ: уніатскаго митрополита Іосифа Булгака, епископовъ: литовскаго Іосифа Сѣмашки, оршанскаго Василія Лужинскаго, брестскаго Антонія Зубко и пинскаго Іосафата Жарскаго [1]) и асессоровъ коллегіи: Василія Маркевича и протоіерея Пельховскаго. На этомъ засѣданіи положено было: а) ввести во всѣхъ уніатскихъ церквахъ богослужебныя книги московскаго изданія; б) устроить въ нихъ такіе же иконостасы, какіе существуютъ и въ православныхъ церквахъ; в) употреблять при уніатскомъ богослуженіи церковную утварь подобно той, какая существуетъ и въ православныхъ церквахъ. Такимъ образомъ, уніатская церковь, благодаря симъ постановленіямъ, совершенно уподобилась и по внутреннему своему устройству, и по внѣшнему виду православной церкви. По словамъ преосвященнаго Антонія Зубки, оставившаго намъ свое знаменитое сочиненіе: „Трактатъ о греко-уніатской церкви“, постановленія февральскаго уніатскаго засѣданія всѣ настоятели приходскихъ уніатскихъ церквей приняли безъ всякаго протеста, за исключеніемъ весьма малаго числа [2]); но при этомъ замѣчаетъ, что въ то же время и всѣ догадались, что дѣло шло къ соединенію съ православною церковью.

---

[1]) Антоній Зубко и Василій Лужинскій были главными помощниками Сѣмашки въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ. Много также потрудился на пользу Россіи и православія Іосафатъ Жарскій. Жарскій сначала былъ католикомъ, затѣмъ поступилъ въ орденъ базиліанъ и былъ въ немъ протоархимандритомъ, а наконецъ принялъ православіе и умеръ пинскимъ епископомъ, не дождавшись, впрочемъ, всеобщаго возсоединенія уніатовъ съ православною церковью.

[2]) Изъ 700 настоятелей уніатскихъ церквей не хотѣли принять только 20 священниковъ. Они думали, что имъ намѣреваются навязать какую-то новую религію; но когда объяснили имъ, что распоряженіями своими коллегія желаетъ только возвратить уніатскую церковь къ той первобытной чистотѣ, которая была у нея до 1596 г., т. е. предъ введеніемъ уніи, и которая искажена латинскими нововведеніями, то и эти 20 человѣкъ подчинились распоряженіямъ своего начальства. Трое только остались непреклонными: двое изъ нихъ вышли затѣмъ въ свѣтское званіе, а третій подчинился, когда уже всѣ приняли распоряженіе коллегіи. Но къ сему не лишнимъ считаемъ прибавить, что заграничная печать, благодаря услужливости поляковъ, число этихъ протестовавшихъ 20 священниковъ раздула до невѣроятныхъ размѣровъ, и все дѣло представлено было съ самой черной стороны.

Такъ какъ введеніемъ трехъ вышеозначенныхъ постановленій февральскаго засѣданія уніатская церковь была окончательно подготовлена къ соединенію съ православною, то главный дѣятель всего этого Сѣмашко сдѣлалъ распоряженіе отъ лица всей коллегіи собирать подписи отъ настоятелей уніатскихъ церквей о желаніи ихъ соединиться съ православною церковью. Въ концѣ 1834 г. онъ самъ принялъ православіе въ С.-Петербургѣ.

Подписка о желаніи уніатовъ присоединиться къ православной церкви шла въ продолженіе пяти лѣтъ. Конечно, подписка эта могла бы идти и быстрѣе, но иниціаторы сего дѣла не хотѣли торопиться, чтобы этимъ не произвести насилованія чужой совѣсти. Поэтому подписка шла добровольно, безъ всякаго понужденія административныхъ властей, какъ это говорено было и писано поляками за границею. Къ началу 1839 г. всѣхъ подписавшихся уніатскихъ священниковъ и подавшихъ отдѣльныя просьбы о присоединеніи къ православію было 1305 человѣкъ.

12 февраля 1839 г. въ городѣ Полоцкѣ собрались всѣ уніатскіе епископы [1]) и тутъ вмѣстѣ съ прочимъ знатнѣйшимъ духовенствомъ составили актъ отъ лица всей уніатской церкви о возсоединеніи членовъ ея съ православіемъ. Въ томъ же мѣсяцѣ преосвященный Іосифъ Сѣмашко представилъ этотъ актъ государю императору Николаю I, а государь императоръ 1-го марта препроводилъ его на разсмотрѣніе св. сѵнода. Сѵнодъ, разсмотрѣвши этотъ актъ, одобрилъ его и снова представилъ государю императору. 25 марта, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Николай I собственноручно на актѣ написалъ: „Благодарю Бога и принимаю".

30 марта Св. сѵнодъ въ полномъ своемъ составѣ выслушалъ высочайшее утвержденіе о присоединеніи къ православной церкви уніатовъ и затѣмъ, возблагодаривъ Бога, сдѣлалъ распоряженіе о приведеніи монаршей воли въ исполненіе. Въ этомъ же собраніи Сѣмашко получилъ санъ архіепископа. Всѣхъ уніатовъ въ это время присоединилось около 2,000,000 человѣкъ.

Въ память сего событія была вычеканена особая медаль. На одной сторонѣ медали изображенъ нерукотворенный образъ Спасителя (т. е. голова І. Христа), какъ Единаго истиннаго главы церкви; вокругъ надпись: „Такова имамы Первосвященника" (посланіе св. апостола Петра къ евреямъ, гл. 8, ст. 1); внизу написано: „Отторгнутые насиліемъ 1596, а возсоединенные любовію 1839 г." На другой—животворящій крестъ Господень въ лучезарномъ сіяніи, по сторонамъ котораго надпись: „Торжество православія", а внизу—„25 марта 1839 г.".

---

[1]) За исключеніемъ митрополита Булгака и Іосафата Жарскаго: они передъ этимъ только что умерли.

Такъ кончила свое существованіе литовская церковная унія, принесшая Западно-русскому краю столько зла.

Совершивъ актъ соединенія уніатовъ съ православною церковью, архіепископъ Іосифъ Сѣмашко обратилъ все свое вниманіе на внутреннее устройство Сѣверо-западнаго края. Одною изъ главныхъ заботъ его была забота объ образованіи. Въ 1845 г. литовская духовная семинарія изъ Жировицъ перенесена была въ Вильну и помѣщена въ зданіи Троицкаго монастыря. Объ этомъ учебномъ заведеніи Сѣмашко заботился какъ отецъ; затѣмъ онъ обратилъ свое вниманіе на народное образованіе: онъ приказалъ священникамъ при каждой церкви завести приходскую школу; думалъ даже основать и академію, но это ему почему-то не удалось. Но, заводя мужскія учебныя заведенія въ Литвѣ, Сѣмашко не оставилъ безъ вниманія и женскаго образованія. Въ 1861 г. онъ основалъ въ Вильнѣ училище для дѣвицъ духовнаго званія съ 90 казенными воспитанницами.

Занимаясь обрусеніемъ Сѣверо-западнаго края, архіепископъ Сѣмашко зорко слѣдилъ и за поляками. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ русское правительство, будучи занято восточною войною, стало мало обращать вниманія на Сѣверо-западный край. Оно довольствовалось только оффиціальными донесеніями, что въ краѣ все обстоитъ благополучно. А между тѣмъ, это было не такъ: поляки, составляя большинство въ краѣ и пользуясь тѣмъ, что русское правительство стало мало обращать вниманія на нихъ, начали мало-по-малу готовиться къ новому возстанію; тѣмъ болѣе это было имъ возможно, что въ Сѣверо-западномъ краѣ почти всѣ административныя должности были въ ихъ рукахъ. Преосвященный Іосифъ Сѣмашко первый изъ всѣхъ русскихъ административныхъ лицъ въ семъ краѣ видѣлъ истинное положеніе дѣлъ и понималъ намѣренія поляковъ. Поэтому онъ, желая предотвратить грозящую опасность, 1855 г. 10 января подалъ оберъ-прокурору Св. сѵнода, графу Протасову, докладную записку. Въ этой запискѣ Сѣмашко прежде всего выставилъ на видъ, что преобладающее предъ православными число административныхъ лицъ въ краѣ польской національности можетъ очень вредно отозваться на краѣ, а потому онъ просилъ прокурора, чтобы въ Западный край прислать какъ можно болѣе русскихъ и православныхъ лицъ для занятія должностей [1]). Затѣмъ онъ въ своей запискѣ доводилъ до свѣдѣнія, что между поля-

---

[1]) Въ запискѣ своей Іосифъ Сѣмашко для наглядности, между прочимъ, приложилъ таблицу, въ которой въ цифрахъ показалъ, сколько православныхъ чиновниковъ находится въ губерніяхъ Виленской и Гродненской и сколько не православныхъ. Всѣхъ старшихъ чиновниковъ въ вышеозначенныхъ двухъ губерніяхъ 723 человѣка; изъ нихъ православныхъ 140, нѣмцевъ и татаръ около 70 и болѣе 500 католиковъ. См. Дылевскаго „Іосифъ Сѣмашко, митрополитъ литовскій“. 1869 г. Спб.

ками и теперь уже въ краѣ происходитъ что-то подозрительное. Но правительство, вслѣдствіе смерти императора Николая I и неудачныхъ военныхъ дѣйствій въ Крыму, не обратило должнаго вниманія на донесеніе Сѣмашки, а между прочимъ предчувствіе его сбылось: черезъ пять лѣтъ, какъ извѣстно, вспыхнулъ второй польскій мятежъ, къ изложенію котораго мы теперь и приступимъ.

Александръ II.

1855 г. 18 февраля скончался государь императоръ Николай I. На престолъ вступилъ сынъ его Александръ II, человѣкъ рѣдкой доброты, благороднаго сердца, великой души и до страсти преданный благу своего народа. Двадцатишестилѣтнее царствованіе его, какъ извѣстно, наполнено многими великими и славными дѣлами, особенно внутренними. Но мы не будемъ описывать сихъ дѣлъ, такъ какъ это не относится къ задачѣ излагаемой нами исторіи, мы остановимся именно на тѣхъ только событіяхъ, которыя случились въ царствованіе этого императора въ областяхъ бывшаго Литовскаго государства.

Польскій мятежъ. [1]) За свое первое возстаніе поляки, какъ извѣстно, были сильно наказаны императоромъ Николаемъ I: у нихъ отнята была конституція, отобраны привилегіи и все Царство Польское въ административномъ отношеніи сравнено съ собственною Россіею. Но кромѣ этого, императоръ Николай, чтобы поляки не вздумали въ другой разъ поднять возстаніе, построилъ цитадель противъ Варшавы, какъ главномъ пунктѣ, куда обыкновенно собирались мятежники, вооружилъ ее пушками самаго тяжелаго калибра и затѣмъ, прибывши въ этотъ городъ, призвалъ въ залъ дворянскаго собранія польскую интеллигенцію и сказалъ ей: „если вы еще разъ рѣшитесь поднять бунтъ, то я разрушу вашъ городъ до основанія, не оставлю камня на камнѣ и при этомъ завѣряю васъ, что вашу столицу не возстановятъ ни я, ни мои наслѣдники“. И дѣйствительно, послѣ этихъ грозныхъ словъ, поляки сидѣли спокойно, пока не вступилъ на русскій престолъ сынъ его Александръ II, при которомъ они и подняли новый бунтъ.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ между мелкими итальянскими государствами обнаружилось стремленіе къ объединенію въ одно политическое тѣло. Благодаря помощи французскаго императора Наполеона III, стремленіе это отчасти дѣйствительно осуществилось въ 1859

---

[1]) О польскомъ мятежѣ см. „Записки Берга о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ“, М. 1883 г. Русскій Вѣстникъ за 1869 г. статья С. А. Райковскаго подъ заглавіемъ: „Польская молодежь Западнаго края въ мятежѣ за 1861-1864 г.“ Павлищева „Седмицы польскаго мятежа за 1861-1864 г.“ Спб. 1887. Вѣстникъ З. Россіи и Епархіальныя Литовскія Вѣдомости за 1864, 1865 и 1866 г.

году, но при этомъ, какъ извѣстно, Австрія поплатилась Ломбардіею: она должна была уступить ее сардинскому королю Виктору Эммануилу. Поляки же, между прочимъ, увлеклись этимъ примѣромъ: они рѣшились поднять возстаніе противъ Россіи, разсчитывая при этомъ на содѣйствіе того же Наполеона III, который помогалъ ломбардцамъ и Виктору Эммануилу и который въ это время уже начиналъ играть первенствующую роль въ европейской дипломатіи.

Возстаніе началось и на этотъ разъ, какъ и въ 1831 году, въ Варшавѣ. Въ первый разъ возстаніе это обнаружилось 19-го февраля 1861, въ годовщину Гроховской битвы. Въ этотъ день въ Варшавѣ на площади такъ называемой „Старый рынокъ“ собралась необозримая толпа поляковъ. Около 12-ти часовъ изъ костела св. Паулины, находившагося на этой площади, выступила процессія. Впереди этой процессіи несли польское знамя, на которомъ изображенъ былъ бѣлый орелъ на красномъ полѣ. Народъ встрѣтилъ процессію восторженными криками: „ да здравствуетъ Польша, долой москалей!“ Произошло смятеніе. Вмѣшалась полиція и дѣло кончилось тѣмъ, что на площади осталось нѣсколько убитыхъ и раненныхъ поляковъ. По поводу убитыхъ польскія женщины и большинство мужчинъ наложили трауръ, а ксендзы въ костелахъ служили заупокойныя обѣдни, говорили проповѣди, въ которыхъ какъ бы отъ лица Самого Бога посылали проклятія и гибель русскимъ и ихъ исповѣданію. На третій день, когда стали погребать убитыхъ, опять произошло столкновеніе между народомъ и полиціею и опять кончилось тѣмъ же, чѣмъ и въ прошлый разъ. Послѣ этого народонаселеніе приняло угрожающій характеръ.

Въ сіе время намѣстникомъ Царства Польскаго былъ князь Горчаковъ. Чтобы хоть сколько-нибудь успокоить взволновавшихся жителей Варшавы, Горчаковъ пригласилъ къ себѣ главныхъ представителей польской національности и просилъ ихъ самихъ объ успокоеніи гражданъ. Тогда же, между прочимъ, онъ позволилъ имъ составить и подать адресъ императору, съ изложеніемъ въ немъ своихъ желаній. Адресъ составленъ былъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ. Въ немъ поляки просили возстановить въ Царствѣ Польскомъ національное правленіе и даровать нѣкоторыя вольности дворянству. Адресъ императоромъ былъ принятъ и въ отвѣтъ на него 26-го мая изданъ былъ указъ, въ которомъ оповѣщалось, что въ непродолжительномъ времени при варшавскомъ намѣстничествѣ будетъ устроено особое отдѣленіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго образованія, а также— польскій государственный совѣтъ и выборные окружные и муниципальные совѣты. Словомъ, полякамъ предполагалось дать все то, чего они просили въ адресѣ. Но поляки, какъ извѣстно, вслѣдствіе природнаго отсутствія въ нихъ политическаго такта и способности сдерживать въ границахъ свои чувства, никогда не умѣли пользоваться тѣмъ, что

имъ давали и спокойно, безъ увлеченій, переходить отъ одной уступки къ другой: они всегда требовали или всего сразу, или ничего. То же самое было и теперь: уступки русскаго правительства не только не удовлетворили ихъ, но еще болѣе сдѣлали требовательными и притомъ, считая это слабостію и боязнію русскаго правительства предъ ними, они возобновили свои волненія еще съ большею силою. Къ концу октября волненія эти охватили все Царство Польское и русское правительство принуждено было всю эту страну объявить на военномъ положеніи.

Въ іюнѣ 1862 г. императоръ Александръ II назначилъ намѣстникомъ Царства Польскаго брата своего Константина Николаевича, а гражданское правленіе ввѣрилъ поляку маркизу Велепольскому. Оба они думали миролюбивыми и кроткими мѣрами успокоить народъ; сдѣлано было много новыхъ уступокъ: такъ, между прочимъ, губернаторами губерній Царства Польскаго назначены были по большей части поляки; тогда же великій князь Константинъ Николаевичъ и Велепольскій объявили, что немедленно приступлено будетъ къ кореннымъ реформамъ страны согласно желанію поляковъ. Но все было напрасно: два покушенія на жизнь Велепольскаго выставили націю въ настоящемъ ея видѣ: ясно было, что она неисправима и неспособна къ выжидательной политикѣ, хотя бы ей грозила гибель.

Въ половинѣ сентября варшавское дворянство подъ вліяніемъ графа Замойскаго представило адресъ къ намѣстнику, въ которомъ оно категорически и даже дерзко заявляло, что до тѣхъ поръ будетъ дѣйствовать противъ русскаго правительства, пока оно не соединитъ съ Царствомъ Польскимъ всѣ его оторванныя области: Литву, Бѣлоруссію, Волынь, Подоліе и Малороссію и не отдастъ его для управленія самимъ полякамъ. Словомъ, пока русское правительство не возстановитъ Польши въ предѣлахъ 1772 г. въ качествѣ независимаго государства. „Мы, говорили дворяне въ своемъ адресѣ, любимъ наше отечество въ цѣломъ, въ границахъ, указанныхъ ему Богомъ, утвержденнымъ преданіемъ, свободнымъ и ни отъ кого не зависимымъ".

Въ октябрѣ 1862 г. Константинъ Николаевичъ открылъ въ Варшавѣ засѣданіе государственнаго совѣта. Въ рѣчи, произнесенной по сему случаю, великій князь снова увѣрялъ поляковъ, что скоро приступлено будетъ къ радикальнымъ реформамъ въ Царствѣ Польскомъ, только просилъ польское дворянство быть терпѣливымъ, имѣть довѣріе къ правительству и помогать ему, если оно желаетъ добра націи. Но эти завѣренія и просьбы остались безъ всякихъ послѣдствій: „польской шляхтѣ, по словамъ одного нѣмецкаго историка, пріятнѣе было составлять несбыточные планы, тайныя сходки и въ безцѣльной суетѣ сновать изъ угла въ уголъ, скакать изъ одного имѣнія въ другое, по-

забывая необходимыя работы въ домѣ, не заботясь ни о чемъ въ хозяйствѣ и не уплачивая ни долговъ, ни процентовъ".

Между тѣмъ, пламя бунта все болѣе и болѣе разгоралось и наконецъ, по случаю рекрутскаго набора, достигло своего апогея. Дѣло вотъ въ чемъ: въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Царствѣ Польскомъ образовался огромный контингентъ лицъ, преимущественно изъ шляхетскаго званія, которыя рѣшительно ничего не дѣлали и не хотѣли ничего дѣлать. Большая часть ихъ занималась темными дѣлами и вела себя въ высшей степени предосудительно, особенно въ послѣднихъ манифестаціяхъ. Чтобы избавиться отъ этихъ безпокойныхъ и даже опасныхъ лицъ, русское правительство въ ноябрѣ сего 1862 г. сдѣлало предписаніе полицейскимъ властямъ брать ихъ въ солдаты. Полиція, приводя въ исполненіе это предписаніе, начала дѣйствовать энергично, а сіе послѣднее и было причиною новымъ и гораздо большимъ безпорядкамъ, чѣмъ прежде. При этомъ еще произошло то, что громадное большинство молодыхъ людей вышеозначенной категоріи, боясь попасться въ руки полиціи, бросало дома родителей или родственниковъ и бѣжало въ лѣса, гдѣ и составляло шайки и банды, чтобы противодѣйствовать русскимъ властямъ во всемъ.

Вслѣдъ за этимъ въ Варшавѣ образовался тайный центральный комитетъ, который, между прочимъ, опираясь на лѣсныя банды, сталъ разсылать польскому народу одинъ за другимъ свои декреты съ тѣмъ или другимъ предписаніемъ. Первымъ декретомъ центральный варшавскій революціонный комитетъ назначилъ диктаторомъ нѣкоего Мѣрославскаго, вторымъ объявлялъ, что всѣ поземельные собственники освобождаются отъ всѣхъ обязательствъ, кромѣ добровольныхъ пожертвованій дѣлу революціи, третьимъ—строго запрещалось прусскимъ и австрійскимъ польскимъ провинціямъ принимать участіе въ возстаніи, за исключеніемъ денежныхъ пожертвованій, и четвертымъ, наконецъ, назначались городскіе головы, которыхъ обязаны всѣ слушаться безпрекословно подъ страхомъ смертной казни.

Мѣрославскій, принявши диктаторскую должность, началъ формировать войско. 19-го февраля 1863 г. онъ напалъ было на одинъ изъ русскихъ отрядовъ, но былъ разбитъ на голову; этимъ роль его и кончилась: онъ сошелъ со сцены. Послѣ Мѣрославскаго центральный комитетъ назначилъ другого диктатора, нѣкоего пана Лянгевича, и онъ продержался въ своемъ званіи не долго: преслѣдуемый русскими, бѣжалъ на австрійскую границу, гдѣ, пойманный властями, заключенъ въ тюрьму. Тогда революціонный комитетъ взялъ власть въ свои руки, но дѣло отъ этого нисколько не улучшилось, хотя онъ и нашелъ дѣятельную поддержку въ католическомъ духовенствѣ, которое съ февраля 1863 г. почти явно примкнуло къ нему. Архіепископъ Филинскій 15-го марта послалъ письмо къ государю императору, въ

которомъ, между прочимъ, писалъ: „возьмите твердою рукою инициативу въ польскомъ вопросѣ и сдѣлайте изъ Польши независимый народъ, связуемый съ Россіею только нынѣ царствующею династіею, это единственный путь для разрѣшенія задачи, изъ-за которой проливается кровь". Письмо это, какъ и слѣдовало ожидать, осталось безъ отвѣта, да и самъ онъ, впрочемъ, скоро былъ арестованъ и сосланъ въ Ярославль.

Вслѣдъ за возстаніемъ въ Царствѣ Польскомъ, началось возстаніе и въ Литвѣ. 31-го марта въ городѣ Вильнѣ образовалось національное управленіе, объявившее присоединеніе Литвы и Бѣлоруссіи къ Царству Польскому. А 9-го апрѣля оно вмѣстѣ съ варшавскимъ центральнымъ комитетомъ раздѣлило Польшу на 23 округа съ своими отдѣльными частными комитетами, которымъ предоставлялось право собирать подати, набирать рекрутъ и приводить въ исполненіе приговоры варшавскаго центральнаго комитета; въ то же время запрещалось платить подати Россіи.

Но, не смотря на все это, русское правительство еще разъ попыталось уладить дѣло мирнымъ путемъ: 13-го апрѣля оно издало указъ, которымъ обѣщалось всѣмъ прощеніе, если кто къ 1-му мая положитъ оружіе и явится съ повинною. Но на этотъ разъ центральный революціонный комитетъ издалъ свой универсалъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано было: „мы взялись за мечъ, такъ пусть же онъ и рѣшитъ наше дѣло съ Москвой". Представляя рѣшеніе дѣла своему мечу, возмутившіеся должны были и предвидѣть, чѣмъ это рѣшеніе кончится. Организованнаго войска у нихъ не было, были только нестройныя банды, разсыпанныя по лѣсамъ, уничтожить и разсѣять которыя русскимъ отрядамъ не представлялось большой трудности [1]).

---

[1]) Революціонеры хотѣли было произвести народное возстаніе, но это имъ не удалось: народъ, за весьма малымъ исключеніемъ, остался вѣренъ русскому правительству. Мало того, онъ еще въ это мятежное время счелъ самымъ удобнымъ случаемъ отомстить шляхтѣ, поднявшей знамя бунта, за свое вѣковое рабство, а вслѣдствіе этого польскій народъ не только помогалъ русскимъ войскамъ ловить мятежниковъ, но очень часто самъ лично надъ пойманными учинялъ жестокій самосудъ.

Примѣчаніе. Русское правительство, желая еще болѣе привлечь на свою сторону народъ, между прочимъ, въ началѣ 1864 г. издало въ Литвѣ слѣдующій указъ: а) всѣ условія и всѣ обязательства, заключенныя между крестьянами и помѣщиками съ мая 1863 г., считать недѣйствительными; б) съ этого времени крестьяне дѣлаются свободными собственниками тѣхъ чиншевыхъ (т. е. фундушевыхъ съ давняго времени) участковъ, которыми они владѣютъ, и в) всѣ денежные взносы, слѣдуемые помѣщикамъ, доставлять прямо правительству.

Между тѣмъ, на возстаніе поляковъ обратила вниманіе и западная Европа. Наполеонъ III уговорилъ Австрію и Англію заступиться за нихъ. 1863 г. 27-го іюня три вышеозначенныя державы чрезъ своихъ пословъ представили русскому правительству ноту такого содержанія: а) дать полную амнистію всѣмъ полякамъ, принимавшимъ участіе въ возстаніи; б) устроить національное правительство въ Польшѣ; в) отмѣнить всѣ ограниченія при исполненіи лицами римско-католическаго вѣроисповѣданія своего богослуженія и обрядности; г) признать польскій языкъ оффиціальнымъ языкомъ въ дѣлопроизводствѣ, и д) наконецъ, установить правильную, законами утвержденную, рекрутскую повинность. Въ заключеніе же двѣ державы—Франція и Англія—предложили еще русскому правительству объявить перемиріе и затѣмъ для окончательнаго умиротворенія края составить конференцію изъ восьми державъ, подписавшихся подъ вѣнскій трактатъ въ 1815 г.

Отъ сего вмѣшательства Европы въ дѣло возстанія поляки пришли въ неописанный восторгъ и сдѣлались еще дерзче и нахальнѣе съ русскими властями. Теперь всѣ ждали, что отвѣтитъ на коллективную ноту державъ русскій канцлеръ Горчаковъ; конечно, и въ голову никому не приходило, чтобы русское правительство не согласилось на требованіе западныхъ державъ, а между тѣмъ Горчаковъ въ своей знаменитой нотѣ на всѣ требованія ихъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Онъ твердо и категорически заявилъ, что русскій императоръ ни подъ какимъ видомъ не допуститъ ничьего вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи.

Три вышеозначенныхъ державы, проглотивши эту пилюлю, сконфуженныя ретировались назадъ въ своемъ дипломатическомъ походѣ на Россію и вновь было приготовленныя по сему дѣлу ноты положили подъ сукно. Участіе Европы въ этомъ дѣлѣ тѣмъ и кончилось.

А между тѣмъ въ то время, какъ происходила дипломатическая переписка съ европейскими державами по польскому дѣлу, Россія энергично продолжала усмирять возстаніе, которое къ зимѣ 1863 г. дѣйствительно было усмирено. Въ Царствѣ Польскомъ усмирилъ его помощникъ Константина Николаевича Бергъ, а въ Литвѣ и Бѣлоруссіи—Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Но собственно говоря, усмиреніе возстанія принадлежитъ сему послѣднему, на дѣятельности котораго мы теперь остановимся и тѣмъ закончимъ свою исторію.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ [1]).

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ по своей многосторонней общественной и государственной дѣятельности можетъ занять не послѣднее

---

[1]) О жизни М. Н. Муравьева есть сочиненіе Д. А. Кропотова. 1874 г. Спб. Но, впрочемъ, сочиненіе это неполное: оно доведено только до назначенія

мѣсто среди дѣятелей всемірной исторіи. А по тѣмъ кореннымъ измѣненіямъ, какія онъ произвелъ въ Сѣверо-западномъ краѣ относительно упроченія въ немъ русско-православныхъ началъ и по народной памяти къ нему за это, М. Н. Муравьевъ занялъ въ исторіи русской среди дѣятелей ея такое мѣсто, какое немногимъ выпало. Еще при жизни своей, какъ всѣмъ извѣстно, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ среди русскаго народа пріобрѣлъ такую популярность за свою дѣятельность въ Сѣверо-западномъ краѣ, какой раньше никто не пріобрѣталъ, за исключеніемъ развѣ царственныхъ особъ. И не удивительно, потому что Михаилъ Николаевичъ своею дѣятельностію въ Сѣверо-западномъ краѣ исполнилъ задушевныя желанія и политическіе взгляды всего истинно-русскаго народа на вышеозначенный край.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ родился въ 1796 г. 1 октября. Отецъ его въ это время былъ флотскимъ капитанъ-лейтенантомъ и жилъ въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ приходѣ церкви Благовѣщенія Пресв. Богородицы [1]). Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ домѣ своихъ родителей, въ имѣніи Сырѣцъ (Петербургской губерніи), подъ руководствомъ матери, о которой Михаилъ Николаевичъ до конца жизни вспоминалъ съ благоговѣніемъ. Въ 1809 г. М. Н. Муравьевъ поступилъ въ Московскій университетъ на физико-математическій факультетъ. Четырнадцати лѣтъ онъ основалъ изъ студентовъ университета математическое общество, въ которомъ читалъ аналитическую и начертательную геометрію. Въ 1811 г. М. Н. Муравьевъ вышелъ изъ университета и поступилъ въ полкъ. Во время Бородинской битвы Муравьевъ получилъ тяжелую рану. Въ 1818 г. М. Н. Муравьевъ женился на княжнѣ Шереметьевой, а въ 1820 г. вышелъ въ отставку и поселился въ селѣ Лазицахъ, въ имѣніи жены, находящемся въ Смоленской губерніи, Рославскаго уѣзда, въ 50 верстахъ отъ г. Рославля.

Въ отставкѣ М. Николаевичъ не долго находился. Но это время его жизни ознаменовано было тѣмъ, что онъ, подозрѣваемый въ заго-

---

М. Н. Муравьева гродненскимъ губернаторомъ. О дѣятельности же его въ Сѣверо-западномъ краѣ въ качествѣ генералъ-губернатора г. Вильны см. Русск. Стар. за 1882, 83 и 84 гг. За 1883 г. помѣщены его собственныя записки.

[1]) У отца Михаила Николаевича было всѣхъ дѣтей шесть человѣкъ: пять сыновей и одна дочь. Старшій сынъ Александръ, за участіе въ заговорѣ противъ правительства въ 1824 г., былъ сосланъ въ Сибирь, а по возвращеніи изъ нея получилъ мѣсто губернатора въ Нижегородской губерніи; умеръ сенаторомъ. Второй—Николай (умеръ 1866 г.); онъ отличался во многихъ сраженіяхъ, особенно при взятіи Карса во время Восточной войны, за что получилъ названіе „Карскаго". Третій сынъ—это былъ Михаилъ Николаевичъ. Четвертый—Андрей Николаевичъ—путешественникъ и писатель; онъ, между прочимъ, написалъ „Исторію русской церкви"; пятый—Николай Николаевичъ—карьеры не составилъ, но любилъ науки и особенно философію.

ворѣ противъ государственнаго строя, былъ арестованъ и нѣкоторое время содержался въ заключеніи [1]). Выпущенный затѣмъ на свободу, М. Николаевичъ поступилъ на гражданскую службу. Въ 1827 г. онъ былъ витебскимъ вице-губернаторомъ; въ 1828 г.—губернаторомъ могилевскимъ, а съ 1831 г. по 1834 г.—гродненскимъ губернаторомъ и потомъ курскимъ. Съ 1839 по 1842 г. М. Николаевичъ былъ директоромъ департамента податей и разныхъ сборовъ; затѣмъ управляющимъ межевого корпуса и предсѣдателемъ департамента удѣловъ, а съ 1857 г. по 1862 г. занималъ постъ министра государственныхъ имуществъ. Будучи министромъ государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьевъ принималъ дѣятельное участіе въ главномъ комитетѣ по устройству быта крестьянъ, а вслѣдствіе несогласія его видовъ съ господствующимъ мнѣніемъ, требовавшимъ освобожденія крестьянъ, вышелъ въ отставку.

По выходѣ въ отставку М. Николаевичъ жилъ въ Петербургѣ частнымъ человѣкомъ. О немъ въ это время какъ будто бы всѣ забыли. А между тѣмъ, въ это же самое время мятежъ и въ Польшѣ, и въ Литвѣ все болѣе и болѣе разгорался. Правительство же русское, угрожаемое сосѣдями, ставшими на сторону поляковъ, не рѣшалось принять энергическихъ мѣръ къ подавленію мятежа; оно по большей части ограничивалось одними палліативными мѣрами, а этимъ еще больше давало поводъ усиливаться мятежу, потому что поляки видѣли въ этомъ слабость и безсиліе русскаго правительства.

Въ Литвѣ въ это время былъ генералъ-губернаторомъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, человѣкъ честный, но слишкомъ добрый и мягкій; онъ не только самъ не предпринималъ энергическихъ мѣръ къ подавленію возстанія, но не позволялъ и другимъ этого дѣлать; поэтому справедливо нѣкоторые говорятъ, что если бы управленіе Назимова Литвою продолжилось, то опасность для Русскаго государства была бы еще большая, потому что мятежный духъ польской шляхты могъ бы охватить и простой (сельскій) народъ, который, какъ извѣстно, не принималъ почти никакого участія въ мятежѣ. Но онъ скоро былъ смѣненъ и мѣсто его занялъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

Назначеніе М. Н. Муравьева генералъ-губернаторомъ Сѣверо-западнаго края, по словамъ брата его Андрея Николаевича, совершилось такъ: за два дня до призванія М. Николаевича къ государю императору (это было 23-го апрѣля 1863 г.), братъ его Андрей Николаевичъ отправился къ директору азіатскаго департамента Н. П. Игнатьеву, чтобы взять отпускъ на проѣздъ въ Кіевъ. Будучи въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Н. П. Игнатьевымъ, они разговорились между собою о бѣдственномъ положеніи дѣлъ въ Сѣверо-западномъ краѣ. Во

[1]) М. Николаевичъ заподозрѣнъ былъ въ томъ заговорѣ, который составленъ былъ въ русскомъ войскѣ полковникомъ Уфимскаго полка Павломъ Пестелемъ.

время этого разговора Андрей Николаевичъ, между прочимъ, замѣтилъ, что если бы брата его Михаила Николаевича послали туда, то мятежъ скоро былъ бы усмиренъ, такъ какъ Михаилъ Николаевичъ хорошо знаетъ этотъ край по личному опыту. Игнатьевъ, зная умъ, силу воли и энергію М. Н. Муравьева, вполнѣ согласился съ Андреемъ Николаевичемъ, но при этомъ спросилъ сего послѣдняго: „скажите, пожалуйста, какъ же сдѣлать, чтобы вашему брату вручить правленіе Литвою, вѣдь онъ, если ему предложить это, не согласится, особенно послѣ того, какія онъ перенесъ неудовольствія по министерству?“ Андрей Николаевичъ поспѣшилъ на это отвѣтить такъ: „правда, братъ не согласится принять управленіе Литвою, если это предложено ему будетъ какимъ-нибудь министромъ, но есть другой способъ для этого, и онъ не откажется: пусть самъ государь пошлетъ къ нему фельдъегера и скажетъ брату: Муравьевъ! отечество въ опасности, спасай его, и онъ, какъ честный человѣкъ и вѣрный сынъ своего отечества, не можетъ отказаться“. Между тѣмъ, какъ происходилъ этотъ разговоръ, къ Н. П. Игнатьеву явился курьеръ съ требованіемъ его къ канцлеру Горчакову съ бумагами, которыя немедленно нужно канцлеру везти къ государю императору. Н. П. Игнатьевъ сталъ собираться и укладывать нужныя бумаги въ портфель. Андрей Николаевичъ началъ прощаться съ Игнатьевымъ, но при этомъ сказалъ ему: „вотъ цѣнная минута, воспользуйтесь ею и предложите брата канцлеру“, и они разстались. Н. П. Игнатьевъ дѣйствительно, какъ теперь извѣстно, воспользовался этою минутою: онъ сказалъ Горчакову о М. Н. Муравьевѣ, а тотъ государю [1]).

25-го апрѣля 1863 г. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ былъ приглашенъ къ государю императору, гдѣ ему было объявлено, что онъ назначается генералъ-губернаторомъ въ Вильну съ неограниченною властію, для подавленія мятежа. Поблагодаривъ государя за оказанную честь и довѣріе, М. Николаевичъ по выходѣ отъ него немедленно сталъ собираться къ отъѣзду.

1-го мая было оффиціальное объявленіе о назначеніи Муравьева на новую должность, а 12 мая М. Николаевичъ, помолившись въ Казанскомъ соборѣ и приложившись къ чудотворной иконѣ, находившейся въ семъ соборѣ, выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ г. Вильну. 14 мая, въ 3 часа пополудни, онъ прибылъ въ этотъ городъ. 15 мая М. Николаевичъ сдѣлалъ общій пріемъ чиновникамъ, духовенству православному и всѣмъ вообще сословіямъ г. Вильны. Католическое духовенство было принято на слѣдующій день особо. Оно явилось къ нему вмѣстѣ съ своимъ епископомъ Красинскимъ. М. Николаевичъ заявилъ ему, что

---

[1]) См. Русскую Старину за 1882 г., мѣсяцъ декабрь, стр. 644.

онъ будетъ справедливъ по отношенію къ честнымъ людямъ, но строгъ и безпощаденъ къ тому, кто будетъ уличенъ въ крамолѣ: „ни знатность происхожденія, ни санъ, ни связи, ничто не спасутъ крамольника отъ заслуженнаго наказанія“, сказалъ Муравьевъ. На слова М. Николаевича епископъ Красинскій заявилъ: „какой здѣсь мятежъ? здѣсь просто погоня за нѣсколькими несчастными повстанцами; за ними гоняются войска какъ за зайцами“. То же самое, вслѣдъ за Красинскимъ, тутъ же при католическомъ духовенствѣ, повторилъ бывшій при семъ жандармскій окружной генералъ-маіоръ. Послѣдній даже прибавилъ, что причиною возстанія служатъ отчасти раскольники, которые, какъ разбойники, нападаютъ на помѣщиковъ, особенно католическихъ [1]). Изъ словъ Красинскаго Муравьевъ увидѣлъ, что поляки слишкомъ увѣрены въ свою силу и рѣшительно далеки отъ мысли сознаться въ винов-

---

[1]) Возстаніе въ Сѣверо-западномъ краѣ прежде всего обнаружилось въ Витебской губ., около гор. Динабурга. Въ началѣ 1863 г. тамошніе польскіе помѣщики составили заговоръ противъ русскаго правительства и образовали огромную шайку для борьбы съ войсками. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года шайка эта, подъ предводительствомъ молодого поляка Плятера, приступила къ открытымъ дѣйствіямъ: около г. Динабурга она напала на транспортъ съ оружіемъ и ограбила его. Когда же объ этомъ событіи доведено было до свѣдѣнія высшихъ правительственныхъ лицъ Сѣверо-западнаго края, то высшія правительственныя лица сего края по какой-то необъяснимой причинѣ не обратили никакого вниманія на динабургское событіе. Но на него обратили вниманіе тамошніе раскольники: они, увидавши, что лица, стоявшія во главѣ правленія Сѣверо-западнаго края, не предпринимаютъ никакихъ мѣръ противъ мятежниковъ, составили изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ ополченіе и, вооружившись чѣмъ попало, бросились въ догонку за шайкою Плятера, нагнали ее, транспортъ отбили, большую часть мятежниковъ перебили, остальныхъ взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ и Плятера, котораго, сковавши по рукамъ и ногамъ, представили по начальству. Затѣмъ они бросились на тѣхъ помѣщиковъ, которые составляли заговоръ и формировали шайку; имѣнія опустошили и разорили и многихъ самихъ пановъ-заговорщиковъ поймали и также, сковавши по рукамъ и ногамъ, представили по начальству. Но начальство, къ удивленію, вмѣсто того, чтобы поблагодарить раскольниковъ за ихъ любовь къ отечеству и за ихъ патріотизмъ, донесло въ Петербургъ, что раскольники производятъ бунты въ Витебской губерніи и какъ разбойники нападаютъ на имѣнія помѣщиковъ, грабятъ ихъ и разоряютъ; при этомъ жандармскій окружной генералъ-маіоръ просилъ шефа жандармовъ прислать войска для усмиренія раскольниковъ, такъ какъ наличнаго войска для этого мало. Многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ, вѣря донесенію начальства Сѣверо-западнаго края, обратились было къ государю съ просьбою о посылкѣ туда войска; но министръ внутреннихъ дѣлъ Зеленый понялъ настоящее положеніе дѣлъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, и благодаря ему, войско не было послано противъ раскольниковъ; правда, спустя мѣсяцъ послѣ этого, войско дѣйствительно послано было въ Витебскую губернію, подъ начальствомъ генерала Долотовскаго, но только не противъ раскольниковъ-патріотовъ, а противъ мятежниковъ. Долотовскій скоро усмирилъ мятежниковъ.

ности. Но больше всего взволновало Михаила Николаевича заявленіе жандармскаго генерала. По окончанiи прiема М. Николаевичъ пригласилъ его въ свой кабинетъ и тутъ рѣзко ему высказалъ, что онъ не можетъ быть вѣрнымъ сыномъ отечества, такъ какъ стоитъ на сторонѣ враговъ его и защищаетъ ихъ. Въ заключеніе Муравьевъ заявилъ ему, чтобы онъ уѣзжалъ отсюда, такъ какъ онъ, Муравьевъ, служить съ нимъ не желаетъ. Жандармскiй генералъ пораженъ былъ этимъ, смутился и не зналъ, что сказать,—онъ никакъ не думалъ, чтобы новый генералъ-губернаторъ такъ круто съ нимъ поступилъ, потому что жандармскiй генералъ до сего времени былъ самый сильный человѣкъ въ Сѣверо-западномъ краѣ и притомъ любимецъ шефа жандармовъ, человѣка самаго близкаго къ государю. Чрезъ недѣлю жандармскаго генерала уже не было въ Вильнѣ, а вслѣдъ за нимъ выѣхалъ и Назимовъ.

Прибытію въ Литву М. Н. Муравьева больше всего обрадовались лица военнаго сословія. Зная его умъ и его характеръ, лица военнаго сословія вполнѣ были увѣрены, что съ прiѣздомъ М. Николаевича въ Сѣверо-западный край измѣнится система управленія и что поляки, сдѣлавшіеся по отношенію къ русскимъ, вслѣдствіе слабости Назимова, гордыми, грубыми и невѣжественными, скоро будутъ усмирены. Гражданскіе же чиновники, среди которыхъ большая часть были поляки, встрѣтили Муравьева съ видимымъ неудовольствіемъ.

Первые дни своего пребыванія въ Вильнѣ М. Н. Муравьевъ занялся состояніемъ войска въ Сѣверо-западномъ краѣ; прежде всего онъ улучшилъ ихъ матеріальное положеніе, потомъ постарался поднять ихъ упавшiй духъ и затѣмъ правильно распредѣлилъ ихъ по губерніямъ и уѣздамъ, для скорѣйшаго уничтоженія бродившихъ мятежныхъ шаекъ. По словамъ Михаила Николаевича, войска, находившіяся въ Сѣверо-западномъ краѣ, съ первыхъ дней его пребыванія въ Вильнѣ привязались къ нему въ высшей степени, особенно гвардейцы. Въ нихъ Михаилъ Николаевичъ нашелъ самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ энергическихъ исполнителей его приказанiй. „Войска, говоритъ М. Николаевичъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ, съ радостію принимали всѣ возложенныя на нихъ порученія; даже въ солдатахъ было замѣтно особое стремленіе къ подавленію мятежа. Солдаты на все шли съ самоотверженіемъ; ихъ много ободряло данное мною имъ приказаніе не давать пощады полякамъ, которые бы осмѣлились быть съ ними дерзкими; при этомъ я еще, продолжаетъ М. Николаевичъ въ своихъ запискахъ, далъ имъ право, чтобы дерзкихъ поляковъ немедленно арестовать и представлять коменданту". Послѣдняя мѣра, особенно послѣ нѣсколькихъ примѣровъ, сильно подѣйствовала на поляковъ, они увидѣли, что съ ними Муравьевъ не будетъ шутить.

24 мая М. Н. Муравьевъ, съ цѣлію скорѣйшаго подавленія мятежа, издалъ особую инструкцію, которую можно назвать военно-полицейскою; сущность ея слѣдующая: а) всѣ подчиненныя управленію М. Николаевича губерніи (ихъ было 6-ть: Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская и Витебская, а впослѣдствіи сюда была присоединена и Августовская) объявлены на военномъ положеніи; б) весь край былъ раздѣленъ на военные округи, которые подчинены были особымъ военнымъ начальникамъ; в) въ каждомъ отдѣлѣ образована особая слѣдственная комиссія.

Обнародовавши свою военно-полицейскую инструкцію, М. Николаевичъ занялся устройствомъ г. Вильны, какъ главнаго литовскаго центра, гдѣ ютилась крамола. Такъ какъ изъ Вильны каждый день уходило въ лѣсъ для поступленія въ число мятежниковъ человѣкъ по 50, то Муравьевъ объявилъ всѣмъ домохозяевамъ, содержателямъ трактировъ, настоятелямъ церквей и монастырей, что за всякое ушедшее лицо отвѣчаютъ суммою денегъ отъ 10 до 100 руб., а въ случаѣ повторенія—вдвое. Эта мѣра имѣла огромный успѣхъ: недѣлю спустя полицеймейстеръ уже болѣе не доносилъ М. Николаевичу о бѣжавшихъ въ лѣсъ виленскихъ обывателяхъ. Послѣ этого Муравьевъ занялся разсмотрѣніемъ виновности тѣхъ лицъ, которыя арестованы были еще при Назимовѣ и которыя уже подвергались суду, но приговоры не были постановлены, а если для нѣкоторыхъ и были постановлены, то не были приведены въ исполненіе изъ боязни раздражить поляковъ. Приступивши къ разсмотрѣнію дѣлъ, М. Николаевичъ началъ съ самыхъ важныхъ преступниковъ, которыми оказались ксендзы. Въ продолженіе одной недѣли онъ разсмотрѣлъ только пять дѣлъ: двухъ ксендзовъ и трехъ пановъ; первыхъ двухъ Муравьевъ велѣлъ казнить, а остальныхъ сослать въ Сибирь [1]). Поляки не вѣрили, чтобы Му-

---

[1]) О казни одного изъ ксендзовъ, именно Ишоры (его разстрѣляли), очевидецъ разсказываетъ такъ: „20 мая, въ 10 ч. утра, сидя у себя дома, я былъ пораженъ отдаленнымъ звукомъ барабана и военныхъ рожковъ; звукъ этотъ все приближался и съ нимъ росъ гулъ толпы. Всѣ всполошились и бросились къ окнамъ; по узкой Доминиканской улицѣ (теперь Благовѣщенской) приближалась процессія: вели на казнь ксендза Ишору. Впереди ѣхали жандармы и казаки, далѣе окруженный солдатами бодро шелъ высокій молодой ксендзъ пріятной наружности; рожки уныло играли; рядомъ съ осужденнымъ шелъ духовникъ, а за процессіей и вокругъ ея кипѣла необозримая толпа. Большая часть женщинъ была въ черныхъ платьяхъ и громко рыдала. Никто не думалъ, что наше правительство рѣшится на казнь и самъ Ишора, какъ послѣ было извѣстно, не думалъ этого, а потому и шелъ такъ бодро и смѣло; Ишора воображалъ, какъ и всѣ поляки, что казнь будетъ примѣрная, т. е. подведутъ его къ позорному столбу, прочитаютъ его вину, сдѣлаютъ холостые выстрѣлы и отпустятъ. Но когда раздался залпъ выстрѣловъ и около столба глазамъ окружающихъ представился окровавленный трупъ Ишоры, то ужасу не было конца“. Черезъ два дня казнили другого ксендза, Земицкаго.

равьевъ рѣшился на казнь виновныхъ, но когда увидѣли исполненіе сего на дѣлѣ, то пришли въ ужасъ; они поняли теперь, что Муравьевъ не Назимовъ и слова пускать на вѣтеръ не любитъ.

Больше всѣхъ перепугался епископъ Красинскій, онъ даже заболѣлъ отъ страха; но Муравьевъ и его, какъ участника въ мятежѣ, не пощадилъ: онъ выслалъ его подъ конвоемъ въ Вятку.

Вслѣдъ за казнію вышеозначенныхъ двухъ ксендзовъ М. Николаевичъ казнилъ еще двухъ лицъ: Сѣроковскаго и дворянина Колышко. Оба они были предводителями шаекъ, но, разбитые генераломъ Ганецкимъ, попались въ плѣнъ. Сѣроковскій человѣкъ былъ очень даровитый, онъ имѣлъ большія связи въ Петербургѣ и состоялъ на службѣ въ генеральномъ штабѣ въ чинѣ капитана.

Послѣднія двѣ казни, особенно казнь Сѣроковскаго, еще болѣе устрашила поляковъ; съ этого времени они то и дѣло одинъ за другимъ стали являться къ Муравьеву и заискивать его расположенія и защиты отъ своихъ же.

Принимая мѣры къ уничтоженію повсюду скитавшихся мятежныхъ шаекъ, М. Николаевичъ пришелъ къ убѣжденію, что однимъ оружіемъ и казнями нельзя скоро подавить возстаніе, потому что весь край былъ зараженъ мятежнымъ духомъ и поддерживаемый въ этомъ настроеніи ксендзами и панами. Поэтому М. Николаевичъ счелъ нужнымъ принять новыя мѣры противъ мятежниковъ и съ этою цѣлію издалъ приказъ, чтобы всѣ помѣщики, проживающіе въ городахъ, немедленно отправились въ свои деревни и тамъ наблюдали бы, чтобы въ ихъ усадьбахъ не только не формировались новыя шайки, но если какія и изъ старыхъ, сформированныхъ прежде, появятся въ имѣніи кого-нибудь изъ нихъ, то немедленно доносить ближайшимъ военнымъ командамъ, въ противномъ случаѣ грозилъ военнымъ судомъ и конфискаціею имуществъ. Эта новая мѣра противъ мятежниковъ принесла самые благотворные плоды въ дѣлѣ усмиренія края: помѣщики, опасаясь за свою жизнь и за свои имѣнія, дѣйствительно зорко стали слѣдить за мятежными шайками, и въ случаѣ появленія какой-нибудь изъ нихъ въ чьемъ-либо имѣніи, владѣлецъ сего послѣдняго немедленно доносилъ кому слѣдуетъ, а нерѣдко и самъ съ помощью крестьянъ ловилъ и обезоруживалъ мятежниковъ, попавшихъ въ его имѣніе, и затѣмъ представлялъ военному начальству. Но особенно, по словамъ Муравьева, въ ловленіи и обезоруживаніи мятежныхъ шаекъ отличались крестьяне. Эти послѣдніе нерѣдко, поймавъ мятежниковъ, сначала сами совершали надъ ними экзекуціи, а потомъ уже вручали начальству; больше всего доставалось тѣмъ изъ мятежниковъ, которые принадлежали къ панамъ-владѣльцамъ и имъ были знакомы. Крестьяне

очевидно, этими экзекуціями хотѣли отомстить панамъ за тѣ мученія, какія они вытерпѣли, будучи у нихъ крѣпостными [1]).

Во второй мѣсяцъ своего пребыванія въ Вильнѣ М. Н. Муравьевъ занялся разсмотрѣніемъ просьбъ тѣхъ служащихъ лицъ польской національности, которыя еще при Назимовѣ изъявили желаніе выйти въ отставку. Дѣло вотъ въ чемъ: въ началѣ мая 1863 г. большая часть мировыхъ посредниковъ и предводителей дворянства изъ поляковъ, а также и нѣкоторыхъ чиновниковъ, служащихъ въ разныхъ вѣдомствахъ, подали просьбы объ увольненіи ихъ отъ службы. Въ этихъ просьбахъ было употреблено много дерзкихъ выраженій противъ русскаго правительства; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, между прочимъ, сказано было, что будто-бы само русское правительство вооружаетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ (намекъ на нападеніе раскольниковъ на витебскихъ помѣщиковъ) и подготовляетъ галицкую рѣзню [2]), а посему они, мировые посредники, предводители дворянства и чиновники признаютъ „неприличнымъ“ служить такому правительству, каково русское. Цѣль же ихъ собственно заключалась въ томъ, чтобы возбудить общее негодованіе помѣщиковъ противъ правительства и склонить ихъ къ болѣе усердному содѣйствію мятежа, во главѣ коего они сами стояли. Генералъ-адъютантъ Назимовъ былъ испуганъ этимъ общимъ заговоромъ чиновниковъ, оставлявшихъ службу, нѣкоторыхъ онъ уговорилъ остаться на службѣ, а большую часть просьбъ оставилъ безъ разрѣшенія [3]).

---

[1]) Михаилъ Николаевичъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что манифестъ 19 февраля 1861 года о прекращеніи крѣпостного права по слабости самого начальства во многихъ мѣстахъ Сѣверо-западнаго края не былъ даже введенъ въ дѣйствіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне еще въ 1863 году отправляли помѣщикамъ барщинную повинность. Но нашлись въ этомъ краѣ и такія мѣста, гдѣ положеніе 19 февраля было превратно истолковано польскими помѣщиками крестьянамъ. При составленіи уставныхъ грамотъ у крестьянъ отняты были, говоритъ Михаилъ Николаевичъ, лучшія земли и обложены высокими оброками, превосходящими ихъ средства; при этомъ крестьянамъ объявлялось, что въ семъ только и заключалась царская милость и что если они, крестьяне, пойдутъ въ мятежъ, то получатъ даромъ всѣ земли и ничего не будутъ платить.

[2]) Галицкая рѣзня была въ Австріи, въ Галиціи. Тамъ въ 1848 г. польскіе помѣщики подняли бунтъ противъ австрійскаго правительства; они хотѣли освободиться отъ него. Когда донесли объ этомъ австрійскому министру Меттерниху, то онъ сказалъ во всеуслышаніе: „я усмирю бунтовщиковъ, не потерявъ ни одного солдата и не истративъ ни одного гульдена“; такъ и было: Меттернихъ подбилъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и тѣ ихъ перерѣзали; мятежъ прекратился.

[3]) Въ февралѣ 1863 г. были вызваны въ Вильну почти всѣ помѣщики и мировые посредники для обсужденія положенія крестьянъ и ихъ отношенія къ помѣщикамъ, но вмѣсто того они занялись, какъ впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, установленіемъ общаго правила для мятежа; тогда же они постановили устроить и вышеозначенную манифестацію, т. е. договорились всѣ сообща подать въ отставку.

Разсмотрѣвши эти просьбы и угадавши настоящую цѣль сей манифестаціи, Муравьевъ отвѣтилъ на нее по своему: онъ немедленно всѣхъ подавшихъ прошенія отрѣшилъ отъ должностей и при этомъ тѣхъ изъ нихъ, которые употребили дерзкія выраженія въ своихъ прошеніяхъ или замѣчены были въ тайныхъ заговорахъ противъ правительства, приказалъ арестовать и предать военному суду. Въ то же время Муравьевъ во всемъ Сѣверо-западномъ краѣ приказалъ упразднить мировыя учрежденія, поручивъ огражденіе крестьянъ отъ притѣсненія помѣщиковъ военнымъ начальникамъ и уѣздной полиціи, которую постепенно наполнялъ русскими чиновниками.

Принятыя мѣры противъ лицъ, подавшихъ въ отставку заговоромъ, произвели всеобщій страхъ, тѣмъ болѣе, что всѣ, преданные Муравьевымъ военному суду, болѣе или менѣе понесли тяжкія наказанія: одни, напримѣръ, сосланы были въ Сибирь въ каторжныя работы, другіе въ отдаленные города Россіи на поселеніе, третьи заключены въ тюрьмы или крѣпости и т. п. [1]). Послѣ этого польскіе чи-

---

[1]) Среди предводителей дворянства главными дѣйствующими лицами были двое: минскій—Лаппа и гродненскій—графъ Старжинскій. Первый послѣ суда былъ отправленъ въ Пермскую губернію на поселеніе, а второй—въ Бобруйскую крѣпость.

Примѣчаніе. Старжинскій—одинъ изъ главныхъ мятежниковъ польскаго возстанія 1863 г. Онъ еще раньше этого, именно въ сороковыхъ годахъ, участвовалъ въ политическомъ заговорѣ, за что сосланъ былъ въ качествѣ рядового солдата на Кавказъ. Но въ 1856 г. былъ помилованъ. Съ 1861 г. состоялъ исправляющимъ должность предводителя дворянства въ г. Гроднѣ. Будучи отъ природы человѣкомъ умнымъ, хитрымъ и ловкимъ, онъ съумѣлъ войти въ довѣріе многимъ высокопоставленнымъ лицамъ въ Петербургѣ, напримѣръ, министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ. При посредствѣ сихъ двухъ высокопоставленныхъ лицъ графъ Старжинскій представилъ русскому правительству проектъ, въ которомъ доказывалъ, что необходимо отдѣлить Литву отъ Россіи и соединить ее съ Царствомъ Польскимъ, такъ какъ, по его словамъ, этимъ самымъ только и возможно будетъ прекратить волненіе въ Литвѣ и расположить къ себѣ поляковъ. Старжинскій былъ даже представленъ государю и читалъ ему свой проектъ. Въ 1862 г. онъ сопровождалъ государя въ Москву и тамъ, имѣя доступъ къ нему, постоянно при разговорѣ старался доказать, что смирить поляковъ можно только кротостію и уступчивостью, а также возстановленіемъ границъ Польши въ предѣлахъ 1772 г.

Такое вниманіе русскихъ властей къ Старжинскому настолько сдѣлало его гордымъ и заносчивымъ, что онъ, прибывши въ Гродну, не хотѣлъ и знать генералъ-губернатора. Съ возвращеніемъ изъ Москвы Старжинскій сдѣлался оракуломъ всей польской интеллигенціи Сѣверо-западнаго края; всѣ они на него смотрѣли, какъ на будущаго избавителя ихъ отъ „москалей“. Когда же вспых-

новники смирились; мало того, многіе изъ нихъ сдѣлались даже очень преданными правительству и усердно ему помогали въ усмиреніи края. Къ числу послѣднихъ можно отнести губернскаго предводителя дворянства Домейку. Около него образовался кружокъ изъ нѣкоторыхъ польскихъ помѣщиковъ, признавшихъ болѣе выгоднымъ устроить себя въ это мятежное время. Кружокъ этотъ не только во все мятежное время оставался вѣрнымъ правительственной власти, но со дня на день увеличивалъ число своихъ членовъ. Пользуясь этимъ благопріятнымъ направленіемъ, М. Николаевичъ сталъ внушать мысль дворянамъ ходатайствовать предъ государемъ о помилованіи, тѣмъ болѣе это уже удобно было, что мятежъ въ исходѣ іюня началъ слабѣть и главные дѣятели его или были схвачены и преданы суду, или же бѣжали за границу. Въ то же время Муравьевъ сдѣлалъ воззваніе ко всему народу, призывая его смириться и просить помилованія. Мѣра эта дѣйствительно имѣла благопріятный успѣхъ: въ концѣ іюля оставшіяся шайки прислали депутатовъ съ просьбою о прощеніи, получивъ которое спокойно водворились на мѣстожительствѣ.

Къ началу августа большихъ бандъ въ Сѣверо-западномъ краѣ уже болѣе не существовало. Но осталось еще много мелкихъ шаекъ, изъ коихъ каждая имѣла не болѣе человѣкъ 20—25; но, не смотря на свою малочисленность, онѣ много вреда наносили обывателямъ, тѣмъ болѣе, что ихъ трудно было изловить. Скрываясь въ лѣсахъ и помѣщичьихъ мызахъ, эти мелкія шайки своими набѣгами на имѣнія русскихъ и поляковъ, обнаруживавшихъ преданность правительству, наводили страхъ на жителей. Особенно на мирныхъ жителей страхъ наводили ихъ, такъ называемые „жандармы-вѣшатели,“ которыхъ они разсылали ловить и вѣшать всѣхъ лицъ, казавшихся имъ слишкомъ

нулъ мятежъ, то Старжинскій сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе: онъ написалъ въ Петербургъ два дерзкихъ письма. Въ этихъ письмахъ онъ обвинялъ правительство въ допущеніи будто бы демократическихъ началъ и въ вооруженіи крестьянъ противъ помѣщиковъ, а также въ принятіи строгихъ мѣръ противъ поляковъ и гоненіи въ Сѣверо-западномъ краѣ всего польскаго, причемъ заявлялъ, что вслѣдствіе всего этого онъ, Старжинскій, не считаетъ себя обязаннымъ служить правительству въ качествѣ предводителя дворянства и слагаетъ съ себя сіе званіе. Вмѣстѣ съ этимъ онъ сообщилъ о семъ и всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства Гродненской губерніи, чтобы и они послѣдовали его примѣру, что дѣйствительно тѣ и сдѣлали.

Получивъ отставку и проживая въ Гроднѣ, Старжинскій всею душою предался мятежу. Генералъ же Назимовъ, находя пребываніе его въ Гроднѣ вреднымъ для края, просилъ министра внутреннихъ дѣлъ подвергнуть его аресту или выслать куда-нибудь. Но отвѣта не успѣлъ получить: пріѣхалъ Муравьевъ. Муравьевъ же по прибытіи своемъ въ Вильну немедленно приказалъ арестовать Старжинскаго и передать военному суду, который и приговорилъ графа къ каторжнымъ работамъ, но въ Петербургѣ ему смягчили наказаніе: заключили въ Бобруйскую крѣпость.

вредными для цѣлей мятежа. И дѣйствительно, эти жандармы-вѣшатели многихъ повѣсили какъ русскихъ, такъ и поляковъ.

Чтобы уничтожить эти мелкія шайки, М. Н. Муравьевъ прибѣгъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ: а) онъ велѣлъ уничтожить до тла тѣ помѣщичьи мызы и шляхетскія околицы, въ которыхъ произведены были этими мелкими шайками неистовства и допущено водвореніе жандармовъ-вѣшателей; б) приказалъ выслать въ Сибирь на поселеніе всѣхъ тѣхъ жителей селъ и деревень, которые уличены были въ сношеніи съ сими мелкими мятежными шайками; в) уполномочилъ военныя команды безъ суда, немедленно предавать смертной казни кто только попадется въ ихъ руки изъ этихъ мелкихъ шаекъ, и г) распорядился, чтобы облагать огромными штрафами тѣ даже селенія, которыя будутъ находиться на разстояніи 10 или 15 верстъ вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ укроется какая-нибудь мелкая мятежная шайка, но о которой своевременно не будетъ донесено кому слѣдуетъ.

Эти послѣднія мѣры Муравьева противъ мятежниковъ принесли въ высшей степени благотворный результатъ. Мѣры эти къ концу іюля окончательно сломили силу мятежниковъ и положили преграду ихъ неистовствамъ; мятежники увидѣли, что правительство серьезно взялось за усмиреніе края, да и сильнѣе ихъ оказалось.

Послѣднія мѣропріятія М. Николаевича противъ мятежниковъ побудили дворянъ Сѣверо-западнаго края подать адресы и просить о помилованіи. Первый адресъ былъ поданъ 27 іюля Домейкою отъ лица виленскаго дворянства, въ должности предводителя котораго онъ состоялъ. Подъ этотъ адресъ подписалось болѣе 200 человѣкъ. За адресомъ виленскаго дворянства послѣдовали адресы и другихъ дворянъ Сѣверо-западнаго края.

Подача адресовъ сильно устрашила революціонный жондъ. Чтобы воспрепятствовать этому, варшавскій центральный революціонный комитетъ рѣшился на отчаянную мѣру: убить въ краѣ тѣхъ лицъ, которыя больше всего содѣйствовали подачѣ этихъ адресовъ. Таковыми лицами прежде всего онъ считалъ Муравьева и Домейку, а потому и направилъ на нихъ двухъ свои удары. Для приведенія въ исполненіе замысла варшавскій центральный революціонный комитетъ въ концѣ іюля послалъ въ Вильну своихъ агентовъ подъ названіемъ кинжальщиковъ.

Но Муравьева имъ не пришлось не только убить, но даже и ранить, хотя, какъ потомъ извѣстно сдѣлалось, кинжальщики долго искали для сего удобнаго случая, но не нашли. Домейку же дѣйствительно ранили въ его собственной квартирѣ [1]).

---

[1]) Нападеніе на Домейку и его пораненіе очевидецъ всѣхъ событій въ г. Вильнѣ при Муравьевѣ, въ своихъ „Виленскихъ очеркахъ за 1863-64 и 65 гг.“,

Послѣднее дѣйствіе революціонеровъ къ поддержанію въ Литвѣ, мятежа со стороны Муравьева усилило энергію къ окончательному и рѣшительному подавленію мятежа, а въ то же время и къ отысканію какъ самого преступника, такъ и сообщниковъ его. Преступникъ дѣй-

---

помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ" за 1883 г., мѣсяцъ ноябрь, такъ описываетъ: „29 іюля, рано утромъ, по городу разнеслась вѣсть, что убили Домейку; трудно было понять, что это значитъ, а потому немедленно, говоритъ очевидецъ въ своихъ очеркахъ, я отправился во дворецъ (такъ называется домъ, гдѣ проживаютъ генералъ-губернаторы). Выходя изъ квартиры, я замѣтилъ необыкновенное движеніе. Нѣмецкая улица, постоянно полная грязныхъ евреевъ, была занята полиціей и войскомъ; скакали верховые,—тутъ только я догадался въ чемъ дѣло и что покушеніе было на жизнь губернскаго предводителя дворянства Домейки. Скоро въ нашу канцелярію стали прибывать разныя лица съ мѣста дѣйствія, сообщая подробности. Оказалось, что дѣло было такъ: въ 8 часовъ утра 29 іюля неизвѣстный человѣкъ явился къ Домейкѣ подъ предлогомъ подачи прошенія. Слуга просилъ его обождать, пока доложитъ. Домейко только что всталъ съ постели и въ халатѣ вышелъ въ пріемную, куда велѣлъ впустить и пришедшаго. Слуга тѣмъ временемъ остался въ большой прихожей, надъ лѣстницею, гдѣ растворялъ окна. Услышавъ внезапный крикъ въ сосѣдней комнатѣ, онъ бросился туда и въ дверяхъ столкнулся съ убійцею, у котораго въ рукахъ былъ окровавленный кинжалъ; слуга хотѣлъ было схватить его, но, получивъ нѣсколько ранъ, упалъ замертво, а убійца скрылся. Между тѣмъ, Домейко не только былъ живъ, но даже гораздо слабѣе раненъ, чѣмъ его слуга. Убійца хотѣлъ было пронзить его въ самое сердце, но онъ всякій разъ, когда убійца наносилъ ему удары, защищался локтемъ лѣвой руки, согнувъ ее въ видѣ щита. На рукѣ Домейки оказалось семь большихъ ранъ, но толстый фланелевый рукавъ предохранилъ его; приходъ же слуги заставилъ убійцу броситься назадъ, причемъ, чтобы проложить себѣ путь къ отступленію, и ранилъ слугу. Вмѣсто прошенія Домейкѣ подано было два исписанныхъ по-польски листа. Листы эти съ запекшеюся кровію были отосланы въ канцелярію генералъ-губернатора и тутъ сдѣланъ переводъ. На первомъ было написано постановленіе верховнаго совѣта народнаго трибунала, который всѣмъ лицамъ, подписавшимъ адресъ къ государю, грозитъ военнымъ полевымъ судомъ, а Домейку, какъ одного изъ главныхъ лицъ, дѣйствующихъ въ пользу подписки адреса, постановлено немедленно казнить смертію. Къ этому документу приложена была и синяя печать съ изображеніемъ соединенныхъ гербовъ Литвы и Польши и съ подписью вокругъ: „Печать народнаго жонда, отдѣлъ литовскій". Другой листъ заключалъ приказъ исполнительнаго отдѣла Литвы за подписью начальника сего отдѣла, проживавшаго въ г. Вильнѣ (подпись неразборчива), въ коемъ предписывалось привести въ исполненіе приговоръ надъ гражданиномъ Домейкой. Немедленно была подана медицинская помощь Домейкѣ и его слугѣ, который въ первое время мало подавалъ надежды на выздоровленіе. Къ дому Домейки приставленъ былъ караулъ отъ Преображенскаго полка, а передъ домомъ разостлали солому. По всей Нѣмецкой улицѣ, во всѣхъ квартирахъ и на заднихъ дворахъ былъ сдѣланъ частный обыскъ. Городъ былъ весь оцѣпленъ войсками; по всѣмъ направленіямъ были отправлены разъѣзды и сообщены примѣты: средняго роста, рыжій, съ короткими волосами и одѣтъ въ сѣрое пальто. Въ городѣ было общее смущеніе: всѣ власти и служащіе, всѣ русскіе порядочные люди спѣшили заявить свое сочувствіе Домейкѣ и тѣснились

ствительно скоро былъ арестованъ на вокзалѣ и казненъ. Съ нимъ вмѣстѣ былъ арестованъ и его сообщникъ и также казненъ. Такая быстрая поимка одного изъ кинжальщиковъ навела такой страхъ на главныхъ дѣятелей литовскаго революціоннаго жонда, что большая

до вечера въ его прихожей, узнавая о его положеніи и записывая на листкахъ свои имена. Вечеромъ, послѣ 9 часовъ, вовсе было воспрещено выходить изъ домовъ, на площадяхъ поставлены караулы, а на ночь былъ назначенъ повсемѣстный обыскъ; онъ начался одновременно въ разныхъ частяхъ города съ наступленіемъ 11 часовъ; по всѣмъ квартирамъ были размѣщены войска; на каждый домъ полагалось нѣсколько рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ. Въ обыскѣ принимали участіе одни только гвардейцы и исполнили эту обязанность отлично, безъ шума. По нѣсколько человѣкъ входило въ квартиру, требовали огня, осматривали всѣхъ наличныхъ жильцовъ, заглядывали подъ кровати, за печи, за шкафы, во всѣ чуланы и чердаки. Такъ какъ нельзя было отмѣтить квартиры, занимаемыя русскими, то ко многимъ и изъ нихъ заходили солдаты; офицеры за всѣмъ наблюдали и гдѣ дѣлалось извѣстнымъ, что живетъ русскій, то воспрещено было тревожить. Обыска не избѣжали и мужскіе монастыри, но все было напрасно, взято было нѣсколько лицъ, схожихъ съ примѣтами преступника, но при предъявленіи ихъ Домейкѣ и слугѣ, они никого не признали.

Въ то время, продолжаетъ тотъ-же очевидецъ, когда, казалось, не было никакой надежды открыть даже слѣды преступника, сдѣланы были двумя лицами весьма важныя раскрытія; оба доносчика были изъ шайки кинжальщиковъ, только что сформированной въ Вильнѣ для политическихъ убійствъ. Первый былъ нѣкто Мирошниковъ, молодой человѣкъ, православный и русскій, сынъ отставного солдата, но мать его была полька, а потому онъ воспитанъ былъ въ польскомъ кругу; кутила, сорвиголова; онъ уже былъ однажды арестованъ по какому-то подозрѣнію, а въ то самое время, когда случилось покушеніе на жизнь Домейки, гдѣ то подъ пьяную руку, хвастаясь, проговорился. Арестованный въ кабакѣ вмѣстѣ съ другимъ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, при допросѣ Мирошниковъ чистосердечно сознался, что онъ принадлежитъ къ числу кинжальщиковъ, какъ и его товарищъ по ремеслу (кажется, былъ сапожникъ, пьяница и полякъ). Всѣхъ кинжальщиковъ въ Литвѣ было болѣе десяти, нѣкоторыхъ онъ знаетъ лично, а потому сообщилъ ихъ имена и примѣты. Вслѣдствіе этихъ сообщеній правительствомъ было арестовано еще четверо кинжальщиковъ: двое Раевскихъ, Яблонскій и Саповичъ,—все люди молодые, ровно ничего не имѣющіе, подрядившіеся за небольшое вознагражденіе на политическія убійства по указанію революціоннаго жонда; въ случаѣ же удачи имъ обѣщана была еще особая награда. Такъ, оказалось впослѣдствіи, что убійцѣ Домейки было обѣщано 1000 р., хотя на самомъ дѣлѣ ему выдали только 700 рублей, полагая, что убійство уже совершилось; 300 р. вычли у него за его содержаніе во время пребыванія среди мятежниковъ. Всѣ названные молодые люди были въ высшей степени жалки, даже сами наниматели смотрѣли на нихъ, какъ на гнустныхъ убійцъ и при всякомъ удобномъ случаѣ старались удалять ихъ изъ своего сообщества. Всѣ они захвачены были врасплохъ и хотя никто изъ нихъ не совершилъ убійства, но при всѣхъ ихъ оказались кинжалы, за исключеніемъ Мирошникова, въ виду его полнаго и чистосердечнаго сознанія, а также и открытія имъ другихъ кинжальщиковъ, не казнили, а сослали въ каторгу.

Между тѣмъ бдительность полиціи и розыски жандармовъ убійцы Домейки

часть ихъ бѣжала за границу. Здѣсь остались только немногіе и притомъ второстепенные дѣятели: Долевскій, Гажичъ, Дормановскій, Здановичъ, Молоховскій и Калиновскій. Но и они скоро были пойманы и казнены, за исключеніемъ Калиновскаго, который бѣжалъ изъ Литвы въ Бѣлоруссію, именно, въ Минскую губернію.

не ослабѣвали и дѣйствительно скоро увѣнчались успѣхомъ: 6 августа на виленской станціи желѣзной дороги жандармскій офицеръ Сабинъ замѣтилъ двухъ молодыхъ людей, прибывшихъ на вокзалъ слишкомъ за часъ до отхода поѣзда. Смущеніе этихъ двухъ молодыхъ людей при видѣ жандармскаго офицера заставило сего послѣдняго обратить на нихъ особое вниманіе. Они все спѣшили взять билеты и нѣсколько разъ подходили къ кассѣ, которая еще не открывалась. Въ то время былъ уже учрежденъ по всей линіи желѣзной дороги осмотръ паспортовъ и багажа, а у лицъ сомнительныхъ осматривали вещи и въ дорожныхъ мѣшкахъ. Эти молодые люди предъявили заграничные паспорты и, получивъ контрамарки, потребовали себѣ билеты въ кассѣ на Варшаву. Требованіе молодыми людьми билетовъ на Варшаву еще болѣе усилило подозрѣніе Сабина. Подойдя къ нимъ онъ спросилъ, почему они ѣдутъ на Варшаву? И замѣтя ихъ смущеніе немедленно приказалъ арестовать ихъ, причемъ одному изъ нихъ сдѣлалось дурно и онъ упалъ въ обморокъ. Оба арестованные были представлены Домейкѣ и его слугѣ; въ одномъ изъ нихъ, который былъ побойчѣе и поупрямѣе, найдено было что-то общее съ преступникомъ, но черный цвѣтъ волосъ, гладко выбритое лицо и надѣтое на немъ платье не имѣли ничего общаго съ убійцею. Но спустя нѣсколько дней на одномъ изъ арестованныхъ молодыхъ людей, именно на томъ, который былъ бойчѣе и упрямѣе, замѣтили что-то странное съ его волосами: изъ черныхъ они стали дѣлаться фіолетовыми, а наконецъ переходить и въ рыжій цвѣтъ. Ему смыли голову; волосы его оказались перекрашенными. Послѣ этого онъ снова былъ предъявленъ своимъ жертвамъ и признанъ ими за того человѣка, который ихъ ранилъ. На первыхъ порахъ онъ было сталъ запираться, а потомъ во всемъ сознался; фамилія его была Баньковскій. Другой же молодой человѣкъ, арестованный на вокзалѣ вмѣстѣ съ Баньковскимъ, былъ другъ и сообщникъ сего послѣдняго, по фамиліи Чаплинскій, онъ то и упалъ въ обморокъ при арестованіи на вокзалѣ.

Преступникъ Баньковскій, какъ и Чаплинскій, родомъ былъ изъ Варшавы, цирульникъ по ремеслу, лѣтъ 20, не болѣе. Онъ еще въ Варшавѣ нанялся совершить убійство, откуда вмѣстѣ съ Чаплинскимъ и посланъ былъ тамошнимъ революціоннымъ комитетомъ въ распоряженіе виленскаго исполнительнаго отдѣла. Въ Вильнѣ исполнительный отдѣлъ далъ ему еще другого помощника, нѣкоего Мирочевскаго (онъ тоже былъ арестованъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ; фамилію его открылъ также Баньковскій).

Въ первые дни послѣ покушенія Баньковскій скрывался у разныхъ лицъ, переодѣваясь нерѣдко въ женское платье; разъ какъ-то ночевалъ на кладбищѣ, разсчитывая, что черезъ нѣсколько дней, когда строгія мѣры наблюденія ослабнутъ, выберется изъ города.

Для разслѣдованія шайки кинжальщиковъ, говоритъ очевидецъ, была учреждена особая слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Соболевскаго; членами ея назначены были разные гвардейцы и, между прочими, Преображенскаго полка полковникъ Шелгуновъ. Коммиссія эта помѣщалась въ зданіи упраздненнаго францисканскаго монастыря. Всѣ главные преступники, какъ и кинжальщики, доставлялись сюда, гдѣ надъ ними производился военный судъ“.

Изъ главныхъ дѣятелей революціи въ собственной Литвѣ (т. е. губерніяхъ Виленской, Ковенской и Гродненской) остался не пойманнымъ и не удалившимся изъ сего края одинъ только ксендзъ Мицкевичъ, человѣкъ необыкновенно ловкій, дѣятельный и фанатичный. Онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ народѣ и безпрестанно формировалъ шайки. Ксендзъ этотъ продержался въ Литвѣ до ноября, но потомъ былъ пойманъ около Нѣмана вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ и казначеемъ; всѣ трое были повѣшены. Послѣ казни Мицкевича къ началу ноября почти вся Литва была усмирена; дворяне ея одни предъ другими спѣшили подать адресы съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ.

Упорнѣе другихъ губерній держался мятежъ, по словамъ самого Михаила Николаевича, въ Бѣлоруссіи, именно въ Минской губерніи, среди тамошняго дворянства. Правда, тамъ нельзя было вооружить столько шаекъ, сколько въ Литвѣ, потому что въ Минской губерніи, какъ и во всей Бѣлоруссіи, не слишкомъ много шляхты, но, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ лѣсахъ, гдѣ только возможно, а особенно въ Борисовскомъ и Игуменскомъ уѣздахъ, сформированы были значительныя шайки. Въ послѣднее время организаторомъ тамошнихъ шаекъ былъ Калиновскій, бѣжавшій туда изъ Вильны; но, благодаря энергіи жандармскаго полковника Лосева, къ концу ноября и въ этой губерніи мятежъ былъ усмиренъ; Калиновскій тоже скоро попался, привезенъ былъ въ Вильну и также повѣшенъ.

По мѣрѣ подавленія мятежа въ Сѣверо-западномъ краѣ, М. Н. Муравьевъ со свойственною ему энергіею началъ принимать мѣры и къ очищенію всѣхъ присутственныхъ мѣстъ отъ польскаго элемента и замѣнять его русскимъ. Съ этою цѣлію онъ вызвалъ изъ внутреннихъ губерній Россіи множество опытныхъ чиновниковъ и поручилъ имъ разныя должности. А затѣмъ онъ занялся обезпеченіемъ крестьянъ (вообще сельскаго населенія). Для этой цѣли Михаилъ Николаевичъ пригласилъ въ Вильну нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ и другихъ дѣятелей, болѣе или менѣе знакомыхъ съ положеніемъ крестьянъ въ этомъ краѣ и отношеніемъ ихъ къ панамъ. Образовалъ особую повѣрочную комиссію, предоставивъ ей право передѣлать такъ называемыя уставныя грамоты, которыя польскими помѣщиками были страшно измѣнены. Послѣднее распоряженіе Муравьева такъ благотворно подѣйствовало на крестьянъ, что они сотнями стали присылать ему благодарственные адресы съ выраженіемъ въ нихъ безграничной преданности и любви къ государю императору. Во многихъ мѣстахъ народъ католическаго исповѣданія сталъ строить православныя часовни во имя св. Александра Невскаго. Въ краѣ такъ ожили русскія начала, что вездѣ заговорили по-русски, а православные священники, бывшіе въ

угнетеніи и почти рабскомъ порабощеніи у ксендзовъ и польскихъ пановъ, теперь стали пренебрегать своими прежними властителями.

Мѣры, направленныя противъ польскихъ пановъ относительно передѣлки уставныхъ грамотъ, сильно подѣйствовали на нихъ. Паны упали духомъ. Но, не смотря на это, нашлись между ними такіе, которые продолжали сноситься съ мятежниками. Мало того, по словамъ Муравьева, между польскими панами, когда мятежъ почти совершенно утихъ, оказались и такіе, которые думали сформировать новыя шайки, а иные даже и дѣйствительно успѣли въ этомъ. Но чтобы не случилось впередъ ничего подобнаго, Михаилъ Николаевичъ приказалъ сдѣлать просѣки въ лѣсахъ, въ уѣздахъ разставилъ жандармскія команды человѣкъ въ 30, 40 и 50 и въ то же время сформировалъ сельскія стражи, доходившія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 1000 человѣкъ, а въ заключеніе обложилъ всѣхъ польскихъ помѣщиковъ 10% сборомъ въ казну.

Къ концу ноября 1863 года край былъ совершенно усмиренъ и по немъ безопасно могъ ѣздить всякій, о чемъ М. Н. Муравьевъ и донесъ государю императору, прося его при этомъ объ увольненіи, вслѣдствіе совершенно разстроеннаго здоровья, отъ управленія краемъ. На свое донесеніе Михаилъ Николаевичъ удостоился получить рескриптъ, въ которомъ государь благодарилъ Муравьева за усмиреніе мятежа и при этомъ просилъ его остаться еще на нѣкоторое время генералъ-губернаторомъ Сѣверо-западнаго края. Исполняя волю государя императора, Муравьевъ остался. Съ этого времени онъ занялся внутреннимъ устройствомъ Сѣверо-западнаго края въ смыслѣ прочнаго водворенія въ немъ русской народности и православія. Такимъ образомъ, съ ноября мѣсяца въ Сѣверо-западномъ краѣ начинается совершенно новый періодъ управленія Михаила Николаевича, періодъ внутренняго спокойнаго преобразованія края.

Приступая къ внутреннему переустройству Сѣверо-западнаго края, Михаилъ Николаевичъ прежде всего обратилъ свое вниманіе на то вредное вліяніе польскихъ пановъ и католическаго духовенства на народъ, какое они имѣли въ этомъ краѣ [1]), а затѣмъ на улучшеніе моральнаго и матеріальнаго быта крестьянъ. Въ то же время онъ старался поддержать вездѣ русскую народность и православіе, а также основать русскія школы не только въ городахъ, но и въ селахъ, и деревняхъ.

Въ числѣ мѣръ, предпринятыхъ Михаиломъ Николаевичемъ для обузданія католическаго духовенства, замѣчательно, между прочимъ,

---

[1]) Чтобы парализовать вредное вліяніе католическаго духовенства на народъ, Михаилъ Николаевичъ поручилъ его строгому наблюденію мѣстныхъ властей.

закрытіе трехъ католическихъ обществъ, которыя учреждены были съ цѣлію благотворительности и улучшенія народной нравственности въ Литвѣ, а на самомъ дѣлѣ распространяли латинскую пропаганду, заботились объ упроченіи польскихъ началъ, а главное—подготовляли народъ къ мятежу.

I. Общество трезвости. Общество это основано было, съ папскаго благословенія, въ 1860 г. для трехъ губерній—Виленской, Ковенской и Гродненской. Цѣль сего общества—уничтоженіе пьянства въ народѣ. Главными дѣятелями общества трезвости были духовныя лица, особенно два епископа—виленскій Красинскій и ковенскій Волончевскій. Общество это имѣло свои особыя правила. Обнародованіе этихъ правилъ произведено было во всѣхъ костелахъ и монастыряхъ означенныхъ губерній, причемъ народу поставлено было въ обязанность, чтобы онъ безусловно повиновался приказаніямъ своего духовенства,—въ противномъ случаѣ ему угрожали папскимъ проклятіемъ и вѣчнымъ мученіемъ въ загробной жизни. А правила эти, нужно замѣтить, составлены были такъ хитро, что касались не одного только порока пьянства, а охватывали всю жизнь и дѣятельность человѣка, а слѣдовательно и подчиняли его въ этомъ отношеніи абсолютному контролю католическаго духовенства.

Такимъ образомъ, благодаря правиламъ общества трезвости, лица католическаго исповѣданія Виленской, Ковенской и Гродненской губерній поставлены были въ безусловное распоряженіе своего духовенства, которое и направляло ихъ дѣятельность въ ту или другую сторону по личному своему усмотрѣнію, а больше всего, какъ потомъ выяснилось, противъ русскаго правительства.

Бывшій генералъ-губернаторъ Назимовъ видѣлъ все это, но не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы закрыть это общество. Ковенскій епископъ Волончевскій на предложеніе Назимова закрыть общество трезвости отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, а съ начала 1862 г. старался еще болѣе усилить вліяніе духовенства на народъ въ духѣ враждебномъ правительству.

Усмиривши мятежъ, Михаилъ Николаевичъ въ декабрѣ мѣсяцѣ издалъ циркуляръ, которымъ строго запрещалъ всѣмъ католикамъ участвовать въ собраніяхъ общества трезвости и самое общество объявилъ закрытымъ; ослушникамъ Михаилъ Николаевичъ грозилъ строгою отвѣтственностію.

II. Общество винцентинокъ. Это общество учреждено было нѣкоею Бучинскою въ 1861 г. и состояло подъ управленіемъ епископа Красинскаго. Цѣль этого общества—улучшеніе нравственности народа, но эта цѣль значилась только въ уставѣ его, для русскаго правительства; дѣйствительная же цѣль общества винцентинокъ та же, что и общества трезвости. Въ числѣ членовъ сего общества было много и

русскихъ. О вредномъ направленіи этого общества Назимовъ догадался только незадолго до пріѣзда Муравьева. Онъ попытался было закрыть его и по этому случаю издалъ циркуляръ, но на это никто не обратилъ вниманія и общество продолжало существовать, пока пріѣхалъ Муравьевъ. Муравьевъ закрылъ это общество тогда же, когда было закрыто и общество трезвости. Предъ закрытіемъ его Михаилъ Николаевичъ прежде велѣлъ арестовать главныхъ дѣятельницъ сего общества—Бучинскую, Лопацинскую и Плятеръ, которыхъ, послѣ суда, и выслалъ во внутреннія губерніи.

III. Общество благотворительное. Послѣ закрытія двухъ вышеозначенныхъ обществъ, Михаилъ Николаевичъ закрылъ еще и третье (послѣднее), существовавшее подъ названіемъ „благотворительнаго". Общество это основано было въ 1861 г. нѣкоею Домбровскою. Въ немъ участвовали почти всѣ жители Сѣверо-западнаго края посредствомъ производившихся съ нихъ поборовъ. Цѣль сего общества чисто благотворительная, именно: призрѣніе вдовъ, сиротъ и вообще бѣдныхъ. Но эта цѣль опять-таки существовала только для отвода глазъ правительства [1]); дѣйствительная же цѣль состояла въ томъ, чтобы собирать деньги на покупку оружія для мятежниковъ и вообще на образованіе революціоннаго жонда и доставленіе ему необходимыхъ средствъ для борьбы.

Михаилъ Николаевичъ закрылъ это общество въ февралѣ мѣсяцѣ 1864 года, т. е. послѣ окончательнаго усмиренія мятежа.

Уничтоженіе трехъ вышеозначенныхъ обществъ и особенно устройство крестьянъ и огражденіе ихъ отъ произвола пановъ касательно взиманія съ нихъ непомѣрныхъ оброковъ возбудили страшный вопль по всему Сѣверо-западному краю, наполнившій, по словамъ Михаила Николаевича, возгласами даже Петербургъ; а это повело къ тому, что поляки нашли сочувствіе въ Петербургѣ среди многихъ лицъ. Эти лица сильно осуждали, какъ говоритъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ, дѣйствія его, называя ихъ ретроградными, негуманными и даже вредными для края. Мало того, они даже старались подорвать довѣріе къ Муравьеву государя императора. Послѣднее дѣйствіе противниковъ Муравьева заставило его отправиться въ Петербургъ и лично просить государя объ отставкѣ; онъ дѣйствительно прибылъ туда 25-го апрѣля 1864 года [2]).

---

[1]) Члены благотворительнаго общества имѣли въ городахъ Литвы и собственные дома будто бы для призрѣнія бѣдныхъ, а на самомъ дѣлѣ тамъ почти никто не жилъ. Они устроены были тоже для отвода глазъ правительству.

[2]) Въ своихъ запискахъ М. Николаевичъ весьма рѣзко отзывается о многихъ дѣятеляхъ того времени; онъ называетъ ихъ космополитами, чуждыми любви къ Россіи. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ даже прямо обвиняетъ въ содѣй-

Въ Петербургѣ М. Н. Муравьевъ встрѣченъ былъ весьма радушно тѣми сановниками, которымъ дороги были интересы Россіи въ Сѣверо-западномъ краѣ [1]).

Недѣлю спустя послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, Михаилъ Николаевичъ представился государю императору (раньше онъ не могъ явиться—съ дороги болѣлъ). Государь императоръ принялъ его весьма милостиво и благодарилъ за хорошее управленіе краемъ. М. Н. Муравьевъ сталъ было просить императора уволить его отъ управленія Сѣверо-западнымъ краемъ, но императоръ не согласился: онъ просилъ Муравьева еще потрудиться на пользу родного отечества. Михаилъ Николаевичъ не осмѣлился ослушаться, онъ только попросилъ государя, чтобы государь утвердилъ тѣ мѣры, которыя Михаилъ Николаевичъ думаетъ провести во внутреннемъ управленіи Сѣверо-западнаго края. Государь согласился и приказалъ представить объ этомъ записку.

14 мая Муравьевъ представилъ государю свою записку, которая затѣмъ была передана для разсмотрѣнія въ совѣтъ министровъ; спустя семь дней, она была возвращена одобренною и утвержденною за весьма незначительными измѣненіями.

25-го мая Михаилъ Николаевичъ поспѣшилъ уже вернуться въ Вильну, гдѣ всѣ русскіе встрѣтили его съ необыкновеннымъ восторгомъ, потому что всѣ боялись, чтобы онъ не остался въ Петербургѣ, а вмѣсто него не назначили бы кого-либо другого.

Михаилъ Николаевичъ поспѣшилъ въ Вильну какъ потому, что ему предстояло совершить еще много дѣлъ впереди, такъ еще болѣе потому, что государь императоръ въ это время намѣревался ѣхать за границу и на пути обѣщался побывать и въ Вильнѣ. 27-го мая государь императоръ дѣйствительно проѣхалъ черезъ Вильну за границу, а 7 іюля, возвращаясь оттуда, остановился въ этомъ городѣ на одни сутки. Въ 7 часовъ утра 8-го іюля онъ сдѣлалъ смотръ войскамъ, а въ 12 часовъ дня уже выѣхалъ изъ Вильны. Его величество назначилъ столь скорый отъѣздъ изъ Вильны вслѣдствіе нежеланія принять польскихъ шляхетскихъ депутатовъ и сдѣлать для нихъ какое-нибудь снисхожденіе. Польское дворянство дѣйствительно съ нетерпѣніемъ ожидало возвращенія государя изъ-за границы, надѣясь испросить прощеніе, но никто изъ его среды не былъ принятъ государемъ. Государь императоръ не удостоилъ даже посѣщеніемъ католическаго каѳедральнаго костела, какъ прежде это дѣлалъ. Когда государь, возвращаясь со

ствіи польскимъ революціонерамъ касательно избѣжанія ими законной отвѣтственности. Насколько это справедливо—мы, конечно, судить не можемъ, это дѣло будущаго историка.

[1]) Имена лицъ, какъ сочувствовавшихъ, такъ и не сочувствовавшихъ Муравьеву, упомянуты въ его „Запискахъ“.

смотра войскъ, проѣзжалъ мимо католическаго собора, то не обратилъ на него никакого вниманія, не смотря на то, что тамъ, собравшись подъ фронтомъ собора, стояло все католическое духовенство съ крестомъ и въ облаченіяхъ. Напротивъ, государь изволилъ заѣхать въ православный Свято-Духовскій монастырь, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ со всѣмъ духовенствомъ, а при выходѣ изъ него удостоилъ принять губернатора и прочихъ виленскихъ гражданскихъ чиновниковъ.

Отъѣзжая изъ Вильны, императоръ выразилъ полное свое удовольствіе и благорасположеніе Михаилу Николаевичу за управленіе краемъ.

Въ благодарность за управленіе краемъ государь императоръ еще утромъ, на смотру войскъ, предъ фронтомъ самъ лично отдалъ честь Михаилу Николаевичу и сдѣлалъ его шефомъ Пермскаго полка, а это такая монаршая милость, какой рѣдко кто удостоивается изъ подданныхъ, но Муравьевъ, очевидно, вполнѣ заслужилъ эту милость.

По отъѣздѣ государя императора, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ приступилъ къ введенію въ Сѣверо-западномъ краѣ тѣхъ реформъ, какія разрѣшены были ему еще въ бытность его въ Петербургѣ. Въ продолженіе почти всего 1864 г. Муравьевъ производилъ эти реформы, клонившіяся къ уничтоженію польской пропаганды, ограниченію вліянія римско-католическаго духовенства на народъ и поднятію русской національности въ семъ краѣ. Въ томъ же году, по распоряженію Михаила Николаевича, упразднено было 30 католическихъ монастырей, закрыты многіе, произвольно устроенные среди русскаго населенія, съ цѣлію олатинизировать сіе послѣднее, костелы и не нужные приходы; распредѣлено до 400 тысячъ ежегодной прибавки къ жалованью православнаго духовенства; прекращено повсемѣстно въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, школахъ и публичныхъ учрежденіяхъ употребленіе польскаго языка, а рядомъ послѣдовательныхъ циркулярныхъ предписаній дѣйствія р.-католическаго духовенства подчинены строжайшему контролю мѣстныхъ властей.

Всѣ вышеозначенныя мѣры, какія употреблялъ Михаилъ Николаевичъ для упроченія русскихъ началъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, сильно подняли духъ здѣшнихъ русскихъ дѣятелей и православнаго духовенства. Даже и простой народъ сталъ содѣйствовать устройству православныхъ церквей, на сооруженіе коихъ отпущены были Михаиломъ Николаевичемъ большія суммы изъ контрибуціонныхъ денегъ. Сами католики, особенно въ Минской губерніи, цѣлыми приходами начали переходить въ православіе, съ обращеніемъ ихъ костеловъ въ православныя церкви. Словомъ, русское дѣло и православіе видимо ожили въ краѣ: повсюду стало распространяться убѣжденіе, что этотъ край искони русскій и православный, только неправильно захваченный католиками и ими насильственно олатинизированный. Мысль о возрожденіи всего русскаго сдѣлалась всеобщею—и поляки, и евреи стали

массами поступать въ правительственныя школы и изучать русскій языкъ.

Такимъ образомъ, М. Н. Муравьевъ менѣе чѣмъ въ два года весь Сѣверо-западный край изъ польско-латинскаго сдѣлалъ православно-русскимъ, за что и заслужилъ глубокую признательность русскаго народа всей имперіи. Признательность эта прежде всего выразилась въ тѣхъ многочисленныхъ адресахъ, которые доставлены были Михаилу Николаевичу со всѣхъ концовъ Россіи и отъ всѣхъ сословій. Многіе изъ этихъ адресовъ сопровождались дорогими подарками: св. иконами (преимущественно съ изображеніемъ архангела Михаила и святителя Николая), альбомами, драгоцѣнными вещами и крупными денежными суммами [1]). М. Н. Муравьевъ самъ говоритъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ: „сочувствіе ко мнѣ всѣхъ слоевъ русскаго общества такою для меня было наградою, какая превосходитъ все, что можетъ получить человѣкъ, посвятивъ себя на служеніе отечеству.

Но, не смотря на такое глубокое сочувствіе къ дѣятельности Муравьева всѣхъ слоевъ русскаго общества, нашлись люди, которые были сильно недовольны его дѣятельностью. Эти лица желали, чтобы управленіе краемъ было болѣе кроткое и снисходительное по отношенію къ полякамъ; между ними нашлись и такіе, которые, заискивая расположеніе Европы, желали бы и теперь, по словамъ самого Муравьева, видѣть эти провинціи автономными. Вслѣдствіе этого лѣтомъ 1864 г. М. Н. Муравьеву назначили помощникомъ Потапова, который въ сіе время былъ управляющимъ собственной его величества канцеляріи и начальникомъ штаба корпуса жандармовъ.

Между тѣмъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, вслѣдствіе непомѣрныхъ трудовъ, сталъ все чаще и чаще подвергаться болѣзненнымъ припадкамъ, а потому рѣшился просить отставки.

Въ началѣ марта 1865 г. Михаилъ Николаевичъ уѣхалъ въ Петербургъ, а черезъ недѣлю снова представился государю императору, которому и заявилъ о своемъ желаніи оставить управленіе краемъ, причемъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Государь согласился на отставку Муравьева, но при этомъ просилъ его указать человѣка, достойнаго сдѣлаться его преемникомъ. Михаилъ Николаевичъ указалъ на двухъ: Хрущова, бывшаго помощника своего въ управленіи, и Кауфмана, директора канцеляріи военнаго министерства. Оба эти лица, по словамъ Муравьева, отличались глубокою преданностію Россіи и

[1]) Первый сочувственный адресъ вмѣстѣ съ иконою архангела Михаила Муравьевъ получилъ отъ московскаго митрополита Филарета. По словамъ самого Муравьева, адресъ этотъ былъ для него „небеснымъ даромъ“, потому что онъ сильно поддержалъ нравственно Михаила Николаевича въ его трудной борьбѣ съ крамолою.

православію. Но такъ какъ въ это время государь торопился въ Ниццу, гдѣ находился больной наслѣдникъ, то онъ не сдѣлалъ выбора, никого не утвердилъ, обѣщаясь это сдѣлать изъ Ниццы.

7-го апрѣля государь выѣхалъ въ Ниццу, а 17-го состоялось въ Ниццѣ назначеніе Кауфмана вмѣсто Муравьева; Потаповъ по прежнему остался помощникомъ.

Вѣсть объ оставленіи М. Н. Муравьевымъ Сѣверо-западнаго края съ быстротою молніи пронеслась по сему послѣднему. Поляки, услышавъ объ этомъ, сильно обрадовались и сейчасъ же проявили свою радость тѣмъ, что снова начали устраивать манифестаціи и пѣть революціонные гимны, вездѣ показался трауръ и польскій языкъ опять сдѣлался общимъ для всего польскаго населенія; явно стало обнаруживаться презрѣніе ко всему русскому и даже къ лицамъ, занимавшимъ служебныя мѣста; словомъ, все начало показывать наступленіе въ Сѣверо-западномъ краѣ для поляковъ новой эры, и пропаганда въ краѣ, по словамъ Муравьева, стала проявляться вездѣ. Русскіе люди, видя это, стали приходить въ отчаяніе и многіе хотѣли уѣзжать внутрь Россіи. Но вотъ пріѣхалъ Кауфманъ: онъ съ первыхъ дней своего вступленія въ должность генералъ-губернатора далъ понять всѣмъ, что ни на шагъ не отступитъ отъ системы управленія своего предшественника; это сразу подняло русскихъ и обрадовало ихъ, а поляковъ ошеломило и опечалило.

Послѣ оставленія Сѣверо-западнаго края Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ не долго жилъ: по пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1866 г. умеръ.

Черезъ два года, именно 23-го ноября 1868 г., скончался другой великій дѣятель въ Сѣверо-западномъ краѣ на пользу Россіи, митрополитъ Іосифъ Сѣмашко.



